БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

От Карла Великого до Крестовых походов

(768–1096 гг.)

Составитель

М. М. СТАСЮЛЕВИЧ

3-е издание, исправленное и дополненное

ПОЛИГОН

Санкт-Петербург

АСТ • Москва

2001

ББК 63.3 (0) 4
И 90

История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–
И 90 1096 гг.) / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон»; М.: ООО «Фирма «Издательство «АСТ», 2001.– 688 с., ил. – (Библиотека мировой истории).

ISBN 5-89173-120-7 («Полигон»)
ISBN 5-17-009292-Х («АСТ»)

Это издание – вторая книга классической монументальной хрестоматии «История Средних веков», составленной известным русским историком и издателем М. М. Стасюлевичем. Она охватывает период от эпохи правления Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.), когда общество стремилось выйти из хаоса, в котором оно находилось в конце VIII века, и создать возможный для того времени порядок. Общие усилия правителей и народов завершились образованием феодального государства, где «соединилось величайшее единство... с величайшей дробностью...».

Для читателей, интересующихся историей.

ББК 63.3 (0) 4

Научно-популярное издание

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ
От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.)

Составитель М. М. Стасюлевич

Главный редактор *Н. Л. Волковский*. Редактор *И. В. Петрова.*
Технический редактор *И. В. Буздалева.* Корректор *И. С. Миляева.*
Компьютерная верстка *Е. М. Петровой.* Компьютерная графика *О. И. Орлова*

Подписано в печать 15.05.2001. Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 43,0. Усл. печ. л. 55,47. Тираж 5000 экз. Зак. № .

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.
Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23.
E-mail:polygon@spb.cityline.ru

ЛР ИД № 066236 от 22.12.98 г.
ООО «Фирма «Издательство «АСТ»,
129075, Москва, Звездный бульвар, 21

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6»,
193144, С.-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

ISBN 5-89173-120-7 («Полигон»)
ISBN 5-17-009292-Х («АСТ»)

Из предисловия к первому изданию

Произведения, описывающие события второго периода Средних веков, от Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.), резко отличаются по своему характеру от произведений историков предшествующего периода. Это обстоятельство и другие соображения заставили нас значительно отступить от приемов, которым мы следовали в первом томе. Мы начали с того, что изменили расположение частей; сначала, имея в виду более равномерность, нежели общепринятое разделение истории Средних веков на периоды, мы предполагали довести второй том до конца XII столетия, то есть до середины Крестовых походов, и включить туда же историю Востока; но важность эпохи Карла Великого, Оттона Великого и в особенности Папы Григория VII Гильдебранда заставила нас ограничиться одной Западной Европой, и притом в размере общепринятого разделения на периоды, то есть до начала Крестовых походов. Зато во втором томе мы поместили важнейшие памятники почти без сокращений: так, материалы о жизни Карла Великого, Людовика Благочестивого, Альфреда Великого, архиепископа Бруно, императрицы Аделаиды, Одилона Клюнийского, Генриха IV и многих других приведены в целости. Важнейшие хроники, как Лиутпранда, Видукинда, Титмара, Рикера, Адама, Ламберта и других, помещены с большими извлечениями, и притом не иначе, как с подробным анализом содержания всей летописи как перед началом отрывка, так и после, до конца анналов. Мы обратили особенное внимание на прологи летописцев, потому что они лучше всего характеризуют писателя и объясняют, как понимали в то время историческое искусство. Немало помещено нами также законодательных памятников, писем и произведений народной литературы того времени: так, приведены важнейшие капитулярии Карла Великого, Карла Лысого, статут Папы Николая II, письма Алкуина, Григория VII, извлечения из Старшей и Младшей Эдды, поэмы о Нибелунгах и т. д.

В остальном мы придерживались прежнего порядка: к каждой статье у нас помещается биографический и библиографический материал с изложением важнейших событий жизни автора, его отношений к своей эпохе, перечисление лучших изданий, переводов и критики его сочинений и т. д. **Годы, помещенные в начале статьи тем же шрифтом, относятся ко времени описываемого события или жизни лица; год же, расположенный непосредственно в скобках, указывает на время, в которое писал автор**; таким образом, читатель с первого взгляда может видеть, насколько близок или далек был историк к описываемому им событию.

Мы сочли необходимым поместить несколько родословных таблиц для объясне-

ния степеней родства лиц, упоминаемых летописцами. Таблицы № 1, 2 составлены по родословным писателей IX в. и хронике монаха Рикера; таблица же № 3 относится главным образом к «Антаподосису» Лиутпранда, хотя она необходима при чтении и других произведений X в.

Также прилагается «Карта Священной Римской империи, ее вассалов и соседей»; желая сделать свою карту более пригодной для чтения, мы вынуждены были, чтобы увеличить масштаб, избрать только ту часть Западной Европы, которая была во втором периоде главным театром действия и наиболее подверглась территориальным изменениям, то есть Германию, Италию, Западную Францию и Славянскую Марку. В результате мы имели возможность поместить на новой карте до 400 городов, местечек, монастырей и замков. Сама карта составлена нами по той работе Киперта, которая приложена к истории Германии В. Гизебрехта, но помечены только те места, которые упоминаются в летописях. Города, поставленные в скобках, как Мюнхен, Брюссель и другие, обозначены только для удобства ориентирования на новых картах. Особенно подробно мы старались определить Славянскую Марку, потому что она была главным театром действия от Карла Великого до Крестовых походов, и можно даже сказать, что в IX, X и XI вв. она была Палестиной Германии: в течение трех столетий, от Карла Великого до Генриха IV, туда непрерывно совершались походы, имевшие такой же священный характер, как и позднейшие Крестовые походы, потому что дело шло о распространении христианства на севере. Эта карта необходима в особенности при чтении трудов Титмара, Гельмольда, Адама Бременского и Випона.

Мы не считали возможным комментировать каждую страницу отдельно, как будто бы ничего не было сказано выше; зато само размещение статей сделано нами так, что одна служит объяснением другой; если, например, кому-то, кто читает историю завоевания Англии у Матвея Парижского, покажется упущением с нашей стороны то, что мы при упоминании летописцем какого-то Эдгара не объясняем тут же, что это была за личность, то мы имели на то основание, потому что выше у Роберта Васэ и других авторов это не только объяснено, но и приложена генеалогическая таблица. Кроме того, перед материалами о каждой эпохе мы поместили исторический обзор, объясняющий многое, что непонятно в публикации у отдельного летописца. Если бы мы решились комментировать каждую страницу, то пришлось бы множество раз повторять одно и то же, а иную страницу обратить в целое исследование. Наконец, мы не могли и думать составить такие комментарии, которые бы заменили и учебник, и преподавателя; бóльшую часть комментариев мы должны были предоставить именно последнему.

М. СТАСЮЛЕВИЧ
25 марта 1864 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПЕРИОДА

Второй период истории Средних веков, длившийся почти 300 лет, заключается между двумя великими эпохами западной образованности, временем Карла Великого и началом Крестовых походов (768–1096 гг.). Все чрезвычайное разнообразие событий этого огромного промежутка времени было направлено, однако, к одной цели, если судить по тем результатам, к которым пришло западно-европейское общество перед началом войн, предпринятых для освобождения Гроба Господня, в XII и XIII столетиях. Эти результаты прямо указывают на то, что и политические люди, начиная с Карла Великого и до самого Григория VII Гильдебранда, и первоклассные умы, и инстинкты народных масс в тот период устремлялись, помимо своих личных страстей, к тому, чтобы вывести общество из хаоса, в котором оно находилось в конце VIII в., и создать возможный для того времени порядок. Всеобщие усилия и правительств, и народов завершились созданием так называемой феодальной системы, связавшей иерархическими отношениями общество, не имевшее в себе данных ни для каких политических и гражданских гарантий нашего времени. Вся работа IX, X и XI столетий была устремлена, таким образом, к устройству подобного феодального государства, в котором соединялось величайшее единство, о каком мы не имеем более понятия в наше время, с величайшей дробностью, для которой мы у себя не нашли бы также примера. Вся Западная Европа, состоящая ныне из нескольких самостоятельных государств, получила тогда одного священного римского императора, и в то же время владетель последнего замка в несколько пядей земли пользовался всеми правами верховного властителя.

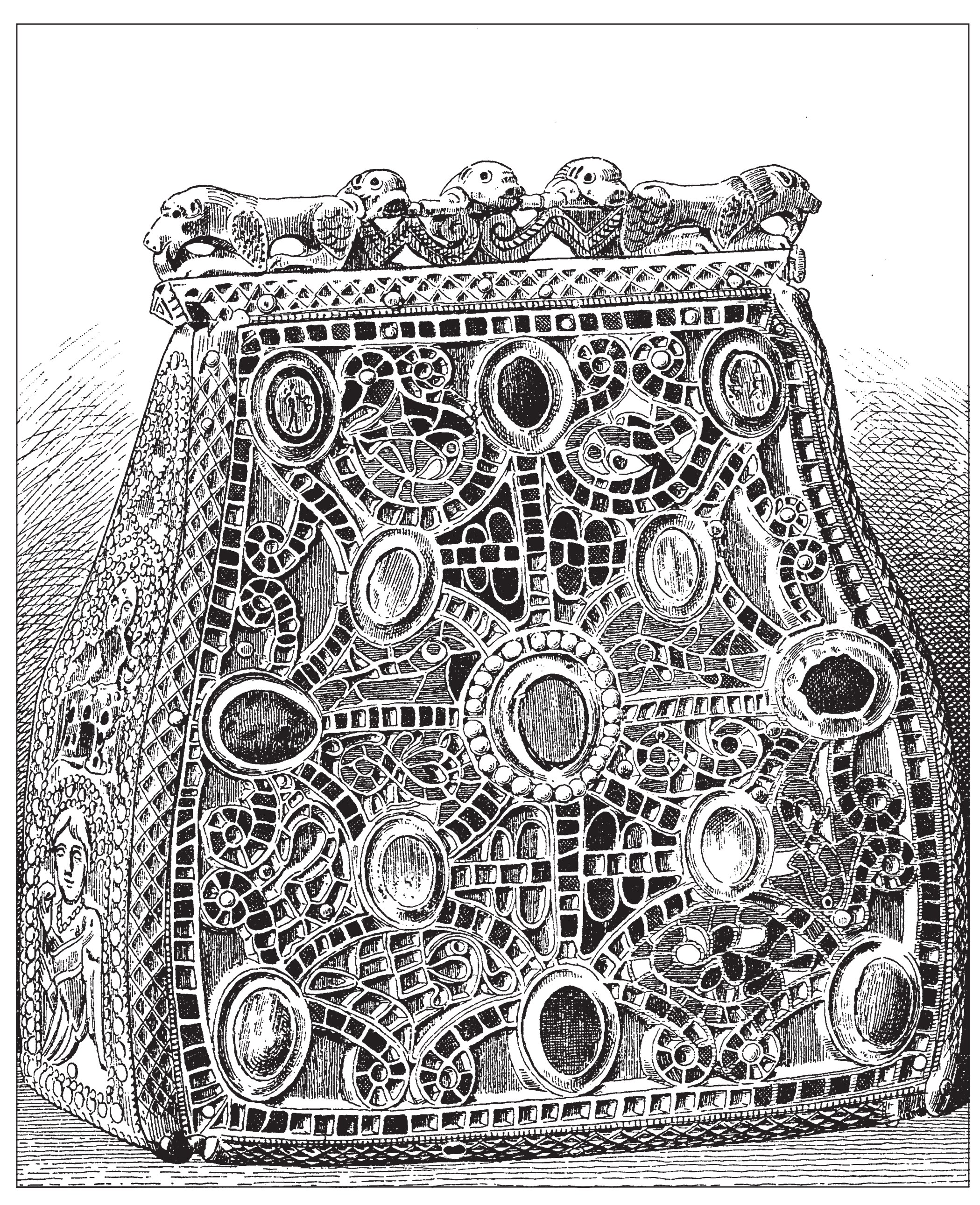
Такая двойственность политической формы государства, выработавшаяся окончательно к XII в., поддерживалась и вытекала из двойственности элементов западного европейского общества. Предания Римской империи, уцелевшие в законодательных памятниках и произведениях классической литературы, и дух католичества поддерживали единство; с другой стороны, различие народов и их интересов, происходившее из отсутствия общей цивилизации, требовали мелкой, самостоятельной жизни для каждой местности.

Карл Великий почти полувековым трудом добился торжества римских и католических идей: к началу IX в. он соединил почти всю нынешнюю Германию, Францию, Италию, кроме Южной, и Испанию до р. Эбро в одну империю; Англия хотя имела отдельных королей, но уважала имя Карла Великого, и начатые им сношения с шотландскими горцами привели бы скоро и Англию к подчинению. Власть Карла опиралась, однако, не на одно завоевание и древ-

нее наследство от римских императоров; она была еще более вселенской потому, что была освящена римским епископом, имевшим притязание на вселенское господство. Но вместе с тем Карл поставил в каждой области графов и разделил империю между сыновьями. При слабых его преемниках и многочисленности членов фамилии из-за такого устройства Карловой монархии должно было произойти ее распадение. Дети, внуки и правнуки из фамилии Каролингов носили имена императоров, но в 877 г. внук Карла Великого, Карл II Лысый, признал наследственность правительственных должностей, а по свержении его правнука, Карла III Толстого, в 888 г. отдельные группы по народностям избрали себе национальных королей, и Карлова монархия распалась на три больших (Германия, Италия и Франция) и пять малых королевств (две Бургундии, Кастилия, Арагон и Наварра). Такое распадение сопровождалось новым переселением народов с севера, а именно, норманнов, успевших во Франции, а потом и в Италии основать герцогства. Впрочем, вторжение норманнов скорее помогло осуществлению идей Карла Великого, нежели остановило его – французские норманны в XI столетии завоевали те части Западной Европы, которые не успел присоединить Карл Великий, а именно: они овладели Южной Италией, и в 1066 г. Вильгельм, герцог Нормандии, покорил Англию; благодаря этому завоеванию феодальные связи привлекли к распавшейся Карловой монархии и те последние области Западной Европы, которые ушли от рук Карла Великого. Между тем, маркграфы испанские, провозгласив себя независимыми королями Наварры, Кастилии и Арагона, к концу XI в. отняли у мусульман более половины Испании, а короли германские распространили свою власть на север в странах славянских почти до самой Вислы.

После смерти Карла III империя, однако, не прекратила своего существования: в конце IX в. и первой половине X в. итальянские и бургундские короли носили императорскую корону по очереди; их раздоры дали повод королям германским перенести этот титул на себя, и Оттон Великий в 962 г. восстанавливает империю, соединяя Италию и Германию; попытка его овладеть Францией, где еще оставались потомки Карла Великого, только ускорила их падение, и в 987 г. Франция противопоставила новым притязаниям на римское единство национальную династию Капетингов.

Среди этих раздоров королей друг с другом и в то же время среди борьбы их внутри государства с местными владетелями все, не только политические, но и нравственные связи общества ослабели, так что к началу XI в. Западная Европа представляла страшный хаос, который мог родить лишь мысль о близости светопреставления. В эту опасную минуту для единства, когда варварство и неурядица достигли последних пределов, когда попытки преемников Оттона I, как, например, Генриха III, устроить прочный порядок оказались безуспешными, является на папском престоле во второй половине XI в. Григорий VII Гильдебранд. Его идея основать вселенскую христианскую монархию под тиарой Папы вызвала упорное сопротивление со стороны представителей светской власти и, как всякая утопия, осталась без практических результатов. Но то, что не погибло во время деятельности Григория VII и произвело переворот в общественных отношениях, не зависело от его воли и было даже противно его главной цели. Он, ища себе опоры против феодального насилия, восстановил народные массы против существовавшей тогда светской власти и призвал их к участию в устройстве законности и порядка. Таким образом, к концу XI в. вне феодального государства появилась новая сила, которая до того времени не имела прав гражданства в феодальной иерархии. Это было среднее сословие (tiers-état). Недоставало только повода к поднятию новой силы для одной общей цели, которая была бы одинаково пригодна как для членов феодального государства, так и для простолюдина. Такой целью и сделалось освобождение Гроба Господня, хотя в результате оказалось, что освобождение Гроба Господня было сопряжено с освобождением масс от феодального ига и привело к включению среднего сословия в феодальное общество.



Реликварий в форме сумы Видукинда, герцога саксов. Реликварий украшен обычной и перегородчатой эмалью в золотой оправе. По преданию считается, что он вместе с крестильной чашей был подарен Видукинду Карлом Великим при принятии тем христианства. Видукинд же якобы завещал их основанному им монастырю святого Дионисия в Энгере близ Херфорда (Вестфалия)

Поэтому время Крестовых походов представляет собой третий и последний период истории Средних веков, когда феодализм, приняв в свою среду значительную часть народа как третье сословие (откуда происходит название tiers-état) к двум прежним сословиям феодальных светских и духовных баронов, достиг полного и блестящего развития, сопровождавшегося необыкновенным успехом интеллектуальных, промышленных и торговых сил: в XII и XIII вв. появились университеты, богатая народная литература, рыцарство со своими новыми общественными понятиями, купеческие конторы итальянских и немецких городов со своей всемирной торговлей и колоссальными богатствами.

Этот порядок третьего периода был результатом томительной трехвековой борьбы предшествовавшего ему отрезка времени, которое подразделяется по главным представителям его на три основные эпохи: век Карла Великого – IX столетие, век Оттона Великого – X столетие и век Григория VII Гильдебранда – XI столетие.

ЭПОХА КАРЛА ВЕЛИКОГО И РАСПАДЕНИЕ ЕГО МОНАРХИИ

(IX столетие)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВЕКА

Перед вступлением на престол Карла Великого те германские королевства, которые были основаны на развалинах Западной Римской империи, после 300-летнего существования увидели себя в том же расстроенном состоянии, в каком находился их прежний враг, Западная Римская империя, в эпоху своего падения. Внутри этих королевств основные учреждения составляли хаос из римского законодательства и германского обычного права; извне им угрожали опасные враги – и государства, и религии: с севера – их собственные языческие соотечественники, саксы; с юга – мусульмане. Карл Великий (768–814 гг.) покорил саксов, отнял до р. Эбро Испанию у мавров, ввел однообразное внутреннее устройство и символом нового единства всей Западной Европы избрал титул римского императора (800 г.).

Одна Англия не вошла в состав Карловой монархии, и потому она едва могла устоять против натиска северных варваров, норманнов, которые после смерти Карла Великого воспользовались отчасти распадом его монархии. Современник Карла Великого, один из эптархов Британии Эгберт (800–837 гг.) соединил в 827 г. всю Англию в одно государство; но при его преемниках (Этельвульфе, 837 г.; Этельбальде, 858 г.; Этельберте, 860 г.; и Этельреде, 866–871 гг.) норманны, пользуясь их слабостью, успели овладеть многими местностями, а при сыне Этельреда, Альфреде Великом (871–900 гг.), завоевали почти все королевство. Альфред Великий, освободив страну от чужеземцев, обратил все внимание на ее устройство, и в истории английской образованности занял то же место, что и Карл Великий, на материке.

После смерти Карла Великого Италия была отделена в пользу Пипина, младшего сына, от остальной империи, которую наследовал Людовик I Благочестивый (814–840 гг.). В правление Людовика начались его раздоры с детьми по поводу разделения государства и вследствие рождения Карла Лысого от второго брака. Дети Людовика, Лотарь Итальянский, Людовик Германский и Пипин Аквитанский, восстали против отца, а после его смерти вооружились против старшего брата, Лотаря I (840–855 гг.). После битвы при Фонтеноа и Страсбургского союза Карла Лысого с Людовиком Германским против императора Лотаря I и Пипина II Аквитанского братья примирились и разделили в Вердюне (843 г.) всю империю на три части: Лотарь I с титулом императора получил Италию и узкую полосу между Францией и Аквитанией. Однако отдельные графы горных провинций провозгласили себя независимыми королями: так, около Альп образовались два королевства, цис-юранская и транс-юранская Бургундии, и за Пиренеями: Кастилия, Арагон и Наварра.

После смерти Лотаря I и его часть разделилась между тремя сыновьями: Людовик III с титулом императора (855–875 гг.) получил

Италию, Карл – Прованс и Лотарь II – северную часть империи Лотаря I, названную по его имени Лотарингией (Lotharii regnum). От потомства Лотаря I к 875 г. остался в живых побочный сын Лотаря II и его наложницы Бертрады, вызвавшей первую борьбу пап с королями при Папе Николае I, Гуго. Тогда Каролинги Франции и Германии разделили между собой долю Лотаря I: Карл II Лысый (во Франции от 840 до 877 г., как император от 875 до 877 г.) получил Италию с титулом императора; после же смерти его и титул, и страна перешли к германским Каролингам (у Людовика II Германского было три сына: Людовик III, Карломан и Карл III Толстый; именно Карломан (877–884 гг.) захватил Италию, а Людовик III остался в Германии. Бездетная смерть обоих братьев соединила Италию и Германию в руках самого младшего их брата, Карла III Толстого (884–888 гг.). Между тем, и во Франции после смерти Карла II Лысого, его преемника Людовика II Косноязычного (877–879 гг.) и его сыновей: Людовика III и Карломана (879–884 гг.), остался малолетний брат последних, Карл Простой. Тогда бароны Франции предложили и французскую корону Карлу III Толстому, который таким образом восстановил единство почти всей монархии Карла Великого (884 г.). Вторжение норманнов, их знаменитая осада Парижа и постыдный договор Карла III с варварами побудили все чины империи на сейме в Трибуре низложить императора (888 г.). Каждая национальность избрала себе, помимо Каролингов, своего короля, и империя Карла Великого распалась на те же три части: во Франции был избран Одо, граф Парижский, знаменитый защитник Парижа; в Германии – Арнульф, герцог Каринтии, побочный сын Карломана, племянник Карла III Толстого; а в Италии – Беренгар I, герцог Фриульский.

Такой политической распад Карловой монархии совпадал с глубоким различием в языке, нравах и обычаях трех главных западных рас: романской в Италии, галльской во Франции и германской по эту сторону Рейна; две Бургундии, лежавшие на границах этих трех главных национальностей, были их смесью и скоро разделились между ними. Одно маркграфство Испания, по особенным условиям своего положения, достигло самостоятельности и образовало отдельную национальность – испанскую, в основу которой легли элементы романского языка. В IX столетии потомки Пелагио, вестготского короля, основавшего на северо-западе Овиедское, или Леонское, королевство, и появившиеся маркграфы Наварры ведут успешную борьбу с Кордовским калифатом и распространяют свои владения почти до р. Таго. Из королей овиедских особенно замечателен в этом отношении Альфонс III Великий (866–910 гг.).

Успехи вестготского и франкского племени в Испании основывались как на личной предприимчивости правителей, так и на деморализации кордовского правительства. Преемники основателя его Абд ар-Рахмана I (756–788 гг.) хотя и прославили себя покровительством наук и искусств, но их двор и система управления носили на себе все следы восточного происхождения. Калиф, в одно и то же время неограниченный повелитель и орудие в руках евнухов сераля, должен был рано или поздно уронить свою власть и довести государство до того распадения, которое постигло калифат в XI столетии. В эту эпоху, а именно в IX столетии, первое место по славе и блеску господства мавров в Испании принадлежит правлению Абд ар-Рахмана, или Абдерама II (822–852 гг.).

Короли Овиедо, или Леона
Пелагио. 718
Альфонс II. 791
Рамиро I. 842
Ордоньо I. 850
Альфонс III
Великий. 866–910

Короли Наварры
Санхо, первый граф. 836
Гарсия, граф. 853
Гарсия Хименес,
первый король. 857
Фортун. 880–905

Кордовские калифы
Абд ар-Рахман I. 756–788
Гакам I. 788–822
Абд ар-Рахман II. 822–852
Мухаммед I. 852–886
Аль-Музир. 888–889
Абдаллах. 889–912

Эгингард

ЖИЗНЬ КАРЛА ВЕЛИКОГО, ИМПЕРАТОРА. 742–814 гг. (в 820 г.)

Предисловие биографа

Предпринимая попытку описать общественную и личную жизнь (vitam et conversationem), равно как и значительную часть подвигов своего государя и воспитателя Карла, наилучшего и заслуженно знаменитого короля, я хотел быть возможно более кратким, но заботился и о том, чтобы не опустить ничего из дошедших до меня сведений, а вместе не обременить излишними подробностями тех, кто не любит читать новейших сочинений; едва ли, однако, есть какая-нибудь возможность неудовольствия тех лиц, которым надоедают даже и древние произведения писателей, обладавших и красноречием, и ученостью. Хотя я не сомневаюсь, что и кроме меня найдется немало людей досужных и образованных, которые не считают современное до того ничтожным, чтобы в нем предать забвению и осудить на молчание все, как недостойное памяти; но и эти люди, увлеченные

ЭГИНГАРД (EINHARDUS, или EGINHARDUS, как начали писать с XI в. 770–844). В предисловии к «Жизни Карла Великого, императора» автор дает нам понятие о своих личных отношениях к описываемому им предмету и о тех препятствиях, которые он должен был встретить в господствовавшей тогда литературной рутине. Дошедшие до нас письма, заметки, писанные на первых манускриптах сочинения Эгингарда и официальные документы времени Карла Великого служат единственным источником для описания жизни его и той роли, которую он занимал в современном ему обществе. Так, аббат монастыря Рейхенау[1] (на Констанцском озере) помещает перед манускриптом «Жизни Карла Великого» следующее известие о первоначальной судьбе Эгингарда: «Эйнгард родился в Ост-Франконии, в Майнцском округе и получил первое образование в Фульдском монастыре (ныне в Гессен-Касселе, близ истоков р. Фульды) под руководством св. мученика Бонифация (?). Оттуда аббат Баугольф (управлявший от 77? до 802 г.) перевел его во дворец Карла, который старался отыскать во всем своем государстве людей талантливых и образовать их, а Эйнгард отличался более удивительными способностями, предвещавшими его будущую ученость, нежели знатностью происхождения. Будучи мал ростом и невидной наружности, Эйнгард, за свой ум и правдолюбие, приобрел такую славу при дворе Карла, что между всеми служителями короля не было ни одного, с кем этот могущественный и мудрейший государь был бы в более близких отношениях». За исключением анахронизма о Бонифации, который умер еще до рождения Эгингарда, а именно в 755 г., краткие известия, приводимые аббатом Рейхенау, правдоподобны и оправдываются другими свидетельствами. В 782 г. Алкуин основал Палатинскую школу, когда мог в нее вступить 12-летний Эгингард, и под его-то руководством молодой человек отлично изучил впоследствии римскую литературу; произведения Цицерона, Вергилия, в особенности Светония, были ему знакомы коротко наравне с произведениями отцов церкви. Он знал хорошо греческий язык, грамматику, арифметику, так что современники считали его ученейшим человеком той эпохи. Легенда определяет официальное положение Эгингарда при дворе званием капеллана и секретаря Карла Великого; но прозвание, данное Эгингарду, лучше объясняет род его занятий. По обычаю того времени Карл и все приближенные получали классические имена древности сообразно деятельности, в которой кто отличился. Карл назывался Давидом, Алкуин – Флакком, Ангильберт – Гомером и т. д. Эгингард получил имя Веселиила, того библейского художника, о котором Моисей сказал (Исход, гл. XXXV, ст. 31, 32, 33): «И наполни его Духа Божия, премудрости, и разума, и умений всех, артитектонствовати

[1] Ошибочно называемый Страбонном; ум. в 849 г.

любовью к вековечному, желают лучше описывать знаменитые деяния других, нежели спасти славу своего имени от забвения потомства. Все это, как я полагаю, не должно было удерживать меня от предпринятого мной труда, так как, я уверен, никто не мог бы описать с такой достоверностью, как я, все, что пережито мной, и что я познал, как говорится, наглядной верой (oculata fide); сверх того, мне не могло быть известно, будет ли современное нам описано кем-нибудь другим или нет. Я предпочел бы даже вместе с другими писать об одном и том же предмете и передать его потомству, лишь бы не допустить погибнуть во мраке забвения славной жизни и знаменитых деяний, едва ли даже возможных для людей нынешнего времени,– деяний наилучшего и величайшего в ту эпоху короля. Но была еще и другая причина, думаю, не менее основательная, и которая одна по себе могла принудить меня взяться за труд: это, именно, заботы Карла обо мне, и постоянная дружба, со времени моего пребывания при дворе, его и детей; он меня так привязал к себе и сделал меня таким должником и при жизни, и за могилой, что я справедливо был бы обвинен в неблагодарности и осужден, если бы, позабыв все его благодеяния, прошел молчанием блестящие и знаменитые подвиги человека, сделавшего мне столько добра,– как будто бы он никогда не существовал, и как будто бы его жизнь не заслуживает ни литературного воспоминания, ни похвального должного слова. Конечно, для полного осуществления предпринятого мной недостаточно моих слабых и ничтожных сил: оно было бы в состоянии затруднить само Туллиановское (то есть Цицерона) красноречие.

Итак, представляю тебе, о, читатель, мой труд, назначенный для сохранения па-

---

(строить) во всех делесех древоделания, творити злато, и сребро, и медь, и ваати камени, и делати древо, и творити по всему делу премудрости». Очевидно, главная должность Эгингарда соответствовала тому, что мы ныне разумеем под министром публичных зданий. Отрывочные известия о постройке ахенского дворца и собора, где упоминается имя Эгингарда, оправдывают такую догадку. Политическая его деятельность была весьма ограниченна, но зато проявлялась в тех случаях, где Карл нуждался в людях, более преданных ему и его семейству. Так, в 806 г. Эгингард ездил в Рим, чтобы получить согласие Папы на предположенное Карлом разделение государства в случае его смерти. В 813 г. на Ахенском сейме Эгингард убедил Карла признать сына Людовика соправителем. После смерти Карла Эгингард удержал свое положение домашнего друга и при Людовике Благочестивом, сотоварище по Палатинской школе, на сестре которого, Эмме, он был женат. Еще в 815 г. молодой король дал ему и его жене в знак своего расположения города Михаельштадт в Оденвальде и Мулингейм в Майнцском округе. Тогда же Эгингард поступил в духовное звание, что дало повод Людовику наградить его снова: он получил от короля аббатства близ Гента и Руана, церковь Иоанна Крестителя в Павии и землю около Фридеслара в Гессене. Кроме того, Людовик Благочестивый, назначив сына Лотаря соправителем, дал ему в советники и руководители Эгингарда. Но открывшаяся борьба Людовика с детьми произвела такое впечатление на Эгингарда, что он с того времени удалился в свой Михаельштадт вместе с женой, которая не оставляла его и по поступлении в духовное звание, как сестра. С 820 г. появляются мистические настроения, которые отразились и на его сочинениях.

Во время междоусобия Людовика с детьми Эгингард должен был, однако, принимать на себя роль посредника и писал нередко Лотарю, но все было напрасно; с 830 г. он удалился навсегда в основанный им незадолго монастырь Зелигенштадт (на берегу Майна, на север от Дармштадта). К постигшей его болезни присоединилась смерть Эммы в 836 г., и Эгингард провел последние годы своей жизни в совершенной неизвестности до самого 844 г., когда он умер и был похоронен в Зелигенштадте рядом со своей женой. Их могилу показывали там до начала нынешнего столетия.

мяти о славном и великом муже; в этом труде ты будешь удивляться только его подвигам, да еще, может быть, тому, что я, варвар (то есть германец), весьма мало знакомый с латинской речью, подумал, что могу порядочно и толково написать что-нибудь по-латыни, и дошел до такого бесстыдства, что, по-видимому, пренебрег тем, что сказал Цицерон о латинских писателях, как мы то читаем в его *Книге тускуланских бесед:* «Взять на себя облечение в литературную форму своих размышлений и не уметь ни расположить их, ни отделать, ни обставить интересно для читателя может один человек невоздержный на досуг и писательство (hominis est intemperanter abutentis et otio, et literis)». Такое изречение великого оратора было бы в состоянии остановить меня, если бы я еще прежде не решился лучше испытать на себе суд людской и пожертвовать своей литературной репутацией, нежели, щадя самого себя, не сохранить памяти о столь великом муже.

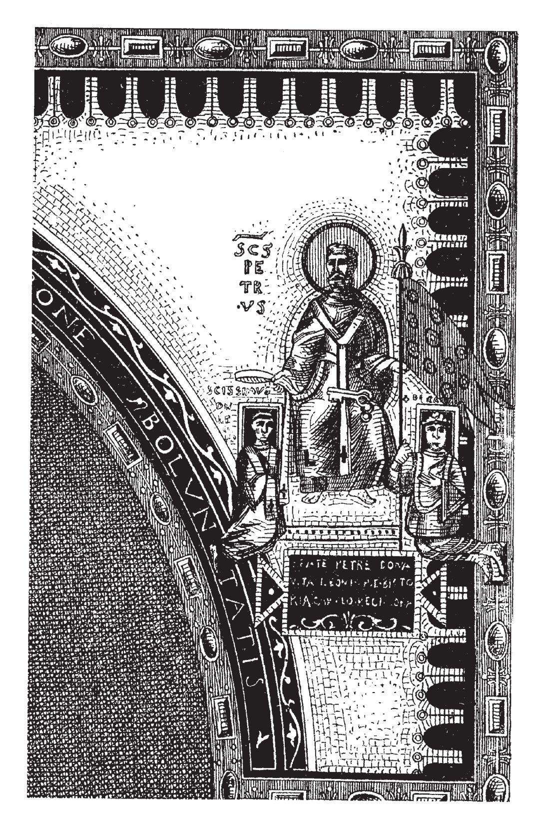
<...>[1]

4. Не считая удобным говорить о рождении[2], детстве и даже отрочестве Карла, так как нет для того никаких письменных

[1] Мы опускаем здесь первые три главы, где автор делает краткий обзор событий, предшествовавших единодержавию Карла (см. «Ленивые короли»).

[2] На основании других показаний, Карл Великий родился в 742 г., с чем, впрочем, согласны известия, сообщаемые самим Эгингардом (гл. 30) о смерти Карла на 72-м году от рождения, в 814 г. В одном старинном календаре IX в., составленном в монастыре Лорш, 2 января отмечено днем рождения Карла. Место же его рождения совершенно неизвестно и оспаривается многими народами: Париж, Ингельгейм, Вормс, Карлсберг в Баварии и многие другие делают на то притязания, не подкрепляемые, впрочем, никакими положительными свидетельствами.

Литературная деятельность Эгингарда происходила между 815 и 830 гг., но блестящая ее эпоха ограничивается только первыми пятью годами, от 815 до 820 г., когда были им написаны: «Жизнь Карла Великого, императора» – сочинение, составляющее эпоху в исторической литературе, и «История саксов» – это сочинение не дошло до нас, и его приписывают Эгингарду только потому, что на него ссылается историк XI в. Адам Бременский (см. о нем ниже). Первый же его труд, дошедший до нас во многих рукописях, по своему содержанию и форме принадлежит к числу замечательнейших произведений Средних веков. «Жизнь Карла Великого» была написана Эгингардом вскоре после смерти Карла, когда автору было уже 45 лет от роду, и во всяком случае ранее 820 г., потому что она помещена в найденном каталоге аббатства Рейхенау, который был составлен в 821 г. Это сочинение доказывает глубокое знание классической литературы древности; Эгингард старался подражать в особенности Светонию, заимствуя у него целиком даже целые выражения, и потому «Жизнь Карла Великого» остается главным памятником попытки возрождения древней литературы. Вторая эпоха литературной деятельности Эгингарда под влиянием политических общественных бедствий того времени носит на себе мистический и подражательный характер. Около 830 г. он написал *Annales a mundi exordio ad a*. Chr. 829; эта хроника была ничем другим, как копией с *Annales Laureshamenses* до 788 г., продолженных в том же стиле до 829 г. В то же время было написано им другое сочинение: *De translatione ss. mart. Marcellini et Petri*, по поводу перенесения этих мощей из Италии в монастырь Эгингарда. Бóльшая часть писем Эгингарда из 63, дошедших до нас, относится к этой же, второй, эпохе и потому не имеет политического значения. Труды *Annales* – у: *Pertz*. Monum. I, 135–218; *Vita Karoli Magni* – у: *Pertz*. Monum. II, 443–463; *Translatio* и *Epistolae* изданы вместе с первыми двумя и при французском переводе у *Teulet*. Oeuvres complets d'Eginhard, réunies pour la premiere fois et traduites en francais. Par. 1840–43. 2 vol.. Последнее отдельное издание: *Einhardi Vita Karoli Magni in usum scholarum ex Monumentis Germ*. ed. Pertz. Hannov. 1863. Немецкий перевод Абеля помещен в Lieferung 8: *Die Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit*. Berl. 1850. Исследования: *Schlegler.* Kritische Untersuchung des Lebens Eginhards. Bamberg. 1836.



Одно из древнейших изображений Карла Великого. Мозаика IX в. Рим. Латеран, триклиний Льва III

показаний, ни очевидцев, которые взяли бы на себя труд сообщить о том сведения, я, отложив в сторону недостоверно известное, решился приступить прямо к изложению и объяснению деяний Карла, его характера и прочих сторон жизни. А именно я начну с его внутренней и внешней деятельности; далее скажу о характере и наклонностях, и, наконец, перейду к его администрации и смерти, не опуская в своем повествовании ничего, что заслуживает быть известным и о чем необходимо знать.

5. Из всех войн, которые вел Карл, самая первая была война аквитанская (769 г.), начатая еще его отцом, но неоконченная; он предпринял ее в надежде скоро окончить, еще при жизни брата (Карломана), которого даже просил явиться к нему на помощь. Хотя брат и обманул его своими обещаниями, но он, несмотря на то, деятельно продолжал предпринятый поход и решился окончить дело не прежде, пока своим постоянством и твердостью не достигнет того, чего домогался. Карл принудил Гунольда, который после смерти Вайфария занял Аквитанию и сделал попытку к возобновлению почти уже оконченной войны, оставить эту страну и бежать в Гасконию (Wasconia). Не оставляя Гунольда и там в покое, Карл перешел р. Гаронну и потребовал через послов у Лупа, герцога Гасконии, выдачи беглеца; в случае, если Луп замедлит удовлетворением его требования, Карл грозил ему войной. Но Луп, следуя более здравым советам, не только выдал Гунольда, но и сам, вместе со всей областью, признал над собою власть Карла (769 г.).

6. По окончании этой войны и устройстве дел в Аквитании, когда брат его, бывший соправителем, умер, Карл начал войну с лангобардами, вследствие настояния и просьб римского епископа Адриана. Такая же война еще прежде (756 г.) велась его отцом (Пипином Коротким) по приглашению Папы Стефана и стоила ему больших усилий, потому что некоторые из знатнейших франков, с кем он обыкновенно совещался, были до того несогласны с его волей, что, не стесняясь (libera voce), объявили свое намерение оставить короля и возвратиться домой. Тем не менее война была тогда объявлена королю (лангобардов) Айстульфу и в короткое время окончена. Хотя причина войны у Карла и у его отца была подобная, или, лучше сказать, одна и та же, но при всем том обе войны были ведены не с одинаковыми трудностями и имели совершенно различные последствия. Пипин заставил короля Айстульфа, после нескольких дней осады Тицина (ныне Павия), дать заложников и возвратить отнятые у жителей Рима города и крепости, взяв с него клятву не покушаться на новое их завоевание. Карл же, начав войну, не прежде остановился, как принудив сдаться Дезидерия, утомленного продолжительной осадой, а сына его, Адальгиза, на которого все возлагали свои надежды, заставил оставить не только государство, но и Италию (774 г.); все отнятое у жителей Рима Карл возвратил им; Ру-

одгавза, наместника Фриульского герцогства (Forojuliani ducatus), замышлявшего новое восстание, усмирил (776 г.); всю Италию подчинил своей власти и покоренной земле дал в короли своего сына Пипина. Я охотно описал бы при этом случае, как затруднителен был переход Карла через Альпы при его походе в Италию и с каким трудом приходилось франкам достигать неприступных горных вершин, утесов, высящихся до облаков, и обрывистых скал, если бы не предположил в этом труде обратить больше внимания на частную жизнь Карла, нежели на веденные им войны. Конец войны лангобардской был тот, что Италия покорилась, король Дезидерий и его сын Адальгиз были изгнаны навсегда из Италии, а земли, отнятые у королей лангобардских, возвращены Адриану, правителю (rectori) Римской церкви (то есть Папе).

7. По окончании дел с Дезидерием саксонская война, как бы на время приостановившаяся, возобновилась с прежней силой. Из всех войн, предпринятых франками, ни одна не была ведена так упорно, жестоко и с таким потерями, потому что саксы, как почти все народы, населявшие Германию, свирепые по нравам, преданные служению злым духам (daemonum) и враждебные нашей религии, не считали бесчестным нарушать и осквернять божеские и человеческие права. Были и другие причины, которые содействовали ежедневному нарушению мира: наши границы и их, на ровных местах, были почти везде смежные, за исключением немногих пунктов, где франкские поля отделялись ясно от саксонских или обширными лесами, или промежуточными хребтами гор; на сопредельных же границах сменялись поочередно убийства, грабежи и пожары. Такими злодеяниями саксов франки были раздражены до того, что, наконец, сочли необходимым не только платить им злом за зло, но и предпринять против них открытую войну. Итак, началась с ними война, которая продолжалась 33 года (772–804 гг.) при сильнейшем ожесточении с той и другой стороны, но все же к большему вреду саксов, нежели франков. Она могла бы окончиться и ранее, если бы не вероломства саксов. Трудно исчислить, сколько раз они, побежденные, с мольбой о помиловании, покорялись королю, обещая исполнить предписанное им, выдавая немедленно требуемых заложников, принимая отправляемых к ним послов; сколько раз они были до такой степени усмиряемы и размягчаемы, что давали даже обещание оставить поклонение злым духам и выражали желание принять христианскую религию. Но сколько раз они соглашались на это, столько же раз с поспешностью и нарушали свое слово, так что трудно было бы сказать наверное, к какой из этих двух религий они имели более склонности; не проходило года со времени объявления войны, чтобы саксы не успели обнаружить своего непостоянства. Но твердость короля и его настойчивость, равные и в счастье, и в несчастье, не могли быть побеждены их изменчивостью: он оставался непреклонным в том, что раз начал, и не допускал того, чтобы какая-нибудь из их проделок в том роде оставалась безнаказанной: или предводительствуя сам лично, или посылая войско под начальством своих графов, он мстил за измену и взыскивал с них соответственное удовлетворение, пока, наконец, поразив всех, которые оказывали сопротивление, и подчинив их своей власти, не перевел 10 тысяч человек из тех, которые жили по обоим берегам Эльбы, вместе с их женами и детьми, и не расселил их по различным частям Галлии и Германии. По предложении этой меры королем и по принятии ее саксами война, тянувшаяся столько лет, была, как известно, окончена, с тем, чтобы саксы, отказавшись от служения злым духам и бросив обряды отцов, приняли христианскую веру и таинства религии и, соединившись с франками, составили вместе с ними один народ.

8. Хотя саксонская война тянулась долгое время, но сам Карл лично сразился с неприятелем не более двух раз[1]: однажды у горы Осненги, при месте, известном под названием Теотмелла (ныне Детмольд), а в другой раз у речки Газы[2]; оба эти сражения

[1] Биограф, говоря так, разумеет одни генеральные сражения, как то видно из его же последующих слов в этой главе.

[2] Близ Оснабрюка; в Средние века это место называлось Schlachtvürderberg, а ныне die Clus.

произошли в течение одного месяца, за несколько дней. В этих битвах неприятель был до того поражен и разбит, что не осмеливался более ни вызывать короля на бой, ни отражать его нападения, если само место не было удобно для защиты. Однако в эту войну погибло много знатных людей, занимавших высокие должности, как со стороны саксов, так и со стороны франков. Наконец, война прекратилась после 33 лет борьбы (804 г.); но в продолжение этого времени было, кроме того, объявлено франкам столько тягостных войн с различных сторон и все они были так удачно окончены, благодаря искусной деятельности короля, что, размышляя о всем случившемся, справедливо можно недоумевать: чему должно более удивляться в короле — его ли терпению, с которым он переносил труды, или его счастью. Саксонская война началась за два года до итальянской, и при беспрерывном ее продолжении ничего не было упущено из внимания в других войнах и ни в чем не обнаружилось послабления, несмотря на всю обременительность борьбы. Причина заключается в том, что король, превосходя умом и характером всех современных ему властителей народов, во всех своих предприятиях и в их выполнении не отступал назад от страха перед трудностями или опасностями. Он, умея терпеть и выносить все сообразно обстоятельствам, не падал духом в несчастье и среди удач не поддавался ложному и льстивому счастью.

9. Между тем как велась деятельная и почти беспрерывная борьба с саксами, Карл, расположив в удобных местах гарнизоны по их границам, отправился (778 г.) с огромными военными силами в Испанию, перешел вершины Пиренеев и, овладев всеми городами, к которым только подступал, а крепости принудив к сдаче, благополучно и без потерь возвратился с войском; только в самом проходе Пиренеев на обратном пути пришлось ему несколько испытать гасконское вероломство. Когда войско двигалось растянутым строем, как то требовала местность и расположение теснин, гасконцы, устроив засаду на вершинах гор – место же то при густоте лесов, которые растут там в изобилии, весьма удобно для засады,– напали сверху на заднюю часть обоза и на отряд, прикрывавший его, опрокинули его в долину, и, завязав бой, убили всех до одного, разграбили обоз и под покровом наступившей ночи с быстротой рассеялись в различные стороны. В этом деле гасконцам помогли и легкость их вооружения, и положение местности, на которой происходил бой; напротив того, тяжелое вооружение и неровность поля битвы ставили франков во всех отношениях ниже гасконцев. В этом сражении пали Эггигард, королевский стольник (regiae mensae praepositus), Ансельм, пфальцграф (comes palatii), и правитель Бретани (Brittanici limitis praefectus) Роланд (Hruodlandus). И это дело не могло быть отомщено на месте, потому что неприятель, исполнив свое намерение, рассеялся так, что о нем не осталось и слуха, где его искать[1].

10. Карл усмирил (786 г.) также и бретонцев (Brittones), живших на западе, в отдаленной части Галлии по берегам океана; они оказали неповиновение ему, и он отправил против них войско, которое принудило их дать заложников и обещание выполнять все, что будет повелено. Сам же после того вступил в Италию и, пройдя через Рим, подошел к Капуе, городу Кампании, где и расположился лагерем, угрожая войной беневентинцам, если они не сдадутся. Но герцог этого народа, Арагиз, предотвратил войну, отправив навстречу королю сыновей своих, Румольда и Гримольда, с большой суммой денег и с просьбой взять их в заложники, сам же обещал вместе с народом исполнять всякие повеления, исключая, если Карл потребует от него явиться лично. Король, обращая более внимания на пользу народа, нежели на упорство одного лица, принял предложенных ему заложников, и вследствие полученной им большой суммы денег согласился не требовать от Арагиза явиться лично. Даже из сыновей был удержан заложником только один младший, а старшего он отпустил и, отправив послов для истребования и принятия присяги в верности у беневентинцев вместе с

[1] См. ниже, «Песнь о Роланде».

Арагизом, возвратился в Рим; проведя там несколько дней для поклонения святым местам, Карл прибыл в Галлию.

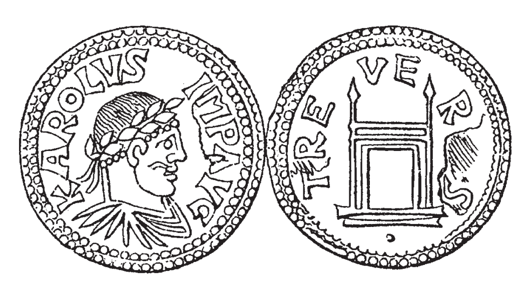
11. Вслед за этим (788 г.) внезапно началась баварская война, которая имела скорый конец. Причиной ее было высокомерие и безрассудство герцога Тассилона; под влиянием своей жены (Лиутберги), дочери короля Дезидерия, которая рассчитывала при помощи мужа отомстить за изгнание отца, он попытался, заключив союз с гуннами, восточными соседями байоваров (жителей Баварии), не только оказать неповиновение, но и объявить войну королю. Раздраженный Карл не мог перенести такой дерзости, которая ему казалась чрезмерной, и вследствие того, собрав отовсюду войско, напал на Баварию, и сам с огромной армией подошел к р. Лех. Эта река отделяет байоваров от аламанов. Расположившись лагерем на ее берегах, Карл, не вступая в саму область, попытался через послов разведать о намерениях герцога. Но Тассилон и сам не считал полезным ни для себя, ни для своего народа дальнейшее сопротивление, изъявил королю покорность и дал требуемых заложников, в их числе и сына своего Теодона; сверх того герцог клятвенно обещал, что не согласится, несмотря ни на какие увещания, восстать против власти Карла. Таким образом, был положен скорый конец войне, которая, казалось, примет большие размеры. Однако Тассилон был вскоре после того призван к королю и не получил свободы возвратиться, а провинция, которой он владел, не была более вручена управлению другого герцога, но отдана нескольким графам.

12. По окончании всех этих беспокойств началась борьба со славянами (Sclavis), которые по-нашему называются вильцы (Wilzi), а по-своему, то есть на своем языке,– велатабы (Welatabi). В этом походе в числе прочих народов, следующих по приказанию за королевскими знаменами, участвовали и саксы в качестве союзников, хотя и с притворной, мало преданной покорностью. Причина войны заключалась в том, что ободриты, некогда союзники франков, оскорбляли их беспрерывными набегами и не могли быть удержаны одними приказаниями. От Западного океана протягивается на восток залив[1]; длина его неизвестна, а ширина нигде не превышает 100 тысяч шагов и во многих местах еще уже. По берегам этого залива живет множество народов, а именно: даны (жители Дании), свеоны (жители Швеции), которых мы называем норманнами; они занимают северный берег и все острова по его протяжению. Но восточный берег населяют славяне, аисты (Aisti, то есть эсты, жители Эстонии, названные у Тацита, Germ. 45, Aestye), и другие различные народы; между ними первое место занимают велатабы, которым в то время король объявил войну. В один поход, предводительствуя лично войском, Карл так поразил и укротил их, что они другой раз не считали полезным отказываться от повиновения (789 г.).

Ювелирное украшение. Дар Карла Великого церкви Раковины

13. Из всех войн, какие были предприняты Карлом, если исключить саксонскую, то самой важной была та, которая последовала за войной со славянами, а именно, против аваров и гуннов. Эта война потребовала от него и больших усилий, и гораздо больших издержек (majori apparatu). Но

[1] Автор говорит таким образом о Балтийском море.



Монета Карла Великого. Позолоченное серебро. Подпись по кругу на латыни: «Император Август»

лично Карл сделал только один поход в Паннонию – именно эту страну и населял тот народ; прочие же походы он поручал своему сыну Пипину, областным правителям, даже графам и послам. Благодаря деятельным распоряжениям этих лиц на восьмой год войне был положен предел. Сколько было дано битв, сколько пролито крови, можно судить по тому, что в Паннонии не оставлено в живых ни одного человека, а место, где было королевское жилище Кагана, опустошено до того, что там не осталось и следов человеческой жизни. Вся знать гуннов погибла в этой войне, и вся их слава исчезла. Все деньги и накопленные продолжительным временем богатства разграблены, так что никто не запомнит, чтобы была объявлена франкам какая-нибудь война, в которой они могли бы более приобресть и обогатиться. До того времени франки считались почти бедными, а теперь они нашли столько золота и серебра в королевском дворце и в битвах овладевали такой драгоценной добычей, что по справедливости можно считать, что франки законно исторгли у гуннов то, что прежде гунны исторгали незаконно у других народов. В этой войне погибли только двое из знатных франков: Эрик, герцог Фриульский, у приморского города Фарсатики (ныне Теркач, близ Фиуме) в Либурнии, захваченный врасплох засадой, сделанной городскими жителями, и Герольд, правитель Баварии, который был убит неизвестно кем в Паннонии в то самое время, когда, готовясь к бою с гуннами, строил войско, объезжал ряды и увещевал каждого поодиночке; вместе с ним были убиты еще двое, сопровождавших его. Впрочем, для франков эта война не стоила много крови и имела счастливый конец, хотя по своим размерам тянулась долее обыкновенного (799 г.).

14. После того окончилась и саксонская война (804 г.), принеся результаты, соответственные своей продолжительности. Войны богемская и линонская (boemanicum et linonicum)[1], открывшиеся вслед затем, не могли продолжаться долго; обе окончились скоро, под предводительством Карла Юного[2]. Последняя война была предпринята против норманнов, называемых данами; сначала они вели жизнь пиратов, а потом, заведя большой флот, начали опустошать берега Галлии и Германии. Их король Готфрид до того был обольщен пустою надеждой, что думал о подчинении своей власти всей Германии, а Фризию и Саксонию считал не иначе, как своими провинциями; абодритов же, своих соседей, уже покорил и сделал своими данниками. Он хвастался даже, что в скором времени нападет с огромными силами на Ахен (Aquasgrani), где была королевская столица (regis comitatus); его словам, хотя и тщеславным, не совсем не верили, даже думали, что он предпримет что-нибудь подобное, если бы не его внезапная смерть. Он был убит собственным телохранителем, тем самым ускорился конец и начатой им войны.

15. Вот те войны, которые вел король в различных частях своих земель с величайшим благоразумием и счастьем в течение 47 лет,– а он именно столько лет и царствовал. Этими войнами королевство франков, которое он получил уже после отца Пипина великим и сильным, было им расширено так значительно, что можно сказать – он прибавил почти половину. До Карла государство состояло не больше, как из той части Галлии, которая лежит между Рейном и Луарой, Океаном и Балеарским (то есть частью Средиземного) морем, и из части Германии, которая расположена между

---

[1] Линоны были одним из славянских племен и жили между Эльбой и Одером.

[2] Старший сын Карла Великого, умерший при его жизни.

Саксонией и Дунаем, Рейном и р. Салой, отделяющей турингов от сорабов, и которая населена так называемыми австразийскими франками (Franci prientales); сверх того, под властью Франкского королевства находились аламаны и байоварии (бавары). Карл же вследствие упомянутых войн овладел сначала Аквитанией, Гасконией, всем хребтом Пиренейских гор и далее до р. Эбро, которая вытекает из области наваррцев и, орошая плодоноснейшие поля Испании, впадает у стен Дертозы в Балеарское море; потом завоевал всю Испанию, которая от г. Августы Претории (ныне Аоста) до нижней Калабрии, где, как известно, проходит граница между владениями греков и беневентинцев, простирается на тысячу и более миль в длину; затем Саксонию, которая составляет немалую часть Германии, и, полагают, в ширину будет вдвое более всей страны, населяемой франками, а в длину равняется с ней; далее, обе Паннонии и лежащую на том берегу Дуная Дакию, Истрию, Либурнию и Далмацию, исключая приморские города, которыми владеть допустил константинопольского императора из дружбы к нему и вследствие заключенного с ним союза. Наконец, Карл покорил все варварские и дикие народы, которые населяют Германию между реками Рейном и Вислой, Океаном и Дунаем, сходные по языку, но по нравам и обычаям весьма различные; и он смирил их так, что они были принуждены сделаться его данниками. Между ними основные народы – велатабы, сорабы, ободриты, богемцы (Boemanni), и потому он вел войну с ними; других же, число которых гораздо больше, принял просто в подданство.

Свинцовая печать Карла Великого

16. Карл увеличил славу своего царствования приобретенной им дружбой некоторых королей и народов. Он вступил в такие тесные отношения с Гадефонсом[1], королем Галисии и Астурии, что последний, отправляя к Карлу письмо или послов, приказывал называть себя в этих случаях не иначе как преданным ему (proprium suum). Даже королей скоттов (то есть шотландских) он умел щедростью подчинить своей воле так, что они его величали не иначе как господином, а о себе говорили, как о подданных и рабах. Существуют письма от них к Карлу, в которых выражена подобная преданность их королю. Аарон[2], король персов, владевший всем Востоком, за исключением Индии, был так дружественно расположен к Карлу, что предпочитал его любовь приязни всех королей и князей на земном шаре и считал его одного достойным уважения и даров. Впоследствии, когда послы Карла, отправленные им с дарами к святейшему Гробу Господа и Спасителя нашего в места его воскресения, явились к Аарону и изложили ему желание своего государя, Аарон не только разрешил все, о чем его просили, но и уступил во власть Карла (ut illius potestati adscriberetur, concessit) саму святыню и место спасения; при возвращении послов Аарон, присоединив к ним своих, вручил им для Карла в числе одеяний, ароматов и других богатств Востока огромные дары, и незадолго перед тем послал ему слона, о котором тот просил его, хотя и сам Аарон имел в то время одного. Даже константинопольские императоры, Никифор, Михаил и Лев, ища весьма охотно его дружбы и союза, отправляли к нему часто послов. Когда же принятый Карлом титул императора возбудил в них сильное подозрение, как будто бы Карл тем самым обнаруживает замыслы отнять у них империю, он вступил с ними в тесный союз, чтобы между обеими сторонами не было никакого повода к разрыву. Греки и рим-

[1] Альфонс II, 791–842.

[2] Гарун-аль-Рашид, калиф Багдадский.

ляне всегда смотрели недоверчиво на могущество франков, откуда произошла та греческая поговорка:

ΤΟΝ ΦΡΑΝΚΟΝ ΦΙΛΟΝ ΕΧΙΣ,
ΓΙΤΟΝΑ ΟΥΚ ΕΧΙΣ[1].

17. Будучи столь великим в деле расширения государства и покорения чуждых народов и озабоченный подобного рода трудами, Карл, однако, успел положить начало многому для пользы и украшения государства в различных местах, и даже отчасти привел к окончанию. В числе таких предприятий по справедливости могут занимать первое место: собор (basilica) Св. Богородицы в Ахене удивительной работы и мост в Майнце через Рейн в 500 шагов длины – такова ширина реки в том месте. Но мост сгорел за год до его смерти, и не мог быть возобновлен по случаю скорой кончины Карла, между тем, он имел намерение построить каменный на месте деревянного. Карл положил основание и дворцам отличной архитектуры: один недалеко от Майнца, близ виллы, называемой Ингельгейм, а другой в Неймагене (Noviomagi), на р. Ваале, которая омывает южные части острова Батавов. Но особенно Карл заботился о том, чтобы отдавать приказания епископам и священникам, на которых было возложено попечение о церквах, чтобы они восстанавливали повсюду те храмы, об упадке которых доходили до него известия, и отправлял послов для наблюдения за исполнением его приказаний. Строил также и флот для норманнской войны, снаряжая с этой целью суда по рекам, которые из Галлии и Германии текут в Северный океан. А так как норманны постоянно опустошали берега Галлии и Германии, то Карл во всех портах и устьях рек, которые были судоходны, устроил стоянки и сторожевые суда и такими мерами воспрепятствовал вторжению неприятеля. То же самое было сделано на юге по берегам Нарбоннской и Септиманской провинций, даже по всему прибрежью Италии и Рима, против мавров, незадолго перед тем начавших грабежи. И, таким образом, в его время ни Италия от мавров, ни Галлия и Германия от норманнов не понесли важных потерь, исключая двух случаев, когда Чивита-Веккия (Centumcellae), город Этрурии, была взята изменой и опустошена маврами, и во Фризии несколько островов у германского берега были ограблены норманнами.

18. Такова была, как известно, деятельность Карла в охранении, расширении и украшении своего государства. Должно удивляться и его талантам, и высокой твердости его духа во всех случаях жизни, и в благоприятных, и во враждебных ему.

Теперь я начну рассказ *о других обстоятельствах*, относящихся к его внутренней и личной жизни.

После смерти отца, разделив государство с братом, Карл с таким терпением переносил его коварство и злобу, что все удивлялись, как все это может не возбуждать его гнева. Потом, женившись, по убеждению матери, на дочери Дезидерия, короля Лангобардского, он развелся с ней по прошествии года неизвестно по какой причине и взял в жены Гильдегарду из швабского племени знатного происхождения; от нее он имел трех сыновей – Карла, Пипина и Людовика, и столько же дочерей – Гертруду, Берту и Гизелу. Кроме того, Карл имел еще трех дочерей – Теодераду, Гильтруду и Руодгайду; первых двух – от жены Фастрады из племени автразийских франков, а третью – от какой-то наложницы, имени которой не припомню. После смерти Фастрады он женился на Лиудгарде из Аламании, но не имел от нее детей. После смерти Лиудгарды Карл имел трех наложниц: Герзуинду из Саксонии, давшую ему дочь Адальтруду, Регину, которая родила ему Дрого и Гуго, и Адалинду, родившую Теодориха. Мать Карла, Бертрада, дожила до старости и пользовалась у него большим уважением; он весьма чтил ее, и между ними никогда не происходило ссоры, кроме случая, когда он развелся с дочерью Дезидерия, короля лангобардов, на которой Карл женился по ее настоянию. Она умерла после смерти Гильдегарды, после того, как уже

---

[1] То есть «франка другом имей, соседом не имей». Греческие ει и η автор произносил как ι.

видела в доме своего сына трех внуков и столько же внучек; Карл похоронил ее с большими почестями в том самом храме в Сен-Дени (apud sanctum Dionisium), где был положен его отец. У Карла была единственная сестра по имени Гизела, отданная с детских лет на служение Богу, и он почитал ее наравне с матерью, она умерла за несколько лет до его смерти, в том же самом монастыре, где и жила.

19. Детей своих Карл воспитывал так, что как сыновья, так и дочери сначала занимались теми науками (liberalibus studiis), над которыми он и сам трудился. Потом, по обычаю франков, он приказал обучать своих сыновей, как только позволил их возраст, ездить верхом, владеть оружием и охотиться, а дочерей приказано было занимать пряжей льна за прялкой и веретеном и, чтобы они не коснели в праздности, заставлять их трудиться и назидать их на всякое добро. Из своих детей он потерял еще до своей смерти двух сыновей и одну дочь: самого старшего, Карла (ум. в 811 г.), Пипина, поставленного королем Италии (ум. в 810 г.) и Гертруду (ум. в 810 г.), старшую из дочерей, сговоренную за греческого императора Константина. Пипин оставил после себя одного сына Бернгарда и пять дочерей: Аделаиду, Атулу, Гунтраду, Бертаиду и Теодераду. Король дал им большое доказательство своей великой милости и после смерти сына уступил внуку наследство отца, а внучек взял на воспитание вместе со своими дочерьми. Карл по великодушию, которым особенно отличался, никогда не мог переносить равнодушно смерти своих сыновей и дочерей, и при своем мягкосердечии, которым не менее славился, доходил до слез. При известии о смерти римского первосвященника Адриана, бывшего одним из главных его друзей, Карл оплакивал его так, как будто бы он потерял дорогого сына или брата. Он был весьма доступен для дружбы: легко принимал в число друзей, оставался постоянным и свято сохранял уважение к тем, с кем однажды вступил в близкие отношения. О воспитании сыновей и дочерей Карл заботился так, что, будучи дома, никогда не обедал без них, никогда не отправлялся в путь иначе, как вместе с ними; сыновья ехали подле него верхом, а дочери следовали позади, и их поезд охранялся особо для того назначенным отрядом из числа телохранителей. Дочери были весьма красивы и так им любимы, что – удивительно сказать – он не хотел ни одной из них выдать ни за своего, ни за чужестранца, но держал всех у себя дома до самой смерти, говоря, что он не может без них жить. И вследствие того, будучи во всем счастливым, Карл с этой стороны испытал злобу превратной судьбы; но он умел делать вид, как будто не существовало никакого слуха или подозрения насчет которой-нибудь из дочерей[1].

20. У Карла был сын по имени Пипин, рожденный от наложницы, о которой я еще не упоминал, весьма красивый с лица, но обезображенный горбом. Когда отец, предприняв войну против гуннов, зимовал в Баварии, он, сказавшись больным, составил заговор против Карла вместе с несколькими из знатных франков, увлекших его пустыми обещаниями возвести на престол. По открытии заговора и наказании участников Карл дозволил Пипину сообразно его желанию предаться религиозной жизни и постричься в Прюмском монастыре[2]. Еще и прежде того был составлен большой заговор против Карла в Германии, виновники которого были частью ослеплены, а остальные без повреждения членов отправлены в ссылку; ни один из них не был умерщвлен, за исключением трех, которых нельзя было иначе взять, потому что они защищались, обнажив мечи, и даже убили нескольких. Но причина и происхождение этих заговоров заключались в жестокосердии Фастрады, и в тех обоих случаях крамола произошла

---

[1] Двор Карла Великого вообще не отличался строгой нравственностью, и хотя в XII столетии Карл был причислен к лику святых, но в ближайшем к нему поколении, вскоре после его смерти, явилось предание о сне одного монаха, который видел Карла Великого в аду, наказанного за распущенность жизни. Намек, высказанный Эгингардом, породил другие легенды, в которых наш автор сам играет невыгодную роль вместе с дочерью Карла Эммой.

[2] Прюмский монастырь (Prumia) – около Трира, основан бенедиктинцами в 721 г.

Печать Людовика Дитяти

вследствие того, что Карл, уступая тому жестокосердию жены, слишком далеко отступил от свойственных ему добродушия и кротости. Впрочем, он в течение всей своей жизни обращался с каждым и дома, и вне с величайшей любовью и снисхождением, так что никогда никто не упрекнул его и в малейшей несправедливой жестокости, кем-нибудь замеченной.

21. Карл любил чужестранцев и оказывал большие почести при их приеме, так что многочисленность их казалась, не без справедливости, обременительной не только для двора, но и для целого государства. Но он, по величию своей души, не давал большого веса таким соображениям, потому что и величайшие невыгоды в этом случае вознаграждались славой щедрости и ценой доброго имени.

22. Карл был широкого и сильного сложения, высок, но не превышал меры, ибо, как известно, рост его равнялся семи футам; голова, закругленная кверху, глаза весьма большие и живые, нос несколько более умеренного, красивая седина, лицо веселое и улыбающееся. Все это много содействовало его обаянию и достоинству, сидел ли он или стоял; хотя шея его, казалось, была велика и толста, а живот выступал вперед, но пропорциональность остальных частей тела скрывала эти недостатки. Походка Карла была твердая, все очертание тела мужественное, голос хотя звучный, но не совсем соответственный величине стана; здоровье цветущее, исключая того, что перед смертью, последние четыре года, часто страдал лихорадкой и, наконец, даже прихрамывал на одну ногу. И при этом он действовал более по своему произволу, нежели по совету врачей, которых он ненавидел за то, что они убеждали его отказаться от жареной пищи, которую он любил, и ограничиться вареной. Карл усердно упражнялся в верховой езде и на охоте — это от традиции его народа: едва ли на земле найдется нация, которая в этом искусстве могла бы сравниться с франками. Карл очень любил пользоваться паровыми ваннами при горячих источниках, часто упражнял свое тело в плавании и достиг в нем такого искусства, что, по справедливости, никто не мог его превзойти. Из-за любви к ваннам он построил в Ахене дворец и там жил постоянно, до самой кончины, все последние годы своей жизни. И он приглашал в ванны не только сыновей, но и знать, и друзей, а иногда даже своих телохранителей и всю свиту, случалось, что сто и более человек мылись вместе.

23. Карл носил национальную одежду, то есть франкскую. На тело он надевал полотняную рубашку и полотняные исподни, сверху тунику, обшитую шелковой бахромой, и панталоны; ноги были обвернуты в полотно до колен[1] и обуты в башмаки; зимой он покрывал грудь и плечи пелериной (thorace), сшитой из шкур выдры и соболя; сверх всего носил зеленоватый плащ и был всегда подпоясан мечом, рукоять и перевязь которого делались из серебра или золота. Иногда он подпоясывался мечом, украшенным драгоценными камнями, но это только в высокоторжественные дни или когда приходили чужеземные послы. Иностранною

---

[1] Fasciolis crura – тряпицами голени. Так обуваются наши крестьяне до сих пор, и эта часть обуви носит название онуча.

же одеждой, как бы она ни была красива, он пренебрегал и никогда не позволял одевать ею себя, исключая тех случаев в Риме, как однажды, по просьбе первосвятителя Адриана, а другой раз Льва, его преемника, он возложил на себя длинную тунику и хламиду и обулся в башмаки, сшитые по-римски. Но во время торжеств он носил одежды, затканные золотом, и обувь, выложенную драгоценными камнями, с плащом, застегнутым золотой пряжкой, и в золотой короне с камнями; в обыкновенные же дни его наряд мало отличался от обычной одежды простолюдина.

24. Вообще умеренный в пище и питье, Карл был еще умереннее в отношении напитков, потому что ненавидел пьянство во всяком, не говоря о самом себе или о своих. Но в пище не мог быть одинаково воздержным и часто жаловался на то, что пост вреден его здоровью. Он редко давал обеды, только по большим торжествам, и тогда созывал большое число гостей. Обыкновенный обед состоял из четырех блюд, кроме жаркого, которое обычно сами охотники подавали прямо на вертеле; и жаркое он предпочитал всякому другому кушанью. За обедом Карл слушал какую-нибудь музыку или чтение: ему читались рассказы о деяниях древних; его приятно занимали также и сочинения св. Августина, в особенности же то из них, которое озаглавлено: «De civitate Dei». Относительно вина и других напитков Карл был воздержан до того, что за столом пил не более трех раз. Летом после полуденного обеда он съедал несколько яблок и один раз запивал; потом, раздевшись и разувшись, как на ночь, отдыхал часа два-три. Ночью спал так, что не только его сон прерывался раза четыре-пять, но он даже вставал с постели. Во время одевания и обувания он допускал присутствовать при этом не только друзей, но даже если пфальцграф имел какой-нибудь спор, который нельзя было решить без него, то приказывал вводить к себе тяжущиеся стороны и, выслушав, произносил приговор, как бы он сидел на судейском месте; и не это одно: в это время он распоряжался на целый день, что нужно было сделать или что поручить для исполнения министрам.

25. Карл обладал большим красноречием и мог с легкостью выражать все, что бы ни захотел. Он не ограничивался одним отечественным языком и много трудился над изучением иностранных языков; между прочим, он владел латинским так, что мог выражаться на нем как на родном; но по-гречески более понимал, нежели говорил. Вообще он говорил так превосходно, что его можно было принять за учителя. С большим прилежанием занимался науками (artes liberales) и, высоко почитая ученых, оказывал им великие почести. Грамматику он слушал у Петра Пизанского, дьякона, человека преклонных лет; в других же предметах имел наставника Альбина, по прозванию Алкуин, также дьякона из Британии, саксонского уроженца, мужа весьма ученого во всех отношениях. Карл употребил много времени и труда, обучаясь у него риторике, диалектике, а в особенности астрономии. Он занимался искусством делать вычисления и с особенным любознанием и проницательностью наблюдал за движением звезд. Делал попытки и писать, и с этой целью имел обыкновение держать в кровати под подушкой таблички и тетрадь, чтобы в свободное время приучать руку выводить буквы; но труд его, как поздно начатый, имел мало успеха.

26. Проникнутый с детства христианской религией, Карл чтил ее свято и благочестиво, а потому выстроил в Ахене собор чрезвычайной красоты и одарил его золотом, серебром, паникадилами, решетками и вратами, вылитыми из отличной меди. Не имея возможности достать для его постройки колонн и мрамора, он постарался привезти материал из Рима и Равенны. Ревностно посещал церковь и утром, и вечером, ночью и за обедней, насколько ему позволяло здоровье, и особенно старался о том, чтобы все, совершавшееся в ней, отправлялось с величайшим почтением; очень часто он уговаривал церковных служителей не позволять приносить в церковь что-нибудь неприличное и нечистое и оставлять в ней. Ахенский собор был наделен священными золотыми и серебряными сосудами и ризами в таком количестве, что при богослужении даже привратники, составляющие са-

мую низкую ступень церковного чина, не имели надобности ходить в обыкновенной одежде. Им же тщательно был устроен порядок чтения и песнопения, ибо он имел довольно искусства и в том, и в другом, хотя сам никогда не читал всенародно и пел не иначе, как про себя, или в хоре с другими.

27. Он много заботился о вспомоществовании бедным и доброхотной милостыне, которую греки называют elemosyna, и не только в своем отечестве и государстве, но и за морями, в Сирии, Египте, Африке, Иерусалиме, Александрии и Карфагене, где только узнавал о бедности христиан, и, сострадая их нуждам, посылал деньги; с этой целью он особенно заботился о снискании дружбы заморских королей, чтобы доставить тем помощь и облегчение христианам, живущим под их владычеством. В Риме из всех его святых и почитаемых мест Карл уважал церковь блаженного апостола Петра, в сокровищницы которой им пожертвованы огромные богатства в золоте, серебре и драгоценных каменьях. Первосвятителям было отправлено множество даров, и Карл во время своего управления ни о чем не заботился так, как о том, чтобы его стараниями Рим возвратил древнее значение, а церковь св. Петра могла бы чрез него быть не только безопасной и сохранной, но украшенной и одаренной преимущественно перед всеми прочими церквами. Но несмотря на все то, Карл в течение 47 лет, которые управлял государством, отправлялся в Рим всего четыре раза для исполнения обетов и на поклонение.

28. Но не эти одни причины побудили его предпринять свое последнее путешествие в Рим (800 г.); римляне, нанеся тяжкие оскорбления первосвятителю Льву (III, Папа), а именно, выколов глаза и урезав язык, заставили его просить помощи у короля. Вот почему Карл, прибыв в Рим для восстановления потрясенного порядка церкви, провел там целую зиму. В то время он получил звание императора и Августа, к чему имел сначала такое отвращение, что, по его уверению, не пошел бы в тот день в церковь, несмотря на высокоторжественность праздника (Рождества Христова), если бы мог предвидеть намерение первосвятителя[1]. Он перенес с великим терпением ненависть римских (византийских) императоров, раздраженных против него за принятое им звание, и победил их упорство своим великодушием, которым он, вне всякого сомнения, был гораздо выше их, посылал к ним часто посольства и в грамотах называл их своими братьями.

29. По принятии императорского титула Карл, видя большие недостатки в законодательствах его народа – а франки имеют двоякий закон (то есть салический и рипуарский), весьма различный во многих пунктах,– задумал присоединить то, чего недостает, примирить противоречащее и исправить несправедливое и устарелое; но он ничего другого не сделал, как только присоединил к законам несколько глав (capitula) и то не вполне законченных. Но зато он приказал собрать и изложить письменно устные законы всех народов[2], находившихся под его властью. Также повелел записать и сохранить для памяти варварские (то есть германские) древнейшие песни, в которых воспевались деяния и войны прежних королей. Начал составлять грамматику родного (то есть германского) языка. Дал также отечественные названия месяцам, а до того времени франки употребляли смешанно и латинские, и варварские слова. Двенадцать ветров получили от него отечественные наименования, между тем как прежде едва четыре ветра имели свои названия. Из месяцев: январь был назван Wintarmanoth (Wintermonat, зимний месяц), февраль – Hornung (от Hor, грязь), март – Lentzinmanoth, апрель – Ostarmanoth, май – Winnemanoth, июнь – Brachmanoth, июль – Heuvimanoth, август – Aranmanoth, сентябрь – Witumanoth (от Witu, дерево, то есть месяц лесных порубок), октябрь – Windumemanoth (то есть месяц виноградной уборки, от windemon, *лат.* vindemiare), ноябрь – Herbistmanoth, декабрь – Heilagmanoth. Ветрам же были даны следующие наименования: восточный (subsolanus) – Ostroniwint; юго-восточный (eurus) – Ost-

[1] Ср. это показание Эгингарда со словами Алкуина, см. ниже его письмо к Карлу Великому.

[2] Саксов, турингов и фризов.

sundroni; юго-юго-восточный (euroaustrum) – Sundostroni; южный (austrum) – Sundroni; юго-юго-западный (austroafricum) – Sundwestroni; юго-западный (africus) – Westsundroni; западный (zephyrus) – Westroni; северо-западный (chorus) – Westnordroni; северо-северо-западный (circius) – Nordwestroni; северный (septemtrio) – Hordroni; северо-восточный (aquilo) – Nordostroni и востоко-северо-восточный (vulturnus) – Ostnordoni.

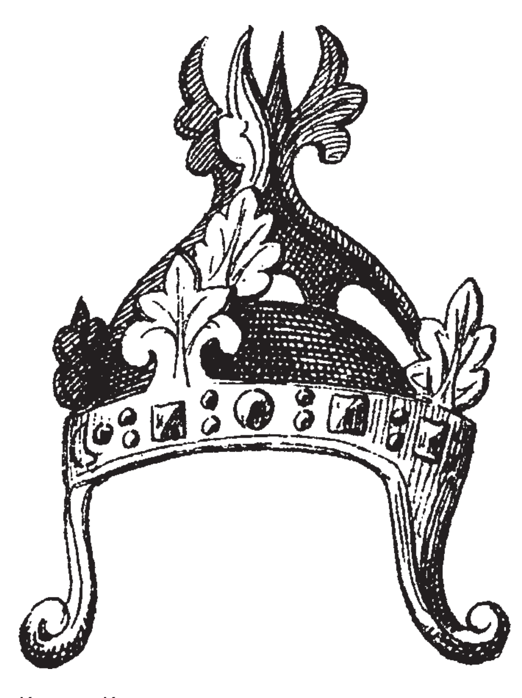
30. В конце своей жизни (813 г.) Карл, удрученный и болезнью, и старостью, призвал к себе сына Людовика (Hludovicum), короля Аквитании, и, сделав торжественное собрание знатных франков из всей Галлии, назначил его, по всеобщему согласию, своим соправителем и наследником королевского и императорского титула, возложил на его голову корону и приказал называть императором и Августом. Это последнее предложение было принято всеми с большой охотой, ибо оно казалось внушенным ему свыше. Оно возвысило величие Карла и внушило немало страху чужеземным народам. Отпустив затем сына в Аквитанию, король по своему обычаю, несмотря на старость, отправился на охоту недалеко от ахенского дворца. Проведя в этом занятии остаток осени, 1 ноября он возвратился в Ахен. Расположившись там на зиму, Карл схватил сильную лихорадку и слег в январе (814 г.). Как обыкновенно в лихорадках, он наложил на себя диету, в надежде таким воздержанием прогнать или, по крайней мере, ослабить болезнь; но когда к лихорадке присоединилась боль в боку, которую греки называют pleuresin, а он по-прежнему воздерживался от пищи и поддерживал тело, употребляя изредка питье, смерть постигла его в седьмой день болезни по принятии им причащения на 72-м году его жизни, в 47-м году от начала его правления, 28 января (814 г.), в третьем часу дня (9 часов утра).

31. Тело его было торжественным образом омыто, одето и при великом плаче всего народа внесено в церковь и предано погребению (humatum). Сначала не знали, где его положить, потому что он при жизни не сделал никаких распоряжений относительно этого; но наконец всем пришло на мысль, что нигде нельзя приличнее похоронить его, как в том самом соборе, который он построил в том же городе и своим иждивением по любви к Богу и Господу нашему Иисусу Христу и в честь святой и предвечной Девы Богородицы. Там он и был погребен в самый день смерти, а над могилой поставили золоченую арку с его изображением[1] и надписью. Надпись же была следующая:

ПОД СИМ ПАМЯТНИКОМ
ПОЛОЖЕНО ТЕЛО
КАРЛА ВЕЛИКОГО И ПРАВОСЛАВНОГО
ИМПЕРАТОРА.
ОН ЗНАТНО РАСШИРИЛ КОРОЛЕВСТВО
ФРАНКОВ
И СЧАСТЛИВО ПРАВИЛ XLVII ЛЕТ.
УМЕР СЕМИДЕСЯТИЛЕТНИМ
В ГОД ГОСПОДЕН DCCC. XIV.
ИНДИКТА VII. V. КАЛ. ФЕВР.

32. При приближении его конца являлось много предзнаменований, и не только другие, но и сам он понимал их значение. В течение трех последних лет его жизни происходили беспрерывные солнечные и лунные затмения, и на солнце целых семь дней сряду замечали темные пятна. Портик, который был построен с величайшим трудом между собором и королевским жилищем, внезапно упал и разрушился до основания. Также и мост на Рейне у Майнца, который он сам строил в течение 10 лет из дерева с великими трудами и отличной отделкой, так что казалось, он простоит вечно, сгорел в три часа от несчастного случая, и кроме мест, покрытых водой, от него не осталось

[1] Это изображение описано подробно в хронике St. Denis, помещенной в сборнике Буке, т. V, с. 310–311: En un trosne fu assis, l'espee ceinte, le texte des evangiles entre ses mains apoié sur ses genols. En tele maniere fu assis en son trone que il a les espaules par derrieres un petit enclinées, et la face honestement dreciée contre mont. Dedans sa couronne qui a une chaine d'or qui est atachiée sus son chief, est une partie de la sainte crois; destus fu des emperiaux garnimens, et sa face couverte d'un suaire, par desous la couronne; ses septres et une escrins d'or que li apostoilles Lyons sacra, est mis devant lui. Si est sa sepouture emplie de tresors et des richeces et de diverses odours et de precieuses espices.



Корона Каролингов

ни одной щепки. Во время последнего его похода в Саксонию против Готфрида, короля данов, в один день, когда, перед восходом солнца, оставив лагерь, Карл пустился в путь, он увидел внезапно упавшее с неба пламя, пролетавшее с большим блеском по безоблачным пространствам от правой руки к левой. Пока все изумлялись, что бы могло это означать, под Карлом упала лошадь на передние ноги и сбросила его на землю с такой силой, что лопнула застежка у плаща и перевязь с мечом разорвалась; подоспевшая прислуга должна была снять с него оружие, без ее помощи он не мог бы подняться. Копье, которое он твердо держал в руке, вылетело с такой силой, что упало дальше, чем на 20 футов. Ко всему этому присоединялись частые сотрясения ахенского дворца, и в домах, где он бывал, слышали треск балок; собор, в котором он был после погребен, испытал на себе удар молнии, и золотое яблоко, которым украшалась вершина купола, было разбито и отброшено на прилегавший к собору дом епископа (pontificis). В этом же соборе на ободе, который опоясывал внутреннюю часть здания между верхним и нижним сводом, была надпись, сделанная красной краской, называвшая строителя храма, и последний стих которой кончался словами: KAROLUS PRINCEPS. Было замечено некоторыми, что в самый год его смерти за несколько месяцев буквы, составлявшие слово «Princeps», до того исчезли, что их едва можно было разобрать. Но Карл или показывал вид, или на самом деле пренебрегал всем этим, как будто бы ничего из вышесказанного не имело ни малейшего отношения к нему.

33. Карл начал составлять духовное завещание, в котором он желал определить часть в своем наследстве дочерей и детей, рожденных от наложниц, но, начав это дело поздно, не мог окончить. Раздел же драгоценных вещей, денег, платья и другого добра между друзьями и своими министрами Карл сделал еще за три года до смерти, взяв с них слово, что после его кончины этот раздел, одобренный им, сохранен будет ненарушимо. Подробности этого разделения были изложены письменно, и буквальное содержание того документа таково:

«Во имя всемогущего Господа нашего Бога, Отца и Сына и Св. Духа! Опись и раздел сокровищ и денег, находящихся в настоящее время в кладовых, как то учинено преславным и благочестивейшим государем Карлом, императором и Августом, в год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 811, в царствование его во Франции 43, в Италии 37, императорства же в 11, 4 индикта, и как им приказано сделать по благочестивом и мудром обсуждении, а по воле Божией исполнено. Этим распоряжением Карл желал главным образом не только обеспечить в известной форме раздачу милостыни из его казны, которая обыкновенно у всех христиан делается при торжественных событиях из их имущества, но чтобы и его наследники, отложив всякое недоумение относительно того, что кому принадлежит, ясно знали и без распрей и спора могли справедливо поделиться. В этом намерении и с этой целью он разделил все имущество и добро, состоявшее в золоте, серебре, драгоценных камнях и ко-

ролевских одеждах, сколько, как было сказано, окажется в тот день в его кладовых, сначала на три части, а потом разделил их так, что из первых двух вышла 21 доля, а третья часть осталась целой. Разделение же двух частей на 21 долю было сделано потому, что в его королевстве считался 21 епископский город, и каждая часть должна была через посредство его наследников и друзей достаться каждому епископу как элемозина (милостыня); архиепископ, который управляет своей церковью, приняв часть, следующую его церкви, должен поделиться с подведомственными ему приходами так, чтобы третья часть пошла на его собственную церковь, а две трети на приходские (suffraganei). Доли, образовавшиеся из разделения двух первых частей по числу 21 метропольных городов, лежат каждая отдельно, на своем месте, с надписью города, которому предназначена. Названия городов, которым назначены подобные элемозины, или щедроты, следующие: Рим, Равенна, Милан, Фриуль (Forum Julii, ныне Чивидале-дель-Фриули), Градо (Gradus, на о. Изонцо), Кёльн, Майн, Ювава, Зальцбург тож, Трир, Сенон (ныне Sens), Везонций (ныне Безансон), Лион, Ротомаг (ныне Rouen), Реми (ныне Reims), Арелат (ныне Arles), Вьенна (ныне Vienne), Дарантазия (ныне Moutiers, в Савойи), Эбродун (ныне Embrun, в Дофине), Бурдигала (ныне Bordeaux), Турон (ныне Tours) и Битуриги (ныне Bourges). Та же часть, которую Карл желал сохранить в целости, по распределении и запечатании тех двух, должна остаться на ежедневное употребление, так как на ней не лежало никакого обязательства, до тех пор, пока Карл будет жив или сочтет такое употребление необходимым для себя. После же смерти его, в случае добровольного удаления от света, эта часть должна быть подразделена на 4 доли и одна из них будет присоединена к тем упомянутым 21 долям, другая отдастся сыновьям и дочерям, внукам и внучкам по справедливому разделу между ними; третья по христианскому обычаю назначается бедным; четвертая же раздается как элемозина дворцовым прислужникам и прислужницам. К этой третьей главной части, состоявшей, как и те, из золота и серебра, он желал присоединить всякие чаши из меди, железа и других металлов, посуду, оружие, одежды, дорогие и дешевые, рухлядь для всякого употребления, как то: занавески, покрывала, ковры, войлоки, кожи, попоны и все, что будет найдено в тот день в кладовых и шкапах, с тем, чтобы увеличить число разделений этой части и дать большему числу людей элемозину. Капеллу, то есть церковное управление, и в ней все, что он сам накопил и что получил по наследству, приказал сохранить в целости и не подвергать никакому делению. Если же где-нибудь окажется сосуд, книга или другое какое украшение, которое по-настоящему не было им подарено капелле, то такую вещь предоставляется приобрести тому, кто ее купит по справедливой оценке. Точно так же он распорядился о книгах, которые сам накопил в огромном количестве для своей библиотеки и определил, что их может купить всякий по настоящей цене, а вырученные деньги раздать бедным. Кроме других богатств и денег известно, что есть три серебряных стола и один золотой замечательного веса и величины. О них Карл определил и постановил: один, формы четырехугольной, с изображением города Константинополя, отправить вместе с прочими для того назначенными дарами в Рим для храма блаженного Петра апостола, а другой, украшенный изображением города Рима,– епископу церкви в Равенне. Третий же, который превосходит все и работой и тяжеловесностью и состоит из трех досок с тщательным и точным изображением всего мира, вместе с тем золотым столом, по числу четвертым, определил назначить для увеличения доли, которая разделится между его наследниками и пойдет на элемозину. Это определение и распоряжение сделал и утвердил Карл перед епископами, аббатами и графами, которые тогда случились, и имена которых следуют. Епископы: Гильдебальд (Кёльнский), Рикульф (Майнцский), Арно (Зальцбургский), Вольфарий (Реймсский), Берноин (Безансонский), Линдрад (Лионский), Иоанн (Арльский), Теодульф (Орлеанский), Иессе (Амьенский), Гейто (Базельский), Вальтгавд

(Люттихский). Аббаты: Фредугиз (С.-Бертинский около С.-Омера), Адалунг (св. Ведаста, около Арраса), Энгельберт (св. Рикье, около Аббевилля), Ирмино (С.-Жермен, в Париже). Графы: Валахо, Мегингер, Отульф, Стефан, Унруох, Бургард, Мегингарт, Гатто, Гигвин, Эдо, Эркангарий, Герольд, Беро, Гильдигер, Роккульф».

Сын Карла Людовик, наследовавший ему по повелению Божию, рассмотрев эту записку (breviarium), позаботился с величайшим благочестием исполнить после его смерти все предписанное им.

Окончил.

Vita Karoli magni. Изд. Pertz, Monum. II, с. 443–463.

Франсуа Гизо

О ЗНАЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЛА ВЕЛИКОГО И ХАРАКТЕРЕ ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (в 1829 г.)

Начало IX в. открывает собой вторую, великую эпоху истории цивилизации Франции, а вместе с ней и всей Западной Европы, и вступая в нее, мы встречаем на первом шагу гениального человека. Но Карл Великий (Charlemagne) не был ни основателем своей династии, ни виновником ее возвышения; он получил от своего отца, Пипина (Pepin), власть совершенно упроченную. Вступление Пипина на престол было в свое время общественной революцией. Когда Карл Великий сделался королем франков (771 г.), эта революция была довершена, и ему даже не было необходимости защищать ее. А между тем не Пипин, а Карл Великий дал свое имя всей династии, и всякий раз, когда о нем рассуждают, думают о значении его времени; Карл Великий представляется каждому основателем и славой своей династии. Таково уж преимущество великого человека! Никто не удивляется, никто не оспаривает у Карла Великого право назвать своим именем и свой дом, и свою эпоху. Его превозносят даже до ослепления, он – гений, ему – вся слава; и в то же время беспрестанно повторяют, что он, собственно, ничего не сделал, ничего не основал; что его империя, его законы, все его дела погибли вместе с ним. Подобные общие исторические сентенции вызывают собой массу избитых мест морали о бессилии великих людей, о их бесполезности, о тщете их замыслов и ничтожности следа, оставляемого ими в том мире, который они избороздили во всех направлениях.

Но справедливо ли все это? Неужели назначение великих людей состоит только в том, чтобы тяготеть над человечеством и возбуждать его изумление? Дорого стоило бы миру такое зрелище; неужели по падении занавеса ничего не остается? Должно ли смотреть на могущественных и знаменитых колонновожатых своего века и своей нации, как на бесплодный бич или, по крайней мере, как на обременительную роскошь? Нельзя ли сказать того еще более о Карле?

С первого взгляда такие сомнения кажутся справедливыми, и все те общие места, по-видимому, не лишены основания. Победы, завоевания, учреждения, реформы, планы, величие, слава Карла Великого исчезли вместе с ним; его можно назвать метеором, внезапно вышедшим из мрака варварства для того, чтобы так же быстро погрузиться и потухнуть во мраке феодализма. Но надобно остерегаться подобных поспешных заключений; чтобы понять внутренний смысл великих событий и оценить деятельность великих людей, надобно проникнуться сущностью дела.

В деятельности каждого великого человека есть две стороны: он выполняет две роли, и потому в его поприще можно отличить две эпохи. Он лучше всякого другого понимает потребности своего времени, настоятельной, действительной потребности, то, что необходимо современному ему об-

ществу для его существования и дальнейшего развития. Он, говорю я, понимает это лучше всякого другого; но это не все: он лучше всякого другого сумеет овладеть всеми общественными силами и направить их к должной цели. На этом основываются его власть и слава; вследствие того же его понимают при первом появлении, одобряют и следуют, все предлагают ему свои услуги и помогают действовать для общего блага.

Но, к несчастью, он на этом не останавливается: по удовлетворении действительных и всеобщих нужд своего времени мысль и воля великого человека идут далее. Великий человек бросается вперед, далее самой действительности, начинает преследовать свои личные воззрения; его увлекают соображения, более или менее обширные, более или менее благовидные, но эти соображения уже не основываются, подобно его прежним подвигам, на действительном положении вещей, на всеобщем сочувствии, на определенных стремлениях общества и потому делаются чуждыми всем и произвольными; одним словом, великий человек обнаруживает желание бесконечно расширить предел своей деятельности и овладеть будущим, как он владел настоящим. С этой минуты начинается господство эгоизма и фантазерство: некоторое время по доверию, которое вызывалось прошедшим, все продолжают следовать за великим человеком; в него верят, ему повинуются; поддаются, так сказать, его фантазиям, и льстецы даже удивляются им и прославляют их, как высокие замыслы. Между тем общество, которое никогда не может жить долго в разлуке с истиной, начинает наконец замечать, что его завлекают туда, куда оно не имеет вовсе намерения идти, и злоупотребляют его терпением. До того времени великий человек прилагал весь свой ум, всю свою могучую волю на служение общественной мысли и всеобщим стремлениям; с этой минуты он начинает употреблять публичную силу на служение собственной мысли и собственных желаний; он один знает, что он делает. Сначала в обществе обнаруживается беспокойство, но затем скоро следует утомление; за ним еще идут некоторое время, но лениво и неохотно; потом начинают роптать, жаловаться; затем обнаруживается разрыв; великий человек остается один и падает; тогда падает вместе с ним и та часть его подвига, которую он замышлял и желал один, часть чисто личного и произвольного характера.

Деятельность Карла Великого представляет три существенно различные стороны; ее можно рассматривать с трех главных точек зрения: 1) как воителя и завоевателя; 2) как администратора и законодателя; 3) как покровителя наук, искусств и вообще интеллектуального развития. Карл Великий основывал внешнюю власть на силе и внутреннее преобладание на администрации и законе.

Войны Карла Великого существенно отличаются от войн предшествовавшей династии: это не были уже схватки одного племени с другим и не походы, предпринятые с исключительной целью овладения и грабежа; это были войны систематические, политические, вызванные планами правительства, предписанные известной необходимостью. Каково же было внутреннее значение походов Карла Великого? Известно, что на пространстве Римской империи утвердились различные германские племена: готы, бургунды, франки, лангобарды и т. д. Из всех этих племен, или союзов, франки были самыми сильными, и положение их в новом месте жительства было центральное. Все те племена не имели между собой никакой политической связи и находились в постоянной войне. Между тем – сознавали ли они то или вовсе не сознавали – их положение во многих отношениях было сходно и представляло общие интересы. Начиная с VIII в., эти новые властители Западной Европы, так сказать, римские германцы, были, в свою очередь, теснимы с северо-запада, вдоль Рейна и Дуная, новыми племенами германскими и славянскими, стремившимися овладеть той же самой территорией, и с юга арабами, овладевшими всеми берегами Средиземного моря; таким образом, новые государства, едва успевшие возродиться на развалинах Римской империи, были угрожаемы новым вторжением с двух сторон, которое могло привести их к скорому падению.

Что же сделал Карл Великий? Против такого двойного вторжения, против новых всельников, толпившихся на всех границах

империи, он соединил все население территории, и древнее, и новое, и римлян, и недавно утвердившихся германцев. Таков был ход его войн. Он начал с подчинения себе той части римского населения, которая пыталась свергнуть иго варваров, как, например, аквитанцев в Южной Галлии, и той части германских племен, которые пришли последними и не успели довершить своего завоевания, как, например, лангобарды в Италии. Он останавливает в них разнообразные побуждения, продолжавшие еще их воодушевлять, соединяет их в одно под преобладанием франков и обращает их силы против двойного вторжения, которое угрожало всем с юга и северо-востока.

Победа дала другое направление войне и из оборонительной сделала наступательной: Карл перенес борьбу на территорию тех самых народов, которые пытались делать вторжения; он старался и поработить враждебные племена, и истребить их религиозные верования. Это придало особый характер правительству и империи, учрежденной Карлом Великим: война оборонительная и завоевание требовали обширного и грозного единства.

После смерти Карла завоевание останавливается, единство исчезает, империя распадается; но будет ли справедливо утверждать, что военная деятельность Карла пропала бесследно, что Карл ничего не основал? На это можно отвечать прежде всего вопросом: изменилось ли состояние управляемых им народов после его смерти; то двойное вторжение, которое прежде угрожало их территории, национальности с юга и севера, возобновилось ли оно попрежнему; саксы, славяне, авары, арабы продолжали ли держать в страхе владетелей римской территории? Ничего уже подобного не было более. Конечно, империя Карла Великого распалась, но она распалась на отдельные государства, которые образовали собой барьер на всех пунктах, где угрожала какая-нибудь опасность. До Карла границы Германии, Италии, Испании находились в состоянии какого-то колебания; не было никакой постоянной, организованной силы, и потому он был принужден беспрерывно переноситься от одной границы к другой, чтобы противопоставить вторжениям силу своих подвижных и временных армий. После смерти Карла возвысились на границах настоящие политические барьеры, государства, хотя еще не вполне организованные, но действительные и прочные: Лотарингия, Германия, Италия, две Бургундии, Наварра начинают свое существование именно с этой эпохи, и как бы ни была превратна их судьба, но они имели жизнь и совершенно достаточно силы к тому, чтобы служить отпором для новых вторжений. Вот потому вторжения прекратились с того времени, или, лучше сказать, могли повторяться только морским путем; они были еще ужасны, но только для одних частей, пораженных этими вторжениями, которые притом не могли производиться более громадными массами и не влекли за собой больших последствий.

Итак, хотя владычество Карла исчезло вместе с ним, но было бы несправедливо сказать, что он ничего не основал: он основал именно все те государства, которые образовались из развалин его империи. В том, что совершил Карл, изменилась форма, но фундамент его работы уцелел. Таков вообще характер деятельности великих людей. Карл Великий как правитель и законодатель представляет нам то же самое зрелище.

Его администрация может быть рассматриваема с двух сторон — как местная и центральная.

В провинциях власть императора распоряжалась через посредство двоякого рода агентов: местных и постоянных, присланных издалека и временных.

К первому классу относились: 1) герцоги, графы, вице-графы, сотники, присяжные (scabini), жившие на месте, назначаемые самим императором или доверенными у него лицами и имевшие предписание действовать его именем при собирании войска, отправлении суда, поддержании порядка, сборе податей; 2) бенефициалы, или вассалы императора, которые получали иногда наследственно, чаще пожизненно, а еще чаще без всякого точного определения и правила, земли, домены, на пространстве которых они обладали известной юрисдикцией и почти всеми правами верховной вла-

сти, пользуясь ими отчасти собственным именем, а отчасти именем императора. Ничего не было ни довольно определенного, ни довольно ясного в положении бенефициалов и характере их власти: они были в одно и то же время назначаемы и независимы, были собственниками и фермерами; в них преобладал поочередно то тот, то другой характер. Но во всяком случае они были, без сомнения, в сношениях с Карлом, и он пользовался ими для приведения повсюду власти своей в исполнение.

Над такими местными властями, были ли то чиновники или бенефициалы, стояли missi diminici, временные ревизоры, имевшие обязанность от имени императора наблюдать за состоянием провинций, уполномоченные проникать во внутренности земель, как уступленных, так и свободных, облеченные правом уничтожать злоупотребления и требовать к отчету их владетелей. Missi dominici были для Карла Великого, по крайней мере в провинциях, основным орудием администрации и средством к соблюдению порядка.

Что касается до центрального правительства, то, помимо личности Карла и его ближайших советников, составлявших собственно правительство, в нем занимали весьма важное место народные собрания, если судить по наружным его атрибутам и уверениям почти всех новейших историков. При Карле Великом народные собрания были действительно часты и обнаруживали большую деятельность. От 770 до 813 г., в течение 43 лет, они были собираемы 35 раз. Но что происходило в их среде, каково было их политическое значение? Это весьма важные вопросы.

Для разрешения их мы имеем весьма любопытный памятник: один из современников и советников Карла, его двоюродный брат Адельгард, аббат в Корби (близ Амьена), написал целый трактат под заглавием *De ordine Palarii* (то есть «О порядке двора»), назначенный для ознакомления с центром администрации Карла Великого и в особенности с народными собраниями. Этот трактат в оригинале потерян; но в конце IX в. (в 882 г.) Гинкмар, архиепископ Реймсский, сделал из него огромную выписку, почти в целости, в одном письме или рукописной инструкции, по требованию нескольких вельмож, которые просили у него совета для назидания Карломана, одного из сыновей Людовика Заики. Без сомнения, ни один документ не может внушать большего доверия; вот что сказано там:

«В обычае того времени было делать каждый год по два собрания..; и в том, и в другом, чтобы не показалось кому, что собрание сделано без причины[1], подвергались на обсуждение и рассмотрение знатных по повелению короля параграфы закона, называемые capitula; король составлял их сам или по внушению Бога, или по необходимости, которая обнаруживалась в промежутке двух собраний».

Итак, предложение капитулярий, или, говоря новейшим языком, инициатива закона принадлежала императору. При Карле это и не могло быть иначе: инициатива, естественно, должна находиться в руках того, кто хочет приводить в порядок, преобразовывать, и именно один Карл имел такие намерения. Впрочем, я уверен, что и члены собрания могли делать со своей стороны всякого рода предложения, какие могли им казаться необходимыми; недоверие и конституционные проделки нашего времени, без сомнения, не были известны Карлу Великому как слишком уверенному в своем могуществе, чтобы опасаться свободы прений; в этих собраниях он видел более административное средство, нежели ограничение своей власти. Но возвратимся к тексту Гинкмара.

«Получив от Карла сообщения, они рассуждали день, два или три, даже и более, смотря по важности дел. Дворцовые вестники, ходя взад и вперед, представляли королю их запросы и приносили им ответы; ни один посторонний не допускался в сре-

---

[1] Ne quasi sine causa convocari viderentur. Это выражение показывает, что бóльшая часть членов собрания смотрела на обязанность присутствовать, как на бремя, что они мало интересовались своим участием в законодательной власти, и что Карл давал им некоторую работу только для того, чтобы оправдать причину их созвания, но сам не подчинялся их приговору.

ду их собрания, пока результаты совещаний не могли быть представлены на рассмотрение великому государю, и он с мудростью, которой наградил его Бог, давал свое решение, чему все повиновались».

Итак, последнее решение зависело всегда от одного короля; собрание могло только объяснить ему дело и давать советы. Гинкмар продолжает далее:

«Так это делалось с одним, двумя или большим числом капитулярий, пока, с Божией помощью, не устраивалось все, что требовало время».

«Между тем, как дела обсуждались таким образом без короля, сам государь, оставаясь среди толпы, сошедшейся для собрания, занимался принятием подарков, приветствовал более значительных людей, беседовал с теми, с которыми редко виделся, оказывал особое внимание старикам, шутил с молодыми; и так обращался он одинаково как с духовными, так и со светскими. В то же время, если те, которые занимались вопросами, предложенными на их обсуждение, выражали желание видеть короля, он являлся к ним, оставался так долго, как они того желали, и при этом случае совещавшиеся выражали ему со всей откровенностью свои мнения о различных предметах, вызывавших дружеские прения между ними. Я должен упомянуть, что при хорошей погоде все это происходило под открытым небом; в случае же дурной – в нескольких отдельных зданиях, где присутствовали одни те, которым предстояло обсуждать предложения короля и которые таким образом отделялись от множества посторонних лиц, явившихся на собрание; в последнем случае люди менее значительные не имели доступа. Места, назначенные для собраний вельмож, разделялись на две части, так что епископы, аббаты и клерики, достигшие известных степеней, могли соединиться, не смешиваясь со светскими лицами. Точно так же были отделены графы и другие государственные сановники; с утра, в стороне от остальной толпы, иногда в присутствии короля, а иногда и без него, они начинали сходиться, пока не собирались все; затем вышеназванные вельможи, духовные с одной стороны, светские – с другой, отправлялись в назначенный им зал, где им были приготовлены почетные места для сидения. Когда светские и духовные вельможи отделялись таким образом от толпы, им предоставлялось заседать вместе или отдельно, смотря по ходу обсуждаемых дел, были ли они чисто духовные или светские, или, наконец, смешанные. Точно так же они имели право, если хотели, позвать к себе кого-нибудь или для того, чтобы потребовать себе пищи, или вообще спросить что-нибудь и, получив желаемое, выслать вон из собрания. Так происходило обсуждение дел, предоставленных королем их суду».

«Другое занятие короля состояло в том, чтобы расспрашивать каждого о том, что он может ему донести или сообщить о той части государства, из которой кто явился. Это было не только дозволено всем, но даже строго внушалось, чтобы каждый, в промежутке двух собраний, разведывал обо всем, что происходит внутри и вне государства, и должно было разведывать, как у своих, так и у чужих, как у врагов, так и у друзей, иногда отправляя лазутчиков, и вообще не заботясь много о выборе средств к приобретению сведений. Король желал знать, не ропщет ли и не волнуется ли народ в какой-нибудь части или в отдаленном углу государства, и какие могли быть тому причины, не произошло ли где-нибудь беспорядка, исследованием которого должно было бы заняться собрание, и т. п. Король разузнавал, не стремится ли к возмущению какая-нибудь из покоренных наций, и из возмутившихся нет ли изъявляющих готовность смириться; не угрожает ли какая-нибудь независимая нация опасностью нападения на государство и т. д. По всякому подобному поводу, в особенности же, если где-нибудь угрожал беспорядок или опасность, он спрашивал главным образом о причине и поводе»[1].

Нет надобности много распространяться, чтобы дать понятие об истинном характере народных собраний того времени. Гинкмар изображает их весьма отчетливо в своей картине: сам Карл на первом плане; он

---

[1] Hincm., Opp.: De Ordine palatii, t. II, c. 201–215.

центр и душа всего; по его воле собрание и соединяется, и рассуждает; он разузнает о состоянии страны, предлагает и утверждает законы, везде его воля, и от него исходит первый толчок; каждое дело начинается у него с тем, чтобы возвратиться к нему. Вовсе нет речи ни о широкой общественной свободе, ни о настоящей политической жизни; народное собрание является весьма сильным органом правительства.

Впрочем, этот орган и не был бесплоден: независимо от того, что Карл Великий черпал в народных собраниях силу для устройства текущих дел, на них же обыкновенно составлялись и утверждались так называемые капитулярии. Обыкновенно под этим наименованием разумеют законы Карла Великого, но такое мнение ошибочно. Капитуляриями назывались вообще все capitula, небольшие параграфы, постановления, законы франкских королей. Вторая династия, Каролингская, оставила нам 1697 таких капитулярий; сюда не относятся капитулярии, изданные Каролингами, правившими в Германии и Италии.

Эти капитулярии дошли до нас в двух особых отделах. Одни, настоящие государственные акты, с указанием или без указания времени издания, были сначала рассеяны в манускриптах; но еще в течение IX в. их соединили в один сборник и разделили на семь книг. Первые четыре книги были делом Анзегиза, аббата Фонтенельского, одного из советников Карла Великого, умершего в 833 г.; он соединил и привел в порядок капитулярии Карла и частью — Людовика Благочестивого.

Первая книга содержит 162 капитулярия Карла Великого, и все они относятся к церковным делам.

Вторая – 48 капитулярий Людовика Благочестивого того же содержания.

Третья – 91 капитулярий Карла Великого по делам светским.

Четвертая – 77 капитулярий Людовика Благочестивого, того же содержания.

К этим четырем книгам, приобретшим еще со времени первого своего появления такую силу, что Карл Лысый в своих собственных капитуляриях ссылается на них, как на официальный кодекс, майнцский дьякон Бенедикт присоединил около 842 г. по требованию своего архиепископа Отгера три новые книги, следов., 5, 6 и 7-ю целого собрания.

Пятая – 405 капитулярий.

Шестая – 436.

Седьмая – 478.

Всего вместе – 1697 капитулярий.

Но независимо от капитулярий, опущенных Анзегизом или изданных позже него, три книги дьякона Бенедикта заключают в себе множество актов, не имеющих ничего общего с законами королей Каролингских; там встречаются, например, отрывки из римского права, заимствованные из кодекса Феодосия, сборника вестготов (Breviarium), кодекса Юстиниана, Юлиана и пр. Можно найти значительные отрывки даже из прославленного сборника, известного под названием *Лже-декреталий*, мнимых канонов и других распоряжений первых пап, которые тогда только что начинали распространяться и которые Бенедикт пустил в ход, так что многие ученые приписывали ему самую подделку.

Наконец, кроме тех семи книг, в позднейшее время явилось к ним четыре книги дополнений, составленных неизвестными авторами; они доводят общую цифру капитулярий до 2100. Капитулярии издавались в свете несколько раз, и лучшее издание их принадлежит, без сомнения, Балузию, в 2 т., in-fol., Париж, 1677. Это издание можно даже назвать, без всякого сравнения, превосходным: «Из всех источников средневекового права,– сказал недавно Савиньи («История римского права в Средние века», II, с. 91, замеч. 36, немецк. изд.),– ни один не был так обработан и так удобно расположен для пользования, как капитулярии в их превосходном издании Балузия». Действительно, это издание гораздо полнее и тщательнее, нежели Линденброга, Питу, Герольда, Дю-Тиллье и др. Балузий собрал огромное число рукописей; он соединил отрывки и целые капитулярии, до него никем не изданные; его работа представляет обширное и хорошее собрание текста; но собственно этим и ограничивается все его достоинство. При тексте нет никакого разбора, никакого критического исследования; Балузий издал текст, каким

он его нашел, не заботясь о том, что переписчики могли затемнить и наполнить ошибками древний текст.

Приступим теперь к самому исследованию капитулярий.

Нельзя не поразиться с первого раза тем сбивчивым представлением, которое соединяют с названием капитулярий: его относят без различия ко всем актам, помещенным в собрании Балузия, а между тем они представляют существенное различие друг от друга. Представим себе, что несколько веков спустя кто-нибудь собрал бы все распоряжения современного нам правительства, положим, например, французской администрации последнего царствования, и соединив их без всякого порядка в одно целое, дал бы этому сборнику название законодательства, кодекса той эпохи. Очевидно, это был бы нелегкий и обманчивый хаос; законы, указы, определения, привилегии, приговоры, циркуляры – все это было бы там сопоставлено, уравнено, смешано, что именно и случилось с капитуляриями. Я постараюсь разложить сборник Балузия, размещая в порядке, по характеру и предмету, все акты, которые помещены там; мы увидим, до какой степени они разнообразны:

Там встречаются под названием капитулярий:

1) древнейшие национальные законы, не рассмотренные и вновь изданные, например, салический закон;

2) извлечения из древнего закона салического, лангобардского, баварского и т. д.,– извлечения, объявленные, очевидно, с частной целью, для известного места и известного времени, и по поводу особенной необходимости, на которую теперь ничто нам не указывает;

3) прибавления к древним законам, салическому, лангобардскому, баварскому и т. д. По-видимому, эти прибавления делались с особенной формальностью и торжественностью; так, одному прибавлению к закону салическому в древней рукописи предшествуют следующие слова:

«Следуют параграфы, которые государь Карл Великий, император, приказал написать в своем совете и повелел поместить вместе с прочими законами».

Законодатель даже требовал весьма положительного согласия народа на этот случай; в 803 г., именно в тот самый год, когда были изданы прибавления к салическому закону, Карл Великий дал следующую инструкцию своим missi:

«Спросить народ относительно параграфов, недавно присоединенных к закону; и когда все согласятся, то пусть заявят свое согласие на те параграфы и приложат свою подпись»;

4) извлечение из постановлений соборов и целого канонического законодательства: таков большой капитулярий, изданный в Ахене в 789 г.[1], и множество параграфов, рассеянных по другим капитуляриям;

5) новые законы, из которых одни составлены в народном собрании при содействии вельмож светских и духовных, соединенных вместе, или одних духовных, или одних светских; другие же, по-видимому, были делом одного императора и соответствовали тому, что мы ныне называем указами. Это различие не всегда выражено ясно, но, всматриваясь ближе, мы можем всегда его заметить;

6) чисто инструкции, данные Карлом Великим своим missi при отправлении их в провинцию и заключавшие в себе правила, как держать себя, как делать следствия, с целью употреблять этих missi как посредников, как средство сообщения народа с императором. Акты подобного рода, чуждые, по крайней мере отчасти, законодательному духу, встречаются беспрерывно среди капитулярий: к ним примешиваются иногда совершенно посторонние параграфы;

7) ответы, данные Карлом Великим на вопросы, с которыми к нему обращались графы, епископы, missi dominici, по поводу затруднений, представлявшихся им в делах административных. Он решает эти затруднения, которые иногда касаются предметов собственно законодательных, иногда административных, а иногда и совершенно частных;

8) вопросы, которые предполагал сам Карл Великий сделать епископам, графам, когда они явятся в народное собрание. Он,

[1] См. у нас сам капитулярий в переводе, ниже.

очевидно, приготовил их заранее, чтобы иметь для себя в виду, что он хотел узнать и о чем хотел спросить. Эти вопросы, составляющие самый любопытный отдел в сборнике, имеют вообще характер упрека и назидания для тех, к кому они обращены. Вот образчики подобных вопросов; они могут дать понятие о независимости образа мыслей Карла Великого и его здравом смысле:

«Отчего происходит то, что на походе или в войне, когда дело идет о защите отечества, один не хочет помогать другому?»

«Откуда являются те беспрестанные процессы, в которых каждый хочет овладеть тем, что он видит у своего ближнего?»

«Спросить, по какому поводу и в каких местностях духовные делают препятствия светским, и светские духовным при отправлении каждым своих обязанностей. Исследовать и обсудить, в какой степени епископ или аббат должен вмешиваться в светские дела, и граф или всякий другой светский в дела духовные. Спросить их самым настоятельным образом о смысле слов апостола: «Никто из служителей Божиих не должен утруждать себя светскими делами». К кому эти слова могут относиться?»

«Спросить у епископов и аббатов откровенного объяснения, что они хотят сказать теми словами, которые они так часто повторяют: отказаться от мира; и как отличить тех, которые отказались от мира, от тех, которые пребывают в мире: не тем ли, что первые не носят оружия и не публично женаты?»

«Спросить также, отказался ли тот от света, который заботится каждый день всеми возможными средствами увеличить свое имущество, то обещая блаженство Царства Небесного, то угрожая вечными муками ада; или именем Бога, или какого-нибудь святого, похищая чье-нибудь имущество, у богатого и у бедного простодушного и недальновидного, до того, что законные наследники лишаются имений; и большей частью, вследствие бедности их поразившей, наталкиваются на всякого рода беспорядки и преступления и совершают по необходимости разбой».

Без сомнения, подобного рода вопросы нимало не походят на букву закона;

9) некоторые из капитулярий не могут быть названы даже и вопросами; это – простые заметки, так сказать, memoranda, которые Карл Великий, по-видимому, писал для самого себя, и чтобы не забыть ту или другую меру, которую он предполагал принять. Так, мы читаем вслед за капитулярием, или наставлением для missi dominici, от 803 г. следующие два параграфа:

«Нам нужно приказать тем, которые приводят нам лошадей в дар, изображать их имя на каждой лошади».

«Нам нужно приказать везде, где найдутся наместники, причиняющие зло или допускающие его, изгнать их и поставить лучших».

Подобным заметкам найдется множество примеров;

10) другие параграфы заключают в себе приговоры, определения, собранные, вероятно, с той целью, чтобы положить их в основание суда. Так, мы читаем в одном капитулярии от 803 г.:

«О человеке, который убил раба. Он приказал ему убить своих господ, двух детей, из них один был 9, а другой 11 лет; и после того, когда раб умертвил детей своих господ, он приказал бросить его самого в ров. Было присуждено, чтобы вышеназванный человек заплатил виру за ребенка 9 лет, двойную за одиннадцатилетнего, тройную за раба, который по наущению его сделался убийцей, и сверх того в нашу казну».

Очевидно, дело идет о приговоре, произнесенном по какому-то отдельному событию, и помещенному в число капитулярий для руководства в других подобных случаях;

11) в сборнике встречаются также акты чисто политико-экономические, хозяйственные – акты, относящиеся к устройству собственных поместий Карла Великого и входящие по этому предмету в величайшие подробности. Знаменитый капитулярий под заглавием *De villis*[1] служит образчиком того. Многие отдельные параграфы носят тот же характер;

12) наконец, независимо от исчисленных мной актов и весьма разнообразных,

[1] См. перевод текста этого капитулярия ниже.

капитулярии содержат в себе акты чисто политические, случайные меры, назначения, рекомендации, протоколы. Возьмем, например, капитулярий, изданный в 794 г. на собрании во Франкфурте; в 54 параграфах, из которых он состоит, можно найти:

§ 1. Грамоту о помиловании Тассилона, герцога Баварии, возмутившегося против Карла Великого.

§ 6. Решение распри епископа Вьеннского и архиепископа Арльского, и определение границ диоцезов Тарантезы, Эмбрюна и Э. Тут же и письма Папы по этому делу; определено обсудить дело снова.

§ 7. Оправдание и примирение епископа Петра.

§ 8. Свержение мнимого епископа Гербода, поставление которого было сомнительно.

§ 53. Карл Великий уполномочивается собранием епископов с согласия Папы удержать при себе епископа Гильдебольда для управления церковными делами.

§ 54. Карл представляет Алкуина расположению и молитвам собрания.

Во всем этом нет ничего законодательного.

Но вникнем глубже в предмет, обратимся к внутреннему содержанию капитулярий, исследуем параграфы, из которых состоит каждый капитулярий: мы встретим то же разнообразие, тот же хаос. Я разлагаю на 8 частей все 65 капитулярий Карла Великого, размещая их в 8 отделах, сообразно с характером внутреннего содержания: 1) законодательство моральное, 2) политическое, 3) уголовное, 4) гражданское, 5) церковное, 6) каноническое, 7) хозяйственное, 8) отдельные случаи.

I. *Законодательство моральное*. Я отношу к этому отделу параграфы, которые не имеют ничего ни повелевающего, ни запрещающего, которые, говоря правду, не могут быть даже названы законом: это – простые советы, предупреждения, правила чисто нравственные, как например:

«Скупость состоит в том, чтобы желать то, чем владеют другие, и ничего не давать из того, чем владеют сами; по словам апостола, она есть корень всех зол» (capit. an. 806, § 15).

«Те ищут постыдной прибыли, кто, ввиду одной прибыли и различными ухищрениями, старается накопить всякого рода богатства» (то же, § 16).

«Надобно быть гостеприимным» (capit. an. 794, § 33).

«Не дозволяйте себе грабежа, незаконного брака, лжесвидетельства, как мы всегда убеждали относительно этого, и как то запрещает Закон Божий» (capit. an. 789, § 36).

Законодатель идет далее: он считает себя ответственным за поведение отдельных лиц и оправдывается, говоря, что он не имеет к тому сил:

«Необходимо,– говорит он,– чтобы каждый сам старался хорошо вести себя, по своему разуму и средствам, служа Богу и идя указанными им стезями; потому что государь император не может усмотреть за каждым в отдельности с должным вниманием и удержать каждого в пределах закона» (capit. an. 802, § 3).

Не чистая ли это мораль? Подобного рода расположения не встречаются ни в законах обществ рождающихся, ни в кодексах развитых наций. Ни в законе салическом, ни в современном законодательстве мы не найдем ничего подобного: они не обращаются к свободе человека с советами; в них заключаются или запрещения, или предписания. Но при переходе от первобытного варварства к цивилизации законодательство принимает иной характер; в нем мы встречаем мораль, которая в течение известной эпохи делается предметом законодательства. Искусные законодатели, основатели или реформаторы общества, понимают всю силу, какую может иметь над людьми идея долга; инстинкт гения предваряет их, что без помощи этой идеи, без добровольного содействия человеческой воли, общество не может ни поддерживаться, ни развиваться спокойно; вот потому они заботятся провести эту идею в духе человека всеми путями, и таким образом в их руках законодательство является чем-то вроде проповеди, средством назидания. История всех народов – греков, евреев и других – подтверждает справедливость того: везде, между эпохой первобытного законодательства, которое является чисто уголов-

ным, запретительным, назначенным подавлять злоупотребление силы, и эпохой юридического законодательства, которое уже имеет доверие к нравственности, рассудку неделимых, и потому относит чистую мораль к области свободы, везде, между такими двумя эпохами встречается переходная эпоха, когда мораль делают предметом законодательства, когда законодательство берет на себя предписание и обучение нравственности. Общество франко-галльское было именно в таком состоянии, когда им управлял Карл Великий, и в этом-то заключается одна из причин тесной его связи с церковью, единственной силой, способной в то время назидать и обучать нравственному.

К моральному законодательству того времени должно отнести все распоряжения, касавшиеся интеллектуального развития человека: все указы Карла Великого о школах, о распространении книг, исправлении книг церковных и т. д.

II. *Законодательство политическое*. Оно составляет значительную часть капитулярий и состоит из 290 параграфов. Мы располагаем их в следующем порядке:

1) законы и меры всякого рода со стороны Карла Великого к обеспечению выполнения его указов на всем пространстве государства; например, все распоряжения относительно их назначения, или руководительства его различных агентов, графов, герцогов, наместников, сотников и т. д.; такие распоряжения многочисленны и повторяются беспрерывно;

2) судебная администрация, местное судопроизводство, формы, которым должно следовать при этом, военная служба и т. д.;

3) полицейские распоряжения, весьма разнообразные и доходящие до величайших подробностей; провинция, войско, церковь, купцы, нищие, публичные места, внутренность императорского дворца – служат по очереди их предметом. Там встречается, например, попытка установить цены продуктов, настоящая такса:

«Благочестивейший государь наш, король, определил с согласия св. синода, чтобы никто, ни духовный, ни светский, не мог ни в изобильное время, ни при дороговизне продавать съестные припасы дороже цены, недавно определенной по мере: мера овса – денарий; ячменя – два денария; ржи – три денария; пшеницы – четыре денария. Если кто хочет продавать печеный хлеб, он должен брать денарий за 12 пшеничных булок, каждая в 2 фунта; 15 ржаных, 20 ячменных и 25 овсяных того же веса также за денарий» и т. д. (capit. an. 974, § 2).

Уничтожение нищенства и такса для бедных были также предметом полицейских распоряжений:

«Относительно нищих, скитающихся по стране, мы желаем, чтобы каждый из наших верноподданных кормил своих бедных или в своих поместьях, или в собственном доме и не допускал их искать милостыни в другом месте. Если же найдутся такие, которые не захотят трудиться своими руками, пусть никто им ничего не дает» (capit. an. 806, § 10).

Распоряжения относительно внутренней полиции дворца дают нам весьма оригинальное понятие о беспорядках и насилиях, которые совершались в нем:

«Мы желаем и повелеваем, чтобы никто из служащих в нашем дворце не осмеливался принимать к себе никого, кто ищет убежища и старается скрыться вследствие воровства, убийства, блуда или другого преступления; если какой-нибудь свободный человек нарушит наше запрещение и скроет подобного преступника в нашем дворце, то он осуждается нести его на своих плечах до публичной площади, и там он будет привязан вместе с ним к столбу... Если кто-нибудь встретит дерущихся людей в нашем дворце и не будет в состоянии или не захочет положить конец их драке, то он понесет на себе часть пени за убыток, который они могли сделать», и т. д. (capit. an. 800, § 3 и 4).

Капитулярии наполнены множеством подобных распоряжений; полиция имела, очевидно, при Карле Великом большое значение;

4) к политическому законодательству должно отнести все распоряжения о разграничении власти светской и духовной и их отношении. Карл много пользовался духовенством; оно было главным орудием его правительства; но он хотел его услуг без

того, чтобы быть его слугой: капитулярии свидетельствуют о его заботах управлять самим духовенством и держать его в своей власти;

5) наконец, к числу политических законов должно отнести, по-видимому, и распоряжения, касавшиеся управления бенефициями, розданными Карлом Великим, и его отношений к бенефициалам. Без сомнения, в глазах правительства это было весьма важным делом, и Карл Великий устремляет на него все внимание своих missi.

Общий характер политического законодательства во всех своих подробностях представляет ряд беспрерывных и неутомимых усилий поддержать порядок и единство.

III. *Уголовное законодательство*. Вообще оно состоит в повторении или извлечении из древних законов салического, рипуарского, лангобардского, баварского и пр. Наказание, прекращение злоупотреблений силы – вот единственный предмет, существенный характер тех законов. Тут было меньше работы, чем во всех других отношениях. Новые распоряжения Карла Великого клонились вообще к смягчению древнего законодательства, и особенно жестокости наказаний, которым подвергались рабы. Но в известных случаях Карл не только не смягчал наказания, но еще усиливал: когда, например, оно являлось в его руках орудием политики. Так, смертная казнь, столь редкая в законах варварских, является почти в каждом параграфе капитулярия 789 г., направленного к тому, чтобы удержать и обратить саксов; почти всякое нарушение порядка, всякое обращение к идолопоклонству наказывалось смертью. Уголовное законодательство Карла Великого представляет мало оригинального и интересного за некоторым исключением.

IV. *Гражданское законодательство*. О нем можно сказать то же самое: древние законы и обычаи продолжают сохранять свою силу; Карлу Великому представлялось мало случаев к вмешательству. Впрочем, он обращал большое внимание, и без сомнения по настоянию духовенства, на отношения лиц и в особенности на отношения мужа к жене. Нет сомнения, что в ту эпоху брачные связи были чудовищно неправильны: муж брал и бросал жену весьма просто, без всяких почти формальностей. Отсюда проистекал величайший беспорядок и в общественной нравственности, и в состоянии семейства: потому гражданские законы должны были обратить внимание на исправление нравов; и Карл Великий понимал эту необходимость. Вследствие того, в его капитуляриях помещено множество параграфов, предписывающих известные условия браку, степень родства, обязанности мужа в отношении жены, обязательство вдов и т. п. Большая часть этих распоряжений заимствована из канонического законодательства; но побуждение и источник их не были чисто религиозными: в них играли большую роль интересы гражданской жизни и необходимость основать и упорядочить семейные отношения.

V. *Законодательство религиозное* включало распоряжения не только касательно духовенства, одних служителей церкви, но и вообще всех верных христианского народа и его отношения к духовным. Этим оно и отличается от канонического законодательства, имеющего в виду одно церковное общество и взаимные отношения духовных. Вот образчики некоторых распоряжений Карла Великого из законодательства религиозного:

«Должно остерегаться оказывать почтение именам лжемучеников и памяти сомнительных святых» (capit. an. 789, § 41).

«Никто не должен верить, что Богу можно молиться только на трех языках (вероятно, на латинском, греческом и германском), потому что к нему можно обращаться на всех языках, и желание человека будет исполнено, если его просьба справедлива» (capit. an. 794, § 50).

«Проповедь должна быть произносима так, чтобы простой народ мог хорошо все понимать» (capit. an. 813, § 14).

Такие распоряжения представляют вообще много здравого смысла, независимости взгляда, что трудно было бы ожидать встретить в такую эпоху.

VI. *Законодательство каноническое* занимает самое обширное место в капитуляриях; и это весьма просто: епископы были главными советниками Карла Великого, они

заседали в наибольшем числе в народных собраниях и потому обращали более всего внимания на свои дела. Вследствие того, народные собрания рассматривались вообще как соборы, и определения, постановляемые на них, входили в собрание канонов. Все такие определения издавались в интересах епископской власти. При вступлении династии Каролингов епископальная аристократия хотя и преобладала, но была совершенно распущена: Карл Великий воссоздал ее; под его рукой она приобрела правильное устройство, утраченное единство и сделалась на несколько веков преобладающим началом церкви.

VII. *Законодательство хозяйственное* содержит одни распоряжения относительно устройства собственных имений, ферм Карла Великого. Один капитулярий под заглавием *De villis* в целости состоит из различных инструкций, с которыми он обращался в разные периоды своего правления к управляющим своих поместьев и которые без всякого основания были соединены в форме отдельного капитулярия[1].

VIII. *Законодательство случайное* маловажно: к нему относится всего каких-нибудь 12 параграфов.

Из всего сказанного очевидно, что законодательство Карла Великого не имеет ничего общего с тем, что мы привыкли в наше время разуметь под сводом законов и что Карл Великий в своих капитуляриях имел в виду вовсе не одни юридические цели. Капитулярии представляют нам собрание актов правительства того времени, официальной деятельности, которую обнаруживала власть Карла Великого. Верно также и то, что сборник капитулярий, дошедший до нас, далеко не исчерпывает всех подобных актов, и что нам недостает весьма многого. Есть целые годы, от которых мы вовсе не имеем капитулярий; и в дошедших до нас известиях встречаются намеки на такие распоряжения, которые не дошли до нас. Сборник Балузия заключает в себе одни отрывки; это – оббитые обломки и притом не только одного законодательства, но вообще всей правительственной деятельности Карла Великого. Вот точка зрения, на которую должен стать каждый, кто хотел бы избрать капитулярии предметом точного изучения, понять их вполне и объяснить.

Истор. цив. во Фр., II, 20 и 21-я лекц.

КОММЕНТАРИЙ. Особенно замечательны: 1) Sir Robert Peel. 1 v.; 2) Histoire de la révolution d'Angeleterre depuis l'avenement de Charles 1 jusqu' a la mort de R. Cromwell (1625–1600 гг.). 6 vol.; 3) Etudes sur l'histoire de la revolution d'Angleterre. 2 vol.; 4) Essais sur l'histoire de France. 1 vol.; 5) Histoire des origines du gouvernement représentatif et des institutions politique de l'Europe jusqu' au XIV siecle. 2 vol.; 6) Corneille et son temps. 1 vol.; 7) Shakspeare et son temps. 1 vol.; 8) Abailard et Héloise, essai historique par M. et M-me Guisot. 1 vol.; 9) De la democratie en France 1 vol.; 10) Correspondanse et Ecrits de Washington, trad. de l'anglais et mis en ordre. 4 vol.

---

[1] См. текст капитулярия *De villis* ниже.

КАПИТУЛЯРИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО (конец VIII – начало IX в.) Извлечение

I. Капитулярий об императорских поместьях (Capitulare de villis imperialibus) (812 г.)

§ 1. Мы желаем, чтобы наши поместья (villae), которыми мы владеем для собственного пользования, служили в целости одним нам и никому другому.

§ 2. Чтобы наш дом (familia) хорошо содержался и чтобы никто не мог привести его в бедственное состояние.

§ 3. Чтобы управляющие (judices) не могли налагать никакой службы в свою пользу на наших домочадцев (familia), никакой полевой работы (corvadas), ни выгонять на порубку леса, ни принуждать к какому-нибудь труду для себя, ни получать с них какие-нибудь подарки, как то: лошадь, быка, корову, свинью, овцу, поросенка, ягненка и ничего другого, кроме молока, овощей, яблок, куриц и яиц.

§ 4. Если кто-нибудь из домочадцев на нашей земле причинил нам убыток воровством или небрежностью, то отвечает за то головой; в прочих же случаях будет по закону телесно наказан, если только это не смертоубийство и не поджог, за что требуется возмездие. Другие же люди пусть судятся по закону, какому кто подчиняется. Для удовлетворения же нас, как я сказал, мои домочадцы наказываются телесно. Франки же, живущие на наших собственных землях (fiscis) или в наших поместьях, судятся за всякое преступление по своему закону, и пеня за убыток идет в нашу пользу, будет ли она взята натурой или деньгами по соответствующей цене.

§ 5. Когда наши управляющие приступают к нашим работам – посеву, запашке, жатве, сенокосу или сбору плодов, то каждый должен во время работ смотреть на своем месте и распоряжаться так, чтобы все было хорошо и цело. Если же их не будет дома или им нельзя явиться в иное место, то пусть отправят для наблюдения за нашими интересами или хорошего человека из домашних, или другого испытанного человека; и управляющий должен внимательно смотреть за тем, чтобы для такого дела был отправлен верный человек.

§ 6. Мы желаем, чтобы наши управляющие со всех хозяйственных доходов отдавали десятую часть в церкви, построенные в наших поместьях, но не давать ничего другим церквам, если только исстари не было уже так заведено. В тех же церквах служителями не могут быть посторонние, а только из наших, или из домочадцев, или из моей капеллы.

§ 7. Всякий управляющий должен отправлять свою службу, как ему то было предписано. И если необходимость потребует от него большей службы, то пусть он то зачтет, если служба должна увеличиться и даже занимать ночь.

§ 8. Наши управляющие должны убирать наши виноградники, которые находятся в их распоряжении, и делать то исправно, а вино сливать в хорошие сосуды и хорошенько посмотреть, чтобы оно никаким образом не утекло. Другое же простое вино слить в заготовленные бочонки с тем, чтобы их можно было доставить на господские мызы. Если же вина будет заготовлено более, нежели сколько нужно для отправки на наши мызы, то дать нам о том знать, чтобы получить от нас на такой случай распоряжение. Пусть отпускают из наших виноградников лозы для нашего же употребления. Сбор вина с тех мыз, которые к тому обязаны, складывать в наши погреба.

§ 9. Мы желаем, чтобы каждый управляющий в своих делах употреблял бы для измерения мерки, полумерки, осьмушки и коробы (modius, sextarius, situla et corbus) того же размера, какой мы имеем при дворе.

§ 10. Пусть наши старосты (majores), лесничий, конюхи, погребщики, десятские, сборщики и другие служащие несут подати и представляют повинности со своих домов; за ручными же их работами пусть внимательно наблюдают управляющие. Если какой-нибудь староста имеет бенефицию, то

пусть посылает своего помощника, который должен выполнить за него и ручную работу, и всякую другую службу.

§ 11. Ни один управляющий не должен брать в лес наших людей ни для себя, ни для своих собак.

§ 12. Ни один управляющий не должен давать от себя земли нашим гостям в наших поместьях.

§ 13. Обратить внимание на то, чтобы жеребцы, то есть waraniones (боевые лошади) никаким образом не застаивались на месте и через то не портились. Если же окажется жеребец негодный или старый, то дать нам знать о том заблаговременно, прежде нежели наступит время, когда выпускают кобылиц.

§ 14. Хорошенько смотреть за нашими кобылицами и вовремя отлучать жеребят; если же их наберется много, то отделять и составлять из них особое стадо.

§ 15. Непременно пригонять ко двору наших жеребят к зимнему празднику св. Мартина (12 ноября).

§ 16. Мы желаем, чтобы все то, что я или королева, или наш чиновник, сенешаль (sinescalcus), или кравчий прикажет от моего имени или от имени королевы какому-нибудь управляющему, то он должен все исполнить по приказанному, к тому же самому собранию (placitum). Если кто по небрежности не исполнит приказанного, то обязан воздержаться от питья, пока не явится ко мне или королеве и не получит от нас прощения. И если сам управляющий будет находиться в войне, или на карауле (wacta, откуда – вахта), или в посылке или где бы то ни было, и будет дано приказание его помощникам, и они его не выполнят, то обязуются прийти пешком во дворец и воздерживаться от мяса и питья, пока не объяснят причины неисполнения; и тогда они ответят за то спиной или как будет то угодно мне или королеве.

§ 17. Сколько у него находится мыз под надзором, столько должен он иметь отборных людей, которые смотрели бы за нашими пчелами.

§ 18. При мельницах иметь гусей и куриц по размеру мельницы, и чем больше, тем лучше.

§ 19. При наших мучных амбарах на главных (capitaneis) мызах содержать не менее 100 кур и не менее 30 гусей. На небольших же мызах – не менее 50 кур и 12 гусей.

§ 20. Каждый управляющий должен всякий год в изобилии отправлять фрукты на мызы, и кроме того три-четыре раза и более посмотреть за ними, чтобы не испортились.

§ 21. Каждый управляющий должен иметь наготове пруды на наших мызах, где они делались прежде, и где может увеличить, пусть увеличивает. Где же их прежде не было, но могло бы быть, пусть открывает вновь.

§ 22. Винных кабачков с вывесками иметь не менее трех или четырех.

§ 23. На каждой мызе управляющие должны иметь как можно больше коровников, свинарен, овчарен и хлевов, и никто не смеет быть без них. Кроме того, они должны иметь рабочих коров для отправления службы нашими служителями и в достаточном числе для господских работ телег с коровьим ярмом (vaccaritiae vel carrucae). Для работ же употреблять не хромых коров или лошадей. И, как я сказал, чтобы не было недостатка в телегах с ярмом.

§ 24. Все, что назначается для нашего стола, то каждый управляющий должен иметь в отличном виде, тщательно и чисто приготовленными.

§ 25. Старшины не должны иметь под своим надзором более, нежели сколько могут осмотреть в один день и обойти.

§ 26. Наши мызы должны иметь постоянно огонь и охраняться стражей. Если посольство будет идти ко двору или возвращаться, то никак не давать ему квартир на наших мызах, если не будет особого на то приказания от меня или королевы.

§ 27. Мы желаем, чтобы ежегодно в посту, в Вербное воскресенье, называемое Осанной, сообразно нашему предписанию, отправляли к нам деньги с имений, а к тому времени мы уже успеем просмотреть отчет за прошедший год (ср. ниже, § 62).

§ 29. Если кто-нибудь из моих людей будет апеллировать, то управляющий должен не допускать его идти ко мне с жалобой, чтобы он таким образом не терял рабочих дней.

Захочет ли раб другим образом искать своего права, то его старший (magister) должен употребить все усилия, чтобы доставить ему возможность к тому. Если нельзя дело решить на месте, то все же не дозволять рабу идти куда-нибудь, но старший должен нас уведомить о том лично или через посланного.

§ 31. Управляющие должны поставлять ежегодно пряжу и другие бабьи повинности, в определенное время и сполна, давая нам знать, как все собрано и отчего явились недоимки.

§ 32. Всякий управляющий должен смотреть за тем, чтобы иметь наготове или достать откуда-нибудь хорошие семена, самые лучшие.

§ 33. Отобрав на семена и окончив посев, все, что останется в экономии, сохранять до нашего распоряжения, и потом, по нашему приказанию, остаток будет или продан, или отложен.

§ 34. Вообще нужно с особенным вниманием наблюдать, чтобы все, что обделывается или приготовляется руками, как то: свинина, сушеное мясо, колбасы (sulcia), свежая солонина, вино, уксус, настойки (moratum), наливки (vinum coctum), рыбий жир (garum), горчица, сыр (formaticum, откуда франц. formage, или fromage, то есть то, что обделывается в форму), масло, солод (bracios), пиво (cervisas), мед (medum), соты, воск, мука, чтобы все это было изготовляемо и обделываемо с величайшей чистотой.

§ 35. Мы желаем, чтобы отбирались жирнейшие из баранов и свиней на сало и чтобы на каждой мызе имелось не менее двух быков, особо откормленных, как для сала, так и для доставления нам.

§ 36. Наши леса и рощи должны быть хорошо охраняемы; где нужно вычистить место, пусть вычистят, но не следует допускать покрытия полей кустарником; где следует быть лесу, там не дозволять большой порубки или какого вреда. Наши заповедные чащи (feramina) в лесах заботливо охранять; равномерно, иметь наготове к нашему приезду соколов и кречетов. Управляющие, или наши старшины, или их люди, если свиньи их пущены на откормление в наши леса, сами первые должны доставлять нам десятину, чтобы и другим подать хороший пример: пусть впоследствии и другие выплачивают десятину сполна.

§ 37. Чтобы поля и засевы наши были хорошо отбыты (ut bene conponant), а наши луга в свое время тщательно охраняемы.

§ 38. Иметь всегда в достаточном количестве откормленных гусей и каплунов наготове или для нашего стола, или для отправления к нам.

§ 39. Предписываем собирать ежегодно куриц и яйца с дворовых и пахотников (servientes et mansuarii); излишек оттуда продавать.

§ 40. Каждый управляющий обязуется непременно иметь в знак зажиточности (pro dignitatis causa) лебедей, павлинов, фазанов, уток, голубей, горлиц.

§ 41. Хорошо охранять постройки на наших дворах и окрестные рощи; иметь хорошо заготовленные котлы и кадки для месива (pistrina seu torcularia), чтобы наши прислужники могли хорошо и чисто выполнять свою службу.

§ 42. На каждой мызе иметь в магазинах: кровати, занавески, перины, простыни (batlimas нем. слово в латинской форме: Bettleinen), одеяла, скатерти на стол, чаши медные, оловянные, железные, деревянные, кочерги, цепи для подвязки котлов, очаги, долота, топоры, буравы, ломы и прочие снаряды для того, чтобы не было необходимости искать или одолжать того у других. Иметь также наготове оружие для неприятеля, и чтобы оно было в исправности; по возвращении из похода вернуть его в магазин.

§ 43. Сообразно предписанию выдавать в определенное время на девичью половину (genitiae, от γυναιχιον) рабочие материалы, как то: воск, шерсть, крашенину, гребни для шерсти, мыло, мазь, посуду и другие мелочи, к тому необходимые.

§ 44. Из постных яств (de quadragesimale) отсылать ежегодно для нашего употребления две части сбора овощей, рыбной ловли, сыра, масла, меду, горчицы, уксусу, гороху, бобов, сушеных трав, кореньев, воску, мыла и других мелочей; об остатке, как мы выше сказали, немедленно донести, и ни

в коем случае не позволять себе того, что делалось до сих пор; по присланным двум частям мы будем в состоянии судить о той третьей, которая осталась.

§ 45. Каждый управляющий в своем хозяйстве должен иметь хороших ремесленников, а именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, скорняков, токарей, плотников, оружейников, рыбаков, птицеловов, мыловаров, пивоваров, умеющих делать сидру и всякие другие вкусные напитки; хлебопеков, которые приготовляли бы для нас пеклеванный хлеб (similam); умеющих вязать сети как для охоты, так и для рыбной ловли и на птиц, и других всякого рода мастеров, которых название было бы долго исчислять.

§ 46. Наши загороженные рощи, которые на народном языке называют brogili (или brolia, латиниз. форма немецк. Brühl), заботливо охранять и в свое время чинить, не ожидая ни в каком случае, чтобы пришлось изгороду снова ставить. Того же правила держаться вообще относительно зданий.

§ 47. Наши ловчие и сокольничьи, равно как и прочие служители, имеющие постоянные обязанности при нашем дворе, должны составлять в наших мызах совет, к которому мы или королева могли обращаться с письменными приказаниями, на случай посылки кого-нибудь по собственным делам или если наш министр двора (siniscalcus, Senechal) и кравчий прикажут что-нибудь с наших слов.

§ 48. Держать в порядке на наших мызах толчеи (torcularia). Пусть позаботятся управляющие, чтобы виноград наш никто не осмеливался давить голыми ногами; это нужно делать чисто и прилично.

§ 49. Женское отделение (genitia от греч. γυναιχιον) должно быть хорошо устроено, а именно: в отношении чуланов, чердаков и подвалов; оно должно быть прочно огорожено и иметь надежные ворота, как тому следует быть в наших владениях.

§ 50. Каждый управляющий должен смотреть, сколько жеребцов должно стоять в одной конюшне и сколько конюхов могут поместиться с ними. Конюхи, остающиеся без дела и имеющие в том же округе бенефицию (то есть землю, данную для пользования), пусть живут из своих бенефиций. Точно так же и крепостные (fiscalini), имеющие сдворок (mansa, то есть дом с огородом), пусть тем и живут. Кто же не имеет того, тот получает месячину (provenda) из господских амбаров.

§ 51. Пусть каждый управляющий смотрит, чтобы дурные люди никаким образом не прятали под землей наш семенной хлеб и не могли бы укрыть в каком другом месте, а через это всход может быть редок. Равномерно должно наблюдать, чтобы они никогда не могли заговаривать полей (то есть посредством колдовства).

§ 52. Мы желаем, чтобы управляющие творили правый и нелицемерный суд всякого рода людям, как нашим крепостным или рабам, так и всельникам (ingenuis), пребывающим на нашей земле или на наших мызах.

§ 53. Каждый управляющий должен наблюдать за тем, чтобы наши люди его округа никаким образом не делались ни разбойниками, ни колдунами.

§ 54. Каждый управляющий пусть смотрит, чтобы наши домочадцы (familia nostra) хорошо прилежали делу и в свободное время не скитались по рынкам.

§ 55. Мы желаем, чтобы управляющие все, что прибудет или сохранится, или отложится, записывали в одну книгу (breve), а все, что истратят, в другую; а о том, что будет в остатке, донесут нам рапортом (per brevem).

§ 56. Каждый управляющий в своем округе должен делать часто приемные дни (audientias), заниматься разбирательством дел и заботиться о правильной жизни наших домочадцев.

§ 57. Если кто из рабов наших захочет донести нам на своего старшего (magistrum) по нашему делу, не преграждать ему дороги к нам. Если же управляющий узнает, что его подчиненные хотят идти ко двору жаловаться на него самого, тогда он сам должен отправить ко двору объяснение против них, чтобы жалоба их, дойдя до нашего слуха, не раздражила нас. Притом, мы будем так знать, по делу они пришли или по-пустому.

§ 58. Если управляющим будут поручены наши щенки, пусть кормят их из своего или поручают своим подчиненным, старостам, десятским или кашеварам (cellelarius), чтобы они хорошо кормили из своих доходов; разве только случайно, по нашему приказанию или по приказанию королевы, будет назначено кормить щенков на нашей мызе и из наших доходов. И в таком случае управляющий отряжает для этого дела нарочного, который бы заботился их кормить, и выделяет ему нужное для прокормления, чтобы этому человеку не было необходимости каждый день бегать домой.

§ 59. Каждый управляющий должен выдавать на каждый день воску по 3 фунта и мыла по 8 секстариев; сверх того, к празднику св. Андрея, где бы мы ни были со своим семейством, по 6 фунтов воску, и в половине поста то же количество.

§ 60. Ни в каком случае не назначать старост из людей, имеющих влияние, но из людей бедных, но верных.

§ 61. Каждый управляющий во время своей службы должен представлять ко двору свой солод и вместе с тем приводить мастеров, которые могли бы там варить хорошее пиво.

§ 62. Чтобы мы могли знать, чем и в каком количестве мы владеем своим имуществом, наши управляющие обязаны ко дню Рождества Христова ежегодно представлять нам отчет о каждом предмете отдельно и в порядке по всему нашему хозяйству, а именно: сколько обработано земли быками наших пахотников, сколько оброчными, сколько взято за охоту в заповедных чащах без позволения, сколько других различных штрафов; сколько с мельниц, сколько с лесов, сколько с полей, с мостов и перевозов; сколько с рынков, сколько с виноградников, сколько с тех, которые поставляют вино; сколько с сена, сколько с дерева, лучины, осей и другого материала; сколько с выгонов (proterrarium), с овощей, с шерсти, полотна, с древесных плодов, с орехов, крупных и мелких, с садов, с рыбных садков, с красильных фабрик, с кож, с рогов, с меду и воску, с жиру и сала или мыла; с наливки, меду и уксусу; с пива, с молодого и старого вина, с молодого и старого хлеба, с кур, яиц, гусей, рыб, с кузнецов, оружейников, скорняков, столяров, токарей, седельников, с железных и свинцовых руд, которые отданы на откуп, с жеребцов и с кобылиц.

§ 63. Если мы требуем всего этого, то наши управляющие не должны тем слишком оскорбляться, потому что мы только желаем, чтобы и они требовали от своих подчиненных беспрекословного исполнения дела. И все, что каждому должно иметь в своем доме и в своих владениях, пусть все это имеют на наших мызах и наши управляющие.

§ 64. Чтобы походные телеги и крытые повозки находились в исправности и чтобы ящики на них были хорошо покрыты кожей, и кожа должна быть так хорошо сшита, чтобы их можно было, в случае надобности, перевозить по воде со всем заключающимся в них, не опасаясь промочить, и таким образом, наша поклажа, как мы сказали, могла бы без повреждения перевозиться. Мы желаем также, чтобы с каждой телегой доставлялась нам мука, а именно: 12 мер, а на других телегах вино, также по 12 мерок нашей меры. И при каждой телеге должны быть щит, копье, колчан и лук.

§ 65. Рыбу из наших садков продавать, а остальную затем сажать в садки, чтобы иметь всегда ее под рукой. Если же мы не посетим наших имений, то продавать и это и обращать таким образом в наш доход.

§ 66. О козах и козлах, о их рогах и шкурах давать нам отчет и доставлять нам от них жирную и свежую ветчину.

§ 67. О пустопорожних местах и приобретенных крепостных (de mancipiis adquisitis), если таковые имеются, а для их поселения не будет места, давать нам знать.

§ 68. Мы желаем, чтобы управляющие имели всегда наготове хорошие бочки, обтянутые железом, которые они могли бы доставить нам в лагерь или ко двору; но из кожи не делать бочонков.

§ 69. Мы ожидаем во всякое время известий о волках, сколько их поймано, а шкуры их доставлять нам. В мае искать волчат и ловить их отравой (pulvere), сетями, ямами и собаками.

§ 70. Мы желаем, чтобы в наших садах были всевозможные цветы, как то: lilium,

rosas, fenigrecum, costum, salviam, rutam, abrotanum, cucumeres, pepones, cucurbitas, faciolum, ciminum, ros marinum, careium, cicerum italicum, squillam, gladiolum, dragantea, anesum, coloquentides, solsequiam, ameum silum, lactucas, git, eruca alba, nasturtium, parduna, puledium, olisatum, petresilinum, apium, lejusticum, savinam, onetum, fenicolum, intubas, diptamnum, sinape, satureiam, sisimbrium, mentam, mentastrum, tonozitam, neptam, febrefugiam, papaver, betas, vulgigina, mismalvas, malvas, carvitas, pastenacas, adripias, blidas, ravacaulos, caulos, aniones, porros, radices, ascalonicas, cepas, olia, warentiam, cardones, fabas majores, pisos mauriscos, coriandrum, cerfolium, lacteridas, sclareim. Садовник должен иметь над своим домом Jovis barbam. Из деревьев мы желаем иметь у себя яблоки всех сортов, груши всех сортов, сливы всех сортов, sorbarios, mespilarios, castanearios также всех сортов; cotoniarios, avellanarios, amandalarios, morarios, lauros, finos, ficus, nucarios, cererarios всех сортов. Названия яблок: gormaringa, geroldinga, crevedella, spirauca, dulcia, acriores; одни для сохранения на зиму, другие для немедленного употребления и скороспелые. Груш, годных для сохранения, три или четыре рода, сладких, отварных и поздних.

Кончается капитулярий государей.

Pertz. Monum. Germ. t. I, Legum, c. 181–187

КОММЕНТАРИЙ. Лучшее и специальное исследование об этом капитулярии: Karl Anton. *Geschichte der deutschen Landwirtschaft von den ältesten Zeiten bis zum Ende des XV Jahrh. Göritz. 1799. t. I, c. 172 и до конца.*

II. Капитулярий о церковном порядке (Capitulare ecclesiasticum) (789 г.)

В бесконечное царствование Господа нашего Иисуса Христа, Я, Карл, Божией милостью и Его милосердием, король и правитель (rector) королевства франков, усердный защитник и скромный помощник святой церкви, всем чинам (ordinibus) духовного благочестия и властям светского могущества, во имя вечного Бога, Господа Христа, желание постоянного мира и блаженства, привет!

Мирно размышляли мы благочестивым умом вместе с пастырями и нашими советниками об изобильной милости Господа Христа к нам и нашему народу и о том, как необходимо непрестанно вызывать Его благость не только сердцем и устами, но и беспрерывным упражнением в добрых делах, так как Он наделил наше царствование всякими почестями и удостоил под своим покровительством сохранить навеки и нас, и нашу страну. Посему нам было угодно обратиться к вашей опытности, о, пастыри церкви Христовой, руководители стада ее и яркие светочи мира, чтобы вы с заботливым бдением ревностными убеждениями старались привести народ Божий к пастбищам жизни вечной и потщились силой добрых примеров и назидания ввести заблудшихся овец в крепкую ограду церкви, дабы коварный волк не пожрал кого-нибудь переступившего за черту канонических правил или вышедшего за пределы отческих преданий вселенских соборов, чего Боже избави. Потому должно усовещивать, убеждать и даже принуждать каждого, чтобы он оставался в твердой вере и неутомимом последовании правил отцов: в этом деле, знайте, ваша святость может помочь нашим усилиям. С этой целью мы и отправили к вам наших missi, чтобы они властью нашего имени вместе с вами исправили все, что следует исправить. Мы присоединили к нашей инструкции некоторые главы из определений канонов, которые нам показались необходимыми. Прошу, чтобы кто-нибудь не осудил притязание наше благочестивыми убеждениями исправлять ошибки, уничтожать лишнее, справедливое внушать; пусть примут все то благодушно. Ибо мы читали в Книге Царств, как святой Осия, обходя данное ему Богом государство, исправляя его и назидая, старался обратить к поклонению истинному Богу. Говоря так,

я не хочу уравнять себя с его святостью, но, думаю, что нам во всем следует подражать примерам святых, и по мере сил своих содействовать к утверждению доброй жизни во славу и хвалу Господа нашего Иисуса Христа. Посему, как я сказал, мы повелели начертать несколько параграфов, чтобы вы позаботились иметь их в виду и знали, что для вас необходимо, чтобы как то, так и другое с равносильным усердием проповедовать. Не опустите ничего, что могло бы и содействовать вашей святости, и быть полезным народу Божьему; таким образом и всемогущий Бог вознаградит вечным блаженством и ваши труды, и послушание подданных.

Ко всем:

§ 1. Некоторые, будучи отлучены от церкви за преступления своим собственным епископом, воспринимаются предосудительным образом другими духовными или светскими: но это запрещено святыми соборами в Никее, Халкедоне, Антиохии и Сардике.

К епископам:

§ 2. На том же соборе постановлено, чтобы те, которые являются для посвящения, посвящались после того, как их вера и жизнь будут тщательно исследованы епископом.

Ко всем:

§ 3. На том же соборе и на Антиохийском равно, как и на Халкедонском, запрещено: беглых церковнослужителей и странников принимать и посвящать без рекомендации и дозволения их епископа или аббата.

§ 4. На том же соборе запрещено священникам, дьяконам и всему клиру держать в своем доме женщину подозрения ради, кроме матери и сестры, или таких, которые не могут навлечь подозрения.

§ 5. На том же соборе и в декретах Папы Льва, и в так называемых апостольских канонах, и в самом Законе Божием всем строго запрещено давать деньги в рост.

К епископам:

§ 6. До нашего слуха дошло, что некоторые священники служат обедню и не приобщают: это безусловно запрещено в апостольских канонах. И каким образом такой священник, который не приобщал, может справедливо сказать: мы вкусили, Господи, таинств? О всем этом вы можете читать в главах постановления Никейского собора и во всех синодальных определениях св. отцов.

§ 8. На Антиохийском соборе постановлено: подчиненные епископы (suffragani) повинуются главному (metropolitanum episcopum) и не дерзают вводить в своих приходах ничего нового без ведома и совета сего главного епископа, ни главный епископ без их совета.

К священникам:

§ 9. На том же соборе постановлено, чтобы епископы (corepiscori) знали свою меру и ничего не предпринимали без согласия епископа, в приходе которого живут.

Ко всему духовенству:

§ 10. На том же соборе: ни епископ, ни кто другой из духовенства без ведома или грамоты других епископов или главного епископа не смеет апеллировать по своему делу к королю, и его дело должно быть рассмотрено на соборе епископов.

К епископам:

§ 12. На том же соборе: епископ должен заботиться о той церкви, в которой поставлен.

§ 13. На том же соборе и на Халкедонском: провинциальные епископы с главным своим епископом должны делать два раза в год собрания по делам своей церкви.

§ 14. На соборе в Лаодикее и на Африканском запрещается монахам и духовным заходить в харчевню для еды и питья.

Ко всем:

§ 16. На том же соборе: не выдумывать неизвестных имен ангелов и именовать только тех, которых мы признаем, а именно: Михаила, Гавриила и Рафаила.

К духовенству и монахам:

§ 17. На том же соборе: не следует допускать женщин входить в алтарь.

К священникам:

§ 18. На том же соборе: не терпеть составителей зелий, колдунов, заговорщиков и заговорщиц (то есть от болезней и т. п.).

§ 20. На том же соборе: каноники должны читать книги только в церкви.

К духовным и монахам:

§ 21. На соборе Халкедонском запрещено поставлять епископа или кого-нибудь из духовенства за деньги, потому что нужно низвести и того, кто поставлял, и того, кого поставили, и кто был посредником между ними.

Ко всем:

§ 23. На том же соборе в двух главах и декретах Папы Льва запрещено монаху и клерику заниматься светскими делами. И никто не должен убеждать чужого раба вступить в клерики или монахи, без согласия и воли его господина.

К священникам:

§ 24. На том же соборе, в двух главах и на соборе в Сардике запрещено епископам и клерикам переселяться из одного города в другой.

Ко всем:

§ 25. На том же соборе: никто не должен быть посвящен без определенного места (absolute), но по объявлении и поселении на том месте, для которого посвящается.

К монахам и всему духовенству:

§ 26. На том же соборе: клерики и монахи должны выполнить слово и обет, данные Богу.

К священникам:

§ 27. В декретах Папы Иннокентия сказано о том же: монах по возвышении своем в духовный сан не может отказаться от монашеских обетов.

Ко всем:

§ 28. На том же соборе: если клерики имеют между собой тяжбу, то судятся своим епископом, а не светским судом.

§ 29. На том же соборе: ни клерики, ни монахи не смеют делать заговора или козни против своего пастыря.

§ 31. На том же соборе: места, однажды посвященные Богу как монастыри, остаются навсегда монастырями и не могут обращаться в светское жилище.

§ 32. На соборе Карфагенском: настоятельно проповедовать всем веру в Св. Троицу, воплощение Христа, его страсти, воскресение и вознесение на небо.

§ 33. На том же соборе: запрещать корысть, чтобы никто не вступал в чужое владение и не переходил за пределы отцовской земли.

§ 38. На том же соборе: кто одолжил деньги, тот деньгами и получает; если же дал вещью, то вещью же и вознаграждается в той мере, как дал.

§ 40. На Африканском соборе: девы, посвященные Богу, должны быть под строгим присмотром верных людей.

К епископам:

§ 41. На том же соборе: неприлично епископу пренебрегать кафедральной церковью своего прихода и чаще посещать какую-нибудь другую церковь своего диоцеза.

§ 42. На том же соборе: не оказывать почтения лжемученикам и памяти сомнительных святых.

Ко всем:

§ 43. На том же соборе: ни жена, отпущенная мужем при его жизни, не может выйти замуж, ни муж до смерти первой жены не может жениться вторично.

§ 45. На том же соборе, в двух главах: негодные люди не имеют права обвинять. Если кому раз доказано, что он солгал, то он лишается права говорить вторично.

§ 46. На том же соборе: не посвящать девственниц ранее 25 лет, если нет к тому какой-нибудь необходимости.

§ 47. На соборе Гангарском: не дозволять красть или похищать просфоры (ablata), назначенные для бедных.

Ко всем духовным:

§ 48. На том же соборе: не освобождать без разумной причины от церковных постов.

К епископам:

§ 50. На соборе Неокесарийском: ни один священник не должен быть поставлен в этом звании ранее 30-летнего возраста, потому что и Господь Иисус не проповедовал до 30 лет.

Ко всем:

§ 51. В декретах Папы Сириция: никто не должен брать в жены чужой невесты.

§ 53. В декретах Папы Иннокентия: по совершении таинств Христа все должны быть в мире.

К епископам и священникам:

§ 55. Там же: никто из священников не может не знать правил св. канонов.

К епископам:

§ 59. В декретах Папы Гелазия: ни один епископ не должен посвящать вдов.

Ко всем:

§ 61. Да будет мир и единодушие со всем христианским народом, между епископами, аббатами, графами, судьями и между всеми, как старшими, так и младшими; потому что Богу ничто не угодно кроме мира, ни даже святое приношение на алтарь, как то мы читаем в Евангелии словами самого Господа; ибо сказано в Законе: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». То же и в Евангелии: «Блаженны миротворцы, потому что сынами Божьими назовутся». И в другом месте: «Тем познают все, что вы мои ученики, если возлюбите друг друга». Таким образом, отличаются дети Божии от детей дьявола; дети диавола помышляют непрестанно сеять ссоры и несогласия; дети же Бога заботятся о мире и любви.

§ 62. Кому дана власть судить, пусть судит по правде, как то сказано: «Судите по правде, о, сыны человеческие». Не для взятки, потому что взятка ослепляет сердце самых разумных и извращает речь справедливого. Не из лести, не по лицеприятию, как сказано во Второзаконии: «Судите справедливо; будет ли свой (cives) или чужестранец, не различайте лиц, потому что суд Божий». Прежде всего, судьи должны поучать законам, составленным мудрыми, чтобы люди, по невежеству, не отклонялись от пути правды. Притом, если человек признает справедливость суда, то он боится уклониться от него, из лести перед кем-нибудь, из любви к другу, из страха перед сильными или вследствие подкупа. Вообще нам кажется, что более почтенно для судей выслушивать дела и произносить приговоры натощак.

§ 64. В Законе Божием мы читаем следующее запрещение: «Не колдуйте»; и во Второзаконии сказано: «Никто не может заниматься предвещаниями, угадываниями снов или наблюдением за полетом птиц». То же и о деревьях, камнях и источниках, при которых некоторые глупцы делают свои наблюдения; мы повелеваем, чтобы этот проклятый и ненавистный Богу обычай истреблялся и уничтожался повсюду, где только встретится.

§ 65. Должно проповедовать всем, какое великое зло ненависть или зависть, потому что и в законе сказано: «Не возненавидь брата твоего в сердце своем, но при всех упрекни его». То же и Иоанн евангелист: «Кто ненавидит брата своего – убийца есть». То же и в Евангелии: «Если согрешит против тебя брат твой, поди и укори его с глазу на глаз»; и многое подобное читается там. О скупости же мы читаем у апостола: «Должно опасаться скупости, потому что она есть служение идолам». То же сказано о корысти, этом корне всех зол. Так, в Законе: «Не пожелай вещи ближнего твоего».

К епископам и ко всем:

§ 66. Запрещаются смертоубийства в пределах родины, как то сказано и в заповедях Господних, ради лести, корысти и грабежа. Где случится подобное, предавать убийцу сообразно нашим предписаниям, по закону в руки судей. И не лишать никого жизни без приговора суда.

Ко всем:

§ 68. Убеждайте всеми средствами, чтобы дети почитали родителей своих, ибо сам Господь сказал: «Чти отца твоего и мать твою, да будешь долголетен на земле, которую даст тебе Господь Бог твой».

К священникам:

§ 69. Пусть епископы в своем приходе внимательно наблюдают за священниками, их верой, крещением и отправлением службы; крещение должно совершаться по-кафолически; священники должны сами хорошо понимать молитвы за обедней, читать псалмы с достоинством и по разделению их на стихи разуметь Господню молитву и читать ее понятно для всех, чтобы каждый знал, чего просить у Бога; и чтобы слова «Слава Отцу» пелись всеми с должным благоговением; и сам священник вместе со святыми апостолами и народом Божиим в один голос возглашал: «Свят, Свят, Свят». Всеми мерами внушать священникам и дьяконам, чтобы они не носили оружия и более доверяли защите Бога, нежели меча.

Одно к священникам, другое к народу:

§ 70. Нам угодно также напомнить Вашему степенству (reverentiam vestram), чтобы каждый из вас наблюдал в своем приходе за тем, чтобы церковь Божия всеми почиталась; чтобы алтарям оказывалось уважение; чтобы церковь и алтари не осквернялись вбежавшими собаками; чтобы священные сосуды содержались с большим почтением; чтобы таинство причастия приготовлялось людьми достойными и с уважением сохранялось; чтобы не допускать в церкви мирских разговоров и болтовни, потому что Божий храм есть дом молитвы, а не вертеп разбойников; и чтобы все приходящие во храм направляли свой дух к торжественному богослужению и не выходили до получения пастырского благословения.

К священникам:

§ 71. Умоляем также, Ваше степенство (vestram almitatem), и о том, чтобы служители алтаря Господня украшали свою службу добрыми нравами; заклинаем теперь и все канонические ордена повиновения, и все монастырские общины, чтобы они вели хорошую и одобрительную жизнь, как сам Господь повелел в Евангелии: «Да просветится свет ваш пред людьми, и да видят ваши добрые дела, и прославят Отца вашего, который на небесах»; пусть ваш хороший образ жизни привлечет многих на службу Богу. И пусть священники собирают около себя и приближают к себе не только детей рабского сословия, но и сыновей благородных. И пусть они устраивают читательные школы для мальчиков (scolae legentium puerorum). Иметь при каждом монастыре и епископстве хорошо исправленные псалмы, ноты, песни, грамматики и другие кафолические книги; потому что часто иные желают просить о чем-нибудь Бога и худо просят по неисправленным книгам. Не допускайте ваших учеников портить те книги при чтении их или переписке. И если нужно переписать евангелия, или псалтырь, или обедню, то пусть займутся тем взрослые люди и со всем тщанием.

Ко всем:

§ 73. Пусть как в городах, так и в монастырях, как при отдаче, так и при получении, употребляют верные и точные меры, как поучает нас тому и Закон Божий. Так Господь говорит устами Соломона: «Вес и вес, меру и меру возненавидела душу моя».

§ 74. И то кажется нам справедливым и почтенным, чтобы гости, странники и бедные имели в различных местах убежища, постановленные правилами и канонами; потому что и Господь в великий день воздаяния скажет: «Я был странник, и вы приняли Меня». И апостол, восхваляя гостеприимство, сказал: «Они угодили тем Богу, что гостеприимно встретили ангелов».

К епископам и аббатам:

§ 75. До нас дошло, что некоторые аббатиссы в противность обычаю святой Господней церкви дают благословение мужчинам с наложением рук на голову и знамением св. Креста и даже посвящают дев с пастырским благословением. Знайте, святейшие отцы, что вам должно строго запрещать подобное в ваших приходах.

К клерикам:

§ 76. Следует всеми мерами преследовать и исправлять тех клериков, которые

выдают себя, по одежде или по имени, за монахов, а на деле вовсе не монахи; они должны быть или настоящими монахами, или настоящими канониками.

Ко всем:

§ 77. Не должно ни верить, ни читать поддельные сочинения, рассказы сомнительной верности и вообще все, что против кафолической веры, сквернейшие и ложные послания, которые в прошедшем году разносились бродягами, уверявшими, что эти послания упали с неба; тем самым они ввели иных в заблуждение. Все такое сжигать, чтобы народ подобными сочинениями не был вовлечен в заблуждение. Можно читать и передавать одни канонические книги, кафолические трактаты и сказания св. отцов.

К епископам и ко всем:

§ 80. Мы определяем, как то постановлено и в Законе Божием, чтобы рабы не трудились в воскресные дни; и блаженной памяти мой родитель в своих синодальных указах постановил, чтобы в воскресные дни мужчины не занимались деревенскими работами ни в виноградниках, ни на поле, ни на сенокосе, ни в лесу, ни на каменоломне, ни на постройке, ни в огороде, чтобы не требовались на суд, ни на охоту. В трех только случаях дозволяется запрягать лошадей в телегу и по воскресным дням: в случае требования военной подводы (ostilia carra), в случае доставки съестных припасов и в случае, если будет необходимо отвезти чье-нибудь тело на кладбище. Точно так же и женщины не могут заниматься ручными работами, чинить платье, шить или вышивать по канве (acupictile facere, то есть делать рисунки иглой); ни чистить шерсть, ни клепать на реке белье (linum battare), ни мыть платье при всех, ни стричь овец. Пусть всеми соблюдаются Господни дни с честью и тишиной. Но в церковь должны все ходить на торжественную службу, чтобы прославить Бога за все блага, которыми Он наделил нас на этот день.

Ко всем:

§ 81. Возлюбленные и почтенные пастыри и правители церквей Господних! Наблюдайте за тем, чтобы священники, отсылаемые вами в приход для служения Богу, верно и достойно назидали народ; не дозволяйте никому проповедовать народу выдуманное из головы, новое, не каноническое, и не основанное на Священном Писании. Да и сами вы назидайте в полезном, лестном и справедливом, что ведет к вечной жизни, и других учите проповедовать то же самое.

Прежде всего нужно проповедовать всем вообще, чтобы верили, что Отец, Сын и Св. Дух – один всемогущий Бог, вечный, нераздельный, который сотворил небо и землю, море и все, что в них есть, и что единая божественность (deitas), сущность и величие в трех лицах Отца, Сына и Св. Духа.

Также проповедуйте, каким образом Сын Божий воплотился от Св. Духа и Марии приснодевы (semper virgine) для спасения и восстановления рода человеческого, пострадал, погребен, в третий день воскрес и вознесся на небеса; и как Он снова придет в божественном величии судить людей по их заслугам, и как нечестивые за свои злодеяния будут ввергнуты вместе с дьяволом в огнь вечный, а праведные вместе с Христом и святыми ангелами отойдут в вечную жизнь.

Так же тщательно нужно поучать о воскрешении мертвых, чтобы все знали и верили, что они получат воздаяние за заслуги в тех же самых делах.

Так же тщательно нужно всем проповедовать, за какие именно грехи будут они преданы вечному пламени вместе с дьяволом. У апостола мы читаем об этом: «Очевидно, дела нашей плоти суть: блуд, осквернение, сластолюбие, идолослужение, отравление, вражда, ссора, борьба, гнев, злоба, драка, несогласие, ереси, расколы, зависть, убийство, пьянство, обжорство и тому подобное; говорю вам, что кто творит сказанное мной, не наследует Царства Небесного». И вы старайтесь запрещать то, что запретил великий проповедник церкви, называя каждый порок по имени, и дайте вместе с тем понять, как ужасно то, чем он кончил: «Кто совершает подобное, не наследует Царства Небесного».

Но главным образом назидайте всех в любви к Богу и ближнему, в вере и надежде на Бога, в смирении и терпении, непороч-

ности и воздержании, благоразумии и милосердии, милостыни и покаянии во грехах своих, и поучайте должникам нашим, по словам молитвы Господней, отпускать долги их: пусть знают, что всякий, кто все это исполняет, наследует Царство Небесное.

Мы тем настоятельнее вменяем Вашему степенству в обязанность подобное поучение, что знаем, в скором времени появятся лжеучителя, как то предсказал сам Господь в Евангелии и о чем свидетельствует апостол Павел в послании к Тимофею. Потому, мои возлюбленные, приготовимся всем сердцем к познанию истины, чтобы быть в силах бороться с противящимися ей и чтобы милосердное слово Божие росло, распространялось и расширялось вместе со святой церковью, во спасение душ наших и во славу и хвалу имени Господа нашего Иисуса Христа. Мир проповедующим, милость внемлящим, слава Господу нашему Иисусу Христу. Аминь.

В год воплощения 789-й, индикта 12, царствования нашего 21 дан указ этого послания в Ахене на народном собрании (palatio publico). Грамота утверждена в десятый день пред апрельскими календами.

Pertz. Mon. Germ. t. I Leg., c. 53–67.

III. Капитулярий о занятиях науками (Encyclica de literis colendis) (787 г.)

Карл, милостью Божией король франков и лангобардов, и патриций Рима, Баугульфу аббату и всей общине, отправив к ним предварительно своих молитвенников (oratores), посылаем во имя всемогущего Бога свой ласковый привет!

Да будет ведомо вашему благочестию в Бозе мы вместе со своими верными определили считать полезным, чтобы в епископствах и монастырях, врученных милостью Христа нашему управлению, кроме исполнения правил монастырской жизни и религиозных упражнений, прилежали к размышлению о науках и их изучению каждый по своим способностям, как он может учиться при помощи Божией; как монастырские правила содействуют чистоте нравов, так обучение и учение украшают нашу речь; пусть тот, кто желает угодить Богу правильной жизнью, не пренебрегает и тем, чтобы угодить Ему правильным словом. Ибо сказано в Писании: «Или по словам твоим оправдаешься, или по словам твоим осудишься». Конечно, хороший поступок лучше, чем хорошее знание, однако ж нужно прежде знать дело, чтобы его сделать (quamvis enim melius sit bene facere, quam nosse, prius tamen est nosse quam facere). Таким образом, каждый должен предварительно изучить то, что он желает привести в исполнение: чтобы плодотворно было каждое дело, пусть знают, какой опасности может подвергнуть душу язык, даже и воздавая похвалу Богу, без предосторожностей против ошибок. Если всякому следует избегать ложного, то тем более должны заботиться о том по мере сил своих те, которые только для того и поставлены, чтобы исключительно служить истине.

К нам приносили в последние годы из некоторых монастырей послания, в которых говорилось, что братия, живущая в них, поминает наше имя в своих святых и благочестивых молитвах; но мы заметили, что в большей части таких посланий внутренний смысл речи хорош, но сама речь необработана; внутреннее верно продиктовано благочестием, но в отношении внешнем невежественный язык был не в силах выражаться без ошибок. Вот потому-то мы и начали бояться, что если братия так мало смыслит в искусстве письма, то еще гораздо менее, может быть, она смыслит в чтении Священного Писания. А мы все хорошо знаем, что как ни опасны ошибки в словах, но еще опаснее ошибки в уразумении смысла. Почему и убеждаем вас не только не пренебрегать научными занятиями, но со всей скромностью и благим пред Богом намерением предаваться им прилежно, чтобы вы могли тем легче и вернее проникать в таинства Священного Писания. Так как на его страницах встречаются аллегории, тропы и тому подобное, то, без сомнения, только тот поймет все это духовно, кто был предварительно наставлен в области науки. Но для

этого дела избирайте таких людей, которые имели бы способность и охоту учиться сами, и вместе желание учить других. Все это должно делать только с таким намерением, какое внушается нашим благочестием, потому что мы желаем, чтобы вы, как то и приличествует воинству церкви, были бы в одно и то же время и внутри благочестивы, и вне учены, чисты жизнью и красноречивы; чтобы всякий, кто пригласил бы вас к себе имени Божьего ради и для назидания в беседе, был бы наставлен одним взглядом на вас и возвратился бы радостно, благодаря всемогущего Бога, почерпнув для себя вашей мудрости, которую он мог услышать и в чтении, и в вашем пении.

Если желаешь приобресть нашу благосклонность, то не забудь разослать копию с этого письма ко всем подведомственным тебе сопастырям (coepiscopos) и по всем монастырям. И чтобы ни один монах вне монастыря не занимался разбирательством дел и не скитался по народным собраниям и торжищам. Читающему доброго здоровья!

Pertz. Mon. Germ. t. I Leg., с. 52–53

IV. Капитулярий Падерборнский об областях Саксонии (Capitulare Paderbrunnense da partibus Saxoniae) (785 г.)

Во-первых, все согласно определили, чтобы церкви Христовы, устраиваемые в Саксонии и посвящаемые Богу, были бы не менее, но еще более и торжественнее украшены, нежели прежние капища идолов.

§ 2. Если кто убежит в церковь, никто не смеет силой выгонять его оттуда, и он пользуется миром до представления в собрание; и в честь Бога и святых Его сохраняется ему жизнь и все члены.

§ 3. Кто вторгнется силой в церковь и унесет оттуда что-нибудь или предаст церковь пламени, смертью умрет.

§ 4. Кто в Великом посту съест из презрения к христианству мясо, смертью умрет. Однако священник должен обратить внимание, не по необходимости ли кто-нибудь ел мясо.

§ 5. Кто убьет епископа, священника или дьякона, наказывается смертью.

§ 6. Если кто, обманутый дьяволом, по обычаю язычников поверит, что мужчина или женщина занимается колдовством, ест людей или дает мясо есть другим, то смертью наказан будет.

§ 7. Если кто по обычаю язычников предаст пламени тело покойного и кости его обратит в пепел, тот смертью умрет.

§ 9. Если кто принесет человека в жертву дьяволу и по обычаю язычников вступит в сношение со злыми духами, смертью умрет.

§ 10. Если кто окажется неверным государю королю, будет наказан смертью.

§ 12. Если кто похитит дочь своего господина, смертью умрет.

§ 20. Если кто вступит в запрещенный или неприличный брак, то благородный платит 60 солидов, свободный – 30, а простолюдин (litus) – 15.

§ 26. Никому из людей не преграждать дороги к нам, если он ищет суда; и кто нарушит это, заплатит нам штраф.

§ 34. Запрещаем всем вообще саксонцам собираться в народные собрания, разве missus созовет их от нашего имени. Но каждый граф в своем округе пусть творит суд и расправу. И пусть священники наблюдают, чтобы это не происходило иначе.

Pertz. Mon. Germ. t. I Leg., с. 48–50.

КОММЕНТАРИЙ. О капитуляриях, их значении и изданиях см. выше. Лучшее и новейшее издание капитулярий как Карла Великого, так и его предшественников и преемников, сделал Pertz. *Monum. Germ. Leges. т. I и II (в общем порядке III и IV).*

Алкуин

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АЛКУИНА (конец VIII – начало IX в.)

Письмо к Карлу Великому (Ad domnum regem) (796 г.)

Содержание: поздравляет с победой над аварами и объясняет, как должно их наставлять в вере и какой должен быть устроен при этом порядок.

Великому государю и всеславному во Христе, благочестивейшему Карлу, королю Германии, Галлии и Италии и проповедникам слова Господня, смиренный и ничтожный сын (Filiolus) святой матери церкви – вечной славы во Христе и здравия!

Слава и хвала Богу Отцу и Господу нашему Иисусу Христу! Милостью Духа Святого за благочестие и преданность святой вере и за добрые дела королевство Вашего Христианства (Vestrae Christianitatis) и признание истинного Бога расширились; многие из самых отдаленных народов направлены на путь истины от заблуждений нечестия. Какая будет слава о тебе, о благополучнейший король, когда в день последнего воздания все те, которые твоей заботой от идолопоклонства обращены к познанию истинного Бога, станут за тобой, предстоящим одесную на судилище Господа нашего Иисуса Христа! Таковой подвиг увеличит цену вечного блаженства. С каким благочестием и с какой любовью ты трудился ради распространения имени Христова, смягчить суровость несчастного народа саксов словом истинного спасения! Но их обращение, по-видимому, и до сих пор не удостоилось благодати, и потому многие из них остаются погрязшими вместе с дьяволом в мерзостях отвратительных обычаев. Ты же, почитатель истины и спасения душ, вознагражден теперь Христом за твою добрую волю еще большей славой и большей хвалой. Он подчинил твоему скипетру, поднятому на его прославление, народы и племена гуннов (т. е. аваров), страшных издавна своим зверством и силой; он наложил своей благодатью ярмо святой веры на их гордую выю и пролил свет истины пред очами их ума, ослепленного от века.

Но теперь ваше премудрое и богоугодное благочестие должно позаботиться о приискании для нового народа проповедников благочестивых, сведущих в науке св. веры и проникнутых евангельскими правилами: пусть они подражают в проповеди слова Божия святым апостолам, которые имели обычай предлагать своим слушателям при первом их посвящении в таинства веры млеко, то есть мягкие правила, как то выразил апостол Павел: «И я, братья, не могу говорить вам, как существам духовным, но как плотским. Подобно младенцам во Христе, я предложил вам напиться молока, а не пищу. Вы бы еще не возмогли, да и теперь еще не можете» (I, Кор. III, 1, 2). Так указал на это всемирный проповедник, а его устами говорил Христос: именно, чтобы при первом обращении народов к вере питать их мягкими правилами, как новорожденных питают молоком; иначе суровые правила сделают то, что неокрепший дух изблюет все, что выпьет. Потому-то и сам Господь Христос в Евангелии отвечал спросившим его, почему его ученики не соблюдают постов, говоря: «Никто не вливает нового вина в старые мехи; иначе мехи разорвутся, и вино выльется, и мехи погибнут» (Матв. IX, 17). Иное дело, как говорит блаженный Иероним, девственная чистота души, незапятнанной никаким прикосновением прежнего греха, и иное – чистота души, которой коснулась уже мерзость страстей[1].

Приняв все это во внимание, ваше святое благочестие в своем премудром предвидении должно рассмотреть, будет ли хорошо при первом обращении к вере налагать бремя десятины на грубый народ так, чтобы каждый дом платил сполна; следует обстоятельно подумать о том: разве апостолы, самим Богом Христом наставленные и посланные для проповедования миру,

---

[1] По-видимому, Алкуин хочет сказать последней мыслью, что новообращенные менее греховны, нежели обращенные и согрешившие после того, а потому первые не нуждаются в строгих правилах церкви, как то посты и т. п.

Верхняя доска переплета книги, изготовленной в мастерских св. Бернарда под его надзором. Хильдесхайм. Соборная ризница

спрашивали десятину или требовали ее? Мы знаем, что сбор десятины с имущества – дело весьма хорошее; но все же лучше отказаться от десятины, нежели погубить веру. Мы сами, рожденные, воспитанные и наставленные в кафолической вере, и мы едва соглашаемся вполне на десятину с нашего имущества. Во сколько же раз более воспротивится всякой щедроте их слабая вера, детский ум и дух жадный? Конечно, по утверждении веры, укреплении в них обычаев христианства им, как людям более совершенным, можно будет предложить и более строгие правила, которые тогда уже не испугают христианской религией умы, успевшие окрепнуть[1].

Особенное внимание нужно обратить на то, чтобы наставление в вере и совершение таинства крещения происходило в установленном порядке: ни к чему не послужит омовение тела св. крещением, если ему не предшествует в душе, обладающей уже разумом, познание кафолической веры... Вот тот порядок, как я думаю, которому должно следовать в наставлении вере человека взрослого, и который был поставлен блаженным Августином в книге «De catechizandîs rudibus». Сначала человек наставляется в бессмертии души, в будущей жизни, в воздаянии добрых и худых дел и в вечности этого воздаяния. Затем ему объясняется, за какие грехи и злодеяния какие предназначены вечные муки с дьяволом, и за какие добрые дела и благодеяния наследуется бесконечная слава со Христом. После того следует весьма тщательно обучать вере в Св. Троицу и изложить о пришествии в этот мир Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, для спасения рода человеческого. Наконец, дух новичка должен укрепиться в таинстве Его страданий, в истине воскресения и славе вознесения на небо и в будущее Его пришествие для суда над всеми людьми; и в воскрешение наших тел, и в вечность, как мы сказали, мук для грешников и наград для праведных. По приготовлении и укреплении в такой вере человек должен быть крещен. И таким образом следует в свое время давать как можно чаще евангельские наставления, прилежно их проповедуя, пока не окрепнет человек и не сделается достойным обиталищем для Духа Святого; и да будет Сын Божий в делах милосердия так же совершен, как совершен Отец, который и царствует в всесовершенной Троице и преблагословенном единстве, Бог и Господь во веки веков. Аминь.

[1] Это письмо Алкуина служит одним из самых лучших памятников, рисующих вполне дух представителей западного духовенства того времени и их политику «начинать с молока, чтобы после удобнее было наложить десятину».

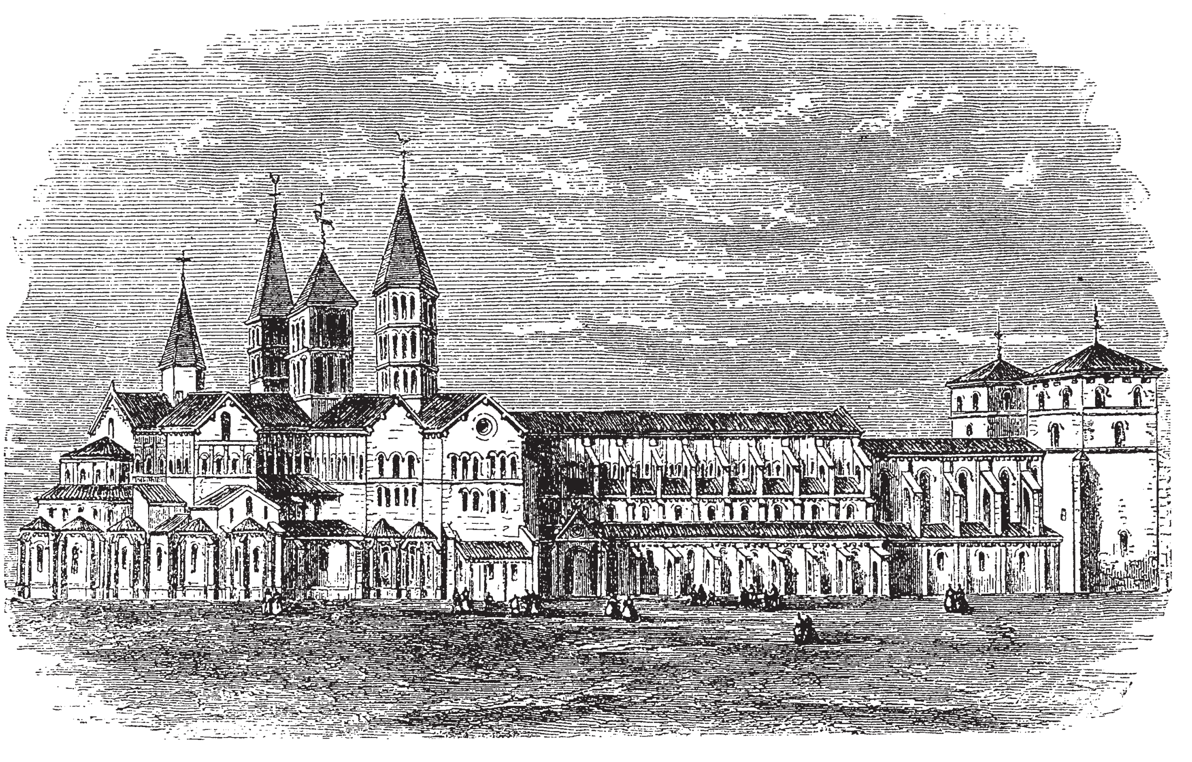
Письмо к Карлу Великому (796 г.)

Содержание: поздравляет короля с его успехами; просит дозволения послать за книгами в Англию; говорит о пользе занятий науками и о необходимости их для учеников Палатинской школы.

Благочестивейшему государю, превосходнейшему и всякой почести достойней-

---

АЛКУИН, или ФЛАКК АЛЬБИН (ALCUINUS, seu FLACCUSS ALBINUS. 735–804). Родился в Англии в г. Йорке около 735 г., умер в монастыре св. Мартина во Франции в г. Туре 19 мая 804 г. В VIII в. Англия была центром ученой образованности благодаря слиянию христианских идей с остатками кельтских наук. Как в древние времена из Галлии отправлялись в Йорк для изучения образованности друидов, так в том же самом городе была основана при монастыре знаменитая школа, в которой обучался и молодой Алкуин под руководством архиепископа Эльберта. Вот что говорит сам Алкуин в своих воспоминаниях о месте своего обучения: «Ученый Эльберт напоял загрубелые умы прямо из источника различных наук; одним он старался сообщить искусство и правила грамматики, пред другими поднимал волны риторики, иных упражнял в прениях судебных, других в песнях Аонии. Многие научались у него играть на флейте Касталии



Старинное здание аббатства в Клюни

или ударять ногой в вершину Парнаса; другие знакомились через него с гармонией небесного свода, путями солнца и луны, пятью поясами полюса, семью планетами, законами течения звезд: их восходом и закатом, движением моря, землетрясениями, природой человека, зверей, птиц и всего населения лесов; он раскрывал перед ними различные качества и сочетания чисел: научал с достоверностью высчитывать время Пасхи, и в особенности объяснял таинственное в Священном Писании» (О святителях и святых церкви Йоркской, стих 1431–1447). Таково было разнообразное содержание обучения Алкуина в школе.

Преемник Эльберта Эадван отправил Алкуина в Рим для получения паллиума в 780 г. Это путешествие в Италию решило участь Алкуина: он встретился в Парме с Карлом Великим; по своей страсти соединять около себя всех ученых мира Карл уговорил Алкуина переселиться к нему[1]; получив согласие архиепископа, Алкуин в 782 г. явился к Карлу и устроил при дворе его знаменитую Палатинскую школу, которой он и управлял до 796 г. Все семейство Карла и сам король были его учениками; из этой же школы вышли все литературные знаменитости того времени, в том числе и Эгингард. Деятельность Алкуина не ограничивалась одним преподаванием наук: он с такой же ревностью заботился об основании школ при других монастырях и о собирании и исправлении манускриптов. Утомленный продолжительными трудами, он удалился от двора в 796 г. и основал новую школу в Турени при монастыре св. Мартина. Но и в этот последний период своей деятельности он не прерывал сношений с Карлом Великим и вел с ним ученую, по

[1] Ср. об Алкуине слова монаха Сангалленского, I, 2, помещенные ниже.

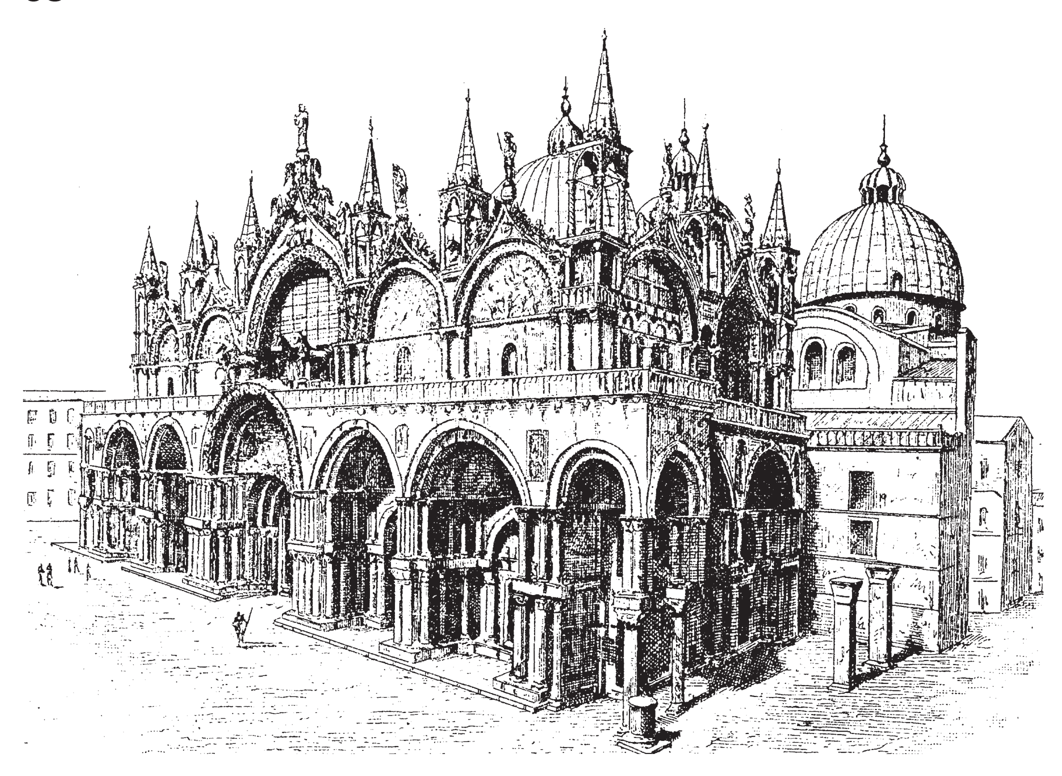
шему королю Давиду[1] – Флакк Альбин (или Алкуин) желает истинного блаженства и вечного спасения во Христе.

Сладость вашего святого благоволения наполняет жажду моей груди ежечасно и даже ежеминутно; образ ваш, на который я обыкновенно взирал с такой любовью, приятно шевелит мускулы моей памяти, и ваше имя, ваш взгляд хранятся в моем сердце как залог неизмеримых богатств. Велико было мое наслаждение услышать о вашей радости по поводу приятнейшего счастья; и я, как вы знаете, отправил к вам с поздравлением вестника (puerulum), одного из клиентов моего ничтожества; по той же причине я воздал хвалу и благодарение за здравие вашего высочества (Vestrae Sublimitatis) Господу нашему Иисусу Христу. И не я один, последний и ничтожный раб (servulus) нашего Спасителя, должен сорадоваться преуспеянию и превознесению вашей светлейшей власти; но и вся святая церковь в единодушной благодати должна будет воздать хвалу всемогущему Господу Богу, который в своем милосердии послал нам столь благочестивого, мудрого и разумного правителя и защитника в эти последние времена мира и при тех опасностях, которые угрожают христианскому народу: ты исправляешь злых, поддерживаешь справедливых, превозносишь святое, распространяешь с радостью имя Всевышнего Господа Бога по всем концам мира и зажигаешь свет кафолической веры в последних пределах вселенной. Вот, о, сладчайший Давид, твоя слава, твоя хвала и награда на день Страшного суда и на вечное сожительство со святыми: ты заботливо старался исправить народ, вверенный Богом вашему высочеству, и вывесть на свет истинной веры те души, которые оставались долгое время ослепленными во мраке невежества. Никогда не пропадала за Богом награда за добрую волю и добрые усилия: чем кто больше трудится сообразно с Божией волей, тем более будет награжден в Царстве Небесном. Время здешней жизни быстро бежит, убегает и

[1] Давиду, то есть Карлу Великому: как он, так все его приближенные по любви к классической древности заменяли свои варварские имена литературными именами Рима и Греции; Алкуин назывался Горацием Флакком.

тому времени, переписку. Литературная деятельность Алкуина была чрезвычайно обширна: кроме многочисленных сочинений богословского содержания, где он комментирует Священное Писание, защищает догматы веры против еретиков и объясняет части литургии, Алкуин оставил много произведений философского,исторического и поэтического содержания. Из его философских трактатов особенно замечательны: *De virtutibus et vitiis* (о добродетели и пороке), посвящен графу Гвидо; и *De ratione animae* (о природе души), написан для одной из женщин, посещавших его Палатинскую школу. К этому же отделу нужно отнести его трактаты о грамматике, правописании, риторике и диалектике и лекции, читанные в школе. К историческим сочинениям Алкуина принадлежат жизнеописания святых; из них особенно замечательна жизнь св. Виллиброда. По древним каталогам видно, что Алкуин писал историю Карла Великого, особенно по отношению его к саксам, но это сочинение не дошло до нас. Между поэтическими произведениями Алкуина первое место принадлежит поэме *De pontificibus* et *sanctis ecclesiae Eboracensis* (о святителях и святых церкви Йоркской) в 1657 экземплярах.

Полное собрание сочинений Алкуина сделал Froben (Alcuini Opera omnia. Ratisbone. 1776. 4 части в 2 т.) и Migne (Patrologiae cursus completus, в 2 т., по общему счету издания т. C и CI). Из специальных исследований об Алкуине особенно замечательно: Alcuins Leben, ein Beitrag zur Staats-Kirchen und Culturgeschichte der Karolingischen Zeit. Halle. 1829 г., покойного Лоренца, профессора истории в бывшем Педагогическом институте в С.-Петербурге. Ср.: *Monnier.* Alcuin et son influence litter., relig. et polit. chez. les Francs. Par. 1853.



Фасад собора святого Марка в Венеции

не возвращается никогда; но неизрекаемое милосердие Божие позаботилось о роде человеческом и определило ему трудиться кратковременно, а награждаться вечно. Потому время земной жизни для нас драгоценно: не потеряем по небрежности той вечной награды, которой мы можем достигнуть кратковременной добродетельной жизнью. Не возлюбим чего-нибудь преходящего на земле так, как можно будет только на небе любить то вечное блаженство: кто желает достигнуть его там, должен здесь заслужить все добрыми делами. Всякому без различия открыты врата Царства Небесного; но войдет в них только тот, кто станет пред ними с многочисленными плодами добрых дел.

Я же, Флакк, сообразно вашей воле и вашим убеждениям, тружусь теперь под кровом св. Мартина[1] над тем, чтобы одних услаждать медом Священного Писания, других упоять чистым старым вином древней науки: одних я начинаю питать яблоками грамматических тонкостей, а некоторых стараюсь просветить наукой о звездах с вершины какого-нибудь высокого здания. Трудясь много над многим для того, чтобы воспитать многих на пользу св. Божией церкви для украшения вашей императорской[1] власти (imperialis regni vestri), я забочусь, да не будет тщетна милость ко мне всемогущего Бога и щедрость вашего благодушия да не будет бесплодна. Но мне, вашему ничтожному рабу, недостает обстоятельных учебных руководств (exquisitiores eruditionis scholasticae libelli), которые я имел в отече-

[1] То есть в монастыре св. Мартина в Туре, куда удалился Алкуин в последние годы своей жизни и где он устроил школу.

[1] Обращает на себя внимание титул, употребленный Алкуином почти за 5 лет до коронования Карла императорской короной; как видно, современники Карла давно уже смотрели на него как на преемника римских императоров, и коронация 801 г. была одной только формальностью.

стве (то есть в Англии) по доброму и благочестивому старанию моего наставника[1], а некоторые приобрел своим собственным потом. Говорю же о том вашему высочеству в надежде, не будет ли угодно вам при вашем стремлении ко всякой мудрости, чтобы я послал некоторых из своих учеников привезти нам оттуда самое необходимое и пересадить таким образом цветы Британии во Францию: пусть сады растут не в одной стране Йорка (in Euborica), пусть и в окрестностях Тура (in Turonica) разведется рай с плодами яблонь, пусть зефир колышет сады реки Луары, и потекут ароматы, и вновь повторится, что сказано в Песни Песней, откуда я и заимствовал свое сравнение: «Пусть придет мой возлюбленный в свой сад и вкусит плоды своих яблонь». И скажет он своим ученикам: «Ешьте, друзья мои, пейте и упивайтесь, дорогие. Я сплю, но сердце мое бодрствует» (П. II. V, 1, 2). Или вот еще воззвание пророка Исаии, побуждающее к изучению мудрости: «Все страждущие приходите к источнику: и вы, которые не имеете серебра, торопитесь, берите и ешьте: приходите, берите, без серебра и без промена, млеко и вино» (Ис. LV, 1).

Вашим благородным стремлениям не безызвестно, как на каждой странице Священного Писания мы убеждаемся в том, что надо изучать мудрость: ничто не ведет так к блаженной жизни, ничто не бывает приятнее для упражнения, ничто не действует сильнее против порока, ничто не может быть достославнее, как бы ни было велико достоинство человека; а по изречениям философов, ничто так не необходимо для управления народом, для устроения жизни по правилам нравственности, как именно мудрость, порядок и наука. Вот потому-то и мудрейший Соломон воздает всему этому хвалу, говоря: «Мудрость лучше всех драгоценностей, и ничто желаемое не может сравниться с ней. Она превозносит смиренных, и превознесенных украшает. Ею цари правят, и законодатели утверждают правду. Ею князья властвуют, и сильные творят суд; блаженны, которые сохраняют пути ее и ежедневно стоят на страже у ее ворот» (Притч. VIII, 11 и след.). Я всегда убеждал, государь король, юношей, находящихся при дворе вашего величества, всеми силами изучать начала такой мудрости и ежедневными трудами усвоивать их себе, потому что мудрость оказывает услуги и цветущему возрасту, делает его достойным достижения почтенной седины и мудростью же можно достигнуть вечного блаженства. Я же не устану сеять семена мудрости посредством своего умишка (ingenioli) между вашими слугами и в этой стране (то есть в Турени, куда удалился Алкуин), помня известную мысль: «На утре посевай семя твое, и вечером да не остановится рука твоя; ибо не знаешь, что лучше взойдет: то или это. А если оба взойдут, тем лучше» (Экклез. XI, 6).

На утре моей жизни, в цветущую эпоху возраста я сеял в Британии. Теперь же, вечером, когда начинает во мне стынуть кровь, я не перестаю сеять во Франции. И если Богу будет угодно, я желал бы, чтоб оба посева взошли. Для моего разбитого тела остается утешаться словами св. Иеронима, высказанными в его письме к Непотиану: «В старцах изменяются почти все телесные силы, и только одна мудрость растет, когда все прочее начало уже умирать» (Пис. 52). Немного ниже он прибавляет: «Старость тех людей, которые наставляли свою юность честным трудом, и днем и ночью помышляли о Боге, с возрастом делается ученее, от практики опытнее, с течением времени премудрее, и пожинает сладкие плоды своего изучения древних». В этом письме о «похвале мудрости и занятиях древними писателями» всякий, кто пожелает, может прочесть и понять, до какой степени древние заботились об украшении себя мудростью. Я знаю ваше старание, любезное Богу и достойное хвалы, всегда пользоваться мудростью и радоваться о ней; вы заботитесь непрестанно украсить благородство своего временного происхождения еще большим благородством ума. И да сохранит вас в этой мудрости Господь наш Иисус Христос, который сам есть слава и мудрость Божия, да превознесет и да приведет Он вас к вечному и блаженному созерцанию своей славы.

---

[1] Эльберт, архиепископ Йоркский.

Письмо к наследнику Карла Великого, Карлу Юному[1] *(между 800 и 811 гг.)*

Содержание: убеждает молодого Карла заботиться о приобретении правительственных добродетелей и подражать примеру своего отца.

Государю, по заслугам славному и достойнейшему королевских почестей, Карлу, сыну, – от Альбина торжественный во Христе привет!

Радуюсь, возлюбленный сын, о святости вашей воли, о которой я слышал от вашего слуги, Осульфа, а именно о частой раздаче благостыни и о смирении вашем. Знайте, что все подобное благоугодно Богу и может тебе снискать у его милосердия вечное благословение. Ты же, сын мой, сын возлюбленный, оказывай постоянное почтение всемогущему Богу, сколько можешь, и в добрых делах, и в благочестии; следуй во всем честном и здравом примеру твоего августейшего отца, чтобы божественное милосердие Христа Бога передало тебе его благословение, как наследственный дар.

Выслушивай кротко просьбы бедных и дела их обсуживай справедливо; не дозволяй судьям судить подвластных тебе за подарки и взятки, потому что «взятки,– как сказано в Писании,– ослепляют сердца мудрых и извращают слова справедливых» (Исх. XXIII, 8). Оказывайте уважение служителям Христа, но только тем, которые воистину служители Божии, потому что есть между ними и такие, которые «приходят в овечьих шкурах, а под ними хищные волки»; но Истина говорит: «По плодам их познаете их» (Матф. VII, 15, 16). Держите при себе советников мудрых, богобоязненных, не льстивых; льстец, как говорится, сладкий враг (blandus inimicus) и часто вовлекает в погибель поддающихся ему. Будьте благоразумны в своих размышлениях и воздержаны в речах, возлагайте надежду на Бога: Он никогда не оставляет полагающихся на него.

О если бы я мог чаще посылать вашему высочеству (Almitati Vestrae) наставительные письма, как просил меня о том ваш августейший брат, Людовик, что я уже делал и с Божиею помощью продолжаю до сих пор; он читает мои письма с большим смирением. Для меня нет большей радости, как услышать что-нибудь доброе о ваших нравах, как то и достойно вас. Это дар Божий и благодеяние для государства, когда властители народов христианских отличаются превосходной нравственностью и живут с людьми, угождая Богу. Отсюда, будь уверен, происходит небесное благословение на народ и государство; и да удостоит Бог ваше высочество такого благословения на вечные времена. Расцветай, укрепляйся и усиливайся, подвизаясь во всяком добре и преуспеянии, на возвеличение своей святой церкви, о, сын мой возлюбленный.

[1] Карл был старший сын Карла Великого от Гильдегарды, род. в 772 г., ум. в 811 г. Он был коронован вместе с отцом в 800 г. в Риме, как то полагают на основании «Жизнеописания Папы Льва III», составленного Анастасием — библиотекарем.

Письмо к Карлу Великому (800 г.)

Содержание: посылает в подарок по случаю коронации книги Священного Писания, исправленные им и соединенные в одно целое.

Желанному государю и по заслугам возлюбленному королю Давиду Альбин желает в настоящей жизни благополучия и вечного блаженства во Христе.

Давно уже я размышлял, какой подарок может найти моя преданность, который содействовал бы увеличению блеска вашей императорской власти (imperialis potentiae)[1] и обогатил бы ваши богатейшие сокровищницы; я не хотел, чтобы мой умишко коснел в бездействии, когда другие со всех сторон представляют свои дары, и чтобы вестник моего ничтожества предстал с пустыми руками пред лицо вашего величества (Beatitudinis Vestrae); наконец, по внушению Св. Духа я нашел то, что мне прилично поднести и что может быть приятно ва-

[1] Надобно заметить, что это письмо было писано Алкуином по крайней мере за месяц до коронования Карла Великого императором.

шей премудрости. Из священнейшей заботливости вашего благочестия несомненно явствует, сколько чрез вас совершено Духом Святым для благополучия церкви; мольбы всех верных должны быть направлены к тому, чтобы просить о распространении вашей власти во всей силе, чтобы она внутри была любима верными Богу и вне страшна для Господних врагов. Рассуждая так с собой, я нашел, что ничто не может быть достойнее вашего миролюбия, как подарок священных книг: эти-то книги, продиктованные Св. Духом по распоряжению Бога Христа для спасения рода человеческого и написанные пером (calamo) небесной благодати, я соединил в один священнейший том (corpus) и тщательно исправил; эти-то книги и посылаю теперь вашей светлейшей власти чрез светлейшего вашего сына и верного вам слугу, чтобы он мог предстать с полными руками, на приятнейшую службу вашему достоинству: задержанный болезнью и получив Божиею помощью облегчение, он немедленно поспешит отправиться к вашему благочестию... Он будет служить благочестивейшему государю как то подобает; я же помолюсь за возлюбленного своего господина, сколько удостоит Св. Дух посетить мое сердце. Если моя привязанность к вам приищет что-нибудь еще лучшее, то я со всей готовностью представлю то вам для возвеличения вашего достоинства.

Письмо к государю королю
(год неизвестен)

Содержание: объясняет различие между словами: aeternum и sempiternum, perpetuum и immortale, saeculum, aevum и tempus[1].

Королю Давиду, превосходнейшему правителю, величайшему победителю Флакк Альбин желает здравия.

Наш Кандид (вероятно, один из приближенных Карла Великого, которым он пользовался часто для сношений с Алкуином), возвращаясь к вам от нас, предложил нам вопросы относительно значения некоторых названий. Я замедлил ответом по этому поводу, чтобы иметь время тщательно подумать о том. Но этот слишком ревностный исполнитель вашей воли самым докучливым образом требовал от меня поспешить ответом. Вот почему я был вынужден набросать на скорую руку, без всякой обделки несколько заметок о значении тех названий, подвергая вашему суду все изложенное мной, как то я делаю со всем тем, что мной говорится или пишется. Ибо почтительное повиновение заслуживает похвалы, если оно одобряется авторитетом повелителя. Вот те вопросы, которые были нам предложены через Кандида: в чем состоит различие между словами aeternum (вечное) и sempiternum (всегдашнее), perpetuum (беспрерывное) и immortale (бессмертное), saeculum (определенное время), aevum – (век) и tempus (время вообще). Прежде всего нужно знать, что aeternum и sempiternum означают одно и то же: только aeternum – слово простое, sempiternum – сложное, а именно из наречия semper (всегда) и aeternum. Потому все, что вечно, может быть названо и всегдашним; и наоборот, все всегдашнее – вечно. Perpetuum же, по-видимому, происходит от слова «perpes» и обозначает собой то, что не прерывается никаким промежутком и всегда сохраняет положение, в котором находится. Между же aeternum и immortale то различие, что все вечное бессмертно; но было бы ошибочно сказать, что все бессмертное вечно. Между aevum и saeculum то различие, что под aevum разумеется нечто вечное, а saeculum имеет отношение к временному. Но мы увидим ниже различие этих слов. Под immortale разумеется такая природа, которая не может умереть, но которая, однако, не всегда бывает immutabilis, то есть, неизменяемой: так, например, душа человека сотворена бессмертной, но всеконечно она не может быть названа неизменяемой, потому что может изменяться от худого к хорошему, от хорошего к худому, от худого к худшему, от хорошего к лучшему, как сказано и в Писании: «Идут святые от добродетели

---

[1] Это письмо было ответом Алкуина Карлу Великому на заданные им вопросы относительно различия представленных им синонимов, часто повторяющихся в книгах Священного Писания.

к добродетели» (Псал. LXXXIII, 8). Один Бог истинно бессмертен и неизменяем, потому что он один истинно и собственно вечен и потому что всегда существует; о нем апостол сказал: «Он один имеет бессмертие» (I, Тим. IV, 16). Апостол сказал: *бессмертный*, вместо *неизменяемый,* потому что изменяемое, умирая, перестает быть тем, чем оно было, и начинает быть тем, чем оно не было...

Но что значит у апостола: «Прежде *времен* вечных?» (Рим. XVI, 25 и II. Тим., I, 9). Если сказать *время,* то как же его назвать *вечным*: время существует только в сотворенном. Может быть, он хотел тем сказать: *прежде всех времен*. Но он предпочел сказать aeterna, а не omnia, вероятно, потому, что время не может начинаться во времени, и таким образом aeterna tempora обозначают aevum. Между же aerum и tempus то различие, что первое постоянно, а второе изменяемо. Sacculum называется то, что началось после сотворения тварей и в чем заметны переходы от одного к другому; мне кажется, что saeculum и tempora начались вместе. Но во многих местах и даже в Священном Писании saeculum пишется вместо sempiternum, например: «Ибо в веке (in saeculum) милость Его» (Псал. CV, 1 и CXVII, 1 и след.). Saeculum есть текущий порядок мира, который, выходя из прошедшего, идет к будущему; потому saecula можно сказать о временах, последующих друг за другом. Но есть различие, когда говорят: a saeculo (от века), in saeculo (в веке) и in saeculum saeculi (во веки веков). Адам, например, был a saeculo, то есть в начале времен; прочие же отцы, Ной, Авраам, были in saeculo, а не a saeculo, так как и весь род человеческий есть, был и будет in saeculo. In saeculum saeculi означает будущий век, век, который будет после этого; говорится также in saecula saeculorum...

Мы различаем три времени: прошедшее, настоящее и будущее; но собственно для нас не существует настоящего, потому что мы имеем одно прошедшее и будущее. Пока я выговариваю первый слог слова, второй его слог есть для меня будущее; когда же я выговорю второй слог, первый сделается прошедшим. Для Бога же нет ни прошедшего, ни будущего, одно настоящее, как Он сказал своему рабу Моисею: Ego sum, qui sum. Но, пускаясь в дальнейшие утонченности, ты заметишь, что два слова: Deus aeternus (вечный Бог), сами по себе не вечны, но вечно только то, что ими обозначается. Вообще, слова, которыми мы говорим, суть не что иное, как знаки вещей, воспринимаемых умом, служащие для передачи нашего восприятия другим...

Но так как я приближаюсь к *концу* письма, то мне кажется, было бы кстати сказать что-нибудь о значении *конца* вообще. Есть такие случаи, когда слово «конец» употребляют для выражения того, что будет *без конца*; так, в Евангелии сказано: «Когда возлюбил тех, которые были в мире, до конца возлюбил их» (Иоан. XIII, 1), то есть возлюбил на вечные времена. В других случаях *конец* обозначает совершенство: «Конец закона есть Христос» (Римл. X, 4), то есть совершенный закон. Иногда же этим словом называют самого Христа; так в заглавии некоторых псалмов стоит: In finem David (Псал. LI, 11 и др.), то есть in Christum. А иногда *конец* означает действительно конец; так у Даниила: «В конец же дней тех» (Дан. IV, 31). Но не упрекни меня за многословие и длинноту письма, потому что длина времени, а более то, чего именно время не имеет, требует многих слов для того, чтобы доказать то, что едва может быть доказано. Впрочем, мое перо (calamus), омоченное в источнике благодати, с наслаждением беседует с тем, кому все доброе доставляет наслаждение, кому и Бог да пошлет вечные утехи.

Det tibi perpetuam clemens in saecla salutem
Et decus imperii, David amate, Deus.

Из писем Алкуина.

Fl. Albini, seu Alcuini, abbatis et Caroli Magni Imp. magistri Opera omnia ed. Migne, t. I, письмо 33, 43, 120, 131 и 162

ПРЕПОДАВАНИЕ НАУК В ПАЛАТИНСКОЙ ШКОЛЕ АЛКУИНА (между 782–796 гг.)

Алкуин и Пипин[1] (Pippini regalis et nobilissimi juvenis Disputatio cum Albino scholastico) (около 790 г.)

Пипин. Что такое буква? – *Алкуин*. Страж истории.

П. Что такое слово? – *А*. Изменник души.

П. Кто рождает слово? – *А*. Язык.

П. Что такое язык? – *А*. Бич воздуха.

П. Что такое воздух? – *А*. Хранитель жизни.

П. Что такое жизнь? – *А*. Для счастливых радость, для несчастных горе, ожидание смерти.

П. Что такое смерть? – *А*. Неизбежное обстоятельство, неизвестная дорога, плач для оставшихся в живых, приведение в исполнение завещаний, разбойник для человека.

П. Что такое человек? – *А*. Раб старости, мимо проходящий путник, гость в своем доме.

П. На кого похож человек? – *А*. На шар.

П. Как помещен человек? – *А*. Как лампада на ветру.

П. Как он окружен? – *А*. Шестью стенами.

П. Какими? – *А*. Сверху, снизу, спереди, сзади, справа и слева.

П. Сколько с ним происходит перемен? – *А*. Шесть.

П. Какие именно? – *А*. Голод и насыщение; покой и труд; бодрствование и сон.

П. Что такое сон? – *А*. Образ смерти.

П. Что составляет свободу человека? – *А*. Невинность.

П. Что такое голова? – *А*. Вершина тела.

П. Что такое тело? – *А*. Жилище души.

П. Что такое волоса? – *А*. Одежда головы.

П. Что такое борода? – *А*. Отличие полов и почет зрелого возраста.

П. Что такое мозг? – *А*. Хранитель памяти.

П. Что такое глаза? – *А*. Вожди тела, вместилище света, истолкователи души.

П. Что такое ноздри? – *А*. Проводники запаха.

П. Что такое уши? – *А*. Собиратели звуков.

П. Что такое лоб? – *А*. Образ души.

П. Что такое рот? – *А*. Питатель тела.

П. Что такое зубы? – *А*. Жернова.

Далее следует длинный ряд вопросов об остальных частях тела с ответами того же рода; затем ученик и учитель обращаются к изучению внешней природы.

П. Что такое небо? – *А*. Вращающаяся сфера (sphaera volubilis), неизмеримый свод.

П. Что такое свет? – *А*. Поверхность (facies) всех предметов.

П. Что такое день? – *А*. Возбуждение к труду.

П. Что такое солнце? – *А*. Сияние шара, краса небес, счастье природы, честь дня, распределитель часов.

П. Что такое луна? – *А*. Глаз ночи, подательница росы, предвестница непогоды.

П. Что такое звезды? – *А*. Пестрота неба, направительница мореходов, краса ночи.

П. Что такое дождь? – *А*. Зачатие земли, кончающееся рождением плодов.

П. Что такое туман? – *А*. Ночь среди дня, тяжесть для глаз.

П. Что такое ветер? – *А*. Волнение воздуха, приводящее в движение воду и осушающее землю.

П. Что такое земля? – *А*. Мать рождающихся, кормилица живущих, келья жизни, пожирательница всего.

П. Что такое вода? – *А*. Подпора жизни, омовение нечистот.

П. Что такое снег? – *А*. Сухая вода.

П. Что такое зима? – *А*. Изгнанница лета.

П. Что такое весна? – *А*. Живописец земли.

П. Что такое лето? – *А*. Облачение земли и спелость плодов.

П. Что такое осень? – *А*. Житница года.

П. Что такое год? – *А*. Колесница мира.

---

[1] Сын Карла Великого, король Итальянский (776–810 гг.).

П. Кто ее везет? – *А.* Ночь и день, холод и жар.

П. Кто ее возницы? – *А.* Солнце и луна.

П. Сколько они имеют дворцов? – *А.* Двенадцать.

П. Кто в них распоряжается? – *А.* Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы.

П. Сколько дней живет год в каждом из этих дворцов? – *А.* Солнце 30 дней и 10 с половиной часов, а луна двумя днями и восемью часами меньше.

П. Я боюсь, учитель, пускаться в море.– *А.* Кто же тебя побуждает к тому?

П. Любопытство.– *А.* Если ты боишься, я сяду с тобой и последую, куда бы ты ни отправился.

П. Если бы я знал, что такое корабль, я устроил бы такой для тебя, чтобы ты отправился со мной.– *А.* Корабль есть странствующий дом, всегдашняя гостиница, путник, не оставляющий следа, сосед берегов.

П. Что такое берег? – *А.* Стена земли.

П. Что такое трава? – *А.* Одежда земли.

П. Что такое коренья? – *А.* Друзья медиков и слава поваров.

П. Что делает горькое сладким? – *А.* Голод.

П. Что не утомляет человека? – *А.* Прибыль.

П. Что такое сон наяву? – *А.* Надежда.

П. Что такое надежда? – *А.* Освежение труда, сомнительное состояние.

П. Что такое дружба? – *А.* Равенство друзей (по другой редакции, душ: amicorum – animorum).

П. Что такое вера? – *А.* Уверенность в том, чего не знаешь и что считаешь чудесным.

П. Что такое чудесное? – *А.* Я видел, например, человека на ногах, прогуливающегося мертвеца, который никогда не существовал.

П. Как это возможно, объясни мне. – *А.* Отражение в воде.

П. Почему же я сам не понял того, когда столько раз видел? – *А.* Так как ты добронравен и одарен природным умом, то я тебе предложу несколько примеров чудесного; постарайся, не можешь ли их сам разгадать.

П. Хорошо; но если я скажу не так, как следует, поправь меня.– *А.* Изволь! Один незнакомец говорил со мной без языка и голоса; его никогда не было и не будет; я его никогда не слыхал и не знал.

П. Быть может, мой наставник, это был тяжелый сон? – *А.* Именно так, мой сын. Послушай еще: я видел, мертвое родило живое, и дыхание живого истребило мертвое.

П. От трения дерева рождается огонь, пожирающий дерево.– *А.* Так. Я видел мертвых, много болтающих.

П. Это бывает, когда их повесят на воздухе.– *А.* Так. Я видел огонь, не гаснувший в воде.

П. Думаю, что ты говоришь об известке.– *А.* Ты верно думаешь. Я видел мертвого, который сидит на живом, и от смеха мертвого умер живой.

П. Это знают наши повара.– *А.* Да, но положи палец на рот, чтобы дети не услышали, что это такое... Я видел человека, который держал в руках восемь, уронил семь, а осталось шесть.

П. Это знают и школьники...– *А.* Я видел летящую женщину с железным носом, деревянным телом и пернатым хвостом; она несла за собой смерть.

П. Копье воина.– *А.* Что такое воин?

П. Стена государства, страх неприятеля, служба, полная славы.– *А.* Что вместе существует и не существует?

П. Ничто.– *А.* Как же это может быть?

П. По имени существует, а на деле нет.– *А.* Кто бывает немым вестником?

П. То, что я держу в руке.– *А.* Что же ты держишь в руке?

П. Твое письмо. — *А.* И читай его благополучно, мой сын.

Alcuini Opera omnia. Ed. Migne, t. II, c. 975–979

Алкуин и ученики

Лекции об истинной философии (Disputatio de vera philosophia)

Ученик. О, премудрый наставник, мы слышали от тебя, что философия есть наставница всякой добродетели, и она одна между

всеми временными богатствами никогда не оставляла в бедности своего обладателя. Мы сознаемся, ты возбудил нас такими речами к достижению такого высшего благополучия; мы желаем теперь знать, в чем состоит ее сущность и по какой лестнице можно подняться до нее. Наш возраст еще нежен, и если ты нам не подашь руки, мы не взойдем одни. Мы понимаем, что душа наша помещена в сердце, как глаза в голове. Но глаза могут различать ясно предметы только при помощи солнца или какого-нибудь другого света; всякий знает, что без света мы с глазами оставались бы в темноте. Точно так же и мудрость бывает доступна нашей душе, когда кто-нибудь ее просветит.

Учитель. Вы сделали, мои дети, хорошее сравнение души с глазами. Но Тот, кто просвещает всякого человека, грядущего в мире (Иоан. I, 9), просветит и ваши умы для восприятия философии, которая никогда, как вы сказали, не оставляла своего обладателя нищим.

Учен. Знаем, наставник, знаем наверное, что просить надобно у Того, кто подает щедро и никому не препятствует. Но нас нужно наставить и вести за руку, пока не разовьется в нас сила. Конечно, кремень имеет в себе огонь, выскакивающий при ударе, как и уму человека прирожден свет науки; но пока на него не посыплются удары сведущего человека, искра будет так же скрываться, как она скрывается в кремне.

Учит. Мне легко будет показать вам путь к мудрости, когда вы полюбите ее для Бога, ради душевной чистоты, ради познания истины и ради ее самой, а не ради человеческой славы, временных наград и лживых обольщений богатствами; чем кто более любит последнее, тем он далее блуждает от света науки: так, пьяный не может переступить порога своего дома...

Учен. Веди же нас, гони и приведи божественными путями разума на вершину совершенства; хотя и неровным шагом, но мы последуем за тобой.

Учит. О, человек, разумная тварь, бессмертная лучшей своей частью, образ своего Творца, скажи, зачем ты теряешь свои богатства и стараешься приобрести чужие, к чему ты ищешь внизу и не смотришь выше?

Учен. Но, что свое и что чужое?

Учит. Чужое – что ищется вне, как, например, накопление богатств; свое – что внутри, украшение себя мудростью. К чему же, о, смертные, вы ищете вне, когда имеете то, что ищете, внутри.

Учен. Мы ищем счастья.

Учит. Хорошо делаете, если ищете постоянного, а не преходящего. Посмотрите, какой горечью окроплено земное счастье; никому оно не достается в целости, никому оно не остается верным, потому что в этой жизни нет ничего неизменяемого. Что прекраснее света? Но и он затмевается наступившим мраком. Что прелестнее летом цветов? Но и они погибают от зимнего холода. Что отраднее здоровья тела? Но кто пользуется им постоянно? Что приятнее покойного мира? Но взрывы печальных распрей и его нарушают.

Учен. Мы никогда не сомневались в том, что все это так и бывает, как ты сказал. Но, скажи, почему это так?

Учит. Чтобы из великого вы познали малое.

Учен. Каким образом?

Учит. Если небо и земля, которыми все любуются и пользуются, представляют постоянные перемены, то тем более должно представляться проходящим пользование чем-нибудь отдельным. И к чему любить то, что не может оставаться с нами. К чему слава, почести, богатства? Вы читали о богатствах Креза, славе Александра, величии Помпея? А что из всего этого может помочь осужденным на погибель?.. Гораздо лучше украшать себя внутри, чем извне, и просвещать бессмертную душу.

Учен. Какие же могут быть украшения души?

Учит. Прежде всего мудрость, и к ее-то приобретению я убеждаю вас стремиться.

Учен. Откуда же мы знаем, что мудрость вечна? И если все исчисленное тобой преходяще, то почему же и наука не может пройти?

Учит. Думаете ли вы, что душа бессмертна?

Учен. Не только думаем, но и наверное знаем.

Учит. А мудрость украшает душу?

Учен. Без сомнения.

Учит. Следовательно, они обе бессмертны, и душа, и мудрость. Вот, богатства часто оставляют человека, и почести уменьшаются; разве вы этого не видали?

Учен. Мы видим, что даже и могущество государств не вечно.

Учит. Что же значат богатства без мудрости?

Учен. То же, что и тело без души, как сказал Соломон: «Что приносят глупому его богатства, когда он не может купить на них ума?»

Учит. Не мудрость ли возвышает смиренного и нищего поднимает из ничтожества, чтобы посадить его с царями, и поддерживает престол славы?

Учен. Все это так, но она широка, и трудно ее приобретение.

Учит. Но какой воин увенчивается без битвы? Какой земледелец без труда добывает хлеб? Разве не знаете старой пословицы: корень учения горек, но плоды его сладки...

Учен. Но покажи же нам первые ступени мудрости, чтобы Божией и твоей помощью мы могли после перейти от низших к высшим.

Учит. Мы читаем у Соломона, устами которого говорила сама мудрость: «Мудрость построила себе дом и вырубила для него семь столбов». Хотя собственно это выражение относится к божественной премудрости, которая построила себе в девственной утробе дом, то есть тело, и подкрепила его семью дарами Духа Святого; это и есть церковь, прославленная теми дарами; но и книжная мудрость (sapientia liberalium literarum) точно так же утверждается на семи столбах, и не иначе можно довести до совершенства свое познание, как поднявшись на те столбы или, лучше сказать, ступени...

Учен. Веди же нас и изведи когда-нибудь из норы невежества, чтобы мы могли воссесть на ветви мудрости, данной тебе Богом; оттуда мы увидим свет правды; покажи же нам, как ты часто то обещал, семь ступеней науки.

Учит. Тех ступеней, о которых вы спрашиваете, семь, и, о, если бы для преступления их вы обнаружили такую же жажду, какую теперь показываете для того, чтобы взглянуть на них, то вот они: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрология. Над ними потрудились все философы, ими они просветились, превзошли славой царей и восхваляются на вечные времена; этими же науками святые наставники и защитники нашей кафолической веры одерживали верх над всеми ересиархами во время публичных диспутов с ними. Пусть по ним пройдется и ваша молодость, о любезные дети, пока более зрелый возраст и новые душевные силы не дозволят вам приступить к вершине всего – Священному Писанию. Вооружившись таким образом, вы выступите после неодолимыми защитниками и утвердителями истин веры.

Алкуин и два ученика, один сакс, другой франк

Лекции из грамматики (Alcuini Enchiridium)

Были в школе наставника Альбина два ученика, один франк, другой сакс, еще недавно вступившие в густые дебри грамматики; потому они и решились изучать на память некоторые из ее правил посредством вопросов и ответов.

И сначала франк обратился к саксу: «Ну, сакс, отвечай на мой вопрос, так как ты старше меня летами: мне четырнадцать, а тебе, я полагаю, пятнадцать лет».– На это отвечал сакс: «Изволь, но с условием, если ты спросишь свысока или зайдешь в философию, то я обращусь к наставнику».– Учитель заметил: «Я одобряю, дети, ваше намерение и охотно помогу вам. Но прежде скажите, с чего, вы полагаете, должна начаться ваша беседа?»

Учен. С чего же, господин наставник, как не с буквы? – *Учит*. Это было бы верно, если бы вы не упомянули перед тем о философии. Беседу должно начать с исследования о звуке, ради которого изобретены буквы, а еще прежде того должно задать вопрос, каким способом вообще должна быть ведена эта беседа (disputatio)?

Учен. Это уже ты, наставник, объясни нам, пожалуйста, сам: признаемся, мы вовсе не знаем, в каком порядке должно вести беседу.– *Учит*. Каждый разговор и беседа (collocutio disputatioque) должны состоять из трех отделов по тем трем сторонам, которые представляются в предметах: 1) о вещи (res); 2) о ее смысле (intellectus), 3) о ее названии (voces). Вещь есть то, что мы воспринимаем разумом души; смысл – то значение, которое мы придаем вещам; название – чем мы обозначаем постигнутую вещь; для названия вещей, как я сказал, были изобретены буквы.

Учен. Так как ты объяснил нам порядок беседы, то, пожалуйста, объясни и различные формы названия вещей.– *Учит.* Есть четыре рода произнесения названий: articulata, inarticulata, literata, illiterata. Articulata называются те, которые в соединении друг с другом представляют смысл; например, Arma virumque cano etc. Inarticulata, которые не представляют никакого смысла, как, например, crepitus mugitus. Literata, которые могут быть написаны; illiterata, которых нельзя написать.

Учен. Откуда происходит слово vox, название? – *Учит*. От глагола vocare, называть. Вот все, о чем вы спрашивали. Теперь, дети, начинайте с буквы, litera.

Франк. Скажи мне прежде, сакс, откуда происходит слово litera, буква? – *Сакс*. Я думаю, что litera есть сокращенная форма от legitera (leg+itera) и означает то, что буква служит для читающих (legentibus) путем (iter).

Франк. Дай определение буквы.– *Сакс.* Буква есть малейшая часть произнесенного звука.

Учен. Нет ли, наставник, другого определения буквы? – *Учит*. Есть, но в том же смысле: буквы есть неделимое, потому что речь состоит из частей, части из слогов и слоги подразделяются на буквы, но букву разделить нельзя.

Учен. Отчего буквы называются элементами? – *Учит*. Потому что, как элементы в своем соединении составляют тело, так поглощенные вместе буквы образуют звук.

Франк. Представь мне, товарищ, разделение букв.– *Сакс.* Буквы бывают гласные и согласные, и согласные подразделяются на полугласные и немые.

Франк. На чем основывается такое разделение? – *Сакс.* Гласные произносятся отдельно и сами по себе составляют слог; согласные же не могут быть ни выговорены, ни составить слова.

Учен. Нет ли, наставник, другого основания такого разделения? – *Учит.* Есть: гласные составляют душу, а согласные – тело; душа приводит в движение и себя, и тело; тело же неподвижно и бездушно. Таковы бывают согласные без гласных: они могут быть написаны сами по себе, но не могут быть без гласных выговорены, и не имеют смысла...

Франк. Какое различие между полугласными и немыми? – *Сакс.* Насколько полугласные уступают гласным, настолько они превосходят немые буквы: полугласные начинаются гласной буквой и возвращаются к ней, потому они благозвучны, и потому гораздо чаще выражения оканчиваются полугласными, не немыми. Немые же выходят от себя и кончаются гласной, почему они и не благозвучны.

Франк. Я помню, на основании Доната[1], в каждой букве надобно обращать внимание: 1) на ее название (nomen), 2) фигуру (figuram) и 3) свойство (potestatem). О названиях и фигурах не будем говорить; скажи мне о свойстве и начни с гласных.– *Сакс.* У латинов гласных 5, потому что шестая гласная *y* заимствована для греческих слов, как и согласная *z*...

Франк. Не имеют ли некоторые из согласных особого свойства? – *Сакс.* Имеют, потому что у каждой есть свое свойство, название и фигура; некоторые же из них, плавные, совсем теряют свойство согласных; даже изменяют в прозе ударение.

Франк. Какие именно? – *Сакс. L, R, M, N*. Даже и *S* имеет особое свойство. *H* есть знак придыхания. *X* и *Z* – двойные буквы. Впрочем, я полагаю, что рассуждение обо всем этом принадлежит тонкостям метрики, которой мы еще не обучались, а потому не спрашивай меня об этом; перейдем лучше к вопросу о слогах...

---

[1] Эл. Донат – римский грамматик IV в., наставник св. Иеронима.

Монах Сангалленский

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ, БЛИЖАЙШИЕ К НЕМУ ПО ВРЕМЕНИ (884 г.)

Предисловие автора, в котором он обращается к правнуку Карла Великого Карлу III Толстому, остается утраченным в найденных до сих пор манускриптах.

Первая книга

1. Когда всемогущий владыка всего сотворенного и устроитель государств и времен обратил в лице римлян железные и глиняные ноги той чудесной статуи[1] в прах, он воздвиг у франков в лице преславного Карла (то есть Великого) новую не менее чудесную статую с золотою головой. Когда Карл начал свое единовластие в западных странах мира, а науки пришли повсюду почти в забвение, вследствие чего все охладели к служению истинному Богу, случилось, что два скотта из Ирландии высадились вместе с бретонскими купцами на берега Галлии; это были люди в высшей степени сведущие как в мирских науках, так и в Священном Писании. Они не выставляли напоказ никакого продажного товара, но когда около них собиралась жадная до покупок толпа, кричали: «Кто желает приобресть мудрость, пусть придет к нам и получит; именно у нас можно купить ее». Если они объявляли цену на мудрость, то только потому, что видели, как народ предпочитал торговать дорогие товары тому, что предлагается даром; таким образом, они имели в виду тем или заманить людей покупать мудрость вместе с прочими товарами, или, как то доказали последствия, вызвать удивление и обратить на себя внимание этим возгласом. Одним словом, они кричали до того, пока не нашлись люди, которые были удивлены тем, или сочли их за сумасшедших, и довели о них до сведения короля Карла, который постоянно обнаруживал великую любовь и сильное стремление к мудрости. Он потребовал их немедленно к себе и спросил, справедливы ли дошедшие до него слухи, что они возят с собой мудрость. Они отвечали: «Да, мы обладаем ею и готовы сообщить ее каждому, кто именем Бога достойным образом будет о ней просить». И ког-

[1] Здесь намек на пророчество Даниила, II, 31 и след., применение его к падению Западной Римской империи и восстановлению ее Карлом Великим.

МОНАХ САНГАЛЛЕНСКИЙ (MONACHUS SANGALLENSIS). Он жил и писал в правление Карла III Толстого, 80-х гг. IX в. Имя его неизвестно; до нашего времени автором сочинения «О деяниях Карла Великого» считали монаха того же монастыря Ноткера Косноязычного (Notkerus Balbulus) единственно на основании его ученой репутации, но Пертц опровергнул это предположение. О жизни автора мы знаем из его же немногих слов. Сангалленский монастырь (ныне город St. Gall в швейцарском кантоне того же названия), основанный св. Галлом, ирландским выходцем, в VI в. был одним из центров образованности в Каролингскую эпоху. В середине IX в. монастырем управлял Веринберт, сын Адальберта, сподвижника Карла Великого, сражавшегося с гуннами, славянами и саксами под начальством Герольда, брата жены Карла Великого, Гильдегарды. Адальберт удалился после смерти Карла Великого в монастырь Рейхенау на Констанцском озере и взял к себе на воспитание мальчика, будущего автора «Деяний Карла Великого». Автор поступил в Сангалленский монастырь, куда в 883 г. заехал Карл III Толстый и был так увлечен рассказами ветеранов о подвигах своего прадеда, что поручил автору изложить письменно все слышанное им. Автор составил три книги: первая посвящалась делам церкви и образования, вторая – военным предприятиям и третья – частной жизни Карла Великого. Но предисловие, конец второй книги и вся третья потеряны.

да Карл спрашивал далее, что они потребуют за то, они объявили: «Удобное помещение и любознательных учеников, а вместе с тем, что неизбежно для всякого странника, именно пищу и одежду». Услышав такой ответ, Карл чрезвычайно обрадовался и сначала продержал их у себя некоторое время, а впоследствии, когда ему нужно было предпринять поход, он приказал одному из них, Клименту, поселиться в Галлии и поручил его надзору большое число мальчиков более или менее знатного происхождения, а также и из простолюдинов; сверх того он распорядился, чтобы им было доставлено все необходимое, как то им понадобится, и дал им в пользование жилые дома. Другого же, по имени ....[1], он отправил в Италию и указал ему для жительства монастырь св. Августина около Павии с тем, чтобы там могли у него собираться все, которые имеют склонность к учению.

2. Когда услышал обо всем этом Альбин[2], родом из англов, а именно, как охотно принимает у себя благочестивый король Карл людей мудрых, он также сел на корабль и явился к нему. Альбин владел Священным Писанием в полном его объеме и превосходил в этом отношении всех знатоков новейшего времени: он был учеником высокоученого Бэды[1], изложившего Священное Писание наилучшим образом, после св. Григория. Король Карл держал его при себе безотлучно до самого конца своей жизни, исключая тех случаев, когда он ходил на войну, и желал, чтобы его называли учеником Альбина, а Альбина его учителем. Карл дал ему аббатство св. Мартина Турского с тем, чтобы он мог там наслаждаться покоем в отсутствие короля и обучать стекавшихся к нему учеников. И плоды его обучения были так обильны, что нынешние галлы или франки могут сравниться с древними римлянами или афинянами.

3. Когда победоносный Карл после продолжительного отсутствия возвратился в Галлию, он призвал к себе учеников, порученных Клименту, и потребовал их письма и сочинения. Дети бедного и низкого состояния представили ему свои труды, которые были, сверх всякого ожидания, проникнуты духом мудрости, а знатные явились с пустым и бесполезным товаром. Карл, этот премудрый король, поступил при этом слу-

[1] В рукописях недостает имени второго лица; на основании капитулярия от 824 г. (см. Mon. Leg., I, 249) предполагают, что это был Дунгал.

[2] Он известен более под именем Алкуин.

[1] Это анахронизм: Алкуин только родился около 735 г., а Бэда умер в 731 г.

Это сочинение не может быть рассматриваемо строго, как исторический источник, потому что автор не обращает внимания на хронологию и даже редко называет по именам лиц, о которых говорит; но зато автор дает нам живое понятие о том, как представлялся Карл в воображении ближайшего к нему потомства, и рисует превосходную картину нравов своей эпохи. Потому монах Сангалленский может служить дополнением к труду Эгингарда, носящего на себе чисто исторический характер. До самых Крестовых походов «Деяния Карла Великого» были любимым чтением средневекового общества; но в конце XI и в начале XII в. это сочинение казалось современникам неудовлетворительным для воображения: отдаленность времени дозволяла больший разгул для фантазии, и потому нужен был новый сборник для ходивших в народе легенд о Карле Великом. Этот сборник был приписан сподвижнику Карла Великого Турпину, архиепископу Реймсскому (ум. в 880 г.) и сделался известным под заглавием «Historia de vita Karoli Magni et Rolandi ejus nepotis». Но эта история жизни Карла Великого и Роланда, его племянника, не может иметь никакого значения для IX в., потому что, принадлежа к циклу рыцарской поэзии Крестовой эпохи, она рисует рыцарские нравы и избирает имя Карла Великого и Роланда для определения ими современного себе идеала, а не того времени, которому они действительно принадлежали.

чае подобно вечному судии; он отделил прилежных, поставил их по правую руку и говорил следующим образом: «Примите великую благодарность, дети мои, за то, что вы постарались по мере своих сил выполнить данное мной приказание для вашей пользы. Старайтесь точно так же достигнуть совершенства, и я тогда дам вам лучшие епископства и монастыри; и вы будете всегда пользоваться большим почетом в моих глазах». Затем он обратил свое лицо с выражением величайшего неудовольствия к стоящим налево, смутил их огненным взглядом и скорее прогремел, нежели проговорил им следующие слова, исполненные страшного гнева: «Вы высокорожденные, вы, княжеские дети, вы смазливые и пригожие людишки, рассчитывающие на свое происхождение и свое богатство, вы, презирая мои повеления и свой знатный род, пренебрегли науками и благополучно проводили свое время в игре, бездельничестве и пустозвонстве». После такого вступления, Карл поднял к небу свое высокое чело и никем еще непобежденную десницу и громогласно произнес свою обыкновенную клятву: «Клянусь Богом небесным! Я немного дам за ваше знатное происхождение и красивые личики; пусть этому удивляются другие. Но знайте одно: если вы немедленно не вознаградите свою прежнюю леность удвоенным старанием, то вам нельзя ожидать от Карла ничего хорошего».

4. Одного из таких бедных, который особенно отличался в искусстве письма, он взял в свою капеллу. Так обыкновенно называли короли франков своих придворных духовных по одеянию (cappa, откуда capella) св. Мартина, которое они брали постоянно с собой на войну для защиты себя и для победы над врагом. Однажды объявили королю Карлу о смерти какого-то епископа, и он, как муж, пекшийся всегда и обо всем, спросил, оставил ли покойный что-нибудь из своего имущества или совершил ли какие-нибудь подвиги, чем было бы его помянуть. Посланный отвечал на это: «Государь, ничего, кроме двух фунтов серебра»; при этих словах тот юноша вздохнул и, не имея сил затаить в своей груди душевное волнение, высказался против собственной воли так громко, что король услышал: «Ну, немного накопил епископ на такую длинную и далекую дорогу!» Карл, который любил всегда и все зрело обдумать, сначала помолчал и потом обратился к нему со словами: «А уверен ли ты, если бы тебе досталось такое епископство, что ты лучше позаботишься о той дальней дороге?» Юноша жадно проглотил едва только выговоренные королем слова, как неспелый виноград, попавший в рот голодному человеку, упал к его ногам и произнес: «Государь, это лежит в Божьей воле и в твоей власти». И король ему отвечал: «Стань за этой занавеской, которая висит за мной, и послушай, сколько людей будут оспаривать у тебя эту честь». Действительно, придворные, которые всегда спекулируют на несчастье или смерти другого, едва только услышали о смерти епископа, как начали немедленно, завидуя друг другу, хлопотать через приближенных к императору о приобретении места покойного епископа. Но Карл оставался неотступно при своем определении и отказал всем, говоря, что он не хочет нарушить слова, данного им тому юноше. Наконец, сама королева Гильдегарда (жена Карла Великого) подослала к королю князей империи и в заключение пришла к нему лично просить епископства для одного из своих духовных. Когда он ласково выслушал ее просьбу и сказал, что он не желает да и не может ни в чем ей отказать, но в то же время хочет сдержать слово, данное им тому писцу, тогда она пришла в гнев, как то делают обыкновенно все жены, когда они желают, чтобы их идеям и их воле было оказано предпочтение перед волей их мужей; впрочем, она на первый раз скрыла свой гнев, громкий ее голос сделался плачевным, и она попыталась нежными гримасами смягчить твердую волю короля, говоря при этом: «Государь мой и король, к чему ты желаешь отдать епископство мальчику, чтобы он его погубил? Я тебя умоляю, мой добрейший властитель, ты моя гордость, ты мое прибежище, отдай то место твоему верному слуге, за которого я тебя прошу». Тогда тот юноша, которому король приказал стоять за занавеской и слушать, как его будут просить, обхватил короля вместе с занавес-

кой и жалобно стал просить его: «Государь мой и король, стой твердо на своем, чтобы никто не вырвал из твоих рук власти, дарованной тебе Богом». Тогда Карл, этот непоколебимый муж в правде, вызвал юношу к себе и сказал ему: «Получи то епископство, но позаботься хорошенько о том, чтобы послать на тот свет пред собой и предо мной большую дань и приготовить лучшие средства на то длинное и неизбежное путешествие».

5. В свите короля был какой-то бедный, презираемый всеми, духовный, весьма недалекий и в науках. Но благочестивый Карл чувствовал сострадание к его жалкой наружности, и хотя все ненавидели его и притесняли всеми мерами, но король никогда не решался прогнать или удалить его из своей свиты. Случилось, что королю дали знать накануне дня памяти св. Мартина о смерти какого-то епископа. Король позвал к себе одного из своих капелланов, у которого не было недостатка ни в высоком происхождении, ни в учености, и отдал ему епископство. Он вышел из себя от радости, пригласил с большой торжественностью в свой дом множество придворных вместе со многими из тех, которые явились из того епископства, и задал им великолепный ужин. Наевшись досыта и напившись вином допьяна, он не поспел явиться в такую святую ночь на литургию. А в то время был обычай, что начальник капеллы за день вперед назначал каждому, какой припев (responsorium) он должен будет петь во время ночного бдения. Тому, который почти уже держал епископство в своих руках, был определен следующий припев: «Господи, если я Твоему народу»[1] и т. д. Однако его не было в церкви, и после чтения сначала все сохраняли молчание, потом всякий толкал другого, чтобы запеть припев, но всякий говорил, что у него есть свой, тогда император сказал: «Пусть же наконец кто-нибудь запоет!» В ответ на это запел именно тот клерик, презираемый всеми, но вдохновенный в ту минуту свыше и поощряемый королевским приглашением. Добродушный Карл, не веря, чтобы он мог допеть все до конца, дал приказание поддерживать его. Когда таким образом запели другие, а тот несчастный ни у кого не мог расслышать стиха, вдруг он затянул на голос припева молитву Господню (Отче наш) и очень хорошо запел. Его хотели остановить, но мудрый Карл пожелал узнать, как он доберется до конца, и запретил мешать ему. Но он кончил стих словами: «Да приидет царствие Твое», и другие невольно должны были поправить его и пропеть далее: «Да будет воля Твоя». Заутреня окончилась; король удалился в свои палаты и ушел в опочивальню, чтобы согреться и нарядиться в честь высокого праздника. Затем он приказал позвать к себе того старого слугу, но нового певца, и спросил его: «Кто тебе назначил твой припев?» Тот, испуганный, отвечал ему: «Государь, вы приказали, чтобы кто-нибудь пел». И король – так обыкновенно называли императора старые люди – сказал ему: «Ну, хорошо»; и прибавил к тому: «Но кто научил тебя тому стиху?» На этот вопрос он отвечал ему словами, которыми обыкновенно в то время угождали и смягчали маленькие люди людей знатных и даже просто льстили, но полагают, что он был подкреплен помощью свыше:«Всемилостивый государь, августейший король![2] Так как я не мог ни у кого разведать настоящего стиха, то и подумал в своем сердце, если я не попаду в такт, то получу нагоняй от вашей светлости. Вот потому я и решился запеть то, что по принятому обычаю в конце совпадает с предпоследними словами припева». Добрый император засмеялся на это и сказал ему в присутствии своих князей: «Тот высокомерный дошел до такого бесстрашия и неуважения к Богу и другу Господню, что не хотел обуздать своих страстей и на одну даже ночь, чтобы прийти и пропеть припев, который, как я слышал,

[1] Часть той литургии состояла в чтении жизни св. Мартина, которое по временам прерывалось припевом, которого первые слова и приводит наш автор. Текст всего припева был следующий: «Господи, если я Твоему народу нужен, то я охотно приму на себя труды для него. Да будет воля Твоя!»

[2] В подлиннике: Laete domine, laetifice rex! – известное приветствие, с которым обращались древние римляне к императорам.

Епископ в облачении для мессы.
По изображению на миниатюрах XII в.
Музей Клюни

был ему предназначен; по Божескому суду и моему приговору, он должен лишиться епископства, а ты, кому Бог дарует его и я предоставляю, позаботься о том, чтобы управлять епископством сообразно каноническим и апостольским предписаниям».

6. Точно так же, после смерти другого епископа император постановил на его место молодого человека. Когда этот вышел от него с радостью, чтобы пуститься в дорогу, и служители, соответственно его епископскому званию, подвели коня к самым ступеням лестницы, молодой человек оскорбился тем, что с ним обращаются, как с дряхлым старцем, и вспрыгнул на коня с земли с такой силой, что едва удержался, чтобы не перевалиться на другую сторону. Все это видел король в окошко своего покоя, и приказав немедленно позвать его к себе, сказал ему: «Послушай, как ты знаешь, спокойствие нашего государства нарушается со всех сторон шумом войны. Вот потому мне нужно иметь такого духовного в своей свите; останься лучше со мной и разделяй мои труды, пока ты будешь с той же легкостью вскакивать на коня».

7. Когда я говорил о *припеве* (responsorium), я совсем забыл сказать вообще о порядке церковного *чтения* (lecto); об этом я могу здесь вкратце поведать. В церкви высокоученого Карла никто не знал наперед, что ему достанется читать, никто не смел отмечать конца воском или делать значка ногтем, но каждый старался изучить то, что ему следовало читать, до такой степени, что, если бы вызвали кого читать неожиданным образом, всякий безошибочно знал свое дело. Король указывал пальцем или посохом, или назначал через кого-нибудь, кого он посылал дальше, а последние слова предыдущего он произносил собственным голосом. Все смотрели на него так внимательно, что никто при поданном им знаке, хотя бы чтение остановилось в конце предложения или в середине, не дерзал начать выше или ниже, как бы ни казалось ему бессмысленным начало или конец чтения. Таким образом, при дворе Карла все отлично знали чтение, даже и те, которые не понимали содержания. Ни один иностранец, и никто из лиц ему известных, если только не умел хорошо читать и петь, не осмеливался просить короля о принятии его в число своих духовных.

8. Случилось однажды императору зайти на пути в большую церковь, и какой-то странствующий священник, не знавший дисциплины Карла, примешался незваный к хору; но он ничему подобному не учился и оставался стоять немым и одураченным среди других певцов. Регент поднял свой жезл и грозил ему, если он не хочет петь. Тот не знал, что ему делать и куда деться, а выйти он не смел, а потому, поворачивая свою шею во все стороны, стал разевать широко рот, чтобы по возможности ближе придать себе вид поющего человека. Никто не мог удержаться от смеха, но храбрый император, спокойное выражение которого не нарушалось и более

важными обстоятельствами, представился, что он не замечает вынужденные его гримасы, и в строгом порядке ожидал конца службы. После он подозвал к себе того несчастного, страх которого все еще продолжался, и утешил его словами: «Прими, добрый человек, мою величайшую благодарность за твое пение и труды»; а чтобы помочь его бедности, он приказал выдать ему фунт серебра...

9. Таким образом, преславный Карл видел, как во всем его государстве науки пришли в цветущее состояние, но все еще он соболезновал, что не может достигнуть той высоты образования, на которой стояло время древних отцов церкви, и, употребив на то усилия почти сверх сил человеческих, он воскликнул однажды в отчаянии: «О, если бы я имел у себя хоть 12 человек таких сведений, какими обладали Иероним и Августин!» Но высокоученый Альбин (Алкуин), который совершенно справедливо считал себя еще большим невеждой по сравнению с ними, обнаружил вследствие того весьма живое неудовольствие, хотя дал заметить то слегка и отвечал ему так, как только мог кто-нибудь из смертных говорить грозному Карлу: «Творец неба и земли не имел более подобных тем отцам, а ты желаешь иметь двенадцать?»

В главе 10 автор говорит подробно о попытках Карла Великого усовершенствовать в Галлии церковное пение через посредство учителей, присланных Папой, и молодых людей, отправленных в Рим для изучения того же дела.

11. Карл, столько же богобоязненный, как и умеренный, имел привычку во время постов по окончании обедни и вечерни есть в два часа, не нарушая тем правГосподню, не ел от одного часа до другого (то есть один раз в день). Но один епископ, бывший, в противность предостережению того мудрого мужа (то есть Соломона), слишком правдивым и слишком глупым, начал упрекать Карла крайне неосторожным образом. Мудрый Карл скрыл свое неудовольствие, смиренно выслушал упрек и отвечал: «Ты прав, любезный епископ; но я повелеваю тебе не есть ничего, пока последний из слуг моего двора не кончит своего стола». Таким образом, пока ел Карл, ему прислуживали герцоги и князья или короли чужеземных народов. После его стола они сами сели за стол, и им прислуживали графы и наместники или высшие чины всякого рода. За ними следовали кавалеры, потом различные придворные чины, далее слуги и наконец слуги самих слуг, так что последние сели за стол около полуночи. Благодушный Карл продержал того епископа таким образом до самого конца поста и потом сказал ему: «Теперь, я думаю, ты понял, епископ, что я не из невоздержности, но по разумной причине ем до вечера».

12. Другого епископа он просил однажды о благословении пищи, тот мазнул крестом по хлебу да еще себе первому отрезал кусок, прежде нежели предложил светлейшему Карлу. Но Карл ему ответил на это: «Возьми себе весь хлеб», и пристыдил его за неприличное благословение.

13. Карл с намерением не предоставлял ни одному графу более видного графства для управления, исключая тех, которые занимали границы, соседние с варварами; точно так же он не отдавал ни одному епископу королевского аббатства или церкви, если только того не требовали особенные обстоятельства. На вопросы своих советников и приближенных о причине того он отвечал: «Поступая так, я могу при помощи того или другого имения, или мызы, или маленького аббатства, или церкви обеспечить себе верность такого же хорошего или даже и лучшего вассала, нежели иной граф или епископ». Но по особенным причинам иных он много оделял: так, например, Удальрика, брата великой Гильдегарды, матери королей и императоров. После смерти Гильдегарды Карл отнял у него его лены за какой-то проступок, и один легкомысленный человек в присутствии такого сострадательного короля воскликнул по этому поводу: «Вот Удальрик и потерял свои лены на востоке и на западе, потому что его сестра умерла!» Тогда Карл заплакал и немедленно восстановил его во всех прежних почестях. Впрочем, он распространял свою доброхотную руку и на убежища святых, как то будет явствовать из последующего.

14. Во время одного из походов Карла на его пути лежало одно епископство, и он не мог его обойти. Епископ выражал желание принять его, как подобает, и употребил со своей стороны на то всевозможные усилия. Но Карл прибыл однажды неожиданно, и епископ засуетился, как касатка, туда и сюда, приказал вымести не только церкви и дома, но и дворы, даже улицы и после того вышел к нему навстречу усталый и измученный. Благочестивый Карл заметил это, осмотрел все внимательным глазом и обратился к епископу: «Ты отличный хозяин: к моему приходу ты приказываешь все отделать начисто». Тот задрожал, как будто бы он услышал божественный голос, схватил победоносную правую руку Карла, поцеловал ее и, скрывая свое неудовольствие, как только мог, возразил королю: «Государь, так и следует, чтобы везде, куда бы ты ни приходил, было все очищено до дна»[1]. Карл, мудрейший из королей, понял настоящий смысл слов и отвечал: «Я умею очистить, но я умею и снова наполнить». Затем он прибавил: «Возьми себе то королевское имение, которое лежит подле твоего епископства, и сохрани его для себя и своих преемников на вечные времена».

15. На том же пути Карл неожиданно явился к одному епископу, города которого нельзя было избежать. Мяса не хотел он есть в тот день, потому что была пятница, а рыбы не мог тотчас достать епископ по положению самой местности, и потому предложил отличный сыр, пожелтевший от жиру. Карл, обнаруживавший всегда одинаковую умеренность в пище, не хотел ставить епископа в затруднительное положение и не требовал ничего больше; взял свой нож, отбросил верхнюю корку, которая ему показалась отвратительной, и начал есть белую часть сыра. Епископ же, стоявший подле него для услуги, подошел и сказал: «Зачем же ты это делаешь, государь император? То, что ты бросаешь, и есть именно самое лучшее». Карл, чуждый всякой хитрости, не предполагая потому, чтобы и другой мог его обмануть, откусил частицу корки по совету епископа и проглотил ее, как кусок масла. Ему понравился совет епископа и он сказал: «Ты прав, мой любезный хозяин, и потому,– присоединил он,– не забудь посылать мне в Ахен ежегодно по два воза такого сыру». Епископ испугался, полагая такое поручение невозможным, и считал себя в опасности потерять место и должность. «Государь,– возразил он,– конечно, я могу доставлять сыр, но я не могу распознать, какой кусок хорош, как этот, и какой нехорош; потому я боюсь получить с вашей стороны выговор». Карл, для которого не было ничего такого нового и необыкновенного, что могло бы остаться скрытым и темным, отвечал епископу: «Ну, так ты разрежь каждый круг сыру пополам и который найдешь таким хорошим, как этот, сложи вместе и приколи деревянными шпильками, а потом положи в бочку и отправь ко мне, остальные же удержи для себя, своего духовенства и домашних». Так это продолжалось два года, без всяких замечаний со стороны короля; но в третий год епископ явился сам, чтобы лично представить сыр, который он привез издалека с величайшим трудом. Тогда Карл, исполненный чувства правды, каким он всегда был, сжалился над его заботами и трудами и подарил ему для его епископства превосходную мызу, как для него самого, так и для его преемников, чтобы он сам и его люди могли пользоваться оттуда хлебом и вином.

16. Рассказав таким образом, как мудрый Карл возвышал смиренных, я намерен изложить, как он смирял гордых. Был один епископ, чрезвычайно тщеславный и большой охотник до приобретений пустых вещей. Когда благоразумный Карл успел это заметить, он приказал одному торговцу из евреев, который часто ходил в Палестину и оттуда привозил морем множество редкостей и чужеземных товаров, обмануть каким-нибудь образом того епископа. Еврей поймал простую мышь, набальзамировал ее всякими специями и предложил

[1] В словах «очищено до дна» было оскорбительное для Карла двусмыслие; эти слова выражали или то, что все должно быть выметено, или то, что все должно быть спрятано. Как видно, в монастырях боялись привычки Карла отбирать оттуда все, что ему нравилось или казалось лишним; справедливость того подтверждается главой 15.

епископу купить ее у него. «Из Иудеи,– говорил он,– я привез с собой это драгоценное и невиданное животное». Тот чрезвычайно обрадовался и предложил ему за такую дорогую вещь три фунта серебра. Еврей воскликнул на это: «Хороша цена за такую дорогую вещь! Лучше я брошу ее в самую глубину моря, нежели уступить кому-нибудь за такую ничтожную и постыдную цену». Епископ, человек весьма богатый и никогда ничего не дававший бедным, обещал ему 10 фунтов за несравненное сокровище. Хитрый купец представлялся весьма недовольным и сказал: «Да сохранит меня Бог Авраама согласиться на такую потерю трудов и денег». Жадный епископ, страстно желавший приобрести ту драгоценность, предложил 20 фунтов, но еврей с сердцем завернул мышь в дорогую шелковую ткань и начал уходить. Этим он провел епископа – и его следовало хорошенько провести, епископ позвал еврея назад и отмерил ему полную меру серебра, только чтобы приобрести то сокровище. Но купец и при этом заставил себя сначала просить и согласился после долгих отказов; полученное серебро еврей отнес к императору и рассказал ему все, как было. Вскоре затем король созвал для совещания всех епископов и знатных людей той земли и после рассуждения о многих важных предметах он приказал подать те деньги и положить их посреди собрания. Тогда король произнес: «Вы, епископы, наши отцы и попечители, вы должны были бы служить бедным или, лучше, Христу в них пребывающему, а не гоняться за пустяками. Между тем вы во всем поступаете наоборот и предаетесь корысти и тщеславию более всех других смертных. Посмотрите,– продолжал он,– сколько один из нас дал за обыкновенную набальзамированную мышь». Но виновный, пойманный в таком постыдном деле, бросился к его ногам и начал умолять о прощении за свой проступок. Король выговорил ему за его глупость по заслугам и пристыженным отпустил домой.

В главе 17 приводится еще один пример чрезмерного честолюбия какого-то епископа.

18. Но я весьма боюсь, о, государь и император Карл (то есть III, Толстый, к которому и обращается автор, так как весь труд был им составлен по его поручению), что я своим старанием исполнить ваше повеление наживу себе врагов во всех сословиях и особенно между епископами. Впрочем, об этом я не много и забочусь, если только не потеряю вашего покровительства. Благочестивый император Карл (то есть Великий) дал приказание, чтобы все епископы в его обширном государстве или говорили проповеди в главном соборе своей епископской резиденции в определенный им самим день, или в противном случае лишались своего достоинства. Но что я говорю: *достоинства*! Апостол утверждает: «Кто домогается епископского места, тот домогается возможности делать добрые дела». Скажу вам, однако, по секрету, что на деле при этом ищут исключительно почестей, а о добрых делах не думают нисколько. Тот вышеупомянутый епископ (обнаруживший чрезмерное честолюбие) был чрезвычайно встревожен приказанием Карла, так как он ни к чему другому не был способен, как тратиться и великолепно жить. Но из страха потерять епископство, а вместе с ним и средства к расточительной жизни, он пригласил на один праздник двух знатных придворных и по прочтении Евангелия взошел на кафедру, как будто бы с намерением говорить народу речь. При таком неожиданном зрелище все с удивлением сбежались в церковь, и вместе с другими явился какой-то рыжий бедняк с колпаком на голове, потому что шляпы у него не было, а он стыдился цвета своих волос. Тогда тот епископ, по названию, а не на деле, закричал церковному сторожу или привратнику – у древних римлян такие люди назывались aedilicii: «Приведи ко мне этого человека в колпаке, что стоит у дверей». Привратник поспешил исполнить приказание своего господина, схватил несчастного и начал тащить его к епископу. Бедняк боялся тяжкого наказания за то, что осмелился стоять в храме Божием с покрытой головой, и сопротивлялся изо всех сил, как будто его вели к самому строгому судье. Епископ смотрел на все это сверху и, то поощряя своего слугу, то ру-

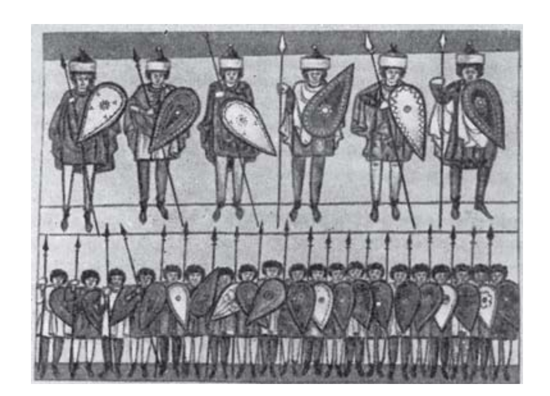
гая того несчастного, закричал, как проповедник, громким голосом: «Держи его крепче! Не дай же ему убежать! Хочешь или не хочешь, а ты должен быть здесь». Наконец, когда тот, уступая силе или просто из страха, подошел, епископ продолжал: «Подойди ближе, еще ближе!» Затем он сорвал с его головы колпак и обратился к народу со словами: «Посмотрите-ка, добрые люди, какие рыжие волоса у этого дурака!» После того он воротился в алтарь и продолжал отправлять богослужение или, лучше сказать, походило на то, что он будто бы отправлял. По окончании обедни все они вступили в зал, убранный великолепными коврами и занавесами, где был приготовлен дорогой стол, уставленный золотыми, серебряными и обделанными в драгоценные каменья сосудами, так что и пресыщенный почувствовал бы аппетит. Сам же он восседал на пуховых подушках, покрытых драгоценнейшей шелковой тканью и убранных императорским пурпуром, так что ему недоставало только скипетра и королевского титула; его окружала толпа блестящих кавалеров, и в сравнении с ними оказывались ничтожными те знатные при дворе, я хочу сказать, те, которые составляют свиту победоносного Карла. После удивительно богатого стола, какой не часто встречается и у королей, те двое хотели проститься, но епископ, чтобы представить им свою роскошь в полном блеске, позвал искуснейших певцов с музыкальными инструментами; их голос и звук инструментов могли бы смягчить самое жестокое сердце и замедлить даже быстрое течение Рейна. Из напитков были поданы самые разнообразные сорта, изготовленные со всевозможными пряными кореньями и приправой; но чаши, перевитые цветами и обделанные в золото и каменья, отражая огненный свет, оставались невыпитыми в их руках, так как желудок был переполнен. Хлебопеки, мясники и повара готовили, между тем, вооруженные всем своим искусством, различные лакомства для их отягченного желудка, чтобы возбудить в них новый аппетит – яства были такие, каких и для великого Карла никогда не приготовляли. На следующее утро, когда епископ несколько проспался и опомнился, ему самому стало страшно за мотовство, которое он обнаружил накануне в присутствии сподвижников императора, и он призвал их к себе, одарил по-королевски и заклинал их сказать о нем грозному Карлу только хорошее и выгодное и вместе уверить его, что он в присутствии народа говорил проповедь в церкви. Когда они возвратились, и император спросил, зачем епископ приглашал их, они, упав к его ногам, сказали: «Ради вашего имени, государь, он оказал нам почести, каких мы далеко не заслуживаем». И к этому прибавили: «Этот превосходный пастырь доказывает полную преданность вам и тем, кто окружает вас; он без всякого сомнения заслуживает быть первым епископом. Если вы удостоите веры нас, ничтожных людей, то мы клянемся, ваше высочество, что мы слышали, как он говорил проповедь во всеуслышание». Но император, знавший его невежество, спросил далее о содержании проповеди, и они, не смея его обманывать, рассказали ему все по порядку. Тогда Карл понял, что епископ пытался сказать проповедь из страха, чтобы не потерять места, и оставил за ним епископство, хотя он того и не заслуживает.

19. Вскоре после того на одном празднике молодой человек, родственник короля, пропел особенно хорошо «аллилуйя», и император заметил тому же епископу: «Хорошо пропел нынешний раз наш клерик». Епископ по своей ограниченности принял это за иронию, и не зная, что певчий был в родстве с императором, отвечал: «Так мог бы прореветь мужик на своих быков за плугом». На такой бесстыдный ответ император возразил одним молниеносным взглядом, так что тот уничтожился, как оглушенный.

20. В другом небольшом городке находился епископ, который еще при жизни хотел иметь божеские почести вместо того, чтобы самому молить апостолов и мучеников о их представительстве у Бога. Сначала он скрывал настоящий предмет своего честолюбия и ограничивался тем, что объявил себя Божьим святым, чтобы не внушить отвращения и не напомнить идолопоклонства. Был у него вассал,– человек, пользовавшийся большим уважением между сво-

ими, и при этом весьма ловкий и деятельный; но епископ не давал ему лена и даже не одарил ни разу ласковым словом. Вассал не мог придумать, за что бы взяться, чтобы уничтожить нерасположение епископа к себе, и наконец напал на мысль, что он мог бы склонить его в свою пользу, если бы распустил слух, что он сделал чудо его именем. Раз, отправляясь к епископу, он взял с собой на своре двух собак, называемых борзыми, которые при своей быстроте могут легко ловить лисиц и других небольших зверей и даже схватывают на лету перепелов и других птиц; дорогой он увидал лисицу, сторожившую у норы полевых мышей, и спустил на нее собак. Они бросились на нее со всех ног и схватили ее на расстоянии полета стрелы. Он пустился за ними и вырвал у них лису живую и неповрежденную ни их зубами, ни лапами, собак же спрятал и с торжеством отправился к своему господину, говоря ему униженно: «Посмотри, государь, какой я, человек бедный, мог достать тебе подарок». Епископ засмеялся немного и спросил его, как мог он поймать этого зверька живьем. Тот подошел к нему ближе, и клянясь благорасположением самого господина, что он не утаит от него правды, сказал: «Государь, я ехал по полю и увидел невдалеке лисицу; тогда я, опустив поводья, погнался за ней, но она летела с такой быстротой, что я едва мог ее видеть. В эту минуту я поднял руку и стал заклинать: во имя Река (имя того епископа), моего государя, остановись и не трогайся с места. И что ж?! Она остановилась, как вкопанная, пока я не взял ее, как беспомощную овцу»[1]. Тогда епископ, возгордясь в своем пустом тщеславии, сказал перед всеми присутствующими: «Теперь обнаружилась моя святость, как день, теперь я вижу, кто я, теперь я знаю, что меня ожидает еще впереди». И с того времени епископ оказывал величайшее расположение тому, кого он ненавидел до тех пор, даже более, чем всем другим из своих приближенных.

[1] В подлиннике стоит «яйцо», а не «овца»; но это очевидно, ошибка переписчика, тем более понятная, что в латинском языке оба эти слова мало различаются друг от друга: ovun и oven.



Герцоги и воины. Миниатюра из рукописи XI в.

В последующих главах, от 21-й до 25-й, автор делает большое отступление, в котором рассказывает о различных случаях борьбы людей с нечистым духом и соблазнах, которые представляются со стороны последнего для погибели человеческого рода: примеры заимствованы автором не только из отечественных и местных преданий, но и из преданий итальянских, которые дали ему повод возвратиться к главному предмету, то есть к жизни Карла Великого, вследствие его отношений к папам.

26. Между тем как весь остальной род человеческий приводится в соблазн дьяволом и его служителями при помощи их различных проделок, утешительно видеть, как даже в наше время, полное опасностей и гибели, остается непоколебимым слово Господа, который, награждая св. Петра за твердое исполнение Его имени, сказал: «Ты – Петр (камень), и на этом камне созижду мою церковь, и врата адовы не одолеют ее». Подобно тому, как между соперниками всегда свирепствуют вражда и ненависть, так то было искони между римлянами (то есть жителями города Рима), и они всегда восставали и даже вооружались против всякого значительного человека, который в то или другое время восходил на папский престол. Вследствие того же некоторые из них, ослепленные ненавистью, обвинили в смертельном преступлении Папу Льва, блаженной памяти, о котором мы упоминали выше[1], и попытались ослепить

[1] Но в существующих манускриптах нет выше никакого рассказа о Льве.

его. Но по воле Божией они воздержались от того, пораженные ужасом подобного преступления, и потому не вырвали ему глаз, но изрезали лицо ножами. Лев послал тайно к императору Михаилу в Константинополь своих доверенных, но тот отказал ему в помощи, объявляя: «Папа имеет сам свое государство, и даже лучше нашего; потому пусть собственными силами справляется со своими врагами». Тогда святой отец, по внушению свыше, определил апостольской властью вознести на новую степень славы того, кто уже на деле был властителем и вождем большей части народов, и облечь его в сан императора, Цезаря и Августа; вследствие того он пригласил в Рим победоносного Карла. Карл, всегда готовый к походам и войне, немедленно и безотлагательно пустился в дорогу со своими служителями и свитой, не зная, впрочем, о причине папского приглашения; так, глава мира отправился в город, бывший некогда главой земного шара. Когда развращенный народ узнал о его неожиданном приходе, все начали прятаться по углам и ямам, как засовываются птицы при виде господина, который скликает их. Но так как от поисков и мудрости Карла нельзя нигде уйти на земле, то они были схвачены и приведены в оковах в церковь св. Петра. Там безнаказанный отец Лев взял Евангелие нашего Господа Иисуса Христа, возложил себе на главу и произнес перед Карлом и его витязями и в присутствии своих гонителей следующую клятву: «Как я неповинен в преступлении, которое они возводят на меня ложно, так, в день Страшного суда, да предстану я с Евангелием». Но между арестованными нашлись очень многие, которые стали просить о дозволении доказать клятвой на гробнице св. Петра, что они в том преступлении против Папы не принимали никакого участия. Но Папа, знакомый с их изворотливостью, сказал Карлу: «Умоляю тебя, победоносный Божий герой, не дозволяй им пускаться на хитрости. Они очень хорошо знают, что ни одного святого нельзя так легко упросить о прощении, как св. Петра. Потому прикажи под гробами святых искать кровавые следы, пока не окажется надпись, сделанная в память трехлетнего младенца Панкратия. Если они поклянутся над тем местом, тогда ты им можешь поверить». Все было сделано, как потребовал Папа. Когда большая толпа народа с самоуверенностью подошла к тому месту, одни повалились на пол, а другие, одержимые злыми духами, начали бродить. И грозный Карл обратился к своим: «Смотрите: ни один из них не уцелел». Потому все были схвачены и осуждены или на смерть в различных видах, или удалены в ссылку. Пока Карл оставался там несколько дней для того, чтобы дать отдохнуть своему войску, апостолический отец созвал в Рим, сколько мог, народу из соседних стран, и перед ним, равно как в присутствии непобедимых спутников преславного Карла, провозгласил его, когда он ничего подобного не подозревал, императором и защитником Римской церкви. Отказаться от того он не мог, потому что считал то Божеским определением, и принял новый сан неохотно, полагая, что греки, воспаленные сильнейшей завистью, замыслят зло против королевства франков и будут весьма опасаться, чтобы Карл, как в то время говорили, не напал неожиданно и не покорил их империи своей власти. Еще прежде приходили к Карлу послы византийского короля и говорили ему от имени своего государя, что он желает остаться его верным другом, и если бы не было так велико расстояние, то назвал бы его своим сыном и пришел бы помочь ему в нужде; но уже тогда мужественный Карл не мог потушить в груди пылавшее пламя и воскликнул: «О, если бы между нами не было этой небольшой морской бездны! Тогда, быть может, мы разделили бы богатство Востока или сообща владели бы им в равных частях». Обыкновенно рассказывают это другие, не знающие жалкого положения Африки, об африканских королях. Невинность же святого Папы Льва доказал Податель всех благ тем, что он после того жестокого увечья, которым его хотели наказать, получил еще более светлое зрение, нежели имел прежде; только в память такого чуда осталась удивительная черта, подобная тончайшей нити на его белоснежном зрачке.

В главе 27 – отступление о море, отделяющем греков от франков, и о живущих около народах.

28. Когда воинственный Карл наконец успокоился, все же он не хотел оставаться праздным и начал трудиться для Бога. Он предпринял именно постройку церкви в своем отечестве по собственному плану, которая должна была превзойти все древние здания римлян, и в короткое время увидел цель свою достигнутой. Для этой постройки Карл пригласил из-за моря от всех стран художников и мастеров всякого рода и поставил над ними начальником одного аббата, на которого был возложен надзор для лучшего выполнения, а дурных его замыслов король не знал. Едва император удалился куда-то, как аббат начал за деньги освобождать каждого, кого хотел, а тех, которые не могли откупиться или не были освобождены своими господами, он притеснял жесточайшим образом, подобно тому, как египтяне казнили тяжкими работами народ Божий, так что аббат не позволял отдыхать никогда или очень мало. Когда он подобным обманом накопил неслыханное количество золота, серебра и шелковых тканей, менее важные вещи развесил в своем покое, а драгоценные уложил в коробы и сундуки, ему неожиданно объявили, что его дом охватило пламенем. Он спешит туда, проникает через пламя в покои, где стояли сундуки, наполненные золотом, и так как ему не хотелось выйти с одним сундуком, он схватил на каждое плечо по одному и поспешил к выходу. В эту минуту повалилась огромная балка, обожженная огнем, прямо на него, и спалила земным пламенем его тело, а душу его отправила в то пламя, которое зажжено не человеческими руками. Так суд Божий сторожил за благочестивого Карла, когда он сам, задержанный государственными делами, не мог наблюдать за работами.

В главе 29 рассказан подобный же случай Божьего суда над литейщиком колоколов, обманувшем Карла Великого.

30. В те времена существовали следующие распоряжения о всякого рода постройках: если где предпринималась по императорскому указу какая-нибудь работа – постройка моста или корабля, или парома, или чистка грязной дороги, мощение или убивка, – о всем подобном заботились графы через своих наместников или чиновников, когда дело было не важное; но от важных построек или новых не смел уклоняться ни один герцог, ни граф, ни епископ, ни аббат. Доказательством тому служат и теперь развалины моста в Майнце, постройка которого была довершена общими усилиями всей Европы; но мост погиб от коварства злонамеренных людей, которые хотели наживать себе неправедным образом деньги от платы за перевоз в лодках. Когда нужно было украсить церковь, принадлежавшую непосредственно какому-нибудь королевскому поместью, резной работой или стенными картинами, то такое дело возлагалось на ближайших епископов или аббатов. Если же церковь строилась заново, то все епископы, герцоги, графы, аббаты и другие настоятели королевских церквей со всеми, которые имели от короля бенефиции, должны были тщательно следить за работой от фундамента до самой кровли. Это можно заметить не только на вышеупомянутой церкви Божией, но и на дворце в Ахене, равно как и на пристройках для людей всякого рода, которые по распоряжению мудрого Карла были расположены около дворца так, что он через решетку своего терема мог видеть все, что не было заметно для входивших и выходивших оттуда. Покои

Воин IX–X вв. Резьба по слоновой кости

для его вельмож были помещены так высоко, что под ними могли укрыться от снега и дождя, холода и жары не только вассалы его сподвижников и их слуги, но и люди всякого рода; притом никто из них не мог утаиться от взоров проницательного Карла. Впрочем, подробное описание самого здания я, скромный монах, предоставляю вашим высокоученым секретарям и обращусь к рассказу о Божьем суде, который совершился при постройке.

Главы 31—33 наполнены преданиями о Божеском наказании, постигшем корыстолюбивых строителей, вроде того, которое автор привел выше, говоря о постройке храма. Затем, в заключение первой книги, автор обращается к описанию современного Карлу Великому одеяния франков.

34. Одеяние древних франков состояло из башмаков, украшенных снаружи золотом и снабженных длинными шнурами в три локтя, пурпурных перевязей около ног и сверху полотняных штанов того же цвета, но убранных красивыми нашивками. По перевязям и штанам идут крестообразно длинные шнурки, сзади и спереди[1]. Потом рубашка из белого полотна и сверху перевязь для меча. Меч лежал в ножнах, обтянутых сначала кожей, а сверху белым, крепко навощенным полотном для большей прочности, а посредине — блестящий крестик на погибель язычникам. Последнюю часть их одеяния составлял темный или голубой плащ, четырехугольный и с подкладкой, выкроенный так, чтобы мог висеть с плеч сзади и спереди до полу, а по бокам чуть-чуть до колен. Наконец, в правой руке франки носили палицу из прямого дерева с узлами, равномерно расположенными, весьма красивую, крепкую и внушающую ужас, с рукояткой из золота или серебра с красивыми насечками. Я, человек тихий и подвижный не более черепахи, видел в таком наряде – а сам я никогда не ходил к франкам – главу всех франков (автор говорит так о Людовике Благочестивом, сыне Карла Великого), как он блистал собой в монастыре св. Галла и с ним два златокудрые плода от его чресл (то есть два его сына), из которых старший (Лотарь) был ростом с отца, младший же (Людовик Немецкий) еще подрастал на славу и защиту своего народа. Но такова уж природа человеческого духа: едва франки перемешались в войске с галлами, как начали украшаться их пурпуровыми военными плащами, и оставили из любви к новизне свой старый наряд, подражая в одежде галлам. Сначала суровый Карл разрешил нововведение, потому что ему оно казалось более выгодным для походов. Но когда он заметил, что фризы, злоупотребляя этим обстоятельством, продают те короткие плащи по той же цене, как и прежние большие, тогда он запретил покупать что-нибудь другое, кроме тех широких и длинных плащей, заметив при этом: «На что могут годиться эти лоскутки? В постели я не могу ими покрываться; на лошади они не защищают ни от дождя, ни от ветра, и если мне случится отойти в сторону, то у меня перезябнут ноги».

[1] Обувь древних франков напоминает своими составными частями обувь наших поселян: лапти с длинными оборами – башмаки со шнурами, перевязи – онучи; оборы крестообразно забинтовывают онучи и нижнюю часть штанов.

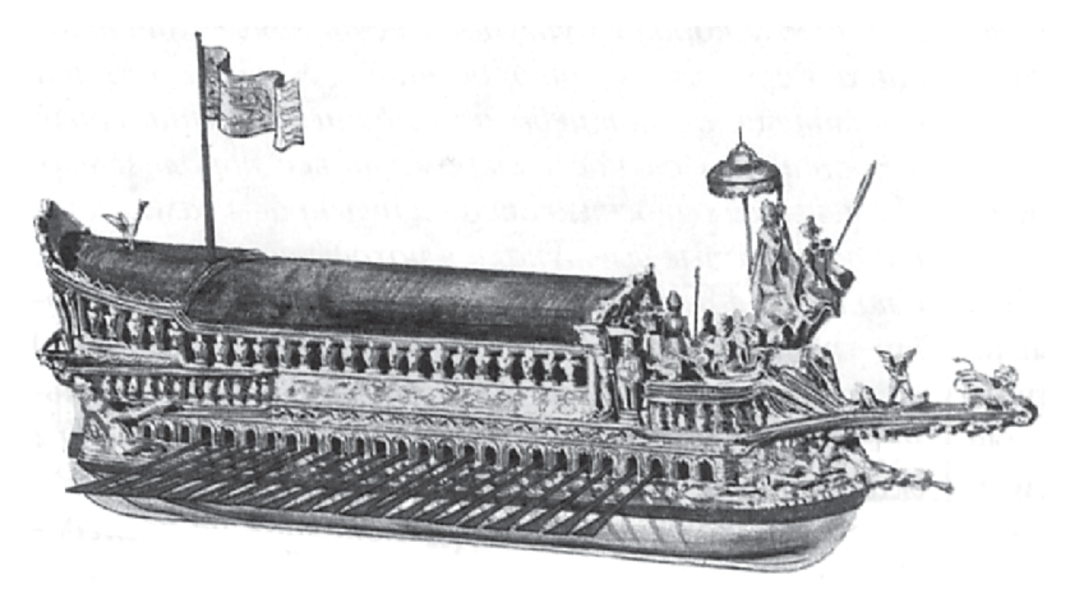
Вторая книга

В предисловии (не дошедшем до нас) к этому ничтожному труду я обещал следовать в своем рассказе авторитету только трех мужей, заслуживающих доверия. Но восемь дней тому назад, лучший из них, Веринберт, умер, и сегодня, именно 30 мая, мы, осиротевшие дети и ученики, поминаем его, а потому я и заключаю свою книгу (то есть первую), которую я писал со слов этого пастыря, говоря о благочестии государя Карла и его попечении о церквах. Следующую же книгу (то есть вторую) о военных деяниях браннолюбивого Карла я изложу по рассказам Адальберта, отца того Веринберта, который вместе со своим господином Керольдом сделал поход против гуннов, саксов и славян и который в своих преклонных летах воспитал меня, тогда еще мальчика, несмотря на мое отвращение к науке, и наконец, когда я сделал попытки к бегству, принудил силой обучаться.

1. Так как мне приходится теперь писать по показаниям человека светского (то есть необразованного; понятие светского человека было в то время по отношению к наукам синонимом человека невежественного) и мало вращавшегося в письменном деле, то мне кажется неизлишним, по моей обязанности писателя, привести на память нечто о древних временах. После того, как богоненавистник Юлиан (то есть Апостат) погиб Божиим определением в персидской войне и от Римской империи отпали не только заморские провинции (то есть Азия и Африка), но и ближайшие, как то: Паннония, Норик, Ретия или Германия, и франки, и галлы, и когда короли галлов или франков, вследствие умерщвления св. Дезидерия, епископа Вьеннского, и изгнания святых всельников, а именно Колумбана и Галла, начали клониться к упадку, в то время вторгся народ гуннов (то есть аваров, которых принимали за прямых потомков гуннов времен Атиллы). Сначала гунны производили грабежи у франков и аквитанов в Галлии и Испании, а потом, соединив свои силы, разнесли, подобно пожару, далеко свои опустошения, а что успевало спастись, то уносили с собою в свой неприступный притон. Вот каковы были их укрепления, по словам вышеупомянутого Адальберта: «Земля гуннов,– говорил он мне,– была опоясана девятью кругами». А так как я под кругами разумел обыкновенные плетни из ивняка, то и спросил его: «Чему же тут, мой учитель, удивляться?» – Он повторил: «Она была укреплена девятью заборами». Но я под забором представлял себе то, чем огораживаются засеянные поля, и снова задал вопрос; тогда он мне отвечал: «Каждый круг был так велик, то есть обнимал такое пространство, как от Цюриха до Констанца; стена была выстроена из дуба, бука и сосны такой толщины, что от одного края до другого была шириной в 20 футов и столько же в высоту; внутренняя пустота была наполнена камнями и вязкой глиной, а поверхность вала уложена толстым дерном. По краям насажен мелкий кустарник; его, как то можно часто видеть, подрубали и расстилали по земле, так что он давал новые отростки. Внутри такой ограды были расположены местечки и деревни на расстоянии человеческого голоса. Против каждой деревни были проделаны в той неприступной стене узкие ворота, через которые могли бы выходить на грабеж не только жившие по краям, но и внутри страны. Далее, между вторым кругом, выстроенным наподобие первого, и третьим лежало пространство в 10 немецких миль, равных 40 итальянским, и так далее до девятого круга; но каждый следующий был уже предыдущих. От одной стены до другой шли укрепления и жилища на таком расстоянии друг от друга, что из каждого можно было услышать сигнальный рожок. В эти-то укрепления стаскивали они в течение 200 лет, и даже более, все богатства Запада, и так как при этом готы и вандалы нарушали вообще спокойствие, то западный мир весь обратился в развалины. Несмотря, однако, на то, победоносный Карл усмирил их в течение восьми лет до того, что от них не осталось и малейших следов. На булгаров его рука не распространилась потому, что казалось невероятным, чтобы они по разрушении гуннского царства могли причинить вред франкам. Добычу, найденную им в Паннонии, Карл щедро разделил между епископами и монастырями.

В главах 2—4 автор сообщает два-три ничтожных случая из войны Карла Великого с саксами и затем переходит к дипломатическим его сношениям с восточными странами.

5. При таких военных занятиях, великодушный Карл не упускал из виду отправлять то того, то другого с письмами и подарками к отдаленнейшим государям, которые повсюду оказывали ему знаки почтения. Так, с самого театра саксонской войны он отправил посла к константинопольскому королю, и этот спрашивал, спокойно ли государство его сына Карла или оно подвергается нападениям соседних народов. Когда старший из посольства отвечал, что оно вообще наслаждается миром, и только один народ, саксы, беспокоит границы франков частыми грабежами, тогда император, погрязший в праздности и неспособный к войне, отвечал: «О, к чему, мой сын, так много трудиться для борьбы с ничтожным непри-



Буцентавр. Такое название было дано венецианской государственной барке, выстроенной специально для того, чтобы участвовать в церемонии «венчания с морем», которая впервые состоялась в 998 г. Барка представляла собой гигантский понтон с воздвигнутой на нем фантастической надстройкой, роскошно декорированной позолоченной скульптурой, и приводилась в движение двадцатью одним веслом по каждому борту

ятелем без имени и силы?! Я дарю тебе этот народ со всем, что ему принадлежит». Посланник по возвращении домой рассказал все воинственному Карлу, и он, усмехнувшись, заметил: «Король оказал бы тебе лучшую услугу, если бы тебе подарил, по крайней мере, полотняные штаны на такую дальнюю дорогу».

6. Я не должен умолчать об уме того же самого посланника, проучившего какого-то мудреца Греции. Случилось ему на пути в Грецию заехать вместе со своими спутниками в королевский город; все они были размещены по отдельным квартирам, а он поставлен был к одному епископу, который терзал себя постом и молитвой и измучил посланника почти постоянным голодом; наконец, весной, когда погода сделалась мягче, он представился королю (то есть императору). Этот спросил его, чем он пользовался у епископа. Посланник, вздохнув из глубины души, отвечал: «Уж слишком свят ваш епископ, до того, что может обойтись и без Бога». Король возразил с удивлением: «Но как же можно быть святым без Бога?» На это ответил тот: «В Писании сказано: Бог есть любовь, а этого-то и нет у епископа». Король пригласил его затем к столу и поместил между князьями. Эти последние постановили законом, чтобы никто, иностранец ли он или туземец, не смел за королевским столом перевернуть куска мяса или его часть на другую сторону, но должен есть сверху, как ему было подано. Посланнику подали на блюде речную рыбу, облитую фаршированным соусом; когда гость, не зная обычаев страны, повернул рыбу на другую сторону, все поднялись с мест и объявили королю: «Государь, вы обесчещены так, как не был ни один из ваших предшественников». Король вздохнул и сказал посланнику: «Я не могу защитить тебя, чтобы спасти от неминуемой смерти. Но проси у меня чего хочешь другого и я тебе ни в чем не откажу». Тот несколько подумал и сказал так громко, что все услышали: «Я заклинаю вас, государь император, согласиться на одну мою не-

большую просьбу, как то вы мне и обещали». Король отвечал: «Требуй, чего желаешь, и получишь, но я не могу нарушить греческих законов и подарить тебе жизнь». Тогда посланник объяснил: «Так как я должен умереть, то прошу тебя об одном: пусть выколят глаза тому, кто видел, что я перевернул рыбу». Испуганный таким требованием, король начал клясться Христом, что он сам не видал того, но слышал по словам других. За ним начала оправдываться и королева: «Клянусь подательницей всяких радостей Богородицей, Св. Марией, я также не заметила того». Ей подражали и другие князья, друг перед другом, чтобы избавиться от опасности: один клялся небесным ключеносцем, другой – учителем язычников, остальные – ангельскими силами и всем сонмом святых, лишь бы только страшными заклинаниями оправдать себя от обвинения. Так провел тот умный франк тщеславную Элладу в ее собственном доме и возвратился к себе с торжеством жив и здоров...

В заключении этой главы и в последующих 6–12-й автор рассказывает в том же роде историю посольства византийского, персидского и африканского, примешивает туда рассказ о Людовике Немецком и заговоре Пипина против Карла и наконец возвращается к главному предмету.

13. Около того времени, когда император поднял в последний раз руку на гуннов и принудил другие народы к подчинению своей власти, вторжение норманнов причинило величайшую тревогу между галлами и франками. Победоносный Карл уже думал после своего возвращения из похода напасть на их родину с сухого пути, хотя это стоило бы больших трудов и было бы весьма затруднительно. Но Провидение не допустило его до того, или чтобы, как сказано в Писании Израиля, тем испытать его, или чтоб наказать нас за наши грехи, все его попытки остались бесплодными, и чтобы объяснить одним примером те бедствия, которые постигли все войско, скажу, что при походе одного отдельного аббата в одну ночь пало от язвы 50 пар быков. Таким образом Карл, мудрейший из всех людей, чтобы не плыть против течения и не сопротивляться запрету Писания, отказался от предприятия. Однажды ему случилось долгое время ездить по своему обширному государству; в это время Готфрид, король норманнов, ободренный его отсутствием, напал на пределы франков и избрал страну р. Мозель центром своего государства. Но в один день, когда на охоте он хотел вырвать у сокола утку, подбежал к нему его сын, мать которого он убил, чтобы взять себе другую жену, и заколол его. После этого события, как после смерти Олоферна, никто не осмеливался рассчитывать ни на свою храбрость, ни на свое оружие, но искал спасения в бегстве; таким образом земля франков освободилась без всяких усилий со своей стороны, так что не могла, подобно неблагодарному Израилю, возгордиться перед Богом. Но победоносный и непобедимый Карл, хотя, конечно, и воздавал хвалу Богу за такой праведный суд, но тем не менее горько жаловался, что вследствие его отсутствия один из норманнов ушел из его рук. «О, горе! – восклицал он,– мне не удалось видеть, как христианский народ отделал бы эти собачьи головы».

14. Однажды и случилось так, что Карл при своем объезде явился в какой-то город нарбоннской Галлии. Когда он сидел за столом, в гавани появились норманнские лазутчики, высматривая добычу, но никто о них не знал. Все смотрели на корабли, и одни приняли их за еврейских, другие за африканских, а третьи за британских купцов; но премудрый Карл немедленно узнал по их вооружению и ловкости движения, что это не купцы, а враги, и сказал своим: «Эти корабли набиты не товаром и несут на себе злейших неприятелей». При этих словах все поспешили к кораблям, один обгоняя другого; но напрасно: едва норманны узнали, что тут находится он, Карл Молот, как они его называли, то быстро обратились в бегство, избегая не только оружия, но и взора преследовавших; они боялись, что их мечи онемеют и разлетятся на куски. Но благочестивый Карл, муж правдивый и богобоязливый, встал из-за стола и подошел к окошку, которое смотрело на восток. Тут он плакал долгое время, и так как никто не дерзал заговорить с ним, то он тогда сам сказал своим во-

инственным вождям, чтобы объяснить им свое поведение и слезы: «Знаете ли, о, мои возлюбленные, о чем я плакал? Не о том,– говорил он,– что я боюсь, чтобы эти глупцы, эти ничтожные люди могли мне быть опасны; но меня огорчает то, что они при моей жизни осмелились коснуться этих берегов; и я горюю теперь, потому что предвижу, сколько бедствий они причинят моим преемникам и их подданным». Но чтобы это впредь не случалось, да спасет нас от того покровительство Господа нашего Иисуса Христа и да отразит норманнов ваш (то есть Карла Толстого) меч, в их крови закаленный, в соединении с оружием сына вашего брата Карломана[1]; конечно, это оружие было запятнано вашей кровью, но теперь оно заржавело; не вследствие трусости, не по недостатку в средствах и тесноте границ вашего вернейшего Арнольда (то есть Арнульфа, побочного сына того Карломана); впрочем, по вашему призыву и по приказу высшей власти оно может очень легко быть отточено и отчищено, как бывало то прежде. Эта отрасль процветет теперь рядом с нежным вашим отпрыском, в лице Беннолина[1], совершенно отдельно от плодоносного корня Людовика (то есть Благочестивого), единственно под верхом вашего покрова. Покамест я вставлю в истории вашего соименника коечто о вашем прапрадеде Пипине (то есть Коротком), чему – Божеское провидение будет милостиво к нам – могли бы подражать или маленький Карл, или Людовик (то есть дети Карла III Толстого).

[1] Карломан был отец Арнульфа, или Арнольда, которого теснил Карл Толстый и наконец сверг его в 887 г.

Следующие главы до последней из них, главы 21, составляют большое отступление, в котором автор говорит о правлении Пипина Короткого, Людовика Немецкого, Людовика Благочестивого, изредка упоминая о Карле Великом; в главе 21 вторая книга прерывается на половине фразы; конец ее и вся третья книга остаются и до сих пор потерянными для нас.

De gestis Karoli Magni libri II. У: *Pertz*. Monum. II, с. 731–763.

КОММЕНТАРИЙ. Сочинение монаха Сангалленского издано у Пертца, во втором томе его Monumenta, *с критическим предисловием. Немецкий перевод Ваттенбаха (Berl., 1850) помещен в Geschichtschreiber d. deutsch. Vorzeit. Liefer. 10. Критическая оценка его у* – Wattenbach. *Deutschlands Geschichtsquellen, с. 111.*

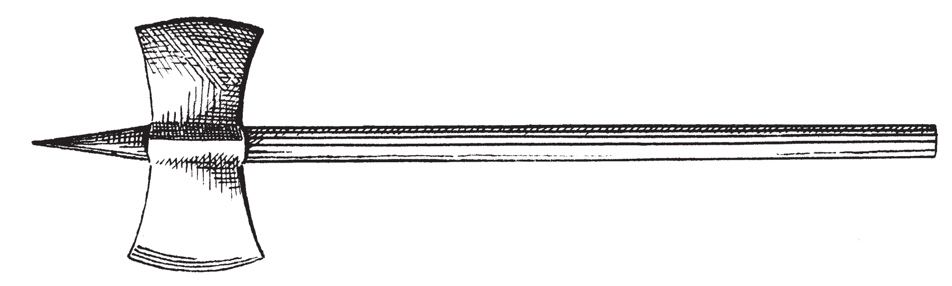
[2] Побочный сын Карла Толстого, Беннолин, или Бернгард.

Терульд

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПОЭМЫ «ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ» (около 1066 г.)

Чтобы дать понятие об отношении приводимого нами эпизода, в котором описывается смерть Роланда, к целому предмету поэмы, составленной не ранее XI в. на старофранцузском языке, мы предпосылаем краткое изложение общего ее содержания.

Во время войны Карла Великого с маврами Марсиль, правитель Сарагосы, был вынужден просить у него мира. Король посылает к нему одного из своих приближенных, Ганелона, врага Роланда, который из мести продает интересы франков. Сговорившись с маврами, он склонил Карла Великого оставить в арьергарде Роланда и других паладинов (героев), как то: Оливье, Турпина, архиепископа Реймсского и других, зная, что мавры в теснинах Пиренеев без труда истребят небольшой отряд франков. «Горы высокие,– восклицает поэт,– долины мрачные, скалы черные, теснины зловещие. Тяжело французам; на 15 миль слышны их шаги, когда они приближались к земле великой (то есть Франции). Наконец, завидели они Гасконию, землю их государя; тогда вспомнили свои феоды и свою прежнюю славу, и дев, и благородных супруг; не было человека, который бы не плакал от жалости. А больше всех горевал Карл в заботе о племяннике (Роланде), оставшемся в тес-



Двусторонний боевой топор

нинах; жаль ему стало его, и он не мог воздержаться от слез». Между тем Марсиль с 400 тысячами вассалов, графов, эмиров, приближается к арьергарду. Оливье, забравшись на сосну, предупреждает Роланда и просит его затрубить, чтобы Карл вернулся на помощь; но Роланд, опасаясь быть обвиненным в трусливости, не соглашается на просьбу Оливье; неприятель подходит ближе; Роланд изготовляется к бою; архиепископ Турпин благословляет французов, и сражение началось.

Чудная битва, страшная битва![1] Оливье и Роланд поражают твердой, сильной рукой! Архиепископ Турпин сыплет по тысяче ударов! Двенадцать пэров (pair,– равный, как назывались сильнейшие бароны) от них не отстают; французы бьются все как один; язычники падают тысячами и сотнями; кто не обратится в бегство, не уйдет от смерти, невольно, но каждый оставит там свою жизнь! Французы теряют своих лучших юношей, которые не увидят больше ни своего отца, ни своих родственников, ни Карла Великого, который ждет их по ту сторону горного прохода!

Во Франции свирепствуют страшные бури; с вихрем гром и ветер, дождь и град без конца; молния сверкает то изредка, то удар за ударом; земля колеблется; от церкви св. Михаила в Париже до Сана (Sens), от Безансона до гавани Гвитзанд (ныне Wissant, близ Булоня, в то время важный порт) нет здания, у которого не расселись бы стены; в полдень – глубокий мрак; только и светит, когда разверзнется небо! Нет человека, который не пришел бы в ужас! Многие говорят: «Это светопреставление, это наступает конец миру». Они ошибаются: они не знают того, что то была великая скорбь по случаю смерти Роланда!

Французы поражали мужественно и храбро! Язычники умирали тысячами и толпами. Из ста тысяч и двух не могло спастись! «Да,– восклицает Роланд,– наши люди храбры, никто во вселенной не имеет лучших! И в «Деяниях франков» (Gesta Francorum) написано, что наш император обладает храбрыми». Роланд и Оливье разъезжают по полю, чтобы воодушевить своих; все плачут слезами скорби и сожаления о своих родных, которых они любили всем сердцем.

Король Марсиль нападает на них с великой силой. Он двигается по долине со

[1] Битва происходила в 778 г.

ТЕРУЛЬД (THEROULD, а по-другому TUROULD) – монах англо-норманнский, современник и воспитатель Вильгельма Завоевателя, жил в XI в. и собрал песни, ходившие в народе о Карле Великом. В Гастингской битве (1066 г.) сподвижники Вильгельма пели стихи из этой поэмы, и в Средние века она пользовалась необыкновенной популярностью. Но, подобно подложной хронике Турпина, ею более характеризуется XI в., нежели девятый; она была прелюдией к Крестовым походам и возбуждала христиан против неверных. Лучшее ее издание и критическое исследование сделал *Genin.* La Chanson de Roland. 1 vol. Par., 1850.

Палица

своей бесчисленной армией, собранной им; он разделил ее на 30 полков; их шлемы, окаймленные щиты и кирасы горят золотом и драгоценными камнями. 7 тысяч рожков играют марш; великий шум несется по целой долине.

«Да, – заговорил Роланд, – Оливье, мой товарищ, мой друг, нас поклялся извести Ганелон; его измена не может укрыться, император жестоко отомстит за нас! Нам предстоит битва тяжкая и упорная: никогда еще не видали такого множества народу! Я буду поражать Дюрандалем, своим мечом, вы бейте, товарищ, своим Готеклером (Hauteclaire)! Они бывали с нами не в одном добром деле; мы выиграли с ними много битв, о них не сложат дурной песни.

Вперед!

Марсиль предвидит беды своему народу, и вот он приказывает трубить в трубы и рога; затем он трогается вместе со своей многочисленной армией. Впереди гарцует сарацин Абизм; это самый негодный из всего сброду: он весь запятнан преступлениями и низкими поступками; он не верует в Бога, Сына св. Марии; он черен, как высушенная горошина; измена и убийство ему лучше золота целой Галисии! Никто не видал, чтобы он шутил или смеялся. Но он полон отваги и гордости; зато он и любимец негодного короля Марсиля; он имеет на знамени дракона, вокруг которого строится войско. Никогда он не будет люб архиепископу Турпину; едва лишь его тот завидит, как уже ищет нанести ему удар, и говорит про себя: «Этот сарацин, мне кажется, порядочный еретик: хорошо бы пойти его убить; никогда я не любил ни подлого, ни подлости».

Архиепископ открывает битву на своем коне, который прежде принадлежал королю, убитому им в Дании. Конь живой и быстрый; ноги у него стройные, лядвеи плоские; грудь узкая, а зад широкий, ребра продолговатые, крестец высокий; хвост белый, а грива гнедая, глаз маленький, голова вся лысая; нет такой твари, с которой можно было бы сравнить этого коня. Архиепископ бодро пришпоривает его; хочется ему не упустить случая напасть на Абизма; он наносит ему удар по его княжескому щиту, покрытому камнями — аметистами, топазами и блестящими карбункулами. Турпин поражает его беспощадно; щит после удара не стоил и денария; копье пронзает тело язычника насквозь и повергает его мертвым на землю. А французы говорят: «Вот здоровый удар! Архиепископ хорошо подвизается на защиту креста».

Когда французы видят, что столько язычников и что ими покрыты поля со всех сторон, они просят Оливье и Роланда и двенадцать пэров принять их под свою защиту. Турпин говорит им тогда: «Господа бароны, не питайте дурных замыслов! Именем Бога прошу вас, не уступайте ни пяди, чтобы добрые люди не сложили о нас дурной песни. Лучше погибнем в борьбе! Так нам указано, умрем здесь! Пройдет еще день, и нас не будет в живых; но ручаюсь вам за одно: вам открыто Царствие Небесное, где вы воссядете со святыми». При этих словах французы возрадовались и все закричали: «Monjoie!»

Был там еще один сарацин из Сарагосы, владетель половины этого города: это Климборин, человек недобрый. Он-то и принимал клятву от графа Ганелона, поцеловал его в уста и дал ему свой меч и свой карбункул. Он покроет стыдом «великую страну» (то есть Францию) и лишит императора короны. На своем коне Барбамуше он легче ястреба и ласточки; он пришпоривает коня, опускает поводья и летит нанести удар Анжелье Гасконскому. Ни щит, ни кираса не могут защитить его; язычник пронзает насквозь его тело острием меча и по-

вергает мертвым на землю, крича: «Так и нужно их поражать: бейте, язычники, прорвем их ряды!» А французы говорят: «Что за потеря для нас этот герой!»

Граф Роланд призывает Оливье: «Господин мой и товарищ,– говорит он ему,– Анжелье умер; у нас не было более мужественного всадника». Оливье ему отвечает: «Помоги мне, Боже, отомстить за него!» Он пришпоривает коня золотыми шпорами, потрясает Готеклером, сталь которого была облита кровью, мужественно летит поразить язычника, наносит удар, и сарацин падает. Дьяволы уносят его душу. Потом Оливье убивает герцога Алфайена и сносит голову Эскабабизу; выбивает из седла семерых арабов: они не будут больше годны для службы! «Ну,– говорит Роланд,– мой товарищ прогневался; видно, хочет сравниться со мной, когда наносит такие удары; за эти-то удары мы и имеем почет у короля». Потом он кричит изо всей силы: «Бейте их, рыцари!»

Появляется с другой стороны язычник Валдабрун: он возвел короля Марсиля; у него на море ходят 400 судов; нет матроса, который не хотел бы поступить к нему на службу. Он овладел некогда Иерусалимом при помощи измены, осквернил храм Соломона и убил патриарха перед купелью. Он также принимал клятву от Ганелона и дал ему свой меч и 1000 монет. На своей лошади Грамимонде он – легче сокола, шпорит коня своими острыми шпорами и наносит удар герцогу Санхо; потом ломает его щит, разрывает панцирь, пронзает тело до рукоятки меча и копьем ссаживает мертвым из седла: «Бейте, язычники,– кричит он,– мы победим их без труда!» А французы говорят: «Что за потеря для нас этот герой!»

Вы поймете великое горе графа Роланда, когда он увидел Санхо бездыханным. Он пришпоривает коня, быстро летит на врага, замахивается Дюрандалем, более чистого золота драгоценным, поражает его мужественно из всей силы по шлему с золотыми насечками, разрубает голову, кирасу и тело и доброе седло, обделанное в золото, и спину коня, и убивает их обоих. Язычники говорят: «Проклятый удар!» Роланд отвечает: «Я не могу любить ваших: вам предшествуют наглость и преступление!»

Случился тут африканец, пришедший из Африки; это какой-то неверный, сын короля Малкуда; вся упряжь у него из чеканенного золота; на солнце он горит посреди других, конь его называется Прыжок-без-седла (Saut-Perdu); ни одна тварь не может бежать быстрее его. Неверный поражает Анзеиса по щиту и пронзает на нем позолоченное серебро и лазурь, прокалывает железную сетку панциря и всаживает в его тело острое копье вместе с древком. Граф умер, и дни его кончились. А французы говорят: «Бедный барон!»

Архиепископ Турпин был на поле битвы; ни один из постриженных, кто служит обедню, не имел подобной телесной ловкости; он говорит язычнику: «Пусть Бог воздаст тебе это зло; ты убил человека, по котором сердце мое тоскует!» Он гонит своего доброго коня, бьет по толедскому щиту и повергает язычника мертвым на зеленый луг.

Выезжает с другой стороны язычник Грандон, сын Капуэла, короля Каппадокии, на коне Мариноре; конь мчится легче, чем летит; всадник опускает поводья, колет шпорами и поражает Герина изо всей силы; он прокалывает ему щит из серебра позолоченного, висевший у него на шее, проникает кирасу, прокалывает его тело копьем с голубым флагом и повергает мертвым у подножия высокой скалы. Он убивает его товарища Герера, и Беренгара, и Гюйона из С.-Антуаня, а потом поражает богатого герцога Аустора, владевшего Валансом и Анвером на Роне; он положил его замертво; язычники в великой радости. А французы говорят: «Какой нам ущерб!»

Граф поднимает свой окровавленный меч; он понял, что французы отчаиваются; сердце его от горя надрывается. Он говорит язычнику: «Пусть Бог воздаст тебе за все то зло: ты убил человека, за которого я заставлю тебя заплатить дорого». Он пришпоривает коня, и конь мчится изо всех сил. Кто кому заплатит?! Вот они встретились.

Грандон был мужественный и храбрый воин; он встречает на своем пути Роланда; никогда он его не видал, но узнает, од-

нако, его по гордому челу, красоте его тела, взгляду и осанке. Не мог он удержаться от страха; хочет убежать, но не может. Граф поражает его так сильно, что разрубает его шлем до самого носа, потом нос, рот, зубы, все туловище вместе с панцирем и серебряное седло: меч уходит еще глубоко в спину лошади: и конь, и всадник убиты безвозвратно; испанцы в отчаянии, а французы говорят: «Хорошо он бьет, наш защитник!»

Чудная битва, великая битва! Французы поражают своими копьями, заостренными темной сталью. На поле раздаются стоны; лежат люди убитые, раненые, облитые кровью; лежат друг на друге, иной на спине, другой лицом вниз. Сарацины не могут дольше держаться; нехотя, должны они отступать, а французы напирают на них всей силой.

Вперед!

Чудная битва, битва живая! Французы дерутся храбро и яростно, рубят руки, ноги, крестцы и рвут одежды с живым мясом; по зеленому лугу струится алая кровь. Великая страна (то есть Франция), Магомет тебя проклял; из всех народов твой народ самый смелый! Нет сарацина, который не кричал бы: «Марсиль, поспеши, наш король, нам нужна помощь!»

Граф Роланд говорит Оливье: «Мой государь и товарищ, с вашего позволения, архиепископ славный всадник! Нет лучшего на земле, ни под небом; он умеет поражать и копьем, и дротиком». Оливье отвечает: «Пойдем же ему помогать». Стычка жестокая, и битва живо идет; христиане режутся страшно. Кто видел, как Роланд и Оливье бились и сражались мечами, тот будет помнить этих могучих воинов. Архиепископ поражает дротиком. Можно сосчитать тех, кого он убил; число их записано в летописях; «Деяния» говорят: больше 4 тысяч.

Первые четыре атаки удались христианам; но пятое столкновение было для них пагубно. Все французские всадники убиты, исключая 60, которых сохранил Бог и которые дорого продадут себя прежде, нежели погибнут.

Вперед!

Граф Роланд видит великую потерю между своими; он подзывает товарища Оливье: «Мой прекрасный и любезный товарищ,– говорит он ему,– заклинаю Богом, который покровительствует вам, посмотрите на этих воинов, распростертых на земле. Мы должны оплакивать милую Францию, прекрасную, которая лишается таких баронов. О, король, наш друг, зачем вас нет с нами? Брат Оливье, что же нам делать? Как мы дадим ему знать о том?» Оливье отвечает: «Я не знаю, как его позвать; смерть лучше срама».

Вперед!

«А! – восклицает Роланд,– я затрублю в свой *олифант*, и Карл, который проходит ущелья, услышит меня; я ручаюсь вам, что французы вернутся».– «О! – закричал Оливье,– но это значит покрыть стыдом всех ваших родных, и этот стыд не прекратится во всю их жизнь. Я вам говорил прежде: трубите, но вы ничего не сделали; если вы теперь сделаете это, то сделаете не по моему совету; и если вы затрубите, это не будет храбро; смотрите, у вас обе руки в крови».– «Это правда,– говорит Роланд,– но я наносил знатные удары врагу!»

Вперед!

«Да,– восклицает Роланд,– дело слишком тяжелое; я затрублю, и король Карл услышит меня». Оливье возражает: «Это не будет храбро! Когда я вам говорил, товарищ, вы не удостоили послушаться меня. Если бы король был здесь, мы не испытали бы такого поражения. Те, которые лежат там убитыми, не должны нести на себе стыда». Он прибавляет еще: «Клянусь своею бородой, если бы я мог увидеть свою милую сестру Ауду, никогда вам не быть бы в ее объятиях».

Вперед!

«Но,– говорит Роланд,– за что вы обрушиваете свой гнев на меня?» И Оливье отвечает: «Товарищ, в том ваша вина; рассудительная храбрость не есть безумие и скромность лучше гордости: эти французы пали вследствие вашего неблагоразумия, да

и мы никогда не послужим Карлу. Если бы вы послушались меня, наш государь был бы здесь, мы выиграли бы дело и король Марсиль был бы в плену или убит. Ваша отвага, Роланд, обратилась на нас. Карлу Великому мы больше не слуги, а подобного ему человека не будет до Страшного суда. Вы здесь умрете, а Франции будет стыдно: сегодня вы лишаетесь ее; еще до вечера потеря будет великая».

Вперед!

Архиепископ слышит их спор; он пришпоривает коня шпорами чистого золота, подъезжает к ним и старается примирить: «Государь Роланд и вы, государь Оливье, Богом заклинаю, не спорьте; действительно лучше, чтоб король пришел: он может отомстить за нас. Эти испанцы не должны вернуться. Когда придут наши, французы, они найдут нас мертвыми и изрубленными; они положат нас в гробах на мулов, прольют слезу печали и сожаления и погребут на монастырском кладбище, и ни волки, ни свиньи, ни собаки не съедят нас». Роланд отвечает: «Государь, вы очень хорошо говорите».

Вперед!

Роланд подносит *олифант* ко рту, прикладывает его крепко к губам и трубит изо всей силы. Высокие горы повторяют эхом звуки рога. Раскат слышен на 30 лье. Карл слышит его и все товарищи с ним. «А! – восклицает король,– наши люди дерутся». Но Ганелон возражает ему: «Если бы кто-нибудь другой сделал это, я счел бы такие слова большой ложью».

Вперед!

Граф Роланд трубит в свой *олифант* с таким усилием и натугой, что алая кровь потекла из горла, и на лбу лопнула жила. Звук из рога громогласный. Карл идет по ущельям и слышит его. Слышит герцог Нэм (Naimes), и французы слышат. «Но,– говорит король,– я слышу рог Роланда! Никогда не затрубил бы он без битвы». Ганелон отвечает: «Нет тут никакой битвы; вы очень стары и седы; говоря так, вы походите на ребенка! Разве вам неизвестно высокомерие Роланда; удивительно, что Бог так долготерпелив к нему; без всякого вашего приказания он овладел Неаполем; сарацины, находившиеся там, успели скрыться; шесть из их предводителей предстали перед Роландом...[1]; потом он приказал обмыть водой раны тех витязей, чтоб не видать было крови. Из-за какого-нибудь зайца он будет трубить целый день, и теперь тешится перед своими пэрами. Во всей вселенной нет человека, который бы осмелился его образумить. Поедем же дальше; к чему тут останавливаться? Великая страна еще порядочно далеко от нас».

Вперед!

У графа Роланда губы в крови; на лбу лопнула жила; он трубит в *олифант*, и ему больно и тяжело. Карл слышит его, и французы слышат. «О,– говорит король,– рог трубит изо всех сил». Герцог Нэм отвечал: «Это герой изнывает; там битва. Клянусь совестью, тот, кто отговаривает вас, изменник. Примите меры, кликните бранный клич и спешите на помощь к своему благородному родственнику. Вы слышите ясно, что Роланд пришел в отчаяние».

Император приказывает трубить в рога; французы спускаются с гор, надевают свои панцири и шлемы, берут в руки золотые мечи; у них щиты и дротики огромные и здоровые, значки на копьях белые, голубые и красные. Все бароны садятся на своих бегунов и пришпоривают их; проходя по ущельям, они говорят между собой: «Если мы застанем Роланда в живых, вместе с ним мы сделаем славное дело!» Но все было тщетно! Они опоздали.

Мрак рассеивается; день; вооружение горит на солнце; панцири и каски отражают лучи; щиты раскрашены разноцветными красками, а мечи и копья со значками раззолочены. Едет император гневно, а французы опечалились и призадумались. Нет никого, кто горько не плакал бы, все тревожатся о Роланде. Король велит схватить графа Га-

---

[1] Во всех манускриптах в этом месте встречается пропуск нескольких стихов; из последующего очевидно, что Роланд изменой убил тех вождей, сдавшихся ему добровольно, в чем, вероятно, и обвинял его Ганелон.

нелона; его отвели в обоз, и король говорит Безгуну, начальнику прислуги: «Стереги его хорошенько; этот негодяй изменил моему дому». Безгун берет его и ставит при нем сто поваров и хороших, и худых; они вырывают ему бороду и усы, волос за волосом; каждый отпускает ему по четыре кулака; они бьют его палками, накладывают на шею цепь и сковывают его, как медведя. Для посрамления его садят на осла и стерегут, пока не потребует его Карл.

Вперед!

Горы высоки, мрачны, громадны, долины глубокие, быстрые воды; трубы звучат и впереди, и позади; все они отвечают *олифанту*. Едет император гневно, а французы опечалились и призадумались; все плачут, рыдают, Бога молят сохранить Роланда до прибытия их на поле битвы; соединившись с ним, они обещают мужественно биться. Но все тщетно; они слишком опоздали; они не могут поспеть вовремя.

Вперед!

Король Карл едет в сильном гневе; по его панцирю стелется седая его борода. Все бароны Франции шпорят своих лошадей, и каждый досадует, что он не с Роландом полководцем, который бьется с испанцами; если он ранен, то нет им надежды, чтобы другие спаслись! Боже, с ним шестьдесят витязей, лучше которых не было ни у одного короля, ни у одного полководца!

Вперед!

Роланд смотрит на горы и сосновый лес; видит он распростертых французов и оплакивает их, как благородный витязь: «Господа бароны,– говорит,– да будет к вам Бог милосерд, да вместит он все ваши души в раю, где они опочат среди цветов святых. Никогда не видал я лучших воинов; издавна вы помогали мне завоевывать Карлу пространные государства! Для какой жестокой кончины вскормил вас император! Французская земля, прелестная страна, вы овдовели сегодня со смертью храбрейших воинов! Французские бароны, вы погибли моей виной! Я не могу вас спасти; да поможет вам Бог, который никогда не обманывал! Оливье, брат мой, я не посрамлю вас: я умру с горя, если не найду здесь смерти! Государь и товарищ, вернемся на бой!»

Граф Роланд появляется снова среди битвы, размахивает Дюрандалем и храбро поражает; он разрезывает надвое Фодрона из Пина и 24 сарацина, вооруженных наилучшим образом; никогда еще человек не защищался лучше. Как олень бежит перед собаками, так перед Роландом несутся язычники, а архиепископ говорит: «Вы работаете добропорядочно! Такую силу и должен иметь хорошо вооруженный витязь на добром коне; он должен быть мужествен и горд во время боя, или иначе он не стоит четырех солидов: пусть такой лучше монахом в одном из монастырей молится ежедневно о наших грехах». Роланд отвечает: «Бейте, никому пощады!» При этих словах французы возобновляют бой; велика потеря между христианами. Французы знают, что в такой битве не будет спасения; а потому они защищаются, как гордые львы.

Вот Марсиль; он на своем коне имеет вид благородного воина; конь его зовется Геньон; он пришпоривает его и устремляет на Бева, владетеля Боня (Beaune) и Дижона; с первого удара пробивает ему щит, панцирь и опрокидывает мертвым, без раны. Потом он убивает Ивоара и Ивона, а вместе с ними и Герара Руссильонского. Граф Роланд, случившийся неподалеку, говорит язычнику: «Да поразит тебя Бог за то, что ты убил моих сподвижников! Ты не уйдешь, не расплатившись со мной, и узнаешь, как зовут мой меч». Затем он устремляется на него, как на благородного воина, отрубает ему кисть правой руки, потом срезывает голову Журфалею, белокурому сыну короля Марсиля. Язычники вопят: «Помоги нам, Магомет, наш бог, отомсти за нас Карлу! Он послал нас в эту страну неверных, которые не побегут даже для спасения жизни». Говорят они друг другу: «О, будем спасаться!» При этих словах спасаются 100 тысяч; зови их сколько хочешь, они не вернутся.

Вперед!

Но все тщетно. Хотя Марсиль убежал, зато остался его дядя, Марганис, владею-

щий за своего брата Карфагеном и Эфиопией, проклятой землей; черные, которыми он повелевает, с большими носами и широкими ушами; их больше 50 тысяч; они тщеславно и яростно наскакивают, крича клик языческий. «Да,– говорит Роланд,– нас ждет здесь мученичество, и я знаю, что нам недолго жить; но да будет тот трус, кто дешево продаст свою жизнь; бейте, господа, вашими блестящими мечами и оспаривайте свою жизнь и свою смерть; да не постыдится нас прекрасная Франция! Когда придет Карл на это побоище, он увидит, как мы бились с язычниками и найдет 15 их тел на наше одно; он только благословит нас за то».

Вперед!

Когда Роланд завидел этот проклятый народ чернее чернил, одни только зубы и белы: «Да,– говорит граф,– я уверен, что мы, наверное, сегодня погибнем; бейте, французы, я вам советую то». А Оливье прибавляет: «Горе тому, кто останется позади всех!» При этих словах французы возобновляют дело.

Вперед!

Когда язычники увидели, что французов убывает, они ободрились духом и возгордились; молвят они: «Не прав император». Марганис на гнедом коне, вонзая в него золотые шпоры, поражает Оливье сзади, посреди спины, прорывает его белый панцирь и всаживает ему в грудь копье со словами: «Вам достался хороший удар! Вы недовольны тем, что Карл Великий оставил вас в проходах! Если он и сделал нам зло, так не будет тем хвастаться, потому что на вас одном я хорошо отомстил за всех наших!» Оливье чувствует, что он поражен насмерть; он все еще держит свой Готеклер из темной стали; им поражает он в золотой шлем Марганиса; сбивает с него цветы и кристаллы, раскалывает голову до зубов и новым размахом повергает его мертвым со словами: «Будь ты проклят, язычник! Я знаю, что Карл также теряет при этом, но ты не воротишься рассказывать своей жене, никому другому в том королевстве, из которого ты пришел, и хвастаться, что ты меня убил за денарий; больше ты не сделаешь зла ни мне, ни другим». Затем он зовет Роланда на помощь.

Вперед!

Оливье чувствует, что он ранен смертельно; ему не предстоит другого случая отомстить за себя; и он бросается в самую схватку и бьет храбро, ломая копья, щиты, руки и ноги, седла и бока. Кто видел, как он крошил сарацин и клал один труп на другой, тот не забудет доброго витязя. Оливье помнит клич Карла Великого: он звучно и громко кричит: «Monjoie!» и взывает к Роланду, своему другу и пэру: «Государь и товарищ,– говорит он ему,– подойдите ко мне; к нашему великому горю, нам предстоит сегодня разлука».

Вперед!

Роланд смотрит Оливье в лицо; побледнело оно, потускло, поблекло. Алая кровь течет по всему его телу и скатывается на землю ручейками. «Боже,– говорит граф,– что же теперь делать! Государь и товарищ, несчастлив ты при всем твоем благородстве; никогда никто не заменит тебя! О, прекрасная Франция, ты лишишься сегодня добрых витязей, смешаешься и отощаешь. Велика будет жалость императора». С этими словами он обмирает на своем коне.

Вперед!

Роланд обмер, сидя на своем коне; а Оливье ранен смертельно, до того истек кровью, что у него помутилось в глазах; ни вблизи, ни издалека он не может видеть так, чтобы узнать кого-нибудь; встретив своего сподвижника, он поражает его по раззолоченной каске и раскалывает ее до носу, но не тронув головы. При этом ударе Роланд взглядывает на него и говорит ему дружески и кротко: «Государь и товарищ, неужели вы сделали это нарочно? Пред вами Роланд, тот Роланд, который вас так любит! Вы не можете никак во мне сомневаться».– «Я слышу ваш голос,– отвечает Оливье,– но не вижу. Да поможет вам Бог! Я ударил вас! Простите меня!» Роланд возражает: «Я не ранен и прощаю вам здесь и перед Богом». При этих словах они склоняются друг к другу; посреди объятий смерть разлучает их.

Вооружение французского рыцаря X в.

Оливье чувствует, что конец пришел; оба глаза закатываются, он теряет зрение и слух, сходит с лошади и ложится на землю; громким голосом кается в грехах, всплеснув руками, протягивает их к небу и молит Бога, чтобы он уделил ему рай и благословил Карла и Францию и, прежде всех смертных, Роланда. Сердце у него падает, шлем склоняется на грудь, и он вытягивается во всю длину на земле. Умер герой, ничего от него не осталось. Храбрый Роланд плачет и стонет; никогда на земле вы не услышите человека, более удрученного горем.

Когда Роланд видит своего друга скончавшимся и ниц распростертым на земле, он начинает с кротостью выражать свое горе: «Государь и товарищ, вы были отважны на свою погибель! Мы прожили столько годов и дней вместе, и никогда ты мне не сделал зла, ни я не оскорбил тебя! Теперь, когда ты умер, мне больно оставаться в живых!» При этих словах Роланд теряет чувства, сидя на своем коне Велльантифе (Veillantif); но он укрепил себя в золотых стременах и потому не мог упасть, в какую бы сторону ни наклонился.

Прежде, нежели Роланд пришел в себя и совершенно очнулся, ему представилось страшное зрелище: французы все легли мертвыми, он их всех потерял, кроме архиепископа и Готье из Люза (de Luz), который спускался с гор, где он ратоборствовал с испанцами; все его люди убиты победоносными язычниками; он бежит с того возвышения и требует помощи Роланда: «О, благородный граф, доблестный муж, где ты? Подле тебя я бесстрашен! Это я, Готье, победитель Маельгута, племянника Дроона, седовласого старца; за свою храбрость я всегда был твоим любимцем! Мой клинок сломался, мой щит пробит, мой панцирь разорван! Дротик пронзил мое тело, я умру, но дорого продам свою жизнь!» Роланд услышал его; он шпорит коня и подъезжает к нему.

Вперед!

Роланд был опасен в своем отчаянии; он бросается в схватку и начинает снова осыпать врага ударами: он убивает двадцать сарацин, Готье шесть, а архиепископ пять. А язычники говорят: «О, жестокие люди! Смотрите, господа, чтобы они не ушли от нас живыми; трус будет тот, кто даст им спастись». Тогда они начинают реветь, кричать, и со всех сторон нападают на них.

Вперед!

Граф Роланд – знатный воин, Готье – добрый витязь и архиепископ – испытанный герой. Никто не хочет ничего предоставлять другому; они бьют язычников в схватке. Является еще 1000 сарацин пеших и 40 тысяч конных, но, поверьте мне, они не смеют приблизиться. Они бросают в них издалека свои дротики, копья, мечи и стрелы. С первых ударов они убивают Готье; у Турпина Реймсского щит пробит и сломан шлем; они ранили его в голову и разорвали кольчугу; в теле у него четыре дротика; лошадь его убита под ним. Это великое несчастье, что архиепископ упал.

Вперед!

Турпин Реймсский, почувствовав себя сбитым и раненным четырьмя дротиками, бодро поднимается; храбрый ищет, где Роланд, потом бежит к нему и говорит: «Я не побежден! Добрый воин никогда не сдается живым!» Он извлекает *альмас*, свой меч темной стали, и в схватке сыплет тысячу ударов и больше. Карл говорил после, что он никого не щадил, и около него было найдено 400 трупов, одни израненные, другие перерубленные пополам, а иные без головы.

Граф Роланд бьется благородно, и по телу его струится пот от жары; голова у него болит и ломит, потому что он разорвал себе жилу на лбу, трубя в *олифант*. Между тем, он хочет знать, придет ли Карл; он берет рог, но звук раздался слабо. Император останавливается и слушает: «Господа,– говорит он,– наши дела идут худо; мы лишимся сегодня нашего племянника Роланда; я слышу по звуку трубы, что он не проживет долго. Кто хочет поспеть, пусть скачет скорее! Трубите в рога, во все, сколько их есть в войске!» 60 тысяч рогов протрубили так, что горы и долины завторили им. Язычники слышат и не радуются тому. Они говорят друг другу: «Нам придется еще иметь дело с Карлом!»

Вперед!

И язычники говорят: «Идет император! Слышите звуки французских рогов? Если явится Карл, Боже, какое жестокое нам будет поражение! Мы потеряем при этом нашу землю Испанию. Если Роланд уцелеет, война возобновится!» Тогда они собираются в числе 400, покрытых шлемами, лучших воинов из всей армии; страшно атакуют они Роланда; было в тот час графу довольно работы окрест себя.

Вперед!

Граф Роланд при их приближении показал себя еще более храбрым, мужественным и неустрашимым; не взять им его живьем. Верхом на коне Велльантифе, вонзая в него шпоры чистейшего золота, он в сопровождении архиепископа Турпина начинает с ними со всеми схватку. И говорит один другому: «Так, так, бейте, мой друг! Мы слышали рога французов; приближается Карл, могучий король».

Граф Роланд никогда не любит ни трусов, ни хвастунов, ни злых людей, ни витязей, которых нельзя было бы назвать добрыми воинами; и говорит он Турпину: «Государь мой, вы пеший, а я на коне; я сойду с коня из любви к вам; мы разделим пополам и горе, и радость: я не променяю вас ни на одного смертного; отдадим язычникам удар за удар. Никакой меч не бьет, как Дюрандал!» А архиепископ ему в ответ: «Трус тот, кто не умеет бить! Карл придет и отомстит за нас».

Язычники восклицают: «Горе нам! В злополучный день мы явились сюда; мы потеряли многих из своих вельмож и своих пэров, Карл грозный наступает с огромной армией! До нас долетают громкие звуки французских рогов и далекое эхо их клича: «Monjoie!» У графа Роланда такая великая сила, что ни один человек во плоти не победит его. Закидаем его чем ни попало, пусть он останется на месте». И они мечут вилы, дротики, копья и пернатые стрелы. Щит Роланда пробит и изломан; кольчуга разорвана, но до тела не дошла. Однако Велльантиф, проколотый в двадцати местах, падает мертвым под графом. Затем язычники спасаются и оставляют Роланда на месте схватки; но он сбит с коня.

Вперед!

Бегут злобные и разъяренные язычники, скачут по направлению к Испании. Граф Роланд не может их преследовать: он потерял своего коня Велльантифа; хочешь не

хочешь, а нужно спешиться. Спешит он на помощь к архиепископу Турпину; снимает с его головы золотой шлем и легкий, белый панцирь; разрывает тунику и кусками ее перевязывает широкие раны; потом прижимает его к своей груди, кладет потихоньку на зеленую траву и с глубоким смирением молит его: «О, благородный муж, дайте мне с вами проститься; наши возлюбленные сподвижники пали; но мы не должны забывать их! Я пойду их отыскивать и положу перед вами». И архиепископ говорит: «Идите и возвращайтесь; слава Богу, поле сражения остается за вами и за мной!»

Роланд удаляется и ходит один по полю битвы; он ищет в долинах, и находит Герера и Герина, своего сподвижника; он находит также Беренгара и Оттона, Анзеиса, Санхо и Герара, руссильонского старца. Роланд берет каждого поодиночке, приносит к архиепископу и кладет их трупы в ряд у его ног. Архиепископ не может удержаться от слез, поднимает руку, дает благословение и говорит затем: «Вас, господа, постигло горе, душа ваша в руках преславного Бога! Да поместит Он вас в раю среди святого цветника! Смерть моя исполняет меня ужаса: я не увижу больше могучего императора».

Роланд возвращается и идет снова обыскивать поле сражения; найдя своего сподвижника Оливье, он крепко прижимает его к сердцу и, как только может, возвращается с трупом к архиепископу: он кладет труп на щит рядом с другими, и архиепископ благословляет их и разрешает. Тогда развертывается вполне горе, и сердцем овладевает жалость. «А,– восклицает Роланд,– прекрасный мой сподвижник, Оливье, вы были сыном могущественного герцога Ренье, который владел всей Маркой (то есть пограничным графством) до вала Рунера; нужно ли было сломить копье, разбить в куски щит, победить и укротить дерзость, дать добрый совет честному человеку, на это не было витязя лучше вас».

Граф Роланд, видя мертвыми своих пэров и Оливье, которого он любил, сколько мог, почувствовал себя взволнованным, начал плакать и лицо его исказилось, им овладело такое горе, больше которого уже и не может быть; невольно падает он на землю в обморок; а архиепископ говорит: «Вы, витязь, довольно несчастны».

Увидев Роланда без чувств, архиепископ был поражен таким горем, какого он не испытывал во всю жизнь; он протянул руку и взял *олифант*. По долине Ронсевальской протекает ручеек; Турпин хочет пойти к нему, чтобы принести воды Роланду; идет он медленно, весь качается; слаб; не может идти, силы нет, много истрачено крови, не прошел он и десятины, как сердце у него захватило, и он упал ниц в предсмертных страданиях.

Граф Роланд приходит в себя; становится на ноги, но он в большом горе! Он смотрит вверх, он смотрит вниз, он видит, на зеленой мураве, кроме его сподвижников, лежит благородный барон, а именно архиепископ, которого Господь поставил на земле от своего имени; граф исповедует свои грехи, поднимает глаза, протягивает руки к небу и молит Бога о помещении Турпина в раю. Турпин умер, добрый воин Карла; он был во все времена твердый ревнитель в борьбе с язычниками и своими подвигами, и своими прекрасными речами. Да ниспошлет ему Бог свое благословение.

Граф Роланд видит архиепископа распростертым на земле; из его тела вывалились внутренности, из головы вытек мозг. Роланд скрещивает ему на груди его белые, нежные руки, и причитает над ним по обычаю своей страны: «О, благородный муж, витязь честного дома, я поручаю тебя в этот день преславному Отцу небесному; ни один человек не будет лучшим служителем; со времени апостолов не было подобного пророка для поддержания закона и овладения душами. Да не испытает мук ваша душа и да будет ей отверсты двери рая».

Роланд чувствует приближение своей смерти; из его ушей вытекает мозг; он молит Бога за своих пэров и поручает самого себя архангелу Гавриилу. Берет сам *олифант*, а другой рукой овладевает своим мечом Дюрандалем. Но стрелы он не мог пустить из арбалета. Идет он в сторону Испании, идет по ниве, всходит на пригорок. Под прекрасным деревом стоят четыре мраморных уступа; падает там Роланд

лицом на зеленую мураву и теряет чувства, потому что смерть к нему приближается.

Стоят высокие горы, а на них растет высокий лес. Есть там четыре уступа из блестящего мрамора. На зеленой мураве лежит Роланд в забытьи. Сарацин следил за ним и подкарауливал его, прикинувшись мертвым среди других трупов, с лицом и телом, покрытыми кровью. Он вскакивает и торопится бежать. Храбр и силен сарацин!

В своей самоуверенности и смертельной ярости он схватил Роланда за тело и оружие, сказав: «Побежден племянник Карла; этот меч я отнесу в Аравию!» Он тащит меч, но Роланд чувствует, в чем дело. Он замечает, что у него берут меч, открывает глаза и говорит язычнику: «Клянусь моей совестью, ты не из числа наших». Он берет *олифант*, которого ему не хотелось бы лишиться; поражает язычника по каске позолоченной, проламывает сталь, голову и кость; выпускает ему глаза из головы, кладет его мертвым к своим ногам и после того говорит ему: «Негодяй, как ты мог быть до того бесстрашным, чтобы дотронуться до меня, имел ли бы ты на то право или нет; нет человека, который не признал бы тебя безумным! Я отломал толстый конец у своего *олифанта*; с него свалилось золото и кристалл!»

Роланд чувствует, что он больше ничего не видит; он приподнимается, собирается с силами; но на лице его пропала вся краска. Перед ним черная скала; с досады он наносит ей 10 ударов; сталь звенит, но не ломится и не притупляется. «О,– восклицает граф,– святая Мария, помоги мне! Мой добрый Дюрандаль, вы несчастны! Хотя мне больше нечего делать с вами, но вы мне, как всегда, дороги! Сколько битв я выиграл с вами! Сколько покорил великих стран, в которых теперь царствует седобородый Карл! Да не владеет вами никто, кто будет искать спасения в бегстве! Вы были долго в руках доброго воина; никогда не увидит ему подобного Франция, свободная Франция!»

Роланд бьет по уступам мраморным; сталь звенит, но не ломится и не притупляется. Когда он видит, что нельзя от него отломить ни кусочка, он начинает про себя оплакивать свой меч: «О, мой Дюрандаль, как ты светел и ясен, как ты горишь и играешь на солнце! Карл был в долинах Морены, когда Бог с высоты неба возвестил ему через ангела, чтобы он тебя отдал первому графу. И благородный, великий король меня им подпоясал. Им-то я завоевал ему Нормандию и Бретань, я завоевал ему Пуату и Мень, я завоевал ему Прованс, Аквитанию, Ломбардию и Романию; я завоевал ему Баварию и всю Фландрию; Алеманнию, Польшу, Константинополь и Саксонию я подчинил его воле; я завоевал ему Шотландию, Валлис, Ирландию и Англию, в которой он любил оставаться; им же я завоевал все страны и земли, которыми владеет седобородый Карл. Об этом-то мече я тоскую и тревожусь. Пусть лучше умру я, лишь бы он не достался язычникам! Да не посрамит Бог – Отец Франции!»

Бьет Роланд по серой скале и раскалывает ее так, что я не умею вам и сказать[1]. Меч звенит, но не гнется и не ломится; полетел только к небу. Когда граф увидел, что ему не сломать его, он начал про себя его оплакивать: «О, Дюрандаль, как ты прекрасен и непорочен! Сколько мощей в твоей рукоятке позолоченной: зуб св. Петра и кровь св. Бааля, и волоса господина св. Дионисия, и часть одежды св. Марии! Было бы несправедливо, если бы тобой овладели язычники; вам должны служить христиане. Да не достанетесь вы в руки труса! С вами я завоевал много великих стран, которыми владеет Карл седобородый и которыми он силен и богат!»

Но Роланд чувствует, что смерть им овладевает, и с головы спускается к сердцу. Он спешит под сосну, ложится ниц на зеленой мураве; кладет на себя свой меч и *олифант* и поворачивает голову в сторону язычников, потому что благородный граф желает, чтобы Карл Великий и его люди сказали, что он умер победителем. Он исповедывает свои грехи, и важные и неважные, и за эти грехи приносит Богу свою перчатку.

---

[1] В Пиренеях и до сих пор одна огромная расселина в скале – от 40 до 60 метров ширины, 100 метров высоты и в 1000 метров длины – названа в честь Роланда. Народное предание приписывает ее происхождение именно тому удару Дюрандаля, о котором упоминает древний поэт.

Вперед!

Роланд чувствует, что его время прошло! Он лежит на острой скале, обращенный к Испании; одной рукой бьет он себя в грудь и приговаривает: «Боже, я приношу тебе покаяние во всех своих грехах, в больших и малых, которые я совершил с того часа, в который родился, по сей день, когда все покончилось». Правую перчатку он протянул к Богу, и ангелы спустились к нему.

Вперед!

Лежит витязь Роланд под сосной, а лицо его обращено к Испании; приводит он себе на память старые дела: вспоминает он о завоеванных им государствах, о прекрасной Франции, о своих домочадцах, о Карле Великом, своем государе, который его воскормил; не может воздержаться от вздохов и слез! Но он не забывает и о себе, исповедывает снова свои грехи и молит Бога о прощении. «Отец истинный, ты не знаешь неправды, ты воскресил св. Лазаря из мертвых и спас Даниила от львов, спаси и мою душу от опасностей, угрожающих мне за грехи, совершенные мной в течение жизни!» Он жертвует Богу свою правую перчатку, и св. Гавриил принимает ее из его рук. Роланд облокотился, сложил руки и скончался. Бог послал своего ангела Херувима и св. Михаила, по прозванию, «в опасностях»; св. Гавриил соединился с ними, и они уносят душу графа в рай.

В заключение поэма рассказывает о страшной мести Карла за смерть Роланда и его возвращении в Ахен, где его встретила сестра Оливье, Ауда, и спрашивала о своем женихе. Услышав о смерти Роланда, она была так поражена, несмотря на утешение Карла, что пала мертвой. Конец поэмы представляет суд над Ганелоном: судебный поединок с Тьерри завершается поражением изменника.

La Chanson de Roland.

Астроном

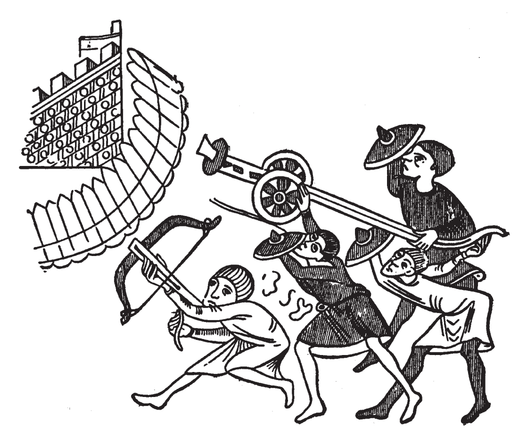
ЮНОСТЬ ЛЮДОВИКА БЛАГОЧЕСТИВОГО И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО ЖИЗНИ (после 840 г.)

Пролог биографа

Сохраняя воспоминания о добрых и дурных деяниях древних людей, в особенности же государей, мы несем читателям двойную пользу. Отчасти такие воспоминания служат средством к их самоусовершенствованию и утверждению в добре, отчасти же предостережением на будущее время. Так как люди знатные, подобно сторожевым башням, стоят на вершине общества и потому не могут укрыться от взоров, то и молва о них, распространяясь далеко, бывает слышна со всех сторон, и черты их жизни приводятся тем охотнее, чем они более старались подражать великим людям. Справедливость того подтверждается сочинениями древних, которые хотели наставить потомство, какими путями каждый из государей совершил свою земную жизнь. Подражая им, и я желал исполнить свои обязанности в отношении современников и не оставить в неведении грядущие поколения, а потому и предпринял описать своей, хотя бы и малоученой рукой деяния и жизнь богоугодного и православного императора Людовика. Говоря без всякой лести, я должен признаться, что такая задача выше сил не только такого ограниченного ума, как мой, но и самых великих людей. Из наставлений божества мы познаем, что святая мудрость, умеренность, правосудие и добродетель служат лучшими благами человеческой жизни; и Людовик был до того с ними неразлучен, что не знаешь, в ком другом они могли бы более изумлять нас. Действительно, что может быть умереннее его умеренности, которую можно назвать другими словами – трезвостью и воздержанием. И он подчинялся им до того, что та древняя и до небес превозносимая поговорка: *не слишком*, тесно связалась с его именем. Его приводила в восторг мудрость, которой он научился в Священном Писании, где сказано:

«Знай, начало премудрости есть страх господень». С какой любовью заботился он о правосудии, о том могут свидетельствовать те, которые знают ревность, сожигавшую его, о том, чтобы каждый исполнял обязанности своего звания и любил Бога больше всего, а ближних, как самого себя. Добродетель была им усвоена до того, что, несмотря на многие тяжелые испытания, причиненные ему своими и чужими, его силы, непобедимые Божией помощью, не были переломлены великой тяжестью нанесенных ему оскорблений. На него падает одна вина за детей, потому что он был слишком благодушен. Но мы скажем с апостолом: «Да простятся ему его прегрешения» (2 Коринф. 12, 13). Справедливо ли это или ложно, каждый может в том убедиться, прочтя эту книгу. А то, что я описал до начала вступления Людовика на императорский престол (то есть до 814 г.), почерпнуто мной из рассказов благородного и благочестивого монаха Адемара, который жил с ним в одно время и был вместе воспитан; позднейшее же затем я изложил так, как то сам видел и слышал, находясь лично при дворе.

В первых двух главах автор делает беглый обзор правления Карла Великого до возвращения его из похода против мавров, когда на обратном пути был поражен в Ронсевальской долине арьергард армии франков, предводительствуемый Роландом и другими в 778 г.



Штурм укрепления. Рисунок из рукописи X в.

3. По возвращении (из Испании) король Карл нашел свою жену Гильдегарду[1] уже разрешившейся двумя сыновьями, из которых один был немедленно похищен смертью, так что он умер почти прежде нежели родился; другой же, выйдя счастливо из утробы матери, начал кормиться, чем кормятся обыкновенно дети. Они родились же в 778 г. от рождества Господа нашего Иисуса Христа. Того из них, который подавал надежду на жизнь, отец приказал по возрож-

[1] Гильдегарда была оставлена перед началом похода беременной на королевской мызе Кассиногиль на правом берегу Дордонны.

АСТРОНОМ (ASTRONOMUS). Так прозвали впоследствии неизвестного автора «Жизни Людовика, императора», на основании его же собственных слов, приведенных им в гл. 58. Из этих же слов можно вывести только одно заключение: он был одним из приближенных лиц императора и занимался вместе с ним астрономией и даже астрологией, как видно из рассказанного им случая. Его труд превосходит все прочие биографии Людовика своей полнотой и представляет даже некоторое беспристрастие, несмотря на всю любовь к лицу императора. Вся биография разделяется на три части: первая часть – самая важная, ибо описывает время правления Людовика как короля Аквитании, от 778 до 814 г., опущенное другими биографами, и заключает драгоценные подробности о состоянии провинций при Карле Великом; вторая часть, от 814 до 830 г., совершенно ничтожна, как простое сокращение хроники Эгингарда; третья часть, от 830 до 840 г., приобретает снова интерес; автор пишет о том, что он видел и слышал от очевидцев; но в особенности важно его описание последних двух лет, от 838 до 840 г. Издание: *Pertz.* Monum. Germ. II, 607–648. Критика: *Wattebach.* Deutschlands Geschichtschr, c.114 Переводы: Немецк. Jasmund (Berl. 1860) в Geschichtsschr. d. d. Vorzeit. Liefer. 11.

Инвеститура епископа королем. Миниатюра из рукописи X в. Сент-Омерская библиотека

дении его в таинстве крещения назвать Людовиком и отдал ему то государство, которое было для него назначено еще при рождении. Но так как премудрый и проницательный король Карл знал, что государство, как и тело, может быть поражено то той, то другой болезнью, если не предохранят его от того ум и сила, как врач награждает здоровьем, то он вступил в тесные отношения с епископами, что и было необходимо. Кроме того, он поставил во всей Аквитании графов, аббатов и многих других, обыкновенно называемых вассалами, и при том из племени франков; против их ума и храбрости не устояла бы никакая сила и ловкость. Им-то он и поручил заботы о стране (то есть Аквитании), как ему то казалось полезным, охранение границ и заведывание королевскими поместьями. И в городе Битуриках (ныне Bourges) поставил он сначала Гумберта, а потом вскоре графа Стурбия; в Пиктавии (ныне Poitou) – Аббо; в Петрагорике (ныне Perigueux) – Видбода; в Оверне – Стерия; в Валлагии (в Севеннах, с глав. гор. Puy) – Булла; в Тулузе – Горза; в Бурдигале (н. Бордо) – Сигвина; в провинции альбигойцев – Гаймона; в Лемовиках (н. Limoge) – Родгара.

4. Когда все это было устроено надлежащим образом, Карл перешел Луару с остальными войсками и отправился в Лутецию, которая называется иначе Парижем (780 г.). Но несколько времени спустя ему пришло на мысль посмотреть на Рим, единственного властителя мира, поклониться князю апостолов и наставнику народов и представить им себя и своих сыновей. Опираясь на таких помощников, которым дана власть на небе и на земле, он думал держать в повиновении покоренных и преодолеть трудности войны, если таковые представятся; он полагал в то же время, что для него будет не малая помощь, если он и его сын примут на себя знаки королевского достоинства от наместника апостолов и его пастырское благословение. Божиим соизволением его планы были вполне осуществлены, и его сын Людовик, находившийся еще в колыбели, был украшен королевской диадемой от рук достопочтенного Папы Адриана при благословении, как то следовало будущему властителю (781 г.). После того, как все, что следовало ожидать от Рима, было достигнуто, Карл возвратился с миром во Францию, вместе со своими сыновьями и войском: Людовика же он отправил в Аквитанию для управления страной, дав ему в опекуны Арнольда, и приставил надлежащим образом других служителей, необходимых для детского воспитания. До города Орлеана Людовик ехал на колесах; при выезде же оттуда он был облечен в оружие, соразмерное его возрасту, посажен на лошадь и с Божией помощью отведен в Аквитанию. Когда он прожил там несколько лет, а именно четыре, преславный король нанес несколько тяжелых ударов саксам. Но беспокоясь, чтобы аквитанский народ не забылся, вследствие его долгого отсутствия, и чтобы сын при таком нежном возрасте не усвоил себе чужих нравов, а нравы, усвоенные в детстве, с трудом теряются в следующем возрасте, потому он послал за сыном, который уже хорошо ездил на лошади, и приказал ему явиться к себе со всем войском; остались одни маркграфы, защищавшие границы государства, с тем чтобы от-

ражать всякое нападение неприятеля, если бы он показался. Людовик повиновался отцу как только мог и настиг его в Падерборне вместе со своими сверстниками в гасконском одеянии, а именно в круглом плаще, с широкими рукавами, в штанах с буфами, в сапогах со шпорами и дротиком в руке. Так было приказано отцом, и Карлу это доставляло удовольствие. Он остался с королем и вместе с ним достиг Эресбурга (ныне Штадтберг-на-Димеле), когда солнце, спустившись с высоты небес, умерило свой жар при осеннем закате. Когда же это время года начало приближаться к концу, Людовик с дозволения отца отправился на зиму в Ахен.

5. Тогда же Горзо, герцог Тулузы, был заключен хитростью одного гасконца по имени Адельрик (сын бывшего герцога Аквитании, Лупа) и, только связав себя клятвой, получил свободу. Чтобы смыть такое пятно, король Людовик и вельможи, составлявшие совет для управления общественными делами, определили сделать всеобщее собрание государственных чинов в одном местечке Септимании, называемом Готентод. Но гасконец, сознавая свое преступление, медлил являться и, только успокоенный получением заложников, прибыл в собрание. Из опасения за судьбу заложников ему не только не сделали никакого зла, но еще наградили подарками; вследствие того он выдал наших, получил своих и возвратился домой.

Следующим же летом Людовик по приказанию отца явился в Вормс, но один, без войска, и оставался с ним на зимних квартирах. Оттуда пришло приказание к вышеупомянутому Адельрику от обоих королей, чтобы защищать себя перед ними; его схватили, и так как он, несмотря на все усилия очистить себя от возводимых на него обвинений, был обвинен, то его и осудили на вечное изгнание. Горзо же, по небрежности которого королю франков было нанесено такое бесчестие, был лишен герцогства, а на его место поставили Вильгельма; он нашел гасконцев – народ, по своей природе легкомысленный,– надутыми чванством, вследствие того счастливого исхода дел, и в высшей степени раздраженными известием о наказании Адельрика. Хитростью и мужеством он подчинил их в короткое время и восстановил в народе спокойствие. Король же Людовик в том же самом году (790) сделал всеобщее собрание в Тулузе, и пока происходили совещания, Абутаур, герцог сарацинов (то есть мавров), и другие соседи королевства Аквитанского прислали туда послов с просьбой о мире и с королевскими подарками. Когда подарки были приняты по соизволению короля, послы возвратились домой.

6. На следующий год (791) король Людовик пошел к отцу в Ингельгейм и оттуда вместе с ним в Ренесбург (ныне Regensburg, или Ratisbonne). Так как он достиг уже юношеского возраста, то там был препоясан мечом и сопровождал своего отца, отправившегося с войском против аваров до Гуneберга, где получил приказание идти назад и оставаться у королевы Фастрады (жены Карла Великого) до возвращения отца. С ней провел он время до начала зимы, между тем как отец продолжал начатый им поход. Когда же Карл возвратился из похода, он получил приказание идти в Аквитанию и оттуда, собрав как можно больше войска, спешить на помощь к своему брату Пипину (то есть королю Италии). Послушный отцу, он удалился осенью в Аквитанию и, устроив все необходимое для защиты государства, потянулся с войском по скалам и обрывам горы Цинизия (ныне Mont-Cenis) в Италию, праздновал Рождество Христово в Равенне и прибыл наконец к брату. Соединенными силами они напали на провинцию Беневент[1], опустошили все, куда ни являлись, и овладели одной крепостью (793 г.). По прошествии зимы оба они возвратились счастливо к отцу; только одно известие омрачило их великую радость: они узнали, что их побочный брат Пипин[2] вместе со многими вельможами, соучастниками преступления, составил заговор против их общего отца, и за то они были наказаны

---

[1] Герцог Лангобардский Аригиз, зять короля Дезидерия, не подчинился Карлу: это и было причиной войны.

[2] Самый старший сын Карла от его наложницы Гимильтруды.

смертью. Быстро прошли они из Италии в Баварию и настигли отца в местечке, называемом Зальц, где и были им ласково приняты. Остальное время осени и зимы Людовик провел с отцом, потому что последний много заботился о том, чтобы молодой король не остался невеждой в военном деле и чтобы чужеземные нравы, приставшие к нему, не причинили ему бесчестия. Когда в начале весны (795 г.) отец отпускал его назад, то спросил у Людовика, почему он, будучи королем, находится в денежных обстоятельствах до того затруднительных, что не может сделать отцу без особого приказания ни одного подарка, и Карл узнал от Людовика, что так как все знатные думают о своих личных выгодах, то государственная казна остается в полном пренебрежении и величайшем беспорядке, и государственные имущества обращаются в частную собственность; сам же Людовик считается государем только по имени, а на деле терпит нужду во всем. Император хотел помочь этому злу, но боялся, что если сын его отнимет у них то, что прежде им дал, то у знатных уменьшится любовь к нему, и потому он послал Виллеберта, впоследствии архиепископа в Ротомаге (ныне Rouen), и графа Ричарда, заведовавшего его поместьями, с приказанием возвратить государственной казне те мызы, которые до того времени служили для королевских потребностей (796 г.).

7. Получив таким образом те мызы, Людовик обнаружил столько же ума, сколько и добросердечия, которое в нем было неподдельное. А именно, он постановил, так как он желал проводить зимнее время в четырех местностях, чтобы каждая из них содержала его через три года в четвертый, и такими местностями были: Теодуад (ныне Doué), Кассиногиль (на правом берегу Дордонны), Андиак (ныне Angeac) и Эврогил (близ Клермона, на севере от Puys-de-Dome). Эти места по возвращении к ним короля в четвертый год могли предоставлять достаточные средства для королевского содержания. Распорядившись с таким умом, он повелел, чтобы народ впредь не поставлял той натуральной повинности для войска, которую обыкновенно называют foderus (латинизированная форма германского слова Futter, провиант). Хотя военные люди дурно смотрели на это распоряжение, но несмотря на все, этот сострадательный муж, ввиду бедствия тех, которые отправляли повинность, и жестокости других, требовавших ее, ко взаимному вреду, нашел справедливым, чтобы его люди получали содержание от него же, и не мог дозволить того, чтобы огромное количество провианта ставило в опасность его людей. В то же время он в своей щедрости уничтожил сбор вином и хлебом в области Альби, что чрезвычайно ее угнетало. В ту пору он имел при себе Мегингора, посланного к нему отцом, человека мудрого и предприимчивого, который понимал, что́ может принести честь и пользу королю. Как понравились такие распоряжения отцу, это видно из того, что, подражая сыну, он определил, чтобы и во Франции более не собирались натуральные подати на войско, и вместе с тем предписал многие другие улучшения; сыну же он пожелал успеха в его последующих начинаниях.

8. На следующий год (798) король прибыл в Тулузу и сделал там всеобщее собрание. Там же он принял и отпустил с миром послов герцога Галисии, Адефонса, который отправил их для скрепления дружбы. Также были приняты и отпущены послы Багалука (настоящее его имя: Балуль-бен-Маклук), герцога сарацинов, владевшего горной страной, соседней с Аквитанией. В то же время, опасаясь увлечений плоти, он по совету своих взял Гермингарду как будущую королеву в жены; она происходила от знатных родителей, так как была дочерью графа Инграмма. Около того же времени он приказал повсюду построить линию укреплений по границам Аквитании, а именно: город Авзою (ныне Vich), крепость Кардону (на северо-востоке от Барселоны), Кастассерру (настоящее название Зеид), и укрепил другие оставленные места, населил их и вручил защиту страны графу Боруллу, отделив ему достаточное количество войска.

9. По прошествии зимы (799 г.) король, его отец, прислал за ним; он должен был привести к нему как можно больше войска, так как Карл отправлялся в поход против саксов. Людовик немедленно тронулся и

прибыл в Ахен; оттуда Карл вместе с сыном пошел в Фрейнерсгейм (на левом берегу Рейна, близ слияния его с Липпе), где сделал государственное собрание на берегу Рейна. В земле саксов он оставался при отце до праздника св. Мартина (2 ноября). Тогда они вместе оставили саксов, а Людовик по прошествии большей части зимы удалился в Аквитанию.

10. Следующим летом (800 г.) король Карл послал за сыном и приглашал его отправиться вместе в Италию; но Карл, переменив свое намерение, приказал ему оставаться дома. Пока король ходил в Рим и там был украшен императорской короной, Людовик воротился в Тулузу, а оттуда прошел в Испанию.

В последующих главах, от 10-й до 14-й, автор излагает весьма коротко, в виде перечня, ежегодные походы Людовика против мавров, не представляющие ни малейшего интереса, от 800 до 810 г., когда Людовик сделал первую попытку проникнуть за р. Эбро, отделявшую в то время владения христиан от мусульман. Эти походы прерывались только восстанием гасконцев и продолжавшимися отзывами молодого короля к отцу для помощи против саксов.

15. На следующий год (810) король Людовик опять снарядился в поход против Испании. Но отец отклонил его от намерения принять личное начальство над войском. Он приказал в это время строить против норманнов корабли на всех реках, впадающих в море, и возложил на сына надзор за работами по рекам Роне, Гаронне и Силиде (?). Карл отправил к нему послом Ингоберта, который должен был занять место Людовика в его отсутствие и повести войско против неприятеля. Пока король по случаю возложенного на него поручения оставался в Аквитании, войско его счастливо прибыло к Барселоне; после взаимного совещания о том, каким образом напасть втайне и неожиданно на неприятеля, они составили следующий план: положено было изготовить корабли, разложив каждый на четыре части так, чтобы каждую из четырех частей могли протащить две лошади или два мула и чтобы можно было после легко сложить их вместе и сколотить заранее приготовленными гвоздями и молотками; щели же между составными частями должны были залиться вперед изготовленными смолой и воском, когда достигнут берега реки. Снарядившись таким образом, большая часть войска потянулась под предводительством вышеупомянутого Ингоберта к Тортозе. Те же, которые были предназначены для той работы, Гадемар, Беро и другие, сделав трехдневный переход – а они не имели палаток,– оставались под открытым небом, не смея разводить огня из опасения, что дым выдаст их, днем прятались в лесах, а ночью подвигались понемножку – они успели в четвертый день спустить сложенные корабли на р. Эбро; всадники же переплыли на лошадях. Этот план имел бы огромный успех, если бы только не был открыт. Пока Абадуин, герцог Тортозы, сторожил берег реки, чтобы воспрепятствовать нашим переход, та часть христианского войска, о которой мы сказали выше, успела переправиться через реку в верхних ее течениях; но какой-то мавр, сошедший в реку купаться, заметил на воде плывший конский помет. Увидав это – а эти люди необыкновенно сметливы,– он подплыл, взял в руки помет и поднес его к носу; понюхав, он закричал: «Послушайте, товарищи, я советую вам, берегитесь; этот помет вовсе не от дикого осла и вообще не от зверя, который питается кореньями; это конский помет: признаки овса и вообще корма лошадей и мулов. Будьте потому осторожны. В верхних течениях реки нам приготовляют засаду». При этих словах двое сели на лошадей и отправились на рекогносцировку. Едва они завидели наших, как донесли обо всем Абадуину. Испуганные сарацины бросили лагерь и обратились в бегство, а наши овладели их лагерем и провели ночь в их палатках. Но на следующий день Абадуин возвратился с собранным войском и вызвал наших на битву. Будучи несравненно слабее числом, наши возложили надежду на Бога, и принудив неприятеля обратиться в бегство, устлали дорогу трупами бежавших: резня прекратилась не прежде, как исчезло солнце, а с ним и дневной свет; земля покрылась тенью, и загорелись звезды, как бы в утеху ей. Затем наши с помощью Христа возвратились к своим с великой радостью и многочисленными богатствами. И другая часть войска после продолжительной осады города также возвратилась домой.

В последующих трех главах, 16, 17 и 18-й, автор описывает коротко поход самого Людовика против мавров (811 г.), заключившийся взятием Тортозы, и против гасконцев, восстание которых было усмирено в 812 г.

19. По усмирении гасконцев король и войско с Божией помощью возвратились домой (812 г.). Благочестивые наклонности короля обнаружились еще с ранней молодости, но в это время он столько заботился о богослужении и возвеличении святой церкви, что, смотря на его деяния, его можно было назвать скорее священником, нежели королем. До него все духовенство Аквитании, живя под властью тиранов, посвящало свое время более верховой езде, военной службе, метанию копий, нежели божественной службе. Но по настоянию короля были приглашены отовсюду наставники, и искусство чтения и пения, равно как и науки светские и духовные процвели с такой быстротой, что это казалось невероятным. В особенности же оказывал он свою любовь тем, которые, оставив для Бога все сказанное, посвящали себя созерцательной жизни. До его правления в Аквитании монашеское сословие пришло в совершенный упадок; при нем оно достигло снова такого цветущего состояния, что он сам, подражая полезному примеру своего дяди Карломана (сын Пипина Короткого), хотел чрез то достигнуть высоты богоспасаемой жизни. Но приведение в исполнение такого желания встретило противодействие со стороны Карла или, скорее, было воспрепятствовано божественным Провидением, которое не хотело допустить, чтобы такой благочестивый муж пропадал для других, заботясь о своем личном спасении, когда через него и под его управлением многие могут спастись. Таким образом, во время его царствования им были восстановлены многие монастыри, а другие выстроены сызнова (затем автор приводит длинный список таких монастырей, в числе 26, кончающийся словами: «и многие другие»). Его примеру следовали не только многие епископы, но даже и светские люди, восстанавливая павшие монастыри и споря друг с другом в постройке новых. Аквитания достигла даже такого цветущего и счастливого состояния, что, когда король объезжал страну или оставался дома, едва ли можно было найти одного человека, который явился бы с жалобой на претерпенную им несправедливость. Три раза в неделю король заседал в суде. Однажды император Карл послал к сыну своего секретаря Эрхамбольда для сообщения приказаний; посланный, возвратившись, рассказал отцу об учреждениях Людовика, и Карл обрадовался до того, что, проливая слезы от волнения, сказал своим приближенным: «Друзья, поздравим себя с тем, что зрелая мудрость этого юноши превзошла нашу мудрость. Если мой сын был хорошим слугой своего господина, верным охранителем и умным распорядителем, нашедшим средства к увеличению порученного ему таланта, то он назначен быть главою семейства в своем доме».

20. Около этого времени (813 г.), так как Пипин, король Италии, умер еще прежде (8 июля 810 г.), а незадолго перед тем (4 декабря 811 г.) отошел от мира сего и его брат Карл, Людовик получил надежду наследовать власть во всем государстве. Он послал к отцу своего сокольничьего Геррика спросить его о некоторых важных делах; но когда посланный оставался во дворце, ожидая ответа, его начали убеждать как франки, так и алеманны, чтобы король пришел к отцу и остался при нем для утешения его, так как, говорили они, им казалось, что отец при своих преклонных летах, тяжело перенося жестокую потерю детей, может в непродолжительном времени скончаться. Геррик передал все это королю, а король своему совету; многие и даже почти все сочли это приглашение весьма основательным. Но по внушению свыше и чтобы не встревожить отца, Людовик не торопился воспользоваться приглашением. Но божество, из страха и любви к которому он не хотел поступить так, устроило все премудро; оно всегда возвышает преданных ему более, нежели как то можно ожидать. Когда к Людовику явились покоренные им с просьбой о мире, он исполнил их просьбу с охотой и определил на то двухлетний срок.

Между тем император Карл, видя, что он стареет, и опасаясь, чтобы после смерти его государство, приведенное им с Божией

помощью в порядок, не пришло в замешательство, а именно, чтобы оно не потряслось от внешних вторжений или не распалось от внутренних междоусобий, послал за своим сыном и приказал позвать его к себе из Аквитании. При прибытии Людовика он принял его дружелюбно, удержал его при себе все лето и наставлял во всем, что ему было необходимо знать; показывал, как ему должно жить, как править, как устраивать государство и как сохранить устроенный порядок. Наконец, он сам увенчал его императорской короной и возвестил ему, что по воле Бога в его руках должна сосредоточиться верховная власть. Исполнив все это, Карл позволил ему возвратиться домой. В ноябре (813 г.) Людовик простился с отцом и отправился в Аквитанию. Но отец начал испытывать частые и сильные боли, какие являются обыкновенно при приближении смерти. Подобными знаками, как своими вестниками, смерть всегда говорит о своем скором появлении. Наконец жизнь, истощенная в борьбе с тяжкими страданиями, начала отступать, и Карл должен был слечь; приближаясь к смерти со дня на день, с часу на час, он кончил жизнь, распорядившись письменно о разделении своего имущества, и государство франков покрылось глубокой печалью. Но на его преемнике подтвердилась истина Писания, утешительная для тех, которые опасаются в такие тяжелые минуты: «Умер праведный человек, но так, как будто бы он не умирал, потому что оставил наследника сына, во всем себе подобного». Благочестивый император Карл скончался 28 января в год от Рождества Господа нашего Иисуса Христа 814-й.

С главы 21 и до 57-й автор рассказывает о самостоятельном правлении Людовика Благочестивого как императора, от 814 до 838 г. Но первый период его правления, от 814 до 829 г., изложен автором в форме сокращения хроники Эгингарда под теми же самыми годами, и потому не имеет особенного достоинства; только в истории второго периода, эпохи борьбы Людовика с детьми, автор является самостоятельным писателем; впрочем, события от 829 до 838 г. изложены весьма сухо и притом сбивчиво в хронологическом отношении; зато последние два года жизни Людовика (838–840 гг.) описаны весьма обстоятельно и представляют живой интерес по своим подробностям, характеризующим то время. К 838 г. борьба Людовика с детьми прекратилась, и Людовик на собрании государственных чинов в Стремиаке (ныне Cremieux, близ Лиона) вместе со своими сыновьями старался восстановить порядок, нарушенный междоусобными войнами, «...после того,– заключает автор,– император отпустил своих сыновей (Пипина Аквитанского и Людовика Немецкого, а Лотарь Итальянский не мог по болезни участвовать в том собрании) и народ, и после осенней охоты, около праздника св. Мартина, прибыл в Ахен, где оставался всю зиму, потому что, по старинному обычаю, для него всегда дорогому, он хотел там праздновать Рождество Господа и Пасху».

58. Во время праздника Пасхи (838 г.) явилось страшное и печальное небесное знамение, а именно: комета в созвездии Девы, в той части знака, где под одеянием соединяются хвост Водяной Змеи и Ворон. Эта звезда, двигаясь не на восток, как другие семь планет, прошла в 25 дней – что именно и удивительно – знаки Льва, Рака и Близнецов и наконец близ головы Овна расположила свое пылающее ядро у ног Возницы, с длинным хвостом, протягивавшимся во все стороны. Когда император, много занимавшийся этим делом, увидел звезду в первый раз, он прежде, нежели отправился спать, приказал призвать к себе одно лицо – а это лицо и был я, пишущий эти строки, о котором думали, что он знает науку о звездах[1] – и спросил, что я об этом думаю. Когда же я потребовал у императора времени для наблюдения за звездой, чтобы основательнее исследовать истину, и обещал на следующее утро известить его обо всем, что открою, он, заметив, что я ищу – как то и было справедливо – предлога, чтобы не быть вынужденну на печальный ответ, сказал мне: «Поди в этот дом рядом и извести меня о том, что ты заметишь; я знаю, что этой звезды я никогда не видал до сих пор по вечерам, ни ты не показывал ее мне; но я убежден, что это та комета, о которой мы за день перед тем говорили с тобой». Когда я, после нескольких возражений со своей стороны, смолк, он возражал мне далее: «Ты об одном умалчиваешь: а именно, что это знамение указывает

[1] Эта случайная заметка автора, имя которого осталось неизвестным, подала повод прозвать его *Астрономом*, как он и продолжает называться в исторической литературе

на предстоящую перемену в империи и на смерть правителя». На это я ему отвечал, ссылаясь на пророка, который говорит: «Вы не должны страшиться небесных знамений, как того страшатся язычники» (Иерем., 10,2). Король же, при возвышенности своей души и мудрости, говорил мне: «Мы не должны никого бояться, кроме Того, кто сотворил и нас, и эту звезду. Но мы не можем не удивляться, и не восхвалять Бога, который подобными знамениями старается вывести нас, нераскаянных грешников, из нашего коснения. Так как это знамение касается меня и всех прочих, то мы все должны по мере своих познаний и средств исправиться, чтобы, вследствие неготовности к покаянию, не явиться недостойными Того, кто предлагает нам свое милосердие». После этих слов он выпил вина и приказал всем сделать то же самое; затем он отпустил всех по домам. Но сам он, как мне рассказывали, провел всю ночь без сна до самого утра в песнопениях и молитве к Богу. На заре же он позвал служителей двора и приказал раздать щедрую милостыню бедным и служителям Божиим, равно как монахам и каноникам; в то же время повелел отслужить как можно больше молебнов, не столько ради собственного здравия, сколько ради благосостояния вверенной ему церкви. Когда все было выполнено надлежащим образом и сообразно его приказаниям, он отправился на охоту в Арденны. Охота вышла особенно счастливая, и вообще все, что он предпринимал в то время, увенчалось наилучшим успехом.

59. Кроме того, император, уступая настоятельным просьбам императрицы (второй жены, Юдифи) и императорских служителей, наделил в Ахене частью государства своего возлюбленного сына Карла (Лысого, рожденного от Юдифи в 819 г.); но так как эта часть была выделена несправедливым образом, то мы должны пройти это событие молчанием[1]. Братья, услышав о том, пришли в негодование и совещались друг с другом...

В последующих главах, 60, 61 и в начале 62-й, автор говорит о новом разделении империи, с включением Карла Лысого, которое повело к новому восстанию Людовика Немецкого против отца, продолжавшемуся до самой смерти императора в 840 г. Людовик Немецкий, оставленный Лотарем, которого отец склонил на свою сторону уступкой супрематии над братьями, должен был бежать в свои владения, а император воспользовался смертью Пипина Аквитанского (838 г.), отдал и его владение Карлу Лысому, несмотря на то что аквитанцы хотели иметь своим королем сына умершего Пипина, Пипина II.

62. Когда таким образом его сын (Людовик Немецкий) убежал (840 г.), император повелел сделать всеобщее собрание в городе вангионов Вормацие (ныне Worms). Так как он был во вражде с Людовиком (Немецким), а другой его сын Карл (Лысый) оставался в Аквитании, то император послал в Италию за сыном Лотарем и приказал явиться ему на собрание, говоря, что он желает посоветоваться с ним о последнем деле (то есть о восстании Людовика) и о многих других. Около этого времени во вторник, в день св. Марка (840 г.), произошло удивительное солнечное затмение, и с исчезновением света наступила такая тьма, что не было никакого отличия от настоящей ночи. Весь распорядок звезд был виден ясно, и ни одна звезда не потерялась от слабости солнечного света; луна же, находясь против солнца и подвигаясь мало-помалу на восток, в то время как солнце освещало с западной стороны, имела серпообразную форму, какую она представляет в первой или во второй четверти. Это знамение, хотя и вытекающее из порядка природы, имело большое значение по плачевным событиям, которые последовали за ним. Этим знамением было возвещено, что то великое светило смертных, поставленное в доме Божием для освещения всех, а именно, наш император блаженной памяти, будет в непродолжительном времени удалено от земных дел, а мир с его утратой повергнется во мрак бедствия и печали. Действительно, с того времени полное отвращение от пищи начало его ослаблять, желудок же от еды и питья побуждался ко рвоте; император переносил страдания от частого удушья в груди и был потрясаем беспрерывным

[1] Людовик для наделения сына от второго брака должен был лишить других сыновей от первого брака части прежних их владений, что не мог не осудить и наш автор, несмотря на всю привязанность к императору.

кашлем: все это вместе разрушало его силы, а когда природа начинает терять свои отправления, жизнь необходимо исчезает. Заметив это, король приказал устроить себе на одном острове близ Майнца летнее жилище в виде палатки и там слег, совершенно усталый и расслабленный.

63. Кто в состоянии описать теперь его заботы о благе церкви, его муки при мысли об угрожающих ей опасностях? Кто может изобразить потоки слез, пролитых им для снискания божественной благодати? Он горевал не о том, что должен умереть, но его сокрушало будущее, которое он предвидел; он считал себя жалким существом, жизнь которого завершалась таким горестным и печальным образом. Для утешения его к нему явились многие достопочтенные епископы и другие служители Божии; между ними были Гети, достопочтенный епископ Трирский, Отгар, архиепископ Майнцский, и Дрого, брат императора, епископ Метца, и дворцовый архипастырь; последнему он доверял себя и все свое тем более, чем ближе состоял с ним в родстве. Через его посредство Людовик ежедневно приносил Богу покаяния с уничиженным духом и смиренным сердцем, которое так благоугодно Богу. Сорок дней тело нашего Господа было его единственной пищей; и он восхвалял потому правосудие Господа, говоря: «Праведен ты, Господи, принудив меня теперь довольствоваться только этим, потому что я пропускал посты в назначенное на то время». На своего же почтенного брата Дрого он возложил поручение призвать к себе всех слуг своих и разложил на части сокровища, состоявшие из королевских украшений, как то: корона и оружие, сосуды, книги и церковные одеяния. При этом он указал ему сообразно своим желаниям, что должны получить церкви, что назначается бедным, и что, наконец, передается его сыновьям, а именно: Лотарю и Карлу (Лысому). Лотарю, именно, предоставлялись корона и меч, обделанный в золото и драгоценные камни, но с условием, чтобы он оставался верным Карлу и Юдифи, и, уступив Карлу целую часть государства, ту, которую он, император, перед Богом и полным собранием придворных вельмож, вместе с ним и в его присутствии, отдал Карлу, принял Карла под свое покровительство. Устроив все таким образом, Людовик возблагодарил Бога, видя, что из земных богатств он не владеет больше ничем. Достопочтенный епископ Дрого и с ним все прочие прославляли Бога за все совершившееся, смотря, как Людовик, всегда сопровождаемый всеми добродетелями вкупе, старался сделать, чтобы его жизнь была приятной жертвой Богу, и принес ее с той твердостью, которую можно сравнить с хвостом жертвенного вола; но одно обстоятельство смущало их радость. Они боялись, чтобы император не умер в ненависти к своему сыну (Людовику Немецкому); они знали, что часто надрезываемые или прижигаемые огнем раны причиняют больному сильнейшие боли; но зная в то же время доказанное и непоколебимое терпение императора, они поручили его брату Дрого, голос которого он привык немало уважать, напомнить тихонько о том Людовику. Сначала император излил всю горечь своего сердца, но потом опомнился и, собрав все силы, начал высчитывать, какие и сколь великие огорчения причинил ему его сын, и чего он заслужил, поступая противу естества и заповеди Господней. «Но,– продолжал император,– так как он не хотел явиться сюда для своего оправдания, то я прощаю ему, насколько то от меня зависит, все, что он сделал противу меня, и будьте того свидетелями вы и Бог. Ваше дело ему напомнить, что он свел в могилу седину своего отца с опечаленным сердцем и презрел заповедью нашего общего отца Бога и его угрозами».

Возвестив это таким образом и сказав то – было же это вечером в субботу,– он повелел, чтобы всю ночь происходило перед ним всенощное бдение и чтобы на грудь ему была положена часть Христова креста; пока у него доставало сил, он клал беспрестанно крестное знамение на чело и грудь, когда же силы его оставляли, он приказывал делать то же самое своему брату Дрого. Так оставался он всю ночь в полном телесном расслаблении, но ум его сохранял всю ясность. На следующее утро, в воскресенье, он приказал поставить у себя алтарь

и служить на нем самому Дрого; потом, сообразно обычаю, принял святое причастие из своих рук и затем сделал глоток теплого напитка. Вкусив таким образом, Людовик просил брата и других присутствовавших позаботиться о подкреплении своего тела, а сам обещал подождать их, пока они будут подкрепляться. Но когда наступило время отхода, он дал знак Дрого, нажав перстом другие пальцы, как он обыкновенно делал, когда желал что-нибудь выразить своему брату; этот подошел к умирающему вместе с прочими пресвитерами, и тогда Людовик словами и знаками, как мог, поручил себя их молитвам, просил благословения и требовал совершить все, что делалось в предсмертную минуту каждого человека. Пока они занялись тем, Людовик – это мне рассказывали многие – поворотил лицо на левую сторону и гневно, с напряжением всех сил кричал: «Hutz, hutz!» (то есть: прочь!) Очевидно, что он заметил злого духа, общество которого он не желал терпеть ни при жизни, ни при смерти. Затем он возвел свои глаза к небу, и чем более потухал его взгляд, тем радостнее взирал он наверх, так что по его лицу проскользнула улыбка. Так достиг он конца своей жизни и, как мы убеждены, счастливо успокоился, ибо правдиво сказал праведный учитель: «Не может умереть худо, кто хорошо жил». Людовик умер 20 июня, имея от роду 64 года; Аквитанией правил он 37 лет, а как император царствовал 27 лет (840 г.).

Когда его душа отлетела, Дрого, брат императора и епископ в Метце, вместе с другими епископами, аббатами, графами, императорскими вассалами и множеством духовенства и народа отвез тело императора с великими почестями в Метц и поставил в церкви св. Арнульфа (родоначальник династии Каролингов, из фамилии Тонанция-Ферреоли, и епископ г. Метца), где была погребена и его мать (Гильдегарда, первая жена Карла Великого).

Vita s. Hludovici imperatoris. 778–840.
У *Pertz.* Monum, II, с. 607–648.

Теган

ЖИЗНЬ ЛЮДОВИКА БЛАГОЧЕСТИВОГО (в 836 г.)

Под властью Господа нашего Иисуса Христа, да продлится она вовеки, год от его Рождества 813-й, сорок же пятый правления нашего преславного и правоверного императора Карла, происшедшего из рода св. Арнульфа, Христова епископа[1], как мы то познали из отцовских преданий и как о том свидетельствуют многочисленные истории.

Св. Арнульф, бывший в юности герцогом, родил герцога Анзегиса; герцог Анзегис родил герцога Пипина Старшего (Геристаля); герцог Пипин Старший родил герцога Карла Старшего (Мартелла); герцог Карл старший родил Пипина, которого Папа Стефан поставил и помазал королем (то есть Короткого); король Пипин Старший родил Карла (742 г.), которого Папа Лев (III) поставил и помазал императором в церкви, где покоится святое тело Петра, князя апостолов, в самый день Рождества Господа нашего Иисуса Христа (800 г.).

2. Карл еще во время своего юношества женился на девице из благородного рода швабов по имени Гильдегарда, из рода Готфрида, герцога Алемannии. Герцог Готфрид родил Гуокинга; Гуокинг родил Неби, Неби Имму, а Имма родила покойную королеву Гильдегарду. Вступив с ней в брак, вышеупомянутый император родил своих сыновей; из них один назывался по имени своего отца Карлом, другой Пипином – он был королем Италии,– а третий Людовиком – он был королем Аквитании. Долго жил с ними их отец счастливо и поучал их наукам и мирским законам.

3. Младший его сын (род. в 778 г.) с юности привык всегда почитать и любить Бога и разделял все, что имел, ради имени Гос-

---

[1] Арнульф – епископ г. Метц с 614 г., родоначальник Каролингов, из древней римской фамилии Тонанция-Ферреоли.

подня, между бедными. В самом деле, он был лучший из детей Карла, как то случалось всегда от начала мира, что младшие дети превосходили своими добродетелями старших братьев. Истина того подтвердилась в первый раз на сыновьях наших прародителей, именно на том, которого Господь в своем благовествовании называет Авелем Справедливым. Авраам имел двух сыновей, но младший был лучше старшего; Исаак имел также двух сыновей, но избранным был младший. Иессий имел многих сыновей, но младший, пасший овец, был повелением Господним помазан и поставлен во главе всего Израиля. Его семя удостоилось произвести из себя предвозвещанного Христа. Но было бы длинно приводить дальнейшие примеры того и другого подобного.

4. Когда вышеупомянутый Людовик достиг зрелого возраста, он женился на дочери весьма благородного герцога Ингорама, племянника святого епископа Руотганга. Девица же эта называлась Ирмингарда, которую Людовик по совету и с согласия своего отца сделал королевой. Еще при жизни отца он имел от нее трех сыновей, Лотаря, Пипина, а третий назывался, как он сам, Людовиком.

5. Император же Карл Великий правил хорошо и полезно и любил свое государство. В 42-й год его правления умер его сын Пипин, тридцати трех лет от роду (810 г.). На следующий год умер и первородный из детей Гильдегарды. Людовик был единственным, который остался в живых для принятия на себя правления.

6. Но когда император почувствовал приближение последнего дня – а он был уже очень стар,– он призвал к себе сына Людовика со всем войском, епископами, аббатами, герцогами, графами и наместниками; вместе с ними держал общий совет во дворце в Ахене с миром и честью, убеждал их сохранить верность своему сыну и спрашивал их всех, от мала до велика, будет ли им угодно, чтобы он передал своему сыну Людовику императорское достоинство. И все они отвечали радостным одобрением, и да будет на то воля Господня. Затем в ближайшее воскресенье он облачился в королевские одежды и надел на голову корону: вышел же он разодетый и украшенный, как то ему и подобало. И пошел он в церковь, построенную им самим сверху донизу, и стал перед алтарем, который был выше прочих алтарей и посвящен Господу нашему Иисусу Христу; на этот алтарь он приказал поставить золотую корону, а другую держал на своей голове. После того, когда он и сын его долго молились, Карл обратился к нему

ТЕГАН (THEGANUS). Он, как видно из его слов, сам пережил описанную им эпоху правления Людовика Благочестивого. Подробности жизни автора совершенно неизвестны, и мы даже не знали бы его имени, если бы аббат в Рейхенау Валафрид Странбон, современник Тегана, не поместил на приобретенном им манускрипте «Жизни Людовика, императора» следующей заметки: «Это сочинение написал, в форме хроники, Теган, родом франк, провинциальный епископ (chorepiscopus) Трирской церкви, но весьма коротко и более правдолюбиво, нежели интересно». Но именно это последнее обстоятельство, рассматриваемое в IX в. как недостаток, и делает труд Тегана важным историческим источником, тем более, что для смутного времени борьбы Людовика с детьми он остается единственным писателем-очевидцем. Теган для нашего времени может быть вместе и интересен, несмотря на замечание Валафрида, как человек, страстно привязанный к Людовику; если страсть и ослепляла его в отношении своего предмета, то, с другой стороны, она вызвала в нем откровенные суждения о противниках, действительная порочность которых доставляла ему возможность не прибегать к нареканиям и оставаться верным правде, как в том сознается и Валафрид.

Издания: *Pert.* Monum. Germaniae, II, 585–604 с., *Bouquet*. Recueil. VI, 73–86 с., с весьма хорошими комментариями. Переводы: немецк. Jasmund. Berl. 1850 (вместе с *Астрономом*) в Geschichtschr. d. d. Vorzeit. Liefer. 11; француз. у Гизо, Collect. III, 275–309 с. Критика: *Bähr.* Geschichte der römichen Literatur im karoling. Zeitalter. Carlsr. 1840, 221 с.

в присутствии целой толпы епископов и благородных и убеждал прежде всего любить и бояться всемогущего Бога, во всем следовать его заповедям, заботиться о Божьих храмах и избегать всех злых людей. В отношении братьев и сестер младших, племянников и прочих родственников Карл повелевал ему быть неизменно сострадательным. Кроме того, ему было предписано почитать пастырей церкви, как отцов, народ любить, как родных детей, людей заносчивых и дурных принуждать к следованию по пути добра, быть утехой монастырей и отцом бедных; поставлять на места верных и богобоязненных слуг, которые ненавидели бы злые дела; никого не лишать чести без суда и самому являться во всякое время перед людьми и Богом с безукоризненной совестью. Сказав все это и многое другое сыну, он спросил его в присутствии всего народа, желает ли он повиноваться его повелениям. Людовик же сказал на это, что он намерен с радостью повиноваться и с Божией помощью верно исполнить все предписания, которые дал ему его отец.

Тогда отец повелел ему взять своей рукой корону, которая лежала на алтаре, и надеть себе на голову в воспоминание всех данных отцом повелений. Он же исполнил завещанное отцом. Затем они выслушали обедню и отправились вместе во дворец. Сын поддерживал отца как туда, так и назад, и вообще он долго поступал таким образом, пока был при отце. Несколько дней спустя отец, одарив его многочисленными и дорогими подарками, отпустил назад в Аквитанию. Но перед расставанием они обнялись и поцеловались и, радуясь взаимной любви, начали даже плакать. Людовик отправился в Аквитанию, а император продолжал с честью править империей и носить свое звание, как то ему подобало.

7. После разлуки с сыном император ничем другим не занимался, посвящал все время молитве, делам милосердия и исправлению книг. Еще в последний день своей жизни он исправлял наилучшим образом по греческому и еврейскому тексту четыре Евангелия о Христе, названные по именам Матфея, Марка, Луки и Иоанна. На следующий же год, 46-й своего правления, в январе, получил император лихорадку после ванны. Но болезнь с каждым днем увеличивалась, так что он не мог ни есть, ни пить и только глотал воду для освежения тела; тогда в седьмой день, когда боли сделались невыносимыми, он пригласил к себе епископа Гильдебальда (Кёльнского), бывшего с ним в дружеских отношениях, для подкрепления и приготовления к смерти причащением тела и крови Христа. Он прострадал еще этот день и следующую ночь. Наутро же, когда рассвело, он в полном сознании того, что делает, поднял руку и почувствовал такую силу, что мог сделать знамение креста на челе, перекрестил грудь и все тело. Наконец, он протянул ноги вместе, сложил руки на груди, закрыл глаза и запел слабым голосом стих: «В руки Твои, Отец, предаю мой дух». Затем он мирно отошел, в глубокой старости, отягченный летами; и в тот же день его тело поставлено в церкви, построенной им самим в Ахенском дворце; 72 лет от роду, седьмого индиктиона (28 января 814 г.).

8. После смерти преславного императора Карла сын его поспешил из Аквитании, прибыл во дворец в Ахене и без всякого сопротивления овладел всеми землями, которые Бог вручил его отцу. Это произошло в год от Рождества нашего Господа 814-й, в первый его правления. После смерти отца он сделал собрание в своем дворце и приказал немедленно представить себе в присутствии всех сокровища Карла, состоявшие в золоте, серебре, драгоценных каменьях и всякого рода утвари. Сестрам своим он отдал их законную часть, а остальное роздал за упокой души своего отца. Наибольшую часть сокровищ он отправил в Рим при блаженном Папе Льве, а все остальное разделил между странниками, духовными, бедными, вдовами и сиротами, не оставив себе ничего, кроме треугольного серебряного стола, как будто бы он был сложен из трех щитов; этот стол удержал он из любви к отцу, взамен других драгоценностей, которые он уступил в память отца.

9. Затем явились к нему посланники из всех стран и областей, от чужеземных народов и других, находившихся под владычеством его отца; они обещали сохранять

мир и верность и свободно повиноваться без всякого принуждения. Между прочими, явились посланники от греков вместе с Амальгаром, епископом Трирским, отправленным еще при блаженной памяти Карле к князю Константинопольскому, имени которого теперь не припомню[1]. Когда они прибыли, на престоле отца был уже Людовик, как того восхотел Господь Бог. Он встретил их милостиво, принял от них подарки с благодарностью и обращался с ними дружески все время, пока они оставались у него. Несколько дней спустя он одарил их с большими почестями и отпустил обратно на родину, послав перед ними вестников позаботиться обо всем, что было им потребно при проезде через его государство.

10. В том же году вышеупомянутый император приказал возобновить все распоряжения, сделанные его предками относительно Господних церквей, и подкрепил их собственноручной подписью.

11. Между тем явились послы от беневентинцев и, предав всю область Беневента[2] его власти, обещали платить ежегодно дань в несколько тысяч золотых, что они делали до настоящего дня.

12. В это же время явился к нему Бернгард, сын его брата Пипина, и, подчинившись ему как вассал, клялся в верности. Людовик же принял его милостиво и почтил великими и знатными подарками, а затем позволил ему беспрекословно возвратиться в Италию.

13. В то же время отправил государь во все части своей империи послов для исследования и рассмотрения, не совершил ли кто где-нибудь неправды, и повелел немедленно представить ему, императору, всякого, кого они найдут и кто может подобное утверждать и доказать несомненным образом. Они отправились и нашли бесчисленное множество людей угнетенных; одни были лишены отцовского наследия; другие – свободы: таковы были деяния несправедливых слуг, графов и наместников, питавших дурные замыслы. Все подобные распоряжения, сделанные преступным образом в правление его отца руками несправедливых его слуг, он повелел уничтожить. Притесненным же было выдано их отцовское наследие; противозаконно порабощенные получили свободу, как о том было возвещено особыми грамотами с собственноручной подписью. И так он поступал всегда.

В главах 14 и 15 коротко упоминается о посольстве норманнов к Людовику и об успешной войне его со славянами, 816 г.

Затем каждый возвратился домой. В том же году (816) умер Папа Лев и ему наследовал Стефан. Получив первосвященство, он приказал всему римскому народу дать Людовику присягу в верности и отправил к этому государю послов известить его о желании видеться с ним, где ему то будет удобно. Когда Людовик услышал о том, он весьма обрадовался и повелел своим вестникам поспешить с приветствиями навстречу Папе и приготовить все для услуги ему. За вестниками отправился и сам Людовик встречать Папу: когда они съехались на огромной равнине Реймса, то оба сошли с лошадей; государь бросился три раза всем телом к ногам верховного епископа и, поднявшись в третий раз, приветствовал Папу следующими словами: «Да будет благословен грядущий во имя Господне; Господь есть Бог, просвещающий нас»[1]. И Папа отвечал: «Благословен наш Господь Бог, сподобивший мои очи увидеть второго короля Давида». Они обнялись и облобызали друг друга в мире; затем отправились в церковь; после продолжительной молитвы Папа поднялся и вместе со своим духовенством возгласил громким голосом королевский гимн.

17. Затем Папа почтил его великими и многочисленными дарами, равно и королеву Ирмингарду, всех знатных и служителей. В ближайшее же воскресенье Папа в церкви перед обеднею в присутствии духовенства и всего народа поставил и помазал Людовика

---

[1] Карл Великий отправил Амальрика послом в Константинополь еще весной 813 г., к императору Михаилу для переговоров о мире. Но Михаила уже сменил Лев, который отправил от себя к Карлу Великому своих послов, но они не застали Карла в живых.

[2] В Беневенте правил тогда лангобардский герцог Гримоальд, сын Аригиза.

[1] Псалм. 118, 26, 27.

императором и возложил на его главу золотую корону удивительной работы, украшенную драгоценнейшими камнями, которую он привез с собой. Также и королеву Ирмингарду он приветствовал как императрицу и надел на ее главу корону. Пока Папа оставался при Людовике, они ежедневно совещались об улучшении Господних церквей. После же, осыпав Папу великими и бесчисленными дарами, втрое больше тех, какие сам получил от него – так он поступал обыкновенно, любя более давать, нежели принимать,– император отпустил его в Рим в сопровождении своих послов, которым было приказано оказывать Папе почтительнейшие услуги.

18. Но несколько дней спустя по прибытии в Рим Папа умер. Впоследствии оказалось через откровение Божие в разных чудесах, что он во время земной жизни был истинным почитателем Господа. Ему наследовал Папа Пасхалис (817 г.).

19. Возвращаясь оттуда, император прибыл в место своего пребывания – в Ахен. И со дня на день возрастали в нем святые добродетели, которые было бы трудно перечислить.

Людовик был высокого роста, со светлыми глазами, открытым лицом; нос у был него длинный и прямой; губы не слишком толсты, не слишком тонки; высокая грудь; широкие плечи, сильные мышцы, так что никто не мог с ним равняться ни в стрельбе из лука, ни в метании копья; руки его были длинны, пальцы прямые; ноги длинные и относительно тонкие; ступня большая; голос мужественный. В латинском и греческом языках был он хорошо обучен; впрочем, погречески он более понимал, нежели говорил; но зато латинским владел, как родным языком. Во всех писаниях он отлично понимал не только духовный и нравственный смысл, но и смысл таинственный. Но он пренебрегал народными сказаниями, которым его обучали в молодости, и не желал ни читать их, ни слушать, ни обучаться. Он был крепкого сложения, гибок и подвижен; не скор на гнев, но зато быстр на милость. Как часто он ни ходил на молитву в церковь, всякий раз он становился на колени и прикасался лбом к полу, долго оставаясь в таком положении и иногда проливая слезы; всегда украшали его добрые нравы. Он был необыкновенно щедр – ни в старых книгах, ни в новое время ни о чем подобном не слыхали: королевские мызы, которыми владели его отец, дед и прадед, он роздал своим верным в вечное владение и укрепил грамотами с приложением оттиска своего перстня и с собственноручной подписью. В пище и питье был умерен, в одежде прост. Никогда не украшался он золотым одеянием, исключая торжественных случаев, как то обыкновенно делали его предки. В подобные дни сверх рубашки и шитых золотом штанов он носил золотую тунику, золотую перевязь и позолоченный меч, золотые поножи и прошитый золотом плащ; на голове была золотая корона, а в руке он держал золотой скипетр. Он никогда не хохотал громко, и даже когда при больших торжествах являлись за его столом актеры, шуты и мимики с певцами и музыкантами для народного увеселения и когда народ смеялся местами в его присутствии, он ни разу не смеялся до того, чтобы можно было видеть его белые зубы. Ежедневно перед обедом он наделял бедных милостыней, и где лишь только оставался, там устраивал около себя странноприимное убежище. В августе же, когда бывают самые жирные олени, он предавался охоте, пока не наступало время для кабанов.

20. Все это он делал с большим благоразумием и осмотрительностью, не без оглядки; разве только одно, что он, может быть, доверял своим советникам более, чем то следовало бы; но и в этом отношении вина падала на его любовь к церковному пению и усердной молитве, и на одно обстоятельство, источник которого находился не в нем. Еще гораздо прежде него существовал один пагубный обычай, вследствие которого на важнейшие епископские места поставлялись самые последние рабы; отсюда проистекало величайшее зло для христианского народа, как то доказывает история королей после Иеровоама, сына Набада, бывшего рабом у короля Соломона, и после которого он захватил в свои руки власть над десятью коленами детей Израиля. Писание говорит о нем следующее: «После этого происшествия Иеровоам не оставил своего дурного пути, но еще более

совращался и назначал в должность первосвященника людей из самого низшего класса народа. К кому он благоволил, руку того наполнял, и тот делался первосвященником. И это послужило к увеличению грехов дома Иеровоама, так что он погиб и стерся с лица земли[1]». Ибо такие люди, когда они достигли верха власти, несмотря на то, что прежде обнаруживали доброту и простосердечие, делались вдруг раздражительными, задорными, лживыми, упрямыми, заносчивыми, с угрозами обращались со своими подчиненными, и такими способами думали внушить к себе страх и уважение. Своих презренных родственников они старались извлечь из-под ига свойственного им рабства и дать им свободу. Потом они давали им некоторое образование, одних женили на знатных госпожах, а сыновей знатных фамилий принуждали соединяться браком со своими родственниками. Таким образом, они не оставляли никого в покое, кроме тех, которые стояли с ними в подобной связи; прочим же приходилось жить в печали, воздыхании и слезах. Родственники же вышеуказанных лиц, если только они успели получить какое-нибудь образование, осмеивали старцев знатного происхождения и презирали их, делались сами высокомерны, непостоянны, невоздержанны, бесстыдны, непочтительны; вообще, мало в ком было хорошего. Отбросив таким образом святой страх перед своим Господом Богом, они не хотели исполнять канонических правил, известных под названием «Апостольского собора», где положительно сказано: «Если епископ имеет бедных родственников, то он должен оделять их наравне с прочими бедными, чтобы в противном случае не погибло церковное имущество». Книги св. Григория под заглавием «О заботах духовного пастыря» они не хотят и знать. Никто не поверит, как они ведут себя, кроме тех, которые постоянно от них страдают. Их же родственники, если только они чему-нибудь обучены, принимаются в духовное звание, и это обстоятельство представляет одинаковую опасность как для посвящающего, так и для посвящаемых. Если некоторые из них и не без познаний, то безнравственность их далеко превосходит их ученость. И случается часто, что пастырь в церкви не смеет называть по каноническим правилам людей небрежных и вредных вследствие их родственных связей; многие начинают презирать духовное звание, потому что в него облекаются подобные люди. И да уничтожит и истребит всемогущий Бог в своем милосердии этот пагубный обычай у королей и князей отныне и вовеки и да прекратится он в народе Христовом! Аминь.

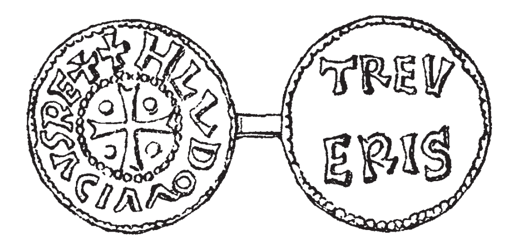
21. Вышеупомянутый император назначил (817 г.) своего сына Лотаря преемником всех владений, дарованных ему Богом, и наследником имени и власти отца. Но это раздражило остальных сыновей.

Последующие главы, от 22 до 40-й, описывают в самых сжатых чертах период раздора Людовика Благочестивого с детьми и второй брак Людовика с Юдифью; рождение Карла Лысого послужило к увеличению распрей: заботы Людовика наделить землями последнего сына за счет детей от первого брака сблизили младших братьев с Лотарем и заставили их соединиться вместе против отца. Это новое восстание детей, 832 г., автор описывает снова обстоятельно, оставляя сухую форму хроники, и вместе с тем выражает свои личные симпатии и антипатии к борющимся сторонам.

40. Когда Людовик прибыл во Франкфурт (832 г.), туда же явился и его сын Лотарь, прося дозволения очиститься перед отцом и доказать, что его брат Людовик (то есть Немецкий, получивший при разделе Баварию) наделал отцу забот и неприятностей (автор говорит о последнем восстании Людовика Немецкого против отца, которое только что было усмирено последним) против его воли и без всякого участия с его стороны; но некоторые знают, насколько его клятва была справедлива.

41. Между тем, пока король оставался во Франкфурте, пришло известие, что его сын Пипин (получивший при разделе Аквитанию) сделал попытку восстать против отца. Вследствие того Людовик поспешил к городу Лимодии (ныне Limoges) против Пипина и приказал сыну явиться во Францию вместе с женой и детьми. Сначала сын повиновался приказанию отца и дошел до

[1] III Кн. Цар., 13, 33.



Монета Людовика Немецкого

города Теотд (ныне Тионвилль); но оттуда поворотил назад и удалился в Аквитанию. Император же вернулся в свою резиденцию в Ахен и оставался там короткое время. Оттуда он пошел к городу Вормацию (ныне Worms) перед началом Великого поста. После же Пасхи он услышал, что дети снова идут на него с враждебными намерениями. Тогда он собрал войско и пошел на них по огромной равнине, которая стелется между Аргенторией (ныне Страсбург) и Базилией (ныне Базель) и до настоящего времени называется Полем Обмана; на этом-то месте верность большей части людей покрылась стыдом. Дети вышли к нему навстречу в сопровождении Папы Григория: но св. отец ни на что из их требований не соглашался. Несколько дней спустя император и Папа имели свидание; долго они говорили друг с другом, и Папа почтил императора великими и бесчисленными подарками. По возвращении каждого в свою палатку император препроводил к Папе королевские дары через посредство почтенного аббата и священника Адалунга. Между тем, некоторые дали совет оставить императора и перейти к его сыновьям; так советовали в особенности те, которые уже прежде оскорбляли Людовика; в одну ночь большая часть войска бросила короля, оставила палатки и удалилась к его сыновьям. На следующее утро некоторые из оставшихся верными явились к императору; но он обратился к ним с приказанием: «Идите к моим сыновьям: я не хочу, чтобы кто-нибудь из-за меня потерял жизнь или пролил кровь». И они пошли от него, утопая в слезах. При этом же случае сыновья разлучили его с женой (Юдифью), дав клятвенное удостоверение, что они не лишат ее ни жизни, ни языка. Но они отправили ее немедленно в Италию, в город Тортону, с тем чтобы держать ее там под стражей. Вскоре затем они овладели отцом и увели его с собой; потом расстались: Пипин пошел в Аквитанию, а Людовик (Немецкий) в Баварию.

43. Лотарь же повез отца с собой в Компендий (ныне Compiègne) и вместе с епископами и другими причинил ему много оскорблений. Они принуждали его удалиться в монастырь и провести там всю жизнь. Но он воспротивился и не дал на то своего согласия. А епископы теснили его жестоко, и в особенности те из них, которых он сам возвысил до таких почестей из состояния последнего рабства; к ним присоединились также и те, которые достигли своего звания, будучи чужеземцами.

44. Они выискали одного презренного и жестокого человека по имени Эбо, епископа Реймса[1], вышедшего из состояния рабов, с тем, чтобы он бесчеловечно мучил императора. Неслыханное говорили они ему, неслыханно поступали с ним всякий раз, когда посещали его: они отняли у него меч, и по приговору своих рабов он был облечен во власяницу. Так исполнилось слово пророка Иеремии: «Рабы властвуют над нами» (Иерем. 5, 8). О, как ты его отблагодарил! Он тебя сделал свободным, но не благородным, так как последнее невозможно. Сделав тебя свободным, он облек тебя в пурпур и паллиум, а ты облекаешь его во власяницу. Он возвел тебя без всяких заслуг на епископский престол, а ты хочешь на основании беззаконного приговора низвести его с престола отцов. Жестокий! Как ты мог забыть повеление Господа: «Раб не более своего господина» (Матф. 1, 24). Зачем ты презрел повелением того апостола, который был восхищен до третьего неба, чтобы услышать от ангелов то, что он должен был предписать людям? А его предписание гласит так: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога» (Римлян. 13, 1). А другой апостол сказал: «Бога бойтесь, царя чтите; слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым; ибо то

[1] Ср. об Эбо ниже.

угодно Богу» (I Петр. 2, 17, 18). Ты же Бога не убоялся и короля не почтил. Если же выполняющий все это приобретает божескую благодать, то, конечно, пренебрегающий тем вызовет против себя гнев Божий. Жестокий, кто был твоим советником и руководителем!.. О, Господи Иисусе Христе, где был тогда твой ангел, который ночью в Египте избил всех перворожденных, и тот, который в одну ночь, при неправедном короле Сеннахериме, умертвил в лагере ассирян 185 тысяч, по свидетельству пророка Исаии? Или тот, который поразил младшего Ирода, среди его речи, так что он был съеден червями? И ты, земля, носившая его в то время, зачем ты не разверзла твою пасть, чтобы проглотить его, как ты сделала то с Дафаном и Авироном? Разве ты не знаешь того тройного закона, который гласит: «Ослу нужен корм, плеть и ноша, а рабу – хлеб, наказание и работа» (Иис. Сир. 33, 25). Это к тебе относятся слова пророка Захарии: «Ты не должен жить, так как ты лжешь во имя Господа. Бог обличил твое ничтожество и другому предоставил свое царство и свою славу. Корыстью и ложью ты осудил себя на погибель в своем ничтожестве. Да преследуют тебя бедствия во все дни твоей жизни».

Твое ничтожество от корысти и лжи растет со дня на день, как небольшое число от умножения доходит до громадной цифры. Жестокий твой канонический приговор еще не приведен в исполнение, но следовало бы его исполнить к увеличению твоего срама. Твои предки были пастухи, а не советники королей. Ты лишил по приговору других Иессу его пастырского достоинства[1], а теперь ты опять восстановил его. Или теперь, или тогда твой приговор был ложен; ты подражаешь тому, о ком поэт говорит в шестой книге Энеиды (затем автор цитирует из Вергилия пять стихов, 617–621). Что еще прибавить? Если бы я имел язык из железа, а губы из меди, то и тогда было бы для меня невозможно изобличить и исчислить все твои пороки. Если бы кто захотел воспеть в сти-

Монета Папы Григория IV

хах твои злодеяния, то ему пришлось бы помнить больше, чем Гомеру и минцианскому Марону (то есть Вергилию) вместе с Овидием.

Но испытания благочестивого государя, причиненные ему недостойными людьми, полагают, были насланы с тем, чтобы обнаружить его кротость, как было тем же путем доказано терпение блаженного Иова, хотя было большое различие между их преследователями. Те, которые подвергли мукам блаженного Иова, были короли, как о том мы читаем в книге блаженного Товия; а те, которые оскорбляли Людовика, были законными рабами его и его отца.

45. Из Компендия (Компьеня) они отвели благочестивого государя в Ахен. Когда же услышал об этом его соименный сын (Людовик Немецкий), он тотчас оставил Баварию, поспешая с великой скорбью к отцу. Едва он прибыл во Франкфурт, как немедленно отправил оттуда послов, аббата и священника Гоцбальда и пфальцграфа Моргарда, с настоятельным требованием приговорить отца к более легкому наказанию. Но брат его дурно принял такое предложение. Когда же послы отправились в обратный путь, Лотарь немедленно послал к отцу людей с тем, чтобы никого не допускали видеться с ним.

Затем Людовик (Немецкий) поспешил в Ахен и подошел уже к Могонции (Майнцу), как там его встретил брат. Они имели горячий разговор о случившемся, так как все прибывшие с Лотарем были несправедливым образом противники его отца, а спутники Людовика (Немецкого) оставались верными ему и его отцу. Оттуда Лотарь возвратился в Ахен и праздновал там Рождество Господне, между тем как его отец оставался в плену.

[1] Иесса был один из врагов Людовика Благочестивого и принимал участие в прежних восстаниях его сыновей, за что и лишился своего звания.

47. После праздника Богоявления (834 г.) Людовик снова отправил послов к отцу, почтенного аббата и пресвитера Гримальда и благородного верного герцога Гебгарда. Когда они прибыли в Ахен, Лотарь дозволил им видеть отца в присутствии сторожививших его, из которых один был епископ Отгарь, а другой – вероломный Ричард. Когда послы предстали перед государем, они униженно бросились к его ногам. Затем они приветствовали его от имени его сына Людовика. Секретного поручения они не хотели ему передавать в присутствии приставов, но некоторыми знаками дали ему понять, что его сын, Людовик, не одобряет его наказания.

Когда послы удалились, Лотарь немедленно принудил отца вместе с ним возвратиться в Компендий, куда он и отправился охотно вместе с сыном. Но когда услышал о том его сын Людовик, он собрал войско и последовал за ним; так как он был близок от них, то Лотарь освободил отца и удалился от него вместе со своими нечестивыми советниками. Сын же его, Людовик, прибыл к нему, принял его с почестями, отвел его в резиденцию, Ахен, и Божиим соизволением возвратил ему царство и достоинство. И там они праздновали вместе Св. Пасху Господню. Когда же услышал о том Эбо, он обратился в бегство, но был пойман, представлен государю и осужден им на заточение.

48. В том же году (835), 21-м его правления, Людовик даровал прощение всем, которые оставили его в несчастии. И это не было ему ни трудно, ни тяжело, как благочестивейшему императору, который и прежде прощал врагам своим во исполнение слов евангелиста, сказавшего: «Прощайте и прощены будете» (Лук. 6, 37). Ему же готовил великую и прекрасную награду тот, кто заповедовал то, ибо кого Господь любит, того и наказует...

49. Но прежде всего должно обратить внимание на то, чтобы вперед рабы не были его советниками; они, где могут, стараются больше всего о том, чтобы притеснить знатных и возвысить себя через родственные связи. Но такие люди недостойны своего высокого звания, и редко случалось при его отце, блаженной памяти, чтобы кто-нибудь из подобного сословия был возвышен до таких почестей. Таких он строго проучал, чтобы они не превозносились. Следовать подобному примеру составляет в настоящее время настоятельную необходимость. При его кротости в эпоху тяжелого испытания подобные люди теснились около него, и он осыпал их всевозможными благами без всяких заслуг с их стороны. А что они делали со своими подчиненными, о том всякий знает, не должно и спрашивать.

50. Когда император возвратил свою утраченную власть, они отправили послов в Италию, чтобы привезти назад жену (Юдифь), столь часто огорчаемую клеветами. Они встретили ее с почестями и отвели с радостью и торжеством к государю, который тогда был в Ахене.

51. Лотарь же утвердился в городе Каиллоне (ныне Chalons), где он наделал много зла, разграбляя Божии храмы и предавая мукам приверженцев отца, где только ему удавалось захватить их, кроме послов. Сверх того, он приказал посадить в винную бочку монахиню Гербиргу, сестру герцога Бернгарда, и бросить в р. Арар (ныне Saöne), о которой сказал поэт (Вергилий, Эклог. I, 63):

> «Парфянин пьет арарские волны; германец из Тигра».

И после продолжительных мучений, он умертвил ее по приговору жен своих недостойных советников, исполняя тем предсказания псалмопевца (Псал. 18, 27): «И с чистыми ты чист, и с развращенными развращен».

52. Затем император отправил к нему послов, почтенного аббата Маркварда с другими верными ему лицами, вручил ему письмо с увещаниями, в котором требовал главным образом от него привести себе на память повеление всемогущего Бога и его собственные, оставить дурную жизнь и подумать, какое строгое наказание ожидает его неповиновение заповедям Господним. Между такими заповедями Бог изрек: «Чти отца своего и матерь» и «Кто клянет отца и матерь, тот смертию умрет». Такую заповедь Господь дал не через пророков или апостолов, но сам начертал и повелел ей повино-

ваться. А какой тяжкий грех пренебрегать этой заповедью, он показал то сам во Второзаконии (V кн. Моис. 21, 18–21), где сказано: «Кто имеет упрямого и непослушного сына, который не повинуется голосу отца и матери, и не слушает их, когда они наказывают, то должны они схватить его и привести к старейшинам народа, и пред дверями суда и пред старейшинами сказать: “Этот наш сын упрям и непослушен, не повинуется нашему голосу”. Тогда все люди того города должны побить его каменьями, чтобы он умер, и ты должен таким образом удалить злого от себя, чтоб весь Израиль слышал о том и трепетал».

53. Лотарь, выслушав неохотно вышеназванных послов, пришел в гнев от их речей и угрожал им; но его угрозы до сих пор не были выполнены, да и никогда не будут. Послы же возвратились к императору и передали ему все слышанное ими. Отец был огорчен таким известием, собрал большое множество народа и пошел на него туда, где, как ему говорили, он находился. К нему присоединились его сыновья, Пипин с запада, а Людовик с востока, и оба привели большое войско для помощи отцу. И они подошли к городу Орлеану, где поблизости был и Лотарь со своими нечестивыми советниками, о которых было говорено выше; но Лотарь не хотел повиноваться убеждениям отца и воспользовался ночью, чтобы скрыться от него бегством. Император же отправил вслед за ним послов, Бадарада, саксонского епископа, благородного и верного герцога Гергарда и мудрого Беренгария, своего родственника. Когда они явились к Лотарю, епископ начал, во имя всемогущего Бога и всех святых, требовать от него, чтобы он отказался от сообщества своих нечестивых советников; таким образом, император мог бы убедиться, Божья ли то воля, чтобы междоусобие продолжалось, или нет. За речью епископа говорили герцоги, как им было предписано. В ответ на это Лотарь просил их удалиться на короткое время и снова позвал к себе, прося дать ему совет, как следует поступить. Они же его убедили предоставить себя вместе со своими клевретами на милость отца и обещали ему мир. Он согласился прийти вместе со своими. Послы же воротились к государю и рассказали ему о случившемся.

54. За ними явился и Лотарь туда, где находился его отец; император сидел в своей палатке, поставленной на возвышении в открытом поле так, чтобы его могло видеть все войско, и его верные сыновья стояли подле него. Тогда пришел Лотарь и бросился к ногам своего отца, а за ним и его робкий тесть, Гуго[1]. После того Матфрид и все прочие, бывшие главными виновниками всего случившегося, поднявшись с земли, раскаивались в своем тяжком преступлении.

И Лотарь клялся перед своим отцом сохранять верность, повиноваться его повелениям, идти в Италию, оставаться там и без приказания отца никогда не покидать этой страны. За ним клялись и прочие. И благочестивый император даровал им прощение, если они останутся верными клятве, отпустил их и предоставил им все отцовское наследство и прочее, чем они владели, кроме того, что он сам дал им от себя. Они удалились, и Лотарь отправился в Италию вместе со своими недостойными клевретами; но вскоре умер Матфрид, главный виновник тех несчастий, и многие другие, а те, которые остались в живых, впали в лихорадку.

55. Император же удалился оттуда и пошел в Теод (ныне Тионвилль), где и провел всю зиму. После Святок на следующий год (835) Людовик сделал большое собрание народа, и туда явился тот грубый простолюдин Эбо, которого епископы не смели низложить без дальнейших рассуждений, так как они боялись, что он может их выдать. Потому они советовали ему объявить, что он не считает себя способным продолжать свои духовные обязанности; он послушался их и был свободно отпущен. Но не так следовало бы поступить: гораздо лучше было бы поразить его справедливым приговором св. отцов, нежели прикрыть религией лжеблагочестие.

56. В том же году (835) император удалился в лионскую страну, куда к нему при-

[1] Лотарь женился в 821 г. на дочери какого-то графа Гуго, который своей трусостью вошел в пословицу у современников.

шли его сыновья, Пипин и Людовик, оба младшие. Там император оставался со своими детьми, пока не воротились послы, отправленные им к Лотарю в Италию. После того император пошел в Ахен, Пипин – в Аквитанию, а Людовик — в восточные страны.

57. В том же году (835) умер на дороге Беренгарий, верный и мудрый герцог, о котором долго жалели император и его дети. Теперь – 22-й год правления нашего государя, благочестивого императора Людовика; да сохранит его надолго счастливым и защитит в этом мире Тот, кого прославляют во все века, и в жизни будущей да приведет Он его в общение всех своих святых. Аминь.

Vita Hludowici imperatoris. 813–835.
У *Pertz.* Monum. II, с. 585–604.

Эрмольд Черный

ЛЮДОВИК БЛАГОЧЕСТИВЫЙ И НОРМАННЫ (в 826 г.)

Главные биографы Людовика Благочестивого, как Теган и Астроном, говорят весьма коротко об отношениях его к норманнам, несмотря на то, что при нем совершилось весьма важное событие, а именно – первое мирное поселение этих пришельцев в пределах империи и начало принятия ими христианской веры. Вот все, что нашел необходимым сказать Теган по поводу крещения Гаральда, датского норманна, и наделения его Фрисландией, под 825 г.: «В следующем году (825) случилось Людовику быть в королевском дворце Ингельгейме (на Рейне, близ Майнца), и к нему пришел туда Гериольт из данаев (то есть Гаральд из данов, или датских норманнов); король воспринял его от святой купели, а жена его была воспринята императрицей Юдифью. Император дал ему большую часть Фрисландии, одарил его почетными подарками и отпустил с миром в сопровождении своих послов» (гл. 33). Это важное событие, вызвавшее небольшую заметку биографа-летописца, обратило на себя внимание би-

---

ЭРМОЛЬД ЧЕРНЫЙ (ERMOLDUS NIGELLUS, abbas ANIENENSIS) – бенедиктинский монах и аббат Анианского монастыря близ Монпелье, сам в своих сочинениях сообщает нам некоторые известия о своем лице и общественных отношениях. Он родился в Аквитании и, судя по живости его характера и наклонности к шутке, принадлежал к романской расе. Получив аббатство, Эрмольд обнаружил более наклонности к светской и придворной жизни, близость двора Пипина Аквитанского, сына Людовика Благочестивого, открыла ему настоящее поприще, а веселый шутливый нрав сдружил легко аббата с молодым королем, который взял его с собой даже во время своего похода в Бретань в 824 г. Людовик Благочестивый дурно смотрел на сближение сына с Эрмольдом, и когда, вероятно, слух о их похождениях раздражил отца, император сослал аббата для исправления в Страсбург. Оттуда-то, желая умилостивить императора и подействовать особенно на его жену Юдифь, он и написал свою «Поэму в честь Людовика, императора, в IV книгах». Но он, видно, не так скоро достиг своей цели, потому что был вынужден еще посылать две элегии к своему другу, королю Пипину, и только тогда получил прощение. Судя по документам, в которых встречается его имя, можно заключить, что Эрмольд дожил до времени правления Карла Лысого (после 840 г.). Приведенное выше его произведение служит драгоценным памятником, изображающим в самых живых красках лагерную и придворную жизнь того времени, и потому является важным пополнением исторических хроник. Издание: *Pertz*. Monum. Germ. II, с. 464–523; *Bouquet*. Recueil, Vi, с. 1–66; *Migne*. Patrologiae cursus, CV, с. 551–640. Переводы: немецк. Pfund. Berl. 1856., в Geschichtsschr. d. d. Vorz. Lief. 26; франц. у Гизо, Collect. IV. Критика: Histoire littéraire de la France, IV, p. 520; Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquel, p. 113.

графа-поэта, который и посвятил на его описание целую книгу своей поэмы, почти в 800 стихов. Описав в предыдущих книгах важнейшие подвиги Людовика для распространения католичества, поэт избрал крещение Гаральда, как венец всех религиозных подвигов императора, и этим событием заключил свою поэму.

Наконец, усилиями благочестивого короля (Людовика) христианская вера в его государстве возросла повсюду до небес. Со всех сторон стекались толпами народы и племена, послужившие и уверовавшие в Бога, чтобы взглянуть на короля. Но оставалось еще одно племя, у которого змийискуситель сохранил наследственно ложь древнего времени, похитившую этот народ у Бога; издавна коснея в греховном язычестве, он поклялся, вместо Творца, пустым истуканам – земному праху. Нептун считается у них богом, а вместо Спасителя они оказывают божеские почести Юпитеру. Это племя по-старинному называется данами; так их называют и теперь; на языке же франков их часто зовут норманнами; это народ живой, ловкий и искусный в деле военном. Об этом народе ходят повсюду различные слухи; на кораблях он хлеб добывает и жизнь ведет на морях. Они красивы с виду лицом, статны ростом, происходят оттуда же, откуда в песнях род свой ведут франкские люди. Исполненный любви к Богу и сжалясь над ними по древнему родству, император усердно старается привести их к Богу. Давно уже болит его сердце, что этот единственный народ из стада Господня погибает без всякого назидания в вере. Везде он расспрашивает, ищет вокруг, кого бы послать, чтобы возвратить ко Господу давно затерянное сокровище. Эбо, реймсский епископ[1], избирается на этот подвиг, чтобы зажечь в них веру Христову. Сам Людовик воспитал его с детства, и благородные науки изощрили его ум. К нему-то и обратился император, давая своему слуге и правила, и святой приказ: «Иди, муж благочестивый,– говорил он Эбо,– и постарайся ласковой речью смягчить свирепый народ, как тебе то позволят время и обстоятельства; скажи ему: Бог обитает высоты; Он мир сотворил и все, что живет на земле, в воде и воздухе. Он сотворил и нашего прародителя, поселил его в раю, с тем, чтобы он Ему послужил во веки веков, и Творец оградил его от всякого зла. Но он пал, нарушив заповедь Господню: и злоба дьявола погубила весь род, от него происшедший. С того времени жатва росла, и множились звери в полях и лесах; но люди служили не Богу, а изделию рук. Наконец, потоп поглотил всех своими волнами, и едва немногие спаслись в ковчеге. Так, снова от пары размножились люди, но немногие из них служили истинному Богу, остальной же народ, проникнутый ядом, отклонился от пути праотцов и поклонялся истуканам. Снова сжалился Бог и послал Сына на землю, своего соправителя в Царстве Небесном, сидящего с ним на престоле. Он восстановил связь человека с Божеством и освободил человечество от первородного греха. Он мог бы, вместе с Отцом, по своему могуществу, спасти нашу землю, но по любви предпочел подвергнуться смерти. Он умер, добровольно распятый на кресте, чтобы открыть честным подвижникам Царство Небесное. Теперь Он сидит одесную Отца, разделяя престол с Ним, и взывает к верным слугам: «Поспешайте ко Мне, вы наследуете Царство Небесное». Своим избранникам Он повелел созвать грешников и одарить их по обычаю даром крещения. Никто не получит Царства Небесного, кто не исполнит повелений единородного Сына, а именно, кто не оставит служения тяжкому греху и не примет дара, сообщаемого таинством крещения. И так, любезный мой Эбо, старайся народ обратить к вере Христовой: это наше призванье; так мы и церковь почтим. Пусть суетное бросят: поклонение медным изделиям унижает человека, ибо в нем живет разум. Что им за помощь Нептун, Юпитер, кусок металла, руками обделанный? Глупцы, поклоняются они пустому и молятся глухим и немым, принося адским духам жертвы, которые следовало принести Богу. Нам запрещено умилостивлять Господа кровью животных: Богу угодна одна кроткая молитва. Довольно времени погибло за смертным грехом, теперь пора уже оставить службу

---

[1] Ср. у Тегана, выше.

идолам. Но клонится к вечеру день, последний час призывает их: им оставлено место в винограднике Господа. Стряхнем с себя праздную леность, пока светит день и человек может искать Бога, чтобы внезапно нас ночь не застала, и чтобы они по заслугам не были низвергнуты во тьму кромешную. Возьми же с собой, святой Эбо, Писание, в котором заключен святой завет ветхой и новой веры, и читай его усердно. Почерпни из этого освященного источника то питье, насладившись которым они познали бы истинного Бога. Беседуй с ними серьезно, когда представится случай; пусть познают ту мерзость, которой они так долго служили. Одним словом, иди от нас прямо к королю Гаральду и передай ему мои слова: «Мы, подвигнутые любовью к Богу и учением св. веры, возвещаем ему следующее: хочет ли он послушать дружеского совета и смиренно склониться на нашу речь? Мы желаем, чтобы он скорее оставил старые заблуждения и обратился ко Христу; да воспримет он в сердце своем Господа, чья есть сила, и который сотворил его самого. Прочь, дьявольские истуканы, исчезни, жестокий Юпитер; пусть он оставит Нептуна и направится в церковь! Я молю Бога о том, чтобы он наделил его дарами крещения святого и возложил на его главу крест Христов. Я только даю совет, и он не должен думать, что я покушаюсь на его власть; я желаю подчинить Богу его сознание». Согласен он, тогда пусть поспешит в наш дворец и примет святое крещение от источника истины. После же крещения и причастия он возвратится с оружием в свое государство, живя в любви ко Господу. Нас побуждает святая вера возвестить ему заповеди Господни, и я хочу теперь же все это исполнить». Затем король повелевает снабдить Эбо великими подарками. «Иди же, и поможет тебе Бог», – сказал в заключение Людовик.

В этом месте поэт прерывает свой главный рассказ и говорит о походе Людовика против возмутившихся бретонцев, в котором принимал участие сам автор в полном вооружении, несмотря на свое звание аббата, что вызвало, как он сам сознается, смех Пипина Аквитанского, его друга, и совет: «Ты бы, брат, оставил оружие,– сказал ему Пипин,– твое дело писать». Затем автор возвращается к миссии Эбо.

Между тем благочестивый Эбо, устремляя свой путь на север (в Данию), совершает святой подвиг, достойный имени Господа. Он дошел даже до твоего дворца, о Гаральд, и наполнил твое сердце учением Христа. Гаральд начал верить божественным наставлениям и речам короля, и даже сам проповедовал народу. «О, святой муж,– говорил он Эбо,– словам должны соответствовать дела; возвратись к королю и скажи ему от меня: я охотно желаю увидеть государство франков, посмотреть на веру императора, на его оружие, на его стол, на всякие христианские украшения, на поклонение Богу, о котором ты проповедуешь и в которого ты веруешь. Если твой Христос поможет мне исполнить все мои желания, то я сейчас приступлю к делу. Но пока должны оставаться на месте все алтари, построенные нами богам; я хочу видеть прежде храм, построенный Богу. Если твой Бог выше наших, и если Он за мою молитву наделит меня дарами, то тогда охотно буду повиноваться Христу и, сломав металлические истуканы, брошу их в пламя». Затем Гаральд велит принести подарки, какие только можно было достать в стране данов, и награждает ими святого мужа.

Радостно спешит Эбо домой, с думой о будущем обращении, и сообщает королю счастливую весть о том, что Гаральд, могущественный повелитель данов, соглашается сам принять крещение. Тогда благочестивый Людовик возносит усердные мольбы всемогущему Богу за ниспосылаемое благо и повелевает на всем пространстве империи обратиться с молитвой к Господу, дабы Христос, искупивший смертью все человечество, спас и норманнов от злого врага. После того благочестивый повелитель с миром поспешно идет в Ингельгейм, и с ним супруга (Юдифь) и сын (Карл Лысый).

Ингельгейм омывается рейнской волной и лежит среди садов и цветущих лугов; там-то и построен на сотне столбов королевский дворец; внутри его множество переходов; они перекрещиваются тысячами; тысячи комнат украшены руками лучших мастеров. Во дворце стоит церковь Господа Бога, убранная металлом: окошки из меди, а двери из золота. По стенам распи-

саны великие деяния Бога и подвиги славных людей так хорошо, что сразу можно узнать содержание картин. На левой стороне двери показывается, как первые люди жили в раю, где их поместил Господь Бог; как змий-искуситель соблазнил добродушную Еву, как она вовлекла мужа и как он сам потом вкусил от запрещенного плода. Как они после грехопадения при приближении Господа закрылись фиговыми листьями и как потом в поте лица обрабатывали землю. Как при первом жертвоприношении брат убил брата из зависти, не мечом, но дерзкой рукой. Далее картины изображают следующие поколения в их порядке, назидая тем о случившемся. Как по заслугам Потоп затопил всю землю вокруг, и все человечество впало в погибель. Как милосердием Божиим спаслись немногие в ковчеге, и какую услугу им оказали ворон и голубь. Затем видны деяния Авраама и его рода, Иосиф, братья его и судьба Фараона; как Моисей освободил свой народ из египетского плена, как он погубил египтян и как Израиль ушел. Как Господь дал закон, написанный на двух скрижалях, как явился источник из скалы и как хлеб падал с неба. Как давно забытая Обетованная земля была завоевана, страна, в которой явился народу Спаситель Христос. Далее следуют пророки и могущественные короли с их славными деяниями: подвиг Давида, дела Соломона, могущественного государя, и храм, построенный Божией помощью. Еще дальше – великие вожди народов и знаменитейшие из первосвященников. На правой стороне двери изображены из жизни Христа деяния, совершенные Им в то время, когда Он был послан на землю Творцом. Как наклонился ангел к уху Марии и приветствовал ее словами: «О, Дева Господня!» Рождество Христа, издавна предсказанное пророками, и Божество, спеленованное в яслях. Как пастухи узнали повеление Господне, как маги удостоились лицезреть Господа. Как Ирод, подозревая, что Христос вытеснит его, в ярости избивает младенцев и обрекает на смерть. Как Иосиф удалился в Египет и спас ребенка, как вырос ребенок и был в послушании, как искал Он креститься, Тот, который сам пришел, чтобы кровью своей освободить издревле погибших. Как потом Христос, как человек, перенес тягчайшие посты, как победил Он сатану одной своей добродетелью. Как Он свет назидал святыми дарами Отца; как Он вновь воскрешал тела умерших людей, как со злым духом боролся и изгнал его совершенно. Как Он, преданный Иудой, Он, Божество, согласился принять смерть, как человек, от нечестивой черни. Как, воскреснув, явился некоторым ученикам и как перед глазами всего мира вознесся на небо, как Бог. Такими-то изображениями украшен храм Божий богато, искусной рукой. Но, кроме того, и дворец короля расписан отличными картинами подвигов знаменитых людей. Вот деяния Кира и несколько битв из времени Нина; при этом еще какой-то славный подвиг. А там изображен король, раздраженный против реки, которой он мстит за смерть любимого коня. Потом то же лицо воюет со страной женщин (амазонок), и одна из них бросает его голову в сосуд, наполненный его же кровью. Не забыты также постыдные деяния тирана Фалариса, как он придумал жестоко казнить непослушный народ. Как Перилл, кузнец, помогает ему и отливает из меди быка, внутри которого злодей намерен сожигать людские тела. Впрочем, тиран посадил в желудок зверя самого мастера, и, таким образом, художник погиб от собственного художества. Потом – как Ромул и Рем основывают Рим, и первый убивает злодейской рукой своего брата. Как Аннибал, закаленный в войне, лишился глаза; как Александр завоевал весь мир и как возросло римское могущество до небес. С другой стороны изображены подвиги предков, уже обращенных в христианство: франки с гордостью примкнули свои деяния к деяниям владык римского мира. Вот Константин, оставивший добровольно Рим, основывает себе новую столицу в Константинополе; а там портрет Феодосия Счастливого и при этом изображение его деяний. Потом – Карл Старший (Мартелл), победитель фризов, и его подвиги. И ты, Пипин[1], владетель Аквитании, любимец Марса, и ты являешься тут во всем блеске. Вот и Карл

[1] Ср. у Тегана, выше.

Мудрый (Великий) с открытым лицом, с головой, высоко поднятой и украшенной короной. Под ним стоит саксонское войско, изготовленное к бою; но он его разбивает и покоряет саксов своей власти.

Такими-то и другими подобными картинами разукрашено жилище короля; взор отдыхает на нем, и кто раз взглянет, тот уже чувствует радость. В этом дворце благочестивый император творил, по обычаю, суд и расправу, заботясь о делах своей империи. Но вот уж плывут корабли – их до сотни – по рейнским волнам; над ними высятся белые паруса; корабли нагружены дарами народа данов; первый корабль везет на себе короля Гаральда. Это – он едет к тебе, Людовик; тебе предназначены дары за то, что ты превознес по достоинству церковную славу. Вот они подплывают к берегу; вот уж и в гавань вошли. Благочестивый Людовик замечает их с высоты замка и шлет Матфрида немедленно с толпой юношей приветствовать радушно гостей. Он посылает и множество лошадей, взнузданных и покрытых попоной, чтобы привезти во дворец чужеземцев, которых он прежде никогда не видел. Гаральд едет на франкском коне, за ним следует супруга со всей свитой. Император принимает гостей радостно в высоком чертоге, заботится об их угощении и приглашает к столу. Тогда заговорил Гаральд почтительно, обращаясь к высокому королю: «О, император, я хочу тебе рассказать о причине, приведшей меня в твой дворец, меня и мой дом, и всех моих приближенных, если только твоему высочеству будет угодно склонить ко мне свой слух. Издавна, следуя верно обычаям предков, я до сего дня строго держался народных преданий. Моим богам и богиням я приносил обильные жертвы с мольбой и делал обеты: я думал, что их расположение защитит наследие отцов, и людей, и страну, и мой дом, не допустит голода, бедствий, и от великого зла сохранит, обращая все в пользу. Но твой Эбо, святой, недавно посетивший страны норманнов, к нам обратился с иными делами. Он объявил, что Творец земли, моря и неба – Бог живой и ему подобает всякая слава; из праха земного Он сотворил двух людей, и так начался на земле человеческий род. Этот же самый Бог ниспослал нам на землю Сына, из бедр которого вытекли кровь и вода. Это очистило мир от скверн всякого рода и открыло ему путь в Небесное Царство. Иисусом Христом зовут Сына Божия: его искуплением осчастливлены все верующие народы. Кто же не уверует в то, что Он владетель небесный, не будет участником дара крещения и будет низвергнут в тьму кромешную, где и погибнет в сообществе адских духов. Кто же хочет на небе воссесть, где только добро, а зло далеко, должен признать Его человеком и Богом и в чистом источнике члены омыть: три раза должен он погрузиться в волну примирения с Богом. Тот есть единственный Бог, хотя и зовут его тремя именами, но честь и слава та же ему и ныне, и присно, и во веки веков. Все же другое, что из металла рукой обделано, по слову епископа, прах, истуканы! О, император, эту-то веру,– сказал мне так Эбо, епископ святой, своими устами, — ты и носишь в груди. Им просвещенный, уверовал в Бога и я, презирая ложных богов. Вот потому-то я поспешил к тебе, сев на корабль, чтобы разделить с тобой ту веру, которой ты сам преисполнен».

Император ему отвечал: «Я исполню, Гаральд, охотно желание твое и воздам хвалу Господу Богу. Ты, долго служа искусителю-змию, сам пожелал по внушению Христа воспринять его веру. Приготовьте же – император велит вам – все, что по обычаю нужно для обряда крещения: белые одежды, как то подобает носить христианам, воды ключевой и елей для помазания». Когда все устроено было и к таинству все приготовились, император вместе с Гаральдом спешит в Божий храм. Сам Людовик во славу Господню воспринял Гаральда из вод и собственноручно облек его в белые ризы. Прекрасная императрица (induperatrix) Юдифь воспринимала супругу Гаральда из купели святой, облачив ее также в одежды. Потом император Лотарь, сын великого Людовика, воспринял из купели сына Гаральда. Королевских вельмож восприняли вельможи императора, облачив в одеяние, а прочих других воспринял народ. О, великий Людовик, какое ты стадо привел ко Гос-

поду Богу, какой фимиам воскурил ты Христу! Заслуги твои, о, король, навсегда сохранятся: то, что ты похитил у волка, то Бог приобрел. Гаральд, возрожденный, в белых одеждах, идет в чертоги с крестным отцом. Император великий ему предлагает дары, какие можно найти только в такой стране, какова страна франков: дивную ткань, украшенную каменьями и пурпуром с золотой каймой; свой собственный меч, богатый, на золотой перевязи; золотые поручни на обе руки и пояс, унизанный перлами; на главу, по обычаю, возлагает драгоценную корону, на ноги дает золотые шпоры, на плечи надевает мантию, залитую сзади золотом, и на руки белые поручни (tegmina). Подобные же подарки были вручены Юдифью супруге Гаральда вместе с другими украшениями, а именно: платье с золотом и драгоценными каменьями, какое могла выткать одна Миневра; золотые обручи с каменьями на голову, украшение на грудь; цепь золотую на шею; браслеты на руки, как носят женщины; широкий пояс из золота и каменьев на талию и золотое покрывало. Точно так же и Лотарь украшает сына Гаральда; свита его одета по-франкски: сам император наделил ее щедро всякого рода одеждой.

Наконец настало время обедни; звон, по обычаю, призывает в Божию церковь. Духовенство наполняет храм в своих красных, искусно изготовленных одеяниях. Там стоят толпами священники, живущие по правилу Климента, и блестящие ряды благочестивых церковнослужителей. Теутон, по обычаю, располагает хор певчих; приходит и Адальвит, держа в руке жезл, разгоняет толпящихся и очищает дорогу императору, супруге, их сыну и вельможам. Император, частый посетитель божественной службы, идет по широкому двору в одежде, убранной золотом и сияющей драгоценными каменьями; идет он с радостью в сердце, а поддерживают его с обеих сторон слуги: Гильтвин держит его под правую руку, Элизахар под левую; Герунг идет впереди, держа по обычаю в руках прут; он смотрит на каждое место, где ступит король, грядущий с золотой короной на помазанной главе. За ним едет Лотарь Благочестивый, потом в белом одеянии Гаральд и прочая толпа в своих подаренных блестящих одеждах. Впереди отца в золотых украшениях ступает милый ребенок Карл (Лысый), и мрамор звучит под ногами его. Далее следует Юдифь, великая королева, в блестящих одеждах; ее ведут двое вельмож, Матфрид и Гуго, оказывая все почести супруге коронованного государя; оба они в золотых одеждах. За ней непосредственно идет супруга Гаральда, радуясь подаркам, которыми наградила ее императрица. Тут же шел и Фридугиз, а за ним толпа его просвещенных учеников, чистых верой и белой одеждой. За всеми ними подвигалась в порядке толпа, облеченная в праздничные одежды щедростью короля. Когда король, тихо ступая, вошел в церковь, он обратился к Богу с обычной молитвой. В ту минуту Теутон подал громкий знак трубой; за ним последовал клир и все хоры. Дивится Гаральд, дивится супруга его, дивятся его сыновья и сподвижники с ними о славе Господней. Их поражает и клир, и храм Божий, и Господни служители, и сама служба. Но больше всего дивятся они могуществу того короля, которого властью все приводилось в движение. О, мой Гаральд, скажи, умоляю, вера императора не кажется ли тебе выше твоего ничтожного идолопоклонства? Разбей свои истуканы, изготовленные из золота и серебра; лучше сделай из них украшения для себя и своих. Если же они из железа, то употреби их на обработку полей и закажи из них кузнецу для хозяйства снаряды; плуг из железа, бороздя землю, больше пользы приносит, чем боги железные со своим колдовством. Вот истинный Бог, кому поклоняются франки и их благочестивый император; служи ему, а не Юпитеру. Из Юпитера же наделай горшков и котлов; пусть они стоят на огне, который горел для их первообраза. Спусти и Нептуна поплавать, как то ему подобает!

Между тем для хозяина дома делают все приготовления к столу: различные яства и меха с драгоценными винами. Петр, глава пекарей, и Гунто, глава поваров, суетятся, расставляя в порядке столы. На столы стелят чистые скатерти, белые, как снег, и на мраморе расставляют блюда. Один режет хлеб, другой – мясо; на столах стоит золо-

тая посуда. Глава кравчих, Оттон, малый проворный, готовит напитки, Бахуса дар.

Когда же достойно закончилась божественная служба, король направил свои стопы той же дорогой в чертоги. Сам он, блистая золотом, с женой и сыном и прочей свитой шел впереди, за ним же следовало блестящее духовенство. Так, в торжественном ходе шел благочестивый император домой, где его ожидало торжество, достойное главы империи. Людовик возлег на ложе; рядом с ним располагается прекрасная Юдифь, поцеловав предварительно колено супруга; император Лотарь и Гаральд, гость королевский, ложатся также по указанию короля. Дивятся даны всему угощению, дивятся оружию императора и прислуге и красивым пажам. В самом деле, этот день был и для франков, и для возрожденных данов торжественным днем, которого они долго не забудут.

На заре следующего дня, когда стали исчезать звезды и солнце пригрело землю, император повелевает франкам готовиться к привычной им охоте и приглашает Гаральда. Недалеко от дворца лежит остров, омываемый волнами Рейна; на нем растут вечнозеленая трава и густой лес; в лесу живут дикие звери различных пород, находя для себя невозмутимое убежище в своих логовищах. Толпы охотников и стаи собак наполняют остров со всех сторон. По лугу скачет император на быстром коне, а Видо сопровождает его с колчаном, наполненным стрелами. Со всех сторон толпятся юноши и дети, и посреди них Лотарь на быстром скакуне. Гаральд, императорский гость, и его даны стекаются отовсюду и весело смотрят на это прекрасное зрелище; великолепная Юдифь, благочестивая супруга императора, богато одетая, садится на благородного коня; первостепенные вельможи и толпа знатных предшествуют и последуют за государыней из уважения к своему благочестивому монарху. По лесу раздается усиленный лай собак; тут кричит народ; там оглашается лес вторящимися звуками рогов. Дикие звери оставляют свои логовища и бегут в непроходимые места; но ничто не может спасти их – ни лес, ни вода. Подбит олень из стада своих рогатых собратьев; повалился вепрь, проколотый копьем. Император, воодушевленный весельем, убивает собственноручно множество животных. Пылкий Лотарь, во всем цвете юности и сил, кладет на месте медведей; другие охотники, рассеянные по лугам, бьют всякого рода зверей.

Вдруг молодая лань, преследуемая горячо стаей собак, выскочив из густой чащи, пустилась по кустарникам; а там стояли в то время знатные, с ними Юдифь, супруга императора, и молодой Карл, еще ребенок. Животное промчалось со скоростью ветра, возлагая надежду на одну быстроту своих ног; оно погибло, если не найдет спасения в бегстве. Юный Карл заметил лань; ему захотелось преследовать ее, подобно отцу; он умоляет дать ему лошадь, просит оружия, лук и легкие стрелы, и горит желанием лететь по следам лани, как то делал его отец. Но напрасно он удваивает свои просьбы; его прекрасная мать не пускает и не дает позволения удаляться. Дитя раздражено, и если б не учитель, заботам которого он был поручен, и если б не мать, Карл пустился бы бегом за ланью. Между тем другие юноши поскакали вдогонку, поймали лань и привели невредимой к принцу. Тогда ребенок схватил оружие, соответственное его силам, и поразил дрожащее животное в спину. В юном Карле соединяются все прелести детства, а добродетели его отца и деда еще более увеличивают их достоинства. Так, в древности Аполлон, проходя по вершинам Делосских гор, наполнял гордой радостью сердце своей матери, Латоны.

Но вот император, его августейший отец, и вместе с ним охотники, отягощенные добычею, начинают собираться домой. Между тем предупредительная Юдифь приказала построить посреди леса и накрыть зеленый шалаш; из общипанных ветвей сделали ограду и сверху завесили полотном. Сама императрица приготовила из дерна сиденье для благочестивого супруга и приказала подать все для утоления голода. Омыв свои руки, император и его прекрасная супруга возлегли на золотом ложе, а Лотарь и их любезный гость Гаральд по приказанию короля расположились рядом; остальные расселись по траве и успокоили

свои усталые члены под навесом деревьев. Сжарив внутренности убитых на охоте животных, начиненные жиром, подали их на стол королю. Голод утоленный мгновенно исчез; взялись за кубки, и жажда также скоро была прогнана благородным напитком. Сердца храбрых забились сильней от вина, и весело все возвратились в королевский чертог. Придя во дворец, все опять вином оживили сердца; между тем наступило время вечерни. Отправив и это с подобающей честью и страхом, каждый снова пошел в королевский чертог.

Между тем прибыли юноши с добычей, спеша показать ее императору: тысячи оленей, головы и зады медведей – все это тащилось с триумфом; козы и лани неслись парами. Между служителями начал делить всю добычу благочестивый король, как то и прежде бывало; духовным также достались на долю куски недурные. Во все это время гость наш, Гаральд, который уже видел столько великого, думал о многом в сердце своем. Он смотрел, как правит король, и дивился тому, как все государство, и вера, и служение Богу,– как все это шло в строгом порядке и чине. Наконец, победив в себе робость, напал он на мысль, внушенную Богом. Верой проникнутый, он подошел к королю, и, добровольно упав на колени, промолвил:

«О, император могучий, Господа ты почитатель, своих людей повелитель, которых сам Бог поручил твоей власти. Ты благороден, кроток, отважен и милосерд, вместе воинствен и миролюбив, богат на сокровища, щедр для бедных; милостив всякому, кто под тобой... Сам я уверился, что ты стоишь во главе добродетельных и носишь по правде корону в стране христианской. Как перед именем Бога ничтожны все идолы вместе, так имя твое для меня выше всякой власти земной. Может быть, кто-нибудь и сравнится с тобой в могуществе, славе военной, но любовью к Господу Богу ты победишь все народы». Так говоря, Гаральд сложил свои руки и передал во власть короля и свое государство. «Прими, император,– сказал он ему,– меня и мое государство; я посвящаю себя добровольно на службу тебе». Император берет в свои руки руки Гаральда, и с миром два королевства, данов и франков, слилися в одно. После того, по обычаю старому франков, император дарит коня и вместе оружие, как то подобало. Снова пошло пированье и праздник великий во славу слияния франков и данов. Гаральд, сделавшись *верным* Людовика, получил от щедрот императора всякого рода дары; он ему дал соседнюю марку империи[1], богатую хлебом, вином драгоценным. А чтобы служба Господня могла отправляться с достоинством, он ему подарил сосуды священные, ризы, дал и священников, и книги церковные для службы божественной. Вместе послал и монахов, которые вызвались сами направить народы на путь к Небесному Царству. Но как ни велики были посулы Людовика, дела превзошли обещания.

Между тем люди грузили на барку подарки и яства; ветер искал парусов, и медлить было опасно: время бурь начало приближаться. Но вот корабли изготовлены, парус натянут, и торжественно шествует в гавань Гаральд. Сын короля и племянник остались на месте служить императору, живя по обычаю франков. Гаральд же, снабженный всякого рода провизией и наделенный оружием, с миром поплыл по бурному морю домой.

Какую, Людовик, добычу ты приготовил Творцу всемогущему: знаменитая страна данов соединена отныне с твоим государством. То, чего не могли достигнуть ни Рим, ни оружие франков, ты достигаешь всего именем Господа Бога. Даже орган, которого прежде не видели франки, которым гордились земли пелазгов (греков), и чем Византия стояла выше тебя, император, и это теперь[2] ты имеешь в Ахенской церкви придворной. Радуйся, Франция, кланяйся низко Людовику: ему одному ты обязана таким драгоценным подарком. Дай, Вседержатель, создавший небо и землю, чтобы имя его пронеслось со славой в дальние страны. Я же,

---

[1] Фрисландию.

[2] Орган был поставлен в 826 г. и привел всех в изумление; ссылка на это событие, занимавшее умы современников, определяет время написания поэмы не ранее 826 г.

певец этой песни, должен под стражей сидеть за вину, в которой и каюсь, в Страсбурге, где высится храм, посвященный тебе, Пресвятая Дева Мария.

Затем поэт делает большое отступление с описанием Страсбургской церкви и чудес, совершавшихся в ней, и снова обращается к Богородице.

Велика твоя слава и сила, о, Дева Святая, если ты нам возмогла Отца вселенной родить! Помоги недостойному мне, облегчи мою ссылку, умоляю тебя горячо; когда же окончится время юдоли земной, посели меня в Царстве Небесном, Пречистая Дева.

О, император! Этот ничтожнейший труд, на грубой свирели воспетый, посылает тебе из ссылки Эрмольд, бедный, несчастный, покинутый всеми. Я не имею подарков, достойных тебя, и подношу тебе песню... (следует обращение к Спасителю). Может быть, обратившись к свидетелям более верным, ты, император, узнаешь, что я не совсем в своей вине виноват; впрочем, я не намерен себя извинять за ошибки, по причине которых, несчастный, был сослан в изгнание. Но любовь беспредельная милует грешника, и я умоляю тебя не забыть меня в заточении. И ты, о, Юдифь, знаменитая своей красотой, ты, разделяя с супругом престол за свои добродетели, не оставь меня падшего, дай утешение несчастному, разорви мои цепи, и Бог всемогущий тебе ниспошлет счастие, богатство, славу, здоровье во веки веков.

Carminis in honorem Hludovici libri IV.
Песнь четвертая.

Нитгард

МЕЖДОУСОБИЯ ДЕТЕЙ ЛЮДОВИКА I, ИМПЕРАТОРА. 841 и 842 гг. (в 843 г.)

Предисловие автора

Вот уже прошло два года[1], как вы, мой государь и король (автор обращается таким образом к младшему сыну Людовика Благочестивого, Карлу II Лысому), и все ваши приверженцы преследуетесь братом (то есть императором Лотарем I, старшим сыном Людовика Благочестивого) без всякой вины со своей стороны. Вы помните сами, еще до прибытия нашего в каделонский город (ныне Chalons-sur-Marne), я получил от вас приказание изложить письменно историю своего времени. Признаюсь, мне было бы приятно такое поручение, когда бы я имел достаточно свободного времени для достойного его исполнения; но теперь, если в моем труде окажутся недостатки и пропуски, которых следовало бы избежать по важности описываемого предмета, я должен буду просить у вас и ваших друзей снисхождения, тем более, что вам известно, как мне приходилось и писать эту историю, и в то же время отвлекаться вместе с вами на другие события. Я имел сначала намерение не касаться событий правления вашего благочестивого отца (Людовика Благочестивого); но в таком случае моим читателям было бы не ясно происхождение ваших междоусобий, а потому я должен вкратце сказать о том, что могло привести к ним, судя по случившемуся еще в царствие того императора. Притом мне казалось неприличным пройти молчанием и деяния вашего деда блаженной памяти (Карла Великого).

Вследствие таких соображений автор посвящает первую главу своей *первой книги* краткому панегирику памяти Карла Великого, а в остальных семи главах делает мастерский очерк правления Людовика Благочестивого (814–840 гг.), составленный им, очевидно, по биографии Астронома (см. выше) и потому в отношении содержания не заключающий в себе почти ничего нового. Цель автора состояла в том, чтобы показать, каким образом разделение

---

[1] Так как междоусобия детей Людовика начались в 840 г., то из этих слов должно заключить, что автор начал свое сочинение в 842 г.

империи, предпринятое Людовиком, должно было сделаться главной причиной междоусобия детей после его смерти, и как Лотарь, бывший чаще всех виной восстания против отца, явился врагом своих братьев. Но такая мысль была внушена автору его привязанностью к памяти Людовика Благочестивого и дружбой к любимому его сыну, Карлу II Лысому, для которого писалось самое сочинение. Этой мысли противоречат все факты: Людовик Благочестивый умер в совершенном мире с Лотарем и во вражде с Людовиком Немецким (см. у Астронома, выше); Людовик же Немецкий восстал против отца за его попытки наделить Карла Лысого за счет остальных братьев (чего не мог одобрить даже сам Астроном) и за беззаконное лишение сыновей Пипина Аквитанского отцовского наследия в пользу того же Карла Лысокого; потому в минуту смерти Людовика Благочестивого Людовик Немецкий образовал союз с Пипином II, претендентом Аквитании, а Карл II Лысый и Лотарь соединились против них вместе с отцом. Смерть отца изменила все отношения. Людовик Немецкий, враг Карла Лысого, вступает с ним в союз и отказывается от Пипина II; Лотарь, враг Пипина, принимает его сторону и поддерживает его против Карла Лысого. Собственно говоря, Лотарь продолжал войну с Людовиком Немецким, начатую еще при жизни отца и в интересах последнего; один Карл Лысый изменил свои отношения, и, вероятно, с целью свергнуть с себя опеку Лотаря, на которую осудил его отец. Но наш автор по вышеуказанным причинам объясняет последовавшие за смертью Людовика Благочестивого междоусобия его детей единственно безграничным честолюбием Лотаря, несправедливо притеснявшего своих братьев. *Вторая книга* после краткого вступления излагает сами междоусобия, как они начались после смерти отца, то есть после 20 июня 840 г.

Вторая книга

Я указал по мере своих сил, где находились главные причины ваших (то есть Карла Лысого и Людовика Немецкого с Лотарем и Пипином II) междоусобий, и теперь всякий, кто пожелал бы знать, почему, после смерти вашего отца, Лотарь начал преследовать вас и всех ваших, легко увидит и поймет, честно ли и благородно ли действовал он в этом случае[1]. Теперь же я постараюсь, насколько хватит памяти и сил, изобразить, с каким рвением и какой настойчи-

[1] Из биографии Людовика Благочестивого и даже из самого сокращения, сделанного автором в первой книге, видно, что Лотарь после смерти отца не сделал ничего, кроме того, что продолжил войну с Людовиком Немецким, помогая против него своему отцу. За несколько дней до известия о смерти отца Лотарь получил от него приказание спешить из Италии к нему по поводу войны с Людовиком Немецким.

НИТГАРД (NITHARDUS) – автор «Четырех книг истории» своего времени, не только принадлежал к числу высшей аристократии франков, но и находился в близком родстве с королевским домом: он был сын известного своей знаменитой ученостью Энгельберта, друга Карла Великого, женатого на его дочери Берте. Такое общественное положение поставило молодого графа Нитгарда в самые выгодные условия для будущего историка: он получил отличное классическое образование, и его стиль носит на себе все следы близкого знакомства с лучшими писателями древности; по своему рождению он жил среди главных действующих лиц и по уму играл важную роль во всех событиях того времени. Но его дружба со своим двоюродным братом Карлом II Лысым вызвала в Нитгарде пристрастие к одной из борющихся сторон. Он начал свой труд в 841 г. и в виде мемуаров довел до весны 843 г. Неизвестно, почему автор не продолжал своих мемуаров; что ему помешала не смерть, это видно из заметки какого-то составителя хроники монастыря Центула, называющей Нитгарда аббатом того монастыря; вероятно, Нитгард кончил свою жизнь в духовном звании: в своих мемуарах он часто жалуется на суету

востью Лотарь приводил свой план в исполнение. Но я прошу вас принять в соображение те препятствия в такое смутное время, чтобы извинить мне недостатки, могущие встретиться в моем труде.

1. Когда Лотарь (бывший в Италии) услышал, что умер его отец (840 г.), он отправил немедленно гонцов во все стороны, но особенно во Францию (то есть Нейстрию, принадлежавшую Карлу Лысому), и приказал везде объявлять, что он скоро сам придет в государство, уже прежде уступленное ему, и вместе с тем обещал не только сохранить каждому полученное им от отца, но еще и увеличить. В то же время Лотарь повелел людей сомнительной верности обязать присягой и потребовать от них, чтобы они при первой возможности вышли к нему навстречу; тем же, которые откажутся, угрожать смертью. Сам же остался по ту сторону Альп (то есть в Италии), чтобы посмотреть, как пойдет его дело. Увидя же, что со всех сторон к нему стремятся массами, одни побуждаемые надеждой, другие страхом, он получил уверенность в своей силе и блестящей будущности, которая его ожидала, сделался смелее и отважнее и начал обдумывать, какими средствами можно было бы *овладеть без всякого труда всей империей*[1]. Так как Людовик был к нему всего *ближе*[1], то Лотарь счел более благоразумным сначала напасть на него и направил все свои силы для того, чтобы одним ударом уничтожить Людовика. Между тем к Карлу в Аквитанию он отправил весьма обдуманно послов и уверял его, что он сохранит к нему навсегда дружбу, как того желал отец и как то он признает своей обязанностью, но в то же время просил *не теснить*[2] племянника (Пипина II), пока они не устроят дела Аквитании по обоюдному согласию. После того Лотарь направил свой поход на город вангионов (ныне Worms). Там Людовик (Немецкий) оставил часть своего войска для охранения города, а сам удалился в поход против возмутившихся саксов. Но Лотарь без труда обратил этот гарнизон в бегство, перешел с войском Рейн и направил свой путь на Франкфурт. Тут неожиданно столкнулись друг с другом Лотарь и Людовик; заключив перемирие на одну ночь, братья, воодушевленные, впрочем, далеко не братскими чувствами, рас-

[1] Вот как автор мотивирует вторжение Лотаря во владения своих братьев, как бы забывая, что отец вытребовал Лотаря из Италии для нападения на Людовика Немецкого.

[1] Нападение Лотаря на Людовика прежде, нежели на Карла, объясняется у автора близостью первого, хотя владения Карла в Аквитании и Провансе были гораздо ближе к Италии, нежели Бавария, принадлежавшая Людовику.

[2] Таким образом, автор против своей воли изменяет себе и противоречит: требуя не теснить Пипина II, Лотарь защищает законные права своего племянника, нарушенные Людовиком Благочестивым по интригам партии Юдифи; это обстоятельство и должно было сделаться причиной сближения Карла с Людовиком против Лотаря.

мира и выражает желание оставить свет. Но во всяком случае его «История» была им писана, как светским человеком, и это одно обстоятельство обращает на нее особенное внимание в такую эпоху, когда литературные занятия, как выразился Пипин Аквитанский, смеясь над Эрмольдом, считались исключительным делом клерика. Состояние писателя-мирянина отразилось заметно на самом его языке, способе суждения и всем характере труда.

Издания: *Pertz.* Mon. Germ. II, 649–672; *Bouquet.* Rec. VI, 67–72. Переводы: немецк. Jasmund (Berl. 1851) в Geschichtsschreib. d. d. Vorzeit, Lfg. 13 (ц. 50 пф.); франц. у: *Guizot*, Coll. III. 433–497. Критика: *Petavius.* De Nithardo, etc. Par. 1613; перепечатано у *Bouquet*, Rec. VII. 1–10; *Bähr.* Geschichte der römich. Literat. im karoling. Zeitalter. Carlsr. c. 1840. 224–227. О договоре братьев в Страсбурге см. исследование Як. Гримма, помещенное у *Pertz.* Monum. II, c. 666. О Вердюнском договоре, заключенном несколько месяцев спустя, как кончил свой труд Нитгард, см. превосходный труд вообще для этой эпохи: *Böhmer.* Regesta chronologica-diplomatica Karolorum. Frankfurt. 1833.

положились лагерем, один близ Франкфурта, другой при слиянии Майна с Рейном (то есть против города Майнца). Так как Людовик обнаружил решимость сопротивляться до последней крайности, и Лотарь потерял надежду подчинить его своей власти, не прибегая к оружию, то последний, рассчитывая со временем достигнуть цели без особенных усилий, предложил Людовику сойтись для новых переговоров на том же самом месте 11 ноября; если же и тогда они не решат дела мирным путем, тогда пусть оружие решит, кто из них более прав. Таким образом, отложив на будущее время приведение в исполнение своих планов относительно Людовика, Лотарь пошел подчинить своей власти Карла.

2. Около этого времени (в августе или сентябре 840 г.) Карл пришел в Битурики (ныне Bourges), где приверженцы Пипина (II) сговорились провозгласить своего претендента королем. Получив верные известия об образе действия Лотаря, Карл поспешно отправил к нему послами Нитгара (самого автора этой истории) и Адельгара, поручив заклинать его и умолять об обоюдном сохранении клятвенных обещаний и не нарушать того, что определил отец. «Пусть он,– говорил Карл послам,– позаботится о судьбе своего брата и сына, не трогает моей собственности и утвердит за мной то, что предоставил мне мой отец с согласия самого Лотаря; за это, если Лотарь исполнит мою просьбу, я обещаю, со своей стороны, быть ему верным и послушным, как то повелевает моя обязанность в отношении старейшего брата. Пусть также Лотарь *простит мне от всего сердца все, что я сделал против него*[1], и я умоляю его не беспокоить моих людей и не враждовать против моего государства, данного мне Богом. Я желаю мира и согласия, как лучшего, чего я могу пожелать для себя и для своих, а потому и обещаю сохранять мир. Если же мой брат не захочет тому поверить, то я готов дать ему верное поручительство». Хотя, по-видимому, Лотарь принял посольство милостиво, но ограничился только тем, что поручил послам передать его приветствие Карлу, объявив, что дальнейшие объяснения он сообщит через своих послов. Но вот что: когда послы Карла отказались нарушить клятву и, несмотря ни на какие предложения, не хотели перейти на его сторону, он лишил их почестей, предоставленных им его отцом, и таким образом, сам того не подозревая, дал ясно понять, какие питает он намерения и чувства к брату. Между тем все живущие между Маасом и Сеной отправили к Карлу людей с просьбой явиться к ним прежде, нежели Лотарь успеет завладеть их страной, и обещали до его прихода не предпринимать ничего. Поэтому Карл вместе с немногими из своих бросился поспешно из Аквитании и, прибыв в г. Каризиак (ныне Kiercy), приветствовал тех, которые явились к нему с гор Карбонарийских (лесные горы в восточных частях Брабанта, от г. Левен до г. Нивелль) и из других местностей. Гизлеберт, Бово и еще некоторые, увлеченные Одульфом, пренебрегли клятвой и отвернулись от Карла (сентябрь 840 г.).

В последующих семи главах, от 3 до 9-й, автор подробно описывает ход борьбы Карла с Лотарем, от конца 840 до весны 841 г.; она вся состояла из маневров с той и другой стороны, причем то Карл овладевал той или другой страной и преследовал приверженцев брата, то Лотарь повторял то же самое; наконец, после Пасхи 841 г., Людовик Немецкий предлагает соединить свои силы с войском Карла Лысого; несмотря на все усилия Лотаря не допустить этого, враги его успели соединиться, и ровно год спустя после смерти Людовика, к середине июня 841 г., отправили вместе посольство к Лотарю с предложением мирно закончить междоусобие. Это был решительный момент в борьбе братьев, который и привел их к жестокой битве при Фонтеноа 25 июня 841 г.: лучшее место во всей истории нашего автора, который был участником битвы.

10. Лотарь отвергнул все мирные предложения, сделанные его братьями (Людовиком Немецким и Карлом Лысым в июне 841 г.); он дал им знать, что желает битвы и более ничего, и сам немедленно поднял-

---

[1] Наконец, автор прямо высказывает, что нападение Лотаря на Карла было последствием враждебных действий последнего, чего нельзя заключить из вышесказанного им о причинах войны Лотаря с братьями.

ся, чтобы идти навстречу Пипину (II), который подвигался из Аквитании. Когда Людовик и его приверженцы узнали о том, ими овладело страшное негодование; несмотря на свое утомление длинными переходами (то есть из Баварии на соединение с Карлом Лысым), борьбой и другими затруднениями, особенно вследствие недостатка лошадей, они решились лучше подвергнуться всевозможным бедствиям, нежели запятнать свое имя и оставить потомству постыдное воспоминание о том, что брат бросил брата без всякой помощи. Отложив в сторону свою усталость, они начали воодушевлять друг друга и скорым маршем пошли вперед, чтобы нагнать Лотаря. Когда при Алциодоре (ныне Auxerre) совершенно неожиданно оба войска очутились в виду друг друга, Лотарь, опасаясь, чтобы оба брата не напали на него немедленно, поспешно снялся с лагеря. Братья, заметив это, оставили часть войска для прикрытия своего обоза, собрали около себя полки и выступили Лотарю навстречу. Но обе стороны отправили обоюдно парламентеров и заключили на одну ночь перемирие. Между их лагерями было около трех миль; в промежутке лежало небольшое болото и лесистое возвышение, представлявшее собой защиту для обоих противников. На рассвете следующего дня Людовик и Карл отправили снова послов к Лотарю; им больно, говорили они, что Лотарь отвергает мир и настаивает на битве; если же он непременно хочет того и иначе не может быть, то пусть, по крайней мере, битва произойдет без всякого обмана и хитрости, а именно: пусть в обоих лагерях будет объявлен всеобщий пост и молитва и после того пусть каждому будет предоставлена полная свобода перейти на какую сторону он пожелает, для чего и назначить время и место; таким образом, уничтожив всякое насилие с той и другой стороны, можно будет вступить в битву без всякого обмана и измены; если Лотарь на это согласен, то послы должны принести присягу, если же нет, они должны просить его согласиться и дать клятву. Лотарь обещал, как то у него делалось обыкновенно, отвечать на все это через своих послов, а между тем, едва только удалились послы братьев, он поднялся с лагеря и потянулся к месту, называемому Фонтанет (ныне Fontenoi), чтобы там стать в крепкой позиции. В тот же день пустились в поход и братья, преследуя Лотаря, нагнали его и расположились лагерем при местечке Тавриаке (ныне Tury). На следующий день оба войска выступили из лагеря, приготавливаясь к битве; но Людовик и Карл снова отправили послов к Лотарю и, напоминая ему об узах братской любви, соединяющей их, умоляли дать мир церкви Божией и всему христианскому народу и не лишать их земель, которыми наделил их отец с его же согласия; пусть он, говорили они, сохранит свое, что дал ему отец не по заслугам, а по своему добросердечию. Братья предлагали ему в дар все, что найдется ценного в лагере, кроме лошадей и оружия; если и этого мало, то каждый из них уступает ему часть своего государства, один до Карбонарийских гор, другой до Рейна; если же он и на это не согласится, то пусть вся Франция будет разделена на равные части, и та часть, которую он выберет, поступит в его подданство. Лотарь отвечал и на это, по своему обычаю, что он сообщит свои мнения об этих предложениях через собственных послов; и вслед за тем действительно отправил Дрого, Гуго и Гериберта сказать им, что ему до сих пор никогда не делалось таких предложений и что потому ему необходимо время, чтобы обдумать их; а дело, собственно, состояло в том, что Пипин (II) не успел соединиться с ним, и он надеялся отсрочкой выиграть необходимое для того время. Между тем он приказал Рикуину, Гирменальду и Фридриху клятвенно уверить братьев, что своим предложением перемирия он не ищет ничего, кроме общего блага, спокойствия братьев и всего народа, как к тому его обязывает долг в отношении братьев и всех христиан. Обманутые такими уверениями, Карл и Людовик, подтвердив клятвой перемирие, возвратились в лагерь и оставались там этот день (23 июня), весь следующий и третий день до второго часа, что приходилось на 25 июня. Утром 24 июня они хотели праздновать Иванов день. В Иванов день Лотарь дождался своего племянника, прибывшего к нему на помощь, и потому послал сказать

своим братьям: так как они знают, что ему предоставлен титул императора, со всей властью с ним сопряженной, то пусть они подумают и позаботятся о том, чтобы он мог исполнить тяжелые и высокие обязанности своего звания; впрочем, он вовсе не имеет в виду выгод исключительно своих и выгод Пипина. Когда же послов спросили, желает ли Лотарь принять сделанные ему предложения и какой дал им на это определенный ответ, они возразили, что относительно всего этого им не дано никаких поручений. Так как подобным объявлением была отнята всякая надежда на справедливость и миролюбие со стороны Лотаря, то братья поручили ему сообщить, что если он не переменит намерения и, не приняв ни одного из сделанных предложений, не даст никакого ответа до второго часа следующего дня – а это было 25 июня, – то они предадут дело суду Божьему, к которому Лотарь принудил их против воли. Верный своему характеру, Лотарь высокомерно отверг всякую сделку и отвечал, что он знает, как ему действовать. (Пока я все это писал в монастыре св. Флудуальда на Луаре, произошло солнечное затмение, 18 октября, в первом часу дня, в знаке Рака.) После такого отрицательного ответа, Карл и Людовик поднялись со своим войском на рассвете 25 июня; с третьей частью своих сил они овладели холмом, соседним лагерю Лотаря, и ожидали его нападения до второго часа, сообразно данной их послам клятве. С наступлением второго часа появился Лотарь, и при Бургундском ручье (ныне Andrie) началась битва. Лотарь столкнулся с Людовиком при местечке Бриттас (ныне Bretignolles), был разбит и обращен в бегство; но та часть войска, которая сражалась под начальством Карла при местечке Фагите (ныне le-Fay), в свою очередь обратила тыл; только тот отряд, который при Соленнате (ныне Goulenne) напал под предводительством герцога Аделарда и других, которым и я с Божией помощью оказал немалые услуги, стоял твердо, так что победа долго оставалась нерешительной, но наконец все приверженцы Лотаря обратились в бегство.

И этой битвой, данной и проигранной Лотарем, я заключаю вторую книгу своей истории.

Третья книга

Если мне грустно слушать печальные рассказы о нашем поколении, то еще более грустно самому мне писать о том; потому я предполагал, дойдя до желанного конца второй книги, тем и заключить свой труд. Но чтобы кто другой, введенный каким-нибудь образом в обман, не предпринял написать историю нашего времени, я решился прибавить еще третью книгу.

1. После сражения, как мы описали, Карл и Людовик начали совещаться на самом поле битвы, как поступить в отношении неприятеля. Одни, раздраженные гневом, советовали преследовать его; другие же, а с ними короли, побуждаемые состраданием к брату и народу, желали от чистого сердца, чтобы враги, проученные Божиим судом и поражением, отклонились от своих беззаконных замыслов и с Божией помощью соединились с ними воедино. Потому и советовали они, в настоящем случае, дать место милосердию всемогущего Бога. Когда и остальные пришли к тому же убеждению, Карл и Людовик прекратили битву и разграбление и около полудня возвратились в лагерь совещаться о дальнейшем. Хотя количество добычи и пролитой крови было ужасно, но милосердие королей и их народа представлялось тем более удивительным и достойным. По некоторым причинам они решились праздновать воскресенье там же. По окончании обедни занялись погребением всех без различия, друзей и недругов, верных и изменников, и позаботились о раненых и полуживых. Затем отправили гонцов вслед за бежавшими и предложили им всем прощение, если они изъявят желание возвратиться к прежней верности. После того короли и их войска выразили сожаление о брате и о христианском народе и обратились к епископам с вопросом, как должно им поступать далее в настоящем деле. Все епископы собрались на совет и в общем собрании говорили: «Борьба шла за правду и право; победа была

одержана очевидно Божеским соизволением, а потому и советники, и исполнители должны быть принимаемы за служителей и орудие Бога; но кто в этом деле действовал по гневу, ненависти, славолюбию или по какому-нибудь другому греховному побуждению и давал советы или обнажал меч, тот должен в душе принести покаяние в содеянном им преступлении и получит воздаяние по мере своей вины». Для прославления же и возвеличения такого проявления божественной правды и для прощения грехов падшим братьям, чтобы они получили разрешение у Бога, и вместе для того, чтобы Господь явился нам и на будущее время помощником и спасителем, как он был до сих пор во всяком правом деле, ради всего этого был предписан трехдневный пост, который выдержали все с радостью и торжеством.

2. По выполнении того Людовик решился возвратиться на Рейн, а Карл счел за лучшее, по различным причинам, в особенности же для подчинения себе Пипина (II), повернуть в Аквитанию.

Окончание главы 2 и последующие за тем главы 3 и 4 заняты подробным изложением мер, предпринятых Карлом Лысым для подчинения себе приверженцев Лотаря и для истребления противной партии; так прошло все лето, от 25 июня 841 г., осень и зима до 14 февраля 842 г., когда Лотарь, после многих и неудачных попыток склонить на свою сторону Карла Лысого, снова выступил против братьев и тем принудил их вступить в более тесный союз, который они и заключили самым торжественным образом в Страсбурге. Описание Страсбургского договора составляет, как и битва при Фонтеноа, самое капитальное место в истории нашего автора.

5. Таким образом, Людовик и Карл сошлись 14 февраля (842 г.) в городе, известном прежде под названием Аргентурии (Аргенторат), а ныне его называют обыкновенно Страсбургом, и дали друг другу торжественную клятву, как она читается ниже, Людовик на романском языке, а Карл на тевтонском. Но прежде нежели была произнесена клятва, они сказали речь собравшемуся народу, один по-немецки, а другой по-романски. Людовик начал, как старший, и говорил так[1]: «Вы знаете, как часто преследовал Лотарь этого моего брата после смерти отца, и как он старался окончательно погубить его; ни братская любовь, ни христианское чувство и никакое другое средство не могли склонить его к сохранению справедливого мира с нами, потому мы решились, наконец, предать дело суду Божьему и ожидать от него решения, какого каждый заслуживает. Как вам известно, мы вышли победителями из Божьего суда; он был побежден, и его приверженцы рассеялись, куда могли. Но побуждаемые братской любовью и из жалости к христианскому народу мы не хотели его истребить; как прежде, так и теперь мы убеждали предоставить каждому свое право. Он не хотел, однако, подчиниться Божескому приговору и продолжал враждовать против меня и моего брата и опустошать наши земли огнем, грабежом и убийством. Потому мы, доведенные наконец до крайности, сошлись вместе и определили в вашем присутствии произнести клятву, чтобы вы не могли сомневаться в нашей верности и братской любви. И все это мы делаем, руководимые не беззаконными страстями, но желанием, если Бог пошлет нам мир и спокойствие, обеспечить благосостояние нашего государства. Если же я – чего упаси Боже – попытаюсь нарушить клятву, данную мной брату, то каждый из вас освобождается от повиновения и присяги, которую вы мне дали». Когда и Карл повторил те же самые слова на романском языке, Людовик, как старший, первый произнес клятву в следующих выражениях:

«Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, dist de in avant, in quant Deus savir et prodir me dunat, si salvaraeio cist meon fradre Karlo, et in adiudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar d'ist, in o quid il mi

[1] Эту речь автор приводит на латинском языке, и потому можно думать, что он не имел перед собой оригинала и только резюмировал на память, так как нижеследующую клятву братьев он привел на оригинальном языке того времени и, следовательно, имел перед глазами текст.

altresi fazet, et ab Ludher nul plaid numquam prindrai, qui meon val cist meon fradre Karle in damno sit»[1].

Когда же кончил Людовик, Карл произнес подобную же клятву на тевтонском языке:

«In Godes minna ind in thes christianes folches ind unser bedhero gealtnissi, fon thesemo dage frammordes, so fram so mir Got gewizci indi madh furgibit, so haldih tesan minon bruodher, soso man mit rehtu sinan bruher scal, in thiu, thaz er mig sosoma duo; indi mit Ludheren in nohhein in thing ne geganga, the minan willon imo ce scadhen werhen[2].

Клятва же, которую произнесли войска, каждое на своем языке, выражалась на романском языке следующим образом:

[1] Это почти единственный письменный образчик живого языка, которым говорили народы Юго-Западной Европы в IX в., сложившегося из древнего национального языка и *римской* речи, почему этот язык и называется *романским*. См. подробнее у: *Fr. Diez.* Altromaniche Sprachdenkmäle, berichtigt und erklärt nebst einer Abhandlung über den epischen Vers. Bonn. 1846.– Вот отношение, в котором стоит романский язык той эпохи к латинскому и современному нам французскому языку: pro – pour; Deo – Dien; amur – amour; christian – chretien; poblo – peuple; salvament – salut; dist de – de isto die (с сего дня); savir et prodir – savoir et pouvoir; dunat – donne; cadhuna – usque ad unum (во всем); cosa, – chose; om – homo (человек), откуда франц. on; per – par; driet – droit; d’ist – doit; fazet – faciat; ab – apud (у); Ludher – Lothair; plaid – placitum (переговоры, сношение); prindrai – prendre; vol – volonté; damno – damnum (вред).– Буквальный перевод: «Ради Божьей любви и ради христианского народа и нашего общего спасения, от сего дня и вперед, насколько Бог даст мне смысла и силы, так буду защищать этого моего брата Карла, и помогая ему, и всякими другими способами, как то должно по правде защищать брата, с тем, чтобы и он мне сделал то же самое, и с Лотарем не вступлю никогда ни в какие сношения, которые заведомо мне будут вредны этому моему брату Карлу».

[2] Вот отношение, в котором стоит древняя тевтонская речь к современной немецкой: Godes – Gottes; minna – Minne; folches – Volkes; gealtnissi от gehalten; gewizci – Gewissen; madh – Macht; bruodher – Bruder; thing – Ding; scadhen – Schaden. См. выше перевод с романского текста, в конце примеч. 1.

*«Si Lodhuwigs sagrament, quae son fradre Karlo jurat, conservat, et Karlus meos sendra (*лат. *senior) de suo part non lo stanit (*то есть *tenet), si io returnar non lint pois, ne io ne neuls cue eo returnar int pois, in nulla adjudha contra Lodhuwig nun li iver»*[1].

А на тевтонском языке:

«Oba Karl then eid, then er sineno bruodher Ludhuwige gesuor, geleistit, indi Ludhuwig min herro then er imo gesuor, forbrihchit, ob in inan es irwenden ne mag, noh ih noh thero nohhein then ih es irwenden mag, widhar Karle imo ce follusti ne wirdhic»[2].

По совершении всего этого Людовик спустился вниз по Рейну, мимо Спирона (ныне Шпейер), а Карл перешел Вогезы и через Виццунбург (ныне Вейссенбург) прибыл в Вормс. Лето, в которое произошла вышеописанная битва, было очень холодное, и все фрукты поспели поздно; но осень и зима прошли как обыкновенно. В самый день (14 февраля), когда братья и знатнейшие из народа заключили вышеупомянутый договор, наступил великий холод и выпал большой снег. В декабре, январе и феврале до самого времени собрания (в Страсбурге) была видна комета: она поднималась вверх мимо знака Рыб и исчезла после того дня (14 февраля) между знаками темного Арктура и того, который одними называется Лирой, а другими Андромедой.

Когда оба брата прибыли в Вормс, они выбрали послов и отправили их к Лотарю и саксам; вместе с тем они положили ожидать как их возвращения, так и прибытия Карломана (то есть старшего сына Людо-

[1] «Если Людовик клятву, которой он своему брату Карлу клялся, сохранит, а Карл, мой государь, со своей стороны того не сдержит, а я не буду в состоянии его удержать и в том ему воспрепятствовать, то никакой помощи против Людовика не окажу ему».

[2] См. выше перевод с романского текста; переменены только собственные имена: где Людовик, там Карл, и наоборот.

вика Немецкого), между Вормсом и Майнцом.

6. Здесь будет нелишне сказать несколько слов о добрых и достойных памяти качествах братьев (Карла Лысого и Людовика Немецкого) и о их взаимном согласии. Оба они были среднего роста, красивы собой, в одинаковой степени образованны и ловки в телесных упражнениях; оба храбры, щедры, рассудительны и красноречивы; но их святое и достойное уважения единство было выше всех тех упомянутых добродетелей. Они всегда были вместе, и каждый дарил другому по братской любви все, что имел ценного и дорогого. В одном доме они ели и спали; частные и общественные дела обсуждали вместе, и ни один не требовал ничего у другого, что по его убеждению не было бы полезно и годно для того. Для телесных упражнений они часто устраивали воинские игры. Тогда они сходились на особо избранном с этой целью месте, и в присутствии теснившегося со всех сторон народа большие отряды саксов, гасконцев, австразиев и бретонцев бросались быстро друг на друга с обеих сторон; затем одни из них поворачивали своих лошадей, и прикрывшись щитами, искали спасения в бегстве от напора врага, который преследовал бегущих; наконец, оба короля, окруженные отборным юношеством, кидались друг на друга, уставив копья вперед, и подражая колебанию настоящей битвы, то та, то другая сторона обращалась в бегство. Зрелище было удивительное по своему блеску и господствующему порядку: так что при всей многочисленности участвовавших и при разнообразии народностей никто не осмеливался нанести другому рану или обидеть его бранным словом, что обыкновенно случается даже при самом малочисленном сборище, и притом состоящем из людей, знакомых друг с другом.

В последней главе (7) третьей книги автор рассказывает коротко, как Лотарь не хотел даже и выслушать послов, вследствие чего братья предприняли снова поход против него, разбили его приверженцев, защищавших переход через Мозель, и принудили тем Лотаря удалиться совершенно из своего государства в Прованс, где он и утвердился на Роне.

Четвертая книга

Как я сказал, мне должно радоваться не только тому, что я, наконец, имею возможность отдохнуть от этой работы, но еще более мне приятно, вследствие некоторых причин и неудовольствий, думать постоянно и серьезно о том, каким образом мог бы я совершенно освободиться от общественных дел. Но моя судьба переносит меня то туда, то сюда, и к моей беде вертит мной без сострадания в это смутное время; так что я не знаю, в какой гавани спокойствия могу теперь укрыться[1]. Между тем, почему же мне не употребить свободного времени, как то и было приказано, на письменное изложение воспоминаний о подвигах наших государей и их вельмож? Потому-то я и хочу начать четвертую книгу своей истории; если впоследствии у меня недостанет сил на то, то по крайней мере теперь я постараюсь по мере своих средств рассеять облако заблуждений и лжи.

1. Когда Людовик и Карл получили верные известия об окончательном удалении Лотаря из государства, они отправились (март, 842 г.) в Ахен, который был в то время столицей Франции (то есть Нейстрии), и на следующий день после прибытия совещались, как должно распорядиться с народом и государством, покинутыми их братом. Немедленно было предложено передать это дело на обсуждение епископов и пресвитеров, находящихся там в большом числе; при помощи их совета хотели узнать, как следует Божией помощью утвердить и укрепить все совершившееся. Это предложение было принято, и дело передали духовным. Духовенство проследило все совершенное Лотарем с самого начала: как он изгнал своего отца из государства, как принуждал к вероломству христианский народ, как сам нарушил клятву,

[1] Автор намекает на новые тревоги, которые ему предстояли по случаю его назначения членом комиссии разделения империи между братьями, о чем см. ниже гл. 1. Без сомнения, такое близкое участие в последующих событиях 842 г. заставило нашего автора снова взяться за перо и присоединить четвертую книгу к первым трем.

данную отцу и братьям, сколько раз искал погубить и лишить наследства братьев после смерти отца, сколько испытала церковь Божия насилий, разврата, пожара и стыда вследствие его недостойного корыстолюбия, как мало он показал способности к управлению государством и как, наконец, никто не может указать ничего доброго в его царствовании. На основании этих причин он не незаслуженно, но по справедливому приговору Божеского суда, потерял сначала битву, а потом и государство. Это мнение было выражено всеми единогласно, а именно, что наказание Господне постигло его по собственным грехам и что ныне перст Божий указывает передать лучшим братьям его государство, чтобы оно лучше могло управляться. Но духовенство не хотело вручить власть братьям без того, чтобы не сделать им всенародного вопроса: как они намерены управлять государством – по образцу ли низложенного брата или по воле Божией? Когда же короли отвечали, что они будут править и царствовать, насколько Бог даст им разума и сил, по Его воле, епископы провозгласили: «И по воле Божией мы просим, убеждаем и повелеваем вам (то есть Карлу и Людовику) принять это государство и править им по воле Господней». Тогда каждый из братьев избрал по 12 человек (в числе которых был и я) для разделения государства, и как они присудят разделить страну между двумя, так короли и согласятся на то; при делении же было принято за основание не плодородие местностей и не равенство частей, но то, чтобы отдельные части одного и того же короля лежали друг возле друга и удобно соединялись. На основании того Людовик получил всю Францию[1].

[1] В этом месте и за словами «Карл же» в манускриптах недостает несколько страниц. Хотя это разделение и было уничтожено вскоре Вердюнским договором, но тем не менее нельзя не сожалеть о пропуске, потому что разделение было сделано людьми опытными и на основаниях рациональных и государственного интересов; потому подробности деления могли бы служить данными для заключений политических, этнографических и филологических, указав черту, отделявшую племена и языки.

....

Карл же ....

2. Когда это было окончено, каждый из королей обратился с приветствием к тем различным народностям, которые следовали за ними, и взял с них клятву в верности на будущее время. Карл пошел за р. Маас устраивать свое государство; Людовик же направился на Кёльн по поводу саксонских дел. Но я намерен при этом сказать несколько подробнее об истории саксов, так как она представляется мне чрезвычайно важной[1]. Еще император Карл, справедливо названный у всех народов Великим, обратил, как всякому известно, саксов из идолопоклонства в истинную христианскую веру. С самого начала они обнаруживали при многих случаях достоинство и великую храбрость. Весь народ саксов разделен на три сословия: одни на их языке называются edhilingi, другие frilingi, третьи lazzi, то есть благородные, свободные, и рабы[2]. Во время борьбы Лотаря с братьями «благородные» разделились на две партии, из которых одна держала сторону Лотаря, а другая – Людовика. Когда Лотарь в своем печальном настоящем положении увидел, что, вследствие победы его братьев, народ (как видно из этого места, летописцы очень часто называли народом отдельное сословие, а иногда войско), бывший на его стороне, начал угрожать отложением, тогда побуждаемый крайностью, он решился искать союзников и помощников всеми средствами, ка-

[1] Это отступление автора не оценено: оно дает нам на отдельном случае понять истинное значение борьбы детей Людовика как явления, тесно связанного с сословными и даже с социальными интересами того времени; так, в Саксонии, как видно у автора, эта борьба произвела целую революцию между поземельниками и собственниками.

[2] Edhilin, по диалект. adalin, происходит от Adal, род, корень которого athan означает рождать; это было сословие, права которого приобретались происхождением. Frilingi от fri, свободный; свобода этого сословия относилась к его поземельной собственности, освобожденной от податей и налогов. Lazzi, или latzi, от прилагат. laz, ленивый, медленный, откуда новейш. letzter, последний; так назывались лично свободные, но несшие подати; при Каролингах они впали даже и в личную зависимость de facto, а потому наш автор переводит это название последнего сословия словом: «рабы».

кие были у него под рукой. С этой целью он разделил государственную собственность между частными людьми и отдал им во владение; другим роздал привилегии, а иным обещал в случае победы то же самое; для того он отправил к саксам послов и приказал дать надежду фрилингам и лацщам, число которых было весьма велико, на возвращение древнего закона, которым они пользовались еще во времена своего язычества, если только они примут его сторону[1]. Приведенные в восторг таким обещанием, они (то есть мелкие собственники, фрилинги, рабы, лацци) дали себе новое название: stellingi[2], собрали огромное войско, выгнали почти всех своих господ из страны и начали жить по древнему порядку, каждый по закону, какой ему был угоден. Сверх того, Лотарь призвал к себе на помощь норманнов и дал им во владение часть христианских земель и свободу грабить прочие христианские народы. Вследствие того Людовик был весьма озабочен тем, что норманны и славяне, соседние с саксами, могут соединиться с теми стеллингами, вторгнуться с завоевательной целью в империю и истребить христианскую веру в тех странах; вот потому-то, как мы сказали выше, Людовик поспешно отправился[3]........ и старался всеми мерами предохранить империю от всякого несчастья, чтобы то ужасное зло не разразилось над святой церковью.

После того Людовик через Тионвилль, а Карл через Реймс, оба прибыли в г. Виридун (ныне Verdun) для взаимных совещаний, какие меры принять в будущем.

В главе 3 автор возвращается к Лотарю, который после Страсбургского договора братьев и поражения его приверженцев даже в Саксонии решился сам просить мира у братьев; по этому случаю автор описывает предварительные переговоры сторон, посольство Лотаря к братьям и ответ последних; наконец, враги решаются завершить дело личным свиданием, а Лотарь отправляется к Людовику и Карлу, которые находились в то время близ г. Мадаско (ныне Macon на р. Сан) и ожидали брата. Если Страсбургский договор был заключен 14 февраля 842 г., то в марте и апреле того же года братья занимались устройством новоприобретенных земель и покорением партизанов Лотаря, как, например, в Саксонии: в мае могли начаться переговоры Лотаря с братьями, и только в июне 842 г., ровно два года спустя после смерти Людовика Благочестивого и год после битвы при Фонтеноа, братья увиделись в первый раз и положили начало тому порядку вещей, который был окончательно утвержден только в 843 г., по Вердюнскому договору, но описание автора заканчивается октябрем 842 г.

4. Таким образом, в половине июня (842 г.) Лотарь, Людовик и Карл в сопровождении равного числа знатных сошлись вместе при г. Мадаско (ныне Macon) на острове, называемом Ансилла: они клялись друг другу, начиная с этого дня и впредь, сохранять мир и на всеобщем собрании, как определят их послы, разделить всю империю, за исключением Лангобардии, Баварии и Аквитании[1], на три части; Лотарь будет иметь право выбора из этих частей, а затем каждый должен, получив свою часть, помогать во все дни своей жизни брату сохранить свое владение под условием, что всякий поступит точно так же в отношении другого. После того, обменявшись приветствиями, они разошлись с миром по своим лагерям с тем, чтобы на следующий день совещаться об остальном. И хотя с большим трудом, но наконец они пришли к решению, что до съезда, назначенного на 1 октября, каждый король должен жить мирно в своем государстве, где ему то будет угодно. Король Людовик удалился в Саксо-

---

[1] Следовательно, Лотарь прибегнул к вооружению низших сословий против высшего и должен был произвести демократическое движение; очевидно, Людовик явится защитником аристократии; все это нисколько не мешало им при других случаях защищать прямо противоположные интересы.

[2] По Дю-Канжу (Glossar), stelling состоит из stel – старый, lling – сын, то есть «дети старого закона». Какова бы ни была этимология этого названия, стеллинги напоминают собой багаудов последнего времени Римской империи.

[3] Пропуск в тексте.

[1] Из оснований этого деления видно, что династические интересы Каролингов были тесно связаны с национальными интересами; Италия, Германия и Галлия Романская исключаются из деления и получают свои династии; обширная же страна, лежавшая между ними, рассматривается как добыча и делится подобно частному поместью.

нию, а Карл – в Аквитанию для устройства этих земель; Лотарь же, зная, на какую часть падет его выбор, отправился на охоту в Арденнский лес и лишил всех знатных их имений и почетных званий за то, что они, поставленные в необходимость, когда он оставил государство, отвернулись от него. Людовик напал с честью на мятежников в Саксонии, называемых, как мы сказали, стеллингами, и покорил их, но не иначе, как предав всех смерти, по закону. Карл же загнал своего племянника Пипина (II) в Аквитанию; но так как он весьма искусно укрывался, то Карлу ничего не оставалось делать, как вручить защиту страны герцогу Варину (в Оверни) и другим, оставшимся ему верными. В то же время Эгфрид, граф Тулузы, захватил в плен высланных против него приверженцев Пипина, множество же других осталось на месте сражения.

После того Карл отправился на север по случаю свидания, которое он назначил Людовику в Вормсе[1]. Когда же 30 сентября он проезжал мимо Метца, Лотарь уже находился в Тионвилле, куда он перебрался, в противность заключенным условиям, с целью быть ближе к месту собрания (то есть послов той и другой стороны, которое было назначено на 1 октября для разделения государства). Вследствие того послам со стороны Людовика и Карла, отправленным для разделения государства, показалось небезопасным заниматься в Метце разделом, когда их государи стоят в Вормсе, а Лотарь в Тионвилле, так как Вормс отстоит от Метца почти на 17, а селение Тионвилль всего на 8 миль. Они думали, что Лотарь часто обнаруживал готовность обманывать своих братьев, и потому было бы смело доверяться ему без всякого поручительства. Вследствие того Карл, заботясь об их безопасности, послал сказать Лотарю, что, так как он в противность уговору явился в Тионвилль и утвердил там свое пребывание, то если желает, чтобы его послы и послы брата остались в Метце, он должен дать заложников, чтобы они имели уверенность в безопасности своих; если же он на это не согласен, то пусть отправит своих посланных к ним в Вормс, и они дадут ему заложников, сколько он пожелает; наконец, третье предложение состояло в том, что короли должны были избрать места жительства на равном расстоянии от Метца; если же и это не будет ему угодно, то послы должны сойтись в какой-нибудь местности, лежащей посередине, и по его выбору; во всяком случае, он не должен легкомысленно пренебрегать безопасностью стольких знатных мужей. В самом деле, для этой комиссии было выбрано из среды *народа* (это выражение опять должно понимать в духе того времени, то есть из среды высшего сословия) 80 человек, все знатного происхождения, и потеря которых была бы огромным несчастьем для него (Карла) и для его брата. Наконец, к обоюдной выгоде решили там, чтобы послы братьев числом 110 человек без всяких заложников сошлись в Конфлуенте (ныне Кобленц, при слиянии Мозеля и Рейна) и там совершили бы разделение государства по праву и справедливости.

5[1]. И когда они собрались 18 октября (842 г.), то во избежание ссоры между их людьми одна часть послов, со стороны Людовика и Карла, разместилась на восточном берегу Рейна (где ныне прусская крепость Эренбрейтштейн), а посланники Лотаря – на западном (где расположен самый город Кобленц). Каждый день они сходились для взаимных совещаний в монастыре св. Кастора (ныне церковь того же святого на набережной города). Так как послы Людовика и Карла предложили несколько вопросов по поводу разделения империи, то начали искать, нет ли кого-нибудь между ними, кто имел бы обстоятельные сведения о всей империи. Но не нашлось ни одного такого, и явился вопрос: почему послы в промежуток времени от июня до октября не объездили государства и не приготовились к своей трудной

[1] Автор говорит в этом месте очень сжато и потому не довольно ясно: в Маконе братья избрали доверенных, которые и должны были собраться в Метце 1 октября, но короли должны были оставаться в отдалении, чтобы не стеснять свободы действий комиссии, занимавшейся разделением государства.

[1] Эта глава особенно интересна из-за подробностей дипломатии того времени.

работе? На это отвечали, что Лотарь вовсе не желал того, а послы Карла и Людовика объявили, что, не имея точных познаний об империи, они не могут составить справедливого разделения. Далее они возражали: как можно давать клятву произвести деление, по мере знания дела и средств, когда известно, что такое деление невозможно без знакомства с империей? Вследствие того дело было перенесено на решение епископов. Когда все епископы собрались для совещания в церкви св. Кастора, то те из них, которые были на стороне Лотаря, говорили: «Если клятва будет и не совсем безгрешна, то после можно принести покаяние; все же лучше сделать хотя как-нибудь, нежели продолжать терпеть разграбление церквей, пожары, убийства, распутство и тому подобное». Но те, которые стояли на стороне Карла и Людовика, возразили: к чему же грешить против Бога тем или другим способом, когда можно избежать и того и другого; гораздо лучше заключить пока мир, а между тем разослать послов по всей империи для изучения ее; тогда можно будет дать справедливую клятву произвести деление по праву и справедливости и потом сдержать ее; так, говорили они, мы избегнем всякой зависти и других пороков, если только не помешает ослепление. Вследствие того они не хотели ни сами действовать против клятвы, ни допустить других до того. Но так как они не могли сговориться, то и разошлись по домам. Однако им удалось еще раз сойтись в одном доме, и сторонники Лотаря объявили, что они готовы заняться делением, как клялись в том; но сторонники Людовика и Карла продолжали настаивать на том, что и они считали бы себя готовыми, если бы могли сделать дело по смыслу клятвы. Наконец, когда никто без согласия своего государя не решался ни на что, то они определили заключить мир, пока не узнают, которое из предложений будет принято их государями. Так как полагали, что это может быть решено к 13 ноября, то они и разошлись, заключив мир именно до этого дня. В этот день почти во всей Галлии произошло сильное землетрясение, и в этот же день нашли тело знаменитого Энгельберта, похороненного в Центуле (монастырь св. Рикье, St. Riquier, на Сомме, близ ее устья, на правом берегу) за 29 лет перед тем, нисколько не испортившимся, хотя оно не было набальзамировано. Этот муж происходил из знатного рода; Мадельгауд, Ричард и он были братья и пользовались большим уважением со стороны Карла Великого. Энгельберт же, женившись на дочери императора, Берте, имел двух сыновей: Гарнида и меня, называемого Нитгардом (автор нашей истории). Он построил в Центуле удивительную церковь в честь всемогущего Бога и св. Рикария (St. Riquier) и с достоинством управлял вверенной ему братией. Окончив жизнь свою благополучно в мире, он и теперь покоится в Центуле. После этого краткого отступления возвращаюсь к своему рассказу.

6. Когда, как было сказано выше, послы возвратились к своим королям и известили их о случившемся, то по недостатку средств и по случаю приближения зимнего времени, а более потому, что знатные из народа вовсе не желали возобновления борьбы, братья принуждены были согласиться на заключение мира, который продолжится до Иванова дня (24 июня 843 г.) и еще 20 дней после того (то есть до 13 июня 843 г., следовательно, всего на 8 месяцев, считая от дня заключения мира, 13 ноября 842 г.). Для окончания этого дела со всех сторон съехались знатные и клялись, что короли сохранят взаимный мир и что ничего не будет упущено для справедливого разделения империи; Лотарь же удерживает за собой право выбора, как то было клятвенно определено. Затем каждый отправился куда хотел. Лотарь пошел на зиму в Ахен, Людовик – в Баварию, а Карл – в г. Каризиаке (ныне Kiercy) для празднования своей свадьбы.

В конце главы изложены частные меры Карла и Людовика по устройству своих государств. Свадьба Карла и Гирментруды, дочери графа Бозо, праздновалась 14 декабря 842 г.; по случаю такого позднего времени года – с 842 на 843 г. – автор завершает главу заметкой о зиме: «Зима же эта,– говорит он,– была необыкновенно сурова и продолжительна[1], породила много болезней и произвела дурные последствия для земледелия, скотоводства и в особенности для пчеловодства».

---

[1] Из этого замечания можно заключить, что он окончил свой труд не ранее марта или даже апреля 843 г.

Такая метеорологическая заметка дала повод автору в последней главе своей четвертой книги поразмышлять в духе того времени о связи физических явлений с нравственным порядком вещей.

7. Из этого обстоятельства (то есть из суровости зимы с 842 на 843 г. и ее дурных последствий) каждый легко может увидеть, как наказывается человек за свое безумие, и до какой степени развращена наша общественная и частная жизнь, если всемогущий Творец в своем гневе дошел до того, что направил все стихии против такого безумия. Я могу справедливость того доказать многими примерами, известными каждому человеку. В самом деле, при великом Карле, блаженной памяти, умершем почти 30 лет тому назад (следовательно, автор пишет в 843 г.), повсюду господствовали мир и согласие, так как народ следовал в своей жизни по прямому, то есть истинному и боговдохновенному пути: ныне же повсюду господствуют вражда и раздоры, ибо каждый желает идти особенной дорогой сообразно своим личным стремлениям. И в то время везде было изобилие и радость, теперь же ничего нет, кроме бедствия и печали. И как прежде стихии являлись благосклонными для всего, так теперь они враждуют и наносят нам вред, как сказано о том в Писании, дарованном в нашу пользу Божией благодатью: «И земля будет бороться с нечестивыми». В то же самое время, 20 марта, произошло лунное затмение, и ночью выпал большой снег, что опечалило всех, как справедливое наказание со стороны Господа. Я сообщаю об этом потому, что с того времени начали распространяться повсюду грабежи и всевозможные разбои, а суровость времени отняла и последнюю надежду на лучшее.

Historiarum libri IV. 814–843 a. У *Pertz.* Monum. II, c. 649–672.

Регино

ОТНОШЕНИЕ ПАП К СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Процесс Лотаря II. 864–869 гг. (в 906 г.)

В год воплощения Господня 855-й Лотарь (I, император, старший сын Людовика Благочестивого), созвав всех знатнейших людей своей страны, разделил государство между сыновьями: Людовик (II) получил Италию с титулом императора, его соименный сын наследовал страну, которая носит его имя (Lotharii regnum – Лотарингия); наконец, Карл, самый младший, приобрел Прованс. Распорядившись таким образом и устроив все дела, Лотарь (I) простился со своими, покинув всех, и отправился в Прюмский монастырь (Prumia)[1]. Там он постригся, принял монашескую одежду и кончил свои дни 29 сентября в облачении своего ордена.

В год в. Г. 856-й король Лотарь (II) взял в жены королеву Титбергу; этот союз породил великое бедствие не только для него самого, но и для всего его государства, как то будет совершенно ясно из последующего.

В год в. Г. 858-й король Карл, сын императора Лотаря, правивший Провансом, умер, и по поводу наследства его владений произошло великое междоусобие короля Лотаря (II) с его дядей Карлом (то есть II, Лысым).

В год в. Г. 859-й Лотарь (II) наделил аббата Губерта герцогством между Юрой и Юпитеровой горой (ныне Большой С. Бернар), потому что вполне рассчитывал на его верность, будучи женатым на его сестре Титберге.

Под годами 860–863-м автор хроники описывает события, касавшиеся Людовика Немецкого и Карла Лысого, упуская из виду Лотаря II.

В год в. Г. 864-й король Лотарь начал отыскивать предлоги к разводу с королевой Титбергой, которую он возненавидел из-за

---

[1] Близ Трира.

Вальдрады, своей наложницы, известной ему еще в молодости, когда он жил у отца. Вальдрада любила его с величайшей страстью, внушенной ей дьяволом. Потому король, сначала секретно через послов, а потом и лично, сделал коварные предложения Гунтару, епископу города Кёльна, бывшему в то время архикапелланом, по поводу развода, а чтобы легче склонить его на свою сторону, король обещал жениться на племяннице самого епископа, лишь бы он, через посредство своих и чужих епископов согласился развести его с Титбергой из-за известными причинами. Гунтар, как человек легкомысленный, предался этому делу со всей ревностью, и к этому побуждала его одна суетная надежда, как то впоследствии обнаружилось. Потом он отправляется по поводу этого же обстоятельства к Титгауду, епископу Трирскому, человеку недалекому и мало сведущему в Священном Писании, а еще менее в канонических правилах; представляет ему цитаты из обоих Заветов, которые он толкует совершенно иначе, нежели как то учит церковь, и влечет за собой этого недальновидного человека в пропасть, оказывая ту услугу, которую оказывает слепой слепому. Итак, все удалось, что было нужно для такого ослепления. Они созвали собор в Метце, поставили перед ним королеву, пригласив ее на основании канонов, ввели свидетелей, представили письменные доказательства, из которых явствовала ее вина, и заверили всех, что сама Титберга призналась в преступных связях со своим родным братом. Вслед за тем прочли предписание св. отцов о кровосмешениях, по которым такие лица не только разводились с мужем, но им запрещался всякий брак и налагалось покаяние по мере вины; посредством такого сплетения лжи король увидел, наконец, исполнение своих давнишних желаний.

Вскоре затем они назначили вторичный собор в Ахене, к которому король и обратился с письменной жалобой. Там было написано, что король по поводу известной женщины, называемой Титбергой, был обманут честолюбием вероломных людей, и даже – это он повторил с особенным ударением – был принужден приговором епископов к разводу; но если Титберга была бы достойна брачного ложа и не была бы запятнана кровосмешением, за что и осуждена всенародно на основании собственного признания, то он согласился бы оставить ее при себе; далее он объявлял, что он невоздержан и при своей молодости не может оставаться без брачных связей. Тогда были принесены акты различных соборов, отобрано в них все, что говорилось о кровосмешении, и по прочтении того составился

РЕГИНО (REGINO PRUMIENSIS ABBAS. Конец IX – начало X в.). В 892 г. он стал аббатом одного из главных монастырей Германии, именно в Прюме, на реке того же названия, близ Трира. Монастырь был основан в 763 г. Пипином Коротким и, благодаря усердию Каролингов, был знаменит и своими богатствами, и своей школой. Лотарь I кончил там свою жизнь; вспоследствии умер там и Гуго, сын Лотаря II и Вальдрады. О прежней жизни Регино мы знаем только одно, что он родился близ Мангейма и был потому первым летописцем, писавшим на Немецкой земле. В 900 г. по интригам врагов он лишился аббатства и ушел в Трир, где и написал свою хронику, доведенную им до 907 г. и посвященную Адальберу, епископу Аугсбургскому, воспитателю Людовика Дитяти. Вся хроника делится на две части: 1) «Время воплощения» от Р. Х. до смерти Карла Мартелла; 2) «Деяния франкских королей» до 907 г. Первая часть не имеет никакого значения, как сокращение других известных хроник; вторая же часть важна по многим документам, которые он поместил в своей хронике, так, по поводу процесса Лотаря II; но помимо того хроника изобилует ошибками, и все известия ее могут быть приняты только по поверке их другими летописцами.

Издания: *Pertz.* Monum. I, с. 537–612 Переводы: немецк. *Dümmler*. Berl. 1857, в Geschichts. d. d. Vorzeit. Lief. 30 (ц. 90 пф.). Критика: *Bähr.* Gesch. der rxmischen Liter. in Karoling. Zeitalt., с. 184–186; 535–538.

следующий окончательный приговор: «Мы признаем ее недостойной, незаконной и неодобренной Богом женой, так как она, по собственному признанию, обвинена в кровосмешении. Потому мы разрешаем нашему преславному государю, – так как не только мы, но и власть канонов воспрещает ему брак с кровосмесительницей,– хотя и несообразную с законами связь, но допущенную Богом за его благочестивую преданность Господней службе и за победоносную защиту империи, как на то дает согласие и апостол, говоря: «Лучше жениться, чем гореть страстью (I Коринф., 7, 9)». После всего этого Вальдрада начала являться публично, окруженная многочисленной свитой, и весь королевский двор громко называл ее королевой. Племянница же епископа Гунтара была приведена к королю и, как рассказывают, претерпела один срам и затем с насмешками была возвращена к своему дяде. Но по настоянию братьев королевы Титберги все это было доведено до сведения Папы Николая (I), который в то время (с 858 г.) стоял во главе Римской церкви.

В год в. Г. 865-й Агано и Родоальд (итальянские епископы) были отправлены послами от апостольского престола в Галлию для исследования, так ли действительно происходило дело, как то было донесено первосвятителю; прибыв во Францию (в Лотарингию), они были подкуплены деньгами и потому склонились в пользу более неправых, чем правых. Но когда они предстали перед королем, объясняя ему цель своего посещения, то получили от него в ответ, что он не сделал ничего другого, как то, что ему предписали епископы его государства на всеобщем соборе. Послы же дали королю совет отправить в Рим тех епископов, которые председательствовали на соборе для устного и письменного оправдания перед вселенским Папой. Затем они, награжденные большими подарками, возвратились в Рим и объявили своему верховному владыке обо всем, что они слышали и видели в Галлии, присоединив к тому, что в государстве Лотаря они не нашли ни одного просвещенного епископа, который имел бы основательные познания в каноническом праве. Между тем архиепископы Титгауд и Гунтар отправились в Рим с намерением, как представить невинным Лотаря в упомянутом деле, так вместе и доказать, что они сами в совокупности с прочими соепископами действовали только на основании церковных и апостольских постановлений и их следовало бы считать безумцами, если бы они осмелились обмануть ложью престол св. Петра, который ни в чем не погрешает и не может быть обманут какой-нибудь ересью. Допущенные к Папе Николаю (I), они представили ему протокол, заключавший синодальные постановления, утвержденные на соборах в Ахене и Медиоматрике (ныне Метц). Когда нотарий прочел это в присутствии всех, верховный владыка спросил, могут ли они теперь лично подтвердить сказанное в протоколе: Они отвечали, что невозможно опровергать того на словах, что они собственноручно скрепили. Таким образом, не давая уверения лично и не отказываясь, они были отпущены по домам до нового призыва. По прошествии нескольких дней их пригласили на собор, созванный Папой, где протокол, доставленный ими, был осужден и предан проклятию, а они сами с согласия всех епископов, пресвитеров и дьяков были низложены и лишены всякого церковного достоинства. Обесчещенные таким постыдным образом, они обратились к брату короля Лотаря, императору Людовику (II), находившемуся в то время в землях беневентских, подав при этом письменную и словесную жалобу на то, что их низложили несправедливо, что тем нанесена обида всей святой церкви и самому императору, так как никогда не было слыхано, чтобы какой-нибудь архиепископ был свергнут без согласия государя и прочих архиепископов. Они присоединяли к этому еще и многое другое, возводя на Папу обвинения, которые я считаю излишним приводить здесь в надежде, что через заступничество императора и его вмешательство они успеют очистить себя от обвинений и вместе возвратят свое прежнее достоинство. Но их надежда была обманута, хотя император желал от всего сердца помочь им. Титгауд, покорно перенося обрушившееся на него низведение, не касался ничего, что относилось к богослужению

по прежнему его званию; но Гунтар, напротив, кичась своим упорством, пренебрегал апостолическим отлучением и не отказывался от снятого с него звания. Оба они возвратились во Францию, покрытые достаточным стыдом. Явившись во второй и третий раз к апостольскому престолу с просьбой о восстановлении их чести и звания, они впали, наконец, в болезнь во время пребывания в Италии и умерли на чужбине, как отлученные, потому что были приобщены Св. Тайн только наравне с простыми мирянами.

В год в. Г. 866-й был послан во Францию Арсений, канцлер и советник Папы Николая, вместо самого Папы; прибыв туда, Арсений обнаружил такую власть и влияние, как будто бы он был первостепенным епископом. Созвав епископов на собор, он отправил к королю Лотарю предложение избрать одно из двух: или примириться со своей женой, прекратив все сношения с наложницей Вальдрадой, или, в противном случае, он и все, поддерживающие его в преступных намерениях, будут поражены мечом отлучения. Поставленный в такое затруднительное положение, Лотарь, худо ли, хорошо ли, был вынужден соединиться со своей женой Титбергой, дав в то же время клятву держать ее вперед, как то следует, законной женой, по всем правилам справедливости, не удаляя ее от себя и не вводя к себе в дом никого другого, в течение всей своей жизни. Затем Арсений повелел, чтобы Вальдрада по воле Бога и св. Петра и по предписанию своего господина Папы отправилась в Рим и дала ответ. Епископам же всем он объявил, что Энгильдруда, жена графа Бозо (брата, как полагают, Губерта и Титберги, обвиненных в кровосмешении), была отлучена апостольским престолом от церкви за то, что оставила своего мужа и ушла в Галлию вместе со своим вассалом; это отлучение он повторил вместе со всеми присутствовавшими епископами.

После того Энгильдруда предстала перед Арсением в городе Вормсе, где этот епископ встретился с королем Людовиком (Немецким). Она в присутствии его послов дала следующую клятву: «Я, Энгильдруда, дочь покойного графа Матфрида и бывшая жена графа Бозо, клянусь вам, мой господин Арсений, посланник и канцлер великого, святого, католического и апостольского престола, а через вас и моему господину Николаю, верховному владыке и вселенскому Папе, во имя Отца и Сына и Св. Духа, над этими четырьмя Евангелиями Господа Христа, которые я целую и на которые возлагаю свою руку, что я, отложив всякую вражду, оказанную своему мужу Бозо, как заблудшая овца, возвращусь к святой Католической и Апостолической церкви с обязательством, которое на меня возложил государь Николай, верховный владыко и вселенский Папа, отправиться с вами или после вас в Итальянское государство и все, предписанное им, исполнить неотлагательно». Но все же она не исполнила такую страшную клятву. А именно, она отправилась вместе с Арсением до Дуная, а там уверила его, что желает навестить одного своего родственника, чтобы достать у него лошадь, и обещала возвратиться к нему в город Августу (ныне Аугсбург). Прикрывшись таким предлогом, она повернула назад и воротилась из Алеманнии во Францию; когда Арсений узнал о том, он отправил послание ко всем архиепископам, епископам и пресвитерам и ко всем верным св. Господней церкви, пребывающим в Галлии, Германии и Нейстрии, заклиная их властью всемогущего Бога и блаженных князей апостолов Петра и Павла, равно как и господина епископа и вселенского Папы Николая, не принимать ее в своей епархии и во всех своих церквях проповедовать, что она совершенно отлучена и изгнана из христианского общества, как осужденная за богопротивные преступления, пока не принесет покаяния перед государем Папой.

Упомянув об этом событии в главных чертах, возвращаюсь к плачевным делам короля Лотаря. Посланник апостолического престола, исполнив свое поручение в Галлии, возвратился в Рим, откуда был прислан. И опять усилиями Вальдрады и ее клевретов сердце короля было воспалено против Титберги; ненависть овладела им, и снова вышел наружу огонь, скрывавшийся под остывшим пеплом вражды и раздора. Титберга была по-прежнему презираема, преследуема, удалена; появились жалобы на ее

неверность, и начали придумывать всевозможные причины, чтобы наказать ее за виновность. Тогда она, предвидя опасность, угрожавшую ее жизни, убежала тайно и, прибыв к Карлу (II, Лысому), отдала себя под его защиту; едва лишь узнал о том Папа Николай, по дошедшим до него слухам, как отправил к нему одобрительное послание следующего содержания: «Мы полагаем, что между всеми благочестивыми сподвижниками св. церкви и мужественными защитниками истины, никто не был более озабочен унижением преславной королевы Титберги, никто не оказал более сожаления к ее бедствиям, как ваше благочестивое сердце». После нескольких других поощрительных слов Папа присоединил еще: «Мы желаем довести до сведения вашей светлости, как король Лотарь притеснял всеми мерами свою жену Титбергу и подвергал ее бесчисленным мучениям в противность данной им присяги, так что она теперь должна поневоле писать нам, что желала бы отказаться и от королевского сана, и от брачных уз, довольствуясь уединением частной жизни. Мы писали ей, что ее желание может быть исполнено только в том случае, если муж ее Лотарь решится на подобную же участь. Между тем нами получено известие от многих, что Лотарь намерен созвать собрание и предать Титбергу суду. Его намерение состоит в том, чтобы совершенно развестись с ней и, если ему удастся, доказать клеветой или какой-нибудь хитросплетенной ложью, что она не была его законной женой. В противном случае он соглашается принять ее в свой дом, как жену, но немедленно обвинит ее в неверности и предоставит решение дела поединку между кем-нибудь из своих людей и приверженцев Титберги. Если падет защитник королевы, тогда он полагает немедленно предать ее смерти. Но в какой степени все это противно Божеским законам, я надеюсь, ваша великая мудрость может усмотреть то сама. Но и мы со своей стороны намерены в непродолжительном времени предоставить некоторые соображения и прежде всего уверить, что Титберга по поводу происшедшего раздора не имеет права требовать перерешения дела, потому что то, что было уже раз надлежащим образом порешено с присоединением клятвы, то не может быть взято назад, если не будет на то высшей воли. Далее, так как она искала убежища у церкви и требовала церковного суда, то ее нельзя подвергнуть никакому светскому суду. Но мы были призваны судьей обеими сторонами, а именно и Лотарем, и Титбергой, и рассматривали дело обоих, а потому невозможно обратиться с тем же делом к какому-нибудь другому судье: и в святых церковных законах не дозволяется апеллировать от судьи, избранному по обоюдному согласию; даже и в тех случаях, когда допускается апелляция, она дозволена только от низшего судьи к высшему. А так как нет власти, которая стояла бы выше власти апостольского престола, следившего за делом их обоих, то мы и не знаем, кому может быть дозволено судить приговоры Папы и изменять его определение». Сказав еще несколько слов, Николай продолжает так: «Кто же не видит, что жалоба Лотаря на неверность Титберги совершенно несправедлива? А именно, если она, так он утверждает, не жена ему, то как же он может обвинить ее в супружеской неверности: если она ничья жена, то не могла нарушить никакого брака; если же Лотарь продолжает обвинять ее в неверности и готовит ей наказание за то, он необходимо должен признать ее своей женой». Несколько ниже затем Папа продолжает так: «Сверх того, если бы и было должно решить вопрос о самом брачном союзе или о жалобах на супружескую неверность, то, очевидно, Титберга никаким образом не может начать иска против Лотаря, ни быть подвергнута суду на законных основаниях, если предварительно не возвратится на время под его власть и вместе не сохранит свободы сноситься со своими приверженцами. Эти последние должны выбрать для суда такое место, где не было бы опасности подвергнуться насилию со стороны большинства и где не было бы трудно доставить свидетелей и прочих лиц, которые предписаны на случай подобного рода тяжбы святыми канонами и достопочтенными римскими законами. Впрочем, мы говорим это не с тем, чтобы так это и было сделано, потому что, как мы выше сказали, без

нашего соизволения и без нашего согласия ничего не может быть предпринято».

Этот же самый святейший епископ, воспаленный той же ревностью о Господе, какая воодушевляла некогда первосвященника Финееса (4, Моис. 25, 11), отлучил Вальдраду от церкви св. Петра в самый день очищения св. Богородицы Марии (2 февраля 866 г.) и лишил ее всякого общения с христианами; в то же время он отправил послание (от 13 июня 866 г.) ко всем епископам, обретающимся в Германии и Галлии, с объяснением причин и формы отлучения. Краткости ради я намерен привести его не столько слово в слово, сколько излагая одно общее содержание:

«Сперва мы намеревались произнести менее строгий приговор над преступной и упорствующей в своей нераскаянности Вальдрадой и подвергнуть ее менее тяжкому наказанию по сравнению с тем, чего она заслуживала за свои тяжкие грехи, если бы она не решилась в своей закоснелости пребывать постоянно в грязи своего несчастия. А потому, так как она пренебрегла нашими предостережениями и частными увещаниями, не признав до сих пор своей виновности и не принеся покаяния, и не подумала испросить через наше посольство прощения у нас, когда мы взяли на себя рассмотрение ее дела, наконец, вместо того, чтобы прямой дорогой обратиться к нам и искать заступничества блаженного апостола Петра, возвратилась к сатане, и до сих пор не прекращает своих козней против Титберги, ища погубить ее,– вследствие всего того, вместе с апостолом (Римл. 2, 5), мы изрекаем то, что всегда может быть применено к ней и ей подобным, а именно, что она своим загрубелым и нераскаянным сердцем сама призывает на себя гнев в день гнева. А потому мы за ее дела отлучаем ее от приобщения драгоценным телом и кровью Господа и по приговору Св. Духа, блаженных апостолов Петра и Павла и нашей умеренности лишаем всякого общения со святой церковью, равно как и всех ее единомышленников, друзей и покровителей, пока она не даст удовлетворения святой церкви, в особенности же нам, несущим главные заботы о ней и следившим за ее делом от самого начала, пока она наконец, оставив свои дурные намерения, не последует нашему совету. Мы напоминаем, что этот приговор был произнесен нами 2 февраля и препровожден вам письменно; а дабы наши усилия не остались без последствий, ваше братство не упустит поднять духовное оружие против упомянутой браконарушительницы и всех ее сообщников и громогласно объявит о том в своем приходе, как самой отлученной, так и ее покровителям, пока она не согласится подчиниться известному покаянию соответственно особому нашему распоряжению».

Тот же достопочтенный пастырь отправил и к королю Лотарю послание следующего содержания:

«Услышав от нашего возвратившегося посла, что ты обнаружил, так сказать, начало своего исправления, мы воздали Богу должную хвалу и приготовились выразить и тебе подобающую благодарность. Но, к сожалению, вскоре затем пришло противоположное известие, и мы переменили свое намерение. Мы увидели себя вынужденными заговорить другим языком, и в то время, когда наш язык был готов произнести благодарность, мы должны были употребить его на выражение нашего горя и на упреки. Мы узнали, что ты, который уже давно причиняешь вред церкви Господней, по-прежнему упорствуешь в том – и по-прежнему мараешь себя грязью, в которой еще прежде утопал. Тебе, кажется, мало нарушить одни законы брака, ты хочешь, сверх того, запутать душу других в сети злобы, повергнуть их в погибель. Тут нечему и удивляться, потому что ты, стоя на такой высоте, примером своего разврата можешь увлечь многие тысячи людей. А то уверение, которое дала Титберга в пользу Вальдрады, признав ее твоей законной женой, останется без всяких последствий; было ли оно сделано добровольно или насильственно, потому что в этом случае никто и не нуждается в таком признании с ее стороны. Мы полагаем и признаем справедливым, чтобы ты, и в случае смерти Титберги, не смел ни по какому закону и ни по какому определению брать в жены Вальдраду. Потому, если бы Вальдрада и сделалась когда-нибудь твоей

женой, церковь Божия не имеет никакой надобности в покаянии Титберги. Мы знаем одно, что по определению Бога, который придет судить нарушителей брака, ни мы, ни церковь Господня не оставят тебя безнаказанным, если ты когда-нибудь, по смерти Титберги, женишьсПпапа затем продолжает: «Потому обращайся с величайшей преданностью со своей женой Титбергой, как со своей собственной плотью, люби ее и уважай и ни в каком случае не удаляй от себя; упрашивай ее, если она захотела бы тебя оставить, образумливай и старайся отклонить ее всеми мерами от такого намерения. Если она по чувству стыдливости ищет развода и просит разорвать брачный союз, то это по той причине, о которой сказал апостол: «Жена не властна в своей плоти, но муж» (I Коринф. 7, 4); но если и ты желаешь развода, то мы утвердим это, лишь бы только развод был сделан справедливо. В Писании сказано именно: «Что Бог соединил, то человек не разлучает» (Матф. 19, 6), а потому Бог, а не человек, разлучает, когда брачные узы разрываются по взаимному согласию обоих супругов и ради любви к Богу (Папа имеет в виду развод для поступления в монастырь, а разводу с такой целью противился Лотарь). Если и ты ищешь развода с подобной целью, то мы дадим тебе его от всего сердца и немедленно изъявим свое согласие, но мы будем противиться всякому другому способу разделения вас. Далее, если ты упрекаешь ее в бесплодии, то подумай о Сарре, об Анне и Елисавете; может быть, твоя бездетность происходит не от ее бесплодности, а от твоей несправедливости. Потому, преславный король, довольствуйся своей собственной женой и не ищи другого сожительства. Уважь наш совет, последуй нашим убеждениям, как убеждениям нежного отца, и воздержи твое сердце, твой язык и твою плоть от всего безнравственного, избегая главным образом сообщества твоей давно отвергнутой наложницы Вальдрады и предав вечному забвению прежние отношения к ней. Она отлучена, и пока лично не явится к нам, останется исключенной из общества христиан, как о том уже знает весь Запад и как о том через наших послов будет теперь извещен весь Восток и другие страны земли. А потому и ты должен остерегаться подвергнуться вместе с ней одному и тому же осуждению, и за свою страсть к ее лицу и кратковременные наслаждения наложить на себя оковы вечного осуждения». Выразив еще несколько мыслей, Папа заключает свое письмо следующим образом: «Но довольно и того, что мы теперь тебе пишем и говорим, осуждая между нами в суровых словах твои увлечения; на будущее время смотри сам, чтобы мы, по слову Писания, не заговорили против тебя двумя или тремя языками, или, лучше сказать, смотри, чтобы мы не сказали о тебе чего-нибудь церкви и чтобы ты тогда, чего мы вовсе не желаем, не уподобился язычнику».

Обо всем этом многом мы предприняли сказать немногое с целью познакомить с делом тех, которые о нем ничего не знают, и вместе не утомить подробностями других, которым это дело знакомо. Впоследствии на своем месте будет показано, какой исход имела эта болезнь, чреватая бедствиями, так как она воспротивилась апостолическому противоядию, и какие потери испытала империя вследствие этой смертоносной язвы, по предсказанию того святейшего Папы, вдохновленного Духом Святым.

Автор заканчивает описание 866 г. рассказом о войне Людовика Немецкого с Карлом Лысым, об усмирении восстания аббата Губерта, брата Титберги, Лотарем и о войне Карла Лысого с королем бретонцев, Саломоном. Под 867 г. описывается нападение норманна Гастингса на луарские страны и умерщвление им Роберта Сильного, герцога Анжу, на место которого был поставлен аббат Гуго, по малолетству детей Роберта, Одо и Роберта, родоначальников будущих Капетингов; рассказано о вторжении сарацин в Италию и о войне с ними Людовика II и Лотаря II, который потерял в походе бо́льшую часть войска, что автор и приписал его дурному отношению к папскому престолу.

В год в. Г. 868-й святейший и Богом благословленный Папа Николай после многих трудов во имя Христа и тяжкой борьбы за неприкосновенность св. церкви отошел в Царство Небесное (он умер, собственно, еще в 867 г. 13 ноября; наш автор вообще весьма неточен в своих хронологических

показаниях), чтобы за верное исполнение возложенных на него обязанностей получить от всеблагого Господа неувядаемый венец славы. Мы могли бы многое сказать о его богоугодных подвигах, если бы краткости ради не предположили себе ограничиться связным изложением причин событий, не пускаясь в их подробности. Со времени блаженного Григория (I, Великого, 604 г.) и до настоящего дня не было ни одного епископа из всех, возводимых в Риме в это достоинство, который мог бы сравниться с ним. Он держал в руках королей и тиранов и тяготел над ними своей властью, так что он казался владыкой вселенной; с кроткими и богобоязненными епископами он был приветлив, ласков и мягок, с нечестивыми и со сбившимися с истинного пути грозен и строг, так что можно было бы справедливо подумать, что в нем воспрянул пробужденный Богом второй Илия нашего времени, если и не по плоти, то по его духу и добродетели.

Этому мужу блаженной памяти наследовал в епископском достоинстве Адриан (II). Когда король Лотарь получил достоверное известие о том, он отправил к нему письмо следующего содержания:

«Наш слух был болезненно поражен той несчастной и теперь уже несомненной вестью о том, что государь Николай блаженной памяти отошел по призыву Христа из здешней юдоли, чтобы, как мы думаем, воспринять вместе со святым драгоценный венец. Хотя все верные во Христе оплакивают такого епископа, и все духовное сословие опечалено потерей мудрейшего из пап, но мы оплакивали еще более то обстоятельство, что, благодаря клевете и ложным жалобам наших завистников, мы были уронены на весах справедливости добрейшего нашего отца; и мы с печалью повторяем, что у него, при всей его святости, имели более силы сплетни наших врагов и их ухищрение, нежели наша простая и открытая защита. Мы неослабно обращались к нему и письменно, и словесно и повторяли ту же всепокорную попытку через наших послов, прося по Божеским и человеческим законам выслушать и нас, и наших обвинителей, даже являлись к нему лично, но всегда были отвергаемы». После нескольких слов он опять продолжает: «Но так как всемогущий Бог, стоящий выше всех пастырей мира, возвел на святой престол светило нашего духовенства, то мы весьма желали бы, если дозволит время, увидеться с вами и, оживившись вашей, достойной Божества, речью, внять вашим словам, сладчайшим меда». В конце письма сказано: «Между тем, мы умоляем вас всеми мерами известить наше высочество о вашем желанном здравии и сделать нам милость назвать нас дорогим своим сыном».

На это ему отвечал Папа, что престол св. Петра всегда готов принять надлежащее удовлетворение и никогда не отказывал в том, что справедливо предписывается Божескими и человеческими законами. Если он считает себя правым, то ему стоит только с полной уверенностью обратиться к апостолическому престолу для снискания испрашиваемого благословения; если он даже и признает за собой вину, то и в том случае ему следует безотлагательно спешить, чтобы для своего спасения принести соответствующее покаяние.

Описание 868 г. завершается рассказом об обращении Болгарии в христианство папскими миссионерами, поддержанными Людовиком Немецким.

В год в. Г. 869-й Лотарь отправился в Рим, где и был принят Папой Адрианом с почетом. Когда спросил его епископ, следовал ли он со всей строгостью увещаниям благочестивого отца государя Николая и сдержал ли во всей силе данную клятву, он отвечал, обольщенный тем, кто не знает истины и называется не только лжецом, но и отцом всякой лжи, что он все исполнил как было на него то возложено Богом. И так как знатные вельможи, явившиеся с ним, показали то же самое, и не нашлось никого, кто возразил бы или осмелился законным образом указать правду в противность королю, то вселенский Папа возгласил следующим образом: «Если их показания истинны, то мы с полной радостью сердца приносим всяческие благодарения Господу Богу. Теперь тебе остается, мой дорогой сын, подойти к алтарю св. Петра, где мы

принесем Богу спасительную жертву для спасения не столько твоего тела, сколько души, и ты должен вместе с нами причаститься, чтобы вступить в общение с членами церкви Христовой, от которой ты казался отсеченным». По окончании обедни верховный владыка пригласил короля приблизиться к трапезе Христа, и держа в руках тело и кровь Господню, обратился к нему со словами: «Если ты считаешь себя невиновным в нарушении брака, которое было тебе воспрещено государем Николаем, и если ты имеешь твердое намерение во все дни твоей жизни не приближать к себе давно уже отвергнутую наложницу Вальдраду, то приступи смело и приобщись Святым Тайнам, которые да послужат тебе к получению прощения грехов; если же совесть тебя упрекает и говорит тебе, что твоя рана не зажила и что ты имеешь намерение погрязнуть снова в пороке, то не дерзай взять причастие, чтобы не обратилось тебе в проклятие то, что по Божественному милосердию служит другим во спасение». Но он, безрассудный, окаменелый и вместе ослепленный, приобщился из рук епископа тела и крови Господней, не боясь того, что сказано в Писании: «Ужасно впасть в руки Бога живого» (Евр., 10, 31), «Ибо кто недостойно ест и пьет, тот ест и пьет в свое осуждение» (I Кор., 11, 29). Затем Папа обратился к спутникам и приверженцам короля и начал приобщать их, говоря: «Если ты не потворствовал твоему государю и королю Лотарю в возводимом на него нарушении брака и не содействовал, а с Вальдрадой и прочими отреченными Апостолической церковью не сообщался, то да послужит тебе сие тело и сия кровь нашего Господа Иисуса Христа в жизнь вечную». Те из них, которые сознавали себя виноватыми и тем не менее осмелились в своей дерзости принять таинство под такой страшной клятвой, были осуждены судом Божиим и лишились жизни прежде, нежели наступило начало нового года; немногие, уклонившиеся от приобщения, едва успели избегнуть смерти.

Сам же Лотарь, по удалении своем из Рима, был постигнут болезнью и, прибыв в Плаценцию, кончил свои дни 9 августа. В войске же короля открылась такая смертность, что можно было подумать, лучшие силы и цвет благородного сословия пали не от язвы, а были истреблены мечом неприятеля; действительно, в то время на неприятелей было такое изобилие, что они вырастали, как колосья на поле, и, как пчелиный рой, кипели по границам империи.

Когда Карл (Лысый) получил известие о смерти Лотаря, он поспешил овладеть его землями, и при своем прибытии в Метц был весьма радушно принят и возведен в короли архиепископом того города Адвенцием и другими знатными лицами. Оттуда он отправился в Ахен, так как этот город считался столицей; туда явилась к нему огромная масса людей.

В это время ни в Трире, ни в Кёльне не было епископов, потому что, как мы сказали выше, их епископы умерли в Италии. Король (Карл Лысый), по совещании со своими вельможами, назначил в Трир епископом Бертульфа, племянника вышеупомянутого епископа Адвенция. Если Бертульф достиг епископского звания, то это случилось вследствие ходатайства и просьб Адвенция, пользовавшегося большим авторитетом у короля, так как он из честолюбия содействовал ему к достижению престола. В то же время король попытался посадить на епископский престол в Кёльне Гильдуина и приказал Франку, епископу Тунгернского диоцеза (ныне Tongern, близ Люттиха), посвятить его в духовные в Ахенской церкви.

Пока все это происходило в королевстве Лотаря, король Людовик (Немецкий), одержимый недугом, лежал на одре болезни в стране баваров. Услышав, как его брат овладел упомянутым королевством, он был очень огорчен и поспешно отправил к нему послов с настоятельной просьбой отказаться от такого поспешного поступка и не присваивать себе незаконно того, что по праву наследства принадлежит им обоим; потому он предлагает ему оставить государство, пока Бог не возвратит ему здоровья, и он будет в состоянии переговорить с ним для окончательного решения вопроса о том государстве сообразно с законами справедливости. Отправив послов с таким поручением, Людовик в то же время послал тайно майнцского еписко-

па Лиудберта в Кёльн с тем, чтобы он пустил в ход все хитрости и предупредил посвящение Гильдуина, поставив епископом кого-нибудь из местных духовных, избранного жителями города. Лиудберт в сопровождении других епископов отправился прямо в крепость Диуцу (ныне Deutz, против Кёльна, на правом берегу Рейна), и так как он боялся, что на него могут напасть приверженцы Карла, то не переезжал Рейна, а только послал сказать через своих гонцов, чтобы высшее духовенство и знатнейшие из горожан явились бы к нему в крепость. Когда они прибыли по его зову, епископ объявил им, как было ему приказано королем, чтобы они вступили друг с другом в совещание и поспешно избрали бы из своей среды представителя своей церкви, и в заключение сказал, что он и послан для того, чтобы рукоположить, кого они изберут в эту должность по общему согласию. На это возразили ему, что епископство отдано Гильдуину, что он уже посвящен в духовный сан, и почти все дали свое рукобитие в знак признания его власти над собой, и что они никаким образом не могут выбрать другого. На это он им отвечал: «Если вы не желаете воспользоваться предоставляемым вам от короля правом выбора, то теперь во власти короля находится дать вам епископом того, кого он пожелает; знайте же, что не пройдет и трех дней, как вы будете иметь другого епископа, а не Гильдуина». Услышав это, они единодушно избрали епископом Виллиберта, достойнейшего человека, которого упомянутый епископ и рукоположил вместе со своими соепископами, несмотря на его отказ и противодействие. После того Лиудберт со всем духовенством и народом переплыл Рейн, возвел с почестями Виллиберта на престол и, исполнив все, предписанное правилами, удалился оттуда с величайшей поспешностью. Когда Карл узнал об этом посвящении, он пришел в ярость и немедленно отправился в Кёльн; между тем, пока действовали таким образом послы Людовика в Кёльне, Гильдуин оставался в королевском дворце в Ахене. Епископ Виллиберт и все, участвовавшие в его избрании, удалились за Рейн и тем избежали королевского гнева. Король же, не найдя никого, на ком он мог отыграться за свое оскорбление, возвратился той же дорогой, которой пришел. Между тем к нему явились вторично послы от Людовика с просьбой очистить королевство; когда же он не хотел уступать, Людовик отправил к нему архиепископа Лиудберта и епископа Альтфрида из Саксонии (из Гильдесгейма), человека весьма умного, и поручил им предложить ему на выбор: или немедленно оставить государство, или приготовиться к войне с братом. Послы наступали на него так настойчиво и твердо, что он отказался от своих притязаний и удалился в собственное государство. Затем короли избрали местом своих совещаний о разделении государства г. Марсану (ныне Meersen), поблизости реки Мааса.

В год в. Г. 870-й Людовик и Карл сошлись со своими вельможами в Марсане и разделили королевство Лотаря между собой поровну. Мы считаем излишним приводить подробности самого деления, так как это известно всякому[1].

Хроника, 855–870 г. У *Pertz.* Monum. I. с. 537–612.

[1] По этому делению Людовик получил округи Кёльна, Трира, Утрехта, Страсбурга и Базеля; Карл же – Лиона, Вьенна, Люттиха, Туле, Вердюна, Камбрэ и др.

КЬЕРСИЙСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ КАРЛА II ЛЫСОГО (в 877 г.)

«Этот капитулярий издан государем Карлом, преславным императором, по соглашению его со своими верными (то есть баронами) в Кьерси (Carisiacum) в год воплощения Господня 877-й, его же королевского правления 37-й, и императорского 2-й, июня 12-го дня, X индикта. Некоторые из глав он постановил сам, а относительно других приказал подать мнение своим верным».

I. О чествовании и почитании Бога и святых храмов, которые по воле Божьей находятся под властью и защитой нашего правления, с Господней помощью постановляем, чтобы как то, чем они почтены, одарены и обогащены при блаженной памяти государе и родителе нашем (Людовике Благочестивом), так и то, чем почтены и обогащены и нашими щедротами, сохранялось в целости и на будущее время; и чтобы священники и служители Божии сохраняли церковную власть и приличные своему достоинству привилегии; чтобы они распоряжались наравне со светскими правителями, дабы могли достойным образом проходить свое служение и во всем поступать разумно и правдиво; подобным образом все это вышесказанное, с помощью Божьей, да соблюдет и сын наш.

Ответ. Первую главу в таком виде, в каком мы постановили ее по внушению Божию, все мы одобряем и хотим соблюдать.

II. Постановляем, чтобы наш сын и наши верные в монастыре, построенном нами в Компендии (ныне Компьен) в честь Святой Марии, Матери Божией, таким же образом чествовали, как мы тому показали пример, и чтобы все верные по любви к Богу и нам благочестиво и ненарушимо сохраняли, как привилегию, утвержденную государем Папой и всеми епископами, так и императорский декрет, и да утвердит их наш сын.

Ответ. О второй главе мы даем подобное же мнение.

III. Предлагаем вам избрать лица сверх тех, которых мы уже назначили, чтобы мы могли пользоваться их советом и помощью по случаю предстоящего нам путешествия.

Ответ. Относительно третьей главы мы даем такое мнение, что вам принадлежит власть сделать то, что вы находите по внушению Божию лучшим для защиты и безопасности государства и охранения вашего сына вашими верными, как епископами, так и аббатами и графами, и мы признаем такое ваше распоряжение нужным. Мы не можем и не должны противиться ему и не знаем, как могли бы мы сами сделать лучше.

IV. Каким образом мы можем быть обеспечены, доколе по милости Божией не возвратимся назад, относительно того, что спокойствие нашего государства никем не нарушится, сколько благоволит вам помочь в том Бог и сколько это дело в вашей власти; чем мы можем быть обеспечены со стороны нашего сына и вашей и чем вы можете быть обеспечены со стороны нашего сына, и он с вашей стороны, и как вы можете положиться взаимно друг на друга?

Ответ. Относительно четвертой главы, в которой вы говорите о гарантиях себе со стороны вашего сына, мы даем такое мнение: так как, благодарение Богу, вы и родили, и воспитали вашего сына и под вашим попечением, по воле Божией, он достиг настоящего возраста, то никто из нас не может и не должен, и не знает хранить его здоровье лучше, нежели вы, и в вашей воле и распоряжении, после Бога и святых Его, находится его безопасность и честь. И каким образом вы можете обезопасить себя с его стороны, то, согласно с волей Божией и для пользы святой церкви и вашего государства, это в вашем распоряжении. Относительно же того, что вы написали, как вы можете быть обеспечены с нашей стороны, доколе по милости Божией не возвратитесь сюда, что спокойствие вашего государства никем не нарушится, то, сколько благоволит нам помочь Бог и сколько будет зависеть это от нашей власти, отвечаем, что для этого существуют договоры, которые мы заключили с вами, и есть клятва, которую мы, духовные и светские, дали вам в Кьерси, и также грамота (perdonatio), которую нам, вашим верным, пожаловала и подписала ваша власть; наконец, есть присяга и обя-

зательство, данные вам в селении Гундульфе[1], вследствие смерти Лотаря (II), сообразно грамоте Папы Адриана (II) и Людовика, вашего племянника. Есть также договор, который мы подписали в Реймсе, обязавшись сохранять вам верность, заботиться о государстве и защищать его, вашу супругу и вашего сына, которого вы имеете и будете иметь, если Бог еще даст вам сыновей. Все это мы выполняем теперь и будем выполнять и с помощью Божией хотим выполнять до конца нашей жизни, потому вы вполне можете положиться на нас.

Если же кто-нибудь уклонится от исполнения упомянутых договоров или клятв, то по разуму и обычаю такой должен быть исправлен и возвращен к повиновению. Если же найдутся между вашими верными такие, которые не давали присяги, то, в случае надобности, можно от них того потребовать. Ваши верные пришли к вам после смерти вашего брата. Какую клятву они дали, вы знаете. Тот из них, кто исполнял эту клятву доныне, должен исполнять и на будущее время. А если кто-нибудь нарушил клятву, то по разуму и обычаю должен исправиться и исполнять снова. О том же, что вы написали в той же главе, каким образом мы можем быть спокойны со стороны вашего сына, даем такой ответ, что от сына вашего, которого по милости Божией и вашему распоряжению хотим иметь на будущее время после вас за старейшего, мы не требуем никакого другого ручательства, кроме того, чтобы он, как вы постановили и определили в вашем капитулярии, каждого из нас сохранял в своей должности и звании. О том же, как он может быть обезопасен с нашей стороны, мы отвечаем то же, что отвечали в Реймсе, а именно, если Бог и вы поставили его управлять государством и возвысили в известный сан, то мы хотим быть ему верными, как должны по справедливости быть верными государю. А о том, что вы написали там же и выразили нам на словах, как мы можем положиться друг на друга, полагаем достаточным того, что мы словесно дали обещание по воле Божией для вашей безопасности и чести и пользы святой церкви и вашего государства и охранения ваших верных быть единодушными, сколько каждый из нас в своем звании и должности по милости Божией сумеет и сможет, верить друг другу и взаимно помогать.

V. Предлагаем, чтобы сын наш прежде нашего отъезда утвердил то, что от своих щедрот мы уступили в собственность возлюбленной нашей супруге; но каким образом мы можем быть обеспечены относительно всего, что мы по бенефициальному праву уступили или уступим ей, в таком случае, если помрем, а она переживет нас, и сын наш и наши верные с подобающей честью будут ли стараться беречь ее и все ее имение?

Ответ. Что касается пятой главы, в которой вы говорите о чести и безопасности вашей возлюбленной супруги, государыни нашей, и о сбережении ее имения, которое вы дали ей или дадите, и об утверждении того вашим сыном, даем такое мнение, что, как вы распорядитесь, так и готов поступать ваш сын, и мы, насколько сумеем и сможем, будем готовы к тому же.

VI. Вопрошаем относительно наших дочерей, какой почестью по воле Божией и какой защитой и помощью они должны пользоваться? Так же, с какой безопасностью наша младшая дочь может пользоваться тем, что мы ей подарили и подарим? Если Бог даст достичь ей совершеннолетнего возраста, то она должна быть в распоряжении матери, и никто против ее воли не может заставить ее выйти замуж или возложить на себя монашескую одежду.

Ответ. Подобным образом и относительно ваших дочерей и младшей вашей дочери ваш сын будет соблюдать вашу волю, как вы изложили ее в вашем капитулярии, и мы, насколько сумеем и сможем, будем способствовать К выполнению этой воли.

VII. Предлагаем подать мнение о способе собирания войск и о том, каким образом будет поступлено, если наши племянники[1], подражая поступкам своего отца, замыслят что-нибудь гибельное против нас или против нашего государства, или во время наше-

---

[1] Ныне Gondreville, близ г. Туле, в Северной Франции.

[1] То есть дети Людовика Немецкого.

го пути, или после того, как мы волей Божией достигнем предположенного места.

Ответ. О собирании войск и о помощи мы даем такое мнение, что если какой-либо из ваших племянников захочет сделать вам какое-нибудь затруднение или в дороге, или в Италии, то в вашем распоряжении войска, которые останутся в государстве, и те, которые после вас будут призваны к вам на помощь.

VIII. Надобно обсудить, как поступают в том случае, если прежде чем мы возвратимся, откроются вакансии на места (honores).

Ответ. Если прежде, чем вы с помощью Божией возвратитесь, помрет какой-либо архиепископ, то его престолом должен управлять соседний епископ с графом, доколе не дойдет до вас известие о его смерти. Если в это время помрет епископ, то архиепископ должен определить на его место на основании священных канонов блюстителя, который бы вместе с графом охранял эту церковь от разграбления до тех пор, пока смерть этого епископа не будет вам известна. Если помрет аббат или аббатисса, то этот монастырь должен охранять тот епископ, в области которого он находится, вместе с графом до тех пор, пока не будет вашего на то распоряжения.

IX. Если помрет граф, сын которого был бы с нами в пути, то наш сын с остальными нашими верными должен избрать одного из его близких или родных, который бы управлял этим графством вместе с нашими чиновниками и епископом того графства до тех пор, пока мы не известимся о смерти графа. Если у него останется малолетний сын, то он должен управлять этим графством вместе с чиновниками этого графства и епископом, в области которого оно находится, пока не дойдет до нас известие. А если у него не будет сына, то наш сын с остальными нашими верными должен избрать кого-нибудь, чтобы он вместе с чиновниками этого графства и епископом управлял этим графством, доколе не будет нашего распоряжения, – и никто не должен оскорбляться, если нам будет угодно отдать это графство не тому, кто временно управлял им. Подобным образом надобно поступать и относительно наших вассалов. Мы хотим и строго приказываем, чтобы как епископы, так аббаты и графы и остальные наши верные со своими людьми старались поступать точно так же; соседний же епископ и граф, как епископствами, так и аббатствами, должны управлять так, чтобы никто не расхитил церковных вещей или имения и чтобы никому не было препятствий делать им пожертвования. Если кто осмелится на то, будет наказан по светским законам, даст удовлетворение по церковным законам в пользу той церкви, которую он оскорбил, и подвергнется нашей опале по мере вины и как нам то заблагорассудится.

Ответ. Эта глава не нуждается в ответе, потому что составлена и определена вашим благоразумием.

X. Если кто-нибудь из наших верных после нашей смерти из любви к Богу и нам захочет отказаться от мира и будет иметь сына или такого родственника, который может быть полезным государству, то он может передать свои владения (honores) по своему благоусмотрению. А если он вздумает жить на покое в своем аллодиальном участке[1], то никто не должен позволять себе чем бы то ни было препятствовать ему, и ничего другого с него требовать не должно, кроме того только, чтобы он шел на защиту отечества.

XI. Хотя каким-нибудь образом пришла бы весть нашему сыну или нашим верным о нашей смерти и хотя бы она показалась маловероятной, однако верные наши должны собраться и согласно с волей Божией разумно исполнить все, заповеданное нами.

XII. Если нечаянно застигнет нас смерть на пути, предпринятом для поклонения Богу и святым, то наши распределители милостыни (elemosynarii) согласно распоряжению, которое мы имеем для них на этот случай, должны обсудить дело вместе. А наши книги, которые находятся в нашем книгохранилище, нижепоименованные лица должны разделить по нашему указанию между монастырями св. Дионисия и

[1] В этом месте законодатель совершенно определенно выражает различие, существовавшее в IX в. между аллодом и бенефицией.

св. Марии в Компендии и нашим сыном; эти лица есть: Гинкмар, достопочтенный архиепископ, епископ Франк, епископ Одо, аббат Гаузлин, граф Арнульф, граф Бернард, граф Конрад, граф Адалельм. Подобным же образом они должны поступить с вещами, назначенными для милостыни от нашей супруги, если она умрет. В противном же случае они должны все беречь, доколе по благословению Божию мы не спросим.

XIII. Надобно определить, какую часть империи должен надеяться получить наш сын, если нас постигнет смерть; и если Бог даст нам другого сына, то какую часть должен получить он. Если же какой-нибудь из наших племянников будет предъявлять свои притязания или не будет, то поступать так, как нам со временем будет угодно.

XIV. Постановляем, чтобы сын наш во время нашего путешествия приготовился к тому, чтобы, когда с помощью Божией мы возвратимся, мог ехать в Рим на служение в честь Бога и его святых апостолов, насколько то будет необходимо, и с помощью Божией венчаться королевской короной.

XV. Определяем, каким образом должен управлять государством наш сын и кто будет в числе тех лиц, помощью которых он мог бы пользоваться, и кто попеременно должен находиться при нем, а именно: из епископов должны быть при нем постоянно или Ингилувин, или Рейнельм, или Одо, или Гильдебольд; из аббатов, если не будет иной нужды, должны быть постоянно с ним Вельф, Гаузлин и Фальков; а из графов должны быть попеременно или Теодерик, или Балдуин, или Конрад, или Адалельм, и как можно чаще, для нашей пользы, Бозо и Бернард. Если он отправится на Мозель, то с ним должны быть вместе с названными выше епископ Франк, епископ Иоанн, граф Арнульф, Гислеберт, Летард, Матфрид, Видрик, Готберд, Адальберт, Ингельгер, Райнер. Если же он переправится через Сену, то должны быть при нем аббат Гуго, епископ Вальтер, епископ Вала, епископ Гислеберт и остальные наши верные этой части государства вместе с вышеназванными. Тоже постановляем и о других наших верных, потому что подобное же распоряжение необходимо будет сделать в каждой части государства.

XVI. Если вдруг в какой-нибудь части государства произойдет что-нибудь чрезвычайное, то нам кажется, что сын наш не о всех наших верных может одинаково заботиться, потому что он молод; но несмотря на то, как мы и сами с помощью Божией очень часто делали, взяв с собой лучших мужей из наших верных, он должен нечаянно напасть на наших врагов и мужественно внушить им страх; а те, которые не могут с ним идти, должны послать с ним избранных воинов, если будет нужда.

XVII. Адалард, пфальцграф, должен владеть при нем печатью. И если по какой-нибудь уважительной причине сам он будет в отсутствии, то должен исполнять его обязанность Герард или Фридрих, или один из тех, которые находятся при нем в качестве свитских (scariti); и где бы они ни были, должны заботиться о сохранении мира.

XVIII. Равным образом и графы в своих графствах должны смотреть за хищниками и порочными людьми, как для того, чтобы сохранить спокойствие, так и для того, чтобы остановить зло и извещать о враге всех, кого должны, чтобы каждый заблаговременно был готов и чтобы, если будет нужда, мог отправиться на службу нам и Богу. И наши missi, которые поставлены по всему нашему государству, не должны пренебрегать исполнением своего долга, если то будет для них возможно.

XIX. Если поднимется в нашем государстве война, которую граф сам собой не может покончить, то наш сын должен стараться вместе с нашими верными как можно скорее остановить ее, прежде чем зло может распространиться по всему государству.

XX. Определяем, чтобы сын наш с нашими верными пребывал в той части государства, где будет большая опасность, и чтобы никто в наших виллах или в виллах нашей жены не собирал оброка, и никто не смел бы разорять людей наших и посторонних, и чтобы бенефиции и виллы тех лиц, которые отправляются с нами, оставались неприкосновенными. Если кто-нибудь решится нарушить наше повеление, тот должен заплатить тройную пеню по сравнению с тем, кто нарушает закон в обыкновенных случаях. И те, которые в виллах епископов,

аббатов или других наших верных учинили бы грабительство, должны подвергнуться наказаниям, определенным в капитуляриях наших предшественников и в нашем капитулярии.

XXI. Никто не смеет оказывать неуважения к указам, изданным от нашего имени или от имени нашего сына, или от имени тех, которых мы оставляем в государстве с ним, и никто не должен ослушаться того, что ему приказано. Если кто решится на это, тот должен подвергнуться наказанию, определенному в капитулярии деда и государя родителя нашего (Карла Великого и Людовика Благочестивого).

XXII. Считаем также долгом убеждать и увещевать, чтобы никто из тех наших верных, которые останутся с нашим сыном, не скрывал своих мыслей; но чтобы всякий говорил так, как покажется ему правильнее, и чтобы после совещаний утверждали то, что будет казаться лучшим.

XXIII. Предлагаем на рассуждение, каким образом наши верные могли бы обратно получить ту страну, которая по необходимости некогда была утверждена клятвой за бретонцами, потому что никто из тех, кем она была подписана, не остался в живых.

XXIV. Позаботьтесь о королевстве Аквитанском.

XXV. Определяем, чтобы после нас с теми вещами, которые для нас предназначены, отправились в путь сначала епископ Виллеберт, потом епископ Арнольд и наконец епископ Вала. Определяем, чтобы как сын наш, так и другие наши верные старались извещать нас о всем, что случится в государстве нового или дурного через конных или пеших гонцов, потому что мы будем всегда заботиться о вашем благополучии, как о своем. И если бы наши племянники, дети нашего брата, подражая примеру своего отца, захотели преследовать и напасть на нас, то наши верные не должны ожидать нашего им приказания спешить к нам, но должны сами торопиться идти к нам на помощь тотчас же, как узнают об этом, как можно скорее, и чтобы все и всегда были к тому наготове (varniti).

XXVI. Предлагаем в доказательство нашей любви и забот о вашей чести достроить начатый нами замок (castellum) в Компендии.

XXVII. Позаботьтесь о городе Париже и замках за Сеной и Луарой по обе стороны и в особенности о замке св. Дионисия, как и кем они должны быть устраиваемы.

XXVIII. Что мы постановили относительно Вульфрамна, Гавзмара и золотых дел мастера Гадеберта, так то пусть и будет.

XXIX. Распорядитесь о монете.

XXX. Определяем, как и каким образом можно было бы изгнать норманнов.

XXXI. Относительно Бозо, Бернарда, Видо и других лиц, принадлежащих к этому же званию, и относительно ремесленников и других купцов постановляем, чтобы евреи взносили десятую, а христиане одиннадцатую часть.

XXXII. Определяем, в каких из наших дворцов не должен жить наш сын, если не будет необходимости, и в каких местах он не должен заниматься охотой. Кьерсийский дворец с лесами совсем исключается. Сильвийский с Ланской областью также. Компендий с Кавзией также. Салмоицийский дворец также. В Одрейской вилле не должен охотиться на кабанов, а на других животных здесь он может охотиться только мимоходом. В Аттинийской вилле может охотиться немного. В Верне может охотиться только на кабанов. Арденны совершенно исключаются; там он может охотиться только мимоходом; то же относительно вилл, назначенных для нашей службы. В Лигурии он может охотиться на кабанов и других зверей. Аристаллий с рощей совершенно исключается. В Ленсе, Варе и Астениде может охотиться вообще на зверей и на кабанов. В Ригитузите, Скадебольте, Лаунифе может охотиться только по пути и как можно меньше. В Кризийском лесу также. В Лисге может охотиться только на кабанов.

XXXIII. Определяем, чтобы Адалельм тщательно смотрел за лесами и знал, сколько и где сын наш убьет кабанов и зверей.

«Вышеозначенного месяца 14-го числа, после того, как государь император Карл объявил вообще народу о своем отъезде в Рим и сделал распоряжение относительно пребывания своего сына в государстве и от-

носительно тех лиц, советом и помощью которых он мог бы пользоваться в особенных и обыкновенных случаях, и позаботился о том, как могут быть изгнаны из государства норманны и после того не допущены, и как остановить войну, если бы она вспыхнула в какой-нибудь части государства, и после того, как сделал относительно общих и частных случаев общие и частные распоряжения, которые передал своему сыну и своим верным – как тем, которые оставались в этом государстве, так и тем, которых он брал с собой, после всего этого он сказал, что из всех этих глав он выбрал некоторые для того, чтобы прочесть их во всеуслышание. И тогда приказал канцлеру Гаузлену прочитать народу нижеследующие главы.

Эти главы постановил Карл, император, и приказал немедленно объявить их в Кьерси.

I. О чествовании и почитании Бога и святых храмов, которые по воле Божией находятся под властью и защитой нашего правления, с Господней помощью постановляем, чтобы как то, чем они почтены, награждены и обогащены при блаженной памяти государе и родителе нашем, так и то, чем почтены и обогащены нашей щедростью, сохранялось в целости и на будущее время, и чтобы священники и служители Божии пользовались церковной властью и приличными своему достоинству привилегиями, чтобы они могли распоряжаться наравне со светскими правителями, дабы достойным образом проходить свое служение, во всем поступать разумно и правдиво, и подобным образом все это вышесказанное с помощью Божией да соблюдет и сын наш.

Кроме этой первой главы, повторившей почти буквально первую главу самого капитулярия, Карл Лысый заблагорассудил извлечь для всенародного прочтения только VIII и IX главы капитулярия, как самые важные, где говорится о наследстве бенефиций; все же остальные главы не были представлены собранию.

«По прочтении этих избранных глав Карл дал Божией и своей милостью позволение всем разойтись по домам, кроме тех, кого нужно было удержать на несколько дней при себе во внимание по особенным причинам или по случаю награждения их бенефициями».

Из капитулярия Карла II Лысого
У *Baluze*, II, с. 259–270.

КОММЕНТАРИЙ. О капитуляриях вообще см. выше. Капитулярий, данный в Кьерси (близ г. Лан) в 877 г., принадлежит к числу не только важнейших актов правления Карла II Лысого, но и вообще всего, что было сделано законодательной властью в IX в. На него смотрят, как на начало внутреннего распада монархии Карла Великого, послужившего основой феодальной системе (см. о том ниже), хотя в сущности этот капитулярий только придал законность тому, что давно уже существовало, а именно, обращению временных бенефиций и государственных должностей в наследственное право (см. главу IX капитулярия). Кроме того, капитулярий в Кьерси дает нам самую полную картину государственного механизма того времени. Вот обстоятельства, при которых Карл Лысый обнародовал капитулярий. В 875 г. со смертью императора Людовика II (сына Лотаря I) прекратилась старшая линия Каролингов в Италии. Германские Каролинги, в лице Людовика I Немецкого и его детей: Людовика II, Карломана и Карла Толстого, и французские Каролинги, в лице Карла II Лысого, составили себе партию в Италии. Карл II Лысый, имея на своей стороне Папу, предупредил соперников; Карломан был разбит, и в 876 г. Карл II короновался императорской короной. Но он немедленно возвратился во Францию, опасаясь вражды брата и его сыновей. Вслед за его прибытием в Галлию явились послы от Папы с извещением, что партия Карломана одерживает верх и что вторжение сарацин угрожает самому папскому престолу; это обстоятельство побудило Карла II Лысого предпринять вторичный поход в Италию; но учитывая обстоятельства, Карл Лысый созвал народное собрание в Кьерси 12 июня 877 г., на котором обязал своих вассалов присягой сохранять верность себе и своему сыну Людовику Косноязычному, и отправился в Италию в середине июля. Но еще по дороге узнал, что Папа, державший его сторону, изгнан из Рима сторонниками Карломана, и, несмотря на капитулярий, был организован заговор, в котором приняла участие даже его жена Рихильда. Вследствие того Карл Лысый поспешил во Францию, но по дороге заболел и вскоре умер, как полагали, от отравы. Таким образом, Кьерсийский капитулярий, не защитивив Карла Лысого, послужил обеспечением прав одних вассалов, которые на основании его сделались наследственными и могли строить себе укрепленные замки. Подробный разбор Кьерсийского капитулярия находится у Fauriel. *Histoire de la Gaule méridionale etc. Par. 1836, t. IV, на с. 37 и след.; и у* Guizot. *Hist. de la civil. en France. II, с. 171.*

Регино

ВРЕМЯ КАРЛА III ТОЛСТОГО И РАСПАД КАРЛОВОЙ МОНАРХИИ. 887 г. (в 907 г.)

С 877 г., когда умер Карл II Лысый, и в течение последующих десяти лет, до 887 г., начинается необычная смертность среди членов фамилии Каролингов; так что в 884 г. от многочисленного потомства трех сыновей Людовика Благочестивого, Лотаря I, Людовика Немецкого и Карла II Лысого остался в живых один младший сын Людовика Немецкого, Карл III Толстый, соединивший Германию и Италию, и младший внук Карла II Лысого, Карломан, при котором норманны, прибывшие из Дании, под предводительством конунгов Готфрида и Зигфрида, еще в 882 г. обращенные в христианство и поселенные Карлом III во Фрисландии, напали на Францию и взяли с Карломана 12 тысяч фунтов серебра. В 884 г. Карломан был убит на охоте вепрем, и так как норманны вследствие того требовали новой дани и угрожали нападением, то глава французской аристократии аббат Гуго, герцог Анжу (см. выше), предложил и эту последнюю часть Карловой монархии Карлу III Толстому. Таким образом, Карл III соединил в 884 г. всю монархию в одно целое, как единственный законный представитель фамилии Каролингов. Он имел своим соперником только одного Гуго, сына Лотаря и Вальдрады, потомство которых было навсегда лишено наследства еще при Папе Николае I (см. выше); а так как его сестра Гизела была замужем за Готфридом, конунгом норманнов, то поэтому он и основал план своего восстания на этом родстве и был главным виновником тех ужасных вторжений норманнов, которые обозначили собой правление Карла III и привели монархию Карла Великого к окончательному распаду. Потому наш автор хроники и начинает историю правления Карла III изложением попытки Гуго возвратить при помощи норманнов утраченное им наследство, Лотарингию.

В год воплощения Господня 885-й Гуго, восстав против императора (Карла III Толстого), посылает тайно письмо Готфриду во Фрисландию, так как он был с ним в родстве через сестру, на которой женился Готфрид, и предлагает ему отправить кого-нибудь на родину (то есть в Данию), собрать там сильное войско со всех сторон и помочь ему всеми силами возвратить отцовское королевство (Лотарингию, которую после смерти Лотаря в 870 г. разделили между собой Людовик Немецкий и Карл II Лысый, не признав прав его сына Гуго). В случае же, если его помощью и усердием он будет иметь успех, то он обещает Готфриду половину своего королевства в награду. Упоенный такими лестными обещаниями, как какой-нибудь отравой, Готфрид ищет предлога и случая на благовидном основании нарушить данную клятву в верности императору. Он посылает к нему Герольфа и Гардольфа, графов Фрисландии, с извещением, что если он желает, чтобы Готфрид продолжал быть верным и защищал порученные ему границы империи от нападения своих соотечественников, то в таком случае пусть он ему подарит города Конфлуент (Кобленц), Андренак (Андернах) и Синцику (Зинциг на р. Ар; первые же два города на Рейне) вместе с другими королевскими поместьями, назначенными для употребления императора по обилию своих виноградников; ибо, продолжал Готфрид, страна, которой он наделен от щедрот императора (Фрисландия), не дает никакого вина. Готфрид при этом имел в виду, если он получит желаемое, то в таком случае введет норманнов в самое сердце империи и потом поступит по обстоятельствам; если же ему будет отказано, то он, как бы оскорбленный отказом, будет иметь лучшую причину, за недостатком справедливой, поссориться и произвести восстание. Император, заметив такое коварство и их общий заговор, совещался с Генрихом, человеком большого ума (мы знаем о нем только то, что он был предводитель австразийской армии), каким образом освободиться бы от врага, которого он поместил в отдаленных пределах империи; так как те страны по многочисленности своих рек и непроходимых болот вовсе недоступны для войска, то было решено погубить его лучше хитростью, нежели открытой силой. Карл (III) отпустил послов, не дав им определенного ответа, и позволил возвратиться к Готфриду с уверением, что собственные его послы дадут ему обстоятельное объяснение к удовольствию их обоих, но он должен сохранять по-прежнему верность. Затем Карл отправляет к Готфриду Генриха и вместе с ним, для лучшего прикрытия

обмана[1], Виллиберта, достопочтенного епископа г. Кёльна. Генрих дает своим людям секретное приказание идти по Саксонии не сомкнутой массой, но поодиночке, и собраться в определенный день в определенном месте, как он с ними условился; сам же он с немногими спутниками явился в Кельн, взял с собой упомянутого епископа и немедленно отправился в Батавию (что у древних называлось insula Batavorum и в то время составляло часть герцогства Фрисландии). Едва Готфрид узнал о их прибытии, как вышел к ним навстречу при местечке Гериспике (ныне Heerwen), где разделяются Рейн и Ваал, выходя из общего русла, и, расходясь на большое пространство, омывают своими волнами провинцию Батавию. На этот-то остров и прибыли епископ вместе с графом, выслушали Готфрида во всем и на многое отвечали от имени императора. Между тем солнце склонилось к западу; прекратив беседу, они оставили остров и разошлись по домам с тем, чтобы завтра снова сойтись. Генрих предложил епископу отозвать с острова Гизелу, жену Готфрида, и постараться уговорить ее на следующее утро к миру, а сам он хотел будто бы переговорить с Готфридом о деле графа Эверарда, у которого он силой отнял его владения. Затем он подговорил Эверарда явиться среди них с жалобой на несправедливость Готфрида, и если этот дикарь и варвар вздумает оскорбить его дерзким словом, то немедленно обнажить меч и со всего размаху ударить по голове, а люди Генриха добьют его прежде, нежели он успеет подняться с земли. Действительно, Готфрид умер после того, как сначала нанес ему удар Эверард, а за ним прокололи его насквозь спутники Генриха; все остальные норманны, находившиеся на острове, были также изрублены. Несколько дней спустя по совету того же Генриха Гуго был заманен обещаниями на мызу Гундольф (ныне Gondreville, близ г. Тула) и захвачен в плен; по приказанию императора, Генрих выколол ему глаза и наказал бесчестьем всех его приверженцев. После того его сослали в монастырь св. Галла (ныне Сангаллен, в Швейцарии) в Алеманнии, а оттуда препроводили на его родину; в последнее же время при короле Свентибольде[1] он был моей рукой пострижен в монастыре в Прюме, где я, несмотря на свое ничтожество, был тогда стражем (аббатом) паствы Господней и где несколько лет спустя он умер и был погребен.

Под 886 г. автор хроники рассказывает о вторжении норманнов в Лотарингию, очевидно, вследствие сделанного уже прежде приглашения со стороны Гуго и для отмщения смерти Готфрида; в этом году они ограничились тем, что утвердились в г. Ловоне (ныне Loewen в Голландии), лежащем на границе Лотарингии и Нейстрии, откуда на следующий год сделали морской набег, вошли в устье Сены и осадили Париж, защищаемый графом Парижским Одо; эта знаменитая осада Парижа была одним из важнейших событий конца IX в. и пердопределила участь как новейшей Франции, так и Каролингов: Карл III потерял все три короны, а защитник Парижа Одо, родоначальник Капетингов, положил начало новому государству и новой династии.

В год в. Г. 887-й норманны оставили г. Ловон (ныне Loewen), вторглись за р. Сену, остановились в Париже, раскинули свой лагерь и обложили город[2]; рано весной император посылает против них герцога Генриха с войском, но он не имеет успеха, потому что, как говорят, норманны были в числе 30 тысяч и все отличные воины. Осенью прежде, чем были сжаты поля, тот же Генрих с армией обоих государств (то есть Австразии и Нейстрии) идет к Парижу, и, расставив кругом и около свои полки, сам в сопровождении небольшой свиты подходит ближе, осматри-

---

[1] Эти меры последних Каролингов против конунгов норманнских напоминают собой меры Древней Римской империи против конунгов варварских, и посольство Карла III было совершенной копией посольства Феодосия II к Аттиле.

[1] Свентибольд – сын короля Арнульфа, побочного сына Карломана, брата Карла III Толстого (см. о нем ниже) – правил Лотарингией между 895 и 899 г., когда жил наш автор.

[2] Автор рассказывает из всей осады Парижа только эпизод, касавшийся одного ему знакомого лица; обстоятельное описание осады Парижа оставил нам очевидец ее Аббон (см. ниже).

вает укрепления, расположение местности и ищет более удобного места, на котором его войско могло бы схватиться с неприятелем без большой потери для себя. Норманны же со своей стороны, услышав о приближении неприятеля, окопали лагерь рвом в один фут шириной и три фута глубины и прикрыли его ветвями и соломой, а для себя оставили несколько мест для перехода. Часть же этих разбойников, спрятанных по дороге, увидев приближение Генриха, выскочила из засады, вызывала его на бой и раздражала бранью. Генрих не мог перенести при своем самолюбии такого поругания, напал на них, и когда его конь попал в тот ров, он полетел вместе с ним; враги поспешно подбежали к нему, прикололи его к земле прежде, нежели он успел подняться, выставили его, бездыханного, на виду всего войска, отобрали оружие и овладели частью его вооружения. Когда полки Карла III напали, им едва удалось отбить его тело, которое и было отправлено в Суассон, где и погребли его в церкви св. Медарда. Вследствие потери предводителя войско возвратилось домой.

В это же время умер аббат Гуго (см. о нем выше) в Орлеане; это был человек большого ума и обладал огромной властью; его похоронили в монастыре св. Германа в Аутисиодоре (ныне St. Germain d'Auxerre). Его же герцогство (Анжу), которым он владел и управлял со славой, император передал Одо, сыну Роберта (см. выше), а Одо в то время был графом Парижа и вместе с Гоццелином, епископом того же города, защищал всеми силами Париж против беспрерывных атак осаждавших его норманнов.

В эти дни отошел от мира упомянутый епископ Гоццелин, именно вследствие бедствий той осады, а на его место император поставил Гаширика.

Затем император лично посетил Галлию, подошел к Парижу с бесчисленным войском, разбил лагерь в виду неприятеля, но не совершил ничего, что было бы достойно императорского величия. Он уступил норманнам на разграбление области и страны, лежащие по ту сторону Сены, потому что жители их не оказывали ему повиновения[1], а сам удалился и пошел прямо в Аквитанию. Но прежде того Карл прогнал от себя с позором Лиудварда, епископа города Верчелли, которым он весьма дорожил и который был его единственным советником в общественных делах; император обвинял его в беззаконной и тайной связи с королевой. Несколько дней спустя он призвал свою жену Рикарду – так называлась императрица – по этому же самому делу в собрание членов, и, удивительное дело, она объявила всенародно, что, несмотря на свое 10-летнее замужество, она остается и до сих пор девственницей... Гордясь тем, она предложила мужу, если он хочет, доказать то Божьим судом, или посредством поединка, или раскаленным железом: была же она богобоязненная женщина. Когда утвердили ее развод, она удалилась на службу Богу в монастырь, построенный ею на собственных землях (Анделау, в Эльзасе, где она была причислена к лику святых).

После этих событий Карл начал обнаруживать телесные и душевные недуги. В ноябре, в день кончины св. Мартина (11 ноября) он прибыл в Трибурию (ныне Требур, на правом берегу Рейна, несколько выше Майнца) и созвал там государственные чины. Когда вельможи империи увидели, что его оставили не только физические силы, но и рассудок, они вручили по собственному побуждению управление империей Арнульфу, сыну Карломана (Карломан был брат Карла III Толстого, и Арнульф был его побочный сын, которому он дал в управление Каринтию); вследствие такого внезапного заговора все отвернулись от императора, так что через три дня не осталось при нем почти никого, кто мог бы исполнять обыкновенные обязанности, предписы-

---

[1] Области, лежавшие по ту сторону верхних течений Сены, составляли древнюю Бургундию. Там, вскоре после смерти Карла Лысого в 878 г., восстал против Карла III граф Прованса Бозо, женатый на Эрмингарде, дочери Людовика II Итальянского (старшего сына Лотаря I), и провозгласил себя королем Бургундии; это было первое независимое государство на развалинах империи Карла Великого, которым началось ее распадение.

ваемые человеколюбием. Даже стол и напитки доставлялись ему на счет Лиудберта, епископа (Майнцского). Это было событие, достойное глубоких размышлений и поразительное для всякого, кто наблюдает за превратностью человеческой судьбы. В самом деле, прежде благоприятное стечение обстоятельств соединило во власти Карла столь многие и столь великие королевства без всякого труда, без пота и без тяжелой борьбы так, что после Карла Великого не было ни одного франкского короля, который мог бы сравниться с ним в величии, могуществе и богатстве; и вдруг теперь несчастный рок отнимает у него позорным образом все, что дало ему счастье, и что, благоприятствуемый обстоятельствами, он достославно соединил; как будто судьба желала на нем показать непрочность всего человеческого. Обратившись из императора в нищего, Карл послал к Арнульфу слезно просить, так как он в своем отчаянном положении думает не об императорском сане, а о ежедневном пропитании, дать ему столько средств, сколько необходимо для настоящей жизни; вместе с тем он отправил своего сына Бернарда, прижитого им с наложницей, предложить Арнульфу подарки и уверить его в своем повиновении. Жалко было видеть, как богатейший император лишился не только утехи счастья, но даже терпел недостаток в удовлетворении последних потребностей. Король Арнульф дал ему для содержания несколько поместий в Алеманнии, а сам, устроив счастливо дела франков, возвратился в Баварию.

В этом же году умер Витгар, епископ Аугсбурга, а Адальбер, муж знатного происхождения, великой души и ума, получил его престол и наследовал ему в епископском звании[1].

В год в. Г. 888-й император Карл, III этого имени и достоинства, почил 12 января и был погребен в монастыре Аугеа (ныне Reichenau, на Боденском озере). Он был государь христолюбивый, богобоязненный, всем сердцем следовал заповедям Божиим, беспрекословно повиновался церковным определениям, был щедр на милостыню, не пропускал молитв и пения псалмов, неутомимо служил Богу, всю свою надежду возлагал на божественное Провидение, которое наградило его таким счастьем, что он успел соединить в самое короткое время, без всякой борьбы и сопротивления, все земли франков, которые были приобретены его предками после многих кровопролитий. Если же в конце своей жизни он был лишен всех своих достоинств и всего имущества, то это, мы полагаем, было только испытанием, назначенным не только для назидания, но – что гораздо более важнее – для примера: действительно, он переносил свое несчастье с большим терпением, воздавая Творцу хвалу, как в счастье, так и в несчастье, и зато он или уже получил венец жизни вечной, которым Бог наделяет всех угодных себе, или без сомнения получит.

После смерти Карла государства, повиновавшиеся его слову, разложились на части, как бы не имея для себя общего законного наследника, и не обратились к своему естественному повелителю (Арнульфу), но каждая часть избрала из своей среды собственного короля. Это обстоятельство вызвало великие войны не потому, чтобы франкам недоставало таких князей, которые не имели бы довольно благородства, храбрости и мудрости для управления всеми королевствами, но именно потому, что равенство их рода, достоинства и силы вызвали соперничество; никто не превосходил других настолько, чтобы подчинить остальных своей власти. Франция произвела бы отличных правителей из своей среды, если бы судьба не вложила им оружия в руки для соперничества в силе к обоюдной их гибели.

Таким образом одна часть итальянского народа поставила своим королем Беренгария, сына Эверарда, владевшего герцогством Фороюланским (от главного города Forum Julii, ныне Cividale del Friuli, близ Удино), а другая часть избрала Видо (или

[1] Весьма важная заметка со стороны автора, потому что она дает возможность определить время составления хроники: автор писал свою хронику для Адальбера, который, как известно, умер в 909 г., следовательно, хроника могла быть окончена не позднее 908 г.

Гвидо), сына Ламберта, герцога Сполетанского (ныне Сполетто). Из этого междоусобия возникли для обеих сторон великая потеря и великое пролитие человеческой крови, а по выражению Господа, «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет» (Матф., 12, 25). Наконец Видо остался победителем и изгнал Беренгария из государства. Изгнанный Беренгарий обратился к Арнульфу и просил у него помощи против врага. Как поступил Арнульф и как два раза прошелся с войском по Италии, об этом будет рассказано в свое время (см. ниже).

Между тем собрались народы Галлии и с согласия Арнульфа единодушно избрали королем герцога Одо, сына Роберта, о котором мы недавно упоминали (см. выше, под годом 887-м), деятельного человека, который перед всеми другими отличался красотой, ростом, большой физической силой и мудростью; он правил мужественно и показал себя неутомимым защитником против опустошений норманнов.

В то же время Рудольф, сын Конрада (женатого на сестре Эрмингарды, дочери Людовика II Итальянского, бывшей замужем за Бозо, королем Нижней Бургундии; сам же Конрад был брат Юдифи, жены Карла Лысого), племянник аббата Гуго, о котором мы упоминали выше (см. под годом 887), овладел страной между Юрой и Апеннинскими Альпами, возложил на свою голову корону в церкви св. Маврикия (ныне St. Maurice, в кантоне Ваатланд) и провозгласил себя королем (это королевство называлось Верхней Бургундией, в отличие от Нижней, где был королем Бозо; см. выше в примечании). Затем он разослал послов по всей Лотарингии и убеждениями склонил сердца епископов и знатных в свою пользу. Когда был извещен о том Арнульф, он бросился на него, и Рудольф бежал теснинами, ища в горах спасения своей жизни. Арнульф, равно как и сын его Свентибольд, преследовали его всю жизнь, но не могли ничего сделать, потому что, как мы заметили выше, при непроходимости страны, по которой могли бродить одни козы, сомкнутые массы войск должны были держаться в отдалении.

В том же году норманны, осаждавшие Париж, сделали удивительное дело и неслыханное, не только в наши времена, но даже и в самые древние. Убедившись, что нельзя взять город силой, они начали употреблять все хитрости, чтобы, оставив город в стороне, перевести флот и все войско в Сену выше Парижа, и потом по р. Ионне без всякого препятствия вторгнуться в бургундские страны. Но так как жители города не допускали подняться вверх по реке, то норманны вытащили корабли на берег, проволокли их шагов 2000 по суше и, избегнув таким образом опасности, снова спустили их в реку; после краткого плавания они оставили Сену, поспешно вошли в Ионну и расположились при г. Сеноне (ныне Sens). Там они разбили свой лагерь, осаждая город шесть месяцев, и опустошили Бургундию огнем и мечом. Но так как жители оказали им сильное сопротивление при помощи Божией, то они и не могли овладеть городом, хотя в поте лица употребляли все средства и все свое искусство. Во время действий осады Эверард, духовный владыка этого города, человек святой и полный мудрости, разрешился от земных уз и отошел в небесное отечество; на его же место был поставлен Вальтер, племянник Вальтера, епископа Орлеанского; но он во многом уступал своему предшественнику и по своим нравам, и по своей религиозности, и по знанию философии.

Хроника, 885–888 гг.

Франсуа Гизо

О ВНУТРЕННЕМ И ВНЕШНЕМ РАСПАДЕ МОНАРХИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО (в 1829 г.)

В одной хронике того же самого века, когда умер Карл Великий (814 г.), рассказывается известная сцена, как плакал император, увидев, что норманны еще при его жизни осмеливаются появляться у берегов Южной Франции[1]. По особенному случаю мы можем в точности определить время, в которое было записано известие об этом анекдоте: а именно, около июня 884 г., следовательно, 70 лет после смерти Карла Великого, по рассказам человека, который лично участвовал во многих походах его против саксов, славян, аваров и пр. Оставляя в стороне слезы, которые, без сомнения, автор прибавил от себя, из этого известия мы видим, что, в конце своей жизни Карл Великий был озабочен опасностями, угрожавшими со всех сторон его империи. Некоторые другие, менее определенные известия, указывают на те же самые беспокойства. Между тем, без сомнения, он вовсе не предвидел, как мало сама империя переживет его и какой степени достигнет ее разложение.

Я не намерен рассказывать теперь о событиях, желаю представить только главные кризисы этого разложения и указать его причины. Оно совершилось между смертью Карла Великого в 814 г. и вступлением на престол Гуго Капета в 987 г. Все это время употреблено было на совершение колоссальной работы. Падением династии Каролингской и возвышением Капетингов она была довершена.

Империя Карла Великого простиралась с северо-востока на юго-запад, от Эльбы в Германии до Эбро в Испании; с севера на юг, она находилась между Северным морем и Калабрией, почти до оконечности Италии. Его власть, без сомнения, была очень неравна на этой обширной территории; во многих местах не повиновались ему, даже вовсе не говорили о нем, но и он беспокоился мало: тем не менее таковы были пределы его империи.

По прошествии 29 лет, в 843 г., на основании Вердюнского договора сыновья Людовика Благочестивого: Лотарь, Карл Лысый и Людовик Немецкий, разделили между собой эту империю на три королевства:

1) Королевство *Франция* (Карл Лысый, от 840 до 877 г.). Оно включало страны, лежащие между Шельдой, Маасом, Соной, Роной, Средиземным морем, Эбро и Атлантическим океаном.

2) Королевство *Германия* (Людовик Немецкий, от 840 до 875 г.). Оно включало страны, лежащие между Рейном, Северным морем, Эльбой и Альпами.

3) Королевство *Италия* (Лотарь I, император, от 840 до 855 г.). Оно включало: 1) Италию, кроме Калабрии; 2) страны, лежащие между Роной, Соной и Маасом на западе, Рейном и Альпами на востоке, то есть Прованс, Дофине, Савойю, Швейцарию, Франш-Конте, часть Бургундии, Лотарингию, Эльзас и часть Нидерланд.

Не надо думать, что каждое из этих королевств составляло одно плотное тело: в королевстве Франции, которым мы займемся специально, было два государя: Пипин II в Аквитании (с 835 г.) и Номеноэ в Бретани (с 840 г.) приняли оба королевский титул и отняли у Карла Лысого верховную власть над значительной частью территории.

Разделение продолжалось; спустя 40 лет после того, в 888 г., со смертью Карла Толстого, последнего из Каролингов, который соединил на короткое время все государства Карла Великого, вот что произошло: вместо трех королевств мы видим их семь:

1) Королевство *Франция* (Карл Простой, 893–929 гг.). Оно включало страны, лежащие между Шельдой, Маасом, Соной, Роной, Пиренеями и Атлантическим океаном, и часть Испанской Мархии, по ту сторону Пиренеев, образующую графство Барцелонское.

2) Королевство *Наварра* (Фортун монах, 880–905 гг.) включало почти всю Испанскую Мархию между Пиренеями и Эбро.

3) Королевство *Прованс,* или Бургундия цис-юранская (Людовик Слепой), включа-

[1] См. подробный рассказ о том выше, у монаха Сангалленского.

ло страны, лежащие между Соной, Роной, Альпами, Юрой и Средиземным морем.

4) Королевство *Бургундия транс-юранская* (Рудольф I) включало страны, лежащие между Юрой, Альпами Апеннинскими и Рейсом, то есть Швейцарию, Валлис, Женевскую страну, Шабле и Бюгей (Bugey).

5) Королевство *Лотарингия* (Свентибольд, 895–900 гг.) включало страны, лежащие между Рейном, Маасом и Шельдой.

6) Королевство *Германия* (Арнульф, 880–899 гг.) включало страны, лежащие между Рейном, Северным морем, Эльбой, Одером и Альпами.

7) Королевство *Италия* (Беренгарий I, 888–924 гг.) включало всю Италию, кроме королевства Неаполитанского, составлявшего тогда княжества Беневентское и Калабрийское.

Обращаюсь к внутреннему состоянию королевства Франции. В 843 г. два только государя: король Аквитанский и герцог Бретанский, разделяли с Карлом Лысым его территорию. В 888 г. разделение простерлось далее, потому что оно не могло остановиться. Всякому известно, что владетели доменов и государственных должностей, то есть бенефициалы, герцоги, графы, виконты, сотники и другие правители провинций или округов, постоянно стремились сделаться независимыми и наследственными, утвердить за собой в непрерывную собственность свои земли и свои должности. В 877 г. мы находим следующий капитулярий Карла Лысого[1]:

«Если после нашей смерти кто-нибудь из наших верных из любви к Богу и нашей особе захочет отказаться от света, он, имея сына или другого родственника, способного служить общественному делу, пусть будет волен передать ему свои бенефиции и почести, когда ему будет угодно».

И в другой статье:

«Если граф этого королевства умрет, а сын его при нас, мы хотим, чтобы наш сын вместе с нашими верными, ближайшими родственниками покойного графа, также с другими чиновниками упомянутого графства, и епископ, в епархии которого оно будет находиться, заботились об управлении его до тех пор, пока смерть графа будет возвещена нам, и мы можем доставить сыну его, находящемуся при нас, почести, которыми отец был пожалован. Если сын покойного графа еще малолетен, епископ и другие чиновники пусть управляют графством до тех пор, пока, извещенные о смерти отца, мы не пожалуем тех же самых почестей».

[1] См. его полный текст выше.

Итак, наследственность бенефиций и должностей королевских освящается законом: но она была уже прежде написана в правах, и множество памятников свидетельствуют, что в то время, после смерти провинциального правителя, если король пытался отдать его графство кому-нибудь другому, а не его потомкам, то не только обнаруживалось сопротивление личного интереса, но такая мера считалась нарушением права, полной несправедливостью. Вильгельм и Энгельшальк при Людовике Косноязычном владели двумя графствами на границах Баварии: после смерти их эти должности были отданы графу Арбо в ущерб прав их сыновей: «Эти дети и их родственники, принимая то за явную несправедливость, сказали, что так поступать нельзя и что или они погибнут от меча, или Арбо оставит их фамильное графство»[1].

Это новое начало принесло свои плоды: к концу IX в. 29 провинций, или их округов, преобразовались в маленькие государства, прежние правители которых сделались под названием герцогов, графов, виконтов настоящими верховными властителями. 29 ленов, которые впоследствии играли роль в нашей истории, образовались именно в эту эпоху[2].

[1] Annal. Fuld., a. 884; Recueil des historiens de France, t. VIII, p. 48.

[2] 1) Duché de Gascogne; 2) Vicomté de Béarn; 3) Comté de Toulouse; 4) marquisat de Septimanie; 5) comté de Barcelone; 6) comté de Carcassonne; 7) vicomté de Narbonne; 8) comté de Roussillion; 9) comté d'Urgel; 10) comte de Poitiers; 11) comté d'Auvergne; 12) duché d'Aquitaine; 13) comté d'Angouleme; 14) comté de Périgord; 15) vicomté de Limoges; 16) seigneurie de Bourbon; 17) comte de Lyonnais; 18) seigneurie de Beaujolais; 19) duché de Bourgogne; 20) comté de Chalons; 21) duché de France; 22) comté de Vexin; 23) comté de Verman; 24) comté de Valois; 25) comté de Ponthieu; 26) comté de Boulogne; 27) comté d'Anjou; 28) comté du Maine; 29) comté de Bretagne.

Важность этих новых государств была неравна и степень независимости их неодинакова; некоторые поддерживают еще с королем Франции довольно близкие отношения; другие находятся под покровительством какого-нибудь могущественного соседа; известные узы соединяют их, и отсюда происходят известные взаимные отношения, которые должны со временем сделаться основой феодального общества. Но главную черту их быта, тем не менее, составляет уединение, независимость; они, очевидно, образуют собой столько же маленьких государств, родившихся из разделения большой территории, сколько местных управлений зародилось прежде за счет власти центральной.

От конца IX в. перейдем вдруг к концу X в., к эпохе совершенного падения Каролингов, уступивших свое место Капетингам: вместо прежних семи королевств древняя империя Карла Великого состояла уже только из четырех:

1) Королевства *Прованс* и *Бургундия транс-юранская* соединены были в 935 г. Рудольфом II, королем Бургундии трансюранской, и образовали одно королевство Арльское, управляемое с 937 по 993 г. Конрадом Миролюбивым.

2) Королевство *Лотарингия*, от которого отделилось несколько больших ленов, уже было только герцогством, которым с 984 до 1026 г. владел Тьерри I.

3) Оттон Великий соединил в 962 г. королевство *Италию* с империей *Германской.*

4) Внутри королевства *Франции* разделение продолжалось: вместо 29 малых государств, или ленов, которые встречаем в конце IX в., мы находим в конце X в. 59 вполне установившихся. И это внутреннее разделение никак не было, как при Меровингах, чем-нибудь случайным, преходящим, следствием одной неопределенности прав собственности и власти: это был прочный и законченный порядок. Те 59 герцогств, графств, виконтств, владельческих земель имели долгое политическое существование; государи их преемственно наследовали; законы, обычаи правильно устанавливались. Можно было писать и действительно писали их отдельные истории, которые в продолжение долгого времени составляли историю французскую.

Такова внешняя сторона постепенного разделения империи Карла Великого, начавшегося в первой половине IX в., завершенного в конце X в. Оно было для некоторых из современников предметом великой печали и ужаса: как в падении Древней Римской империи, просвещенные умы видели при этом новое вторжение варварства и хаоса. Флор, дьякон Лионской церкви, в царствование Людовика Благочестивого и Карла Лысого оплакивал падение Карловой монархии в форме элегии:

«Прекрасная империя цвела под блестящей диадемой; был один государь и один народ; все города имели судей и законы. Ревность пастырей поддерживалась частыми соборами; молодые люди беспрестанно читали священные книги, и ум детей образовывался на изучении литературы. Любовь, с одной стороны, страх, с другой, везде поддерживали доброе согласие. А потому и нация франков блистала в глазах целого мира. Иностранные королевства, греки, варвары и сенат Лациума отправляли к ней посольства. Поколение Ромула, сам Рим, метрополия королевств подчинялись этой нации; там глава ее, поддерживаемый помощью Христа, получил диадему апостольским даром. Счастлива империя, если бы только она понимала свое счастье, имевшая в Риме опору, и в небесном ключеносце своего основателя. Ныне разрушившись, это великое государство потеряло свой блеск и название империи; то, что недавно еще было прочно соединено, разделилось на три части; нет никого, в ком можно было видеть императора; вместо короля, королев и вместо королевства его обломки. Общего блага не существует: каждый занят своими интересами; думают о всем, один Бог забыт. Пастыри Господни, привыкшие собираться вместе, не могут иметь церковных соборов посреди такого хаоса. Нет более народных собраний, ни законов; напрасно посольство прибудет туда, где совсем нет двора. Что станется с соседними народами по Дунаю, Рейну, Роне, Луаре и По? Все, прежде соединенные узами согласия, теперь, когда

союз разрушен, будут терзаемы мрачными раздорами. Чем кончит гнев Божий со всеми этими бедствиями? Едва найдешь таких, которые подумали бы о том с ужасом и, размышляя о происшедшем, были бы тем опечалены: многие даже радуются распадению империи и называют миром порядок вещей, который не представляет ни одного из благ мира»[1].

Два факта обнаруживаются в этой небольшой поэме: с одной стороны, печаль, которую наводит на просвещенных людей разделение империи, с другой – удовольствие большинства; народы чувствовали, что они, так сказать, предоставляются самим себе и избавляются от ига. Очевидно, причина распада была всеобщая и неизбежная. Связь, которую воля и победа Карла Великого установили между таким множеством наций и отдаленными территориями, единство отечества и власти были искусственны и не могли долго существовать.

Какие были причины этого события? Как совершилось разделение, какую внутреннюю реформу произвело оно в западном обществе? На этот вопрос было представлено множество решений, но равно неудовлетворительных. Падение империи Карла Великого приписывали неспособности его преемников: Людовика Благочестивого, Карла Лысого, Карла Толстого, Карла Простого; если бы, говорят, они имели ум и характер основателя империи, она продолжала бы свое славное существование. Другие приписывали ее падение жадности герцогов, графов, виконтов, бенефициалов и других королевских чиновников всякого рода: они хотели сделаться независимыми, верховными правителями; они похитили власть, разделили государство. Некоторые, наконец, утверждают, что норманны виновны в ее падении; продолжительность их набегов и бедность, в которую впали народы, были причиной всего зла. Объяснения, очевидно, узкие и неосновательные. Одно из них имеет еще более значения и заслуживает серьезного исследования; именно то, которое недавно развито Августином Тьерри в его «Письмах об истории Франции» и особенно при втором их издании[1]. Я не принимаю его теории вполне и не считаю ее достаточной для объяснения причин события; но в его исследовании много ума и, без всякого сомнения, много истины.

По мнению Тьерри, разделение империи Карла Великого было результатом разнообразия племен. Со смертью Карла Великого, когда тяжелая рука, державшая вместе столько различных народов, пала, они сначала отделились друг от друга, потом сгруппировались по своей внутренней природе, то есть по происхождению, языку, нравам; и под этим влиянием совершилось образование новых государств. Таково в главных чертах объяснение, которое Тьерри дает этому великому событию. Вот как он толкует отдельные факты и в каком порядке представляет весь процесс переворота. Я сообщу, может быть, его идеям форму, несколько более точную, систематическую, чем какую мы находим в самих его письмах, но, в сущности, я ничего не присовокуплю к ним и ничего не отниму от них.

Между смертью Карла Великого и восшествием Гуго Капета Тьерри различает две большие эпохи. Первая простирается от смерти Карла Великого до смерти Карла Толстого, после которого семь королевств (Тьерри насчитывает их девять) разделили между собой территорию империи. Вторая – от конца IX до конца X в., а именно до восшествия на престол Гуго Капета. Этим двум эпохам соответствуют два вида распада, две революции, различные по предмету и характеру, хотя происходящие от тех же самых причин и стремящиеся к одной и той же цели.

К первой эпохе принадлежит национальная борьба племен; все великие события, наполняющие ее, изъясняются тем совершенно естественно. Главнейшая из них, без сомнения, – распря Людовика Благочестивого с его сыновьями и распря его сыновей между собой. Какой их истинный характер? Отвечая на это, мы не можем не согласиться с Тьерри, что при всем разнообразии

[1] Recueils des historiens des Gaules et de la France, t. VII, p. 302 и след.

[1] См. полный текст Августина Тьерри в переводе ниже.

событий они, тем не менее, носят один характер, а именно: постоянные усилия разрушить единство империи направлены к тому, чтобы основанием деления служило племенное различие. Во всех событиях, совершившихся между 814 и 888 гг., как и в тех двух вышеупомянутых, Тьерри видит влияние одной и той же причины, и ею объясняет образование девяти королевств, которые сложились на развалинах империи. Он насчитывает их девять, потому что относит Аквитанию и Бретань к числу королевств, хотя в конце IX в. графы бретанские и герцоги аквитанские вовсе не носили королевского титула.

Начало X в. открывает собой вторую эпоху и новую революцию. Дело идет уже не о разделении государств по племенам: эта работа пришла к концу. Франкская Галлия видит себя под верховной властью чужеземцев; народонаселение ее смешано; большинство состоит из галлов, а потомки Карла Великого были чистыми германцами. Изгнать Каролингов, заменить их государями более национального происхождения,– таково было, по мнению Тьерри, от 888 до 987 г., постоянное усилие населения собственной Франции; в этом заключалась тайна всех перемен, всех распрей X в., и особенно: 1) борьбы избранного короля Одо (Eudes) против законного короля Карла Простого; 2) борьбы Гуго Великого, герцога Франции, против Людовика Заморского и 3) окончательного падения Людовика V и восшествия на престол Гуго Капета.

Таким образом, по теории Августина Тьерри, история Франции от Карла Великого до Гуго Капета представляет собой два великих события: 1) разделение народов по различию племен; 2) изгнание династии чисто германского происхождения и замена ее государями галло-франкскими, то есть национальными. Таково построение этой системы; в ней мы удивляемся редкому пониманию происшествий, короткому знакомству с положением лиц и общественными нравами; но при всем том не будет трудно, если я не ошибаюсь, показать всю неполноту и крайнюю ее односторонность.

1. В различных союзах и сближениях, совершавшихся в царствование Людовика Благочестивого и его детей, народы сливались и разделялись далеко не всегда по племенам: много других причин руководили их движениями, и племенные интересы занимали при этом часто только второстепенное место. Для доказательства я укажу на факты, которые приводит сам Тьерри. В войнах Людовика с его сыновьями народы чисто германского происхождения являются защитниками императора и империи; в междоусобиях же его детей они идут против нее, и среди ее защитников за Лотарем идут римляне, галлы, готы, бургунды, франки; вовсе не все королевства соединялись против императорских притязаний Лотаря, потому что, например, король Аквитанский, Пипин II, соединяется с ним против Людовика Немецкого и Карла Лысого. Очевидно, географическое положение, личные интересы, множество временных и особенных причин оказывали на эти союзы влияние, часто более решительное, чем племенное происхождение и родство наций.

2. Это родство также мало имеет влияния на само формирование королевств: королевства Бургундия цис-юранская и Бургундия транс-юранская доказывают это ясно: все племена смешаны в них, и границы их определены совсем другими побуждениями.

3. Еще менее могло племенное происхождение играть роль в образовании малых государств, герцогств, графств, владетельных земель и пр., на которые делилось каждое королевство. Тут нет никакой борьбы родовой, национальной, а распад существует, как и между великими массами населений, из которых сложились королевства.

Итак, не одно разнообразие племен, а и другие причины содействовали разложению империи Карла Великого и образованию новых государств. Первое, без сомнения, много помогло; но нельзя его считать главной, господствующей причиной, потому что те же явления происходили как там, где оно не имело места, так и там, где оно оказывало влияние. Главную причину предстоит еще искать. Так как разнообразие племен не может быть принято за причину, то постараемся найти ее в другом месте.

В Галлии Римской и в ее населении древнем и новом, в эпоху Великого переселения народов, были две первобытные ассо-

циации германского происхождения: *колено*, управляемое началами личной свободы, и *дружина*, устройство которой было основано на военном и аристократическом покровительстве; впоследствии оба эти учреждения, по переселении на римскую почву, распались, потому что не соответствовали новому положению завоевателей, обратившихся в собственников и рассеянных по обширной территории.

В то же время рушилось и римское общество; по крайней мере, его главная организация, государственное управление, пала от нашествия варваров. Таким образом, в начале VIII в., и общество римское, и общество германское равно погибли в Галлии Франкской, обуреваемой всевозможными родами анархии.

Попытка Карла Великого была воскресить их вместе; он создал новую Римскую империю с ее единством, учреждая, с одной стороны, римскую администрацию, с другой – национальные германские собрания и военное покровительство. Он воспользовался всякими ассоциациями, всеми правительственными органами, известными в империи и Германии, которые были только расстроены, ослабли, с тем, чтобы укрепить их в свою пользу. Он был вместе и начальник войска, и председатель национальных собраний, и император. Карл имел кратковременный успех и лично для себя. Это было воскрешение, начало императорской администрации, начало дружины и обычаи свободного колена Германии, в приложении их на деле, были равно неисполнимы. Для основания великого общества должно, с одной стороны, найти его элементы в духе людей, с другой – в общественных отношениях. Но моральное и социальное состояние народов в ту эпоху противилось всякому соединению, всякому единичному и обширному правительству. Люди имели мало идей, да и те были весьма ограничены. Отношения общественные становились редки и узки. Горизонт мысли и горизонт жизни были крайне необширны. При таких условиях великое общество невозможно. Что можно принять за естественные, необходимые узы его? С одной стороны, количество и обширность отношений, с другой – масса и широта идей, посредством которых люди сообщаются и сносятся. В стране и эпохе, где нет ни отношений, ни многочисленных и обширных идей, очевидно, узы великого общества, великого государства, невозможны. Таков был именно характер того времени, о котором мы говорим. Основные условия обширного общества там вовсе и не существовали. Маленькие общества, местные правительства, общества и правительства, соответственные самим идеям и социальным отношениям,– вот что одно было возможно. Действительно, это одно и успело основаться.

Элементы для таких маленьких обществ и маленьких правительств вполне существовали. Владетели бенефиций, полученных ими от короля, или от разделения завоеванных земель, графы, герцоги, правители провинций были рассеяны по территории. Они сделались естественными центрами соответствующих им обществ. Вокруг них добровольно или насильственно соединялись из окрестностей жители, свободные и рабы; таким образом сложились те маленькие государства, те лены, о которых мы говорили выше. В этом-то и заключается главная и истинная причина распада империи Карла Великого. Верховная власть и нация разложились, потому что единство для них было невозможно; все сделалось местным, ибо не было ничего общего в интересах и умах. Законы, суды, орудия порядка, войны, тирании, привилегии – все сосредоточивалось на небольших территориях, потому что ничто не могло ни управляться, ни поддерживаться в обширных размерах. Но когда это великое брожение различных социальных условий и различных властей достигло своих пределов, когда маленькие общества, зародившиеся в ту эпоху, оделись в несколько правильную форму, и худо ли, хорошо ли, но определенную иерархическими отношениями, соединившими их, этот результат завоевания и возрождающейся цивилизации получил название феодального устройства. В конце X в., с прекращением рода Каролингов, такой переворот, можно сказать, был довершен: с того времени начинается век так называемой феодальной образованности.

Hist. de la civil. en France. II, 24 лекции.

Августин Тьерри

ОСНОВАНИЕ НОРМАННСКОГО ГЕРЦОГСТВА ВО ФРАНЦИИ. 885 г. (в 1825 г.)

Между первым появлением норманнов у берегов Галлии при Карле Великом и последней их высадкой при Карле Простом прошло около ста лет. В этот промежуток времени совершилось распадение Карловой монархии, сопровождавшееся целым рядом общественных бедствий всякого рода. От территории Галлии оторвались не только те страны, которые исконно отделялись от нее своими естественными границами, но даже и внутри ее самой произошло мелкое подразделение, вызванное различием географического положения, местных преданий и языка или наречий. Стремление к отдельному политическому существованию началось с Бретани, независимой при первой франкской династии и покоренной при второй: с первой половины IX в. она становится отдельным государством[1]. Ею управляли свои короли, не только независимые от чужого владычества, но даже завоеватели, отнявшие у внука Карла Великого города Ренн, Ванн и Нант. 50 лет спустя древнее королевство визиготов, то есть страны между Луарой, Роной и Пиренеями, после долгих удачных и неудачных сопротивлений владычеству франков составили отдельное целое под названием Аквитании, или Гвиенни; по другую же сторону Роны образовалось новое государство из Прованса с присоединением южной части древнего королевства бургундов. В то же время области около Рейна, куда германские вторжения внесли язык немецкий, составили отдельную страну от земель на запад, где говорили на романском языке. Одно промежуточное пространство, стесненное этими новыми государствами, то есть земли между Луарой, Маасом, Шельдой и границей бретанской, осталось королевством собственно галло-франков. Оно занимало протяжение прежнего Неостеррика, или Нейстрии древних франков; но в IX в. называли Нейстрией только западную приморскую страну, а название Остер-рик, или Австразия, прежде относившееся ко всей Германии, незаметно было отнесено к берегам Дуная.

Это новое королевство, настоящая колыбель нынешней Франции, содержало смешанное народонаселение: частью германское, частью галльское, или романское; поэтому соседние народы называли его по-разному, соответственно тому, как смотрели на обитателей Галлии. Итальянцы, испанцы, англичане и народы скандинавские видели там только франков; но алеманны, присваивая исключительно себе это почетное германское имя, отказывали в нем своим западным соседям и называли их валлонами, или вельсками (Wallons ou Welsches). В самой стране существовало также различие: землевладелец, окруженный своими вассалами и своими поселянами, исключительно занятый оружием или охотой и, следовательно, живший по обычаю древних франков, принимал заимствованное из наречия прежних завоевателей название франка, или барона. Люди же, не имевшие господских владений, жили сплошными массами, по обычаям римским, в городах, селах и деревнях и от этого образа жизни назывались горожанами (vilains) или обывателями (manants). Были горожане, слывшие свободными, и крепостные; но свобода первых, всегда угрожаемая и насилуемая баронами, была неопределенна и неверна. В таком положении существовало королевство Франция, как относительно своего пространства, так и разных своих обитателей, когда оно подверглось великому последнему вторжению скандинавских пиратов, заключившему долгий ряд этих набегов завоеванием целой области. Для определения причин такого знаменитого события надобно перейти к истории Севера.

В конце IX столетия Гаральд Гарфагер, то есть Прекрасноволосый, присоединил силой оружия к своему участку остальную Норвегию и стал королем над всей страной.

[1] При Карле Лысом владетель Бретани, Номеноэ, провозгласил себя независимым королем.

Такое уничтожение многих небольших независимых владений совершилось не без сопротивления: не только бились с ожесточением за поземельное обладание, но и после покорения страны множество людей предпочли скорее покинуть родину и скитаться по морям, нежели повиноваться новому королю. Большая часть таких изгнанников стала разбойничать на северных морях, грабила острова и прибрежья и возбуждала своих единоземцев к возмущениям. По этой политической причине завоеватель Норвегии сделался ожесточеннейшим врагом пиратов. С многочисленным флотом он преследовал их вдоль всех берегов своего королевства и даже на водах Оркадских и Гебридских островов, топил их корабли, разорял пристанища, занятые ими на многих островах океана. Сверх того, он запретил строгими постановлениями пиратство и всякое насилие вооруженной рукой в своем королевстве[1].

С незапамятных времен велся между викингами (морскими королями) обычай пользоваться по всем прибрежьям, без различия стран, правом поборов, называемым ими страндгуг (strandhug), или сбором припасов. Когда моряки при малом запасе у себя продовольствия замечали на каком-нибудь берегу плохо охраняемые стада, они причаливали, захватывали животных, убивали, потрошили их и бесплатно запасались мясом и платили ничтожную цену по своей воле. Страндгуг был бичом селений и ужасом жителей. Его производили даже люди, не упражнявшиеся в морских разбоях, но по своему могуществу и богатству уверенные в безнаказанности[2].

При дворе Гаральда, между ярлами, или первостепенными вождями, был некто Ронгвальд, любимец короля, усердно ему служивший во всех войнах. У Ронгвальда было много сыновей, знаменитых храбростью, и из них славнейшим был Рольф, которого для благозвучия, свойственного многим именам тевтонским, называли Роллой (или Роллоном). По огромному своему росту, не находя для себя коня из мелкой породы лошадей своей родины, он всегда ходил пешком и получил прозвище Ганг-Роллы (Gang-Roll), то есть Ролла Ходок. Однажды этот сын Ронгвальда, возвращаясь со многими товарищами из плавания по Балтике, перед высадкой в Норвегию, пристал к Вигену и там, по нужде ли в припасах, или желая воспользоваться случаем, произвел насильственный побор (strandhug). В тех же местах, по случаю, находился и король Гаральд, которому жители принесли жалобу. Не принимая в уважение личности виновника грабежа, король немедленно собрал судейский совет (thing), чтобы судить Роллу по закону. Прежде чем обвиняемый явился перед собранием, которому надлежало приговорить его к изгнанию, жена Ронгвальда прибежала к королю, прося пощады своему сыну: Гаральд остался непреклонным. Тогда эта женщина, одушевленная гневом и материнским горем, начала говорить по вдохновению, как это водилось у скандинавов, когда что-либо их сильно возбуждало. Она сказала в стихах королю следующее: «Ты изгоняешь из страны, как врага, человека благородного. Слушай же мои слова: опасен разъяренный волк – беда стадам, пасущимся близ леса».

Несмотря на эти загадочные угрозы, приговор состоялся, и Ролла был навсегда изгнан из отчизны. Он собрал несколько кораблей и поплыл к Гебридам. На этих островах нашли убежище некоторые из скандинавов, покинувших Норвегию вследствие завоеваний короля Гаральда. Почти все они были люди родовитые и знаменитые военными подвигами. Вновь прибывший изгнанник присоединился к ним для участия в морских разбоях. Собрав все свои корабли, они составили довольно многочисленный флот, который управлялся не одним военачальником, а всеми главными товарищами. В числе их Ролла пользовался только тем преимуществом, которое соответствовало его достоинствам и славному имени.

Отплыв от Гебридов, флот обогнул северную оконечность Шотландии, направился к юго-востоку и вошел в Галлию устьем Шельды; но так как эта часть страны, от природы бедная, была уже не раз опустошаема и представляла мало для добычи, то пираты

---

[1] *Mallet.* Histoire du Danemarck, t. I, p. 223.

[2] *Depping.* Histoire des expeditions maritimes des Normands, II, ch. VIII, p. 57.

опять пустились в море, держались на юг, вошли в устье Сены и поднялись (895 г.) до Жюмьежа, в пяти лье от Руана. В то время окончательно определились границы королевства Франции, втесненной в пространство между Луарой и Маасом. После долгих внутренних раздоров за поземельные владения настала в этом королевстве перемена политическая, осуществившаяся через 100 лет низвержением второй франкской династии. Король французов, потомок Карла Великого, названный по прадеду также Карлом, походил на своего родоначальника только именем. Он оспаривал тогда свою корону у соперника вовсе не королевского происхождения. Оба воюющие вождя, король династический и король выборный, смотря по успеху их оружия, поочередно владели страной; но ни тот, ни другой не были достаточно могущественны для защиты страны от вторжения норманнов: все силы королевства напрягались с обеих сторон на междоусобную войну. Пираты, не встречая против себя никакого войска, беспрепятственно грабили и жгли по обоим берегам Сены[1].

Гул этого погрома вскоре достиг Руана: жители ужаснулись, не имея надежды защитить городские стены, частью разрушенные еще в прежние нашествия, а помощи ожидать было неоткуда. При этом общем унынии архиепископ Руанский, человек благоразумный и твердый, для спасения своей паствы решился вступить в переговоры о сдаче города прежде первого неприятельского приступа. Несмотря на ненависть северных язычников к христианскому духовенству, доходившую до кровожадности, архиепископ прибыл в неприятельский стан, находившийся близ Жюмьежа, и говорил с норвежцами через переводчика. Он так успешно работал словом и делом, столько обещал, столько давал, говорит старинный летописец, что выхлопотал перемирие с Роллой и его товарищами: им был обеспечен свободный доступ в город, а они обещали городу безопасность. Норвежцы совершенно мирно пристали к берегу Сены, близ церкви св. Морена. Вожди их обошли город по всем направлениям, осмотрели укрепления, водоемы, набережные: все им понравилось, и они избрали Руан своим главным складочным и оборонительным местом.

Приняв во владение этот город, норманнские начальники с главными своими силами опять поплыли вверх по Сене и устроили себе укрепленный лагерь при впадении в эту реку Эры. Здесь они стали выжидать приближение шедшего против них французского войска. Король Карл, или Шарль, по романскому выговору, распоряжаясь тогда в королевстве без соперника, решился на огромное усилие и спешил отразить нашествие норманнов. Войска, предводительствуемые герцогом французским Рагенольдом (Rahgenold), или Реньйо (Regnauld), шли вдоль р. Эр и стали на правом берегу в некотором отдалении от неприятельского лагеря. В числе графов, по приказанию короля поднявших знамена на битву против язычников, был один обращенный в христианство язычник, прежде знаменитый морской король Гастинг. Двадцать лет назад этот усталый искатель приключений примирился с королевством Французским, получив в свое управление графство Шартрское. На французском совете, собравшемся для рассуждения о предстоящих действиях, был и Гастинг. Спрошенный в свою очередь, он подал совет: прежде сражения вступить в переговоры с неприятелем. Это мнение, хотя и подозрительное для некоторых из французских вождей, взяло перевес, и Гастинг, сопровождаемый двумя посланными, знавшими датский язык, отправился на переговоры с норвежцами.

Трое уполномоченных следовали по течению Эры до места, против которого норманнское товарищество устроило свои окопы. Остановившись и возвысив голос, чтобы быть услышанным на другом берегу реки, граф Шартрский крикнул: «Гей, храбрые воины! Как зовут вашего сеньора?» – «У нас нет господина,– отвечали норманны,– мы все ровня».– «Зачем же вы прибыли в эту страну и что вы хотите?» – «Хотим покорить себе жителей и землю. А ты кто, ты, хорошо говорящий по-нашему?» Граф продолжал: «Слыхали ли вы о славном морском короле Гастинге, воевавшем

[1] См. о том ниже.

это королевство и объезжавшем моря на многих кораблях?» – «Конечно, слыхали,– сказали норманны.– Гастинг начал хорошо, а кончил худо».– «Не хотите ли вы покориться королю Карлу, за вашу службу и верность он наградит вас почестями и владениями?» – «Нисколько, нисколько! Мы не хотим покоряться никому, а что завоюем, то будет наше. Ступай. Можешь пересказать это королю».

Гастинг возвратился с этим ответом и в последовавшем затем совещании советовал не предпринимать нападения на окопы язычников. «Вот совет предателя!» – крикнул сеньор Роллан; а за ним повторили то же и многие другие. Старый морской король, по чувству ли негодования за оскорбление, или по безмолвному сознанию в своей неправости, немедленно покинул не только войско, но и свое Шартрское графство, и удалился неизвестно куда. Но предусмотрительность его оправдалась: при нападении на укрепленный лагерь войска были совершенно разбиты, а герцог Франции убит рыбаком из Руана, сражавшимся за норвежцев.

Ролла и его товарищи открыли себе этой победой свободное плавание вверх по Сене, достигли Парижа и осадили этот город, но не могли его взять. Один из главных их вождей был захвачен осажденными; остальные, чтобы его выручить, заключили с королем Шарлем перемирие на год и отправились на грабеж северных областей, не принадлежавших уже Франции. К концу перемирия (900 г.) они поспешили возвратиться в Руан и оттуда пустились к Байё, внезапно взяли этот город, убили в нем графа и часть жителей. Этот граф, по имени Беранжер, имел прекрасную дочь, которая при разделе добычи досталась Ролле. Скандинав взял ее себе в жены по обрядам своей веры и закону своей отчизны.

Эврэ и многие другие окрестные города были также захвачены норманнами, которые таким образом распространили свое владычество на большую часть территории, называвшейся тогда старинным именем Нейстрии. Руководимые некоторым политическим здравым смыслом, норвежцы переставали разбойничать в тех местах, где уже не встречали сопротивления, и начали довольствоваться правильной данью с городов и селений. По тому же здравому смыслу они решились подчиниться верховному начальнику, облеченному постоянной властью; выбор товарищества пал на Роллу, которого они сделали своим королем, говорит древний летописец; но этот титул, данный ему, вероятно, на северном наречии, вскоре заменен был французскими титулами дюка (герцога) или конта (графа). Хотя новый герцог был язычник, но полюбился туземцам. Прежде они проклинали его за разбои, а потом стали любить, как покровителя, охранявшего их и от новых нападений с моря, и от бедствий междоусобной войны, опустошавшей остальную Францию[1].

Основав отдельное территориальное владение, норманны стали продолжать войну против французов еще с большей последовательностью. Они соединились с другими скандинавами, вероятно, датского происхождения, завладевшими устьями Луары, и положили одновременно разграбить всю страну между Сеной и Луарой: опустошение простерлось даже в Бургундию и Овернь. Париж, вторично осажденный норманнами, отбился так же, как Шартр, Дижон и другие укрепленные места; но множество городов открытых были разграблены и даже истреблены. В 912 г., спустя 16 лет после занятия Руана, французы всех сословий, измученные непрерывными нападениями норманнов, начали требовать, чтобы война эта была окончена во что бы то ни стало. Епископы, графы и бароны указывали королю на эту необходимость; горожане и поселяне при проездах короля вопили о мире. Старинный писатель сохранил нам выражения народного ропота: «Что теперь видим повсюду? Разоренные церкви, убитых людей. По слабости короля норманны делают во Франции что хотят; от Блуа до Санлиса нет десятины хлебного посева, и никто не смеет работать ни на пашне, ни в виноградниках. Если не окончится война, будет дороговизна и голод». Король Шарль, по прозванию Простой, или Глупый[2], которому история сохра-

[1] См. ниже.

[2] Carolus simplex, sive stultus. Script. rer. gallic. et francic, t. IX, p. 22.

нила первое прозвище, имел на этот раз столько ума, что послушался народного голоса. Может быть, уступая этому общему желанию, он имел и политический расчет искать мира и союза с норманнами, чтобы найти в них опору против своих тайных врагов, желавших его низложения с престола. Он позвал на великое собрание своих баронов и епископов и по обычаю того времени просил у них помощи и совета. Все решили заключить перемирие и вести переговоры о мире (912 г.).

Архиепископ Руанский был способнейшим человеком для устройства этого дела: несмотря на разность веры, он имел на Роллу влияние, вроде того, какое имели епископы V в. на завоевателей империи. После норманнского вторжения он не прекращал своих сношений с другими епископами и баронами Франции; может быть, он даже участвовал в их совещаниях. Во всяком случае, он охотно принял на себя передачу мирных предложений. Поэтому он пришел к Ронгвальдову сыну и сказал ему: «Король Карл предлагает тебе в супружество свою дочь и наследственное владычество во всей стране, от реки Эпта до Бретани, с условием, чтобы ты принял христианскую веру и мир с Францией».

На этот раз норманн не сказал: «Не хотим покоряться никому»; другие мысли, другие желания родились в нем с тех пор, как он стал управлять уже не толпой разбойников, а обширной страной. Христианство, вне которого Ролла не мог быть равным знатнейшим владельцам во Франции, перестало быть ему ненавистным; а большинство его товарищей, живя между христианами, утратили свой языческий фанатизм. Ролла считал себя вправе вступить в новый брак и выслать от себя жену, взятую по обычаям и обрядам языческим. «Речи короля хороши,– сказал он архиепископу,– но земля, предлагаемая им мне, недостаточна; она обеднела и не обработана; людям моим после мира нечем будет жить». Архиепископ передал ответ королю, который поручил ему предложить Ролле и Фландрию, хотя на эту страну сам Карл имел только оспариваемое притязание. Норманн не принял и этого предложения, отзываясь, что Фландрия земля плохая, полная грязи и болот. Тогда, не зная, что бы еще придать, Шарль Простой велел сказать, что дает еще в удел Бретань в соединении с Нейстрией; это предложение было подобно предыдущему, потому что Бретань была государство независимое: короли Франции могли присваивать себе право господства только на графство Реннское, отвоеванное у них за полстолетия властителями Бретани. Но Ролла не обратил на это внимания и принял предложение, как бы не замечая, что ему передают в наследство давнишнюю распрю.

Король Франции и начальник норманнов прибыли в селение Сен-Клер на Эпте для торжественного утверждения договора. Каждого из них сопровождала многочисленная свита. Французы поставили свои шатры по одну сторону реки, а норманны по другую. В назначенное время Ролла подошел к королю, положил обе свои руки в его руки и, стоя, произнес обычные слова: «Отныне я ваш человек и клянусь верно охранять вашу жизнь, ваше тело и вашу королевскую честь». Потом король и его бароны почтили норманнского вождя титулом графа и поклялись в неприкосновенности его жизни, тела, чести и всей его области, означенной в мирном договоре.

Торжество казалось оконченным, и новый граф хотел уже удалиться, когда французы сказали ему: «Прилично получающему такие дары преклонить колена перед королем и поцеловать ему ногу». Норманн отвечал: «Никогда ни перед каким человеком не преклоню колена и не поцелую ноги никакому человеку». Бароны настаивали на исполнении этого обряда, бывшего в употреблении еще при дворе франкских императоров, и Ролла с лукавой простотой велел одному из своих людей подойти и поцеловать вместо него ногу короля. Норвежский воин подошел, нагнулся, не склоняя колена, взял короля за ногу и поднял ее для целования так высоко, что Карл Простой опрокинулся и упал. Непривычные к условиям вежливости пираты разразились громким хохотом. Настало кратковременное смятение; но дальнейших дурных последствий этого странного происшествия не было.

Скандинавские воины IX–XI вв.

Остались к выполнению две статьи договора: обращение в христианство нового короля или герцога Нормандии и женитьба его на дочери короля; согласились совершить это двойное торжество в Руане, и многие французские бароны проводили туда невесту. После непродолжительного учения сын Ронгвальда был крещен архиепископом и с совершенной покорностью принял его наставления. Потом неофит, то есть новокрещенный, спрашивал о церквах и святых, наиболее чтимых в его новых владениях. Архиепископ назвал ему шесть церквей и трех святых, Богоматерь, св. Михаила и св. Петра. «А кто наисильнейший покровитель из святых по соседству?» – спросил герцог. «Святой Дионисий»,– отвечал архиепископ. «Ну, так прежде раздела земель между моими сотоварищами я дам части Богу, Пресвятой Марии и другим святым, тобой мне названным». Действительно, нося семь дней белую одежду новокрещенного, Ролла ежедневно дарил по очереди каждой из названных ему церквей поземельное владение. Потом, надев свое обыкновенное платье, он занялся делами политическими и общим разделом Нормандии между норвежскими пришельцами.

Земли были разбиты по шнуру, говорят древние летописцы: этим способом обыкновенно измерялась поземельная собственность в Скандинавии. Все земли, обработанные и пустопорожние, за исключением владений церковных, были разделены вновь, без всякого внимания к правам туземцев. Товарищи Роллы, начальники и простые воины, смотря по чину каждого, сделались владетелями городов и селений, властителями-собственниками больших и малых имений. Прежние владельцы были вынуждены подчиняться воле новопришельцев, уступить им по их требованиям свои владения и нанимать у них собственные свои имения или пользоваться ими под условием подданства. Поэтому работники, составлявшие принадлежность имений, подпали под власть новых господ, и многие из прежде свободных людей стали крепостными. С новым распределением поземельной собственности возникли новые географические названия. Многие имения означались по собственным именам скандинавских завоевателей, которым они достались в удел. Хотя состояние мастеровых людей и земледельцев было почти одинаково как во Франции, так и в Нормандии, однако надежда на большую безопасность и обновление общественной жизни, обыкновенно сопровождавшее образование нового государства, привлекли в Нормандию много ремесленников и земледельцев, желавших там устроиться, под покровительством и управлением герцога Роллы. Имя его, произносившееся по-французски Ру, приобрело народную известность во Франции. Он слыл за величайшего недруга воров и за правосуднейшего владетеля тогдашнего времени.

Большая часть норвежцев, следуя примеру своего вождя, охотно приняла крещение; а другая часть на это не решилась и предпочла остаться при обычаях своих предков. Эти староверы соединились вместе, чтобы составить отдельную колонию, и основались близ Байё. Может быть, их привлекали туда нравы и язык обитателей Байё, происходивших от саксов и в X в. еще говоривших наречием германским. В этой части Нормандии норвежский говор, мало отличаясь от туземного, слился с ним в один язык, понятный датчанам и другим скандинавам. Когда, после нескольких поколений, норманнские бароны Бессина и Котентина, увлекаемые общим примером, склонились к христианству, в них еще были заметны признаки скандинавского направления. Между всеми владельцами и рыцарями Нормандии они отличались особенным буйством и почти постоянно враждебностью к правлению герцогов; некоторые из них долго сохраняли на своем оружии языческие девизы и противопоставляли норманнскому боевому возгласу: «Помоги, Боже!» древний воинский крик скандинавов: «Тор, помоги!»

Мир между французами и норманнами был непродолжителен: последние искусно воспользовались тогдашними обстоятельствами, чтобы распространить свои владения на восток, почти до впадения Оазы в Сену; к северу земли их ограничивались речкой Брель, а на юго-западе речкой Коэнон. Всех жителей этих стран французы и

иноземцы называли норманнами, тогда как датчане и норвежцы отличали этим почетным для них названием только тех людей из народонаселения, которые действительно по имени и языку были норманнами. Эта по числу меньшая часть населения пользовалась в отношении к другой, большей части туземцев и переселенцев из иных частей Галлии, теми же правами, какими обладали потомки франков в отношении к потомкам галлов. В Нормандии простое название «норманн» было уже знаком благородства: это название означало свободу и могущество, а также право взимать дань с горожан и земледельцев.

Все настоящие норманны были равны в правах гражданских, хотя и отличались между собой военными степенями и должностями политическими. Они могли быть облагаемы сборами только по собственному их согласию, были свободны от подорожных уплат за провоз принадлежащих им произведений и за сплав их судов по рекам; все они пользовались правом охоты и рыбной ловли, исключительно перед всем туземным населением. Хотя двор норманнских герцогов был образован по примеру двора королей французских, однако в первоначальный состав его не входило духовенство, даже высшее, потому что оно было французского происхождения; позже, когда значительное число лиц норвежского или датского племени вступило в монашество, в самих монастырях существовали некоторые преимущества в положении этих лиц против прочих духовных.

Подобные же преимущества, еще более значительные в быту политическом и гражданском, крайне были обременительны для старинного населения страны. Последствием было то, что спустя менее столетия по образовании нового герцогства это угнетенное население задумало уничтожить неравенство племен с тем, чтобы страна Нормандия, нося одно это название, была обитаема и одним народом. Такой замысел обнаружился при Рикгарте, или Ричарде II, третьем преемнике Роллы. Во всех округах Нормандии жители сел и деревень по вечерам с окончанием дневных трудов начали собираться и толковать о своем бедственном положении. На эти сходки являлось по двадцать, тридцать или по сто человек. Часто они собирались в кружки, чтобы слушать какого-нибудь рассказчика, который своими пылкими речами одушевлял их против господ их страны, контов, виконтов, баронов и рыцарей. Древние летописи в стихах представляют нам сильно и живо сущность этих речей:

«Господа делают нам только зло; от них не добиться ни толку, ни справедливости; они владеют всем, берут все, поедают все и заставляют нас жить в бедности и страданиях. Ежедневно мы в тяжких работах и ничем не пользуемся за наши труды: так много на нас повинностей, оброков, барщины. Зачем дозволяем мы так поступать с нами? Свергнем их власть – мы такие же люди, как они: у нас такое же тело, такой же рост, те же силы для перенесения страданий, и на каждого из них нас по сотне. Поклянемся защищать друг друга, соединимся между собой, и тогда никакой человек не станет владеть нами; не будет с нас поборов, нам можно будет рубить деревья, ловить дичь и рыбу; леса, луга и воды будут в нашей воле».

Это воззвание к естественному праву и силе большинства увлекло народонаселение, и многие жители деревень поклялись друг другу во взаимной поддержке и помощи против кого бы то ни было. Обширная ассоциация взаимной защиты распространилась по всем селениям и объединила если не всю массу обитателей, то по крайней мере земледельческое сословие туземного населения. Согласившиеся делились на частные кружки, которые тогдашний историк называет сходбищами (конвентикулами, conventicules). В каждом графстве было по кружку и более, и каждая из этих сходок выбирала некоторых из своих членов для составления общего или высшего собрания. Это последнее собрание должно было готовить и устраивать по всей стране средства к сопротивлению и освобождению; оно посылало из округа в округ, из деревни в деревню людей смышленых и красноречивых, для привлечения жителей к соглашению, для принятия их клятв и занесения их имен в списки.

В таком положении было дело, когда при дворе норманнском стало известно, что по всей стране горожане составляют сходки и вступают в клятвенные соглашения. Норманны сильно встревожились: им предстояла потеря прав и доходов со своих имений. Герцог Ричард по молодости лет не мог еще действовать самостоятельно: он послал за своим дядей Раулем, графом Эврэ, которому вполне доверял. «Сир,– сказал ему граф,– будьте покойны и предоставьте мне этих мужиков: не трогайтесь сами с места, но пришлите мне всех ваших рыцарей и других вооруженных людей».

Чтобы захватить главных руководителей возникавшего товарищества, граф Рауль послал в разные места ловких сыщиков, приказав им в особенности разузнавать о времени и месте собрания центрального круга. По доставленным ими сведениям он направил туда войска и захватил выборных, некоторых во время бывшего совещания, а других тогда, когда они принимали по деревням клятвы вновь вступавших в товарищество. По расчету или по злобе граф поступил чрезвычайно жестоко со своими пленниками. Без суда и даже без розыска он подверг их увечьям и ужаснейшим мучениям, иным выколол глаза, отрубил руки или ноги, выжег подколенки, других сажал на колья, обливал растопленным свинцом. Для распространения ужаса несчастных, переживших эти истязания, показывали по деревням, а потом отправляли к их семействам. Страх казней превозмог желание улучшений и свободы; общественная ассоциация рушилась; совещания прекратились, и печальное безмолвие надолго распространилось по стране.

В то время (X в.) разница наречий, сначала отделявшая завоевателей от туземцев Нормандии, почти уже не существовала: скандинав отличался от галло-франка только родословной. Даже в Руане, в самом дворце наследников Роллы, в начале IX в. говорили на одном языке – романском, или французском. Исключение составлял город Байё: тамошнее наречие, слившееся с саксонским и норвежским, было понятно скандинавам. Поэтому когда новые выходцы с севера прибывали к своим единокровным в Нормандию для участия в поземельном владении, то преимущественно направлялись к стороне Байё. Если верить старинному летописцу, герцоги Нормандии посылали туда же своих детей учиться и говорить по-датски. Датчане и норвежцы поддерживали с Нормандией дружеские сношения до тех пор, пока сходство языка напоминало им древнее, кровное братство с тамошними норманнами. Много раз во время войн первых герцогов против французов короли-язычники приплывали из Норвегии и Дании с сильными войсками язычников на помощь этим герцогам-христианам. Но с тех пор, как романское наречие стало общеупотребительным в Нормандии, скандинавы природные перестали смотреть на нормандцев, как на своих естественных союзников; они даже не давали им более имени норманнов и называли французами, романами или вельсками, наряду со всеми прочими обитателями Галлии.

Hist. de la conquête de l'Anglet. par les Normands.
Par. 1856. I, c. 134–156.

КОММЕНТАРИЙ. Об Августине Тьерри и его сочинениях см. выше. Его «История завоевания Англии норманнами» переведена на русский язык в трех частях (СПб., 1859 г.). Из этого перевода заимствован нами вышеприведенный отрывок с исправлением некоторых погрешностей.

Аббон

ОСАДА ПАРИЖСКОЙ БАШНИ ШАТЕЛЕ НОРМАННАМИ. 887 г. (в 897 г.)

О, Лутеция (ныне Париж), раскинувшаяся среди вод Сены в центре богатого королевства франков! Ты провозгласила сама себя великим городом, сказав: «Я, как царица, сияю среди прочих городов»[1]. В самом деле, ты поражаешь взоры всех своими вратами, из которых одни прекраснее других. Ты приводишь в отчаяние всякого, кто смотрит жадно на богатства франков; ты владеешь чудным островом (ныне Cité, центр Парижа, лежит на острове, образованном рукавами Сены); река обтекает твои стены; она держит тебя в своих объятиях, и ее кроткие волны текут под мостами, которые идут от тебя справа и слева; по краям этих мостов над рекой высятся башни, охраняющие тебя. Поведай же мне сама, о, гордая Лутеция, какими гробницами не усеяли тебя даны (то есть норманны), это племя, дружественное Плутону, когда Божий святитель, великий и достолюбезный Гоццелин (тогдашний архиепископ Парижа), твой благодетельный пастырь, управлял твоей церковью!..

Кровь твоя пролита этими варварами, приплывшими на семистах парусных кораблях и прочих маленьких ладьях, многочисленных до того, что нельзя их и счесть; народ называет их барками. Поверхность глубоких вод Сены до того покрыта ими, что ее волны исчезли под их судами на пространстве более двух миль; с удивлением ищут, в какой трущобе спряталась река; нигде она не показывается: промокшая сосна, мокрая ива покрывали совершенно поверхность реки.

На следующий день после того, как те корабли коснулись подножия города, к преславному пастырю Лутеции в его дворец явился Зигфрид[1], король, но только по имени; впрочем, он предводительствовал своими сподвижниками. Склонив голову перед первосвятителем, он заговорил так: «Гоццелин, сжалься над собой и над своей паствой; если ты не хочешь погибнуть, умоляем тебя, преклони свой слух благосклонно к нашим просьбам. Позволь нам только пройти через этот город; мы его не тронем и постараемся сохранить имущество твое и Одо» (он был только графом Парижа, а впоследствии, с 888 г., королем Франции). Этому Одо, уважаемому всеми графу, будущему королю, сделавшемуся вскоре отцом государства, было поручено тогда охранение Лутеции. Но пастырь Божий отвечал Зигфриду словами, дышавшими полной преданностью: «Этот город вручен нашему охранению императором Карлом (то есть III, Толстым); он, после Бога, король и повелитель всех стран на земле, держит в своей власти почти весь мир. Он отдал нам Лутецию не для того, чтобы она причинила погибель всему королевству,

---

[1] Такие восторженные речи понятны в устах поэта и приверженца нового короля Одо, родоначальника Капетингов, сделавшего в первый раз Париж, которого он был прежде графом, центром нового королевства, после распада Карловой монархии; при Каролингах Париж не играл никакой роли.

[1] Зигфрид был товарищ Готфрида; Карл III поселил их во Фрисландии и обратил в христианство. Объяснение причин нападения Зигфрида на Париж для того, чтобы проникнуть в Лотарингию, см. выше, в хронике Регино «Время Карла III Толстого и распад Карловой монархии».

АББОН (ABBO. Умер в 1825 г.). Монах Сен-Жерменского монастыря в Париже (monachus S.-Germani a Pratis), был очевидцем осады Парижа норманнами и описал ее в трех книгах под заглавием: «О войне города Парижа с норманнами». Предшествовавшие обстоятельства этой знаменитой осады см. выше, в хронике Регино. Современные историки придавали ей огромное значение, как событию, оправдывавшему право на королевский престол новой династии Капетингов: их родственник Одо играл в истории осады главную роль. Издания и переводы: *Taranne*. Le siége de Paris par les Normands en 885, poëme d'Abbon, avec la traduction en regard et des notes. Par., 1834; Guisot, Coll. VI.

но чтобы спасла его и обеспечила ему безопасность; представь, что защита этих стен была бы поручена тебе, как она теперь поручена мне, и скажи, сделал бы ты то, что считаешь справедливым требовать от меня, и как бы ты поступил?» – «Если бы я это сделал,– возразил ему Зигфрид,– то пусть моя голова погибнет от меча и послужит пищей псам! Но все же, если ты не уступишь нашим просьбам, то с восходом солнца мои воины забросают тебя своими стрелами и дротиками, напоенными ядом; тогда же светило закатится, они предадут тебя всем ужасам голодной смерти; и это будет повторяться каждый год».

Так он сказал, ушел и начал торопить своих сподвижников. Едва занялась заря, как этот вождь повел свое войско на битву. Все они бросаются со своих кораблей, бегут к башне (Châtelet[1], главная башня из укреплений тогдашнего Парижа, древней римской постройки), колеблют ее жестоко до основания учащенными ударами и осыпают градом стрел. Город оглашается криками; жители стремятся со всех сторон; мосты дрожат под их шагами; все бежит и торопится на защиту башни. Между ними отличаются своим мужеством граф Одо, брат его Роберт и граф Рагнар; тут же и храбрый аббат Эббль, племянник епископа. Сам же епископ слегка ранен: его коснулась острая стрела; Фридрих, его оруженосец, юноша, цветущий летами, поражен мечом; юный воин погиб, а старец, исцеленный рукой Бога, возвращает свое здоровье. Для многих из наших это был последний день; но и они, со своей стороны, нанесли врагу жестокие раны. Наконец наши отступили, погубив тьму данов, у которых едва сохранились признаки жизни... От прежней цельной башни почти ничего не осталось; уцелели один крепко сложенный фундамент и нижние зубцы; но в ночь, последовавшую за битвой, эта башня, обложенная вокруг здоровыми бревнами, поднялась еще выше, и на старом укреплении, так сказать, возникла новая деревянная крепость, в полтора раза выше прежней. Таким образом, солнце, а вместе с ним и даны могли на следующий день приветствовать новую башню. Снова они дают жестокую и кровавую битву неверным. Со всех сторон падают стрелы, струится кровь; на воздухе сталкиваются камни, пущенные из праща, и их удары перемешиваются с ударами копий. Между небом и землей только и видны, что стрелы да камни. Башня, дитя ночи, стонет, пронзаемая дротиками; я говорю: дитя ночи, потому что, как я выше сказал, она была выстроена в одну ночь. Город в ужасе: жители громко кричат; звуки рогов призывают их поспешить на защиту колеблющейся башни. Христиане бьются и усиливаются отстоять ее оружием. Между нашими воинами отличаются особенно двое, превосходя своим мужеством прочих: один граф, а другой – аббат. Первый, победоносный Одо, не испытавший поражения ни в одном бою, воодушевляет своих и поддерживает их истощенные силы; он ходит беспрестанно по башне и поражает врага. А враг старается покачнуть башню при помощи подкопов; но Одо льет на осаждающих масло, перемешанное с воском и порохом; масло льется на них огненным ручьем, пожирает, жжет и палит волосы на голове данов; многие из них погибли, а другие ищут спасения в волнах реки. Наши же кричат им все в один голос: «Бедные погорелые, бегите в Сену, пусть она вам вырастит новые волосы, лучше причесанные». Храбрый Одо истребил огромное число этих варваров.

Второй же из наших героев, кто он? Это – аббат Эббль, сподвижник Одо и соперник его в храбрости. Одним ударом копья он нанизал на него вместе семь данов и приказал для шутки так и снести их на копье в кухню. Никто не смеет опередить этих героев во время битвы, никто не смеет приблизиться к ним, ни стать рядом; но и другие равно презирают смерть и храбро дерутся. Впрочем, что можно сделать с каплей воды против тысячи огней? Верные, при всей своей храбрости, сражались в числе едва двухсот человек, а неприятелей доходило до 40 тысяч, и притом их всегда оставалось 40 тысяч, так как при нападении на башню новые сменяли прежних.

De bellis Parisiacae urbis adversus Normannos libri III.

[1] На правом берегу Сены, ныне площадь с новым театром того же названия.

Жозеф Рено

О ХАРАКТЕРЕ РЕЛИГИИ ОДИНА (в 1835 г.)

Религия Севера – происхождения азиатского. Новейшие научные исследования, касательно религиозных древностей северных народов, а также индейцев и персов, выставили наконец в полном свете ту важную истину, на след которой нападали уже с давнего времени; так что в настоящее время не подлежит уже никакому сомнению, что мифология Одина служит отдаленным отголоском ученых мифологий Востока. Но хотя основа этой мифологии – неоспоримо азиатская, зато ее форма, переиначенная вследствие продолжительной ее отчужденности от своего первоначального источника, а также видоизменений, зависящих от особенностей народного духа, перемен местопребывания и особенных исторических событий, – носит на себе отпечаток совершенно северной, первобытной оригинальности. Нужно сказать еще, что эта религия неизвестна нам в форме какой-нибудь последовательной системы, и для того, чтобы понять ее, нужно составить новую метафизику на основании тех рассказов и песен, в которых черты метафизичности почти совершенно изглажены чрезмерным обилием поэтических символов, и от которых уцелели одни отрывки. Эти памятники, быть может, не воспроизводят скандинавских верований в таком точно виде, как они запечатлелись в народном духе, но, известное дело, что здесь, как и у всех народов, нужно предварительно пробить мифическую оболочку для того, чтобы проникнуть в первоначальную мысль основателей религии.

Эдда, составленная Снорро[1] и заключающая в себе подлинный обзор преданий, которых в первоначальном тексте мы имеем очень незначительное число,– будет главным нашим руководством в предпринятом нами очерке... Мы не станем при этом входить в подробности относительно генеалогии и атрибутов различных божеств скандинавского неба. Подобно тому, как и в греческом Олимпе, Снорро насчитывает между ними двенадцать главных.

Эти божества служат олицетворениями различных сил и свойств физической и нравственной природы, в аналогии с тем, что встречается во всех мифологиях.

Первый сын верховного божества Одина, Тор, является богом войны; второй сын его, Бальдер – бог благости и милосердия; Браг отличается красноречием; Тир – воинской мудростью; Одер – богатством; Ниорд, из рода гигантов, но воспитывавшийся в детстве у Одина, заведует морем; от него возникли бог дождя Фрей и богиня любви Фрейя, которую не нужно смешивать с Фриггой, бывшей в замужестве за Одином и почитавшейся богиней земли (германская Herta). Из прочих богинь Сага считается покровительницей истории, Эйра – медицины, Гефиона – девственной чистоты; Носса, дочь Фрейи, распоряжалась нарядами; Вара служила преимущественно руководительницей в сердечных делах; Снотра была образцом житейской мудрости; напоследок следует упомянуть о валькириях, которых Один посылал на поле битв с тем, чтобы они приглашали оттуда героев к его столу: этим-то богиням принадлежала главная роль в попойках и пирушках. Что же касается злых ге-

[1] См. ниже перевод текста из Эдды Снорри Стурлусона.

РЕНО (REYNAUD. Родился в 1806 г.). До 1848 г. был известен по деятельному участию в обширном литературном предприятии под заглавием «Encyclopédie nouvelle»; в 1848 г. его назначили президентом комитета министерства народного просвещения, но утверждение империи заставило его удалиться от общественных дел. Результатом его уединенных работ было самое капитальное из всех его произведений: «Terre et ciel» (Par., 1854), пытавшее установить новое примирительное начало философии истории.

ниев, то достаточно упомянуть о Локи – этом Аримане Севера и виновнике всех зол, долженствующих, однако, кончиться торжеством мира; Гее, богине смерти, Фенрисе – эмблеме разрушения, и о змее Мидгарда (Срединного Сада), который сжимает в своих кольцах весь мир и который служит, быть может, олицетворением порока. По словам Эдды, Локи – клеветник богов, виновник лжи, позор вселенной. Он родился от гиганта Фарбанта и Лофейи. Сам по себе Локи прекрасен и добр, но им владеет злой, коварный и вероломный дух; вот почему он превосходит всех людей в искусстве хитрить и обманывать. Имя жены его Сигни; от нее он имел Нара и много других сыновей. Кроме того, у него было еще три сына от жены Ангербоды. Первый из них волк Фенрис; второй – великий змей Мидгарда, а третий – Смерть. Непрерывная борьба между богами и Локи и бесчисленные хитрости этого последнего – вот предмет, которым более всего занято было неисточимое воображение скальдов. Из всех этих басней одна, кажется нам, заслуживает особенного внимания – это та, в которой рассказывается, как Бальдер, бог любви и милосердия, был нечаянно убит слепцом Отуром по коварным научениям Локи. Этот последний, несмотря на все свои хитрые уловки, остался побежденным и был заключен в пещеру, из которой ему не будет выхода до последнего дня. Впрочем, все эти басни, за исключением разве последней, очевидно, следовали за первоначальной эпохой теологии: вот почему нам кажется, что в составлении их несравненно более участвовала прихоть поэтов, чем метафизика.

Но вот наступает последний день. Равновесие, существовавшее дотоле в системе мира между противоположными началами, нарушается. Подобно тому, как в восточной мифологии на сцене появляется сам верховный бог и своей мощной рукой содействует разрушению мира. Второстепенные божества начинают истреблять друг друга. Все мгновенно падает, но точно так же возрождается под новой формой. Появление страшных беспорядков на земле, вследствие потрясения гармонии, существующей в человеческих обществах и видимой природе, служит признаком наступления тех ужасных дней, когда за погибелью людей следует истребление богов. Наконец от пламени, которое нашлет с юга Суртур (черный) – этот скандинавский Брама – исчезнут последние остатки мироздания. Для того чтобы лучше выяснить идею этого пророчества, мы приведем в переводе с латинского текста Резения собственные слова Волу-Спа[1]:

«За пределами настоящего времени, я, дочь могущественного Одина, предвижу помрачение богов. Гарм лает перед пещерой ужасного Гнипа; цепи разрываются; Фреко низвергнут. Братья вступают в борьбу и убивают друг друга, презирая родство. Тяжело становится жить на свете; везде разврат; век упадка; век меча; щиты перерублены; век бурь, век злодеяний; ни одному человеку не будет пощады от ближнего, до тех пор, пока мир не разрушится в самом основании».

«Сыновья Мимира (волны океана) заигрывают друг с другом. Ветви зажигаются. Геймдалл громко трубит в свой рог. Один совещается с головой Мимира. Древнее дерево шумит. Гиганты выпускаются на свободу. Ясень Идразила (символ мира) дрожит от страха. Гарм лает перед пещерой ужасного Гнипа; цепи разрываются; Фреко низвергнут. Что происходит у Азов? Что делается с Альфами? Мир гигантов полон смут. Азы совещаются между собой. Карлики стонут при виде великанов. Суртур (черный) приходит с юга со своим ослепительным, как солнце, мечом. Великаны сокрушены, боги объяты ужасом; люди толпами следуют по дороге к Геле (смерти); небо разрывается».

«Один вступает в бой с Волком, а белая Фрейя – с черным Суртуром. Но супруг Фригги падает замертво; тогда могущественный сын Одина, Видар, бросается на адского зверя и своей рукой вонзает ему меч в сердце, отмщая за смерть своего отца. Сын прекрасной Глодимии подходит и смело кидается на змея Мидгарда, но, ужаленный этим пагубным змеем, пятится на девять шагов».

---

[1] См. ниже.

«Солнце тускнеет; земля уходит в море; блестящие звезды падают с неба; огонь охватывает старое здание; всепожирающее пламя поднимается до самого неба. Гарм лает перед пещерой Гнипа; цепи разрываются; Фреко низвергнут....»

Но едва только окончилось истребление, как начался процесс нового миротворения. Различные силы, управлявшие ходом предшествовавшего творения, будучи поглощены могуществом бесконечным, оставили после себя зародыши, которые на смену им пробудились к жизни. Послушаем еще, что скажет нам Волу-Спа:

«Наконец, она (дочь Одина) видит выходящую из глубины моря землю, совершенно покрытую растительностью. Видит стремительно низвергающиеся водопады и парящего над ними орла, который высматривает с высоты рыбу. Видит затем, как Азы, собравшись на равнинах Иды, беседуют между собой о разрушении мира и о древних письменах (рунах) Одина».

«В дёрне находят древние столы, вылитые из золота. Поля сами произращают плоды. Враждебность элементов исчезла. Является Бальдер. Бальдер и Откер живут в согласии между собой во дворце Одина. Понимаете ли? Спросите: не знаю ли я еще чего-нибудь? Над Гимле возвышается дворец, весь покрытый золотом, блеск которого превосходит солнечные лучи. В нем живут добродетельные люди, предаваясь вечному наслаждению верховным благом».

Чтобы с первого взгляда составить себе понятие о морали отдельного народа – для этого достаточно узнать, чем обусловливаются в представлении этого народа рай и ад. Если приложить это правило к скандинавам, то легко откроется, что военная доблесть составляла у них существенное основание доброй нравственности. «Храбрость,– говорит германский воин у Тацита,– есть единственная сила человека: потому-то божество стоит всегда на стороне храбрейших». Дворец Одина открыт для воинов, умерших бесстрашно на поле битвы. Сидя на быстрых конях, ведомых Валькириями – блистательными богинями сражения, эти славные покойники тотчас по смерти помещались в ряду бессмертных Валгалы; несмотря на то, что в этот небесный улей вели 540 широких дверей, около них всегда происходила давка, по причине беспрестанного движения входивших и выходивших героев. Человек неустрашимый робел единственно при мысли о том, как бы ему не довелось умереть вне поля сражения. Смерть на поле битвы считалась такой драгоценной наградой, какой только могло ждать для себя благородное сердце. Не прерывая нити жизни, эта смерть приближала человека к венцу. Из поэмы о смерти Гакина, сына Гаральда, мы можем видеть, каким образом рисовалась смерть перед взорами сражающихся, и как она вместо устрашения возбуждала в них еще большую энергию.

«Поскачем на наших конях,– сказала Валькирия герою,– поперек этих миров, испещренных зеленью, в которых живут боги. Объявим Одину, что король намеревается посетить его в собственном дворце. Но вот, оставив поле битвы, еще истекающий кровью приходит во дворец король Гакин. При виде Одина он вскрикивает: «Каким неумолимым и страшным кажется мне этот бог!» В ответ на это бог Браг говорит ему: «Иди присоединиться к восьми братьям своим, ты, который был ужасом для самых прославленных бойцов; герои, обитающие здесь, будут с тобой в добром согласии, и ты будешь упиваться в сообществе бессмертных». Но мужественный король сказал: «Я хочу всегда сохранить при себе свое вооружение, ибо воин обязан тщательно беречь свой шлем и кирасу, и ни на один миг не оставлять копья».

По взгляду скандинавов, для того чтобы иметь право войти в область мертвых с поднятой головой, нужно быть призванным туда посредством кровавого меча битв. Легко понять отсюда, какое бесстрашное и некротимое мужество вдыхало в сердца это живое убеждение. Смерть от руки врага считалась у этих фанатических поклонников Одина высочайшим таинством: они видели в ней второе крещение кровью, посредством которого души приводимы были к блаженству Валгалы; поэтому каждый спокойно расставался с жизнью, в совершен-

ной уверенности, что для тех, чья жизнь в свое время не была брошена в жертву войны, двери небесного дворца оставались навсегда запертыми; этого требовал приговор неумолимой судьбы. Перед несчастными жертвами тихой смерти открывались другие миры, мрачные миры Гелы. Как сильно было на этот счет их убеждение, видно из того, что даже бог Бальдер, по словам поэтов, принужден был попасть после смерти в один из этих миров. Что касается трусов, то для них была предназначена ужасная область Ниффельгейма[1]. Поражаемые бесславием в продолжение своей жизни, нередко даже, как сообщает Тацит о германцах, преследуемые своими товарищами по оружию, они шли, лишь только наставал для них последний час, искупать в преисподней льда и яда свое преступление. Трусость и храбрость – вот два противоположных полюса, служивших у скандинавов основанием порока и добродетели; да иначе и быть не могло у народа, считавшего войну существенной целью как частного лица, так и общества.

С первого раза кажется невероятным, каким образом эта мораль, всецело проникнутая духом войны, могла поселить в скандинавах равнодушие к смерти до такой высокой степени, что они совершенно утратили инстинктивную любовь к жизни. Вместо того, чтобы избегать смерти, как зла, они домогались ее, как величайшего блага. Этот героизм скандинавов, находивший для себя пищу в живом чувстве бессмертия, казалось, глубоко изумлял римлян, которые не знали другого героизма, за исключением того, который проистекал из совершенной преданности индивидуумов целям общества. Храбрость скандинавов служила для них точно такой же загадкой, как и мужество христиан первых веков. «Во время боя,– говорит Валерий-Максим,– они трепещут от радости, при мысли, что им предстоит такое славное расставание с жизнью; а во время болезни они сильно горюют, опасаясь того, чтобы не окончить жизнь постыдным и жалким образом».

[1] Страна мрака.

Впрочем, воинами управляло нечто гораздо более высокое, чем представление о славе и бесчестии: их волновало преимущественно чувство наград и наказаний в будущей жизни. Поэтому нам кажется, что Лукиан лучше постиг тайну их неустрашимого мужества. «Смерть,– заметил он,– служит для них переходом из настоящей тягостной жизни в новую жизнь, имеющую начаться при иных условиях. Как счастливы эти гиперборейские народы в самом заблуждении своем. Они не знают страха, опаснейшего из всех страхов, – страха смерти. Из этого источника проистекает та смелость, с какой они бросаются на копья; отсюда же их готовность умереть, та уверенность, которая не позволяет им предаваться робким опасениям за свою жизнь, потому что эта последняя должна начаться снова».

Вот еще пример, заимствованный из древнейшей скандинавской хроники (Iomswi kinga Saga), пример, способный лучше всякого рассуждения доказать ту мысль, что страх смерти, доступный всякому человеку, был совершенно истреблен в душе скандинавского воина. Семь молодых витязей, принадлежавших к колонии Иомсбург, основанной Гаральдом Синим Зубом на южном берегу Балтики, подавленные в одном сражении численным перевесом неприятелей, несмотря на свое отчаянное мужество, были увлечены в плен и приговорены победителем к смертной казни. Они выслушали этот приговор с такой радостью, с какой обыкновенно принимают весть об освобождении. Первый из этих воинов, будучи приведен на место казни, сказал совершенно спокойным голосом: «Почему же бы и со мной не быть тому, что случилось с моим отцом? Он умер: умру и я». Когда палач спросил второго из этих воинов, что он чувствует перед лицом смерти, тот отвечал: «Я слишком хорошо знаю законы своей страны, чтобы хоть одно робкое слово могло выйти из моих уст». Когда тот же вопрос палач предложил третьему воину, он ответил следующее: «Я готовлюсь к смерти; но знай, что свою славную смерть я не променяю на твою бесчестную жизнь». Четвертый дал более длинный ответ: «Я принимаю смерть,– говорил он,– с добрым

расположением сердца, и минута смерти – самая приятная для меня минута. Теперь об одном прошу тебя: отруби мне голову как можно скорее. Мы употребляли в Иомсбурге один способ для того, чтобы узнать, осталось ли еще у человека чувство после отсечения головы. Я возьму нож в свою руку: если после отсечения головы я занесу руку на тебя, то знай, что я еще не совсем потерял чувство; если же нож выпадет – это будет доказательством противного. Постарайся же заметить это обстоятельство». Пятый, умирая, издевался над врагами. Шестой просил палача, чтобы тот занес меч на него в лицо: «Я даже не пошевелюсь,– сказал он палачу,– ты сам увидишь, покажу ли я какой-нибудь знак робости, зажмурю ли я хоть глаза: мы привыкли не волноваться от страха, даже в то время, когда нам наносят смертельный удар». Седьмой был еще в самом цветущем возрасте и обладал замечательной красотой. На вопрос палача, о чем он думает в минуту смерти, он сказал ему: «Я охотно принимаю смерть; я исполнил важнейший долг жизни и теперь вижу, как один за другим умирают те, которых я не вправе пережить!»

Понятно, что при таких взглядах на смерть у скандинавов не могло быть недостатка в случаях самоубийства. Весьма естественно, что воины, которым раны или преклонные лета не позволяли искать славной смерти в бою, старались, посредством какой-нибудь другой отважной смерти пробить себе путь к небу. Сам Один служил для них в этом отношении примером, проколов в старости копьем собственную грудь. Таким образом, говоря вообще, самоубийство пользовалось у них уважением. В Швеции даже существовала крутая гора, с вершины которой бросались все те, которым хотелось скорее покончить с жизнью; по словам Маллета[1], ее называли залой Одина, так как она составляла в некотором роде преддверие во дворце этого бога. Точно такое же назначение имела одна гора в Исландии. «Сюда приходят,– говорит одна древняя сага,– все удрученные горем и несчастьями. Отсюда наши предки, не дожидаясь болезней, отправлялись в путь к Одину».

Обычай приносить в жертву людей находился в совершенной гармонии с этой кровавой моралью, составляя некоторым образом естественное ее последствие. Уже по тому одному, что смерть человеческая так нравилась богам, ее не могли не включить в число воздаваемых им почестей. С течением времени это злоупотребление, постоянно возрастая, сделалось решительным, так что храмы превратились наконец в человеческие бойни. По сведениям, сообщаемым епископом Мерзебургским в своей хронике, в храмах закалывались десятки жертв разом. Кровью омывались храмы и идолы и окроплялся народ. Для того чтобы умилостивить своих богов, они не отступали перед самыми ужасными преступлениями. Случалось, что или короли приносили в жертву своих подданных, или поданные – своих королей. Первый король Вермеланда был сожжен в честь Одина по случаю голода. По свидетельству летописцев, короли, желая одержать победу, нередко приносили в жертву собственных детей.

Но не одни трусы предназначались обитателями Ниффельгейма: туда поступали также (как то ясно высказывается в ВолуСпе) все те из умерших, которые оказались при жизни виновными перед общественным судом. Такими были клятвопреступники, разрушившие начало взаимной доверенности, прелюбодеи, посягавшие на чистоту брака, и убийцы, нарушившие мир своей родины. Этим и ограничивался круг нравственной ответственности почитателей Одина.

La religion d’Odin.

[1] История Дании.

Сэмунд Сигфусон

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЭДДЫ СТАРШЕЙ (XII в.)

Волу-Спа

1. Прошу помолчать, о, дети Бога святого, всех от мала до велика, кто Богом рожден. Я хочу рассказать вам деяния Божества (Valvödurs), как прошедшие, так и будущие.

2. Я знаю Божьих детей, рожденных до времени, как тому меня научили когда-то; я знаю 9 миров и 9 пространств, и еще один огромный центр под землей.

3. До начала времен был великий хаос: это не был ни песок, ни море, ни ветер, ни буря. Земли не было, и сверху не было неба. Был обширный хаос, и травка нигде не росла.

4. Прежде чем была создана земля и ее срединный сад, появилось солнце на юге, и на земле впервые проклюнулась травка!

5. Солнце бросило свои лучи влево на луну и вправо осветило луга; но солнце не имело еще для себя жилища, ни луна не знала своего дома, ни звезды своих мест.

6. Тогда предстали все боги у престола всесвятого Божества, взирая на хаос. Божество дало мраку название ночи, назвало утро и полдень, а также и вечер, чтобы мерить время и годы.

7. На поле Идавелле собралися Божии дети, Азы[1], устроили храм, алтари и ограды, сделали печи, чеканили золото, изобрели клещи и всякие инструменты.

8. Они веселились на земле и были счастливы; о золоте не было спора, пока не пришли к ним великаны и две девы из Иотун-Гейма (Божьего города).

9. Боги снова сошлись у трона всесвятого Божества для совещаний. Кто должен быть главой и правителем Божьих творений (Dvergen, откуда нем. Zwergen, маленькие люди, в противоположность вышеупомянутым великанам), из рода ли Бримера, или из потомства Длена?

10. И был поставлен над всеми людьми Миот-Зёгнер (кормилец), а за ним Дюрин (Тор). Люди изготовили множество человеческих изображений на земле и говорили: да будет на земле Дюрин.

---

[1] As, Aes, самые первые люди; от этого наименования произошло название Азии, страны первобытных людей.

СЭМУНД СИГФУСОН ВЕЩИЙ (умер в 1133 г.). Родом исландец, собрал на родине все уцелевшие религиозные и исторические предания в одно целое под названием «Эдда Старшая» («Праматерь»). В 1643 г. епископ Свенсон открыл этот труд и ознакомил с ним весь свет. С распространением христианства ревностные приверженцы религии отцов бежали из Скандинавии в Исландию, и потому этот остров стал последним убежищем древней скандинавской образованности, которая лежит в основе образованности древнегерманской и служит ей источником. Эдда, изложенная Сэмундом в стихах, в отличие от подобного же позднейшего сборника – «Эдда Младшая», заключает в себе две главные части: Волу-Спа, то есть «Видение Волы»; так называлась древняя жрица-пророчица, которая изложила откровение, данное ей свыше о сотворении мира и его будущих судьбах; Гаве-мааль, то есть «Заповеди Одина», излагающие нравственное учение скандинавов, которое завершается объяснением чудесной силы рун (священных письмен). Издание: Rask (Stokholm, 1818) издал текст Эдды Старшей с латинским переводом, глоссарием и комментарием и Münch (Christiania, 1847). Переводы: немец. 1) Schimmelmann (Stettin, 1777), Die Islдndische Edda. 2) Karl Simrock (Stuttg., 1862). Die Edda die ältere und jüngere, nebst den mythischen Erzählungen der Skakla; француз. M-lle Du Puget, помещ. в Bibliotheque étrangére (Par., 1839–40). Подробный анализ Эдды Старшей и Младшей см. у *Eichhof*. Tableau de la litterature du Nord au moyen age. Par., 1853, с. 32–84.

11. Земля была разделена на части[1]: Норд (север), также Ниде, Нордре, Зюдре, Аустер, Вестер, высоко пробегающий Дуалин, Бивор, также Бавар, Бумбур, Норе, Аан, также Аннар-Аэ и Миодвитнир.

12. Правителями этих частей были названы: Вейгур, Гандольфур, Виндальфур, Траин, Текур, Торин, Трор, Литур и Витур, Нар и Ниродур. Вот я и назвал всех по порядку людей.

13. Первыми изобретателями искусств были: Филе, Киле, Фундин, Неле (пряжка), Гейти, Били, Генер, Свиор, Фрер-Горнборе, Флегур, Лоне, Аурвангур и Экквинскильде.

14. Теперь пора назвать людей, живущих в Даулине (юго-запад), счастливейший народ из всех человеческих детей, который произошел из Салар-Стейна и посвятил себя земледелию.

15. Это были: Драупнер, Долгтразер, Гер, Гаугспоре, Глевангер-Глое, Скирвер, Вирвир, Скадифюр-Ае, Алфур, Ингве, Эйкинскиалде, Фалур, Фросте, Фидур, Гиннар, Доре-Оре, Дуфур, Андваре, Гепти, Фили, Гаар, Свиар. Пока свет стоит и люди живут, слава их будет жить в потомстве.

16. Наконец из этой толпы выделились три человека, и сделался дом Азов богатым и могущественным. Они нашли в стране людей слабых и бессильных; и аск (муж), и эмбла (жена) жили совсем без закона и силы.

17. Они не имели ни духа, ни порядка, ни права, ни речи, ни разума, ни красоты, ни крови, ни чувства. Один дал им дух; Гонер дал им разум, а жизнь, движение, ум, красоту и зрение дал Лодур.

18. Я знаю одно ясневое дерево Аск, называемое Иггдразилл, взращенное Богом высоко; оно стоит на небе в Гербодмуре, откуда дожди ниспадают в долину. Во все дни стоит оно зелено, у источников необходимости.

19. Откуда произошли три всезнающие девы: одна называется Урд (прошедшее); другая – Верданда (настоящее) и третья, родившаяся из черепахи, Скульда (будущее).

[1] Следующие затем названия заимствованы у ветров.

20. Я могу рассказать и о первом человекоубийстве на земле, когда корысть сошлась с кровожадностью, и Господень дом был сожжен.

21. Но он был три раза сожжен и три раза спасался, даже чаще! Но зло живет и теперь.

22. Это зло запятнало чудную премудрую религию: оно научилось волшебным искусствам, знает их и пользуется ими; оно всегда являлось в виде злой женщины, деятельной и настойчивой.

23. Тогда опять собрались у трона все боги, они совещались и спрашивали всесвятое Божество, кто наставит Азов при их нечестии, или оно само позаботится обо всем?

24. Тогда воспрянул Один и напал на народ, и так начались человекоубийства, и у Азов разрушены были их укрепления, а победоносные дружины Ванера (другое имя Одина) одержали победу.

25. Снова собрались у трона все боги и спрашивали всесвятое Божество, кто привел весь мир в такое замешательство?

Гаве-мааль

1. Осматривайте входы прежде чем войдете: ибо никогда нельзя знать наверное, где притаился неприятель, имея в виду преградить вам путь.

2. Гостю, который придет к вам с холодными ногами и коленами, дайте огня: ибо кто перешел горы, нуждается в пище и одежде.

3. Тому подать воды, кто садится за ваш стол, и ему нужно полотенце, чтобы обтереть руки. Приветствуйте его ласковой речью, если вы хотите, чтобы он говорил с вами, и чтобы вы послушали его.

4. Кто идет в чужую сторону, тому нужен ум. Из себя можно сделать все, что захочешь; но тот, кто ничего не знает, обращает на себя неприятное внимание, когда ему приходится встречаться с умными и знающими людьми.

5. Нет лучшего друга в дороге, как большой ум: это самый лучший запас. В незнакомом месте ум лучше всякого богатства. Он помогает и бедному, и питает его на чужбине.

6. Сынам мира сего нет ничего постыднее, как упиваться пивом, ибо чем больше человек пьет, тем более теряет рассудок. Пьяному поет птица забвения, но она похищает его душу.

7. Глупый человек думает, что он будет жить вечно, если ему удалось избежать войны; но если его пощадило копье, то от старости все же пощады не будет.

8. Обжора ест свою смерть.

9. Большое войско принуждается иногда отступить и оставить свои запасы, но дерзкий человек ни в каком случае не зажмет себе рта.

10. Глупый человек продумает всю ночь, но и днем не будет умнее, как ночью.

11. Он думает все знать, если поймет пустяки, но не сумеет ответить на трудный вопрос.

12. Хоть худое, да в руках, все же лучше того, что еще получишь.

13. Между дурными людьми дружба горит, как огонь, хоть целых пять дней, а в шестую ночь все же потухнет и заменится ненавистью.

14. Когда я был молод, я блуждал один по всей вселенной, и счел себя богатым, когда нашел спутника. Всего приятнее человеку человек.

15. Пусть каждый будет умен с умеренностью, и не должно быть умным более, чем нужно. Пусть никто не стремится знать будущее, если хочет спать спокойно.

16. Вставайте рано, если хотите быть богатым и предупредить своего врага. Когда волк спит, то останется без добычи, а сонливый человек – без победы.

17. Надобно больше желать прожить хорошо, нежели долго. Когда человек зажигает огонь, то часто умирает прежде, нежели огонь потухнет.

18. Пусть лучше сын родится поздно, чем никогда: ибо реже видно, чтобы памятник был поставлен чужой рукой, нежели рукой сыновей.

19. Богатства проходят, как мгновение; они еще менее постоянны, нежели друзья. Войска погибают, родители умрут, друзья также смертны, как и вы сами. Но я знаю одно, что не умирает: суд потомства над умершим.

20. Пусть мудрец со скромностью пользуется своим умом.

21. Хвалите день, когда он пройдет; жену, когда ее хорошо узнаете; меч, когда он уже был в деле; девицу, когда она выйдет замуж; лед, когда вы через него перешли; пиво, когда его попробовали.

22. Не доверяйте ни льду от вчерашнего дня, ни спящей змее, ни ласкам невесты, ни надломленному мечу, ни детям сильных людей, ни полю, только что засеянному.

23. Согласие между злыми женщинами так же безопасно, как по льду ехать на неподкованном коне, или ехать на двухгодовалом жеребенке, или в бурю плавать без руля.

24. Нет хуже болезни, как быть недовольным своей судьбой.

25. Одно сердце человека знает то, что в нем происходит, и кто обманывает духа, тот обманывает себя.

26. Не старайтесь обольстить чужой жены. Будьте ласковы, с кем встречаетесь на дороге.

27. Не открывайте вашей досады злому человеку, ибо он никогда вас не утешит.

28. Нужно быть больше строгим к себе, чем к другим.

29. В ссоре со злым человеком не говорите и трех слов. Добрый часто уступает, потому что злой рассердится. Впрочем, опасно и совсем молчать, чтобы вас не упрекнули, что у вас бабье сердце, и не сочли за трусов.

30. Прошу вас: будьте осторожны, но не очень! Осторожным очень нужно быть, когда много пьешь, когда бываешь с чужой женой и когда сидишь с негодными людьми.

31. Нет человека столько добродетельного, чтобы он совсем не имел пороков, и столь дурного и порочного, чтобы в нем не было ничего хорошего.

32. Не смейтесь над стариками, а еще менее над престарелыми родителями и прадедами.

Снорри Стурлусон

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЭДДЫ МЛАДШЕЙ (XIII в.)

Обман Гильфа или ложь Гара[1]

Пролог составителя

Был в древности король по имени Гильф, муж большой мудрости и учености; его удивляло, каким образом весь его народ питает такое уважение к новым пришельцам из Азагартена (то есть из сада Азов, из Азии); и он не понимал, чему приписать их успех, познаниям ли их силы природы или сверхъестественной помощи? В намерении решить этот вопрос Гильф предпринял сам отправиться в Азагартен, переодевшись стариком из простолюдинов. Но Азы были довольно умны, чтобы узнать его; они его приняли и ослепили так, что он видел духом, а ему казалось, что он видит телом.

Вследствие того Гильф увидел дворец, кровля которого была так высока и обширна, что терялась из виду. Ему казалась она покрытой золотой черепицей, как новая кровля. Поэт Диодольф говорит о ней так: «Боги имеют в своем замке кровлю из блестящего золота, стены из скал, а горы служат фундаментом». При входе в этот дворец попался Гильфу человек, занятия которого состояли в том, что он бросал на воздух семь мечей и потом ловил их один за другим. Этот человек спросил его об имени, и переодетый король, отвечая, что его зовут Ганглер и что он пришел от Рифальских гор, спросил, в свою очередь, того человека, кто живет в этом дворце, который он видит, и кому он принадлежит. Неизвестный отвечал ему немедленно, что тут живет их король и что он имеет от него приказание ввести его во дворец, показать ему все и познакомить со всем, в нем находящимся.

Ганглер, войдя во дворец, увидел множество зданий и невыразимое число широчайших зал. Одни в них пьют, другие увеселяются играми или борьбой. Увидев столько различных предметов, которые казались ему вовсе непонятными, король вымолвил про себя: «Осматривайте входы прежде, нежели войдете: ибо никогда нельзя знать наверное, где притаился неприятель, имея в виду преградить вам путь»[1].

Далее Ганглер увидел три престола, один над другим, на каждом из них сидело существо человеческой формы. Когда Ганглер спросил, кто из этих трех лиц король, ему отвечал спутник: тот, который сидит на самом низшем, тот и король; имя ему Гар (Gar, высший); второй Яфнгар (Iafnhar, то есть младший высший); а тот, который сидит на самом верху, называется Треди (Tredie, то есть третий).

Когда Гар увидел Ганглера, то захотел узнать, что его привело в Азагартен и зачем он пришел, присоединив к тому, чтобы

---

[1] В оригинале по-исландски озаглавлено: «Gilv Ginnung» («Откровение Гильфа»). Однако составитель Эдды, как христианин, перевел: «Gylvi illusio, aut Hari mendacium», желая тем высказать свой взгляд на значение языческих преданий. См. ниже, в конце статьи.

[1] Одна из заповедей Одина; см. выше, Гавемааль, §1.

СНОРРИ СТУРЛУСОН (умер в 1241 г.). Исландский уроженец, составил вторую Эдду в прозе, как бы для объяснения древней поэтической Эдды Сэмунда (см. о ней выше). Она изложена в форме откровения, данного самим Божеством одному из древних королей Скандинавии, почему ее первая часть и носит название «Gilv Ginnung», то есть «Откровение Гильфа», так назывался этот король. Вся первая часть разделена на 30 с лишним парабол. Вторая часть Эдды Младшей называется Skalda и состоит из правил грамматики, риторики и пиитики для подготавливающих себя к званию скальда (поэта). Эдда Младшая была найдена и опубликована в 1623 г. Джонсоном. О переводах и изданиях ее см. выше.

путнику давали есть и пить даром, как и другим придворным. «Но,– отвечал Ганглер,– я хотел бы прежде всего знать, не найдется ли при этом дворе кого-нибудь мудрого и сведущего мужа?» – «Ты поистине мудрец,– возразил ему Гар,– и потому возвратишься отсюда целым и невредимым. Начни беседу и предложи вопросы: на этом престоле сидит один муж, который сумеет ответить».

ПЕРВАЯ ПАРАБОЛА

О миротворении

Ганглер начал так: «Кто древнейший и первый Бог?» Гар отвечал: «Здесь мы называем его Альфатер (Allvader, то есть Vater aller, отец всех), а в старом Азагартене он имеет двенадцать имен» (Allvader, Heran, Nickar, Sieger, Fiölner, Ome, Oske, Biflidi, Widerer, Suiderer, Suidar, Jälkur).

Ганглер спрашивал: «Кто же этот Бог, какова его сила, что он совершил, и в чем видны его слава и величие?» Гар ответил: «Он живет вечно, правит всем, и малым, и великим». К этому присоединил Яфнгар: «Он сотворил небо, землю и воздух». А Треди прибавил: «Он сотворил более, чем небо и землю; он сотворил человека и дал ему душу, вечно живущую, и которая никогда не погибнет, даже если тело в пыль и прах обратится. И все праведные души будут жить с ним в том месте, которое называется Гиммле (Gimmle, то есть Himmel, небо), или Вингольф (то есть храм дружбы). Но злые души отойдут в Гелу (Hela, то есть Hölle, ад), и оттуда в Ниффельгейм (царство мрака), в преисподнюю, в девятом мире».

Тогда спросил Ганглер: «Что Бог делал прежде, нежели он сотворил небо и устроил землю?» Гар отвечал: «Он был у гигантов». «Но,– возразил Ганглер,– как же все началось и где вещи имели свое начало?» – «Смотри о том, как сказано в Волуспе»,– ответил Гар. Эти слова закончил Яфнгар и сказал: «Много прошло зим прежде, нежели устроился Ниффельгейм и образовалась земля. Посреди Ниффельгейма находится источник Гверльмеер, из которого текут следующие реки: река Боязни, Враг счастья, Место смерти, Погибель, Бездонная пропасть, Непогода, Тревога, Рев; та же, которая зовется Раздавлю-разорву, течет близ решетки самого местопребывания Смерти».

ВТОРАЯ ПАРАБОЛА

О пылающем мире и Суртуре

Тогда начал говорить Треди и сказал: «Прежде, нежели было что-нибудь в мире, существовало то, что называется Муспильгейм. Этот светлый, пылающий, никем не населенный мир лежит в самых отдаленных пределах земли. Там находится царство Суртура (то есть Черного); в его руках сверкает огненный меч; он снова придет, когда кончится мир, победит всех Божьих людей и предаст вселенную пламени. Смотри, что говорит о нем Волуспа: «Суртур, преисполненный обмана, придет с юга; над его мечом сверкает колеблющееся солнце, боги в тревоге, люди толпами идут на смерть; небо распалось».

Но, спросил Ганглер, в каком положении был мир прежде, нежели на земле развелись люди и народы? Гар отвечал ему: «Реки, называемые Эли-Ваги, протекают так далеко от своих первоначальных источников, что яд, влекомый ими, осаживается, как нечистоты в остывающей печке. Так образовался лед, который не тек далее и остановился, осаживаясь слоями». Яфнгар прибавил к этому: «Вследствие того часть пропасти, обращенная к полуночи, наполнилась парами, сгустившимися в лед; в том месте царствуют бури и непогода. Напротив того, часть, обращенная к полудню, освещалась и согревалась из Муспильгейма». Треди подхватил: «Впоследствии из Ниффельгейма подул страшный ветер и холод, а все, что обращено к Муспильгейму, имело свет и тепло. В пропасти, лежавшей между ними, было тихо, как в воздухе, когда на море штиль. Дыхание тепла проносилось по застывшим туманам, и они осаждались каплями, а из каплей образовался человек силой того, кто послал тепло. Этот человек был назван Имер (Ymer); гиганты называ-

ют его Эргельмор, и от него происходят они сами, как о том сказано в Волуспе».

Слыша все это, Ганглер спросил: «Как же распространилось и усилилось племя Имера, и считал ли он себя Богом?» На это ответил Яфнгар: «Мы принимаем его за Бога, хотя и он, и все его потомство были безбожны. Во время сна он покрылся потом и из-под его левой руки родились мужчина и женщина; от них родился сын, от которого и произошли все великаны».

ТРЕТЬЯ ПАРАБОЛА

О корове Эдумле

Тогда Ганглер захотел узнать, где жил великан Имер и чем он питался. Гар отвечал ему: «С самого начала, когда застывшие туманы начали осаждаться в капли, из них образовалась корова Эдумла. Из ее сосцов потекли четыре млечные реки, и ими-то питался Имер. Сама же корова питалась тем, что лизала камни, покрытые солью и инеем. В первый день, когда она начала лизать, у человека выросли к вечеру волосы на голове; на второй день – вся голова; на третий же – весь человек, полный красоты, силы и мощи. Этого другого человека называют Бур. Он был отцом Бора, который женился на дочери гиганта Балдерна; от этого брака родились три сына: Один, Виле и Ве. И мы верим, что этот Один вместе со своими братьями устроил небо и землю, и что он могущественнейший властитель».

ЧЕТВЕРТАЯ ПАРАБОЛА

Как дети Бора устроили небо, землю и рай

«Было ли,– продолжал Ганглер,– равенство или согласие между этими двумя семействами (то есть Имера и Бора)?» – «Напротив того,– отвечал Гар,– дети Бора умертвили Имера гиганта, и из его раны вытекло столько крови, что все племя великанов погибло, за исключением одного, который вместе со своими спасся. Имя его было Бергельмер; он взошел на корабль и так убежал; в его-то лице и сохранилось потомство великанов. Это подтверждается и стихом: ”Много зим тому назад, прежде чем образовалась земля, родился Бергельмер, и я знаю, что этот премудрый гигант, сев на корабль, спасся, и от него пошло племя гигантов“».

«Но,– спросил Ганглер,– что же сделали после дети Бора, которых вы считаете добрыми существами?» Гар отвечал: «Они сделали немало, а именно, вытащили из пропасти тело Имера и образовали из него землю. Из его крови вышли моря и реки, из мяса земля, из костей скалы; камни и дерево из больших и малых зубов и из обломков костей. Из черепа устроили небо и накинули его над землей. Вся земля была разделена ими на 4 части и в каждой части они поставили правителя; эти части назывались: Восток, Запад, Юг и Север. После того они взяли искры и пламя из Муспильгейма и поместили их на небе для освещения земли. Они указали небесным светилам их места и определили их движение, так что по ним можно было считать годы, дни и часы. О том сказано и в Волуспе: ”Солнце не знало своего места, луна своей силы; и звезды не знали, где им стать. Земля кругла и окружена глубоким морем, на берегу которого боги отвели поселение для гигантов; внутри же на земле построили город, чтобы великаны не могли нанести войны людям“. На эту постройку были употреблены ресницы Имера; город и укрепление назвали Срединным Садом. Из мозга Имера сделали облака, как о всем том сказано в Волуспе: ”Из мяса Имера сделана земля; из его пота море; из костей горы; из волос трава; из головы небо; из ресниц милосердые боги устроили Божьим людям Срединный Сад. Но!.. Из мозга вышли грозные облака“».

ПЯТАЯ ПАРАБОЛА

О сотворении мужа и жены

«Много же ими сделано,– возразил Ганглер,– если дети Бора устроили все это в мире. Но откуда происходят люди, живущие теперь на земле?» Гар отвечал: «Раз гуляли сыновья Бора по морскому берегу и на-

шли два полена, взяли их в руки и выделали из них людей, Аска (мужчину) и Эмблу (женщину).

Гар дал им душу и жизнь; Яфнгар – ум, движение и разум, а Треди – слух, зрение, язык, одежду, ловкость и имя; и назвали они одного Аск, а другую Эмбла; от них-то и произошел весь род человеческий, которому указано было жить в Срединном Саду. Там,– говорил Гар,– находится место Гильдскральф, откуда Один со своего трона обозревает весь мир, видит деяния людей и разумеет все, что видит.

Жена Одина, Фригга, дочь Фиорсуна; от них произошло все племя, которое мы называем Азами. Вот почему Одина нужно считать отцом всех, потому что от него произошли и боги, и люди, и все вещи. Эрда (то есть земля) была его дочерью и женой; от нее Один имел перворожденного сына Тора; этому богу сопутствуют сила и мощь, и потому он над всем господствует и торжествует».

ОДИННАДЦАТАЯ ПАРАБОЛА

О Торе, сыне Одина

На вопросы Ганглера о других божествах Гар отвечал ему: «Между всеми Азами знатнейший и могущественнейший – Тор; его называют Аз-Тор и Ока-Тор. Он сильнейший и высочайший из всех богов и людей. Его государство – Трут-Вангур, а замок – Бильстормер. В его дворце 450 зал; это – величайшее здание, какое существует на свете. У Тора есть два козла: один называется Тангниостур, а другой Тангериснир, и колесница, которую они влекут, когда Тор отправляется в страну гигантов, почему он и называется Ока-Тор (быстрый).

Сверх того он владеет тремя важным сокровищами: первое – молот, называемый Миолнер, который хорошо знают гиганты, как он режет воздух; много срублено им неприятельских голов, и голов их отцов и дедов; другое – пояс, называемый Мейгингиорднор; когда он его надевает, то сила его удваивается; третье и самое драгоценное – железная перчатка, без которой он не может обойтись, когда берет в руки Миолнер. Но нет человека столь мудрого и искусного, который мог бы рассказать деяния и чудесные подвиги Тора. Я мог бы рассказать очень много, но день стемнеет прежде, нежели я успею окончить».

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПАРАБОЛА

Подвиги Тора и борьба его с гигантами

Однажды Тор отправился странствовать по свету вместе с Локи (также из фамилии Азов) и заложил двух козлов в колесницу; в таком сообществе он прибыл в хижину одного поселянина и, расположившись там, в тот же вечер убил своих козлов, снял с них шкуру, а мясо сварил в горшке. Затем Тор сел есть и пригласил к столу отца семейства, жену и детей: придите и поешьте! Сына звали Тиальфом, а дочь Рауской. Разложив шкуры козлов у огня, Тор сказал хозяину и его семейству, чтобы каждый складывал кости на кожу. Но Тиальф, сын хозяина, разрубил ножом одну кость, доставшуюся ему в руки. Тор, поужинав и проведя у них ночь, встал рано утром, до восхода солнца, и оделся. Взяв в руки Миолнер, он высоко приподнял его над жертвенными козлами, и оба козла вследствие того ожили. Но один козел захромал на заднюю ногу. Когда Тор заметил это, тотчас же сказал: «Кто-нибудь, или хозяин, или его дети, неосторожно обошелся с ногой козла». И действительно, одна нога оказалась переломленной. Нужно ли дальше рассказывать? Каждый легко поймет, как перепугался хозяин и впал в ужас, когда увидел, что Тор в гневе опустил глаза. По лицу Тора хозяин заключил, что он будет убит на месте одним его взглядом. Тор же схватил Миолнер и так сжал обеими руками, что пальцы побелели. Хозяин без чувств повалился на землю, и вся его семья со слезами просила о помиловании и клятвенно обещала за это преступление отдать Тору себя и все свое имущество. Видя такое раскаяние, Тор укротился и взял только с собой детей хозяина, Тиальфа и Рауску, с тем, чтобы они оказывали ему повиновение и служили, сопровождая его всюду, куда бы он ни пошел.

Оставив там своих козлов, Тор отправился в новый путь и пошел к берегам Океана. Переплыв через глубокое море, он достиг, вместе с Локи, Тиальфом и Рауской, материка. Пустившись вперед, они очутились в ужасной и громадной пустыне, по которой шли целый день до самого вечера. Тиальф, как самый быстрый на ходу, нес мешок Тора с припасами: в те времена было трудно достать пищу на дороге. Когда наступила ночь и стемнело, они со страхом стали искать пристанища и наконец нашли для покоя хижину, довольно большую, но дверь у нее была во весь дом; они решились провести в ней ночь. Посреди ночи случилось страшное землетрясение: земля поколебалась. Тор встал и созвал своих Азов, предлагая им избрать другое место для покоя. Сам он сел на стражу, а прочие укрылись не без страху. Тор взял в руки Миолнер, приготовился к защите своих, но скоро услышал страшный шум. Когда начался день, Тор вышел и увидел вблизи себя человека ужасающего роста; великан крепко спал и храпел. Тогда Тор понял причину их беспокойства ночью. Он подпоясался, чтобы удвоить свою силу; между тем великан проснулся и вытянулся во весь рост. Говорят, что этот раз бог Тор впервые удержался, чтобы не поразить прямо своего противника мечом, и спросил об имени. Тот отвечал, что его зовут Скример, и прибавил: «Тебя не нужно спрашивать, как зовут; я знаю тебя хорошо, и кто ты, и как твое имя. Я знаю: ты – бог Аз-Тор. Но зачем ты стащил с меня перчатку?» Тогда Тор понял, что он провел ночь в перчатке гиганта, и что хижиной ему служило место большого пальца.

Потом Скример спросил у Тора, хочет ли он вместе со своей свитой следовать за ним. Когда Тор согласился, великан взял на себя оба мешка и шел целый день огромными шагами, опережая всех. К вечеру Скример расположился для сна отдельно от других под высоким дубом. «Я лягу,– сказал он Тору,– поспать, и вы выньте пищу из мешка и поужинайте». Скример уснул и страшно захрапел, а бог Тор принялся развязывать мешок, чтобы накормить своих. Но это верно, хотя и кажется невозможным: Тор не мог развязать ни одного узла на мешке, ни найти концов ремня, чтобы распутать остальное. Видя это, Тор пришел в ярость; он схватил обеими руками Миолнер, подошел к Скримеру и ударил его молотом по голове. Но великан только проснулся и спросил: «Никак древесный листок упал мне на голову? А вы что же не едите, разве не хотите спать?» Тор отвечал: «Мы пойдем скоро спать, только ляжем под другим деревом». Они пошли под другое дерево. Но я говорю по всей правде: там они провели не лучше остаток ночи. В полночь Тор услышал, что Скример уснул и захрапел так, что весь лес заколыхался и загудел. Тогда он встал, подошел к Скримеру, замахнулся Миолнером над головой великана и так попал ему в щеку, что молот увяз. Скример проснулся в ту же минуту и сказал: «Что это? Кажется, зернышко упало мне на голову. А ты, Тор, почему не спишь?» Тор попятился назад, но отвечал тотчас: «Я сам только что проснулся; впрочем, еще полночь, и остается довольно времени поспать». А про себя Тор думал: «Если б мне представился еще случай, я нанес бы ему такой третий удар, что мы больше не увидались бы». Тор прилег и вслушивался, не уснет ли Скример, и перед рассветом великан захрапел. Тогда он встал, поспешил к нему и, размахнувшись молотом изо всей силы, так ударил им в висок, что Миолнер ушел весь в голову. Скример соскочил и, ощупывая рукой голову, заметил: «Верно, над моей головой сидят птицы: на мою голову с дерева упал колос; а ты, Тор, и не спал, теперь же время вставать. Впрочем, до города Утгарда (столица гигантов) уже недалеко. Вы там что-то шептались, что я слишком большого роста; а подите в Утгард: там вы увидите настоящих великанов. Я дал бы вам совет, придя туда, не слишком много думать о себе: мне очень хорошо известно, что тамошние придворные неохотно переносят хвастливые речи маленьких людей. Даже я посоветовал бы вам, как самое благоразумное, воротиться назад. Впрочем, если вы решились, то идите на восток, а моя дорога – на север,

в ту сторону, где вы видите обрывистые скалы». Затем Скример накинул на плечи мантию и мешок, а сам лесом пошел прочь от них.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПАРАБОЛА

Тор в Утгарде

Когда Тор и спутники шли таким образом до полудня, им представился город, которого высоты они не могли даже обозреть, закидывая голову совсем на спину. Они подошли к нему ближе, но решетки оказались запертыми. Тор бросился на решетку, но не мог отворить ворот и войти в город; наконец его спутники пролезли через решетку. Они вошли в город и увидели страшной величины дворец, к которому ходы были все заперты, но тем не менее им удалось проникнуть во двор, и они увидели на скамейках с обеих сторон множество людей; большая часть их была огромного роста. Путники приблизились к их королю по имени Утгард-Лок и дружески приветствовали его. Но король, осматривая их долго, сквозь зубы с насмешкой сказал Тору: «Ты приходишь немного поздно, чтобы наделать шум в мире; если я не ошибаюсь, ты тот человечек, которого называют Аза-Тор; я ожидал увидеть тебя большим, нежели каким ты представляешься мне. В чем же состоит искусство и ловкость как твоя, так и твоих спутников? У нас никто не может оставаться, если он не знает какого-нибудь искусства и не превосходит им других». Тогда выступил вперед один из занимавших последнее место в свите Тора и объявил, что он готов помериться своим искусством, а его искусство состоит в том, что он из всех присутствующих будет есть больше всех и скорее всех. На это отвечал Утгард-Лок: «Я всегда считал это за искусство, но ты докажи мне свои слова на деле; мы испытаем тебя». Он подозвал к себе одного из придворных, который сидел позади других, по имени Лог, и приказал ему идти на передний двор состязаться с Локи в его искусстве. Между тем туда принесли большое корыто с мясом; с одного конца уселся Локи, а с другого Лог, и оба начали поспешно есть до тех пор, пока не встретились посередине корыта; Локи, правда, съел всю свою порцию, исключая костей, но Лог съел и кости, и мясо, и даже половину корыта. Все признали Локи побежденным.

Тогда король Утгардский спросил: «А этот молодой человек, Тиальф, спутник Тора, какое искусство он знает?» Тиальф отвечал: «Я желал бы, чтобы кого-нибудь выбрали помериться со мной на бегу». Утгард-Лок отвечал: «Вот отличное искусство! Я имею о тебе хорошее понятие уже по выбору самого подвига, и мы, без потери времени, приступим к испытанию». Затем он встал и вышел.

Там было широкое ристалище; Утгард-Лок вызвал одного из своих придворных по имени Гуго и приказал ему состязаться с Тиальфом. Противники изготовились к делу, и на первом поприще Гуго так обогнал Тиальфа, что успел добежать до цели прежде, нежели Тиальф достиг конца. Утгард-Лок заметил: «Тебе нужно сделать большие усилия, если ты хочешь выиграть; впрочем, я сознаюсь, что до сих пор никто не являлся к нам, кто был бы ловче тебя; попытайтесь сделать второе поприще!» Гуго опять прибежал к цели и оглянулся назад, но Тиальф отстал от него на полет камня. Тогда заговорил Утгард-Лок: «Вы оба хорошо бегаете, но, я думаю, Тиальфу не победить. Третье поприще покажет, кто одержит верх». Они поспорили в третий раз, и Гуго добежал до цели и назад прежде, нежели Тиальф достиг половины. Тогда все присутствующие закричали: «Довольно!»

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ПАРАБОЛА

Испытание бога Тора

Тогда спросил Утгард-Лок самого Тора, какое искусство может показать он, который прославился так чудесной силой и заслужил добрую молву? Тор отвечал: «Я хотел бы поспорить с кем-нибудь, кто из нас больше выпьет». Утгард-Лок заметил, что он посмотрит охотно на подобное состязание, и пошел во дворец. Вскоре принесли рог примирения, который выпивали провинившиеся придворные; кравчий выступил

вперед и подал чашу Тору. Утгард-Лок провозгласил: «Кто может залпом выпить этот рог, о том думают, что он хорошо пьет; некоторые выпивают его в несколько приемов, но здесь нет ни одного столь слабого, чтобы не выпить в три глотка». Тора мучила сильная жажда, он схватил рог и потянул из него сильно, чтобы не прикладывать вторично к губам. Но надобно было перевести дух; Тор остановился и посмотрел в рог, но заметил, что отпито мало. Утгард-Лок воскликнул: «Хорошо, но не много ты выпил; если бы я не видел своими глазами, то не поверил бы, что Аза-Тор одним глотком не может взять больше; впрочем, я думаю, что ты кончишь вторым приемом». Тор промолчал и не дал ответа. Он приложил рог вторично к губам, потянул с силой, но после заметил, что нынешний раз выпито меньше первого. Тогда Утгард-Лок воскликнул: «Что это значит, Тор? У тебя не хватает сил; впрочем, я не теряю надежды, что третьим разом ты покончишь. Если же ты и в прочих делах не лучше отличаешься, как в питье, то у нас ты не будешь пользоваться тем уважением, как тебя прославляют Азы». Тор пришел в раздражение и начал третий прием, собрав к тому все свои силы; потом посмотрел в рог и заметил, что он только теперь порядочно отпил. После того он не продолжал состязания и возвратил кравчему рог.

Утгард-Лок сказал, видя это: «Теперь ясно, что ты далеко не имеешь такой силы, какую мы предполагали в тебе; но не хочешь ли ты подвергнуться другим испытаниям? Впрочем, ты сам видишь, что едва ли здесь тебе удастся победить». Тор отвечал: «Я согласен на всякие испытания; но меня удивило бы, если бы дома, у Азов, кто-нибудь захотел усомниться, что я могу много выпить. Какое хотите предложить мне состязание?» Утгард-Лок возразил: «У нас есть пустая игра, которой забавляются юноши, а именно – поднять на воздух моего кота; я не осмелился бы предложить Азе-Тору подобное испытание, если бы не убедился из предыдущего, что ты обладаешь гораздо меньшими силами, нежели как мы то думали прежде». Вскоре затем показался на площади громадный кот пепельного цвета; Тор подбежал к нему и положил руку под живот, но кот перегнулся так, что едва одна его нога отделилась от земли. Утгард-Лок заметил: «Кот очень велик, а Тор, в сравнении со здешними людьми, маленький человек». Тор возразил: «Если я такой маленький, то пусть выступит вперед тот, кто осмелится сразиться со мной, когда я распален гневом». Утгард-Лок посмотрел вокруг и сказал: «Здесь я не знаю ни одного, кто не счел бы легким делом бороться с тобой; но приведите сюда мою бабушку Элли, и пусть Тор сразится с ней, если он не имеет ничего против того; она побеждала мужей не слабее Тора».

Тогда вышла вперед беззубая старушонка, и Утгард-Лок просил ее сразиться с Аза-Тором. Как рассказать это? Чем более Тор поражал ее, тем она тверже стояла; но когда она начала наступать на Тора, то он не всегда мог удерживаться на ногах и раз припал на одно колено. Тогда Утгард-Лок подошел и остановил борьбу, говоря: «Теперь нет никакой надобности другим моим царедворцам состязаться с Тором».

По наступлении ночи Утгард-Лок пригласил странников к ужину и рассадил их. Они у него спали и провели ночь в безопасности. Рано встали спутники Тора, оделись и собрались в дорогу. Но Утгард-Лок пришел к гостям и, приготовив стол, дал им великолепный пир. Наконец, гости удалились, и Утгард-Лок проводил их до пределов города.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ПАРАБОЛА

Объяснение предыдущего

Тор провел в этом месте со своими спутниками еще одну ночь, и на следующее утро рано собрался в дорогу. Но прежде их удаления Утгард-Лок спросил его, что он думает о всем виденном у него и знает ли он кого-нибудь, кто превосходил бы его силой и могуществом. Тор отвечал на это: «Признаюсь, мое посещение твоего города принесло мне не много чести; я знаю, что вы меня прославили ничтожным человеком, и это меня весьма огорчает». Тогда Утгард-Лок сказал: «Теперь я скажу тебе всю прав-

ду, так как ты удаляешься из нашего города и не возвратишься в него никогда, пока я жив и царствую. Если бы ты мог знать, что ты имеешь такую страшную силу, и что мы будем находиться в такой опасности, то я тебя никогда не впустил бы в город. Но мы над тобой подшутили при помощи волшебства и обмана. Сначала я сам встретился с тобой в лесу и завязал тебе мешок железными прутьями так, что ты не мог его развязать. Затем ты пытался три раза убить меня своим Миолнером; твой первый, хотя и легкий удар был так силен, что я остался бы на месте, если бы заранее не принял мер. Недалеко от моего города ты увидишь скалу и в скале три расщелины, и последняя из них самая глубокая. Это работа твоего молота. В борьбе же твоей с моими царедворцами я употреблял следующие чары. Твой Локи был очень голоден и жадно ел мясо, но тот, кто с ним состязался, был не кто иной, как всепоедающий *огонь*, который пожрал и мясо, и кости, и корыто. Гуго, с которым взапуски бегал Тиальф, был не кто иной, как моя *мысль*, и невозможно, чтобы Тиальф мог опередить мысль. Ты сам старался выпить рог, и я признаюсь, что твой подвиг превосходит всякую меру и со временем сочтется за чудо, которому и я не поверил бы, если бы не видел его своими глазами. Конец рога соединялся с морем, чего ты не заметил, а между тем выпил столько, что, поди к морю, и ты увидишь, как ты его осушил. Не менее было удивительно и то, когда ты, приподнимая кота, отделил одну его ногу от земли; все видевшие это пришли в ужас. Это был не кот, как тебе казалось, а огромный червь, опоясывающий всю землю, голова и хвост которого касаются друг друга; ты же его приподнял так, что немного не достал до неба. Величайшим же чудом была твоя борьба с беззубой ведьмой, и ты выдерживал ее удары так, что только опустился на одно колено. Эта старуха была старость, или смерть, и на земле не было и не будет никого, кого бы она не поразила. Теперь мы расстаемся с тобой, и, мне кажется, для нас обоих было бы лучше всего, если бы ты не приходил ко мне снова, тем более, что на будущее время я укреплю свой город такими чарами, что вы ничего не сделаете со мной». Тор, услышав это, замахнулся своим молотом и поразил Утгард-Лока так, что его более нигде не видали. После того бог Тор возвратился к тому городу, чтобы срыть его, но, придя на то место, где он стоял, не нашел ничего, кроме ровных и зеленеющих полей; не было видно никакого города. Тогда он поворотил назад и отдохнул не прежде, как прибыв в свой Трут-Вангур. Как полагают, это было место пребывания бога Тора.

Т. Н. Грановский

ПЕСНИ ЭДДЫ О НИФЛУНГАХ (в 1851 г.)

В сфере поэзии нередко встречаются произведения, наслаждение которыми достается читателю, можно сказать, с бою, вследствие напряженного усилия и изучения. Стыдливая красота таких произведений неохотно выступает наружу из-под причудливой формы, в которую заключило ее своенравие художника, или особенный, историческими условиями определенный, склад народной мысли. Этой независимой от внешнего убора красотой внутреннего содержания отличаются поэтические памятники исландской литературы. В них не нужно искать ни изящной формы классического и вообще южного искусства, ни светлого, успокаивающего душу взгляда на жизнь. Зато в сумрачном мире скандинавской поэзии мы встретим образы, давно отмеченные трагической красотой страдания, носящие в себе такой избыток сил и скорби, что их можно принять за могучих прадедов выродившегося и слабодушного страдальца, который сделался типическим героем новых европейских литератур.

Заселение Исландии началось в одно время с разложением древнего языческого и гражданского быта на Скандинавском полуострове. В конце XI в. по Р. Х. пали

ГРАНОВСКИЙ ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. 1813–1855. Он принадлежит к числу тех немногих людей, именем которых современники их называют свою эпоху, желая в одном слове выразить ее интеллектуальные и нравственные стремления, и потому в нем одном ищут источник всего высокого, что говорит непосредственно уму и сердцу, и в его словах находят отголосок своих собственных, неясно еще сознаваемых, стремлений. Окончив курс в Петербургском университете и сделав заграничное путешествие, Грановский в 30-х гг. избрал ближайшим местом для своей деятельности Московский университет, в котором и оставался до самой своей смерти. Положение исторической науки при начале публичной деятельности молодого профессора было весьма неблагоприятно. До 30-х гг. историческая наука, наряду с прочими науками, была у нас, так сказать, колониальным продуктом, доступным для тех немногих, которые имели средства жить западной литературой, но масса общества оставалась чуждой научной жизни. Официальное преподавание истории в школе по плохим учебникам было для многих первым и последним средством исторического образования.

В конце 30-х гг. при таком положении дела начала являться мысль о необходимости положить основание исторической науки в нашей литературе, и некоторые думали достигнуть того, подражая одним внешним приемам западной исторической науки, обусловленным особенностями западной интеллектуальной жизни. Так, напали на идею, что непосредственное изучение истории классического мира может одно служить основой исторической науки и только оно одно удовлетворяет условиям строгой исторической критики. Без сомнения, всякое основательное изучение какой бы то ни было эпохи или народности, например, изучение одной еврейской литературы может принести превосходные результаты: притом о еврейской литературе можно сказать то же самое, что и о греческой и римской: она едва ли не более имела влияния на историю западной образованности, нежели греческая и римская; излишне напоминать о роли Библии в Средние века, но и в эпоху Реформации критическое изучение еврейской литературы участвовало наравне с критическим изучением греческой и римской в том умственном перевороте, который положил начало новому времени. Следует ли из этого, что еврейский язык, его литература и исторические памятники составляют единственно достойный предмет критического изучения? Опасно и бесплодно историю собственных, случайно набежавших идей принимать за норму развития целого общества; и вообще ход истории образованности целого народа не может быть никем ни выдуман, ни сочинен. Попытка основать у нас классическую школу истории окончилась тем, чем кончается все, на что тратится много самолюбия и очень мало живой мысли, бескорыстной преданности делу и основательных познаний даже в том, что считаем своей специальностью. Одним словом, мы получили псевдоклассическую школу, которая утомила своих последователей прежде, нежели успела обратить на себя внимание общества и вызвать в нем какое-нибудь участие к своим упражнениям. Инстинктивный талант Грановского принес лучшие результаты, нежели искусственные теории псевдоклассической школы, и потому нельзя не согласиться с одним из близких свидетелей его общественной деятельности, что «у Грановского долго не перестанут учиться живому пониманию науки, разумному сочувствию лучшим человеческим интересам, глубокому уважению ко всему истинно великому, благородному образу мыслей, простоте и верности ученых приемов, благородству и изяществу языка». Быть выше общества только в той мере, чтобы обществу было интересно подняться на предлагаемую ему высоту и сделать шаг вперед,– вот что, по-видимому, руководило всей ученой деятельностью Грановского, между тем как псевдоклассическая школа со своими исследованиями о месте, дне и часе той или другой битвы походила на того семинариста, который, чтобы озадачить отца цицероновской речью, прибавлял к каждому русскому слову латинское окончание *us*. В трудах Грановского мы не найдем никакого *us*, которым бы он старался наложить особую печать на свои произведения и требовал бы привилегии на изобретение; он брал предметы для своих исследований везде, где он думал найти случай высказать ясную и

живую мысль; в справедливости того может убедить один беглый просмотр оглавления посмертного издания его сочинений (Москва, 1856, в 4 т.) под редакцией С. Соловьева и Кудрявцева. В своей речи 12 января 1852 г. Грановский определительно формулировал свои взгляды на задачу и приемы исторической науки (т. I, с. 26 и след.):

«Отказываясь от притязаний на то совершенство формы истории, которое у народов классического мира (то есть греков и римлян) было следствием исключительных, не существующих более, условий, современный нам историк не может, однако, отказаться от законной потребности нравственного влияния на своих читателей. Вопрос о том, какого рода должно быть это влияние, тесно связан с вопросом о пользе истории вообще. Ответ на последний представляет большие трудности, потому что история не принадлежит ни к числу чисто теоретических знаний, имеющих задачей привести в ясность лежащие в глубине нашего духа истины, ни к прикладным, польза которых не требует доказательств. Очевидно, что практическое значение истории у древних, основанное на возможности непосредственного применения ее уроков к жизни, не может иметь места при сложном организме новых обществ… Конечно, ни народы, ни их вожди не поверяют своих поступков с учебниками всеобщей истории и не ищут в ней примеров и указаний для своей деятельности. Тем не менее, нельзя отрицать в самых массах известного исторического смысла, более или менее развитого на основании сохранившихся преданий о прошедшем. В лицах, стоящих во главе государственного управления, этот смысл переходит, по необходимости, в отчетливое сознание отношений, существующих между прежним и новым порядком вещей. Надобно, с другой стороны, признаться, что *всеобщая история в том виде, в каком она обыкновенно излагается, не в состоянии сильно действовать на общественное мнение и быть для него источником прочного назидания…*

Известные слова Кетле о статистике (см. о Кетле выше) со временем получат приложение и к нашей науке. Ей предстоит совершить для мира нравственных явлений тот же подвиг, какой совершен естествознанием в принадлежащей ему области. Открытия натуралистов рассеяли вековые и вредные предрассудки, затмевавшие взгляд человека на природу: знакомый с ее действительными силами, он перестал приписывать ей не существующие свойства и не требует от нее невозможных уступок. Уяснение исторических законов приводит к результатам такого же рода. Оно положит конец несбыточным теориям и стремлениям, нарушающим правильный ход общественной жизни, ибо обличит их противоречие с вечными целями, поставленными человеку провидением. История сделается в высшем и обширнейшем смысле, чем у древних, наставницей народов и отдельных лиц и явится нам не как отрезанное от нас прошлое, но как цельный организм жизни, в котором прошлое, настоящее и будущее находятся между собой в постоянном взаимодействии…

Но даже и в настоящем, далеко несовершенном, виде своем, всеобщая история более, чем всякая другая наука, развивает в нас чувство действительности и ту благоразумную терпимость, без которой нет истинной оценки людей. Она показывает различие, существующее между вечными, безусловными началами нравственности и ограниченным пониманием этих начал в данный период времени. Только такой мерой должны мы мерить дела отживших поколений. Шиллер сказал, что смерть есть великий примиритель. Эти слова могут быть отнесены к нашей науке. При каждом историческом проступке она приводит обстоятельства, смягчающие вину преступника, кто бы ни был он – целый народ или отдельное лицо. Да будет нам полезно сказать, что тот не историк, кто не способен был перенести в прошлое живое чувство любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от него веками иноплеменнике. Тот не историк, кто не сумел прочесть в изучаемых им летописях и грамотах начертанные в них яркими буквами истины: в самых позорных периодах жизни человечества есть искупительные, видимые нам на расстоянии столетий, стороны, а на дне самого грешного перед судом современников сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрение

мелкие владения прежних конунгов, уступая место единодержавию Эйриха Упсальского в Швеции, Горма Старого в Дании и Гаральда Прекрасноволосого в Норвегии. Тогда же проникли в пустыни и леса Скандинавии первые проповедники христианства, св. Ансгарий и его последователи. Царствованию Одина и Азов наступил конец. Но этот перелом в народных верованиях и привычках не мог совершиться без мучительной и упорной борьбы. Многочисленные приверженцы старины ушли добровольно изгнанниками от нового, возникавшего на их родине, порядка вещей. Исландия была для них тем, чем сделалась Америка для гонимых сект и мнений Западной Европы в XVII столетии. Далекий, бедный дарами природы остров[1] принял на свою почву не бездомных беглецов, спасавшихся от преследования закона или от голодной смерти, а цвет норвежского и вообще скандинавского племени, потомков древней аристократии, ведущих свое происхождение от Азов и не хотевших изменить религиозным и политическим преданиям, с которыми связано было значение их родов. Они принесли с собой в новое отечество вместе с прекрасным и звучным языком целую вымиравшую в собственной Скандинавии мифологию и изумительное богатство героических песен и преданий.

[1] Впрочем, не подлежит никакому сомнению, что до X в. климат Исландии был мягче и почва плодороднее, чем теперь. Остров, по свидетельству исландских саг, был покрыт лесами, которых в настоящее время нет вовсе, а жители занимались земледелием. Теперь хлеб не родится более, а выписывается из Дании.

Таким образом, Исландии досталась на долю быть последним убежищем скандинавского язычества и связанного с ним гражданского быта. Отрешенная своим положением от живого движения истории, страна в продолжении нескольких веков хранила этот быт, как поучительную для будущих поколений окаменелость. Даже по принятии христианства исландцы оставались верны обычаям старины. Тамошнее духовенство не принимало участия в честолюбивых стремлениях римско-католической иерархии и предпочитало родной язык латинскому, сковавшему надолго самостоятельное развитие западных литератур. Исландские священники не только не истребляли, по примеру своих южных собратьев, памятников языческой старины, но тщательно собирали их и хранили при помощи ими же введенной азбуки. Так образовалась исландская литература, главные произведения которой принесены были на этот остров колонистами IX и X столетий, хранились долгое время в памяти народа и потом уже, в эпоху христианства и грамотности, преданы письму. Одним из древнейших сборников такого рода считается Эдда Старшая, составленная в начале XII в. из мифологических и эпических песен, записанных священником Сэмундом Вещим. Эдда Старшая относится к позднейшей поэзии скальдов, от которой ее не всегда дол-

---

не может служить в ущерб строгой справедливости приговоров, ибо оно требует не оправданий, но объяснений, обращается к самим лицам, а не подлежащим суждению делам их. Одно из главных препятствий, мешающих благотворному действию истории на общественное мнение, заключается в пренебрежении, какое историки обыкновенно оказывают к большинству читателей. Они, по-видимому, пишут для ученых, как будто история может допустить такое ограничение, как будто она по самому существу своему не есть самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каждого… Цеховая, гордая своей исключительностью наука не вправе рассчитывать на сочувствие общества. Здесь, разумеется, речь идет не о тех достойных всякого уважения, но по самому содержанию своему не допускающих занимательности, частных исследованиях, без которых не могла бы двигаться вперед наука, хотя она употребляет их в дело только как материал»…

Вот лучшая автобиография духа писателя и ученого, какую можно было только составить для исповеди в своих взглядах и убеждениях относительно значения исторической науки в ее связи с действительной жизнью общества.

жным образом отличают, как вообще народная песня относится к искусственной поэзии, подчиненной многосложным правилам и носящей на себе отпечаток личности поэта. Песни Эдды, в особенности мифологические, принадлежат самой глубокой древности. В них скандинав высказал вполне свое воззрение на жизнь богов и человека. Воззрение это мрачно, как природа и история, которые его воспитали. Поклонник Азов носит в груди своей скорбное сознание, что боги его не вечны, что они такие же преходящие существа, как он сам. Немолчно поет пророчица Вола о предстоящей богам погибели. В другой песне Эдды (Loka-sena) злой Аз Локи осыпает прочих Азов язвительными насмешками и бранью. Впечатление, производимое этой песнью, которую многие ошибочно принимали за позднейшую вставку христианского монаха, глубоко трагическое. В ее звуках слышится болезнь языческой души, против воли отрешающейся от древних верований и горько сетующей на оставленных ею богов за их несостоятельность. В исступлении недовольной обычными опасностями отваги скандинавские витязи часто вызывали на бой Одина и Тора, самых сильных в сонме Азов, и издевались над ними за то, что они не отвечали на безумный вызов. Только христианство могло божественной силой своей успокоить эту страшную тревогу северного духа и обуздать его титанические порывы.

Эпический отдел Эдды посвящен судьбе трех знаменитых, обреченных богами на великую славу и великие страдания, родов: Вользунгов, Нифлунгов и Будлингов. До нас дошла только часть этих исполненных высокой поэзии и по содержанию тесно связанных между собой песен. Некоторые из них принадлежат равно германскому и северному эпосу. Сигурд Эдды и немецкий Зигфрид – одно и то же лицо; Нифлунги суть Нибелунги; Атли – Этцель. Зато песни о Вользунгах составляют исключительную собственность Скандинавии. Из этих песен сохранились только три, героем которых является Гельги, внук Вользунга и брат Сигурда. Гельги вовсе неизвестен немецкой саге, но между скандинавскими героями ему нет равного. Он стоит выше даже брата своего Сигурда, связывающего судьбу Вользунгов с судьбой Нифлунгов. Предание о последних составит содержание нашей статьи. Мы не войдем в разбор отношения, существующего между песнями Эдды и германским эпосом, который, очевидно, моложе. Следуя примеру, с таким успехом поданному Гротом (Groote) при изложении греческих мифов и народных преданий, мы не станем доискиваться таинственного смысла, сокрытого в саге о Нифлунгах, и постараемся передать нашим читателям простое содержание этих песен, живших в устах и памяти древнего скандинава. Он верил им на слово и, конечно, был бы глубоко оскорблен попытками новых толкователей, старавшихся обратить могучих и полных жизни героев северной поэзии в бледные призраки, символы или аллегории.

Источники наши: Эдда Старшая, Эдда Младшая Снорри Стурлусона и Вользунга-сага.

В то время, когда Азы еще странствовали по свету, случилось Одину, Локи и Гениру проходить мимо водопада, у которого сидела выдра и ела, зажмурив глаза, пойманную ею рыбу. Локи бросил в выдру камень и убил ее. Довольные такой удачей, Азы пошли далее. Вечером они пришли к хижине чародея Грейдмара и попросили у него ночлега. Готовясь к ужину, они показали своему хозяину добычу Локи. Грейдмар узнал в убитом звере сына своего Отура, славного охотника, который под видом выдры ловил рыбу. Раздраженный отец позвал других сыновей своих, Фафнира и Регина, и вместе с ними напал на неосторожных гостей. Связанные по рукам и ногам, Азы предложили, в виде выкупа за совершенное ими убийство, наполнить снятую с выдры шкуру золотом и покрыть ее сверху тем же металлом. Грейдмар согласился, и Локи отправился за обещанным золотом. Он поймал карлика Андвари, который жил как рыба в воде, и потребовал от него сокровищ, спрятанных на речном дне. Андвари дал все, кроме кольца, которое он скрыл в руке. Кольцо это одарено было свойством обогащать своего владельца. Но Локи заметил хитрость Андвари, и, несмотря на его просьбы, отнял у него волшебное кольцо. «Оно погубит всех будущих своих

владельцев»,– сказал ограбленный карлик. Кольцо очень нравилось Локи; но ему, в свою очередь, не удалось скрыть его от Грейдмара, который взял его с остальным золотом как выкуп за смерть Отура; причем Один подтвердил проклятие, произнесенное Андвари.

Действия рокового кольца не замедлили обнаружиться. Грейдмар был убит сыновьями, с которыми он не хотел поделиться полученными от Азов богатствами. Потом возникла ссора между Фафниром и Регином. Первый овладел наследством отца, удалился на равнину Рвитагейди и, обратившись в змея, стал сторожить свои сокровища. Регин нашел убежище при дворе короля Хиалпрека. Он воспитал там последнего из Вользунгов, Сигурда Сигмундсона. Регин был искусный кузнец и сковал для своего воспитанника меч Грам, до того крепкий и острый, что им можно было и разрубить наковальню, и разрезать надвое плывшую по воде прядь шерсти.

Когда Сигурд достиг совершеннолетия, он взял свой меч, сел на коня Грани и отправился за славой. Песни Эдды о нем начинаются с беседы его с Грипиром, братом его матери. Грипир одарен знанием будущего: неохотно повинуется он воле племянника и открывает ему судьбу, его ожидающую. Сигурд не довольствуется обещанной ему славой; он хочет знать наперед, какой конец предстоит ему. Грипир заключает свои предсказания, составляющие мрачное введение к трагическому эпосу, в средоточии которого стоит Сигурд, утешительными словами: «Лучшего мужа, чем ты, не будет под солнцем, Сигурд!» Вользунг не пал духом перед неотразимым жребием. Он благодарит дядю: «Простимся же мирно! Судьбы никто не одолеет. Ты исполнил желание мое, Грипир! Я знаю: ты предсказал бы мне лучшую участь, если бы она была в твоей воле».

Регин не забыл обиды, нанесенной ему Фафниром. Он убеждает Сигурда овладеть сокровищами, которые были причиной кровавого раздора в семействе Грейдмара. Но у Сигурда есть другие обязанности. Он должен отомстить за смерть деда и отца, падших в битве против сынов Гундинга. «Громко смеялись бы сыны Гундинга,– говорит он,– отнявшие старость у Эйлими (отца Гиордисы, матери Сигурда), если бы отвагу витязя воспламеняли золотые кольца, а не месть за отца». По совершении этой мести Вользунг отправляется на змея Фафнира. Он вырыл глубокую яму и сел в нее. Кроме страшной силы, у Фафнира был еще шлем Эгира (морского духа), наводивший ужас на всю живую тварь. Сигурд вонзил, однако, меч свой прямо в сердце змея, когда тот полз над ямой к воде. Умирающий брат Регина советует своему победителю быть осторожным и ссылается на собственный пример.

Фафнир: – С тех пор как берегу мое сокровище, я ношу шлем Эгира. Я думал, что между людьми нет никого сильнее меня. Немного смелых видел я.

Сигурд: – Не всегда может шлем Эгира служить защитой там, где бьются отважные мужи...

Фафнир: – Черный яд бил из ноздрей моих, когда я лежал на богатом наследии отца моего.

Сигурд: – Змей, сверкающий чешуей, грозно было шипение твое и жестоко сердце. Легко растет смелость у того, которому дан шлем Эгира.

Советы Фафнира, убеждающего Сигурда не брать проклятого Андвари золото и не доверять Регину, бесполезны. Регин приходит сам после смерти брата, пьет его кровь и просит Сигурда изжарить для него сердце убитого. Этим способом надеялся он достигнуть большей мудрости. Сигурд, исполняя возложенное на него коварным воспитателем поручение, дотронулся рукой до лежавшего на огне сердца, обжег себе палец и невольно поднес его к губам. Капля фафнировой крови упала ему в рот, и он стал понимать язык птиц. Семь орлиц сидят кругом его на деревьях и ведут между собой речь об умысле Регина погубить убийцу своего брата и присвоить себе его богатства. Сигурд слышит их разговор; ему нельзя более сомневаться в опасности, которая ему угрожает, он убивает Регина, и, навьючив на коня своего Грани фафнирово золото, едет далее.

На высокой горе стоит окруженная пламенным сиянием и составленная из щитов

ограда. Сигурд нашел в ней спавшего в полном доспехе воина. Сняв с сонного шлем, он увидел черты женского лица. То была валькирия Брингильда. Она убила в битве Гиалмгунара, которому покровитель его Один обещал победу, и в наказание была погружена в непробудный сон. Сигурд разрезал на ней очарованную броню и положил конец наложенному Одином заклятью. Брингильда объяснила Сигурду значение и действие различных рун. Несмотря на все старания новых толкователей и переводчиков, эта часть Эдды весьма темна. Ясно только то, что под различными рунами здесь нужно понимать мудрость и знание вообще. К загадочным наставлениям своим валькирия присоединила несколько характеризующих образ мыслей древнего Скандинава советов. Будь верен друзьям, говорит она, держи данную клятву, остерегайся совета людей, не покидавших родины; избегай волшебниц. «Для смелости в битве воину нужны добрые очи, а на ратном пути часто сидят злые колдуньи, притупляющие дух и меч». Не соблазняйся приданым девы; не начинай ссоры под влиянием вина; не дай себя сжечь в ограде, окруженной врагами; лучше умереть с оружием в руках; не искушай к легкомысленным поступкам чужих жен и девиц. «Девятый совет мой тебе: не оставляй без покрова трупы, лежащие в поле, какая бы ни была их смерть: от заразы, от волн морских или от оружия. Насыпь холм в честь отошедшему, умой ему руки, расчеши и осуши волосы, прежде чем положить его в гроб. Потом моли о сладком сне ему. Не доверяй словам родственников убитого тобой человека: верь, что вражда и затаенный гнев не засыпают никогда. Смотри, какими путями идет на тебя беда». Валькирия знает также судьбу Сигурда и свою собственную. В словах ее много намеков, обличающих это знание.

Вользунга-сага описывает знакомство Сигурда с Брингильдой подробнее, чем Эдда. Некоторые из этих подробностей заимствованы из песен, до нас не дошедших; другие вставлены, или, лучше сказать, сочинены самим составителем саги. В песнях Эдды не говорится вовсе о любви Брингильды к Сигурду до брака ее с Гуннаром. Можно догадываться, что она любила Вользунга; но ясного свидетельства нет. Такая осторожность показывает простое и глубокое поэтическое чувство, которым проникнуты эти произведения народной фантазии. В саге, напротив, находится длинный рассказ о том, как Сигурд и Брингильда полюбили друг друга, как они обменялись брачными обещаниями и даже прижили дочь Аслаугу.

Сигурду не нужно быть супругом валькирии. Он женится на прекрасной Гудруне, дочери короля Гиуки и Кримхильды. У Гиуки было еще три сына: Гуннар, Гогни и Гуторм. Они носят название Гиукунгов, или Нифлунгов. Сигурд соединен с ними тесной дружбой и обетами ратного братства. Когда Гуннар задумал жениться на дочери Будли, сестре Атли, Брингильде, Сигурд предложил ему свою помощь и поехал с ним за страшной невестой. Надобно было победить большие, неодолимые для Гуннара трудности. Жилище Брингильды окружено со всех сторон ярким пламенем. Никому еще не удавалось перешагнуть через эту ограду. Пораженный страхом конь Гуннара остановился. Тогда Сигурд принял вид Гуннара и на своем Грани, который не терпел другого всадника, промчался через пламя. Таким образом была обманута Брингильда, обещавшая руку свою тому, кто, преодолев все опасности, которыми она окружила себя, явится перед нею женихом. Она дала кольцо свое Сигурду, принимая его за Гуннара. Князь гуннов, так называет песня Сигурда, провел с ней три ночи, но каждый раз клал между ней и собой обнаженный меч. Он не коснулся ее ни устами, ни рукой, и передал ее во всей чистоте непорочной девы ожидавшему их Гуннару.

Цветущее семейство окружает короля Гиуки и супругу его Кримхильду. При дворе их живут дружно сыновья их и зятья с женами своими. Но сердце Брингильды неспокойно: злые норны смутили его. Она любит Сигурда и мучительно завидует Гудруне. Полная дурных помыслов, уходит она на снежные горы ночью, когда Сигурд ведет Гудруну на брачное ложе и заботливо одевает милую жену. Однажды случилось им обеим, Гудруне и Брингильде, мыться в Рейне. Последняя вошла в реку, говоря, что

не хочет мочить себе голову водой, текущей с волос ее невестки. «Мой отец был сильнее твоего отца; мой муж совершил более великих дел, чем твой: он переехал через пламенную ограду, а Сигурд был слугой короля Хиалпрека». Тогда сказала ей Гудруна всю правду и показала ей обручальное кольцо, полученное Вользунгом, когда он принял вид Гуннара. Кольцо это красовалось теперь на руке Гудруны. Брингильда побледнела, как мертвец, и не молвила более ни слова. Спор возобновился, однако, на другой день. Гудруна хвалилась, что люди поют о ее муже: «Его победа над змеем Фафниром лучше всего царства Гуннарова». Брингильда легла на ложе свое и лежала, как мертвая. Когда к ней пришел Гуннар, она стала упрекать его в обмане и хотела убить его. Скорбь ее тронула даже Гудруну, которая послала к ней утешителем Сигурда. Перед ним высказала горе свое Брингильда, призналась ему в ненависти к малодушному мужу и в желании погубить его самого. Но отомстить Гуннару обманом за обман она не хотела, и решила сохранить ему верность. Во время этой беседы у Сигурда так билось сердце, что панцирь его треснул на нем.

Брингильда убеждает мужа умертвить Сигурда. Гогни советует брату не слушать злой жены; но советы его бесплодны. Он вынужден сам согласиться на убийство, в котором, впрочем, ни ему, ни Гуннару нельзя принять личного участия, потому что они ратные братья Сигурда и клялись ему в дружбе. Меньшой брат их, Гуторм, не давал таких обетов. Они накормили его волчьим и змеиным мясом и научили убить сонного Сигурда. Гуторм исполнил их волю, но умирающий Вользунг бросил в него мечь свой Грам и разрубил его надвое. Прощаясь перед смертью с женой, Сигурд сказал ей: «Я знаю, кто задумал преступление. Всему виной одна Брингильда. Она любила меня более, чем других людей, а Гуннару я всегда служил добром».

Плач Гудруны разнесся по всему дому Гиуки, «и засмеялась от полного сердца Брингильда, дочь Будли, когда долетел до нее пронзительный стон дочери Гиуки». Гуннар упрекает жену за этот злобный хохот; но он в то же время замечает, что прекрасное лицо ее бледнеет. «Ты задумала недоброе,– говорит он,– ты, кажется, близка к смерти». Брингильда отвечает ему признанием, что она, кроме Сигурда, не любила никого, и предвещает Нифлунгам погибель от руки ее брата Атли. Гуннар напрасно хочет ее успокоить. Она твердо решила умереть. Слуги ее и рабыни, которых она приглашает последовать ее примеру, предлагая им для предсмертного убора свои драгоценности, отказываются, говоря: «Довольно трупов здесь, мы хотим жить». Покрытая белым покрывалом, в золотой броне валькирии, Брингильда исполняет свой замысел и убивает себя. В последних словах ее странно, но поэтически звучит жестокая воля валькирии и грусть женщины, которой судьба «не дала счастливой любви». Она предсказывает еще раз будущую участь Нифлунгов и брата своего Атли; жалеет о малодушии Гудруны, остающейся в живых, хотя ей суждено быть причиной гибели всех близких, и просит похоронить себя вместе с Сигурдом, положив, однако, посредине тот же меч, который лежал между ними, когда Сигурд, под видом Гуннара, делил с ней брачное ложе. «Положите нам в головы двух слуг моих, да двух к ногам. Еще двух собак, да двух ястребов, тогда все будет хорошо»,– прибавляет она сообразно с суровым обычаем родины. Следующая затем песня Эдды передает разговор умершей, находящейся на пути в Гелу (подземный мир) Брингильды с исполиншей, которая осыпает ее укорами. Брингильда в оправдание себе рассказывает повесть своей жизни. Рассказ этот короток и не содержит почти ничего нового. Видно из беспрестанных повторений, что судьба Сигурда и Брингильды была предметом многих песен, которые заимствовали одна из другой не только общие черты, но и сами выражения.

Первая из трех песен, носящих имя Гудруны, описывает сетование Сигурдовой вдовы. Трудно себе представить что-нибудь проще и поразительнее этой скорбной песни:

«Однажды хотелось умереть Гудруне, когда она печальная сидела у ног Сигурда. Она не рыдала, не ломала себе рук и не плакала по женскому обычаю.

Пришли князья и любовью своей хотели разогнать ее горькие думы. Не жаловалась, не плакала Гудруна. Сердце ее ломилось под тяжелым горем.

Блистающие золотом, украшенные жены князей сидели перед Гудруной. Каждая говорила о своих страданиях, о самом горьком в собственной жизни.

Гиафлога, сестра Гиуки, сказала: «Я изведала более печали, чем многие другие. Пять раз доходила до меня весть о гибели супругов. Двух дочерей, трех сыновей, восемь братьев взяла смерть. Я живу одна».

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная в скорбь об убийстве милого. Сердце ее отвердело по смерти властителя.

Тогда молвила Герборга, королева Гунской земли: «Мне можно пожаловаться на большое горе. Семь сынов и муж восьмой пали на южной земле под убийственной сталью.

Отца и мать и четырех братьев обманул ветер на море. Волны ворвались в дощатые бока корабля. Самой мне пришлось хоронить их всех, напутствовать их в Гелу. Все это вытерпела я в полгода, и некому было утешать меня.

Скоро, после печальных дней, пришли враги, взяли и сковали меня. Каждое утро должна я была убирать жену ярла, завязывать ей обувь.

Она мучила меня ревностью; быстро сыпались на меня ее удары. Не было господина милостивее, не было госпожи суровее».

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная в скорбь об убийстве милого. Сердце ее отвердело по смерти властителя.

Тогда сказала Гюлронда, дочь Гиуки: «Ты мудра, пестунья, но ты не умеешь облегчить утешением горе молодой жены.– Она сняла покров с головы князя. Сняла ему покров с головы и обернула щекой к коленам супруги.– Взгляни на милого, приложи уста к его устам, как целовала его при жизни».

Гудруна подняла глаза, увидела запекшиеся в крови волосы вождя и померкшие светлые очи и рассеченную мечом обитель отваги.

Упала навзничь Гудруна; волосы ее рассыпались, щеки загорелись, и дождь полился из глаз на колени. Тогда заплакала Гудруна, дочь Гиуки»...

Нифлунги, которых заслонял собой Сигурд, выступают после его смерти главными действующими лицами на сцену. Они овладели наследием Фафнира и роковым кольцом, с которым сопряжено проклятие карлика Андвари. Чтобы отвратить от себя кровавое возмездие за совершенное ими преступление, они убили Сигурдова сына и дали Гудруне волшебный напиток, который на время отнял у нее память. Кримхильда заклинает дочь свою выйти замуж за брата Брингильды, Будлинга Атли. Этот Атли есть не кто другой, как знаменитый Аттила, царь гуннов. Известия о владычестве его над скандинавским Севером очевидно ложны; но слава его достигла до крайних пределов Европы, и народная поэзия овладела его именем, оставляя в стороне историческую обстановку, которой был окружен «Бич Божий». В скандинавской Эдде и в немецких Нибелунгах (где его зовут Этцелем) Аттила является могущественным царем гуннов, при дворе которого происходит кровавая развязка трагедии, начавшейся смертью Сигурда, или Зигфрида. Имена и подробности другие; но основа сказания одна и та же. Замечательно, что ни Эдда, ни Нибелунги не приписывают Аттиле тех великих свойств, которыми отличаются прочие герои. Он смотрит издали на сечу и вообще не славится своими подвигами. Слова летописца Иорнанда о царе гуннов, «что он был воздержан на руку» (manu temperans), подтверждаются таким образом свидетельством народных преданий. Гудруна не могла устоять против просьб матери и братьев, которые молили ее на коленях исполнить их желание.

Она согласилась дать свою руку Атли; но грудь ее была полна тяжких предчувствий, и новый брак не сулил ей радости. Атли не видел ни разу улыбки на лице жены своей. Она не могла забыть первого супруга, хотя родила двух сыновей от второго.

У Атли, кроме Брингильды, была еще сестра Одруна. Она любила Гуннара и была любима им; но Атли не дал своего согласия на их брак. Он завидовал богатству, доставшемуся Нифлунгам после Сигурда. Собран-

ные на совещание вожди гуннов присоветовали королю пригласить к себе Гуннара и Гогни и поступить с ними так, как они поступили с Вользунгом. Атли принял совет и отправил гонца Винги (другая песня называет его Кнефрудом) с приглашением к братьям Гудруны. Коварное намерение Атли не скрылось от зоркой Гудруны: она не могла сама ехать к братьям, но послала им предохранительные руны и кольцо, обвитое волчьим волосом. Хитрый Винги испортил руны, и несмотря на разные приметы, грозившие бедой Нифлунгам, уговорил их посетить его господина. Гуннар отвечает на предостережение супруги своей Глаумворы, видевшей зловещий сон: «Поздно приходят речи твои. Я решился ехать. К чему бояться поездки, когда дано уже слово. Много было нам предвещаний, что жизнь наша не продлится долго». Гогни был недоверчивее брата, но не хотел отпустить его одного. Только пять витязей решились проводить их к двору Атли. Нифлунги так спешили навстречу ожидавшей их гибели, что у корабля, на котором они плыли, отскочил руль и переломались все весла. При самом входе в замок Атли Винги смутился душой. Может быть, ему стало жаль обреченных на гибель гостей, может быть, Азы помрачили рассудок его в наказание за вероломные обеты, данные им сынам Гиуки. Он открыл им истину и советовал бежать. Гогни отказался от постыдного средства к спасению. Он убил вместе с братом обманувшего их гонца и, не сходя с места, стал ругаться над гуннами. «Худо удается дело, вами придуманное. Вы еще не готовы к бою, а мы уже убили до смерти одного из ваших». Гудруна услышала в светлице своей шум начинавшейся битвы, сорвала с себя в гневе золото и серебро, которыми была убрана, и поспешила к братьям. Смело вышла она навстречу Нифлунгам, целовала их и обвивала руками. То был последний привет ее. Она крепко любила витязей и сказала им: «Я хотела отвратить вас от поездки сюда предостережением; но судьба сильнее человека. Вам суждено было быть здесь». Увещания ее положить конец распре выкупом были безуспешны. С обеих сторон ей отвечали: нет. Тогда она сняла с себя покрывало, взяла меч и стала рядом с Гуннаром и Гогни. Два брата Атли пали под ее ударами. Дети Гиуки бились смелее других от раннего утра до обеда. Восемнадцать гуннских трупов свидетельствовали об их мужестве. Атли видит гибель своих воинов. Из пяти сынов Будли он остается один и укоряет Гудруну: «Редко посещала нас радость с тех пор, как ты живешь с нами». По его приказанию гунны нападают снова на Нифлунгов и одолевают их числом своим. Атли радуется наперед горю супруги. Он осудил ее братьев на мучительную казнь: велел у живого Гогни вырезать сердце и скованного Гуннара заключить в башню, наполненную змеями.

В рассказе о смерти Гогни есть черты, превосходно характеризующие нравы героического века в Скандинавии. Атли приказал спросить у Гуннара о месте, где хранится сокровище Фафнира. Гуннар обещает отвечать на вопрос, когда ему принесут вырезанное из груди его брата сердце. Но участь Гогни внушает участие Бейти, одному из вождей гуннских. Он хочет спасти пленника и приказывает убить вместо него Гиалина, царского повара. «Ему подобает такая кончина,– говорит Бейти,– если он проживет более, он будет ленив и бесполезен». Робкий Гиалин стонет и гнется от страха; он молит о пощаде: «Я могу еще возить навоз в сад и исправлять черные работы». Гогни не выдержал его плача. Он сжалился над несчастным рабом и потребовал себе скорой казни. Бейти не терял, однако, надежды спасти братьев королевы, доставив Атли сокровища, которых он так жадно домогался. Гуннару показали вырезанное у Гиалина и положенное на блюдо сердце. Нифлунг узнал сердце раба: «Оно дрожит на блюде, и дрожало еще сильнее в груди его носившей». Когда ему подали наконец настоящее сердце умершего со смехом на устах Гогни, Гуннар сказал: «Оно почти не дрожит на блюде, и не дрожало вовсе, когда лежало в груди». Потом он объявляет, что, кроме его брата, никому не было известно, где спрятано погубившее их золото, и что оно не достанется ни Атли, ни другим. Сокровище Фафнира погружено было Нифлунгами, перед отъездом к гуннскому

царю, в волны Рейна. Оно лежит до сих пор на дне реки. Гудруна прислала заключенному в змеиную башню Гуннару арфу. Руки у него были связаны, но он играл ногами так сладко, что женщины плакали, воины скорбели, и змеи, усыпленные дивными звуками, не трогали узника. Только одна ехидна не заснула. То была мать Атли. Она впилась Гуннару в грудь, и звуки умолкли.

Атли издевался над страданием Гудруны, но она была хитра и умела говорить льстивые речи, – по словам песни. На другой день после побоища, Атли пировал с вождями своими, совершая тризну в честь павших. Гудруна подносила гостям дорогие напитки во славу братьев: супруг ее пил за умерших в бою родственников своих. Ненависть грызла сердце Гудруне. Она ушла от пирующих, «позвала потихоньку малых детей своих и положила их перед собой. Грустно стало смелым детям, но глаза их были сухи. Они ласкались к матери и спрашивали, что она делает. Не спрашивайте меня: я хочу изрубить вас обоих. Давно задумала я умертвить вас.– Убей маленьких детей своих: никто не увидит... Часто спрашивал Атли, не видя детей своих; не пошли ли они играть?» Пир, между тем, продолжался. Гудруна угощала гостей и мужа. Наконец она сказала ему: «Я дочь Кримхильды. Не хочу более обманывать тебя. Не хорош покажется тебе рассказ мой. Ты вызвал большое горе, убив братьев моих. Не спала я, Атли, с тех пор, как их не стало. Помнишь ли, я обещала тебе горькую отплату. Ты говорил со мной утром – я ношу еще слова твои в сердце: послушай моей речи вечерком»... Гудруна рассказывает потом, что она убила детей, накормила Атли их изжаренными сердцами и напоила вином из их черепов. Песня поет далее: «Не радостно сидели они рядом, глядя грозными очами, говоря гневные речи». В ту же ночь Гудруна убила Атли при помощи Нифлунга, сына Гогни. В характере умирающего Атли не видно той суровой силы, которой так богаты Вользунги и Нифлунги. Род Будли стоит гораздо ниже славой и доблестями. Гудруна прямо обвиняет супруга в недостатке ратного мужества. «До меня не доходила молва о совершенной тобой мести, о победе твоей над другим. Ты уклонялся от нелюбимого тобой боя, хотя молчал об этом». На просьбу Атли похоронить его достойным образом Гудруна отвечает обещанием исполнить его волю так, как будто они жили в любви между собой. Песня оканчивается странной для нас, непонятной в устах язычника-скандинава похвалой: «Счастлив тот, у кого родится такая дочь, как у Гиуки. Люди, слышавшие о мщении могучей Гудруны, не забудут о ней вовеки».

Смертью Атли замыкается собственно история Нифлунгов; но есть еще две песни, в которых рассказана последующая судьба Гудруны. Похоронив мужа, она бросилась в море; волны бережно отнесли ее в землю короля Ионакура, который женился на ней и прижил трех сыновей. Гудруне суждено было пережить и погубить род свой. Дочь ее от Сигурда вышла замуж за готского Иормунрека (Эрманрейха – немецкой саги), и была, по его приказанию, предана позорной казни. Сыновья Гудруны предприняли, по наущению матери, отомстить за сестру, убили Иормунрека и погибли сами. Готы, которым помогал лично Один, забросали их камнями. Безродная Гудруна оплакала последних потомков Гиуки. Вользунги и Нифлунги сошли в могилу, но песни о них не умолкали на скандинавском Севере. Их пели скальды «для укрепления отваги в мужах, для облегчения скорби в женах», по прекрасному выражению самой песни.

Сочинения Т. Н. Грановского. – М., 1856 г., т. I, с. 479–497.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПОЭМЫ О НИБЕЛУНГАХ (в XII в.)

Первая часть этой великой эпопеи, заимствовавшей основу своего содержания в древних скандинавских сагах, примененных к историческим преданиям германцев из эпохи Великого переселения народов (V и VI вв.), и облекшей их в понятия и нравы феодального общества X и XI столетий, носит на себе, в противоположность второй части, более спокойный характер: чудеса храбрости и любви занимают в ней первое место. Действие происходит в древнем королевстве Бургундском, на берегах Рейна, около Вормса. В Бургундии правит потомок одной из фамилий, владычествующих над миром, по преданиям скандинавским, а именно, из фамилии Нибелунгов (детей тьмы), Данкрат и жена его Ута. После смерти короля власть переходит в руки его трех сыновей, Гунтера, Гернота и Гизелера; главными из их вассалов были: Гаген из Тронье, Данкварт, его брат, и Фолькер, знаменитый, сверх того, как трубадур. Три короля имели красавицу сестру Кримхильду, руку которой искали все герои вселенной, и которой соответствует в Эдде Гудруна. Наконец, является ее претендентом сын владетеля Сигизмунда из Нидерландов, Зигфрид, славный герой первой части; в Эдде ему соответствует Сигурд. В числе испытаний Зигфриду предложено оказать помощь Гунтеру в приобретении руки непобедимой королевы Исландии Брунгильды. Посредством магического шлема Зигфрид невидимо поражает Брунгильду из-за Гунтера, которого признают победителем, и Брунгильда едет в Вормс. Празднуют две свадьбы; десять лет проходят мирно, но зависть Брунгильды к Кримхильде и оскорбление, которое нанесла ей последняя, делают из них непримиримых врагов. Брунгильда уговаривает Гагена умертвить Зигфрида, предмет гордости Кримхильды, и назначенная охота доставляет случай к исполнению замысла. Но Зигфрид был неуязвим благодаря крови дракона, которой он был вымазан, за исключением небольшого места между плеч. Кримхильда, считая Гагена своим другом, открыла ему секрет, чтобы он знал, с какой стороны нужно оберегать Зигфрида, а Гаген употребил ее доверие для своих целей. Во время охоты Гаген нашел случай убить Зигфрида. Кримхильда затаила ненависть к убийцам, Гагену и брату Гунтеру, знавшему о заговоре; но через несколько лет они нанесли ей новое оскорбление. Кримхильда после смерти мужа получила огромные его богатства, хранившиеся в Норвегии; но Гунтер, по советам Гагена, овладевает ими и бросает в Рейн, чтобы лишить ее средств и держать около себя большую свиту. С того времени Кримхильда провела 10 лет в уединении, обдумывая средства к ужасной мести. Таково содержание 19 глав первой части.

Месть Кримхильды составляет содержание второй части поэмы о Нибелунгах, отличающейся своим трагическим характером. Могущественный Аттила, или Этцель, ищет ее руки; этим начинается вторая часть.

Вторая часть

ГЛАВА XX

Как король Этцель послал в Бургундию за Кримхильдой

Дело происходило в те времена, когда у короля Этцеля умерла жена Гельке, и он снова искал себе жены. Его друзья советовали ему обратиться к гордой вдове, жившей в стране бургундов; имя ей было Кримхильда[1].

Со времени смерти прекрасной Гельке все ему говорили: «Если вы желаете найти благороднейшую и лучшую женщину, какой когда-либо мог владеть король, то женитесь на этой вдове; всесильный Зигфрид был ее мужем».

Им отвечал богатый король: «Но как достигнуть этого? Я – язычник и никогда

[1] Вот образец подлинника:
Daz was in einen ziten (Zeiten)? dô frou Helche erstarp,und der künic Etzel umbe ander frouwen warp; do rieten sîne friunde in Burgonden lant zuo einer stolzen witwen; diu wes frou Kriemhilt genant.

не был крещен, а она – христианка и не согласится иметь меня своим мужем; было бы чудо, если бы когда-нибудь это могло случиться».

Ему возразили герои: «Но, может быть, она решится из уважения к вашему высокому имени и великому богатству; потому надобно попытаться у благородной вдовы, а вы охотно полюбили бы ее сияющую красоту».

И благородный король спросил их: «Кому из вас известны те страны и те люди на Рейне?» Тогда заговорил добрый витязь Рюдигер из Бехлара[1]: «Еще с детства мне знакомы те богатые князья, Гунтер и Гернот, благородные витязи, а третьего зовут Гизелер. Каждый из них делает все, что может содействовать увеличению чести и доброго имени; так поступали и их предки до самых наших дней».

«Но,– возразил Этцель,– мой друг, ты должен мне сказать, может ли она в моей стране носить корону, и действительно ли ее красота так велика, как идет слух о том, чтобы мои друзья не раскаялись после».

«Она равняется по красоте моей обладательнице, богатой Гельке, и, поверьте мне, нет на свете краше другой королевы; кого она изберет мужем, тот будет утешен ее любовью».

«В таком случае,– говорил Этцель,– посватай мне ее, Рюдигер, если ты меня любишь; сделавшись мужем Кримхильды, я награжу тебя, как только могу; но ты исполни мою волю».

«Из моих сокровищниц я прикажу тебе выдать столько, что проживешь весело со всеми своими сподвижниками; ты получишь на дорогу и коней и одежды, сколько бы ни пожелал, если только отправишься в посольство».

На это ответил богатый маркграф Рюдигер: «Было бы недостойно меня делать притязания на твои богатства; я иду охотно на Рейн и притом на счет собственных доходов, которые я получил от твоих щедрот».

«Согласен,– сказал ему богатый король,– но когда же ты намерен отправиться за предметом моей любви? Бог да сохранит вас во всей чести и мою супругу, и да поможет мне счастье, чтобы она оказалась благосклонной ко мне».

Рюдигер прибавил: «Перед нашим выездом мы должны изготовить оружие и одежду, чтобы князья встретили нас с должной почестью; я хочу повести с собой на Рейн пятьсот гордых витязей; и бургунды, взглянув на меня и на свиту, должны будут сознаться, что еще никогда король не посылал так далеко такого доблестного мужа, как ты теперь посылаешь на Рейн.

И ты, благородный король, не пренебрегай ничем: Кримхильда ведь была подвластна сыну Зигмунда, Зигфриду, великому мужу. Ты видал его здесь, и, по всей справедливости, ему следовало оказать наибольшие почести».

«Если она была,– так прервал Этцель,– женой того героя, то он мне так дорог, что я не откажусь сделать ее женой короля; она мне очень нравится и за свою великую красоту».

«Это и моя мысль,– говорил маркграф Рюдигер,– мы поднимемся отсюда через 24 дня. Я извещу, между тем, Готелинду, свою любезную жену, о том, что я лично отправляюсь послом за Кримхильдой».

Богатый маркграф посылает вестников в Бехлар; маркграфиня опечалилась и вместе обрадовалась; она узнала, что муж ее едет сватать жену королю; но она с любовью вспоминала о красоте умершей Гельке.

Готелинда, услышав новость, была отчасти огорчена; ей думалось грустно, найдет ли она в новом браке прежнюю госпожу, и как только она вспомнила о Гельке, так и овладела ею печаль.

Рюдигер выехал из Венгрии в семь дней, что причинило Этцелю великую радость. В городе Вене изготовили им одежды, и маркграф не хотел более откладывать своего отъезда в Бургундию.

В Бехларе ожидала его Готелинда; и молодая маркграфиня, дочь Рюдигера, хотела обнять своего отца, а жена посмотреть на мужа. Прекрасная супруга устроила радостный прием.

---

[1] Рюдигер, маркграф Бехларский, жил в X в. и был представителем зарождавшегося в ту эпоху рыцарства; автор поэмы делает его современником Этцеля, то есть Аттилы, героя V в.

Благородный маркграф выехал из Вены и отправился в Бехлар, а еще прежде его туда было послано вперед на вьючных лошадях все нужное для одежды и вооружения; таким образом, сам он мог ехать налегке.

Приехав в Бехлар, Рюдигер предложил ласково своим спутникам погостить и угостил их на славу. А Готелинда радовалась приезду мужа.

Точно так же и молодая маркграфиня, его любезная дочь, думала, что ничье посещение не могло быть ей более приятно. Герои из страны гуннов, как она охотно смотрела на них! Благородная дева весело приветствовала своего господина: «Милости просим, отец мой и все его люди!» Витязи начали усердно благодарить молодую маркграфиню, а Готелинда хорошо знала, что на уме у ее мужа.

Ночью, возлегши на ложе для покоя, она дружески спросила его: «Куда тебя послал король гуннов?» Он отвечал ей: «Жена моя, Готелинда, я расскажу вам это с охотой.

Я должен посватать моему государю другую жену, так как прекрасная Гельке умерла. Я еду к Кримхильде на Рейн; она будет владычицей гуннов».

«Если то угодно Богу,– говорила Готелинда,– то пусть оно будет нам на пользу, ибо мы предоставляем ей высокое место. Она мне заменит в старости мою госпожу, и мы можем охотно отдать ей корону гуннов».

Маркграф отвечал на это: «Милая моя, вы должны хорошо угостить тех, которые едут со мной на Рейн; богато снаряженные герои горды духом».

Она говорила: «Перед вашим отъездом не будет ни одного, кого бы я ни одарила в вашей свите». И что она обещала, то в точности и выполнила.

О! Что за богатые материи вынесли из хранилищ! Досталось довольно благородным героям; каждый мог завернуться от шеи до шпор. А Рюдигер выбрал себе, что ему понравилось.

В седьмое утро герой выехал из Бехлара со своей дружиной; они повезли с собой оружие и одеяние через Баварскую землю, и редко случалось, чтобы на дороге нападали на них разбойники.

В двенадцать дней они пришли к Рейну, и тогда их приезд не мог более оставаться неизвестным; королю и его людям начали говорить, что появились какие-то чужестранные гости; а хозяин гостиницы начал спрашивать: не знает ли их кто, не скажет ли ему?

Видели, что вьючные лошади нагружены тяжело; всякий понимал, что они богаты; им отвели гостиницу в большом городе.

Когда гости появились в городе, все с любопытством смотрели на их шествие и дивились, откуда могли прийти на Рейн такие герои. Хозяин гостиницы спрашивал Гагена, кто могут быть эти господа.

«Я еще не видал их,– отвечал Гаген из Тронье,– но когда они приблизятся, я, вероятно, их узнаю; впрочем, если я их не узнаю издалека, то, откуда бы они ни приехали в эту страну, они должны быть совершенно чужие».

Благородным гостям была указана их гостиница. Посол, облекшись в богатые одежды, вместе со своими спутниками поехал ко двору. Все они прекрасно одеты, и одежды их хорошо скроены.

«Сколько я теперь вижу,– заговорил быстро Гаген,– я этих мужей не видел много лет; судя по манерам, это идет Рюдигер из земли гуннов».

«Возможно ли это,– воскликнул Гунтер,– чтобы маркграф Бехларский пришел в нашу страну?»

Едва король Гунтер успел окончить свою речь, как храбрый Гаген завидел доброго витязя Рюдигера.

Он бросился к нему со своими друзьями навстречу, и 500 добрых витязей соскочили с коней. Дружелюбно были приняты гуннские гости, и никогда еще послы не были так пышно одеты.

Гаген из Тронье заговорил громогласно: «Милости просим, маркграф Бехлара и дружина его!» Быстроногим гуннам был оказан почетный прием.

Приближенные короля теснились около него. Ортвин из Метца сказал Рюдигеру: «Мы никого еще не встречали с такими почестями, и я говорю вам правду».

Гости благодарили за привет героя, и вместе с королевской свитой вошли в залу и нашли там короля, мужа, при случае храб-

рого. Государь привстал с места; это он сделал из особенного уважения.

Потом он выступил навстречу послам. Гунтер и Гернот оказали внимание гостю и его людям, ему подобала всякая честь. Гунтер взял за руки доброго витязя Рюдигера.

Потом повел его на место, где сам сидел; чтобы угостить посла (и как это охотно делалось), приказано было подать много доброго меду (mete den vil guoten) и лучшего вина, какое только можно найти в прирейнских странах.

Гизелер и Гернот пришли вместе; Данкварт и Фолькер узнали скоро о прибытии доблестных гостей и были чрезвычайно обрадованы; в присутствии короля они приветствовали великодушно добрых витязей.

Гаген говорил своему государю: «Ваши герои должны всегда ценить то, что сделал маркграф из любви к нам; супруг прекрасной Готелинды не может остаться без награды».

Король Гунтер отвечал: «Об этом не может быть и речи; но сообщите мне, как здравствуют в Гуналанде (Венгрия) Этцель и его жена Гельке?» Маркграф отвечал: «Я охотно исполню ваше желание».

С этими словами он и его люди встали с мест. Рюдигер сказал королю: «Позвольте, государь, не скрыть мне ничего, я охотно расскажу вам то, зачем пришел».

«Расскажите мне все, зачем бы вы ни пришли; я разрешаю вам, не спрашивая совета моих друзей. Я выслушаю вас вместе с моими людьми, и дозволю вам испрашивать у меня всяких милостей».

Тогда мужественный посол ответил: «Вам всем на Рейне поклон и верная дружба моего великого короля, и это посольство служит новым знаком его доверия.

Благородный король поручил мне сообщить вам о своем горе; его народ лишен своей радости; моя госпожа, супруга моего властелина, богатая Гельке, умерла; с ее смертью осиротела толпа девиц, которых она у себя воспитывала, и между ними есть дети благородных князей. О том скорбит вся страна. Некому больше позаботиться о девицах; я говорю об этом потому, что теперь наш король редко может знать покой».

«Да вознаградит его Бог,– отвечал Гунтер,– за то, что он так охотно предлагает свои услуги мне и моим друзьям, я с радостью выслушал его привет; моя дружина и люди также охотно окажут ему свои услуги».

От имени бургундов говорил герой Гернот: «Мир будет всегда оплакивать смерть прекрасной Гельке за ее добродетели, которыми она прославлялась». Гаген подтвердил эти слова, и с ним еще некоторые из знаменитых героев (degen).

На все это отвечал Рюдигер, благородный посол: «Если вы мне позволите, государь, я скажу вам еще больше, что поручил мне мой властитель; о смерти Гельке он горюет».

Ему сказали: «Кримхильда без мужа; Зигфрид помер». А он на это: «Если то справедливо, и если вы согласитесь, то она будет носить корону перед героями короля Этцеля; вот что приказал мне передать вам мой властитель».

Ему отвечал богатый король (благородно было его великодушие): «Если она согласится, то это будет согласно и с моей волей; а об этом я извещу вас через три дня. Если она не откажет, то как я могу отказать Этцелю?»

Затем гостям оказано было много заботы; им услуживали так, что Рюдигер сознался, что он имеет много друзей при дворе Гунтера. Особенно угождал ему Гаген: Рюдигер поступил с ним точно так же.

Так прожил Рюдигер три дня. Между тем Гунтер созвал совет, как он всегда премудро поступал: «Будет ли угодно его людям, чтобы Кримхильда вышла замуж за благородного короля?»

Все они одобряли, только Гаген был противного мнения. Он говорил королю Гунтеру, храброму герою: «Если у вас есть ум, то будьте осторожны и даже в случае ее согласия не дозволяйте брака».

«Почему,– говорил Гунтер,– я буду сопротивляться? Если королева кого-нибудь полюбит, я должен дать согласие: она моя сестра; мы даже сами должны содействовать всему, что может послужить ей в честь».

На это возразил Гаген: «Не говорите так; если бы вы знали Этцеля, как я! Она полюбит его, как, я слышал, вы говорите, но тог-

да вам прежде всех и справедливо придется оплакивать свою судьбу».

«Но почему? – воскликнул Гунтер.– Я постараюсь избегнуть того и никогда не приближусь к Этцелю до того, чтобы навлечь его гнев, хотя бы даже моя сестра была его женой».

Гаген и на это заметил: «Все же мой рассудок никогда не одобрит того».

Тогда призвали в совет Гизелера и Гернота и спрашивали обоих братьев, одобрят ли они брак Кримхильды с богатым королем. Гаген еще раз говорил против того, но кроме него никто не возражал.

Тогда заговорил от имени бургундов Гизелер, герой: «Друг Гаген, вы могли бы еще и теперь доказать свою верность: смягчите горе, которое вы причинили этой женщине; что бы ей ни предстояло, не оказывайте сопротивления».

«Конечно, вы причинили большое горе моей сестре,– так говорил еще Гизелер, герой браннолюбивый,– никто еще не отнимал больше радостей у женщины, как вы.

При этом я объявлю то, что думаю: конечно, если ее возьмет Этцель и если она отправится в его страну, то, смотря по обстоятельствам, она может сделаться причиной нашего горя; но вы знаете, что у нее будет на службе не один храбрый витязь».

И отважный Гернот возразил Гагену: «Может же случиться, что и мы до их смерти отправимся в страну Этцеля; предоставьте нам действовать в ее пользу, и это послужит к нашей чести».

Гаген оспаривал и это: «Пусть никто мне не говорит того: если только Кримхильда наденет на себя корону Гельке, нам будет большая беда; вы не должны того допускать, и это будет лучше вашим героям».

Тогда гневно заговорил Гизелер, благородное детище Уты: «Неужели все мы должны быть завистниками ее? Если она полюбила, мы должны радоваться; что бы вы ни говорили, Гаген, а я всегда буду на ее стороне».

Когда Гаген услышал такие слова, его мужество помутилось; Гизелер и Гернот, доблестные витязи, а с ними и богатый Гунтер согласились между собой: если Кримхильда пожелает, то они позволят.

На это отвечал храбрый Гере: «Я иду известить мою госпожу Кримхильду, за которой прислал король Этцель, и если она примет его предложение, то таков же будет и наш совет».

Сказав это, храбрый витязь пошел повидать Кримхильду. Она ласково приняла его, и он говорил ей: «Вы можете приветствовать меня; вас ожидает счастье, которое избавит вас от всех бед. За вашей любовью прислал сюда наилучший из мужей, какой когда-либо носил с честью корону в королевской земле,– мне поручили передать это ваши братья».

На это отвечала удрученная печалью Кримхильда: «Да не допустит Бог вас и всех моих друзей смеяться надо мной, несчастной».

Она сильно противилась. Тогда к ней явились брат ее Гернот и юноша Гизелер; они ласково просили ее утешиться и советовали принять предложение короля.

Но никто не мог уговорить королеву кого-нибудь полюбить на земле. Тогда они предложили витязям отправить к ней самого посла.

«На это я согласна,– отвечала она,– мне также желательно видеть доброго витязя Рюдигера за его доблести; если бы это не был он, другой посол не увидал бы меня.

Пошлите его завтра утром ко мне, в мою комнату (kemenâte), я хочу ему лично сказать свое решение».

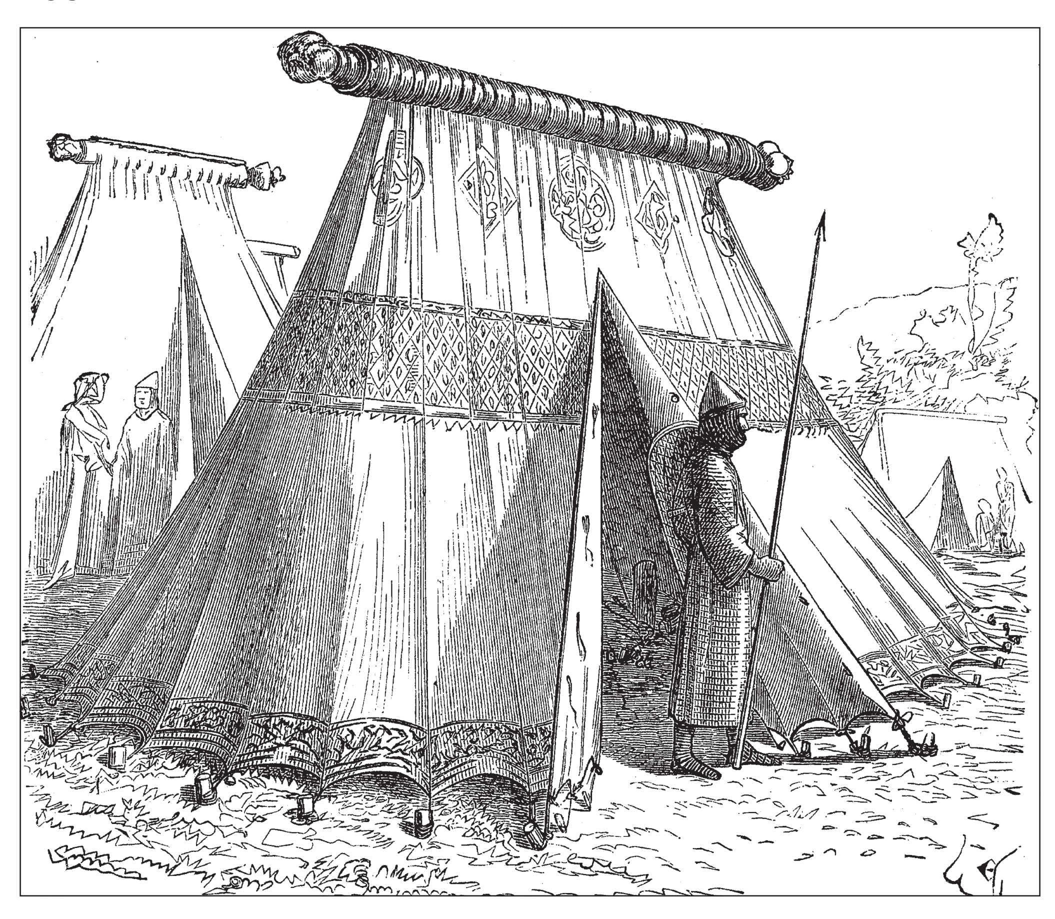
Затем она возобновила свой плач и стоны.

Благородный Рюдигер ничего так не желал, как увидеть королевскую дочь; он знал свой ум и надеялся склонить ее выйти замуж за героя.

Рано утром, после божественной службы, благородные послы явились к Кримхильде; сделалась страшная теснота; те, которые пришли с Рюдигером, были великолепно одеты.

Бедная Кримхильда, печальная духом, она ждала посла Рюдигера. Он нашел ее в обыкновенной одежде, но ее окружающие были в наряде.

Она вышла к нему навстречу до дверей и ласково приняла героя из дружины Этцеля. Рюдигер вошел в комнату сам-двенадцать; ему



Военный лагерь XI в. Реконструкция Виолле-ле-Дюка

оказаны были большие почести: но кому же случалось принимать более важного посла?

Предложено было Рюдигеру и его свите садиться; перед Кримхильдой стояли два маркграфа, Экварт и Гере: это было приятно королеве.

Перед королевой сидели красивые девушки, но сама она была погружена в печаль и вздыхала. Платье ее сверху на груди было мокро от слез. Все это видел благородный маркграф.

Он говорил ей с важностью: «Благородное дитя королей, дозволь мне и моим спутникам встать и возвестить тебе о цели нашего путешествия».

«Я согласна,– отвечала королева,– чтобы вы меня оповестили о том; говорите, что угодно, я буду к вам благосклонна».

Послы заметили при этом, что дух ее непреклонен.

Тогда заговорил маркграф Бехларский, Рюдигер: «Вам шлет сюда поклон, любовь и верность король наш, Этцель; он добрых витязей отправил к вам за вашей любовью.

Он предлагает вам дружбу без печалей, ту дружбу, которую он прежде питал к моей властительнице Гельке; ее корона вам принадлежит».

Королева отвечала: «О, благородный Рюдигер, если бы кто знал мои страдания, он мне не предложил бы второго мужа: я потеряла лучшего, какого когда-либо могла иметь жена».

«Но что же больше утешает нас в страданиях,– говорил храбрый витязь,– как не любовь друга? Кто любит сам и выберет

себе по сердцу, тот узнает, что одна любовь может успокоить нашу печаль. Если вы подарите любовью моего господина, вы получите от него 12 корон; сверх того, он отдает вам страну с 30 князьями, которых поработила его рука. Вам же будут подвластны герои, служившие моей госпоже, Гельке, и вместе с ними красавицы из княжеского рода, некогда прислуживавшие ей. Наконец поручил вам сказать король, если вы согласитесь носить у него корону, он передаст вам всю власть, высочайшую власть, какой пользовалась Гельке; таким образом вы будете господствовать над всей дружиной Этцеля».

«Мне отрадно думать,– отвечала королева,– что я могу снова сделаться женой героя; но смерть моего мужа так глубоко огорчила меня, что я до конца жизни останусь неутешной».

Гунны говорили ей: «О, богатая королева, ваша жизнь у Этцеля будет так прекрасна, что вы забудете все, если выйдете за него; у короля много прекрасных витязей. Девушки Гельке и ее прислуга составят вашу свиту; подумайте, королева, вам будет хорошо».

Королева отвечала на это с достоинством: «Отложим же наши разговоры до завтрашнего утра: тогда приходите ко мне снова, и я дам вам ответ». Храбрые витязи изъявили готовность повиноваться ее слову.

Удалившись в свои покои, она послала за Гизелером и своей матерью и говорила им: «Мне остается плакать и больше ничего».

Ей говорил брат Гизелер: «Мне думается, сестра, и в том я уверен, что король Этцель положит предел твоей печали и скорби; если изберешь его мужем, ты поступишь как следует. Он утешит тебя; нет короля столь сильного на всем пространстве от Роны и до Рейна, от Эльбы и до моря; ты можешь поздравить себя, если он тебя сделает королевой».

«Как ты можешь мне то советовать,– отвечала она брату,– мне более прилично плакать и жаловаться на свою судьбу. Как я могу появиться при дворе в присутствии героев? Я была красавицей, но все это давно уже прошло».

Тогда обратилась Ута к своей дочери: «Милое дитя, сделай то, что советуют тебе твои братья; послушайся своих друзей для своей пользы. Я так давно тебя вижу в печали».

Она так часто молила Бога, чтобы Он дал ей возможность жаловать золотом, серебром и одеждами, как то было при ее муже, когда он здравствовал; но она не могла дожить до возврата прежних счастливых минут.

Она думала в своем сердце: «И я должна отдать себя язычнику? Я – христианка: на меня падет упрек всего мира; это невозможно хотя бы он отдал мне все царства вселенной».

И все она думала об этом; целую ночь до утра преследовали ее такие мысли; ее светлые очи не осушались, пока она на рассвете не пошла в церковь.

Туда явились и короли. Они взяли сестру за руки и советовали ей полюбить короля гуннов; но никто не заметил, чтобы Кримхильда сколько-нибудь повеселела.

К ней пришли потом посланники Этцеля. Они хотели, во всяком случае, оставить королевство Гунтера, получат ли согласие или нет. Пришел и Рюдигер; его спутники убеждали, чтобы он заблаговременно разведал мысли Гунтера; все говорили, что им предстоит далекая дорога домой. Потом Рюдигер отправился к Кримхильде.

Герой ласковыми речами старался узнать, что она желает передать королю Этцелю; но на все его усилия она отвечала с упорством: «Я не полюблю более ни одного человека».

Тогда Рюдигер заметил ей: «Это несправедливо с вашей стороны: за что вы губите свою красу, достойную любви, вы можете быть с честью супругой великого героя».

Но ничто не могло поколебать ее, пока Рюдигер не поговорил с ней отдельно; тогда, наконец, ее печаль несколько уступила.

А Рюдигер говорил королеве: «Перестаньте плакать; если бы вы у гуннов не имели никого, кроме меня, моих друзей и подданных, то и тогда дорого заплатил бы тот, кто посмел бы вас обидеть».

Эти слова внезапно успокоили королеву. Она отвечала ему: «Клянитесь же мне,

Рюдигер, что вы будете первым, кто отомстит всякому, кто бы меня ни оскорбил». Маркграф подтвердил: «Я готов на это, моя госпожа».

Тогда Рюдигер вместе со своими людьми дал клятву служить ей верно и не отказывать ей ни в чем, где будет идти речь о ее чести.

А между тем она думала про себя: «Если я успела приобрести стольких друзей, то мне, бедной женщине, мало дела до того, что станет говорить свет. Быть может, я найду средство отомстить за смерть моего возлюбленного мужа».

Она размышляла: «Так как у Этцеля много героев, которыми я буду повелевать, то я исполню все, что задумаю. У него также много и богатств: мне будет, чем награждать; а убийца Гаген лишил меня моих сокровищ».

Потом обратясь к Рюдигеру, королева промолвила: «Если бы Этцель не был язычником, то я охотно пошла бы, куда ему будет угодно, и избрала бы его своим мужем». Маркграф возразил на это: «Не беспокойтесь о том, моя госпожа. Этцель не совсем язычник; в этом вы можете быть уверены; мой дорогой господин был уже раз обращен в христианство и снова перешел в язычество: если вы, госпожа, одарите его любовью, то он об этом еще будет говорить. У него на службе столько героев из христиан, что вам не встретится ничего неприятного у короля; а вы без труда достигнете того, что душа короля обратится вторично к Богу».

Братья королевы прибавили: «Дайте ваше согласие, сестра, и отложите заботы о будущем». Они упрашивали ее так долго, что она наконец дала слово послу выйти замуж за короля Этцеля.

Вот ее слова: «Я, бедная королева, я должна за вами следовать, я отправлюсь в страну гуннов, как только найду друзей, которые проводили бы меня туда». Сказав это, прекрасная Кримхильда протянула руку герою Рюдигеру...[1]

В XXI главе поэт описывает путешествие Кримхильды от берегов Рейна через Баварию, где ее встречает ее дядя Пильгерин, известный епископ Пассауский X в., который, подобно Рюдигеру, обращен в современника Аттилы; пиршества в Бехларе, данные в честь будущей королевы, и наконец переезд через границу гуннов, после чего Кримхильда остановилась на отдых в г. Трайзенмауере.

ГЛАВА XXII

Как Кримхильда была встречена гуннами

Кримхильда (переехав от берегов Рейна через Швабию и Баварию к границе гуннов) провела четыре дня в Трайзенмауере. По дорогам пыль не улеглась: ее постоянно поднимали витязи Этцеля, разъезжая по Австрии.

Королю Этцелю заблаговременно дали знать, чтобы он удалил из своих мыслей воспоминание о прежнем горе, и описали, как торжественно шествовала по стране Кримхильда. И король поспешно отправился на встречу предмета своей любви.

По дорогам разъезжали храбрые витязи всевозможных языков: и христиане, и язычники; все они весело спешили туда, где можно было ожидать королеву.

Были там витязи из руссов (Riuzen) и из греков (Kriechen); носились быстро влахи и поляки на добрых лошадях, могучие наездники. Каждый из них сохранял свои национальные привычки.

Много было витязей из Киевской земли (von dem Lande ze Kiewen) и диких печенегов. Они охотились, подстреливая птиц на лету; с силой натягивали тетиву до конца лука.

На Дунае в Австрии есть город; зовется он Тульна. Там, в первый раз, она встретилась с чужеземными нравами, каких прежде не видала, и там к ней явились многие, которые впоследствии из-за нее погибли.

Перед королем Этцелем ехала веселая и богатая свита из двадцати четырех князей: они ничего не желали, как увидеть королеву.

За ними следовал Рамунг, герцог Валахии, с семьюстами всадников; они летели, как птицы. Потом князь Гибеке с великолепной свитой.

---

[1] Куплет 1189–1311.

Быстропоспешный Горнбог скакал с тысячью воинов; его послал король к своей даме; они гарцевали на конях по обычаю своей страны. Среди них рисовались и князья гуннов.

Туда же шествовали Говарт отважный и Иринг могучий, правдолюбивый, оба из Дании; из Турингии Ирнфрид, доблестный витязь. Все они встречали Кримхильду, и для почета вели за собой отряд в 1200 мужей. За ними выступал Блодель с тремя тысячами; он – брат короля Этцеля, из страны гуннов, и гордо сидел на коне, выезжая навстречу Кримхильде.

Наконец король Этцель и с ним Дитрих[1] со всеми своими сподвижниками; среди них было немало добрых, мужественных и благородных витязей. Радовалось сердце Кримхильды.

Тогда ей сказал маркграф Бехларский Рюдигер: «Здесь, госпожа, вас будет принимать король, если я вас при этом поцелую, то того требует справедливость: вы не можете всех людей Этцеля приветствовать одинаковым образом».

Королева была снята с кобылицы, и Этцель богатый долго не медлил, и, соскочив с коня, радостно подошел к Кримхильде.

Два могучих князя – нам так рассказывали это – приблизились к королеве и поднесли ей богатые одеяния. Когда же встретил ее король Этцель, она ласково поцеловала благородного господина.

Она отбросила покрывало, и лицо ее засияло, как золото. А один при этом сказал: «Госпожа Гельке не могла быть красивее». Вблизи короля стоял его брат, Блодель.

Королева поцеловала маркграфа Рюдигера, князя Гибеке, Дитриха и 12 героев Этцеля; других витязей она приветствовала поклоном.

Пока король Этцель стоял возле Кримхильды, молодые герои учредили ристалище по обычаю страны: христиане и язычники, каждый по-своему.

Герои дружины Дитриха ломали копья сильной рукой, и высоко взлетали над щитами обломки древка. Немецкие дружины рядами шли и прорывали линию щитов.

От треска копий гул пошел далеко. В ту пору собрались со всей страны герои и гости короля, почетный люд. Король и королева пошли вперед.

Вблизи раскинута была богатая палатка; а по полю всему вокруг стояли группы: тут отдых был назначен им после тяжелых упражнений. Герои привели красивых дев.

Для королевы Кримхильды, которая воссела на богато убранное кресло, маркграф устроил все так прекрасно, что королева осталась вполне довольна; и радостно смотрел на все король Этцель.

О чем они говорили друг с другом, мне неизвестно: знаю одно, что в его правой руке покоилась ее белая ручка. Так они сидя миловались, но Рюдигер герой заметил, что королю еще нельзя беседовать наедине с Кримхильдой.

Игрище было прекращено и бранный шум со славой притих. Дружина Этцеля разошлась по палаткам; им указали место для покоя далеко вокруг на широком пространстве.

Вечер и ночь провели в отдохновении до самого рассвета. Дружина Этцеля была уже в седле, и что тут началось для чести короля!

Король просил гуннов сохранять с достоинством порядок. Все двинулись от Тульны к Вене. Бесчисленная толпа женщин в богатых нарядах вышла навстречу и с почестями приняла супругу короля Этцеля.

Все необходимое было изготовлено щедро, в изобилии; с радостью спешили герои на праздник; настроили палаток, и с торжеством открылась свадьба короля.

Нельзя было всех разместить в городе, и Рюдигер просил таких, которые гостями не считались, избрать себе за городом жилище. Король же, думаю, был все у королевы.

Свадьба происходила в Троицын день, и в городе Вене король Этцель возлег на ложе Кримхильды.

Подарки познакомили с Кримхильдой тех, которые и не знали ее, и многие из гостей говорили друг другу: «Мы думали, что Кримхильда лишилась своих богатств,

[1] Дитрих Веронский, то есть Теодорих Великий (VI в.).

а между тем она приводит в изумление своими подарками».

Торжество свадьбы продолжалось 17 дней, и я не знаю, чтобы в преданиях говорилось о каком-нибудь короле, который пировал бы таким образом свой брак: все присутствовавшие были в новых одеждах.

Полагаю, что и прежде в Нидерланде Кримхильде не случалось сидеть среди такого множества героев; я уверен также, что хотя Зигфрид обладал несметными сокровищами, но все же у него не было на службе столько благородных витязей, скольких она видела в дружине Этцеля.

И никогда еще король при своей свадьбе не раздавал столько плащей, длинных и широких, ни столько одеяний, какими были одарены все от имени Кримхильды.

Как друзья, так и гости были единодушны; никто не хотел ничего щадить и жертвовал всем лучшим. Каждый мог найти все, что бы ни пожелал; а там стояло много героев, до жалости нагих и без всякой одежды.

Но когда Кримхильда вспоминала, как она сиживала на Рейне со своим благородным супругом, глаза ее наполнялись слезами; скрывала она только эти слезы, чтобы никто их не заметил, ибо после долгих страданий ее вознаградили великие почести...

В восемнадцатый день герои выступили из Вены; по дороге, среди воинских игр, много щитов было переколото копьями. Наконец, король Этцель с радостью прибыл в страну гуннов.

В старом Гамбурге провели ночь; с того места нельзя было знать, какое множество народу сопровождает поезд. О, какие встречались красивые женщины в этой стране!

В Мизенбурге сели на суда; вода покрылась конями и всадниками так, что ее можно было принять за материк; а женщины, уставшие с дороги, имели случай отдохнуть.

Суда были связаны друг с другом, чтобы избежать качки от волнения; на палубе раскинули палатки, как делалось то на лугах.

Наконец, пришло известие в Этцельбург: все мужчины и женщины выражали свою радость; те, которые окружали прежде Гельке, дожили теперь до счастливых дней при Кримхильде.

В следующих главах, от XXIII до XXVI, описывается, как Кримхильда, после 7 лет жизни с Аттилой, составила план погубить убийц своего мужа и с этой целью уговорила мужа пригласить к себе ее братьев и их двор. Рюдигер, не подозревая ее замыслов, ласково встретил гостей в Бехларе, одарил их, а Гизелеру обещал руку своей дочери. На пиру, который был дан Аттилой чужеземцам, брат его, Блодель, по уговору с Кримхильдой, нападает на Нибелунгов; но они защищаются с таким отчаянием, что Кримхильда приказала поджечь зал, в котором они заперлись.

ГЛАВА XXVII

Как маркграф Рюдигер был убит

В то утро (после того, как зал с 600 Нибелунгами сгорел, а остальные оказали отчаянное мужество) чужеземцы наделали чудес, и ко двору явился муж Готелинды, Рюдигер; он видел, что бедствия ужасны с ебоих сторон, и внутренне оплакивал случившееся.

«О, горе мне,– сказал герой,– что я родился! Никто не в состоянии положить предел бедствию! Я желал бы примирить их, но Этцель вышел из себя, видя как несчастье его растет».

Тогда добрый витязь Рюдигер посылает к Дитриху, в надежде, что он может склонить короля к миру. Но этот герой Вероны отвечал: «Кто может их удержать? Этцель не хочет и слышать о примирении».

Между тем один гуннский герой заметил Рюдигера и слезы на его глазах; это с ним часто случалось. Гунн сказал королеве: «Посмотрите, как стоит этот герой, который имеет самую большую силу у Этцеля. И которому все служит, и люди, и земля! Сколькими замками одарил его король, а он не нанес еще ни одного доброго удара в этой схватке. Мне кажется, он теперь и не думает о нашем спасении, потому что получил все, чего желал. Его хвалят, как храбрейшего из героев; он худо доказывает это в такую критическую минуту».

Стоял печально верный витязь; услышав же такую речь, он мрачно взглянул, а думал про себя: «Пожнешь ты то, что сеял: ты говоришь, что медлю я, и перед всем двором меня бесславишь!»

Он крепко сжал кулак, бросился на противника и так его ударил, что полумертвый

гунн упал к его ногам. Но это еще более увеличило скорбь Этцеля.

«Прочь,– закричал муж Готелинды,– болтун пустой! У меня довольно было на сердце страданий; если я не дрался тут, ты вздумал упрекать меня. Я разделял бы охотно вашу ненависть к чужеземным гостям. И совершил бы все, что мог, если бы не сам привел сюда от Рейна благородных героев. Я был руководителем их по стране моего властителя; вот почему рука бедного Рюдигера не может сразиться с ними».

Тогда сказал маркграфу король Этцель: «О, благородный Рюдигер, какую же вы мне помощь оказали! У нас теперь убитых столько, что нам не нужно больше; вы ударили его несправедливо».

И благородный витязь отвечал ему: «Он оскорбил меня, попрекнув имуществом и честью, которая досталась мне от ваших рук; лжец получил свою награду кстати».

Тогда явилась Кримхильда и также увидала, как гнев героя гунна поразил. Глаза ее омочились. Она говорила Рюдигеру: «Скажите, чем мы заслужили, что вы умножили печаль мою и короля? Не вы ли, благородный Рюдигер, говорили когда-то, что вы пожертвуете за нас и честью и жизнью? А я слышала, как многие герои ставили вас высоко. Я должна напомнить вам клятву, данную перед моим отправлением к Этцелю, служить мне до смерти одного из нас. Никогда несчастная женщина не находилась в таком печальном положении, как я в эту минуту».

«Это справедливо,– отвечал Рюдигер,– я клялся не щадить за вас ни чести, ни жизни, но я не клялся душу потерять: не я ли сам привел сюда гостей высоких?!»

Она сказала: «Подумай, Рюдигер, о великой твоей верности и страшной клятве мстить за всякую обиду мне». Маркграф ответил: «Я редко вам в чем отказывал».

И Этцель начал умолять; они припали оба к ногам героя. Благородный маркграф стоял глубоко огорченный, и, преисполненный печали, говорил:

«О, горе мне, оставленному Богом, если я переживу свою беду! Мне нужно отказаться от всякой чести, верности и правил, к которым обязал нас Бог. О, горе мне! Господь небесный, молю, чтобы смерть меня не пощадила! И все, что бы я ни сделал, и что бы я ни предпринял, мне причиняет горе и печаль. Если я останусь ни на чьей стороне, всякий будет стыдить меня. Пусть Тот даст мне совет, кто дал мне жизнь!»

Король с королевой снова обступили его; и вследствие того вскоре должны будут потерять жизнь многие герои от руки Рюдигера, причем падет и сам добрый витязь. Вы, верно, хотели бы послушать, какое великое бедствие он испытал.

Рюдигер видел всю тяжесть своего положения; он охотно отказал бы Этцелю и королеве, но боялся через то навлечь на себя всеобщее презрение.

И мужественный герой говорил королю: «Мой господин, возьмите от меня все, что вы мне дали; пусть у меня не останется ни одной земли, ни одного замка; я снова пойду пешком по миру. Лишившись имущества, я оставлю вашу страну и поведу с собой за руку свою жену и свою дочь; пойти же теперь вероломно на смерть, значило бы худой ценой заслужить ваше червонное золото».

Ему говорил король Этцель: «Но кто же мне поможет? Я отдам тебе мою землю и замки, чтобы ты оборонял меня от врагов; помоги, и ты будешь рядом со мной могущественным королем».

Рюдигер ответил королю: «Но как я могу бороться с ними?! Я приглашал их в свой дом, я радушно кормил и поил их и наделил их дарами: как я могу покушаться на их жизнь? Быть может, иной упрекнет меня в малодушии; но я не отказывал никогда в помощи князьям и их дружинам, и могу только сожалеть о дружбе, в которую я с ними вступил. Герою Гизелеру я отдал дочь мою, и она не могла бы найти себе лучшего супруга; я никогда не видал такого юного и доблестного короля».

Ему отвечала Кримхильда: «Благородный витязь Рюдигер, сжалься над нашей великой бедой и подумай о том, что еще ни одному хозяину не приходилось принимать у себя более дурных гостей».

И маркграф говорил благородной госпоже: «Сегодня Рюдигер расплатится своей жизнью за все, что сделала мне ваша лю-

бовь и любовь моего господина. Я должен умереть; так не может продолжаться. Я знаю, что еще сегодня вражеская рука сделает вакантными мои земли и замки. Я поручаю вашему милосердию свою жену и свое детище и всех бедных в Бехларе».

«Да вознаградит Бог,– отвечал король,– за все, что сделает для нас Рюдигер».

Этцель и Кримхильда повеселели. «Все твои люди найдут прибежище у нас; но я уверен, что ты останешься цел и невредим».

Рюдигер бросает на весы судеб и душу и тело; жена короля Этцеля плачет. Рюдигер еще раз говорит: «Я должен исполнить данную вам присягу! О, други мои, против воли иду биться с вами».

Маркграф смущенный пошел от короля; вблизи стояли витязи его: «Готовьтесь,– говорит он им,– к бою, я должен, к сожалению, сразиться с отважными бургундами».

Все бросились к оружию; щиты и шлемы, все принесено; до чужеземцев доходит слух о том.

Рюдигер изготовился с пятьюстами воинов; вместе с ним идут еще двенадцать героев; они хотят приобрести славу в боевом труде и не знают, что их ждет; а смерть близка уже к ним.

На голове Рюдигера надежный шлем; его люди несли острый меч маркграфа и легкие, но широкие щиты перед собой. Увидел их миннезингер (videlaere) Фолькер и крепко пригорюнился.

А юный Гизелер заметил, что тесть его идет с опущенным забралом. Кто бы мог, смотря на это, подумать о вражде? И благородный король радовался всем сердцем.

«Привет друзьям! – воскликнул Гизелер,– мы встретились с ними на своем пути. Благодаря моей жене, они спешат на помощь; мой брак послужит в пользу нам».

«Чем можете вы тут утешаться? – воскликнул миннезингер Фолькер.– Где вы видали, чтобы герои для мирной цели шли, опустив забрало, с мечом в руке? Нашей жизнью намерен он приобрести новые земли и замки».

Еще не кончил речи миннезингер, как благородный Рюдигер стоял уже перед домом. Он добрый щит к ногам поставил, но не мог ни приветствовать друзей, ни быть полезным им.

Маркграф вошел и громко объявил: «Могущественные Нибелунги, вам нужно защищаться! Мне жаль: мы были дружны, теперь я должен быть вашим врагом».

Нибелунги стояли в ужасе при этом известии; не было никакой надежды, которую они питали прежде; им приходилось биться с тем, кого любили все, а от неприятеля они уже испытали много бедствий.

«Да не допустит Бог,– сказал Гунтер,– дожить нам до того, чтобы биться с вами; я уверен, что с нашей стороны невозможно ожидать ничего подобного».

И отвечал отважный витязь: «Теперь нельзя переменить: я должен драться с вами, я так клялся. Теперь защищайтесь, чужеземцы, если вам дорога ваша жизнь. Жена Этцеля не разрешает меня от клятвы»...

«Итак, да пребудет на нас милосердие Божие»,– воскликнул отважный герой. Бойцы поднимают щиты и решаются начать сечу в зале Кримхильды, но в это время со ступени раздался громкий голос Гагена: «Помедлите одно мгновенье, мой добрый Рюдигер; я хотел бы еще раз сказать о крайности, в которой мы находимся: какую в самом деле пользу может принести Этцелю смерть этих чужеземцев? Я лично нахожусь в особенно затруднительном положении,– продолжал Гаген,– щит, который подарила мне твоя жена Готелинда, разбит гуннами в куски, а сам я пришел в страну Этцеля с дружескими намерениями. Я желал бы, чтоб Бог мне послал такой же добрый щит, какой висит у тебя на руке; тогда я не нуждался бы для битвы ни в каком панцире».

«Охотно бы,– так отвечал Рюдигер,– я уступил тебе свой щит, если бы смел то сделать на виду у Кримхильды. Но возьми его, Гаген, и надень на руку; желаю тебе унести его в страну бургундов».

Когда он с такой готовностью уступил ему щит, у многих глаза заблестели от слез. Это был последний дар, которым мог бехларский герой почтить другого витязя.

Как ни был Гаген раздражен и гневен, но дар, предложенный в предсмертную ми-

нуту, тронул его глубоко. Вместе с ним были тронуты и другие герои.

«Да наградит вас Бог небесный, великодушный Рюдигер; здесь на земле не будет вам подобных, которые так поступили бы с чужеземцем. О, Боже, дай, чтобы такая добродетель не умирала»...

Между тем люди маркграфа бросились в сечу, следуя за своим господином, со смертоносным оружием в руках. Не один шлем и щит разлетелся в куски...

Рюдигер показал всю свою силу. О, сколько пало от его руки героев! Но видя это, бургунд пришел в негодование, и смерть нависла над благородным Рюдигером.

Могучий Гернот закричал герою: «Вы не хотите никого оставить мне в живых; я огорчен глубоко и должен вас остановить. Ваш дар (то есть меч) послужит вам в погибель; вы погубили мне столько моих друзей. Идите на меня, о, доблестный герой, и я воспользуюсь подарком вашим, как сумею».

Еще не успел близко подойти Рюдигер, как светлый панцирь его был уже запятнан кровью и отяжелел. Затем герои схватились рука с рукой, и каждый защищал себя от ран и тягостных ударов.

Но не было защиты от их мечей. Рюдигер так поразил Гернота в крепкий шлем, что полилась кровь, и витязь заплатил ему отчаянным ударом.

Он поднял высоко над головой подарок Рюдигера, и сам, раненный насмерть, нанес ему такой удар, что добрый щит разбился, и меч дошел до шлема. От этого удара муж Готелинды должен умереть.

За свой подарок Рюдигер был худо награжден. Противники оба пали мертвые: и Гернот, и маркграф...

В XXVIII главе выступают на сцену Амелунги, дружина Теодориха Великого, или Дитриха Веронского, которого поэт сделал современником Аттилы; их бой с Нибелунгами был самый упорный: из Нибелунгов остались в живых только два главных виновника убийства Зигфрида, Гунтер и Гаген, а со стороны Амелунгов спасся, и то раненый, Гильдебранд, престарелый наставник Дитриха. Тогда, наконец, идет на последнюю борьбу сам Дитрих, обезоруживает и берет в плен Гагена и затем нападает на короля Гунтера, брата Кримхильды.

ГЛАВА XXIX

Как были убиты Гунтер, Гаген и Кримхильда

Дитрих Веронский (после того как он обезоружил и взял в плен Гагена) поразил Гунтера и схватил его за руки; связав, он привел пленника к Кримхильде[1]. Королева приветствовала брата: «Милости просим, Гунтер, герой из Бургундии».– «Да наградит вас Бог, Кримхильда, если ваше приветствие не притворно».

Затем он сказал: «Я благодарю вас, любезная сестра, за ласковый прием; но мне известна ваша злоба, и вы готовите и Гагену, и мне худой привет».

Его прервал герой из Вероны: «Великодушная королева, еще никто не приводил вам таких знатных пленных, как я привел. Зато вы для меня и будете к ним благосклонны».

Кримхильда обещала ему все, и Дитрих Веронский со слезами на глазах удалился от героев. Но жена Этцеля кроваво отомстила за себя, и лучшие два витязя лишились скоро жизни.

Она их разлучила, чтобы тем огорчить их, и они более не видали друг друга до тех пор, пока голова Гунтера не была принесена Гагену. Кримхильда должна была отомстить им обоим.

Она явилась к Гагену и грозно ему говорила: «Если вы мне возвратите отнятые у меня богатства, то живым вернетесь в Бургундию».

Злой Гаген отвечал: «Благородная королева, вы напрасно просите меня о том: я клялся не показывать места, где сокрыты ваши богатства, пока находится в живых хоть один из моих властителей».

Он очень хорошо понимал, что и без этого Кримхильда не оставит ему жизни. Но может ли быть большее вероломство? Он боялся, что королева, умертвив его, отпустит своего брата на родину.

Кримхильда отвечала: «Так я покончу!» – и дала вместе с тем приказание лишить жизни брата. Ему отрубили голову и за волосы

[1] Куплет 2441–2459.

подали ее герою из Тронье; немало ему причинило это печали.

Увидев голову своего господина, Гаген сказал Кримхильде: «Ты и покончила, как того хотела, и все случилось так, как я и ожидал. Теперь у бургундов убиты король, благородный Гунтер, и братья его, Гизелер и Гернот. Кроме Бога и меня, никто не знает, где сокрыто сокровище, и ты, фурия (valentinne), никогда того не узнаешь».

И она ему отвечала: «В таком случае я буду иметь возможность хорошо отомстить за себя. Я овладею добрым мечом Зигфрида, который он носил, когда я видела его в последний раз».

Она извлекла меч из ножен, и никто не мог ее удерживать от покушения на жизнь героя. Одним взмахом меча Кримхильда снесла голову Гагену. Видел это король Этцель, и им овладела печаль.

«О, горе нам! – воскликнул он,– рукой женщины убит храбрейший из героев, какой когда-либо бывал в боях и щит носил! Я враг ему, но все же сожалею».

И старый Гильдебранд промолвил: «Она не насладится плодом своих трудов; что бы ни было со мной, но я отомщу за смерть мужественного героя, хотя он нам наделал много бед».

Сказал и бросился на королеву, махнув над головой мечом. Хотя она и вскрикнула, но крик ей не помог.

Оба трупа лежали распростерты; тело королевы рассечено в куски. Дитрих и Этцель подняли плач: жаль им было сподвижников своих.

Смерть поразила всякую славу; люди остались страдать, горевать. Грустно закончился пир короля; любовь в конце уступила место печали.

Не могу рассказать вам, что дальше случилось; видно было одно, как витязи, женщины, ратники заливались слезами, утратив друзей. Тут и рассказу конец. Нибелунги погибли!

Der Nibelungen Not. Часть вторая, главы XX, XXII, XXVII, XXIX. Издание Браунфельса, Франкфурт-на-Майне, 1846.

КОММЕНТАРИЙ. Поэма о Нибелунгах (Der Nibelungen Not) в том виде, в каком она дошла до нас, была составлена неизвестным лицом из соединения отдельных песен, живших в народных устах, и притом не ранее конца XII в., самой блестящей эпохи рыцарства при Гогенштауфенах. В нее потому введены лица, жившие в X в., как Пильгерин, епископ Пассау, Рюдигер, маркграф Бехлара, хотя главный сюжет относится, если не по духу, то по действующим лицам, к V и VI вв., ко времени Аттилы и Теодориха Великого, короля остготов. В самой же основе поэмы лежат мифические предания о Нифлунгах Скандинавии, воспетых в древних сагах, преимущественно в двух из них: Вользунга-сага и Вилькина-сага (см. о них выше). Все дошедшие до нас песни этого героического эпоса группируются около трех героев и составляют потому три цикла: во главе первого цикла стоит Зигфрид; во главе второго – Аттила и третьего – Теодорих Великий. Лучшее издание текста с критическим его анализом принадлежит Лахманну (2-е изд., Берл., 1841.). Текст с немецким переводом издал Браунфельс (Франкфурт-на-Майне, 1846); один немецкий перевод сделан Симроком («Das Heldenbuch», в 6 т.); Das Nibelungenlied помещено в т. 2 и до 1862 г. имело 13 изданий.

Лиутпранд

СОСТОЯНИЕ ИТАЛИИ, ГЕРМАНИИ И БУРГУНДИИ ПО СВЕРЖЕНИИ КАРОЛИНГОВ И ДО НАЧАЛА X в. (888–898 гг.) (между 958 и 962 гг.)

Во имя Отца и Сына и Св. Духа! Начинается первая книга Ανταποδοζεως, антаподозсис, то есть Воздаяния королям и властителям одной части Европы[1], написанная Лиутпрандом, дьяконом церкви в Тицине (ныне Павия), εν τη εχμαλοζια αυτου, эн ти эхмалосия авту, то есть во время его странничества, и посвященная Рецемунду, епископу церкви в Либерритане (Иллиберисе), в Испании.

Книга первая начинается

1. Достопочтенному, всякой святости преисполненному, владыке Рецемунду, либерританской церкви епископу, от Лиутпранда, Тицинской церкви, не по своим заслугам, дьякона, привет! Вот уже прошло два года, как я, по скудости своих средств, не мог привести в исполнение твою просьбу, возлюбленный отче, в которой ты меня уговаривал (в 956 г.) приступить к описанию деяний императоров и королей всей Европы, как человека, который может говорить не по слуху, но с уверенностью очевидца. Я долго не мог начать этого дела, потому что меня устрашали различные обстоятельства, и сознание недостатка в себе красноречия, и зависть критиков, которые, не брав книги в руки и насупив брови, по выражению ученого мужа Боэция[1], думают, что они облечены в философскую мантию, между тем, как на деле держат одну от нее тряпку; они-то, порицая меня, и скажут мне: «Наши предки написали так много, что скорее будет недостаток в читателях, нежели в книгах»; или осмеют меня известным стихом из комедии[2]: «Ничего не скажется больше, что не было бы сказано уже прежде». Этим людям, умеющим только облаять, я отвечу коротко: подобно одержимым жаждой, которые тем более желают, чем больше пьют, философы чем больше читают, тем больше стремятся к приобретению новых познаний. Кто утомится глубокомысленным чтением произведений красноречивого Туллия (Цицерона), тот отдыхает за чтением литературных безделок (neniis animentur). Ибо, если я не ошибаюсь, как

[1] Так назвал Лиутпранд свое историческое произведение (о его содержании и характере см. ниже); вот каким образом сам автор объясняет в начале третьей книги (III, 1) повод к такому оригинальному заглавию своего труда: «Я уверен, святейший отец, что заглавие моего сочинения немало тебя удивит. Может быть, ты возразишь: «Если автор имел в виду описать деяния знаменитых людей, то почему же его труд называется Ανταποδοζης?» Отвечаю на это: цель всего труда состоит в том, чтобы отметить, назвать и изобличить дела, совершенные Беренгарием (II), который теперь, не скажу, правит, но тиранствует в Италии, и его жены, Виллы, которая за безграничность своих злодеяний может быть названа второй Иезавелью, и Ламией, за ненасытную вражду стяжания. Я, мой дом, родные и семейство незаслуженным образом были поражены ими и копьем клеветы, и разграблением, и поруганиями, в такой степени, что того не может ни язык выразить, ни перо (calamus) написать, да послужат таким образом настоящие страницы антаподосисом, то есть воздаянием; я за свои страдания обнажу и перед современниками, и перед грядущим потомством смертных, их αζεβειαν, асевиан, то есть безбожие. Но мой труд будет в то же время воздаянием и людям благочестивым и блаженным за оказанные ими мне услуги. Из лиц, упомянутых мной, не найдется, за исключением этого безбожника, Беренгария, ни одного, или почти ни одного, благодеяниями которого мои родители или их дети не были бы крайне осчастливлены. Наконец, то обстоятельство, что этот ничтожный труд был написан, как я выразился (I, 1), εν τη εχμαλοζια, эн ти эхмалосия, то есть в плену или в странничестве, указывает на мои настоящие воздыхания. Хотя я начал писать свое сочинение во Франкененвурде (ныне Франкфурт-на-Майне), отстоящем на 20 миль (около пяти нынешних немецких миль) от Магонции (н. Майнц), но оно пишется еще и теперь на о. Паксосе (на юге от о. Корциры, у Эпирских берегов), в 900 милях, или более, от Константинополя». Объяснение всего сказанного Лиутпрандом см. в очерке его жизни.

[1] В известном его сочинении De consolatione philosophiae.

[2] Пролог в комедии Теренция Eunuchi.

Императорская печать Оттона I. Надпись по кругу: «OTTO IMPERATOR AVGVSTVS»

тот, кто, пораженный лучами солнца, защищает чем-нибудь свои глаза, чтобы не увидеть солнца во всем его блеске, так точно и ум, подавленный размышлением при чтении философов академических, перипатетических и стоических, устанет, если его не поддержать благодетельным чтением комиков и приятным рассказом о подвигах героев. Если в книгах сохраняется память об отвратительном идолослужении древних, познание чего не только бесполезно, но даже и не безвредно,– почему же проходит молчанием деяния своих современников, которые по своей славе равняются подвигам таких древних полководцев, как Юлий, Помпей, Аннибал, брат его Аздрубал и Сципион Африканский? Притом в рассказах о деяниях современных героев представляется случай указать на благость Господа нашего Иисуса Христа, действовавшую в них всякий раз, когда они жили свято, и напомнить о спасительном раскаянии, когда они в чем-нибудь отступали от правил Господних. А потому пусть никто не оскорбляется, если в этой книге я приведу деяния королей, утративших энергию, и властителей женоподобных. У всемогущего Бога, у Отца и Сына и Св. Духа, одна есть сила, которая тяготеет над ними справедливо по их злым делам и возвышает других за достойные их деяния. Таков обет, завещанный во истину Господом нашим Иисусом Христом святым своим людям: «Храни и повинуйся моему голосу, и я буду враг твоим врагам и угнету гнетущих тебя, и ангел мой будет тебе предшествовать». И устами Соломона вещает нам мудрость, то есть Христос: «За него восстанет вся земля против безумцев». А что так случается ежедневно, это заметит и тот, кто дремлет. Но чтобы представить тому самое очевидное доказательство из бесчисленного множества других, я, сохраняя сам молчание, предоставлю говорить за себя городу Фраксинету[1], который, как известно, лежит на границе Италии и Провинции (ныне Прованс).

2. Чтобы дать каждому понятие об этой местности (тебе я не думаю сказать что-нибудь новое: ты знаешь все лучше меня, потому что вы можете расспросить о том у самих жителей, платящих дань вашему государю, а именно Абдар-Рахману), скажу, что с одной стороны она омывается морем, а с других – ограждена густым лесом терновника. Если кому придется забрести в него, то его так обовьет кривыми ветвями и проколет иглами, что он не будет иметь средств ни подвинуться вперед, ни отступить назад, без величайших усилий.

3. По неисповедимому и неизбежно справедливому определению Божества случилось (891 г.), что всего 20 человек из сарацин, отплыв из Испании на небольшом судне, были прибиты ветром к той местности против своей воли. Высадившись ночью, эти пираты нападают тайно на город и – о, ужас! – избив христиан, овладевают местом, а прилежащую гору Мавр обращают в убежище против соседних народов. Желая, чтобы терновый лес сделался гуще и выше, победители угрожают смертью каждому, кто осмелится вырубить в лесу хотя одну ветку: таким образом во всем лесу осталась одна самая узкая тропинка. Рассчитывая на неприступность места, сарацины тайно нападают на соседей со всех сторон; в то же время они отправляют беспрерывно послов в Испанию, восхваляя свою страну и уве-

[1] Ныне Frainet, близ гавани Frejus, на французском берегу Средиземного моря.

ряя, что соседи их ничего не стоят. Вскоре явились послы назад, но с ними прибыло всего 100 сарацин, чтобы убедиться в справедливости их рассказов о местности.

4. Между тем возникли несогласия среди самих провансальцев, которые жили ближе других к сарацинам. По взаимной ненависти они стали умерщвлять друг друга, грабить и вредить при всякой возможности. Но так как одна из боровшихся сторон не могла вполне удовлетворить своей ненависти и корысти, то и обратилась с просьбой о помощи к вышесказанным сарацинам, одинаково хитрым, как и вероломным, и вместе с ними истребила своих ближних. Им было мало убийства: они обратили в пустыню и плодородную землю. Но мы поймем, какую пользу могла принести им зависть, когда припомним сказанное по этому случаю одним поэтом:

Нет ничего справедливее зависти: тех, кто завистлив,
Именно гложет она, в муках терзая их дух!

Завистливый хочет обмануть других и попадается сам; готовит погибель другому и гибнет. Чем же то кончилось? Сарацины достигли того, на что не хватало их собственных сил; победив одну сторону силой другой и получив новую помощь из Испании, они начали теснить всеми способами и тех, кого, по-видимому, до этого защищали. Тогда объял трепет все соседние народы, потому что, по словам пророка, один гнал перед собой тысячу, и двое обращали в бегство десять тысяч. И почему все это так случилось? Потому что Бог предал их, и Господь заключил их.

5. В то время (891 г.) в Константинополе правил Лев Порфирородный, сын императора Василия, и отец того Константина, который живет еще и теперь, и благополучно царствует (958 г.). Болгарами предводительствовал Симеон, храбрый воин, христианин, но весьма враждебный своим соседям, грекам. Венгерский народ, жестокость которого испытали почти все, и который, как мы обстоятельнее расскажем в другом месте, Божьей милостью и мощью святейшего и непобедимого короля Оттона (I) устрашен и не смеет подняться, в ту эпоху никому из нас не был еще известен. Отделенные от нас неодолимыми преградами, которые простой народ называет *клузами* (clusae – от немецкого корня clausen, замыкать), венгры не могли тронуться ни на юг, ни на запад. В то же время, после смерти Карла по прозванию Лысого[1], правил багоарами (баварами), свевами, тевтонскими франками, лотарингами и храбрыми саксами, могущественный король Арнульф. С ним мужественно боролся Центебальд, герцог мараванов (моравов). Императоры Беренгарий (I) и Видо (Гвидо) спорили за итальянскую корону. Формоз, епископ г. Порто (при Остии), был верховным и вселенским Папой на римском престоле (Romanae sedis summus et universalis papa). Но теперь объясним самым кратким образом все, что произошло под управлением каждого из них...

Автор начинает свой обзор с Восточной Римской империи, в главах 6–12 первой книги говорит вообще о македонской династии и о правлении Льва Порфирородного, затем возвращается назад, к эпохе Арнульфа, как то следует ниже.

13. Между тем (892 г.) Арнульф, могущественнейший из королей над народами, живущими под Большой Медведицей (то есть северными), не имея сил покорить сопротивлявшегося ему мужественно Центебальда, герцога мараванов, о котором мы упомянули выше, разрушил – о, ужас! – те крепчайшие оплоты, которые, как мы сказали, народ называл клузами, и призвал к себе на помощь народ венгров (Hungarii), жадный, отважный, не верующий во всемогущего Бога, привычный ко всякому злодеянию, устремленный к убийству и грабежу; но едва ли можно назвать помощью то, что вскоре, после смерти Арнульфа, обратилось в бедствие и даже погибель как для его народа, так и для всех прочих, живущих на юге и западе. Что же случилось? Центебальд побежден, покорен, платит дань; но не он один! О, слепое властолюбие короля

[1] Автор в этом месте перепутал Карла II Лысого с Карлом III Толстым, и вместо Crassus написал Calvus.

Арнульфа! О, несчастный и злополучный день! Для свержения какого-нибудь одного ничтожного человека (homuntii) вся Европа повергнута в отчаяние. Сколько овдовело жен, осиротело отцов, обесчещено дев, пленено священнослужителей и Божьего народа, разрушено церквей, опустошено земель, и все это по одному слепому честолюбию! Заклинаю тебя, читал ли ты изречение самой Истины: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит; или какой выкуп даст человек за душу свою?»[1] Если ты не боишься строгости праведного судьи, то твою свирепость должна была бы укротить мысль о том, что и ты принадлежишь к человечеству. Ведь ты был среди людей таким же человеком, высшим, конечно, по положению, но по природе не отличным от других (non tamen natura dissimilis). Плачевны и жалки заблуждения людей; различные породы зверей, гадов и птиц, которых неукротимая дикость и смертоносный яд удалили от людей, как то: василиски, ястребы, носороги или грифы, которых один внешний вид считается пагубным, живут друг возле друга мирно и безвредно, на основании общего происхождения и одинаковой природы; человек же, сотворенный по образу и подобию Божьему, сознающий Божеские законы, одаренный разумом, не только не ищет любить своего ближнего, но даже старается преследовать его ненавистью. Посмотрим, что говорит о таких людях Иоанн, не какой-нибудь простой писатель, но чудный девственник, знакомый с небесными тайнами, кому Христос на кресте поручил мать, девственнику девственницу: «Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной в нем пребывающей»[2]. Но возвратимся к делу. Победив герцога Мараванского Центебальда, Арнульф мирно правил государством (893 г.). Венгры же, заметив путь и осмотрев страну, замыслили в сердце то зло, которое обнаружилось впоследствии.

14. Пока все это происходило, король Галлии Карл, прозванный Лысым[1], отошел (888 г.) из здешней жизни и умер. Во время его правления служили у него двое благородных (nobiles) из Италии, весьма могущественные владетели (principes), из которых один назывался Видо (Гвидо), а другой Беренгарий[2]. Они были связаны такими узами дружбы, что дали друг другу клятву, в случае, если переживут Карла, содействовать взаимному возвышению, а именно, Видо должен был получить Францию, называемую романской[3], а Беренгарий – Италию. Но не все роды дружбы, заключаемой людьми по их любви к общительности, при различных случаях жизни, бывают надежны и постоянны; так, у многих простое предварительное знакомство мало-помалу обращается в дружеские отношения; у многих к тому же приводит сближение по делам торговым, по наклонностям военным, по общей любви к искусству, к науке; но во всех этих случаях дружба как легко снискивается по различным побуждениям или выгоды, или страсти, или других потребностей, так точно при первом случае к разрыву и разрушается; но в особенности непостоянна та дружба – и это доказано многочисленными примерами,– которая началась клятвой сохранить дружбу. Конечно, к скорейшему разъединению такой дружбы содействует более всего тот хитрый враг человеческого рода, который старается сделать людей клятвопреступниками. Если нас кто спросит, не имея правильного понятия об истинной дружбе, что такое истинная дружба, то мы ответим: согласие и истинная дружба могут быть прочны только между людьми, обладающими чистыми нравами и с одинаковой силой преследующими одинаковую цель.

[1] Матф. 16, 26.
[2] I. Иоан. 3, 15.

[1] Повторение прежней ошибки: Лысый вместо Толстого. Карл III Толстый умер 13 января 888 г.

[2] Видо был герцогом и маркграфом Сполето, а Беренгарий, сын Эбергарда и Гизелы, дочери Людовика Благочестивого, герцогом Фриуля. Но оба они, как и вообще все владетели Италии, были франкского происхождения, чем и объясняется их пребывание во Франции, где они имели и родственников, и друзей (см. родословную таблицу № 3).

[3] Francia Romana – нынешняя Франция и Бельгия, в противоположность Francia Teutonica – то есть нынешняя Германия, насколько она принадлежала Карлу Великому.

15. Случилось же так, что ни Видо, ни Беренгария не было на погребении короля Карла (III). Едва Видо услышал о его смерти, как отправился в Рим, и без согласия франков (absque Francorum consilio) был помазан на управление всей Францией (totius Franciae)[1]. Франки же, по отсутствии Видо, поставили королем Одо; а Беренгарий, на основании советов Видо и клятвенного обещания, данного им, вступил в управление Итальянским королевством. Вслед за тем Видо отправился во Францию.

16. Но когда он, пройдя владения бургундов, хотел уже вступить во Францию, называемую римской, его встретили вестники франков с предложением возвратиться назад, так как, говорили они, франки утомились, ожидая его, и по всеобщему желанию избрали королем Одо, потому что без короля не могли оставаться долго. Впрочем, рассказывают, вот по какому случаю франки не избрали Видо своим королем. Когда он приближался к городу Метцу, знаменитейшему во всей Лотарингии (in regno Lotharii), то послал вперед своего стольника (dapiferum) приготовить ему, как то подобает королю, съестные припасы. Епископ города Метца, по обычаю франков, собрал огромное количество требуемого, но стольник ему заметил: «Если бы ты мне подарил коня, то я устроил бы так, что король Видо довольствовался бы одной третью всего изготовленного». На это епископ отвечал: «Неприлично нам иметь над собой короля, который может довольствоваться жалким столом в десять драхм». И так вышло, что франки оставили Видо и избрали Одо.

17. Видо, смущенный немало посольством франков, был взволнован различными размышлениями: королевство Итальянское он уступил Беренгарию, обязав себя к тому клятвой, а королевство франков, как он теперь хорошо узнал, невозможно было получить. Таким образом, Видо колебался между двумя целями; но королем франков сделаться было нельзя, и потому он решился нарушить данную Беренгарию клятву. Собрав войско на скорую руку – к нему присоединилась, конечно, и часть франков, связанная с ним родством, – Видо поспешил в Италию и с полной доверчивостью обратился к жителям г. Камерино и Сполето, как своим союзникам (propinqui). Ему удалось склонить на свою сторону подкупом вероломных друзей Беренгария, и затем он объявил войну своему противнику.

18. Обе стороны, собрав свои силы, изготовились к гражданской войне, и при р. Тривии (ныне Треббия), в пяти милях от Плаценции (ныне Пьяченца) вступили в бой. Много пало и с той и с другой стороны: Беренгарий обратился в бегство, а Видо восторжествовал.

19. Вскоре, по прошествии нескольких дней, Беренгарий, собрав огромные силы, дал новое сражение Видо, на широких полях Бриксия (ныне Бресчия). После страшного разгрома, Беренгарий спас себя только бегством.

20. Не имея возможности противостоять Видо по малочисленности своего войска, Беренгарий обратился с просьбой о помощи к вышеупомянутому могущественному королю Арнульфу, обещая за себя и за своих служить ему, если он одолеет Видо и добудет ему Итальянское королевство. Побуждаемый такими обещаниями, король Арнульф отправил с сильным войском своего сына Центебальда, рожденного от наложницы, и соединенные силы союзников с быстротой подступили к Папии (ныне Павия). Но Видо успел так укрепить шанцами и войском (tam sudibus, quam exercitu) речку Вернаволу, омывающую город с одной стороны, что противники, разделенные водой, протекавшей между ними, не могли напасть друг на друга (893 г.).

21. Прошел 21 день, но враги, как я сказал, не могли наносить никакого вреда друг другу; тогда один из баваров начал каждый день выезжать вперед и осмеивать итальянские войска, крича им, что они трусы и не умеют наездничать[1]. К большому стыду противников он влетел в их ряды, вырвал копье из рук одного воина и с торжеством ускакал в свой лагерь. Для отомщения за такое по-

---

[1] То есть вся Карлова монархия.

[1] Наездничество было в то время в первый раз в большом ходу, см.: монах Сангалленский, Видукинд и особенно Нитгард.

срамление своей нации выступил со щитом навстречу вышеупомянутому бавару Губальд, отец того Бонифация, который впоследствии, в наше время, был маркграфом г. Камерино и Сполето. Противник же его не только не забыл своего первого успеха, но, сделавшись еще смелее и увереннее в победе, выехал с радостью на бой; он то поднимал вскачь своего изворотливого коня, то, натянув поводья, осаживал. Но Губальд бросился на него прямо; когда же они съехались так близко, что могли уже наносить друг другу удары, тогда бавар, по своему обычаю, начал поворачивать своего коня в разные стороны, чтобы тем сбить с толку Губальда. Когда же он, маневрируя таким образом, обратил тыл с тем, чтобы, сделав быстрый поворот, напасть внезапно на Губальда, этот последний, дав лошади шпоры, настиг бавара, и прежде чем он имел время повернуть коня, пронзил его копьем между плеч, до самого сердца. Затем Губальд схватил лошадь бавара за узду, а всадника, сняв с него доспехи, столкнул в реку, и с триумфом, как мститель за оскорбление соотечественников, возвратился в свой лагерь. Это событие навело немалый страх на баваров, а итальянцев ободрило. Тогда Центебальд, по совещании со своими, получил от Видо большую сумму денег и возвратился домой.

22. Беренгарий, увидев, что судьба ему не благоприятствует, вместе с Центебальдом явился ко двору короля Арнульфа, умоляя и обещая, как прежде говорил, подчинить его власти себя и всю Италию. Прельщенный такими обещаниями, король собрал значительное войско и вступил в Италию (894 г.). Беренгарий же, чтобы внушить к себе доверие и дать залог верности, нес, как слуга, королевский щит.

23. Получив добровольно доступ в Верону, Арнульф подступил к Пергаму (ныне Бергамо). Жители этого города, уверенные, или, лучше сказать, обманутые крепостью своих стен, не хотели его принять; тогда он, обложив город, взял его силой; жители же были изрублены и умерщвлены. Граф города (civitatis comes) по имени Амвросий был подпоясан мечом, облечен в полное оружие и драгоценные одежды, и в этом виде повешен перед городскими воротами. Это событие навело немалый ужас на прочие города и их властителей (principes); у всякого, кто это слышал, рассказ отдавался в обоих ушах.

24. Жители Медиолана (ныне Милан) и Павии, устрашенные одной молвой, не ожидали и прибытия Арнульфа, но отправили навстречу ему посольство с обещанием оказать повиновение. Вследствие того Арнульф послал для защиты в Милан Оттона, могущественного герцога саксов, деда этого славного и непобедимого короля Оттона, который и теперь здравствует, благополучно царствуя, а сам прямой дорогой направился на Павию.

25. Видо, не имея сил выдержать такой натиск, бежал по направлению к Камерину и Сполето. Король, преследуя его без промедления и настоятельно, овладел силой всеми городами и замками (castella). Не было такой местности, как бы она ни была защищена самой природой, которая могла бы устоять против его отваги. Тут нечему и удивляться, если сам царь всех городов, великий Рим, не мог выдержать подобного натиска. Когда римляне отказали ему при его нападении[1] на город в повиновении (fidutia), он, созвав своих воинов, говорил (896 г.) им следующее[2]:

26. Мужи великие духом, славные помощью Марса!
Золото служит для вас украшением только оружий,
Дети же Ромула им украшают книги пустые;
Духом воспряньте, с отвагой возьмитесь за ваше оружье![3]

Нет ни Помпея Великого, нет ни Юлия с ними;
Он лишь один мог наших смирить необузданных предков!

---

[1] Говоря о нападении Арнульфа на Рим, Лиутпранд переходит внезапно от первого его похода к третьему (896 г.) и делает по этому поводу большое отступление.

[2] Речь Арнульфа в стихах показывает, что Лиутпранд пользовался для истории этого времени какой-нибудь старой поэмой, откуда и взял целиком несколько строф.

[3] Sumite nunc animos, vobis furor arma ministret – стих, взятый из Вергилия (Энеида, I. 150).

Тот же, кого родила святая британка[1], давно уж
Лучших людей из старого Рима в Аргос[2] отправил.
Римляне ж нашего времени знают одно лишь искусство:
Удить на удочку, щит же блестящий им не по силам!

27. Такие слова воспламенили геройский дух воинов и, жаждая славы, они презирали жизнь. Прикрыв себя щитами и плетенками, осаждавшие подступили к стенам; изготовлено было множество осадных орудий. В это время, когда народ смотрел на приготовления неприятеля, заяц, испуганный криками, выскочил и побежал по направлению к городу. Многие из воинов, как это случается обыкновенно, пустились за ним в погоню; а римляне, думая, что на них нападают, соскочили со стен. Когда же воины заметили это, то, сбросив с себя плащи и седла с лошадей, так как они были верхом, и набросав их у стены, забрались по этой куче на самый верх. Другой же отряд войска, захватив с собой бревно, длиной в 50 футов, разрушил им ворота и силой овладел той частью Рима, которая называлась Леоновской (Roma Leoniana)[3], и в которой почивало драгоценное тело блаженного Петра, князя апостолов. Тогда и те, которые жили по ту сторону Тибра, пораженные ужасом, подчинились Арнульфу.

28. В то время благочестивейший Папа Формоз был тяжко оскорблен римлянами, и по его-то приглашению прибыл в Рим король Арнульф. Овладев городом, он повелел, в отмщение за обиду, нанесенную Папе, перевешать многих из римских вельмож, поспешивших к нему навстречу (896 г.).

29. Причина же вражды между Папой и римлянами была следующая. Когда умер предшественник Формоза (891 г.), одна часть избрала Папой Сергия, одного из дьяконов Римской церкви. Другая же и немалая часть римлян желала иметь Папой Формоза, епископа г. Порто, за его благочестие и богословские познания. Когда наступило время поставления Сергия наместником апостолов, другая партия, благоприятствовавшая Формозу, выгнала из алтаря Сергия, произведя большое смятение и нанеся противнику всякие оскорбления; на место же Сергия поставлен был Папой Формоз.

30. Но Сергий отправился в Тусцию с тем, чтобы просить помощи у могущественного маркграфа Адельберта, что и получил. Действительно, после смерти Формоза, когда и Арнульф умер в своем отечестве, Адельберт изгнал поставленного преемника Формоза и сделал Папой Сергия (904 г.). По своем утверждении Сергий, как человек безбожный и невежественный в Священном Писании, приказал вырыть Формоза из могилы и, облачив его в святительские одежды, посадить на престол римского первосвященника. Затем он обратился к трупу со следующими словами: «По какому праву ты, быв уже епископом в Порто, простер свое честолюбие на римский престол?»[1] По совершении этого он приказал сорвать с трупа одежды, обрезать три пальца и бросить в Тибр; все, поставленные Формозом, были лишены своего звания и вторично посвящены. Каков этот поступок, ты можешь судить о том, святейший отец, уже и потому, что лица, получившие благословение от Иуды, предателя Господа нашего Иисуса Христа, но еще до совершения им предательства, не были лишены благодати и после того, как он предал Спасителя, а сам повесился, если только они себя не замарали сами каким-нибудь бесчестным поступком. Благословение, которое сообщается служителям Божьим, получается ими не от видимого, но от невидимого пастыря. Не тот Бог, кто поливает, не тот, кто садит, но тот, кто дает растительную силу.

31. Но каково было достоинство и благочестие Папы Формоза, мы можем видеть из того, что впоследствии, когда рыбаки нашли его труп и положили в церкви блаженного Петра, князя апостолов, образа многих свя-

[1] Мать Константина Великого, св. Елена.

[2] Аргос, вместо того, чтобы сказать в Грецию, то есть в Константинополь.

[3] Roma Leoniana назывался правый берег Тибра, укрепленный Папой Львом IV, после разрушения церкви св. Петра сарацинами в 846 г.

[1] Канонические законы запрещали епископу менять одно епископство на другое.

тых почтительно преклонялись перед ним. Я сам слышал это весьма часто от богобоязненных людей города Рима. Но оставим это и возвратимся к порядку рассказа.

32. Король Арнульф, достигнув цели своих желаний, не переставал преследовать Видо[1] и, направившись к Камерину, осадил в замке Твердом (Castrum Firmum) (твердом и по названию, и по своей природе), жену Видо. Сам же Видо неизвестно где скрывался. Так как вышеупомянутый замок был сходу неприступен, то начали приготовляться осадные орудия для овладения им. Когда же жена Видо была стеснена со всех сторон и не имела никаких средств к спасению, она начала помышлять в змеином сердце, как бы погубить короля. Призвав к себе одного из самых приближенных лиц к Арнульфу, она старалась склонить его большими деньгами оказать ей услугу. Он уверял ее, что только в случае сдачи города он может быть ей полезен; и она не только обещала ему гору золота, но и заплатила на месте, умоляя его дать королю напиться из той чаши, которую он получит от нее: жизнь короля, говорила она, не будет в опасности, но дух его смягчится. Чтобы уверить в справедливости своих слов, она в его присутствии дала одному из слуг напиться из этой чаши, и этот, оставаясь перед ним целый час, ушел невредимым. Но при этом случае будет кстати вспомнить справедливое изречение Вергилия:

Жажда проклятая злата людей ко всему приводила![2]

В самом деле, взяв с собой смертоносную чашу, он немедленно подал Арнульфу напиться из нее. Едва только король выпил, как им овладел такой тяжкий сон, что даже и громкие рыдания всего войска не могли разбудить его целых три дня. Рассказывают, что когда слуги старались привести его в себя, то шумом, то сотрясениями, король оставался лежать без чувств с открытыми глазами, не имея сил произнести ни одного внятного слова. Казалось, что он, как сумасшедший, не говорит, но мычит. Это обстоятельство побудило войско, отложив мысль о битве, отступить.

33. Но я уверен, что это зло постигло короля Арнульфа как справедливая кара верховного судьи. Когда при счастье его власть была грозна повсюду, он приписывал все своей силе и не воздавал должной хвалы всемогущему Богу. Служители Божии влачились в оковах; девы, посвященные Богу, претерпевали насилие; замужним наносилось бесчестье. Сами храмы не служили убежищем: в них совершались пиры, попойки, раздавались постыдные песни и праздновались вакханалии (dibachationes); о, ужас! Внутри храмов женщины предавались публично разврату.

34. На обратном пути король Арнульф, тяжко заболевший, был преследуем Видо[1] по пятам. Поднявшись на гору Бардо (в герцогстве Парма, близ Берчето), он решился, по совету окружавших, ослепить Беренгария, чтобы овладеть Италией в свою пользу. Но один из родственников Беренгария, пользовавшийся особенным расположением короля, узнал о том намерении, и немедля, известил Беренгария. Беренгарий, передав другому факел, которым он светил королю, убежал и поспешно прибыл в Верону.

35. С того времени все итальянцы (Italienses) потеряли всякое уважение к Арнульфу и ни во что его не ставили. Поэтому, когда он пришел в Павию, в городе произошло великое восстание, и его войско потерпело такое поражение, что городские *крипты*, называемые иначе клоаками, наполнились трупами. Вследствие того, Арнульф, не имея возможности идти на Верону, предположил отступить по дороге Аннибала, которую называют Бардом (между Ивреей и Аостом, где ныне стоит крепость Бард), и через гору Юпитера (ныне Большой С. Бернард). Достигнув города Эпорегии (ныне Иврея), он встретился там с маркграфом Анскарием, по внушению которого возмутились все жите-

---

[1] Лиутпранд, вследствие своего отступления, перепутал события: Видо умер еще до взятия Рима, и Арнульф преследовал его жену, Агильтруду, и ее малолетнего сына Ламберта.

[2] Энеида, III, 56.

[1] Лиутпранд, по-видимому, опять возвращается к событиям первого похода Арнульфа, когда еще жил Видо.

ли. Арнульф поклялся до тех пор не оставлять этого места, пока не будет выдан ему Анскарий. Но этот, как человек трусливый и вообще похожий на того, о ком сказал Вергилий (Эн. XI, 338): «Щедрый на деньги, еще больше на слова, но не охотник до боя» – убежал из крепости и скрылся в ущельях, вблизи городских стен. Впрочем, он поступил так и для того, чтобы жители, по всей совести, могли уверить короля Арнульфа, что Анскария нет в городе. Король поверил этой клятве и продолжал свой поход.

36. Прибыв в отечество, Арнульф умер (в 899 г. 8 декабря) самой поносной смертью. Замученный, как говорят, мелкими червями, которых называют pedunculi, он испустил дух. Утверждают при этом, что черви разводились в нем с такой быстротой, что никакие медицинские средства не могли их истребить. Был ли он тем, по выражению пророка, «стерт сугубым сокрушением» (Иерем. 17, 18), за свое страшное преступление, а именно за выпуск венгров, или такое наказание на земле постигло его для искупления в жизни вечной,– разрешение этого вопроса мы предоставляем мудрости Того, о ком говорит апостол: «Не судите прежде времени, пока не приидет Господь, который осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения; и тогда всякому похвала будет от Бога» (I, Коринф. 4, 5).

37. Между тем Бог наказал жену Видо, приготовлявшую смерть Арнульфу, горем вдовства: король Видо, преследуя, как мы сказали, Арнульфа по пятам, умер (896 г.) в походе близ р. Таро. При этом известии Беренгарий немедленно отправился в Павию и захватил силой верховную власть в свои руки. Но приверженцы и друзья Видо, опасаясь мести со стороны Беренгария за причиненные ему оскорбления, а также и потому, что итальянцы всегда любят иметь двух властителей, чтобы одного держать в руках страхом другого, поставили королем сына умершего Видо по имени Ламберт, красивого юношу, едва пришедшего в возраст и весьма воинственного. Народ начал переходить на его сторону, оставляя Беренгария; и Беренгарий, по малочисленности войска, не имея сил бороться с Ламбертом, подступившим с огромной армией к Павии, отправился в Верону, где и оставался в безопасности. Но несколько времени спустя власть Ламберта оказалась тягостной для вельмож, так как он был весьма строг, и они отправили в Верону послов, прося Беренгария прийти к ним и выгнать Ламберта.

38. Магимфред (Манфред), весьма богатый граф города Милана, упорствовал в мятеже целых пять лет; он не только отстаивал город, то есть Милан, в котором сам находился, но и страшно опустошал окрестные места, подчиненные Ламберту. Вследствие того король решился не уходить без мести, приводя часто слова псалмопевца: «Когда настанет время, я взыщу правду»; и вскоре он произнес над ним смертный приговор. Это обстоятельство навело немалый страх на всех итальянцев.

39. Наконец в это же самое время (898 г.) попытались возмутиться против него Адельберт, знаменитый маркграф Тусции, и Ильдепранд, могущественный граф. Адельберт обладал такими силами, что между всеми владетелями Италии один пользовался прозванием Богатого. У него была жена по имени Берта, мать Гуго, который впоследствии, в наше время, был королем (Италии); по ее-то наущению Адельберт замыслил свое страшное злодеяние; собрав войско, он вместе с Ильдепрандом поспешно отправился против Павии.

40. Между тем Ламберт, ничего не подозревая, занимался охотой в Маринке, отстоящем почти на 40 миль от Павии. Ламберта, охотившегося в глубине лесов, известили о случившемся уже тогда, когда вышеупомянутый маркграф и граф перешли гору Бардо, сопровождаемые огромным, но ничтожным войском тусков. Ламберт, как муж души непоколебимой и одаренной физической силой, не хотел собирать всего своего войска, но взяв с собой бывших налицо, около 100 человек, поспешил встретить неприятеля.

41. Он подошел уже к Плаценции, когда пришло известие, что неприятель расположился лагерем, близ р. Сестериона (ныне Stirone), у замка (ныне Borgo San Donnino), в котором лежало тело святейшего и драгоценного мученика Домнина. Не подозревая того, что готовила им наступившая ночь, союзники, пропев какие-то нелепые

tragodimata, то есть песни, предались сну; другие же, вследствие невоздержанности, опьянели. Тогда король, решительный духом и хитрый умом, пользуясь безмолвием ночи, напал на неприятеля, перебил спящих и переколол успевших проснуться. Наконец дело дошло до самих предводителей войска. Когда вестником этого блестящего дела предстал перед ними не кто-нибудь другой, а сам король, страх отнял у них способность не только сражаться, но и даже искать спасения в бегстве. Ильдепранда схватили во время бегства, а Адельберта нашли спрятавшимся в стойле. Когда его увидели и привели к королю, последний сказал ему: «Теперь я верю в то, что твоя жена Берта своим пророческим даром предсказывала тебе и обещала силой своей науки сделать тебя или королем, или ослом. Но, верно, она не захотела сделать тебя королем, или, что вернее, не могла, а потому, чтобы не солгать, сделала тебя ослом и загнала в стойло, вместе со скотами Аркадии!» С Адельбертом были взяты в плен и другие; их отвели закованными в Павию и отдали под стражу.

42. После того король Ламберт снова занялся охотой в вышеупомянутом месте Маринке, где рассуждали в собрании всех вельмож о том, как поступить с пленными. Но, о, если бы охота за зверями не обращалась иногда в охоту за королями! Конечно, рассказывают, что Ламберт в то время, когда, по обычаю, гнался за вепрем, упал с лошади и сломал себе шею. Я не утверждаю, что было бы нелепо верить такому рассказу, но есть и другое известие об этом смертном случае, которое мне кажется правдоподобнее и повторяется всеми народами. Магимфред, граф г. Милана, о котором мы выше (гл. 38) упоминали, осужденный на смерть за преступление против государства и короля, оставил единственным наследником своего имущества сына Гуго. Король Ламберт, видя его красоту и отвагу, которыми он превосходил многих, старался различными благодеяниями смягчить его печаль, произведенную смертью отца. Таким образом, Гуго пользовался его расположением преимущественно перед другими. Случилось же, что во время охоты короля Ламберта в Маринке – там находился огромный и чудный парк, весьма удобный для охоты, – когда все, по обыкновению, рассеялись, с королем в чаще леса остался один Гуго. Сидя в засаде на вепря и утомившись продолжительным ожиданием, король расположился отдохнуть, доверив вполне охранение себя этому вероломному человеку. Пользуясь отсутствием прочих, страж или, лучше сказать, предатель и палач, забыв благодеяния, которыми он был осыпан, помнил одну только смерть отца. Он считал казнь отца несправедливой и не боялся нарушить клятву, данную им королю; ему не было стыдно сделаться наместником Иуды, предателя Господа нашего Иисуса Христа; но что всего ужаснее, он не побоялся вечных мучений, и, схватив огромный сук, ударил спящего короля по шее изо всех сил. Мечом не смел он ударить, чтобы не выдать себя, и рассуждал в своем извращенном уме так, что от меча произойдет рана, а удар деревом убедит всех, что он упал с лошади и сломал себе шею. Долго оставалось это дело неизвестным. Но когда впоследствии король Беренгарий, не имея противников, овладел мужественно королевством, Гуго признался в своей вине и, таким образом, выполнил сказанное царем и пророком: «Ибо восхваляется грешник в пожеланиях души своей, и благословляется совершивший неправое».

43. После того королевская власть Беренгария расширилась еще более, а маркграф Адельберт и прочие возвратили свои владения.

44. О, возлюбленный отец, смерть такого короля, как Ламберт, нужно, оплакивая, описывать и, описывая, плакать. Он имел честные нравы, был богобоязненно строг; его украшали вместе и юность, и святая зрелость ума. Скорее он делал честь власти, нежели власть ему. Если бы смерть не похитила его слишком рано, то он успел бы впоследствии своим мужеством подчинить себе весь мир.

Здесь кончается первая книга «Воздаяния» и начинается вторая[1].

Antapodosis, I, 1–5; 13–44.

---

[1] См. продолжение ниже.

Ассерий

ЖИЗНЬ АЛЬФРЕДА ВЕЛИКОГО. 849–888 гг. (в 893 г.)

В год воплощения Господня DCCC.XL.IX (849) родился Альфред (Aelfred), король англосаксов, в королевском поместье Ванатинг (ныне Wantage), в округе, называемом Беррокшир (ныне Berkshire); округ же назван так от лесов Беррок, в которых растет в изобилии буковое дерево. Родословная Альфреда идет в следующем порядке: Альфред был сын короля Этельвульфа, сына Эгберта, сына Эальмунда, сына Эафы, сына Эоввы, сына Ингильда; Ингильд и Ина, тот знаменитый король вестсаксов (occidentalium Saxonum), были родные братья. Ина ушел в Рим и там, окончив жизнь, с почестями отправился в небесное отечество царствовать вместе с Христом. Ингильд и Ина были сыновьями Кенреда, сына Цеольвальда, сына Кудама, сына Кутвина, сына Цеаулина, сына Цинрика, сына Креоды, сына Пердика, сына Элезы, сына Гевиза (по имени его бритты называют весь этот род гевизами), который был сыном Бронда, сына Белды, сына Водена, сына Фритовальда, сына Фреалафа, сына Фритувульфа, сына Фингодвульфа, сына Геата; в древние времена язычники почитали Геата божеством. Поэт Седулий[1] упоминает о нем в своей Пасхальной поэме следующим образом:

[1] Седулий, христианский поэт V в., написал в экзаметрах Paschale carmen, id est, de Christi miraculis libri V.

Если поэты язычества должным считали прославить
В одах, слогом надутым, иль в форме трагедий, комедий,
Подвиги Геты (Getae), бесстыдные – плод их фантазии дикой.
Или воспеть злодеяния древних, безбожных героев,
Всю эту ложь занося на папирус – Нила изделье;
Как же мне, насладившись псалмами Давида пророка,
Трепетно в хоре священном, голосом кротким и тихим,
Как же мне не воспеть совершенных чудес Иисусом?

Гета был сын Цетвы, сына Беавы, сына Сцелдвеи, сына Геремода, сына Гатры, сына Гуалы, сына Бедвига, сына Сима, сына Ноя, сына Ламеха, сына Мафусаила, сына Эноха, сына Малаиила, сына Каинана, сына Эноха, сына Сифа, который был сыном Адама.

Мать Альфреда по имени Осбурга, женщина весьма религиозная, была благородна не по одному происхождению, но и по качествам души. Она была дочь Ослака, знаменитого кравчего у короля Этельвульфа; Ослак родился у готов и происходил от готов и ютов: из рода Стуфа и Витгара, двух братьев-графов. Они, получив от своего дяди, короля Цедрика и его сына Цинрика, своего двоюродного брата, о. Уайт (Wecta), избили и тех немногих бриттов, которые населяли его, и которых они могли найти, при местечке Гвитгарабург (ныне Carisbrooke); прочие же жители этого острова были еще прежде или избиты, или изгнаны.

АССЕРИЙ (ASSERIUS MENEVENSIS. Родился в 909 г.). Принадлежал к древней фамилии бриттов; подробности его жизни известны настолько, насколько он сам упоминает о своем положении в «Хронике о деяниях Альфреда Великого» (см. выше). В 880 г. Альфред, собирая около себя, подобно Карлу Великому, ученые знаменитости, призвал к своему двору и Ассерия. Король одарил его и дал ему епископство Шербурн. В 893 г. Ассерий представил Альфреду всю хронику, доведенную им до 887 г., за 14 лет до смерти короля. Издания: лучшее принадлежит Wise (Оксфорд, 1722); оно повторено и в Mon. hist. Britan. Lond. 1848. I, с. 467–398. Переводы: английск. I. *A. Giles*. Six old english chronicles. Lond. 1848, с. 41–86. Критика: *Pauli Koenig.* Aelfred und seine Stelle in d. Geschichte Englands. Berl. 1851.

Украшение короля Альфреда I Великого (871–901 гг.). Цветная эмаль. По кругу девиз короля: «Альфред меня носил». Найдена в XVII в. в Ателнее (графство Кент)

В год воплощения Господня 851-й, а по рождении короля Альфреда третий, Цеорл, граф Девона (Damnaniae), вместе с девонцами бился с язычниками (то есть норманнами, или данами), при местечке Викгамбеорг (ныне Wembury), и христиане (то есть англосаксы) одержали победу. В этом же самом году язычники в первый раз зимовали на о. Шеапиге (ныне Sheppey), что значит в переводе Овечий остров; этот остров лежит на р. Темзе (Tamesis), между Эссексом и Кентом, но ближе к Кенту, чем к Эссексу; на острове находится отличный монастырь (Minster).

В этот же самый год в устье Темзы вошел языческий флот из 350 кораблей с огромным войском; при этом были опустошены города Доруберния (ныне Canterbury), столица Кента, и Лондон, лежащий на северном берегу Темзы, на границе Вессекса и Миддльсекса, но, по справедливости, этот город принадлежит Вессексу; язычники обратили в бегство Беортульфа, короля Мерсии, который выступил против них с войском.

После того армия тех язычников подвинулась к Сутрию (ныне Surrey); эта область лежит на южном берегу Темзы и на запад от Кента. Этельвульф (отец Альфреда), король вессексов, и сын его Этельбальд долго бились с ними вместе, со всем своим войском, при местечке, которое называется Аклея (ныне Ockley, в графстве Surrey), то есть Дуб в долине: там-то, после упорного и горячего с обеих сторон боя, большая часть языческих полчищ была окончательно истреблена и вырезана; мы не слыхали, чтобы где-нибудь и когда-нибудь, прежде или после, в один день, язычники потерпели такой урон. Христиане одержали блестящую победу и торжествовали ее на их могиле.

В этом же году король Этельстан, сын короля Этельвульфа, и граф Эалгер разбили огромное войско язычников в Кенте, при местечке, называемом Сандвич, и захватили 9 из их кораблей; прочие спаслись бегством.

В год воплощения Господня 853-й, а по рождении короля Альфреда пятый, Бургред, король Мерсии, отправил послов к Этельвульфу, королю Вессекса, просить о помощи для покорения внутренних бриттов, которые жили между Мерсией и Западным морем и сильно его беспокоили. Этельвульф, приняв радушно посольство, двинул войско и вместе с королем Бургредом пошел в Британию (так называлась в то время только одна часть древней Британии, известная ныне под именем Валлиса); напав немедленно на бриттов и опустошив страну, он подчинил ее Бургреду и затем возвратился домой.

В этом же самом году король Этельвульф торжественно отправил вышеупомянутого своего сына Альфреда, в сопровождении большой свиты, состоящей из благородных и простолюдинов (ignobilium), в город Рим. Тогда Папой был Лев (IV); он помазал ребенка Альфреда королем и усыновил его. В том же году граф Эалгер с жителями Кента и Гуда и с жителями Сутрия

(Surrey) повели ожесточенную войну с толпами язычников, утвердившихся на острове, называемом по-саксонски Тенет (ныне Thanet, в устье Темзы), а на языке бриттов Руим. Сначала христиане одержали победу; но битва была продолжительна, множество пало с обеих сторон и погибло в воде; оба графа остались на месте. В том же году Этельвульф, король вессексов, дал после Пасхи Бургреду, королю Мерсии, свою дочь в королевы, отпраздновав по-королевски свадьбу в местечке, называемом Циппангамме (ныне Wilts).

В год воплощения Господня 855-й, а по рождении вышеупомянутого короля седьмой, Эдмунд, преславный король Эст-Англии, начал свое царствование в 8-й день январских календ, то есть в сам день Рождества Христова, будучи 14 лет от роду. В этом же году умер римский император Лотарь (I), сын Людовика, благочестивейшего Августа. В том же году, в начале правления Карла III, императора, сына Людовика II[1], огромное войско язычников провело всю зиму на вышеупомянутом Овечьем острове.

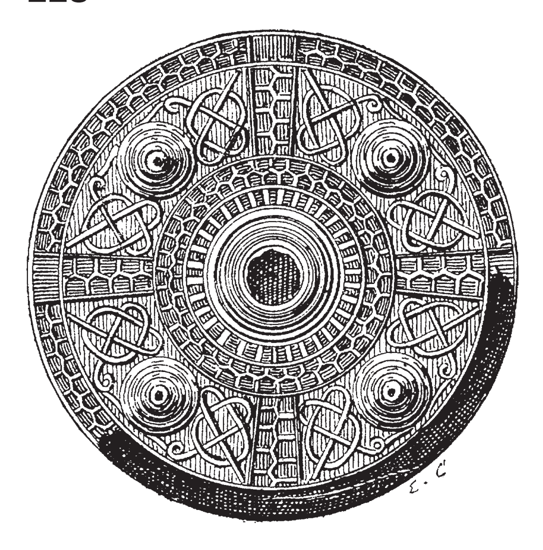
В том же году Этельвульф, благочестивый король, освободил десятую часть всего своего королевства от королевской службы и податей и незабвенной подписью в форме Креста Спасителя пожертвовал то для искупления своей души и своих предков, единому в Троице Богу. В том же году он с большим торжеством отправился в Рим и, взяв с собой туда же вышеупомянутого сына Альфреда (так как он любил его больше прочих сыновей), провел там целый год. После того Этельвульф возвратился на родину, везя с собой Юдифь, дочь Карла, короля франков (II, Лысого).

Между тем, пока Этельвульф оставался столь долгое время за морем, в западной части Сельвуда (ныне Selwood) совершалось мерзкое дело, противное нравам всех христиан. Король Этельбальд, сын короля Этельвульфа, и Эальстан, епископ церкви Сциребурнской (ныне Sherborne), вместе с Эанвульфом, графом Суммуртунского округа (ныне Somerton), составили, как рассказывают, заговор не впускать короля Этельвульфа в королевство по возвращении его из Рима. Многие приписывают эту несчастную мысль, неслыханную в летописях мира, только одному епископу и графу. Многие же ищут причину этого заговора в дерзком характере короля Этельбальда: он, как в этом случае, так и во многих других делах, обнаруживал большое упрямство: мы слышали это от многих, и последующие обстоятельства подтверждают слышанное нами.

При возвращении Этельвульфа из Рима вышеупомянутый его сын вместе со своими советниками или, лучше сказать, клевретами, решился привести в исполнение столь ужасный умысел, а именно, не впускать короля в свое собственное королевство: но ни Бог не допустил того, ни вельможи Вессекса не согласились на то. А для избавления Вессекса от такого невознаградимого бедствия, как война отца с сыном, которая была бы с каждым днем жестче и свирепее всякой междоусобной войны, на какой стороне кто бы ни стоял, по невыразимой кротости отца и с согласия всех знатных, единое до того времени королевство Вессекса было разделено между отцом и сыном: восточная часть досталась отцу, а западная, напротив, сыну; таким образом, где прежде царствовал по правде отец, там управлял теперь его несправедливый сын, человек упрямого характера. Западная же часть Вессекса всегда предпочиталась восточной.

При возвращении короля Этельвульфа из Рима весь его народ, как то и следовало, до того был обрадован прибытием своего государя, что если бы только он допустил, то силой лишил бы доли в государстве его упорного сына Этельбальда вместе с его советниками. Но он, как мы сказали, вследствие чрезвычайной кротости характера и благоразумия, не хотел довести государство до погибели, и повелел Юдифи, дочери короля Карла, полученной им от ее отца, воссесть рядом с собой на королевском престоле, не возбудив тем ни противоречия,

[1] Автор делает обратную ошибку с Лиутпрандом (см. выше), называя Карла II Лысого Карлом III Толстым, и Людовика I Людовиком II, и часто повторяет то же самое.



Фибула.
Позолоченная бронза. Найдена в Абингдоне (Йоркшир), бывшей резиденции англосаксонских королей Уэссекса

ни гнева своих вельмож, и Юдифь оставалась на престоле до его смерти, в противность превратному обычаю этого народа. Вессексы именно не допускали того, чтобы королева сидела подле короля, и даже не дозволяли ей называться королевой, но только супругой короля. Такое отвращение, весьма неодобрительное, к женщине на престоле, вельможи той земли получили от одной королевы злонамеренной и дурного характера, происходившей из их же народа. Та до такой степени вооружила против себя своего мужа и весь народ, что не только сама была свергнута с престола, как того и заслуживала, но наложила несмываемое пятно и на всех тех, которые последовали за ней. Вследствие дурных качеств этой королевы, все жители той земли поклялись никогда в своей жизни не допускать управлять собой такому королю, который даст повеление посадить королеву рядом с собой на королевском престоле.

Но так как, я полагаю, многим неизвестно, откуда мог в первый раз явиться у саксов такой превратный и проклятый обычай, противный нравам всех вообще народов тевтонской расы, то, мне кажется, будет нелишне рассказать о том подробнее: я слышал это от моего государя, Альфреда, правдивого короля англосаксов, и он мне не раз говорил о том, а сам он слыхал это от многих заслуживающих веры рассказчиков, которые знали по памяти большую часть этого события.

В недавнее время царствовал в Мерсии суровый король, наводивший страх на ближайших к нему королей и соседние народы, по имени Оффа; по его распоряжению был проведен большой вал между Валлисом (Britannia) и Мерсией, от одного моря до другого. На дочери его Эадбурге женился Беортрик, король Вессекса; овладев скоро расположением короля и захватив в свои руки власть почти над всем королевством, она начала по отцовскому обычаю тиранствовать, преследовать ненавистью каждого человека, любимого Беортриком, и вообще творить дела, противные Богу и людям; всех, кого могла, она поносила перед королем, и таким образом коварно лишала жизни и власти. Если она не могла подействовать на короля, то в таком случае отравляла преследуемых ею. Таким образом, подлинно известно, что она дала яд одному юноше, весьма любимому королем, и которого она не могла оклеветать перед ним. Рассказывают, что король Беортрик нечаянно попробовал того же яда; но она не имела в виду мужа, а только юношу, король же сам попробовал, и вследствие того оба погибли.

После смерти короля Беортрика, так как Эадбурга не могла более оставаться среди вессексов, то она отправилась за море и явилась с бесчисленными сокровищами к известному Карлу, великому и славнейшему королю франков[1]. Когда она стала перед его престолом, предлагая королю многочисленные дары, Карл сказал ей: «Выбирай, Эадбурга, кого-нибудь из нас двоих, меня или моего сына, который стоит вместе со мной на престоле». Но она, не подумав, дала весьма неблагоразумный ответ: «Если мне предоставлен выбор, то я предпочитаю твоего сына, так как он моложе тебя». Карл ответил на это, улыбаясь:

[1] То есть к Карлу Великому.

«Если бы ты выбрала меня, то получила бы и моего сына, но так как ты выбрала моего сына, то не будешь иметь ни его, ни меня».

Однако Карл дал ей большой монастырь, где она, сложив с себя светские одежды, приняла монашество и весьма короткое время отправляла обязанности аббатиссы. Но как рассказывали о безумном образе ее жизни в своей стране, так еще более пришлось ее упрекать в распущенной жизни среди чужого народа. Находясь в предосудительной связи с одним из своих соотечественников и, наконец, явно в том уличенная, она была по приказанию короля Карла изгнана из монастыря и влачила свою преступную жизнь в крайней бедности и презрении, так что наконец, сопровождаемая одним слугой (я слышал это от многих видевших ее), она ежедневно выпрашивала милостыню в Павии (столице лангобардских королей) и умерла там самым жалким образом.

Король Этельвульф жил по возвращении из Рима всего два года (ум. в 857 г.); в течение этого времени, помышляя среди забот о благах земной жизни, также и о переходе в жизнь вечную (ad vitam universitatis), и желая, чтобы после смерти отца его сыновья не произвели в противность своему долгу междоусобий, король приказал написать не только акт о наследстве, но и увещательную грамоту (commendatoriam epistolam). В своем завещании он распределил порядок разделения государства между своими сыновьями, а именно – двумя старшими; частное имущество короля было разделено между его сыновьями, дочерью и родственниками, а деньги, оставшиеся после него, были назначены: одна часть сыновьям и вельможам, а другая за упокой души его (то есть церкви). О таком благоразумном распоряжении я намерен сказать несколько слов в назидание потомству, и особенно о той части распоряжения, которая относится к заботам о душе (то есть пожертвования в пользу церкви); относительно же распоряжения, касающегося мирских дел, я считаю излишним говорить в своем труде, потому что подобным распространением я могу надоесть тем, которые будут его читать или пожелают слушать. Этельвульф для спасения своей души (что составляло его заботу во всех делах с самой ранней юности) приказал своим преемникам до последнего дня Страшного суда, на всем пространстве своих наследственных владений, снабжать пищей, питьем и одеждой одного из десяти бедных, но в том только случае, если то или другое поместье будет населено людьми и животными и не будет пустопорожним. Вместе с тем он распорядился ежегодно отправлять в Рим огромную сумму денег для спасения своей души, а именно – 300 монет (mancussas), которые должны были распределиться следующим образом: сто монет в честь св. Петра собственно на покупку масла, которым наливаются все лампады Апостольской церкви в заутреню Христову, и равномерно на пение петуха (et aequaliter in galli cantu); сто монет в честь св. Павла с тем же назначением – на покупку масла в церковь св. апостола Павла для наполнения им лампад в заутреню Христову и на пение петуха; и наконец, сто монет в пользу апостольского и вселенского Папы.

Но после смерти короля Этельвульфа и погребении его в Стемруге (ныне Stonehenge) Этельбальд, его сын, в противность закону Божию и достоинству христианина, даже против обычаев всех язычников, овладел супружеским ложем отца и женился, к великому соблазну всех, услышавших то на Юдифе, дочери короля франков. В течение двух с половиной лет он управлял после смерти отца Вессексом, отличаясь величайшей распущенностью нравов (ум. в 860 г.).

В год воплощения Господня 856-й, от рождения Альфреда восьмой, царствования императора Карла III (II) второй, а правления Этельвульфа, короля вессексов, восемнадцатый Гумберт, епископ остангглов, помазал елеем и посвятил на царство преславного Эдмунда, с великим торжеством и церемонией, в королевском поместье, называемом Бурва, где в то время находилась королевская резиденция. Эдмунду было от роду 15 лет, а происходило то в пятницу, в 24-й день луны, в день Рождества Христова.

В год воплощения Господня 860-й, от рождения же короля Альфреда двенадцатый, Этельбальд, король вессексов, умер и погребен в Сциребурнане (ныне Sherborne), а брат его Этельберт подчинил своей власти Кент, Сурри (Suthrigam) и Суссекс (Suthseaxam), что и было справедливо.

При нем огромное войско язычников, прибывшее морем, напало враждебно на Винтонию (Winchester) и разграбило ее. Когда язычники уже возвращались на кораблях, Осрик, граф Гампшира (comes Hamtunensium, ныне Hampshire), вместе со своими людьми, и Этельвульф, граф Беркшира (comes Bearrocensium, ныне Berkshire), также вместе со своими людьми, мужественно встретили их; язычники были повсюду поражены в бою и, не имея средств сопротивляться, обратились в бегство, как бабы, а христиане торжествовали над их могилой.

Этельберт после пяти лет мирного, кроткого и уважаемого правления к великой печали своих людей умер и почил, погребенный в Сциребурнане рядом со своим братом.

В год воплощения Господня 864-й язычники зимовали на о. Танет и заключили прочный мир с жителями Кента; последние обязались за сохранение мира платить им дань; но язычники, как настоящие лисицы, вышли тайно ночью из лагеря, нарушили договор и, презирая обещанную дань (они знали, что грабежом можно получить больше денег, чем миром), опустошили восточную сторону Кента.

В год воплощения Господня 866-й, от рождения же короля Альфреда восемнадцатый, Этельред, брат короля вессексов Этельберта вступил на престол и правил государством пять лет. В том же самом году явился огромный флот язычников в Британию от берегов Дуная (?)[1] и перезимовал у остсаксов, которые по-саксонски называются останглами; там же большая часть этого войска сделалась конной. Но чтобы, говоря морским языком, не отдавать своего корабля на волю ветра и парусов и чтобы, удаляясь от материка, не потеряться в исчислении битв и длинного ряда годов, я нахожу лучшим вернуться к тому, что главным образом побудило нас взяться за этот труд; а именно, я намереваюсь по мере своих познаний вкратце изложить здесь историю детства и отрочества моего высокопочтенного государя, короля англосаксов, Альфреда.

Он пользовался общей и великой любовью своего отца и матери перед всеми своими братьями, и все другие его больше любили. Во время младенчества Альфред был неотлучно при королевском дворе; придя в отроческий возраст, он превзошел своих братьев станом и красотой лица; речи его и нравы были несравненно приятнее. Его благородная природа от колыбели была проникнута любовью к мудрости, предпочтительно перед всеми прочими делами; но – стыдно сказать – по постыдной небрежности своих родителей и воспитателей он оставался безграмотным до 12 и даже более лет. Зато он, слушая по дням и ночам поэмы саксов, как ему повествовали другие, с легкостью удерживал их в своей памяти. На всякой охоте он был неутомимым охотником, и трудился не напрасно: ловкостью и удачей он превосходил всех как в этом искусстве, так и в прочих способностях, которыми был одарен Богом; в этом я имел часто случай убедиться своими глазами.

Однажды мать показала ему и его братьям какую-то книгу с саксонскими поэмами, которую она держала в своих руках, и сказала им: «Кто из вас скорее других может выучить эту книгу, тому я и отдам ее». Услышав это, Альфред, с каким-то вдохновением завлеченный красотой заглавной буквы той книги, отвечал своей матери, предупреждая тем братьев, старших возрастом, но не миловидностью: «В самом ли деле ты дашь эту книгу одному из нас, именно тому, кто скорей всех заучит и прочтет перед тобой наизусть?» Мать радостно и с улыбкой подтвердила свое обещание: «Да, я отдам»,– говорила она. Тогда Альфред тотчас схватил книгу из рук матери, побежал к учителю прочесть ее и затем возвратил книгу матери и прочел ее содержание наизусть.

---

[1] De Danubio – очевидная ошибка переписчиков оригинала, прошедшего много рук до отпечатания, вместо de Dania, от берегов Дании.

Сверх того Альфред во всех обстоятельствах земной жизни повсюду неотлучно носил с собой, за пазухой, и днем и ночью (как мы то видели сами) для молитвы часослов, то есть чтение часов, некоторые псалмы и много проповедей, соединенных в одну книгу. Но, грустно сказать, он не мог осуществить самого сильного своего желания, а именно – изучить свободные искусства (liberales artes, то есть светские науки того времени, числом 7: арифметику, музыку, пение, грамматику и т. д., в противоположность церковному образованию), и причиной того было, как говорил он, то, что в то время во всем королевстве вессексов не было хороших наставников (lectores).

К числу главных препятствий и неудач своей настоящей жизни, на которые Альфред жаловался весьма часто, вздыхая из глубины самого сердца, он относил именно то обстоятельство, что в то время, когда он имел и надлежащий возраст, и досуг, и молодые способности, у него не было учителей; после же, придя в возраст, он не мог опять заниматься и по различным болезням, против которых не знали никаких средств доктора всего острова, и по внутренним, и внешним заботам, сопряженным с верховной властью, и вследствие вторжения язычников с суши и с моря, что заставило отчасти рассеяться его учителей и ученых. Но при всем том, несмотря на различные препятствия, от детства и до настоящего дня, даже, думаю, до конца жизни, он сохранит ту ненасытную жажду к науке, как не оставлял ее прежде, и как не перестает обнаруживать до сих пор.

В год воплощения Господня 868-й, рождения же короля Альфреда 20-й год, произошел сильный голод. В то время вышеупомянутый и почтенный король Альфред, занимавший, впрочем, тогда еще второстепенное место, посватался в Мерсии и женился на дочери Этельреда, графа гаинов (ныне Gbinsborough), по прозванию Мусил, следовательно, знатного рода. Матери ее имя было Эадбура; она происходила из рода королей мерсийских (я сам видел ее часто в последние годы ее жизни); она была женщина почтенная и долгое время после смерти мужа сохраняла в чистоте свое вдовство до гроба.

В этот самый год войско язычников, покинув Нортумберланд (Northanhymbros), вторглось в Мерсию и подступило к Скнотенгагаму (ныне Nottingham); на языке бриттов это местечко зовется Тиггвокабаук, что в латинском переводе значит speluncarum domus (дом пещер). Там язычники и перезимовали. При их вторжении Буррed, король мерсиев, и все знатные того племени, отправили послов к Этельреду, королю вессексов, и к его брату Альфреду; они убедительно просили помочь им по мере сил своих разбить вышеупомянутое войско, что они и исполнили охотно. Оба брата, собрав со всего королевства огромное войско, вступили в Мерсию так скоро, как то обещали, и ведя войну с единодушием, достигли Скнотенгагама. Так как язычники, засев за укреплениями замка, не хотели выйти на бой, а христиане не имели довольно сил, чтобы овладеть стенами, то между язычниками и мерсиями был заключен мир, а братья, Этельред и Альфред, вернулись домой вместе со своими отрядами...

В год воплощения Господня 871-й, рождения же короля Альфреда 23-й год, войско язычников – будь оно проклято,– оставив останглов и вторгнувшись в пределы вессексов, подступило к королевской мызе (villa regia), называемой Редига (ныне Reading) и лежащей на южном берегу Темзы, в округах Беарроксцире (ныне Berkshire); на третий день после их прихода графы их с большой частью войска поехали на грабеж; другие начали строить вал между двух рек, Темзой и Цинетой (ныне Kennet), с правой стороны той королевской мызы. Этельвульф, граф Беарроксцирского округа, вместе со своими сподвижниками, вышел тем навстречу при местечке Энглафельд (ныне Englefield Green, в 4 милях от Виндзора). С обеих сторон дрались храбро и долго выдерживали бой и те, и другие; но по умерщвлении одного из двух языческих графов, по истреблении большей части войска и по обращении остальных в бегство христиане добились победы и удержали за собой поле сражения.

Спустя четыре дня после всего этого Этельред, король вессексов и брат его Альфред, собрав войско, с соединенными сила-

ми подошли к Редиге: приблизившись к воротам укрепления, они избили и перерезали всех язычников, которых нашли вне укреплений замка. Язычники бились не слабо: как волки, вырвавшись из ворот, они сражались изо всех сил. Долго и жестоко рубились с обеих сторон; но – о, горе! – христиане были наконец обращены в бегство; язычники удержали поле сражения и победили. Там пал вместе с прочими и вышеупомянутый граф Этельвульф.

Христиане, покрытые стыдом и горем, собрав снова все силы, стремительно напали дня четыре спустя на вышеупомянутое войско при местечке, которое называется Эсцесдун (ныне Asten, в Berkshire), что значит по-латыни Mons fraxini (Осиновая гора). Но язычники разделились на два отряда и построились в боевой порядок (у них было тогда два короля и множество графов); половина войска была вручена двум королям, а остальное графам. Христиане, заметив это, сами одинаково разделили войско на два отряда и построились в такой же боевой порядок. Но Альфред скорее и поспешнее (так мы слышали от очевидцев, людей, заслуживающих веру) вступил в бой, именно потому, что его брат Этельред, король, оставался еще в палатке на молитве, слушая обедню, и твердил, что он не выйдет живым, пока священник не окончит службы; он не хотел бросить Божьего дела для дел мирских и так и сделал. Такая вера христианского короля имела силу у Бога, как то будет явственнее видно из последующего.

У христиан было определено, чтобы Этельред, король, со своим отрядом вступит в бой против языческих королей; Альфред же, его брат, со своим отрядом имел назначение сразиться со всеми графами язычников. Так было твердо определено для обоих отрядов; но когда король слишком долго оставался на молитве, а язычники, изготовившись, быстро выступили вперед на поле сражения, Альфред, тогда еще второстепенное лицо, не мог более держатся вблизи неприятельского войска без того, чтобы или не отступить, или до прихода брата не напасть на неприятельские ряды, и потому он, вдохновленный свыше, с Божьей помощью, храбро, как вепрь, повел христиан против неприятеля (как было то предположено, хотя король все еще не подходил) и, построив войско густыми колоннами (testudine condensata), подвинул знамена на врага.

Но при этом я должен объяснить тем, которые не знают этой местности, что расположение поля битвы было неодинаково для сражающихся сторон: язычники занимали возвышенную его часть, а христиане поднимались снизу. На том же поле стоял единственный и небольшой куст терновника (я видел его своими глазами); около него-то и столкнулись со страшным криком обе неприятельские армии: одна, удовлетворяя своему хищничеству; другая, сражаясь за жизнь, за все дорогое сердцу, за отечество. После непродолжительного, но воодушевленного и жестокого с обеих сторон боя, язычники, Божьим соизволением, не могли перенести более натиска христиан и по избиении большей части их войска обратились в постыдное бегство; на месте остались убитыми один из двух языческих королей и пять графов; несколько тысяч язычников разбежались по всему полю Эсцесдун, поражаемые отовсюду. Таким образом, пал король Бегсцег, тот старец граф Сидрок и граф Сидрок Младший, и граф Осборн, и граф Френи, и граф Гаральд. Все войско язычников бежало целую ночь и до следующего дня, пока они не достигли замка, из которого вышли; христиане преследовали их до ночи и повсюду избивали.

После того, спустя четырнадцать дней, король Этельред вместе со своим братом Альфредом, желая напасть на язычников соединенными силами, подступили к Базингу. Язычники по прибытии их выдержали упорный бой и победили, сохранив за собой поле сражения. После этой битвы к войску язычников присоединилась еще толпа, прибывшая из-за моря.

И в этом же году (871) после Пасхи вышеупомянутый король Этельред, после пятилетнего правления, славного и достохвального, но исполненного многих тревог, отошел в вечность и был погребен в Вимборне, где и ожидает пришествия Господня и первого воскресения вместе с праведными.

В том же году вышеупомянутый Альфред, занимавший до тех пор второе место, пока были живы его братья, принял управление всем государством, немедленно после смерти брата как Божьим соизволением, так и по общему согласию всех жителей того королевства. Если бы он захотел, то мог бы еще при жизни вышеупомянутого брата весьма легко получить королевство со всеобщего согласия, именно потому, что он превосходил всех своих братьев и умом, и хорошими нравами; сверх того, он был весьма воинственный муж и выходил победителем почти из всех битв. Так начал он царствовать почти против своей воли, и еще не прошло полного месяца его правления; он, именно, не считал себя достаточно покровительствуемым свыше, чтобы иметь возможность выдержать когда-нибудь одному всю ярость язычников. Впрочем, еще при жизни братьев ему пришлось однажды бороться весьма неравными силами, имея при себе небольшой отряд, против целой армии язычников, у горы, называемой Вильтон, на южном берегу р. Вили; после упорного и одушевленного с обеих сторон боя, длившегося почти целый день, язычники, видя сами неизбежную свою погибель и не имея сил вынести натиска неприятелей, обратились в бегство. Но – о, несчастье! – воспользовавшись излишней отвагой преследовавших, они остановились и возобновили бой; на этот раз язычники выиграли победу и удержали за собой поле сражения. Никто не должен удивляться, что христиане в этом сражении были так малочисленны: в течение этого одного года саксонцы потеряли множество народа, выдержав восемь битв с язычниками; во время этих битв пали мертвыми один король язычников и девять герцогов с бесчисленными полчищами; кроме того, происходили беспрестанно, и днем и ночью, бесчисленные набеги, которые были неутомимо предпринимаемы Альфредом, отдельными герцогами его народа и весьма многими министрами короля, против язычников; одному Богу известно, сколько тысяч язычников погибло во время таких вылазок, исключая тех, которые пали в вышеупомянутых восьми битвах. В том же году саксонцы заключили с язычниками мир с тем условием, чтобы они удалились из Вессекса, что и было исполнено ими...

877 г. При наступлении осеннего времени одна часть язычников оставалась в Экзетере, а другая отправилась в Мерсию на грабеж. Число этих проклятых росло, между тем, по дням, так что если бы в один день было их избито до 30 тысяч, то на место их немедленно являлось число еще вдвое большее. Тогда король Альфред приказал во всем королевстве строить ладьи и баркасы, то есть длинные корабли, чтобы встретить прибывающих неприятелей в морском сражении; посадив на них моряков (piratis), он поручил им крейсировать по морю; сам же, поспешив в Экзетер, где зимовали язычники, запер их в городе и осадил; в то же время было приказано кораблям отрезать неприятелю подвоз съестных припасов со стороны залива. Но навстречу им выступило120 кораблей, набитых вооруженными воинами, поспешившими на помощь к своим. Когда министры короля узнали, что флот идет с языческим войском, они схватились за оружие и мужественно напали на варваров; язычники, испытав в том месяце кораблекрушение, тщетно приняли бой: в одно мгновение войска их были поражены при Гнавевике (ныне Swanwich, в Dorsetshire) и все одинаково погибли в волнах.

В том же году войско язычников, оставив Варгем, пришло частью на лошадях, частью по воде к месту, называемому Сваневик, где и потеряло 120 кораблей; в то же время король Альфред преследовал их конницу до Экзетера: там он получил от них заложников и клятвенное обещание немедленно удалиться.

В год воплощения Господня 878-й, рождения же короля Альфреда 30-й, войско язычников, часто упоминаемое выше, оставив Экзетер, подступило к королевскому поместью Циппангаму, лежащему в левой части Вильтшира, на восточном берегу реки, называемой по-бриттски Авон, и зимовало там. Многие из этого народа (вессексов) были вынуждены бежать за море, но большая часть жителей, не могущие по бедности и по страху пуститься в море признала над собой господство язычников.

В то же время Альфред, часто уже упоминаемый выше король вессексов, с немногими из своих знатных и с некоторыми баронами (militibus) и вассалами вел тревожную

жизнь, исполненную всяких лишений в лесистой и топкой местности Соммерсета (Summurtu-nensis paga), у одного из своих пастухов, как то мы читаем в жизни св. Неота. Он не имел ничего даже для своего содержания и должен был беспрестанно или тайными набегами, или явными нападениями промышлять себе пищу то у язычников, то даже у христиан, которые подчинились их господству[1].

Случилось однажды, что деревенская женщина, именно жена того пастуха, приготовила хлебы для печенья, и король, сидя у печки, приводил в порядок лук, стрелы и другие военные принадлежности; когда же та несчастная женщина заметила, что хлебы, положенные у огня, подгорели, она быстро подбежала и, отодвинув их, обратилась к непобедимому королю со следующим упреком:

«Экий ты, человек!
Смотришь чего ты, как хлебы горят, отодвинуть не можешь?
Любишь, небось, подъедать их горячими, прямо из печки!»[2]

Глупая женщина и не подозревала, что это был король Альфред, ведший столько войн с язычниками и одержавший над ними столько побед.

Итак, Господу угодно было даровать этому славному королю не одни победы над врагами и счастье в затруднительные минуты. Он попустил его быть разбитым неприятелями, удрученным бедствиями и даже испытать презрение своих соотечественников, и все это попустил благий Господь, чтобы Альфред знал, что «Он один только Бог всех, пред которым склоняется всякое колено, в руках которого содержатся сердца царей, кто свергает сильных с престола и возвышает смиренных», кому угодно по временам налагать на своих верных, утопающих в счастье, бич бедствий, чтобы угнетенные не отчаивались в милосердии Божием, и чтобы превознесенные не возгордились; пусть все знают, кому они обязаны тем, чем владеют. Впрочем, я полагаю, что то несчастье посетило вышеупомянутого короля не совсем незаслуженным образом, потому что в первое время его правления, когда он был еще молод и увлекался юношескими страстями, к нему являлись его подданные и просили о своих нуждах; другие же, угнетенные сильными, умоляли о помощи и заступничестве, а он не хотел выслушивать их, не оказывал покровительства и вообще обходился с ними презрительно. По этому случаю блаженный Неот, здравствующий и до сих пор, будучи его родственником, соболезновал всем сердцем и пророчески предсказывал Альфреду, что он подвергнется за то величайшему бедствию. Но он ни во что ставил благочестивые увещания Божьего человека и не верил его истинным предсказаниям. Всякий согрешивший неизбежно наказуется или здесь или в будущей жизни; потому и праведный Судья не хотел оставить Альфреда безнаказанным за его неразумие в этом мире, чтобы пощадить его на Страшном суде. Вот причина, вследствие которой вышеупомянутый Альфред часто доходил до такого бедствия, что никто из подданных не знал, где он и что с ним случилось...

В том же году, после Пасхи, король Альфред вместе с немногими своими сподвижниками построил укрепление в местечке, называемом Ательней, и оттуда вел неутомимую борьбу с язычниками, поддерживаемый благородными вассалами Сом-

---

[1] Автор, как бы избегая описывать бедствия любимого им короля, сказал выше очень коротко о нападении язычников и завоевании ими Вессекса, а потому очень странно читать у него вдруг об изгнании Альфреда из королевства после того, как автор прежде говорил об одних его победах над языческими завоевателями. Но автор имел, как окажется ниже, и другие причины умолчать о подробностях изгнания короля из своих владений: ему пришлось бы разоблачить своего героя и обнаружить, что не столько оружие неприятелей, сколько дурное внутреннее управление Альфреда было причиной его несчастья: сами подданные были довольны его изгнанием. Без сомнения, это бедствие и было причиной переворота в характере Альфреда, и только с той эпохи начинается новый характер его правления, доставивший ему такую популярность; но Ассерий во что бы то ни стало решился представить героя безупречным от самой колыбели.

[2] Стихи, вложенные в уста жены пастуха, без сомнения, заимствованы и переведены на латинский язык из какой-нибудь народной поэмы составителем жизни св. Неота и повторены нашим автором. Св. Неот был современник Альфреда.

мерсета; на седьмой неделе после Пасхи он поехал к «Камню Эгберта», находящемуся на восточной стороне горы, называемой Сельвуд, что значит по-латыни Sylva magna (то есть Большой лес), а по-бриттски Коит-Мавр. Там встретили его все жители Соммерсета, Вильтшира и Гэмпшира, которые не убежали за море, как другие, из страха перед язычниками. Увидев короля, все исполнились радостью, как то и следовало, и, встретив его, как воскресшего, после стольких страданий, в ту же ночь раскинули свой лагерь. На рассвете следующего дня король, поднявшись с лагеря, подошел к месту Окели, где и переночевал. Оттуда с первым лучом солнца он отправился к Эдингтону и там, напав густыми рядами на все войско язычников, дрался жестоко и, одержав Божьим соизволением победу, смертоносно поразил неприятеля, а бежавших избивал поодиночке, преследуя их до самого замка. Все, что встретилось вне укреплений, – люди, лошади, скот,– было умерщвлено или захвачены, и сам король вместе со всем своим войском мужественно расположился у входа в укрепление язычников. После 14-дневной осады язычники, томимые голодом, холодом и приведенные в ужас и отчаяние, просили у короля мира на условии дать ему заложников, каких он выберет, и не требовать от него ни одного. Таким образом, они заключили мир такой, какого до сих пор никогда не заключали. Король, выслушав их посольство и подвигнутый милосердием, принял от них заложников, каких желал. Сверх того, язычники поклялись немедленно оставить его королевство; а Готрун, их король, обещал принять христианство и креститься от руки короля Альфреда; и все это он и его окружавшие исполняли, как обещали. По истечении семи недель Готрун, король язычников, с 30 отборными мужами из своего войска явился к королю Альфреду в местечко, называемое Аллер, близ Ательнея. Король Альфред, сделав его своим крестным сыном, воспринял от купели. На восьмой день происходило его миропомазание в королевском поместье Ведморе (около 5 миль от Эксбриджа, в Соммерсете). После крещения Гутрун оставался 12 ночей у короля, и король щедро одарил как его, так и всех его соотечественников богатыми подарками.

В год воплощения Господня 879-й, рождения же Альфреда короля 31-й год, вышеупомянутое войско язычников, сообразно данному обещанию, удалилось из Циппангама и потянулось в Циренчестер, по-бриттски Каир-Кори, лежащий в южных пределах страны гуикциев (ныне Глочестер и Верчестер), где и оставалось целый год. В том же году случилось солнечное затмение между девятым часом (по нашему 3 часа) и вечером, но ближе к девятому часу (следовательно, по нашему, около 4 часов пополудни).

История следующих годов, 880–884, изложена автором весьма кратко и сухо и состоит в исчислении новых стычек Альфреда с язычниками, оставшихся без всяких дальнейших последствий. Вся эта хроника от 867 до 884 гг. прерывает собственно начатую автором биографию Альфреда Великого, под 866 г., к которой он и возвращается снова, оставляя повествование хроники.

Но возвращусь к тому, с чего начал; уплыв так далеко, я могу пропустить пристань желанного отдохновения. Я постараюсь при помощи Божией изложить, как то и обещал, коротко и связно, чтобы растянутым рассказом не навести на душу читателя новой тоски, все, что дошло до моего сведения о жизни, нравах, полных правды разговорах и о значительной части деяний моего господина Альфреда, короля англосаксов; я остановился на том, как он привел в свой дом ту вышеупомянутую и почтенную супругу из благородного рода мерсиев (см. выше, под 868 г.).

В то время, как он торжественно отпраздновал в Мерсии свою свадьбу при стечении бесчисленного народа обоего пола и долго потом пировал днем и ночью, его схватила неожиданная и ужасная болезнь в присутствии всего народа; ни один доктор не знал этой болезни, и она никому не была известна из присутствовавших на свадьбе в то время, да и те, на глазах которых – о, горе! – она повторяется и теперь[1], не понимают, от-

[1] Так как автор вслед за словом «теперь» добавляет, что Альфреду было тогда уже 40 лет, то из этого следует, что он писал эти строки в 886 г.

Булла Папы Николая I (858–867 гг.). Париж. Нумизматический кабинет

куда могла явиться такая болезнь (хуже всего то, что эта болезнь, открывшись в двадцатилетнем возрасте, продолжается до сорока и даже более лет и беспрестанно мучает короля в течение столь продолжительного времени); многие полагали, что Альфреда сглазил кто-нибудь из стоявшего вокруг народа; другие приписывали все злобе дьявола, всегда ненавидящего добрых людей; иные считали эту болезнь последствием той лихоманки, злокачественной напасти, которую он испытывал еще в детстве. Но уже давно Альфред был облегчен от этой напасти Божьим милосердием, когда он, отправляясь на охоту, прибыл в Корнваллис и свернул с дороги, чтобы помолиться в одной церкви, где почивал св. Гверир и где св. Неот живет на покое и до сих пор. Альфред с самого детства любил прилежно посещать святые места для моленья и милостыни; распростершись тогда в безмолвной молитве, он усердно взывал к милосердию Божьему, чтобы всемогущий Бог по неизмеримой своей милости изменил настоящую и тяжелую его болезнь в легкий припадок с той целью, чтобы та немочь не обнаруживалась на теле и чтобы через то Альфред не сделался бесполезным членом общества и не был бы всеми оставлен в презрении; король боялся именно заразы или слепоты, или какой-нибудь другой напасти, которая изгоняет людей из общества и внушает к ним отвращение. По совершении молитвы Альфред отправился в предпринятый путь и в скором времени почувствовал такое облегчение от своей немочи, что Божьей помощью окончательно излечился от нее вследствие своей молитвы; таким образом он избавился от болезни усердной молитвой и частым обращением к Богу с благочестивым коленопреклонением, несмотря на то, что страдал ею от колыбели. Чтобы сказать связно и коротко, но в строгом порядке, о преданности его к Богу, замечу, что он, с самых нежных лет своей юности, прежде, нежели женился, заботился укрепить дух свой в заповедях Господних, и видя, с одной стороны, что трудно побороть в себе плотские побуждения, а с другой стороны, опасаясь, что нарушением воли Божьей можно навлечь на себя гнев Господень, Альфред очень часто и тайно от других вставал на заре с пением петуха и удалялся в церковь для молитвы над мощами святых; там, оставаясь долгое время распростертым, он молил милосердие Бога укрепить его ум в служении Господу какой-нибудь болезнью, которую можно было бы вынести, лишь бы эта болезнь не сделала его недостойным и неспособным к общественным делам. При частом повторении подобной молитвы спустя некоторое время Бог наделил его вышеупомянутой лихоманкой (fici dolor); в продолжительной и тяжелой борьбе с нею в течение нескольких лет Альфред отчаивался даже в своей жизни, пока не отвратил ее от себя молитвой. Но – о, бедствие! – едва он избавился от одной болезни, его схватила, как мы сказали, другая, еще худшая, на свадьбе и она его мучила беспрерывно от 20 до 45 лет[1]. Если иногда, милосердием Божьим, ему становилось легче на один день, на одну ночь или даже на один час, то тем не менее его никогда не оставлял страх и трепет, что та проклятая болезнь снова вернется, и ему казалось, что он сделался никуда не годен, ни для дел мирских, ни для дел богоугодных.

[1] Выше автор сказал: *до 40 лет и более*; сказанное теперь: *до 45 лет*, могло быть позднейшей поправкой или вообще все это место, вероятно, было им приписано позже, а именно в 891 г., когда Альфреду было 45 лет.

От вышеупомянутого брака у Альфреда родились следующие сыновья и дочери: Этельфледа, старшая из всех, после нее Эдуард (Eadwerd), затем Этельгива, Этельсвита и, наконец, Этельверд; кроме этих, все другие умерли в детстве; к числу последних принадлежал и Эдмунд. Этельфледа, достигнув зрелого возраста, вышла за Этереда, графа мерсиев; Этельгива, посвятив детство Богу, приняла монашеские обеты, была посвящена и предалась служению церкви; Этельверд, младший из всех, по внушению свыше и по достойной удивления заботливости короля был отдан вместе с благородными детьми почти со всего королевства и со многими другими, даже неблагородными, для обучения наукам (traditus est ludis literariae disciplinae), под тщательным надзором учителей; в этой школе прилежно занимались чтением книг, написанных на двух языках, на латинском и на саксонском; там занимались и обучением письму, так что ученики, прежде чем они достигали развития материальных сил, необходимых для упражнения в искусствах ловкости (humanae artes), а именно в охотничьем искусстве и других занятиях, приличных для людей благородного происхождения, были уже обучены и смышлены в искусствах науки (in liberalibus artibus). Эдуард и Этельсвита были воспитаны при королевском дворе с величайшей заботливостью, которую оказывали им их дядьки и няни; скажу более, они росли, приобретая всеобщую любовь ласковостью и даже мягкостью обращения со своими и чужими, а повиновение отцу они сохраняют и до сих пор. При прочих упражнениях, приличных людям благородного происхождения, они также прилежно и тщательно предаются искусствам науки: с большим старанием изучают и псалмы, и саксонские летописи (libros), в особенности же саксонские поэмы (carmina), и постоянно читают книги.

Между тем сам король среди войн и беспрерывных забот земной жизни, при вторжениях язычников и ежедневных физических болезнях, в одно и то же время держал бразды правления и распоряжался всякого рода охотой, учил даже золотых дел мастеров, различных ремесленников и тех, которые смотрели за соколами, кречетами и собаками; строил по новым, составленным им самим, планам, здания, более красивые и дорогие, нежели те, которые строились его предшественниками; читал саксонские поэмы; сам не переставал трудиться изо все сил; ежедневно слушал божественную службу, именно обедню, пел некоторые псалмы и молитвы, утренние часы и вечерню, и, как мы сказали, тайно от своих удалялся в церковь ночью и молился; подавал щедрую милостыню и своим, и чужим; отличался перед всеми большой и несравненной любезностью и веселостью и с необыкновенной любознательностью любил заниматься исследованием необъясненных явлений. Многие франки, фризы, галлы, язычники, бритты и скотты, арморики (бретонцы), как благородные, так и неблагородные, добровольно подчинялись его власти; и всеми ими он управлял с достоинством, как своим собственным народом, одинаково любил, уважал и наделял деньгами и имуществом; случалось ли ему слушать, как свои читали Священное Писание, или (если приходилось ему куда-нибудь уехать) молиться с чужеземцами, он всегда был внимателен и слушал прилежно. Своих епископов и весь духовный чин, графов и благородных, даже прислугу и всех домочадцев Альфред любил всем сердцем; даже детей их, воспитываемых в королевском семействе, он любил не менее своих, наставлял их в добрых нравах, и один никогда не уставал заполнять их свободное время чтением; но ничто как будто бы не утешало его, и он, оставаясь равнодушным ко всем другим неудачам, домашним и внешним, денно и нощно жаловался Богу и всем, кто был особенно близок к нему, и тяжко воздыхал, горюя, что всемогущий Господь оставил его в неведении Священного Писания и наук (divinae sapientiae et liberalium artium). В этом отношении Альфред может быть сравнен с Соломоном, который, презрев славу и богатство мира сего, просил у Бога мудрости и получил то и другое – и мудрость, и земную славу. Так сказано и в Писании: «Ищите прежде всего Царства

Небесного и правды его, и все остальное приложится вам». Но Бог взирает всегда на внутренние убеждения и помыслы, поощряет всякую добрую волю и великодушно направляет ее к хорошим стремлениям, потому что он никогда не поощрял бы к добру без того, чтобы не направить к тому, что его желания были хороши и справедливы. Бог возбудил и дух Альфреда не извне, но изнутри, как сказано в Писании: «Я послушаю, что говорит во мне Господь Бог». Альфред отыскивал повсюду, где мог, сподвижников, которые были бы в состоянии помочь его мудрости в осуществлении добрых намерений. Как та благоразумная птичка, которая в летнее время рано утром, выпорхнув из любимого гнезда, направляет свой быстрый полет в беспредельном воздушном пространстве и, опускаясь над разнообразными и многовидными цветами, сощипнет травку, ягодку, попробует и, что понравится, унесет домой, так и Альфред направлял свой духовный глаз повсюду, отыскивая у чужих то, чего не находил у себя, то есть в своем государстве.

И в то время Бог, в утеху добрым намерениям короля и не желая оставить без внимания его справедливых и благих сетований, послал ему, как светоча, Верефрита, епископа Ворчестерского, отлично сведущего в Священном Писании, который по приказанию короля перевел слово за словом в первый раз с латинского на саксонский язык «Книги разговоров» Папы Григория с его учеником Петром, и перевел весьма ясно и красноречиво; потом Плегмунда, родом из Мерсии, архиепископа Кентерберийского, мужа достопочтенного и наделенного мудростью; также Этельстана и Веревульфа, священника и капеллана, родом из Мерсии, весьма ученых людей. Король Альфред призвал к себе этих четырех мужей из Мерсии и наделил их всякими почестями и властью в королевстве вессексов сверх того, чем обладали уже в Мерсии архиепископ Плегмунд и епископ Верефрид. Их ученость и мудрость непрестанно вызывали в короле любознательность и вместе с тем удовлетворяли ее; он приказывал им читать ему книги и днем, и ночью, когда только был сколько-нибудь свободен; он не мог никогда оставаться без того, чтобы не иметь кого-нибудь из них при себе. Потому-то он имел понятие о всех сочинениях, хотя один, сам по себе, ничего не мог понимать в них, так как еще не выучился читать что-нибудь.

Но ненасытность короля, впрочем, в этом случае похвальная, не была удовлетворена тем: он отправил послов за море, в Галлию, отыскивать ученых, а оттуда вызвал: Гримбальда, священника и монаха, достопочтенного мужа, превосходного певца, отлично сведущего в церковных правилах всякого рода и в Священном Писании и украшенного всевозможными добродетелями, и Иоанна, также священника и монаха, мужа проницательного ума, сведущего во всех родах книжного искусства и мастера во многих других делах; ум короля был весьма обогащен их ученостью, и он почтил их великой властью и щедро оделил.

В то же время явился и я, приглашенный королем в Саксонию (в Англию) от самых западных пределов Британии; предприняв путь к нему через многие обширные земли, я дошел до страны тех саксов, которые живут направо, и земля которых называется по-саксонски Суссекс (то есть Süd + Saxen, Южная Саксония), при помощи проводников этого же народа. Там я увидел его в первый раз в королевском поместье Ден (ныне Deane, близ г. Чичестера); приняв меня благосклонно, он среди дружеского разговора убедительно просил меня, чтобы я посвятил себя на службу ему, сделался его другом и оставил для него все, чем я владею на левом или западном берегу р. Сабрины (ныне Северн); он обещал вознаградить меня гораздо большим и сдержал слово. Я отвечал ему на это: «Я не могу так неосмотрительно и необдуманно давать подобных обещаний: мне кажется несправедливым оставить ради каких-нибудь земных почестей и власти те святые места, в которых я был воспитан, обучен, пострижен (coronatus) и, наконец, поставлен; разве меня принудят к тому силой». На это он отвечал: «Если для тебя это невозможно, то пожертвуй мне, по крайней мере, половину твоей службы: шесть месяцев ты про-

живешь у меня и столько же в Британии»[1]. На это я отвечал следующим образом: «Я не могу и на это легко согласиться; без совещания со своими было бы неразумно что-нибудь обещать». Но, наконец, видя, как он желает иметь меня в своей службе – не знаю, почему, – я обещал после шести месяцев, если буду жив, возвратиться к нему с таким ответом, который был бы мне и моим окружающим полезен, а ему приятен; так как ему показалось мое предложение удовлетворительным, то я, дав обещание возвратиться в определенное время, на четвертый день поехал обратно на родину. Но по дороге, в Винчестере, меня постигла лихорадка, с которой я пролежал двенадцать месяцев и одну неделю, мучимый днем и ночью, без всякой надежды на жизнь. Когда я не явился к нему в назначенное время, как то обещал, он отправил ко мне письмо, торопя меня ехать к нему и спрашивая о причинах промедления. Но я не мог пуститься в дорогу и писал к нему, объясняя причину, удержавшую меня, и извещая, что я немедленно исполню данное слово, лишь только избавлюсь от своей болезни. Действительно, по излечении я, посовещавшись со своими и получив дозволение, ради пользы того святого места и всех его населявших, вступил на службу к королю, как прежде обещал, именно на том условии, чтобы ежегодно оставаться при нем шесть месяцев, или, если я могу, подряд, или по очереди, то есть три месяца в Британии и три месяца в Саксонии; в обоих случаях условия подтверждаются клятвой над св. Дегуем, но выполняются по мере сил. Моя братия надеялась при этом, если я каким-нибудь образом войду в милость у Альфреда, то она не будет испытывать столько тревог и оскорблений со стороны короля Гемеида[2]. Он нередко грабил тот монастырь и весь приход св. Дегуя (St. Deguus, по новому произношению St. Dewi) и однажды выгнал его настоятелей, а именно, архиепископа Новиса, моего родственника, и меня самого.

В то время, и еще гораздо прежде, в состав королевства Альфреда входили, как теперь еще входят, все земли правой стороны Британии (то есть Валлиса): а именно, Гемеид со всеми обитателями страны Деметики; вынужденный насилиями шести сыновей Ротра, он подчинился Альфреду; Гуиль, сын Риса, король Глегвизинга, Брокмаил и Фернмаил, дети Мурика, короля Гвента; побежденные насилиями и тиранией графа Этереда и мерсиев, они подчинились Альфреду, чтобы вместе с признанием его власти получить от него защиту против неприятелей; даже и Гелизед, сын Тендира, короля Бреконии, теснимый детьми того же Ротра, подчинился власти короля. Также и Анараут, сын Ротра, вместе со своими братьями отказавшись от дружбы с нортумберландцами, более вредной, нежели полезной, начал заботиться о снискании дружбы короля Альфреда и явился к нему лично. Король сделал ему хороший прием, усыновил его через рукоположение епископа и наградил богатыми дарами; таким образом, Анараут вместе со своими подчинился королю на условии повиноваться ему в той же степени, как Этеред и мерсии.

И не напрасно они пользовались дружбой короля: кто желал увеличить власть, тот и увеличивал; кто хотел денег, и получал; кто искал дружбы, и находил; кто имел в виду то и другое, достигал того и другого. Все же пользовались любовью, заботой и защитой со всех сторон, откуда только король мог защищать вместе со своими. Так, когда и я явился в королевское поместье, называемое Леонафорд, был принят им с почетом и оставался при его дворе восемь месяцев; в это время я читал королю книги, какие он желал и какие случились у меня под рукой; он отличался своим постоянным обычаем или читать самому, или слушать, как другие читают, и днем и ночью, несмотря на все страдания, душевные и телесные. Я часто просил у него позволения возвратиться домой и никаким образом не мог того добиться; но наконец, когда я настаивал на своей прось-

[1] Британией называли в то время англосаксы исключительно Валлис и Корнваллис, куда были загнаны ими последние бритты; Англия же называлась тогда Саксонией.

[2] Один из мелких владетелей Валлиса, между которыми была разделена в то время эта страна, населенная остатками бриттов.

бе, он позвал меня в сумерки накануне дня Рождества Христова и вручил мне две грамоты, в которых заключался подробнейший список всех вещей, находившихся в двух монастырях, которые называются по-саксонски Амбрезбьюри и Банвелль (в Вильтсе и Сомерсетшире). В тот же день он мне подарил оба эти монастыря со всем их имуществом, шелковый весьма дорогой паллиум и большое количество ладана; при этом он сказал: «Я даю эти пустяки не потому, чтобы не хотел впоследствии дать большего». Действительно, впоследствии он и дал мне неожиданно Экзетер со всем приходом, который распространялся в Саксонии (Англии) и Корнваллисе (Cornubia), не считая при этом множества различных светских подарков, которые было бы длинно перечислять в этом месте, чтобы не наскучить читателю. Да не подумает кто-нибудь, что и о тех подарках я упомянул по тщеславию, или из честолюбия, или ради искания новых и больших почестей; клянусь перед Богом, я сделал все это с той целью, чтобы объяснить тем, которые не знают, как он был безграничен в своей щедрости. После того он дал мне немедленно позволение поехать в те два монастыря, исполненные всяких благ, и оттуда возвратиться на родину.

В год воплощения Господня 886-й, рождения же Альфреда 38-й год, то, часто упоминаемое, войско язычников, удаляясь снова из нашей страны, появилось у нейстрийских франков и ввело свои корабли в реку, называемую Сеной (Signe, новая форма от Sequana, откуда современное название p. Seine). Плывя долгое время против течения, оно дошло до Парижа и там перезимовало, расположившись лагерем на берегу у моста, чтобы воспрепятствовать переходу жителей, так как этот город построен посреди реки на небольшом острове (та часть нынешнего Парижа, которая называется Cité, между двумя рукавами Сены). Язычники осаждали город целый год, но, по милости Божьей и благодаря мужественной защите осажденных, они не могли овладеть укреплениями (ср. выше).

В том же году Альфред, король англосаксов, после пожара многих городов и разорения народов, восстановил великолепно город Лондон и сделал его годным для населения; охрану города король поручил своему зятю Этереду, графу мерсиев, и с того времени к Альфреду начали добровольно возвращаться и признавать над собой его власть все англы и саксы, рассеянные до того времени повсюду или находившиеся в плену у язычников.

Затем следует в тексте большое отступление о происшедшей в том же году в Оксфорде ссоре между старыми схоластиками и новыми, которые пришли туда с Гримбальдом; старые уверяли, что только прежде хорошо учились, и прибытие Гримбальда испортило все дело; спор по этому поводу происходил в присутствии Альфреда, но несмотря на его посредничество, новые схоластики должны были оставить Оксфорд и перешли в Винчестер, незадолго перед тем основанный Альфредом. Весь этот рассказ есть позднейшая вставка, не принадлежащая Ассерию, и потому в самых древних манускриптах об оксфордском диспуте вовсе не упоминается.

В год воплощения Господня 887-й, рождения же короля Альфреда 39-й год, вышеупомянутое войско язычников оставило невредимым город Париж (затем следует отступление, сделанное автором для обозрения вкратце современной истории материка, где около этого времени совершился важный переворот: свержение Карла III Толстого и распад Карловой монархии; но автор говорит очень коротко и ограничивается почти одними голыми фактами и именами, что может свидетельствовать разве только о том, как мало тогдашняя Англия интересовалась материком, и как вообще мало было в то время связи между европейскими государствами).

В том же году, когда то войско язычников, оставив Париж, подошло к Кези (Chezy, небольшая королевская мыза, на берегах Марны), Этельгельм, граф Вильтшира, отправился в Рим с благостыней от короля Альфреда и от саксонцев.

В том же году часто уже упоминаемый Альфред, король англосаксов, по вдохновению свыше, начал читать и вместе переводить в первый раз, в тот же самый день; но чтобы объяснить незнающим этого дела ближе, я постараюсь представить причину такого позднего начала.

Случилось нам однажды сидеть вдвоем в королевских покоях, беседуя, по обыкновению, о том и другом, и вздумалось ему, чтобы я прочел какую-то ссылку из какой-то книги; выслушав меня внимательно, в оба уха, и в глубине души тщательно обдумывая прочтенное, он вдруг вынул из-за пазухи книгу, которую он носил при себе неразлучно (в ней были записаны часослов, некоторые псалмы и избранные речи, читанные им еще в юности), и приказал мне вписать туда ту ссылку. Услышав это и видя в короле такое замечательное благоразумие и благочестивое желание научиться Божественной премудрости, я вознес бесконечное, хотя и тайное, благодарение всемогущему Богу, вложившему в сердце короля такую святую ревность к снисканию мудрости. Но не найдя в той книге ни одного свободного места, куда можно было бы внести ту сентенцию (она была переполнена всякого рода заметками), я несколько замешкался и тем вызвал еще более нетерпение в короле к приобретению спасительных заметок. Он меня торопил записать ту сентенцию как можно скорее. «Не желаешь ли лучше,– сказал я ему на это,– чтобы я внес новую заметку на какой-нибудь отдельный лист? Неизвестно, быть может, мы встретим много таких сентенций, которые тебе понравятся; если что-нибудь такое и случится сверх чаяния, то нам будет приятно иметь отдельную книгу».– «Этот совет хорош»,– отвечал он, и я с удовольствием поспешил приготовить тетрадь (quaternionem), в начале которой и вписал ту сентенцию, сообразно его приказаниям; и в тот же день, как я предсказал, было вписано туда же еще несколько сентенций, понравившихся ему, не менее трех; и затем с каждым днем среди наших бесед и исследований та тетрадь, получая новое содержание, разрасталась, и недаром, ибо сказано в Писании: «Праведный строит здание на скромном фундаменте и постепенно переходит к большему». Подобно плодоносной пчеле, которая, летая по широким и далеким полям, ищет меду, он с беспрерывным восторгом собирал цветы Священного Писания, которыми обильно наполнял ячейки своего сердца.

Первую записанную мной сентенцию Альфред немедленно стал читать и тут же переводить на саксонский язык, а затем он старался сделать то же самое и с другими. Таким образом, подобно тому счастливому разбойнику, который признал висящего подле себя на честном древе св. Креста Господа Иисуса Христа, своего Господа и Господа всех, и с униженными мольбами, склоняя перед ним одни свои телесные очи – другого знака не мог он подать, ибо весь был пригвожден,– слабым голосом взывал: «Помяни меня, когда приидешь во царствие твое, о, Христе»,– подобно этому разбойнику и Альфред в первый раз начал изучать основания христианской жизни в конце своих дней. Так или иначе, хотя и не без затруднения, король, по вдохновению свыше, начал изучать основания Священного Писания в день торжества памяти преподобного Мартина (11 ноября); все эти цветы, собранные отовсюду магистрами в одну книгу, хотя и перемешанно, как представлялся к тому случай, он присовокупил так, что она достигла объема почти целого псалтыря. Король пожелал назвать этот сборник «Enchiridion» то есть подручной книгой, потому что он имел ее и днем и ночью, беспрерывно под руками, и, как тогда говорили, он находил в ней немалое утешение. Но, как давно уже сказал один мудрец: «Бдителен ум у того, кто хочет заботливо править», и мне, я полагаю, надобно сделать оговорку по поводу того сравнения, не совсем точного, которое я сделал выше между королем и счастливым разбойником: всякий, кто страдает, распинается на кресте. Но что делать, если нельзя освободиться или убежать, или каким-нибудь средством облегчить свою участь, оставаясь на нем? Всякий осужден невольно в тоске и печали переносить то, чем страдает.

В самом деле, этот король был пронзен множеством гвоздей страдания, хотя и обладал королевской властью: начиная с 20 лет и до 45 года, которого он *теперь*[1] достиг, его мучают беспрерывно тягчайшие страдания какой-то неизвестной болезни; так что он не имеет покоя ни на один час,

[1] Так как Альфред родился в 849 г., то это место летописи было написано в 894 г.

когда бы он не испытывал той немочи, или не приходил бы в отчаяние под влиянием страха, наведенной ею. Сверх того, он не без причины тревожился постоянными вторжениями иноплеменников, которые ему приходилось выдерживать без малейшего отдыха. Нужно ли говорить о частых набегах язычников, битвах и постоянных заботах правления? Нужно ли упоминать о ежедневных приемах послов, приходивших от различных народов, живущих на берегах Средиземного (Tyrreno) моря до последних пределов Иберии[1]? Мы сами видели дары и читали письма, отправленные к королю из Иерусалима от патриарха Авеля. Что сказать об общинах и городах, возобновленных и построенных, где прежде их не бывало? О раззолоченных и посеребренных палатах, воздвигнутых по его плану? О залах и покоях королевских, построенных удивительным образом из дерева и камня? О королевских каменных мызах, перенесенных с прежнего места в более красивые местности и убранных по королевскому приказанию весьма прилично? Сверх той болезни, его огорчали раздоры и несогласия друзей, не желавших принять на себя какой-нибудь труд, ввиду общей пользы государства. Один он, вдохновленный свыше, не позволял себе, несмотря на разнообразные треволнения жизни, опускать или отлагать в сторону однажды принятые бразды правления; подобно тому капитану (gubernator praecipuus) корабля, который старается ввести свой корабль, нагруженный богатствами, в желанный и безопасный порт своей родины, несмотря на то, что все его матросы уже утомились. Действительно, он умел подчинить своей воле и с умом употреблять на государственную пользу своих епископов, графов, благородных, самых любимых министров и других начальников, в руках которых, после Бога и короля, была сосредоточена власть над всем государством, как то и следует; король беспрестанно и вместе кротко наставлял их, ласкал, убеждал, приказывал, наконец, после долгого терпения, строго наказывал непокорных и вообще всеми мерами преследовал пошлую глупость и упорство. Правда, по лености людей, при всех убеждениях короля, многие его приказания не были исполнены; другое, начатое поздно, осталось неоконченным и не принесло в минуту опасности пользы тем, для кого предпринималось – так можно сказать о замках еще не начатых, как то было приказано, или слишком поздно начатых и неоконченных,– а между тем неприятель вторгался и с суши, и с моря, и, как часто случалось, ослушники повелений власти (contradictores imperialium diffinitionum) изъявляли тогда тщетное раскаяние и покрывались стыдом.

Я называю такое раскаяние тщетным на основании слов Священного Писания: таким раскаянием бывают поражены и страдают к собственному ущербу многие люди за совершенные ими злоумышления. Но – увы! – они недостойно соболезнуют; утратив отцов, жен, детей, слуг, рабов, служанок, домашние орудия и всю утварь, они слезно плачут, но может ли им помочь ничтожное раскаяние, когда они уже не могут поспешить для спасения умерщвленных родственников, ни выкупить их из тяжкого плена, ни даже облегчить участь тех, которым удалось бежать, потому что им самим ничего не осталось для поддержания собственной жизни. Повергнутые в горе, они обнаруживают позднее раскаяние, жалеют о том, что презрели наставлениями короля, всегласно восхваляют его мудрость и обещают всеми силами загладить то, чем недавно пренебрегали, а именно: постройкой замков и исполнением всего прочего, что могло бы содействовать общей государственной пользе.

Я полагаю, что было бы кстати при настоящем случае сказать несколько слов об обетах и помыслах его благочестивой души, которые он не забывал никогда, ни в счастливые, ни в тяжелые минуты своей жизни. Помышляя о потребностях своего духа, между прочими благодеяниями, которыми он был прилежно занят и днем и ночью, он приказал построить два монастыря: один мужской в местности, называемой Атель-

---

[1] В подлиннике сказано: Hyberniae, то есть Ирландии, но это, очевидно, ошибка переписчика, вместо Hiberiae, то есть Испания, как того требует общий смысл фразы.

ней, непроходимой и окруженной отовсюду болотами, топями и реками; туда никто не может иначе попасть, как на лодках или по мосту, выстроенному с большими затруднениями на двух возвышенностях: на западной стороне моста по приказанию короля был воздвигнут крепкий замок отличной работы. В этот-то монастырь он и собрал монахов всякого рода и поместил их в том месте.

Сначала Альфред не имел никого, кто хотел бы добровольно поступить в монастырь; ни благородные, ни свободные люди из его народа не обнаруживали подобных побуждений, кроме детей, которые по нежности своего слабого возраста не могут ни решиться на доброе, ни отказаться от зла. Действительно, в течение многих протекших годов этот народ, как и многие другие, решительно не выражал наклонности к монашеской жизни; несмотря на то, что в этой стране было построено множество монастырей, но в них не было устроено никакого порядка жизни, не знаю почему, может быть, вследствие вторжений чужеземцев, которые беспрерывно враждовали и с суши, и с моря, а может быть, и по чрезвычайному обилию всяких богатств в том народе – я думаю, что именно по этой причине и было отвращение у того народа к монашеской жизни; вследствие того Альфред заботился набрать для того монастыря монахов всякого рода.

Первоначально он поставил аббатом Иоанна, священника и монаха, из рода древних саксов (Ealdsaxonum); потом набрал за морем священников и дьяконов, но все же не в таком количестве, как желал, а потом еще пригласил весьма многих из галлов, из среды которых он приказал обучать в том монастыре детей и впоследствии облекать их в монашеские одеяния. Я видел там даже одного юношу в монашеском облачении, воспитанного из среды язычников, и он был не последний из них.

В этом же монастыре было однажды совершено преступление, которое мы предали бы в немом молчании полному забвению, но это преступление слишком для того возмутительно. Впрочем, и в целом Священном Писании между подвигами праведных передаются и дела нечестивцев, как при посеве вместе с зерном сеются плевелы и сорная трава, а именно: добрые дела для прославления, последования и для соревнования, и приверженцы их считаются достойными всяких почестей; злые же дела для осуждения, проклятия и избежания, и последователи их преследуются всякой ненавистью, презрением и местью.

Случилось однажды, что какой-то священник и дьякон, монахи из галльского племени, побужденные затаенной ненавистью, до того были раздражены в душе против своего аббата, вышеупомянутого Иоанна, что, по примеру Иуды, решились обмануть коварством своего господина и предать его. Подкупив деньгами двух служителей того же галльского племени, они злостно научили их: в ночное время, когда все в приятном спокойствии тела предаются глубокому сну, впустить их в церковь с оружием и, как обыкновенно, запереть за ними дверь; скрывшись таким образом, они сторожили приход аббата. По их плану, когда аббат придет, втайне от других и один в церковь для молитвы и преклонит колени на земле перед святым алтарем, они должны будут, бросившись на него, постараться убить, потом, вытащив его бездыханное тело из церкви, бросить его перед дверями какой-то непотребной женщины, как будто бы он был убит среди своего блудодеяния. Таковы были их замыслы; они хотели к одному преступлению присоединить другое, как то сказано в Писании: «И будет последний грех хуже первого».

Но Божественное милосердие, всегда содействующее невинным, сделало тщетным большую часть их замысла, так что не все так случилось, как они предполагали.

Когда весь преступный план был объяснен во всех подробностях преступными наставниками их преступным ученикам, разбойники в условленную ночь, рассчитывая на безнаказанность, заперлись в церкви с оружием в руках и ожидали прихода аббата. Когда Иоанн в полночь тайно от всех вступил в церковь для молитвы и преклонил колени перед алтарем, тогда те два разбойника, обнажив мечи, бросаются на

него неожиданно и наносят тяжкие раны. Но он, всегда находчивый, хотя, как мы слышали о нем от рассказчиков, и не совсем не умел владеть мечом – он приготовлял себя к лучшему призванию,– но услышав шаги разбойников, он прежде, нежели успел рассмотреть их, бросился вперед им навстречу и до получения раны стал кричать изо всех сил, называя их дьяволами, а не людьми (он и не думал иначе, потому что не мог ожидать, чтобы люди отважились на подобное). Однако он был ранен прежде, нежели явились его служители. Но они, разбуженные криком, перепуганные именем дьявола и не понимая, в чем дело, сбежались к дверям церкви вместе с теми служителями, которые, по примеру Иуды, предали своего господина; но пока они вошли в церковь, разбойники поспешно скрылись в ближайший подвал, оставив на месте полуживого аббата. Подняв своего почтенного старшину, монахи с рыданиями и плачем отнесли его домой: и те коварные злодеи плакали не менее невинных. Но Божеское милосердие не попустило, чтобы такое преступление осталось безнаказанным: разбойники, совершившие то, и все участвовавшие в преступлении были схвачены, связаны и после различных пыток преданы позорной смерти. Рассказав это происшествие, возвратимся к начатому.

Тот же вышеупомянутый король приказал построить и другой монастырь, близ восточных ворот Шефтсбьюри, как место убежища для монахинь; там он поставил настоятельницей собственную дочь Этельгиву, девушку, преданную Богу; вместе с ней в том же монастыре поселились и многие другие благородные монахини, обрекшие себя монастырской жизни для Бога. Оба монастыря (как мужской, так и женский) были щедро наделены Альфредом землями и всякого рода богатствами.

Распорядившись таким образом, Альфред, по своему обычаю, продолжал рассуждать сам с собой, что мог бы он еще сделать для большего угождения Богу; не тщетно было это задумано: король напал на полезную мысль, и еще полезнее было ее осуществление, потому что и в Писании, он читал, сказано: «Господь обещал воздать многократно за десятину, ему приносимую, и исполнил обещанное и многократно воздал за десятину». Побуждаемый таким примером и желая превзойти предков, Альфред обещал от чистого сердца посвятить Богу половину своей службы, а именно в дневное и ночное время, и половину всех богатств, которые он ежегодно получал со всей умеренностью и справедливостью. Все это было им исполнено с точностью и благоразумием, каких только можно ожидать от человеческого приговора. Но опасаясь того, от чего предостерегает одно место Писания: «Если справедливо предлагаешь, но несправедливо разделяешь, то грешишь», король подумал, как бы он мог справедливо отделить ту часть, которую он посвятил Богу. По словам же Соломона, «сердце царя в руке Господа», то есть его намерения: по вдохновению свыше, Альфред приказал своим министрам разделить прежде всего весь годовой доход на две равные части.

После такого разделения он назначил первую половину для светских дел и распорядился подразделить ее на три части: первая часть шла на годовое жалованье войску, его министрам и благородным, которые дежурили в королевских палатах, отправляя различные обязанности. Для последних было три смены, потому что королевские телохранители весьма благоразумно разделялись на три отряда: первый отряд, служа днем и ночью, оставался в королевских палатах один месяц, и по окончании этого времени, когда приходил второй отряд, первый возвращался домой, где каждый мог заняться в течение двух месяцев собственными делами. По истечении месяца, когда приходил третий отряд, второй возвращался на два месяца. Но и третий отряд, по окончании месячного срока службы и по прибытии первого отряда уходил домой и оставался там два месяца. На этом порядке основано круговращение всех дел по управлению и устройству королевского двора.

Таким образом, расходовалась первая часть из трех вышесказанных, но всякий получал по мере своих достоинств и сообразно своей службе. Вторая часть назначалась мастерам, которых он собирал у всех народов в бесчисленном количестве, и ко-

торые отлично знали строительное искусство. Наконец, третья часть предназначалась странникам, стекавшим к нему отовсюду, издалека и из соседних мест, как тем, которые искали денег, так и тем, которые не просили, но всякому давалось сообразно его достоинству и с удивительной и похвальной щедростью, и, как то сказано в Писании: «Охотного дателя любит Бог», давалось от всего сердца.

Другую же половину всех своих доходов, ежегодно собираемых со всякого рода сборов и стекавшихся в казну, как мы сказали выше, он со всей преданностью посвятил Богу и приказал своим министрам разделить ее тщательно на 4 части с тем условием, чтобы первая часть из этого деления была роздана бедным всех наций, стекавшихся к нему, но с большим разбором; для предостережения же от неразборчивости он напоминал держаться правила св. Папы Григория, который, рассуждая об осмотрительности при раздаче милостыни, выразился так: «Не дай мало, кому нужно много, ни много, кому мало; не дай кому-нибудь ничего, кому следует что-нибудь, и не дай чего-нибудь, кому не следует давать ничего» (Nec parvum cui multum, nec multum cui parvum; nec nihil cui aliquid, nec aliquid cui nihile). Вторая часть предназначалась для тех двух монастырей, которые были построены по его приказанию и о которых мы говорили выше подробнее. Третья часть шла на школу, которую он с большим усердием образовал из благородных в своем собственном народе. Наконец, четвертая часть – на ближайшие монастыри во всей Саксонии (ныне Англии) и Мерсии, а по временам на церкви и служителей Божиих, обитавших в них, в Британии (ныне Валлисе) и Корнваллисе, Галлии, Арморике, Нортумберланде, а иногда даже и в Ирландии, соблюдая при этом очередь; он отделял их по мере возможности или вперед, или предполагая сделать то на будущее время, если будет жив и здоров.

Распределив все в таком порядке, король не забывал, однако, того изречения Священного Писания, где сказано: «Кто хочет дать милостыню, должен начать с самого себя». Потому он весьма основательно подумал о том, каким образом посвятить Богу деятельность своего тела и духа; он не хотел сделать и в этом отношении жертвы, меньшей той, которую он принес Богу из материальных благ. Таким образом, он дал обет посвятить Богу также половину своего тела и духа, насколько то позволят его немощи и средства, и притом как днем, так и ночью, от всех своих сил. Но так как он не мог хорошо различать часов в ночное время вследствие мрака, а днем по случаю частых проливных дождей и туманов, то он начал думать, какое средство можно было бы изобрести для того, чтобы выполнять с точностью и без малейшего сомнения тот обет, который он желал бы, опираясь на милосердие Божье, сохранить неизменно до самой смерти (то есть чтобы не больше и не меньше половины часов дня и ночи посвящать себя на служение Богу).

Размышляя довольно долгое время о том, король напал на полезную и остроумную мысль и приказал своим капелланам принести воску в достаточном количестве. По его словам, воск взвесили на весах при помощи денариев[1]; когда же количество воска достигло тяжести 72 денариев, он распорядился, чтобы капелланы, разделив всю массу на равные части, приготовили 6 свечей, и каждая свеча должна была по своей длине подразделиться чертами на 12 частей, каждая величиной в сустав большого пальца. Вследствие этого изобретения, те шесть свечей, когда они были зажжены, горели неугасимо 24 часа перед святыми останками трех избранников Божьих, которые постоянно и повсюду его сопровождали. Но случалось, что иногда свечи, горя целый день и ночь, не могли догорать до того самого часа, когда они были зажжены накануне, именно потому, что и днем и ночью на них дул сильный ветер, прорывавшийся из окна и двери церквей, в простенки, в доски, в щели стен или в походе сквозь полот-

---

[1] В статуте Эдуарда I, короля Англии (XIII в.), денарий определялся следующим образом: «В Англии денарий, называемый круглым стерлингом (sterlingus rotundus), без обреза, весит 32 хлебных зерна средней величины; 30 денариев составляют унцию, а 12 унций – один фунт».

но палатки. Против этого, чтобы воспрепятствовать ветру, он придумал весьма остроумно и находчиво новое средство, а именно: приказал устроить из дерева и бычьих рогов весьма красивые фонари. Белые бычьи рога, соскобленные до тонкой пластинки, просвечивают не хуже стеклянного сосуда, и из приготовленных таким образом рогов и дерева, как мы сказали, были сделаны фонари; свеча, поставленная в такой фонарь, горела, и внутри и вне разливая одинаковый свет, без всякого препятствия со стороны ветра, потому что он приказал и сверху фонаря сделать крышку из такого же рога. Вследствие такого ухищрения те шесть свечей горели неугасимо 24 часа, и сгорали не ранее одна другой, не позже; когда же они кончались, на место их зажигали новые свечи.

Устроив все в таком строгом порядке, сообразно своему желанию посвящать половину своей службы Богу, как дан им был обет, он делал даже больше, насколько дозволяли ему то его немочь, силы и средства. На суде он являлся неутомимым исследователем истины; особенно, когда дело касалось бедных людей, он отдавал всего себя и днем, и ночью на пользу их между прочими обязанностями настоящей жизни. Ибо в целом его государстве, кроме его одного, бедные не находили для себя ни одного защитника, или весьма немногих, потому что сильные и знатные в его королевстве, почти все стремились более к светским занятиям, нежели богоугодным; притом каждый заботился в делах светских более о личной, нежели об общественной пользе.

Он обращал такое внимание на суд ради пользы самих благородных и неблагородных, которые весьма часто, во время собрания графов и начальников, ожесточенно ссорились между собой, так что почти никто из них не признавал силы того, что было определяемо графами и начальниками. Доведенные до такого упорного противодействия, все желали искать суда и короля, и обе стороны торопились осуществить свое намерение. Но те, которые чувствовали, что их сторона не совсем правая, шли против воли и неохотно желали отправляться, хотя закон и условия (lege et stipulatione) принуждали их к тому силой. Ибо всякий знал, что не будет никакой возможности скрыть перед королем злых умыслов, что и неудивительно: король являлся самым добросовестным исследователем при произнесении приговоров, как и во всех других обстоятельствах жизни. Почти во всех процессах, веденных в его государстве во время его отсутствия, он тщательно исследовал, каковы бы они ни были, справедливые или несправедливые. Если ему случалось замечать в иных приговорах какую-нибудь неправду, он, или призвав самих судей к себе, или через других доверенных, кротко спрашивал, почему они судили несправедливо: по невежеству ли или по недостатку доброй воли, а именно – по лицеприятию или по страху, или из ненависти, или, наконец, из корысти. Наконец, если те судьи признаются, что они судили так, а не иначе, потому, что не приобрели лучших сведений в своем деле, тогда король, весьма умеренно и кротко упрекая их за неразумие и невежество, говорил им: «Я весьма удивляюсь вашей смелости, когда вы, получив от Бога и от меня место и степень, какие даются только людям образованным, пренебрегли своим образованием и научными трудами. Потому вы должны или немедленно отказаться от своих мест, сопряженных с властью, или с большим прилежанием заняться науками для приобретения мудрости,– такова моя воля». Устрашенные такими угрозами, графы и другие начальники обращались изо всех сил к изучению науки правды, так что, к величайшему удивлению, графы, начальники и министры, почти все безграмотные с детства, занялись науками; они предпочитали прилежно заняться непривычным делом, нежели отказаться от начальнической власти. Если же кто-нибудь, по старости или по заматерелости своего ума, не мог справиться с научными занятиями, то он брал сына, если имел, или какого-нибудь родственника, а если не случалось и такого, то своего вольноотпущенника или раба и, обучив его заранее чтению, приказывал читать себе саксонские книги и днем, и ночью, как только было на то свободное время. Они соболезновали, тяжко воздыхая о том, что в своей

юности не предавались подобным трудам, и считали счастливыми юношей своего времени, которые могли так успешно изучать науки (artes liberales); на себя же они смотрели, как на несчастных, которых в молодости не обучали и которые в старости, несмотря на ревностное желание, не могли научиться. Впрочем, я пустился в такое длинное объяснение по поводу стремления к научным занятиям, обнаруженного и стариками и молодыми, с целью дать понятие о вышеупомянутом короле[1].

[1] Этими словами заканчивается или, лучше сказать, прерывается в манускрипте сочинение Ассерия; последующая затем вставка о смерти Альфреда в 900 г. сделана чужой рукой какого-нибудь монаха, которому досталась рукопись и который счел нужным приложить заключение.

Год воплощения Господня 900-й. Альфред правдолюбивый, муж на войне, повсюду деятельный, король западных саксов благороднейший, благоразумный, богобоязненный и мудрейший, в этом году отошел к жизни вечной после того, как правил всей Англией, исключая тех стран, которые были покорены датчанами (Dacis), ко всеобщему горю своих людей, за 7 дней перед ноябрьскими календами (по-нашему 25 октября), в 29-й год с половиной своего правления, жизни же своей 51-й, индикта четвертого. Его погребли с королевскими почестями в королевском поместье Винтонии (Виндзоре) в церкви св. Петра, князя апостолов; мавзолей же ему, как известно, был сделан из драгоценного порфирного мрамора.

Annal. rer. gest. Aelfredi Magni. Ed. Wise. Oxonii, 1722, с. 3–72.

Райнер Дози

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИСПАНИЯ В IX в. (в 1861 г.)

Никогда еще двор султанов испанских не отличался таким блеском, как в царствование Абдерама II (или Абдар-Рахмана, 822–852 гг.), сына и наследника Гакама I[1]. Страстно полюбив удивительную расточительность калифов багдадских, их пышную жизнь и обстановку, этот монарх окружил себя многочисленной свитой, украсил свою столицу, построил стоившие больших издержек мосты, мечети, дворцы и развел обширные и великолепные сады, в которых водопроводы заменяли горные ручьи. Он любил занятия поэзией, и если стихи, которые он выдавал под своим именем, не всегда принадлежали ему, зато он щедро награждал поэтов, оказавших ему пособие. Вообще, он был мягок и снисходителен до слабости. Так, он оставлял без наказания слуг, воровавших даже на его собственных глазах. Во всю свою жизнь он добровольно подчинялся, по очереди, господству факира, музыканта, женщины и евнуха.

Тот факир был Ягиа (Iahya), родом варвариец, отличившийся еще прежде как главный зачинщик народного бунта, обнаружившегося в городском предместье. Неудача этого покушения убедила его в том, что он вступил на ложную дорогу; он понял тогда, что для приобретения власти мусульманское духовенство, вместо вражды к калифу, должно показывать ему преданность и искать в нем точку опоры для себя. Хотя его горячая и необузданная натура трудно ладила с ролью, принятой им на себя, тем не менее его бесцеремонность, грубая откровенность и дикие выходки мало вредили ему во мнении снисходительного Абдерама, который, помимо своего философского настроения, был весьма набожен и принимал вольности надменного ученого за порывы добродетельного негодования. Он терпеливо переносил его смелые и подчас дерзкие речи, кротко подчинялся суровым наказаниям, налагаемым на него этим опекуном, и склонял голову

[1] Первые калифы от основания Кордовского калифата с середины VIII в. и в течение IX в.: Абдерам I (756–788), Гакам I (788–822), Абдерам II (822–852), Мухаммед I (852–886), Аль-Мусир (886–889), Абдаллах (889–912). Всю первую половину X в. занимает правление сына последнего, Абдерама III (912–961).

Мухаммед при осаде крепости Бан ар-Надир.
Миниатюра из арабской «Всемирной истории», написанной в XIV в. Лондон

перед властью религиозной трибуны, предоставляя ей не только управление духовными делами, но и судебные определения. Пользуясь уважением калифа, находя поддержку в большой части факиров и в среднем сословии, которое его боялось, в простом народе, которого дело со времени бунта было с ним общее, наконец, имея своими сторонниками известных поэтов, класс людей, заступничеством которого никто не пренебрегал, Ягиа приобрел безграничную власть. При всем том, он не имел никакой должности, не занимал никакого официального положения в обществе, и если всем управлял, то причиной того была единственно слава его имени. Будучи деспотом в глубине души, Ягиа, несмотря на то, что прежде порицал деспотизм, предался ему без зазрения совести сам, лишь только представлялся тому благоприятный случай. Судьи, желая удержать свои места, делались слепыми орудиями его повелений. Калиф, у которого по временам являлась прихоть освободиться из-под влияния, какое присвоил себе над ним Ягиа, должен был впоследствии давать ему неудобоисполнимые обещания, чтобы склонить его снова на свою сторону. Всякого, имевшего смелость сопротивляться, он подавлял; если же ему хотелось отделаться от нелюбимого им кади, то он обыкновенно обращался к нему с такой фразой: «Подавай твою отставку!»

Влияние музыканта Зириаба на Абдерама II было также велико, хотя оно происходило в другой сфере. Зириаб был родом из Багдада. По происхождению, кажется, персиянин и клиент калифов аббасидских, он учился музыке у знаменитого певца Исаака Мосили. Однажды Гарун аль-Рашид спросил этого последнего, не может ли он представить ему какого-нибудь нового певца. «У меня есть ученик, который поет довольно хорошо благодаря полученным им от меня урокам,– отвечал Исаак,– и я имею некоторое основание думать, что он сделает мне на этот раз честь».– «Скажи ему, чтобы явился ко мне»,– отвечал калиф. Будучи представлен монарху, Зириаб с первого раза приобрел его уважение своими отличными манерами и тонким обращением. Когда Гарун спросил Зириаба об его артистических познаниях, то Зириаб отвечал: «Я знаю то же, что и другие знают; но, кроме того, я умею петь так, как другие не умеют. Впрочем, я применяю свою методу к делу только перед такими опытными знатоками музыки, как ваше величество. Если ваше величество позволите, то я начну издавать такие звуки, которые не касались еще ни одного уха». Калиф позволил – и певцу предложена была лютня его учителя. Но Зириаб отказался от нее и потребовал лютню, изобретенную им самим. «Почему ты отказываешься от лютни Исаака?» – спро-

сил его калиф. «Если вашему величеству желательно, чтобы я пропел что-нибудь по методе моего учителя,– отвечал Зириаб,– то я готов аккомпанировать на его лютне; но если вам угодно узнать методу, изобретенную мной самим,– в таком случае для меня необходима моя собственная лютня». Затем Зириаб объяснил калифу, каким образом он сделал свою лютню, и сыграл на ней сложенную им песню. Эта песня была похвальная ода Гаруну, которой этот последний до такой степени был очарован, что стал жестоко упрекать Исаака за то, что тот гораздо раньше не представил ему этого дивного певца. Исаак извинялся тем – и это было справедливо, – что Зириаб тщательно скрывал то, над чем работал его гений; но лишь только Исаак нашел случай остаться один на один со своим учеником, как обратился к нему с такой речью: «Ты жестоко меня обманывал, скрывая от меня силу своего таланта. Теперь откровенно скажу тебе, что я ревную тебя: так вообще бывает с артистами, что они, получив одинаковое образование и уравнявшись друг с другом в достоинстве, начинают потом соперничать между собой. Ты привлек, сверх того, на свою сторону калифа, и я уверен, что скоро благосклонность, которой я пользуюсь у него, будет перенесена на тебя; а этого я не прощу никому, хотя бы то был родной сын, и только потому, что во мне осталось еще чувство благорасположенности к тебе, как моему ученику, потому только я не решаюсь убить тебя и поступить с тобой так, как мог бы... Теперь предоставляю тебе выбирать одно из двух: или уходи отсюда подальше и дай слово, что я никогда не услышу более речей о тебе, и тогда я отпущу тебе на покрытие твоих нужд денег столько, сколько тебе заблагорассудится, или оставайся, наперекор моему желанию, здесь, но предупреждаю тебя, что в последнем случае я подвергну риску тело и имущество, только бы погубить тебя. Итак – выбирай!» Зириаб не затруднился в выборе: он покинул Багдад, как только получил обещанные ему Исааком деньги. Немного спустя калиф снова приказал Исааку привести к нему своего ученика. «Я очень скорблю, что не могу удовлетворить вашего желания,– отвечал ему музыкант,– в этом молодом человеке поселился бес; он рассказывает, будто бы гении ведут с ним беседу и внушают ему те песни, которые он слагает; он до того возгордился своим талантом, что мечтает, будто равного ему нет в целом мире. Не получая от вас ни награды, ни нового приглашения, он пришел к той мысли, что вы не оценили по достоинству его способностей: это взбесило его до того, что он поспешил уехать. Я не знаю, где он находится в настоящее время, но воздайте, государь, благодарение Вечному за то, что этот человек исчез: с ним случаются припадки бешенства, и в эти минуты страшно бывает глядеть на него». Калиф, до крайности опечаленный отъездом молодого музыканта, подававшего такие большие надежды, удовлетворился, однако, доводами, которые предоставил ему Исаак. В словах старого маэстро была некоторая доля правды: во время сна Зириабу действительно чудилось, будто бы он слышит пение гениев. Тогда он внезапно пробуждался, вскакивал с постели, звал Жазлану и Гонаиду, двух молодых женщин своего сераля, заставлял их брать свои лютни, передавал им песню, слышанную во сне, а сам записывал слова. За всем тем – это не было сумасбродство: Исаак очень хорошо знал это. В самом деле, какой истинный артист – верующий ли то в гениев или неверующий – не испытывал этих минут душевного волнения, нелегко поддающегося какому-нибудь определению, но которое, как кажется, заключает в себе некоторую долю сверхъестественного?

Зириаб отправился на запад с целью искать там счастья. По прибытии в Африку он в письме к Гакаму I, калифу Кордовскому, высказал свое желание остаться при дворе. Государь до того был очарован этим письмом, что в своем ответе на него умолял музыканта прибыть со всей свитой в Кордову, пообещав ему при этом весьма значительное жалованье. Зириаб переплыл Гибралтар со своими женами и детьми; но лишь только высадился у Алжезира, как получил известие, что Гакам умер. Разочарованный до крайности этой новостью, он уже порешил было возвратиться в Африку, но еврейский музыкант Мансур, посланный Гака-

мом ему навстречу, отклонил Зириаба от этого намерения, выставив ему на вид, что Абдерам II любит музыку не меньше своего отца и что, без сомнения, он станет награждать с щедростью артистов. То, что случилось с Зириабом далее, доказало, что его не обманывали. Абдерам II, узнав о прибытии Зириаба, послал ему письмо с просьбой поспешить приездом к его двору; вместе с тем послал предписание правителям областей обходиться с ним с величайшей почтительностью и вдобавок выслал к нему навстречу одного из главных евнухов, ослов и разные подарки. По приезде в Кордову ему отведена была роскошная квартира. После утомительного путешествия калиф назначил ему трехдневный отдых; по окончании этого срока Зириаб поспешил отправиться во дворец. Как только он явился к султану, последний начал разговор относительно условий, на которых он хотел удержать музыканта в Кордове. Условия были великолепные: Зириабу определена была пенсия, состоявшая из двухсот золотых монет в течение каждого месяца и четырех подарков в год; положено было выдавать ему тысячу золотых монет по случаю каждого из двух великих мусульманских праздников, пятьсот в Иванов день и столько же в день Нового года; сверх того, он получал в год 200 мер ячменя и 100 пшеницы,– наконец, в его владение поступало известное количество домов, полей и садов; в общей сложности это составляло капитал в 40 тысяч золотых монет. Обеспечив так богато судьбу музыканта, Абдерам уже после того попросил его спеть; когда Зириаб исполнил его желание, то калиф до того увлечен был его удивительным талантом, что не хотел уже слушать другого певца. Вскоре он вступил с ним в самые близкие отношения, с любовью беседовал с музыкантом об истории, поэзии и разных науках и искусствах, так как этот необыкновенный певец обладал еще весьма обширными познаниями. Не говоря уже о том, что он был превосходный поэт и знал наизусть слова и песни 10 тысяч певцов, он отличался еще познаниями астрономическими и этнографическими, и ничего не могло быть занимательнее его рассказов о различных странах и нравах их обитателей. Но то, что поражало в нем еще более, чем обширная ученость,– это его ум, вкус и в высшей степени изящные манеры. В ловкости, с какой он умел вести остроумную болтовню, в тонком чувстве изящного и удачном суждении обо всем, в грациозности и кокетливости одежды, в умении устроить праздник или обед – во всем этом он был решительно неподражаем. Вот почему на него смотрели, как на первого человека, как на образец во всем, что касалось хорошего тона, и в этом отношении он действительно стал законодателем для испанского араба. Сделанные им нововведения были смелы и многочисленны; он, можно сказать, произвел решительную революцию в нравах и обычаях страны. До него носили волосы длинные, с пробором на лбу; для сервиза употреблялись золотые или серебряные вазы и льняные скатерти; при нем волосы стали стричь в кружок, а на столах появились вазы из стекла и скатерти из кожи: так хотел Зириаб. Для каждого сезона он предписывал особенную форму платья и внушил испанским арабам, что спаржа, о которой они до сих пор не имели понятия, составляет самое лучшее кушанье; многие из блюд, изобретенных им, удержали его имя; вообще его брали за образец даже в малейших подробностях великосветской жизни, и, в силу судьбы, быть может, единственной в летописях мира, имя этого очаровательного эпикурейца пользовалось известностью до последних времен владычества мусульман в Испании, наряду с именами знаменитых ученых, великих поэтов, полководцев, министров и королей.

Впрочем, хотя Зириаб приобрел большую власть над Абдерамом, и народ обращался предварительно к нему со своими просьбами, когда хотел довести их до калифа, но в делах политических Зириаб мало принимал участия. Он слишком любил жизнь для того, чтобы терять время на толки о государственных делах; составлять интриги или вести переговоры среди праздничных удовольствий – все это считалось у него признаком чрезвычайно дурного тона: занятия подобными делами он предоставлял жене калифа Таруби и евнуху Насру. Таруб имела натуру эгоистическую и черствую, способную к интригам и снедаемую

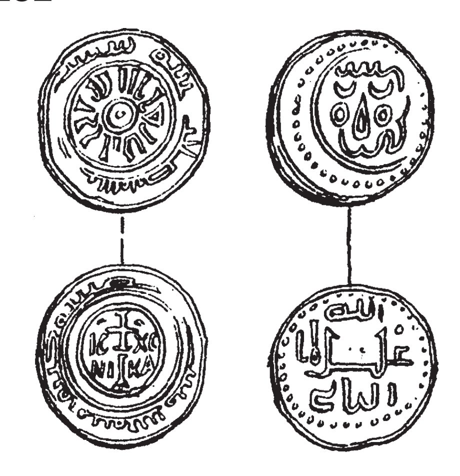
ненасытной жаждой золота. Она продавала своему мужу не любовь свою – подобные женщины чужды ее,– но обладание собой: то за какое-нибудь баснословной цены ожерелье, то за мешки золота, которые калиф ставил у ее двери, она соглашалась отворить ее. Бессердечная, скупая и хитрая, она вошла в дружбу с человеком, составлявшим совершенное ее подобие: это был вероломный и жестокий Наср. Сын испанца, не умевший даже говорить по-арабски, этот евнух ненавидел истинно благочестивых христиан, как только то может вероотступник.

В таком положении находился двор в ту эпоху. Что же касается страны, то она была далеко неспокойна. В провинции Мурсии происходила война между иеменитами и маадритами, продолжавшаяся семь лет. В Мериде были постоянные волнения: христиане этого города вступали в сношения с Людовиком Благочестивым и заключали с ним союзы. Толеда также бунтовалась, и по соседству этого города совершалась настоящая резня.

Вскоре после завоевания (711 г.) толедцы успели уже возвратить себе утраченную независимость и разрушили замок Амру. Для того чтобы вновь завладеть этой добычей, Гакам I употребил новую хитрость. Выехав из Кордовы под предлогом произвести набег на Каталонию, он расположился лагерем в области Мурсии. Извещенный потом своими шпионами, что толедцы так мало заняты мыслью об опасности, что забыли даже запереть на ночь ворота своего города, он мгновенно очутился перед воротами и, найдя их открытыми, овладел городом, не употребив в дело меча. Затем он предал огню все дома в лучшей части города; в числе сгоревших оказался и дом молодого ренегата по имени Гашима. Этот человек пришел в Кордову совершенным бедняком и для приобретения средств к жизни поступил в кузнецы. Потом, сгорая жаждой мщения за свои личные оскорбления, а также своих сограждан, он образовал заговор в среде рабочего класса Толеды и оставил Кордову с тем, чтобы возвратиться в свой родной город, где он стал во главе черни, изгнавшей солдат и партизанов Абдерама II (829 г.). Затем Гашим прошел всю страну со своей шайкой, грабя и сжигая города, населенные арабами и варварийцами. С каждым днем эта шайка становилась все более грозной: работники, поселяне, рабы, искатели приключений разного рода со всех сторон стекались, чтобы присоединиться к ней. По приказанию Абдерама пограничный правитель Мухаммед ибн-Вазим выступил с войском против этих разбойников, но вынужден был отступить, а кузнец, между тем, в продолжение целого года продолжал свои неистовые опустошения. Наконец правитель, получивший подкрепление, а вместе с ним строгий выговор от калифа за свою оплошность, снова сделал наступательное движение, и на этот раз с большим успехом. После продолжительного сражения шайка, потерявшая своего вождя, была рассеяна.

Впрочем, Толеда сохранила свою свободу. В 834 г., по приказанию калифа князь Омай осадил город; но толедцы храбро отразили приступ, так что Омайя, разорив одни окрестные деревни, вынужден был снять осаду и возвратиться в Кордову. Толедцы, заметив удаление вооруженного неприятеля, вознамерились истребить его во время самого отступления, но Омайя оставил у Калатравы военный отряд под начальством ренегата Мезара, который, узнав о намерении толедцев, устроил им засаду. Застигнутые врасплох, толедцы потерпели страшное поражение. По обычаю, солдаты принесли своему предводителю головы неприятелей, убитых во время схватки; но в сердце ренегата не погасла еще любовь к своей нации. При виде этих обезображенных голов в нем проснулось патриотическое чувство, и он, горько упрекая себя за преданность к притеснителям отечества, умер спустя несколько дней от стыда и печали.

Несмотря на то, что калиф время от времени беспокоил Толеду, он был не в состоянии поработить ее совершенно, пока в ней царствовало согласие. К несчастью, оно было непродолжительно. Нам неизвестно, что произошло в городе в то время, но что случилось прежде, в 873 г., заставляет подозревать, что здесь возникло снова несогласие между ренегатами и христианами. Один толедский начальник по имени



Арабские монеты с Сицилии

Ибн-Моаджир и, как кажется, ренегат, удалился со своими партизанами из Толеды и предложил свои услуги правителю Калатравы, который охотно принял его предложение. В совете эмигрантов решено было опустошить и ослабить город, и князь Валид, брат калифа, получил общее распоряжение осадой. Год длилась осада и произвела уже в городе много опустошений, когда переговорщик, высланный арабским предводителем, посоветовал толедцам сдаться, приняв в соображение то, что в противном случае их принудят к сдаче силой и что поэтому лучше было бы для них воспользоваться временем, когда они могут надеяться на некоторые условия. Но толедцы отвергли этот совет. К несчастью для них, переговорщик, бывший свидетелем их храбрости и отваги, был также очевидцем их неудач и слабости. Поэтому, возвратившись в свой лагерь, он предложил штурмовать город. Дело окончилось взятием Толеды приступом после того, как она уже восемь лет пользовалась полной независимостью (837 г.). Летописцы не говорят нам, каким образом калиф обошелся с жителями города, и упоминают об одном: что Абдерам потребовал выдачи заложников и постройки вновь замка Амру.

Последние годы правления Абдерама II ознаменовались восстанием христиан, которое вспыхнуло в самой Кордове и носило совершенно особенный характер, обусловленный отношением христианского мира к мусульманскому в ту эпоху. Большая часть христиан и, притом самая образованная, не жаловалась на свою судьбу под властью мавров: их не преследовали, и они довольствовались тем. Многие из них служили в армии, занимали выгодные места при дворе или в палатах знатных арабов. Они подражали своим властелинам во всем, что видели у них: содержали гаремы и предавались всем восточным порокам. Пораженные блеском арабской литературы, христиане не уважали латынь и сами писали по-арабски. Один из писателей того времени, Альваро, истинный патриот, горько жаловался на своих единоверцев: «Они предпочитают,– говорил он,– поэмы и романы арабов, изучают богословов и философов мусульманских не с целью опровергать их, но приобрести хорошие обороты арабской речи. Где теперь найти мирянина, который читал бы латинские толкования к Священному Писанию? Кто читает Евангелие, пророков и апостолов? Увы! Все юноши, более способные, знают один арабский язык, читают только арабские книги, образуют из них библиотеки и везде кричат о превосходстве арабской литературы. Заговорите с ними о христианских книгах, они отзовутся о них с презрением. Вот несчастье! Христиане забыли свой язык, и на тысячу не найдется одного, который мог бы читать полатыни со своим другом»...

Наполовину обарабленные, христиане Кордовы хорошо уживались с чужеземным игом. Но чувство национального достоинства и уважение к самому себе погасли не во всех. Оставалось несколько великодушных, которые пренебрегали почестями при дворе и сожалели об утраченной независимости. В особенности были недовольны лица духовные, и во главе их стоял писатель того времени, Евлогий, вступивший в тесную дружбу с Альваро. Но открытое восстание было невозможно, и христиане решились на пассивное сопротивление, вынуждая противников прибегать к жестоким мерам, которые увлекли бы, наконец, и умеренных христиан, а с другой стороны, доводили бы мусульман до несправедливостей. Так и случилось. В Кордове жил

весьма скромный купец Иоанн, никогда не помышлявший о мученичестве. Занятый своими оборотами, он делал хорошие дела и, зная, что имя христианина не составляет особенной рекомендации в глазах мусульман, он имел обычай, оставаясь добрым христианином, в то же время при продаже товара клясться именем Магомета в его доброкачественности: «Клянусь Магометом, это лучшего сорта! Магомет – порука, и да благословит его Аллах, вы ни у кого не найдете лучше!» – вот его обыкновенные восклицания, и долгое время он в том не раскаивался. Но его соперники по торговле, завидуя его богатству, сказали ему однажды: «У тебя всегда на языке имя пророка, чтобы тебя приняли за мусульманина; но это обидно, что ты клянешься им всякий раз, именно когда хочешь обмануть». Дело дошло до кади, и Иоанн был жестоко наказан. Такие сцены начали повторяться часто, и в два месяца произошло 11 случаев смертной казни. Ревнители торжествовали; но умеренные, опасаясь крайнего раздражения мусульман, восстали против мученичества и говорили им: «Калиф дал нам свободу исповедания и не теснит нас: к чему же служит фанатизм? Те, кого вы называете мучениками, более похожи на самоубийц, и их действия основаны на чувстве гордости, источнике всех пороков. Если бы они знали хорошо Евангелие, то нашли бы там место: «Любите ваших врагов и делайте добро ненавидящим вас». Вместо того, чтобы проклинать Магомета, им следовало бы помнить, что хулители не наследуют царства небесного». Евлогий отвечал на это своим сочинением «Памятник святых», которое призывало всех к мученичеству. Правительство мусульманское, понимая хорошо, как бывают для толпы заразительны сцены казней, и видя оппозицию в самих христианах, и даже духовных, решилось созвать собор епископов, который должен был осудить мученичество; присутствовать на этом соборе вместо самого калифа было назначено христианину Гомецу, состоявшему на службе у мусульман.

Председатель собора Реккафред, епископ Севильи, открыл заседание. Гомец произнес речь, в которой просил епископов остановить несвоевременную ревность партии действия, осудить их не как святых, но как людей, подвергающих даром опасности своих соотечественников; он предложил епископам издать декрет в том смысле, и от себя посадить в темницу людей, которые бы восстали против соборного постановления. Против этого предложения восстал один епископ Кордовы, Саул; он принял сторону партии действия не столько по убеждению, сколько из желания заставить забыть свои прежние поступки. Избранный духовенством в епископы, он не мог долго получить утверждения калифа, и обещал евнухам 400 золотых монет из доходов будущего епископства. Получив таким образом место, Саул старался загладить дурную славу о себе, принял сторону партии действия, являлся во главе процессии всякий раз, когда христиане хоронили кого-нибудь из казненных мусульманами, а теперь на соборе опровергал предложение Гомеца. Но другие епископы не разделяли его мнения и составили декрет, если не осуждавший мученичество, то запрещавший добровольно ему подвергаться и искать его преднамеренно. Глава же Испанской церкви, архиепископ Севильи, дал обещание Гомецу строго преследовать тех, которые будут возбуждать к мученичеству. Действительно, по распоряжению собора были арестованы Саул, Евлогий и многие другие; но через пять дней их выпустили, и Саул даже совершенно подчинился декрету. Остался противником его один Евлогий; начались новые жертвы, и 15 сентября 852 г. казнили одного монаха вместе с юношей за то, что они вошли в главную мечеть и громко, во всеуслышание, кричали: «Для верных настало Царство Небесное, а вы, неверные, будете поглощены адом». Кади едва спас их от ярости толпы и казнил их в темнице.

Шесть дней спустя после этого события внезапно скончался Абдерам II. Он оставил сына Абдаллаха от последней жены Таруби, и от предыдущих 45, из которых старшим был Мухаммед. Так как отец не сделал никакого распоряжения, то евнухам предстояло решить вопрос о наследстве, а претенденты еще ничего не знали о смерти отца. Дворец был накрепко заперт, и евнухи начали свои совещания. Приверженцы

Таруби, подкупленные ею, приняли сторону Абдаллаха, и нашелся только один, осмелившийся сказать, что развратная жизнь сына Таруби подвергнет опасности и евнухов, и всю власть мусульман в Испании: «Я предлагаю вам Мухаммеда, благочестивого и безукоризненных нравов».– «Но он скуп и строг»,– заметили евнухи.– «Но как же он мог быть щедрым,– отвечал им защитник,– если у него до сих пор ничего не было». Евнухи избрали своим депутатом Садуна, бывшего врагом Мухаммеда, чтобы примирить его с ним. Ночь еще не кончилась; надобно было пройти на другую сторону города через мост, где жил Мухаммед; но на мост нельзя было попасть иначе, как через двор Абдаллаха. Садун имел ключи от мостовых ворот, а через двор Абдаллаха пройти было легко, потому что у него еще не окончилась ночная пирушка. Евнух застал Мухаммеда в ванне и объявил ему избрание; но тот, зная вражду Садуна, умолял пощадить его жизнь и давал слово удалиться из Испании. Наконец Мухаммед уверился и в женском платье под видом своей сестры отправился во дворец калифов. Стража Абдаллаха была обманута тем, но привратник Абдерама II не впускал их до тех пор, пока своими глазами не удостоверился в смерти калифа. Тогда только он открыл дверь и, поцеловав руку Мухаммеду, впустил его.

Мухаммед I (852–886 гг.) принял присягу от высших сановников и позаботился о необходимых мерах, чтобы предупредить всякое сопротивление со стороны своего брата. Когда первые лучи солнца осветили вершины Сьерра-Морены, столица узнала, что она имеет другого повелителя.

Hist. des Musulmans d'Espagne. Leyde. 1861, t. II, c. 87–157.

Франсуа Гизо

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФЕОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА (в 1829 г.)

Феодальная эпоха, собственно говоря, охватывает собой XI–XIII столетия. Но прежде, чем познакомиться с ней в том окончательном виде, который она приняла в эпоху своего полного развития, нам необходимо составить себе точное понятие о происхождении феодализма и проследить его *поступательное* развитие от V до X в. Я не без намерения назвал его развитие поступательным: никакое великое дело, никакое общественное состояние не выходит на свет внезапно и во всей своей целости; развитие их всегда бывает медленное, постепенное: оно есть результат множества фактов из разных эпох, различного происхождения, которые видоизменяются и переплетаются друг с другом на тысячи способов прежде, нежели успеют образовать что-нибудь целое в ясной систематической форме, с определенным именем и начать свою долгую жизнь.

Эта истина с первого взгляда кажется столь очевидной, что было бы излишне о ней напоминать, а между тем ее часто забывают. Вообще, всякую историческую эпоху начинают изучать уже тогда, когда она перестала существовать, и то и другое состояние общества исследуется в первый раз только когда оно совершенно исчезло. Такая эпоха, такое общественное состояние являются духу наблюдателя и историка в своей целости, в своих законченных формах. Потому историк легко поддается вере, что наблюдаемое им всегда существовало таким образом; он невольно забывает, что то, что является перед ним вдруг во всем своем полном развитии, имело также свое начало, росло и в течение такого роста подвергалось тысячи видоизменений; а он хочет видеть эти факты и ищет их повсюду такими, какими их познал и увидел в момент наибольшей зрелости. Это обстоятельство породило тысячи заблуждений, весьма важных даже в самой истории отдельных людей, целость которых и определенность гораздо более велика и осязательна, неже-

ли история общества. Откуда взялось столько противоречий и колебаний в суждениях относительно нравственного значения Магомета, Кромвеля, Наполеона? Откуда все предположения о их чистосердечии и притворстве, их эгоизме и любви к родине? Все потому, что хотят в них видеть вдруг все идеи, которые развивались последовательно; забывают, что эти люди, не теряя существенного единства в образе своих действий, много и беспрерывно изменялись, что с превратностями их внешней судьбы совпадали внутренние перевороты, незаметные для их современников, но тем не менее влиятельные и могущественные. Если бы можно было проследить их жизнь шаг за шагом, от появления на свет до смерти, быть очевидцем скрытой работы их нравственной природы среди вращения и деятельности практической жизни, тогда исчезли бы сами собой или, по крайней мере, ослабли те противоречия и запутанность во взглядах, которым удивляешься невольно; только тогда можно было бы их понять и постигнуть во всем объеме истины.

Если так бывает с историей неделимых существ, самых простых из всех и жизнь которых так коротка, то что же должно случиться с историей целых обществ, явлений, весьма обширных, сложных и продолжающихся по целым векам! Тут всего опаснее не обратить внимания на разнообразие источников, сложность и медленность развития. Самый резкий пример представляет в этом отношении нам вопрос о феодализме. Мы укажем только на одних французских ученых и публицистов: Шантеро-Лефевр, Сальвен, Брюссель, Буленвиллье, Дюбо, Мабли, Монтескье и других; каждый из них составил себе свою, отличную от других, идею. А откуда произошло это различие? Все они хотели еще в колыбели феодализма найти все его начала в целости, как то было в эпоху полного их развития... Между тем не нужно забывать, что феодализм употребил целых пять веков для своего окончательного формирования и что потому многочисленные его элементы, на этом длинном протяжении времени, относятся к различным эпохам и имеют весьма различные источники своего происхождения.

Для успешного решения нашего вопроса необходимо: 1) определить с точностью, из каких материалов и из каких существенных основ состоял тот общественный быт, который мы называем феодальным, то есть материалов, которые отличали бы его от всякого другого быта; 2) проследить эти материалы во всех их последовательных реформах или поодиночке, или в различных их соприкосновениях и сочетаниях, из которых по истечении пяти веков вышел феодализм.

Существенный характер феодального начала, по моему мнению, может быть приведен к трем чертам: 1) *особое значение поземельной собственности*, собственности осязательной, полной, наследственной и в то же время полученной от высшего лица, налагающей на своего владетеля, под страхом ее лишения, известные личные обязательства и далеко не представляющей той независимости, какой пользуется собственность в настоящее время; 2) *тесное слияние понятия собственности с понятием о верховной власти*, то есть приписывание владетелю земли над ее обитателями всех или почти всех прав, совокупность которых составляет верховную власть, принадлежащую в наше время одному правительству, публичной силе, и 3) *стройный чин постановлений законодательных, судебных, военных*, связующий между собой поземельных владетелей и превращающий их таким образом в органическое общество. А потому и нам предстоит изучить в феодализме: 1) историю поземельной собственности, то есть характер земли; 2) историю верховной власти и условий общественного быта, то есть характер лица, и 3) историю всего политического быта, то есть учреждений.

I. *Земля*. В конце X в., когда феодализм сложился окончательно, поземельная феодальная собственность носила название fief (feodum feudum). Брюссель, писатель, полный здравого смысла и научных сведений, в своем «Examen de l’usage général des Fiefs aux XI, XII, XIII et XIV siécles», говорит, что слово *fief* первоначально обозначало не саму землю, не материальное ее пространство, но то, что на языке феодальном назы-

валось *mouvance de la terre*, то есть зависимость земли, ее отношения зависимости к тому или другому сюзерену, верховному владетелю. «Таким образом,– говорит он,– если король (Французский) Людовик Юный засвидетельствовал хартией 1167 г., что граф Генрих Шампанский в его присутствии уступил *fief* de Savegny (поместье Савеньи) епископу города Бове, то под этим нужно понимать, что он возложил на этого епископа зависимость (mouvance) по поместью Савеньи; так что эта земля, до тех пор принадлежавшая непосредственно графу Шампани, с этой минуты только зависела от него, как arrière-fief, пра-фьев»[1]. Я полагаю, Брюссель ошибся: невероятно, чтобы название феодальной собственности выражало первоначально одно качество, признак ее, а не саму вещь. Когда начали давать первые поземельные участки, обратившиеся в феод, то, без сомнения, давали не одну власть над ними, но и саму землю. Впоследствии, когда феодализм и его идеи приобрели значительное развитие и прочность, тогда только могли говорить о *mouvance*, о зависимости земли, данной одному другим, и выражать ее особенным словом. В эту позднейшую эпоху сделалось возможным употребление слова *fief* вместо *mouvance*, помимо самого куска земли. Но не таково было значение первоначального слова *feodum*; владение и зависимость были, без сомнения слиты, как на деле, так и на языке. Как бы то ни было, само выражение *feodum* встречается довольно поздно в исторических документах. Оно появляется в первый раз в хартии Карла III Толстого в 884 г., и повторено три раза; почти в ту же эпоху оно встречается и в других местах. Происхождение этого слова неточно и толкуется различно. По мнению одних (так думают по большей части французские юристы, и в числе их Кюжас), слово *feodum* латинского корня, происходит от *fides*, верность, и обозначает такую землю, владение которой обязывает верностью к сюзерену. По другим и особенно немецким писателям, *feodum* – германского корня и происходит от двух древних слов, из которых одно утрачено, а другое существует во многих языках и, главным образом, в английском: *fe, fee* – пожалование, награда и *od*,– собственность, имение, владение; таким образом, feodum есть жалованная собственность. Немецкий корень слова мне кажется более правдоподобным, нежели латинский: во-первых, по построению самого слова; во-вторых, это слово, появившись на нашей территории, было принесено из Германии; наконец, в древних памятниках латинских этот род собственности носил и другое название – *beneficium* (пожалование). Это последнее выражение встречается во всех исторических документах от V до X в. и выражает собой очевидно ту же собственность, которая с конца IX в. получила название *feodum*. И после того долгое время оба эти слова оставались синонимами; даже в самой хартии Карла III Толстого и до хартии императора Фридриха I в 1162 г. *feodum* и *beneficium* употребляются безразлично. Потому для изучения истории феода в V и до IX в. необходимо знать историю *бенефиции*; сказанное о последних будет относиться и к первым, потому что оба слова в разные эпохи выражают собой один и тот же факт.

С первых годов нашей истории, сразу после вторжения и утверждения германцев на галльской почве, начали являться бенефиции. Этот род поземельной собственности противопоставлялся другому, называвшемуся *алодом* (alodium). Алод обозначал такую землю, которую владетель не получал ни от кого, и которая не налагала на него никаких обязанностей в отношении кого-либо. Есть причины думать, что первыми алодами были те земли, которые присваивались в различных формах, без всякого систематического разделения, германскими победителями, франками, бургундами или визиготами. Такого рода земли были вполне независимы: их получали, вследствие победы, по жребию, но не от предводителя, и называли *alod*, то есть *lot* (нем. Loos), жребий, по толкованию одних, а по другим *al od*, то есть независимая собственность.

---

[1] В переводе западного выражения *arrière-fief* мы пользуемся нашим выражением степеней родства, потому что и во французском языке степени родства выражаются одинаково со степенями феодальной зависимости: arrière-petit-fief, правнук.

Напротив, слово *beneficium* (благодеяние) обозначало, как то видно из этимологии, землю, полученную от предводителя в качестве вознаграждения, пожалования, и которая потому налагала на получившего известные обязанности, известную службу по отношению к последнему. Германские предводители для привлечения к себе дружинников дарили им оружие, лошадей, кормили их и содержали. За этими подарками из движимой собственности последовали дарения землей, или, по крайней мере, присоединились к первым. Но это должно было и на самом деле произвело важную перемену в отношениях предводителя к членам своей дружины. Подарки оружием, лошадьми, пиршества удерживали дружинников около предводителя в общей всем жизни. Напротив, дарения землей делались причиной неизбежного разделения между ними. Из числа людей, которым предводитель дал бенефиции, многие изъявили скоро желание идти для утверждения в свои земли, жить в своем владении и образовать около себя центр маленького общества. Так, по одной своей природе новый способ предводителей награждать дружину рассеял ее и изменил все общественные формы и основы.

Но этот новый способ повлек за собой и другие результаты: количество оружия, лошадей, вообще всякой движимости, которую мог раздавать предводитель, не было ограничено; это было делом грабежа, и новый набег приносил новые средства к раздаче. Но другое представляет поземельная собственность: конечно, Римская империя была велика, чтобы скоро разделить ее, но тем не менее это – не неиссякаемый источник, и когда предводитель один раз роздал землю, у него не оставалось ничего для привлечения новых сподвижников, если он не хотел возобновить жизнь номада, переменять беспрестанно жительство и родину, и от чего германцы стали уже отвыкать. Это обстоятельство произвело двоякого рода факты, видимые повсюду, от V до IX в.: с одной стороны, раздаватели бенефиций употребляют усилия к возвращению их всякий раз, когда находят то удобным, чтобы иметь средства для приобретения новых сподвижников; с другой стороны, бенефициалы заботятся о том, чтобы утвердить за собой полное и неотменяемое владение землей и вместе с тем, чтобы снять с себя обязательство по отношению тех, от кого получены земли и с кем они не живут более и не разделяют своей судьбы. Следствием таких двух противоположных усилий было постоянное колебание в характере самой поземельной собственности: одни отнимают ее, другие удерживают силой, и обе стороны обвиняют друг друга в злоупотреблениях. Таков был факт, но в чем состояло право? В какую законную форму облеклись бенефиции и сама связь между давшим и получившим бенефицию?

Вот взгляд большей части историков-публицистов, в особенности Монтескье, Робертсона и Мабли. Бенефиции, полагают они, были: 1) совершенно временные, и давший мог потребовать их назад, когда бы захотел; 2) срочные, уступленные на определенное время, на один год, пять, десять лет; 3) пожизненные, данные на время жизни бенефициала; наконец, 4) наследственные. Произвол давшего, срок, пожизненность и наследственность – вот, по их мнению, четыре состояния, через которые прошли бенефиции от V до X в.; таково было поступательное развитие факта, начиная от эпохи завоевания до окончательного утверждения феодализма. Но я думаю, что такой взгляд будет опровергнут и свидетельствами истории, и нравственным вероятием...

Даже в IX в., когда, по той теории, бенефиции сделались наследственными, эта их наследственность не была еще очевидным правом и подвергалась сомнению. Вот пример, который покажет нам, каково было в ту эпоху настроение умов относительно этого вопроса: в 795 г. Карл Великий дал какому-то Иоанну, победившему сарацин в Барселонском графстве, поместье, называемое Fontes, близ Нарбоны, «с тем, чтобы Иоанн и его *потомство* пользовались им беспрепятственно, пока сохранят верность нам и нашим детям». В 814 г. Карл Великий умирает, в 815 г. тот же Иоанн является к Людовику Благочестивому по поводу полученного им в наследственное пользование поместья и просит об утверждении; Людовик утверждает и увеличивает его владения,

«с тем, чтобы Иоанн и его *сыновья* и их *потомство* владели в силу нашего пожалования». В 840 г. император Людовик и бенефициал Иоанн умирают оба; Теутфрид, сын Иоанна, является к Карлу Лысому, сыну Людовика, по поводу двух пожалований, просит снова утвердить их, и Карл снова соглашается «с тем, чтобы ты и твое *потомство* владели беспрепятственно». Таким образом, несмотря на наследственность владения, всякий раз, когда умирал давший или получивший, владетель бенефиции считал себя обязанным искать нового утверждения на собственность, до того первоначальная идея личных отношений и вытекавших из нее прав была глубоко врезана в умы людей того времени...

Из этого видно, что те четыре состояния бенефиций не следовали друг за другом, но встречались все вместе в каждую эпоху. Истинный характер перехода бенефиций в феоды, как то можно вывести из памятников, состоит в том, что постоянное стремление к наследственности восторжествовало наконец над прежними пожалованиями.

Когда совершился этот переход и бенефициальная собственность сделалась наконец неотъемлемой и наследственной, она сделалась в то же время и повсеместной, то есть всякая другая собственность принимала эту же самую форму. Как мы сказали выше, первоначально существовало большое число *алодов*, то есть собственностей, совершенно независимых, которые не получались ни от кого и не налагали никаких обязанностей. От V до X в. алодиальная собственность не исчезла совершенно, но уменьшалась все более и более, и бенефициальные условия начали распространяться на всякую поземельную собственность. Вот главные причины того.

Не надобно думать, что варвары, овладев римским миром, разделили его территорию на участки, более или менее значительные, и что каждый, взяв свою часть, утвердился в ней. Ничего подобного не случилось. Предводители, как люди с большим значением, усваивали себе большее количество земель, и главная часть их сподвижников, их людей, продолжала жить около них, в их доме, оставаясь при их особе. Но наклонность и потребность поземельной собственности не замедлили распространиться. По мере того, как оставлялись привычки бродячей жизни, большая часть людей пожелала сделаться собственниками. Деньги были притом редки; земля была, так сказать, монетой самой общей, самой ходячей; ее употребляли для уплаты всякого рода услуг. Владетели обширных земель раздавали их своим сподвижникам вместо жалованья. В капитуляриях Карла Великого сказано:

«Чтобы всякий управляющий в одном из наших поместьев, имея бенефицию, посылал бы в наше поместье доверенного для наблюдения, вместо него, за обработкой наших земель» (capit. de Villis).

«Чтобы те из конюхов, которые свободны и владеют бенефицией в месте своей службы, жили доходами со своих бенефиций» (capit. de Villis).

И всякий большой собственник, духовный или светский, как Эгингард, так и Карл Великий, уплачивали таким образом людям свободным за их труд. Это обстоятельство и было причиной быстрого разделения поземельной собственности и умножения числа небольших бенефиций.

Второй причиной того же явления была узурпация. Могущественные вожди, овладевшие пространной территорией, имели мало средств занять ее в действительности и предохранить от новых вторжений. Какому-нибудь соседу, первому пришельцу, было нетрудно присвоить себе ту или другую часть и утвердиться в ней. Так это и случилось во многих местах. Неизвестный автор «Жизни Людовика Благочестивого» представляет нам пример подобного расхищения[1]; совет епископов, данный Карлу Лысому в 846 г. для возвышения его достоинства и власти, свидетельствует о том же факте.

«Множество общественных земель,– говорили они ему,– расхищено у вас то силой, то хитростью, и по ложным представлениям и несправедливым требованиям обращено или в бенефиции, или в алоды. Мы считаем полезным и необходимым для вас

---

[1] Этот пример, о котором говорит автор, помещен в 6-й главе у Астронома, биографа Людовика Благочестивого. См. выше.

послать во все графства вашей монархии людей верных и твердых, как из светского, так и из духовного сословия; они тщательно проверят состояние тех имуществ, которые со времен вашего отца и деда принадлежали к числу королевских поместий, и тех, которые составляли бенефиции вассалов; они исследуют, на каком основании кто владеет, и донесут вам по справедливости.

Если вы найдете, что в пожалованиях или в овладении есть основание, польза, справедливость и чистота, то все останется в прежнем порядке. Но если вы заметите ложь, обман, то по совещании со своими верными исправьте зло так, чтобы правда, благоразумие и справедливость не были презираемы и чтобы ваше достоинство в то же время не пострадало. Ваш дом не может иметь слуг, хорошо исполняющих свои обязанности, если вам нечем вознаградить их труды и облегчить их бедность»[1].

Вот и еще причина, содействовавшая много к обращению всякой поземельной собственности в бенефицию: вследствие обычая, известного под названием *рекомендации* (recommendatio), множество алодов превратились в бенефиции. Владетель алода являлся к своему соседу, могущественному человеку, желая иметь в нем покровителя, и, держа в руке или клок дерна или древесную ветку, он уступал ему алод, который возвращался ему немедленно, но в качестве уже бенефиции, то есть для пользования им по новым правилам, с новыми обязанностями и также с правами своего нового состояния. Этот прием находился в связи с древними германскими обычаями относительно связей между предводителем дружины и ее членами. Еще тогда люди свободные рекомендовали себя другому, то есть выбирали себе предводителя. Но это отношение было совершенно личное и чисто свободное. Дружинник мог оставить одного предводителя и избрать другого всякий раз, когда ему то нравилось. Их сделка была чисто нравственной и основывалась на одной воле. По утверждении на территории первое время существовала та же свобода; можно было *рекомендовать* себя, то есть избирать покровителя, какого угодно, и потом переменить его на другого. Но по мере того, как слагалось новое общество, начались делаться попытки к упорядочению подобных отношений. Закон визиготов говорит:

«Если кто-нибудь дал оружие или другую вещь человеку, принятому под его покровительство, то подаренное остается в руках того, кто получил. Если этот последний избирает другого покровителя, то он волен рекомендовать себя кому угодно; того нельзя запретить человеку свободному, ибо он принадлежит самому себе, но он должен возвратить прежнему покровителю все, что он получил от него» (Leg. Visig. 1. V, tit. 3, I. 1).

В капитулярии Пипина, сына Карла Великого и короля Италии, мы читаем:

«Если кто-нибудь из занимавших часть земли, по истечении срока на нее, избирает другого господина, будет ли то граф или другой человек, то он имеет полное право удалиться; но он не удерживает ничего из имущества и возвращает все прежнему господину» (Bal., t. I, col. 597).

Потом пошли гораздо далее. В то время совершался переход от жизни бродячей к оседлой; надобно было прекратить подвижность, беспорядок, и на это были направлены усилия лучших людей того времени, заботившихся о прогрессе общественной жизни.

Карл Великий старался отчасти определить, в каком случае рекомендовавший себя может оставить своего покровителя, а отчасти обязать каждого свободного человека рекомендовать себя другому, то есть стать под власть и ответственность перед высшим. Вот что сказано в его капитуляриях:

«Никто из получивших от своего господина на один солид не может оставить его, разве господин захочет убить его или ударить палкой, или обесчестить его жену и дочь, или лишить его наследия» (Bal., t. I, col. 510).

«Если человек свободный оставляет своего господина против его воли и переходит из одного королевства в другое, то король не может принять его под свое покровитель-

[1] Baluz, t. II, col. 31.

ство и должен запретить своим людям принять к себе такого» (там же, col. 443).

«Никто не может купить лошади, вьючной скотины, быка или что-нибудь другое, не зная того, кто продает, или из какой он страны, где живет и кто его господин» (там же, col. 450).

В 858 г. епископы писали Людовику Немецкому:

«Мы, епископы, посвященные Богу, не обязаны, как светские, рекомендовать себя покровителю» (Там же, t. II, col. 118).

Карл Великий не достиг всего, чего хотел; долго после него господствовал крайний хаос в отношениях подобного рода; но его гений не ошибся относительно потребностей времени и работал в смысле общего хода вещей. Необходимость и постоянство рекомендации лиц и земель все более и более одерживали верх. Многие из алодиальных владетелей были слабы и не могли защищаться: им нужен был покровитель; другие тяготились своим уединением; они были, правда, свободными хозяевами в своих владениях, но не имели вне никаких связей, никакого влияния и не занимали никакого места в лестнице бенефициалов, которые составляли преобладающее общество; им хотелось войти в это общество и играть роль в волнениях своей эпохи...

Таково было положение поземельной собственности в конце X в., после различных превращений, испытанных ею. И не только земля в ту эпоху сделалась феодом, но и всякая другая собственность прониклась феодальным характером. Тогда все отдавалось, как феод: *la gruerie,* то есть суд по делам о порубке лесов; право охоты; часть сбора с пешеходов (*péage*) и проезжающих (*rouage*), конвой купцов, отправляющихся на ярмарку; суд при дворе государя или вельможи; промен в городах, где чеканилась монета; дома и лавки для ярмарок; дома, где находились *публичные мойни* (ètuves publiques); в городах обязательные для всех *печи* (fours banaux); даже, наконец, *ульи пчел*, которые могут быть найдены в лесах[1]. Одним словом, весь гражданский порядок сделался феодальным.

II. *Лицо*. Приступим ко второму факту, характеризующему феодализм, а именно: к слиянию в лице владетеля права собственности и права верховной власти в пределах принадлежащей ему земли... В конце XI в., когда феодализм утвердился прочно, владетель феода, и большого, и малого, имел в своем владении все права верховной власти. Никакая посторонняя и отдаленная сила не могла издавать у него законы, собирать подати, отправлять правосудие; все эти права принадлежали одному владетелю... Но ничего подобного не существовало в древнюю эпоху, вторжения в VI и VII вв. Были начатки, признаки феодальной власти сюзерена, но рядом с ними и над ними стояло королевство военное, римская администрация, собрания и суд людей свободных. Во всяком случае верховная власть не была совсем сосредоточена внутри феода, в руках его владетеля. Как же совершился этот переворот от V до X в.? Как могли стереться всякие другие власти и на месте их сложиться одна власть сюзерена над обитателями своего поместья?

Без сомнения, начатков того нельзя искать в римском обществе, потому что оно не представляло в себе ничего подобного. Там верховная власть не только не была соединена с землей и раздроблена по всей территории, но она не была подразделена даже в политическом смысле и в целости находилась в руках одного императора. Он один издавал законы, налагал подати, судил, решал вопросы о войне и мире, наконец, управлял или лично, или через своих чиновников... Нельзя выводить власти феодального сюзерена и из германских дружин, наводнивших империю. В них не могло быть ничего подобного слиянию прав верховной власти с правом собственности, потому что недвижимая собственность была несовместима с образом бродячей жизни. И состояние лица было таково, что начальник дружины не мог иметь верховной власти над своими сподвижниками: он не мог давать им законы, налагать на них подати и один судить их... Но не было ли слияние собственности и верховной власти единственно делом победы? Не разделили ли победители землю и ее обитателей, чтобы царство-

[1] Usage general des Fiefs, par. Brussel., t. I, p. 42.

вать неограниченно, каждому в своем уделе, только во имя права сильного?

Так думали многие публицисты; но они ошибались: слияние прав верховной власти с собственностью, эта крупная черта феодализма, не была одним фактом чисто материальным и, так сказать, грубым, притом совершенно чуждым организации тех двух обществ, которых вторжение варваров привело в столкновение, то есть римского и германского общества; оно не было чуждо даже общих начал общественной организации...

В древней Германии надобно отличать всякое общество или, лучше сказать, двоякий способ общественного устройства, отличный и по принципам, и по своим результатам: устройства *колена*, племени, и устройство *дружины*. Колено – общество оседлое, образовавшееся из соседних собственников, живущее плодами своих земель и своими стадами. Дружина – блуждающее общество, образовавшееся из воинов, сосредоточенных вокруг вождя, или для отдельного набега, или для попытки счастья на чужбине, и живущее грабежом. Что такие два общества существовали вместе у германцев и были совершенно отличны, о том свидетельствуют Цезарь, Тацит, Аммиан-Марцеллин, все памятники и все предания древней Германии. Большая часть народов, поименованных Тацитом в его «Германии», были коленами или союзами коленов. Большая часть вторжений, разрушивших империю, в особенности же первые, были сделаны бродячими дружинами, вышедшими из среды колен для добычи или для приключений. Влияние вождя на свою дружину было ее связью; таково было ее начало, но она управлялась по общему совещанию: личная независимость и воинское равенство играли в ней большую роль. Организация колена была менее изменчива и менее проста. Говоря языком публицистов – политическая единица колена была не неделимое, воин, но целая фамилия и ее глава. Само колено или его часть, занимавшая какуюнибудь территорию, состояло из семейств и их глав, живших вблизи друг друга. Глава семейства был настоящий гражданин, что римляне называли *civis optimo jure*. Места жительства семейств германского колена не были сплошными, как в наших городах и деревнях, и не удалялись от полей. Глава семьи помещался в центре своих земель; сама семья и все работавшие с ней, свободные и несвободные, родственники, вольники, рабы, жили тут же, раскиданные там и сям, как и их жилища, по поверхности территории. Соприкасались одни владения различных глав семейств, но не их жилища. Так устроены и теперь поселения индейских колен в Северной Америке, и в Европе подобное мы видим во многих деревнях о. Корсики и совершенно рядом с нами, в Нормандии. Там также жилища не соприкасаются: каждый фермер, каждый маленький собственник живет среди своих полей, в ограде, которая называется *masure*, жилище (происходит от *mansus*, встречающегося в древних памятниках).

Около всякого главы семейства сосредоточивалось всеобщее собрание колена. Они соединялись под управлением старейших возрастом (grau, grav, граф, сделавшийся после senior, господином) для совокупного обсуждения общих дел, производства суда в делах важных, отправления религиозных обрядов, касающихся всего колена и т. д. Этому собранию принадлежала политическая верховная власть, то есть управление общими делами колена, но она не проникала в круг непосредственной деятельности главы семейства тут не было никакой посторонней власти: в качестве собственника и главы семейства, он был один господин. В этой области главы семейства собственников и под его властью жили: 1) собственная его семья, его дети и их семейства, расположившиеся обыкновенно вокруг него; 2) всельники, обрабатывавшие землю, – одни, сохраняя полную свободу, другие, пользуясь некоторой свободой; они получали свою землю от глав семейства за известную подать, но они не имели полного права собственности, хотя и помещались со своими детьми и владели землей наследственной; между ними и главой семейства слагались сами собой известные связи, которые, не вытекая ни из какого основания и не опираясь ни на какое право, были, тем не менее, весьма действительны и состав-

ляли моральный элемент общества; 3) за всельниками следовали рабы, в собственном смысле, употребляемые для дома, для обработки полей главы семейства, неуступленных никому другому, и которые обыкновенно окружали его жилище. Все это внутреннее население при всем различии своих прав признавало над собой суд главы семейства, и никакая публичная власть не вмешивалась в его дела. *Каждый у себя господин*: таков был принцип древнего общества в Германии. Собственник и судья, глава фамилии, был, по-видимому, даже и жрецом по отношению той части домашнего культа, какой мог существовать в ту эпоху...

Такой общественный быт древней Германии, полагаю, был отчасти результатом завоевания и насилия, и гораздо более, нежели как то полагают из патриотизма немецкие писатели. Домашняя верховная власть главы семейства была более тиранической, положение всельников гораздо хуже, нежели как они то себе представляют... Хотя, с другой стороны, высказывая свои опасения относительно любимых теорий немецких писателей, я разделяю отчасти их мнение и допускаю, что устройство германского колена и взаимные отношения различных ее членов не были результатом единственно завоевания и грубой силы. Верховность главы семейства, в пределах его области, не была исключительно властью победителя над побежденными, господина над рабами и полурабами; во всем этом было, действительно, нечто патриархальное: идеи семейные, семейные отношения, привычки, чувствования послужили также, по крайней мере, отчасти, источником для понятий того общественного быта... Нельзя потому не признать в устройстве древнего колена, и особенно в семейной верховности главы фамилии, другого еще начала, кроме завоевания, другого характера, более нравственного и более свободного, нежели каким может быть насилие. Этот источник вытекает из патриархальности, и характер его чисто семейный. Весьма вероятно, германское колено в своих зачатках было развитием и расширением одной и той же семьи; весьма вероятно и то, что большая часть обитателей территории, эти наследственные всельники с обязательством податей, были родственниками главы семейства. Быть может, там было то общественное устройство, которое долго существовало в *кланах* Верхней Шотландии и *септах* Ирландии и которое так популяризировано романами Вальтера Скотта; с первого взгляда, если судить по наружности, это устройство представляет сходство с феодальным началом, но оно существенно различно, так как очевидно вытекает из одних семейных отношений; оно поддерживает родственные связи в течение целых столетий и сохраняет чувства взаимной привязанности, несмотря на всю глубину неравенства общественных условий; в этом быте недостаток политических гарантий заменяется известными правами, признанными и уважаемыми; там есть и нравственность, и свобода при таком принципе, который, сам по себе, без своей патриархальности, был бы рядом одних угнетений и унижений. Без сомнения, подобные же причины могли ввести и в германское колено некоторые отношения и нравы клана.

Из всего сказанного нами можно вывести следующие заключения: 1) *верховность* в германском колене для общих его дел принадлежала *собранию глав* семейства, а для внутренних – *самому главе* фамилии, то есть внутри колена существовала домашняя верховность, тесно связанная с собственностью; 2) эта *домашняя верховность* имела двойное происхождение и двойной характер: с одной стороны, связи и привычки семейные; глава-собственник был глава клана, окруженный своими родственниками, как бы ни было отдаленно это родство и как бы ни были различны условия их жизни; с другой стороны, завоевание и насилие: часть территории могла быть захвачена вооруженной рукой, побежденные лишены имущества и обращены почти в рабство.

Таким образом, организация древнего германского колена заключала уже в себе три главные социальные системы, три великих источника верховности: 1) союз людей равных и свободных, где развивалась политическая верховность; 2) союз первобытный, естественный, союз семейный, где господствовала верховность одного, и при-

том патриархальная; 3) насильственный союз, плод победы, управляемый деспотической верховностью. На какой-нибудь узкой и темной сцене жизни колена херусков или гермундуров в III столетии уже имелись все существенные начала, все великие формы человеческих обществ.

Перенесемся теперь в VI столетие, после вторжения на площадь, образуемую Рейном, Океаном, Пиренеями и Альпами; посмотрим, что должно было там произойти. Но туда, в Галлию, явилось не колено, а германская дружина, которая, перейдя на галло-римскую территорию, овладела ею и утвердилась в ней; таким образом, из двух первобытных обществ Германии в Галлию явилось то, которое не было оседлым, которое имело в своей основе неделимое, а не семейство, и было предано не жизни сельской; оно-то и сделалось первоначальным элементом нашей цивилизации. В Германии колыбель общества составляло земледельческое колено, у нас – военная дружина. Правда, утвердившись раз, перейдя от бродячей жизни к оседлой, от грабежа к идеям о собственности, германская дружина должна была желать воспроизвести у себя учреждения и привычки первоначального отечества, и организация колена сделалась источником, образчиком начал, которые дружина попыталась установить у себя... Но какую перемену должна была за собой повлечь для нового общества новая обстановка и новость внешних условий?

Начнем с *политической верховности* и посмотрим, как она должна была видоизмениться на галло-римской почве.

В Германии колено помещалось обыкновенно на территории весьма необширной; оно теснилось и окружало себя, по выражению Цезаря, широкими пустынями для большей безопасности. Главы отдельных семейств жили поблизости и могли легко соединиться для рассуждения об общих делах. Верховность такого собрания была естественна и возможна. Но после вторжения в империю победителям была открыта огромная территория; они рассеялись по всем сторонам; сильнейшие из них заняли обширные владения и были слишком далеки друг от друга, чтобы часто соединяться и рассуждать сообща. Политическая верховность собрания, сделавшись непрактической, должна была погибнуть и действительно погибла, чтобы уступить место другой системе, а именно: иерархическому чину собственников, о чем мы скажем ниже, рассматривая феодальные учреждения.

Верховность домашняя, власть главы семейства над жителями его владений, должна была испытать не менее значительную реформу: предводитель дружины делал свои завоевания и утверждался в своей новой области при помощи не одних родственников, не одного своего клана. Дружина, следовавшая за ним, состояла из воинов, принадлежавших различным коленам, часто весьма чуждым друг другу. Тацит говорит об этом ясно: «Если родина томится бездействием и продолжительным миром, большая часть благородных молодых людей идет предлагать свои услуги тем племенам, которые находятся в войне, потому что покой им ничего не приносит, а на войне, среди опасностей, легче блеснуть, а вождю дешевле содержать многочисленную дружину». Связи предводителя с подвижниками были чисто воинские, а не семейные, что произвело большое изменение в их отношениях среди новой жизни. Тут не было той общности нравов, преданий, чувствований, которые могли существовать в Германии между главой семьи и населением его края; она заменялась военным товариществом, началом ассоциации менее сильным, гораздо менее нравственным. Что еще важнее: глава семейства в Галлии видел себя окруженным населением чуждым, враждебным по происхождению, языку, отличным нравом, и которого надобно было постоянно опасаться. Его владения населялись и обрабатывались римскими галлами, между тем, как в Германии жители были большей частью и свободные, и несвободные, такие же германцы, как он сам. Вот новая и сильная причина ослабления того патриархального характера, которым отличалась домашняя верховность у себя на родине... Таким образом, первобытные элементы организации германского колена по переселении его в Галлию должны были исчезнуть; право победы, насилия одержало верх, и это было

необходимым результатом того положения, в котором увидел себя глава семейства, переселившись в Галлию, и которое было существенно различно от его положения в Германии.

Таким образом, слияние прав верховной власти с собственностью – эта вторая великая черта феодализма, собственно говоря, не была чем-нибудь новым и не происходила исключительно от завоевания; подобное существовало в Германии, в среде германского колена; там глава фамилии был также верховным владыкой своего населения, и следовательно, там верховность сливалась с собственностью. Но в Германии это слияние совершалось под влиянием двух принципов: семейного духа, организации клана и победы, насилия. Доля каждого из этих принципов во власти главы семейства в Германии была не равна и трудно ее определить, но и тот, и другой принцип действовал. В Галлии доля патриархального начала организации клана значительно уменьшилась; напротив того, влияние победы, насилия, получило большее развитие и сделалось если не единственным принципом, то, по крайней мере, преобладающим в том слиянии прав верховной власти с правом собственности, которое составляло вторую отличительную черту феодального быта...

III. *Учреждения*. Выйдем теперь за черту отдельного феода и рассмотрим внешние отношения владетелей друг к другу, их стремления к организации, которая соединила бы их в одно общество. Это явление составляет третью господствующую черту феодализма. Но эта организация, долженствовавшая объединить всех владетелей феода и составить из них общество, была скорее принципом, нежели фактом, и притом более номинальным, чем реальным. Что составляет связь, цемент каждого великого общества? Нужда, которую чувствуют одни его отдельные союзы людей в других, необходимость прибегать за помощью друг к другу для пользования своими правами, для отправления общественных обязанностей, для законодательства, судопроизводства, финансов, войны и т. д. Если каждое семейство, каждый город, каждый округ находил бы в самом себе все, что ему нужно в политическом отношении; если они составляли бы собой полное государство, не нуждающееся ни в чем, и в котором никто другой не нуждается, то одно семейство, один город или округ ничего не искал бы у другого семейства, города или округа; между ними не было бы общества. Государство состоит в распространении верховности и правительства по различным его частям, между различными его членами; оно служит внешней связью общества, что сближает и держит вместе все элементы государства.

Но слияние верховности и поземельной собственности и сосредоточение ее внутри каждого владения в руках самого владетеля должно было его уединить от всех других владетелей ему подобных; каждый феод составлял небольшое, но полное государство, жители которого имели у себя все свое и не нуждались ни в каком общем с другими законодательстве, суде, финансах, военной защите и т. д. В ассоциации, покоящейся на таких основах, общая связь обязательно должна быть слабой, едва ощутимой и должна легко разрываться. Правда, владетели отдельных феодов имели общие интересы, права и взаимные обязанности; с другой стороны, человек одарен естественной наклонностью расширять свои отношения, увеличивать их, оживлять свое общественное существование и искать повсюду новых сограждан и новых связей; наконец, в эту эпоху и церковь христианская, общество объединенное и сложенное плотно, трудилась беспрестанно над тем, чтобы передать гражданскому быту часть своего единства и своей целости, и трудилась не бесплодно; но, несмотря на все то, ассоциация владетелей феодов, должна была являться весьма мало сплоченной; в ней едва могли быть заметны следы какого-нибудь единства и целости, именно вследствие самой сущности феодальных элементов, особенно элемента слияния верховности с правом собственности, который делал всякую власть почти местной властью.

Так это случилось и на деле: история вполне подтверждает наши наведения, основанные на самой природе того социального быта. Защитники феодализма приложили много труда, чтобы вывести на сцену

различные права и взаимные обязанности владетелей феодов, они превозносили искусную постепенность связей, соединявших их между собой, начиная от слабейшего до самого сильного, так что, говорят они, в феодализме никто не был уединен, и в то же время каждый оставался господином и свободным у себя дома. Слушая их, можно подумать, что никогда независимость неделимого не была счастливее согласована с гармонией целого. Но это химерический идеал, одна логическая гипотеза! Конечно, в принципе владетели феодов были связаны друг с другом, и их иерархический чин казался весьма стройным. Но на деле никогда эта организация не имела своего действия; никогда феодализм не мог добыть из себя начал порядка и единства, достаточного для того, чтобы образовать целое общество и сколько-нибудь правильное. Его составные части, то есть владетели феодов, были всегда между собой в столкновении и войне и прибегали постоянно к силе, потому что не существовало никакой высшей власти, никакой истинно публичной силы, чтобы поддержать между ними правду и мир, то есть общество. А чтобы породить такую власть, чтобы слить в одно целое все те рассеянные и даже враждебные друг другу элементы, следовало прибегнуть к иным началам, иным учреждениям, совершенно чуждым и даже враждебным феодальной системе. Эти иные начала известны: с одной стороны, *королевство*, с другой – *народ* и его права установили среди нас политическое единство и устроили *государство*. И мы пришли к этой цели на счет феодалов и через ослабление и постепенное уничтожение феодальных принципов.

Таким образом, нельзя ожидать, чтобы мы могли где-нибудь найти систематическую и всеобщую организацию феодальных владетелей, на которую мы указали как на третью великую черту феодальной эпохи; она никогда и нигде не была вполне осуществлена на деле. Эта организация существовала и отличала феодализм от всякого другого социального быта, но она никогда не достигла полноты развития и правильности в своем применении; никогда феодальный чин не был в действительности так устроен и не жил в тех строгих формах и регламентах, какие приписывают ему новейшие публицисты. Особенные свойства поземельной собственности, слияние прав верховной власти с владением землей были фактами простыми, очевидными и в истории являлись такими, какими изображает их теория; но целость и единство феодального общества были воображаемым зданием, созданным уже впоследствии в голове ученых, и от которого в действительности существовали на нашей территории одни материалы, необтесанные и обезображенные. Если же таков был феодализм в течение главной своей эпохи (то есть в XII–XIV вв.), то тем запутаннее должен был он являться при своем начале, в последние годы X в. Тогда он только что выходил из хаоса варварства и даже являлся, за невозможностью лучшего, чем-то вроде прогресса, как начало, ближайшее к тому, которое заканчивало свое существование, как единственная форма, в которую могло облечься возрождавшееся в ту эпоху общество. Противоречия, недостаток целости характеризовали его еще гораздо более, чем впоследствии; феодальная ассоциация была еще далее от того единства и правильности, которых она, впрочем, не достигла никогда. На самом деле, конец X и начало XI в. в истории феодализма были периодом величайшего беспорядка: владетели феодов группируются в бесконечное число кружков, во главе которых стоит то граф, то герцог, то простой сеньор, смотря по случайности, какую представляла территория или события, и все это остается совершенно чуждым друг другу. Иногда эти местные группы, по-видимому, сближаются и избирают общий центр, но скоро оказывается, что это оптический обман. Так, например, во главе актов, издаваемых каким-нибудь сеньором Аквитании, помещается иногда имя короля Франции; но на поверку выходит, что этого короля давно уже не было в живых; таким образом, идея королевства сохранилась, но в такой степени, что в южных пределах Франции не знают наверное лица, которое во время составления акта носило королевский титул. Никогда дробление территории между владетелями феодов не было так велико, как в конце

X века, никогда их независимость не была большей, и ни в какую эпоху иерархические отношения членов феодального общества не были так мало действительны... Собственно говоря, в промежуток времени, от V до X в., ни один из принципов общественного и политического единства не мог ни существовать, ни получить перевеса; все, что до тех пор господствовало в обществе, было разбито и стерто, и на развалинах прошлого едва начинали только выходить грубые зародыши феодальной организации. Потому и нам в эту эпоху предстоит говорить более о постепенном падении всяких начал, на которых зиждется общество, нежели о постепенном возникновении общественных связей между отдельными владетелями феодов.

Непосредственно за вторжением и поселением германцев в Галлии мы видим, что на ее территории сложились и существовали вместе три принципа общественного устройства, три системы государственных учреждений: 1) система свободных учреждений; 2) система учреждений аристократических и 3) монархическая система. Система свободных учреждений имела свое происхождение: а) в Германии, во всеобщей сходке старейшин колена и в личной независимости члена дружины, которая совещалась сообща; b) в Галлии, в остатках римских муниципальных начал, внутри ее городов. Система аристократических учреждений исходила: а) в Германии, из домашней верховности главы семейства и из покровительства, которое оказывал предводитель дружины своим сподвижникам; b) в Галлии, из весьма неровного распределения поземельной собственности, сосредоточенной в руках небольшого числа значительных собственников, и из господства над массами населения, сельниками и рабами, обрабатывавшими их поля и служившими им дома. Наконец, система монархических учреждений появилась: а) в Германии, среди военного королевства, то есть начальства предводителя над дружиной, и из религиозного характера семейных учреждений; b) в Галлии, из преданий Римской империи и учения Христианской церкви. Вот те три великие системы учреждений, те три существенно различных принципа, которые столкнулись между собой вследствие падения империи и вторжения германцев и которые должны были содействовать образованию нового общества. Какую же участь имели, от V до X в., эти три системы как сами по себе, так и в своем смешении? Начнем со свободных учреждений.

1. *Свободные учреждения*, начиная от V до X в., продолжались непрерывно и обнаруживались: 1) в местных собраниях, на которые сходились победители, утвердившись в различных пунктах территории, и рассуждали вместе о своих делах; 2) в полном собрании народа и 3) в остатках муниципального начала, внутри городов. Что местные собрания древних германцев, называемые на их языке *mahl*, а на латинском *placita*, продолжались и после вторжения, в том сомневаться нельзя: тексты их законодательства подтверждают то на каждом шагу. Вот некоторые из примеров: «Если,– говорит салический закон,– кто-нибудь из приглашенных на *маль* (собрание) не явился, то он осуждается заплатить 15 солидов, кроме случая задержания его законным препятствием» (t. I, c. 1, 16). Или: «Если кто-нибудь, по рипуарскому закону, имеет надобность, чтобы свидетели дали показание на маль, то он обязан их поименовать» (t. I, c. 1). Или: «Собрание (conventus) должно происходить, по древнему обычаю, в каждом сотенном округе, перед графом, его посланным или перед начальником округа» (Leg. Alaman. t. XXXVI, c. 1). Или: «Собрание (placitum), в беспокойные времена для области, должно происходить каждую субботу или в такой день, когда угодно графу или начальнику округа, каждые семь ночей; когда же все довольно спокойно, собрание может происходить каждые четырнадцать ночей в каждом округе» (там же, c. 2). Или: «Пусть собрания происходят каждое первое число, или каждые две недели, для разбирательства тяжб, дабы в области господствовал мир» (Leg. Bajoar. t. XV, c. 1).

Эти собрания состояли из всех свободных людей, утвердившихся в известном округе, и все они имели не только право, но и обязанность являться туда... Трудно исчислить все занятия подобных собраний:

там говорилось о всех делах, интересовавших членов собрания: все процессы, споры предъявлялись туда же, на обсуждение людей знатных и свободных, так называемых *рахимбургов*, на которых лежала обязанность объявлять изречения закона... И в этих собраниях не только творился суд, не только рассуждали об общественных делах, но даже и большая часть гражданских дел, совершение всякого рода сделок оглашались там же и заменяли наших нотариусов: «Если кто-нибудь продал вещь другому и купивший желает иметь купчую, то он должен просить ее на всеобщем *маль*, заплатить сумму и получить вещь, и акт должен быть совершен письменно. Если вещь малоценная, то подписываются семь свидетелей, а если дорогая, то двенадцать» (Lex Rip. t. LIX, c. 1).

Таково было значение местных собраний, которые следовали за первым временем вторжения; но они не долго пользовались той важностью, о которой можно заключить, судя по тексту законодательств. Даже и из них видно, что только среди германцев, поселившихся на рубеже империи и оставшихся в Германии, национальные *мали* часты и деятельны: законы алеманнов, баваров и рипуарских франков говорят о них чаще и настоятельнее, нежели у франков салических, более углубившихся во внутрь Галлии и живших среди римского населения. У последних, действительно, местные собрания пришли скоро в упадок, и до того, что, при последних Меровингах, местное начальство, графы, вице-графы и другие, созывали их только для того, чтобы иметь случай получать пеню с людей свободных, которые не являлись в собрание. При Людовике Благочестивом был издан целый капитулярий, озаглавленный: «О наместниках и начальниках, которые делают слишком частые собрания более из корыстолюбия, нежели для суда, и мучат, таким образом, народ» (Bal., t. I, col. 671). А Карл Великий, чтобы исправить такое зло, уменьшил число местных собраний до трех раз в один год, между тем как первые варварские законодательства предписывали собираться всякий месяц, всякие две недели и даже всякие семь дней...

Еще больший упадок представляют свободные учреждения в политической сфере, в своих общих собраниях целой нации. Среди людей, живших рассеянно, имевших особые интересы, особую участь, такие огромные собрания были и трудны и искусственны. Потому, еще при последних Меровингах, *майские поля* (placita generalia) делались все более и более редки и бессодержательны. В древности они встречаются довольно часто, потому что воины часто предпринимают новые походы сообща; но с преобладанием жизни оседлой общие собрания исчезают или принимают совершенно иной характер: на них являются в силу древнего обычая поднести королю подарки, или король, после борьбы со своими вассалами, созывает их для переговоров и сделок; так что собрания, несмотря на свое древнее имя, делаются простым свиданием важных собственников, маленьких властителей, которые толкуют о своих личных интересах и порешают споры... Вместе с первыми Каролингами всеобщие собрания возвращают себе свой первобытный характер, характер военный. Новый дом утвердился, так сказать, вследствие вторичного вторжения в Западную Галлию германских дружин из Австразии; вот потому они собираются часто или для распространения своих набегов, или для обеспечения новых завоеваний. Эти вопросы играют главную роль на мартовских полях, обращенных в майские поля. При Пипине Коротком было до 10 собраний подобного рода; при Карле Великом они делаются чаще и важнее: у него такие собрания не были одним[1] военным смотром, но и правительственным органом...

Но при Людовике Благочестивом *placita generalia* хотя и собираются еще часто, но на них обнаруживаются беспорядок и раздор. При Карле Лысом, наконец, они получают вышеуказанный мной характер, то есть делаются местом свидания или конгресса, на котором король спорит со своими вассалами, с которыми не может управиться силой. После же Карла Лысого и при последних Каролингах прекращаются даже

---

[1] См. о том подробнее выше.

и подобные конференции: верховные права, очевидно, делаются местными, и королевство явно отказывается от притязания служить центром государства. За древними национальными собраниями следуют феодальные суды (les cours féodales), собрания вассалов около своего сюзерена...

Такова была участь свободных учреждений: их начала все более и более слабели и средства к деятельности прекращались. Посмотрим, были ли счастливее монархические учреждения?

2. *Монархические учреждения* имели у германцев двоякий источник: военный и религиозный. Король, как предводитель дружины, был лицо избирательное: действительно, для привлечения сподвижников вождь не имел принудительных средств; к нему являлся только тот, кто хотел; воины окружали его вследствие собственного выбора, и потому он был королем, пока им угодно было за ним следовать; все это может быть названо избранием если не по своей политической форме, то по своему принципу свободы. Но как учреждение религиозное, королевство германское было наследственным; известные фамилии присваивали себе религиозное значение, выводя свой род от героев, полубогов, от Одина, Туискона и других; этот особый характер не мог ни утрачиваться, ни передаваться другим. Почти нет ни одного германского народа, у которого не встречались бы подобные короли; короли готские и англосакские происходили от Одина; у франков, Меровинги, на основании подобного же происхождения, они могли носить длинные волосы.

При переходе на римскую почву, германское королевство встретило там другие принципы, которые не могли не подействовать на его характер: там господствовало императорство, учреждение по своей сущности символическое, и притом символ чисто политический. Римский император наследовал римскому народу; он выдавал себя представителем римского народа, его прав, его величества, и в этом смысле назывался государем. Императорство было олицетворением республики: как Людовик XIV говорил: «L'état c'est moi», так преемник Августа мог сказать: «Римляне – это я».

Рядом с императорством зародились идеи христианской монархии, учреждения также символического, но это был другого рода символ, символ чисто религиозный: король, по христианской идее, был представитель Божества... Таким образом, монархия на римской почве и в том и в другом случае существенно отличалась от монархии у варваров: последняя и в политическом, и в религиозном смысле была личным преимуществом, а на римской почве и в политическом, и в религиозном смысле она была чистым символом, общественной фикцией.

Таковы были те четыре, так сказать, источника новой монархии, четыре принципа, которые, после вторжения, стремились соединиться для порождения ее. Этот труд начался при Меровингах: короли франков остаются и желают остаться вождями дружины; в то же время они опираются на свое варварское религиозное происхождение, усваивают римские начала и пытаются выдать себя за представителей государства; наконец, они называют себя представителями Бога на земле. Для простого и грубого ума варваров VI в. подобного рода утонченности и комбинации казались слишком сложными и потому не имели успеха: Меровингская монархия пала именно вследствие неопределенности своего характера, и если монархия в лице Каролингов приобрела снова силу, то потому, что она совершенно преобразовалась. Первые Каролинги были чисто военными вождями. Они не имели в глазах своих соотечественников того национально-религиозного характера, которым были облечены короли «длинноволосые». Ни Пипин Геристальский, ни Карл Мартелл не выдавали себя за потомков Одина или других германских полубогов; они были просто большими собственниками и военными вождями. Всякому известно, как Пипин Короткий заботился присоединить к тому христианский религиозный характер: чуждый преданиям и религиозным поверьям древней Германии, он желал опереться на новые верования, приобретшие в то время большую силу. Карл Великий пошел еще дальше: он вознамерился придать франкской монархии император-

ский характер, сделать из нее политический символ, взять на себя роль представителя государства, какую занимали римские императоры; и он прибегнул для того прямо к мерам более действенным, не к пышности церемонии и титулов, но к действительному восстановлению императорской власти, римской администрации, и того, так сказать, *вездесущия* власти на всем пространстве территории, составлявшую всю силу того деспотизма, несмотря на всеобщее падение. Таков на самом деле был характер правления Карла Великого[1]... Его государственная деятельность всего менее похожа на монархию варваров и напоминала собой дух и администрацию империи, в которой верховная власть представляла собой все государство и действовала в государстве почти одна. Карл восстановил римскую систему, сам не сознавая того вполне, не занимаясь ее теорией. Но он знал очень хорошо, что составляет главное ему препятствие; он знал, что зачатки феодализма, независимость и права бенефициалов, слияние верховности с собственностью были самыми опасными врагами той всесильной монархии, к которой он стремился. Потому он беспрерывно боролся с этим неприятелем и старался разбить и ограничить, по возможности, власть собственников. «Никогда,– говорит одна хроника,– Карл не препоручал своим графам более одного графства, если оно не было пограничное или соседнее варварам. По причинам еще более важным он никогда не отдавал епископу аббатства или церкви на королевской земле в качестве бенефиции, и когда его советники и друзья спрашивали, почему он так действует, Карл отвечал им: «Посредством этого поместья, виллы, маленького аббатства или церкви я буду иметь случай сделать верным себе такого же хорошего вассала, и даже лучшего, нежели какой-нибудь епископ или граф»... Когда он короновался императором, то “приказал всем подданным своего государства, светским и духовным, давшим ему уже присягу как королю, возобновить те же клятвы, как цезарю, и чтобы все, которые не давали подобной присяги, явились для принесения ее, до возраста 12 лет”». Наконец, в одном из капитуляриев Карла Великого, под 805 г., мы читаем: «Никто да не даст присяги никому другому, кроме нас и своему сеньору, ради нашей пользы и сеньора».

Подобная система управления была очевидно направлена на освобождение монархии от всех феодальных притязаний, на основание верховной власти вне иерархии, лиц и земель, и наконец на то, чтобы сделать ее везде присущей, везде могущественной, как публичную силу, опирающуюся на собственное право. Попытка удавалась до тех пор, пока находилась в руках Карла Великого. Ее преемники взяли на себя продолжать начатое, то есть они приказывали то, что он делал. Требование всеобщей присяги появилось и в их актах, и даже пережило их бессилие; но это было одной пустой формулой. Отношение свободных людей к королю и личная его власть над ними ослабевали с каждым днем. Присяга в верности имела силу в отношениях вассала к своему сеньору. Карл Лысый обращается к сеньорам для подавления беспорядков, возникших на их землях; его власть проводится только через их власть; прямого воздействия не существует, и хотя Карл Лысый угрожает возложить на сеньоров ответственность за преступления их вассалов, если они не сумеют предупредить того или наказать, но тем не менее, очевидно, феодальная иерархия приобретает независимость от империи, и попытка Карла Великого освободить монархию разбивается в общем потоке событий о неспособности его преемников.

Таким образом, в конце X в., монархические учреждения, стремясь овладеть обществом и внести в него порядок и единство, имели успеха не более, как и учреждения свободные. Все их основы были потрясены, все средства к действию ослабли или сделались неприложимыми. Религиозный характер древнегерманской монархии исчез; германское происхождение той или другой фамилии забыто вместе с другими преданиями варварской жизни. Она сама утратила свой первобытный военный характер: дружины не существовало; жизнь бродячая прекрати-

[1] См. подробнее выше.

лась, и большая часть воинов осела в своих поместьях. Политический характер императорства был непонятен для нового общества: верховности, народного величества и самого государства не существовало; как же мог явиться символ или представитель того, чего не было на деле? Один христианско-религиозный характер монархии сохранял некоторую силу, некоторое влияние, но слабое и редкое; светские собственники мало думали о нем: их более занимали треволнения жизни и нужда личной независимости; даже епископы и аббаты не заботились об этом характере, потому что сами сделались феодальными собственниками и вошли в их интересы, нравы, сохраняя слабую привязанность к идеям, мало подходившим к их светскому положению. Одним словом, все основы как свободных, так и монархических учреждений были потрясены, их жизненные начала потеряли всякую энергию.

3. *Аристократические учреждения* имели другую судьбу: они не только не падали, но даже развивались с успехом. Мы видели, что домашняя верховность главы германского семейства была перенесена в Галлию, но там она сделалась еще более безусловной, потому что семейные ее основы потряслись, а завоевание, насилие остались почти единственной опорой. Таким образом, в новом обществе тот главный аристократический элемент древнего общества в Германии не только не ослаб, но еще укрепился. Второй элемент, то есть покровительство вождя дружины ее членам, имел ту же участь, изменив одну форму: влияние военное преобразовалось в право сюзерена над вассалами. Но такое преобразование дало аристократическому принципу еще более энергии и твердости. С одной стороны, развилось неравенство; владетели феодов отличались друг от друга гораздо более, нежели воины; с другой стороны, в древней дружине сподвижники, живя вместе, держались друг за друга и сообща следили за властью вождя. Вступив же в положение собственников, каждый увидел себя уединенным, и сюзерену было легче господствовать над всеми...

Из всего сказанного следует, что в то время, когда две первые системы учреждений клонились к упадку, аристократия, напротив, приобретала более твердые основания, и ее принципы входили в большую силу. Конечно, она не дала обществу правильной формы, единства, целости и никогда не успела в том; но тем не менее она преобладала, она одна заключала в себе жизненность, одна была способна к управлению людьми и дала, таким образом, время другим общественным началам вздохнуть, чтобы впоследствии явиться с новой силой.

Hist. d. 1. civil. en France, t. III, 164–215.

КОММЕНТАРИЙ. В приведенной выше статье Гизо коснулся одного из самых трудных и важных вопросов истории средневекового общества. Вопрос о происхождении феодализма, его сущности и организации еще до сих пор остается спорным. В эпоху, когда говорил Гизо, в Германии и везде преобладал тот взгляд, что феодализм был результатом завоевания и имел своим первообразом древнюю германскую дружину: личные отношения ее членов между собой и к своему предводителю получили после завоевания территориальный характер. В 1850 г. мюнхенский ученый Рот (P. Roth) в своем сочинении: «Geschichte des Beneficialwesens von den ältesten Zeiten bis ins X Jahrh» (Erlang. 1850) восстал против этого мнения и старался доказать, что при Меровингах не было и понятия о феодальных отношениях сюзерена к вассалу и что эти отношения были введены в первый раз Каролингами в VIII в. Против Рота выступал опять Вайтц (Waitz), сначала в исследовании «Ueber die Anfänge der Vasallität». (Götting. 1856), а потом в 3–4-м томах своей известной «Deutsche Verfassungsgeschichte» и защищал прежний взгляд. Эти два писателя встали во главе двух главных школ, разделявших между собой ученых по вопросу о феодализме. В 1863 г. Рот издал новое сочинение, в котором он возражает Вайтцу и доказывает справедливость своей истории, а именно: «Feudalität und Unterthan-verband» (Weimar, 1863). Достоверно можно сказать одно, что позднейшая феодальная система была результатом тех государственных мер, которые по необходимости принимались как Меровингами, так и Каролингами для управления своими владениями; даже такой государь, как Карл Великий, отвечал на вопрос, почему он дробил свое государство: «Поступая так, я могу при помощи того и другого имения, или мызы, или маленького аббатства, или церкви обеспечить себе верность такого же хорошего или даже и лучшего вассала, нежели иной граф или епископ» (Монах Сангалленский, I, 13; см. выше).

ВРЕМЯ ОТТОНА ВЕЛИКОГО И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

(X столетие)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЭПОХИ

От свержения Карла III Толстого в 888 г. и от распада монархии Карла Великого по главным пяти национальностям Западной Европы до прекращения правления последних Каролингов во Франции в 987 г., когда вступил дом Капета, прошло сто лет, которые составляют вторую эпоху второго периода Средних веков. Но и в эту эпоху империя, собственно, не прекращала своего существования: только Франкское королевство перестало быть ее центром, и империя возвратилась на свою классическую почву в Италию.

ИТАЛИЯ. Два итальянских герцога, родственники Каролингов, Гвидо Сполетский и Беренгарий Фриульский, после свержения Карла III открыли своим соперничеством ряд кровопролитий, опустошавших Италию от 888 до 962 г. Смерть Гвидо (896 г.) и его сына Ламберта (898 г.) освободила Беренгария от совместников, но зато открылось поприще для новых претендентов: в Германии и Бургундиях, цис-юранской и транс-юранской, носили титул королей такие же родственники Каролингов: *Арнульф*, король Германии, *Людовик III Слепой* в Бургундии цис-юранской и *Рудольф II* в Бургундии транс-юранской. В борьбе с ними Беренгарий I провел все время своего правления до самой смерти в 924 г. Смерть Арнульфа (899 г.) избавила его от самого опасного соперника; Людовик III Бургундский попал в плен и был ослеплен (905 г.); самая же упорная борьба была ведена с Рудольфом II, который восторжествовал благодаря убийству Беренгария I. Но не прошло и двух лет, как Рудольф II нашел себе нового соперника в лице короля цис-юранской Бургундии Гуго, преемника Людовика III Слепого, и должен был ему уступить Италию, получив от него взамен цис-юранскую Бургундию: так, в 935 г. обе Бургундии соединились в одно целое. Правление *Гуго* в Италии (926–947 гг.) и его сына *Лотаря II*, женившегося на Аделаиде, дочери Рудольфа II, было исполнено внутренних волнений, центром которых был Рим, а главными двигателями – папы, управляемые интригами самых недостойных женщин. Всем этим воспользовался внук Беренгария I *Беренгарий II*, маркграф Иврейский: он изгнал из Италии Гуго, а после смерти его сына Лотаря II овладел Италией и хотел принудить его вдову Аделаиду выйти за своего сына Адальберта. Хотя Аделаида не согласилась и была заключена, но недовольные князья Италии пригласили тогда германского короля Оттона I Великого, и он в 952 г. смирил Беренгария II, женился на Аделаиде, но оставил пока Италию в руках своего соперника, потому что был занят внутренними беспокойствами, возникшими в Германии. Новые жалобы из Италии заставили Оттона предпринять вторичный поход, и на этот раз он сам короновался императорской короной и соединил таким образом Италию и Германию в одно целое (962 г.).

Итальянские короли

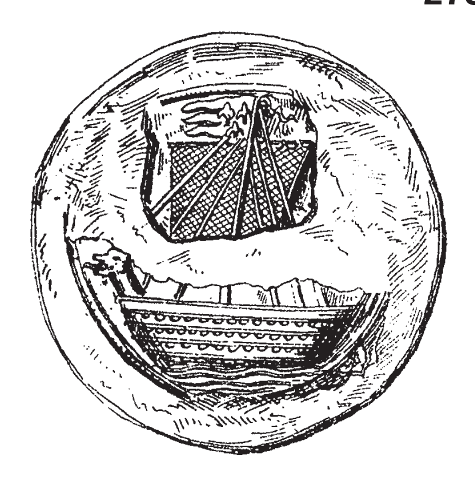
Беренгарий I. (888–924 гг.) и его соперники:
Гвидо Сполетский (ум. в 896 г.) и его сын Ламберт (ум. в 898 г.)
Арнульф, король Германский (ум. в 899 г.)
Людовик III Слепой (904 г.), король Бургундии цис-юранской
Рудольф II, король Бургундии трансюранской (922–926 гг.)
Гуго, король Бургундии цис-юранской (924–947 гг.) и его сын
Лотарь II (947–950 гг.)
Беренгарий II (950–962 гг.) внук Беренгария I
Оттон I Великий (962–973 гг.)

ГЕРМАНИЯ, начав отдельное политическое существование после свержения Карла III Толстого, успела утвердить у себя прочно одну династию, которая не только обеспечила ее внешнюю независимость, но и поставила само государство на первое место в ряду всех королевств, сложившихся из монархии Карла Великого. Причина такого необыкновенного развития Германии заключалась в том, что она находилась на пределах варварского мира: в то время, когда во Франции и Италии шли династические споры и внутренние междоусобия, Германии предстояло бороться со славянами и венграми. *Арнульф* (888–899 гг.) и его сын *Людовик Дитя* (899–911 гг.) скоро окончили собой линию побочных Каролингов, и чины германские избрали на королевский престол герцога Франконии *Конрада I* (911–918 гг.); но военное значение саксонских герцогов, граничивших со славянами, не позволяло им признать над собой власть южного владетеля, и после смерти Конрада герцог Саксонский *Генрих I Птицелов* (918–936 гг.) избирается королем Германии. С того времени саксонский дом удерживает за собой престол до самого начала XI столетия. Генрих I и его сын *Оттон I Великий* (936–973 гг.) положили предел набегам венгров, покорили независимые славянские племена за Одером и основали там маркграфство Бранденбургское для обеспечения своих границ, а самостоятельные славянские государства, как Польшу и Богемию, поставили в ленную зависимость. Внутри Германии Оттон Великий утвердил власть своего дома, возвышая на герцогские престолы и архиепископства своих родственников: Бавария была отдана его брату Генриху, другой его брат Бруно владел Лотарингией и вместе был Кёльнским архиепископом. Наконец, в 952 г., положение Италии позволило Оттону I вмешаться в ее дела, а 10 лет спустя он овладел Италией и императорским титулом. Ему недоставало только подчинить своей власти Южную Италию, которая по праву принадлежала грекам, а на деле была занята сарацинами. Но Оттон I успел, по крайней мере, открыть своему сыну Оттону дорогу в Южную Италию, женив его на византийской принцессе Феофании. *Оттон II* (973–983 гг.) и его сын *Оттон III* (983–1002 гг.) употребили все усилия для осуществления планов своего предшественника, но оба погубили себя, преследуя фантастические планы восстановления древней Римской империи. Греки соединились с сарацинами против немецких притязаний; Оттон II едва не попал в плен, а Оттон III погиб в Риме еще в молодых летах от отравы: римляне опасались для себя такой близости верховной власти. Впрочем, последние два Оттона обратили внимание и на Францию, которая находилась в том же положении, в каком была Италия перед походами Оттона I. Но их попытки содействовали только скорейшему падению Каролингов; то, что в Италии не удалось Беренгарию II, того вполне достиг во Франции герцог Французский Гуго Капет, овладевший ее престолом после смерти последнего Каролинга Людовика V Ленивого. С Оттоном III прекращается прямая линия Саксонского дома, и в 1002 г. вступает на престол младшая его отрасль в лице Генриха II, внука того Генриха, брата Оттона I, которому он отдал герцогство Баварию.

Германские короли и императоры

Арнульф. 888–899 гг.
Людовик Дитя. 899–911 гг.
Конрад I. 911–918 гг.
Генрих I Птицелов. 918–936 гг.
Оттон I Великий. 936–973 гг.
(с 962-го император)
Оттон II. 973–983 гг.
Оттон III. 983–1002 гг.

ФРАНЦИЯ. При первых преемниках Карла Великого, еще в первой половине IX в., рядом с Каролингами начала возвышаться в государстве власть, не имевшая для себя никакой другой опоры, кроме государственных заслуг и всеобщего уважения, которым пользовались ее представители. Это были герцоги Франции, то есть небольшой земли по берегам Сены около Парижа. Первый из них, современник Людовика Благочестивого, выходец из Германии, предполагаемый сын или внук Видукинда, врага Карла Великого, Роберт Сильный, защищая Францию от норманнов, заплатил своей жизнью в 866 г. Он был женат на Аделаиде, дочери Людовика Благочестивого, и дети его Одо (Eudes) и Роберт, как родственники королевского дома, приобрели новое значение, особенно Одо, прославивший себя защитой Парижа от норманнов. Когда Карл III Толстый был свергнут, чины Франции избрали Одо своим королем (888–898 гг.), несмотря на то, что последний внук Карла Лысого, Карл Простой, пришел уже в возраст. Но партия Каролингов противопоставила ему скоро своего претендента, и Одо согласился в 893 г. разделить Францию р. Сеной: на юге остался он сам, а на севере утвердился *Карл Простой*, который только после смерти Одо соединил снова все государство в одно целое (893–923 гг.). Для усиления своей власти против баронов он уступил Нормандию Роллону, выходцу из Скандинавии (912 г.), но несмотря на то, в 922 г. бароны противопоставили ему брата Одо, *Роберта* (922 г.); хотя Карл Простой разбил и убил своего соперника, но сын его, Гуго Великий, или Белый, взял короля в плен (923 г.), а на место его возвел своего шурина *Рауля*, графа Бургундского (923–936 гг.). Карл Простой умер пленником (929 г.), а малолетний его сын Людовик бежал в Англию к дяде Ательстану. После смерти Рауля Гуго Великий вторично отказался от короны и призвал из-за моря *Людовика IV Заморского* (936–954 гг.). Но, собственно говоря, и Людовик IV, и его сын Лотарь (954–986 гг.) были королями одного города Лана; на деле главой государства оставался Гуго Великий (ум. в 956 г.) и его сын Гуго Капет, называемый в летописях просто герцог. Притязания Оттонов на Францию и восстания вассалов до того унизили власть



Печать города Парижа. Национальный архив. Париж

последних Каролингов, что, когда умер сын Лотаря *Людовик V Ленивый*, правивший всего один год (986–987 гг.), то чины Франции избрали королем *Гуго Капета* (987–996 гг.), несмотря на притязания Карла Лотарингского, дяди последнего короля, который попался к своему сопернику в плен. Гуго Капет открывает собой новую династию, которая оставалась во главе Франции, в своих различных разветвлениях, до последнего времени (1848 г.). Но первые Капетинги наследовали королевскую власть в той ничтожной форме, до какой она была доведена последними Каролингами, а именно: Франция осталась разделенной на 12 пэрств, то есть больших баронств, из которых шесть были светские и шесть духовные, сам король был только один из 12 таких пэров, а именно он владел своим герцогством Францией на берегах р. Сены, Орлеаном, Туром и Анжу; кроме того, Гуго Капет был прежде аббатом С.-Дени и св. Мартина. Потому при нем и при его сыне *Роберте* (996–1031 гг.) история королевства ограничивается по-прежнему одним родовым герцогством своих королей, и такой порядок дел продолжается и в XI столетии до самого начала Крестовых походов. Франция с новой династией выиграла только то, что короли германские прекратили свои притязания на ее территорию, как то было при последних Каролингах, из которых Карл, герцог Лотарингский, был уже вассалом королей Германии.

Короли французские

Каролинги	Капетинги
Карл Простой. 893–923 гг.	Одо. 888–898 гг.
Людовик IV Заморский. 936–954 гг.	Роберт. 922–923 гг.
Лотарь. 954–986 гг.	Рауль. 923–936 гг.
Людовик V Ленивый. 986–987 гг.	Гуго Капет. 987–996 гг.
Карл (Лотарингский). 988–991 гг.	Роберт. 996–1031 гг.

БУРГУНДИИ, цис-юранская и транс-юранская, занимали Альпийскую возвышенность, лежали на пределах Франции, Италии и Германии и не имели для своего отдельного политического существования опоры в какой-нибудь отдельной национальности. Их короли, родственники Каролингов по женским линиям, играли роль как претенденты на итальянскую корону и были соперниками Беренгария I; это вмешательство содействовало только соединению обеих Бургундий, 935 г., когда Гуго Цис-юранский, овладев Италией, удовлетворил Рудольфа II Транс-юранского своей родовой частью. Знаменитая дочь последнего Аделаида своим браком с Лотарем, королем Италии, и Оттоном I, королем Германии, а потом опекой над своим сыном Оттоном II и внуком Оттоном III, сделала то, что бургундский двор ее брата Конрада I (937–993 гг.) был центром всей Западной Европы до самого конца X столетия. Сын его *Рудольф III* (993–1032 гг.) был последним королем Бургундии.

Короли бургундские

Цис-юранские	Транс-юранские
Людовик III Слепой. 887–930 гг. Гуго. 930–935 гг.	Рудольф I. 888–912 гг.

Рудольф II. 912–937 гг. (Цис-юранский с 935 г.)
Конрад I. 937–993 гг.
Рудольф III. 993–1032 гг.

ИСПАНИЯ в X в. продолжала разделяться между мусульманами и христианами, потомками готов и франков.

Кордовский калифат при преемниках Абдерама II (см. выше), в конце IX и в начале X в. был потрясен внутренними семейными раздорами, которые окончились со вступлением на престол *Абдерама III* (912–961 гг.); при нем, как и при его сыне Гакаме II (961–975 гг.), в последний раз развились во всем блеске и могущество, и образованность мусульман в Испании; но после смерти Гакама II калифы удаляются навсегда в сераль, и в половине XI в. калифат был уже разделен между эмирами на 9 независимых частей.

История христианских владений имела обратный ход: в течение X в. и готские короли Леона, потомки Альфонса III Великого, и франкские короли Наварры представляют ряд междоусобий и семейных раздоров; графы Кастилии, ленники Леона, делаются самостоятельными. Но в конце X в., когда калифат начинает клониться к падению, династия королей Наварры присоединяет к себе по наследству готскую часть, и христианская Испания в начале XI в. является всецелой монархией. Король

Наварры *Санхо III Великий* (1000–1035 гг.) получает по наследству Кастилию, а его брат *Фердинанд I* (1037 гг.) приобретает по завещанию короля Леона Бермуда III королевство Леонское.

Если в X столетии борьба христиан с неверными ослабла, то причину того нужно искать в нападении норманнов на Италию, которые угрожали одинаково и мусульманам, и христианам.

Кордовские короли

Абдерам III. 912–961 гг.
Гакам II. 961–975 гг.
Гакам III. 975–1009 гг.

Леонские короли

Гарсий. 910–914 гг.
Ордоньо II. 914–923 гг.
Фройла II. 923–924 гг.
Альфонс IV. 924–929 гг.
Рамиро II. 929–950 гг.
Ордоньо III. 950–955 гг.
Ордоньо IV. 955 г.
Санхо Толстый. 955–957 гг.
Рамиро III. 957–982 гг.
Бермуд II. 982–999 гг.
Альфонс V. 999–1027 гг.
Бермуд III. 1027–1037 гг.

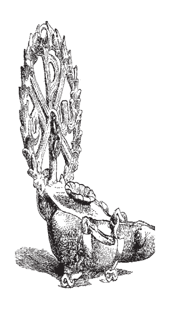
Наваррские короли

Санхо I. 905–926 гг.
Гарсий I. 926–956 гг.
Санхо II. 956–994 гг.
Гарсий II. 994–1000 гг.
Санхо III Великий. 1000–1035 гг.

АНГЛИЯ при преемниках Альфреда Великого до 70-х гг. X столетия продолжала с успехом дело своего основателя. Особенно замечательно было правление Ательстана и Эдгара, при которых архиепископ Кентерберийский, Дунстан, задумал совершить реформу церкви и государства в том же духе, каким отличались попытки его современников на материке, Одилона Клюнийского, Адальбера Реймсского и др. Но ничтожество преемников Эдгара ослабило правительство, и в начале XI в. Англия была завоевана датчанами.

Короли Англии

Эдуард Древний. 900–924 гг.
Ательстан. 924–940 гг.
Эдмонд. 940–946 гг.
Эдред. 946–955 гг.
Эдви. 955–959 гг.
Эдгар. 959–975 гг.
Эдуард Мученик. 975–978 гг.
Этельред II. 978–1004 гг.



Лиутпранд

СОСТОЯНИЕ ИТАЛИИ, ГЕРМАНИИ И БУРГУНДИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X в. ДО ОТТОНА ВЕЛИКОГО . 898–936 гг. (между 958 и 962 гг.)

Начинается вторая книга[1]

1. После того, как теплота жизни, удалившись из членов тела короля Арнульфа, оставила его бездыханным, все народы поставили своим королем его сына Людовика (Hulodoicus). Смерть такого великого человека (декабрь 898 г.) не могла не сделаться известной всему миру и в особенности соседним венграм. Этот день был для них лучшим праздником; они считали такое событие для себя выше всех сокровищ. Что же случилось?

2. В первый же год после смерти Арнульфа и воцарении его сына венгры собрали огромное войско и покорили своей власти мараванов (маравов), тех самых, которые были завоеваны при их помощи Арнульфом. Затем они перешли границы багоариев (баваров), разрушили их замки, сожгли церкви и избили жителей. Для распространения большего ужаса они упивались кровью своих жертв.

3. Когда король Людовик получил известие об опустошении своих земель и жестокости венгров, он призвал всех своих людей к походу и, чтобы страхом возбудить большее усердие, угрожал каждому виселицей, кто уклонился бы от участия. Наконец его огромное войско встретилось с бесчисленными толпищами того отвратительного народа. Ни один жаждущий не стремится так к холодному источнику, как этот жестокий народ ожидает дня битвы; ничто его не радует, как бой. Как я читал в сочинении, которое говорит «О происхождении» этого народа[2], сами матери у венгров разрезают своим сыновьям при самом рождении щеки острым ножом, с тем чтобы приучить переносить раны прежде, нежели они начнут питаться первым молоком. В справедливости этого известия уверяет нас и то обстоятельство, что и до сих пор у них родственники покойника наносят себе раны в знак печали. Это люди α(οσι)εοι χαι αζεβοις αντι των δαχριων, *афеи кэ асевис анти тон дакрион*, то есть, «безбожные и нечестивые вместо слез» проливают кровь. Король Людовик едва успел подойти со своим войском к городу Августе (ныне Аугсбург, на р. Лехе), лежащем на пределах земли свевов (швабов) и баваров, и восточных франков, как к нему пришло неожиданное, а еще более нежелательное, известие о приближении неприятеля. На следующий день оба войска столкнулись на равнинах р. Леманна (ныне Лех), весьма удобных по своей обширности для подвигов Марса.

4. Прежде чем «Утром Аврора восстала с пурпурного ложа Титона»[1], кровожадное и браннолюбивое отродье венгров напало на христиан, еще объятых сном. Многих разбудило жужжанье стрел прежде крика неприятелей; другие же, пронзенные на своих ложах, не были подняты ни криком, ни ранами, потому что душа их отлетела прежде пробужения от сна. Затем началась жестокая сеча; обратив тыл, как бы для бегства, турки[2] положили на месте многих христиан своими меткими *boelis*, то есть стрелами.

О, когда златокудрого Феба чело облаками
Мрачными сам Элоим всемогущий мгновенно подернет,
Вместе и своды небесные тяжко громами застонут, Доннара[3]
стрелы каленые вспыхнут одна за другою:
Горе тогда тому, кто белым черное назвал;
В совесть твою заглянуть ни один злодей не посмеет,

---

[1] См. первую книгу выше.

[2] Так озаглавлено известное сочинение Иордана «De Getarum origine» (см. выше); Лиутпранд ссылается именно на XXIV гл., где говорится о гуннах.

[1] Вергилий Георг., I, 447.

[2] Turci – так Лиутпранд называет венгров, в подражание византийцам.

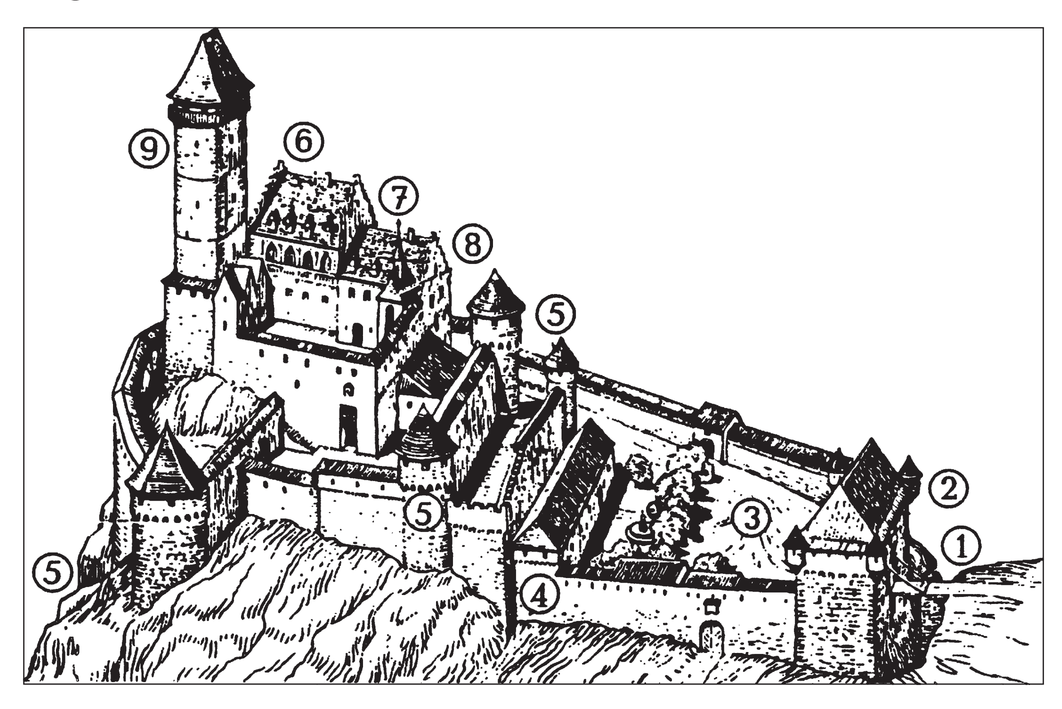
[3] Tonantis – латинский перевод имени германского божества Donnar.

Гневом небесным в самое сердце глубоко сраженный:
Так с быстротой вылетали каленые стрелы из лука,
Кожу бычачью тяжелых щитов насквозь проникая;
Граду подобно, который, зеленую жатву скосивши,
Громко шумит и по кровлям высоким со стуком летает,
Воев мечи ударялись о звонкие шлемы, и трупы
Падали быстро рядами, сраженные меткой стрелою.

Феб, начав клониться к западу, уже достиг седьмого часа своего пути (по-нашему, первый час пополудни), а Марс, обращая светлое лицо к Людовику, продолжал ему покровительствовать, как в это время коварные турки, скрыв засаду, притворились, что они обращаются в бегство. Королевское войско (regis populus), не подозревая хитрости, пустилось с жаром преследовать, но на него бросились со всех сторон из засады, и мнимопобежденные начинают истреблять победителей. Сам король с изумлением видел, что его победа обратилась в поражение, которое было тем тяжелее, чем менее он мог его ожидать. Ты увидел бы долины и поля, усеянные трупами, ручьи и реки, обагренные кровью; ржание лошадей и трубные звуки увеличили ужас обращенных в бегство и поощряли рвение преследовавшего неприятеля.

5. Так достигли венгры своей цели; но их злоба еще не была вполне удовлетворена таким страшным поражением христиан: чтобы насытить свою корысть, они прошли земли баваров, свевов (швабов), франков и саксов, предавая все встречавшееся на пути огню и мечу. Никто не осмеливался выжидать их прихода, за исключением тех мест, которые трудно было бы взять или которые были укреплены самой природой. Несколько лет народ вынужден был платить им дань.

6. При этом короле (Людовике Дитяти) жил некто Адельберт (906 г.), не какой-нибудь ничтожный человек, но тот великий герой, который, живя в своем замке Бавемберге (Бабенберг), вступил в упорную вражду с целой империей (res publica). Король Людовик ходил против него часто со всеми своими силами; но этот герой выдерживал с ним борьбу, не запершись в замке, как другие то обыкновенно делают, но выступая в открытое поле, далеко от своих укреплений. Именно случилось однажды, что приближенные к королю, изумляясь на деле его отваге, явились к Людовику и советовали выманить неприятеля мнимым боем из крепости и после погубить. Но Адельберт не только знал подобные военные хитрости, но и сам был мастер на них, а потому встретил неприятеля так далеко от замка, что тот распознал в нем врага не прежде, как испытав на своих головах острие его смертоносного меча. После того, как Адельберт, этот герой, в течение семи лет упорствовал в подобном мятеже, король Людовик, видя, что такое мужество и храбрость можно победить только хитростью, обратился к Гаттону, майнцскому архиепископу, и просил у него совета, как поступить в подобном случае. Будучи человеком хитрым, архиепископ ему отвечал: «Успокойся, я тебя освобожу от этой заботы; я устрою так, что Адельберт сам явится к тебе, а ты уже постарайся, чтобы он от тебя не ушел». Уверенный в себе, так как Гаттон не раз умел дать хороший оборот худому положению дел, он явился в Бабенберг, показывая вид, что его привело туда одно дружеское участие к Адельберту. Архиепископ заговорил так: «Хотя, быть может, ты и не веришь ни в какую жизнь, кроме настоящей, но тем не менее несправедливо с твоей стороны упорствовать в мятеже против своего господина, тем более, что все твои усилия напрасны; ты не хочешь понять, сколько ты выиграешь у всех и в особенности у короля, если смиришься духом. Поверь моим советам и прими клятву в том, что ты без всякого колебания *можешь выйти из замка и воротиться в него*. Если не веришь моим пастырским обещаниям, то будь доверчив к моей клятве; я клянусь, что как здрав и невредим ты выйдешь со мной из замка, так я позабочусь привести тебя и назад». Адельберт, допустив себя увлечь или, лучше сказать, обмануть такими речами, сладкими как мед, поверил клятве Гаттона и вместе с тем пригласил его поужинать. Гаттон же, имея в виду свой коварный план, который он хотел немедленно привести в действие,



Устройство средневекового замка:

1 – подъемный мост; *2* – надвратная башня; *3* – замковый двор; *4* – хозяйственные постройки и стойла; *5* – башня; *6* – жилище хозяина замка; *7* – женские горницы; *8* – капелла; *9* – главная замковая башня

наотрез отказался от всякого ужина. Таким образом, они оставили замок безотлагательно, а Адельберт следовал за ним, держа его за правую руку. Но едва они оставили за собой замок, как Гаттон остановил своего спутника словами: «Мне жаль, мой храбрый герой, что я не подкрепил себя, сообразно с твоим советом: ведь нам предстоит длинный путь». Не подозревая ни того бедствия, ни той погибели, которая подготовлялась ему словами Гаттона, Адельберт отвечал ему: «Так воротимся, владыко: подкрепи сколько-нибудь свое тело, чтобы не истощить его муками голода». Гаттон согласился на это предложение, и той же дорогой, которой они вышли из замка, повел назад Адельберта, держа его по-прежнему за правую руку. Они наскоро поели и в тот же день оба поспешили к королю. Когда объявили королю о прибытии Адельберта, в лагере поднялась большая тревога и шум. Король, обрадованный такой вестью, приказал всем князьям собраться и открыть судебное заседание. В собрании он обратился к судьям: «Мы знаем собственным опытом, а не по одному слуху, сколько пролито Адельбертом крови в течение последних семи лет, сколько наделал он нам тревог и вреда своими разбоями и опустошениями. Теперь я жду вашего приговора, какую награду нужно присудить ему за такие блестящие подвиги». По единодушному решению Адельберт, на основании постановлений древних королей (secundum priscorum instituta regum), был обвинен в оскорблении величества (majestatis reus) и приговорен быть обезглавленным. Но когда его связанного повлекли на казнь, он увидел Гаттона и обратился к нему: «Ты будешь клятвопреступником, если допустишь лишить меня жизни». Гаттон отвечал: «Я обещал тебя невредимым вывести из замка и также возвратить, но я и сдержал свое слово: вскоре после того, как мы вышли в первый раз, я тебя вывел и здравым и невредимым привел назад». Тогда Адельберт начал

сожалеть со вздохами о том, что так поздно разгадал хитрость Гаттона, и последовал за палачом тем неохотнее, чем более хотелось ему жить, если бы только то было возможно[1].

7. По прошествии немногих лет (899 г.)[2], когда венгры не встречали более себе сопротивления ни в восточных, ни в юго-восточных странах – булгары и греки были уже их данниками, – они решились, чтобы не оставить никого в покое, потревожить юго-западные народы. Собрав огромное и бесчисленное войско, они потянулись в Италию. Разбив свои холщовые палатки или, скорее, тряпки, на берегах Бренты, венгры пустили вперед на три дня пути соглядатаев, чтобы разведать положение местности и плотность населения, и получили следующие известия: «Лежащая перед нами и густонаселенная равнина, как вы видите сами, с одной стороны примыкает к крутым и плодоносным горам, а с другой стороны омывается морем; города в ней многочисленны и хорошо укреплены. Не знаем, мужественна ли или ничтожна нация, но что она бесчисленна, это ясно видно. Потому мы не советуем вам начинать нападения с такими небольшими силами. Но так как есть достаточно поводов, побуждающих к войне, а именно: привычка наша к победам, отвага духа и воинское искусство, в особенности же богатства, к стяжанию которых мы стремимся, и которыми эта страна обладает в таком количестве, какого мы не видали в целом мире и не ожидали видеть, потому наш совет – возвратиться назад, так как дорога, которую можно сделать менее чем в 10 дней, вовсе не далека и не тяжела, а в следующую весну собрать самых храбрых из нашего народа и воротиться назад грозными не одной храбростью, но и многочисленностью».

[1] Весь этот рассказ Лиутпранда о Гаттоне дает понятие о нравах того времени и напоминает собой известную народную поэму «Рейнеке-фукс», которая могла сложиться во время, весьма близкое к эпохе, описываемой Лиутпрандом.

[2] Скорее Лиутпранд должен был сказать: «Незадолго перед тем»; это очевидный анахронизм: Адельберт был казнен в 906 г.

8. Приняв такой совет, венгры немедленно возвратились домой и провели всю зиму в ковке оружия, изощрении стрел и в обучении своего юношества военному искусству.

9. Солнце еще не успело переступить из знака Рыб в знак Овна (по-нашему – в конце февраля 899 г.), как венгры с огромным и бесчисленным войском вторглись в Италию, прошли мимо твердых укреплений Аквилегии (ныне Аквилейя) и Вероны и, не встретив ни малейшего сопротивления, достигли г. Тицина, который теперь носит благозвучное название Папии (ныне Павия). Король Беренгарий не мог довольно надивиться такому отважному и необычайному нападению, тем более, что перед тем он даже и не слыхал имени такого народа. К итальянцам (Itali)[1], тускам, вольскам, камеринам, сполетинцам были отправлены к одним письменные приглашения (libri), к другим непосредственные послы с приказанием всем собраться в одном месте; и составилось войско, превосходившее венгров своей численностью в три раза.

10. Король Беренгарий, видя себя во главе такого огромного войска, возмечтал духом и, ожидая победы над неприятелем не столько от Бога, сколько от своей силы, остановился в небольшом местечке со своими приближенными и предался там чувственным наслаждениям. Чем же это кончилось? Венгры, видя перед собой такую многочисленную армию, пришли в замешательство и не знали, на что решиться. Сразиться они боялись, а уйти не было никакой возможности. Колеблясь в нерешимости, все же они предпочли обратиться в бегство и, преследуемые христианами, перешли р. Аддую (ныне Адда) с такой поспешностью, что многие из них утонули.

11. Затем венгры напали на хорошую мысль и через переговорщиков просили христиан принять от них обратно всю сделанную ими добычу вместе с вознаграждением за убытки и дать им свободно отступить. К сожалению, христиане отвергли это предложение, безусловно, и – о, горе! – от-

[1] На официальном языке того времени под Италией понимали одну долину р. По.

вечая презрительно, думали больше о цепях, в которые они желали заковать венгров, нежели об оружии, которым можно было бы их истребить. Язычники, видя, что они не могли никакими условиями убедить христиан к согласию, возвратились к прежнему своему плану искать спасения в бегстве. Они снова отступили и достигли таким образом широких полей Вероны.

12. Передовые отряды христиан касались нередко арьергарда (novissimos) неприятеля, даже дошло дело до схватки, в которой язычники победили. Но едва приблизилась главная армия, как венгры, снова обратившись в бегство, продолжали свое отступление.

13. Таким образом, христиане и язычники подошли одновременно к р. Бренте, потому что усталость коней не позволяла венграм продолжать бегство. Оба войска встретились, и только русло упомянутой реки отделяло их друг от друга. Венгры, доведенные до отчаяния, предлагали выдать все свое имущество, всех пленных, все оружие, даже своих лошадей, удерживая только по одной лошади на человека для обратного пути; чтобы придать более веса своей просьбе, они изъявили готовность за спасение жизни обещать клятвенно никогда не нападать на Италию, и для уверения в том отдавали своих сыновей заложниками. Но, увы! Христиане, ослепленные своей гордостью, считали своего врага совершенно побежденным и угрожали ему, отправив немедленно следующую апологию, απολογειαν, то есть ответ: «Если бы мы решились принять в дар то, что и без того принадлежит нам, и вступить в переговор с издохшими собаками, то и сумасшедший Орест поклялся бы, что мы сумасшедшие»[1].

14. Доведенные до отчаяния таким ответом храбрейшие из венгров собрались вместе и начали воодушевлять друг друга такими речами: «Так как человеку не может ничего хуже случиться, как потерять настоящую жизнь, просить же более нельзя, на бегство нет никакой надежды, подчиниться – это все равно, что и умереть, то чего же нам после того бояться броситься навстречу стрел и за смерть заплатить смертью? Не будет ли лучше, если припишут наше поражение судьбе, а не трусости нашей? Пасть, мужественно сражаясь, значит не умереть, но жить. Эту славу, это наше χλιρονομειαν, *клирономиан*, то есть наследство, завещанное нам предками, передадим и своим потомкам. Мы должны положиться на себя, как на людей испытанных в брани, которые не раз истребляли огромные войска с ничтожными силами. Толпища простого народа, непривычного к битвам, идут навстречу одной погибели. Весьма часто Марс губит обратившихся в бегство и покровительствует решившимся мужественно бороться. Те, которые не вняли нашим мольбам, не знают и не имеют в уме того, что победить хорошо, но вознестись в победе (supervincere) не честно».

15. Воодушевленные такой речью, венгры в трех местах располагают засаду и, переправившись через реку, бросаются в середину неприятеля (24 сентября 899 г.). Большая часть христиан, утомившись продолжительным ожиданием возвращения переговорщиков, рассеялась по лагерю, чтобы подкрепиться пищей. В это-то время венгры напали с такой быстротой, что многим они прокололи кусок хлеба в горле; другие, обратясь в бегство, не могли уйти от быстроты лошадей, так что венгры тем легче истребляли неприятеля, чем более находили его стесненным. Наконец, к большему несчастью для христиан, между ними обнаружился немалый раздор. Многие не только не шли против венгров, но еще радовались, видя погибель своих, и эти недостойные люди действовали так низко, потому что ожидали после смерти своих соперников тем безграничнее властвовать. Но оставляя своих ближних без помощи в минуту их крайности и радуясь их погибели, они устраивали собственную гибель. Христиане таким образом обратились в бегство, и язычники предались неистовству; люди, которые только что напрасно молили о своей пощаде, не могли пощадить других, несмотря на их просьбы. Когда наконец христиане частью были избиты, частью же обращены в бегство, венгры пронесли

---

[1] Insanos capite non sanus juraret Orestes – оборот, заимствованный из Горация (Сат. II, 3, 132).

опустошение по всему королевству. Им осмеливались сопротивляться только за стенами самых сильных крепостей. Силы венгров были так велики, что пока одна их часть опустошала Баварию, Свевию (Швабию), Францию (Франконию) и Саксонию, другая грабила Италию.

16. Таким успехом венгры были обязаны не одной своей силе: тем исполнялось истинное слово Божие, более неизменное, чем небо и земля, когда оно устами пророка Иеремии угрожало всем народам в лице дома Израилева: «И вот я приведу на вас народ издалека, народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не поймешь его речи. Колчаны его – разверстая могила; все – силачи; и пожрут они жатвы твои и поглотят ваш хлеб; пожрут сынов ваших и ваших дщерей; пожрут овец, и тельцов ваших; и ваши виноградники, и ваши смоквы, и маслины, и ваши твердыни, на которые полагаетесь вы, срежут мечом. Но в те дни,– говорит Господь Бог,– я не совсем погублю вас»[1].

17. В это самое время умер король Людовик, а Конрад (Chunradus), из рода франков (то есть восточных), муж сильный и искусный в деле войны, был поставлен королем над всеми племенами 20 августа – 8 ноября (911 г.).

18. При нем могущественнейшими князьями были: Арнольд в Баварии, Бургард в Швабии, Эверард, сильнейший граф во Франции (Франконии), Гизельберт – герцог в Лотарингии; но над всеми ними возвышался Генрих, всесильный герцог саксов и турингов.

19. Во второй год правления Конрада (913 г.) вышеупомянутые князья, и в особенности Генрих, восстали против него. Но Конрад одержал над ними верх как своим благоразумием, так и силой, и привел к повиновению. На Арнольда же он навел такой страх, что он вместе с женой и детьми убежал к венграм и жил там, пока была искра жизни в теле Конрада.

20. В седьмой же год правления (918 г.) король увидел, что для него настало время быть отозванным к Богу. Он созвал к себе вышеупомянутых князей – один Генрих не явился – и сказал: «Как вы видите, для меня наступило время перейти от тления к нетлению, от смерти к бессмертию; потому убедительно прошу вас сохранять мир и согласие. После смерти моей да не разжигает вас никакое властолюбие, ни желание первенства. Изберите королем и поставьте господином Генриха, благоразумного герцога саксов и турингов; он знаменит и мудростью, и справедливой строгостью». Говоря так, он приказал подать свою собственную корону, которая была не только богата золотом, как короны всякого другого князя, но и украшена, даже обременена драгоценными камнями, скипетр и прочие королевские одежды, и при этом, собрав последние силы, сказал: «Вручая эти королевские регалии Генриху, назначаю его преемником и наследником королевского достоинства, и не только советую, но заклинаю вас повиноваться ему». С этим приказанием он умер (23 декабря), и после смерти его последовало исполнение его воли. Когда он скончался, вышеупомянутые князья представили герцогу Генриху корону и все королевские регалии и рассказали ему все в порядке, как распорядился король Конрад. Сначала скромно отклонял от себя Генрих королевское достоинство, но после без честолюбия принял его. Если бы бледная смерть, «которая стучит своей ногой одинаково и в хижину бедных и в замки королей»[1], не похитила Конрада так преждевременно, то его имя властвовало бы над многими народами в мире.

21. В это самое время возвратился из Венгрии Арнольд со своей женой и детьми и был принят с почетом баварами и восточными франками. И они не только приняли его, но и настаивали на том, чтобы он принял титул короля (ut rex fiat). Король Генрих, видя, что все повинуются его власти, и только Арнольд намерен сопротивляться, собрал многочисленное войско и пошел в Баварию (921 г.). Когда же узнал о том Арнольд, он не только не хотел ждать его прихода в Баварию, но, собрав,

[1] Иерем. V, 15–18.

[1] Подражание Горацию (Од. I, 4).

сколько мог, войска, поспешил ему навстречу. Очевидно, он и сам хотел сделаться королем. Но когда неприятели сошлись для битвы, король Генрих, как муж мудрый и богобоязливый, понимая, что обе стороны потерпят невознаградимые потери, предложил Арнольду личное свидание. Арнольд думал, что дело идет о поединке, и потому явился в назначенный час на условленное место.

22. Король Генрих, видя его поспешно идущим к себе навстречу, обратился к нему со следующими словами:

Ты ль в своем безрассудстве задумал противиться Богу?
Избран был я королем всей страны по желанью народа,
Волей Христа, десница которого правит мирами:
Тартар пред ним трепетал, Флегетон его убоялся;
Гордую власть королей, пред которой повсюду дрожали,
Ниц он поверг, а смиренных сердцем напротив возвысил,
С тем, чтобы слава Господня хранилась во веки и веки,
Ты ль, вероломный, жестокий, преступный, свирепый, безбожный,
Страстью слепой зараженный, уколотый зависти жалом,
Ты ли жаждешь погибели множества душ христианских?
Если народ предпочел бы тебя, в короли избирая,
Верь, что и я никогда никого не желал бы другого.

После того, как король Генрих смягчил душу Арнольда речью, которая имела четвероякое достоинство, а именно – она была богата содержанием, коротка, сжата и красноречива, Арнольд возвратился к своим.

23. Арнольд, известив своих обо всем, получил от них следующий αποχριζην, *апокрисин*, то есть ответ: «Кто сомневается в справедливости слов того мудреца[1] или, лучше сказать, в справедливости изречения истинной мудрости, которая гласит так: «Много цари царствуют, князи господствуют и мудрые изрекают правду»; или в справедливости сказанного апостолом[1]: «Всякая власть от Бога, и кто противится власти, Богу противится». При избрании Генриха в короли было бы невозможно единогласие народа, если бы он не был избран еще до сотворения мира верховной Троицей, которая и есть единый Бог. Будет он хорош, тогда его должно любить, а Бога за него прославлять; будет он худ, должно его терпеть, потому что в большей части случаев подданные, если они властью угнетаются, то это бывает за их грехи. Нам же кажется справедливым, чтобы ты не отставал от других, но избрал ты также его королем, и чтобы он со своей стороны отличил тебя, как человека, покровительствуемого счастьем и обладающего огромными богатствами, и смягчил бы твое неудовольствие, дав тебе такое право, каким не пользовались твои предшественники, а именно – подчинив твоей власти епископов всей Баварии и предоставив тебе назначать преемников, если кто-нибудь из них умрет». Арнольд последовал этому прекрасному и доброму совету своих приверженцев и сделался вассалом короля Генриха (Heinrici regis miles), за что и был почтен властью над епископами всей Баварии.

24. В это время (919 г.) венгры, узнав о смерти короля Конрада и о вступлении на престол Генриха, рассуждали между собой так: «Быть может, новый король желает заключить и новые договоры. Поднимемся, собрав многочисленное войско, и разведаем, согласен ли Генрих платить нам должную подать. Если он, как можно полагать, походит на прочих королей, то мы опустошим его государство огнем и мечом. Сначала мы нападем не на Баварию, а на Саксонию, где живет сам король; если, сверх нашего ожидания, он успеет собрать войско, то ни из Лотарингии, ни из Франции (Франконии), ни из Свевии (Швабии), ни из Баварии он не получит своевременно помощи. Притом страна саксов и турингов может быть легче предана разграблению, так как она не защищена ни горами, ни укрепленными замками».

---

[1] Притчи Солом. VIII, 15, 16.

[1] Римл. XIII, 1, 2.

25. Король Генрих был тяжко болен (933 г.), когда его известили о скором появлении венгров. Не выслушав до конца слов вестника, он разослал послов по всей Саксонии, повелевая каждому, до кого могло достигнуть приказание, под страхом смерти явиться к нему в течение четырех суток. Так собрал он в четыре дня огромное войско: саксы имели похвальный и достойный подражания обычай, по которому никто по истечении тринадцати лет не смел уклоняться от военной службы. Хотя король был весьма слаб телом, но по твердости душевной он сел, как мог, на коня, собрал около себя войско и начал в нем возбуждать охоту к битве следующими словами[1]

26. Знатных саксов народ, храбрости львиной,
В битвах издревле стяжал славное имя.
Дрался он с Карлом мечом, кровью облитым;
Власти же Карла тогда мир подчинялся;
В бегство был обращен всех победивший;
Если же он, воротясь, нас уничтожил,
Божья то милость была: Богу угодно
Было спасти от греха грешные души.
Ныне ж проклятый народ, богопротивный,
Турки, Христовы враги, хвалятся громко
Весь народ полонить, верных чад церкви.
Горе нам, горе! теперь думают даже
Выю нашу склонить бременем дани.
Духом воспряньте, мои мужи герои,
Режьте, рубите, молю, сильной рукой!
Жаждою брани святой в сердце пылайте!
Пусть отправляется враг к Стиксу с дарами,
И раскаленный обол платит Харону.

27. Король, видя, что его убеждения воодушевили войско к борьбе, восстановил тишину и, полный дара божественного пламени, продолжал так: «Деяние королей древности и писания св. отцов поучают нас, как мы должны поступать. Богу не трудно ничтожной силой поразить великие силы, если вера первых будет заслуживать того; я говорю *вера*, но не вера слова, а дела, не вера уст, а сердца. Дадим же обет и, по словам псалмопевца, исполним его; я буду первым, как я первый по своему достоинству и сану. Да будет изгнана всячески из нашего государства симония[1] (simoniaca heresis), ненавистная Богу, осужденная блаженным князем апостолов Петром и безрассудно поддерживаемая до сих пор нашими предшественниками. Пусть благодать соединит тех, кого разделила хитрость дьявола».

28. Король хотел еще говорить далее в этом же роде, как вестник, быстро подъехав к нему, объявил, что венгры у Мерзебурга (Meresburg), крепости, расположенной на границе саксов, турингов и славян (Sclavorum). Он присоединил к этому, что они взяли в плен множество детей и женщин и избили огромное число мужчин; а для внушения большего ужаса саксам они решили не оставлять в живых никого старше 10 лет. Но король, твердый духом, не был ничем устрашен и продолжал убеждать своих воинов с большей храбростью сражаться за отечество и пасть со славой.

29. Между тем венгры расспрашивали своих пленных, могут ли они ждать нападения и, получив в ответ, что иначе и не может быть, отправили соглядатаев разузнать, насколько это справедливо. Пустившись в путь, они увидели короля Генриха с бесчисленным войском вблизи упомянутого города Мерзебурга. Но они едва имели время воротиться к своим, чтобы известить их о приближении неприятеля; и никто другой, как сам король, предстал перед ними вестником битвы.

30. Вслед за тем началось сражение. Из среды войска христиан раздался святой и чудодейственный глас: Κυριε ελειζον, *Кириэ элисон*, то есть, Господи, помилуй; из их же лагеря беспрестанно слышалось отвратительное и дьявольское: у-у!

31. Перед началом битвы король Генрих дал своим следующий мудрый и спасительный совет: «Когда вы пуститесь на игру Марса, то не опережайте друг друга, хотя бы у иного лошадь была быстрее; закрывайтесь взаимно щитами и на них примите пер-

---

[1] Речь Генриха в стихах была опять заимствована Лиутпрандом из какой-нибудь современной поэмы, служившей ему источником; она написана особым размером; каждая строчка разбита на две части; первая представляет первую половину пентаметра, а вторая – конец экзаметра, а именно: «Знатных саксов народ – храбрости львиной,– В битвах издревле стяжал – славное имя».:

[1] То есть продажа духовных мест.

У замковой стены

вые стрелы неприятеля. Затем во весь карьер (cursu rapido) со страшной силой полетите на неприятеля, чтобы он почувствовал на себе раны, нанесенные вашими мечами, прежде, нежели имел бы время сделать второй выстрел». Помня этот спасительный совет, саксы помчались, сохраняя прямую линию строя, и никто, имея более быструю лошадь, не заезжал вперед; по словам короля, прикрыв друг друга щитами, они без всякого вреда для себя приняли на них первый залп стрел и затем, как приказал им благоразумный вождь, быстро бросились на неприятеля, так что враг прежде расстался с жизнью, нежели успел сделать второй залп. По благодати Божией, венгры после того думали более о бегстве, нежели о битве: бег быстроногого рысака казался им еще весьма тихим; бляхи сбруй и насечка оружий были для венгров не обороной, а бременем. Побросав луки, разметав стрелы, сбросив с лошадей сбрую, чтобы облегчить их, они думали об одном бегстве. Но всемогущий Бог, отняв у них боевую отвагу, лишил возможности найти спасение в бегстве. Избив и рассеяв венгров, победители выпустили на волю бесчисленное множество пленных, и стоны их обратились в радостную песнь. Король приказал изобразить на ζφγραφειαν, *зографиан*, то есть картине, эту преславную и достохвальную победу в верхних покоях дворца в Мерзебурге, чтобы считали это дело более истинным, нежели правдоподобным[1].

32. Пока все это происходило, итальянцы, почти все, отправив прямо посольство, пригласили к себе некоего Людовика (Слепого), короля Бургундского[2], по происхождению бургунда, прося прийти к ним, отнять у Беренгария (I) королевство и взять себе (901 г.).

33. Виновником такого преступного замысла был Адельберт, маркграф города Эпорегия (ныне Иврея в Пьемонте), за которого тот же Беренгарий выдал свою дочь, по имени Гизлу (Гизель); от нее он имел и сына, которому дал имя его деда (то есть Беренгария). Это-то и есть тот Беренгарий (II)[3], под тяжкой тиранией которого и теперь (959 г.) воздыхает Италия, и всякий народ, управляемый им, получает погибель, а не пользу. Но возвратимся к делу, а теперь достаточно и этого сказать.

34. Этот Адельберт – да сохранит от того Бог всех добрых людей – был самых нечестивых нравов. Но сначала, будучи еще юношей, несмотря на пылкость возраста, он от-

---

[1] Ср.: описание той же войны Генриха I с венграми, ниже у Видукинда, в переводе.

[2] См. родословную табл. № 3: внук Людовика II, императора.

[3] См. о нем выше; он был личный враг Лиутпранда.

личался удивительным человеколюбием и необыкновенной кротостью до того, что если, возвращаясь с охоты, встречал нищего и не имел ничего с собой, чтобы ему подать, то, не задумавшись, уступал ему свой рог, висевший у шеи на золотой цепочке, и после выкупал у него за то, чего он стоил. Но впоследствии он составил себе такую дурную память, что о нем сложилась справедливая песня, которую знали и взрослые и дети. Скажем ее по-гречески, потому что на этом языке она будет благозвучнее: Αδελβερτος χομις χουρτης μαχροζπαϑης γουνδοπιζτις, *Адельбертос комис куртис, макроспатис, гундопистис*; это значит: «Меч у него длинен, а честь коротка».

35. По его-то приглашению и по приглашению некоторых других итальянцев вышеупомянутый Людовик явился в Италию. Лишь только узнал о том Беренгарий (I), как вышел против него с войском. Людовик же, услышав, что враг идет к нему навстречу с огромными силами, у него же войско было ничтожно, дал клятву под влиянием страха никогда не являться в Италию, если Беренгарий дозволит ему отступить. Людовик был так легко изгнан потому, что Беренгарий многочисленными дарами успел сохранить верность к себе Адельберта, могущественного маркграфа тусков[1].

36. Но по прошествии короткого времени Адельберт начал смотреть на власть Беренгария, как на бремя. Этому немало содействовала жена его Берта, мать Гуго, бывшего впоследствии при мне (с 926 г.) королем Италии. Вследствие того, по совету Адельберта, прочие итальянские князья снова обратились с приглашением к тому же Людовику. Властолюбие заставило его забыть клятву, и он поспешил явиться в Италию (октябрь 909 г.).

37. Беренгарий, видя, что Людовик имеет на своей стороне не только итальянцев, но и тусков (тосканцев), отправился в Верону. Людовик же, преследуя его неутомимо вместе с итальянцами, выгнал его из Вероны и силой покорил все королевство.

38. По окончании этого дела, так как Людовик объехал кругом всю Италию (то есть долину р. По), ему захотелось побывать и в Тусции. Выйдя из Папии (ныне Павия), он отправился в Лукку, где и был принят Адельбертом с большим почетом и торжеством.

39. Когда Людовик увидел Адельберта окруженным отличными войсками и живущим весьма богато и роскошно, он, побуждаемый завистью, втихомолку заметил своим: «Его можно принять скорее за короля, нежели за маркграфа; он ниже меня только титулом». Это замечание не могло укрыться от Адельберта. Берта, женщина хитрая, услышав то, склонила не только своего мужа нарушить ему верность, но вовлекла в измену и других князей Италии. Вследствие того, когда Людовик, возвращаясь из Тусции, отправился в Верону и остался там, ни о чем не думая и не подозревая никакого злоумышления, Беренгарий, подкупив городскую стражу и собрав около себя храбрейших мужей, под покровом ночи проник в город (июль 905 г.).

40. Река Атезис (ныне Эчь), подобно реке Тибру в Риме, протекает по самой середине города Вероны. На реке построен громадный мраморный мост удивительной работы и удивительной величины. На левом берегу реки северная часть города защищена крутым и затруднительным для подъема возвышением, так что если бы та часть города, которая расположена на правом берегу упомянутой реки, была взята неприятелем, то левая сторона могла бы еще хорошо защищаться. На самой вершине того возвышения была выстроена церковь дорогой работы в честь князя апостолов блаженного Петра: там-то и поместился Людовик как потому, что ему нравилась церковь, так и потому, что все это место было укреплено.

41. Но Беренгарий (I), как мы сказали, пробравшись в город ночью и перейдя вместе со своими воинами мост на рассвете, совершенно неожиданно для Людовика напал на него. Поднятый криком и шумом воинов, он спросил, что случилось, и убежал в церковь. Только один из воинов Беренгария знал о месте его убежища, но и тот, побуждаемый жалостью, не хотел его

---

[1] См. ниже родословную табл. № 3: зять Лотаря II, короля Лотарингии.

выдавать и утаил. Опасаясь же, что узнанный другими Людовик будет выдан и умерщвлен, он подошел к Беренгарию и сказал ему: «Так как Бог тебя до того возлюбил, что в твои руки предал твоего врага, то и ты припомни себе его наставления или, лучше сказать, повеления, ибо Он сказал: “Будьте милостивы, как и Отец ваш милосерд; не судите, да не судимы будете; не презирайте, да не будете сами презрены”». Но Беренгарий, как человек хитрый, понял, что он знает, где скрылся Людовик, и потому решился обмануть его своим софистическим ответом: «Неужели ты, безумный, думаешь, что я захочу умертвить человека, и притом короля, которого предал мне Бог? Разве св. Давид не мог убить царя Саула, преданного Богом в его руки? Нет, он не захотел того». Побужденный такими речами, воин указал место, в котором укрывался Людовик. Когда Людовик был схвачен и предоставлен Беренгарию, этот обратился к нему со следующими упреками: «Долго ли ты, Людовик, будешь употреблять во зло наше терпение?[1] Можешь ли ты не сознаться, что в последний раз я тебе оказал благодеяние и расположение, что не я побудил тебя к новому восстанию и что я выпустил тебя только по состраданию, которого ты не стоил? Понимаешь ли ты, говорю тебе, что ты теперь запутался в сетях собственного вероломства? Ты клялся мне, что никогда не вступишь в Италию. Я дарю тебе жизнь, как было мной обещано тому, кто тебя выдал, а выколоть тебе глаза не только приказываю, но и строго повелеваю». По окончании этой речи Людовик был лишен зрения, а Беренгарий овладел королевством (905 г.).

42. Между тем, так как ярость венгров не могла более изливаться на саксов, франков, швабов и баваров, они бросились на Италию, где никто не оказал им сопротивления. А так как Беренгарий (I) мало доверял своим вассалам (milites), то он даже вступил в тесную дружбу с ними.

43. Но и сарацины, поселившиеся, как я сказал выше, во Фраксинете, одержав верх над провансальцами, начали производить немалые опустошения в соседних с ними частях Верхней Италии и, разграбив многие города, дошли до Аквэ (Aquae)[1], отстоящего от Папии (ныне Павии) почти на 40 миль. Этот город получил свое название от теплых вод (по-латински aquae), при которых устроено превосходное здание в форме четырехугольника для ванн. При этом нападении такой страх овладел всеми, что только самые укрепленные места решились оказывать сопротивление сарацинам.

44. В это же самое время другие сарацины, прибыв из Африки на кораблях, овладели Калабрией, Апулией, Беневентом и почти всеми городами римлян, так что в этих городах одна половина принадлежала римлянам, а другая – африканцам. Последние построили на горе Гарелиане укрепление, где они держали в безопасности своих жен, детей, пленных и все свое имущество. И никто не мог ни с севера, ни с запада проникнуть в Рим для поклонения блаженным апостолам без того, чтобы не попасться в их руки и потом не выкупиться только за большую сумму. Хотя несчастная Италия претерпела большие бедствия от нападения венгров и сарацин из Фраксинета, но никакое зло и никакая чума не причинили бы ей столько вреда, как африканцы.

45. Рассказывают, что они по следующему случаю оставили Африку и перешли в Италию. После смерти августейших императоров, Льва (VI) и Александра[2], в Константинополе управлял империей Роман[3] (мы расскажем о том подробнее в другом месте) вместе с сыном императора Льва, Константином (913 г.), который живет еще и до сих пор (959 г.). Как то обыкновенно случалось, в первый же год правления Романа некоторые из его народов и в особенности ανατολιχαι, анатоликэ, то есть восточные, попытались возмутиться против

[1] Quousque tandem abutere, Hulodoice, patientia nostra? Знаменитое начало речи Цицерона против Катилины.

[1] Aequi – на р. Бормиде, между Генуей и Аостой.

[2] Дети Василия Македонянина (от 886 до 912 г.), при которых Олег осаждал Константинополь.

[3] Роман Лекапин, тесть и соправитель сына Льва VI, Константина VII Порфирородного, современника великой княгини Ольги.

него. Случилось же, что в то время, когда император отправил войска для их усмирения, восстали также Апулия и Калабрия, две провинции, которые в ту эпоху еще подчинялись Византии. Когда император, отослав главные силы на восток, не мог поставить значительного войска в Апулию и Калабрию, то он сначала просил их признать над собой прежнюю его власть добровольно. Но они отказались и объявили, что никогда не согласятся на то, а потому Роман обратился к африканскому владетелю (regem) с просьбой помочь ему усмирить Апулию и Калабрию. Вызванный такой просьбой владетель африканский перевез на бесчисленных кораблях войска свои в Апулию и Калабрию и силой подчинил обе провинции власти императора. Но впоследствии, удалившись оттуда, африканцы обратили свое оружие против Рима и, укрепившись для безопасности на горе Гарелиане, овладели силой многими весьма хорошо укрепленными городами.

46. Но Господь наш Иисус Христос, совечный и сосущный Отцу и Св. Духу, милосердием которого исполнена вся Земля, не желает, чтобы погиб кто-нибудь из людей, но чтобы все спаслись и познали истину, да не погибнут; один Бог предвидел эту опасность еще до сотворения мира, когда после всякой твари сотворил человека господином всего остального, что будет ему служить и повиноваться; в конце времен искупил его пролитием своей крови тот же истинный человек и истинный Бог, но не два существа, а одно, и принудил людей любить себя и своего Отца, одних благодеяниями, других страхом, и притом не ради себя – потому что ни наше добро не служит ему прибылью, как сказал пророк: «Ибо не нуждаешься в нашем дворе»; ни наше зло не причиняет ему убытка – но чтобы нам оказать помощь. Ему-то и было угодно казнить нас на то время ужасами, потому что мы отвергали его благодеяния. Но чтобы сарацины не свирепствовали долее и не говорили: «Где же их Бог?» – угодно было Богу направить сердца христиан так, что они стали сражаться с большей охотой, нежели прежде обращались в бегство.

47. В то время верховным первосвященничеством на досточтимом римском престоле был облечен Иоанн Равеннский[1]. Он достиг такой высоты самым гнусным злодеянием против всех прав, божеских и человеческих.

48. В то время Римом управляла полновластно – стыдно то и сказать – Теодора, распутная женщина (scortum inpudens), бабка того Альберика, который недавно (954 г.) умер (см. родословную табл. № 2). Она имела двух дочерей, Мароцию и Теодору, не только во всем ей подобных, но и опередивших ее в любовных интригах (veneris exercitio). Мароция родила преступным образом (nefario adulterio) от Папы Сергия, о котором я упомянул выше[2], Иоанна (XI), который после смерти Иоанна (X) Равеннского получил должность (dignitatem) в Римской церкви, а от маркграфа Альберика родился Альберик, который позже, в наше время, захватил незаконно в свои руки верховную власть в Риме. В то время (906 г.) первосвященником Равенны был Петр, а равеннский архипастырь (archipraesul) считался вторым после римского архиерея (archiereon). Петр по долгу подчинения весьма часто посылал к апостольскому владыке (то есть Римскому Папе) будущего Папу Иоанна (X), который был в то время священником его церкви. Теодора, как я уже сказал, распутная женщина, разожженная любовью, пленилась лицом Иоанна, и Иоанн хотя сначала не отвечал ей, но потом совершенно увлекся. Пока происходили эти бесстыдства, умер епископ в Бононии (н. Болонья), и Иоанн был выбран на его место. Немного позже, за день до его посвящения, умер вышеупомянутый архипастырь (archipraesul) Равенны, и по проискам Теодоры Иоанн, разжигаемый честолюбием, оставляет прежнюю Бононскую церковь и, в противность постановлениям св. отцов, овладевает тем местом. Отправясь в Рим, он был вскоре поставлен епископом Равеннской церкви[3]. Вскоре после

---

[1] Иоанн X (914–928).

[2] См. выше.

[3] В равеннских хартиях Иоанн обозначен епископом от 15 июля 906 г. до 4 сентября 911 г.

того (914 г.) Божьим соизволением умер и Папа (Анастасий III), который его незаконно поставлял. Тогда распутная и чувственная Теодора, чтобы не быть отдаленной от своего любовника на 200 миль, на которые Равенна отстоит от Рима, почему она могла обладать им весьма редко, вынудила равеннского архипастыря оставить свою кафедру и – о, ужас! – овладеть верховным римским престолом (911 г.). После утверждения такого наместника святых апостолов пуны (Poeni, или Puni, то есть африканцы или сарацины), как я выше сказал, ограбили жалким образом Беневент и римские города.

49. В это время (912 г.) один молодой человек из среды пунов, оскорбленный нанесенными ему обидами, бежал от своих и явился к Папе Иоанну (X); по божественному вдохновению он ему сказал следующее: «Великий жрец, если бы ты имел ум, то не допустил бы пунов так жестоко грабить твой народ и подчиненную тебе землю. Избери юношей, отличающихся особенной быстротой, и прикажи им повиноваться мне, как своему полководцу (imperatorem), наставнику и властелину. Никто из них не может иметь более одного копья и одного меча; я разрешаю им взять самую простую одежду и небольшое количество пищи».

50. Получив наконец 60 таких юношей в свое распоряжение, он поспешил против пунов и засел в одном узком проходе, через который лежал их путь. Так как пуны очень часто возвращались по этому месту из своих набегов, то они бросились на них с криком и совершенно неожиданно из своей засады и без труда перебили их: за криками удары следовали непосредственно. Пуны не успели опомниться, как уже были поражены их копьями. Слух об этой победе и этот опыт воодушевили многих римлян, и они в различных местах поразили пунов; вследствие умного совета того африканца, они должны были оставить города и удержали за собой одно укрепление на горе Гарелиане.

51. При утверждении Иоанна, как мы сказали, Папой (911 г.) пользовался большой известностью князь беневентинцев и капуанцев по имени Ландульф, муж храбрый и искусный в военном деле. Так как пуны немало потрясли государственный порядок, Папа Иоанн обратился к Ландульфу, этому знаменитому князю, с просьбой дать ему совет относительно африканцев. Выслушав это, князь отвечал Папе через послов: «Это дело, духовный отец, требует больших размышлений. Пошлите к императору аргосцев (ad Argorum imperatorem – так на Западе называли в то время византийского императора), заморские владения которого опустошаются беспрерывно, подобно нашим. Пригласите на помощь жителей Камерина и Сполето, и начнем с Божьей помощью жестокую войну с ними. Если победим, припишем победу Богу, а не своим силам: если же победят пуны, наше поражение будет отнесено не к нашей слабости, а к нашим грехам».

52. Услышав это, Папа немедленно отправил послов в Константинополь, убедительнейше прося оказать ему помощь. Император (Роман), как муж богобоязненный и святейший, тотчас же отправил на кораблях войско (916 г.). Когда они высадились у реки Гарелиана, Папа Иоанн (X), равно как и могущественнейший князь беневентинцев, жители Камерина и Сполето, все находились уже там на месте. Между ними произошла ожесточенная битва. Но когда пуны увидели, что христиане одолевают, бросились на вершину горы Гарелиана и ограничились защитой узких проходов.

53. Греки в тот же день расположились лагерем именно с той стороны, с которой был труднее приступ и по которой пуны могли легче убежать; расположившись таким образом, они наблюдали за пунами, преграждая им путь к побегу, и в ежедневной борьбе истребляли их в большом числе.

54. В этих ежедневных схватках пунов с греками и латинами при помощи Божией ни один пун не ушел от того, чтобы или не погибнуть от меча, или не попасться живым в плен. Во время этой борьбы святейшие апостолы Петр и Павел были видимы благочестивыми верными, и я верю в то, что только их молитвами христиане обратили в бегство пунов и одержали победу.

55. В это время умер могущественный маркграф тусков Адельберт, и сын его Видо получил от короля Беренгария (I) утверждение в звании маркграфа на место отца.

Жена же Адельберта, Берта, сохранила не меньшую власть и при своем сыне Видо. Хитростью, подкупом и развратом она привязала некоторых к себе. Вследствие того, когда спустя несколько времени Беренгарий арестовал ее и сына и заключил их под стражу в Мантуе, она не сдала ему своих городов и замков, но удержала их за собой, и он освободил из плена как ее, так и сына.

56. Берта (см. родословную табл. № 2), судя по слухам, имела трех детей от своего мужа: Видо, вышеупомянутый нами, Ламберта, который живет до сих пор (959 г.), лишенный зрения, и Эрменгарду, не уступавшую ей в разврате; она выдала ее за Адельберта, иврейского маркграфа, когда умерла Гизла, дочь короля Беренгария (I) и мать нынешнего короля Беренгария (II). Эрменгарда родила ему сына по имени Анскария; о его доблестях и отважном духе я расскажу в следующей книге.

57. В то время (917 г.) этот самый Адельберт, зять короля, маркграф Иврейский, Одельрик палатный граф (palatii comes, пфальцграф, коронный граф), родом шваб (ex Suevorum canguine), Гизельберт богатейший и храбрый граф, Ламберт, архиепископ Миланский, и некоторые другие князья Италии восстали против Беренгария (I). Причина же того следующая. Когда Ламберт после смерти предшественника должен был стать архиепископом Миланским, король Беренгарий в противность постановлениям св. отцов потребовал от него значительную сумму и приказал по получении ее расписать, сколько должны получить cubicularii, сколько hostiarii и даже altilium custodes. Архиепископ Ламберт, человек самолюбивый, заплатил королю требуемое им с величайшей досадой, как увидим то из последующего.

58. В то время Беренгарий держал в плену Одельрика, палатного графа, о котором мы сказали выше. Поставив Ламберта архиепископом, он поручил ему Одельрика, пока он сам не определит, как поступить с ним. Но архиепископ, не забывая той суммы, которую он внес за свое звание, вступил в сношение с пленником.

59. Несколько дней спустя король Беренгарий, отправив послов, потребовал к себе Одельрика. Но не подвержено сомнению, что Ламберт дал на это следующий иронический ответ: «Я нарушу свои святительские обязанности, если выдам кого-нибудь другому на смерть». Послы поняли, что архиепископ перешел на сторону возмутившихся, если без позволения короля выпустил того, кто был ему сдан. Возвратившись оттуда к королю, они вместо ответа привели ему стих Теренция: «Если что хочешь хорошо сохранить, так только поверь ему».

60. В это время у бургундов правил гордый король Рудольф (II)[1]. Его могущество увеличивалось и тем обстоятельством, что он был женат на дочери герцога швабов Бургарда по имени Берте. К нему-то и обратились итальянцы с посольством и просили прийти к ним для изгнания Беренгария.

61. Пока все это происходило (921 г.), венгры, незамеченные итальянцами, подошли к Вероне: два предводителя (reges) их, Дурсак и Бугат, были в тесной дружбе с Беренгарием. Пока таким образом маркграф Адельберт (Иврейский), палатный граф Одельрик, граф Гизельберт и многие другие совещались в горах у города Бриксианы (ныне Бресчия), отстоящего на 50 миль от Вероны, каким образом свергнуть Беренгария, этот последний уговорил венгров в доказательство их дружбы напасть на его неприятелей. Венгры, жадные до крови и войны, потребовали у Беренгария проводника, зашли тайными обходами в тыл неприятелю и напали с такой быстротой, что никто не имел времени ни надеть доспехи, ни даже схватиться за оружие. Многие были изрублены, многие попались в плен; палатный граф пал в битве, хотя он, впрочем, не храбро защищался; а маркграф Адельберт и Гизельберт были живыми захвачены в плен венграми.

62. Но Адельберт, хотя не большой герой, зато человек хитрый и ловкий, увидев себя окруженным врагами без возможности спастись бегством, немедленно сбросил с себя перевязи, золотые поручья и драгоценные украшения и надел дрянные одежды своего вассала (militis), чтобы не быть узнанным венграми. Попав в плен, он на вопрос

[1] См. родословную табл. № 3.

о своем звании выдал себя за вассала одного из своих вассалов (militis cujusdam militem) и просил отвести его в близлежащий замок Кальцинарию, где у него будто был жил родственник, который выкупит его. Его отвели туда и продали за ничтожную цену, так как никто его не узнал. Выкупил же Адельберта его собственный вассал по имени Лев.

63. Напротив того, Гизельберт, как узнанный, был избит, закован и полунагой представлен королю Беренгарию. Так как его привели к королю без штанов (sine femoralibus), в короткой верхней одежде (andromade), то, когда он бросился немедленно королю в ноги, сзади открылось все (genitalium ostensione membrorum) до того, что все присутствовавшие едва не умерли от смеха. Но король, человек мягкого сердца, оказал ему милость, которой он, впрочем, не заслуживал, и не отплатил ему злом за зло, как того желало войско (populus); он приказал обмыть его и одеть в лучшие одежды; затем, возвращая ему свободу, король сказал: «Я не требую от тебя никакой клятвы и поручаю тебя твоей собственной чести; если ты дурно поступишь со мной, то Богу отдашь отчет в том».

64. Но возвратившись домой и скоро забыв оказанное ему благодеяние, Гизельберт согласился по предложению Адельберта, зятя короля, и других мятежников отправиться к Рудольфу (II) и пригласить его. Таким образом, Гизельберт пустился в дорогу (922 г.) и уговорил Рудольфа раньше, чем в 30 дней, явиться в Италию. Он был принят там всеми и оставил Беренгарию из всех его владений один город Верону. Рудольф удерживал в своей власти Италию в течение целых трех лет (922–925 гг.).

65. Когда один и тот же человек в течение 12 часов может и нравиться и не нравиться, когда один и тот же предмет то любят, то отвергают, кто в состоянии тогда угодить всем одинаково? Вот таким же образом по прошествии трех лет король Рудольф для одних был хорош, для других невыносим. Вследствие того половина народа в королевстве была расположена к Рудольфу, другая же часть благоприятствовала Беренгарию. Обе стороны начали готовиться к отчаянной гражданской войне; и так как Видо, епископ города Плаценции, был на стороне Беренгария, то битва произошла при Флоренциоле в 12 милях от Плаценции[1].

66. Король Рудольф выдал свою сестру Вальдраду, которая и до сих пор славится своей красотой, умом и нравами, за Бонифация, могущественного графа, который позже в наше время (946 г.) получил маркграфство у камеринов и сполетинцев. Собрав войско, Бонифаций явился к Рудольфу на помощь вместе с графом Гариардом; но как человек хитрый и смелый, он считал более выгодным укрыться в засаде и ожидать окончания дела, нежели выдерживать первый натиск. Уже войско Рудольфа почти все обратилось в бегство, и приверженцы Беренгария, дав знать о победе, начали собирать добычу, как Бонифаций и Гариард, выйдя поспешно из засады, поразили их тем легче, чем неожиданнее было нападение. Гариард дал некоторым пощаду, ударяя их копьем, а не мечом; но Бонифаций, не спуская никому, произвел страшное опустошение. Тогда Бонифаций в свою очередь поднял знамя победы; по этому знаку собрались бежавшие приверженцы Рудольфа и, преследуя беренгарийцев (berengaricos), принудили их обратиться в бегство. Сам же Беренгарий искал убежища в известном городе Вероне. Во время этой войны такое множество было избито, что и до сих пор чувствуется недостаток в способных носить оружие.

67. После того король Рудольф покорил себе силой всю Италию и, поспешив в Павию, собрал около себя всех и обратился к ним со следующей речью: «Так как мне удалось, с помощью Божией победив врагов, овладеть всем государством, то теперь мне пришло на мысль, препоручив вашей верности итальянское королевство, посетить прежнее отечество Бургундию». На это ему отвечали итальянцы: «Если тебе так угодно, мы согласны».

68. После удаления короля Рудольфа жители Вероны, задумав зло, прибегли

[1] Лиутпранд, по моде того времени, далее, перед описанием самой битвы, вставляет вместо прелюдии стихи, которые должны были мрачно настроить читателя и в которых является на сцену Феб и Марс; но это один набор пышных фраз.

к покушению на жизнь Беренгария, и их намерение не укрылось от короля. Зачинщиком и исполнителем этого преступления явился Фламберт, с которым король покумился, восприняв его сына из святой купели. Накануне этого дня король позвал к себе Фламберта и сказал ему:

69. «Если бы ты не был со мной связан тесными и искренними узами дружбы, то можно было бы поверить тому, что о тебе говорят. Рассказывают, что ты покушаешься на мою жизнь; но я не так легко им верю. Я хочу тебе только напомнить, что все приобретенное тобой и в отношении имущества, и в отношении почестей, могло быть приобретено только моими благодеяниями. Потому ты должен хранить ко мне большое расположение, чтобы мое достоинство могло быть покойно на счет твоей привязанности и верности. Я не заботился ни о чьем счастье и ни о чьем имуществе, как о твоей чести. Все мои старания, усилия, заботы и помыслы жителей этого города были направлены к тому. Знай одно: если я буду видеть, что твоя верность останется постоянной, то при этом меня будет радовать не своя собственная безопасность, но твое умение быть благодарным за мои милости».

70. Сказав это, король протянул ему золотой тяжеловесный кубок и прибавил: «Выпей, что в нем, из любви ко мне и за мое здоровье; а то, в чем вино, удержи для себя». Без сомнения, вместе с напитком, вошел в него сатана; так написано и об Иуде, предателе Господа нашего Иисуса Христа: «И после сего куска вошел в него сатана».

71. Забыв и прошедшие и настоящие благодеяния короля, Фламберт провел целую бессонную ночь, склоняя войско (populos) к умерщвлению Беренгария. В эту ночь король, по своему обычаю, оставался в красивой беседке близ церкви, а не во дворце, где можно было хорошо защищаться. Не подозревая никакого злого умысла, он не приказал даже поставить стражу на ночь[1].

[1] Лиутпранд прерывает свой рассказ и вставляет отрывок в стихах, заимствованный им из какой-нибудь известной в то время поэмы, воспевшей трагическую смерть Беренгария.

Лишь только крыльями взмахнул
Петух, указывая стражу,
И медный колокола звук
Раздался громко, призывая,
Заботы мира отложив,
Воздать хвалу Тому, который
Нам временную жизнь открыл
И указал искать на небе
Другой отчизны край святой,–
Тогда король пошел поспешно
Во храм Всевышнего молить.
Туда ж торопится презренный
Фламберт со свитою убийц,
На жизнь святого покусившись.
Король, не зная цели их,
Услышав шум, вперед выходит
Узнать, что там, и видит вдруг
Толпу людей вооруженных.
«Скажи, Фламберт, мой верный муж,
Что за толпа, чего желает
Народ с оружием в руках?»
«Не бойся,– отвечал предатель,–
Не на тебя идет толпа:
Она сразиться ищет с теми,
Кто покушается давно
На жизнь твою, о, мой властитель».
Обманутый король спешит
Укрыться в их среде, и, ужас! –
Его, как пленника, влекут,
И подлый Ромфей в тыл наносит
Удар тяжелый королю;
И пал тогда благочестивый,
Вручая Господу свой дух.

72. Наконец, какую святую кровь они пролили, как бесчестно поступили эти бесчестные, о том, если бы и мы умолчали, заговорил бы камень, лежащий пред вратами церкви и указывающий на кровь его всем проходящим. И никто не проходит мимо, не зачерпнув воды и не окропив этого места.

73. Король Беренгарий вырастил у себя, как родного, одного юношу по имени Милона, настоящего героя, достойного памяти и хвалы. Когда бы король последовал его совету, то не испытал бы такой жалкой судьбы, если бы только божественное определение не решило, что иначе не может быть. Милон хотел именно в эту ночь, когда король Беренгарий был обманут, занять ночную стражу. Король же, обманутый обеща-

ниями Фламберта, не только не позволил Милону оставаться на страже, но и строго то запретил. Милон, как муж верный и честный, помня всегда благодеяния своего короля, хотя не мог его защищать, потому что отсутствовал, но постарался за то жестоко отомстить. Три дня спустя после смерти короля, он, схватив Фламберта и сообщников его в этом ужасном злодеянии, приказал их повесить (924 г.). Впрочем, Милон обладал многими другими превосходными качествами, о чем мы скажем в своем месте, если то будет угодно Богу.

Здесь заканчивается вторая книга «Воздаяния» и начинается третья.

Первая глава третьей книги заключает объяснение причин, побудивших автора назвать свое сочинение «Воздаянием». См. перевод этой главы выше.

2. После смерти короля Беренгария (I) и в отсутствие Рудольфа полчища венгров под предводительством Саларда рассеялись по всей Италии, окружили валом стены Павии и, расположившись лагерем вокруг, не выпускали никого из города. Не имея сил им сопротивляться, жители Павии поплатились по грехам своим.

3. Феб золотой, удаляясь от севера, в знак Зодиака
Начал вступать, растопляя снега на высоких покатах;
Ветры Эола подули, чтоб лютые венгры могли бы
Пламени город предать: дуновеньем Эола разлил
Быстро огонь по Павии, и вместе с огнем налетели
Яростно венгры, повсюду смерть разнося, и стрелами
Встретили тех, кто бежал, от огня и пожара спасаясь.
Бедный, когда-то красивый, город Павия сгорает!
Молот Вулкана в союзе с Эолом работает сильно,
Домы родные и стены Господних церквей разрушая.
Гибнут матери, дети, невинные девы и с ними
Гибнет толпами святой, православный народ беззащитно[1].
Первосвященник – зовут Иоанном, и слыл он в народе
Добрым – сложил свою бедную голову рядом с другими.
Временем долгим скопленное золото в складах богатых
В клоаки ручьями течет, распущенное огненным жаром.
Бедный, когда-то красивый, город Павия сгорает!
Ты бы увидел: реками лилось серебро и валялись
Яспис зеленый с топазом и нежный сапфир драгоценный;
Но никому и на мысль не пришло заглядеться на злато:
Бедный, когда-то красивый, город Павия сгорает!
Светлые волны Тицина клубилися мутной волной.
Бедный, когда-то красивый, город Павия сгорел –

в год от воплощения Господня 924-й, за 4 дня перед мартовскими идами, 12 индиктиона, в третьем часу. Заклинаю вас всех, кто будет читать эти строки, сохраните благочестивую память о сгоревших.

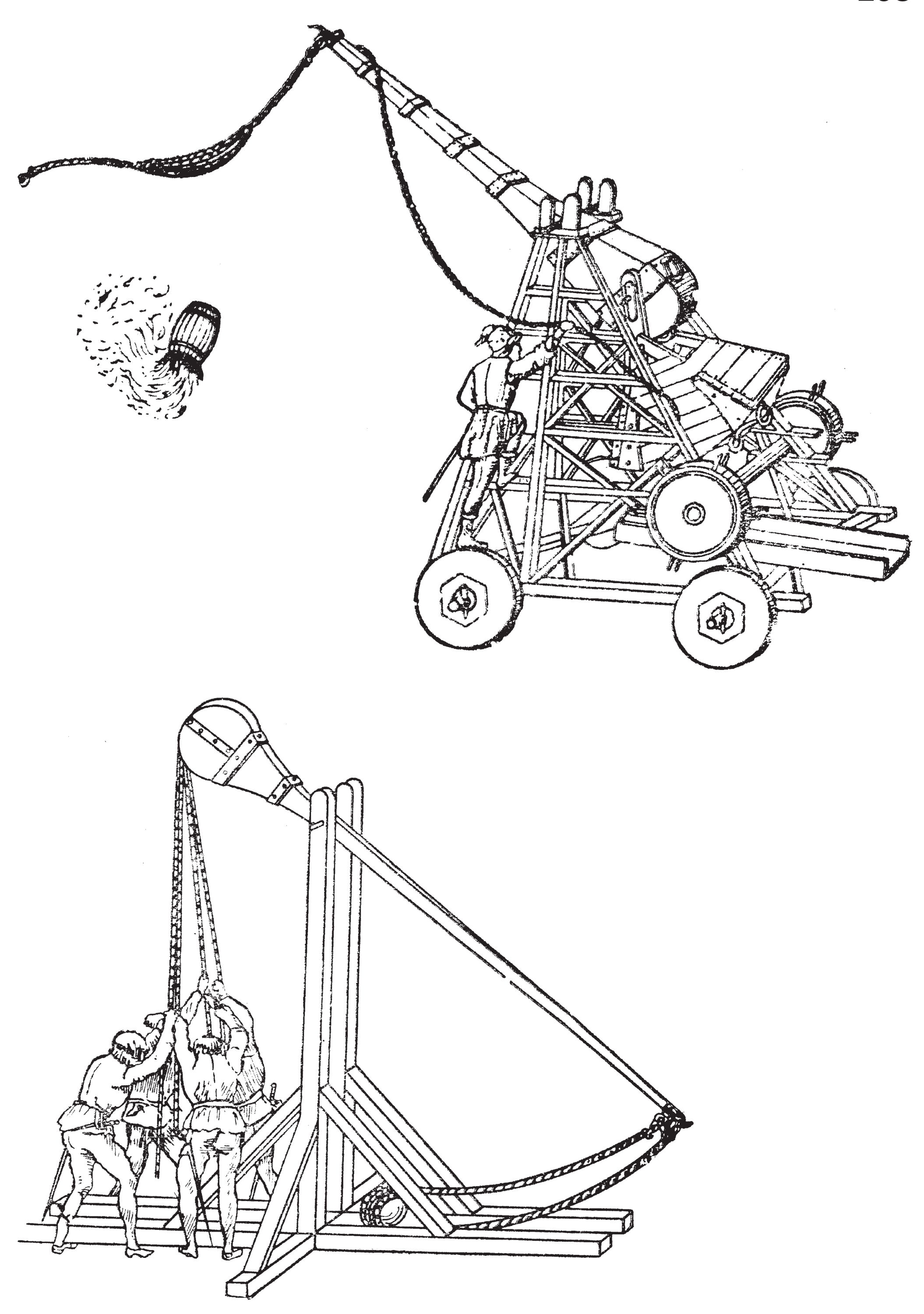
4. Но меч всесвятого и всемогущего Бога, которого милосердие и правда воспеты пророком, и чья благость наполняет собой весь мир, свирепствовал не до совершенного истребления. Хотя город сгорел и заслуженно по грехам нашим, но он не был предан в руки неприятеля. Так исполнилось сказанное царем и пророком: «Неужели вовеки отвергнет нас Бог? Неужели до конца лишит нас своей благости, из рода в род? Или забудет сжалиться над нами и милость свою сдержит в гневе своем?» Другой пророк, обращаясь к Богу, сказал: «Когда прогневишься, не забудешь благости своей». Таким образом, те, которые спаслись, мужественно сопротивлялись венграм и радостно пели вместе с пророком: «Изменилась к нам десница Всевышнего».

5. Много содействовало тому и преславное заступничество святейшего отца нашего и премудрого мужа, блаженного Сира, останки которого почивают в упомянутом городе, и который предсказал, что город Павия будет близок к падению, но спасется по милосердию Божьему. Отправленный для проповеди блаженным Гермагором, учеником евангелиста Марка, блаженный отец, вдохновленный даром предвидения, почтил Павию следующим предсказанием:

6. «Возрадуйся радостью, город Павия, потому что к тебе грядет благополучие от далеких гор; и назовут тебя соседние

---

[1] Sancta catervatim moritur catecumina ples (то есть plebs) tunc.



Баробаллистические машины

государства не ничтожным, но богатым городом». Чтобы более уверить в справедливости своего предсказания, он в то же время предсказал падение знаменитого города Аквилеи: «Горе тебе, Аквилея, потому что на тебя нападут нечестивые, разрушат, и ты не возникнешь, снова отстроенная». Действительно, Аквилея, этот богатейший и громадный некогда город, была взята и разрушена до основания нечестивым королем гуннов Аттилой и не возникла впоследствии, как то мы видим и теперь; Павию же, по словам святого мужа, мы и считаем и видим по-прежнему богатой, не потому только, что она возвышается над одними ближайшими городами, но и над самыми отдаленными. Нечего и сравнивать Павию с другими городами, когда и сам знаменитый во всем мире и известнейший Рим уступил бы ей первенство, если бы не обладал драгоценными останками блаженных апостолов. Из всего этого явствует, что Павия была спасена заступничеством нашего патрона, блаженного Сира, который удостоил ее столь непреложного и драгоценного предсказания. Сжегши Павию и распространив опустошение по всей Италии, венгры возвратились восвояси.

7. В это самое время (924 г.), после смерти Адельберта, маркграфа Аквилейского, жена его Эрменгарда, дочь могущественного маркграфа Тусции Адельберта и Берты, распоряжалась всей Италией. Источником ее власти – стыдно и молвить то – были ее преступные связи со всеми, не только с князьями, но даже и с простолюдинами (ignobilibus).

8. Около того же времени король Рудольф, возвращаясь из Бургундии, прибыл в Италию и после смерти Беренгария овладел силой всем государством. Но спустя несколько дней между итальянцами произошел разрыв. Красота Эрменгарды возбуждала ревность между ее поклонниками, тем более, что эта непотребная женщина одних привлекала к себе, других же отвергала. Вследствие того богатейший архиепископ Милана и некоторые другие приняли сторону короля Рудольфа; Эрменгарда же окружила себя таким множеством мятежников, что мужественно воспротивилась въезду короля в Павию, столицу государства.

9. Но король Рудольф придвинулся к Павии с войском и раскинул лагерь в одной миле от города, в том месте, где сливаются реки Тицин и По, прославленный Вергилием под именем:

Fluviorum rex Heridanus,

и в другом месте:

Cornoger Hesperidum fluvius regnator aquarum.

Эрменгарда, женщина коварная, отправила к королю ночью через реку следующее письмо: «Если бы я хотела тебя погубить, то тебя не было бы уже давно на свете. Потому что все твои желают оставить тебя и перейти ко мне и ждут только моей воли. Ты был бы давно уже взят и связан, если бы я последовала их советам». Король не только поверил этому известию, но и пришел в ужас; отпустив послов, он отвечал ей, что намерен совещаться с ней о том, как поступить. Не медля много, в следующую ночь король Рудольф, тайно от стражи, отослав от себя всех, опустив занавес палатки и сложив постель, оставил своих и поспешил к Эрменгарде.

11. Утром королевские воины с осторожностью ходили около палатки. Но когда собрались князья, им показалось удивительным, что король спит в такое необычное время. Они начали шуметь, как некогда воины Олоферна, стараясь его разбудить, но, как и от Олоферна, не получали никакого ответа. Войдя наконец в палатку и не найдя ничего, они думали, что его похитили, другие – что он был убит. Никому и в голову не приходило, что король мог бежать. Пока они не знали от изумления, что и подумать, явился вестник, объявивший, что король Рудольф идет на них вместе с их противниками. Пораженные ужасом, они с такой поспешностью обратились в бегство, что если бы ты их увидал, то сказал, что они не бегут, а летят.

12. Когда они собрались в Милане, как месте безопасном, Ламберт, архиепископ, с общего согласия отправил к могущественному и благоразумнейшему графу провансаль-

цев Гуго[1] посольство с предложением явиться в Италию, отнять королевство у Рудольфа и овладеть им в свою пользу. Впрочем, он сам уже давно покушался по различным побуждениям овладеть Итальянским королевством. Так, еще при короле Беренгарии он вторгался в Италию со значительными силами, но тогда для него еще не наступило время господства, и устрашенный Беренгарием Гуго был обращен в бегство.

13. Когда Рудольф по причине вероломства окружавших его не мог одолеть своих противников, он отправился в Бургундию и просил герцога Швабского Бургарда, на дочери которого был женат, прийти к нему на помощь. Бургард собрал войска и вместе с Рудольфом отправился в Италию. Достигнув Ивреи, он обратился к своему зятю со следующим предложением:

14. «Мне кажется, было бы неглупо, если бы я под предлогом посольства отправился в Милан; пользуясь таким случаем, я мог бы рассмотреть город и познакомиться с расположением умов». Сказав это, он отправился в путь и, подъехав уже к Милану, своротил с дороги, чтобы помолиться в церкви блаженного и драгоценного мученика Лаврентия; но, говорят, у него было другое на уме, а не молитва: так как эта церковь стояла вблизи самого города и была удивительной и дорогой работы, то, рассказывают, он хотел устроить там крепость, чтобы через это удержать в своих руках не только миланцев, но и многих других итальянских князей. Оставив церковь и проезжая верхом вдоль городских стен, он обратился к своим землякам со следующими словами, говоря на своем, то есть на немецком (teutonica) языке: «Если я у этих всех итальянцев не оставлю по одной шпоре и не доведу их до того, что они будут ездить на клячах, то не буду Бургардом; а крепость и высоту этих стен, на которые они так рассчитывают, я не ставлю ни во что, одним ударом своего копья я сброшу их со стен замертво». Он был убежден, что между его неприятелями никто не понимал немецкого языка, и потому говорил таким образом. Но на беду для него, там стоял какой-то презренный оборвыш (pannosus), понимавший язык Бургарда, и тотчас передал слышанное им архиепископу Ламберту. Ламберт, как умный человек, не обнаружил Бургарду никакого подозрения, но, питая злой умысел, оказал ему даже большие почести. Между прочим, в знак особенной дружбы, он дал ему позволение устроить охоту за оленем в своем парке (in brolio), чего не разрешал до тех пор никому, кроме самых коротких друзей. В то же самое время он склонил всех жителей Павии и некоторых итальянских князей погубить Бургарда и удерживал его столько времени, сколько, по его мнению, нужно было, чтобы дать собраться убийцам.

15. Наконец Бургард уехал из Милана и в тот же день прибыл в Наварру. Проведя там ночь и рано утром собравшись продолжать дорогу в Иврею, он был внезапно встречен толпами итальянцев, бросившихся на него. Но он не встретил их, как следовало бы мужественному воину, а обратился в бегство. Так как, по словам блаженного Иова (14, 5), он не мог миновать своей судьбы, и помощь лошади не надежна (Псал. 32 (33), 17), то лошадь споткнулась и сбросила его в ров, окружавший город. Так и погиб он, пронзенный копьями авзониев (то есть итальянцев). Спутники же его, видя случившееся и не имея никакого средства к спасению, искали убежища в церкви святейшего исповедника Гауденция. Но авзонии, оскорбленные и раздраженные угрозами Бургарда, выломали церковные двери и избили всех находившихся там, даже и тех, которые скрылись под алтарем.

16. При известии об этом событии Рудольф оставил Италию и поспешно возвратился в Бургундию. Между тем (926 г.) Гуго, граф Арелата (ныне Arles, в Южной Франции), или Прованса, сел на корабль и по Тирренскому морю отправился в Италию. Провидение же, желавшее его господства в Италии, послав попутный ветер, привело его в самый короткий срок к г. Алфее, то есть Пизе, столице области Тусции, о которой сказал еще Вергилий (Энеид. X, 179):

«Alpheae – ad oribine Pisae».

---

[1] См. родословную табл. № 3: сын Берты и сводный брат Эрменгарды.

17. По прибытии его в Пизу явился туда посол от Римского Папы Иоанна Равеннского (X). И почти из всех стран Италии прибыли туда же послы, предлагавшие ему точно так же сделаться их королем. Он же, давно сам преследуя эту цель, поспешил в Павию и по всеобщему согласию принял правление в свои руки. Вскоре Гуго отправился в Мантую, где его встретил Папа Иоанн и заключил с ним союз (926 г.).

18. В это время, после смерти Берты[1], матери этого самого короля Гуго, сын ее Видо, рожденный от брака с Адельбертом, владел маркграфством Тусцией и был женат на развратной римлянке Мароции.

19. Король Гуго был одинаково и образован и отважен; его храбрость равнялась его уму. Он почитал Бога и любил любящих Его; к бедным был внимателен и весьма ревностен к пользам церквей; люди, посвятившие себя религии и наукам (religioso phylosophique viri), пользовались у него не только любовью, но и почетом. Но при всех его столь блестящих добродетелях, он затемнял свою славу предосудительной наклонностью к женщинам.

20. Так он взял себе в жены Альду, родом из тевтонских франков, и имел от нее сына по имени Лотарь. Но в то же время он получил от одной знатной женщины, Виндельмоды, сына Губерта, который и теперь здравствует и считается могущественным князем области Тусции. Его деяния, если то будет угодно Богу, я расскажу в своем месте.

21. Утвердившись королем, Гуго, как человек благоразумный, разослал послов во все страны, чтобы снискать дружбу многих королей и князей, но в особенности дружбу преславного короля Генриха (I), который, как мы выше сказали, управлял баварами, швабами, лотарингами, франками и саксами. Этот король Генрих покорил своей власти многочисленное племя славян (Sclavi) и сделал их своими данниками. Он же первый подчинил данов (жителей Дании) и принудил их к повиновению, и поэтому имя его сделалось славным у многих народов.

22. Так как король Гуго искал повсюду, как расположить к себе королей и князей, то он позаботился сделать свое имя известным даже отдаленным ахивянам (Achiviis, то есть византийским грекам). У них правил в то время император Роман, достойный и памяти и хвалы (см. выше), щедрый, человеколюбивый, благоразумный и благочестивый. К нему-то Гуго и отправил послом (927 г.) моего отца, как человека честного и велеречивого (propter linguae urbanitatem).

Прибыв в Византию, мой отец привез, между прочими подарками короля Гуго, императору Роману двух собак, каких в той стране никогда не видали. Когда они были показаны императору, то несколько человек вынуждены были крепко держать их, чтобы они не бросились на него и не растерзали зубами. Я думаю, что собаки, увидав Романа, приняли его не за человека, а за пугало, потому что он был одет, по обычаю греков, в какой-то женский плащ (teristro) и необыкновенное платье.

24. Впрочем, мой отец был принят у императора самым почетным образом, и притом не по новизне самого посольства и не по значительности подарков, а по одному, совершенно особенному, обстоятельству. Когда мой родитель по дороге в Грецию прибыл в Фессалоннику, на него напали славяне, возмутившиеся против императора Романа и опустошавшие его страну; но с Божьей помощью мой отец разбил их и взял в плен двух предводителей. Когда он представил пленных императору, радость последнего была так велика, что он дал отцу значительный подарок, и мой отец, весьма довольный тем, возвратился к королю Гуго, отправившему его послом к императору. Но несколько дней спустя после возвращения он заболел, удалился в монастырь и принял одежду схимника, в которой и отошел к Господу (927 г.) по прошествии 15 дней, оставив меня ребенком (me parvulo derelicto). Теперь же, так как я упомянул об императоре Ρομανον, то есть Романе, то мне кажется не излиш-

[1] Берта была дочерью Лотаря II и Вальрады. Гуго родился от ее первого брака с Теобальдом, после смерти которого она вышла вторично замуж за Адельберта, маркграфа Тусции, и имела от него сына Видо.

ним при этом случае поместить рассказ о том, кто он был и каким образом получил верховную власть.

Далее следует у Лиутпранда длинное отступление (гл. 25–38) по поводу византийской истории, которое мы и опускаем, как случайно прерывающее главную нить рассказа; в главе 39 автор возвращается к своей теме и продолжает историю Италии и Германии следующим образом.

39. В то время (около 926 г.) в Павии могущественными судьями (praepotentes judices) были Вальперт и Гезо по прозванию Эверард. Власть Вальперта была основана на том, что он успел поставить епископом в богатейшем городе Кумахе своего сына Петра, а Розу, свою родственницу, выдал за палатного графа Гиллеберта. Впрочем, в то время они оба умерли. Весь народ в Тицине, то есть в Павии, сходился у Вальперта и перед ним вел свои процессы и решал распри. Вышеупомянутый Гезо по прозванию Эверард, находясь в некотором родстве с ним и принимая участие в его власти, пользовался таким же значением; но он пятнал дурными нравами свое благородное происхождение: был чрезмерно честолюбив, жаден, завистлив, склонен к мятежу, подкупен и вообще не помнил заповедей Господних. Бог за то не оставил его без возмездия; чтобы не распространяться много, скажу коротко: он, во всем подобный Катилине, который старался умертвить консула и защитника республики Марка Туллия Цицерона, решился предать смерти короля Гуго. Однажды случилось королю Гуго остановиться с небольшой свитой, ничего не подозревая, в Павии; Гезо, произведя мятеж, хотел воспользоваться тем, чтобы напасть на короля; но он опоздал, так как Вальперт, не обладавший тем жестокосердием, промедлил явиться на место.

40. Сам король Гуго своими витиеватыми и сладкими как мед речами успел отклонить его от предпринятого злоумышления. Когда король узнал, что против него составляется заговор и что участники собрались в доме Вальперта, он послал им сказать следующее: «Вследствие чего вы, храбрые мужи, восстаете с таким упорством против вашего государя и короля? Пусть каждый из вас объявит, чем он был недоволен; исправление худого никогда не поздно, особенно если оно будет сделано тщательно». При этих словах все успокоились. Один Гезо с прежним остервенением старался склонить всех напасть на короля и предать его постыдной смерти. Но по соизволению Божьему его злоба осталась без всякого действия. Посланные королем рассказали ему все, что они видели и слышали.

41. Таким образом, Гуго, при своем хитром уме не придав никакой важности случившемуся, вышел из Павии и, торопясь удалиться из нее как можно дальше, разослал повсюду приказы (libros) и повелел собраться своим вассалам. Вместе с ними явился и могущественный граф Самсон, бывший величайшим врагом Гезо. Увидев короля, он обратился к нему так: «Я вижу, ты весьма озабочен городскими событиями, которые тебя так тяжело огорчили в последние дни; но если ты меня выслушаешь и примешь мой совет, то, поверь, они попадутся сами в собственные сети. Ты не легко сыщешь другого, который дал бы тебе совет лучше моего; тебе же, наверное, никто лучшего не даст. Об одном только прошу: если по моему плану они будут захвачены, отдай в мои руки Гезо со всем его скопом». Когда же король обещал ему выдать его, он добавил: «Лев, епископ г. Тицина (Павии), не считается другом Вальперта и Гезо: они, где могут, во всем ему противоречат. Вы знаете, что есть обычай, по которому все знатные граждане выходят за город навстречу королю, если он является в Павию из других мест. Итак, прикажите тайно епископу, чтобы он, когда вы придете в Павию в назначенное время и они все выйдут за город навстречу нам, запер отовсюду городские ворота и взял себе ключи; таким образом, если мы захотим схватить их, то они не будут в состоянии ни убежать в город, ни получить помощи оттуда». Так все и случилось. Когда король подошел в назначенное время к Павии и вышеупомянутые лица вышли к нему навстречу, епископ исполнил весьма охотно то, что ему было приказано. Король по совету Самсона повелел всех их схватить. Когда Гезо был выдан Самсону, последний лишил его зрения и урезал ему язык, которым он порочил короля. Все это было бы хорошо сделано, если

бы Гезо остался немым навсегда, как его сделали слепым! Но, о, злодей! Так как его урезанный язык не потерял дара слова, то, по сказанному в одной басне греков, он, вследствие своего ослепления, еще продлил жизнь, которая и до настоящего времени не перестала быть пагубной для многих. Мы помещаем здесь содержание этой басни, которая, по бессмыслию греков, так объясняет, почему слепые всего дольше живут: Ζευς χαι Ηρα ηρισαν περι αφροδιδισιῶν, της πλειονα εχει ηδομας εν τη συννουσια, χαι τοτε Τιρεσιαν Εβρου υιον εζητησαν. Ουτος γαρ εν ταις αμφοτεραις φυσεσοι μεταμορφωθη... Ουτος ουν χατα της Ηρας απεφχυνατο, χαι Ηρα οργισθεισα επηρωεσεν αυτον, Ζευς δε εχαρισατο αυτς πολοις ζησαι ετεσι, χαι οσα ελεγεν μαντιχα λεγειν. – «Зейс кэ Ира ирисан пери афродисион, тис плиона эхи идомас эн ти синнусиа; кэ тотэ Тиресиан Эвру ион эзитисан. Утос гар эн тэс амфотерес фисеси метаморфоти... Этос ун ката тис Ирас апефкинато, кэ Ира оргистиса эпиросен автон. Зейс дэ эхарисато авто полис зисэ этиси, кэ оса элеген мантика легин». В переводе это значит: «Юпитер и Юнона поспорили о любви, кто из них обладает большей страстью. Они спрашивали о том Тирезия. Он имел двойную природу (то есть был гермафродитом)... Терезий решил дело против Юноны, и раздраженная Юнона ослепила его. Юпитер же дал ему многолетнюю жизнь и дар предсказания во всем, что он будет говорить». Но возвратимся к делу. Гезо, как мы сказали, по обезображении членов, потерял их силу. Его сообщники отданы под стражу. Вальперта обезглавили на следующий же день, а огромные его богатства расхитили; Христина, жена его, была схвачена и предана пыткам, чтобы вынудить у нее признание, где скрыты сокровища. Таким образом, был наведен ужас не только на Павию, но и на все страны Италии: более не пренебрегали Гуго, как прочими королями, и всячески старались оказать ему уважение.

42. В это самое время прибыл в Италию Ильдоин, епископ церкви Лаудоциенской (Leodiensis), изгнанный из своей епархии, и явился к королю Гуго, с которым он состоял в родстве. Приняв его с почетом, Гуго отдал ему епископство Веронское (928 г.) для пользования его доходами. Вскоре после того умер архиепископ Ламберт, и он поставил Ильдоина на его место епископом Милана. Вместе с Ильдоином пришел один монах по имени Ратерий; за свое благочестие и познание в семи свободных искусствах (Septem liberalium artium peritiam) он был сделан епископом в Вероне, где считался графом упомянутый нами выше Милон (932 г.)[1].

43. Между тем маркграф Тусции Видо вместе со своей женой Мароцией начал обдумывать план свержения Папы Иоанна (X); к тому их побудила ненависть к Петру, брату Папы, которого Иоанн и почитал как своего брата. Видо во время пребывания Петра в Риме тайно собрал около себя большое число вассалов. Когда однажды Папа вместе с братом и многими другими находился в Латеранском дворце, вассалы Видо и Мароции, бросившись на них, умертвили Петра перед глазами его брата; самого же Папу, схватив, отдали под стражу, где он вскоре и умер. Говорят, что они, наложив подушку на рот, задушили его злейшим образом. После смерти его был поставлен Папой сын Мароции Иоанн (XI), которого родила эта непотребная женщина от Папы Сергия (см. выше, кн. II). Вскоре после того умер Видо, и преемником его сделался брат его Ламберт (931 г.).

44. Мароция же, эта бесстыдница, отправляет после смерти своего мужа Видо, послов к королю Гуго, приглашает его прийти к ней и овладеть знатнейшим городом Римом. Но при этом она извещала, что все это может исполниться только в том случае, если король Гуго женится на ней.

Что замышляешь ты снова, Мароция, дочь Афродиты,
Чувственно взоры бросая на брата покойного мужа?
Иродиада! Ты хочешь быть братьев обоих женою;
Иль ты забыла в своем ослеплении запрет Иоанна
Брату брать в жену вдову после смерти брата родного.
Не оправдает тебя и глагол Моисея-пророка:
Он повелел, чтобы брата вдова выходила за брата,
Если только детей не имел от брака покойный.
Ты же, известно, имела детей и от первого брака.
Знаю ответ твой вперед, что «дозволено все
Афродите»...

---

[1] См. выше.

Вот и Гуго идет, как вол, обреченный на жертву;
Власть над Римом великим больше его привлекает.
Но для чего же ты губишь, преступница, мужа святого?
Титул ты королевы желаешь купить преступленьем;
Изгнана будешь из Рима за то: так Богу угодно.

А что такая участь постигла ее справедливо, то поймут люди не только рассудительные, но и легкомысленные. При въезде в Рим стоит укрепление, весьма твердое и превосходной архитектуры[1]; перед воротами ее находится мост на Тибре весьма дорогой работы и на нем лежит дорога как для входящих в Рим, так и для выходящих из города; другого же перехода не существует. Но и по мосту можно пройти не иначе как с согласия стражи, охраняющей укрепление. Для прочих подробностей упомяну только об одном обстоятельстве, а именно, укрепление само имеет такую высоту, что церковь, устроенная на вершине его и посвященная архистратегу небесного воинства, архангелу Михаилу, называется церковью св. Ангела-до-небес (Sancti Angeli ecclesia usque ad coelos). Король, оставив в отдалении войско, по доверию к гарнизону укрепления, явился в Рим с малочисленной свитой. Принятый римлянами с почетом, он вошел и в само укрепление для брака с непотребной Мароцией; вступив же в такой оскверненный брак, он считал свою власть над римлянами совершенно обеспеченной. Но у Мароции был сын Альберик, рожденный ею от маркграфа Альберика. Когда он, по убеждению матери, подавал на руки мыться королю Гуго, своему отчиму, Гуго ударил его по лицу в наказание за то, что он лил неумеренно и без уважения к королю. Альберик, желая отомстить за нанесенную ему обиду, собрал римлян и произнес перед ними следующую речь: «Достоинство Рима пало до того, что он подчиняется власти непотребных женщин. Что может быть отвратительнее и презреннее, как погубить наш город для удовлетворения бесчестной страсти одной женщины? Бургундам ли, некогда рабам римлян, повелевать римлянами? Если, будучи внове и гостем, он ударил по лицу меня, своего пасынка, то чего вы можете ждать от него, когда он обживется? Разве вы не знаете прожорливости и чванства бургундов? Посмотрите на одно происхождение его имени; бургунды названы так вот почему: когда римляне, покорив весь мир, взяли многих из этого племени в плен и привели с собой, они приказали им построить свои дома за городом, но за свое чванство они были выгнаны римлянами оттуда; а так как они, на своем языке, собрание нескольких домов, не окруженных стеной, называют *burgum* (отсюда нов. немецк. Burg и итальян. borgo), то римляне и называли их *Burgundiones*, что значит в переводе «изгнанные из бурга»[1]. Впрочем, на туземном языке они называются галлами аллоброгами. Что же касается меня, то по собственному fronisen, то есть толкованию, называя их Burgundiones, я разумею всегда gurguliones (горланы), как потому, что они по своему чванству кричат во все горло, так и потому, что и более справедливо, они сильно преданы обжорству, которое удовлетворяется горлом». Выслушав это, все вскоре оставили короля Гуго, а избрали своим властителем того самого Альберика; а чтобы король Гуго не имел времени ввести своего войска, они немедленно осадили укрепление (932 г.).

45. Так совершилось возмездие Господне, и того, что король Гуго приобрел с помощью отвратительного преступления, он не мог никакими средствами удержать. На него напал такой страх, что, спустившись по той части укрепления, которая примыкает к городской стене, он оставил Рим и убежал к своим. После изгнания короля Гуго вместе с Мароцией Альберик один управлял Римом, в то время как брат его Иоанн (XI) занимал верховный и вселенский престол.

---

[1] Лиутпранд говорит о «Гробнице Адриана», переименованной в эпоху христианства в «Крепость св. Ангела».

[1] *Burgundiones*=Burgum+ohne, без; то есть ohne Burg, безгородные, откуда будто бы латинизированная форма Burgundi*ohnes* или Burgundiones; такова филология Альберика, пущенная им в ход для своих политических целей.

46. Некоторые говорят, что Берта, мать короля Гуго, не родила ни одного сына мужу своему, маркграфу Адельберту, но тайно брала новорожденных у других женщин, представляясь беременной, и таким образом сама себе подкинула Видо и Ламберта, с той целью, чтобы после смерти Адельберта иметь сыновей, именем которых она могла бы удержать за собой всю власть своего мужа. Мне кажется, что вся эта сказка выдумана для того, чтобы король Гуго мог подобным обстоятельством прикрыть свое постыдное честолюбие, освободиться от υβριν, то есть пятна бесславия. Но еще вероятнее другая цель, для которой было выдумано то, а именно следующая. Ламберт, получивший, после смерти брата Видо маркграфство Тусцию, был муж воинственный и способный решиться на все. Король Гуго смотрел на него косо и боялся за Итальянское королевство. Ему угрожала опасность, чтобы итальянцы не оставили его и не избрали королем Ламберта. Наконец, и Бозо, брат короля Гуго от одного отца, расставлял коварно сети Ламберту, потому что сам сильно желал сделаться маркграфом Тусции. Под влиянием советов Бозо король Гуго с угрозами запретил Ламберту называть себя его братом. Но Ламберт, как человек смелый и непокорный, отвечал непочтительно, как то следовало бы, но с необузданностью: «Чтобы король не мог отвергать, что я его брат и что мы из одной утробы рождены, я желаю доказать то публично поединком». Король, услышав то, назначил одного юношу по имени Теудин, который и вступил с ним в бой по тому делу. Но Бог справедлив, и суд его прав, в ком нет неправды, чтобы разрешить недоумение и обличить правду перед всеми; Он произвел то, что Теудин немедленно пал, и Ламберт вышел победителем. Король Гуго был весьма тем смущен. Но по данному ему совету он приказал схватить Ламберта и отдать под стражу. Гуго опасался, что он по возвращении ему свободы отнимет у него королевство. Схватив его таким образом, он отдал маркграфство Тусцию своему брату Бозо, а Ламберта вскоре затем лишил зрения.

47. Около этого времени (933 г.) итальянцы отправили посольство в Бургундию, приглашая Рудольфа прийти к ним. Но едва Гуго узнал о том, как послал и со своей стороны к Рудольфу, уступая ему всю землю, которой он владел в Галлии до приобретения итальянского королевства (то есть Арелат, или Прованс), и взамен того поручил взять с него клятву никогда не являться в Италию. Не менее постарался он снискать дружбу могущественного короля, вышеупомянутого Генриха (I), отправив к нему множество подарков. Имя же Генриха пользовалось в то время большим почетом у итальянцев, потому что он первый победил данов и сделал их своими данниками, а до него никто не мог подчинить их. Это то неукротимое племя, которое обитает на отдаленном севере у берегов океана, и которого дикость нанесла удар не одному образованному народу. Однажды они поднялись со своим флотом вверх по Рейну и страшно опустошили все огнем и мечом; даже такие значительные города, как Агриппина, которая ныне называется Колонией (ныне Кёльн, по-франц. Cologne), Трир (Treveris), отстоящий далеко от Рейна, и многие другие города в королевстве Лотаря (то есть Лотарингия, Lotharii regnum, ныне по-франц. Lorraine) были взяты приступом и сравнены с землей; чего они не могли унести, то сжигали. Даже ванны (thermae) и дворец в Гране (Aquae Grani, ныне Aix-la-Chapelle, или Aachen, Ахен) были ими обращены в пепел. Но оставим все это и возвратимся к главной нити рассказа.

48. Арнольд, герцог Баварии и Каринтии, о котором мы упоминали выше, живя недалеко от Италии, собрал войско и отправился в поход с целью отнять у Гуго его королевство (935 г.). Он, пройдя Тридентинскую область, первое маркграфство Италии с этой стороны, приблизился к Вероне и был там встречен дружелюбно графом Милоном и епископом Ратерием[1], так как они и пригласили его. Лишь только король Гуго получил о том известие, как поспешил против него с войском.

49. Прибыв на место, он разослал в окрестности конные отряды; значительная толпа бавар сделала вылазку из замка Гаузенинг и вступила в бой с итальянцами, но

———

[1] См. выше, гл. 42.

потерпела такое поражение, что не спаслось даже никого, кто мог бы известить о том прочих. Это обстоятельство привело герцога Арнольда в немалое смущение.

50. Вследствие того, по принятому плану он решился оставить Италию, захватить с собой графа Милона в Баварию и, пополнив войско, возвратиться вместе с ним снова в Италию. Это намерение не укрылось от Милона.

51. Волнуемый различными мыслями, Милон решительно не знал, как тут поступить. Обратиться к королю Гуго он боялся, потому что оказал ему дурную услугу; быть же уведенным Арнольдом в Баварию казалось Милону хуже не только смерти, но и самого ада. Находясь в таком нерешительном положении, все же он предпочел бежать от Арнольда и явиться к Гуго, так как он знал, Гуго может быть легко побужден к милосердию. Арнольд же отступил в Баварию с такой поспешностью, как только мог. Но прежде он разрушил укрепление в городе Вероне и, взяв с собой брата Милона и его воинов, защищавших крепость, увел их в Баварию (935 г.).

52. После удаления Арнольда город сдался королю Гуго, а епископ Ратерий, схваченный, был сослан в Павию. Там-то он и начал писать свое остроумное и колкое произведение: «О тяжести своей ссылки» (De exilii sui erumno)[1]. Кто захочет прочесть эту книгу, тот найдет там многое высказанным тонко, и это принесет уму не только удовольствие, но и пользу.

Здесь заканчивается третья книга «Воздаяния» и начинается четвертая.

1. Все, что я писал до сих пор (то есть до начала 930-х гг.), о, святейший владыко, изложено мной так, как то я слыхал от достоверных людей, бывших очевидцами случившегося (qui ea creverant); дальнейшее же засим я расскажу, как человек, сам бывший свидетелем того, что совершилось. В то время я достиг того возраста, когда мой приятный голос мог заслужить милостивое внимание короля Гуго (931 г.), а он чрезвычайно любил хорошее пение (euphoniam), и в этом отношении никто из моих сверстников не мог меня превзойти.

2. Король Гуго, встречая везде удачу, назначил с согласия всех после себя королем сына своего Лотаря (15 мая 931 г.), которого родила ему жена Альда. После того он начал помышлять о завладении Римом, откуда его недавно изгнали постыдным образом. Собрав войско, он пошел на Рим. Опустошив безжалостно окрестные места и страны, он, несмотря на ежедневные атаки города, не мог им овладеть.

3. Надеясь обмануть Альберика хитростью, Гуго предложил ему руку своей дочери Альды, родной сестры своего сына Лотаря, с тем, чтобы таким образом заключить мир с ним и заставить его думать, что он в качестве зятя короля совершенно безопасен. Альберик же, как человек неглупый, на дочери его женился (936 г.), а Рима, которого домогался Гуго, не выдал и вообще не доверил себя своему тестю. Впрочем, король Гуго угостил бы Альберика и поймал бы его τουτω τϖ αγχηζτρω, *туто то анкистро*, то есть на удочку, если б тому не помешало коварство его вассалов (militum), которые вовсе не желали мира между ними, потому что при их враждебных отношениях каждый вассал, кого бы захотел король наказать, мог бежать к Альберику, а этот из ненависти к королю охотно принимал беглеца и помещал его в Риме, осыпав почестями.

В главах 4 и 5 автор делает отступление по поводу нового вторжения сарацин в Италию и одного чуда, случившегося в Генуе, затем рассказывает характерный для того времени эпизод из правления Гуго.

6. Около этого времени Маназес, епископ Арелата (ныне Arles), узнав о возникшем могуществе короля Гуго в Италии и будучи с ним в кровном родстве, бросил вверенную ему церковь и в надежде ограбить и растерзать большее число церквей направился в Италию. Король же Гуго, имея

---

[1] Сочинение, написанное Ратерием в ссылке, называется «Agonisticon», в 6 книгах, и названо так потому, что оно поучает духовным оружием бороться с прельщениями мира; но намеки на судьбу автора и современников весьма темны: вероятно, Ратерий опасался преследований.

Остатки кольчуги, найденной в Германии

в виду утвердить свою власть в государстве раздачей важных мест своим родственникам, охотно поручил ему, против всякого права и долга, церкви Веронскую, Тридентскую и Мантуанскую, как бы для управления, но, говоря точнее, на кормление (in escam). Не довольствуясь и этим, он отдал ему и всю Тридентскую мархию; таким образом, по дьявольскому наваждению, Маназес сделался военным вассалом (miles) и за то перестал быть епископом. Но отец αγιε, то есть святой, позволил мне несколько остановиться на этом: я хочу поразить его собственным оружием, которое он употребил для защиты своего поступка. А именно, Маназес говорил так: «Блаженный Петр (то есть апостол), устроив Антиохийскую церковь, точно так же *ушел* (transvolavit) в город Рим, который в то время по своему могуществу повелевал всеми тогдашними народами. Устроив с Божьей помощью святую и почитаемую во всей вселенной церковь в городе Риме, он поручил прежнюю церковь, Антиохийскую, своему ученику, блаженному евангелисту Марку; но еще прежде он основал церковь Аквилейскую, и тогда поспешно отправился в Александрию. Что все это именно и случилось так, не может не знать тот, кто только читал Деяния апостолов». Но я отвечаю на это: «О, Маназес, узнай от меня истину: твои родители были пророками, когда дали тебе твое имя; *Manases* значит *забывчивый*, то есть забывший Бога. Как бы лучше могли твои родители предсказать о твоей судьбе? Ты, говорю, забыл самого себя, не вспомнил даже того, что ты человек. И дьявол знал Священное Писание, но, будучи превратным, превратно его толковал, и конечно, не для спасения, а для погибели...»

Затем автор описывает подробно по Евангелию искушение Спасителя сатаной и объясняет причины, побудившие св. Петра оставить прежнюю церковь и удалиться в Рим, указывая своему противнику на то, что св. Петр искал в такой перемене церкви не стяжания богатств, но мученической смерти.

7. В то же время тот Беренгарий (II), под тиранией которого теперь (960 г.) стонет Италия, был только маркграфом Ивреи (Eporegiae civitatis marchio). Король Гуго отдал ему в супружество свою племянницу Виллу, дочь Виллы и его брата Бозо, маркграфа Тусции. Но дерзостью и могуществом был славен в то время брат того Беренгария, Анскарий, сын Адельберта и Эрменгарды, сестры короля Гуго[1].

Маркграфом Камерина и Сполето был в то время известный герой Тедбальд, близкий родственник короля Гуго. Он пошел на помощь беневентскому князю против греков, притеснявших его, и, дав им сражение, одержал победу. При этом случае множество греков попалось ему в плен. Приказав их оскопить, он обратился к их стратегу (полководцу) со словами: «Так как я слышал, что ваш святой император очень любит евнухов, то я ему и препровождаю по своей скромности пока немногих; но впоследствии, с Божьей помощью, надеюсь послать больше».

В главе 9 автор рассказывает, каким образом одной женщине удалось спасти своего мужа от жестокого распоряжения Тедбальда.

10. В это же время брат короля Гуго, Бозо, побуждаемый своей корыстолюбивой

---

[1] См. родословную табл. № 3, объясняющую родственные отношения лиц, упоминаемых автором.

женой Виллой, снова замыслил зло против брата. Это не скрылось от Гуго. Бозо был схвачен и отдан навсегда под стражу. Вот и причина его восстания. Когда Ламберт, о котором мы упоминали выше (см. кн. III, 46), был ослеплен и Бозо получил мархию Тусции, жена его Вилла обнаружила при этом чрезвычайное любостяжание, так что ни одна из знатных женщин в Тусции не решалась надевать на себя драгоценные украшения. Не имея детей мужского пола, она родила зато четырех дочерей: Берту, Виллу, Рикильду и Гизлу. Из них Вилла была женой того Беренгария (II), который живет и теперь; она постаралась сделать все, чтобы ее мать была не самой худшей из женщин. Но чтобы не пускаться далеко в описание ее деяний, я остановлюсь на самом постыдном, и ты можешь по тому заключить, какова она была в прочих делах.

Рассказ этот составляет содержание главы 11. Вилла украла у мужа драгоценное украшение, которое и было при обыске найдено в ней самой, но подробности этого обыска и способ спрятать вещь превосходят всякое воображение и не могут быть рассказаны из-за приличия. Автор из ненависти к Вилле не пропустил случая записать очень безобразный анекдот.

12. Кроме того, в то же самое время (сентябрь 937 г.) умер Рудольф, король бургундов, а король Гуго женился на его вдове Берте, так как Альда, мать сына его Лотаря, умерла еще прежде. Но и тот сын его, Лотарь, женился на дочери Рудольфа и той же Берты по имени Аделаида (Adelegida), славной своей красотой и честными нравами[1]. Все греки считают это непозволительным, а именно, сын не может без греха жениться на девушке, мать которой вышла замуж за его отца, и две плоти соединились воедино.

13. Но Гуго, обманутый интригами многочисленных своих наложниц, не только не оказывал супружеской любви жене своей Берте, но и всячески преследовал ее; а как Бог справедливо наказал его за то, мы не упустим рассказать в своем месте. Из множества своих наложниц он всего более преступно любил трех: Пецолу, рожденную от самых последних рабов: от нее он имел сына Бозо, которого поставил епископом в Плаценции после смерти Видо; потом Розу, дочь Вальперта, который, как мы сказали (кн. III, 41), был обезглавлен; от нее он имел дочь редкой красоты; третья была Стефания, родом римлянка, которая родила ему сына Теобальда; его он поставил впоследствии архидьяконом в церкви Миланской, с тем условием, чтобы после смерти архиепископа его возвысили на место умершего. Что из этого вышло, и как Бог не попустил исполниться тому, я расскажу, когда дойдет до того очередь. Народ называл тех трех за их бесстыдство именами богинь: Пецолу Венерой, Розу Юноной, за коварство и вечную ревность, притом же она была дороднее телом; и, наконец, Стефанию называл Семелой. Так как они жили не с одним королем, то их дети происходили от неизвестных отцов.

14. В это же время (2 июля 946 г.) отошел к Господу король Генрих (I), пораженный тяжкой болезнью, в замке, лежащем на границе турингов и саксов и называемом Гемлебен (Himenleve). Его тело было перенесено в Саксонию и погребено с великими почестями в церкви, находящейся в монастыре благороднейших и благочестивейших дев, который построен на королевской земле и носит название Кведлинбург. Там живет его уважаемая жена, разделявшая его власть и происходившая из того же рода, по имени Матильда, женщина (matrona), каких я никогда не видал и не слыхал; она постоянно заботится о том, чтобы служили торжественные панихиды для искупления ее грехов, и приносит себя живой жертвой Богу. Она родила своему мужу, еще прежде, нежели он был королем, сына, по имени Оттон (то есть Великий), того Оттона, который властвует теперь над всем Западом и Севером мира, умиротворяет их своим разумом, радует своим благочестием и держит в страхе строгой правдой. После же избрания Генриха в короли она родила ему еще двух сыновей, из которых один был назван по имени отца Генрихом. Он был

---

[1] Та самая Аделаида, которая впоследствии бежала из Италии и предложила свою руку Оттону Великому (см. ее жизнеописание ниже).

весьма образован, предусмотрителен в советах; красота его привлекала к нему сердца, и взгляд его был вместе живой, кроткий. Мы и теперь еще проливаем обильные слезы о смерти, недавно постигшей его (ум. 1 ноября 955 г.). Наконец, третий сын был Бруно, которого благочестивый отец посвятил служению Богу, когда норманны разрушили до основания церковь в Утрехте (Trajectensam ecclesiam), чтобы Бруно восстановил ее[1]. Но деяния сыновей Генриха мы изложим в своем месте[2], а теперь возвратимся к своему предмету.

15. Как велики были ум и мудрость короля Генриха (I), мы можем судить о том потому, что он поставил королем лучшего и благочестивейшего из своих сыновей. О, мудрый король, твоя смерть угрожала бы всему народу погибелью, если бы наследовал не такой великий преемник. Почему я и помещаю здесь в честь их обоих следующие стихи:

Некогда сам ты, Генрих знаменитый,
Недругов веры бил неумолимо;
Ныне же, слышим, в горе все народы:
Умер наш Генрих, ждет нас всех погибель!
Но не печальтесь, слезы осушите:
Видите, на место Генриха вступает
Отто, король наш, слава всей вселенной,
Генриха образ, недругов Христовых
Враг вековечный, наш же миротворец.
Отто возвратит нам, что мы потеряли
Со смертью государя, Генриха святого,
Отто муж кроткий, добрым всем защита,
Злым неумолимый враг и истребитель.
Недругов много: будет с кем бороться;
Слава победы Отто ожидает;
Под ноги будет враг его повержен,
Кто бы он ни был, хоть в стране далекой,
Там, где мерцает Боотес лениво[1],
Или где солнце к западу садится –
Геспера имя страны те имеют,
Геспер же носит Люцифера имя,
Так как он держит факел пред Авророй.

16. Король Оттон, еще до вступления на престол, женился на Отгите, дочери брата Адельстана[2], из знаменитого рода англов, и имел от нее сына по имени Лиутольфа. *Недавняя*[3] смерть (6 сентября 957 г.) последнего наполняет наши глаза слезами всякий раз, когда мы о том вспомним. О, если бы он совсем не родился или если бы он не умер так преждевременно![4]

Antapodosis, II, III, 2–24, 39–52; IV, 1–16.

---

[1] Из жизни Бруно, написанной Роутгером, гл. 4, видно, что Генрих отправил своего сына, четырех лет от роду, в Утрехт к епископу Бальдерику на воспитание; в 954 г. Бруно был сделан архиепископом Кёльна.

[2] Лиутпранд имел в виду написать особо жизнь Оттона Великого, на что он и намекает.

[1] То есть на севере.

[2] Вернее, на сестре Адельстана.

[3] Это слово указывает на время, когда была написана Лиутпрандом книга IV, а именно, около 960 г.

[4] Последние главы книги IV, от 17 до 34-й, заняты отрывочными известиями из истории правления Генриха I Птицелова.

Видукинд

ВРЕМЯ ГЕНРИХА I ПТИЦЕЛОВА И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ОТТОНА ВЕЛИКОГО. 919–945 гг. (около 968 г.)

Начинается предисловие к первой книге.

Госпоже Матильде, дочери императора[1]**.** Госпоже Матильде, сияющей девственной красотой, императорским величием и превосходной мудростью, от последнего из слуг Христовых подвижников Стефана и Вита (нем. St. Veit), *Видукинда Корбийского*, всеподданнейший и искренний привет, о Господе! Хотя ты и возвеличена высокой славой отцовского могущества и украшена светлой мудростью, но тем не менее моя ничтожная личность ожидает за свою преданность найти у тебя хороший прием, даже если бы она того не заслуживала. Как бы ты ни была добродетельна и преславна, но, прочтя в моем труде деяния твоего всесильного отца (Оттона I) и твоего знаменитого деда (Генриха I), ты можешь сделаться еще добродетельнее и еще преславнее. Я должен, впрочем, сознаться, что мне было невозможно изложить все их подвиги, и потому я старался сделать выбор, соблюдая притом связь, чтобы таким образом представить читателю рассказ понятный, но не утомительный. Зато я позаботился сообщить кое-что о происхождении и нравах того народа, которого первым королем был всемогущий государь Генрих (I, Птицелов); читая это, ты усладишь свою душу, отложишь заботы и получишь приятное занятие. Когда ты будешь читать этот ничтожный труд, пусть твоя светлость вспомнит обо мне с той же снисходительностью, с какой преданностью я писал. Будь здорова!

Закончилось предисловие.

[1] То есть Оттона Великого; она была аббатисса монастыря Кведлинбургского.

Здесь начинается первая книга саксонской истории.

В первых пятнадцати главах автор повествует по древним народным песням о языческом быте саксов до Карла Великого (см. выше), о их постоянном антагонизме с католическими франками и затем переходит к началу X в., когда избрание герцога саксов Генриха Птицелова в короли германские возвратило этому племени его политическое значение, утраченное при Карле Великом вместе с падением независимости и древней религии.

16. Последним Каролингом, правившим в земле восточных франков (в Германии), был *Людовик* (Дитя), сын Арнульфа, племянника Карла (III, Толстого), прадеда короля Лотаря, который правит и по настоящее время[1]. Людовик жил недолго (ум. в 911 г.) после того, как он женился на Лиутгарде, сестре Бруно и могущественного герцога Оттона (то есть герцогов саксонских). Отцом их обоих был Лиудульф, который ходил в Рим и принес с собой мощи блаженного Папы Иннокентия. Бруно, бывший герцогом всей Саксонии, делал поход против данов (то есть норманнов) и погиб со всем войском при одном внезапном наводнении, не имея даже случая вступить в бой (880 г.). Герцогство же досталось его брату, хотя и младшему по возрасту, но превосходившему его многими доблестями. Король Людовик не имел сыновей, и весь народ саксов и франков желал возложить королевскую корону на Оттона. Но он, ссылаясь на преклонные лета, отклонил от себя бремя правления, и по его совету помазали королем *Конрада* (I), герцога франков; но на деле верховная власть всегда и везде оставалась в руках Оттона (911 г.).

17. У него же родился сын, как в том нуждался весь мир, величайший и лучший из королей, Генрих (I, Птицелов); он управлял сначала Саксонией, не признавая над собой никакой другой высшей власти.

[1] Лотарь был предпоследний Каролинг во Франции и правил, только номинально, от 954 до 986 г., но на деле главой государства был Гуго Капет, герцог Франции; из слов автора «по настоящее время» видно, что он писал в эпоху правления того Лотаря (см. родословную табл. № 1).

Франкские воины середины VIII – первой половины IX в.

Генрих еще в раннем возрасте украсил свою жизнь всякого рода доблестями, и с каждым днем росла его мудрость и слава добрых лет; с самой юности его горячим желанием было прославить свой народ и всеми силами упрочить мир. Отец, видя мудрость юноши и его твердое благоразумие, поручил ему войско для похода против даламанциев (одно из славянских племен), и он боролся с ними долгое время. Даламанции не могли устоять против него и пригласили к себе аваров, которых мы ныне называем венграми, народ дикий и воинственный (906 г.).

18. Авары, как полагают некоторые, были остатком гуннов; гунны же происходили от готов, а готы, по словам Иорнанда, прибыли с острова, называемого Сульцей; свое имя получили они от герцога Гота. Ему принесли жалобу на нескольких женщин, бывших среди войска и обвиненных в отраве; они оказались по следствию виновными. Так как их было большое число, то он пощадил их от заслуженного ими наказания, но приказал выгнать из лагеря. Изгнанные удалились в ближайший лес, но не имевший выхода, ибо его омывало море и Меотийское болото (Азовское море). Некоторые из них, бывшие уже беременными, разрешились там; от них родились другие и так образовался целый могущественный народ, живший по образу диких зверей, необразованный, неукротимый и ревностно занимавшийся охотой. Прошло несколько столетий, и этот народ жил, не имея ни малейшего понятия о другой части мира; но случилось, что некоторые из них встретили на охоте оленя; преследуемый зверь пустился через Меотийское болото по дороге, неведомой до того времени ни одному смертному, и охотники увидали города, села и невиданных ими людей; они возвратились той же дорогой назад и известили обо всем своих соотечественников. Те из любопытства отправились огромной толпой проверить рассказ. Но жители соседних городов и местечек разбежались, увидев каких-то неизвестных людей страшной наружности, полагая, что это злые духи. Авары, пораженные невиданными явлениями, сначала пришли в изумление и воздержались от убийств и грабежа; но когда никто не оказывал им сопротивления, они, одержимые свойственной людям корыстью, произвели страшное кровопролитие, не щадили более ничего и, овладев богатой добычей, возвратились домой. Видя такой успех, они пришли снова с женами, детьми и со всем своим грубым хозяйством, опустошили вокруг соседние страны и наконец утвердили свое жилище в Паннонии.

19. Но Карл Великий победил их и загнал за Дунай; отделенные громадным валом, они не имели возможности опустошать соседние земли, как то было прежде. В правление Арнульфа вал был прорван, и им открыли дорогу ко злу, потому что император был в войне с Центупулком, королем моравов. Города и местности, лежащие в развалинах и поныне, свидетельствуют об опустошениях и разгроме, которые они причинили государству франков. Я счел необходимым упомянуть все это о том народе для того, чтобы твоя светлость могла уразуметь, с какого рода людьми пришлось бороться твоему деду и твоему отцу, или, лучше сказать, от какого неприятеля была освобождена вся Европа их великой храбростью и славным оружием.

20. Таким образом, вышеупомянутое войско венгров по приглашению славян произвело страшное опустошение в Саксонии и возвратилось, обремененное добычей, к даламанциям; но там им встретилась другая толпа венгров, угрожавшая своим союзникам (то есть славянам) войной за то, что они не пригласили ее на помощь и предоставили добычу другим. Вследствие того Саксония была опустошена вторично, и пока первое войско поджидало у даламанциев вторую толпу, эта страна была доведена до такой степени голода, что жители ее в том же году оставили свою землю и изза хлеба пошли служить другим народам.

21. Когда же отец отечества, могущественный герцог Оттон, умер, герцогское достоинство в Саксонии досталось его светлейшему и великому сыну Генриху. У него были и другие сыновья, Танкмар и Лиудульф, но они умерли прежде отца. Король Конрад (I), имевший случай часто испытать храбрость нового герцога, остерегался передать ему всю власть его отца. Вследствие

того он удержал за собой право призывать к оружию саксонский народ. Впрочем, скрывая свое настоящее чувство, Конрад говорил много о славе и достоинствах знаменитого герцога и обещал ему предоставить гораздо большее и возвысить его до величайших почестей. Но саксы не обратили на это внимания и говорили своему герцогу, что он, если не хотят облечь его добровольно в достоинство его отца, может, несмотря на короля, распоряжаться, как ему угодно. Когда же король заметил, что саксы смотрят на него более мрачно, нежели обыкновенно, то он, сознавая невозможность одолеть Генриха в открытой войне, так как у него была отличная конница и бесчисленное множество пехоты, решился погубить своего противника хитростью.

22. В то время на епископском престоле в Майнце сидел Гатто, муж острого ума, пылкой души, превосходивший многих прирожденной ему ловкостью. Он, имея в виду угодить королю Конраду и всему народу франков, старался сначала подделаться со свойственным ему искусством под того мужа, которого нам ниспослало милосердие Божие (то есть Генриха), заказал для него золотую цепь и пригласил его к себе, чтобы почтить богатыми дарами. Между тем епископ отправился к золотых дел мастеру посмотреть заказанную работу и при виде той цепи вздохнул. Мастер спросил его о причине вздоха, и архиепископ отвечал ему на это, что заказанная цепь должна обагриться кровью храбрейшего и весьма дорогого для него человека, а именно Генриха. Услышав это, мастер промолчал; но когда работа была окончена и доставлена, он просил об увольнении и, встретив Генриха, который шел именно по тому делу, сообщил ему все слышанное им. Раздраженный Генрих призвал посланника от архиепископа, который был у него уже давно с приглашением, и сказал ему: «Иди и скажи Гатто, что у Генриха шея не толще, чем у Адельберта, и что я предпочитаю оставаться дома и вести переговоры об услуге, которую я могу ему оказать, нежели обременять его своей многочисленной свитой». А именно Адельберт, как рассказывают, получил от этого же самого епископа охранную грамоту и был обманут его коварством[1]; впрочем, я не ручаюсь за достоверность этого факта, так как я не могу его доказать, и даже скорее считаю его выдумкой, основанной на народной молве. Генрих немедленно отнял у Гатто все его владения в Саксонии и Турингии. В то же время он притеснил Бургарда и Бардо, из которых один был зятем короля, и довел их частыми нападениями до того, что они оставили свою землю, а он разделил их владения между своими вассалами. Когда же Гатто увидел, что его вражде положены пределы, он умер вскоре после того, утомленный и чрезмерными заботами и болезнью (15 мая 913 г.).

23. Тогда король послал в Саксонию своего брата с войском для опустошения этой страны. Приблизившись к укреплению, называемому Гересбург, он в своей гордости говорил, что его беспокоит только одно, а именно: что саксы не осмелятся показаться вне стен, чтобы сразиться с ним. Еще последнее слово не успело сойти с его языка, как саксы вышли к нему навстречу за целую милю перед городом и, вступив с ним в бой, наказали франков таким поражением, что слышали, как странствующие певцы спрашивали, где можно найти такой обширный ад, чтобы поместить там всех павших. Брат же короля, Эвургард, раскаявшись в своей боязни не встретиться с саксами, был постыдно обращен ими в бегство и ушел оттуда.

24. Но король при известии о том, как несчастно сражался его брат, собрал храбрейших из франков и отправился против Генриха. Узнав, что Генрих заперся в крепости Гроне, он попытался овладеть ею; сначала он отправил к нему послов с предложением сдаться добровольно и обещал встретить его, как друга, а не как врага. При прибытии этих послов явился в лагерь с востока некто Тиадмар, человек весьма опытный в военном деле, ловкий, находчивый и превосходивший многих людей врожденной ему хитростью. Он пришел как раз в то время, когда королевские послы находились там, и обратился в их присутствии

[1] Подробный рассказ о Гатто и Адельберте помещен у Лиутпранда в его «Antapodosis», II, 6, см. выше.

с вопросом, где он может разместить лагерем приведенное им войско? Генрих уже соглашался отправиться к франкам и потому был очень обрадован, услышав о вновь прибывшем войске; с ним пришло всего 5 человек. Герцог спросил его о числе войска, и он отвечал, что около 30 полков. Обманутые этим известием, послы возвратились к королю. Таким образом, Тиадмар победил своей хитростью тех, кого герцог Генрих не мог одолеть своим мечом. Действительно, перед рассветом дня франки оставили лагерь, и каждый возвратился в свой дом.

25. Тогда король пошел в Баварию (918 г.) и вступил в борьбу с Арнульфом; но, получив там, как рассказывают некоторые, рану, он вернулся на родину. Чувствуя себя убитым и болезнью, и изменой прежнего счастья, он призвал своего брата, пришедшего навестить его, и сказал ему: «Я чувствую, мой брат, что недолго осталось мне жить: такова воля Божья, и болезнь меня угнетает. Потому подумай и позаботься, что главным образом касается тебя, о земле франков, и обрати внимание на мой совет, на совет своего брата. Мы можем, брат, выставить и вывести в поход полки и войска, у нас есть крепости, оружие и регалии, и все прочее, что служит к возвышению королевского достоинства; но у нас нет счастья и удачи. Счастье, мой брат, вместе с блестящей удачей стоит на стороне Генриха, спасение государства находится в руках саксов. Возьми же эти регалии, священное копье, мантию, меч и корону древних королей, иди к Генриху и заключи с ним мир, чтобы иметь в нем постоянного союзника. К чему вместе с тобой должен погибнуть и народ франков? Генрих будет в действительности королем и повелителем многих народов». Когда он высказал все это, брат его отвечал ему со слезами полным согласием. Вслед за тем умер король (23 декабря 918 г.), этот храбрый, могущественный муж, деятельный на войне и в мире, щедрый и кроткий, украшенный всякими доблестями; его погребли в его собственном городе Вилинабурге (Weilburg); и все франки были опечалены и оплакивали своего короля.

Осада

26. После того Эвургард отправился к Генриху, как то было приказано королем, представил ему все свои сокровища, заключил мир и приобрел его дружбу, которую он и хранил верно до конца своей жизни. Затем он собрал вождей и старейшин франкского войска в том месте, которое называется Фридислери (ныне Fritzlar), и перед всем народом франков и саксов провозгласил Генриха королем. Когда же верховный епископ – а в то время был таким Гиригер (преемник Гатто, Майнцского архиеписко-

па) – предложил ему принять помазание вместе с короной, он хотя и не отказывался, но и не принимал. «Мне довольно,– говорил он,– иметь то преимущество перед моими предками, что я ношу титул короля и избран на то Божьей милостью и вашим согласием; помазание и корону предоставляю другим, более достойным; а себя я не считаю достойным такой чести». Такие слова вызвали всеобщую похвалу: все подняли правую руку к небу и громогласными криками приветствовали нового короля (919 г.).

27. Когда Генрих был сделан таким образом королем, он отправился со всей своей свитой на войну против Бургарда, герцога Алемании. Хотя это и был могущественный воин, но, как человек весьма благоразумный, он боялся не устоять в борьбе с королем, и отдался ему со всеми своими замками и людьми. После такого удачного дела Генрих отправился в Баварию, где властвовал герцог Арнульф. Найдя его в укрепленном городе Регенсбурге, он осадил его. Но Арнульф, видя себя слабым, чтобы противостоять королю, открыл ему ворота, вышел к нему навстречу и подчинился со всем своим государством. Генрих принял его с почетом и назвал своим другом. Так возрастала со дня на день сила короля, и его слава увеличивалась более и более. Укрепив таким образом внутренними и внешними войнами свое господство, раздробленное во всех частях при его предшественниках, успокоив их и соединив в одно целое, Генрих отправился в Галлию и напал на Лотарингию.

В последующих главах, от 28 до 30-й, автор приводит краткий обзор истории Франции после смерти Карла III Толстого: Лотарингия и в X столетии была предметом раздоров Германии и Франции, как то было в IX в. при Каролингах; Генрих, пользуясь ничтожеством последних Каролингов, без труда овладел Лотарингией и вручил управление ею Гизельберту, одному из знатнейших графов той страны, выдав за него свою дочь Гербергу в 923 г.

31. Сверх того, преславная, благородная и по мудрости своей ни с кем несравнимая королева Матильда родила ему перворожденного сына, любимца вселенной по имени *Оттон*, потом второго, украшенного именем отца, *Генриха*, храброго и умного мужа, и третьего, по имени *Бруно*, который в одно и то же время был мужественным полководцем и верховным владыкой (кёльнским архиепископом). Да не обвинит его кто-нибудь по этой причине, потому что святой Самуил и многие другие были в одно время и первосвященниками и вождями. Она же родила ему и вторую дочь, которая была замужем за Гуго (то есть Великим, отцом Гуго Капета, впоследствии короля Франции). Сама же королева, будучи дочерью Тиадрика, имела братьев Видукинда, Иммеда и Регинберна. Этот самый Регинберн, который ходил на данов, издавна опустошавших Саксонию, победил их и избавил отечество от их грабежа до настоящего дня. Все они были из рода великого герцога Видукинда, который вел в течение почти 30 лет упорную войну с Карлом Великим.

32. По укрощении внутренних междоусобий снова вторглись в Саксонию венгры (924 г.), обратили в пепел города и деревни и произвели такое кровопролитие, что стране угрожало совершенное истребление населения. Король же находился тогда в укрепленном городе Верлаоне; он не осмеливался выступить против такого дикого народа со своими слабыми войсками, не привыкшими к войне в открытом поле. Какое же опустошение произвели венгры и сколько сожгли они монастырей, я считаю лучшим о всем это умолчать, чтобы не возобновить, даже и на словах, испытанных нами бедствий. Случилось, однако, что один из венгерских предводителей был схвачен, связан и представлен королю. Венгры так любили его, что предлагали за него огромную сумму золота и серебра. Но король, отказываясь от золота, требовал мира и наконец достиг того: под условием выдачи пленных и других подарков, мир был заключен на девять лет (924 г.).

В главах 33 и 34 дается отступление по поводу поднесения Генриху от имени свергнутого в 923 г. с престола французского короля Карла Простого руки св. Дионисия; а затем приводит жизнь св. Вита, его прах был перенесен Людовиком Немецким из Парижа в Германию, в монастырь Корбийский, где жил наш автор, который по духу своего времени этому обстоя-

тельству приписывает падение Франции, в каком она находилась при нем, и возвышение Саксонии при Генрихе и Оттоне I. «С того времени,– заключает он свои слова о св. Вите,– королевство франков начинает падать, а королевство саксов расти, пока оно, расширившись, не достигло настоящей величины, как мы видим его теперь под управлением любимца вселенной и главы всего мира, для могущества которого недостаточно Германии, Италии и Галлии, но и целой Европы. Потому почитай (автор обращается к Матильде) такого могущественного покровителя, с прибытием которого Саксония из рабской страны сделалась свободной и из платившей подати – повелительницей многих народов. Конечно, друг всевышнего Бога не нуждается в твоих милостях; но мы, твои слуги, нуждаемся в них. Ты имеешь в св. Вите посредника между небесным Господом и собой, а потому будь нашей представительницей пред королем земным, а именно пред твоим отцом и пред твоим братом». После этого наивного отступления, целью которого было напомнить Матильде о необходимости новых привилегий и даров для монастыря, в котором жил наш автор, он возвращается к прерванному им ходу событий.

35. Мои силы недостаточны для подробного описания всего, что король Генрих в своей мудрости сделал по заключении девятилетнего мира с венграми, для защиты своего отечества и для покорения варварских (славянских) народов; но я не смею также и умолчать об этом. Прежде всего он выбрал из среды воинов своей страны девятого человека и поселил его в укрепления, где он должен был устроить помещение для остальных восьми и собирать для сохранения третью часть полевого сбора; те же восемь должны были сеять, жать и приготовлять содержание для девятого, которое у них и сохранялось. Также он повелел, чтобы дни суда и все прочие собрания, равно как и празднества, отправлялись в укреплениях, постройкой которых занимались днем и ночью; в мирное время там должны были обучаться всему, что необходимо знать в случае войны с неприятелем. Вне укреплений не было никаких построек, или только плохие и ничего не стоившие. Приучив граждан к такому порядку и устройству, он неожиданно напал на славян, называемых гевельдами (то есть жителей берегов р. Гавеля, близ нынешнего Берлина, главным укреплением которых был Бранный Бор, или Бранденбург); утомив их многими битвами, он воспользовался сильным морозом, расположился на льду и овладел, благодаря голоду, мечу и стуже, их городом, называемым Бреннабург (ныне Brandenburg). Так как вместе с городом и вся страна подчинилась его власти, то он обратился против даламанциев (живших около нынешнего Мейссена), покорение которых было уже давно возложено на него отцом; он осадил их город Гану и овладел им в двадцатый день. Город был отдан воинам на разграбление, все взрослые были избиты, а мальчики и девочки отведены в плен. После того Генрих напал на Прагу, город в Богемии, приведя туда все свои силы, и принудил ее короля подчиниться своей власти. Об этом короле[1] рассказывают много чудесного, но мы пройдем все это молчанием, так как у нас нет на то верных доказательств. Он был брат Болеслава и оставался всю жизнь верным и послушным императору. Таким образом, король обложил Богемию податью и возвратился в Саксонию (около 930 г.).

В главе 36 автор рассказывает эпизод из войны с северо-западными славянами, редариями, жившими в нынешнем Мекленбурге; маркграф редариев, Бернгард, разбил их наголову и опустошил всю страну; по словам автора, этот поход стоил жизни 200 тысячам славян.

37. Радость новой победы над славянами увеличила торжество королевского брака, которое праздновалось около того времени с великим торжеством. А именно: король женил своего сына Оттона (929 г.) на дочери Эдмунда, короля англов, и сестре Адельстана; она родила ему сына Лиудульфа, храброго мужа, который справедливо был оценен всеми народами, и дочь по имени Лиудгарда, выданную замуж за герцога франков, Конрада.

38. Когда, наконец, король заимел конницу, обученную кавалерийскому делу, он посчитал себя достаточно сильным для вступления в борьбу со старым своим врагом, а именно с венграми. Он созвал предварительно весь народ и говорил ему сле-

---

[1] Автор говорит о Венцеславе, которого убил брат в 935 г. и который был причислен к лику святых.

Печать (*слева*) и монеты (*справа*) Конрада I

дующим образом: «Вы сами слишком хорошо знаете, от каких опасностей освободилось ваше государство, в котором до сих пор повсюду господствовало смятение, причиняемое внутренними междоусобиями и внешними войнами. Наконец, вы видите себя успокоенными и соединенными милостью Всевышнего, трудами нашего войска и вашей храбростью; варвары (славяне) побеждены и повинуются нам. Нам остается еще одно дело: нам нужно теперь ополчиться всем, как один человек, против нашего общего врага, аваров (венгров). До сих пор я отнимал у вас ваших сыновей и дочерей, чтобы наполнить их сокровищницу, а теперь я буду вынужден грабить церкви и их служителей, так как у нас нет больше денег, и нам остается одна наша голая жизнь[1]. Посоветуйтесь друг с другом и подумайте, что мы должны предпринять в подобных обстоятельствах. Должен ли я отнять сокровища, предназначенные для небесного служения, и откупиться ими от врагов Божиих, или не будет ли лучше принести земные богатства в дар Богу, чтобы тем искупить себя пред Тем, Кто поистине называется нашим Творцом и Спасителем?» (932 г.).

На это народ, обращая глас к небу, объявил, что он думает только об одном искуплении себя пред Богом живым и истинным, так как Он один непогрешим и праведен во всех путях своих и свят в своих делах; и так все обещали королю помощь против дикого народа и запечатлели свой договор с Генрихом поднятием рук к небу. Заключив подобный договор со своим народом, король распустил собрание. Вслед за тем явились к нему венгерские послы с требованием обычных даров; но они получили постыдный отказ и воротились с пустыми руками домой. Когда авары узнали о том, они поспешили вторгнуться в Саксонию с огромным войском, приведенным в негодование тем отказом (933 г.), пошли через страну даламанциев и требовали содействия своих старых друзей. Но эти последние, зная, что они идут на саксов и что саксы приготовились к борьбе с ними, бросили им в насмешку жирную собаку. Так как венгры не имели времени отомстить за подобное оскорбление, видя перед собой другую борьбу, то их друзья и осыпали обидными насмешками. Затем венгры быстро вторглись в область турингов и прошли эту страну с огнем и мечом. Тут они разделили свои полки: одна часть пошла на запад и старалась с юго-запада ворваться в Саксонию. Но сак-

[1] Хотя все подобные речи могли быть сочинены самим автором, но тем не менее подробности ее должны были соответствовать правде, так как сочинение было читано лицом современным, знакомым с жизнью помимо нашего автора. Из слов же автора видно, до какой степени было тяжело венгерское 9-летнее иго для Германии.

сы в соединении с турингами открыли с ними борьбу, убили их предводителей и рассеяли их западные полчища по всей стране. Одни из них погибли от голода и стужи, а другие варвары были избиты или попали в плен и по заслугам своим кончили жизнь самой жалкой смертью. Войско же, оставшееся на востоке, прослышало, что сестра короля, выданная за одного туринга Видо – она была рождена вне брака,– живет в соседнем укреплении и обладает множеством золота и серебра. Вследствие того, они с такой яростью напали на замок, что, не помешай им ночь, они овладели бы им. Но ночью они услыхали о поражении другого отряда и о близости к ним самого короля с могущественным войском – а король именно расположился в то время лагерем при местечке, называемом Риаде,– и побужденные страхом бросили свой лагерь, сзывая рассеянные толпища посредством зажженных костров и страшного дыма, как обыкновенно давали сигнал для сбора. На следующий день (15 мая 933 г.) король вывел свое войско, убеждая воинов не терять надежду на Бога и его милости и не отчаиваться в Божественной помощи, которая явится и теперь, как являлась в прежних битвах. Генрих говорил, что венгры – общий враг всех и каждого, что они сами скоро увидят, как неприятель обратит тыл, если они противостанут им, храбро сражаясь. Возбужденные такими превосходными словами и видя, как их полководец является то впереди всех, то посреди, то в последних рядах, а пред ним ангел – изображение ангела с именем его украшало главное знамя,– воины приобрели самоуверенность и стояли непоколебимо. Король рассчитывал, как то и случилось, что неприятель обратится в бегство при одном виде всадников, закованных в латы; потому он выслал вперед немногих турингцев как легковооруженных, полагая, что неприятель будет их преследовать и таким образом увлечется до того, что приблизится к главному войску. Все это так и случилось; но венгры при виде тяжеловооруженной конницы с такой поспешностью бросились назад, что на пространстве восьми миль только немногие из них были убиты или попали в плен; зато их лагерь был опустошен и все пленные получили свободу.

39. Возвратившись победоносно из похода, король, как то и подобало, воздал всяческую хвалу Богу за ниспосланное им торжество над врагами, и ту дань, которую обыкновенно получали венгры, посвятил на божественную службу и на раздачу бедным. Войско же приветствовало его как отца отечества, всемогущего государя и императора; слава о его силе и мужестве распространилась далеко между всеми народами и королями. Потому его навещали сильные из других королевств, ища себе его милости, и оказывали ему великое уважение, так как верность такого пресветлого и великого мужа была им доказана на деле. Между такими явился к нему Гириберт, зять Гуго (Великого, герцога Франции), когда на него напал Рудольф, который против всех прав провозгласил себя королем (Франции); он просил короля Генриха защитить его силой, а Генрих принадлежал к числу тех людей, которые ни в чем не отказывали своим друзьям. Действительно, он вторгся в Галлию (935 г.), вступил в переговоры с королем и по достижении своей цели возвратился в Саксонию. Имея в виду возвысить свой народ, он не оставил ни одного сколько-нибудь значительного человека, чтобы не одарить его деньгами или местом, или почестью. К его необыкновенному благоразумию и мудрости, отличавшей его, присоединялась удивительная физическая сила, которая составляет истинное украшение королевского достоинства. При военных игрищах он одерживал такие решительные победы, что наводил на всех ужас. На охоте Генрих отличался такой же неутомимостью, и за один раз клал на месте до сорока и более штук дичи; хотя в обращении он был очень любезен, но при этом не терял ничего из королевского достоинства и внушал своим воинам такую любовь и вместе страх, что они и при его расположении к шутке не знали как себя держать, чтобы не позволить себе чего-нибудь неприличного.

40. По подчинении себе всех окрестных народов Генрих напал (934 г.) на данов, которые беспокоили фризов морскими набегами, победил их, обложил данью и прину-

дил их короля Энубу принять крещение. Наконец, когда все соседние народы были укрощены, он вознамерился идти в Рим, но по случаю болезни отложил свой поход.

41. Почувствовав, что он сляжет от болезни, Генрих созвал весь народ и назначил своего сына *Оттона* королем, других же сыновей одарил поместьями и деньгами. Оттон, как старший и лучший из них, был поставлен во главе своих братьев и всего государства франков. Сделав такие предсмертные распоряжения и устроив порядком свои дела, он умер (2 июля 936 г.). Этот могущественный государь и величайший из королей Европы, не уступавший никому ни в доблестях души, ни в телесной силе, оставил сына, который был выше его самого; сыну же он предоставил обширное государство, которое он не наследовал от отцов, но приобрел своими трудами, не обязанный никому, кроме Бога. Правление его продолжалось 16 лет, а время земной жизни 60 лет. Тело его было отнесено сыновьями в Кведлинбург и похоронено в церкви св. Петра перед алтарем при всеобщем сетовании и слезах (936 г.).

Заканчивается первая книга.

Начинается предисловие ко второй книге.

Госпоже Матильде, дочери императора.

Да послужит мне в помощь твое снисхождение, так как я приступаю теперь к важному труду или, лучше сказать, продолжаю; впрочем, мой труд по большей части уже окончен. По справедливости ты признаешься всеми владычицей целой Европы, хотя власть твоего отца (Оттона I) простирается уже и в Африке, и в Азии. Я надеюсь, что ты исправишь милостиво все, что найдешь недостаточным, и что мой труд будет нести на себе все знаки преданности, с какой он был составлен.

Здесь начинается вторая книга.

1. Когда таким образом почил государь Генрих, отец отечества и величайший и лучший из всех королей, весь народ франков и саксов избрал своим повелителем его сына *Оттона*, который уже прежде был назначен преемником, а местом всеобщего избрания сделали город Ахен, близ Элиха, получившего свое название от основателя Юлия Цезаря. Прибыв туда, герцоги и старейшие из графов в сопровождении свиты знатных вассалов собрались под колоннадой, примыкавшей к базилике Великого Карла, и возвели нового властителя на вновь воздвигнутый там трон; они положили свои руки в руки короля, клялись быть верными и помогать ему против всех его врагов, и, таким образом, сделали его по своему обычаю королем (8 августа 936 г.). Пока все это совершалось герцогами и другими чинами, верховный епископ вместе со всем духовенством и простым народом ждал внизу, в базилике, выхода нового короля. Когда он показался, архиепископ вышел ему навстречу и, взяв короля левой рукой за правую руку, так как он в своей правой держал посох, в полном облачении, в митре, столе и ризах выступил на середину храма, где и остановился. Затем он обратился к народу, стоявшему вокруг – в этой же базилике была устроена колоннада вокруг, наверху и внизу, так что архиепископ был виден всеми,– и сказал так: «Смотрите, пред вами государь Оттон, избранный Богом, предназначенный государем Генрихом, и всеми князьями возведенный в короли; если вам угодно его избрание, то утвердите его поднятием правой руки к небу». Тогда весь народ поднял высоко правую руку и громогласно выражал свой привет новому властителю. После того архиепископ вместе с королем, который был одет в узкую франкскую одежду, удалился по другую сторону алтаря, на котором лежали знаки королевского достоинства: меч с перевязью, мантия, посох со скипетром и корона. Верховным пастырем был в то время Гильдиберт, родом франк, по званию монах, получил воспитание, будучи обучен в монастыре Фульдском, и по заслугам достиг таких почестей, что сделался настоятелем того монастыря, а впоследствии дожил до самого высокого достоинства, а именно архиепископского престола в Майнце. Это был человек удивительной святости и, кроме природного ума, славился своей ученостью. О нем рассказывают

даже, что он между прочими высшими дарами обладал пророческим духом. Когда при помазании короля возник спор между епископами, а именно между Трирским и Кёльнским, – первый опирался на то, что его престол старейший и, так сказать, основан апостолом Петром, а второй говорил, что Ахен находится в его епархии и каждый думал, что честь посвящения принадлежит ему; но оба должны были отступить перед славой Гильдиберта, признанной всеми. Тогда Гильдиберт подошел к алтарю, взял меч с перевязью и, обратившись к королю, сказал: «Прими этот меч и преследуй им всех противников Христа, как язычников, так и худых христиан, ибо по воле Бога тебе вручена власть над всем государством франков для утверждения мира всех христиан». Затем он подал ему мантию и надел ее со словами: «Пусть это ниспадающее до земли одеяние напоминает тебе об обязанности гореть до дня смерти ревностью по вере и желанием сохранения мира». Далее он вручил ему посох и скипетр, говоря: «При этих знаках вспоминай, что ты обязан отечески управлять своими подданными, и в особенности подавать руку помощи служителям Божиим, вдовам и сиротам; и да не высохнет никогда на твоем челе елей милосердия, которым ты ныне и вовеки помазуешься». Сказав так, он помазал короля елеем, и два епископа, сам Гильдиберт и Викфрид (Кёльнский), возложили на главу его корону. Когда посвящение было по всем правилам довершено, Оттон был возведен теми же епископами на трон, к которому вели ступени и который был воздвигнут между двух мраморных колонн удивительной красоты, так что оттуда король мог видеть всех, и все его видели.

2. После славословия Богу и торжественного совершения таинства король удалился во дворец, подошел к мраморному столу, убранному королевской посудой, и сел за него вместе с епископами и всем народом, а герцоги хозяйничали. Герцог Лотарингии Гизельберт, в области которого находился Ахен, распоряжался всем торжеством; Эвургард заведовал столом; Гериман, франк, смотрел за кравчими; Арнольд заботился о всех благородных, и на нем же лежала обязанность выбора и устройства помещений; Зигфрид, лучший из саксов и второе лицо после короля, зять покойного короля и через то близкий родственник новому, устраивал в то время саксов, чтобы не вышло какой-нибудь распри; он же воспитывал юного Генриха (то есть второго брата короля). В заключение король почтил каждого из князей приличным подарком от королевских щедрот и распустил всех исполненными радостью (8 августа 936 г.).

3. Между тем варвары (славяне) подняли новое восстание (935 г.); Болеслав убил своего брата (см. выше, кн. I, гл. 35), христианина, как рассказывают, весьма богобоязненного мужа, а так как он опасался соседнего ему владетеля, повиновавшегося саксам, то и объявил ему войну. Этот же послал к саксам просить помощи. К нему был отправлен Азик с полчищами мезабуриев и сильным отрядом гассиганов (славянские племена, повиновавшиеся саксам и жившие около Мерзебурга); туда присоединился еще отряд турингов. Этот последний отряд состоял весь из разбойников: король Генрих был очень строг в отношении чужеземцев, но очень снисходителен к своим единоземцам; потому, когда он видел, что какой-нибудь вор или разбойник хорошо владел мечом и был годен для войны, он всегда избавлял его от заслуженного им наказания, поселял в пригородах Мерзебурга, давал ему поле и оружие и запрещал одно: грабить своих, но зато разрешал производить разбои у варваров, насколько у него хватило бы к тому средств. Масса подобного рода людей образовала настоящее войско на случай необходимости войны. Когда Болеслав услышал о саксонской рати, и что саксы и туринги идут отдельно друг от друга, он, как человек сметливый, разделил своих сподвижников на две части и решился встретить оба отряда. Но когда туринги увидели совершенно неожиданно неприятеля перед собой, они обратились в бегство для избежания опасности. Азик же с саксами и другими вспомогательными отрядами бросился немедля на неприятеля, разбил большую его часть, остальных обратил в бегство и возвратился в лагерь. Не зная ничего о другом неприятельском от-

ряде, который преследовал турингов, он торжествовал одержанную победу с излишней беспечностью. Между тем Болеслав, видя, что наше войско рассеялось и каждый был занят своим делом – одни срывали вооружение с убитых, другие собирали сено для лошадей, а иные легли отдохнуть,– соединил вместе свой пораженный отряд с другими возвратившимися и напал на саксов, ничего не подозревавших и еще более обнадеженных одержанной ими победой. Наш полководец и все его войско были разбиты. Оттуда Болеслав пошел против укрепления того соседнего ему владетеля, взял его с одного приступа и обратил все место в пустыню, какой оно остается и до настоящего времени. Эта война продолжалась до 14-го года правления Оттона (то есть до 950 г.); но после того времени Болеслав сделался верным и полезным слугой короля.

4. Когда же король получил известие о том поражении, оно не смутило его нисколько: подкрепленный свыше, он вторгся со всем войском в землю варваров, чтобы положить предел их грабежам. С ними была ведена война еще при его отце за то, что они оскорбили послов его сына Танкмара, о чем впоследствии мы расскажем подробнее. Новый король определил поставить нового военачальника и избрал в эту должность мужа благородного, деятельного и умного по имени Гериманн. Таким отличием Гериманн возбудил зависть не только прочих князей, но даже своего брата Викманна. Этот последний под предлогом болезни удалился из лагеря. Викманн был человек могущественный, храбрый, честолюбивый, знаток военного дела и обладал такими познаниями, что его подчиненные гордились, говоря, что он знает больше, чем то доступно человеческому искусству. Между тем Гериманн, стоявший во главе рати, вторгся в страну, сразился с врагом, мужественно поразил его и тем увеличил зависть своих соперников. К числу таких принадлежал и Эккард, сын Лиудульфа, до того оскорбленный успехами Гериманна, что он хвастливо обещал сделать еще больше или положить свою жизнь. Вследствие того он собрал около себя храбрейших из всего войска, нарушил запрещение короля и пошел через болото, лежавшее между неприятельским городом и королевским лагерем; но он натолкнулся на врагов, был ими окружен и погиб со всеми своими сподвижниками. Всех павших с ним было 18 отборных мужей из всего войска. Король же возвратился назад, в Саксонию, избив множество врагов, а остальных обложил податью. Все это произошло 25 сентября (936 г.).

5. Вслед за тем явились старые враги, венгры, испытав на себе храбрость нового короля (937 г.). Они напали на франков и решились оттуда, если будет возможно, вторгнуться в Саксонию с западной стороны. Но король, услышав о том, выступил им навстречу с сильным войском, обратил их в бегство и изгнал из своей страны.

6. Едва прекратились войны с внешними врагами, как начались внутренние междоусобия. А именно саксы[1], покрывшиеся славой под управлением своего короля, считали недостойным себя служить другим племенам и стыдились получать отправляемые ими должности от кого-нибудь другого, а не от короля. Вследствие того Эвурард (очевидно, сакс) восстал против Брунинга (очевидно, франка), собрал войско и сжег его город Элмери, а жителей перебил до одного. Когда король узнал об этом преступлении, он осудил Эвурарда заплатить пеню в известное число лошадей, ценой в сто фунтов серебра, а предводители, содействовавшие ему в том деле, должны были для своего посрамления пронести на руках собак до королевского замка, называемого нами Магдебургом (937 г.).

В том же году король перенес мощи св. мученика Иннокентия в этот же город. Хотя король и наказал нарушителей мира заслуженным образом, но из-за своего кроткого нрава, он принял их весьма ми-

[1] Под такими племенными выражениями, как саксы, франки и т. п., нужно понимать у летописцев одну военную и вместе придворную аристократию, для которой возведение своего герцогства в королевское достоинство было средством к получению доходных должностей и земель: для знатного сакса было стыдом признавать себя вассалом какого-нибудь франка.

лостиво и отпустил с миром, наградив королевскими подарками. Но, тем не менее, они содействовали и после своему герцогу во всех его дурных предприятиях, потому что он был весел, ласков с самыми последними, щедр на подарки и такими качествами успел снискать дружбу многих саксов.

8. В том же году (14 июля) умер баварский герцог Арнульф, и его сыновья в своей гордости отказали королю в повиновении.

9. В том же году умер граф Зигфрид, марку которого наследовал Танкмар, как его родственник; а именно мать Танкмара, которая его родила от короля Генриха, была дочь тетки Зигфрида[1]; но король подарил эту марку графу Геро, что чрезвычайно встревожило Танкмара. Король отправился в Баварию и, устроив надлежащим образом дела этой страны, возвратился в Саксонию (938 г.).

10. Между тем распря Эвурарда и Брунинга дошла до того, что они вступили в смертельный бой, опустошили страну, и грабежу и пожарам не было конца. К тому же, возник еще в Саксонии спор о законе наследства: одни утверждали, что сыновья сыновей (то есть внуки умершего главы семейства, и племянники оставшихся братьев в случае ранней смерти их отца) не могут быть причисляемы к сыновьям[2], если случилось так, что их отец умер прежде их деда. Вследствие того было подано королю прошение сделать всеобщее народное собрание при местечке Стела (ныне Steel an der Ruhr, близ Эссена), и на нем определили отдать это дело на решение судей. Но король последовал лучшему совету и, желая, чтобы благородные мужи и старейшие в народе не понесли бесчестия, повелел решить тот вопрос судебным поединком. На этом поединке победила та сторона, которая относила сыновей от сыновей к сыновьям, и потому было утверждено навеки, чтобы они имели равную долю в наследстве со своими дядями. При этом же случае была обнаружена виновность нарушителей мира, которые до того времени всегда утверждали, что они ни в чем не оскорбляют королевской власти, и только мстят за оскорбления со стороны равных себе. Хотя король и видел, что они его не уважают, если отказываются явиться на суд по королевскому приказанию, но он не принял насильственных мер и даровал им прощение, всегда готовый на милость. Такое снисхождение повело, однако, только к большему злу: мятежники продолжали производить жестокости, убийства, клятвопреступничество, опустошения и пожары; в те дни было мало различия между справедливым и несправедливым, верным и вероломным.

11. Таким образом, Танкмар и Эвурард собрали сильное войско и осадили замок, называемый Бадилики (ныне Belice, на юге от Липштадта), где находился молодой Генрих (то есть второй брат короля); предав город на разграбление своим сподвижникам, Эвурард удалился, поведя с собой Генриха как простого раба. При этом случае был убит Гевегард, сын Удо, брата герцога Героманна. Обогащенные великой добычей, воины Танкмара были готовы на всякое дело. Он же сам овладел городом Гересбургом (ныне Stadtberg на р. Димеле), собрал около себя большую толпу и утвердился, производя оттуда страшные разбои. А Эвурард держал у себя Генриха. В это же время был убит Деди перед воротами города Ларуна, в котором заперлись люди Эвурарда. Но когда Викманн, отвернувшийся от короля, узнал о таких злодеяниях мятежников, он изменился и заключил мир с королем, как человек благоразумный, и оставался ему верным слугой до конца жизни. Между тем Танкмар, сын короля Генриха, рожденный от матери благородного происхождения, был всегда готов к брани; человек сведущий в военном деле, необыкновенно деятельный, он в своих воинских подвигах мало обращал внимания на то, что воспрещалось честными нравами. Так как мать его имела огромные владения, то он,

[1] Генрих был женат на Гатебурге, осудившей себя на вдовство, поэтому епископ Гальберштадта принудил его развестись с нею; она была двоюродная сестра Зигфрида, и сын ее Танкмар, будучи сводным братом короля Оттона I, приходился умершему маркграфу племянником.

[2] То есть в случае смерти своего отца не пользуются его правом наследства наряду с его братьями и своими дядями.

Королевская печать Генриха I

несмотря на то, что его отец наделил его другими поместьями, чувствовал себя тяжко обиженным потерей материнского наследства и вследствие этого взялся за оружие, на погибель свою и всех своих приверженцев, против своего государя короля. Король, видя, что все это дело становится опасным, решился, хотя и против воли, укротить восстание Танкмара и пошел с многочисленным войском против Гересбурга. Но когда жители города узнали, что сам король идет на них с великой силой, они открыли ворота и впустили к себе войско, начавшее обступать город. Танкмар убежал в церковь, которую посвятил Папа Лев св. Петру, но воины преследовали его даже и там; особенно хотели отомстить ему люди Генриха за оскорбление, нанесенное их государю; они не побоялись сбить двери силой и ворвались с оружием в святилище. Танкмар стоял возле алтаря и положил на него свое вооружение с золотой цепью. Пока угрожали ему стражи, замахиваясь на него оружием, Тиодбальд, побочный сын Коббо, нанес ему рану с поруганиями, но был в свою очередь так поражен им, что вскоре отдал дух с ужасными конвульсиями. Но в это же время один из всадников по имени Маинциа проколол Танкмара копьем, пущенным из ближайшего окошка к алтарю, и убил его на таком святом месте (28 июля 938 г.). Но этот виновник ссоры братьев погиб впоследствии жалким образом в сражении при Биртене вместе с золотом, которое он злодейски похитил на алтаре. Когда король, не бывший при этом и ничего не знавший о происшедшем, услышал обо всем, им овладел гнев на неистовство вассалов; а так как междоусобие еще продолжалось, то он не посмел поступить с ними строго. Но все же он оплакивал судьбу своего брата и обнаружил такое мягкосердечие, что даже с похвалой отзывался о воинских доблестях Танкмара; однако Тиадрик и три его сына от его тетки, действовавшие заодно с Танкмаром, были осуждены по закону франков на виселицу и повешены. Оттуда король повел свою воинственную и обогащенную городской добычей рать против Ларуна, но неприятель, предводительствуемый бургграфом, сопротивлялся отчаянно и не переставал отвечать на камень камнем и на удар ударом. Утомленные боем, они просили перемирия, чтобы снестись со своим герцогом. Им было дозволено, но герцог отказал в помощи. Тогда они вышли из города и сдались в руки короля. Во время этой осады погиб Томма, кравчий, уже давно прославившийся храбрыми деяниями. Когда же Эвурард услышал о смерти Танкмара и о сдаче своих, он потерял мужество, бросился в ноги своему пленнику (то есть принцу Генриху), просил его милости и получил в награду бесчестный договор, заключенный с ним.

12. А именно Генрих был в то время еще молод и имел весьма пылкие нравы; и потому он, увлеченный властолюбием, готовым на все, простил Эвурарду его преступление под условием составить вместе с ним заговор против короля, своего государя и брата и, если удастся, возложить на него корону государства. Таким образом, договор был заключен с обеих сторон. Затем Генрих возвратился свободно к королю и был им принят с более искренней любовью, нежели с какой он сам пришел к нему.

13. Также и Эвурард, по убеждениям Фритурика, преемника архиепископа Гильдиберта, мужа превосходного и прославившегося своим неусыпным религиозным бдением, отправился к королю, униженно про-

сил прощения и предоставил его воле и себя, и всех своих. Но затем, так как подобное злодеяние не могло остаться совершенно безнаказанным, он был удален в изгнание в город Гильдесгейм. Немного же времени спустя ему было дано высочайшее помилование и возвращены все прежние достоинства.

14. Пока все это происходило, напали неожиданно на Саксонию наши старые враги, венгры, и расположились лагерем на берегу р. Бады (ныне Боде), откуда они делали набеги на всю страну. Один из их предводителей был выслан из лагеря с отрядом войска против города, называемого Стедиерабург (ныне Steterburg, между Брауншв. и Вольфенб.). Когда жители заметили, что неприятель утомлен походом и ливнем, образовавшим целые потоки, они храбро выступили из ворот, сначала испугали его криками, а потом бросились внезапно вперед, большую часть избили, а остальных принудили к бегству, захватив предварительно порядочное число лошадей и знамен. В укреплениях, лежавших на их пути, заметили, что они бегут, и начали потому бить их всякого рода оружием; большая часть неприятеля положена была на месте, а сам полководец, загнанный в овраг, кончил там свою жизнь. Другая же часть войска, направившаяся на север, попала, благодаря хитрости одного славянина, в местность, называемую Триминг (ныне Dromling, болотистое пространство между реками Aller и Ohre), и, стесненная вооруженными отрядами, погибла в тех непроходимых болотах; теми же, которые спаслись, овладел страх и ужас. Сам предводитель этого толпища, ускользнувший вместе с немногими, попался в плен, был представлен королю и выкуплен дорогой ценой. При этих известиях весь неприятельский лагерь пришел в смятение и старался спастись бегством; с того времени вот уже 30 лет, как венгры не показывались более в Саксонии (938 г.)[1].

15. Вскоре после этого (939 г.) Генрих, сгорая желанием получить королевство, сделал большое пиршество в местечке, называемом Салавелдун (ныне Saalfeld). Будучи богатым и могущественным, он одарил по-королевски многих большими поместьями и тем склонил их к участию в его замысле. Большинство, однако, было того мнения, что лучше содержать это дело в тайне с той целью, чтобы не понести на себе обвинения в раздоре братьев. Вместе с тем Генриху был дан совет, каким образом легче дойти до разрыва; он должен был именно предоставить Саксонию защите своих вассалов, а сам отправиться к лотарингцам, народу, неспособному к войне; так и случилось: когда король при первом нападении победил их, они были уже истощены одной битвой. Оставив таким образом, по совету своих единомышленников, Саксонию и передав замки в Саксонии и Турингии своим вассалам, Генрих вместе со своими друзьями удалился в Лотарингию. Когда распространился слух об этих событиях, всеми овладел страх, так как никто не знал причины такого внезапного отпадения от короля и такой неожиданной войны. Сам король, получив такую весть, сначала не хотел ничему верить; но, наконец, удостоверившись вполне, поспешил с войском для преследования своего брата. Когда он подошел к укреплению, называемому Тортманни (ныне Dortmund), защищаемому гарнизоном брата, люди, находившиеся там, припомнив судьбу Танкмара, не осмелились выжидать короля, вышли ему навстречу и изъявили покорность. Между ними был некто Агина, которому Генрих поручил охрану города; он, дав страшную клятву королю убедить своего государя к миру, если то удастся, или самому вернуться назад, отправился на этом условии к Генриху. Между тем войско под предводительством короля достигло берегов р. Рейна.

16. Еще в то время, когда велась война между Эвурардом и королем, явился к Гизельберту (герцогу Лотарингии) Гадальт, королевский камергер, для заключения мира и союза; но так как герцог не склонялся явно ни на ту, ни на другую сторону, то посол был принят без почета, а ответ откладывался со дня на день. Гадальт, заметив двусмысленность герцога и не желая

---

[1] Из этих слов автора можно точно заключить о времени, когда были написаны данные строки, а именно в 968 г.

спокойно смотреть на его проделки, объявил ему прямо: «По приказанию короля повелеваю тебе, в присутствии всего народа, явиться в назначенный день на королевский суд; в противном случае, знай, тебя объявят врагом государства». Подобным же образом отпустил Гизельберт и первого королевского посла, епископа Бернгарда, не оказав ему подобающих почестей и не дав определенного ответа. Рассказывают также, что он неуважительно обращался с королевскими грамотами. Но после тех слов герцог начал обращаться с послом лучше и отпустил его с большим почетом (938 г.).

17. А между тем (939 г.) и Генрих, и Гизельберт, оба готовились к войне и решились идти навстречу королю до самого Рейна. Агина же, помня данную клятву, предупредил их войско, переехал Рейн и явился к королю; выразив ему приветствие в самых почтительных словах, он говорил королю так: «Твой брат, мой повелитель, желает тебе здравия и долгого благополучного царствования над твоим великим и обширным государством, и объявляет тебе, что он спешит, как может, явиться к твоим услугам». Но когда король спрашивал его, о чем он помышляет, о войне или о мире, он увидел в то же время, что огромная масса войск тянется с развевающимися знаменами по направлению к той части его армии, которая перешла уже Рейн. Тогда король обратился к Агине с вопросом: что это за войско, и что это за люди? На это тот отвечал спокойно: «Это мой повелитель, твой брат; если бы он пожелал следовать моему совету, то явился бы иначе; что же касается меня, то я возвратился назад, потому что дал на то клятву». Король, услышав такие слова, невольно выразил телесным движением свою душевную болячку и горько сожалел, что не имеет под рукой судов для переправы через Рейн: быстрое течение реки не представляло возможности к другой переправе, и надобно было думать, что при внезапном нападении врага на отряд, находившийся по ту сторону, ему ничего не останется, как или пасть, или защищать свою жизнь с оружием в руках. Вот потому король взмолился, подняв руки к небу: «О, Боже, Ты виновник и правитель всего существующего, воззри на свой народ, во главе которого меня поставила воля Твоя, и спаси его от врага, дабы все люди познали, что никто из смертных не возможет ничего против Твоей власти, ибо Ты всемогущ, и царство твое от века веков!» Между тем отряд, находившийся на другом берегу, отправив обоз и все имущество в местечко, называемое Ксантен, приготовился мужественно встретить неприятеля.

Так как между нашими и неприятелем простиралось болото, то саксы разделились на две толпы: одна бросилась навстречу неприятелю, а другая напала с тыла, так что враг, атакованный с двух сторон, несмотря на численный перевес, был сильно потеснен. Уверяют же, что с нашей стороны было не более сотни латников, а неприятель имел довольно большое войско. Испытав нападение спереди и с тыла, враги не знали, кому дать прежде отпор; кроме того, некоторые из наших умели говорить по-галльски и начали громко кричать на этом языке, предлагая противнику бежать. Противники приняли эти крики за крики своих, и на том основании обратились в бегство. В этот день было много ранено наших, а иные совсем убиты; между последними находился Аильберт по прозванию Мудрый; он, пораженный герцогом, умер несколько дней спустя. Враги же были все или избиты, или взяты в плен, или, по крайней мере, обращены в бегство; их же обоз и имущество были разделены между победителями. Со стороны лотарингцев мужественно бился Готфрид по прозванию Черный; в этот же день пал в сражении тот Маинциа, о котором я упоминал выше[1].

18. Между тем Даде, родом туринг, объявил начальникам замков, которые на восточной стороне были на стороне герцога Генриха, о победе короля и о погибели самого герцога на поле битвы; этой хитростью он подчинял все замки королевской власти. У Генриха из всех укреплений оставалось только два, Мерсбург и Сцитин-

[1] См. выше. Маинциа был убийцей Танкмара; предполагаемое место, на котором происходила описанная битва отряда Оттона I с лотарингцами, – при Биртене.

ги. Король же решился после победы преследовать брата и зятя.

19. При известии о потере своих замков Генрих, сломленный последней победой короля, пустился в дорогу всего с 9 вооруженными воинами, но прибыл уже довольно поздно в Саксонию и заперся в укреплении Мерсбург. Также и король, услышав об этом, повернул в Саксонию и вместе с войском осадил крепость, в которой находился его брат. Но последний не мог устоять против сильнейшего, и через два месяца, сдав город, явился к королю. Ему было дано перемирие на 30 дней с тем, чтобы он очистил Саксонию со своими; но кто предпочтет обратиться прямо к королю, тот получит прощение. И с тех пор Саксония успокоилась на некоторое время от внутренних междоусобий (939 г.).

20. Но варвары (то есть славяне), поощряемые нашими несогласиями, не переставали опустошать страну огнем и мечом, и сделали коварную попытку умертвить Геро, которого король поставил над ними. Он же предупредил их хитрость и в одну ночь избил до 30 варварских князей, упившихся допьяна на одном веселом пиршестве. Но так как у него не было достаточно сил против всех варварских племен – а в это время возмутились даже и аподриты (ободриты, на Эльбе), уничтожили наше войско и умертвили его предводителя по имени Гайку,– потому король сам сделал против них несколько походов, опустошил их страну и довел до крайней погибели. Тем не менее варвары предпочитали войну миру, и всякое бедствие в их глазах было еще ничтожно по сравнению с потерей свободы. Это какое-то суровое отродье людей, которых нельзя испугать никакой строгостью; привыкнув к самой жалкой пище, славяне считают еще наслаждением то, что для наших было бы невыносимым бременем. Действительно, немало прошло времени с тех пор, как мы ведем с ними борьбу с переменным счастьем; и это неудивительно, потому что мы (то есть германцы) сражаемся за славу и распространение своей власти, а для славян дело идет о выборе между свободой и рабством. И в те дни саксам пришлось вытерпеть нападение не одного врага, а многих: славяне с востока, франки с юга, лотарингцы на западе, с севера даны (то есть норманны) и опять славяне; вот потому-то и затянулась борьба с варварами надолго.

21. Еще при короле Генрихе (I) попался в плен один славянин по имени Тугумир; по закону его соотечественников ему приходилось бы наследовать от отца власть над коленом гевельдеров (то есть гавельцев, живших по р. Гавелю, близ Бранденбурга). Подкупленный большими деньгами и уговоренный еще большими обещаниями, он дал слово изменить своей стране. Потому, выдав себя за спасшегося бегством, он явился в город, называемый Бреннабургом (Бранный Бор, ныне Бранденбург), был признан его владетелем и вскоре затем изменил своим. Он пригласил именно к себе своего племянника, одного оставшегося в живых из народных князей, овладел им хитростью, умертвил его, а город и всю страну предал власти короля. Вследствие того владычество короля распространилось над варварскими племенами до самой р. Одер, и они были обложены податью (939 г.).

22. Между тем Генрих, принужденный оставить Саксонию, снова удалился в Лотарингию и жил вместе со своими вассалами довольно долгое время у зятя, а именно у герцога Гизельберта. Но король вторично повел войско на Гизельберта и опустошил огнем и мечом всю Лотарингию, находившуюся под его властью. Сам же Гизельберт был осажден в замке, называемом Киеврмонт (ныне Chevremont, близ Люттиха), но успел ускользнуть и убежал оттуда. Так как осада, по неприступности замка, мало подвигалась вперед, то король опустошил окрестные страны и возвратился в Саксонию.

23. Прослышав об одном чрезвычайно хитром и ловком стороннике Гизельберта по имени Иммо, король счел за лучшее продолжать борьбу при помощи его коварства, нежели собственного оружия. Действительно, Иммо, как человек хитрый, охотно подчинился тому, кто был лучше и сильнее, и поднял оружие против герцога. Это обстоятельство, при его крайнем положении, было для него весьма тяжело, потому что он имел теперь врага в том, на чей ум и чью

верность полагался до тех пор более, нежели на кого-либо другого. Неудовольствие герцога особенно усилилось, когда он услышал, что Иммо своей хитростью успел отнять у него целое стадо свиней. Это случилось так: когда свинопасы герцога гнали стадо мимо ворот, Иммо приказал выставить перед воротами поросенка, и затем, открыв ворота, заманил в крепость все стадо свиней. Герцог не мог перенести такого оскорбления, собрал войско и осадил Иммо. А в его крепости случилось множество ульев, которые он и побросал во время приступа в лицо всадникам. Пчелы перекусали своим жалом лошадей, и всадникам ничего не оставалось, как бежать; когда же Иммо, смотревший на все происходившее с высоты стен, увидел их бегство, то начал еще грозить нападением. Обманутый несколькими подобными хитростями Иммо, герцог снял осаду. Но удаляясь, он выразился так: «Пока Иммо был на моей стороне, я без всякого труда держал лотарингцев в повиновении им одним, а теперь и со всеми лотарингцами не могу захватить его одного».

24. Эвурард, заметив, как длится война, не хотел оставаться более спокойным. Не опасаясь больше короля, он нарушил клятву, соединился по-прежнему с Гизельбертом и вместе с ним продолжал разжигать войну. Не довольствуясь западными провинциями, они вторглись в страны, лежавшие на восток от Рейна, и предали их опустошению. Когда услышали о том в королевском лагере – а король в то время (939 г.) осаждал Бризег (ныне Breisach) и другие крепости, находившиеся во власти Эвурарда,– то многие оставили войско, и тогда исчезла всякая надежда, чтобы саксы могли более удержать свою власть в государстве[1]. Но король, несмотря на всеобщее замешательство, выказал такую стойкость и такое могущество, хотя и был окружен весьма немногими вассалами, будто бы ему не предстояло никаких затруднений. А в то время оставили свои палатки со всем имуществом даже духовные князья (то есть архиепископы и епископы) и отреклись от короля.

[1] Это место у автора должно понимать именно так, что под племенным выражением «саксы» в то время подразумевалась саксонская аристократия, которая со вступлением на королевский престол своих герцогов, Генриха I и Оттона Великого, овладела всеми государственными должностями королевства.

25. Мне не следовало бы собственно разоблачать настоящие причины такого отпадения духовенства[1] и другие королевские секреты, но я считаю себя обязанным удовлетворить требованию истории; если же я при этом в чем-нибудь провинюсь, то да будет мне то прощено. Архиепископ, которого король отправил к Эвурарду для заключения мира и договора, дал по настоятельному требованию Эвурарда клятву обоюдно выполнить условия мира, и на этом основании объявил королю, что он не может отступиться от своей присяги. Но король отправил тогда другого епископа с ответом, сообразным своему достоинству, и желал не быть связанным ничем, на что епископ мог обязать себя без его согласия. Вот за это-то неповиновение своему королю как верховному властителю, и даже за отчуждение от него, первый из них был сослан в город Гаммабург (ныне Hamburg), а епископа Ротгарда (Страсбургского) король удалил в Новокорбийский монастырь. Вскоре, впрочем, он милостиво простил их обоих, возвратил им свое расположение и отдал прежние должности[2].

26. Когда после этого был отправлен Гериманн с войском для усмирения герцогов, он нагнал их на берегу Рейна и нашел, что большей части их рати уже не было, так как она переправилась с добычей на другую сторону реки. Вследствие того герцог Эвурард,

[1] То есть корыстолюбие духовенства и боязнь потерять свои места с падением Оттона.

[2] Все это дело автор излагает очень туманно: очевидно, он опасался лиц, которые были еще в живых, и не хотел огорчить Матильду более откровенным изложением замыслов ее отца. Оттон рассчитывал обмануть Эвурарда, не сдержав клятвы, данной за него архиепископом и епископом; а эти, в свою очередь, за деньги от Эвурарда продали интересы короля. Очевидно, обе стороны действовали не чисто, и наш автор с необыкновенной ловкостью предоставляет догадаться своему читателю, в чем состояло дело.

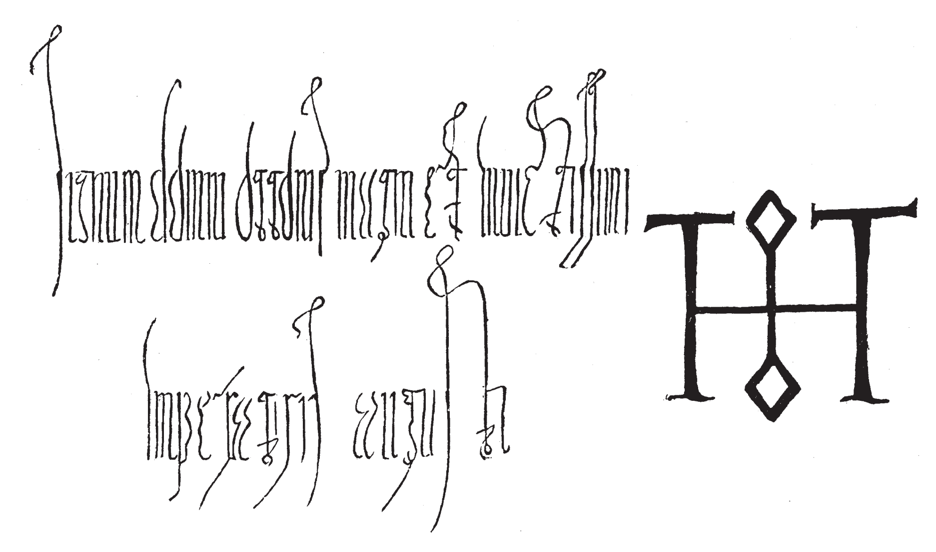
захваченный вооруженными воинами, пал, проколотый насквозь копьями, но после того как он уже получил немало ран и сам мужественно переранил других. Гизельберт, обратясь в бегство, спасался вместе со многими на судне; но оно под тяжестью насевших на него погрузилось и ушло ко дну; сам же герцог со всеми прочими утонул и никогда не был отыскан. Когда король узнал о победе своих и о смерти герцогов, он возблагодарил всемогущего Бога за помощь, которую Он оказывал ему уже не раз в затруднительное время; а над Лотарингией поставил герцогом Одо, сына Риквина, возложив на него воспитание своего племянника, сына Гизельберта, по имени Генрих, мальчика, подававшего большие надежды. Мать же ребенка (то есть Герберга, дочь Генриха I и сестра Оттона I; см. о ней выше, кн. I, гл. 30) вышла замуж за короля Людовика (IV, Заморского, короля Франции), почему и Генрих, брат короля, оставил Лотарингию и убежал в Карлову империю (Францию). За смертью герцогов последовала весьма суровая зима, а за зимой сильнейший голод (939 г.).

27. Вскоре за тем, не знаю, серьезно или для вида, Иммо поднял оружие против короля, но окруженный среди зимы войском, он сдался вместе с укреплением и после того всегда служил верно и честно (940 г.).

28. Королю подчинились также и племянники Гизельберта, получив обратно все крепости, которыми они владели. Один Киеврмонт был защищаем Ансфридом и Арнольдом. Иммо отправил к ним письмо, где говорилось, между прочим, следующее: «Я не хочу сам оценивать своих достоинств; ваше мнение будет вместе и моим. О вас же все знают, как о предводителях своего народа. Но никто не сомневается в том, что каждый может сделать двумя руками более, чем одной; отсюда прямо следует, что трое справятся с одним. Что нас заставляет служить саксам, как не наши же междоусобия? Покорив вас оружием, могут ли они радоваться своей победе? Победителя растлевает рабство тех, кого он покорил. Я покинул нашего общего повелителя, лучшего из смертных (то есть Гизельберта), того, кто покровительствовал мне с детства, считал меня своим другом и одарил великой властью и под страхом заплатить за то жизнью соединился с саксами. И что же?! Вы сами знаете, вместо заслуженной награды, меня постыдно презрели, напали на меня с оружием и обратили из свободного человека почти в раба. А чтобы вы теперь знали, как честно я забочусь об общественном благе, я хочу отдать за тебя, Ансфрид, мою единственную дочь. И после этого вы не будете подозревать меня в какой-нибудь измене? Назначьте мне место для совещания, и тогда я сдам вам на руки залог моей верности, чего нельзя сделать через посла». При таком письме хотя их грудь была из железа и они давно не доверяли этому человеку, не могли они предположить такого притворства, и завлеченные изменническими словами, назначили место для личного свидания. А он скрыл незаметно вооруженных людей, коварно овладел ими и под стражей отправил к королю при следующем письме: «Тот, кто повыше, будет характером помягче и не нуждается ни в оковах, ни в побоях; угрозы извлекут из него все, что он знает. Ансфрид же крепок, как железо; если его усовестят величайшие истязания, то и этого много». Когда они явились к королю, он наказал их долгим заключением; но впоследствии ему удалось склонить их на свою сторону кротостью, и тогда он отпустил их с миром. В эту эпоху события и обстоятельства так перепутываются друг с другом, что трудно разобрать их последовательность, а потому пусть не обвиняют меня, что в моем рассказе времена перемешаны, и я иногда излагаю последующие события впереди тех, которые им предшествовали.

29. Вскоре (940 г.) король, по свойственной его сердцу кротости, сжалился над тяжкой судьбой своего брата, подарил ему для своего содержания несколько укреплений и указал жить в Лотарингии.

30. Во все это время свирепствовала беспрерывно война с варварами. Так как воины, отправленные для подкрепления маркграфа Геро, были утомлены частыми походами и мало получали поддержки от податей, тем более что славяне нередко



Монограмма Оттона I Великого.
Текст на латыни гласит: «Подпись господина Оттона великого и непобедимого... императора Августа». На месте «...» собственной рукой Оттон поставил монограмму. Из акта, данного под стенами Равенны в 970 г.

отказывали в них, то они мятежническим образом возмутились против Геро. Но ко всеобщему счастью, король всегда принимал его сторону. Вследствие того, считая себя глубоко оскорбленными, они перенесли свою ненависть и на короля.

31. Это обстоятельство не укрылось от внимания Генриха, и, как то очень часто случается, если оскорбленному подать надежду на приятное для него, он без труда склонил людей подобного настроения соединиться вместе с ним; сумев таким образом восстановить войско против государя, Генрих снова возымел надежду сделаться королем. Наконец, после размена послов с обеих сторон и обоюдных подарков, он склонил на свою сторону почти всех вассалов восточной страны. Это дело вскоре приняло огромные размеры; образовался сильный заговор, и был составлен план, в ближайшую Пасху (941 г.), если Генрих явится лично во дворец, умертвить короля и возложить на него корону. Хотя сначала никто не донес о ходе заговора, но незадолго перед Пасхой измена открыла все королю, которого и на этот раз спасла защищающая его рука Провидения. Он окружал себя и днем и ночью толпой верных вассалов, и таким образом во время торжества, не уменьшая ни в чем своего достоинства и королевской пышности перед народом, навел величайший страх на врагов. После же праздника, по совету главным образом франков, находившихся при нем, а именно Гериманна, Удо и Конрада по прозванию Красного, он приказал схватить живыми или мертвыми тайных заговорщиков. Между ними первым был Эрик, человек, помимо этого преступления, отличный и превосходный во всех отношениях. Когда он заметил, что к нему приближаются вооруженные люди, он, зная свою вину, сел на коня, схватил оружие и окруженный толпами неприятелей, желал лучше умереть, вспоминая свою прежнюю доблесть и храбрость, нежели попасть в руки неприятеля. Так пал этот муж, проколотый копьем; его ценили и уважали единоземцы за силу и мужество. Прочие участники заговора были захвачены на следующей неделе и сообразно с законами испытали заслуженную казнь: они были обезглавлены. Генрих же спасся и убежал из государства (941 г.).

32. В этом году случилось много небесных знамений. Являлись именно кометы от 18 октября до 1 ноября. Многие были испуганы тем и боялись или страшной чумы, или, по крайней мере, перемены правления, потому что и перед смертью Генриха совершалось много чудного: так, при ясном небе вдруг почти совсем исчез солнечный свет, а в дома через окошки проходили красные лучи, как кровь. Слух ходил, что гора, где был погребен всемогущий Господь, во многих местах извергала пламя. Также у одного человека снова выросла во сне левая рука, которую ему отрубили мечом почти год тому назад; в знак же чуда он получил на том месте, где была отрублена рука, красную черту. За теми же кометами последовало страшное наводнение, а за наводнением падеж скота (942 г.).

33. Когда же Одо, наместник Лотарингии, и Генрих, королевский племянник, умерли оба, герцогское достоинство в этой стране было передано Конраду, за которого король выдал свою единственную дочь, так как он был разумный и храбрый юноша, деятельный в войне и мире и верный его союзник (943 г.).

34. В то время Баварией управлял Бертольд, брат Арнульфа; сражаясь победоносно с венграми, он приобрел своим торжеством великую славу.

35. Между тем король, усиливаясь с каждым днем, не довольствовался более отцовским наследием, отправился в Бургундию и подчинил себе и короля, и саму страну (944 г.)[1].

36. Когда таким образом все царства смолкли перед Оттоном и все враги уступили его силе, он вспомнил по просьбе и убеждениям своей достойной матери о брате, сокрушенном бедствиями, и поставил его над государством баваров, так как Бертольд уже умер (945 г.). С тех пор произошло между ними примирение, которому Генрих оставался верным до конца дней своих. Государь же Генрих был соединен браком с дочерью герцога Арнульфа, женщиной замечательной красоты и удивительного ума. Мир и согласие братьев, угодные Богу и приятные людям, были прославляемы всей вселенной; они единодушно заботились о расширении государства, о покорении врагов и отеческом управлении своего народа. Получив герцогство Баварию, Генрих не предавался более праздному безделью, но отправился в поход, взял Аквилейю, два раза победил венгров в бою, переправился за р. Тицин и, собрав большую добычу в неприятельской земле, возвратился благополучно на родину.

Нравы, образ жизни и наружность таких преславных и великих мужей (Оттон I и Генрих, его брат), ниспосланных нам Божественной милостью на утеху и украшение нашего века, я не могу описать: это превышает мои силы. Но я не могу не выразить того благоговения, которое я к ним питаю. *Оттон*, могущественный властитель, старейший и лучший из братьев, отличался прежде всего благочестием; в своих предприятиях он обнаруживал настойчивость, ставившую его выше всех смертных; внушая страх королевским авторитетом, он был в то же время обходителен, в подарках щедр, предавался сну умеренно и даже говорил всегда во сне, так что, казалось, он никогда не спит. В отношении своих друзей Оттон во всем был добродушен и доказывал им более нежели человеческую верность. Мы слышали, что некоторые из обвиненных и даже уличенных в своих преступлениях находили в нем своего защитника и ходатая: он не хотел допускать того, что они виноваты, и обращался с ними так, как будто бы они не причинили ему никакого зла. Его способности приводят в удивление: только после смерти королевы Эдиды[1] он выучился грамоте и знал ее так хорошо, что мог в со-

---

[1] Вслед за покорением Бургундии в 944 г., автор, чтобы начать следующую главу так, как ему хотелось, упоминает о покорении Франции Оттоном. Но это случилось в 947 г., а в главе 36 идут события 945 г. Потому мы и опускаем конец главы 35 как анахронизм. Подробное описание войны с Францией, осада Парижа Оттоном и подчинение Франции изложено у автора в начале третьей книги.

[1] Жена Оттона I, Эдида, умерла в 946 г., следовательно, в 11-й год его правления.

вершенстве читать книги и понимать. Он умел, кроме того, говорить по-романски и по-славянски. Но редко случалось, чтобы он считал нужным пользоваться ими. На охоту ходил он часто, любил игру в кости и, сохраняя королевское приличие, иногда принимал участие в военных игрищах. Ко всему этому он присоединял сильное телосложение, соответствовавшее вполне его королевскому достоинству; волосы на голове были темноватые, глаза блестящие сверкали наподобие молнии, цвет лица красноватый, пышная борода отпущена низко, хотя в противность древнему обычаю; грудь, как у льва, покрыта волосами, тело гибкое, походка то быстрая, то умеренная; одеяние отечественное, и он никогда не менял его на чужеземное. Если ему приходилось надевать корону, то, как уверяют, он всегда приготовлял себя к тому постом. Что касается *Генриха*, то он был чрезвычайно важного характера, и потому людям, не стоявшим к нему близко, казался мало добродушным и общительным; чрезвычайно любил торжественность и оставался верным своим друзьям; он выдал сестру своей жены за бедного вассала и сделал его своим другом и сподвижником. Генрих был статен и высок, так что в юности он располагал каждого в свою пользу необыкновенной красотой. Самый младший из братьев, государь *Бруно*, отличался умом, познаниями, добрыми нравами и живой деятельностью. Когда король поставил его во главе необузданного народа лотарингцев, он очистил страну от разбойников и приучил ее к такой строгой законности, что с того времени в тех местах господствовали величайший порядок и глубокая тишина[1].

37. Когда (945 г.), таким образом, прекратились внутренние и внешние войны, божеские и человеческие законы приобрели всю силу и авторитет. В это же время поднялось тяжкое гонение на монахов, ибо некоторые епископы утверждали, что они считают за лучшее иметь в монастырях немногих, но достопочтенных сподвижников, нежели многих ленивых и негодных людей. Если я сам не заблуждаюсь, то, мне кажется, эти епископы не приняли во внимание слов того домохозяина в притче (Матф., XIII, 29), который запретил слугам вырывать плевелы и повелел оставлять расти вместе и пшеницу, и плевелы, пока не придет время жатвы. Вследствие того многие, сознавая свои слабости, сложили монашеское одеяние и оставили монастыри, чтобы избавиться от тяжкого ига, возложенного на них верховными пастырями. Впрочем, были тогда и такие люди, которые полагали, что архиепископ Фритерик распорядился так не с чистыми намерениями, но имея затаенную мысль оскорбить тем аббата Гадамара, мужа достопочтенного и вполне преданного королю.

38. Этот Гадамар отличался необыкновенным умом и деятельностью. Во время его управления сгорела знаменитая церковь в Фульдском монастыре; он ее восстановил в большем блеске и закончил. У Гадамара был заключен тот архиепископ, когда его уличили во вторичном участии в заговоре; сначала он содержал его с почетом, но, перехватив отправленное им письмо, начал смотреть за ним несколько строже. Когда епископ был выпущен, он искал случая отомстить ему и, не имея законной причины, старался сначала притеснять небольшие монастыри, чтобы после перейти и к самым знаменитым. Но все эти хитрости были напрасны, потому что аббат оставался в милости и дружбе у короля; между тем явились и другие обстоятельства, не допустившие архиепископа привести в исполнение свои замыслы.

39. В это время сестра короля (Герберга; см. о ней выше, гл. 26) родила королю (Франции) Людовику трех сыновей: Карла, Лотаря и Карломана. Но сам король Людовик, вследствие измены своих герцогов, был взят в плен норманнами и по совету Гуго (то есть Великого, герцога Франции) заключен пленником в Лугдунуме (ныне Laon). Старшего же его сына Карломана норманны увели с собой в Ротун (ныне Rouen), где он и умер. Когда король (Оттон I) узнал о том, его весьма огорчила судьба его друга, и он приказал готовиться на будущий год (946) к походу в Галлию против Гуго.

---

[1] См. его биографию ниже.

40. Когда в это время (946 г.) король остановился в одной лесистой местности для охоты, мы видели, как туда явились к нему заложники Болеслава (то есть из Богемии), и король приказал их показать народу. Велика была его радость по поводу прибытия этих заложников.

41. Этот год (946) ознаменовался великой печалью для всего народа: умерла блаженной памяти королева Эдида (см. выше, кн. I, гл. 37), провожаемая слезами и рыданиями всех саксов; день ее смерти случился 26 января. Она была англосакского происхождения и славилась не менее своим благочестием, как и происхождением из королевского рода. Десять лет она разделяла власть со своим мужем, и в одиннадцатый год умерла. Между саксами она жила 19 лет. От нее остался сын *Лиудульф*, который в то время не уступал никому душевными и телесными качествами; также и дочь по имени *Лиудгарда*, выданная за герцога Конрада. Эдида погребена в городе Магдебурге в новой базилике, в северном приделе, против восточного окошка.

Здесь заканчивается вторая книга.

Третья, последняя, книга состоит из 76 глав и излагает события до смерти Оттона Великого в 973 г. Но только первые 69 глав, до 967 г., принадлежат нашему автору: конец был дописан неизвестным. Таким образом автор охватывает почти весь второй блестящий период правления Оттона, когда тот постоянно был занят внешними делами: войной с Францией и в особенности с Италией. Автор и здесь остался верным себе и не выходил за пределы истории Германии, где правление Оттона, вследствие новых смут и восстания сына Лиудульфа, представляло не лучшую картину, как и в первом периоде до смерти Эдиды. Вот как автор относится, например, к замечательнейшему событию второго периода правления Оттона Великого, а именно к завоеванию Италии и приобретению императорского титула: «Когда (в 961 г.) все дела франков, саксов и окрестных стран были устроены надлежащим порядком, Оттон решился идти в Рим и вторгся в Лангобардию. Но как он после двухлетней осады взял в плен короля лангобардского Беренгария (II) с женой и детьми и сослал в ссылку, а римлян дважды разбил и покорил, как он подчинил своей власти герцогов беневентских, греков победил в Калабрии и Анулии, открыл серебряные рудники в Саксонии и как он вместе со своим сыном расширил пределы государства – рассказ обо всем этом превышал бы мои слабые силы; как я уже объявил в начале моей истории, я предпочитаю ограничиться немногим, насколько могу излагать верно, с сохранением полной преданности» (кн. III, гл. 63). Оставаясь, таким образом, строго историком своей нации, наш автор только называет важнейшие внешние события и после 961 г. снова возвращается к изложению внутренних междоусобий Германии, не прекращавшихся до конца правления Оттона Великого.

Res gestae Saxonicae, 919–973. Кн. I и II.

КОММЕНТАРИЙ. В введении к «Деяниям саксонским» Видукинд сам объясняет свои побуждения взяться за труд. Монастырь Корбийский, в котором он жил, был колонией французского монастыря того же названия на р. Сомма, близ Амьеня, основанного в начале IX в., и скоро сделался рассадником других монастырей Германии. Его преуспеяние было тесно связано с возвышением Саксонской династии, и потому не удивительно, что историк ее должен был явиться именно в этом монастыре. Первый аббат его был Экберт, брат которого, Лиудульф, считается дедом Генриха I, а потому короли саксонские смотрели с особенным почтением на Корби и одаряли его преимущественно перед прочими монастырями. Такое особенное отношение монастыря к Саксонской династии должно быть постоянно в виду при оценке взглядов автора на описываемые им лица и события.

Лиутпранд

ПОСЛЕДНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРОЛИ В ИТАЛИИ: ГУГО И БЕРЕНГАРИЙ II. 940–950 гг. (около 962 г.)

Начинается пятая книга «Воздаяния»[1].

Первая глава этой книги касается истории Генриха I Птицелова и потому скорее относится к последним главам четвертой книги.

2. В это время (940 г.), как *вы* (так автор обращается к испанскому епископу Рецемунду, для которого он пишет свою историю) сами то хорошо знаете, произошло великое и ужаснувшее всех солнечное затмение, в третьем часу дня (то есть в девятом часу утра). В этот день ваш король Абд ар-Рахман (III, калиф Кордовский) был побежден Рамиром, христианнейшим королем Галисии. В Италии же восемь ночей подряд была видна комета удивительной величины, выпускавшая из себя с необыкновенной быстротой огни пучками; она предсказала наступивший вскоре за ней голод, свирепствовавший ужасно по всей Италии.

В главе 3 автор говорит о новых бесплодных попытках Гуго завладеть Римом (ср.: Лиутпранд, кн. IV, гл. 2, 3).

4. В это же время (940 г.) славились в Италии братья Беренгарий (II) и Анскарий, оба от одного отца Адельберта, Иврейского маркграфа, но не от одной матери. Беренгария родила, как мы сказали, Гизела, дочь короля Беренгария (I), а Анскарий родился от Эрменгарды, дочери Адельберта, маркграфа Тусции, и его жены Берты, дочери короля Гуго[2]. Из них Беренгарий отличался своей дальновидностью и хитростью, а Анскарий был отважен и решителен. Король Гуго смотрел на последнего подозрительно и боялся, чтобы он не умертвил его и не овладел королевством. Желая жить с ним более в мире, Гуго дал ему после смерти Тетбальда мархию Камерин и Сполето. Но Анскарий, как человек беспокойный, и после того продолжал замышлять зло против короля. И королю не было то неизвестно.

В последующих главах, от 5 до 8-й, автор описывает поход полководца Гуго, Сарлиона, против Анскария и их войну, окончившуюся смертью последнего; мархия же его была отдана победителю вместе с рукой умершего Тетбальда.

9. Пока все это происходило (941 г.), горная часть Италии, на северо-западе, была снова жестоко опустошена сарацинами, живущими во Фраксинете (см.: Лиутп., кн. I, гл. 1 и след.). Вследствие того Гуго возымел намерение отправить послов в Константинополь, прося у императора Романа прислать ему кораблей, которые греки на своем языке называют *хеландиями*, и греческого огня. Цель его состояла в том, чтобы, пока он будет стараться разрушить Фраксинет с сухого пути, греки обложили это укрепление с моря, сожгли их корабли и тщательно наблюдали за тем, чтобы не было подвоза съестных припасов и новых войск со стороны Испании.

10. Между тем Беренгарий, брат упомянутого Анскария и маркграф Ивреи, тайно начал замышлять против короля. Когда дошло то до Гуго, он, скрыв гнев и притворившись благосклонным, пригласил его к себе, предположив ослепить. Но сын его, король Лотарь, тогда еще юный и не понимавший хорошо своих выгод, присутствуя на совещании, не мог, как ребенок, скрыть тайны и, отправив вестника к Беренгарию, сообщил ему замыслы отца против него. Беренгарий, услышав о том, немедленно оставил Италию и через Юпитерову гору (ныне Большой С. Бернар) поспешил в Швабию к герцогу Гериманну; жене своей Вилле он приказал явиться туда же, но другой дорогой. Я не могу довольно надивиться, каким образом он был в состоянии пройти пешком через Птичью гору (Vogelberg, у истоков Рейна) по скалистым и непрохо-

---

[1] См. выше четыре предшествующие книги того же автора.

[2] См. родословную табл. № 3.

димым тропинкам; знаю только одно, что все делается на свете против меня. Но, увы! Какую западню приготовил для себя Лотарь! Конечно, он не мог знать будущего. Спася Беренгария, он спас человека, который отнимет у него и царство, и жизнь. Потому я не жалуюсь на Лотаря: он сделал ошибку по юношескому легкомыслию и горько потом раскаялся; но я сетую на те жестокие горы, которые, в противность своему обычаю, доставили Беренгарию легкий переход. Воспою же теперь свою горькую жалобу на них.

Глава 11 – это элегия в 14 стихах, в которой он упрекает горы за то, что они не погубили Беренгария и не воспользовались удобным случаем избавить Италию от злодея.

12. Гериманн, герцог швабов, принял благосклонно явившегося к нему Беренгария и с великими почестями отвел его к благочестивому королю Оттону. Мое перо (stilus) не в состоянии описать, как почетно принимал его король и чем его одарил. Но приведу одно, из чего благоразумный читатель легко поймет, как свят и великодушен был король и какую низость души обнаружил Беренгарий.

13. Король Гуго, услышав о бегстве Беренгария, отправил (942 г.) послов к королю Оттону, обещая платить ему большую сумму золота и серебра, если он не примет Беренгария и не окажет ему помощи. На такое предложение король отвечал так: «Беренгарий обратился к нашему великодушию не для погубления вашего государя, но, если возможно, для примирения с ним. Если бы я мог помочь чем ему у вашего государя, то не только не принял бы обещанных мне даров, но еще сам послал бы ему дары от себя[1]; просить же меня о том, чтобы я не оказал помощи Беренгарию, или кому бы то ни было, кто обращается к моему милосердию, – это верх глупости». Подумай же сам, о, читатель, как полюбил Беренгария король Оттон, когда не только не хотел принять даров, предложенных ему, но даже сам был готов заплатить за него.

14. Пока все это происходило, император Константинопольский вместе с послами короля Гуго препроводил к нему и своих послов с обещанием прислать ему корабли и все, чего он просит, но с условием, если он отдаст свою дочь за его маленького внука, носившего с ним одно и то же имя, сына Константина. Константин же был сыном императора Льва (VI), а не самого Романа (см. выше). С Романом вместе правили три императора, а именно: двое из них, его дети, Стефан и Константин, и сын императора Льва, Константин, о котором шла сейчас речь. Король Гуго, выслушав предложение, немедленно отвечал Роману через гонцов, что от законной жены у него нет дочерей, но если бы он согласился принять одну из дочерей его наложниц, то он может отправить ему весьма красивую девушку. А так как греки при вопросе о благородстве происхождения обращали внимание на то, кто отец, а не мать, то император Роман изготовил немедленно корабли с греческим огнем, отправил великие подарки и просил руки побочной дочери Гуго для своего внука. По этому поводу был отправлен послом от короля Гуго мой отчим, умнейший человек и украшенный всеми достоинствами, потому, мне кажется, не излишним при этом случае привести то, что, как я слышал, он часто рассказывал о мудрости и великодушии императора и о его победах над *руссами*.

15. В северных странах живет один народ, которого греки называют, по его внешнему виду (a qualitate corporis, по качеству тела), Ρουζιος, Рузиос (то есть руссы), а мы, по месту их жительства, называем Nordmanni (норманны). На тевтонском языке *nord* – север, а *man* – человек; потому мы и называем их норманнами, то есть северными людьми. Королем этого народа был в то время Ингер (так называет автор в латинской форме нашего великого князя киевского *Игоря*, сына Рюрика); собрав тысячу, и даже больше, кораблей, он пошел

---

[1] Ср. ниже, гл. 18, у того же автора, где он противоречит себе, не приводя никаких объяснений и как бы забыв свои собственные слова о великодушии Оттона. Конечно, Оттон мог сказать так, а поступить иначе; но автор, увлеченный своим отступлением о Византии, упустил из виду необходимость объяснить, каким же образом Оттон получил деньги от Гуго, когда он так торжественно отказался от них.

на Константинополь (941 г.). Это известие встревожило императора Романа, так как его морские силы были отправлены против сарацин и для охраны островов. Немало озабоченный всем этим, он проводил бессонные ночи, а Ингер опустошал страны, соседние морю; в это время Роману донесли, что у него есть в распоряжении 15 хеландий (кораблей) полусгнивших, единственных, которые были оставлены дома за негодностью. Услышав об этом, Роман приказал позвать к себе τους χαλαφατας, *тус калафатас*, то есть кораблестроителей, и сказал им: «Изготовьте поспешно, без отлагательства, те хеландии, которые остались дома. А снаряд (argumentum), которым бросают огонь, расположите не только на корабельном носу, но и на корме, и, сверх того, с обоих боков». Вооружив, таким образом, хеландии, как было то им самим приказано, он садит на них искуснейших людей и повелевает им идти навстречу Ингеру. Они отплыли; когда же Ингер завидел их (11 июня) в открытом море, он приказал своим людям не убивать, а взять их живьем. Но Бог, всеблагий и милосердый, желая не только оказать защиту тому народу, который его почитал, молился ему и взывал к нему о помощи, но и даровать ему победу, утишил ветры и сгладил поверхность моря; ибо иначе грекам было бы неудобно метать огонь. Став посреди флота, они начинают бросать огонь во все стороны; руссы (Rusi), увидев то, немедленно кидаются в море и предпочитают лучше утонуть в волнах, чем сгореть в огне. Одни из них, отягощенные панцирями и шлемами, тут же ушли на дно, и их более не видели; другие поплыли, но горели и на воде, так что в тот день не ушел ни один человек, кроме спасшихся бегством к берегу; корабли руссов, при малом своем размере, могли плавать по мелкому месту, чего не могли греческие хеландии, ходившие глубоко. Немного спустя после того Ингер с великой потерей возвратился домой. Греки же, одержав победу и приведя с собой множество пленных, возвратились с торжеством в Константинополь. Роман приказал обезглавить всех пленных, что и было исполнено в присутствии посла короля Гуго, то есть моего отчима.

16. Между тем король Гуго собрал свое войско (942 г.), отправил флот по Тирренскому морю (то есть Тосканскому) во Фраксинет, а сам пошел туда же сухим путем. Греки, прибыв на место, немедленно сожгли метательным огнем корабли сарацин; а король, напав на Фраксинет, принудил сарацин бежать на гору Мавр; обложив их, он мог бы их взять, если бы ему в том не помешало одно обстоятельство, которое я намерен изложить.

17. Король Гуго весьма боялся Беренгария, чтобы он, собрав во Франции (Франконии) и Швабии войско, не напал на него и не лишил его государства. В этом несчастном убеждении он отпустил тотчас греков домой, а сам заключил мир с сарацинами на условии, чтобы они расположились в горах, отделяющих Швабию от Италии, и если Беренгарий вздумает там провести войско, то всеми мерами преграждали бы ему путь. Сколько же христианской крови пролили сарацины, утвердившись в том месте и избивая странников, шедших на поклонение блаженным апостолам Петру и Павлу, знает о том только тот, кто внес их имена в книгу живота. Как беззаконно ты, Гуго, хотел защищать свое государство! Ирод избил множество невинных младенцев, чтобы не лишиться земного царства; ты же, с той же целью, выпустил на свободу людей опасных и достойных смерти; пусть бы злодеи сохранили свою жизнь, оставаясь у себя, лишь бы после, свирепствуя, они не лишали жизни других. Я думаю или, лучше сказать, я уверен, что ты никогда не читал и даже не слыхал, каким гневом Господь поразил короля Израильского Ахава за то, что он выпустил бен-Гадада, короля Сирии, и заключил с ним союз, между тем как он был достоин смерти. Один из пророческих сынов сказал тогда Ахаву: «Так говорил Господь: если ты отпустил мужа, достойного смерти, то пойдет твоя душа за его душу, и твой народ за его народ» (I, Цар. 20, 42). Так это и случилось. Но наше перо (stilus) в своем месте изобразит тебе, какой вред ты причинил себе своим поступком.

18. Когда Беренгарий бежал из Италии, он взял с собой вассала по имени Амедей, мужа весьма знатного происхождения, и, как

оказалось, не уступавшего самому Улиссу своей хитростью и отвагой. Когда могущественный король Оттон, как задержанный некоторыми обстоятельствами, так и расположенный в пользу Гуго огромными дарами, получаемыми от него ежегодно, не мог снабдить войском Беренгария, тогда вышеупомянутый Амедей сказал Беренгарию: «Тебе известно, мой государь, до какой степени король Гуго ненавидим всеми итальянцами за свое суровое управление и особенно за раздачу должностей сыновьям своих наложниц и бургундцам, между тем как почти нет ни одного итальянца, которого он или не изгнал бы, или не лишил бы места. Если они до сих пор ничего не предпринимают против него, то единственно потому, что никого не имеют для избрания своим королем. Итак, если бы кто-нибудь из нас, переодевшись, чтобы не быть узнанным, отправился туда для исследования настроения умов, то, без сомнения, он мог бы нам дать хороший совет».– «Но это,– возразил ему Беренгарий,– не может никто исполнить ловче и лучше тебя самого». Таким образом, Амедей, переодевшись, отправился в Италию вместе с бедными странниками, шедшими на поклонение в Рим, и выдал себя за идущего туда же; в Италии он навестил различных владетелей и исследовал все, что было у каждого на сердце. Но он не являлся ко всем в одной и той же одежде: к одному он приходил одетый в черное, к другому – в красное, к третьему – в пестрое. Молва о том, что он в Италии, достигла и слуха короля. Гуго приказал отыскать его всеми мерами; но Амедей, вымазав свою длинную и прекрасную бороду смолой, окрасив в черный цвет свои золотистые волосы, обезобразив лицо и сгорбившись, осмелился в толпе нищих, которых Гуго сам кормил, стать нагим перед королем, и не только получил от него одежду, но и выслушал все, что король говорил о Беренгарии и о нем самом. После того, разузнав все точнейшим образом, он возвратился вместе со странниками, но не той же дорогой, которой пришел, ибо король приказал страже, охранявшей проходы, не пропускать никого, не исследовав тщательно, кто именно проходит. Амедей же, узнав о том, направил путь по непроходимым и суровым местностям, где не было никакой стражи, и явился к Беренгарию с вестями, которых тот ожидал (943 г.).

19. В это время король Гуго, заплатив венграм 10 мер монет, заключил с ними мир и удалил их из Италии, взяв предварительно заложников и вместе направив их на Испанию, для чего и дан был им проводник. Если же они не дошли до Испании и того города, в котором живет ваш (то есть епископа Рецемунда; см. выше) король, то есть до Кордовы, то причиной того было то обстоятельство, что им пришлось три дня идти по безводной и обширной стране; опасаясь погубить лошадей и самих себя, они избили данного им от Гуго проводника и воротились поспешнее, нежели отправились в путь.

В последующих главах, от 20 до 25-й, автор говорит об отъезде Берты (у греков – Евдоксия), побочной дочери Гуго, в Константинополь, для брака с Романом, сыном Константина Порфирородного (см. выше, гл. 14), соправителя императора Романа и двух его сыновей, Стефана и Константина; по поводу этого брака автор подробно излагает происшедшую в то время дворцовую революцию в Константинополе: Стефан и Константин свергают (945 г.) с престола своего отца Романа и заключают его в монастырь; но Константин Порфирородный мстит за своего тестя и удаляет в монастырь мятежных сыновей, утвердившись сам на престоле. После такого отступления автор снова возвращается к своей теме, то есть борьбе Гуго с Беренгарием.

26. Между тем Беренгарий, с нетерпением ожидаемый в Италии, отправился (946 г.) с немногими спутниками, набранными в Швабии, через Винстгау (Venusta-Vallis) в Италию и расположился лагерем близ укрепления Формикарии (Formigara), которое было вручено для обороны клерику Аделарду тем самым Маназесом, который, как мы сказали выше (см. Лиутпр., кн. IV, гл. 6), будучи сначала архиепископом Арелатским, сделался в то время грабителем церкви Тридентской, Веронской и Мантуанской. Когда Беренгарий убедился, что нет возможности овладеть укреплением ни при помощи осадных орудий, ни штурмом (belli impetu), он, зная честолюбие и χαινοδοξιαν, то есть тщеславие Маназеса, пригласил к себе Аделарда и сказал ему: «Если ты мне сдашь это укрепление и скло-

нишь на мою сторону своего господина Маназеса, то я, по овладении королевством, сделаю его миланским архиепископом, а тебе дам епископство Комо. А чтобы ты поверил тому, что я обещаю на словах, я подтверждаю их клятвой». Маназес, узнав о том от Аделарда, не только приказал сдать укрепление, но пригласил всех итальянцев (Italos) спешить на помощь к Беренгарию.

27. Молва о появлении Беренгария распространилась с быстротой между всеми. Некоторые, оставив Гуго, начали уже переходить на его сторону. Между такими первым был Милон, могущественный граф Вероны (см. о нем у Лиутп., кн. III, гл. 50 и след.). Гуго держал его в подозрении и приставил к нему тайно людей для наблюдения за ним; не подав виду, что ему известно, как за ним смотрят, Милон устроил веселый пир, который продолжался до полуночи; когда же все, утомленные сном и возлияниями Бахусу, улеглись, он, в сопровождении одного оруженосца, быстро отправился в Верону и, пригласив к себе Беренгария через гонцов, принял его в Вероне, где он мог оказать еще более сильное сопротивление королю Гуго. Без сомнения, такой поступок Милона был следствием не его вероломства, но тех притеснений, которые ему делал Гуго и которых он не мог выносить более. Его примеру последовал Видо, епископ церкви в Мутине (Модена), который хотя и не испытал от Гуго никакой несправедливости, но соблазнился надеждой овладеть богатым аббатством Нонантулой (в двух милях от Модены), которое действительно и получил. Он не только лично оставил короля Гуго, но увлек за собой и множество других. Гуго, услышав о том, собрал войско и подступил немедленно к укреплению Винеоле (близ Модены), которое принадлежало Видо, и овладел ею мужественно, но без пользы для себя; в какой степени справедливо замеченное мной, докажет следующее: пока Гуго стоял там, Беренгарий, приглашенный Ардериком, архиепископом Миланским, оставил Верону и поспешно отправился в Милан. Услышав о последнем, король Гуго, опечаленный, воротился в Павию. Между тем все владетели Италии начали, несчастным образом, оставлять Гуго и приставать к *бедному* Беренгарию. Я называю его бедным не в том смысле, что он ничего не имел, но потому, что он никогда ничем не будет доволен. В самом деле, люди дурные и корыстолюбивые, которых богатство неверно и подвержено случайностям, которые всегда желают иметь еще больше и никогда не довольны тем, что уже имеют, не могут считаться ни зажиточными, ни богатыми людьми: это такие же бедняки и нищие. Богаты только те, и имущество прибыточно и надежно только у тех, которые, довольствуясь своей собственностью, считают достаточным то, что имеют. Не быть жадным до приобретений, это – капитал (pecunia); не желать иметь всего, что видим глазами, это – доход (vectigal). Скажем же правду: кто богаче, тот ли, кому всегда чего-нибудь еще недостает, или тот, у кого больше, чем нужно? Кто постоянно нуждается или кто видит себя в изобилии? Тот ли, кто, чем больше имеет, тем больше стремится приобрести, или кто живет по своим средствам? Быть довольным своими средствами, это – величайшее и вернейшее богатство. Впрочем, достаточно и того, что я сказал об этом предмете. Пусть мое перо возвратится снова к тому Беренгарию, появление которого предвещало собой золотой век, а время, возвысившее его, подавало надежду на счастье.

28. Пока Беренгарий оставался, таким образом, в Милане и раздавал государственные должности в Италии своим приверженцам, король Гуго отправил туда своего сына Лотаря, не к Беренгарию собственно, но ко всему народу, с просьбой, так как они отвергают его и не любят, принять, по крайней мере, ради имени Божьего, его сына, который против них ни в чем не преступил и которого они могут наставить сообразно своим желаниям. По удалении Лотаря в Милан король Гуго, выйдя из Павии со всеми сокровищами, оставил Италию и вознамерился уйти в Бургундию. Но его задержало следующее обстоятельство: а именно, когда Лотарь в церкви св. исповедника Амвросия и св. мучеников Гервасия и Протасия, в Милане распростерся перед распятием, народ поднял его и поставил своим королем, а за Гуго послали гонца с обеща-

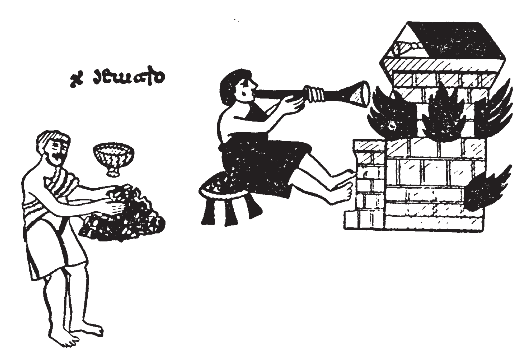
нием возвратить ему престол. Впрочем, в этом определении или, лучше сказать, обмане, участвовали не все, а только один Беренгарий; в своем коварстве он помышлял вовсе не о том, чтобы Гуго и Лотарь получили на самом деле власть, но чтобы, как то оказалось впоследствии, не выпустить из рук Гуго, который при помощи своих несметных богатств мог бы восстановить против него бургундов и другие народы.

29. В это время был епископом в Бриксии (ныне Brescia), и весьма уважаемым, некто Иосиф, юный летами, но старец по зрелости своих добродетелей. Беренгарий, как человек богобоязненный –yronicos, то есть иронически, – лишил его епископства за добрые его нравы, а на место его поставил Антония, здравствующего еще и теперь, без всякого синода и совещания с епископами. И в Комо Беренгарий поставил епископом не того Аделарда, которому обещал клятвенно, но некоего Вальдо, из угождения архиепископу Миланскому. Как он вообще действовал, о том свидетельствуют нам красноречиво его ограбленные подданные, вырубленные виноградники, ободранная кора деревьев, множество ослепленных людей, беспрерывно возникающие раздоры. Впрочем, Аделарда он поставил епископом в Реггио,

30. Но Бозо, епископа Плаценции, побочного сына короля Гуго, также и Лиутфрида, епископа Павии, Беренгарий определил выгнать; оба они, однако, ему хорошо заплатили, и он объявил, что из любви к Богу оставляет их на местах. Как была велика в то время радость итальянцев! Все кричали: «Новый Давид пришел!» В своем ослеплении эти люди ставили Беренгария выше великого Карла. Хотя Гуго и Лотарь были признаны снова королями, но Беренгарий был только по названию маркграф, а на деле же управлял как король; те же только носили титул королей, а в действительности были не более, как графами. Что к этому еще прибавить? Мои родители, обманутые такой славой Беренгария, его любезностью и щедростью, отдали меня к нему на службу. Богатыми дарами, которые они ему приносили, достигли они того, что Беренгарий доверял мне свои тайны и через меня вел свою переписку. Я служил ему долгое время верно, но как он меня вознаградил, о, Боже, я расскажу то в своем месте. Его вознаграждение привело бы меня в отчаяние, если бы он не подверг и многих других равной со мной участи. О нем хорошо сказано в Священном Писании: «Перья строфокамила похожи на перья ястреба и цапли; когда наступит час, он поднимет крылья и осмеет коня и всадника» (Иов, 39). Действительно, при Гуго и Лотаре этот огромный и прожорливый строфокамил, не будучи добрым, казался, по крайней мере, таким. Но после их смерти, как он поднял свои крылья, как он осмеял всех нас, – все это я желал бы рассказать не словами, а воплем и воздыханиями. Но покончим с этим и вернемся к нити рассказа.

31. Король Гуго, не имея возможности ни отклонить от себя гнева Господня, ни одержать верха над противником, оставил Лотаря, поручил его верности Беренгария, заключив с ним мнимый мир, а сам со всеми сокровищами поспешил в Прованс. Услышав о прибытии туда короля, Раймунд, герцог Аквитании, явился к нему и, отдав себя в вассалы (se in militem dedit) за тысячу мин (монета), присягнул ему в верности (fidem servaturum affirmavit). Сверх того этот же герцог обещал, собрав войско, напасть на Италию и покорить Беренгария. Но как рассмешило это известие всех нас (то есть окружавших Беренгария и в том числе нашего автора), всякий поймет, если вспомнить известную трусость аквитанского народа; впрочем, если бы Раймунд и оказал Гуго помощь, то это осталось бы без результатов, потому что вскоре (в апреле 947 г.), по призыву Божьему, Гуго последовал по пути, общему всякой плоти (то есть умер), оставив свои сокровища племяннице Берте, вдове[1] графа Арелатского Бозо. Спустя же немного времени этот же самый Раймунд, грознейший герцог грознейшего в мире народа, женился на Берте; судя по словам людей, имеющих толк в женской красоте, он не был достоин не только брачного ложа, но даже поцелуя своей жены.

[1] См. родословную табл. № 3: Берта была дочь, а не вдова Бозо, брата Гуго.



Стеклодувная мастерская. IX в.

В главе 32 автор внезапно переходит к одному событию из частной жизни жены Беренгария, Виллы, и, с целью очернить ее память, рассказывает с циническими подробностями ее предосудительные отношения со своим капелланом.

33. В это же время (947 г.) напал на Италию Таксис, король венгров, приведя с собой огромное войско. Беренгарий заплатил ему 10 мер монет, но не из своей казны, а из сборов в пользу бедных. Притом же он откупился таким образом, заботясь не о спасении своего народа, а чтобы воспользоваться даже и этим случаем для увеличения своих богатств. Вот что он сделал. Все лица обоего пола, как взрослые, так и младенцы, должны были внести по одной монете; Беренгарий же, примешав меди к серебру, вычеканил снова на 10 мер; остальную же часть и весь церковный сбор удержал в свою пользу.

Заканчивается пятая книга,– благодарение Господу! – и начинается книга шестая.

1. Описание времени, которое наступает теперь (после 950 г., когда автор, рассорившись с Беренгарием, должен был бежать из Италии и спасаться при дворе Оттона Великого, где он и писал свое «Воздаяние»), потребовало бы от меня способностей более трагика, чем историка, если бы «Господь не уготовил мне стола против тех, кто преследовал меня» (Псал. 23, 5). Я не могу высказать, сколько неприятностей я перенес с тех пор, как должен был оставить свою родину (Ломбардию); и человек физический (exterior) мог бы скорее оплакивать свою судьбу, нежели описывать. Человек же духовный (interior), имеющий опору в апостольских предписаниях, гордится своим злосчастием, зная, что злосчастие учит терпению, терпение – опыту, опыт – надежде; надежда же не стыдит нас, потому что милосердие Бога вселено в наши сердца Духом Святым, который ниспослан нам. И да повинуется человек физический человеку духовному, да не скорбит он о своем злосчастии, и даже пусть утешается им. Описывая, как колесо фортуны одних поднимает, других опускает, он сам менее чувствует преходящее горе, радуясь изменчивости судьбы, не боится уже худшего – худшее же невозможно, разве смерть или отсечение членов тела – и сохраняет надежду на возврат счастья. Если судьба, в самом деле, непостоянна, то при моем бедственном положении она может только принести мне счастье и отстранить от меня мое горе. Итак, возьмусь по-прежнему за свою историю, и, в духе истины, продолжу начатый рассказ.

2. После смерти короля Гуго в Провансе (947 г.) имя Беренгария сделалось славным между многими народами, и, в особенности, у греков. Действительно, Лотарь (II, сын Гуго) был королем только по названию, на деле (virtute) Беренгарий распоряжался итальянскими делами. Потому Константин, после свержения Романа и его детей правивший Византийской империей, услышав, что власть Беренгария выше власти Лотаря, отправил к Беренгарию с письмом некоего Андрея, бывшего в должности χομης της χορτης, *комис тис кортис*, то есть дворцового графа (у запад. римл. praefectus praetorio); в письме император говорил, что он желал бы видеть у себя посланника от Беренгария, который по возвращении мог бы ему засвидетельствовать, какой любовью пользуется он у императора. В то же время Константин препроводил к Беренгарию убедительное письмо относительно Лотаря, в котором он просил его оставаться верным, так как Божиим соизволением он назначен быть его опекуном (gubernator). Константин

немало заботился о судьбе Лотаря, потому что был весьма привязан к своей невестке, сестре Лотаря (см. выше).

3. Тогда Беренгарий начал со свойственным ему коварством раздумывать, кого бы ему послать в Византию, так, чтобы ему ничего не стоили расходы на такое отдаленное путешествие, и обратился потому к моему отчиму, под покровительством которого я тогда жил, говоря следующим образом: «Сколько бы я дал за то, чтобы твой пасынок (то есть наш автор) знал по-гречески!» – «Я согласился бы,– отвечал мой отчим,– отдать за это половину моего могущества!» Но Беренгарий прервал его: «О, для того не нужно и сотой части: император Константинопольский просит меня с письмом отправить к нему посланника. И я не могу найти для того никого другого, кто был бы лучше твоего пасынка как по твердости его характера, так и по дару красноречия. Мне нечего и говорить тебе, что он легко научится там греческому языку: ты сам знаешь, с какой легкостью он успел изучить латинский язык еще в отроческие лета». Побуждаемый такой надеждой, мой отчим взял на себя все расходы путешествия и снабдил меня в Константинополь великими подарками (949 г.).

4. Первого августа (949 г.) я оставил Павию и, спустясь вниз по р. Эридану (ныне По), на третий день прибыл в Венецию. Там я встретил греческого посла Соломона, χιτονιταν, *китонитан* (придворная должность, соответствующая званию камергера), евнуха, ходившего с поручениями в Испанию и Саксонию и тогда возвращавшегося домой. Его сопровождал с великими дарами посланный моего государя, в то время еще короля, а теперь императора, Оттона, Лиутфрид, богатейший из жителей Майнца. Мы выехали из Венеции 25 августа (octavo Kalendas Septembres) и прибыли в Константинополь 17 сентября (15 Kalendas Octoubres). Думаю, я не наскучу никому, если расскажу, какой был сделан торжественный и неслыханный прием в Константинополе.

Последние главы шестой книги, от 5 до 10-й, автор делает большое отступление по поводу описания как приема послов Беренгария, так и всего виденного им при византийском дворе; но к главному своему предмету, о котором упоминается в первой главе этой книги, то есть о ссоре автора с Беренгарием и о бегстве его к Оттону Великому, автор больше не возвращался, и таким образом его труд остался неоконченным.

Antapodosis, V, 2, 4, 9–10, 12–19, 26–31, 33; VI, 1–4.

Росвита

ИЗ ПОЭМЫ ОБ ОТТОНЕ ВЕЛИКОМ. 949–952 гг. (в 967 г.)

Вскоре после того, как Оттон (I) отпраздновал свадьбу (949 г.) старшего сына Людольфа с Идой Швабской, с жизнью земной расстался после тяжкой болезни итальянский король Лотарь (II)[1], оставив свое государство, как вполне заслуженное наследие, великой королеве, дочери могущественного короля Рудольфа (II, Бургундского), происходившего из знаменитого рода могучих королей, с которой он по любви вступил в брак[2].

[1] См. родословную табл. № 3. Он умер в 950 г.

[2] См. выше, у Лиутпранда, Antapod., IV, 12.

Благородное имя своих предков дал Рудольф своей дочери, почему она справедливо была названа *Аделаидой* (Athelaida, от слова athel или abel, благородный). В своей царственной красе и в полном сознании собственного достоинства, она доказала на деле свои права на сан королевский, отличаясь могучим умом; по заслугам могла бы она править осиротевшим престолом, если бы злые люди не устроили ей горьких интриг.

Действительно, после того как умер Лотарь, о чем упомянуто выше, в народе нашлась часть, решившаяся на открытое возмущение, и, в противность интересам королевского дома, по своей извращенности нравов, снова предавшая во власть Беренгария (II) Италию, отнятую силой после

смерти его деда[1] и доставшуюся в руки короля Гуго (отца Лотаря II).

Возвышенный теперь в давно желанный сан, Беренгарий обнаружил всю ненависть, которую, оплакивая утрату дедовской власти, он накопил в злобном сердце. Пропитанный ею, он обрушил свой, сдержанный дотоле, гнев на невинную голову королевы Аделаиды и приказал насильственно схватить ту, которая, имев власть, никогда не сделала ему никакого зла. И он овладел не только троном, но, сверх того, вскрыв сокровищницы, взял алчной рукой оттуда все, что мог там найти: золото, драгоценные камни и разного рода редкости, наконец, царственный обруч, которым украшалось королевское чело. Королеве же он не оставил ничего для убранства, не устрашился лишить ее свиты, которой обыкновенно короли себя окружают, удалил вернейших слуг, и – печально сказать – отнял верховную власть.

Наконец, полный злобы, он отказал ей во всякой свободе куда-нибудь удалиться и оставаться там, где захочет, и отдал ее под присмотр вместе с единственной служанкой одному из своих подчиненных графов, который, сообразно низким повелениям короля, не устыдился свою государыню, без вины виноватую, содержать узницей за тюремным запором, и наконец, сверх того, окружить многочисленной стражей, как то делается, когда заключают преступников. Но тот, кто некогда спас св. Петра из темницы Ирода, спасает и ее, когда тому наступило время. Аделаида, убитая своим горем, утратила уже всякую надежду гделибо вымолить себе верную помощь, как к ней является тайно вестник, посланный епископом Адельгардом (Adelhardus), в котором она возбудила сострадание своей плачевной судьбой. Перенося с трудом тяжкую участь своей дорогой повелительницы, он усердно советует ей поспешить бегством и укрыться за крепкими стенами главного города своей епархии[1], объявляя, что там в верном месте обеспечены будут защита ее и приличные средства к существованию.

Когда ее королевского слуха коснулось такого рода предложение, она пришла от него в восторг и решилась освободиться из тесного заточения. Но королева не находила средств, как это исполнить, ибо не было ни одной двери, которую бы она могла отворить и которая в ночной час, когда глубокий сон тяготеет над стражей, дозволила бы ей уйти из темницы. Из лиц, приставленных к ней для услужения, она не имела под тюремными сводами ни одного суще-

[1] То есть Беренгария I, маркграфа Иврейского (см. родословную табл. № 3).

[1] Это был епископ Реггио, укрывший Аделаиду в своем замке Каноссе (близ Модены).

МОНАХИНЯ РОСВИТА (HROTSUITE, HROSWITHA, или ROSWITHA). Она жила до 984 г. в монастыре Гандерсгейме (в Брауншвейге, близ Гоцлара), древнейшем религиозном учреждении племени саксов. Его основателем был Людольф, первый герцог саксов, родоначальник Оттонов, и бóльшая часть его аббатисс принадлежала к дому саксонских королей. В середине X столетия аббатиссой была Герберга, дочь Генриха Баварского, брата Оттона I; при ней монастырь сделался настоящей академией, где занимались преимущественно изучением классической литературы и где зародились начала новейшего театра. Среди всех ученых монахинь особенно отличалась Росвита, как своими познаниями, так и поэтическим талантом. Она сложила несколько поэм духовного содержания, из которых особенно замечательна «Vicedominus Theophilus», послужившая прототипом Мефистофеля Фауста. Чтение комедий Теренция побудило ее противопоставить униженной язычеством женщине идеал женщины по христианским понятиям, и таким образом она сделала первый опыт новой драмы в форме религиозной мистерии. В 965 г. 10-летний Оттон просил Росвиту описать для него деяния его отца Оттона I, что она и окончила в начале 968 г.; но, к сожалению, в этом «Панегирике

ства, которое изъявило бы готовность исполнить всякое ее повеление, исключая только служанки, о которой мы прежде сказали, и священника, человека самого непорочного образа жизни.

С неотступными мольбами она и рассказала ему все то, о чем в тоске и печали передумала сердцем, посоветовалась с ним, после чего они вместе решили, что для ее спасения остается одно: тайно прорыть глубоко под землей проход и таким образом бежать из суровой темницы. План был скоро исполнен; конечно, во всем этом нужно видеть помощь Христа милосердного; когда подземный проход, вырытый с осторожностью, был готов и приблизилась ночь, предвестница близкой свободы, сон овладел человеческим телом, тогда Аделаида с двумя спутниками, поручив себя Богу, тайно от стражи бежала и в течение ночи успела от замка[1] уйти настолько, насколько позволили ей ее нежные ноги (20 августа 951 г.).

Но всякий раз, когда с удалением мрака ночного исчезал туман и восток озарялся солнечным лучом, Аделаида то укрывалась в пещере, то блуждала по лесам или, наконец, пряталась в нивах за высокими колосьями, пока снова не являлась ночь, покрывая землю густым мраком; только тогда королева оставляла засаду и пускалась в радостный путь. Между тем стража, не найдя узницы, объявила о том графу, которому вверен был присмотр за ней. Пораженный ужасом, он бросился вместе со многими спутниками отыскивать бежавших. Когда же все поиски оказались напрасными, и граф ни у кого не мог допытаться, куда именно направила свои шаги знаменитая королева, он с унынием принес известие о том королю Беренгарию, а этот последний, придя в ужасную ярость, разослал во все стороны воинов, которых он кормил, повелев им не пропускать ни одного местечка, а в особенности отыскивать с большим вниманием все отдаленные притоны, где королева могла бы укрыться. Сам же он, как бы отправляясь на бой с лютым врагом, пустился в погоню с частью храброй дружины. Ему случилось даже пройти вблизи той самой нивы, где в извилистой борозде скрывалась королева, прикрытая опахалом Цереры. Хотя Беренгарий объездил все место, где она залегла, в величайшем страхе скрываясь, и разделял колосья длинным копьем, но, несмотря на все то, он не нашел ее, благодаря милосердию Бога.

Между тем как король, пристыженный, усталый, возвращался назад, Адельгард, почтенный епископ, с сердцем, исполненным радости, ввел государыню в крепкую ограду стен собственного города. Там ожидали ее те же почести, и даже еще большие, какими она, по милосердию Христа, пользо-

[1] Аделаида была заключена в замке Гарда, на одноименном озере в Северной Италии. Ср. этот рассказ с повествованием Одилона в жизнеописании Аделаиды, ниже.

Оттона Великого» потеряна большая часть – от 953 до 962 г. Подносся свое сочинение сыну при жизни его отца и составляя свой труд в монастыре, управляемом племянницей императора, Росвита излагает историю того времени так, как она понималась при дворе и по далеким отголоскам народного воображения; особенно затруднительно было положение поэта в отношении Генриха Баварского, отца аббатиссы, причинившего столько бед своим честолюбием. После того Росвита написала еще одну историческую поэму: «Carmen de primordiis et fundatoribus coenobii Gandreshemensis» («Поэма о начале и основателях монастыря Гандерсгеймского»); она доведена до 919 г. и служит панегириком предкам Оттона, но в то же время имеет большое историческое значение, так как Росвита писала по древним документам, которыми должен был изобиловать ее монастырь, по своим отношениям к членам Саксонского дома. Издания: полнейшее сделал *Barack.* Die Werke der Hrotswitha. Nürnberg, 1858. Переводы: Pfund (Berl. 1860), в Geschichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 38; франц. Vignon de Rétif de la Bretonne, Poesies latines de Rosvithe. Par. 1854. Критика: *G. Freytag.* De Rosuitha poetria. Vratislav. 1839. О театре Росвиты см. у *Charles Magnin.* Thébtre de Rhotsvitha. Par. 1845.

валась на своем троне, покинутом ею теперь так печально.

Когда люди нашей страны (то есть немцы), знакомые еще прежде с милостями королевы, ходили в Рим[1] по цветущим полям Италии, Оттон, в то время еще король, а ныне Август Римской империи, имел случай оказывать королеве большое внимание. Узнав же впоследствии, что она потеряла своего дорогого супруга, все думали, что после кончины Кадиты[2], оплакиваемой со слезами, нельзя было найти никого, кроме нее, кто был бы более достоин королевского ложа.

И сам король, наслаждаясь величием своей славы, долгое время спустя, в глубине души помышлял, что он мог бы вступить в брак с тамошней королевой, которая тогда испытывала такие оскорбления со стороны Беренгария. Он думал также и о том, что этот человек после изгнания из родной страны теперь с неблагодарностью отплачивает ему за прежние услуги[3]. Вот почему Оттон выждал приличного повода к тому, чтобы своей могучей властью покорить Итальянское королевство.

Едва узнал волю отца его сын Людольф, надежда короля и любимец Оттона, как он не из собственной выгоды, но помышляя только о пользе отцовской, в глубокой тайне созвал около себя немногих и вторгся в Италию, требуя, чтобы ее народы склонили главу перед властью Оттона и, выиграв дело, назад воротился с венцом победителя.

Когда народная молва о том дошла до короля Оттона, он приветствовал радостно своего достойного любви сына, который, подвергаясь для него опасности, отважился идти в среду мятежного народа. Чтобы труды сыновней преданности не остались бесплодными[4], Оттон сам поспешил покорить этот самый народ; не малочисленно было войско, сопровождавшее его. Сияя блеском королевской славы, спустился он в поля, окруженные высоко поднимающимися Альпами. Беренгарий, онемевший от ужаса, узнал о том и не посмел выступить навстречу королю, но, чтобы избегнуть опасности, немедленно укрылся в отдаленном, весьма крепком и лежавшем в стороне замке. Преисполненный гордости, наш прославленный король шел смело все прямо через страну, совершенно ему незнакомую, и овладел Павией, столицей Итальянского королевства (23 сентября 951 г.).

Правда, когда это случилось, к нему толпой сбежались самые знатные люди, чтобы отдать себя покровительству нового короля. Он принял их с обычной ему добротой и обещал им свою благосклонность в том случае, если они будут ему служить верно и честно. После того ему сердце напомнило о прекрасной королеве Аделаиде; захотелось Оттону взглянуть на королевское лицо той, о которой он знал, как была богата она добродетелями. Отправив к ней тайное посольство, он приказал передать ей весть мира и сладкой любви. Также просил он ее в дружеской речи поспешно явиться в богатый город Павию, покинутый ею в горькой кручине, объявляя при этом, что, если то Богу будет угодно, там ее ждет величайшая почесть, где прежде она бесконечное горе терпела. Аделаида приняла такое лестное предложение и, сопровождаемая многочисленными толпами подвластного ей народа, отправилась туда, куда ее приглашали. Лишь только об этом услышал король, по зову которого она приближалась, как велел своему любимому брату Генриху[1] перейти р. По и спешить ей навстречу, чтобы государыня, возводимая на высоту королевского престола, имела подле себя знатную свиту – отряд могущественного герцога.

Этот последний, ревностно исполняя королевское повеление, тотчас же вышел из ворот с отрядом войск, радостно спеша к лагерю высокоуважаемой королевы. Там, отдохнув со своими сподвижниками, Генрих провожал королеву с величайшими почестями, пока не до-

[1] Поэт намекает на тот случай, когда немцы помогали Беренгарию, изгнанному из Италии королем Гуго, вернуться назад, еще в 943 г. (см. о том у Лиутпранда, Antapod., V, 26, выше).

[2] У Лиутпранда, Эдида; она умерла в 946 г.

[3] См. Лиутпранда, Antapod., V, 13, выше.

[4] На деле причина похода Оттона, 951 г., заключается в том, что его приглашали в Италию все недовольные властью Беренгария.

[1] Герцог Баварский.

ставил на место. С первого взгляда она понравилась больше всего самому королю, и, как достойнейшая, выбрана в его подруги. После того Оттон, убедившись, что новость положения воспрепятствует ему скоро возвратиться на родину, счел за лучшее отправить туда своего любимого сына, Людольфа, чтобы он выслал к нему храбрый саксонский отряд, и чтобы Германия, управляемая таким наместником, была безопасна. Людольф, с сердцем покорным, послушный отцовскому слову, возвратился в родную страну и взял на себя заботу правления, с большой осторожностью и обдуманностью устраивая все то, что беспрестанно приходилось создавать на родной стороне. Между тем герцог Генрих, уважаемый брат короля, исполнял в Италии не только обязанности нежного брата, но и должность верного слуги. И за это весьма справедливо король его полюбил. К королеве был герцог привязан братской любовью, и она была ему предана в своем благочестии. Между тем король объездил свое Итальянское государство, подчинив себе сильных в стране и устроив все так, чтобы Беренгарий снова не мог завладеть государством, оставил в Павии с избранным войском Конрада, герцога (Лотарингского), предусмотрительного, которому отдал руку своей дочери (Лиутгарды).

Сам же с прекрасной супругой, немедля, отправился обратно, желая скорее вернуться домой. С радостными кликами принял его народ, когда он возвращался назад, вознося к небу молитвы благодарности к Всевышнему за мирное возвращение короля, избранника Божьего, по-прежнему с любовью взиравшего на свой народ. Но едва это радостное событие с достойным торжеством было отпраздновано, как прибыл к нам и герцог Конрад, привезя с собой упомянутого Беренгария, которого он умел так пленить, что он добровольно явился изъявить покорность королю Оттону. И король Оттон, мудрый во всех делах, принял его с большим почетом и возвратил ему корону, но, без сомнения, с тем условием, чтобы он на будущее время ни под каким предлогом не отказывался от повиновения власти столь страшной для многих, а ему, как вассалу, тем более подобало быть покорным; с особенной заботливостью, в словах, полных строгости, объявил он ему, чтобы впредь он с большей кротостью управлял своим народом, который до сих пор испытывал на себе всю его жестокость; и Беренгарий, обещая буквально исполнить волю Оттона, поспешно оставил его и с радостью вернулся домой (952 г.).

Panegyricus Ottonis Magni. 919–967.
У *Pertz.* Monum., IV, 317–335.

Лиутпранд

О ДЕЯНИЯХ ОТТОНА ВЕЛИКОГО, ИМПЕРАТОРА. 960 г. – 23 июня 964 г. (в 964 г.)

1. Когда (960 г.) в Италии правили и даже свирепствовали, а говоря еще точнее, тиранствовали Беренгарий (II) и Адельберт (сын предыдущего), Иоанн (XII)[1], верховный владыко и вселенский Папа, церковь которого испытала также насилия со стороны упомянутых Беренгария и Адельберта, отправил послами св. Римской церкви Иоанна, бывшего кардиналом-дьяконом, и секретаря Азо к светлейшему и благочестивейшему, в то время еще королю, а ныне августейшему императору Оттону. Иоанн просил его убедительно письмом, в котором излагались доказательства испытанного им насилия, спасти от их свирепства и его самого, и вверенную ему св. Римскую церковь, и восстановить прежнюю ее безопасность и независимость, ради любви к Богу и святым апостолам Петру и Павлу, которых он призывает для прощения своих грехов. В одно время с жалобой римских послов к Оттону, тогда еще королю, а ныне августейшему императору, обратился и достопочтенный Вальдперт, архиепископ св. Миланской церкви, едва спасшийся полуживым от кровожадности Беренгария и Адельберта, говоря, что он не может более выносить и терпеть жестокости Беренгария, Адельберта и Вил-

---

[1] Октавиан, Папа с 13 лет, 956–963 гг. (см. родословную табл. № 2).

лы (жены Беренгария), которая в противность божеским и человеческим правам, отдала миланскую метрополию Маназесу, архиепископу Арелатскому (см. о нем: *Лиутпранд.* Antopod., IV, 6, выше). «Она,– говорил он,– есть настоящее бедствие церкви, и берет себе все, что кажется пригодным ей или ее клевретам». Точно так же и Вальдо, епископ города Комо, явился вслед за ним и жаловался, что потерпел со стороны Беренгария, Адельберта и Виллы такое же насилие, как Вальдперт. Вместе с ними прибыли из Италии и многие другие, принадлежавшие к светскому сословию; в числе таких был светлейший маркграф Отберт (родоначальник знаменитого впоследствии дома Эсте); он примкнул к апостольским посланникам и просил у святейшего[1] Оттона, в то время еще короля, а ныне августейшего императора, совета и помощи.

[1] Этот титул был не в западном обычае и заимствован автором у византийского двора, с которым он был так хорошо знаком.

2. Тронутый такими слезными мольбами и заботясь не о себе, а о том, что принадлежит Иисусу Христу, богобоязненный король Оттон (I), в противность обычаю, назначив королем (Германии) соименного себе сына (Оттона II, род. в 955 г.), бывшего еще ребенком, оставил его в Саксонии, а сам собрал войско и поспешил в Италию (961 г.). Оттон изгнал из государства Беренгария и Адельберта тем легче, чем более было всякому известно, что он имеет своими поборниками святейших апостолов Петра и Павла. Таким образом, добрый король, «заблудившее обращая и сокрушенное обязывая» (Иезек. 34, 16), возвратил каждому свою собственность, и с той же целью отправился в Рим.

3. В Риме, принятый с торжеством и неслыханными до того времени приготовлениями, Оттон был помазан императором вышеупомянутым верховным владыкой и все-

ЛИУТПРАНД, ЕПИСКОП КРЕМОНСКИЙ (LIUDPRANDUS, EPISCOPUS CREMONENSIS, в сокращ. LIUZO, 920–972). Занимает первое место между историками X столетия как по своему литературному таланту и образованности, так и по роли, которую он занимал в главнейших событиях той эпохи. Потому исторические сочинения Лиутпранда, представляя лучшую картину первой половины X в. и начала второй, служат вместе источником для биографии самого автора. Из слов Лиутпранда мы заключаем, что он родился в Северной Италии, вышел из лангобардской фамилии и впоследствии научился латинскому и греческому языкам; его отец был близок к королю Италии Гуго (926–947 гг.) и в 927 г. ездил послом в Византию для укрепления связей нового короля с империей. Но по возвращении в Италию отец Лиутпранда умер, «оставив его ребенком» (Antap., III, 24), из чего заключают, что автор мог родиться около 920 г. Мать его вышла вторично замуж за лицо, еще более влиятельное при дворе, и Гуго за его хороший голос взял (931 г.) Лиутпранда в капеллу. Там он получил те отличные сведения в классической литературе, которыми после воспользовался как писатель. Когда Гуго был изгнан из Италии в 945 г., фамилия Лиутпранда вместе со многими другими приняла сторону его более счастливого противника Беренгария II, а отчим молодого человека успел даже устроить пасынка секретарем нового короля. Беренгарий II обнаружил такое доверие Лиутпранду, что отправил его в 949 г. послом в Константинополь. Перерыв в сочинениях Лиутпранда оставляет нас в неизвестности о нем до 956 г., когда мы его видим уже при дворе Оттона Великого, где он жалуется на неблагодарность и несправедливость Беренгария II, из-за которого он бежал из Италии в Германию. При дворе Оттона Великого Лиутпранд познакомился с послом Кордовского калифа епископом Рецемундом, который, слушая рассказы Лиутпранда из его полной треволнений жизни, стал убеждать его составить историю своего времени. Но Лиутпранд приступил к этому делу только в 958 г., поставив себе задачей изобличить Беренгария II, своего личного врага. Он сделал все, кроме этого, потому что не успел дойти в своей истории

ленским Папой Иоанном (2 февраля 962 г.). Он возвратил Папе не только принадлежавшее ему, но и одарил его великими подарками, состоявшими в драгоценных камнях, золоте и серебре. Тот же самый Папа Иоанн и все первостепенные люди города дали ему над драгоценным телом св. Петра клятву, никогда не оказывать помощи ни Беренгарию, ни Адельберту. Затем император, нимало не медля, возвратился в Павию.

4. Между тем вышеупомянутый Папа Иоанн, забыв клятвенное обещание, данное им святому императору, послал к Адельберту, приглашая его к себе и заверяя клятвой, что он поможет ему против святейшего императора (963 г.). А этот Адельберт, преследователь церкви Божией и самого Папы Иоанна, был до того устрашен святым императором, что вовсе оставил Италию и удалился во Фраксинет (см.: Лиутп., Antopod., I, 3, выше) и поручил себя сарацинам. Правдолюбивый император не мог довольно надивиться, откуда явилось у Папы Иоанна расположение к Адельберту, которого он прежде преследовал со всей ненавистью. Потому он послал в Рим нескольких из доверенных ему лиц[1] разузнать предварительно, насколько все это может быть справедливо. Послы, прибыв на место, услышали, не от первого встречного и не от тех или других, но все жители Рима говорили им в один голос: «Причина, почему Папа Иоанн возненавидел святейшего императора, своего избавителя от рук Адельберта, и почему дьявол возненавидел Творца, кажется, одна и та же. Император, как это мы знаем собственным опытом, совершает и любит божественные дела; мирское и церковное защищает он оружием, "примером своим украшает, своими законами усовершенствует"[2]; а Папа Иоанн противится всему подобному. То, что мы гово-

[1] Полагают, что в числе их был и наш автор.

[2] Это выражение: «Moridus ornat, legibus emundat» заимствовано у Горация (*К Августу*, II, 1).

до времени разрыва с Беренгарием и остановился на 949 г., пустившись в длинное описание своего путешествия в Византию, предпринятого им по распоряжению Беренгария II. Свое сочинение он назвал «Antapodosis», то есть «Воздаяние» (см. его собственное объяснение такого заглавия выше). Первые три книги этого труда заключают в себе историю Западной Европы от 893 до 931 гг. и были им написаны «по показаниям достоверных людей»; он сидел за ними весь 955 и 959 гг., потому что, когда им была окончена вторая книга, Оттон послал его в Византию, неизвестно зачем; кажется, он захворал на о. Паксос, и болезнь доставила ему случай снова сесть за работу, а потому третья книга, как говорит Лиутпранд, была им написана «в путешествии и в заточении». С четвертой книги автор начинает описывать то время, которое он пережил сам и был очевидцем; эта книга вместе с пятой, как и первые три, была написана во Франкфурте в 961 г., куда он возвратился из путешествия в Византию. Но последняя глава пятой книги и та часть шестой, которая им начата, были написаны по низвержении Беренгария и возведении на императорский престол Оттона Великого, следовательно, в 962 г., во время поездки Лиутпранда вместе с новым императором в Италию. Падение ли врага, свергнутого Оттоном, или новые занятия при императоре охладили в Лиутпранде охоту продолжать труд, однако, во всяком случае, он оставил его неоконченным. Союз Папы Иоанна XII с Беренгарием и его сыном вызвал новую борьбу, и Лиутпранд принял деятельное участие в суде над Папой; этот суд подал ему повод написать «Книгу о деяниях Оттона Великого», которая, если была бы окончена, послужила бы продолжением «Воздаяния» и составила бы ее седьмую книгу. Тогда же его сделали епископом Кремоны, а еще при Беренгарии он получил звание дьякона Павийской церкви.

В последние 10 лет жизни, от 962 до 972 г., Лиутпранд посвятил себя делам своей новой епархии, но в то же время оставался близким лицом к императору. Оттон, убедившись, что пока греки будут владеть Южной Италией, его власть в Италии останется непрочной, потому напал на Апулию и Калабрию. Греки просили перемирия, а Лиутп-

рим, народу небезызвестно. В доказательство укажем на вдову Райнерия, его собственного вассала, которую он, ослепленный своей страстью, поставил правительницей (praefecta) многих городов и одарил золотыми распятиями и чашами из святая святых блаженного Петра. Мы ссылаемся также и на его тетку (amita) Стефанию, которая, родив от него недавно мальчика, умерла. Если бы мы и умолчали обо всем этом, то сам латеранский дворец, некогда убежище святых, теперь же место сборища дурных женщин, не умолчит о другой тетке, с которой он живет, сестре Стефании, также бывшей его наложницей. Далее мы ссылаемся на отсутствие в церкви посторонних женщин, кроме римлянок; они боятся приходить молиться над гробом св. апостолов, узнав, что за несколько дней перед тем там претерпели оскорбление молодые девушки, вдовы и замужние женщины. Мы указываем и на церкви св. апостолов, в которые дождь проникает уже не каплями: вся крыша течет и дождь попадает даже на самые алтари. А когда мы молимся, какой ужас наводят на нас гнилые балки! Смерть смотрит с кровли и мешает молиться, несмотря на все желание, принуждая как можно скорее оставить дом Божий. Наконец, мы указываем не только на женщин, перетягивающих свои талии в тростинку, но и на самых последних. Ему все равно, кто идет пешком, кто подъезжает на красивых конях. Вот почему он такой враг святому императору, как волк по своей натуре против агнца. Желая оставаться безнаказанным, он провозгласил Адельберта своим отцом, покровителем и защитником».

5. Император, услышав о всем этом от своих возвратившихся послов, сказал: «Папа еще мальчик; пример добрых людей может легко его исправить. Я надеюсь, что благонамеренные упреки и откровенные убеждения без труда извлекут его из тех зол, и тогда мы скажем вместе с пророком: ”Сия измена десницы Всевышнего“ (Псал. 76 (77), 11). Прежде всего,– присоединил император,– мы должны изгнать Беренга-

---

ранд советовал Оттону Великому женить своего сына на дочери византийского императора Романа II и потребовать завоеванные страны в приданое. Для заключения этого брака был отправлен сам Лиутпранд; прибыв в Константинополь в июне 968 г., он нашел на престоле Никифора, который продержал его долго и, не согласившись ни на какую уступку, отпустил назад в начале 969 г. Лиутпранд составил для Оттона отчет о своем путешествии в Византию под заглавием «Legatio» («Посольство»), третье из сочинений Лиутпранда и весьма любопытное, как превосходная картина Восточной империи в ту эпоху, написанная притом посторонним наблюдателем. Вследствие неудачи посольства война началась снова, но Никифор в конце 969 г. был убит, а его преемник Иоанн Цимисхий согласился на мир и предполагаемый брак. По позднейшим известиям, Лиутпранд предпринял вторичное путешествие в Константинополь, 971 г., за невестой, но нет положительных свидетельств тому; те известия говорят о его смерти по дороге в Византию, но мы ничего не знаем точного ни о месте, ни о времени его смерти. Верно одно, что Лиутпранда не было в живых 28 марта 973 г., потому что под этой датой поименован епископом Кремонским Ольдеберт. Отношения, в которых был наш автор к действующим лицам своей эпохи, определяют степень нашего доверия к его показаниям: расположение к Оттону и ненависть к Беренгарию II не могли его не ослепить при оценке их характеров, но, с другой стороны, не надобно забывать и того, что Лиутпранд писал для лица, которое могло бы его проверить, и потому автор не совсем оставался без контроля. В особенности «Жизнь Оттона» заслуживает полного доверия, потому что в ней приводятся официальные документы. Издания: *Pertz.* Monum. Germ. III, 264–363 с. и отдельный оттиск оттуда: Liudprandi, ep. Crem. opera omnia. Hannov. 1839. Переводы: немецк. Osten-Sacken (Berl. 1853), в Geschichtschr. d. deut. Vorz. Liefer. 22; в этом переводе опущены все места, не относящиеся к истории Германии. Критика: *Köpke.* De vita et scriptis Liudprandi ep. Crem. Berlin, 1842.

рия, который продолжает оказывать сопротивление в Феретрате (ныне Montofeltro, гористая местность в Папской области); а затем мы обратимся с отеческими назиданиями к государю Папе; если и не по охоте, то все же по стыду он сделается порядочным человеком. Принужденный однажды к хорошему поведению, он постыдится возвратиться к худому».

6. Сказав так, император сел в Павии на корабль и по р. По прибыл в Равенну; оттуда он отправился в Феретрату и осадил замок св. Леона (ныне Sanleo), где укрывались Беренгарий и Вилла (май 963 г.). Туда же отправил к святому императору послов вышеупомянутый Папа, именно Льва, бывшего в то время (июнь 963 г.) еще только канцлером (protoscrinarius) св. Римской церкви, а ныне[1] восседающего на том же престоле блаженного Петра в качестве наместника апостолов, и Дмитрия, знатнейшего из римских оптиматов; он поручил им сказать императору, чтобы он нисколько не изумлялся, если Папа, палимый юношеским огнем, до сих пор ребячился (puerile quid gesserit); теперь для него настает другое время, и он намерен жить иначе. К этому Папа присоединил со свойственным ему коварством еще одно обстоятельство: он жаловался на то, что святой император принял к себе епископа Льва и Иоанна, кардинала-дьякона, изменивших ему, и сам нарушил договор, взяв с жителей присягу в верности себе, а не Папе. На это император отвечал им: «За исправление и изменение нравов, которое обещает Папа, благодарю; что же касается несоблюдения договора, в чем он меня обвиняет, судите сами, насколько то справедливо. Мы обещали ему возвратить всю землю св. Петра, какая только достанется в наши руки; и вот причина, почему мы стараемся в эту минуту вытеснить из этого замка (munitione) Беренгария со всеми его домочадцами. Каким способом мы могли бы возвратить Папе эту землю, если бы не подчинили ее предварительно своей власти, исторгнув из рук похитителей. Епископа же Льва и кардинала-дьякона Иоанна, изменивших ему и будто бы принятых нами, мы и не видели и не принимали в это время. Они, как мы слышали, были схвачены в Капуе на их пути в Константинополь, куда послал их государь Папа с целью повредить нам. Вместе с ними захватили Салокка, родом булгара, воспитанного в Венгрии, весьма близкое лицо к государю Папе; также и Закхея, человека предосудительного поведения и совершенного невежду в светских и божественных науках, которого государь Папа недавно поставил епископом и отправил к венграм, чтобы восстановить их против нас; все они, как мы слышали, теперь захвачены в Капуе. Мы никогда не поверили бы, чтобы государь Папа был способен на такие дела, если бы знали о том по слухам; но нас заставляют верить письма с папской печатью (plumbo) и за его собственноручной подписью».

7. После того император отправил Ландварда, епископа Минденского из Саксонии, и *Лиутпранда*, епископа Кремонского из Италии (так автор говорит о самом себе в третьем лице), в Рим вместе с упомянутыми папскими послами, чтобы доказать свою безупречность перед государем Папой. Военным же вассалам (militibus), сопровождавшим их, было повелено в случае, если бы Папа никак не хотел верить, доказать истину поединком (duello). Епископы Ландвард и Лиутпранд, явившись к Папе, получили такой дурной прием, что от них не могла укрыться вражда, питаемая Папой к святому императору. Несмотря на то, они изложили дело, как им было поручено, но Папа, отказываясь от всякого удовлетворения, как присягой, так и поединком, продолжал упорствовать по-прежнему. Спустя же восемь дней Папа, имея коварные цели, отправил к государю императору Иоанна, епископа Норни, и Бенедикта, кардинала-дьякона вместе с императорскими послами в надежде обмануть какой-нибудь хитростью того, кого так трудно провести на словах. Но еще до их возвращения Адельберт, оставив Фраксинет, по приглашению Папы явился в Центумцеллы (ныне Cività-Vecchia, Римская гавань);

[1] Папа Лев VIII вступил на престол в декабре 963 г. и умер в марте 965 г.; отсюда следует, что это сочинение нашего автора было написано в течение 964 г. или не позже начала 965 г.

оттуда же отправившись в Рим, он был не отвергнут, как то следовало бы, но торжественно принят Папой (июль 963 г.).

8. Пока все это происходило, «тяжелое созвездие Рака (июль), паля лучами Феба»[1], не дозволяло императору приблизиться к укреплениям Рима. Но наступившее созвездие Девы (август) умерило жар, и император, получив тайное приглашение от жителей Рима, подошел вместе с войском к городу. Впрочем, что я говорю: *тайное приглашение*?! (Разве не большая часть римских оптиматов овладела замком св. Павла (S. Pauli castellum)[2] и явно пригласила императора, предоставив ему от себя даже заложников? Что тут и говорить! Едва император расположился близ города (октябрь 963 г.), как Папа и Адельберт обратились в бегство. Жители же города, приняв (3 ноября) святого императора вместе с его войском, дали клятву в верности, присоединив к тому клятвенное обещание никогда не избирать и не постановлять никого Папой без согласия и выбора государя императора, августейшего цезаря, и его сына, короля Оттона (II).

9. Три дня спустя (6 ноября) по просьбе как римских епископов, так и народа (plebe), в церкви св. Петра был созван великий собор, на котором восседали вместе с императором архиепископы: от *Италии*, за Ингельфреда, Аквилейского патриарха, которого действительно удержала на месте болезнь, дьякон Рудольф, Вальдперт Миланский и Петр Равеннский; от *Саксонии* (следуют имена); от *Франции* (следуют имена); от *Италии* Лиутпранд Кремонский (наш автор) и Герменальд Регийский; от *Тусции* (следуют имена); от *Рима* (следуют имена); от *оптиматов* города Рима (следуют имена) и от *народа* (ex plebe) Петр, прозванный Империолой, вместе со всей римской милицией (cum omni Romanorum militia)[3].

10. Когда все заняли свои места и воцарилась глубокая тишина, святой император начал заседание следующей речью: «Как было бы прилично Папе Иоанну присутствовать на таком пресветлом и святом соборе! А почему он уклонился от такого собора, я спрашиваю о том вас, о, святые отцы, потому что он жил и действовал среди вас». Тогда римские владыки и кардиналы-пресвитеры и дьяконы со всем народом отвечали ему единогласно: «Мы удивляемся, почему ваша святейшая мудрость желает узнать от нас то, что известно и жителям Иберии, Вавилона и Индии. Наш Папа не был даже из числа тех, которые ходят в овечьей шкуре, а внутри кровожадные волки; он так открыто свирепствовал, так явно совершал свои сатанинские дела, что и не старался их скрывать». Император на это заметил: «Нам кажется, справедливость требует, чтобы обвинения подавались отдельными лицами; а затем мы сообща обсудим, как должно действовать». Тогда Петр, кардинал-пресвитер, встав со своего места, показал, что он сам видел, как Папа, не причастившись, служил обедню. Иоанн, епископ Норни, и Иоанн, кардинал-дьякон, объявили, что они видели, как он посвящал дьякона не в указанное время, и притом в конюшне (in equorum stabulo). Бенедикт, кардинал-дьякон, вместе с прочими содьяконами и пресвитерами говорили, что они знают, как он поставлял епископов за деньги и однажды поставил епископом в Тудертине (ныне Todi) десятилетнего мальчика. О разграблении церквей, говорили они, нечего и спрашивать, потому что очевидные факты говорят о том красноречивее слов. О распутстве Папы, заметили они, хотя мы и не видали своими глазами, но знаем наверное, что он жил с вдовой Райнерия, со Стефанией, наложницей своего отца, и с вдовой Анной, своей племянницей; святейший же дворец обратил в дом публичного разврата. Далее, они показывали, что Папа ходил публично на охоту; Бенедикта, своего крестного отца, ослепил, вследствие чего тот и помер; Иоанна, кардинала-субдьякона, умертвил, приказав его оскопить; причинял пожары, подпоясывался мечом, носил шлем и панцирь. А что Папа, по любви к дьяволу,

---

[1] Автор цитирует слова Боэция из его «Consolat. philosoph.», I, 6; «Phoebi radiis grave Cancri sidus inestuans».

[2] Замок, построенный Иоанном VIII на Via Ostiensis в защиту церкви св. Павла и называемый Iohannipolis.

[3] У Лиутпранда поименовано 76 человек.

упивался вином, то показывали все: и светские, и духовные. При игре в кости, говорили они, Папа призывал имена Юпитера, Венеры и прочих злых духов. Уверяли также, что он не только не посещал утренней и канонической церковной службы, но даже и не ограждался крестным знамением.

11. Выслушав это, император, так как римляне не могли понимать его отечественной речи, то есть саксонской, поручил Лиутпранду, епископу Кремонскому, выразить римлянам нижеследующее на латинском языке. Лиутпранд, встав с места, начал так: «Часто бывает, и мы знаем это собственным опытом, что лица высокопоставленные преследуются клеветой завистников; хороший человек не угоден злым, равно как и злой неприятен добрым людям. Вот почему и при этом обвинительном акте, который прочел и представил вместе с вами Бенедикт кардинал-дьякон против Папы, мы должны подумать, не зная наверное, представил ли он все это из любви к истине или по богопротивному чувству злобы. Посему я, во имя врученной мне, недостойному, власти, заклинаю вас Богом, его же никто не обманет, хотя бы кто того и пожелал, святой Богородицей непорочной Девой Марией, и драгоценным телом князя апостолов, в церкви которого я произношу эти слова, подтвердить, что на государя Папу не было возведено ни одного преступления, которого бы он не совершил в действительности, и которое не могло бы быть доказано вполне достоверными людьми». Тогда епископы, пресвитеры, дьяконы, остальной клир и весь народ римский отвечали, как один человек: «Если Папа Иоанн не совершил тех преступлений и даже еще более гнусных и великих, как было прочтено Бенедиктом дьяконом, то да не развяжет оков прегрешений наших князь апостолов, всеблаженный Петр, который словом своим закрывает небо недостойным, и открывает праведным, да обложит нас цепь анафемы, и на Страшном суде да станем ошую с теми, которые скажут Господу Богу: "Отступи от нас, ибо мы не хотели знать путей твоих" (Иов, 21, 14). Когда вы нам не верите, то поверьте, по крайней мере, войску государя императора, которое пять дней тому назад видело Папу препоясанным мечом, со щитом, в шлеме и панцире; если бы не протекавший между ними Тибр, то войско захватило бы Папу в этом наряде». Святой император заметил: «На это я имею столько свидетелей, сколько у меня воинов в лагере». Тогда святой собор определил: «Если угодно святому императору, то нужно послать приглашение государю Папе, чтобы он явился сюда и оправдал себя в обвинениях». Вследствие того к нему и была отправлена грамота следующего содержания:

12. «Верховному владыке и вселенскому Папе, государю Иоанну, *Оттон*, за преданность божественному милосердию августейший император, вместе с архиепископами, епископами Лигурии, Тусции, Саксонии и Франции, именем Бога!

Придя в Рим для поклонения Господу, мы спрашивали ваших детей, то есть римских епископов, кардиналов, пресвитеров и дьяконов, а также и весь народ, о вашем отсутствии и о причинах того, почему вы не желали видеть меня, своего защитника и защитника вашей церкви; они на это рассказали мне о вас столько неприличного, что мы покрылись бы стыдом, если бы что-нибудь подобное было рассказано о комедианте. А чтобы ваше величие не осталось в неизвестности об этих обвинениях, мы приведем здесь некоторые вкратце: на подробное исчисление всего не было бы достаточно и целого дня. Знайте же, что вы не несколькими людьми, но всеми, как из моего сословия (то есть светского), так и из своего обвиняетесь в убийствах, клятвопреступлении, святотатстве и кровосмешении со своими родственницами и с двумя сестрами. О вас говорят еще и многое другое, что страшно и вымолвить: вы пили во имя дьявола и при игре в кости призывали Юпитера, Венеру и иных злых духов. Потому мы почтительнейше просим вас, наш отец, удостоить нас явиться в Рим и оправдать себя от всех возводимых на вас обвинений. Если же вы боитесь насилия со стороны необузданной черни, то мы даем вам клятву, что с вами ничего не случится, помимо приговора святых канонов. Дано VIII, ноябрьские иды (то есть 6 ноября)».

Печать маркграфа Геро.
С дарственного письма на Гернроде. 964 г.

13. Иоанн, прочтя это послание, отвечал следующим образом:

«Иоанн епископ, раб рабов Божиих, всем епископам.

До нас дошло, что вы намереваетесь избрать другого Папу; если вы совершите это, то я отлучаю вас от всемогущего Бога (exommunico vos da[1] Deum omnipotentem), чтобы вы не имели власти никого ни посвящать[2], ни отправлять богослужения».

14. Когда это послание читалось на святом соборе (22 ноября), к тому времени прибыли туда еще некоторые из духовных, не присутствовавших прежде, а именно из Лотарингии Генрих, епископ Трирский, из Эмилии (ныне Парма) и Лигурии Видо, епископ Моденский, Гецо из Тортоны и Сигульф из Пьяченцы. По их совету был послан Папе следующий ответ:

«Верховному владыке и вселенскому Папе, государю Иоанну, *Оттон*, за преданность божественному милосердию августейший император, а вместе с ним и святой собор, созванный в послушании Богу в Риме, привет, о Господе!

В прошедшее заседание, от VIII, ноябрьские иды (6 ноября), мы отправили к вам письмо, в котором изложены показания ваших обвинителей и содержание приводимых ими обвинений. В том же письме мы просили ваше величие, как то подобает, прийти в Рим и оправдаться. На это же мы получили ответ, какой может дать одно тщеславие глупых людей, не обращающее внимание на сущность дела. Вам следовало бы представить разумные причины своего отсутствия на соборе. Вы были бы должны отправить от своего величия послов, которые засвидетельствовали бы, что вы отсутствуете на соборе или по болезни, или вследствие какого-нибудь другого препятствия. В вашем письме заключается еще одно обстоятельство, которое свидетельствует, что оно было писано не епископом, но глупым мальчиком. Вы хотели отлучить всех, чтобы никто не мог служить обедни и *поставлять* епископов, если мы возведем на римский престол другого епископа. А между тем вот ваши слова: ”Чтобы вы имели власть всякого посвящать” (*non* habeatis licentiam *nullum* ordinare[1]). До сих же пор мы думали, и даже были твердо убеждены, что два отрицания (то есть *non* и *nullum*) составляют утверждение; но кажется, вы намерены своей властью ниспровергнуть авторитет древних писателей. Впрочем, мы будем отвечать не на ваши слова, а на то, что вы хотели ими сказать. Если вы немедленно явитесь на собор и оправдаетесь от обвинений, в таком случае, без сомнения, мы окажем вам подобающее повиновение. Но если – чего избави Боже – вы откажетесь явиться и оправдать себя в уголовных преступле-

---

[1] *Da* – италицизм, вместо латинского *ad* с творит. падежом. Это обстоятельство доказывает, с какой дипломатической точностью копировал Лиутпранд лежавшие перед ним документы: в его собственных словах никогда не встречается подобная форма.

[2] В подлиннике грамматическая ошибка: «*non* habeatis licen-tiam *nullum* ordinare» (см. ниже, сноску).

[1] Мы привели выше письмо Папы в переводе так, как Папа хотел сказать, между тем, собственно, он сделал грамматическую ошибку в своем тексте, поставив два раза отрицание: *non* и *nullum*, как то говорится, например, в русском языке: не избирать никого; по-латыни же два отрицания составляют утверждение, как ниже то и объясняет император своему противнику.

ниях, тем более, что вам ничто не препятствует, ни морское плавание, ни телесный недуг, ни отдаленность пути, тогда мы не обратим большого внимания на произнесенное вами отлучение, и даже повернем его против вас, на что мы имеем полное право. Иуда, предавший Господа нашего Иисуса Христа, или скорее продавший, также получил прежде вместе с другими учениками власть вязать и решить, и это было выражено так: "Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе" (Матф. 18, 18). Пока Иуда оставался добрым учеником, он и имел власть вязать и решить; но, сделавшись по корыстолюбию убийцей и покусившись на жизнь Христа на земле, кого бы он мог вязать и решить, кроме своего тела, которое он и привязал к дереву проклятой веревкой?

Дано X календы декабрьские (22 ноября) и отправлено с кардиналом-пресвитером Адрианом и кардиналом-дьяконом Бенедиктом».

15. Когда посланные прибыли к Тибру[1] (?), они не нашли более там Папы Иоанна: он, взяв лук и стрелы, ушел в поле, и не было никого, кто мог бы им сказать, где он находился. Не найдя таким образом Папы, посланные возвратились вместе с письмом и известили обо всем собор, открывший свое третье заседание. Теперь заговорил император: «Я ждал появления Папы, чтобы в его присутствии изложить ему все оскорбления, которые он причинил мне; но, уверившись, что он не явится, я предлагаю вам теперь внимательно выслушать, как вероломно он поступил со мной. Да будет же ведомо вам, архиепископы, епископы, пресвитеры, дьяконы и остальной клир, равно как и вам, графы, судьи и весь народ, что тот же самый Иоанн Папа, теснимый Беренгарием и Адельбертом, восставшими против меня, отправил к нам в Саксонию послов, прося именем Бога прийти в Италию и спасти от их мести себя и церковь св. Петра. Нет необходимости говорить о том, что мы успели с Божьей помощью совершить: вы это видите собственными глазами. Теперь же освобожденный мной из рук врага и восстановленный в своем достоинстве, он забыл клятву в верности, данную мне над телом св. Петра, пригласил в Рим Адельберта, защищал его против меня, делал возмущения и на глазах нашего войска, как полководец, надевал панцирь и шлем. Пусть святой собор обсудит все это и произнесет свой приговор». Римские владыки, остальной клир и весь народ отвечали императору так: «Неслыханная язва должна быть вытравлена неслыханными средствами. Если бы он своими развращенными нравами вредил одному себе, а не всем, то, так или иначе, его нужно было бы терпеть. Теперь же сколько людей непорочных, следуя его примеру, сделались преступными, сколько честных, под влиянием его общества, замарали свое имя? Потому мы просим величие вашей власти (magnitudinem imperii vestri), изгнать из св. Римской церкви то чудовище, пороки которого не могут быть искуплены никакой добродетелью, и на место его поставить другого, который своим сообществом принес бы нам пользу и сообразно с тем управлял бы нами, а сам, живя честно, представлял бы образец добродетельной жизни». Император отвечал на это: «Согласен! И ничего не может быть мне приятнее, как то, чтобы нашелся такой, которого можно было бы возвести на этот святой и вселенский престол».

16. Все воскликнули на эти слова в один голос: «Мы выбираем своим пастырем мужа честного, достойного стоять на высшей степени иерархии, Льва, достопочтенного канцлера (profoscrinarium) св. Римской церкви; пусть он будет верховным и вселенским Папой св. Римской церкви, а Иоанн богоотступник, за свои развращенные нравы, низвергается!» Когда все произнесли эти слова в третий раз, и император дал одобрительный отзыв, Лев был отведен, по обычаю, со славословием, в латеранский дворец, и в определенное время поставлен Папой в церкви св. Петра; все верные принесли ему присягу (6 декабря).

---

[1] Вероятно, автор сделал описку, так как Рим стоит на Тибре, и, следовательно, послы, выйдя из Рима, не могли бы прийти к Тибру, потому полагают, что надобно вместо *Tibeirim* читать *Tibiurum*, город Тибур.

17. По совершении всего этого святейший император, надеясь на то, что теперь возможно будет оставаться в Риме с небольшим войском, дал многим позволение возвратиться на родину, чтобы не обременять римский народ. Когда Иоанн, называвший себя Папой, разведал о том, то, зная, как легко подкупить римлян деньгами, он отправил тайно в Рим соглядатаев, обещая жителям всю сокровищницу блаженного Петра и других церквей, если они нападут на благочестивого императора и на государя Льва и умертвят их безбожно. Говорить ли об этом? Римляне, понадеявшись или, лучше сказать, обманувшись малочисленностью войска и увлекшись обещанием денег, неожиданно нападают при звуке рогов на императора с целью умертвить его. Но император поспешно встречает их на тибрском мосту, который римляне загородили повозками. Его же храбрые воины, привыкшие к брани, бросились на них грудью вперед, с оружием в руках, и привели их в ужас, как ястребы стада птиц; они и не сопротивлялись. Бегущие не могли укрыться ни в одном уголке, ни между корзин или бочек, ни в клоаках, куда стекают нечистоты. Их избивали повсюду и наносили им раны с тылу, как то и следует подобным храбрецам. Кто из римлян мог бы пережить это побоище, если бы святой император, по своему милосердию, которого они не заслуживали, не остановил своих воинов, жаждавших крови, и не отозвал их назад.

18. По одержании такой победы и по выдаче заложников теми, которые уцелели, достопочтенный Папа Лев бросился к ногам императора, умоляя его возвратить заложников и поручить его самого верности римлян. По этой просьбе достопочтенного Папы Льва святой император возвратил заложников, хотя и предвидел, что они начнут то же самое, как о том будет рассказано ниже. А Папа был поручен верности римлян, подобно агнцу, отданному волкам. Затем император оставил Рим и поспешил в Камерин и Сполето, где, как ему донесли, укрывался Адельберт (январь 964 г.).

19. Между тем женщины, с которыми Иоанн, называемый Папой, вел зазорную жизнь, будучи знатного происхождения и составляя немалое число, возбудили римлян погубить верховного владыку и вселенского Папу Льва, избранного Богом и ими самими, и впустить в город Иоанна. Когда это было ими исполнено, достопочтенный Папа Лев, милосердием Божиим, спасся от их рук и в сопровождении немногих искал помощи у благочестивейшего императора Оттона (февраль 964 г.).

20. Император не мог перенести такого бесчестия, нанесенного ему как свержением государя Папы Льва, так и увечьями Иоанна, кардинала-дьякона, и секретаря Азо – первому была отрублена правая рука, а последнему вырваны ноздри и отсечены язык и два пальца. Он усилил свое войско и решился снова подступить к Риму. Но прежде чем собралось войско, Господь пожелал показать, как справедливо был свергнут Папа Иоанн своими епископами и всем народом, и как несправедливо его приняли вновь; в одну ночь, когда Папа оставался за городом в доме одной замужней женщины, дьявол поразил его в виски так сильно, что он умер от раны, восемь дней спустя после этого происшествия (14 мая 964 г.). Но по внушению того же, кто его убил, он не принял напутствия: в справедливости этого меня неоднократно уверяли его родственники и друзья.

21. После его смерти все римляне, забыв данную ими клятву святому императору, избирают Папой Бенедикта (V), кардинала-дьякона, и дают ему присягу никогда его не покидать и защитить против власти императора. Услышав об этом, император обложил город, и никто не мог оттуда выйти, не поплатившись за то каким-нибудь увечьем; осадные орудия и голод довели римлян до того, что император против их воли овладел городом, восстановил на престоле достопочтенного мужа Льва, а Бенедикта, похитителя верховного престола, выдал в его руки (24 июня 964 г.).

22. Бенедикт, похититель апостольского престола, приведенный руками собственных избирателей, в папском облачении предстал перед собором в Латеране, на котором заседали государь Лев, верховный и вселенский Папа, император святейший

Оттон, епископы римские, итальянские, пресвитеры и дьяконы со всем римским народом; имена их будут прописаны ниже. Бенедикт, кардинал-архидьякон, обратился к нему со следующей речью: «Какой властью и по какому закону, ты, похититель, облачился в первосвященнические одежды еще при жизни государя нашего достопочтенного Папы Льва, которого ты сам избрал вместе с нами по осуждении и свержении Иоанна? Можешь ли ты отказаться от того, что ты клятвенно обещал государю императору, а именно: никогда не избирать и не поставлять вместе с прочими римлянами нового Папы без согласия его и его сына короля, Оттона (II)?» Бенедикт отвечал: «Если я в чем прегрешил, то сжальтесь надо мной».

Тогда император, пролив слезы и доказав тем, как велико было его милосердие, просил собор не наказывать строго Бенедикта: «Если он может и желает, то пусть ответит по своему делу для оправдания себя; если же не может и не хочет, а просто признает себя виновным, то пусть, по страху Божию, будет ему оказано какое-нибудь снисхождение». Выслушав это, Бенедикт немедленно припал к ногам государя Льва Папы и самого императора и громко признал себя преступником и похитителем святого римского престола. После того он сам сложил с себя паллиум и передал его вместе с епископским жезлом, находившимся у него в руках, государю Льву Папе. Папа переломил жезл и показал его народу. Потом он приказал Бенедикту сесть на землю, сняв с себя одежду, называемую *planeta*, вместе со столой, и в заключение провозгласил всем епископам:

«Мы лишаем Бенедикта, похитителя святого римского и апостольского престола, всякого высшего звания и пресвитерского достоинства; но по милости государя императора Оттона, усилиями которого мы восстановлены на престоле, разрешаем ему сохранить звание дьякона с тем, чтобы он не оставался уже в Риме, но удалился в ссылку, местом которой *назнача*»[1]...

Liber de reb. gest. Ottonis Magni, imperatoris, в 22 главах.

[1] Et non jam Romae, sed in exilium, ad quod *destina*... (вероятно, Папа хотел сказать: destinamus, *назначаем*, и затем следовало название местности). Манускрипт остается прерванным на этом полуслове, но не вследствие того, что он пострадал от времени, как то обыкновенно бывает: мы имеем текст, написанный рукой самого автора, следовательно, автор был прерван чем-нибудь посторонним и более уже не имел случая возвратиться к своему труду.

Одилон

ЖИЗНЬ ИМПЕРАТРИЦЫ св. АДЕЛАИДЫ. 922–999 гг. (около 1040 г.)

Начинается предисловие к жизнеописанию государыни Аделаиды[1]

Владыке Андрею, преподобному аббату, и всей вверенной ему братии, усердно молящимся Господу и Спасителю в предместьи города Павии, брат *Одилон*, ничтожнейший из всех смиренных обитателей монастыря Клюни, желает всякого успеха в настоящей жизни и вечного блаженства!

Послал я вашему братству жизнеописание государыни нашей, благоверной императрицы Аделаиды, хотя и скудно составленное, в той уверенности, что вами беспрестанно воздается честь памяти той, деятельностью и умом которой воздвигнуты стены вашего монастыря, и от щедрых подаяний которой вы существуете. Не с той целью мы повели беседу своей простой и безыскусственной речью о таком высоком предмете, чтобы слова наши считать достаточными для прославления столь высокой добродетели и столь возвышенных достоинств, но чтобы нашим примером вызвать на подобный же труд человека, обладающего гораздо большей ученостью; и пусть речь

[1] Adelheida, Adelegida; см. о ней выше, у Лиутпранда, Antapod. IV, 12, и у Росвиты, выше.

другого, более приличествующая возвышенности нашего предмета, прогремит в ушах всех императриц и королев. Быть может, тогда и те, которым следует брать пример великого от великих и особенно от той, чью жизнь мы описываем, пойдут стезей чести или, по крайней мере, оживят своим попечением домашний быт, как наша государыня в течение многих лет и на обширном пространстве укрепляла общественное благосостояние.

Предисловие окончено.

Начинается поименованная книга.

1. В наши дни[1], когда счастливо держал скипетр Оттон I, всемогущий Бог, податель всякой славы и чести даровал Римской империи (то есть Германии) достохвальное украшение в лице женщины. И близка была к Богу императрица Аделаида; да будет священна и препрославлена память ее, виновницы многих добрых и честных дел. Принимаясь за составление письменного сказания о ней в воспоминание потомству, мы страшимся тяжкого упрека за то, что, несмотря на свои ограниченные способности, решились описывать такое величие и такую добродетель слогом простым и ничтожным. Но если кто обвинит нас по заслугам за отсутствие красот слога или за преждевременность избранного предмета и простоту оборотов речи, тому мы смело можем ответить, что не желание людских похвал руководило нами, а влечение искренней и чистейшей любви. О, читатель, если ты с полным правом отвернешься от меня, не найдя в моем труде признаков высокого таланта, взгляни тогда, по крайней мере, на душевную и телесную красоту той, в честь которой мы взялись за свой труд. Если ждать человека, ода-

[1] Во второй половине X в.

ОДИЛОН, ODILO, 962–1049 гг.; АББАТ КЛЮНИ, ABBAS CLUNIACENSIS, с 993 г. Он принадлежит к числу замечательнейших политических и общественных деятелей XI столетия (см. его биографию, написанную его же учеником). Составленное им жизнеописание Аделаиды имело целью прославить те принципы новой реформы, которая совершилась в X в. в недрах монастыря Клюни, распространилась по всей Европе и подготовила тем всеобщую реформу церкви, исполненную Григорием VII Гильдебрандом, получившим воспитание в правилах клюнийской школы. Монастырь Клюни[1] был основан в 909 г. Берноном, но настоящим его преобразователем был Одо (927–942 гг.), который среди всеобщего падения нравов задумал обновить европейское общество и начал со своего монастыря учреждением в нем строгих правил жизни. Вскоре его правилам подчинились многие монастыри Франции, Бургундии, Италии и Германии; в самом Риме был основан монастырь клюнийской конгрегации S. Paulo fuori le mura, откуда и вышел Григорий VII. Преемники Одо, Эймар (942–954 гг.) и Майоль (954–993 гг.), продолжали его работу, и аббат Клюни к концу X в. сделался верховным владыкой и судьей Западной Европы; императоры, короли и даже папы призывали их к себе для разрешения недоумений, и аббатство аббатств, так назывался монастырь Клюни в X и даже в XI в., можно сказать, одно представляло собой в ту пору действительное правительство Европы при всеобщей деморализации власти. Потому имена тех аббатов в истории европейской образованности занимают более важное место, нежели история королей и пап того времени (*Lorain*. Histoire de l'abbaye de Cluny. Par. 1845 г.); наконец, сам век Гильдебранда был подготовлен клюнийской реформой, а вступление Григория VII на папский престол доставило возможность идеям Одо и Одилона приобрести в первый раз публичную власть. Св. Аделаида как королева Бургундии, Италии и Германии имела большое влияние на повсеместность клюнийской реформы, почему Одилон и посвятил описанию ее жизни свой труд.

[1] В Бургундии, близ Макона, департ. Saône-et-Loire.

ренного таким языком и такой мудростью, чтобы изобразить достойным образом дни этой жены, то пришлось бы вызвать из преисподней оратора Цицерона или призвать с небес бл. Иеронима. Если бы во времена той добродетельной жены жил с нами исполненный святости, несравненный в знании божественных и человеческих наук бл. Иероним, то он, подъявший труд на прославление в книгах и письмах Павлы и Евстохии, Марцеллы и Мелании, Фабиолы и Блезиллы, Лэты и Димитры, и той семь крат прободенной мученицы[1], посвятил бы и во славу ее немалое число книг. Но в наше время нет ни Иеронима, ни другого такого мужа, которого бы познаний в высоких науках было достаточно для изображения жизни и нравов подобной жены, а потому да позволено будет, с Божьей помощью и сообразно с нашими силами, приступить к такому делу нам, людям темным.

2. Происходя из королевского и богобоязненного рода[2], она по Божьему соизволению, в ранней юности, имея едва 16 лет от роду[3], соединилась брачным союзом с королем. А именно, она вступила в супружество с королем Лотарем (931–950 гг.), сыном Гуго (926–947 гг.), могущественного властителя Италии. От этого брака родилась дочь (Эмма), от которой Лотарь, король Франции, имел сына, короля Людовика (V, Ленивого), умершего бездетным, и, как известно, похороненного с другими королями в Компьене. Года три[4] спустя после брака с Аделаидой, Лотарь умер, оставив ее вдовой, лишенной власти и супружеского счастья. Тогда наступили для нее дни тяжелых испытаний, какими очищаются избранные, как золото в огне. Поистине, Господь наслал на нее земные бедствия для того, чтобы не растлилось от преступной любви к мирскому сердце молодой еще вдовицы. Господу угодно было поразить ее таким множеством ударов, чтобы она, по словам апостола Павла (Тимоф. V, 6), как «сластолюбивая вдовица, не умерла заживо». По своей отеческой заботливости, Бог окружил ее всеми опасностями, чтобы сделать ее чадом, достойным Господа, как говорится в Священном Писании (к Евр. XII, 6): «Господь кого любит, того наказывает; и бьет всякого сына, о котором благоволит». Рассуждая с верными своими домочадцами, как много перенесла она в то время тяжких испытаний, и как всеблагий Господь освобождал ее из рук врагов, она всегда благодарила за то Бога. Всегда помнила, что легче перенести временные наказания, чем, живя в наслаждениях, быть осужденной на узы вечной смерти.

3. Как только умер супруг ее, Лотарь (950 г.), итальянской короны начал домогаться некий муж Беренгарий, супруга которого называлась Виллой[1]. Аделаида была постыдным образом захвачена им без всякой вины со своей стороны, предана различным пыткам, лишена волос, неоднократно подвергалась побоям, и наконец ее бросили в темницу с единственной служительницей (20 апреля 951 г.). Особожденная небесным Промыслом, она достигла впоследствии, по Божьему определению, высшей степени могущества. В ту самую ночь (20 августа), когда ей доставили случай уйти из темницы[2], она укрылась в болотах. Там пришлось ей проводить целые дни и ночи без пищи и питья, испрашивая помощи у Бога. В таком положении нашел королеву совершенно неожиданно рыбак, имевший у себя в лодке рыбу, называемую осетром. Увидев женщин, он спросил, кто они такие и чем тут занимаются. Несчастные отвечали ему так, как только могли в своем тяжком положении: «Разве ты не видишь, что мы заблудились и лишены всякой помощи, а что еще хуже, страдаем от одиночества и голода? Если можешь, дай нам какой-нибудь

[1] Женщина из Верчели; ср. Hieron. ep. 49 ad Innocent. Lib. III, ep. VII. Duchesne.

[2] Из рода Вельфов; она была дочь Рудольфа II, короля Бургундии и Италии, и Берты Швабской; см. родословную табл. № 3.

[3] По Лиутпранду (Antapod., IV, 12; см. выше), она вышла замуж в 937 или 938 г., а следовательно, родилась в 921 или 922 г.

[4] Автор или переписчик ошибаются: король Италии Лотарь умер в 950 г., следовательно, не через три, а после тринадцати лет женитьбы на Аделаиде.

[1] Беренгарий II, король Италии с 950 г., маркграф Иврейский, враг Лиутпранда (Antapod., V, 4).

[2] Крепость Гарда. Ср. у Росвиты, выше.

пищи; если же не можешь, то не оставь, по крайней мере, нас безутешными». Движимый состраданием, рыбак отвечал им так же, как и Спаситель, пославший его, говорил некогда голодавшим нищим в пустыне: «У нас нет ничего съестного, кроме рыбы и воды». По обычаю всех занимающихся рыбной ловлей как промыслом, он имел при себе огонь. Развели костер, изготовили рыбу; королева стала кушать, а рыбак и служанка прислуживали.

4. В то самое время явился монах, разделявший с ней заключение в темнице и бегство, с известием, что вблизи находится отряд вооруженных всадников. С большой радостью всадники приняли ее сторону и отвели королеву в неприступную крепость. Впоследствии (962 г.), соизволением Божьим и по приговору итальянских князей, она была вознесена с королевского престола на высоту императорского сана. Из всех императриц она более всех заслужила то, чтобы называться и быть почитаемой императрицей.

Подобных не бывало ей, возвысившей империю;
Жезлу и римскому мечу она успела подчинить
Властителей Германии и царства Итальянского;
Оттон Великий приобрел верховный сан с ее рукой,
А сын ее, Оттон Второй, красою был империи.

5. Относительно благородства ее крови достаточно сказанного выше. Благородства же души ее и тех путей и средств, которыми оно проявлялось, не изобразит в должной мере никто из смертных. Ибо, говоря в коротких словах, сообразно со своими малыми силами:

Твердая верой, надеждой и братской любовью пылая,
Скромная, мудрая, с волей крепкой, правды держася,
Век свой блаженно она прожила, управляя делами
С помощью Господа, властью Его же держимся все мы.

Вполне можно применить к этой святой жене слова премудрого Соломона[1]: «Руки свои отверзает бедному, и длань свою простирает нищему. Не боится муж ее за своих домочадцев, если где ему случится промедлить: у нее все одеты. Она изготовила двойную одежду своему мужу, а сама облечена в виссон и пурпур. Муж ее славен у ворот, когда он воссядет на сонме со старейшинами земли. Она же изготовляет полотно и продает финикийцам, а поясы хананейским купцам. Речь ее обдуманна и законна, и язык знает порядок. Здоровье и красота одевают ее, и ждет ее радость в последние дни. Она следит за всем в доме, и не даром ест хлеб. Наставления ее мудры и правдивы; милостью ее поправились домочадцы и обогатились, а муж похвалил ее. Многие дщери человеческие принесли богатство и доставили силу, но ты преуспела и превознеслась пред всеми».

Все рассказанное нами о ней узнали мы не по слуху, но видели и испытали сами лично; много мы имели с ней душеспасительных бесед, много получили даров от нее. Нуждающихся в деньгах она нередко обогащала, а тех, которые едва могли снискать дневное пропитание, возводила в почести. Сделавшись на украшение миру супругой Оттона Первого и Великого, славнейшего всемирного императора, и на спасение многих матерью царствующего рода, она удостоилась одной благодати с Товией, который, как мы читаем в книге отцов, мог гордиться тем, что видел детей своих даже до третьего рода.

6. После смерти императора Оттона (973 г.) императрица с сыном (Оттоном II) долгое время счастливо управляла Римской империей. Но когда, по воле Промысла, бескорыстными заслугами и трудами императрицы Римская империя была возвеличена, нашлись злые люди, которые посеяли между ними раздор. Обманутый их лестью, император отвратил сердце от своей матери. Если бы начать описывать, как много и как сильно страдала она в то время, то могло бы показаться, что мы покушаемся затемнить славу столь высокого рода; и перо наше не должно пускаться в подробности того, что прекратилось вскоре от сыновнего смирения. Полная любви к своему сыну, она не имела, однако, сил терпеть виновни-

[1] Притчи Соломона, 31, 20–29. Автор для характеристики Аделаиды, по обычаю того времени, заимствует целиком идеал хозяйки дома из еврейской образованности.

ков раздора, и, согласно словам апостола (Римл. XII, 19), сдержала свой гнев и решилась возвратиться на родину (978 г.). Там приняли ее с радостью и всевозможными почестями брат ее Конрад и супруга его Матильда[1]. Горевала об ее отсутствии вся Германия, зато возрадовалась вся Бургундия ее прибытию, ликовали славный город Лион, когда-то бывший колыбелью философии, и Вьеннь, преславная столица короля.

7. Вскоре после того император Оттон (II), побуждаемый угрызениями совести, отправил (980 г.) посольство к своему царственному дяде и к отцу, блаженной памяти, Майолу[2], прося их содействовать всеми силами к скорейшему возвращению расположения матери, утраченного им по своей собственной тяжкой вине. Неоднократно повторял он свои просьбы и мольбы, чтобы они вместе с его матерью поспешили прибыть на свидание с ним в Павию. По совету столь достопочтенных лиц, мать с сыном съехались в назначенный день в Павии[3]. Едва завидев друг друга, с воплями и слезами повергли́сь они оба на землю и со смирением приветствовали друг друга: сын, полный раскаяния и уничижения, мать же – с искренней готовностью простить виновного. С тех пор между ними господствовало ненарушимое, постоянное согласие.

8. Немного спустя после того (983 г.) Аделаида лишилась единственного своего сына, которому наследовал Оттон III, сын гречанки[4]. Она испытала в прежнее время столько ударов судьбы, что едва ли следует упоминать еще о тех несчастьях, которые постигли ее после смерти сына. Хотя упомянутая греческая императрица во многом обнаруживала совершенное расположение к ней, но теща императора нередко причиняла ей огорчения. Наконец, по наущению одного известного грека[5] и других льстецов,

[1] Конрад I, король Бургундский, наследовал своему отцу Рудольфу II, с 937 до 993 г., и был женат на дочери французского короля Людовика IV Заморского, Матильде.

[2] Предшественник автора по управлению Клюни, умерший в 995 г.

[3] Оттон II оставался в Павии до 5 декабря 980 г.

[4] Феофании, дочери Романа II.

[5] Иоанн из Калабрии.

она произнесла однажды следующие слова с угрозой, сопровождая их соответственными движениями рук: «Если я проживу еще год, то Аделаиде на всем свете не останется куска земли больше, чем сколько можно захватить рукой». Такое неосторожное слово вызвало Божеское наказание, а именно, не прошло и 4 недель, как греческая императрица рассталась с этим светом, а пережившая ее императрица Аделаида продолжала наслаждаться своим счастьем. Оплакивая по этому случаю непостоянство судьбы, она не переставала заботиться о Римской империи, нуждавшейся по тогдашним обстоятельствам в ее помощи. Оттон III, сын ее единорожденный, воспитанный в чести и с успехом князьями империи, оказывал ей должное почтение. Вследствие того, заслугами своей бабки и содействием князей он достиг звания римского императора (21 мая 996 г.). Таким образом, императрица Аделаида, с ранней молодости перенеся так много огорчений от чужих и своих, может сказать с пророком: «От юности моей часто преследовали они меня»[1] и т. д. ... Теперь я позволю себе упомянуть о том, что составляло предмет ее забот и в счастье, и в несчастье. А именно, царствуя Божьей милостью с императорами Оттонами, сперва с мужем, потом с сыном и, наконец, с внуком, во многих государствах она повсюду основывала на свой счет монастыри во славу Царя царствующих.

9. В государстве своего отца, благороднейшего короля Рудольфа (III) и своего брата Конрада, на месте, называемом Петерлинген, основала она монастырь в честь Божьей Матери[2]. Там же она похоронила свою мать, королеву Берту, со смирением служившую Богу, и сам монастырь на вечные времена отдала св. отцу Майолу и его преемникам с тем, чтобы устроить его сообразно с ее щедротами и предписаниями короля Конрада. Впоследствии Аделаида начала строить монастырь близ Павии, в Италии, во имя Искупителя мира и окончила его приличным образом и помощью богатых подарков и со-

[1] Псалм.

[2] Петерлинген лежит в Швейцарии, к западу от Фрейбурга.

действия императора; монастырь этот, наделив его обширными землями и многими драгоценностями, она передала тому же отцу Майолу для введения в нем правил устава. По вступлении же на престол вышеупомянутого государя она вместе со своей единственной, отличавшейся необыкновенным умом, дочерью[1], часто посылала подарки в женские монастыри Саксонии.

10. Лет за 12 до своей смерти Аделаида положила основание городу Зельцу[2] и желала даровать ему римскую свободу[3]; впоследствии она вполне достигла своей цели.

На этом же месте построила она и монастырь, освященный с большой торжественностью и благоговением страсбургским епископом Видеральдом, во славу Бога и князя апостолов, 19 ноября в присутствии ее внука, императора Оттона III. А чтобы освященное место пользовалось еще большим почетом на будущее время, бабка императора, упомянутая нами и достойная упоминовения, императрица Аделаида, созвала туда собор епископов. Сам же монастырь снабдила достаточными средствами для приличного существования монахов и предписала ввести в нем устав св. Бенедикта. Аббатом же поставила некоего Экцемагнуса, человека с безупречным поведением, отличавшегося глубоким знанием светских и духовных наук, наставлениями которого по части Священного Писания пользовалась она сама. Монастырь она наделила землей, постройками, золотом, драгоценными камнями, дорогими ризами и многими другими украшениями в таком изобилии, что служителям алтаря не было ни в чем недостатка. В течение последних четырех лет своей жизни она посвятила своему Создателю себя и свое имущество, снискивая любовь меньшей братии и нищих во Христе, дабы, оставив земное убежище, молитвами их быть принятой в обитель вечную.

11. Будучи призываема к высшим государственным занятиям, вследствие затруднительности дел, она не пренебрегала помогать бедным и нуждающимся в случае несчастья. Имея возможность украшать себя великолепной одеждой и свою голову драгоценными камнями, прилично императорскому сану, она не хотела обременять себя этими излишними предметами, предпочитая украшать ими Крест Спасителя и Евангелие Христово и помогать бедным. Таким образом она подражала нашему Искупителю, который, будучи высочайшим из всего высокого, не пренебрег принять на себя ничтожную человеческую природу. Кроме того, часто оказывала она благодеяния многим монастырям, находящимся в различных землях, дабы служители Божии, обеспеченные ее щедростью, с чистым сердцем могли молить Бога о помощи ей достигнуть Царства Небесного.

12. Во всех делах соблюдала она строгую справедливость и всем одинаковую оказывала щедрость, вполне веруя, что придет судить Тот, для которого нет ничего скрытого и который не терпит зла и радуется о добродетели. Правдивостью возвысила себя, щедростью приобрела общую любовь и все подвиги милосердия, согласно учению апостола, совершала для Христа, в полном убеждении, что вера есть основание всех добродетелей. В делах же милосердия была так великодушна, что скрывала их настолько, насколько могла, и всего охотнее приходила на помощь несчастью втайне, заботясь о награде из уст нищенствующих во Христе, а не о мирской молве. Таким образом, на ней исполнилось то, о чем говорит Иов[1]: «Благословение погибающего да низойдет на меня». Всеми мерами старалась исполнить заповедь пророка: «Ради заповеди помоги нищему, и в нужде не отпускай его от себя ни с чем»[2], чтобы, заботясь о живущих на земле, заслужить вечное наследие на небесах.

---

[1] Матильда, настоятельница Кведлинбургского монастыря, 968 г.

[2] Зельц, в Эльзасе.

[3] Из грамоты видно, что это место было Оттоном III и Генрихом II изъято из-под королевской власти (immunitas), а Иоанном освобождено от епископского суда и отдано под управление Римской церкви «не в виде дара, а ради большей свободы». Под римской свободой следует понимать неподсудность королевской власти.

[1] Иов, 29, 13.

[2] Иисус Сирах, 29, 12.

13. В последний год своей жизни (998), предвидя, как я полагаю, близкую кончину свою, она, по неизменной любви к миру, для дел мира и любви отправилась на родину и старалась, насколько могла, примирить враждовавших между собой вассалов племянника своего, короля Рудольфа (III, 993–1032 гг.), предоставляя, по своим правилам, Божьей воле то, в чем она не успевала. Наконец, с какой ревностью, с каким благоговением посещала она святые места, невозможно того и выразить. Так, посетила она Петерлингенский монастырь, построенный ею, частью из своих собственных средств, частью из материнского имущества, в честь Богоматери и во спасение души покоившейся там ее родительницы, и, по обычаю своему, щедро одарила братию, служащую в нем Господу, тем, в чем нуждалась она для своего земного существования.

14. При этом совершилось чудо, о котором я должен упомянуть в этой книге. Императрица, утомленная путешествием, не могла собственноручно раздавать милостыню по своему обыкновению; вместо себя она поручила разделить деньги между нищими одному из братии. Согласно ее приказанию, он начал раздачу. Оказалось, что число нуждающихся превышало число монет, и раздававший стал бояться, что не хватит для всех просящих. Но зачем говорить много?

Сила чудесного в Нем выражала безмерность
заслуги:
Пять было хлебов довольно, чтобы тысяче дать
пропитанье.

Число монет увеличилось само собой, и все нищие разошлись радостно, получив свою долю.

15. Отсюда отправилась она к св. Маврикию[1], где находится та священная скала, которая скрывает в себе тысячи мучеников. С какой набожностью, с каким благоговением просила она предстательства великого мученика Маврикия и с ним пострадавших! Сколько вылетело из ее груди стонов, сколько было пролито слез! И нет таких

[1] Ныне St. Maurice, в Швейцарском кантоне Валэ.

Оттон II и его супруга Феофано, благословляемые Христом. Париж. Музей Клюни

грехов, полагаю, которые бы в то время не были ей прощены навеки.

Наружность королевы внушала более уважения, нежели наружность иного мужчины; если говорила она, казалось, слышались слова пророка: «Пролью пред Ним моление мое и печаль мою пред Ним возвещу»[1]. Сколько жалости, сколько сострадания, полного любви, было у нее ко всем тем, которые уклонялись от заповедей Божьих! Она могла сказать с пророком: «Я истратила силы для грешников», и с апостолом Павлом: «Кто немощен, с которым бы и я не чувствовал немощи?»[2] Она так оплаки-

[1] Псал. 142, 3.
[2] 2 Коринф., 11, 29.

вала чужие проступки, как едва ли кто-нибудь станет оплакивать свое собственное заблуждение. С радостью вспоминала о достоинстве и счастье прошедшего, ежедневно скорбела о недостатках настоящего и в особенности будущего времени. Относительно будущего, я утверждаю с полным убеждением, что она обладала даром пророчества. Мое убеждение могло бы показаться недостаточным, если бы оно не подтверждалось всеобщим признанием.

16. Вот пример: в то время, как она, уезжая из того святого места, молилась в углу храма, явился к ней из Италии посланный с известием, от вормского епископа Франко в Риме. Высокая повелительница очень любила епископа, пользовавшегося доброй славой, как любила всех добрых людей. Узнав о его смерти, она подозвала одного из слуг своих, со смирением просила его помолиться за усопшего и вещим голосом произнесла следующие слова: «Боже, что мне делать, что сказать о нашем государе, моем внуке? Полагаю, что многие погибнут с ним в Италии, и за ними умрет и великодушный Оттон (III), а я останусь одна несчастная без всякого утешения. О, Господи, предвечный Царь! Не дай мне пережить этой ужасной потери!» Вслед затем видели, как она распростерлась на полу всем телом, так что, казалось, душа ее отлетает к небесам, и, как будто ища следов мученика Маврикия, она покрывала пол слезами и поцелуями. Но поднявшись после молитвы, Аделаида принесла дары мученикам и раздала милостыню нищим.

17. Оттуда она отправилась в Женеву посетить св. мощи победоносного мученика Виктора, а потом в Лозанну, где с благоговением почтила память Богоматери. В тех местах встретил ее с подобающей почестью король, внук ее, с епископами. Она продолжала далее свой путь к местечку Орбе, где пробыла несколько времени, снабжая всем необходимым нищих и злосчастных, приходивших к ней. Занявшись вместе с королем и князьями рассмотрением вопросов, касавшихся отечества, упрочения мира и нравственности, она посылала оттуда в святые места много даров различного рода. И где же найдется церковь или монастырь, известный ей, по близости своего положения или вследствие родственных ее отношений, в который бы не были отправлены или доставлены ею лично, приношения? Из числа многих примеров я укажу только на некоторые; в то самое время, когда приближались уже последние дни ее жизни, она одарила св. отца Бенедикта вещами, хотя не дорогими, но ценными по своему значению, равно как блаженной памяти, украшенного уже венцом небесным, отца Майола, которого в течение всей его жизни она любила более всех из его звания. Не забыла и столь близкий к ней Клюнийский монастырь. На возобновление монастыря Исповедника Христова, блаженного Мартина[1], опустошенного незадолго до того пожаром[2], послала немалую сумму денег, а для украшения алтаря кусок от мантии своего сына императора Оттона.

18. Нельзя забыть тех полных любви слов, сказанных ею, между прочим, посланному с вышеозначенными подарками: «Прошу тебя, мой дорогой, скажи св. отцу следующее: “О, пастырь Божий, прими снисходительно сии ничтожные дары, посылаемые тебе грешницей Аделаидой, супругой раба Божия и Божией милостью императрицей. Прими также и частицу мантии моего императора Оттона, и принеси за него молитвы к тому, с которым ты разделил свое одеяние и которого одел ты в лице бедных – Христу Спасителю”». В тот же день и час, оставляя вышеозначенное место, в присутствии нас грешных она представила пример совершенного смирения, и не из тщеславия, а с полным уничижением показала нам, что обладает даром пророчества.

19. Там во время ее пребывания находился монах[3], который, если и не был достоин звания аббата, пользовался, однако, у нее некоторым почетом. Встретившись друг с другом, монах и императрица заплакали горькими слезами. По моему суждению, она делала больше, нежели исцеление многих больных, а именно: полная смирения, она вытирала свои святые глаза гру-

[1] В Туре.

[2] 25 июля 997 г.

[3] Сам Одилон.

бым платьем, в которое была одета, прижимала его к своему благородному лицу, покрывая поцелуями, и со смирением говорила самым обыкновенным голосом: «О, сын мой, поминай меня в своих молитвах и знай, что в жизни я не увижу тебя более. Оставляя этот свет, поручаю свою душу молитвам братии». Отсюда отправилась она тем же путем, которым прибыла, к тому месту, где, по указанию Божьему, желала приготовить себе гробницу.

20. В самом конце своей жизни она совершенно отрешилась от земных забот, дабы на свободе отдаться божественным размышлениям. Даже и домашними делами занималась неохотно. Будучи долгое время ревностной последовательницей Леи и Марфы в их достохвальной деятельности, она желала теперь идти путем достойным Рахили и Марии. Углубленная в чтение, неутомимая в молитве, она уразумела ничтожество земного и всей душой стремилась к небесному. Если кто-нибудь беспокоил ее земными делами, она не давала никакого ответа, но в сердце своем с печалью повторяла слова апостола: «Бедный я человек: кто избавит меня от сего тела смерти?»[1] И вполне надеясь на божественное вознаграждение, говорила: «Благодарение Богу о Иисусе Христе». Руководимая небесным указанием, она прибыла в то место, где должна была отдать последний вздох своему Господу. Тогда наступил именно тот день, в который, памятуя ее сына императора Оттона, творили ежегодное поминовение. По обыкновению собрались туда толпы нищих из окрестности.

21. Аделаида имела обычай в дни годовщины своих друзей и своих домочадцев приносить дары их небесным защитникам, а именно – подавать милостыню нищим во Христе, и вследствие такого-то обычая собралось туда множество нищих. К ним вышла она сама и, не сомневаясь, по примеру патриарха Авраама, что среди их присутствует Господь, молилась с полным смирением, несмотря даже на то, что труд превышал ослабевшие ее силы, дарила некоторых собственноручно, а тем, которые казались более нуждающимися, приказала выдать платье и другие безделицы. По окончании этого духовного дела один из достопочтенных архиепископов[1], по ее желанию, отслужил обедню. В ту самую ночь приключился с ней лихорадочный припадок, и она, слабея с каждым днем, приближалась к смерти. Несмотря, однако, на то, Аделаида продолжала, сколько было сил, заниматься молитвой и не хотела отвращать своего взора от Спасителя на какой-либо другой предмет. Собравшись несколько с физическими силами, она настоятельно потребовала духовного врачевания. По совершении таинства миропомазания со смирением и истинным благоговением причастилась тела Господа нашего, на которого всегда возлагала свои надежды и основывала свою веру. Укрепленная причастием тела Христова, она заставила бывших при ней князей и лиц духовных петь, по обычаю церкви, псалмы покаяния и призывать имена святых.

Потом присоединила свой голос к поющим, молилась с молившимися и взывала к Господу о милости. Она не умела, подобно сестре Моисея, прославлять Господа в звуках органа и хорного пения и, подобно Давиду, воспевать Его на струнах и арфе; но она уже понимала, вместе с последователями Агнца, восхитительные звуки кимвала и исполнилась великой радостью.

22. В то время приближался тысячный год от Р. Х.; полная желания узреть в обители Царя небесного такой день, за которым не следует ночь, она часто говорила с Апостолом[2]: «Имею желание разрешиться и быть с Христом». Она и не дождалась в этой жизни праздника Рождества Христова и, тихо отрешившись от телесных уз, когда наступил 16-й день счастливого декабря, вознеслась к чистому свету чистейшего эфира.

Своим домочадцам она оказывала самое дружественное обхождение, чужим – полное достоинства приличие, бедным – неутомимое сострадание, украшению храмов Господних – щедрую помощь, добрым – постоянное благоволение, злым – справедливую строгость, а в своих желаниях – воздержа-

[1] Римл., 7, 24.

[1] Виллигис Майнцский.
[2] Филиппийцам, 1, 23.

ние, в одеянии – почти нищенскую простоту, в чтении и молитвах, во всенощных бдениях и постах – неутомимость, в раздаче милостыни – неизменную щедрость. Никогда не гордилась она своим происхождением. Никогда не домогалась человеческих похвал тому добросердечию, которым одарил ее Господь. Никогда не вознеслась ниспосланными ей Богом добродетелями и избегала ошибок, чтобы не раскаиваться потом; никогда не увлекалась ни почестями, ни богатством, ни удовольствиями света, но во всех случаях руководствовалась матерью всех добродетелей – умеренностью. Она обладала непоколебимой твердостью в вере, крепкой уверенностью в надежде и чистой любовью к Богу и ближним – этим корнем всех благ и источником добродетелей. Как высока и прекрасна была ее жизнь, возвестил сам Господь силой чудес на ее гробе. Для описания их потребовалась бы особая книга; в нашем же сочинении представить того невозможно. Однако, чтобы не покрыть такого дела совершенным молчанием, я упомяну об этих чудесах вообще.

23. На ее гробе слепым возвращалось потерянное зрение, разбитым параличом – употребление членов, страдающим лихорадкой – выздоровление. Многие больные исцелились тогда благодатью и милосердием Господа нашего Иисуса Христа.

Vita s. Adalgeidae imperatricis. У *Pertz.* Mon. IV, 636–645.

Руотгер

ЖИЗНЬ св. БРУНО, АРХИЕПИСКОПА КЁЛЬНСКОГО . 928–965 гг. (в 966 г.)

Предисловие автора биографии

Милостью Христа блаженному и в полном блеске премудрости светлейшему архиепископу Фолькмару[1], своему господину, последний из его слуг, *Руотгер*, желает славы вековечной! Вы, достопочтенный и святейший господин, возложили на меня тяжкое, но сладкое бремя, а именно: написать, как сумею, жизнь великодушного и вызывающего удивление архиепископа Бруно. Хотя он своими добродетелями заслужил славу, которой мое слабое перо не в состоянии описать по достоинству, но тем не менее для меня было величайшим наслаждением осмелиться говорить о жизни великого человека, ибо на то я получил от вас приказание. В начале своей жизни Бруно обнаружил такие качества души, что, казалось, он родился не для того, чтобы жить для себя, но был сотворен единственно для спасения и блага людей. Какое бесчисленное множество знаем мы его подвигов, заслуживающих вечного воспоминания. Но пусть читатель не ожидает, чтобы я или кто

[1] Фолькмар наследовал Бруно, после его смерти в 965 г., а сам умер в 967 г.

РУОТГЕР (RUOTGERUS, или ROTGHERUS). Он был монахом бенедиктинского ордена в кёльнском монастыре св. Панталеона, жил в одно время с Бруно и писал биографию этого архиепископа год спустя после его смерти, в 966 г. Этот труд служит весьма важным дополнением хроник Лиутпранда, Видукинда и Титмара по роли, которую играл в эпоху Оттона Великого его брат Бруно. Он служил ему нравственной опорой в то смутное время, когда одной материальной силы было недостаточно для общественной реформы, и наш биограф, несмотря на всю риторическую форму своих выражений, достаточно указывает на заслуги, которые оказал Бруно веку Оттона Великого. Издания: *Pertz.* Monum. Germ., IV, 257–275. Переводы: нем. Jasmund (Berl. 1851) в Geschichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 14. Исследования: *Pieler.* Erzbischof Bruno I von Köln. Arnsberg. 1851.

другой был в состоянии справиться с таким огромным материалом; если бы кто захотел на деле исполнить подобное предприятие во всем объеме и сообразно с истиной, то ему пришлось бы написать целые книги о каждом отдельном годе. Я думаю, что нужно было бы заняться многим и во многих местах, чтобы передать грядущим поколениям воспоминания о его деятельности или устно, или письменно, ибо его влияние не ограничивалось одной какой-нибудь провинцией или одним каким-нибудь государством: куда бы он ни являлся, везде его кротость, труд и ревность направлялись на благо и успех человечества. Многие между нами могли бы представить о том громкое и красноречивое свидетельство, и если иные не обладают литературными дарованиями, то во многих местах науки и искусства, поддерживаемые учениками Бруно, служат ему живыми памятниками и достигли такого процветания, что те мужи могли бы не только рассказать о величайших и знаменитейших его деяниях, но и украсить свою речь. Как много знаем мы учеников этого великого человека, достигших звания епископа, как многие из них прославились примерным исполнением обязанностей своего духовного призвания! Все они пользовались особенным его доверием и могли бы прославить более совершенно жизнь своего наставника великим памятником бытописания. Но, о, мой высокий владыко, кто же такой я, осмелившийся отвечать на твое желание?! Впрочем, я сделал свое дело, как умел, не питая особенного доверия к своим силам, но следуя беспрекословно чувству повиновения. И если для меня было невозможно достигнуть предназначенной цели, зато я старался почтить и оценить ваше приказание во всей его важности и, позабыв недостаточность своих сил, проникся к вам всем духом. Вследствие того, я прибегаю к щедротам вашей милости, прося заместить отсутствие в моем труде лоска и ораторских украшений мыслью, что я пишу жизнь того мужа, которого вы любили несказанно за его добродетели. Всемогущий Бог да сохранит вас к нашему благу невредимым и благополучным на долгое время.

Жизнь архиепископа Бруно начинается

1. Дело мудрого, без сомнения, состоит в том, чтобы знать, откуда происходят те дары, которыми мы наделены, но да не подумает кто-нибудь, что они имеют свой источник в нас самих или сообщены Божеством по нашему праву и заслугам. Потому что на вопрос: «Что принадлежит нам по праву?», мы должны отвечать: быть наказанными; но Божеское милосердие действовало предвечно, чтобы доставить людям благодать на благодать; и если человек приобрел что-нибудь, то потому, что Бог так восхотел, а не потому, что человек заслуживал того; «ибо,– говорит апостол,– что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что же хвалишься, как будто не получил?» Но по необъяснимому предопределению божественной благодати, избранники Божии наделены драгоценными и богатыми дарами этой благодати, но так, что они по ней заслуживают, до известной степени, то, чем они наделены; один наделен более, другой менее, но повсюду находится тот же дух, который действует во всех, сообщаясь каждому по мере его возможности. Только своего единородного сына наделил Бог не по мере своей воли, «ибо в нем,– как говорит апостол,– обитает вся полнота божества телесно»; своих же членов одаряет он по вместимости каждого; он дает им все для пользования, все, то есть самого себя, ибо «Бог есть все во всем». Эти различные величины и то разнообразное распределение даров составляют в высшей степени замечательный вопрос, как тот дом Божий, прекрасный в своей славе и богато разукрашенный, со временем явится, и о котором сказано: «Это твой святой храм, дивный в своей гармонии».

2. Еще недавно многие могли смотреть на достопочтенного кёльнского епископа Бруно блаженной памяти, и мудрые узнавали легко, что прославляет этого мужа и ставит его выше братьев. В нем соединялись два рода качеств: благородство происхождения, высокое звание, изумительное богатство познаний, которые обыкновенно делают человека заносчивым, вместе с такой

кротостью сердца и смиренной внешностью, что можно было подумать: нет никого, кто был бы ниже его. Все, что служит расточительной и роскошной жизни, находилось в его распоряжении, но он тщательно и неуклонно старался об устранении всего того от себя. Одним он был для внешнего ока людей, другое находил в нем тот, кто искал его сердцем. Впрочем, я думаю, для назидания многих будет достаточно, если мы при описании жизни Бруно начнем прямо с его детских лет: уже и в них бедные и уничиженные найдут для себя утешение и отраду, а знатные и богатые – серьезный урок и предостережение. Его предки, как только помнят люди, принадлежали к благороднейшим мужам в народе[1]; нет никого в его роде, который был бы обесславлен или обесчещен; но Бруно превзошел всех, исключая преславных императоров и королей, приятностью нравов, славой в науках и искусствах и другими всякого рода нравственными преимуществами. Он родился в то время, когда его отец, преславный король Генрих (I) смирил диких варваров (венгров), уничтожил опасности внутренней войны, начал с величайшим рвением дело восстановления государства из его развалин и стал править ему преданным народом с мечом правды в руках и в твердом, счастливом мире. Таким образом, время его рождения было само по себе предзнаменованием тех благ, того благоденствия и благословения, которые он впоследствии утвердил[2]. Стремясь всей душой ко всему доброму, он желал прежде всего мира, как основы и опоры всякой добродетели, мира, который, как ему было известно, вызывает и обусловливает всякое благо. Действительно, спокойные времена необходимы человеку для упражнения и укрепления себя в добродетели, чтобы он в минуту тревоги и борьбы мог обнаружить силу и твердость.

[1] Наш автор не останавливается на родословной Бруно и только напоминает своим современникам то, что им было известно. Вот родословная, связывающая Бруно с фамилией Карла Великого и его знаменитого соперника Видукинда, герцога саксов:

Видукинд — Вигберт — Вальберт — Теодрих — Матильда супруга Генриха I, короля

Людольф, герцог Саксонский — Оттон Светлейший — Матильда супруга Генриха I, короля

Карл Великий — Людовик Благочестивый — Гизела, супруг Эбергард — Гадувика; Беренгарий I, король Италии

Матильда супруга Генриха I, короля — Оттон I, император; **Бруно**, архиепископ Кёльнский

[2] Судя по этим словам автора, Бруно родился около 928 г.

В главе 3 автор изображает в самых сжатых чертах картину бедственного положения Германии при Генрихе I и его торжество над внутренними и внешними врагами к началу 30-х гг. X столетия.

4. Около этого времени (то есть в 931 или 932 г.) благородное королевское детище (то есть Бруно) достигло почти 4 лет и для первого обучения было вручено достопочтенному епископу Утрехтскому Бальдрику, который здравствует и по настоящее время (то есть в 966 г.). В то время, когда Бруно, находясь в таких хороших руках, делал утешительные успехи, ярость норманнов, как бы смиренная его обаянием, притихла, и церкви, и прочие здания, от которых едва виднелись печальные развалины, могли быть снова отстроены. Таким образом, ни одна эпоха его жизни не прошла без благословения и пользы для святой церкви. Ибо хотя и без его ведома и содействия, но, тем не менее, через него и его ради христианский народ, освобожденный от врагов, возносит теперь хвалы Богу. Изучив зачатки грамматики, Бруно начал читать под руководством своего наставника произведения поэта Пруденция[1]; мы слышали о том от него самого, как он часто любил то рассказывать для прославления Господа. Этот поэт, католический и по вере, и по стремлениям, отличается любовью к истине и силой языка, приятен по форме и богат по содержанию; он наполнил сердце ребенка такой радостью, что этот не только усвоил себе слово в слово его произведения, но и постиг их глубокий смысл, так сказать, чистейший духовный нектар, которым они пропитаны. Впоследствии нелегко было указать на какое-нибудь ученое произведение римлян или греков, какого бы оно рода

[1] Христианский поэт конца IV в., родом из Испании.

ни было, которое бы он не изучил при живости своего духа и неутомимости стремлений. И ни громадность его богатств, ни громкие и беспокойные тревоги общественной жизни или какие-нибудь другие препятствия не были в состоянии отвлечь Бруно от таких благородных занятий. Его ревностные помыслы и беспрерывные научные труды свидетельствовали о ясности его духа; действительно, духовная деятельность и серьезные работы обратились для него в привычку, как о том сказано: «Уже и ребенок дает знать о себе своими занятиями, будет ли он благочестив и праведен»[1]. Как в отношении самого себя он не допускал, чтобы распущенность и легкомыслие других ослабляли его ревность, или пустая беседа направляла его на худое, так и в отношении книг, изученных им, он не мог терпеть, чтобы в них делались перемены без смысла и толку, чтобы они были произвольно исправляемы, и чтобы вообще с ними обращались легкомысленно; он думал, что ни в чем не нужно быть небрежным, как сказал и Соломон: «Кто о малом небрежен, тот падает мало-помалу».

5. Когда умер отец Бруно (король Генрих I), укрепив и умиротворив свое государство (2 июля 936 г.), управление перешло в руки Оттона (I), старшего сына, сильного благословением Господним и помазанного елеем радости, по воле и согласию князей, в сто восемьдесят восьмой лустр (lustrum – период 5 лет), 63 индиктиона от Рождества Господа нашего Иисуса Христа[2]; это был муж, которому Дух Божий вложил дары истины и веры. Описать великие качества этого императора было бы слишком большой задачей, под тяжестью которой я мог бы пасть. Ибо слава его и хвала превысили бы силу красноречия самого Цицерона. Оттон вызвал своего брата Бруно, уже посвятившего себя Богу и в то время еще юношу, для занятия почетного и ему подобавшего места из уединенной школы ко двору, который можно сравнить с зеркалом: при нем, как в зеркале, все то, что свет оставляет без внимания, является чище и лучше от светоча науки, ибо туда со всех сторон стекаются все имеющие какое-нибудь значение; преследуемые завистью и клеветой находят там верное убежище. Там сияют образцы мудрости, благочестия и правды, какие когда-либо встречались на памяти людей. Те, которые прежде даже казались чрезвычайно учеными, при дворе Оттона покрывались стыдом и чувствовали необходимость начать учение с азбуки, и тем самым как бы говорили: «Наконец-то мы будем иметь дело с истиной». У кого несмело бьется сердце в груди, тот со страхом и трепетом держит себя в отдалении от этого верховного судилища науки. Сам Господь наполнил Бруно, этот свой сосуд, духом истины и разума. Но Бруно не довольствовался тем, чтобы собрать в сокровищницу своего сердца только то, что может быть легко приобретаемо; нет, он привлекал к себе издалека все, что вызывало изумление и казалось чудом; если какой-нибудь историк, оратор, поэт и философ создавали что нового и великого, он исследовал то тщательно вместе со знатоками того или другого языка; если кто-нибудь при помощи своего быстрого, ловкого и всеобъемлющего духа выступал вперед, как учитель, Бруно со всем смирением спешил сделаться его учеником.

6. Часто случалось ему сидеть между ученейшими знатоками греческих и римских древностей, когда они вели беседу о возвышенности философии и полной выработке отдельных вопросов, которые она охватывает; и Бруно являлся среди них ученым посредником, представляя спорящим сторонам примирительные мнения, вызывавшие одобрение всех, кто присутствовал, хотя он сам вовсе того не искал. Славу для него заменял голос собственной совести, и он переносил, не оскорбляясь, всякое противоречие себе и осуждающий отзыв. Все это часто замечал верный глаз Оттона, величайшего из земных королей, который в этом отношении никогда не ошибался; между тем как Оттон укрепил своей силой и мудростью внешнюю сторону государства, Бруно облекал с тем же великолепием и блеском его внутреннюю жизнь. И видел все это сам Господь Бог, который в своем ми-

[1] Притчи Соломона, 20, 11.

[2] Эти два определения времени охватывают 935–940 и 930–934 годы.

лосердии блюдет за дарами, которыми наделяет; ибо иначе как мог бы Бруно, при своем высоком положении, устранить от себя всякое высокомерие, если бы этот благочестивый муж не пользовался помощью самого Господа Бога.

7. Епископ Израил Скотигена, учитель Бруно, у которого, по его собственному признанию, он всего более научился, на вопрос о достоинствах Бруно отвечал, что он был поистине святым мужем. Вот достохвальный и справедливый отзыв учителя о своем ученике! Греки, которые были также его наставниками, приходили в изумление от ясности его ума; они рассказывали чудеса о его способностях своим согражданам, страсть которых в прежнее время была направлена только на то, «что они говорили или слушали что-нибудь новое»[1].

8. Как часто у него проходил весь день за приемом просьб угнетенных, за утешением опечаленных и помощью бедным; и вообще его деятельность повсюду была такова, что несчастные смотрели на него, как на свое прибежище. Оттого и происходило то, что даже и в часы досуга никто не был так занят делом, как Бруно, и среди дел он никогда не оставался без досужной минуты. Он занимался работой до поздней ночи и все, что имело какое-нибудь достоинство, приказывал отмечать. Латинским языком Бруно не только владел в большом совершенстве, но даже мог исправлять его у других. Впрочем, подобные замечания он не делал никогда сердито и ворча, напротив, с веселой шуткой и приятным образом. После обеда, когда другие имеют обычай несколько отдыхать, он занимался ревностно чтением и размышлением. Утренние часы дня не дозволял ничем нарушать и не терял их на сон; любил читать с важностью и спокойствием те шутки и мимические игры, которые, будучи представляемы многими лицами в комедиях и трагедиях, возбуждают сильный смех: содержание их он ни во что не ставил, но ценил в них хороший и изящный язык. Его рабочая комната, если можно так выразиться, была назначена для прогулки: ибо

[1] Деян. Апост. 17, 21.

хотя его дух всегда пребывал в покое и невозмутимом мире, но зато тело его нуждалось постоянно в движении. Повсюду, на походе и в палатке, возил он с собой свою библиотеку, как кивот завета, и был снабжен источниками и средствами для своих работ: источники – в Священном Писании, средства – в языческих произведениях. Его можно было сравнить с тем хозяином, «который выносит из сокровищницы своей новое и старое»[1]. Даже во время путешествия он не оставался без деятельности и среди деловой тревоги и суеты людей умел быть в уединении.

9. На божественной службе он был строг и ревностен; его молитва – коротка, но ясна. С теми, с кем вместе жил, он был приветлив и предупредителен, между тем как душа его была занята чем-нибудь другим. Ничто не могло бы иначе сделать его столь любимым всеми и доставить ему возможность направить столь многих на добро. Если какой-нибудь пастырь церкви или вообще хороший писатель того времени создал что-нибудь великое в богословии, то всякий представлял ему труд, как единственному человеку, который мог дать ход ему и доставить поддержку; и никто не надеялся на самого себя и на свои силы, если не был уверен, что Бруно станет с ним рядом, как союзник в борьбе за божественную правду. Служитель Божий имел во всяком деле удачу, что бы он ни начал; народную молву ни во что ни ставил; для него было ясно не только то, что совершалось на глазах, но и отдаленное будущее. Так, однажды, увидев своего брата, носившего имя отца (Генриха Баварского) и Куно[2], вступившего в родство с королевским домом, как они часто вели тайные разговоры, особенно во время службы, он пророчески сказал: «Какой злой враждой разрешится эта дружба, заключенная на погибель». И впоследствии события оправдали такие слова.

[1] Матф. 13. 52.

[2] Куно, или Конрад Красный, граф в округе Вормса, Шпейера и долины Наэ (Nahe), был назначен по воле Оттона I преемником умершего герцога Лотарингии Оттона в 944 г.; он был женат на Лиутгарде, дочери Оттона I; см. о нем выше, у Росвиты.

10. Управление отдельными монастырями было первой духовной обязанностью, возложенной на Бруно еще в его юности[1]; на основании надлежащих правил церкви он сумел побудить монахов, отчасти силой, отчасти с доброй волей, жить по правилам ордена. С согласия императора Бруно дал местам, посвященным Богу, их древние льготы и права, не извлекая из того никаких выгод ни для себя, ни для приближенных, если только сами монахи, побуждаемые любовью, не приносили ему каких-нибудь подарков. Так, видим мы в Лорше[3], одаренном королевскими щедротами, право свободного выбора и многие другие благочестивые воспоминания, служащие памятником того великого мужа. Но между тем как он, если можно так выразиться, шел гигантскими шагами от одной добродетели к другой, и куда бы ни ступал, повсюду приводил в исполнение волю Божию, в церкви Божией поднялась буря раздора, которая, я полагаю, должна была таиться в сердце отдельных стражей, стоявших пред вратами Божьего дома (953 г.). И случилось так, что некоторые единомышленники дьявола, побуждаемые духом зависти, возымели намерение умертвить императора (Оттона I), в котором заключено спасение всего народа и который служит *светом* земли. Почему их злое намерение не исполнилось, о том говорит евангелист: «Кто замышляет злое, тот боится *света*». По милости Божией замыслы адского змия не удались, но злодеи распространяли яд свой мерзости по всем концам государства. Хотя это обстоятельство угрожало повести за собой падение законов и погибель народа от грабежа и убийств повсюду, но нигде зло не свирепствовало ужаснее, как в восточных странах. Там и князья, привыкшие к своеволию и хищничеству, и народ, жаждавший мятежа, – все ждет взрыва внутренних междоусобий, чтобы обогатиться на счет других.

11. В то время (9 июля 953 г.) был отозван от земли и приобщен к бесплотным духам пастырь св. Кёльнской церкви Винфрид, уже давно ослабевший телом, но всегда верно преданный императору и отчизне. Народ, лишенный своего вождя, несмотря на свое замешательство, не принял никакого участия в восстании и, следуя внушениям дворянства и всего духовенства, избрал в утешение себе Бруно, мужа испытанного, благородного и великодушного. Бруно при всей своей юности отличался справедливым характером и был, несмотря на свое высокое и блестящее положение, смиренномудр и добросердечен. В глубине премудрости, дарованной ему, он не стремился знать больше, сколько необходимо, но заботился о том, чтобы знать и вместе с кротостью верить; при своих царских богатствах он был скуп на себя и щедр для друзей. При избрании его отличился в особенности епископ Готфрид; впрочем, трудно сказать, кто кого предупреждал при подаче голосов. Только одно то обстоятельство держало их между страхом и надеждой, что, сравнивая достоинство звания с громкой славой избираемого, они могли опасаться предложить ему что-нибудь не вполне достойное его высокого положения. И действительно, если есть во всей империи какой-нибудь епископский престол, могущественный и славный своим духовенством, народом, церквами и другими качествами, то это именно кёльнский престол, единственно достойный подобного пастыря.

12. Когда все сходили посмотреть еще непогребенное тело умершего блаженной памяти архиепископа и по обычаю выставленного для лицезрения, четыре лучших члена святой коллегии и четыре мирянина, все отличные и по нраву, и по образованию, были избраны в один голос и одну во Христе мысль, с тем, чтобы они известили о всем случившемся при дворе и, сообщив о последовавшем за печальной потерей избрании, умоляли об избранной уже утехе осиротевшей паствы. И – благодарение Господу Богу – императорскому величеству было благоугодно воспринять на себя заботы соответственно времени и месту и немедленно отправить на защиту покинутого стада гостя, о котором умоляли с такой настойчивостью. Так, наконец, выступил Бруно из

[1] В памятниках имя Бруно как архикапеллана встречается в первый раз в 940 г.

[2] На правом берегу Рейна, к северо-востоку от Вормса.

лагеря земной власти в скинию небесного властителя для борьбы с врагами духа силой науки и многоиспытанной добродетели – этими орудиями веры. Его новые спутники скоро узнали от него, что он одобряет и что его страшит. Бруно во всем обнаруживал приветливость и кротость, и хотя ничего не ускользало от его проницательности, но тем не менее он расспрашивал в точности о своих будущих обязанностях и привычках жизни, которые ему надлежит принять. Держал себя с достоинством и вместе радушно; таким образом, он являлся перед толпами, стекавшимися отовсюду, важным, но в то же время приветливым, и производил на всех удивительное впечатление.

13. Наконец все прибыли к святому престолу, который еще прежде времен был назначен этому благочестивому правителю, и Бог вручил ему этот престол вовремя. Народ теснился отовсюду, и на улицах произошло страшное движение; из монастырей собралось духовенство, во множестве стекались монахини; все сословия, оба пола принимали участие в этой великой радости. Ликующая церковь в этот торжественный день отлучала от груди своего вскормленника, сосавшего ее сосцы до того времени; теперь он вырос в благодати и сам сделался духовной матерью, чтобы в любви воспроизвести потом детей для прославления Христа. Присутствовавшие в большом числе епископы и сенат святого духовенства при одобрении и восклицаниях собравшейся толпы возвели на епископский престол мужа, избранного Богом и людьми, и все воздали хвалу Богу, воспевая и играя на органах и кимвалах; всякий по-своему выражал свою радость.

14. С того времени Бруно всеми своими деяниями и помыслами устремлялся на защиту и воздание почестей святой матери церкви: извне он искал защиты, внутри – почестей; защиты – в мирских делах, почестей – в делах духовных. Прежде всего он любил дом Божий, как место обиталища славы Господней; часто и явно выражал он такое свое стремление, но было бы излишне о том распространяться, так как память о его великих делах свежа в народе, который никогда не перестанет говорить о нем, пока будет предан вере и истине. Впрочем, мы тем не менее намерены сказать несколько об отдельных его деяниях, как то и было предпринято нами для примера и поучения другим историкам. Но невозможно проследить за всей деятельностью такого мужа при ежедневном возрастании его добродетелей и воздать должную хвалу за его великие заслуги, которые он накоплял повсюду, по примеру трудолюбивых пчел, своими добрыми делами и помощью бедным и утесненным, да разносится тем благоухание Христа. Мучимые желчной завистью, люди невежественные в изящных искусствах и науках, старавшиеся клеветой унизить его деяния, но не умевшие ни оценить их, ни воспрепятствовать им, приготовляли только себе смерть и вечное осуждение, как угрожал пророк, говоря: «Горе тем, которые называют зло добром и добро злом, которые делают из мрака свет, и из света мрак, из кислого сладкое, и из сладкого кислое»[1].– «Кто последует мне,– сказал Господь,– тот не будет ходить во тьме»[2]. Но пророк, вероятно, не спешил своим приговором и едва ли бы осудил кого на основании своего собственного мнения. Участь доброго человека не нравится злому, и потому хорошие люди направляют свою жизнь не по праздным речам толпы, а в духе истины и по собственной совести.

15. Незадолго до вступления в епископскую должность этого мужа, воспитанного в Законе Божием, мятежные жители нашего государства, возбуждаемые дьявольским духом против Господа нашего Иисуса Христа, возымели намерение овладеть Кёльном, рассчитывая или склонить на свою сторону великодушный народ королевства Лотарингии, или навести страх беспрерывными враждебными вторжениями, к чему представляло удобство само положение места. Но когда этот сын мира, великий страж церкви Господней, явился в город, те враги мира были поражены неописанной печалью и отчаялись привести свои планы в исполнение. Это и послужило источни-

[1] Исаия, 5, 20.
[2] Иоан., 8, 12.

ком всех поношений, клеветы, брани и разнообразной низкой лжи. Конечно, вся такая клевета не могла поколебать пастыря, ни увлечь его, но рассчитывали ложью отвлечь от него сердце паствы. Великие и мудрые люди могут, конечно, возбуждать против себя и зависть, и злобу, но сами они не питают таких чувств.

16. Около этого времени (август 935 г.) император и его войско осаждали богатый и могущественный город Майнц, наполненный врагами империи, где в прежнее время владычествовала обыкновенно религия во всей своей чистоте и куда теперь стекалась вся мерзость раздора и злобы. Мнение князей и народа о характере архиепископа[1] расходилось: одни (то есть князья) превозносили до небес его невинность, прославляли его добродетели и утверждали, что все беспокойства, происходившие в разных местах и особенно в этой стране, были ему ненавистны, что он проклинал всякие партии и потому удалился от зрелища их борьбы, и что ему все равно, кому город противится, кому повинуются солдаты. Почти таково было мнение тех, которые, будучи сами замешаны в тот отвратительный заговор, хвастались содействием архиепископа, его советом и полным доверием и защищали себя тем, что их дело не может быть худо, если на их стороне стоит такой человек. Другие же (то есть народ), и это были почти все проникнутые Божественной благодатью, полагали, что надобно чтить установленные Богом власти, и со всей преданностью следовали за императором – защитником собственности, мстителем преступлений и подателем почестей. Также и все те, у которых дома остались имущество, жены и дети и которым любезен был мир, все они точно так же иначе оценивали того мужа (то есть архиепископа). Но мы предоставим Богу суд над этим, и от нашего отступления возвратимся к главному предмету.

17. Еще до окончательного принятия своего нового достоинства, новый страж и нареченный епископ города Кёльна был приглашен на совет императором, знавшим его ум и красноречие. В совете голоса разделились: одни склонялись к одному мнению, другие – к другому, и нельзя было сказать, кто одержит верх. Не раз можно было слышать, как те, которые находились в лагере императорском, хвалили храбрость противников и их дело ставили выше своего, так как сами они действовали по принуждению и с величайшей неохотой. Но и у самого неприятеля не было ни одного столь безумного человека, чтобы осмелиться порочить или унижать императорское величество, а потому они возвели вину всех раздоров и всякого зла на Генриха, брата императора, знаменитого герцога и маркграфа Баварии, бывшего ужасом всех варваров и народов тех стран, даже самих греков. Истина же состояла в том, что чем кто лучше себя держал и вернее выполнял клятву, данную императору и государству, тем с большей ненавистью они его преследовали. На эту-то ненависть и напал немедля со всем жаром Бруно, знаменитый и любимый народом Божиим вождь церкви; он не допускал двусмысленного чувства и двойного языка, чтобы было возможно скрывать желательное, и нежелательное обносить клеветами. Он не обманывал сам никого, но и другим не дозволял обманывать себя. Сначала он старался тронуть закоренелое сердце мятежников, не окажется ли между ними доступных святому убеждению и назиданию, и не пускал в ход крайних мер, пока тщательным образом не разведает, куда стремится их безмерная дерзость в своих мечтах и предположениях.

18. Во главе же этого заговора стоял родной сын самого императора, Людольф, статный и привлекательной наружности юноша; он был рожден не только для того, чтобы наследовать государство, каким оно было, но и придать ему новый блеск и могущество, если бы не доверился обольстителям и не пожелал бы лучше изменить, нежели наследовать. Жадный до власти и богатств, он не послушался отцовского совета, и случилось с ним, по превосходному выражению Соломона, что наследство, к которому он сначала так спешил, в конце

---

[1] Архиепископ Майнцский Фридрих убежал в то время в Брейзах; он был на стороне лиги князей, восставших против Оттона I, в числе которых находился и родной сын императора, Людольф.

Монеты Оттона II

не было благословлено[1]. Преславный, хотя еще будущий, но уже избранный епископ, огорченный неуважением к брату и предстоявшей погибелью племянника, отправился в лагерь, обеспечив себя потребованными на этот случай заложниками, и, отведя его в сторону, сказал ему, говорят, следующее: «Ты не знаешь, о, юноша, ты, славой которого полнится земля, как мог бы ты быть полезен самому себе и всем своим, если бы поистине внял сердцем моим увещаниям. О, ты, наша гордость и главное попечение своего преславного отца, какая нам останется надежда, если ты сам будешь уничтожать все наши желания и планы? Ты не хочешь уважить почтенных лет твоего отца, огорчаешь его, и такое огорчение не принесет тебе благословений. Или ты забыл отцовскую любовь, которой был окружен с самого детства? Поверь, что ты оскорбляешь Бога, когда не чтишь своего отца. Ты ничем не можешь извинять себя. Его душа болит о том, что ты предпринимаешь против государства, независимо от его воли. Ты устраиваешь свои дела, сообща со своими врагами, вместо своих друзей, как то следовало бы; а они ищут в тебе не тебя, а своей выгоды; твоя выгода мало заботит их; у них все основано на словах, а не на истине дела. Смотри внимательно, куда они тебя ведут, чтоб им не удалось завести тебя. Как ты мог сделаться всеобщим бедствием, ты, радость и гордость своего отца, надежда и блаженство всей империи? О, перестань быть Авессаломом, чтоб сделаться Соломоном! Подумай только о том, кто тебя возвысил, кто обязал в отношении тебя князей империи? К чему все это сделал отец? Не для того ли, чтобы ты отплатил ему неблагодарностью и сделался изменником? Безумны те, которые хотели тебя обмануть. Берегись ежедневных жалоб, бойся вечно повторяющихся вздохов, трепещи при мысли об отцовских слезах. Меньше опечалит отца потерять все царство, нежели тебя, для которого он сохранял это царство. Твое невинное сердце отравлено ядовитой лестью, а сердце отца разверзто пред тобой, и нет в нем лжи. Отец твой оплакивает сына, которого отвратила от него злоба развращенных людей, и будет безмерно обрадован твоим возвращением. Если он теперь и распален гневом на твоих обольстителей, то стоит ему возвратить тебя, своего любимца, и гнев его уляжется; он будет смотреть на все случившееся не как на преступление, но как на извинительное заблуждение, если только воротишься к отцу ты, которого он любит больше самого себя».

19. Такими и подобными речами уговаривал Бруно, великодушный муж, заботясь о спасении прекрасного юноши; но Людольф, как будто фурии разжигали его чувства на злое, не хотел сделать своего сердца доступным для таких убеждений, и едва мог спокойно выслушивать Бруно, чтоб не позволить себе дерзости. При его молодости ему казалось трудным и опасным начать уговаривать своих сообщников, которые могли бы служить украшением и радостью империи, если бы не были пропитаны ядом злодейского мятежа. Конечно, для храброго и отличного юноши было лестно видеть себя окруженным подобными сообщниками, и он гордился таким превосходным выбором сотоварищей. Но перед всеми прочими раздражал Людольфа, как жалом, Куно[1], некогда

[1] Притчи Соломона, 20, 21.

[1] См. о нем выше.

храбрый герцог, а ныне низкий грабитель; уже они, как сами говорили, делили между собой богатство и империю, но на деле их усилия остались бесплодным трудом, потому что их мучила постоянная забота о личной безопасности. Кончили же они тем, что тот, кто, так сказать, имел уже все в своих руках, остался ни при чем, потому что захотел иметь больше. Между тем они боролись всеми средствами, и хитростью, и мечом, и не знали покоя ни днем, ни ночью, обнаруживали друг к другу недоверие и подозрение, перепробовали все, не щадили никаких усилий, только бы добиться того, чтобы каким-нибудь способом захватить в свои руки могущественнейшие города империи, имея уверенность, что тогда и остальное государство легко подчинится их власти. И чтобы не пропустить ни одного случая к обману или козням, они вступили в тайные переговоры с Арнольдом, весьма значительным человеком, которому была тогда вручена великая власть в Баварии, и дали ему огромные обещания, возбудили в нем старинную вражду и довели, наконец, до того, что он сначала отрекся от герцога Генриха (брата Оттона I), а затем сумел увлечь к восстанию знаменитый город Регенсбург, а за ним и всю Баварию. Такую силу успели получить зависть и злоба. В то же самое время мятежники пригласили венгров, эту старую язву отечества, вторгнуться в государство, обуреваемое внутренними раздорами; таким образом думали они если не уничтожить, то уменьшить опасность, которая постоянно висела над их головой. Это внезапное и непредвиденное обстоятельство побудило императора заключить известный договор и снять осаду (с Майнца), хотя он оплакивал более их стыд, нежели зло, сделанное ему; из лагеря он быстро поспешил на восток, сопровождаемый теми, кого он считал верными себе, с целью подать помощь тем странам; брата же своего, Бруно, ввиду такого опасного времени, он оставил на западе как защитника и правителя, если я могу так выразиться, как старшего герцога, обратившись к нему со следующей речью: «Я не могу тебе высказать, любезный брат, как меня радует то обстоятельство, что мы были с тобой всегда одного и того же мнения, и наши голоса ни в чем не расходились; а что меня в моей печали утешает всего более, это то, что я вижу, как милосердием всемогущего Бога высший духовный чин примкнул тесно к императорским интересам. В тебе соединены пастырское достоинство и королевский авторитет, так что ты можешь воздать каждому свое, как того требует правосудие, и отразить и хитрость, и силу врага, ибо ты могуществен и правосуден вместе... Постарайся же, если не поспешно, то прочно убедить всех своей известной мудростью, применяясь к обстоятельствам времени и места, воздержаться от раздоров и всеми средствами восстановить мир. Как ни далеко буду я отстоять от тебя телом, но твоя мудрость и здравомыслие будут мне радостью повсюду и составят мое счастье; твоя слава есть и моя слава, и моя – твоя. Я стремлюсь всеми средствами – и да будет это венцом наших желаний и радостей – показать и пред Богом, и пред людьми, что я повсюду утверждал благоденствие и, сколько мог, хотел жить в мире со всеми».

Затем, обняв друг друга и поцеловав, они расстались не без слез; император пошел на восток, Бруно – на запад.

21. Вскоре Бруно прибыл в Ахен (21 сентября 953 г.); туда он собрал князей империи, дал им различные наставления на всевозможные случаи и заклинал, прежде всего, не давать веры обольстителям и их тщетным обещаниям, не бояться их угроз и не ставить никаких обязательств выше своих клятв на верность императорскому величеству. В то же время он обещал им быть самим вовремя готовым на восстановление нарушенного мира церкви и, если то будет нужно, не щадить собственной жизни. Оттуда он отправился в добром расположении духа в Кёльн: там его ожидало введение в новое звание и епископское посвящение. И поднялась снова великая радость и торжество в народе, когда пастырь Божий, украшенный *столой*, появился перед собравшейся толпой. И драгоценный нард распространял повсюду свой аромат; в церкви Бруно отверз свои уста и произнес речь. По закону раздался звон, когда он вступил в святая святых; и всем, кто ему повиновал-

ся и следовал за ним, он служил примером и руководителем к спасению. Но что он совершил, как он учил, как был предан умиротворению Божьей церкви, все это было столько же удивительно для очевидцев, сколько трудно для того, кто желал бы описать. Его ежедневные деяния до того превосходят все совершенное его предшественниками, что деятельность его, по сравнению с деятельностью других мужей, кажется невероятной в отношении расширения и восстановления храмов, перенесения мощей и останков святых в свою епархию, построения публичных и частных зданий, устройства домов и распорядка Господней семьи. Познавая самого себя лучше, нежели кто-либо из наставников, он умел направлять все изгибы своего сердца, все помыслы разума и душевные силы на высокие подвиги разума и добродетели. Так, в отношении богословия и богопочитания в строгом смысле, он, на основании дарованной ему мудрости и следуя каноническим и апостольским предписаниям, определил, чтобы все лица различных конгрегаций, находившихся в его округе, имели одно сердце и одну думу, чтобы все недостатки, как то: излишняя роскошь в одежде, неравенство образа жизни и всякая изнеженность и отступления были искоренены духовным ножом истины, начатком всякой премудрости; и чтобы все обязанные к тому наистрожайше прилежали божественной службе по установленным правилам, и ни в чем другом не искали спасения.

Главы 22–25 состоят из общих, хвалебных речей о Бруно, где автор ограничивается одним только очерком характера епископа, на котором лежали и церковные, и светские обязанности как правителя Лотарингии.

26. Наконец, смиренный почитатель Христа и горячий ревнитель о новых дарах благодати, Бруно, служитель Божий, украшенный по своему епископскому чину папским и апостольским благословением, совокупно с теми, которые обязаны были ненарушимо соблюдать учение, переданное от апостола Петра и которые должны быть соединены в чистоте католической веры и истинном исповедании и неизменной истине учения, отправил соборное послание святому Папе Агапиту через Гадамара, уважаемого аббата Фульдского монастыря; из этого послания явствовало, чем был воодушевлен Бруно и с какой целью послал Бог пастыря, избранного самими овцами. И Бруно был признан сотоварищем и собратом апостолов, учителем и распространителем повелений Господних. Затем посланный радостно возвратился и принес благочестивому пастырю, на которого, по выражению Писания, благодатью Господней был пролит елей радости на случай печали, паллиум славы для поддержания в горести. Дух Божий исполнил этого превосходного мужа, опиравшегося более на чудесную, нежели на видимую силу благодати, чтобы возбудить в его душе надежду духовной радостью, и чтобы он не был опечален предстоявшими ему трудами и заботами. «Ибо печальному сердцу никакая внешняя радость не в помощь»[1]. Таково изречение мудрости.

27. Таким образом, посланный, как мы начали уже о том говорить, возвращаясь из Рима, спешил доставить радостное известие в Кёльн; он нес с собой врученное ему Папой святое облачение, служащее знаком сладости ига Господня, легкости бремени и вместе униженного служения того, кто воздевает его на себя, как изрек сам Господь: «Кто хочет быть великим между вами, тот пусть будет слугой вам». Вместе с тем посланный доставил останки мощей св. мученика Панталеона и принес дарованное Папой в его апостолическом всемогуществе разрешение, по которому служитель Божий, в противность обычаю, мог носить паллиум, когда хотел. Таким образом исполнились все желания Бруно, а по своей добродетели и премудрости он казался возвышенным до соучастия в деятельности верховного епископа и почти до разделения с ним его почестей. Жители города спешили навстречу посланному; отовсюду стремились ликующие толпы; все собрались в предместии города на том всесвятом месте, где стояла церковь того уважаемого святого, до того вре-

[1] Притчи Соломона, 14, 10.

мени забытая всеми и близкая к падению. Там были сначала положены те драгоценные подарки, а после отданы на сохранение в надлежащие места.

28. Впоследствии Бруно переместил в это место, тихое и удаленное от шума житейских треволнений, братский монастырь, чтобы там служить прилежно и ревностно, по закону строгой дисциплины, воздавая хвалу Господу; аббатом монастыря был сделан некто Христиан, отличавшийся в деле любви и исполнения заповедей Господних, как то надлежало членам этого ордена. При его посвящении Бруно произнес одно из своих правил для управления западными странами: «Постарайся быть тем, что выражает твое имя, чтобы не пасть до состояния язычников. Остановиться – значит сделать шаг назад; пусть человек идет вперед от одной добродетели к другой».

Глава 29 и начало 30-й наполнены общими местами о любви Бруно к созерцательной жизни.

30. ...Еще и теперь живет много людей, слышавших его речи; как часто видали его в тишине с надорванным сердцем и смиренно преклоненным духом! И всякий видел, что легче ему удивляться, нежели подражать. Обыкновенно он жил с величайшей простотой, как пустынник; и – удивительное дело – он умел среди веселых пиршеств, оставаясь сам веселым, быть вместе и воздержанным.

Тонкие и мягкие одежды, в которых Бруно вырос и которые носил до зрелого возраста, он устранил от себя еще в королевском дворце; посреди разодетой прислуги и воинов, блестевших золотом, он ходил в платье простолюдина и в крестьянской овчине. Всякая роскошь была изгнана из его покоев. Почти никогда он не посещал бани, как многие берут ее для сохранения белизны кожи: и это тем более удивительно, что он, можно сказать, с пеленок был приучен к величайшей чистоте и королевскому блеску. Так действовал он, сообразно обстоятельствам времени и места, то принародно, то тайно, чтобы избежать славы людской и вместе быть своею жизнью образцом для подчиненных. На многих оказывало влияние назидание, но еще более пример. Со скромными и смиренными людьми никто не был смиреннее, но и никто не был так резок с недобрыми и заносчивыми людьми. Это последнее обстоятельство наводило большой страх и на своих, и на посторонних, всякий, до кого доходила молва о его величии, в естественном порядке, сначала боялся его, а потом приобретал его расположение.

В главах 31 и 32 автор говорит об усердии, с которым Бруно собирал отовсюду мощи и различные святыни, перечисляя при этом главнейшие из них.

Вместе с тем этот верный и благоразумный служитель Божий, во многих местах своей епархии, строил церкви, монастыри и другие здания на служение Господу и в честь его святых; одни с самого основания, другие он расширял, если они были уже прежде основаны, а многие восстанавливал, если они пришли в упадок. Потом он устроил монастырскую братию, о которой имел особую заботу, и которая должна была служить в этом доме Божием по всем правилам отшельнической жизни; Бруно подумал щедро обо всем, чтобы они не терпели никакого недостатка в своем содержании. Памятники такой спасительной деятельности и такого усердия стоят на вечные времена там, где они были основаны, так что воспоминание о столь великом муже во славу и хвалу Иисусу Христу, сохранится навеки, невозмутимое течением времени. Такие же понятия распространял он и у чуждых народов, а в странах, врученных его попечению, он утверждал эти понятия или своим примером и личным влиянием или через посредство других лиц, которых характер и качества он считал годными для такой цели, или, наконец, силой убеждения. Но он не желал, чтобы кто-нибудь из его людей был чрезмерно обременен работой, а другой дозволил бы себе предаться лени, ибо он думал, как выражался в этом случае сам, что «боязливое стадо нужно держать подальше от пропасти» или, как сказал апостол, «кто не хочет работать, тот не должен и есть». Нет возможности привести в подробностях все, что им было совершено

доброго, и что он так душевно любил. Многочисленность материала всегда подавит того, кто предпримет что-нибудь подобное, и, утомленный своей задачей, всякий отступится от труда, прежде, нежели доведет его до конца. Мы можем удивляться тому, как он был велик и неподражаем в проповедовании слова Господня, в искусстве прений, в твердости веры, но мы не в состоянии того отобразить, с какой законченностью речи и с какой истинно христианской ученостью говорил он о Господе и Спасителе, так что надобно было признать его исполненным Божеской премудрости, которой все сотворено, и никто, слушая его и правильно понимая, не испытывал сомнения в сердце. И чтобы не оставить без внимания ничего относящегося к богопочитанию и молитве, он проницательно изучал все относящееся ко Христу, были ли в черте или за чертой его стада люди, которые в своей уединенной жизни старались поодиночке выдержать борьбу с дьяволом. С такими людьми он обращался с наибольшим уважением, подкреплял их назиданиями и христианскими утешениями, отводя им в монастырях и при церквах кельи или на одного, или на двух; кроме беседы и лицезрения он не дозволял им ничего другого общего. Все, что относилось к их одежде и прочему содержанию, необходимому для нашей немощи, забота о всем этом была возложена на доверенные лица из его управления, и сверх того, он раздавал им, особенно в праздник апостолов, приличные подарки. Так управлял Бруно по апостольскому предписанию, заботливо и премудро, не только перед Богом, но и перед людьми, так что лица всех состояний и обоего пола, когда они искали Бога, могли от него получать подкрепление и наставления в качестве его учеников.

Относительно монахинь, которые посвятили себя на служение Богу в монастыре Св. Марии, и духовных, переведенных им в церковь св. апостола Андрея, многие выражались с сильным сомнением; но это были люди, которым недоставало ума, чтобы хорошо постигнуть чистые намерения Бруно во всех его предприятиях. Если бы такие люди подумали, что Богом избран не человек для места, но место для человека, и что Богу повиновение приятнее жертв, тогда бы они уразумели, что овцы должны быть послушны голосу своего пастыря, и что Богу более угодно то, что делается из повиновения, а не из доброй воли. «Ибо, – говорит апостол Иаков[1], – где зависть и сварливость, там неустройство и все худое». Таким образом, Бруно действует на благо тех самых, которые того не признают. И если он изгнал из государства, как язву добрых людей, нескольких негодных развратителей отечества, где они не хотели жить спокойно и смирно, то и в этом случае он действовал на пользу их: ибо чем более злой человек грешит, тем более тяжкое и суровое наказание ожидает его впоследствии.

Каким же образом добрые люди будут наслаждаться спокойствием, если никто не восстанет против ярости злых? Конечно, Бог в своем великом милосердии и терпении еще щадит их, если доставляет им возможность слушать в отсутствии рассказы о мире и цветущем состоянии отечества, чего они не хотели видеть, живя на родине, счастливы они, если могли познать свое спасение на чужбине и стремиться к царству, из которого не будут изгнаны, и где все миролюбивые живут в радости, как Божии дети. Таким образом Бруно, благодаря Божескому милосердию, не обнаруживал ни ненависти, ни злобы, чтобы преследовать подобных людей, и оказывал милость и пощаду несчастным, не зная жестокости и суровости; как добрый пастырь и истинный вождь Божьего народа, он искал везде пользы и спасения всех. С особенным вниманием наблюдал он за тем, чтобы те, которых он сам поучал и вел божественными путями, не были совращены с настоящей дороги и ввержены злыми людьми в заблуждение. Но он был так далек от жестокости, что часто сам горько оплакивал тех, кого он должен был жестоко наказать за их проступки; с веселыми Бруно был весел, с печальными – печален; если он и наказывал, то тем желал предать сатане на погибель одну плоть, чтобы спасти душу в день Суда.

---

[1] Посл. Иаков. 3, 16.

В главах 33–44 автор делает сначала отступление по поводу войны Оттона I с венграми и затем рассказывает коротко отдельные события истории того времени, в которых Бруно принимал прямое или косвенное участие, а именно: примирение Людольфа с отцом, замещение епископского престола в Трире, возвращение изгнанного епископа Веронского Ратгера в свою епархию, восстановление спокойствия в Лотарингии и отражение норманнов, коронование сына Оттона I, Оттона II (26 мая 964 г.), и защита последних Каролингов во Франции против дома Капетингов. Бруно принял под свое покровительство Лотаря, сына своей сестры[1], против притязаний детей Гуго Великого, и отправился летом 965 г. в Компьень, где и захворал.

45. Перед праздником св. мученика Гереона и его сопричастников Бруно почувствовал сильный припадок, и присутствовавшие епископы, герцоги, графы и все другие были поражены глубокой скорбью, видя, как была близка кончина столь любимого ими человека. Придя понемногу в себя, больной старался по своему обыкновению движением руки рассеять всеобщее смущение и остановить вздохи и слезы; потом, подозвав к себе старейших и достойнейших внимать его речам, он произнес следующее: «Не огорчайтесь, любезные дети, моей болезнью и приближающейся смертью; это, по Божескому приговору, доля всех смертных; и не может быть дозволено роптать на то, что неизбежно определено Богом. За печалью скоро следует радость. Я отхожу не в новом, но в преображенном виде туда, где я увижусь с лучшими людьми, нежели каких я видел здесь». Больше он не мог говорить и оставался молча лежать. Но вскоре, еще до сумерек, он отправил вместе с братией вечернюю службу и поздно ночью молитву; он поручал себя Господу Богу и заступничеству святых, как бы собираясь в дорогу, но с большей горячностью, нежели обыкновенно; и наконец, он напутствовал себя той пищей, которая никогда не пройдет, святым и единственным залогом нашего спасения; затем Бруно благословил епископов, самого себя и всех присутствовавших. После того он ждал смертного часа со спокойствием сердца, направив свой дух ко Христу. В полночь он сделал большое усилие, чтобы подозвать своего племянника, епископа Теодериха, и воскликнул: «Помолись, о, владыко!» И среди хвалебных гимнов в честь Бога, молитвословия и рыданий присутствовавших Бруно испустил свой дух (1 октября 965 г.). То, что в нем не могло умереть, возвратилось к Творцу; а бездыханное тело, по его распоряжению, спутники его положили в гроб и понесли в метрополию его епархии, Кёльн, куда и прибыли в восьмой день. И многие из несших его клятвенно уверяли, что они на таком длинном переходе и при такой тяжести, не испытали ни малейшей усталости или обременения. Где бы они ни шли, куда бы они ни приходили, каких стран и народов ни касались, везде по своим силам они прославляли великие заслуги этого мужа перед государством, перед императором, перед королями, князьями и перед всем народом.

В главах 46 и 47 автор говорит о погребении Бруно в монастыре св. Панталеона, подле Кёльна, и описывает в общих чертах печаль его паствы; в заключение биографии приводится духовное завещание скончавшегося архиепископа.

48. Вот духовное завещание нашего достославного во Христе господина и архиепископа Бруно: да будет на нем благословение.

«Бруно, служитель Христов – своим сыновьям, служащим Господу в Кёльне. Дабы мысли мои и желания относительно разделения моего имущества, дарованного мне Божеским милосердием, получили вашим приговором силу и могли опираться на ваше свидетельство, я счел за лучшее изложить все письменно на случай, если Богу не будет угодно, чтобы я мог дожить до устного объяснения с вами. А потому разведайте все под руководством наших братьев Теодериха и Винфрида и позаботьтесь обо всем с Божьей помощью тщательно и справедливо. Все церковные богатства, составленные из нашего имущества – а все это хранится у Эвицо, казначея церкви св. Петра, за исключением вещей, невозвращенных служителями,– сложите в присутствии

[1] Герберга, дочь Генриха I, была замужем Людовиком IV Заморским, королем Франции.

Болеслав I Великий, король Польши, выкупает у пруссов останки замученного ими в 997 г. св. Адальберта, покровителя Польши. XII в.
Бронзовый барельеф на дверях собора в Гнезно

Попо, настоятеля и распорядителя нашей церкви, после тщательного осмотра, перед алтарем св. Петра, чтобы убедить всех в том, что церковь не имела ни малейшего ущерба; а золотые сосуды и другие ценные вещи посвятить на вечное употребление церквам Богоматери Марии и св. Петра. Золотую чашу, печать и греческую вазу, которые я имею у себя, назначаю св. Панталеону; сверх того, подсвечники, употребляемые мной ежедневно, серебряный всадник, подарок архиепископа Майнцского, десять лучших паллиумов, десять лучших серебряных сосудов и сто фунтов на окончание монастыря, триста на расширение церкви, самый большой занавес, три налоя, три ковра, столько же наволок и, сверх того, всех наших кобылиц, исключая тех, которые были при церкви еще до меня; из деревень же, приобретенных мной для церкви, Лангалон (ныне Лангель, близ Бонна) на Рейне, Веребетти, Генгелон, Лидрон, Вишем, омываемый Маасом; сверх того, дом нашего родственника епископа г. Метца и деревню Гавинга. На содержание монахов отпустить третью часть сбора плодов нынешнего года, назначенного для нашего употребления. Поблизости монастыря, на удобном месте, устроить, по совещанию с аббатом, богадельню для старцев: на это я отдаю свою собственность в Туиции (ныне Deutz, против Кёльна), Лересфельде в Саксонии и прежние владения боннского графа Гевегарда на Мозеле. А чтобы наш господин и преемник утвердил мое распоряжение, уступаю ему в распоряжение Руотинг, который я приобрел для церкви. Молельню, подобную той, которую мы устроили блаженному Привату у алтаря св. Мартина в восточной части церкви, устроить и Григорию Великому, там, где лежит его тело. На устройство ее назначается сто фунтов. Золотые чаши, двадцать фунтов, занавес, два налоя и две наволоки завещаем нашей братии св. Петра; на алтарь св. Гереона большие кружки, два паллиума и большой ко-

вер, братии же 12 фунтов, налой и две наволоки. Для окончания алтаря св. Северина 4 фунта; братии 8 фунтов, налой и две наволоки. Св. Куниберту 2 чаши, обоим Эвальдам три паллиума; братии два сосуда, 8 фунтов, налой, две наволоки, один ковер. Св. Андрею 30 фунтов, четыре паллиума, столько же сосудов, два подсвечника; братии 6 фунтов. Св. мученику Элифию и св. исповеднику Мартину столько же и, сверх того, имение Солагре, пожертвованное нами церкви добровольно. Алтарю св. Марии два лучших сосуда; на окончание монастыря 10 фунтов, занавес, две наволоки; алтарю св. Цецилии три фунта, занавес, два подсвечника, два сосуда, ковер, две наволоки; на окончание монастыря 50 фунтов; братству того монастыря 10 фунтов и налой. Святым девственницам два сосуда, два подсвечника, два паллиума, занавес, ковер, две наволоки; монахиням 10 фунтов; св. Виктору и братии столько же; на постройку монастыря в Сосации (ныне Сест) сто фунтов, на алтарь шесть сосудов, столько же риз, ковер побольше, две наволоки и по одной из моих верхних и нижних риз; сверх того, одно имение, которое подарил Водило, и другое, которое приобрел для нас наш господин Попо в Рихельдинкгузене и в Арвите.

Vita s. Brunonis, archiep. Coloniensis. 1–48 гл. У *Pertz.* Monum. IV, с. 154–275.

Титмар

ВРЕМЯ ОТТОНА III. 983–1002 гг. (в 1014 г.)

Хроника Титмара, епископа Мерзебургского, состоящая из 8 книг, начинается прологом в стихах, где автор обращается к Зигфриду, аббату Бергенского монастыря около Магдебурга, которому был посвящен сам труд, и к читателям, прося их, в заключение, о благосклонности:

Титмара хронику, о, мой читатель, прими благосклонно;
Пользуйся ею всегда, и не будешь знать скуки, заботы;
Бросишь все игры, пустые занятья, и чтением займешься.
Ты же, о, Зигфрид, святых прославляя, молися о грешных.

Первые две книги этой хроники излагают вкратце историю времени Конрада I, Генриха и Оттона I (911–973 гг.); автор не делает ничего больше, как сокращает труд Видукинда (см. выше). Точно так же коротко изложение эпохи Оттона II (973–983 гг.), составляющее содержание третьей книги. Но с четвертой книги Титмар, приближаясь к своему времени, начинает писать обстоятельнее, и хроника его приобретает тем большее значение как исторический источник; эта четвертая книга, равняясь по своему объему почти всем трем предыдущим, содержит в себе историю времени – 20 лет правления императора Оттона III, сына Оттона и Феофании, греческой принцессы, дочери императора Романа II. В конце III книги автор описывает последний поход Оттона II в Южную Италию против сарацин, его поражение при Таренте (982 г.) и сейм князей в Вероне (983 г.), на котором император простил своего племянника Генриха Младшего Баварского (сына Генриха, брата Оттона I), который был заключен в Утрехте за восстание против власти Оттона II. Из Вероны император отправился в Рим, где и умер (7 декабря 983 г.), за несколько дней перед тем, как оставленный им в Германии трехлетний сын Оттон был коронован королем в Ахене. При известии о смерти императора Варин, архиепископ Кёльнский, на руках которого был малолетний король, передал своего питомца Генриху Младшему, его дяде, только что выпущенному из Утрехта, «поручив ему,– как говорит автор,– воспитание Оттона III, или скорее свержение его с престола». Оттон III родился в 980 г.

Книга четвертая

1. В 984 г. от воплощения Господня, королева Феофания, мать третьего и, к сожалению, последнего из Оттонов, отправилась в Павию к королеве-вдове Аделаиде (жене

Оттона I). Ее сердце было наполнено страданиями от свежей, ужасающей раны и обливалось кровью при мысли об отсутствии ее единственного сына. Трогательно и с любвеобильными утешениями была принята она в Павии. Между тем герцог Генрих (Баварский) с епископом Попо (Утрехтским) и кривым графом Экбертом отправился в Кёльн и как законный опекун короля принял его из рук архиепископа Варина; архиепископ вместе с другими, которых герцог умел склонить на свою сторону, уверял его в своем содействии. С ними он отправился в монастырь Корвей[1], устроив все дела по своему желанию. Туда, навстречу ему, пришли с босыми ногами два брата – граф Тидрих (в Альтмарке) и Сикко (в Мерзебурге), и умоляли о помиловании, в котором он им отказал. С ожесточенным сердцем они оставили его, и из всех сил начали с того времени стараться отклонять от герцога его приверженцев и друзей. Герцог хотел праздновать Вербное воскресенье в Магдебурге и поэтому отправил ко всем знатным той страны послание и приказ собраться туда; с ними же он переговаривал о том, чтобы они подчинились ему и избрали своим государем. Большинство князей дало свое согласие с тем, впрочем, условием, что герцог должен испросить для того дозволение у их государя и короля, так как они прежде уже присягали ему на верность, и в таком только случае они могли бы спокойно служить новому королю. Но некоторые не соглашались и на это и, поспешно удалившись, втайне обсуждали, каким бы образом предупредить подобные замыслы.

[1] Монастырь Корвей, на р. Фульда, близ Падерборна.

2. Из Магдебурга Генрих отправился в Кведлинбург (близ Магдебурга)[2], где торжественно провел скоро наступивший затем праздник Пасхи. Там в огромном числе собрались князья империи, но те, которые не хотели лично явиться, отправили послов тщательно наблюдать за всем. Во время этого праздника сторонники Генриха приветствовали его как короля и почтили церковными хвалебными гимнами. Туда прибыли герцоги Мизеко (Мечислав I, из Польши), Мистуи (от ободритов) и Болеслав (из Богемии) с бесчисленными другими князьями, и все они обнадеживали Генриха в своем содействии и присягали ему как своему государю и королю. Многие, однако, из присутствовавших, побоясь гнева Божьего, не осмелились нарушить своей верности и, мало-помалу удалившись, поспешили в Геслебург (Ассельбург), где собрались их единомышленники и составили против герцога открытый союз... Когда узнал о том герцог, он отпустил своих при-

[2] Монастырь, где была аббатиссой дочь Оттона I, Матильда (см. выше).

ТИТМАР (THIETMARUS, 976–1018). Епископ Мерзебургский (ep. Merseburgensis) Титмар родился в Гальберштадте. В литературном отношении был преемник Видукинда, и в «Восьми книгах хроники» продолжал труд своего предшественника, остановившегося почти на годе его рождения. Талант Титмара, его высокое общественное положение и образованность позволили ему создать интереснейшее произведение. Отец Титмара был граф Вальбека Зигфрид, а мать Кунигунда, дочь графа Штаде (близ Гамбурга), Генриха; дядя его Лиутар занимал место маркграфа Бранденбургского; император Оттон I и Генрих, герцог Баварский, были двоюродными братьями Кунигунды, и следовательно, Оттон III и его преемник Генрих II приходились племянниками нашему автору; сестры его были замужем за сильнейшими владетелями Германии; братья его отличались во многих войнах того времени. Годы детства Титмар провел у тетки отца в Кведлинбурге; воспитывался у Рикдага, аббата в Магдебурге, и приобрел отличные знания в классической литературе. После смерти отца его семейство испытало на себе корыстолюбие Лиутара Бранденбургского, но император возвратил отнятое у детей Зигфрида (1002 г.), и Титмар пожертвовал свою часть в монастырь Мерзебургский, что принесло ему в 1009 г. место

верженцев, щедро осыпав их милостями, а сам с сильным отрядом поспешил в Верлу (у г. Гослара), чтобы силой разрушить противный ему союз или же покончить с ним миролюбиво; туда же был им отправлен Попо, епископ (Утрехтский), с поручением разъединить противников герцога или склонить их к миру. Епископ, несмотря на всю свою настойчивость, успел, и то с трудом, получить только одно обещание: собраться для рассуждения о мире в назначенный по взаимному согласию день и в известном месте, по названию Сейсун (Сессен). Но герцог не захотел явиться на съезд, так как он отправился в Баварию; или даже не мог явиться, задержанный герцогом Генрихом, который от умершего короля получил в ленное владение Баварию и Каринтию[1], и вследствие того довольно значительный неприятельский отряд осадил город графа Экберта, названный Алу (Эльсбург); разрушив стены, он вошел в город, увел с собой дочь Оттона II, которая там воспитывалась, захватив при этом все хранившиеся в нем богатства, и с торжеством возвратился домой.

3. Когда все епископы и некоторые графы в Баварии перешли на сторону герцога, он, рассчитывая на своих союзников, отправился во Франкскую область и там на равнине, около Бизинстиди (Бизенштадт), расположился лагерем, чтобы вступить в переговоры с князьями этой страны. Туда же прибыл архиепископ Майнцский Виллигис с герцогом Конрадом и другими знатными вельможами. Герцог Генрих старался всеми мерами склонить их на свою сторону; но они единодушно отвечали, что пока живы, не нарушат верности своему законному королю; и герцог, опасаясь борьбы, увидел себя в необходимости клятвенно подтвердить, что он 29 июня явится в м. Рару (Gross-Rohrheim) передать царственное дитя им и матери. После того все отправились домой с различным настроением духа, одни с радостью, другие в смущении.

В главах 4 и 5 автор делает отступление по поводу поездки герцога Генриха в Богемию к Болеславу, своему приверженцу.

6. Преданные королю, между тем, осаждали в Вимери (Веймар) графа Вильгельма (Турингского), который принадлежал к числу самых приверженных друзей герцога Генриха. Но узнав, что Генрих идет на них, они поспешили ему навстречу и, собравшись у деревни Итери (Иттерн), расположились там лагерем, чтобы на следующий день дать герцогу сражение. Герцог, узнав о том, отправил к ним архиепископа Гизи-

[1] Оттон II после изгнания Генриха Младшего отдал его герцогство Баварию одному графу того же имени, с которым прежний владетель и должен был теперь вступить в борьбу.

епископа[1], которое он сохранил до 1018 г., когда умер 43 лет от роду. Свою хронику Титмар писал уже в звании епископа, и первые шесть книг были им окончены еще в 1014 г.; последние же две дописаны за две недели до смерти (содержание всех их изложено выше, перед началом IV книги). В Дрезденском архиве хранится манускрипт хроники, поправленный рукой автора. Близость места жительства Титмара к славянским народам предоставила автору возможность близко коснуться истории соседей германцев, и потому его труд имеет особенную важность для исследования древнего быта славян в эпоху начала их германизирования[2]. Издания: полнейшее у *Pertz.* Monum. Germ. III. 733–871. Переводы: нем. Ursinus (Dresd. 1790) с хорошим введением; Leurent (Berl. 1849) в Geschichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 4; с предисловием Лаппенберга; но последний перевод уступает первому в точности. Критика: *Contzen.* Geschichtschreiber der sächsichen Kaiserzeit., с. 46–64.

[1] О его назначении епископом см. ниже.

[2] Титмар, хотя редко, заносит в свою летопись известия и о Древней Руси, а именно о св. Владимире и Ярославе Мудром; см. ниже.

лера (Магдебургского), чтобы разведать их образ мыслей и, если то окажется возможным, заключить мир. Когда собравшимся чинам он объявил цель своего посольства, они отвечали: если герцогу Генриху угодно выдать им своего государя и короля, а из своих владений удержать для себя до определенного срока Мерзебург, Вальбицы (Вальбек) и Фразу (Фроса) и все это подтвердить клятвенно самым верным образом, тогда ему будет дана охранная стража, с которой он может оставить занятую ими страну; если же нет, то для него закрыты все выходы и он не пройдет живым ни взад, ни вперед. Нечего дальше рассказывать: на другой день они получили все, чего хотели, и, потянувшись к Мерзебургу, дозволили и герцогу отправиться туда же; там герцогиня Гизела с давнего уже времени томилась в печальном уединении. Посоветовавшись со своими приближенными, герцог объявил им, что он из опасения гнева Божьего и для блага отечества действительно хочет оставить свои намерения, благодарил их и достойным образом наградил каждого за его помощь и добрую услугу, прося всех, чтобы они из любви к нему собрались с ним вместе в назначенный день. Обе королевы, которые до сих пор с покорностью ожидали в Павии Божественного утешения, и все князья империи и королевства отправились в Рару. Герцог в точности выполнил свое обещание: сложил с себя все принадлежавшее императорской власти и дал всем свободный пропуск. Тогда, среди дня перед глазами всех Господь допустил воссиять светлой звезде; это была обетованная звезда, король Оттон III. Все, и духовные и светские, как бы одними устами, пропели хвалебный гимн, смирилась мысль непокорных, и партии, разделенные прежде несогласием, соединились теперь под одним государем и повелителем. Молодой король с нежной любовью был встречен своей матерью и бабкой и передан на воспитание графу Гойко. Между королем и герцогом, в ожидании сейма на вышеупомянутом поле Бизинстиди, был заключен предварительно мир, и каждый отправился домой. Но на этом сейме, побуждаемые злыми людьми, они опять начали питать худое расположение друг к другу, и это обстоятельство повело к продолжительному разрыву. С того времени между Оттоном III и Генрихом, который обыкновенно называется Генрихом Малым, началась великая вражда; впоследствии ее прекратил своими советами и содействием граф Гериманн: Генрих во Франкфурте подчинился королю и получил в лен свое герцогство (Баварское).

7. Ближайший праздник Пасхи (985 г.) король праздновал в Кведлинбурге; при этом случае ему служили четыре герцога: именно столом заведовал Генрих (Баварский) как стольник, Конрад (Франконский) правил домом как камергер, Гециль (пеpальцграф) распоряжался погребом как виночерпий, и Бернгард (Саксонский) конюшней как конюший. Приходили туда со своей дружиной Болеслав и Мизеко и, проведя весь праздник по порядку, богато одаренные, возвратились восвояси. При этом случае герцог Польский Мизеко объявил себя ленником короля, между другими почетными дарами подарил ему верблюда и совершил с ним два похода.

В первый год правления Оттона III умер, 1 декабря, епископ Адвин Гильдесгеймский; ему наследовал Осдаг, священник тамошней капеллы. Когда скончался он после пятилетнего отправления должности, то был посвящен в епископы тамошний виночерпий Гердаг, но и он, три года спустя, на обратном пути из Рима, куда отправлялся для молитвы, умер 7 декабря; его тело, разделенное по членам, в двух ящиках было привезено в монастырь осиротевшими спутниками. Этих обоих епископов предавал земле архиепископ Гизилер, случайно заезжавший в Гильдесгейм. На место Гердага был избран и посвящен Беренгард, учитель короля.

8. Оттон III беспрестанно ходил против славян, учащая свои нападения, и покорил их в восточной области, когда они покусились было на восстания. Тех же, которые жили на западе и также часто возмущались, грабили и опустошали, он старался усмирить как хитростью, так и силой.

Здесь не место описывать младенческие годы Оттона III, и если бы я захотел точно изобразить все, что совершил он в юности

под руководством умных советников, то это завело бы меня далеко.

В 989 г. явилась комета; она предсказывала тяжелые потери, которые должна была принести с собой наступающая чума.

Король, придя в возраст, удалил от себя, по слову апостола (1 Кор., 13, 11), «все младенческое», и, постоянно сожалея об упадке церкви Мерзенбургской, занялся мыслью – как бы восстановить ее; эту цель он преследовал всю свою жизнь по настояниям своей благочестивой матери. Она имела следующее видение (это слышал Мейнсвит от нее самой, и так оно дошло до меня). В полночной тишине явился ее святой поборник Христов, Лаврентий, с увечьем на правой руке и сказал: «Почему ты не спрашиваешь, кто я?» – «Я не имею для того смелости, владыко»,– был ответ. Тогда св. Лаврентий продолжал: «Я такой-то,– и при этом он назвал свое имя,– что ты видишь теперь на мне, это причинил твой супруг; к такому делу он был побужден тем, кто обольстил множество избранников Христовых». Она передала все это своему сыну, и он решился восстановить епископство в Мерзебурге (при жизни Гизилера или по его кончине), и таким образом на Страшном суде доставить вечный покой душе своего отца. Как женщина Феофания была не чужда слабостей своего пола, но имела довольно твердости характера и вела примерный образ жизни, что между гречанками бывает редко. Бодрствуя над своим сыном неусыпно, она охраняла государство, поддерживая благочестивых, смиряя и устрашая тщеславных. От плода своей плоти, как бы десятину, она представила Господу своих дочерей – одну, Аделаиду, в Кведлинбург, другую, Софию, в Гандерсгейм.

9. В ту пору (990 г.) и герцоги Мизеко (Польский), и Болеслав (Богемский) вступили между собой во вражду и наделали друг другу много вреда. Болеслав призвал на помощь лутичей, которые всегда оставались верны ему и его предкам; Мизеко просил о поддержке королеву Феофанию. Она находилась тогда в Магдебурге и послала тамошнего архиепископа Гизилера с графами Эккигардом, Эзико (из Мерзебурга), Бинико, также моего отца и его тезку Зигфрида, Бруно, Удо и многих других рыцарей. Они отправились почти с четырьмя отрядами и, придя в округ, называемый Сельпулы, расположились при реке, через которую вел длинный мост. В ночной тишине к нашим пришел один из сподвижников Вилло, убежавший из плена; за день перед тем он пошел вперед войска посмотреть свое поместье и был схвачен богемцами; вернувшись счастливо в лагерь, он указал графу Бинико на предстоящую им опасность. При этом известии наши тотчас поднялись, оделись и с появлением утренней зари выслушали святую обедню, одни стоя, другие на лошадях; с восходом солнца они оставили лагерь, рассуждая об исходе предстоящей борьбы. 13 июля войско Болеслава выдвинулось туда же, и с обеих сторон высланы были послы. Со стороны Болеслава к нам приходил рыцарь именем Слопан выведать о состоянии нашего войска. Когда он возвратился к своему князю, его спрашивали, какова наша сила и можно ли с ней помериться или нет. А советники Болеслава требовали от него не оставить в живых никого из наших. Тогда Слопан объявил ему: «Войско неприятеля малочисленно, но доброкачественно и с головы до ног заковано в железо. С ним ты можешь бороться; но если победа и останется за тобой, то обойдется так дорого, что ты только с трудом, и даже едва ли уйдешь от рук твоего неприятеля Мизеко, если он будет преследовать тебя; а саксов через то ты сделаешь себе вечными врагами. Если же ты будешь побежден, то тут конец и тебе самому и твоему царству, потому что тебе нельзя надеяться противостоять врагу, стекающемуся со всех сторон». Такая речь охладила жар Болеслава; он заключил с нами мир, и наших вождей, которые вышли было против него, просил отправиться вместе с ним к Мизеко и склонить его к выдаче отнятых владений. Наши одобрили такое предложение, и архиепископ Гизилер, сопровождаемый графами Эккигардом, Эзико и Бинико, отправился в путь, а остальные с миром возвратились домой. Однако у всех у них первоначально отобрали (это было уже около вечера) оружие и возвратили только тогда, когда они клятвенно обещали сохранять мир. С нашими Болеслав

пошел на Одер, а Мизеко был им извещен, что его союзники попались ему в руки. Если Мизеко возвратит ему владения, которые он у него отнял, то он отпустит их невредимыми; в противном же случае они все погибнут. Мизеко отвечал: «Если королю Оттону III угодно будет спасти своих или отомстить за убитых, он и сделает это; если же нет, то Мизеко не потерпит от того никакой потери». Болеслав, услышав это, начал грабить и жечь окрестные места, оставляя наших в покое. На обратном пути он осадил город, называемый Нимцы (Нимпчш) и, почти без сопротивления со стороны жителей, подчинил его своей власти вместе с князем. Последнего он передал лутичам для обезглавления; и они, немедля, в виду города принесли его в жертву своим милостивым богам, и после того требовали отпустить их домой. Болеслав, зная хорошо, что без его защиты наши не могут вернуться домой безопасно от лутичей, отпустил их рано утром, так как они, по совету других, торопились назад. Когда узнали о том упомянутые враги, они с огромным числом отборных людей пустились преследовать наших. Но Болеслав остановил их следующей речью: «Вы пришли помогать мне, так сохраните же до конца свое расположение ко мне; да будет вам известно, что я готов пожертвовать жизнью для того, чтобы сегодня не случилось никакого несчастья с теми, которых я принял под свою защиту и отпустил в мире. Честь и благоразумие предписывают нам не делать отчаянными врагами для себя тех, которые почти всегда были нашими верными друзьями. Я хорошо знаю, что между вами и ими господствует великая неприязнь, но настанет еще более удобное время удовлетворить вашу месть». Обезоруженные такой речью, лутичи, оставшись еще два дня при Болеславе, потянулись домой; при расставании с обеих сторон изъявлены были знаки дружбы и возобновлен прежний союз. Но затем те вероломные отобрали 200 человек, так как наших было немного, и пустились за ними в погоню. Однако их успел предупредить о том тайно вассал графа Удо, и наши, поспешив, имели время (благодарение Богу) безопасно достигнуть Магдебурга; неприятель же напрасно дал себе труд.

10. Королева (Феофания), узнав о том, обрадовалась их счастью. Я очень мало знаком с обстоятельствами ее жизни и выше коротко отозвался вообще о ее характере, отличающемся благородством. Она жила тогда в стране *заката* (Запада), которая справедливо носит свое имя, потому что вместе с солнцем там закатывается всякое право, всякое повиновение и всякая любовь человека к человеку. Ночь есть не что иное, как тень земли, и все, что совершают обитатели запада, не что иное, как грех. Напрасно трудятся там благочестивые проповедники Божественного слова; мало на Западе имеют силы короли и прочие князья; грабители и злодеи господствуют над справедливыми. В тех странах много покоится святых мощей; но, как я слышал, жители, упорствуя в языческих понятиях, презирают их. Я не хочу говорить об этих нехристях, чтобы меня кто-нибудь не счел учеником Криспина[1] с гнойными глазами. Я нисколько не сомневаюсь, что они за недозволенные плотские связи и неописанные распри близки к своей погибели. У них мало обращалось внимания на бесчисленные анафемы, изрекаемые епископами, и потому их существование кратковременно. Вы же, верующие христиане, молитесь со мной к Господу, чтобы они исправились и чтобы у нас никогда не утвердился их образ жизни. Я расскажу теперь о кончине королевы Феофании, но прежде опишу чудесные явления, которые тому предшествовали.

В 989 г. Господа, 21 октября в 5 часов дня было солнечное затмение. Я уговаривал христиан, чтобы они не верили, будто бы оно производится волшебством злых женщин, или происходит оттого, что солнце поглощается кем-нибудь[2], и будто этому

---

[1] Криспина, то есть болтуна (см.: Hor., Sat. I, 1, 120 ст.).

[2] По древним германским и скандинавским верованиям, видимое движение солнца и обращение луны объяснялись усилиями их убежать от преследования двух чудовищных волков, и с затмением соединялась мысль о конце всего мира; язычники поднимали при этом громкие крики в надежде испугать чудовищ и таким образом спасти светило от угрожающей ему погибели; на это суеверие и намекает далее наш автор.

можно помочь земными средствами; я уверял их, что это явление объясняется так, как учил о том Макробий[3] и другие мудрецы, а именно, оно производится луной. В следующем году после того затмения королева заболела и 15 июня простилась с земной жизнью, счастливо окончив временное поприще в Нимвегене. Она была погребена Эвергером, тогда архиепископом Кёльнским, в церкви св. Панталеона, построенной иждивением архиепископа Бруно[4], который и был в ней похоронен. На погребении королевы присутствовал ее сын, щедро одаривший местную духовную братию во спасение души своей матери. Когда узнала о том великая королева Аделаида, со скорбным сердцем она поспешила утешить короля, который правил уже семь лет (990 г.), долго оставалась при нем, заботясь о нем, как мать, и только он сам, к ее сожалению, удалил ее от себя, руководимый внушениями необузданных сверстников из молодежи.

11. Этой преславной государыне, украсившей свое высокое рождение королевскими добродетелями, мой отец, граф Зигфрид, служил верно на войне и в мире. В битве при Бранденбурге он упал с коня, и с того времени его начали тревожить тяжкие телесные недуги. Он припомнил, что наступил именно тот год, который за восемь лет перед тем, во сне, был назначен ему, как год его смерти, следующим образом. В Кёльне он был пробужден от сна голосом, который звал: «Зигфрид, проснись и знай, что восьмой год после этого дня заключит твое земное поприще». Всегда смело смотрел он на этот предназначенный день и не переставал ослабевать в совершении добрых по своим плодам дел. Меня он взял у своей тетки Эмнильды, которая долго страдала от апоплексического удара; у нее я получил хорошее начальное образование. После того отец отдал меня Рикдагу, второму этого имени аббату монастыря св. Иоанна в Магдебурге. Там я прожил три года, а в праздник Всех Святых (1 ноября) отец мой поместил меня в духовное братство св. Маврикия, так как не мог совсем пристроить к той церкви. По этому случаю в ближайший праздник св. Андрея (30 ноября) был дан большой веселый для всех пир, который и продолжался до следующего дня. Отправившись оттуда, мой отец накануне заговенья заболел в городе Виллибицах (Вальбек) и 15 марта скончался. Он был усердный защитник отечества и истинный герой. Вместе с его женой Кунигундой его оплакивала достопочтенная, по своему образцовому благочестию, мать Матильда, которая скоро должна была последовать за ним. Лишенная своей опоры, с глубокой печалью ждала она своей смерти и в том же году, 3 декабря, умерла с полной верой в Искупителя. Мой дядя, который получил в наследство равную с нами часть, наделал моей матери в 996 г. много неприятностей, возобновивших в ней старую болезнь; своей матерью она была препоручена ему в верную защиту, и тем не менее он старался лишить ее всего мужниного имения. Но к чему напрасно говорить о том много? С помощью короля она получила все обратно.

В главе 12 автор коротко отмечает в летописи различные физические бедствия и записывает дни смерти епископов, от 990 до 995 г., когда Оттон III напал на ободритов и опустошил страну вильцев, народов славянского племени.

13. После того (995 г.) король имел со своими князьями совещание, на котором присутствовал и Генрих, светлейший герцог Баварский. Продолжительная вражда его с Гебгардом Регенсбургским была на этом сейме прекращена мирным договором. Благочестивый герцог, старавшийся беспрерывными делами милосердия искупить все пре-

---

[1] Макробий жил в V в. при дворе Феодосия I; в своем комментарии к сочинению Цицерона «О сновидениях» (I, 15) он говорит следующее: «Когда солнце и луна в своем течении встретятся на одной и той же линии, то необходимо, чтобы одно из них временно потерпело затмение: солнце, когда за ним следует луна, и луна, когда она станет против солнца. Потому-то солнце не иначе затмевается, как ночью в 30-й день луны, и луна может затмиться только в 15-й день своего течения. Случается же все это так, что луна становится против солнца, и земной шар, находясь на той же линии, мешает ей получить свой свет, или сама луна, следуя за солнцем, загораживает его свет от человеческих глаз. При затмении потому солнце нисколько не страдает, но затмевается только наше зрение. Одна луна действительно испытывает на себе затмение, потому что она тот свет, которым светит ночью, заимствуя у солнца».

[2] См. о нем выше.

жние свои прегрешения, внезапно заболел в Гандерсгейме, куда он отправился к своей сестре Герберге, бывшей там аббатиссой. Он призвал к себе своего сына, который назывался также Генрихом[1], и наставлял его следующим образом: «Спеши домой и, вступив в управление страной, никогда не восставай против своего государя и короля. Я глубоко раскаиваюсь в том, что было прежде совершено мной; не забудь отца, когда его не станет на свете: отныне ты его уже не увидишь». Когда уехал сын, преславный герцог, во время своей болезни, постоянно восклицая из глубины сердца χυριε ελεισον (Господи, помилуй), отошел, наконец, 28 августа (995 г.) в жизнь вечную. Его тело было поставлено перед алтарем св. креста среди церкви. Сын же, узнав о том, по избранию и с помощью баварцев, потребовал от короля отцовского лена.

В том же году умерли пфальцграф Тидрих и его брат Сиберт.

14. Около того же времени маркграф Генрих (из Швейнфурта), мой двоюродный брат, взял в плен Эверкера, славного, впрочем, надменного рыцаря из свиты епископа Бернварда Вюрцбургского, и за некоторые оскорбления, нанесенные им, приказал его ослепить в одном месте, под названием Линдинлог. Король, извещенный об этом епископом, горько ему жаловавшимся на то, наказал маркграфа, в порыве негодования, изгнанием, но потом помиловал и опять помирил с епископом, заставив дать последнему соответственное удовлетворение. После епископ пригласил к себе на праздник св. Килиана, 8 июля, маркграфа восточных земель (Австрии) Леопольда вместе с племянником его Генрихом, и угощал обоих весьма радушно.

Когда, между тем, после ранней обедни маркграф Леопольд со своими рыцарями потешался воинскими забавами, один из друзей ослепленного пустил в него из какой-то трущобы стрелу, так что тот, 10 июля, после исповеди скончался. Он, однако, был вовсе невинен в упомянутом деле ни содействием, ни советом. Спустя день его похоронили; маркграф был справедливо оплакиваем, потому что не было человека более его умного и во всех отношениях безукоризненного.

Предшествовавшая зима отличалась жестокой непогодой, моровым поветрием, суровой стужей, ураганами и необыкновенной засухой. В эту самую зиму были усмирены славяне.

15. Еще прежде они разорили церкви в Бранденбурге, и я коротко расскажу теперь, как они снова на долгое время вынуждены были подчиниться королю. В соседстве с нами жил один замечательный рыцарь по имени Кица, с которым маркграф Тидрих обращался весьма дурно. Не в силах выместить свою злобу, он перешел потому к врагам, которые, убедившись в его верности, отдали ему город Бранденбург, с целью вредить нам оттуда. Впоследствии, однако, удалось нам увещаниями склонить его снова предать и город, и самого себя, во власть короля Оттона. Тогда лутичи, распаленные гневом, напали на него со всем войском, какое имели. Король в ту пору был в Магдебурге и, получив известие о случившемся, немедленно отправил туда всех находившихся при нем налицо, а именно: маркграфа Эккигарда, трех моих дядей, также пфальцграфа Фритериха и двоюродного моего брата. Как только они прибыли туда со своими людьми, враги, стремительно кинувшись на них, разделили их, так что одна часть из них успела проникнуть в город, а другая осталась позади; потеряв несколько человек, последние воротились домой. Тогда король, собрав со всех сторон своих воинов, сам поспешил туда. Но враги, сильно стеснявшие защитников города, завидев новое войско, сняли свой лагерь и убежали. Тогда наши, высыпав из города, пели в радости о своем избавлении: Κυριε ελεισον, и прибывшие к ним единогласно отвечали им тем же самым восклицанием. Король снабдил город гарнизоном и вследствие того надолго удержал его в своей власти. Но Кицо, отправившись после в Кведлинбург, потерял свой город вместе с женой и своими слугами. Последних, впрочем, он возвратил потом снова, но овладеть

[1] Это был тот самый Генрих, который наследовал Оттону III под именем Генриха II и был впоследствии причислен к лику святых.

городом не успел. Один из его рыцарей по имени Болибут, по советам которого он предпринял далекое путешествие, своими происками успел так все устроить, что был провозглашен там господином; а Кицо, рыцарь предприимчивый, пытаясь впоследствии тайно возвратить себе страну, был убит вместе со своими приверженцами.

16. 23 июня 994 г. трое из моих дядей, Генрих, Удо и Зигфрид (графы округа Штаде[1]), вместе с Этельгером и многими другими, вышли на кораблях против морских разбойников, грабивших их страну; в последовавшей затем битве графу Удо была отрублена голова; Генрих, брат его Зигфрид и граф Этельгер вынуждены были сдаться, и – горько о том рассказывать! – были уведены в плен презренными людьми. Распространившаяся молва скоро сделала известным это несчастье между верными христианами. Герцог Бернгард (Саксонский), живший неподалеку от них, отправил тотчас нарочного к пиратам, предлагая им выкуп и вызывая на переговоры для мирного соглашения. Они изъявили готовность и согласились на прочный мирный договор, но за чрезвычайно большую сумму денег. Я не могу выразить, с какой щедростью король, а за ним и все христиане нашей страны жертвовали своим имуществом для выкупа. Мать моя, до глубины потрясенная сильной скорбью, отдала для освобождения своих братьев все, что имела или могла откуда-либо достать. Нечестивое полчище разбойников, получив большую часть собранных складчиной денег – и какого веса! – для скорейшего удовлетворения себя остальной суммой, отпустила всех пленников, за исключением, однако, Зигфрида; а за прочих они взяли заложниками: за Генриха – единственного сына его Зигфрида, вместе с Гаревардом и Вульфрамом, а за Этельгера – дядю его Тидриха и сына тетки, Олефа. Так как Зигфрид не имел сына, то он просил мою мать, чтобы она согласилась его выручить одним из собственных сыновей. Желая удовлетворить этой настоятельной просьбе, она отправила посла к Рикдагу, аббату (монастыря св. Иоанна, близ Магдебурга), с дозволения которого он должен был увести брата моего Зигфрида, жившего в то время монахом под его покровительством. Умный и предусмотрительный Рикдаг, зрело обдумав все дело, воспротивился подобному несправедливому требованию и отвечал, что, по возложенному на него от Бога сану, он не решается на такой поступок. Тогда посланный поспешил, как ему приказано было, к Эккигарду, бывшему в ту пору блюстителем и начальником школы св. Маврикия в Магдебурге, и просил настоятельно, чтобы тот согласился отпустить меня домой ради затруднительного положения моей матери. Таким образом, я отправился из школы в пятницу, и пошел домой в светском платье, в котором должен был после жить у пиратов; но под ним я имел и свою духовную одежду. Зигфрид, получивший много ран, несмотря на то, с помощью Божьей, в тот же день убежал из заключения следующим образом. В своем чрезвычайно тесном заключении и крайней нужде вместе с Нодбальдом и Эдико, он придумывал разные способы к побегу; наконец поручил им обоим доставить ему в легком, небольшом судне столько вина и прочих съестных припасов, чтобы можно было удовлетворить своих стражей. Когда его приказание без замедления было исполнено, жадные собаки наелись и напились вдоволь. С наступлением утра, когда священник готовился к обедне, граф, свободный от присмотра стражей, все еще лежавших в бессилии от вчерашнего пьянства, вышел на нос корабля, как будто для купания, и вскочил в стоявшее наготове судно. Поднялась тревога. Священник был убит, как подозреваемый виновник бегства заключенного; подняли якоря и быстро стали грести вслед за бежавшим. С большим трудом ушел граф от погони. Достигнув берега, он увидел там, по заблаговременному распоряжению, готовых коней и поскакал дальше, направив путь к своему городу Гарзефельду, где находился брат его Генрих со своей женой Этелой, вовсе не ожидавшие такой великой радости. Враги, преследовавшие его, ворвались в прибрежный город Штаде, тщательно обыскали его до последних закоулков, но, не найдя графа,

[1] Штаде, порт при впадении р. Швинги в Эльбу близ моря, недалеко от Гамбурга.

отобрали у женщин серьги и со злобой вернулись назад. Подобная же ярость овладела и всеми остальными пиратами: в ближайшее утро они отрезали носы, уши, руки духовенству, в том числе и моему племяннику, равно и всем прочим заложникам, выбросили их за борт в море и удалились. Впрочем, все изувеченные были вытащены своими из воды, и тогда-то поднялась безграничная скорбь. Я, между тем, посетив своих дядей и встретив радушный прием у родных, благополучно – по милости Божьей – возвратился в свой монастырь.

17. К этому времени, 25 июля (996 г.), умер высокоуважаемый епископ Аугсбургский Людольф; на его место посвятили аббата Гевегарда из Элевангена.

Между тем в одной деревне, именно Горторпе, родилось дитя, одной половиной походившее на человека, а другой, сзади, – на гуся; кроме того, правое ухо и правый глаз были у него меньше левых; зубы были шафранно-желтые; на левой руке имелся только один палец – большой, остальных четырех недоставало. Когда собирались его крестить, оно странно выпучило глаза, больше потом не глядело и по прошествии четырех дней умерло. Рождение этого урода за наши злодеяния повлекло за собой большую моровую язву...

18. В праздник Рождества Христова, в 996 г., король был в Кёльне: восстановив в этой стране покой и тишину, он предпринял давно желанный поход в Италию, и Пасху праздновал в Павии. Оттуда с большим торжеством пошел в Рим, и на место незадолго перед тем умершего Папы Иоанна (XV) посадил своего племянника Бруно, сына герцога Оттона (Каринтийского), возбудив тем признательность всех присутствовавших[1]. Этим-то Папой был он потом, в день Вознесения, приходившийся в тот год на 21 мая, на 15-м году своей жизни, в 13-е лето правления, восьмого индикта, помазан как римский император и признан защитником церкви св. Петра. Оттон III правил империей, подобно своим предкам, побеждая характером и энергией затруднения, какие могли быть сопряжены с его чрезвычайной молодостью.

19. В начале лета пришел в Рим епископ Богемский Адельберт. В крещении получил он имя, которое произносится както похоже на *Войтех*, а при миропомазании епископ Магдебургский наименовал его Адельбертом. Там же у епископа Отриха получил он научное образование. Адельберт наложил запрещение на всю свою паству, не имея возможности увещаниями слова Божия отвратить ее от старых заблуждений суеверия, и в то время прибыл для оправдания к Папе, с позволения которого и жил долгое время по строгим правилам св. Бонифация в полном смирении, служа образцом для других. Отважившись впоследствии с одобрения Папы благочестивой проповедью обуздать сердца язычников пруссов, он был пронзен копьем 23 апреля, и ему отрубили голову. Так, без всякого ропота претерпел он один из всех своих товарищей желанную мученическую смерть, как в предшествовавшую ночь сам предвидел то и предвозвестил своей братии, сказав: «Мне казалось, будто служил обедню и приобщался я один». Нечестивые совершители злодеяния, увидев его мертвым, отделили – как сказано – его голову от туловища; а обезображенное таким образом тело святого мужа для усугубления своего злодейства и Божеского наказания бросили в море; воткнув со смехом голову на кол, язычники, ликуя, отправились домой. Герцог Болеслав (Польский), сын Мизеко, узнав то, добыл себе за деньги голову и члены преславного мученика. Между тем и император, получив в Риме известие об этом происшествии, коленопреклоненный воспевал хвалебные гимны Господу за то, что Он в такое время и такого человека избрал своим поборником и сподобил его мученического венца. Около того самого времени умер епископ Бернвард Вюрцбургский, который по приказанию императора ездил с посольством в Грецию, в Ахайю, с огромным числом спутников. По уверению многих, Бог творит через него много чудес.

---

[1] Это был Папа Григорий V, сын Оттона и внук того Конрада Лотарингского, который был женат на Лиутгарде, дочери Оттона Великого, и управлял за него Италией; см. выше.

20. Король, оставив Рим (997 г.), снова посетил наши страны. Услышав о возмущении славян, он двинулся с военной силой в Штодеранию, обыкновенно называемую Гавельланд (долина р. Гавеля), и, опустошив этот округ огнем и мечом, возвратился победителем в Магдебург. Враги за то со всем войском напали на Барденгау, но были совершенно побеждены нашими. В этой битве участвовал епископ Рамвард Минденский, с крестом в руке шедший впереди знаменосцев, он воодушевлял войска к битве. В этот день пал граф Гардульф и несколько других; врагов же легло великое множество; прочие бежали, оставив свою добычу.

21. В Риме, между тем, в отсутствие Папы, назвавшегося по своем возвышении Григорием V, Кресценций посадил на его место Иоанна Калабрийского, высокого спутника императрицы Феофании, бывшего епископом Плаценции (Пьяченцы). Кресценций, присваивая себе такую власть, не помышлял ни о своей клятве, ни о больших имениях, данных ему Оттоном. Притом похититель трона взял еще под стражу и бдительно стерег посланников императора. Как только Оттон узнал о том, он поспешил к Риму и потребовал нового Папу к себе. Но узурпатор Иоанн бежал; впрочем, оставшиеся верными Богу и императору поймали его, и он лишился языка, глаз и носа. Кресценций же бросился в Леонианский монастырь и напрасно пытался сопротивляться императору. Оттон III, празднуя Пасху в Риме, приказал отстроить военные машины, и как только миновали белые дни[1], дал приказание маркграфу Эккигарду штурмовать Теодерихову башню (крепость св. Ангела). Маркграф день и ночь нападал на замок, и, наконец, проник в него с помощью высоко поднимавшейся машины. Затем Кресценций по распоряжению императора был обезглавлен и потом повешен за ноги, что всем присутствовавшим внушило невыразимый ужас. Папу же Григория V восстановили на троне с великой честью; и император в последующее время властвовал уже без всякого сопротивления (998 г.).

22. Здесь, кажется, будет уместно вспомнить о некоторых событиях того времени; многим они представляются незначительными или только очень чудесными; но, по своему характеру, они носят на себе отпечаток Провидения. В то время жил блаженной памяти граф Ансфрид (из Лёвена), славный и по характеру и по происхождению. В детстве его дядя епископ Родберт Трирский превосходно наставил его в науках, как духовных, так и светских. Потом, для рыцарского образования, другой его дядя по отцу, который, подобно тому, назывался Ансфридом и управлял 15 графствами, поручил его Бруно, архиепископу Кёльнскому. Под его руководством благовоспитанный юноша делал ежедневные успехи, пока не взял его к себе в услужение великий король Оттон I, отправляясь овладеть Римом. В начале его рыцарского поприща король приказал ему всегда разбивать свою красивую палатку в виду королевской палатки и носить меч, чтобы испытать, может ли он с ловкостью служить при дворе. Это занятие он исполнял с великой охотой, потому что, следуя таким образом за королем, когда он потешался птичьей охотой, он незаметно тем легче мог слушать пение его любимейших песен. После, когда король двинулся к Риму, этот юноша, на которого он более всего полагался, был сделан его постоянным меченосцем; и однажды король ему сказал: «Сегодня у священного порога апостолов я буду возносить молитву; ты постоянно держи меч над моей головой. Мне хорошо известно, что верность римлян всегда казалась подозрительной моим предкам. Хотя опасность еще и далека, но благоразумие требует все предвидеть, чтобы беда не застала врасплох. Когда мы придем домой, то там молись сколько угодно». Возвратившись из Италии, Ансфрид устроил из своего наследственного имения аббатство Торна, и, с согласия Папы, поставил там свою дочь аббатиссой; а для спасения своей души поручил монастырь покровительству св. Ламберта.

23. Упомянув о дочери графа, усердной служительнице Всемогущего, я не хочу

[1] Белые дни – так называются 7 дней после Пасхи.

пройти молчанием того, что через нее сделал Господь в мое время. Всегда имея в мысли гостеприимство, она так щедро угощала нуждающихся и странников, что в один день для себя и своих сестер не оставила нисколько вина к ужину. Когда смотрительница погребов доложила ей о том, она сказала: «Будь покойна, моя милая, и утешься; благодать Божья и теперь может снабдить нас». После того, по обычаю, в капелле св. Марии она поверглась перед Крестом Христовым, и вот за день перед тем опорожненный до основания винный сосуд снова начал наполняться, так что вино перешло через край. Долгое время пили из этого сосуда во славу Божию не только монахини, но многие из соседей и странников.

Случилось, что Герсевита, жена Ансфрида, заболела в своем поместье Гилиза. Она поспешила в Торну, предчувствуя близость смерти, но, не имея сил достигнуть аббатства, остановилась на пути в доме какого-то мызника. Как он сам мне рассказывал, у него были очень злые собаки, лай которых чрезвычайно беспокоил больную. Заметив это, он как хозяин дома по настоятельной просьбе графини охотно согласился запереть собак и, в случае нужды, даже умертвить их, если ему удастся. Но это было невозможно; между тем случилось само собой, что собаки не могли более лаять, пока благочестивая дева Господня не почила в мире. Она была погребена вне монастыря, в придельной капелле, тем, кто во всех трудностях жизни был ее благочестивым и верным спутником. Служанка графини, которая много лет уже страдала водяной болезнью, пришла после туда в Сочельник, дав обет принести свечу на могилу госпожи, что она и сделала. Когда началось утреннее богослужение, служанка вышла, приобщилась и на глазах всех здоровой возвратилась домой.

24. После кончины графини ее набожный спутник жизни не из отчаяния за прошедшее своего земного существования, но более окрыленный высшими стремлениями к добродетели, остановился на той мысли, чтобы посвятить себя монашеской жизни, где можно было бы найти вполне строгие правила ордена. Раздумывая о том, он был настоятельно побуждаем принять епископство Утрехтское Оттоном III через посредство епископа Нотгера Люттихского. Вследствие того граф пошел в капеллу в Ахене и молил Матерь Господа устроить это дело, если оно от Бога; если же нет, то пусть Господь своим милосердием воспрепятствует принять предлагаемое. Архиепископ же Кёльнский через своего помощника настаивал на том перед королем, и граф волей и неволей был избран в епископы. Несколько времени спустя он отказал св. Мартину пять своих имений: это был прочный залог возмездия такому доброму делу. Таким образом, в своей глубокой старости, когда уже помрачились его глаза, граф сделался монахом; собственными руками он ежедневно кормил 72 бедняков. Для слабых между ними этот слепой муж, сопутствуемый служителем, носил из долины на вершину горы воду, приготовлял ванну, сам доставлял им одежду для перемены и все необходимое для жизни, и потом отпускал их с миром; все это он делал по ночам, чтобы никто не знал о его подвигах. На этой самой горе устроил монастырь для монахов; аббаты этого монастыря часто наказывали его розгами, когда он осмеливался не слушаться их приказаний. Что только мог достать, он все отдавал бедным почти до последней копейки. При своей нежной любви ко всему он заботился даже о птицах и зимой на своей горе ставил сосуды с кормом. Под верхней одеждой всегда носил власяницу. Но с Рождества Христова почти до Крестовоздвижения лежал больным и в это время потреблял не более трех хлебов. Приблизившись к своей кончине, он увидел на окне крест, который был там написан вскоре после помрачения его глаз. Заметив об этом окружающим, он прославил Бога и сказал: «Около Тебя, Господи, свет, который никогда не помрачается». Наконец, он принял напутствие. В постоянном ожидании смерти, научившись любить своего будущего Судью и живя в страхе на земле, он потерял всякий страх перед вечностью. В крепком доверии к предстательству св. Матери Божьей, которой он посвятил и себя и все свое, он до тех пор осенял себя

знамением святого креста, пока рука вместе с духом не отошла к покою почивших в мире[1].

Когда он скончался, жители Утрехта босиком и с оружием в руках пошли к его домочадцам; они плакали, умоляли и говорили им: «Ради Бога, дайте нам нашего духовного пастыря; мы его положим в месте его епископства». Достопочтенная аббатисса, его благочестивая дочь, с капелланами и рыцарями ответила им: «Он должен быть погребенным в том месте, где Бог допустил ему умереть». Дело зашло так далеко, что вооруженные с обеих сторон пошли друг на друга; и некоторые были близки к тому, чтобы заплатить при этом жизнью; тогда аббатисса бросилась между ними и, хотя бы только на минуту, просила о мире. Из долины, где находились смиренные кельи монахов, от ручья, называющегося Эма, рыцари хотели перенести его гроб на вершину горы. Когда они решились выполнить это, утрехтцы взяли труп и, как они клятвенно уверяют до сих пор, без малейшего усилия перенесли его через ручей. По допущению Божьему, таким образом, рыцари, сильнейшая сторона, должны были уступить. Во время переноски св. тела на пути разливалось чудное благоухание и, как уверяют, вполне достоверные люди, весь воздух наполнился им на две мили в окружности.

Не ограничиваясь этим одним рассказом в своем отступлении, автор посвящает еще три главы: 25–27-ю, на местные происшествия в Магдебурге и в Кведлинбурге, где аббатисса Матильда судила одного графа за похищение девицы; записывает кончину своей матери, императрицы Аделаиды, и завершает отметкой дня смерти Папы Григория V (4 февраля 999 г.), которому наследовал знаменитый Герберт под именем Сильвестра II. Последнее обстоятельство напомнило автору, что он до своего отступления оставил Оттона III в Риме.

28. После смерти Папы Григория V король призвал на суд в Рим архиепископа Гизилера (Магдебургского) за то, что тот владел двумя епархиями, и предложил судом остановить его в отправлении духовных обязанностей и от имени Папы требовать в Рим. Но Гизилер получил удар и не мог явиться лично, а потому отправил вместо себя представителя, который должен был в крайнем случае очистить его от обвинения присягой. Вследствие того дело было отложено до того времени, когда императору будет можно совещаться с туземными епископами.

В 1000 г. король, услышав о чудесах, которые Бог совершал (в Гнезне) посредством св. мученика Адельберта, поспешил туда. В Регенсбурге его принял с великой почестью Гебгард, тамошний епископ. Короля сопровождали Циацо, патриций (наместник) римский и папский духовник (obletionarius) с кардиналами. Никогда короли не были окружены большим блеском, ни при въезде в Рим, ни при выезде оттуда, как в то время Оттон III. Гизилер, выйдя ему навстречу, успел возвратить себе его расположение. Пришедший в Цейц, король с подобающей честью встречен был Гуго II, третьим по порядку из местных аббатов. Оттуда прямым путем отправился в Мейсен, где его встретили с почетом высокопочтенный епископ Эгед и маркграф Эккигард, которому он в особенности много доверял. Проехав область мильцинов, он прибыл на границы округа Дидезизи, где герцог (Польский) Болеслав[1] (не по заслугам назывался он Большая Слава) встретил его с великими изъявлениями радости, в одном местечке, именно в Илуа (Эйлау) и приготовил ему угощение. Как великолепно принял герцог короля, как через свою землю проводил его в Гнезно, это и невероятно и неописанно. Увидев издали желанный город, Оттон, разувшись, с молитвой начал приближаться к нему. Местный епископ Унгер, встретив его с полным достоинством, повел в церковь; слезы у короля текли ручьями, и он умолял св. мученика исходатайствовать ему у Христа милость своим заступничеством. Немедленно было основано им там епископство; хотя без согласия выше названного епископа, которому

---

[1] Епископ Утрехтский умер в 1010 г., и, следовательно, автор сделал слишком большое отступление от 998 г., на котором он остановился в конце главы 21. Но эта смерть была новостью, когда писал автор свою хронику.

[1] Мизеко умер незадолго перед тем.

была подчинена та земля, однако, я думаю, законным образом, потому что он передал его брату мученика, Радиму, которому подчинил потом других епископов, Рейнбера Кольбергского, Поппо Красовского, Иоанна Бреславского, кроме Унгера, епископа Познаньского. Оттон устроил престол, где торжественным образом были положены святые останки. После того ему представили от герцога богатые дары; в том числе – что ему нравилось более всего – 300 воинов в латах. На обратный путь Болеслав дал ему до Магдебурга пышную свиту; в Магдебурге при огромном стечении народа он праздновал Вербное воскресенье. В понедельник же архиепископ был извещен снова о королевском запрещении заведовать своим епископством; при этом Гизилер, только с трудом и при помощи больших денег, мог успеть, чтобы ему была дана отсрочка от собора в Кведлинбурге. Туда собралось огромное множество судей. Отпраздновали сначала Пасху, а в понедельник после праздника был открыт собор, на который потребовали Гизилера[1]. По его болезни его снова представляло вышеупомянутое лицо, а во многих пунктах защиту обвиненного принял на себя тамошний пастырь Вальтерд. Назначили новый собор в Ахене. Он прибыл туда сам, и римский архидьякон, как его судья, именем Папы требовал от него оправдания; но, следуя благоразумному совету, он достиг того, что ему был обещан Вселенский собор, и все дело таким образом осталось нерешенным, пока в наши дни Бог своей благостью привел его к благоприятному концу.

29. Желая для себя возобновить древнеримские церемонии, которые большей частью были в забвении, король сделал некоторые нововведения, о которых различно рассуждали. Он один, например, сидел за полукруглым обеденным столом, и притом выше, чем другие.

Сомневаясь в том, где действительно находятся кости короля Карла Великого, там, где можно было думать найти их, он приказал разломать каменный пол и рыть, пока не увидели их в царской гробнице. Оттон взял себе золотой крест, который висел на шее у трупа, с частью одежд, оставшихся нетленными; остальное же положил назад с большим благоговением. Было бы трудно мне описать все другие поездки, которые предпринимал он в различные епископства и графства. Наконец, приведя все в порядок по эту сторону Альп, он посетил Римскую область, видел Ромуловские праздники и с большим почетом был встречен Папой и его соепископами (1001 г.).

30. Григорий, любимец короля, вскоре составил заговор, намереваясь захватить его в плен[1]. Он собрал своих единомышленников, и они бросились на короля, но король с немногими из своих спутников успел бежать, большая же часть из них была заперта в городе. Так никогда не довольная своими государями толпа отплатила ему злом за всю его несказанную любовь. После того Оттон III просил и заклинал всех своих друзей поспешить к нему и убеждал каждого, кто только мог сделать что-нибудь в пользу его чести и жизни, явиться с вооруженной силой защищать и отомстить за него. Между тем римляне в сознании вины сами устыдились своего преступного намерения и, упрекая друг друга, отпустили нетронутыми заключенных и смиренно умоляли о прощении и милости короля. Оттон, не доверяя их лживым словам, не замедлил отплатить им, захватывая, где только мог, лица или имущества. Вся земля, принадлежавшая Римскому и Лангобардскому государству, подчинилась ему и обещала верность; только Рим, более всего любимый им и предпочитаемый, продолжал упорствовать, потому король был сильно обрадован, когда явилась к нему на помощь многочисленная толпа верных вместе с архиепископом Герибертом Кёльнским. По наружности Оттон казался веселым; но в своей совести он трепетал за некоторые из своих злодеяний и в тишине ночи не переставал искать прощения своей вины в усердных бдениях, молитве, потоках слез. Исключая четверг, он часто постился целую неделю.

---

[1] Гизилера обвиняли в том, что он склонил Оттона II уничтожить епископство в Мерзебурге и объединил его со своей епархией.

[1] Григорий был родом тускуланец, и это все, что мы о нем знаем.

Милостыню подавал очень щедро. Но при всем этом перед его смертью начали составляться враждебные ему замыслы. Наши герцоги и князья не без ведома епископов восстали против него и обратились к герцогу Генриху (Баварскому), его наследнику. Но он помнил увещания своего отца, который, подобно ему, назывался Генрихом, умер в Гандерсгейме и там погребен; верный всегда королю, Генрих не оказал им никакого внимания. Король узнал о том, но терпеливо все перенес; он заболел в Патерно: внутренности его тела покрывались нарывами, которые мало-помалу лопались. В непоколебимой вере, со светлой мыслью расстался он с этим миром 24 января (1002 г.); будучи украшением Римской империи, Оттон оставил своих в безутешной скорби, потому что в его время не было человека столь щедрого и кроткого, как он. Тот, кто *альфа* и *омега* (Апок. 1. 8), да помилует его; пусть наградит его за малое великим, за временное вечным.

31. Присутствовавшие при его смерти в тайне сохраняли то, пока не собралось повсюду рассеянное войско. Скорбная дружина повезла труп своего возлюбленного государя; но семь дней ей приходилось выдерживать непрерывные нападения; неприятели не давали покоя, пока не пришла она в Верону. Продолжая оттуда путь далее, наши добрались до Полингена (Полинг), владения епископа Аугсбургского Зигфрида; их встретил там герцог Генрих; и они были тронуты его слезами. Одного за другим герцог просил, давая большие обещания, избрать его своим государем и королем. Он принял королевский труп и все регалии, за исключением копья, которое тайно послал вперед архиепископ Гериберт, желая удержать эту вещь для себя. За что его, однако, схватили и только впоследствии, он, оставив брата своего заложником, получил дозволение отправиться домой и немедленно возвратил копье. Но архиепископ со всеми, которые следовали за телом короля, исключая епископа Зигфрида, не подал голоса за герцога; и нисколько не скрывал того, даже прямо объявил, что он вместе с друзьями будет за того, на чьей стороне окажется большая и лучшая часть народа. Герцог между тем, достигнув со своими Аугсбурга, приказал положить внутренности любимого государя, которые весьма тщательно сохранялись в двух сосудах, в капеллу св. епископа Отельриха; эта капелла была построена в честь его же преемником Людольфом на южной стороне монастыря св. мученицы Афры; во спасение души усопшего герцог подарил сто десятин земли из собственного имущества. Отпустив с миром огромное число сопровождавших, он понес королевский труп в свой город Нейбург. Впоследствии же по настоятельной просьбе пфальцграфа Генриха, с сестрой которого он вступил в брак еще при жизни императора, герцог, простившись со всеми, отправил труп на место его назначения.

32. Извещенные о преждевременной смерти любимого государя, опечаленные князья саксов собрались в Фразе (Фрози), королевской мызе, которую получил от короля граф Гунцелин в ленное владение. Там, архиепископ Гизилер Магдебургский со своими соепископами, герцог Бернгард (Саксонский), маркграф Лиутар, Эккигард (из Мейсена) и Геро с первыми чинами империи рассуждали об устройстве дел. Маркграф Лиутар, заметив, что Эккигард хочет взять над ним верх, пригласил на тайное совещание архиепископа и значительную часть знатных, и убеждал всех поклясться не приступать к избранию короля и государя ни сообща, ни отдельно, пока не соберутся все в Верло (Верле). Все, за исключением Эккигарда, согласились и одобрили предложение, а Эккигард, негодуя на то, что ему к возвышению на трон предстоит хоть и небольшое замедление, сказал своему противнику: «Маркграф Лиутар, зачем ты мне противодействуешь?» Этот отвечал: «А ты не замечаешь, что у тебя недостает четвертого колеса в телеге?» Выбор был прерван, и таким образом исполнилось замечание древних, что наступление ночи иногда отделяет нас от целого года, а год может продолжаться за пределы человеческой жизни.

Во времена короля Оттона III славяне сожгли монастырь Гиллилево (Гиллерслебен) и увели монахинь. В тот день многие из наших погибли.

33. Но я опять слишком удаляюсь от своей цели; обращусь снова к ней и вкратце расскажу порядок королевского погребения. Тело Оттона III, отправленное в Кёльн, было встречено архиепископом Герибертом. В понедельник после Вербного воскресенья его принесли в монастырь св. Северина, во вторник к Панталеону, в среду к св. Гереону. В день воспоминания св. вечери понесли его в церковь св. Петра; когда по обычаю были введены туда исповедники и удостоились прощения грехов, душе покойного архиепископ даровал также отпущение; тогда прочие священники потребовали от прихожан почтить память усопшего, что и было ими совершено на коленях с обильным пролитием слез. В пятницу опять было поднято тело, и с ним прибыли в Ахен в св. субботу. В Светлое воскресенье оно было опущено в могилу посреди хора церкви Богоматери. Любовь, которую все питали к умершему, выразилась тогда в пламенных молитвах и единодушных громких изъявлениях скорби. По причине великой усталости сошедшихся людей праздник Воскресения Господня, в который бывает общая радость для ангелов и людей, не мог быть совершен с подобающим торжеством; притом в этой тяжелой потере все узнали наказание Божие за свои грехи. Кто верит Богу, пусть слезно помолится за душу Оттона III; с величайшими заботами он постоянно думал о том, чтобы возобновить нашу церковь. Будучи сам всегда сострадателен к несчастью других, да насладится он вечно, в земле живых, общением верующих и непреходящими благами Господа!

34. Большая часть знатных, которые присутствовали при этом погребении, обещали герцогу Гериманну (Швабскому) свое содействие к приобретению королевской власти; они весьма ложно полагали, что герцог Генрих по многим причинам не способен стать во главе государства. Лангобарды же, узнав о смерти короля, так как они мало беспокоились о будущем и не слишком заботились о покаянии, избрали себе королем Гартвига[1], который лучше умел

[1] То есть Гардуина Иврейского.

разрушать, чем управлять; по воле Божьей, это сделалось после ясно и тем, которые затеяли все это дело. Рассказ об этом, впрочем, отложу на будущее время, теперь же приступлю к описанию деятельности того лица, которое восстававших против него смирило своим благочестием и своими великими добродетелями повергло их ниц перед собой. Таким был Генрих, пятый по числу из саксонских императоров, второй по имени; им начну свою следующую книгу[1].

35. Но так как я не мог охватить всего по порядку, что случилось в правление Оттона III, то я не стыжусь потому еще раз возвратиться к тому же предмету и пополнить, что мной было упущено. Подобно путешественнику, который для большей усталости или по незнанию пути, меняет большие дороги на извилистые проселочные дороги, я позволю себе сделать несколько отступлений.

Автор, вместо того чтобы прямо начать пятую книгу, припомнил, что им многое опущено и из событий других стран, и из обыденной жизни его монастыря, и из рассказов странников, навещавших автора, а потому решился в заключение четвертой книги все наверстать, от главы 35 до 51-й. Так, в главах 35–37 говорится о польских делах и смерти Мизеко в 999 г.; в 38-й – об учреждении в Венгрии епископства, о чуде, совершившемся в Риме, о браке сестры Оттона и о смерти Конрада Швабского; в 39-й – о жизни епископа Вормского Франко и о смерти капелланов императора Герпо и Рако; в 40-й – о перенесении тела Папы Бенедикта из Гамбурга в Рим; наконец, в главе 41 автор по поводу смерти одной личности останавливается несколько дольше на характеристике современных ему нравов.

41. Во времена императора Оттона III умерло много благочестивых людей, но я ничего не знаю о их жизни и потому умолчу. Между такими была одна графиня Христиана, завещавшая большую часть своего имущества, которым она владела в городе Стувах (Stöben), св. Маврикию в Магдебурге. Окончив быстрое поприще земной жизни во Христе, она 8 марта с радостным сердцем вступила в область давно желанного жениха. О ее смерти был извещен следую-

[1] См. ниже.

щим образом архиепископ Магдебургский Гизилер, находившийся в то время в Кведлинбурге. К нему явился во сне неизвестный со словами: «Разве ты не знаешь, что в эту минуту все силы небесные изготовляются встретить верную во Христе душу и отнести небесную невесту? Она уже грядет за своей наградой в ожидании вечной обители». Проснувшись, он рассказал свое видение Вальтгерду, бывшему в то время еще священником, а когда этот последний узнал вскоре, что в ту самую ночь умерла та почтенная госпожа, он донес о том своему начальнику и объявил ему, что сон его сбылся. Покойная, умея всегда скрывать свои добрые дела и храня их в глубине души, нисколько не походила на большинство женщин нашего времени, которые по большей части обнажают верхнюю часть своего тела самым неприличным образом перед своими любовниками, и, невзирая на страх Божий и срам людской, без всякого стыда ходят так перед всем народом. В высшей степени худо и плачевно, что грешники не считают нужным больше скрываться и являются публично, чтобы наносить оскорбление добрым, а для дурных служить примером.

Последующие главы продолжают рассказ в том же роде, иногда с желанием назидать читателя, иногда просто для того, чтобы записать слух. Так, в главе 42 говорится о том, как одна монахиня вышла замуж за славянина; в 43-й – как декан в Магдебурге Гепо потерял язык за то, что оделся в светское платье, и как в той же церкви раздавило алтарем сторожа; в 44-й – как дьявол соблазнял товарища автора Гусварда; в 45-й – описан чудесный случай с другим товарищем Марквардом; в 46-й – рассказано о смерти одного графа Альби; в 47-й – как был наказан один юноша, непочтительно обращавшийся с мощами, вверенными его заботам; в 48-й – как был награжден монах за уважение к мощам; в 49-й – о соперничестве архиепископа Гизилера с маркграфом Эккигардом; в 50-й – о добрых качествах собрата автора Конрада родом из Магдебурга; наконец, в последней главе четвертой книги автор обращается к самому себе и описывает свою внешность. Упомянув о Конраде из Магдебурга, он продолжает следующим образом:

51. Каких отличных людей я знавал между знатными города Магдебурга! По своему (духовному) званию я не мог подражать их достохвальной жизни, а после смерти их до меня не дошли известия о их делах. О, я бедный человек! В течение своей жизни я находился в самых тесных сношениях со многими великими людьми, и в то же время моя деятельность так мало походит на их уважаемую жизнь! Я, близкий в своей греховности к смерти, надеюсь, однако, приобрести живот вечный перед светлым ликом Создателя, ибо заслугами своей братии я исторгнусь из рук смерти; если я здесь мало сделал добра, то я постоянно помышлял об умерших. Моя воля до сих пор была добра, но так как я не тружусь над тем, чтобы подкрепить ее надлежащими силами, то она мне ни к чему не служит. Я постоянно жалуюсь на себя, но не выполняю строго эпитимии и потому нуждаюсь в совершенствовании, ибо мало думаю о Том, Кто служит единственным предметом славословия.

Печать Роберта II Благочестивого (996–1031 гг.)

Теперь, мой читатель, я изображу тебе свою наружность: смотри, что я за *господин* такой, и, соответственно тому, оказывай мне почтение! Ты увидал бы перед собой маленького человека с обезображенной левой челюстью, ибо на ней давно уже образовалась фистула, припухающая и до сих пор. Переломленный нос, что случилось со

мной еще в детстве, придает мне самый смешной вид. Но на такие недостатки я вовсе не жаловался бы, если бы обладал какими-нибудь душевными достоинствами. В последнем же отношении я – жалкий человек: характер у меня злой и мало наклонный к добру, притом завистливый; над другими смеюсь, а сам вполне заслуживаю насмешки; никого не щажу, как то мне следовало бы по моей обязанности; я – негодный, лицемерный, скупой и лживый человек, а чтобы довершить свое описание, скажу, что я хуже, нежели как то можно сказать или представить. Каждый имеет право не шепотом, но громко говорить, что я – грешник, и мне следует, стоя на коленях, просить братию наказать меня и бранить. Иных люди решились бы похвалить, если бы тому не мешало одно ничтожное обстоятельство, а именно, что люди «иные» не могут быть отнесены к лучшим людям и что людям очень многого недостает для полного совершенства. Каждому похвала будет воздана в конце, и человеческие деяния выдержат пробу огня.

Chronici libri VIII. Книга четвертая. У *Pertz*. Mon. III. 733 и 871.

Вильгельм Гизебрехт

О ПЛАНАХ ЦЕРКОВНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ ПРИ ОТТОНЕ III (в 1860 г.)

Как ни скоро кончился первый[1] римский поход Оттона III, однако он не остался без важных последствий, а именно Рим произвел глубокое впечатление на живой характер молодого императора. Быстрые успехи по ту сторону Альп раздражили его воображение и дали ему сознание собственной силы, которая дома, в Германии, среди мелких и неудачных войн со славянскими племенами, не могла найти для себя достойного поприща. И в самом деле, могли ли не подействовать на юного, впечатлительного и честолюбивого государя, каким был Оттон, живые воспоминания о древней империи, которые встречались ему повсюду в Италии, особенно когда он сам смотрел на себя, как на последнего преемника тех древних римских императоров.

Когда, таким образом, властолюбие и жажда почестей все более и более овладевали сердцем Оттона, в то же самое время в душе его пробудилось еще с большей силой то фанатическое стремление к покаянию и мистическим размышлениям, которого первые признаки обнаружились еще прежде, чем нога его переступила Альпы. Искра давно уже тлела; впечатление, произведенное Италией, раздуло ее в яркое пламя. Там он научился в первый раз понимать все значение власти и предался мистическому направлению, которое внушило

[1] В 996 г. (см. у Титмара, Хрон., IV, 18, выше). Оттон III ходил тогда в Италию, чтобы короноваться императорской короной.

ГИЗЕБРЕХТ (WILHELM GIESEBRECHT). Историк и исследователь немецкой старины, принадлежит к школе Ранке. В издании Пертца памятников Германии он принимал постоянно деятельное участие. Из его трудов первое место занимает «История времени немецких императоров» (Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Braunschw. 1855. 2 изд. 1859–1862 гг.) в трех томах. Автор делает очерк судьбы германского народа, от времен глубокой древности до начала X в., и потом во всей подробности исследует эпоху Оттонов и Генрихов, то есть X и XI столетия; первая часть третьего тома доходит именно до 1077 г., когда в первый раз примирились Генрих IV и Гильдебранд. Этот труд Гизебрехта принадлежит к числу лучших произведений исторической критики XIX столетия.

ему презрение ко всему земному, как ничтожному. Самые противоречивые движения обнаружились в душе богато наделенного природой юноши и развили в нем то фантастическое воззрение на жизнь, которое опасно для каждого человека, а для государя в его положении должно было сделаться даже гибельным.

Чтобы справедливо оценить те влияния, под которыми развивалась тогда нравственная жизнь императора, необходимо предварительно ближе познакомиться с реформой духовной и церковной жизни, которая в то время была произведена во Франции и Италии.

После того как в немецких землях ужасы варварства научили людей обращаться к молитве, пробудилось также и более глубокое религиозное движение вне власти епископства; оно обнаружилось между отшельниками и монахами прежде, чем перешло к высшему духовенству. В Италии и Франции это движение охватило собой вместе и самих правителей церкви. Но в Германии было одно время, когда можно было ожидать упорной борьбы между монашеским и светским духовенством; однако такая опасность была скоро устранена, и в Германии, в некотором смысле, произошла реформация церкви, совершившаяся не вопреки королевской власти, а, напротив, даже скорее в самой тесной связи с последней. Известно, как в то время прочно соединялась императорская власть с идеями немецкого духовенства, какое широкое поприще она открывала ему для беспрепятственной деятельности религиозной пропаганды, с другой стороны, как императоры пользовались силами духовенства для новой организации государства; они открывали духовным возможность приобретать весьма значительное влияние и на чисто светские вопросы, употребляя епископов и аббатов для самых важных государственных дел. Таким образом, реформа церковной жизни в Германии прямо охватывала и само государство; в Германии между государством и церковью заключен был прочный и чрезвычайно богатый последствиями союз. Прямым и неизбежным результатом такого союза было то, что аскетическое направление, характеризовавшее некогда пробужденную духовную жизнь, начало все более и более исчезать; зато теперь явились практические задачи, задаваемые немецкому духовенству обстоятельствами времени, которые оно по большей части разрешало с удивительной ловкостью. Все живые и энергичные люди, принадлежавшие к сословию духовенства, бросились с жаром и воодушевлением в эту великую борьбу за величайшие земные и небесные блага, в которой императорство должно было выполнить свое призвание. При этом мало даже обращали внимания на то, не придется ли иногда стать в противоречие с древними уставами церкви. И хотя отдельные личности, глубоко завлеченные в светские дела, сбились при этом с пути, как, например, властолюбивый Дитрих Мецский и корыстолюбивый Гизилер Магдебургский, но вообще немецкие епископы того времени были по большей части люди набожные, украшенные истинно христианскими добродетелями – тверды в вере и крепки в надежде. По единогласному мнению современников, они менее других были заражены нравственной гнилью, охватившей все высшее духовенство почти во всех западных государствах. Монашествующее духовенство в Германии приняло также самое живое участие в стремлениях государства и не слишком далеко держало себя от мирских забот. Нельзя сказать, чтобы между таким монашеством процветали монастырские добродетели и чтобы оно принимало за норму для своей жизни исключительно устав святого Бенедикта; впрочем, этот устав пользовался у него большим уважением, и в нем проявлялась искренняя и сердечная набожность со всеми ее результатами. Кто будет сравнивать состояние немецких монастырей в конце X столетия с тем состоянием, в каком они находились в его начале, тот повсюду найдет следы того духовного переворота, который совершился в ту пору.

Во Франции и Бургундии тоже произошла реформа церковной жизни, но совершенно другим образом. Реформационные попытки странствующих монахов остались здесь без важных последствий, равно как и многие попытки, исходившие от лотарингского духовенства, одобренные Оттоном

Великим и архиепископом Бруно и имевшие целью преобразование канонической и монастырской жизни между духовенством, и не дали никаких положительных результатов; гораздо глубже вкоренились идеи, выработанные в монастыре Клюни[1] и направленные к той же цели. Берно, сын какого-то бургундского графа, основал этот монастырь в 910 г. на французской почве, возле самой границы Бургундского государства. Герцог Вильгельм Аквитанский, подаривший монахам землю под этот монастырь, в своей грамоте на его основание совершенно изъял их от зависимости и надзора всякой другой светской или духовной власти и подчинил их непосредственно Риму; таким образом, монастырь был, в некотором смысле, подарен в собственность престолу св. Петра и должен был ему каждый год платить десять шиллингов подати для признания своей зависимости. Берно прежде всего старался привести в исполнение уже почти забытый устав св. Бенедикта во всей его строгости. Его стремление имело блистательный успех и заслужило такое одобрение, что даже и другие монастыри добровольно ему подчинились, и он перед своей смертью был уже во главе семи монастырей, находившихся в тесном общении друг с другом. Начатое так успешно дело продолжал Одо, второй аббат. Он издал особенные правила для Клюнийского монастыря, которые своей строгостью далеко превзошли старый Бенедиктинский устав. Эти правила, с одной стороны, имели целью пробуждение внутренней жизни посредством необыкновенных лишений и умерщвлений, а особенно посредством продолжительного молчания; с другой стороны, они овладели и внешней жизнью со всех ее сторон и устроили ее точнейшим образом. Одо приобрел себе огромную славу как реформатор западного монашества; не только в одной Франции подчинились его уставу многие монастыри, и преимущественно с давних пор славившееся аббатство Флёри в Орлеанском округе, но он распростер свою деятельность даже на Италию. Альберик, римский патриций, поставил его во главе всех римских монастырей; король Гуго старался через него подействовать на исправление ломбардского духовенства; даже сам Монте-Кассино, глава монастырей всего Запада, был им преобразован, что, впрочем, кассинцы или совсем забыли, или с умыслом умалчивали о том. Собственно Одо положил прочные основания для будущей духовной славы Клюни, а его наследник Аймар обеспечил материальное благосостояние своего монастыря, собранием значительного имущества и приобретением больших подарков.

[1] См. выше.

В самом цветущем состоянии находился монастырь, когда Майоль, четвертый аббат, принял на себя управление им, продолжавшееся в течение почти 50 лет (до 994 г.). Во время такого длинного периода он с величайшим успехом шел по пути, начертанному его предшественниками. Число монахов в Клюни в его время возросло до 177; тридцать семь монастырей, частью в Восточной Франции, частью в Бургундии, чтили его как общего верховного начальника и были управляемы им же назначенными соаббатами; даже некоторые из монастырей Италии и Германии, хотя они и пользовались более самостоятельным самоуправлением, находились с ним в близких отношениях, так что они с охотой старались следовать его распоряжениям. Клюнийская конгрегация могла, наконец, подумать о монархической организации всего монашества под предводительством ее аббата, как о цели, к которой она, по-видимому, устремлялась быстрыми шагами. Майол пользовался особенным доверием бургундского королевского дома, а через Аделаиду (жену Оттона I) был также известен саксонским императорам и глубоко ими уважаем. Оттон I призвал его в Италию с тем, чтобы там восстановить упавшую монастырскую дисциплину; говорят, что Оттон II предлагал ему даже престол св. Петра, но Майоль еще в своей юности пренебрег архиепископским престолом Безансона и не хотел покинуть монастырь. Когда он передал управление Клюни им же самим назначенному преемнику Одилону[1], этот монастырь уже имел

[1] См. об его жизни ниже.

под своей властью почти все монашеское духовенство Франции и Бургундии, а при большей части королевских дворов держал очень влиятельных защитников. Стремления клюнийцев начали тогда переходить далеко за предел первоначальных целей конгрегации; они уже не довольствовались одной реформой монашества во всей ее обширности, они в то же время устремили свои усилия к тому, чтобы восстановить каноническую жизнь между светским духовенством и основать между ним подобную же иерархию, какая существовала у них, при их правиле подчинять все церкви римскому епископу. Можно сказать, что их усилия были направлены к тому, чтобы привести в исполнение псевдоисидоровские декреталии, от которых Папы хотя и никогда не отказывались, но довольно с давних пор даже сами не требовали их точного исполнения. Клюнийская конгрегация потому имела для того времени и для следующих ближайших столетий почти то же значение, какое в новейшее время имел орден иезуитов, с которым она представляет много общего как по своим принципам, так и по уставам.

Хотя не подлежит никакому сомнению, что клюнийцы имели громадное влияние на обновление церковной жизни во Франции, но исходящая от них реформа не укоренилась так глубоко, как совершавшаяся одновременно с ней реформа в Германии; и именно потому, что им не удалось подчинить своему влиянию французских епископов, или, лучше сказать, у них завязалась с последними упорная борьба. Французские епископы, избираемые преимущественно из первых фамилий страны, ни в каком случае не уступали немецкому духовенству по отношению учености, скорее можно сказать, что именно между ними и сохранились последние остатки собственной культуры Каролингской эпохи; но зато они тем далее отстали от немецких епископов в отношении важности духовного сана. Хотя они и были вынуждены оставить свои теократическо-иерархические стремления, но зато тем усерднее они старались упрочить за собой богатые имущества своих церквей, оспариваемые у них со всех сторон. Не будучи защищены сильной королевской властью против насилия могущественных светских владетелей, они вынуждены были прибегать к хитростям и самым дурным интригам, вследствие чего и погрязли в той глубокой испорченности, с которой можно достаточно познакомиться из истории Франции времен Гуго Капета. Менее преданные разврату и чувственности, чем итальянские епископы, епископы французские не менее их секуляризировались, и, если только было то возможно, дошли до большого нравственного упадка и окончательно превратились в покорных слуг деспотов. Клюни беспощадно нападал на эти светские и низкие стремления епископов, а вместе с тем старался изъять из-под всякого епископского надзора и себя и всю свою конгрегацию; аббаты его делали акцент на исключительное положение, которого справедливо не хотели признать епископы, потому что оно было совершенно противно древним церковным постановлениям. Таким образом, Клюни не только находился в постоянной ссоре с епископом Маконским, епархии которого принадлежал, но относился враждебно вообще ко всем епископам Франции. На Реймсском соборе одни только французские аббаты объявили себя на стороне папского престола, против епископов.

Если реформация, вытекавшая из Клюни, ни разу не могла совершенно преобразовать религиозного состояния Франции, то еще того менее могла она удасться Италии, несмотря на то, что многие попытки были сделаны к тому даже самой императрицей Аделаидой, доверием которой пользовался аббат Одилон и был ее духовником. Реформа Клюни в монастырях Италии по большей части сгладилась очень скоро, а развратные и гордые епископы итальянские еще менее обращали внимания на увещевания французских монахов.

Позднее и совершенно особенным образом пробудилась и в Италии весьма глубокая религиозная жизнь. Так как эта жизнь искала себе удовлетворения более в мистических созерцаниях, чем в учреждениях, касающихся устройства наружной жизни, то и руководителями ее служили там более отдельные даровитые личности, чем орга-

низованное общество. Прежде всего на этом поприще мы встречаем святого Нила. Он родился в Россано, в греческой Калабрии, в самом начале X столетия. На тридцатом году жизни вступил в один из монастырей своей родины и принял устав святого Василия, бывший в употреблении между греками. Суровый образ жизни, замечательная строгость его нравов, а более всего сверхъестественные силы, которые, казалось, пребывали в нем, доставили ему столь же много уважения у сильных мира, как и почтения, и влияния у массы народа. Ему хотели дать Россанское епископство, но он отказался от такого места, потому что оно могло бы глубоко запутать его в заботы и опасности светской жизни. Несмотря на то, что он по языку и обычаям был грек, однако, он с несколькими товарищами отправился в латинскую Италию. Аббат Монтекассинского монастыря вышел ему навстречу в торжественной процессии со всеми своими монахами и отдал ему честь, как ниспосланному Богом. Нил одобрил строгость нравов, господствовавшую в монастыре, и просил аббата, не может ли он ему и его товарищам дать место для жилища в окрестных горах, чтобы там под надзором монастыря они могли вести отшельническую жизнь. Небольшой монастырь святого Михаила в Валлелуце был отдан им, и там Нил прожил около пятнадцати лет. Но так как впоследствии жизнь монахов в Монте-Кассино сделалась более светской, то он обратился к своим товарищам и сказал: «Оставимте это место, потому что скоро постигнет его гнев Господень». Он отправился в окрестности Гаэты, где долго жил, и из своего нейтрального убежища, на границе Восточной и Западной империи, посылал свои увещания и предостережения к сильным земли. Свое призвание и необходимую для того силу он почерпал, более углубляясь духом в природу божества, чем прибегая к внешнему покаянию и умерщвлению плоти; впрочем, он приписывал немаловажное значение и последним.

Того же духа был исполнен Ромуальд Равеннский, слава которого в то же самое время наполняла собой всю Северную Италию. Он происходил из знатной фамилии и долгое время предавался роскошной и предосудительной жизни. Но тяжкое преступление, которое совершил его отец, убив одного из своих родственников, пробудило в нем другого рода мысли, под влиянием которых он отрекся от мира и избрал монастырскую жизнь. Вступив в монастырь святого Аполлинария в Равенне, он за свои проповеди, призывавшие к покаянию, до того сделался ненавистным своей собратии, что должен был оттуда бежать. Найдя себе убежище в пределах венецианских, у одного из отшельников по имени Марино, он в продолжение многих лет жил с ним, подвергаясь большим лишениям. Марино и Ромуальд старались пробудить совесть в Петре Орсеоло, венецианском доже, который навлек на себя тяжкое обвинение, умертвив своего предшественника, и кончили тем, что уговорили его отказаться от светской жизни и вместе с ним тайно оставили пределы Венеции и отправились в Каталонию, где долго вели жизнь пустынниками. Впоследствии Ромуальд вернулся назад в Италию и старался там преобразовать монастырскую жизнь, в чем ему оказывал всевозможное содействие маркграф Гуго, бывший в то время самым могущественным лицом в стране. Оттон III несколько лет спустя предоставил ему аббатство Классе в Равенне; но суровость Ромуальда встретила в монастыре такое сильное сопротивление, что он пожелал избавиться от своей должности, как то действительно и случилось. Но тем не менее этот могущественный человек повсюду производил громадное влияние на умы.

Все подобные подвижники Италии, давшие новую жизнь религии, отличались величественным и фантастическим образом мыслей; как ни близко сходились они с клюнийцами, но, однако, сущность их деятельности была направлена далеко не к одной цели, то есть не к внешней стороне церкви, о которой заботились французские монахи. Новопробужденная религиозная жизнь охватила даже и Рим, то есть отдельные тамошние монастыри, но никак не пап и не высшее духовенство. Монастырь св. Павла, расположившийся перед Римом, уже с давних пор находился в близкой связи

с Клюни, равно как и Мариинский монастырь, основанный Альбериком на Авентине, где часто живал и Одилон. Соседний же монастырь, посвященный древним римским мученикам, Алексию и Бонифацию, и находившийся на той же возвышенности, где несколько греческих монахов, подчиненных уставу св. Василия, мирно жили рядом с западными бенедиктинцами, был проникнут духом Нила, стоявшего в дружеских отношениях с аббатом того монастыря, Львом – тем самым, который ходил папским легатом в Германию и Францию. Один из монахов этого монастыря – богемец Адельберт первый сумел проникнуть в душу молодого императора до самой ее глубины и произвел на него неизгладимое впечатление.

Адельберт, или Войтех (то есть воев утеха), родился от одной из первых фамилий чешских; Славник, его отец, был в родстве с чешскими герцогами, а через них и с баварским княжеским родом, даже с самим императором. Славник был христианин, хотя новопринятая религия коснулась только поверхности его сердца, но зато тем набожнее была его мать Стжицислава. Между многочисленными своими братьями Войтех отличался преимущественно красивой наружностью. Родители предполагали, что его ждет большое счастье на свете и предназначили его к светской жизни. Но еще в самом раннем возрасте в нем открылась болезнь. Испуганные родители положили его на алтарь Пресвятой Девы и дали обет отдать его на службу Богу и церкви, если он выздоровеет; и он действительно выздоровел (см. выше, у Титмара).

Как только настали те годы, когда могло быть начато обучение ребенка, он был отдан к христианским священникам на воспитание. Едва лишь он успел усвоить себе хорошо псалтырь, отец отправил его в новоосновалную семинарию в Магдебурге, где учителем его был Отрик, саксонский Цицерон. Войтех прожил девять лет в Магдебурге и при конфирмации был назван Адельбертом, по имени первого епископа; таким образом, он переменил чешское имя на немецкое. Потом, вернувшись назад в Богемию, он был посвящен в пресвитеры, но в душе по-прежнему оставался светским человеком, и впоследствии многие любили вспоминать его как веселого и живого юношу. Между тем для него скоро должна была наступить эпоха преобразования: Адельберт был свидетелем последних минут жизни первого Пражского епископа, саксонца Титмара, который с большим усердием старался пробудить между чехами духовную и церковную жизнь, но, несмотря на то, умирая, все еще упрекал себя в бесполезном исполнении своей должности и приписывал своим грехам то, что ночь идолопоклонства еще так широко распространялась над страной. Эта боязнь благочестивого мужа овладела душой юного священника с удивительной силой; в ту же самую ночь он надел власяницу, посыпал голову пеплом и бегал из церкви в церковь, стараясь в молитве найти успокоение для своего сердца. Так внезапно сделался он в душе совсем другим человеком, хотя окружающие его едва могли заметить всю эту перемену.

Герцог Болеслав и чешские магнаты избрали Адельберта преемником Титмара, так как на это ему давало преимущество перед всеми и знатное его происхождение, и богатство, и ученое образование, и, наконец, его миролюбивый характер; Адельберт не отказался от выбора своих соотечественников. Весной 983 г. он отправился за Альпы вместе с чешскими посланниками, которых Болеслав отправлял на сейм в Верону. Виллигис, архиепископ Майнцский, под властью которого находилось епископство Пражское, посвятил Адельберта 29 июня 983 г. В этот же самый день кончился мир со славянами, и язычество поднялось снова. Даже сам герцог Болеслав скоро поколебался в своей верности империи и в усердии к христианской вере. С удивлением все смотрели на Адельберта, который босиком и в грубой одежде возвращался в Прагу и так вошел в свою епископскую столицу; еще более поразило всех, когда он, наряду со своими епископскими занятиями, предался, исключительно, ремесленным занятиям, посту, ночным бдениям, молитве и созерцанию божественных предметов. Строгость, оказываемую им к самому себе, он применял также и к другим. Не желая более терпеть многоженства, браков священ-

ников, языческих обычаев при христианских праздниках, продажи христианских пленников евреям, он, вследствие того, скоро вступил в ожесточенные споры с людьми могущественными в стране. Наконец, он начал отчаиваться в возможности здесь заботиться о царстве Божием и самому вести жизнь благочестивую; епископское достоинство обратилось ему в тягость, и он решился тайно оставить страну и отправиться в Иерусалим в качестве пилигрима (989 г.).

Итак, Адельберт вторично перешел Альпы и сначала отправился в Рим, чтобы перед Папой оправдать свой поступок. Папа одобрил его путешествие в Обетованную землю, Феофания (мать Оттона III), которая в то время находилась в Риме, вручила ему значительную сумму денег с тем, чтобы он у святого гроба помолился за упокой души ее мужа: уже давно ее преследовала мысль, что Оттон II навлек на себя большую вину тем, что захватил Мерзебург. Адельберт принял деньги, но тотчас же все роздал бедным; земное благо для него было только бременем. Он оставил Рим и направил свой путь к Монте-Кассино. Там его убедили, что не страническая жизнь, а добродетельное и набожное шествие по пути Господню угодно Богу, и посоветовали ему (не без корыстолюбивого расчета) остаться в монастыре. Адельберт воспротивился последнему совету, но все же отказался от своего пилигримства и отправился в монастырь св. Михаила в Валлелуце, где тогда еще пребывал Нил. Из боязни к монахам Монте-Кассино Нил отказал ему в желанном убежище и посоветовал вернуться назад в Рим, уверяя, что там его с радостью примут в монастырь его брата Льва; что последний будет им руководить в борьбе, которой человек должен подвергаться на пути к спасению; что тот раздует в нем пламя любви небесной в сильный жар, и сердце его постоянно будет пылать как бы алтарь Бога. Адельберт вернулся назад в Рим и там нашел желанное спокойствие в монастыре святых Бонифация и Алексия, где его принял Лев вместе с его сведенным братом Радимом, или Гауденцием, неразлучным его товарищем. В Страстную субботу (990 г.) оба они дали монашеский обет.

Теперь начались для Адельберта блаженные дни. Он с радостью подчинился низким рабским работам, которые на него возлагались ради смирения. С равной охотой повиновался как первому, так и последнему в монастыре, ибо был уверен, что через такое послушание он делается более и более внутренним человеком; с непрерывным усердием предавался молитве и чтению Священного Писания; но приятнее всего ему было проводить минуты в духовной беседе с аббатом и с более образованными из братии. Тогда ему казалось, как будто слово Божие на них ниспадало с неба как роса; святой огонь пылал в душах, и восторг, переливавшийся из сердца в сердце, доказывал, что среди них присутствует сам Бог. Адельберт почти совсем не думал о своей пастве; но Виллигис и чехи думали о нем.

Церковная жизнь в Богемии все более и более приходила в упадок, сам Болеслав, соединившись с язычниками – лутичами, поднял оружие против Немецкой империи. Но, наконец, этот союз с язычниками разорвался, и опять стали думать о том, чтобы снова упрочить церковный порядок в стране. Поэтому Виллигис и Богемский герцог, чтобы склонить Адельберта к возвращению в свою епархию, послали к нему в Рим Радля, друга его детства, который в школе служил ему примером и которого он шутя называл своим воспитателем, и Христиана, родного брата герцога, который был монахом и жил в монастыре св. Эммерана в Регенсбурге. Адельберт не хотел склониться на настоятельные просьбы послов; и, только уступая приказанию Папы и воле своего аббата, согласился, когда чехи торжественно обещали исправиться.

После трехлетнего отсутствия Адельберт вернулся назад в Прагу (992 г.). Первым его старанием было основать Бенедиктинский монастырь в Бреславле около Праги. Этот монастырь был посвящен святым Бонифацию и Алексию; первые монахи прибыли сюда из Авентина. Но Адельберт оставался в отечестве неохотно и питал полное недоверие к своему народу. Ему хотелось по возможности скорее избавиться от своей тяжелой ноши, и повод к тому не заставил долго себя ожидать. Раз он доста-

вил убежище в церкви какой-то знатной чехине, которая была уличена в нарушении супружеской верности, и когда, невзирая на защиту святыни, ее повели на смертную казнь, Адельберт счел права церкви нарушенными и оскорбленными непростительным преступлением и вторично удалился из отечества. Такой человек, как он, не мог больше жить с полухристианами, равнодушными к вере. Он отправился к венграм, но найдя и там то же самое, отказался от мысли действовать в качестве апостола язычников и вернулся назад в свой Авентинский монастырь. Братия приветствовала его с радостью, а в особенности аббат Лев, который вскоре после того, отправляясь в качестве папского посла в Германию и Францию, оставил его своим наместником и приором монастыря. Опять Адельберт начал наслаждаться в блаженном уединении той божественной жизнью, но снова должен был оставить Авентин и отправиться на север.

Внутренний голос предсказал ему, что его жизнь примет новый оборот. А именно: он видел во сне два ряда святых на небе; один состоял из мучеников, облеченных в пурпурные одеяния, а второй ряд состоял из существ в белых, как снег, одеждах, которые, удалившись от света, посвятили свою жизнь на служение Богу; вся их пища и питье состояли в постоянном прославлении Творца. Вдруг Адельберт слышит голос: «Посреди тех и других есть место для тебя, и ты найдешь с ними свою пищу и честь».

Когда в 996 г. Виллигис прибыл в Рим, он настаивал на том, чтобы Адельберт вернулся в Прагу. Но подвижник не соглашался оставить свой монастырь, тем более, что теперь он не мог рассчитывать на благосклонный прием со стороны герцога Болеслава. Адельберт имел в Богемии пять братьев, и они уже многократно испытали немилость Болеслава; старший по этому поводу жаловался королю Оттону и, кроме того, вступил в особенное соглашение с королем Польским, которого он встретил в войске Оттона. Болеслав отомстил за это на прочих братьях, напав на них и приказав их умертвить. Как ни сопротивлялся Адельберт, но все же новый Папа, Григорий V, и созванный им собор приказали ему вернуться к своей пастве; впрочем, ему было разрешено, на случай, если бы чехи не захотели его принять, отправиться к язычникам для проповедования им Евангелия.

Таким образом, Адельберт вторично расстался с Авентинским монастырем, куда в то же время поступил другой воспитанник Магдебургской духовной школы, Бруно, при конфирмации названный Бонифацием. Он был родом из Кверфурта и происходил из графского семейства, находившегося в близком родстве с королевским домом. Уже с раннего возраста будучи посвящен небу и предназначен в духовное звание, он поступил на службу церкви в качестве каноника Магдебургской соборной церкви. Он приобрел себе расположение короля, своего двоюродного брата, и был принят в его капеллу. Этим ему открылась дорога к высшим духовным чинам. Во время Римского похода он находился при дворе и в Риме посетил Адельбертов монастырь. Вид этого места с такой силой овладел юношей, что он воскликнул: «И мое имя пусть будет также Бонифаций; почему же и я не могу быть подвижником Христа?» И он сделался монахом в том монастыре, который тогда оставил Адельберт.

Адельберт отправился домой через Альпы вместе с войском молодого императора и принадлежал к числу самых приближенных лиц, окружавших последнего. Таким образом, он ближе узнал богато наделенного природой юношу-императора и полюбил его; между тем как тот, в свою очередь, скоро стал величайшим поклонником боговдохновенного монаха и открыл ему свое сердце. После роспуска войска Оттон довольно долго оставался в Майнце. Адельберт же оттуда предпринял путешествие ко многим святым местам во Францию и потом вернулся обратно в императорский лагерь. Отношения между святым мужем и императором становились все более и более тесными, так что император приказал приготовить Адельберту ложе рядом со своим и часто проводил с ним ночи в задушевных разговорах. Адельберт не уставал говорить ему о непостоянстве всего земного

и о неувядающем блеске всего небесного, чтобы тем настроить его сердце в покорности и совершенно наполнить любовью Божьей. А чтобы самому не сделаться гордым вследствие расположения императора и чести, которой пользовался он перед светом, он незаметным образом для других предавался рабским занятиям: часто ночью уходил из императорской спальни и чистил платья и обувь прислуги.

В Майнце Адельберт вторично видел знаменательный сон. Ему представилось, как будто бы он находился в имении своего единственного оставшегося в живых брата; там стоял великолепный дом, крыша и стены которого были белы как снег; в этом доме были приготовлены два ложа, одно для него, а другое для его брата; первое было великолепное, сияющее пурпуром и шелком, а у изголовья было написано золотыми буквами следующее: «Эту блистательную награду дает тебе дочь короля». Ему сказали, что награда – это мученическая смерть, а дочь короля – царица небес Мария. Тогда он преклонил голову и промолвил: «Слава тебе, святая Дева, звезда морская, что ты, исполненная любви царица, не пренебрегла твоим нижайшим рабом и воззрела на него». Это видение возбудило в нем желание исполнить свое предназначение. Еще раз он имел с императором длинный дружеский разговор, в котором открыл ему свои намерения относительно будущности; после того они расстались с дружескими объятиями и поцелуями; им не суждено было увидеться более. Это было трогательное прощание, подобно тому, когда отец с сыном прощаются навеки. Образ дивного монаха остался навсегда неизгладимым в душе юного императора.

Адельберт отправился в Польшу к герцогу Болеславу, другу своей фамилии и союзнику императора Оттона, где уже его брат искал заступничества против Богемского герцога и нашел. Он был принят радушно и, чтобы исполнить свой долг, еще раз отправил послов к чехам, спрашивая, желают ли они принять его. Но это предложение было отвергнуто с насмешкой, чему Адельберт необыкновенно обрадовался и воскликнул: «Боже, ты разорвал мои узы», и с этого времени уже ни о чем более не думал, как только о своей миссии к язычникам. Он довольно долго находился в раздумье, не отправиться ли ему к лутичам, которые недавно перед тем свергли было с себя владычество немцев и Христианской церкви; но при тогдашних обстоятельствах казалось невозможным иначе явиться к ним, как только с оружием в руках. Ему приходило на мысль еще раз отправиться к венграм, но его пугало их знакомое ему полухристианство. И потому он, наконец, решился пойти к тем чисто языческим приморским племенам, которые незадолго перед тем Болеслав частью уже покорил, частью еще намеревался покорить, то есть к померанам и пруссам.

Король Польский, искренне преданный церкви и вместе с тем видя в ней средство к упрочению и расширению своей власти, способствовал Адельберту к исполнению его предприятия; он дал ему корабль, вооруженный тридцатью рыцарями, на котором Адельберт в сопровождении своего сводного брата Гауденция и какого-то священника по имени Бенедикт отправился вниз по р. Висле к Данцигу. Там его встретили большие толпы народа; он окрестил многих, отслужил обедню, и на следующий день отправился далее в море, направляясь к северу, к берегам Пруссии. После нескольких дней плавания, корабль пристал к берегу, высадил епископа с его товарищами у устья какой-то реки и, оставив их на островке той же реки, поспешно вернулся домой. Адельберт и его спутники нашли это место, где их высадили, безлюдным; но после некоторого времени явились владетели этой местности, обратились к пришельцам с речью на незнакомом для них языке и наконец силой прогнали их. Священники собрались в дорогу и пошли вверх по реке до тех пор, пока не достигли жилища, хозяин которого дал им ночлег и отправил к торговому месту, куда собиралось множество людей, и где они встретили таких, которые понимали их язык. Это были, вероятно, купцы из славянских стран, которые вели торговлю в Пруссии. Народ окружил чужеземных священников, расспрашивал, кто они такие, откуда пришли и что за цель их прибытия. Адельберт отвечал, что он богемец, и пришел к ним как их апостол, чтобы при-

вести их к вере в единого Бога и указать им путь к спасению. Тотчас поднялось сильное волнение в народе; Адельберта и его товарищей вынудили оставить страну, посадили на корабль и отправили обратно к берегам моря, где они нашли приют в какой-то уединенной хижине. Там они пробыли пять дней и потом решились возвратиться домой. Адельберт, видя, что его план уничтожился, хотел обратиться к другим идолопоклонническим народам. Он думал вернуться к Оттону и потом отправиться к лутичам; но прежде всего нужно было выбраться на дорогу, ведущую в Польшу.

В последнюю ночь перед отъездом Гауденций видел сон: ему приснилась на алтаре золотая чаша, до половины наполненная вином, и когда он протянул к ней руку и хотел ее опорожнить, служитель алтаря запретил ему то и сказал, что эта чаша приготовлена на завтра для Адельберта. Адельберт слышал, как Гауденций рассказывал этот сон и сказал: «Да обратит Бог все к добру; не должно верить обманчивым снам».

Они поднялись рано и, распевая псалмы, продолжали свое путешествие. Сначала их дорога шла по лесу и чаще, а потом по открытому полю. Там, около полудня, Гауденций отслужил обедню на свежей траве, а Адельберт причастился. Потом они устроили скудный обед и хотели уже снова двинуться в путь, как после нескольких шагов их одолела усталость; они улеглись на траве и погрузились в глубокий сон. Между тем один из прусских жрецов, брат которого был убит поляками, исполненный жаждой мести, с несколькими товарищами следовал за монахами и настиг их. Адельберт, пробужденный шумом оружия, был связан вместе со своими товарищами; их всех потащили. Адельберт был бледен и не говорил ни слова. Только когда язычники привели его связанного на возвышение, и там семь копий было направлено в его грудь, он обратился к тому, который должен был нанести первый удар, и сказал слабым голосом: «Чего ты хочешь?» Этот пронзил его сердце, и сейчас же за ним шесть других копий мгновенно довершили жизнь Адельберта. Язычники отсекли голову от туловища и утащили с собой как добычу. Гауденций и Бенедикт также должны были следовать за убийцами, но впоследствии были освобождены.

Таким образом, Адельберт нашел мученическую смерть, 23 апреля 997 г.; но места, где он был замучен, нельзя определить с точностью.

В то же самое время, когда это происходило на прусских берегах, в Риме в монастыре св. Бонифация Иоанн Канапарий, друг Адельберта, имел видение, которое известило его о смерти Адельберта, равно как и св. Нила в Гаэте. «Любезный сын,– писал последний к Иоанну,– наш друг Адельберт пребывает со Святым Духом и собирается окончить эту временную жизнь блаженнейшей смертью».

Известие о смерти Адельберта тронуло императора до глубины души. В то же время на него производили впечатление и другие обстоятельства, совершенно иного рода. Во время своего Римского похода он встретился с французским ученым Гербертом, который, сомневаясь удержать за собой Реймсское архиепископство[1], поспешил в Рим. Хотя он здесь очень мало, или даже ничего не сделал для достижения своей главной цели, но, благодаря своему блистательному уму и образованию, которыми он далеко оставлял за собой всех своих современников, ему удалось снискать расположение юного императора, который сделал его, как и Адельберта, одним из своих приближенных и скоро привязал к себе навсегда. Хотя из Рима Герберт и вернулся еще раз во Францию, но после смерти Гуго Капета (24 октября 996 г.), он покинул навсегда и Реймс, и Францию. Роберт, вступивший тогда в управление двадцатичетырехлетним юношей, был благодарным учеником Герберта, но Герберт не мог ждать от него никакой помощи по своему делу. Потому что, с одной стороны, Роберт и его

[1] Герберт, впоследствии Папа Сильвестр II, был воспитателем Роберта, сына Гуго Капета, от которого он получил архиепископство после изгнания Арнульфа, но Рим принял сторону изгнанного архиепископа, и власть Герберта сделалась непрочной (см. его биографию ниже).

весьма влиятельная мать Аделаида старались уступчивостью смягчить постоянное сопротивление каролингской партии, с другой стороны, Роберт, тотчас после своего вступления на престол, заключил брак, которому настойчиво противодействовал Герберт своими советами и в высшей степени раздражил тем молодого короля. Положение Герберта было безвыходное; к тому же и молодой Папа открыто и решительно высказывался против него; он не мог оставаться в Реймсе и не знал, где бы ему найти такое место, которое соответствовало бы его честолюбию и притязаниям на значение в свете. В такую пору явилось к нему то письмо, содержание которого вполне отвечало его задушевным желаниям, и скоро положило конец всем его заботам.

Письмо это было от императора Оттона III и заключало в себе настоятельное и весьма почтительное приглашение к его двору. Оттон писал: «Нам очень хотелось бы иметь при себе вас, достопочтеннейший и знаменитый муж, с тем, чтобы иметь возможность пользоваться обществом такого руководителя: вместе с тем и ваша высокая мудрость могла бы постоянно оказывать помощь нашему скудоумию. Говоря проще, мы решились обратиться к вам с просьбой, не можете ли вы принять на себя обучение нас разговору и письму, так как до сих пор мы были недостаточно образованны и в том, и в другом; кроме того, вашими верными советами вы помогли бы нам в делах государства. К этой просьбе, которой вы, конечно, не решитесь отвергнуть, мы присовокупляем желание, чтобы вы были беспощадны к нашей саксонской дикости, но зато постарались оживить и образовать в нас греческую утонченность, если хоть сколько-нибудь ее в нас окажется. Потому что, мы думаем, в нас можно открыть искорку стремления к науке, свойственного грекам, лишь бы только нашелся дельный человек, который сумел бы эту искорку раздуть. Раздуйте же ее могущественным пламенем своей науки и пробудите в нас, с Божьей помощью, дух греков, чтобы он ожил крепкой жизнью. Вместе с тем преподайте нам и математику, чтобы с ее помощью мы могли бы быть посвящены в тайны древней философии. Вот все, о чем мы покорно вас просим». Император, в виде шутки, прибавил к письму следующие стихи:

Не писал я в жизнь стихами,
И не думал быть поэтом;
Если ж я пойду на это,
Чтоб мне песни удалися,
То пришлю тебе я песен,
Сколько в Галлии героев.

Письмо это, служащее достопримечательным свидетельством о стремлении императора к образованию и его жажде знания, вместе с тем дает возможность подметить не весьма утешительное настроение его духа. Потомку Генриха I и Оттонов не следовало говорить о саксонской дикости и гордиться преимущественно своим греческим происхождением.

Герберт не заставил долго ждать ответа. Письмо находчивого философа было следующего содержания: «За вашу чрезвычайную доброту, которую вы мне оказываете, призывая к себе на службу, может быть, я не сумею заплатить действительными заслугами, и мне придется ограничиться одними только пожеланиями вам всех благ. Если слабая искорка знания и тлеет во мне, то ее разожгла единственно ваша слава; еще ваш знаменитый родитель питал ее, а в первый раз зажег ваш великий дед. Потому нельзя даже сказать, чтобы мы принесли вам жертву, если бы решились отказаться от епископства: мы тем самым только возвратим то, что получили от вас же. Еще менее возможно для нас дать вам что-нибудь, чего вы бы уже не имели или не могли помимо меня приобрести, как то доказывают ваши стремления благородные и вполне достойные вашего великого сана. Если бы вы сами не дошли до мысли, что математика заключает в себе основание всех вещей и что все можно из нее вывести, то не стремились бы с таким усердием познакомиться с ней научным образом; если бы ваш характер не был укреплен началами нравственной философии, то в ваших словах не отражалась бы так ясно скромность – эта охранительница всех добродетелей. И при этом не мог не обнаружиться

ваш гений, дошедший до своего сознания и черпающий из самого себя и из источника греческой образованности то богатое красноречие, которого несомненные доказательства вы представили мне в своем письме. Действительно, это дело рук Божиих, когда является среди нас муж, грек по происхождению, римлянин по доставшейся ему в удел власти, и владеет сокровищами греческой и римской мудрости, как своим наследством. Итак, мы повинуемся вашему императорскому приказанию как в этом случае, так и во всем, что ваше божественное величие когда-нибудь нам повелит. И мы никогда не будем в состоянии отказаться от службы вам, потому что в целом мире не знаем ничего более величественного вашей власти».

Таким образом, весной 997 г. Герберт отправился в Саксонию к императорскому двору, где и нашел самый почетный прием у Оттона, готовившегося в то время к новой войне со славянами. А именно – император укреплял Арнебург на Эльбе, но, услышав о прибытии Герберта, немедленно передал эту крепость под начальство Гизилера, а сам поспешил в Магдебург. Там он предался ученым занятиям с Гербертом; в имперском городе собрались знаменитейшие ученые того времени, и диспуты их следовали друг за другом при дворе; сам Оттон находил особенное удовольствие предлагать ученым мужам замысловатые вопросы. Герберт приготовил в то время очень искусные солнечные часы, посредством которых он делал особенные астрономические наблюдения и которые еще впоследствии долго были предметом удивления. Тогда же он задумал написать ученое сочинение по предмету логики, которым впоследствии и занимался довольно долго, и по окончании посвятил свой труд юному императору, подавшему ему мысль к такому сочинению. В то же время он впервые начал наполнять ум молодого императора воспоминаниями древних римских времен, в которых он сам жил. Напрасно к нему приходили известия из Франции, что его присутствие там крайне необходимо и что, если он продолжит свое отсутствие, Арнульф будет восстановлен, а епископы, осудившие последнего, уже отрешены от должностей,– ничто на него не могло подействовать, и хотя он еще не решился отказаться от архиепископства, но отстранял всякое предложение возвратиться. Герберт наслаждался сознанием, что вполне преданный ему император служит добровольным орудием для его планов, и довольствовался удивлением, которое он возбуждал в окружающей его среде и дружбой императора, выражавшейся в богатых подарках. «Вы великолепно наделили меня великолепным Засбахом[1],– пишет Герберт в своем письме, играя словами,– и вашему вечному владычеству я буду посвящать вечно свои услуги».

Но вскоре ученый круг, составившийся в Магдебурге, распался. Император должен был отправиться на войну со славянами, поразившими Гизилера при Арнебурге. Славяне должны были очистить левый берег Эльбы; но Оттон не возвращался более в Магдебург: дела призывали его в Италию, где его двоюродный брат, первый немецкий Папа, Григорий V, был изгнан из Рима Кресценцием. Император, явившись в Италию, в сопровождении Герберта, восстановил своего родственника, и в вознаграждение за то принудил Григория V дать Герберту епископство Равенну. После смерти же Григория V (999 г.) Оттон возвел Герберта на папский престол под именем Сильвестра II.

В феврале, когда умер Папа Григорий, императора не было в Риме: он находился на юге и путешествовал по святым местам, и именно по тем, которые навещал когдато св. Адельберт. Прежде всего он посетил Монте-Кассино, потом через Капую и Беневент отправился в знаменитый монастырь святого Михаила на Монте-Гаргано. Он вступил в этот монастырь с босыми ногами и прожил там очень долго, предаваясь подвигам благочестия. На обратном пути, в марте, он еще раз зашел в Беневент, где, по тогдашним верованиям, должны были покоиться мощи святого апостола Варфоломея; ему хотелось приобретением этого сокровища особенным образом украсить цер-

---

[1] Засбах, императорский дворец в Швабии, где часто собирался сейм Каролингами и даже самим Оттоном в 994 г.

ковь, построенную им в Риме, на острове р. Тибр, в честь святого Адельберта. Император просил у беневентинцев уступить ему святыню, и те не осмелились открыто отказать, но позволили себе прибегнуть к благочестивому обману, и вместо мощей св. апостола дали ему мощи св. Павла, епископа Нолы. На обратном пути император коснулся Гаэты с тем, чтобы посетить св. Нила, который жил со своей братией недалеко от города в бедных шалашах. Когда император увидел эти отшельнические кельи, он воскликнул: «Вот шалаши Израиля в пустыне; эти люди живут на свете как странники и знают, что здесь они не имеют постоянного местопребывания». Старец Нил со своими монахами вышел навстречу императору, соблюдая при этом все знаки уважения к нему; но юный император почтительно поклонился святому человеку и, поддерживая его, проводил обратно в монастырь, где у алтаря вместе с ним молился. Он настоятельно упрашивал Нила, чтобы тот вместе со своими монахами переселился в его пределы, и обещал дать самые богатые дары тому монастырю, которые он там построит; но к великой досаде братии Нил отказался от всего. При расставании император еще раз повторил свои просьбы и прибавил: «Требуй от меня, как от сына, всего, чего только хочешь, и я все для тебя исполню».– «Я ни о чем тебя не прошу,– отвечал Нил,– как только о спасении твоей души: потому что и ты также должен умереть и отдать отчет в твоих поступках». У императора полились слезы, он снял с головы свою корону и отдал ее в руки старику, который его благословил на прощание. Оттуда Оттон III отправился обратно в Рим, куда и прибыл в последних числах марта.

Оттон и в Риме продолжал предаваться подвигам благочестия. С одним из своих приближенных – с молодым епископом Вормским Франко, он тайно удалился в пещеру, находившуюся возле церкви св. Климента и оставался там в продолжение сорока дней, предаваясь беспрерывной молитве и постам. Летом ходил вместе с Папой в гористые окрестности; в июле опять несколько дней провел в Беневенте; а после того удалился на продолжительное время в окрестности Субиако, где некогда св. Бенедикт, в первый раз удалившись от света, скрывался в пещере и умерщвлял свою плоть. Император избрал себе место для жилища в монастыре, построенном над этой пещерой, именно на скале, под которой внизу пробивают себе путь мутные волны Тевероны. И эта дикая, но в то же время весьма привлекательная местность до такой степени очаровала его, что ему захотелось увековечить там свою память, и он решился построить на том месте церковь, которая должна была быть посвящена архангелу Михаилу и вместе с ним опять святому Адельберту.

С этого времени Оттон начал к своему титулу прибавлять слова «раб апостолов» и «раб Иисуса Христа» и продолжал по-прежнему свои аскетические подвиги. До нас дошло несколько документов от 1000 г., и в них весьма отчетливо характеризуется весь образ действий этого молодого властителя, изображавшего своей личностью вместе и императора, и монаха. Казалось, что Оттон III как будто для того был создан, чтобы служить слепым орудием иерархии, которая успела сделать и без того большой успех усилиями такого Папы, каким был Григорий V, и под руководством такого вождя, который после смерти его овладел папским престолом. Никто из современников не мог выдержать даже отдаленного сравнения с Сильвестром II по его уму, познаниям и предусмотрительности. Но все это только казалось, потому что на самом деле религиозное настроение императора гораздо более коренилось в мистических воззрениях Нила, Ромуальда и монахов монастыря св. Бонифация, чем в честолюбивых иерархических притязаниях конгрегации Клюни. И при этом душу Оттона наполняли идеи совершенно другого рода, которые еще менее были благоприятны развитию сильной иерархической власти. Его глаз был более обращен к земным делам, чем того можно было ждать, судя по его наклонности к аскетизму. Мы имеем в руках доказательства, что Оттон именно в то самое время занят был величайшими планами для рас-

ширения своего владычества и возвышения своего императорского значения; что он всеми силами стремился к тому, чтобы восстановить всемирную монархию, в смысле последних времен Римской империи.

Западная Римская империя, восстановленная Карлом Великим и Оттоном I, не представляла никакой внутренней прочной связи, и даже земли, непосредственно подчиненные императору, держались вместе только одной его личностью. Планы Оттона II относительно более тесного соединения доставшихся ему в наследство государств, как по эту, так и по ту сторону Альп, были уничтожены его ранней смертью. Весьма естественно, что юный, пылкий и честолюбивый его сын должен был приняться за продолжение дела, начатого отцом. И в самом деле, Оттон III во время своего второго пребывания в Италии беспрестанно стремился к достижению этой цели. Италия все еще была разъединена, и ломбардские провинции существовали отдельно от римских. Эдикт, изданный императором в Павии, в первый раз рассматривает всю Италию как одно целое государство. Но Оттон не ограничивался и этим: сливая Италию в одно целое, он хотел точно так же уничтожить различие между Италией и Германией. Такая задача могла в нем естественно возникнуть из самого положения императора, но тем не менее для немцев было величайшим несчастьем то, что этот даровитый государь едва осознал свое назначение, как почувствовал себя более греком, чем немцем, смотрел свысока на саксонскую дикость и все свои помыслы обращал к более развитой культуре Восточной Римской империи, как к своему идеалу. Его планы потеряли всякую связь с национальной почвой, на которой выросло дело его отцов: ему казалось, что он как император прежде всего государь *Римский*, и в актах, вопреки обычаю своих предшественников, стал употреблять более полный титул: «Император римлян», вместо прежнего простого императорского титула. «Грек по рождению, римлянин по переданной ему власти», он дошел до самых универсальных воззрений на значение своего государства и своего императорского положения. Его мысли ни разу не остановились на монархии Карла Великого; он, стремясь в фантастическом полете по широким пространствам времени, останавливался только на всемирной монархии древних римских императоров и на большом обломке их владычества, сохранившемся в Византии. Восстановление Римской империи на Западе – вот была единственная мысль, на которой сосредоточились все планы императора, как на главной их цели.

Кто может так глубоко проникнуть в душу человека, чтобы проследить в ней все развитие ее сокровенных помыслов? Однако не подлежит никакому сомнению, что француз Герберт самым существенным образом культивировал в Оттоне идею о восстановлении Римской империи. Никто, в продолжение долгого времени до Герберта и после него, не был до такой степени проникнут духом римской древности; в письмах его, дошедших до нас, скорее видишь писателя в тоге древних римлян, чем в рясе монаха. Потому нисколько не удивительно, что у Герберта так часто смешивались идеи классического времени с воззрениями христианскими, понятия языческих императоров об империи с преданиями франкской теократии Карла Великого. И тем же, чем была наполнена его собственная душа, Герберт питал ум и сердце своего царственного питомца, который так охотно ему предался. Нередко Герберт мог смотреть на себя и Оттона, как на Аристотеля и нового Александра.

В походе Оттона в Италию Герберт был нераздельным спутником императора. Какими идеями он наполнял его душу, видно из его же слов, которые он высказывает в посвящении императору своего сочинения. «Я это написал,– говорил он,– с тем, чтобы Италия не думала, что в императорских палатах вымерла вся образованность, и чтобы Греция не могла кичиться мудростью своих властителей. Эта страна уверена, что ей досталось в удел все могущество Римской империи, но она ошибается; мы имеем богатую и плодородную Италию, мы владеем воинственной Галлией и Германией; нам служат скифские ратники, а прежде всего мы имеем тебя, о великий император; ты проис-

ходишь от греческой крови и превышаешь могуществом греков; ты владеешь Римом по праву наследства и превосходишь умом и красноречием греков и римлян».

С того времени все помыслы Оттона III были устремлены к возобновлению военной славы Рима; он хотел окружить весь трон блеском Греческой империи и вместе с тем восстановить всемирное христианское государство, подражая Карлу Великому; те воззрения, которыми он проникался, были настолько же величественны, насколько неясны и мечтательны. Сенат Древнего Рима и его мудрость, триумфы и торжественные победы Траяна и Марка Аврелия, константинопольский двор с его полуантичной, полувосточной пышностью – вот заколдованные круги, в которых безвыходно вращались мысли фанатичного юноши; едва он выходил из них даже среди самых строгих подвигов аскетизма. Потому не нужно думать, чтобы его путешествия по святым местам были предпринимаемы исключительно ради благочестия; если всмотреться в них ближе, то нельзя не открыть их политического значения. Путешествие к Монте-Гаргано, кроме религиозных целей, вело также императора в Капую и Беневент, два самых важных города в его южных владениях, где он до того ни разу еще не был; кроме того, оно приближало его к границам Греческой империи, где представлялся удобный случай близко наблюдать за тем, что делается в Апулии. Факты подтверждают такую догадку: пилигримство императора сопровождалось постоянно движением войск. Даже после тяжких подвигов покаяния на Субиако император немедленно отправился вместе с Папой в монастырь Фарса, где они имели замечательное совещание с Гуго, маркграфом Тусции; их совещание имело целью, как император сам высказывается в одном из писем, «восстановление республики». Мы не знаем принятых там решений, но мы имеем возможность в главных чертах изобразить, что подразумевал Оттон под восстановлением Римской республики, и как он задумал устроить свое государство.

Прежде всего «златой Рим» должен был опять сделаться первым городом империи, столицей императора и центром всего света. Император избрал место для своего трона не в развалинах старого императорского дворца на Палатине (хотя и он употреблялся при торжественных случаях), но на Авентине, который, круто возвышаясь над Тибром, предоставляет свободный вид на город, широко расстилающийся по обеим сторонам реки. Теперь Авентин имеет образ печальной пустыни, и только несколько монастырей, широкие развалины и обширные сады покрывают его возвышенность: на его улицах редко можно встретить человеческое лицо; в X столетии это была самая населенная часть города; там находились укрепленные замки рядом с монастырскими и церковными зданиями; там некогда Альберт имел свою крепость, и там же стоял монастырь св. Бонифация; Оттон избрал себе это место для резиденции.

Как ни велика была на самом деле разница между древним императорским замком на Босфоре и второпях отстроенным дворцом на Авентине, но Оттон III окружил себя там той же натянутой пышностью и тем же исстари заведенным церемониалом, который господствовал при дворе восточного императора. Он появлялся в странном и оригинальном костюме; то он закутывался в плащ, разрисованный сценами из Апокалипсиса; то надевал платье, на котором были вышиты изображения животных; все, до самых перчаток, было строго определено и подведено под правило. Он принимал пищу на возвышенном столе, отдельно от придворных. Доступ к нему совершался торжественным образом: он имел притязание на то, чтобы его окружающие относились к нему с глубочайшим благоговением, его приветствовали торжественными словами, не имевшими почти никакого значения. Он требовал, чтобы обращающиеся к нему с речью называли его «Император всех императоров», и сам придавал себе, по обычаю древних цезарей, громкие титулы, составленные из имен народов, подчиненных его скипетру; его называли «Саксонский, Римский и Итальянский», и сам он называл себя теми же именами. Его окружала бесконечная толпа придворных, государственных и военных

чиновников. Тени римских консулов и римского сената были вызваны из мрака забвения. Военное расписание чинов, господствовавшее в Константинополе, было введено также и в Риме: magistri и comites imperialis militiae и palatii imperialis (начальники императорских войск и императорской стражи), protospatharii (императорские полковники), praefectus navalis (адмирал флота, которого на самом деле и не существовало) и т. д. Сверх того, древние названия, происходившие от двора франкских королей, были заменены новыми, заимствованными у константинопольского двора: императорские камергеры обратились в вестиариев и протовестиариев; капелланы назывались логофетами, а канцлер – архилогофетом. Одним словом, саксонский двор готовился к маскараду, и действительно, вся эта пышность также скоро исчезла, как проходит веселая ночь карнавала.

Хотя притязания императора произвели неудовольствие в римлянах и даже вооружили против него Сильвестра II, но римляне были слабы для сопротивления, а Папа сознавал, что в конце концов дело империи есть вместе и дело папства, и потому продолжал идти с ним рука об руку, увлекая его планами колоссальных размеров и вместе с ним увлекаясь сам.

Нет никакого сомнения, что мысль освободить Гроб Господень, осуществленная сто лет спустя, родилась первоначально в голове Герберта. Но в ту эпоху не было еще возможности выполнить такие отдаленные планы, а между тем падение язычества в Северо-Восточной Европе указывало императору и Папе на более верную и близкую добычу.

На этот-то пункт Оттон и Сильвестр обратили все свое внимание, воодушевленные новым планом, заменявшим для них Крестовый поход. Их взоры обратились на Польшу, куда указывала дорогу мученическая смерть Адельберта. Герцог Болеслав, отличавшийся героическим духом, казался им именно таким человеком, который может осуществить самые смелые желания Рима.

Гауденций, сводный брат Адельберта, и священник Бенедикт, единственные свидетели смерти Адельберта, возвратились около этого времени в Рим и были избраны орудиями к тому, чтобы Польшу обратить в Римскую провинцию. Папа посвятил Гауденция в архиепископы; его епископство должно было сделаться метрополией Польской церкви, поставленной под покровительство св. Адельберта. В то же самое время в монастыре св. Бонифация, по воле императора, было составлено жизнеописание Адельберта, другом последнего, Иоанном Канапарием; Папа придал этому сочинению церковный авторитет. Только тогда впервые Рим начал от себя причислять к лику святых и изъявлять притязания на то, чтобы такие канонизации имели значение для всей церкви. Первый, канонизированный таким образом (в 993 г.), был немецкий епископ Ульрик, второй же – богемец Адельберт. Вместе с тем император усердно продолжал постройку церкви Адельберта на острове р. Тибр, а сам готовился к переходу через Альпы, чтобы иметь возможность совершить путешествие к гробу Адельберта и учредить новое архиепископство в Польше.

Около половины декабря 999 г. Оттон оставил Рим и отправился в Равенну, где он отпраздновал Рождество Христово. Напрасно Папа старался задержать его в Италии. На его настоятельное письмо Оттон отвечал, что он не может дольше переносить климата Италии и должен отправиться в Германию, но что, несмотря на эту разлуку, духом он постоянно будет близок к Папе, защиту которого он поручил итальянским князьям и назначил своим наместником Гуго, маркграфа Тусции. Папа должен был подчиниться, и император в сопровождении римского патриция Циацо и многих других римских вельмож, а также папского архидьякона и многих кардиналов, в январе 1000 г. отправился за Альпы.

Geschichte der deutschen Kaiserzeit. I, с. 672–726.

Ришар Рикер

ЦЕРКОВНЫЕ РЕФОРМЫ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРБЕРТ. 970–973 гг. (в 998 г.)

В первых двух книгах и в начале третьей до главы 22 автор кратко излагает древнюю историю Галлии до времени Карла Простого и короля Одо, откуда он начинает говорить подробнее по летописи Флодоардо и Гинкмара; но с главы 22 автор делает отступление по поводу событий, происшедших в его монастыре, которое важнее всего предшествующего в его хронике.

Книга третья

22. После смерти архиепископа Реймсского Одельрика (969 г.) ему наследует *Адальбер*, происходивший из высшей знати (сын Готфрида, графа Арденского) и в то же время принадлежавший к братству метцских каноников. Он управлял архиепископством столь же твердо, сколько и счастливо. Как благодетельна была его деятельность для окружавших его и как много перенес он несправедливостей от врагов своих,– все это составит содержание настоящего рассказа. Немедленно после своего возвышения он обратил все внимание на украшение и отделку своей церкви. Именно: высокие своды, которые, начиная от входа, простирались почти над четвертой частью церкви, он приказал разобрать, вследствие чего не только вся церковь стала просторнее, но и вид ее сделался величественнее. Мощи святого Папы и мученика Каликса велел он с подобающей честью разместить при самом входе в церковь на видном месте и, освятив там алтарь, воздвиг весьма приличную капеллу. Главный же алтарь украсил золотым крестом и окружил с обеих сторон блестящей решеткой.

23. Кроме того, он приказал устроить не менее ценный переносный алтарь. Когда священник отправлял на нем литургию, то по сторонам его, на четырех углах алтаря, находились эмблемы четырех евангелистов, распростертые крылья которых покрывали до половины две стороны алтаря, а лица обращены были к изображению беспорочного агнца. Кажется, это было подражание носилкам Соломона. Он приказал также сделать семираменный подсвечник, семь рамен которого, выходящие из одного и того же стержня, должны были обозначать семь даров благодати, исходящих от одного и того же духа. Также приказал он сделать богато украшенный ковчег, чтобы сохранять в нем жезл и манну небесную, то есть мощи святых. Чтобы украсить церковь, велел он в ней повесить дорогие паникадила; сверх того снабдил ее окнами, на которых изображены были разнообразные истории, и колоколами, потрясающие звуки которых напоминали гром.

24. Каноникам, которые до тех пор жили в собственных своих домах и занимались собственными своими делами, он предписал жить общим хозяйством. С этой целью построил он близ монастыря особое здание, в котором каноники проводили целый день вместе, спальное зало, где они в величайшей тишине покоились, и столовую, в которой имели общую трапезу. Далее он установил, чтобы они в церкви во время божественной службы знаками только спрашивали о том, что им было нужно, если особые случаи не делали необходимым отступления от этого правила. Трапезу свою они должны были совершать все вместе и молча, а после стола пропеть благодарственную молитву во хвалу Господу. После вечерней молитвы им предписано было до заутрени соблюдать самое строгое молчание, утром же встать при ударе в колокол и стараться одному перед другим поспешить на молитву. До первого часа дня никто не смел выйти из монастыря, кроме тех, которые должны были заботиться о делах по своим должностям; и чтобы кто-нибудь по незнанию не упустил исполнить свою обязанность, учредил он так, что каждый день им должны были читаться постановления св. Августина и правила отцов церкви.

25. Но с какой истинной любовью и усердием старался он о чистоте нравов монахов и удалял их от обычаев мирян, тому нельзя достаточно воздать похвал. Ибо он не толь-

ко прилагал старания, чтобы заставить их отличаться достоинством правильной жизни, но и с предусмотрительностью заботился, чтобы внешние их блага возрастали и никаким образом не терпели ущерба. Хотя он вообще очень был предан своему званию, однако с особенной любовью покровительствовал монахам святого Ремигия, защитника франков. Поэтому хотел он обеспечить и на будущее время их имущество, и с этой целью отправился в Рим (971 г.), где блаженной памяти Папа Иоанн (XIII) принял его с большими почестями, как человека знатного, правдивого и знаменитого хорошей славой своей целомудренной жизни. Приглашенный Папой, после нескольких бесед с ним, он отправлял в сообществе двенадцати других епископов торжественную обедню в день Рождества Господня. Папа был к нему так милостив, что пригласил его объявить, не желает ли он чего-нибудь (972 г.).

26. Тогда этот знаменитый муж сказал ему следующее:

«Так как ты, святейший отец, принял своего сына с такой великой благостью и теперь его еще более к себе приближаешь, то я никак не намерен обратиться к тебе с просьбой, исполнение которой могло бы быть для тебя тягостно. Хотя я знаю, что любящему отцу иногда приятно, когда сын беспокоит его, но я имею к тебе просьбу, исполнение которой отцу не будет тягостно, а просящему принесет большую пользу. Есть у меня в Галлии, недалеко от города Реймса, мужской монастырь, где достойно покоятся и чествуются по заслугам пресвятые кости праведного Ремигия, защитника франков. Так как я желал бы теперь устроить на твердых основаниях и на все будущие времена состояние этого монастыря, то я прошу вас ныне утвердить то грамотой, данной вашим именем. Этой грамотой ваш апостольский сан обеспечил бы и обезопасил за этими монахами их возделанные и невозделанные земли, леса, пастбища, виноградники, фруктовые сады, источники и пруды, неприкосновенность их стен, полную власть внутри и вне над их деревнями, и, наконец, все их движимое и недвижимое состояние. Аббатство святого мученика Тимофея, которое, как всем известно, находится в моем распоряжении, уступаю я также им с тем, чтобы доходы его были употребляемы на бедных и чтобы рабы Божии в монастыре вспоминали о нас, чему я беру вас и присутствующих здесь епископов в свидетели. Пусть это аббатство будет присоединено к вышеупомянутым имуществам, перейдет в законное владение святого Ремигия и так же, как его собственность, пусть будет укреплено за ним вашим приговором».

Церковные принадлежности XI–XII вв. (футляр для креста и крест)

27. На это Папа отвечал: «Охотно соглашаюсь я, чтобы собственность заступника нашего Ремигия приговором нашего апостольского престола утверждена была и обеспечена на все времена, а равно и на то, чтобы ты из своего прибавил к ней, сколько тебе угодно. Я хочу также, чтобы изготовленная об этом грамота утверждена была не только мной, но и присутствующими здесь епископами». И тотчас он приказал составить грамоту и громко прочесть.

28. В ней сказано было следующее: «Иоанн слуга слуг Божьих[1]...

29. Когда грамота эта всем присутствующим была прочитана, Папа утвердил ее

[1] Страница, на которую автор внес папскую грамоту, затеряна в манускрипте.

своей печатью и передал для подписи епископам. Затем архиепископ распрощался с Папой и епископами и полный благоговения отправился прямой дорогой обратно в Галлию, к гробу святого Ремигия. В собрании монахов передал письменную грамоту. Монахи же, приняв ее, благодарили его за эту великую милость.

30. Через шесть месяцев после того этот же архиепископ созвал епископов в Монт-Нотр-Дам[1] (Mont-Notre-Dame) в Реймсской епархии (972 г.). Когда епископы заняли места и определили те вопросы относительно собора и святой церкви, которые должны были их занять, архиепископ открыл заседание следующей речью: «Так как мы, достопочтенные отцы, благодатью Святого Духа собрались здесь и постановили, что нам казалось полезным для блага святой церкви, то мне остается еще только сказать вам о деле, которое очень близко моему сердцу и принесет большую пользу как теперь, так и на будущее время, некоторым из сынов нашей церкви; и это дело я считаю себя обязанным сообщить вашему достоинству, чтобы вы также его утвердили. Как вы знаете, семь месяцев тому назад я путешествовал в Италию и прибыл в Рим. Там Папа Иоанн не только допустил меня на аудиенцию, но даже с добротой и доверчиво говорил со мной и предложил просить у него, чего я желаю. Я считал приличным просить его, чтобы он грамотой своей апостольской власти взял под свою защиту против всякого насилия владение господина нашего и заступника Ремигия и чтоб присоединил к нему принесенное мной в дар аббатство святого мученика Тимофея. Он согласился на это без возражений и велел составить грамоту. Она прочтена была перед двенадцатью епископами и подписана ими. Эту грамоту с папской печатью ныне я предлагаю подписать вам, чтобы она по большему числу подписей имела большую силу и чтобы какой злоумышленник не стал ее когда-нибудь оспаривать. Потому хочу я, чтобы и вы утвердили ее». Собрание отвечало: «Мы ее утвердим». Тогда архиепископ вынес грамоту; она была прочтена перед собранием и передана епископам, которые один за другим утвердили ее своими подписями. После того, грамоту взяли монахи, которые были здесь и отнесли ее обратно в архив монастыря.

31. Между многими другими полезными рассуждениями на этом соборе архиепископ начал речь и о монастырской дисциплине и жаловался в весьма трогательных выражениях, что правила, установленные предками, искажаются многими и изменяются. По его предложению присутствовавшие там епископы определили, чтобы собрались аббаты из нескольких монастырей и совещались по этому предмету. Место и время этого собрания тотчас же были назначены, и собор разошелся.

32. Когда наступило то время, аббаты собрались. Председателем и примасом между ними был избран праведный Рудольф, аббат монастыря святого Ремигия. Когда он, как председатель и оратор, занял свое место, другие поместились около рядами. Архиепископ же сел против него на кресле и, по просьбе примаса и других аббатов, открыл совещание следующей речью:

33. «Высокую важность имеют, достопочтенные отцы, собрания людей с добрыми намерениями, потому что добродетель есть цель их общих стремлений. Они устраивают не только земные нужды, но и дела благочиния. Напротив того, пагубно бывает, если собираются злонамеренные, чтобы выдумывать и приводить в исполнение то, что запрещено. Поэтому увещевая вас,– вас, которые, как я верю, собрались во имя Господа, чтобы вы стремились к самым лучшим целям, и предостерегаю вас, чтобы не давали в себе места никакой злой мысли. Вы не должны склонять уха к земным радостям и дружбе, потому что через это нарушается право, подавляется справедливость.

Как говорят, дисциплина вашего ордена чрезвычайно удалилась от древнего благочиния; ибо в исполнении самого орденского устава вы между собой несогласны; каждый из вас другого желает и другое думает. Поэтому я считал полезным убеждать вас, со-

[1] Близ Суассона.

бранных здесь по милости Господней, к единодушию в воле, помышлениях и делах, чтобы одинаковой волей, одинаковыми помышлениями и одинаковыми делами восстановлена была упадшая добродетель и самым беспощадным образом был изгнан позор греховный».

34. На это примас-аббат отвечал: «Святейший отец! То, что ты объявил нам здесь, должно быть глубоко запечатлено в нашей памяти, потому что ты столько же стараешься заботиться о нашем телесном благосостоянии, сколько и о спасении души. Признано всеми, что те только могут снискать славу добродетельной жизни, которые одушевлены духом, стремящимся к добру и избегающим злого. Мы открыто навлекли на себя злые пересуды потому, что уклонились некоторым образом с прямого пути, и заслуживаем тем более порицания, что не бедность нас привела к падению, не нужда нас к тому принудила.

35. Ибо какая сила довела нас до того, что монах, назначенный служить Господу в стенах своего монастыря, имеет кума и называется крестным отцом? О! Как мало прилично это нашему званию! Ибо, посмотрите только: если монах есть крестный отец (собственно соотец), то отсюда, от вероятного к достоверному, следует заключение, что он есть отец, вместе с отцом. Но если он отец, то не подлежит никакому сомнению, что у него должен быть сын или дочь, а в таком случае его скорее можно назвать распутным человеком, нежели монахом. Но что я должен сказать о куме? Понимают ли миряне под этим словом что-нибудь другое, как только сообщницу стыда? Положим, что это случается, и я не хочу теперь судить мирян, но порицаю то, чего не позволяется нашему званию. Таким образом, так как подобное совсем непристойно, то пусть будет оно строго запрещено вам». На это достопочтенный архиепископ сказал: «Если собор находит справедливым, то это должно быть запрещено». Собор объявил: «Это должно быть запрещено». По общему согласию это и было запрещено именем архиепископа.

36. Примас начал говорить вторично: «Я хочу,– сказал он,– указать еще на другое, что вредит нашему званию. Некоторые монахи из давнего времени привыкли выходить одни из монастыря: одни, без свидетеля их поведения, они находятся вне стен монастырских и, что всего хуже, выходят, не прося благословения братий, и возвращаются таким же образом. Понятно, что те, которых не защищает благословение молящихся братий, легче подвергаются искушению. Вот откуда происходит, что недоброжелательные к нам люди осуждают нас за распутную жизнь, испорченные нравы и корыстолюбие. Таким клеветам мы подвергаемся тем больше, что не можем предоставить свидетеля, чтобы опровергнуть их. Это также пусть будет запрещено вашим приговором». Собор изрек: «Да будет запрещено». И достопочтенный архиепископ прибавил: «И это мы запрещаем нашей властью».

37. И многое другое прибавил к этому примас: «Так как,– сказал он,– я начал указывать слабости, которыми страдает наше звание, то думаю, что я ни о чем не должен умолчать, чтобы, когда эти слабости излечатся, наша благочестивая жизнь сияла как светило, которого не затемняет ни одно облако. Именно, есть в нашем звании такие, которые охотно покрывают свои головы шляпами, украшенными золотом, которые предпочитают иностранные меха предписанному нашими правилами головному убору, и вместо простого монашеского платья надевают дорогие одежды. Они охотно носят купленные за дорогую цену кафтаны с широкими рукавами и большими складками и так крепко стягивают их поясом, что сзади все выдается, и их скорее можно принять за бесстыдных женщин, чем за монахов.

38. Но что я должен сказать о цвете их одежд? Их ослепление простирается так далеко, что о заслугах и достоинстве судят они по цвету материи. Если им платье не нравится по своему черному цвету, то они ни за что его не наденут. Если ткач к черной материи примешал белой шерсти, то они пренебрегают платьем. Даже коричневое платье презирают они. Не менее неприлична для них и шерсть натурально черная; она должна быть искусственно окрашена; но довольно о платье.

Венгерский всадник

39. Что я должен сказать о их странных башмаках? В этом отношении монахи так безрассудны, что по большей части они упускают из виду пользу обуви. Башмаки свои они приказывают делать так узко, что ноги их сжаты, как в колодке, и они едва могут ступать. Спереди к ним они приставляют носки и по обеим сторонам ушки и чрезвычайно заботятся, чтобы они плотно сидели на ноге; от слуг же своих требуют, чтобы те обладали особым искусством придавать башмакам зеркальный блеск.

40. Должен ли я умолчать о их дорогих тканях и меховых одеждах? Наши предки по особому снисхождению разрешили употребление мехов, но к нам и в этом отношении прокрался грех бесполезной роскоши. Ныне они обшивают свои иностранные меха каймами в две пяди шириной и покрывают их норическим сукном. Употребление льняных простынь никоим образом не дозволяется; однако некоторые, забывающие свои обязанности монахи и это присоединили к своей бесполезной роскоши; а как число подобных в различных монастырях очень велико, то пример большого числа злых прельстил и немногих добрых.

41. Но что я должен сказать о их неприличном нижнем платье? Их панталоны имеют иногда шесть футов ширины и по тонкости материи не скрывают частей их тела от взоров. Один монах иногда не довольствуется куском материи, который был бы совершенно достаточен для двух. Все это я высказал открыто перед вами; теперь вы объявите, думаете ли вы это запретить. Другие же злоупотребления мы должны уничтожать тайно, каждый по его собственному усмотрению». Собор произнес: «Все это должно быть запрещено».

42. Затем архиепископ сказал: «Вы с намерением упомянули о некоторых злоупотреблениях, а некоторые обошли молчанием. Вы полагаете, что из того, что заслуживает порицания в нашем сословии, одно следует нам исправить сообща, а другое предоставить заботам каждого из вас. Я соглашаюсь с этим мнением и хвалю его. Поэтому в силу нашей власти мы запрещаем то, что ваше достоинство желали, чтоб было запрещено. Что же касается до того, что вы обошли молчанием, это я предоставляю каждому исправить собственными своими мерами». После этой речи собор разошелся, и с того времени нравы монахов заметно улучшились. Умный архиепископ при этом также содействовал им к исполнению их обязанностей увещаниями и поучением. Но чтобы исполнить свое высокое призвание во всех отношениях, он также заботился и о том, чтобы сыны его церкви обучались свободным искусствам.

43. В то время, когда он о том размышлял, прибыл к нему, как будто посланный Божеством, *Герберт*, человек великого ума и одаренный удивительным красноречием, который впоследствии, как ясный светильник, разливал яркий свет на всю Галлию. Он происходил из Аквитании и с самого детства воспитывался и обучался грамматике в монастыре св. исповедника Герольда[1]. Среди этих занятий он достиг юношества, когда посетил тот монастырь для молитвы Боррель, герцог по эту сторону лежащей Испании[2]. Аббат принял его самым почетным образом и во время разговора с ним спросил его: нет ли в Испании людей, достигших совершенства в свободных искусствах? Так как герцог отвечал ему утвердительно, то аббат просил его взять из монастыря одного из его монахов, чтобы обучить его таким наукам. Герцог охотно готов был исполнить просьбу, и поэтому, с согласия братии, ему отдан был Герберт, которого он поручил епископу Гатто[3]. Там с ревностью и большим успехом Герберт занимался математикой. Но Бог, определивший, чтобы Галлия, покрытая тогда мраком, озарена была большим светом, побудил герцога и епископа отправиться на поклонение в Рим. Сделав необходимые приготовления к путешествию, пустились они в дорогу и взяли с собой вверенного им юношу. В Риме, помолившись на гроб св. апостолов, представились они, блаженной памяти, Папе (Иоанну)[4] и, исполненные радости, сообщили ему, что считали нужным, о своих делах.

---

[1] Монастырь Ориллльяк, в Оверни.

[2] Граф Уржеля, а после Барселоны.

[3] Епископ Виха.

[4] Иоанну XIII. Автор оставил в рукописи пробел; вероятно, он хотел после справиться, кто был в то время Папой, но забыл.

44. От Папы не скрылись прилежание и любознательность юноши. Так как в Италии в то время музыка и астрономия были совершенно неизвестны, то Папа немедленно уведомил Оттона (I), короля Германии и Италии, что в Рим прибыл молодой человек, в совершенстве знающий математику, и который в состоянии превосходно преподавать ее. Король тотчас же дал Папе поручение удержать этого юношу при себе и ни в каком случае не отпускать его назад. Тогда Папа открыл дружески герцогу и епископу, что король желает на некоторое время удержать молодого человека при себе, что в непродолжительном времени он отошлет его к ним и окажет за то свою признательность. Герцог и епископ под этим обещанием согласились, чтобы Герберт остался, а сами возвратились назад, в Испанию. Папа же, при котором остался Герберт, представил его королю. Когда последний спрашивал о его искусстве, Герберт отвечал, что в математике он достаточно сведущ, но он желал бы еще изучить и логику. Так как он стремился достигнуть того, то пробыл там учителем недолго.

45. В то время Геранний, архидьякон Реймсский, считался самым лучшим учителем логики. Лотарь, король франков, отправил его около того же времени посланником к Оттону, королю Италии. Обрадованный прибытием такого человека, Герберт пошел к королю и достиг того, что отдан был в учение тому архидьякону. Он сопровождал некоторое время Геранния и отправился с ним в Реймс. Там он изучал у него логику и в короткое время сделал большие успехи. Геранний, напротив того, прилежно занимался математикой, но от изучения музыки удержан был трудностью этого искусства. Между тем Герберт был рекомендован вышеупомянутому архиепископу как великий ученый и приобрел его расположение гораздо в большей степени, чем все другие. Вследствие того, по его просьбе архиепископ передал ему толпы учеников, чтобы обучать их свободным искусствам.

46. Итак, он преподавал диалектику, по порядку книг, и объяснял ее весьма толково. Он начал с *Исагог*, то есть «Введений Порфирия»[1], по переводу ритора Викторина и потом по переводу Манлия[2]. Далее, объяснял книгу Аристотеля о категориях или предикаментах и искусным образом познакомил своих учеников с трудностями книги о *Периермении*, то есть об изъяснении. Вслед за тем преподавал им *Топику*, то есть учение об источниках доказательств, которое Туллий перевел на латинский язык с греческого, а консул Манлий объяснил комментарием в шести книгах.

47. Столь же старательно читал и объяснял он четыре книги о топических различиях, две книги о категорических и три книги о гипотетических заключениях, книгу об определениях и книгу о разделениях. Но когда он после этих работ со своими учениками хотел перейти к риторике, то заметил, что успехи в ораторском искусстве невозможны без предварительного хорошего знакомства с различными способами выражений, которое можно было приобрести только из поэтов. Потому он принялся за поэтов, знание которых считал нужным, прочел и объяснил Марона (Вергилия), Стация и Теренция, а также сатириков Ювенала, Персия и Горация, равно как и историка Лукана. Когда же ученики его совершенно с ними ознакомились и усвоили их способы выражения, он повел их далее к риторике.

48. Когда же они и этому также выучились, он дал им в руководство софиста для того, чтобы они при нем упражнялись в диспутах и приучались поступать по правилам искусства, но так, как будто бы они говорили без искусства, что считалось величайшей похвалой оратору.

49. Довольно о логике. Но, мне кажется, не будет неуместным рассказать также, как много он трудился над математикой. Во-первых, он обучал арифметике, составляющей первую часть математики, тех, которые оказались к тому способными. Потом он перешел к музыке, о которой в Галлии в продолжение долгого времени ничего не знали, и сделал сведения о ней общим достоянием. Он обозначил различные ноты на

---

[1] То есть к категориям Аристотеля.

[2] То есть Боэция.

монокорде, показал их созвучие в тонах, полутонах, двойных и четвертных нотах, соединил тоны по правилам искусства в аккорды и распространил таким способом полные познания о музыке.

50. Далее, небесполезно будет рассказать также, с какими тяжелыми усилиями достиг он понимания астрономии, чтобы читатель ясно мог себе представить ум этого великого человека и прийти в восторг от той целесообразности, с которой устроены были его снаряды. Хотя астрономия едва доступна человеческому пониманию, однако он сделал ее, к всеобщему удивлению, удобопонятной с помощью некоторых инструментов. Во-первых, из твердого, круглого куска дерева он сделал изображение небесного шара и на этом маленьком шаре показал пропорцию большого. Он поставил оба полюса косвенно к горизонту и на верхнем полюсе поместил северные, а на нижнем – южные созвездия. Положение шара он определил посредством круга, который греки называют horison, а латины – circulus limitis, или determitans, потому что он составляет пограничную линию между видимыми и невидимыми звездами. Поставив этот шар в горизонте таким образом, чтобы он мог представить удобно и с наглядной ясностью восхождение и захождение звезд, тем, которые способны понять, объяснил он устройство вселенной и руководил их в познании созвездий. Ночью, когда звезды блистали, наблюдал он их и побуждал своих учеников, чтобы они замечали косвенный путь звезд в различных странах неба как при восхождении, так и при захождении их.

51. Круги, которые греки называют параллелями, а латинцы aequistantes, равноотстоящими, и которые, без сомнения, существуют только в воображении, он сделал также наглядными посредством следующего снаряда. Он приготовил полукруг, который был прорезан проведенным прямо диаметром; диаметр же этот изобразил он трубочкой, концы которой должны были представлять оба полюса, Северный и Южный. Потом разделил он полукруг, от одного полюса к другому, на тридцать частей и при шестой части, считая от полюса, приделал трубочку, которая должна была обозначать полярный круг. Затем отсчитал он еще пять частей и приделал другую трубочку, чтобы обозначить летний поворотный круг. От него отсчитал он опять четыре части и приделал опять трубочку, чтобы наглядно представить круг равноденствия. Остальное пространство к Южному полюсу разделил он таким же образом. Направив диаметр к полюсу и поворачивая полукруг кверху, он посредством этого орудия сделал возможным глубоко запечатлеть в памяти и дать ясное понятие о кругах, которые невидимы телесным взорам.

52. Пути движущихся звезд совершаются в пространстве небесного свода, но по противоположному направлению. Однако его пытливому уму удалось изобрести инструмент, чтобы сделать и их ясными. Именно для того он приготовил, во-первых, круговой шар, то есть такой, который состоял из кругообразных обручей. В нем соединил он два круга, которые греки называют колурами, а латины – circuli incidentes, потому что они взаимно пересекаются, и на точках пересечения их поместил полюсы. Потом положил он пять других кругов, которые называются параллельными кругами, поперек колуров, так что полукруг, от полюса к полюсу, разделился на тридцать частей, и не случайно, и в беспорядке, но из тридцати частей полукруга он отсчитал от полюса к первому кругу шесть частей, потом ко второму – пять, оттуда к третьему – четыре, от третьего к четвертому тоже четыре, от четвертого к пятому кругу пять и от пятого круга к другому полюсу шесть частей. Через эти круги положил он потом косвенно круг, который греки называют loxos или zoe, а латины – circulus obliquus или vitalis, потому что заключающиеся в нем созвездия имеют вид живых творений. Внутри этого косвенного круга он поместил с удивительным искусством пути планет. Ученикам же своим он объяснил с большой основательностью, что такое были абсиды[1], как велика была высота планет и расстояния их одной от другой. Однако объяснять, каким образом все это делалось, было бы

[1] Точки, в которых планеты достигают наибольшей и наименьшей высоты, апогей и перигей.

слишком пространно, потому что отвлекло бы нас от нашего предмета.

53. Кроме того, приготовил он еще другой круговой шар. Во внутреннем пространстве его он не поместил никакого круга, но на поверхности его прикрепил изображения созвездий из железных и медных проволок. Вместо оси продел он через этот шар трубку, которую следовало наводить на небесный полюс для того, чтобы, когда она будет наведена, снаряд этот мог быть приведен в положение, соответствующее положению неба. Этим делалось то, что под каждым небесным созвездием на шаре находилось соответствующее изображение. При этом поистине божественно было, что даже несведущий в данном искусстве с помощью этого шара как только ему показывали одно созвездие, в состоянии был найти все другие, без помощи учителя. И этим средством обучал он своих учеников без гнева. Однако довольно об астрономии.

54. Не менее заботливости также обращал он и на преподавание геометрии. Как предуготовление к ней, сделал он, подобно тому, как делают мастера щитов счетную доску, которая была приспособлена к разделению на многие клетки. Эту доску разделил он вдоль на 27 четырехугольников и на них разместил девять знаков, которыми могли быть выражены всевозможные числа. Одинаковой формы с этими знаками приготовил он потом тысячу фигур из рога, которыми, ставя их то так, то иначе на 27 четырехугольников счетной доски, он изображал деление и умножение всякого числа; и притом знаки эти с таким небольшим трудом делили и помножали всевозможные числа, что по причине огромного количества счетных знаков легче понять, каким образом он поступал при этом, нежели описать словами. Но кто желает получить о том более полные сведения, тот пусть читает книгу, которую он сам написал одному грамматику Константину, потому что в ней можно найти все удовлетворительно и подробно объясненным.

55. Герберт занимался преподаванием с большим усердием, и число его учеников ежедневно возрастало. К этому слава о таком великом учителе распространилась не только по Галлии, но и между германскими народами. Она проникла даже за Альпы и наполнила собой Италию до Тирренского и Адриатического морей. В это время в Саксонии был знаменитый учитель Отрик. Когда он услышал о славе нашего философа и узнал, что при всяком изложении своего учения он разделял предмет соответственным образом, то обнаружил желание иметь из школы этого философа несколько примеров таких делений, а в особенности деления философии, потому что, по правильности ее деления, он легче всего мог бы узнать, действительно ли обладает истинной мудростью человек, о котором говорят, что он преподает философию и учит о божественных и человеческих делах. Вследствие того послан был в Реймс один саксонец, казавшийся способным для этого дела. Он присутствовал при преподавании Герберта и старательно замечал, как он разделял науки, но перемешал распределение частей, в особенности же то, которое вполне охватывало всю философию.

56. Именно Герберт физику считал равной с математикой, а саксонец подчинил физику математике, как вид роду. Неизвестно, сделал ли он это по ошибке или с намерением. Таким образом, этот отчет вместе со многими другими делениями был доставлен Отрику (979 г.). Отрик, рассмотрев его с большим вниманием, выступил перед учениками своими с ложным обвинением, что Герберт подразделяет науки неправильно, потому что сообщенный ему отчет содержит в себе ложное положение, по которому он два равные вида подчиняет один другому, как вид роду. На этом основал Отрик дерзкое обвинение, что Герберт совсем не знает философии. Он говорил, что Герберт очевидный невежа в том, на чем основывается познание божественных и человеческих дел и без чего никто не имеет права философствовать. Он понес тот отчет во дворец и в присутствии императора (Оттона II) объяснил его людям, считавшимся самыми сведущими. Но император, который сам обращал большое внимание на такие вопросы, удивился, что Герберт мог впасть в заблуждение, ибо он сам видел этого человека и не раз слышал его преподава-

ние. Поэтому он очень желал получить от него сведения относительно того предмета. Скоро представилось к тому благоприятное обстоятельство.

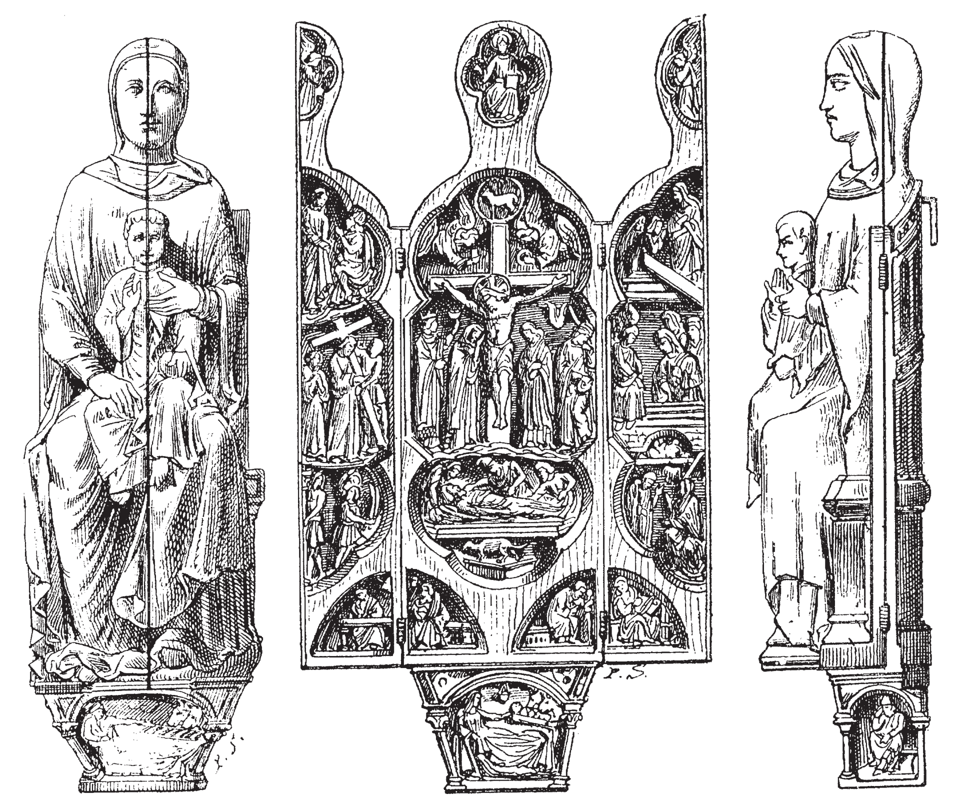
57. Адальбер, достопочтенный архиепископ Реймсский, отправился в следующем году с Гербертом в Рим и в Павии встретился с императором и Отриком. Император принял его с почестями и, отправляясь на корабле вниз по течению По в Равенну, взял его с собой. При наступлении удобного времени все сведущие люди, которые там находились, по приказанию императора были созваны во дворец (980 г.). На зов этот явился только что упомянутый достопочтенный архиепископ, а также и Адсо, аббат Мутье[1]. Отрик, в предыдущем году выступивший как порицатель Герберта, также присутствовал там. Оказалось при этом и значительное число учеников, любопытство которых возбуждено было предстоящим ученым состязанием, и которые едва себе могли представить, что кто-нибудь может осмелиться бороться с Отриком. Император же весьма хитро устраивал приготовления к этому состязанию, потому что ему хотелось, чтобы Герберт встретился с Отриком, не приготовясь, и по неожиданности нападения тем с большей ревностью к диспуту вступил в борьбу. Отрику же он посоветовал предложить много разнообразных вопросов и ни одного из них не решать. Когда мужи эти по порядку заняли свои места, император, которому посреди собрания приготовлено было возвышенное место, встал со следующими словами:

58. «Я полагаю, – сказал он, – что человеческие знания совершенствуются тщательным размышлением и упражнениями и когда преподаются изучающим науки учеными мужами в должном порядке и разумной речью, ибо мы часто погрязаем в лености, но когда предложенные нам вопросы возбуждают нас, то мы тотчас обращаемся к целительному размышлению. Этим способом ученые мужи развили познание вещей, передали другим свои открытия, записали в книгах и оставили нам для достославного подражания. Займемся же равным образом и мы изучением некоторых вопросов, рассмотрение которых даже высокому уму может дать еще большую твердость убеждений. И чего же лучше, займемся обозрением разделения философии, которое в предыдущем году было нам представлено. Обратите все на него глубокое внимание, и потом пусть каждый объявит, что он в нем находит достойным одобрения или порицания. Если в нем не окажется никакого недостатка, то пусть оно будет утверждено вашим общим решением. Но если вам покажется, что его следует исправить, то пусть ученые мужи или произнесут над ним осуждающий его приговор, или как следует исправят. Пусть теперь подадут нам таблицу, на которой мы могли бы его рассмотреть». Тогда Отрик вынул таблицу, объявил, что деление это, высказанное Гербертом, было замечено и записано его слушателями, и подал его государю и императору для прочтения. Оно было прочитано и передано Герберту. Герберт просмотрел его внимательно, частью признал правильным, но частью отверг и вместе с тем утверждал, что он не делал такого деления.

59. Но когда император требовал, чтобы он исправил в нем ошибки, Герберт сказал:

«Великий император! Я вижу, что ты господин над всеми здесь присутствующими, поэтому, как то и прилично, я повинуюсь твоему приказанию, не страшась злобы врагов моих. Их старанием правильное разделение философии, которое я недавно излагал в ясных и хорошо обдуманных словах, искажено подчинением одного равноправного вида другому. Я говорю, что математика, физика и теология – науки, которые стоят на одной степени и подчинены одному и тому же роду. Признаки этого рода принадлежат всем трем в равной мере и невозможно, чтобы один и тот же вид, рассматриваемый в одном и том же отношении, и равный другому виду того же рода, подчинен был ему как вид роду. Вот мое мнение о том предмете. Впрочем, если кто-нибудь имеет сказать что-нибудь против того, то пусть изложит свои основания и пусть сделает для нас понятным то, что по самым

[1] Земляк и друг Герберта, знаменитый своей ученостью.



Переносной алтарь XI–XII вв.

законам природы до настоящего времени ни одному человеку не казалось возможным».

60. По знаку императора начал говорить Отрик: «Ты,– сказал он,– упомянул о некоторых частях философии в нескольких словах; но, кроме того, необходимо еще, чтобы ты обстоятельно разделил философию на ее части и доказал свое разделение. Только тогда, то есть сделав основанное на доказательствах разделение, возможно будет тебе отклонить от себя подозрение, которое наводит на тебя этот ошибочный отчет». На это Герберт отвечал: «Хотя это великое дело, так как оно охватывает собой всю истину в божественных и человеческих делах, однако, чтобы не подвергнуться обвинению в нерадивости и для пользы того или другого из моих слушателей, я не пожалею никаких трудов и изложу предмет по разделению Викторина и Боэция. Итак, философия есть род; виды ее – философия практическая и теоретическая. В свою очередь, видами практической философии я считаю экономику, политику и этику. Под теоретической же философией мы понимаем, и имеем на это полное право, науку о природе, физику, науку рассудка, математику и науку разума, богословие. И опять мы не без основания ставим математику ниже физики».

61. Когда Герберт хотел продолжать деление далее, Отрик прервал его: «Удивляюсь я очень,– сказал он,– что ты математику так непосредственно подчиняешь физике, между тем как физиология может быть принята для обеих посредствующим родом. Ибо, кажется, будет весьма ошибочно, если слишком далекое подразделение вида принято будет для разделения рода». На это Герберт отвечал:

«Гораздо больший повод к удивлению должно давать то, что я подчиняю математику, как вид, физике, с которой она, одна-

ко, стоит на равной степени. Ибо, так как их понимают, как равные виды одного и того же рода, то, казалось бы, говорю я, достойно гораздо большего удивления, если их подчиняют одну другой. Но я говорю, что физиология не есть родовое понятие физики, как ты думаешь, и утверждаю, что между обеими нет другого различия, кроме того, которое я признаю между философией и филологией. Иначе следовало бы допустить, что филология есть родовое понятие философии».

Здесь большая толпа учеников обнаружила свое неудовольствие на то, что прервано было разделение философии, и просила императора, чтобы он приказал опять обратиться к нему. Напротив того, Отрик, хотя обещал вскоре возвратиться к этому предмету, но полагал, что прежде должно быть исследовано основание самой философии, обратился к Герберту с вопросом: что он считает основанием философии?

62. Когда же Герберт стал просить его выразить яснее, что он желает знать, именно, основание ли, для чего она была изобретена, или повод, которому мы обязаны ее изобретением, Отрик сказал: «Я думаю, сам повод, для чего она, по-видимому, была изобретена». Тогда Герберт отвечал: «Так как теперь ясно, чего ты желаешь, то я говорю, что философия изобретена для того, чтобы посредством ее мы достигали познания божественных и человеческих дел».– «Зачем,– прервал его Отрик,– употребляешь ты так много слов, чтобы назвать основание одной вещи, тогда как, может быть, достаточно было бы одного слова, а философ должен стараться о краткости?»

63. Герберт отвечал: «Не каждое основание может быть выражено одним словом. Ибо, если Платоном основание сотворения мира выражено не одним, но тремя словами: «Добрая воля Бога», то отсюда ясно, что это основание сотворения мира не могло быть изложено иначе. Именно, если бы он сказал, что воля есть основание мира, это было бы неуместно; в таком случае казалось бы, что это относится к воле каждого,– что было бы ложно».– «Но если бы,– сказал Отрик,– он сказал, что воля есть основание сотворения, то он выразился бы короче и удовлетворительнее, так как воля Бога может быть не иной как только доброй, ибо никто не отрицает, что воля Бога добрая». Герберт отвечал: «Этому я нисколько не противоречу. Но посмотри! Так как признано, что один только Бог добр по своей сущности, все же творения бывают такими через сообщение, то слово «добрый» присоединено к нему, чтобы выразить свойство его природы, потому что оно необходимо связано с его существом и не соединяется с существом сотворенным. Впрочем, как бы там ни было, известно, что не все основания могут быть выражены одним словом. Например, как тебе кажется, что служит основанием тени? Может ли оно быть названо одним словом?

64. Основание тени, говорю я, есть тело, противостоящее свету, и это никоим образом не может быть выражено короче. Ибо если бы ты хотел сказать, что тело есть основание тени, то это сказано было бы слишком обще. Если же ты скажешь «противостоящее тело», то все же это настолько неудовлетворительно, насколько оно, с одной стороны, остается недостаточным, потому что есть множество тел и они могут стоять против многих предметов, не бросая от себя тени. Между тем я не буду отрицать, что основания многих вещей могут быть высказаны одним словом. Сюда принадлежат родовые понятия, о которых каждый знает, что они есть основания видов, например, субстанция, количественность, качественность. Но другие родовые понятия не могут быть выражены просто, как, например, разумное, как родовое понятие смертного».

65. Тут Отрик спросил с живым удивлением: «Неужели ты подчиняешь смертное разумному? Кому не известно, что под разумным мы понимаем Бога, ангелов и людей, между тем смертное, как понятие более широкое и всеобъемлющее, содержит в себе все смертное, а следовательно, бесконечно более?»

Герберт отвечал: «Если ты под руководством Порфирия и Боэция проследишь в удовлетворительной постепенности разделение субстанции до индивидуума, то, без сомнения, найдешь понятие разумного более обширным понятия смертного, и это тотчас может быть подтверждено достаточными

доводами. Так как признано, что субстанция, родовое понятие высшего порядка, может быть разделено на подчиненные ему понятия до индивидуума, то следует обратить внимание, каждое ли подчиненное понятие выражается одним словом. Очевидно, некоторые из них выражаются одним словом, а другие многими. Так, например, понятие тела выражается одним словом, понятие же существа, одаренного чувствами, многими словами. Таким же образом посредствующее понятие разумного существа, как признак, выражается субъективным понятием разумного смертного существа. Я не говорю, что слово «разумный» просто может быть употреблено, как признак смертного: это было бы несправедливо. Но я утверждаю, что понятие разумного, соединенное с понятием существа, есть признак смертного, насколько это последнее соединено с понятием разумного существа».

Герберт, выказывая чрезвычайное богатство в словах и мыслях, думал сказать еще многое, но диспут по приказанию императора прекратили, потому что день был на исходе и слушатели утомились множеством длинных речей. Герберт, богато одаренный императором и увенчанный славой, в свите своего архиепископа возвратился в Галлию (980 г.).

66. Около этого времени королева Эмма[1] навлекла на себя подозрение в нарушении супружеской верности и связях с епископом г. Лана Адальбером. Хотя об этом говорилось только в дружеских разговорах, но скоро эти тайные слухи стали известны всем, и епископы считали нужным посоветоваться, каким образом прекратить злые пересуды о их собрате и товарище по сану. Поэтому вышеупомянутый архиепископ созвал собрание епископов в Санкт-Магру (Sancta-Magra), одно местечко в Реймсской епархии. Когда они заняли свои места и согласились относительно некоторых полезных мер, архиепископ...

На этом слове прерывается рукопись, и потому недостает нескольких страниц. Далее же, в главе 67, автор говорит о вступлении Оттона II на престол, о чем см. ниже.

Historiarum libri IV. 884–995. Кн. II, 22–66.

[1] Эмма, дочь знаменитой императрицы Аделаиды и Лотаря II, короля Италии, была замужем за французским королем Лотарем (см. родословную табл. № 3).

Августин Тьерри

О ПРИЧИНАХ ПАДЕНИЯ КАРОЛИНГОВ ВО ФРАНЦИИ И ВОЗВЫШЕНИЯ КАПЕТИНГОВ (в 1828 г.)

Есть один чрезвычайно замечательный факт в древней истории Франции, а именно то, что в то самое время, к которому, строго говоря, следует отнести начало французской национальности, замечается в этой новорожденной народности сильнейшее отвращение к прежней династии (то есть Каролингам), господствовавшей на севере Галлии целых полтора века. Территориальному перевороту 888 г. самым точным образом соответствует движение другого рода: возвышается на трон лицо, совершенно чуждое фамилии Каролингов. Таким лицом, первым, которого наша история, в отличие от *франкских королей*, должна бы называть *королем Франции*, был Одо (Ode), или по норманнскому произношению, начинавшему получать преобладание, Эвд (Eudes)[1], сын графа Анжу, Роберта Сильного. Избранный помимо наследника, считавшего себя законным, Одо был народным кандидатом того смешанного населения, которое боролось в продолжение 50 лет, стремясь к образованию отдельного государства. С его воцарением

[1] *Ode, ote* или *othe* во всех диалектах старогерманского языка значило *богатый*. Имя Ото на романском языке в именительном падеже выговаривалось *Odes* или *Eudes*, в других падежах *Odon* или *Eudon*.

начинается новый ряд гражданских войн, результатом которых, через столетие, было окончательное устранение от престола фамилии Карла Великого. В самом деле, эта фамилия чисто германского происхождения, по своим воспоминаниям и родственным привязанностям тесно связана была со странами германского языка, и французы могли смотреть на нее не иначе, как только на препятствие к отделению, но которое должно было послужить основанием их независимого существования. Язык победителей, вышедший из употребления в замках баронов, сохранялся еще в королевском семействе. Потомки франкских императоров тщеславились пониманием языка своих предков и собирали стихотворения зарейнских поэтов. Но эта особенность далеко не увеличивала уважения к королевской фамилии; она давала ей только чужеземную физиономию, оскорблявшую народ и не без основания возбуждавшую в нем беспокойство о прочности его независимости.

Преобладания германцев в ту эпоху не существовало более на всем западе, и место его заменили политические притязания, основанные на праве завоевания. Они легко могли послужить поводом к новым вторжениям и угрожали особенно Франции, как стране соседней и как второму отечеству франков. Инстинкт самосохранения, вследствие того, должен был побудить новое государство разорвать все отношения с государствами германскими и таким образом навсегда отнять у них все поводы вмешиваться в ее дела. Поэтому, не по прихоти, а вследствие политического расчета, владетели Северной Галлии, франки по происхождению, но связанные интересами со страной, нарушили клятву, данную их предками фамилии Пипина, и возвели в Компьене в королевское достоинство человека саксонского происхождения. Лишенный этим избранием наследства, Карл по прозванию Простой, или Глупый[1], не замедлил оправдать основательность своего устранения от трона, обратившись к покровительству германского короля Арнульфа. «Не будучи в состоянии держаться,– говорит один средневековый историк,– против сил Одо, он униженно молил Арнульфа о покровительстве. Созван был в Вормсе сейм. Карл отправился туда и, сделав Арнульфу богатые подарки, был признан им в королевском достоинстве. Отдано было приказание графам и епископам по течению Мозеля оказать ему помощь для возвращения в свое королевство и коронования; но все это не принесло ему никакой пользы».

Партия Каролингов, поддерживаемая из Германии, не успела одержать верха над партией, которую можно назвать французской. Она была несколько раз поражена вместе со своим предводителем, который после каждого поражения находил безопасное убежище вне пределов королевства за Маасом. Несмотря, однако, на то, Карл Простой, интригами и благодаря соседству Германии, успел несколько укрепиться между Маасом и Сеной. Вследствие того, некоторые историки говорят, что течением Сены королевство разделялось на две части и что Карл сделался королем в северной, а в южной царствовал Одо. Остатки старогерманских понятий, по которым вельски (Welskes) или валлоны (Wallons) считались естественными подданными потомков франков, немало содействовали тому, что эта династическая война стала народной во всех странах по Рейну. Цвентибольд, побочный сын короля Арнульфа, под предлогом поддержать права законного владетеля, с армией, набранной из германских народностей, лотарингцев, эльзасцев и фламандцев, вторгся во французские области в 895 г. и достиг Лана; но вскоре был вынужден отступить перед армией Одо. После неудачи этой попытки при германском дворе произошла реакция в пользу так называвшегося до сих пор узурпатора. Одо был признан королем и получил обещание, что на будущее время претенденту не будет оказано никакой помощи. Действительно, Карл ничего не мог добиться при жизни своего противника; но после смерти Одо, когда вопрос о перемене династии был поднят снова, цезарь (Keisar) опять принял сторону потомка

---

[1] В исторических произведениях того времени – *simplex, stultus* и иногда *sottus*, младший внук Карла II Лысого.

франкских королей, и императорское могущество, тяготея без противовесия над небольшим Французским королевством, хотя не прямо, но весьма сильно, содействовало восстановлению прежней династии.

Провозглашенный королем в 989 г. значительной партией, отделившейся от тех, которые стремились к низложению его, Карл Простой в продолжение первых 22 лет царствовал без всякого сопротивления. В продолжение этого-то именно времени, чтобы создать себе новую опору против партии, которой он всегда опасался, он передал свои права на земли при устье Сены предводителю норманнов Рольфу (Rolf), или Роллу[1] и дал ему титул герцога. Но основание этого нового государства на галльской территории имело с течением времени результаты, совершенно различные от тех, которые ожидал Карл. Герцогство Нормандия послужило только Французскому королевству, так сказать, защитой с фланга против нападений Германской империи и ее фламандских и лотарингских вассалов. Новые герцоги, искусные политики и неумолимые воины, не замедлили также вмешаться в династическую распрю. Одинаково равнодушные к личным интересам потомства Карла Великого и его противников, они, мешаясь в эти чуждые для них раздоры, искали только случая или расширить свои границы за счет Франции, или сделаться более независимыми от короны, вассалами которой признали себя. Никакие национальные побуждения не влекли их, подобно королям германским, к одной из враждующих партий и поэтому они колебались некоторое время, прежде чем окончательно решились принять сторону одной из них. Ролл, первый герцог Нормандский, оставался верен договору, заключенному с Карлом Простым, и хотя довольно слабо, но поддерживал его против Родберта, или Роберта, брата короля Одо, избранного в 922 г. партией, стремившейся к низложению Каролингов. Его сын Вильгельм I сначала следовал той же самой политике, и когда наследственный король был низложен и заключен в Лане, объявил себя против Родульфа, или Рауля, шурина Роберта, избранного и коронованного из ненависти к Франкской династии. Но через несколько лет, оставив эту партию, он бросил дело Карла Простого и заключил союз с королем Раулем. В 936 г., надеясь, что возвращение к прежним союзникам доставит ему более выгод, он энергично поддержал восстановление сына Карла, Людовика, прозванного Заморским.

Новый король, которому французская партия, вследствие утомления или руководимая благоразумием, не противопоставила соперника, побуждаемый наследственной склонностью – искать друзей за Рейном, заключил тесный союз с королем Германским, Оттоном Первым, могущественнейшим и честолюбивейшим государем своего времени. Союз этот возбудил живое неудовольствие между баронами, питавшими сильное отвращение к германскому влиянию. Представителем этих чувств национальности был *Гуг,* или *Гуго* (Hug, ou Hugues), граф Парижский, самый сильный владетель между Сеной и Луарой, носивший по обширности своих владений прозвание Великий. Взаимное недоверие достигло такой степени, что в 940 г. между партиями, в продолжение 50 лет враждебно стоявшими друг против друга, готова была вспыхнуть новая война, и Гуго Великий хотя и не принял титула короля, но немедленно взял на себя в отношении Людовика Заморского ту самую роль, которую Одо, Роберт и Рауль играли относительно Карла Простого. Первым старанием его было отнять у противной партии опору, которую она имела в герцогстве Нормандском. Он успел в этом, и благодаря норманнскому вмешательству ему удалось уничтожить действие германского влияния. Все силы Людовика и франкской партии сокрушились о маленькое Нормандское герцогство. Разбитый в правильной битве, король был взят в плен вместе с 16 своими графами и заключен в башню в Руане. Отсюда он вышел для того, чтобы быть отданным в руки народной партии, которая заключила его в Лане.

Чтобы сделать более прочным союз этой партии с норманнами, Гуго Великий обещал выдать свою дочь за их герцога. Но союз

---

[1] Это имя, кажется, – сокращение от *Rodulf*. Поромански *Rou* или *Roul*.

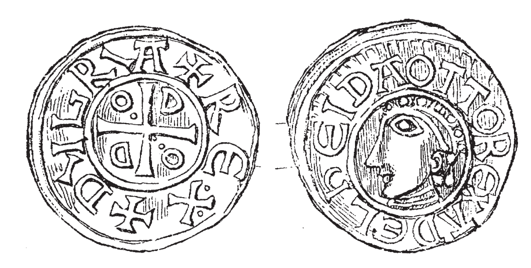
двух галльских государств, самых близких соседей с Германией, вызвал против них коалицию из государей германских, в числе которых самыми сильными были тогда король Оттон I и граф Фландрский. Предлогом к войне должно было служить освобождение из темницы Людовика, но союзники надеялись получить и другие результаты. Их цель была, восстановив на престол короля, их союзника, уничтожить нормандское могущество, присоединив его герцогство к Франции. В вознаграждение они должны были получить земли, которые увеличили бы их государство за счет Франции. Вторжение произведено было под предводительством германского короля в 946 г. Во главе тридцати двух легионов, как говорят современные историки, Оттон дошел до Реймса. Народная партия, державшая одного короля в заключении и не имевшая во главе своей другого, не могла собрать вокруг себя достаточно сил, чтобы отразить чужеземцев. Людовик Заморский был освобожден, и союзники подступили под стены Руана; но эта блестящая кампания не принесла никаких решительных результатов. Нормандия осталась независимой, число друзей освобожденного короля не увеличилось, напротив того, его обвиняли в бедствиях войны, и вскоре, угрожаемый вторичным низложением, он возвратился за Рейн, чтобы искать там снова помощи.

В 948 г. германские епископы собрались по приказанию Оттона на собор в Ингельгейм, чтобы вместе с другими делами разобрать жалобы Людовика Заморского против партии Гуго Великого. Король Французский перед этим чужеземным собранием явился в роли просителя. Он занимал место возле германского короля и, когда папский легат объявил о цели созвания собора, встал с места и говорил таким образом: «Всем вам известно, что послы графа Гуго и других баронов Франции явились ко мне за море и пригласили возвратиться в королевство, мое отцовское наследие. Я был помазан и коронован по желанию и при кликах всех предводителей французского войска. Но спустя некоторое время граф Гуго изменой овладел мной, низложил с престола и держал в продолжение целого года. Наконец я получил свободу, но предав в его власть город Лан, единственный, оставшийся во власти моих приверженцев. Если найдется человек, который будет утверждать, что все эти несчастья, обрушившиеся на меня со времени моего восшествия на престол, были следствием собственной вины, то я готов защищаться против этого обвинения или отдав дело мое на суд этого собора и присутствующего на нем государя, или посредством поединка»[1]. Легко себе представить, что из противной партии не явилось ни адвоката, ни желающего принять поединок, чтобы не сделать зарейнского императора судьей в этой народной распре, и собор, перенесенный в Трир по настояниям Людольфа, капеллана и поверенного императора, вынес такое решение: «Силой апостольской власти отлучаем от церкви графа Гуго, врага короля Людовика, за все зло, которое он ему сделал, до тех пор, пока сказанный граф не даст полного удовлетворения перед легатом верховного первосвященника. И если он откажется подчиниться этому решению, то должен будет, чтобы получить разрешение от грехов, совершить путешествие в Рим».

Серебряная монета Гуго Капета

Этот приговор духовенства не мог уничтожить партии, которая устояла против самого страшного нападения, которому когда-либо подвергалась Франция. Однако прошли целые годы, прежде чем противники Франкской династии успели окончательно ее низвергнуть и разорвать последнюю нить, связывавшую Северную Галлию с Германией. После смерти Людовика Заморского в 954 г. ему наследовал сын его Лотарь,

[1] Flodoardi Chron. у Буке, VIII, 202 с.



Монета Оттона III и Адельхейды

не встретив видимого сопротивления. Через два года после того умер граф Гуго, оставив трех сыновей, из которых старший, носивший то же самое имя, получил в наследство графство Парижское, называвшееся также герцогством Францией. Перед смертью отец поручил его Рикарду, или Ричарду (Rikhard, ou Richard), герцогу Нормандскому, как естественному защитнику его семейства и его партии. Партия эта, казалось, находилась в усыплении до 980 г. В продолжение этого долгого промежутка времени не только не происходило внутренних войн, но даже Лотарь, подчиняясь невольно стремлениям народного духа, рассорился с германскими государствами и пытался раздвинуть границы своего королевства до Рейна. Он вторгся внезапно в империю и как победитель жил некоторое время в Ахенском дворце. Но отважный этот поход, льстивший французскому тщеславию, имел последствием только то, что германцы в числе 60 тысяч алеманнов, лотарингцев, фламандцев и саксонцев вторглись в свою очередь во Францию, дошли до самых высот Монмартра, и там эта многочисленная армия пропела хором: «Te Deum». Император Оттон II, предводительствовавший ею, как это часто случается, был счастливее в нападении, чем в отступлении. Разбитый французами при переходе через Эн (Aisne), он, только заключив в Лотарем перемирие, мог отступить за границу. Этот договор, подписанный, как говорят хроники, против желания французского войска, снова возбудил раздор между обеими партиями или, лучше сказать, дал новые поводы к вражде, которая никогда не переставала существовать.

Угрожаемый, подобно своему отцу и деду, непримиримыми противниками поколения Каролингов, Лотарь обратил взоры свои к Рейну, желая получить там опору в случае несчастья. Он передал императорскому двору все завоевания, сделанные им в Лотарингии, и уступил все права, которые Франция предъявила на часть этого королевства. «Это очень опечалило,– говорит один современный автор,– сердца всех французских баронов». Несмотря на то, они не высказали своего неудовольствия никакими враждебными поступками. Наученные неудачами попыток, делавшихся в продолжение почти целого столетия, они ничего не хотели предпринимать против царствующей династии, не будучи вполне уверены в успехе. Лотарь, судя по его поступкам, более способный и деятельный, нежели два его предшественника, отдавал себе ясный отчет в трудностях своего положения и не пренебрегал никакими средствами, чтобы победить их. В 983 г., пользуясь смертью Оттона II и малолетством его сына, Лотарь нарушил внезапно мир, заключенный с империей, и вторгся снова в Лотарингию, чтобы нападением этим возвратить себе несколько популярность. Но инстинктивное чувство народной независимости, глубоко вкорененное в сердцах галло-франков, не могло надолго примириться с этой заранее осужденной фамилией, погибель которой была неизбежна. До конца царствования Лотаря против него нигде не возникало открытых возмущений, но власть его с каждым днем уменьшалась, и, ускользая от него, так сказать, целиком переходила в руки сына Гуго Великого, Гуго, графа Иль-де-Франса и Анжу, прозванного Капетом (Capet), или на тогдашнем языке Шапетом (Chapet). «Лотарь – король только по имени,– писал в одном из своих писем один из замечательнейших людей X столетия,– а Гуго хотя не носит титула короля, но он король на самом деле»[1].

Без сомнения, в событиях, которые последовали в 987 г. за преждевременной смертью Людовика V, сына Лотаря, большую

---

[1] Lotharius Rex Franciae praelatus est solo nomine, Hugo vero non nomine, sed actu et opere (Gerbert. Epist. ap. script. rer. gallic. et francic., t. X, p. 187).

долю участия нужно приписать личному честолюбию и характеру основателя третьей династии. В замыслах против потомства Карла Великого Гуго Капет более думал о самом себе и о своей фамилии, нежели об интересах страны, независимость которой требовала изгнания покойного Карла, как последней гарантии. Несмотря на то, утвердительно можно сказать, что это честолюбие царствовать в течение столетия – наследственное в фамилии Роберта Сильного – поддерживалось и укреплялось общественным мнением страны. Сами выражения хроник, как ни сухи они в ту эпоху нашей истории, дают понять, что на вопрос о перемене династии не смотрели в то время как на вопрос личный. Из них можно заключить, что речь шла о закоренелой ненависти, о давно начатом предприятии, с целью искоренить из Французского королевства потомство королей франкских. Переворот этот, в своих приливах и отливах бывший причиной стольких волнений, окончился без всяких насилий. Огромное большинство баронов и народа собралось около графа Гуго, и претендент с наследственным титулом остался один только с несколькими друзьями, в то время, когда его соперник, провозглашенный королем единодушными кликами народа, короновался в Нойоне.

Избрание это совершилось без соблюдения правильных форм. Никому не приходило в голову собирать и считать голоса баронов – это был порыв увлечения; Гуго сделался королем потому, что его популярность была безмерна. Хотя он происходил из германской фамилии, но отсутствие всякого родства с императорской династией, сама неясность его происхождения, следы которого не восходили далее третьего колена, указывали на него как на кандидата туземного племени, восстановление которого, так сказать, совершилось только после распада империи. Всего этого не высказывается прямо современными историками, но этому нечего и удивляться: народные массы, приходя в движение, не отдают себе ясного отчета в побуждениях, которые ими управляют; они идут инстинктивно и стремятся к цели, не стараясь определить ее хорошо. Смотря поверхностно, можно подумать, что они слепо следуют за личными интересами какого-нибудь предводителя, имя которого делается известно в империи; но само значение исторических имен основывается на том, что они служили знаменем для большого числа людей, которые, произнося его, знали, что хотели сказать, и по тому времени не имели надобности в более точном способе выражения.

Восшествие на престол третьей династии имеет в нашей истории совершенно иное, гораздо большее значение, чем восшествие второй. Это, собственно говоря, конец господства франков и замена народными королями правительства, основанного на завоевании. С этого времени история Франции становится иной. Мы постоянно следим за одним и тем же народом и узнаем его, несмотря на перемены в обычаях и успехи цивилизации. Национальное тождество было единственным основанием, на котором в продолжение стольких столетий держалось единство третьей династии. Чудное предчувствие продолжительности ряда новых королей, казалось, овладело народным сознанием при восшествии на престол Капетингов. Ходил слух, что св. Валерий, мощи которого недавно перенес Гуго Капет, тогда еще граф Парижский, явился к нему во сне и сказал: «За то, что ты сделал, ты и твои потомки будете королями до осьмого поколения, то есть на вечные времена». Эта народная легенда повторяется всеми хрониками без исключения, даже небольшим числом тех из них, которые, не одобряя перемены династии, называют дело Гуго дурным и обвиняют его в измене своего государю и в ослушании приговоров церкви. Между людьми низших сословий распространено было мнение, что новая королевская фамилия происходила из плебейского класса, и это мнение, сохранившееся в продолжение нескольких столетий, нисколько не вредило ее делу. Точку внешней опоры она нашла в союзе с Нормандией, которую щадила до тех пор, пока королевству угрожала опасность с севера.

Множество затруднений, представлявшихся в 987 г. четвертому восстановлению Каролингов, устрашили германских государей, и они не послали войска на помощь

претенденту Карлу, брату предпоследнего короля, герцогу Лотарингскому, бывшему под верховным владычеством империи. Вынужденный ограничиться слабой помощью своих приверженцев внутри королевства, Карл мог только овладеть Ланом, где, благодаря крепкой позиции города, держался в блокадном состоянии до тех пор, пока измена одного из его приверженцев не предала его в руки врагов. Гуго заключил его в башню в Орлеане, где он и умер. Его два сына, Людовик (Lodewig) и Карл (Karl), рожденные в заключении и после смерти отца изгнанные из Франции, нашли убежище в Германии, в которой к ним сохранялось сочувствие по их происхождению и родству.

Это два последних имени в нашей истории, которые следует писать сообразно с орфографией германского языка; потому что после низложения фамилии, около которой группировались старые воспоминания завоевания, во Франции не осталось следов языка, который сначала был языком всех победителей, на какой бы ступени они ни стояли, потом сделался языком вельмож и, наконец, исключительно, языком королевского дома. В 948 г., на соборе в Ингельгейме, куда Людовик Заморский явился, чтобы принести Оттону I свои жалобы против Гуго Великого, латинское письмо Папы, которого не могли понять ни Оттон, ни король Франции, переведено было для них на германский язык. Сомнительно, чтобы подобный перевод для Гуго Капета был понятнее оригинала. Со времени его царствования государи Германии, Лотарингии и Фландрии, отправляя послов во Францию, вынуждены были давать им переводчиков. С этого же времени французские имена должны совершенно заменять имена германские; но при этом необходимо еще обращать особое внимание, чтобы узнать эти имена под однообразной орфографией латинских хроник.

Если новые историки ошибаются, перенося орфографию французской эпохи во франкский период и называют королей первых двух династий: Thierri, Louis и Charles, то, не стесняясь, они делают и другую ошибку, пишут после X столетия имена, подобные следующим: Alberic, Adalric, Baideric, Rodolphe, Reginold. Романский язык имел свойство видоизменять и смягчать имена германского происхождения и почти приноравливал их к тому произношению, которое мы употребляем в настоящее время. Эти видоизменения для народонаселения галльского племени начались ранее изгнания Франкской династии, поэтому следовало бы давать их чувствовать и до этой эпохи, когда следы их находятся в современных хрониках. Но относительно того времени, когда во Французском королевстве господствовал один только язык и различие племен в языке не выражалось, история должна представлять имена исключительно французские (a physionomie française). Необходимо старательно избегать полуварварской, полулатинской орфографии, введенной в то время, когда не существовало ни науки, ни исторической критики, и писать прямо имена, подобные следующим: Aubri, Baudri, Aubert, Imbert, Thibauld, Rigauld, Gonthier, Berthier, Meynard, Bodard, Seguin, Audoin, Regnouf, Ingouf, Ranhier, Rathoûis[1].

Чтобы избежать другого рода смешения, следует имена южные писать сообразно с орфографией языка, на котором говорили в Аквитании и Провансе. В конце X столетия страны, в которых господствовал язык *ос*, разделяла от Французского королевства столько же решительная народная ненависть, как и та, которая существовала между французами и немцами или, как говорили на границе обоих языков, между валлонами и тиоа (entre les Wallons et Thiois[2]). Вследствие непоследовательности, примеров которой история представляет много,

---

[1] Вот эти имена в их оригинальной форме: Abbrikm, Baldrik, Albert, Ingbert, Theodebald, Rikhald, Gunther, Berther, Maghenhard, Baldhard, Sigwin, Odwin, Reghenulf, Ingulf, Rather, Rathwig.

[2] Эти два слова старофранцузского языка соответствовали двум французским словам *Walle* и *Teutske* и служили в Бельгии и Лотарингии для отличия говорящих на романском языке от тех, которые говорили по-немецки. *Walle,* или *Wale*, – существительное, откуда происходит прилагательное *walsk,* или *welsk*. Это слово употребляется в древних толкованиях салических законов для перевода латинского слова *Romani.*

в то самое время, когда Франция с такой энергией боролась за свою независимость против германцев, она стремилась подавить независимость государств, образовавшихся на юг от нее, между Луарой и Средиземным морем. Подобно тому как немцы считали себя незаконно лишенными господства властелинами Франции и Италии, точно так же французы, опираясь на предания франкского завоевания, имели притязания господствовать над остальными галлами до подножия Альп и Пиренеев. По новым народным понятиям, идея господства на юге была неразделька от идеи освобождения со стороны севера. Поэтому за каждым избранием короля, не принадлежащего к фамилии Карла Великого, от Эвда до Гуго Капета, почти непосредственно следовала война на южных границах, по берегам Луары, Виенны или Роны. Выражение этого народного тщеславия мы находим в грамоте короля Рауля, где он дает себе следующий титул: «Милостью Божьей, король французов, бургундцев и аквитанцев, непобедимый, благочестивый и всегда августейший, в полном смысле, король, вследствие добровольного подчинения как аквитанцев, так и гасконцев».

В ответ на это хвастовство гасконцы и аквитанцы во главе своих общественных актов писали следующую формулу: «В царствование Иисуса Христа, в ожидании короля». Они считали узурпаторами всех тех, которые получали королевское достоинство помимо наследственного права; но потом при каждом новом восстановлении на престоле потомка Карла Великого они тем не менее относились к нему, как к государю чужеземному. В первый же год своего царствования Гуго Капет возобновил, но без всякого успеха, враждебные действия в Пуату. Принужденный Гильомом (Guilhem), герцогом Аквитании, отступить до Луары, он дал на берегах этой реки кровопролитную битву, которая послужила только к тому, что дала повод выразиться сильной ненависти, питаемой друг к другу обоими народонаселениями. Владетели небольших южных государств не только удержали свою независимость, но даже сделали завоевания по направлению к северу. Так Альдеберт (Aldebert), граф Перигё (Perigueux), осадил и взял Тур в 990 г. Тревожимый этим успехом и не отваживаясь напасть на него открытой силой, Гуго Капет обратился к нему с вопросом: «Кто сделал тебя графом?» – «Кто сделал тебя королем?» – были единственные слова, которыми отвечал граф Альдеберт. Этот ответ – предмет недоумения для историков XVIII столетия, и позднее толкуемый в смысле республиканском вовсе не содержал в себе намека на избирательность королевского достоинства; он просто означал только, что граф Перигё был такой же законный и полноправный государь, как и король Франции.

Франция, принимая это название в его настоящем, народном значении, первоначально была очень невелика: она ограничивалась странами от Мааса до Луары и от Эпты (Epte) и Вилени (Vilaine) до гор древней Бургундии. Но с тех пор, как она стала существовать как государство в центре Галлии, она никогда не отступила ни одного шагу назад и непрерывным рядом побед раздвинула свои границы до берегов обоих морей. Эти победы носят на себе совершенно иной характер, чем вторжения франков. Они дали прочные результаты, потому что имели политическое значение, имели целью не просто раздел богатств и земель, но подчинение правительству страны. Событие, на которое можно смотреть как на случайное исчезновение титула короля во всех государствах, образовавшихся в Галлии около центрального королевства, в Лотарингии, Бургундии, Бретани и Аквитании, в особенности содействовало тому, чтобы сделать менее насильственным это последовательное соединение различных частей Галльской земли. Феодальный взгляд на иерархию областей и территорий заблаговременно приготовил соединение, постепенно приучив владетелей герцогств и графств не считать себя равными со своими соседями, имевшими в гербе лилии. Таким образом, ленная система в истории наших провинций была некоторым образом посредствующим звеном между эпохой разделения на многие отдельные государства и эпохой слияния их в одно тело.

Необходимо, впрочем, остерегаться, чтобы слово «лен» (fief) не ввело нас в за-

блуждение относительно характера того сопротивления, которое следовало преодолеть королям третьей династии для распространения монархии до пределов древней Галлии. Везде, куда б они ни обращали свои завоевания, они встречали народную оппозицию, в воспоминаниях, обычаях и нравах, и только испытав многократные поражения, когда бесполезны оказались попытки возмущений, протестов и ропот,– народонаселения умолкли, и все слилось в повинующееся единство, которое с XVI столетия составляет характерную черту французской монархии.

Lettres sur l'hist. de France. Письмо XII.

Роберт Васэ

КАРЛ ПРОСТОЙ И РОЛЛОН, ГЕРЦОГ НОРМАНДИИ. 912 г. (в 1160 г.)

Автор в начале своей поэмы рассказывает историю известного предводителя нормандской дружины Роллона, как он в конце IX в., пользуясь распадом Карловой монархии, после смерти Карла III Толстого, и разделением Франции между Одо и Карлом Простым, утверждается в Нормандии и опустошает окрестные страны (см. о том выше, у Августина Тьерри). После смерти Одо в 898 г. Карл Простой соединяет всю Францию в одно целое, но продолжает безуспешную борьбу с Роллоном; наконец, в 912 г. Карл по совету своих решается не только примириться со своим врагом, но и избрать нормандцев орудием для защиты против непокорных вассалов; с этой целью король отправляет к Роллону архиепископа Руанского Франко.

«Роллон,– сказал Франко, архиепископ Руанский,– Богу угодно возвеличить твою славу и твое баронское достоинство. В заботах и злобе проводил ты свои дни, жил слезами и грабежом, многих людей разорил и привел в рабство, бедностью довел многих женщин до разврата, отнимал замки и

РОБЕРТ ВАСЭ (ROBERT WACE[1]; между 1112 и 1124– ок. 1180). Англо-нормандский поэт, родился на о. Жерзей, воспитывался в Нормандии, в г. Кане (Caen), где и писал свои сочинения, а умер в Англии. Все его поэтические произведения носят название *романов*, потому что они были написаны на романском языке, то есть на новом, в противоположность господствовавшему обычаю писать по-латыни. Кроме языка, его романы замечательны по своему довольно строгому историческому основанию, хотя кроме хроник он черпал много и из народных преданий. Из всех таких романов до нас дошло только пять: 1) Roman de Brut; 2) Roman de Rou; 3) C'est comment la Conception Notre-Dame fut établie; 4) Vie de S. Nicolas и 5) Faemina. Герой первого романа, Брут, внук Аскания и правнук Энея, является первым королем Англии; далее рассказывается история его потомства до 700 г. н. э., поэма была написана в 1155 г. и состоит из 15 300 стихов. Сам автор говорит, что в его поэме не все правда, но и не все ложь:

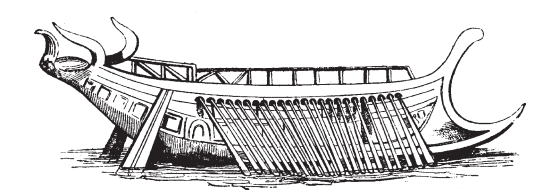
Ne tot mensonge, ne tot voir (vrai),
Ne tot folie, ne tot savoir, и т. д.

---

[1] А по другим спискам: Wacce, Waze, даже Gacce, Guazs, Guasco и иногда Wistäce, Histace – искаженные формы полного имени Евстахий, Eustache.

законное наследство. Подобно дикому зверю, ты не заботишься о своей душе и пойдешь в ад, где в печальном сообществе будешь предан вечным мукам, не имеющим никогда облегчения; у тебя нет никакого ручательства за продолжительность жизни; перемени свое поведение, дай другой исход своему мужеству, вступи в христианство и оказывай почтение королю. Учись жить в мире и укрощай свою ярость, не разрушай его королевства, чем ты ему причиняешь великую обиду. Он имеет прекрасную дочь (Гизелу), знатного происхождения; хочет отдать ее тебе в замужество, и ты получишь в приданое всю приморскую страну от р. Эра (Eure) до моря. Таким образом, ты будешь жить своими ежегодными доходами, без грабежа; будешь иметь много хороших крепких замков и прекрасных жилищ; и твоему потомству будет также лучше. Согласись на трехмесячное перемирие, не причиняя вреда; не ходи в это время грабить ни на кораблях, ни на лодках; тебе дадут хороших заложников для обеспечения договора. Неужели ты почтешь стыдом жениться на дочери короля?»

Роллон выслушал эту речь, и она доставила ему большое удовольствие. По совету своих вассалов он согласился на перемирие; ему прочли договор, и обе стороны подтвердили его. В назначенном месте Роллон собрал своих людей, а король пригласил в Сен-Клер всех баронов. Роллон расположился по эту сторону р. Эпты (Epte), а король на другой стороне ее и с ним герцог Роберт[1], также желавший мира. Собрание шло хорошо, и дело кончилось. Роллон стал вассалом короля и положил в его руки свои. Когда он должен был поцеловать ногу короля, то, не желая наклониться, опустил только руку, поднял ногу короля к своим губам и опрокинул Карла: все засмеялись над этим, а Карл встал. Перед всеми он от-



Византийское судно IX–XV вв.

[1] Сын умершего короля, Одо, удержавший одно наследственное владение, герцогство Францию.

то есть «Не все сказка, и не все правда; не все вздор, но и не все дело».

Roman de Rou, «Повесть о Роллоне», служит как бы продолжением повести о Бруте:

Mil et cent et soixante ans eut de temps et d’espace
Puis que Diex en la Vierge descendi par sa grace,
Quant un clerc de Caen, qui et nom *maistre Wace*.
S’entremist de l’estoire de Rou et de sa race –

то есть «1160 лет прошло времени и пространства, как Бог по своей милости снизошел через Деву на землю, когда клерик в Кане по имени *господин Васэ* сел за историю Роллона и его потомства». В первой части этого романа автор описывает подвиги Роллона, Вильгельма Длинный Меч и Ричарда I; во второй части – конец правления Ричарда I и его преемников до 1106 г., когда Генрих I, король Англии, завоевал Нормандию. Третья часть собственно должна быть первой, потому что в ней рассказывается о вторжении норманнов во Францию до Роллона. Основанием для первой части романа послужили летописи Дудо Сен-Кантенского и Вильгельма Жюмиежского. Последние три романа не имеют исторического значения; роман «Faemina» («Женщина») – рассуждение о грамматике, и назван так потому, что женщина бывает первым учителем языка.

Издания: Le roman de Rou, publié puor la première fois par Fr. Pluquet. Rouen. 1827. 2 vol. Переводы: немецк. Gaudy (Glogau, 1835); английск. Edg. Taelor (Lond. 1837). Критика: *Raynouard.* Observations philologiques et grammaticales sur le roman de Rou. Rouen. 1829.

дал свою дочь и Нормандию; хотел еще дать Фландрию, но Роллон отказался, говоря: «Это бедная земля и никогда ничем не будет изобиловать». Вместо того он просил себе Бретань; король отдал ему эту страну и приказал Беренгу и Алэну, графам бретанским, дать ему присягу; и оба они, без всякой лжи, поклялись ему в верности. Король отправился домой, и Роллон возвратился, а с ним пошел и герцог Роберт, провожавший даму (то есть дочь Карла Простого).

Архиепископ Франко крестил герцога Роллона; герцог Роберт был его восприемником и назвал его также Робертом. Когда Роллон был крещен, он женился на дочери французского короля, что скрепило их мир. Велика и продолжительна была радость. В 912 г. после того, как Бог родился в Вифлееме, Франко возродил Роллона крещением, и король имел с ним свидание в Сен-Клере. Бракосочетание было великолепно; а после обряда начались великие празднества. Всякий, кто ни пожелал прийти на пир, был хорошо принимаем. Роллон просил и уговаривал всех своих людей креститься и осыпал их почестями: некоторым дал деревни, замки и города, другим поля, доходы, мельницы и луга, давал также леса, земли и большие наследства, смотря по службе и достоинству, по знаменитости и возрасту. Все утвердившиеся в Нормандии, как владетели ленов, были награждены по желанию их; Роллон возвышал и сильно любил их; он хорошо награждал сообразно их желаниям за то, что они, оставив свое отечество, последовали за ним. Роллон окружил себя почестями и богатством, и в доме своем умел жить широко.

Он любил мир, искал и утверждал его. Он дал приказ во всей Нормандии объявить и обнародовать, что в ней не должно быть человека столь смелого, который бы дерзнул нападать на другого, жечь дом или город; никто да не осмелится ни воровать, ни грабить, ни ранить, ни умерщвлять, ни бить, ни поражать кого-нибудь, на ногах ли он или лежачий; ни изменять другому человеку посредством козней или засады; да не осмелится кто-нибудь воровать, не быть соучастником вора; потому что соучастник должен быть наказан вместе с вором; будучи соучастником воровства, он должен быть соучастником и наказания. Того, который совершил измену, если можно схватить его, то ни один благородный человек не должен укрывать, а, напротив, обесчестить такого и наказать огнем и виселицей. Роллон был другом правосудия и заставил много говорить о себе. Он приказал колесовать разбойников и воров, выкалывать глаза, жечь или отрезать ноги и пясти рук; смотря по преступлению, он приговаривал каждого к наказанию. Им приказано было громогласно объявить в замках, городах и на площадях, чтобы всякий человек, у кого есть плуг и кто хочет обрабатывать землю, имеет безопасность и мир для своей работы: пусть никто не будет принужден снимать железо с сошника и скрывать его в бороздах или уносить домой, опасаясь мошенничества или воровства; ему нет надобности брать с собой ни отвала, ни отреза, ни упряжи, потому что никого не должно быть, кто осмелился бы прикоснуться к ним. А если бы их украли у него и он не мог бы найти вора, то герцог из своих денег должен отдать ему, чего украденное стоит, и крестьянин опять будет в состоянии купить свой отвал и отрез.

В Лонгвилле жил крестьянин, имевший шесть прекрасных быков для своего плуга. У него была жена; неизвестно только, имел ли он детей. Но жена была не чиста на руку: она стащила бы и старую шляпенку, если за ней не присмотрят, и дошла в своем искусстве до того, что надобно было ждать худого конца, и вот что случилось. Однажды, как обыкновенно, крестьянин пахал и в обеденный час воротился домой; при плуге он оставил упряжь, отвал и отрез. С собой он не унес ничего, надеясь на мир и на то, что герцог, если их украдут, возвратит ему деньгами. Жена крестьянина в то время, как он обедал, сбегала в поле, сняла с плуга железо и спрятала его. Муж, возвратившись на работу и не видя железа, начал искать его по всем сторонам. Он позвал жену и убеждал ее сказать, если нет его у нее, то у кого оно. Жена была корыстная: не призналась и отреклась. Крестьянин пошел в Руан и настоятельно требовал своего железа; Роллон сжалился над ним и дал ему пять

солидов. Получив деньги, он возвратился домой. «Благословенна рука,– сказала жена,– наградившая нас; ты имеешь теперь пять солидов, а вот и твое железо». Она нагнулась и показала ему под лавкой. Но безумна была та, которая украла и скрыла. Это истина, и Бог говорит так, и дело то показало: «Нет вещи столь скрытой, которая не была бы явлена, ни действия столь тайного, которое не было бы открыто». Всякий хороший поступок должен быть награжден, а всякое вероломство наказано. Сколько искали и разыскивали железа, сколько перемучили людей в стране, испытывая огнем и водой, пока наконец узнали истину. Вероломство не может быть долго скрыто. Крестьянка была взята и отведена к герцогу Роллону. Она во всем призналась и была изобличена. Роллон приказал взять и привести к нему крестьянина. Когда крестьянин явился перед ним, герцог сказал ему: «Знаешь ли ты, скажи мне, с того времени, как живешь ты с женой, она не воровала ничего и была добросовестна?» – «Нет, государь,– сказал он,– я не должен лгать».– «По чести,– отвечал Роллон,– я вполне верю тебе; своими же устами ты произнес свой приговор: с ней ты должен быть повешен; а за что? – ты достаточно сказал; ты сам сделал суд над собой; равный закон, равное наказание, равное бедствие вас ожидают». Один имеют суд и вор, и соучастник. Жена как и ее муж были повешены.

Этот поступок и другие внушали большое уважение к Роллону. В чести и радости он жил очень долго (ум. в 917 г.). От первой жены Гизелы у него не было детей; она умерла бездетной. Тогда Роллон женился на Попе[1], с которой долго жил. Сын его Вильгельм, по прозванию Длинный Меч, принадлежал к числу самых красивых юношей; он был высокого роста и обладал большим умом; легко переносил тяжести военной службы и ни над чем не задумывался. Роллон по совету родственников сделал его своим наследником. Тайно пригласил он Беренгера и Алэна, от которых зависит Бретань, и богатых норманнов; каждого он одарил и еще пообещал столько, что все без труда признали себя вассалами его сына; каждый дал Вильгельму клятву и присягу. После того, как герцог Вильгельм получил герцогство и ему присягнули вассалы, Роллон еще правил пять лет и поддерживал мир. Людей своего герцогства, служивших ему, он привел и склонил на служение Богу. Таким образом, он приблизился к своей кончине, как всякий человек, который стареет от труда и забот, ослаблявших его. Но никогда воспоминание о нем и его суде не помрачатся. В Руане он заболел и там же умер. Добрым христианином покинул он свет, исповедавшись и покаявшись в своих грехах. В церкви Богородицы на южной стороне духовные и миряне похоронили его тело; там находится его могила и надпись, повествующая о подвигах и его жизни.

Le Roman de Rou et des ducs de Normandie.

---

[1] Дочь Беренгера, графа Бессенского (Bessin).

Дудо

ЛЮДОВИК IV ЗАМОРСКИЙ, КОРОЛЬ ФРАНЦИИ, И РИЧАРД, ГЕРЦОГ НОРМАНДСКИЙ. 944 г. (после 1002 г.)

Людовик (IV, сын Карла Простого), король Франции (936–954 гг.), услышав, что герцог Нормандский, Вильгельм (сын Роллона), был обманут Арнульфом, графом Фландрии, и испытал мученическую смерть за поддержание святейшей церкви, веры и мира, и из верности к нему выразил большую печаль и, собрав поспешно в Руане (Rotomagum) князей (optimates) королевства, исключая виновников того убийства, а также и своих графов (comites), совещался с ними по поводу того, что было совершено бесчестной хитростью графа Арнульфа (944 г.). Жители Руана, обрадованные прибытием короля Людовика, приняли его охотно в той надежде, что он отправится в поход

против Фландрии и отомстит ее жителям жестоко и кроваво за их неслыханное преступление. Между тем король Людовик вместо того приказал привести к себе Ричарда, сына герцога Вильгельма, мальчика необыкновенной красоты; принял его со слезами и с притворным, коварным участием удержал при себе, угощал и даже спал с ним в одной комнате[1]. На следующий день, когда воспитатель этого знатного питомца хотел увести его в другой дом, чтобы сделать ему ванну и наблюдать за ним, король воспротивился тому и удержал мальчика при себе. На второй и на третий день, несмотря на все настояние воспитателя, король не разрешал и противился ему с упорством. Наконец воспитатель, видя, что король пленен великими достоинствами его питомца, не делал после того никаких усилий, чтобы увести мальчика в какое-нибудь другое место. Когда распространилась о том молва, все жители возмутились, и в городе поднялся ропот на плен молодого герцога. Наконец слобожане (suburbani), собравшись вместе с горожанами, бросились толпой, по обычаю черни, к дому городских начальников (principes)[2], начали поносить их, сопровождая брань страшным криком и объявляя громогласно: «Мы потеряли герцога Вильгельма, нашего главного защитника, по своей небрежности, но мы не допустим, чтобы нашим вероломством погиб и его сын в изгнании; мы поступим как следует, если умертвим всех клятвопреступников, а Ричарда, прекрасного отрока, избавим от ссылки». Весьма многие из начальников города, побужденные настойчивыми речами граждан, поспешно облеклись в железо и с оружием в руках присоединились к вооруженной черни; но зато весьма многие из поселян (rustici), опасаясь борьбы, остались дома и заперли ворота на запор. Остальная же чернь и вооруженные рыцари (milites)[2], с жаром, ускорив шаги, нападают вместе со своими графами (comites)[3] на короля. Король, услышав говор и шум, спрашивает о причине случившегося. Ему говорят: «Начальники города (principes) спешат напасть на тебя за то, что ты держишь в неволе отрока Ричарда, их надёжу; тебе будет трудно уйти от угрожающей опасности и спастись от толпищ горожан и воинов». Тогда король сначала побледнел и смешался, придя в ужас от по-

[1] В течение всех Средних веков сохранялся этот обычай для выражения самой искренней дружбы и расположения.

[2] Domum principum civitatis – ратуша; principes – высшее сословие в городе, патриции, составлявшие магистрат.

[1] Milites – городское дворянство.

[2] Comites – высшие чиновники, назначаемые сюзереном, в противоположность principes, избираемым гражданами.

ДУДО (конец X –начало XI в.). Декан церкви в С. Кантене (Dudo, decanus S. Quintini) был первым национальным историком нормандцев и написал «Историю норманнов, или Три книги о нравах и деяниях первых герцогов Нормандии, от 860 до 1002 года» по поручению именно третьего герцога, Ричарда I, сына Вильгельма и внука Роллона. Первая книга охватывает собой нападений норманнов до Роллона; вторая вся посвящена Роллону, а в третьей говорится о правлении Вильгельма и Ричарда I. Последняя книга особенно интересна, потому что автор говорит о своей эпохе; притом он был в близких отношениях с Ричардом и многое слышал от его брата Рауля, графа Иври. Дудо закончил свою историю после смерти Ричарда I, при его сыне Ричарде II, и посвятил ее знаменитому архиепископу г. Лана Адальберу, который играл важную роль в истории возвышения Капетингов (см. о нем ниже, у Рикера, IV, 41). Несмотря на напыщенность языка и хронологические неточности, хроника Дудо принадлежит к лучшим историческим памятникам как верная картина нравов и быта одной из главных частей средневековой Франции, откуда вышел в XI в. Вильгельм Завоеватель.

Издания: *Duchesne.* Histor. Norman. 49–159 c.; у *Pertz.* Monum. IV, 93–106 помещено одно извлечение. Критика: *Lappenberg.* Geschichte von England. II, c. 371 и след.

гибели, висевшей над ним, но потом, опомнившись, послал за Бернардом, вождем (principem) нормандского войска, прося его, именем Бога, поспешить на помощь. Но Бернард отправил к нему немедленно нарочного сказать, что он не будет в состоянии спасти ни себя, ни его, но погибнет сам в борьбе с восстанием. Король снова послал к нему, прося дать совет, как избавиться от опасности. Бернард, боясь, что и он сам, и король, могут лишиться жизни, требовал, чтобы король, взяв на руки прекрасного отрока Ричарда, вышел к воинам и гражданам, умоляя о пощаде. Король, не надеясь на свои силы и опасаясь погибнуть вместе со своими, взял на руки прекрасного отрока Ричарда, появился перед вооруженной толпой, искавшей убить его и всех окружавших, прося униженно сжалиться над ним. Он говорил толпе: «Это я, ваш государь (senior); делайте со мной, что хотите; но молю вас со слезами, не убивайте ни меня, ни моих друзей; я удержал при себе вашего господина (dominus) не как пленника, но для того, чтобы воспитать его по-королевски и дать ему придворное образование (palatina facundia)». Толпа, взяв у короля добродетельного отрока Ричарда, позволила ему самому, после всего того унижения, возвратиться в свои покои. Но король Людовик, в страхе от случившегося и от того, что могло бы вперед произойти, и колеблясь в нерешимости, по спасительному совету своих графов и епископов, отправил поспешно за первостепенными лицами в городе (optimates), а именно, за Рудольфом, Анслеком и Бернардом. Когда они явились и были представлены королю, он сказал им с плачевным видом: «Глубоко опечаленный ужасной смертью вашего господина, я пришел сюда, чтобы утешить вас в постигшем несчастье, но встретил здесь еще большие огорчения, потому что ваши слобожане с горожанами и рыцари с толпой поселян замыслили погубить меня и моих и умертвить нас внезапной смертью. Бернард! Твоим советом я избавился от смертоносного врага; скажи, что мне теперь предпринять?» Бернар отвечал: «Ты тяжко огорчен враждебным тебе поступком поселян и граждан; теперь тебе следует очиститься от возведенного на тебя обвинения в хитрых замыслах и несправедливости. Притом, наш господин, герцог Вильгельм, был во всем твоим поборником (felix, tuus), и потому тебе следует утвердить владение землей по наследственному праву за Ричардом, отроком и родоначальником великого потомства, дав клятву над святым причастием и возложив руки на раку (phylacteria), в знак того, что ты будешь ему приязнен и явишься помощником и защитником против всяких врагов. Если ты хочешь быть довольным нашей службой и дружбой (servitio et militatione), то сделай и нас довольными твоей опекой и управлением. Тогда мы сотрем с лица земли того, кто вступит в борьбу с тобой, и ты своей властью накажи всякого, кто восстанет против нас». Король отвечал на это Бернарду с коварством: «Я исполню все сказанное тобой и добровольно или силой заставлю своих друзей сделать то же самое». Затем он передал Ричарду, невинному отроку, землю в наследственное владение по праву деда и отца; когда же была принесена рака со святыми мощами, он возложил на нее руки и, призывая ими Бога, клялся помогать ему против всех врагов и принудил к тому же своих сановников (praesules) и графов. По совершении всего этого король обратился с коварной речью к нормандским городским начальникам: «Я дал вам и вашему господину ненарушимую и искреннюю клятву помогать вам, и всякий из вас найдет у меня удовлетворение. Потому позвольте вашему господину остаться при мне, чтобы он, наученный красноречию, умел различать и определять слова на диспуте (diffinire et determinare verba scrupulosae rei)[1]. В моем дворце он приобретет лучшие познания о многом, нежели оставаясь у себя дома: куда бы я ни пошел, и он пойдет со мной, где бы я ни был, и он будет там. Благодаря деятельной помощи его отца, я держу в своем управлении всю Францию и Бургундию, а потому и пребуду союзником и по-

---

[1] О характере и приемах подобного воспитания см. выше.

мощником его сына до конца своей жизни. Так как его отец претерпел за меня смерть, то я сделаюсь хуже лютого зверя, если не поспешу на помощь его сыну». Обманутые такими льстивыми речами коварного короля, городские начальники нормандцев отдали на воспитание королю Людовику своего желанного отрока Ричарда. Король же, отправившись оттуда вместе с Ричардом к стенам города Эброика (ныне Evreux), занялся там устройством городских дел (disponebat reipublicae jura). После долгого пребывания в Эброике, принудив с коварными замыслами, граждан присягнуть на верность ребенку, король возвратился в руанский дворец. На следующий день, созвав всех городских начальников, король обратился к ним с хитрой речью: «Я имею намерение отправиться против виновника нашей печали и бедствия. Теперь же возвращусь в Лаудун (ныне Laon) и отведу туда Ричарда, отрока, которому вы клялись в верности. Оттуда же, созвав бургундов и франков, я пойду на Атрабат (ныне Arras) и буду осаждать его, пока не возьму; укрепления же фландрийцев срою все и разорю вражески их имущества, а войско свое отправлю туда, где узнаю, будет находиться Арнульф; и если встречу его где-нибудь, то отомщу ему по заслугам. Вы же будьте готовы, чтобы вместе со мной мстить за своего господина». Ослепленные таким коварным разглагольствованием, они позволили ему увести с собой отрока, свое будущее сокровище...

Людовик Заморский действительно обманул руанцев и не только не думал о мести, но даже заключил договор с убийцей. Смерть Гериберта, владетеля Вермандоа, подала ему повод лишить детей отцовского наследства, но они вступили с ним в борьбу; этим обстоятельством воспользовались нормандцы для восстания и нашли средство похитить из плена своего молодого герцога, как о том рассказывает далее наш автор.

У Ричарда был воспитателем и деятельным пестуном некто по имени Осмунд. Однажды, во время отсутствия короля, он отпустил верхом отрока, заключенного несправедливо в плену, на птичий двор, чтобы учиться соколиной охоте. Когда же король возвратился и из слов королевы Герберги[1] узнал, что наш многосведущий отрок Ричард отправился для юношеской забавы за город, он немедленно позвал к себе Осмунда, его наставника, и в страшном гневе угрожал лишить его зрения, если он попытается еще раз увести своего господина. После того король присоединил к нему других пестунов, чтобы они внимательно следили за отроком и смотрели за тем, чтобы он не убежал. Осмунд же, видя, что этот кроткий отрок совершенно превратился в пленника, отправил к жителям Ротомага известить их о таком преступном обмане. Пораженные подобным вероломством короля, они искали усердно помощи свыше. Вследствие того, дано было знать всем церквам Нормандии и Бретани, чтобы священники служили усердно обедни по этому случаю, клир пел бы псалмы, а народ, одетый в рубище с босыми ногами, наложил бы на себя пост. Высшие сановники нормандские и бретанские, услышав такую печальную весть, объявили народу ежемесячно трехдневный пост, возносили молитвы к Господу Богу и раздавали бедным милостыню, чтобы им был возвращен желанный их отрок Ричард. Клир монахов и каноников с молением воспевал псалмы, народ толпами собирался в церквах со стенаниями и плачем. Между тем Ричард, благообразный отрок, славный своим происхождением, наставлялся в плену сведениями всякого рода, укреплялся телом и был ласков и добр со всеми, как взрослый; избегал всего неприличного по силам своего возраста; не ценил высоко того, что не укрепляло духа; вооружал свой язык живым красноречием и отличался своей речью в разговорах; изучал тщательно и проверял то, чего не знал, и его не пугала темнота дела. Свой отроческий возраст он посвятил Иисусу Христу и, несмотря на всю нежность лет, вел себя по всем правилам Писания. Таким образом, с Божьей помощью, наш прекрасный отрок сиял бы пред всеми, если бы даже и не воспитывался в королевском дворце. Его охот-

[1] Герберга – дочь Оттона I Великого, после смерти первого мужа, герцога Лотарингии, вышла за Людовика Заморского.

но поучали всякого рода назиданиями и наставляли с медоточивой сладостью придворного языка. Между тем, Царь царствующих и Господь Бог, умилостивленный беспрерывными мольбами нормандцев и бретонцев и ежемесячным их постом, исторгнул следующим образом Ричарда, драгоценного отрока, из рук короля. Вышеупомянутый его воспитатель, Осмунд, видя, что его господин остается в плену слишком долго и находится днем и ночью под надзором других пестунов, начал думать, каким образом он мог бы похитить его, несмотря на многочисленную стражу. Однажды он принудил ребенка слечь, прикинувшись больным, и беспрерывным оханьем показывать, что болезнь увеличивается. Известие о ложной болезни Ричарда распространилось повсюду, и выдумка принята была за истину. Стражи же, полагая на третий день, что отрок лежит при смерти, разошлись по своим делам в разные стороны. Тогда Осмунд, пользуясь тем, что король и все в городе сидели за столом, поспешно выехал с Ричардом из Лаудуна и, погоняя лошадей, быстро достиг крепости Кодициака. Поручив отрока жителям, сам он той же ночью отправился к его дяде Бернарду, находившемуся в то время в стенах Сильванекта (ныне Senlis, на севере от Парижа).

Hist. Normannorum, seu Libri III de moribus et actis primorum Normanniae ducum. 860 usque ad 1002.

Рикер

ВРЕМЯ ПОСЛЕДНИХ КАРОЛИНГОВ ВО ФРАНЦИИ И ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ ДОМА КАПЕТА. 973–991 гг. (в 998 г.)

Книга третья[1]

67. После смерти короля Оттона (I, в 973 г.) германцы и бельгийцы[2] избрали королем сына его, Оттона (II, 973–983 гг.). Это был деятельный и добрый государь, одаренный великим умом, правдолюбивый и до того сведущий в науках, что во время ученых диспутов не только мог предлагать вопросы по всем правилам искусства, но и умел методически отвечать на них. До конца своей жизни он удержал за собой королевскую власть над Германией и частью Галлии, хотя она и была иногда у него оспариваема. А именно: в то время между ним и Лотарем[1], королем Галлии (то есть Франции), существовала великая вражда, но победа осталась нерешенной. Бельгия находилась во владении Оттона, а Лотарь оспаривал у него эту землю, и оба они вели между собой войну, прибегая то к хитрости, то к насилию; оба они утверждали, что отцы их владели этой землей, и каждый из них возлагал свои надежды на многочисленность своих войск. На самом же деле Бельгия принадлежала королю Людовику, отцу Лотаря, который позднее уступил ее Оттону (I), отцу этого Оттона. Таким образом, Бельгия была причиной их раздора.

68. Оттон (II) в то время (978 г.) жил со своей беременной женой Феофанией в императорском дворце в Ахене, и Лотарь при мысли, что противник так близко от него поселился, приходил в сильнейшее негодование. Вследствие того, он пригласил Гуго[2], герцога франков, и других вельмож на совещание в г. Лан. Герцог прибыл; другие, совет которых был нужен, также были введены к королю. Когда они сели, король объявил им что ему сделано двойное оскорб-

[1] Содержание предыдущих двух книг и начало третьей до главы 66, см. выше.

[2] Автор везде придерживается древних названий стран, как они именовались во времена Юлия Цезаря; так, Францию он называет не иначе, как Галлией, и под Бельгией у него нужно понимать Лотарингию.

[1] Лотарь, король Франции, был сын Людовика IV Заморского и отец Людовика V, последнего Капетинга во Франции (954–985 гг.).

[2] Сына Гуго Великого и впоследствии короля Франции, с 987 г.

ление: часть его государства (то есть Лотарингия) отнята у него рукой врага, и теперь этот враг имеет дерзость приблизиться к его границам. Для него, говорил он, не так обидно то, что Оттон овладел его землей, но для него невыносимо видеть, как он, удерживая ее в своем владении, без страха приблизился на такое недалекое расстояние к его границам. Он, король, горит желанием отомстить противнику, если князья согласятся на его желание, и ничто не отклонит его от предпринятого, если ему не будет отказано в необходимых средствах для войны. Он обещает впоследствии доказать вассалам свою благодарность, если его сильное желание найдет себе в них равное усердие.

69. Герцог и другие вельможи с радостью приняли предложение короля, даже без всяких предварительных совещаний. Они дали слово охотно идти с королем и взять Оттона в плен или убить, или обратить в бегство. Но такое решение содержалось втайне, и немногие знали о нем по слуху, так что конница отправилась в поход, не зная, куда ее ведут. Когда, наконец, собралось все войско, оно двинулось такими густыми массами, что поднятые копья скорее походили на лес, нежели на вооруженную толпу, и шло отрядами, которые отличались один от другого знаменами. Переправившись вброд через Маас, предводители отдельных отрядов по тщательном исследовании убедились, что Оттон не имеет при себе достаточной военной силы. Таким образом, шли они далее, громко возвещая, что неприятель терпит недостаток во всем.

70. Когда о том донесли королю Оттону, он, как человек смелый и неустрашимый, отвечал, что Лотарь ничего предпринять не может, что он не в состоянии достигнуть этой страны, так как не имеет для того достаточных сил и уверенности в своих людях. Но когда стали прибывать вестники за вестниками и доносили, что Лотарь уже очень близко, и настаивали на справедливости своих показаний, то, говорят, Оттон сказал, что его никаким образом нельзя заставить тому верить, пока он сам не убедится собственными глазами. Велели подать лошадей, подвели их, и Оттон, выехав, чтобы самому посмотреть, увидел, что Лотарь подходил с двадцатитысячным войском. Он колебался, встретиться ли ему

МОНАХ РИКЕР (RICHERUS. X в.). Он жил и писал свои «Четыре книги истории» в конце X в., в монастыре св. Ремигия в Реймсе, когда пали Каролинги во Франции, и, с одной стороны, Гуго Капет отстаивал новую династию от притязаний последнего потомка Карла Великого, Карла Лотарингского, а с другой – Герберт боролся с Арнульфом, младшим братом Людовика V, за архиепископский престол в Реймсе. Таким образом, хроника Рикера относится к одному из замечательнейших периодов в истории Франции, и, как составленная очевидцем, представляет чрезвычайный интерес, тем более, что без Рикера надобно было бы ограничиться одними сухими заметками позднейших летописцев. Но при всей важности этой хроники она исчезла в Средние века и была нам известна по позднейшим извлечениям; только в 1833 г. Пертц, осматривая все библиотеки для своего издания *Monumenta*, нашел манускрипт Рикера в Бамберге.

О личности самого писателя мы узнаем из его же хроники, и к приведенному нами большому эпизоду о его путешествии из Реймса в Шартр, 991 г., можем добавить только то, что Рикер был сыном Рудольфа, служившего в военной свите короля Людовика IV Заморского, отца Лотаря и деда Людовика V; сам Рикер посвятил себя духовному званию и занимался преимущественно медицинскими науками. Происхождение из воинственной семьи и собственные занятия отразились на его хронике: автор излагает всегда с мельчайшими подробностями битвы, осады и различные случаи болезней. Свое сочинение он писал по поручению архиепископа Герберта, друга Капетингов, а семейные предания склоняли его в пользу Каролингов, что невольно выразилось в самой хронике, где автор, видимо, щадит Гуго Капета, помня, для кого он пишет, и в то же время не может совсем скрыть тайной привязанности к последним Каролингам.

с врагом, или лучше отступить, чтобы после вернуться с большими силами. Но оставаться было невозможно, потому что Лотарь наступал все ближе и ближе. Оттон вынужден был удалиться со слезами на глазах вместе с женой Феофанией и имперскими князьями, оставив на произвол судьбы королевский дворец со всем находившимся в нем.

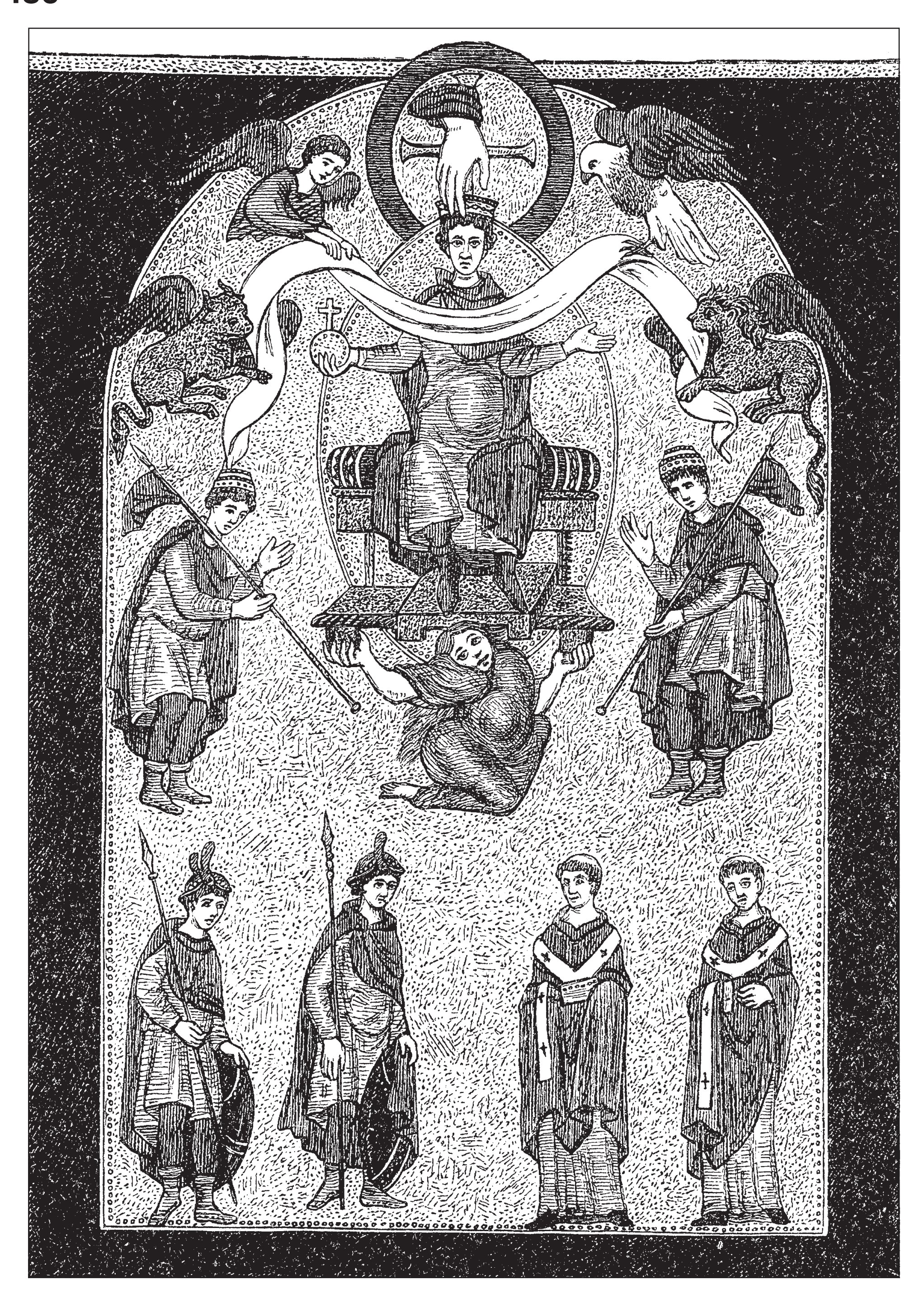
71. Вслед за тем явился Лотарь с войском в надежде взять Оттона в плен. И без сомнения, ему бы то удалось, если бы войска его дорогой не были задержаны своим обозом. Придя днем прежде до бегства Оттона, король мог бы взять его в плен или умертвить. Королевский дворец был занят неприятелем, королевские столы опрокинуты, приготовленный обед достался в добычу прислуге. Из самых внутренних покоев похитили и унесли знаки королевского достоинства. Медный орел с распростертыми крыльями, которого Карл Великий велел поставить на фронтоне своего дворца, был повернут и обращен на восток, ибо прежде германцы ставили его на запад, делая тем намек, что галлы могут быть побеждены вновь их войском. Но так как Лотарь видел, что поход его не удался, то и повел войско назад, не получив ни заложников, ни перемирия (978 г.). Он думал возвратиться другой раз.

72. Оттон, на которого пала вся тяжесть этого позора, старался приобрести расположение своих вассалов подарками и милостями. Ища случая к мести и победе, он призвал к себе всех, кому оказал несправедливость, возвратил им отнятое и уступил обещанное. Примирившись таким образом с внутренними врагами и возвратив расположение всех, которые от него отказались, Оттон собрал князей своей империи и сказал им следующую речь:

73. «Не без причины созвал я вас сюда, сиятельные мужи. Превосходные качества ваши заставили меня решиться просить совета у вас, украшенных мудростью и возвышенных мужественным духом. Я не сомневался, что вы ободрите меня самым лучшим советом, потому что мне памятно, с какой твердостью и постоянством сохраняли вы до сих пор свою верность ко мне. С мощной силой, сиятельные мужи, стремились вы до сих пор к хвалам, чести и славе и были хорошими советниками

Хроника Рикера кратко описывает всю историю Галлии, по предшествовавшим летописцам (см. о том выше), но самостоятельное ее значение начинается только с главы 22 книги III, где автор пишет как очевидец. Правление Лотаря, Людовика V Ленивого, первые годы Гуго Капета, управление Реймсской эпархией Адальбера и процесс Арнульфа с Гербертом, равно как и другие события из жизни последнего, не имеют для себя повествователя, подобного Рикеру. Автор обладал отличными познаниями классической литературы, и, очевидно, подражал Саллюстию; но в то же время Рикер, как и другие ученые Средних веков, служит примером того, как малоплодотворно даже самое глубокое познание древней литературы, если оно не обращается в живой источник мысли и служит само себе последней целью. Рикер дошел до такого презрения к своему настоящему, что считал, например, более учено сообщить своему читателю X в. не то разделение Франции, какое она представляла в то время, но то, которое делает Юлий Цезарь в начале своих комментариев о галльской войне; точно так же вся хроника Рикера в отношении собственных имен представляет маскарад. Автор тщательно избегает современных ему названий стран и городов и перекрещивает их в римскую форму: французы у него называются галлами, лотарингцы – бельгийцами, графы – консулами, дружины – легионами и подразделяются на когорты и т. д.

Издания: *Pertz*. Monum. Germ. III, 561–657, и отдельное издание in usum scholarum. Hannov. 1840. Переводы: немец. Osten-Sacken (Berl. 1854) в Geschichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 23; француз. Guadet (Par. 1845. 2 vol. с оригиналом) и Poinsignon (Reims. 1885, с оригиналом и картой). Критика: *Giesebrecht.* W. Jahrb. des deutschen Reiches unter Otto II. Berl. 1840.



Оттон III, окруженный представителями князей, рыцарства и духовенства. Титульная миниатюра сборника евангельских чтений, посвященного императору аббатом Хлютарием и подаренного императором Ахенскому собору. Сокровищница собора в Ахене

и непобедимыми воинами. Ныне вам предстоит обнаружить не меньшую доблесть, чтобы вместо похвал не покрыться стыдом и позором. Соберите же всю свою силу, и если позорная укоризна лежит на вас, снимите ее со светлого блеска своей славы. Вам известно, как Лотарь принудил нас к постыдному бегству. Для вашей славы необходимо смыть такое пятно не только походом, но даже смертью. Настоящая минута и силы, в которых у нас нет недостатка, позволяют приступить к мести. Если вы хотите лучше быть властелинами, чем рабами, то не пренебрегайте этим предприятием, пока еще юность дает нам силу и непреклонное мужество. Покажите всю вашу мощь и заставьте трепетать тех, кто хотел обращаться с вами, как с простой низкой чернью». Эта речь заставила всех согласиться на предприятие.

74. В этот раз Оттон взял с собой в Галлию 30 000 всадников. Нимало не медля, он выступил в поход, выслав перед собой отдельные отряды. Вся кельтская Галлия была заполнена его войском, и он опустошил всю страну грабежом и пожаром. Теперь в свою очередь Лотарь, не имея при себе войска, увидел себя стесненным. Оттон принудил Лотаря в плачевном состоянии перейти Сену и бежать к герцогу (то есть Гуго). Испуганный внезапным неприятельским вторжением, Лотарь поспешил в Этамп, а герцог остался в Париже, чтобы собрать войско. Между тем Оттон поспешно подвигался со своим войском к Парижу; королевский дворец в Аттиньи по его приказанию был разграблен и сожжен; потом он прошел через область города Реймса, где оказал большое почтение святому Ремигию. Суассон прошел он также мимо и поклонился святому Медарду (Medardus); но дворец в Компьене почти совершенно разрушил. Предводители же, которых он послал вперед, без его ведома сожгли до основания монастырь святой Бальтильды в Шелле (Chelies). Этим Оттон был очень огорчен и послал большие подарки для его восстановления. Наконец, достигнув Сены, Оттон разбил лагерь в виду Парижа (978 г.) и приказал опустошать всю страну в продолжение трех дней.

75. Всадники и прислуга разъезжали по всем направлениям в окружности 160 стадий для сбора податей. Между тем оба войска стояли друг против друга, разделенные Сеной, и ни одно из них не нападало на другое. Герцог собирал на своем берегу реки воинов, но трех дней недостаточно было, чтобы соединить значительное число всадников, а потому силы его были ничтожны для нападения.

76. Когда, таким образом, оба войска находились в бездействии и с обеих сторон ревностно обдумывались средства обеспечить за собой победу, какой-то смелый и уверенный в своей силе германец выступил совершенно один в полном вооружении и предложил при мосте, где находились ворота, снабженные засовами и железными гвоздями, вступить в бой с кем-нибудь из неприятелей. Громким голосом вызывал он несколько раз противника на поединок. Потом в насмешку галлам он стал произносить разные ругательства, но никто ему не отвечал. Стража донесла, между тем, герцогу и другим князьям, находившимся поблизости ворот, что на мосту стоит воин, ищущий себе противника для поединка; что он насмешливо и позорно отзывается о князьях и не хочет уйти прежде, чем не выйдет кто-нибудь с ним помериться или пока не будут открыты ворота для всего неприятельского войска. Герцог и князья не хотели вынести такого позора и уговаривали воинов не навлекать на себя посрамления, но прогнать сумасброда и тем приобрести славное имя. Вскоре вызвались на это многие храбрые воины. Из них выбран был один по имени Иво, который, получив обещание, что ему дадут награду за храбрость, вышел на битву. Засовы были отодвинуты, ворота отперлись. Оба противника идут друг на друга. Держа перед собой щиты и потрясая копьями, полные гнева, они едва произносят друг другу несколько бранных слов. Наконец германец мечет свое копье и сильным ударом пронзает щит галла, потом обнажает меч и нападает на противника; но в ту же минуту галл пустил в него своим копьем, попал в бок и лишил жизни. Таким образом, победа осталась за галлом;

он снял оружие с низложенного врага и принес его к герцогу. Как храбрый муж он требует своей награды и получает ее.

77. Оттону было известно, что галльское войско собиралось мало-помалу. Приняв во внимание, что его люди вследствие далекого похода и от нападения неприятелей могли уже утомиться, он решился начать отступление и приказал снять лагерь. Обоз также старались убрать как можно скорее, и когда все второпях было собрано, войско поспешно и не без страха удалилось. Так оно достигло р. Энь (Aisne); часть войска перешла уже ее с большой поспешностью, но другие едва успели войти в воду, как галлы напали на них с тыла. Все застигнутые на том берегу пали от меча, и их было много, хотя между ними не было ни одного знатного человека. Между тем Оттон продолжал свое отступление, пока не достиг Бельгии. Там он распустил свое войско. Но Оттон приобрел расположение и любовь своих в такой высокой степени, что они обещали ему свою помощь как в этой, так и во всякой другой опасности.

78. Увидев, что Оттона нельзя ни обмануть хитростью, ни победить силой, Лотарь часто и много размышлял, что для него лучше – продолжать ли войну или примириться с врагом. Если он будет продолжать войну, то очень возможно, думал он, что герцог (Гуго Капет) позволит себя подкупить и опять войдет в дружбу с Оттоном. Если же он должен примириться с врагом, то это должно быть немедленно сделано, чтобы герцог не узнал о том прежде и также не вступил бы с Оттоном в переговоры. Такие заботы занимали Лотаря ежедневно, и он ясно видел, что как в том, так и в другом случае он должен опасаться герцога. Наконец его советники порешили на том, чтобы король примирился с Оттоном, потому что последний был человек сильный, с помощью которого не только можно было держать в границах герцога, но и другие некоторые непокорные владетели могли бы быть усмирены. Таким образом, со стороны Лотаря отправлены были послы. Оттон принял их самым милостивым образом; и так, без ведома герцога, начались переговоры о мире (990 г.).

79. «До сих пор,– говорили послы, – все шло по желанию тех, которые любят раздор, ссору и кровопролитие, они даже радовались всему тому, надеясь при несогласии королей скорее удовлетворить собственному своему корыстолюбию. Такие люди стремятся к всеобщей гибели, потому что в смутные времена надеются приобрести более выгоды и славы. Но общественное благо много выиграет, если злобе безбожных будет положен предел, а добродетель благомыслящих воссияет чище дневного света. Да возвратится же к нам добродетель и да царствует она между славными королями; пусть обузданные вашей силой виновники столь великого бедствия остаются на будущее время неподвижными, и да управляется государство вашей мудростью, не потрясаясь страстями корыстолюбивых людей. Ибо, соединясь дружбой, каждый из вас будет иметь вместо одного два войска, и оба вы будете царствовать в большей безопасности. Тогда, если случится, что один должен будет отправиться на крайние пределы своего государства, другой, как брат, верно защитит его владения. Итак, да угодно будет светлейшим королям, соединенным уже узами крови, заключить между собой мир и дружбу. Да будет в состоянии искренняя дружба соединить двух владетелей, несогласие которых угрожает гибелью общему делу, а согласие приносит пользу и дает силы».

80. Оттон отвечал на это: «Я знаю, какой великий вред часто приносит государствам раздор, когда короли предпринимают друг против друга враждебные действия. Известно мне также, как полезны народам дружба и согласие, и всегда ненавидел раздор и ссоры. Итак, вы, которые, как я вижу, весьма расположены к миролюбию, стараетесь теперь устроить примирение между рассорившимися сторонами, причинившими своей враждой так много вреда общему делу. Я согласен с вашим советом и желаю, чтобы дела были согласны со словами». Окончив переговоры, послы возвратились назад; им удалось примирить королей, сообщив каждому из них о доброжелательных намерениях другого. Условлено было обоим королям встретиться; место и время встречи назначены удобные;

так как Маас составляет границу их государств, то решено было, что они должны сойтись в месте, которое называется Марголиус.

81. Таким образом, они встретились, подали друг другу руки и без неприязненного чувства, со всей искренностью обнялись. Взаимная дружба скреплена была клятвой. Часть Бельгии, о которой шел спор, досталась Оттону. Обеспечив государству мир, Оттон отправился в Италию и прибыл в Рим, чтобы увидеться со своими и осведомиться о состоянии государства. Он думал, в случае, если там возникли беспокойства, уничтожить их, и если между князьями начался раздор, водворить мир. Лотарь же возвратился в Лан и занялся устройством своих дел вместе со своими баронами. К герцогу он не имел более никакого доверия, так как, заключив помимо него мир, он не мог ожидать от него ничего хорошего. Об этом деле говорили даже открыто, и многие обнаруживали по поводу мира живое негодование за герцога. Сам же герцог скрыл свое раздражение и, казалось, перенес обиду равнодушно. Потом, так как у него был обычай ничего не предпринимать без совета своих, он созвал знатнейших из своих людей и обратился к ним со следующей речью:

82. «Благоразумно делает тот, кто о том, что полезно и справедливо, советуется с опытными людьми. У таких людей можно с честью просить совета, и такие только люди могут в затруднительных обстоятельствах подать хороший совет. Вы прямые мои советники, и у меня не вышло из памяти, как часто и какую сильную и полезную помощь вы оказывали мне против врагов моих и способствовали моим победам. Я не сомневаюсь, что вы, которые пожатием руки и клятвой обещали мне свою верность, сохраните ее ненарушимо и на дальнейшее время, а потому нисколько не колеблюсь просить у вас теперь совета. Если вы дадите мне хороший совет, то успех принесет и вам пользу; если же вы мне в нем откажете, то отказ может повлечь за собой вредные последствия, которым и вы рискуете подвергнуться с бесчестием. Так как теперь дело идет о вопросе жизни, то подайте мне самый лучший ваш совет. Известно вам, с какой лукавой хитростью обманул меня, простодушного, Лотарь, войдя в переговоры и заключив мир с Оттоном. Кто мог забыть, с каким самоотвержением я подвергался за него столь великой опасности, когда он с моей помощью обратил в бегство неприятеля, очистил от него Бельгию и сам овладел ею? Чего я могу ожидать от Лотаря хорошего, когда он так коварно нарушил в отношении меня верность?»

83. Князья отвечали на это: «Нам не только известно, каким опасностям ты с нами подвергался за короля Лотаря, но мы понимаем также и опасность настоящего положения, в котором находится твое высочество, если правда, как идет слух, что оба короля соединились против тебя. Теперь, если ты соберешь свои военные силы, чтобы защищаться против одного неприятеля, то ты будешь уже иметь дело с обоими. Если же ты решишься выступить против обоих, то не избежишь великих потерь; мы накликаем на себя превосходное силой войско, преследования всякого рода, пожар, грабежи. Но хуже всего – оскорбительные речи изменчивой толпы, которая не будет говорить, что ты защищаешься против врагов, но что ты злодейски и клятвопреступно возмутился против короля. Чтобы нарушить свою клятву, не вменяя того себе в преступление, они ложно будут тогда утверждать, что имеют право по собственной воле держать сторону кого хотят; имеют право оставить своих властителей и дерзким образом отвернуться от них. В этой опасности, таким образом, последний и самый лучший совет, как нам кажется, будет тот, чтобы мы, так как против нас соединены два врага, постарались отделить их друг от друга. Если же мы не будем в состоянии разорвать их союз, то должны, по крайней мере, одного из них склонить на свою сторону, чтобы он, как наш приверженец, не оказывал другому никакой помощи и не увеличивал тем его силы. Но это исполнимо только в том случае, если ты к Оттону, находящемуся теперь в Риме, отправишь послов и осторожно и искусно постараешься расположить его в свою пользу. Оттон не так прост, чтобы не знать, как много превосходишь ты Лотаря военными силами и богатством, ибо о них он не только часто

слыхал, но и узнал собственным опытом. Поэтому тебе не трудно будет приобрести его дружбу, чему может способствовать и существующее между вами кровное родство. В этом отношении ты к нему так же близок, как и Лотарь».

84. Герцог одобрил этот совет и отправил послов в Рим, чтобы сообщить Оттону свои намерения. Король принял послов очень ласково, выказал большую готовность к дружескому союзу и объявил, что если бы герцог сам приехал к нему, дабы еще теснее скрепить дружбу, то он бы принял его и тех, которые с ним будут, с большим почетом. Возвратившись назад, послы донесли герцогу, что им было сказано. Тогда герцог взял себе в спутники людей, обладавших великим благоразумием и хитростью, а именно епископа Орлеанского Арнульфа, Бургарда...[1] и еще других, в которых он необходимо нуждался, и пустился в Рим. Там, выразив сначала благоговение св. апостолам, он отправился к королю.

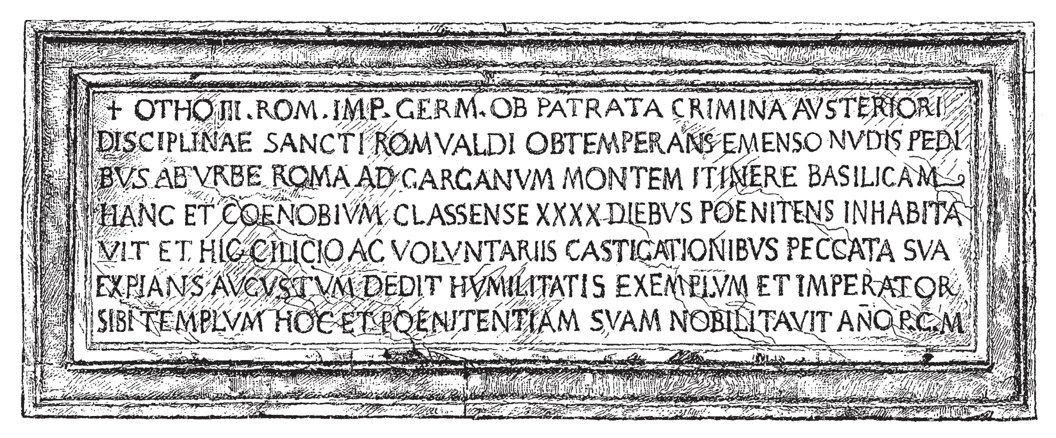
85. Стараясь воспользоваться этим обстоятельством для увеличения своей славы, Оттон с намерением устроил так, чтобы все его люди оставили королевский покой, а меч свой приказал положить на походном стуле. Герцога должны были ввести к нему одного, в сопровождении только епископа, для того, чтобы епископ, в то время как король будет говорить по-латыни, мог объяснить герцогу в переводе то, что он ему скажет. Когда они вошли, король принял их чрезвычайно ласково. Не напоминая ему прошлых обид, он поцеловал герцога и уверил его в своем благоволении и дружбе. Когда они переговорили о многом относительно предстоящих своих дружеских планов, король собрался уйти и при этом оглянулся на свой меч. Герцог отступил в сторону и наклонился, чтобы поднять и нести за королем меч, который и был положен на стул с той целью, чтобы герцог перед глазами всех пронес королевский меч и тем бы выразил, что и на будущее время он будет носить за королем. Но епископ, заботясь о чести герцога, быстро выхватил у него меч из рук и понес сам за королем. Король отдал справедливость благоразумию и находчивости епископа и часто потом с похвалой вспоминал о нем в разговорах со своими. Герцогу также оказал он много дружбы и приказал проводить его почти до самых Альп.

[1] В тексте пропуск.

86. Но король Лотарь и королева Эмма замыслили недоброе и составили искусный план взять его в плен на обратной дороге. С этим намерением король Лотарь написал к Конраду, королю алеманнов[1], письмо следующего содержания: «Лотарь, Божьей милостью, король франков, желает Конраду, королю алеманнов, всего, чего только он сам себе пожелать может. Целью моих всегдашних желаний было – ненарушимо сохранять издавна существующую между нами дружбу. Так как, с моей стороны, она может принести для вас хорошие плоды, то я нашел полезным сделать вам одно открытие и просить об одной услуге. Знайте же, что я герцога (то есть Гуго Капета) до сих пор считал своим другом. Когда же я узнал, что он в душе мой враг, я отказался от дружеского с ним обращения. Поэтому он поехал теперь в Рим и обратился к Оттону, чтобы оклеветать меня перед ним и уговорить его к вредным замыслам против моего королевства. Постарайтесь теперь употребить всевозможные усилия и всеми мерами позаботьтесь, чтобы он не ушел. Прощайте». Вследствие того расставлены были везде лазутчики, которые должны были сторожить герцога в горных ущельях, на скалистых тропинках и в узких проходах.

87. Королева же Эмма писала к своей матери в следующих выражениях: «Высокую императрицу Аделаиду, свою мать, приветствует Эмма, королева франков. Хотя и отдаленная от вас обширными странами, однако, как дочь, я прибегаю к своей матери с мольбой о помощи. Герцог Гуго коварными ухищрениями не только отклонил от нас князей нашего государства, но старается также отдалить и моего брата От-

[1] То есть Бургундскому. Конрад был сыном Рудольфа II Бургундского и итальянского короля; Эмма же родилась от первого брака его сестры, знаменитой Аделаиды, с Лотарем II, королем Италии; см. родословную табл. № 3.


+ OTHO III. ROM. IMP. GERM. OB PATRATA CRIMINA AVSTERIORI DISCIPLINAE SANCTI ROMVALDI OBTEMPERANS EMENSO NVDIS PEDIBVS AB VRBE ROMA AD GARGANVM MONTEM ITINERE BASILICAM HANC ET COENOBIVM CLASSENSE XXXX DIEBVS POENITENS INHABITAVIT ET HIC CILICIO AC VOLVNTARIIS CASTIGATIONIBVS PECCATA SVA EXPIANS AVGVSTVM DEDIT HVMILITATIS EXEMPLVM ET IMPERATOR SIBI TEMPLVM HOC ET POENITENTIAM SVAM NOBILITAVIT AÑO R.C.M

Покаянная запись (по-латыни) Оттона III от 1000 г. Равенна. Церковь Сан-Аполлинаре-ин-Классе

тона (II). Для этого он поехал к нему в Рим. Чтобы он не мог хвалиться большим успехом, я на коленях прошу тебя, мать моя, чтобы этот столь опасный враг наш не был пропущен на обратной дороге. Если возможно, его следует задержать в плену, или, по крайней мере, не безнаказанно пропустить. Но чтобы лукавый враг не ускользнул от вас посредством своих хитростей, то я позаботилась точно обозначить вам все главные приметы его наружности». Затем следовало точное описание герцога, его глаз, ушей, губ, зубов, носа и других частей тела, а также его манеры говорить, чтобы по этим признакам могли его узнать люди, которые даже никогда его не видали.

88. Герцог, которому все это было известно, ускорил свое возвращение. Опасаясь преследований, он изменил одежду и принял на себя вид слуги. Сам вел вьючных лошадей и ухаживал за ними; навьючивал и снимал поклажу; все принимали его за расторопного служителя, и, таким образом, благодаря своему наряду и умению подражать простолюдинам в обращении, он не был узнан в тех местах, которых нельзя было обойти и где ждали его шпионы. Раз только едва не был он схвачен в одной гостинице. В ней ему пришлось провести всю ночь; постель была приготовлена для него с особой заботливостью, и все его служители стояли вокруг него и прислуживали ему. Одни на коленях снимали с него сапоги, другие принимали снятые сапоги под сохранение, третьи, в то время, как он сидел, перед ним на корточках мыли ему ноги и вытирали их концами своих одежд. Хозяин же наблюдал все это через скважину двери. Но так как его поймали, когда он подсматривал, то, чтобы он не выдал их, его позвали в комнату. Люди герцога обнажили свои мечи и, угрожая пронзить его, если он издаст хотя бы один звук, связали ему руки и ноги и заперли. Так пролежал он скрученный и связанный до рассвета. Отправляясь опять в дорогу рано утром, путешественники привязали хозяина к лошади и тащили его за собой до тех пор, пока не вышли из опасных мест. Миновав их, они позволили ему бежать, а сами поспешно продолжали путешествие. Не менее предусмотрительности и ловкости нужно было герцогу, чтобы ускользнуть от преследований короля Конрада, сыщики которого также со всевозможными хитростями подстерегали его. Наконец он, избавившись от столь великой опасности, возвратился в Галлию (то есть во Францию).

89. Лотарь и Гуго знали теперь все о своих обоюдных происках и продолжали друг с другом борьбу не оружием, но тайными предприятиями, и с таким ожесточением, что раздор государей, продолжавшийся несколько лет, наделал много вреда общественному благосостоянию. В ту пору безбожные люди позволяли многое присваивать себе силой и притеснять бедных; слабые должны были испытать вопиющие

несправедливости. Наконец благоразумные люди обеих партий собрались на совещание и подняли громкие жалобы на то, что их государи живут в такой взаимной вражде (981 г.).

90. И они определили, чтобы приверженцы одного отправились к другому с примирительными предложениями для того, чтобы каждый из них, расположенный предварительно миролюбием своего противника, тем легче оказался склонным к миру и раскаялся в своем разрыве. Решение это было приведено в исполнение и повело к благоприятным результатам, ибо противники позволяли себя склонить к миру и опять соединились с большой любовью. Таким образом, казалось, что дружба их скрепилась снова.

91. Король, желая доставить наследство сыну своему Людовику (V, Ленивый), просил герцога, чтобы он также принял участие в этом избрании. Герцог отвечал с большой готовностью, что он употребит все свои старания к тому, разослал своих послов и собрал князей государства в Компьене. Там герцог (Гуго Капет) и с ним другие князья провозгласили Людовика королем, и в день Святой Троицы, блаженной памяти, архиепископ Реймсский, Адальбер, возвел его в достоинство короля франков. С того времени (981 г.) было два короля, и герцог своей любезностью и разными услугами в продолжение многих дней старался приобрести их благоволение. Он показывал себя ревностным защитником королевского достоинства, оказывал королям совершенную покорность и обещал даже так устроить дела, чтобы они могли владычествовать сильной рукой не только над побежденными уже народами, но и подчинить непокорных. Он даже имел мысль, чтобы каждый из двух королей жил и правил в особом государстве для того, чтобы тесные границы одного государства не повредили уважению к обоим королям.

В следующих главах, от 92 до 98-й, наш автор делает большое отступление по поводу плана последних Каролингов подчинить своему влиянию Южную Францию, или Готию, как ее называет автор по своей любви к древним названиям. Этого же хотел и Гуго, желавший доставить каждому королю особое королевство, но Лотарь, желая обойтись без его услуг, воспользовался смертью герцога Тулузского Раймунда и женил на его вдове Аделаиде, женщине преклонных лет, своего сына Людовика, едва достигшего зрелых лет. Но никто не хотел повиноваться Людовику, предавшемуся развратной жизни; его оставила даже жена и вышла в третий раз замуж за герцога Арелатского, Вильгельма; так что Лотарь был вынужден отозвать Людовика назад, оставив свои планы на завоевание Южной Франции. Последовавшая за тем смерть императора Оттона II (983 г.) и интриги его двоюродного брата Генриха Баварского (у нашего автора, Гецило), воспользовавшегося малолетством сына Оттона II, Оттона III (см. о том у Титмара, выше), доставили Лотарю возможность вознаградить свою неудачу в Южной Франции нападением на Лотарингию. Смутное состояние дел в Германии как нельзя лучше благоприятствовало планам Лотаря, и он немедленно начал действовать.

99. В то время (то есть после смерти Оттона II, в 983 г.) Германия собственно не имела никакого короля, потому что малолетний Оттон (III) по причине своего нежного возраста не мог управлять, а Гецило (Генрих II Баварский), жаждавшему власти, князья отказали в короне. Лотарь считал это благоприятным обстоятельством для себя и задумал в другой раз сделать нападение на Бельгию (то есть Лотарингию), чтобы подчинить ее своему владычеству: Оттона (II) не было более в живых; князья жили между собой несогласно, а королевская власть не охраняла достоинства государства.

100. Вследствие того Лотарь пригласил к себе двух знаменитых и могущественных мужей, Одо и Гериберта, и сообщил им тайну своих планов. Так как он незадолго перед тем наградил их богатыми владениями и хорошо укрепленными замками их умершего, бездетного дяди, то они объявили себя готовыми на всякую услугу, тайную или явную. Король, видя их расположение к его интересам, объявил им, что он намерен потребовать обратно Бельгию и завоевать ее силой оружия; они отвечали ему, что начало к этому должно быть сделано с Вердюна, как самого ближайшего города, и что они сами готовы осадить его и не отступят прежде, пока он не будет взят. Потом, как скоро город будет взят и обеспечен за королем присягой жителей и

заложниками, они подвинутся далее и до тех пор будут оставаться в Бельгии, пока вся страна не будет покорена или пока все бельгийцы не объявят себя побежденными и не подчинятся королю. Король принял также предложение и, соединив немедленно свое войско с их отрядами, повел его против Вердюна (984 г.)[1].

101. Город Вердюн расположен таким образом, что с одной стороны перед ним стелется долина и оттуда его легко можно взять; между тем как с другой стороны он неприступен. А именно: он окружен глубоким рвом, и кто переберется через него, встречает крутые скалы. Положение жителей города особенно благоприятно и по изобилию источников и колодцев, а с крутой стороны, где протекает р. Маас, город богат лесом. Осаждающие приготовили со стороны долины, примыкающей к городу, разного рода военные снаряды, и осажденные не менее сделали приготовлений к сопротивлению. Восемь дней враги бились почти без перерыва. Увидев же, что соотечественники их не посылают к ним никакой помощи и что они не в состоянии выдержать тяжести беспрерывной борьбы, жители, посоветовавшись, сдались неприятелю прежде, нежели претерпели дальнейшие бедствия осады. Таким образом, они отворили ворота города и подчинились Лотарю.

102. После того король оставил свою жену, королеву Эмму, в городе, а сам со своим войском возвратился в Лан, позволив своим отправиться на родину. Но своей обходительностью он заставил их так полюбить себя, что они вызвались, если он хочет, повторить поход и, не заботясь о своих домашних делах и детях, продолжать войну и наступать далее. Тогда Лотарь советовался со своими, что будет полезнее: идти ли далее и подчинить всю Бельгию силой оружия или оставаться в Вердюне и выслать посредников, чтобы переговорами склонить неприятелей на свою сторону. Он рассуждал так, что если он подчинит их мечом и что невозможно без большого кровопролития, то впоследствии он будет иметь у них мало доверия как убийца их соплеменников. С другой стороны, если он будет ожидать, пока они добровольно возвратятся под его владычество, то можно опасаться, что такое промедление сделает неприятеля только еще упорнее.

103. Когда он подробно обдумывал все это, Теодерих, герцог Бельгии, вместе с благородным и храбрым Готфридом, сиятельным Зигфридом и высокоуважаемыми, знаменитыми братьями Бардо и Гоцило и разными другими князьями выступили в поход и сделали попытку овладеть Вердюном, выгнав оттуда галлов. Посредством хитрости удалось им с отборным отрядом ворваться в квартал купцов, который, наподобие крепости, был окружен стенами, и хотя отделялся от города Маасом, но находился в связи с ним посредством двух мостов. Туда распорядились они свезти из страны, посредством разъезжающих по всем направлениям конных отрядов, все необходимые съестные припасы. Запасы купцов также забраны были для войска. Из Арагонского леса приказали они доставить деревья, чтобы, в случае, если неприятель станет возводить извне сооружения против стен, противоставить ему равным образом свои сооружения. Из древесных ветвей и ивовых прутьев было приказано плести крепкие плетни, на случай нужды ставить их на воздвигнутых сооружениях. Множество кольев велели они набить железными наконечниками и закалить в огне, чтобы ими прокалывать неприятелей. Кузнецы должны были приготовлять всякого рода метательное оружие. Собраны были тысячи канатов для различного употребления. Заготовлены щиты, чтобы можно было составить крышу для приступа, и, кроме того, не было недостатка и в сотнях других смертоносных орудий.

104. Узнав о том, Лотарь был чрезвычайно рассержен и приказал опять созвать свое только что распущенное войско, пошел с десятью тысячами воинов к Вердюну и внезапно напал на неприятелей. Первое

---

[1] Описание этой войны в 984 г. сделано автором обстоятельно. До этого не было аналога такого повествования военной истории Средних веков. Автор подробнейшим образом рассказывает о средствах ратного дела в конце X столетия.

нападение сделали стрелки из луков. Стрелы, ручные ядра и другие метательные орудия летели градом по воздуху, так что казалось, будто они падают с облаков и выскакивают из земли. Однако неприятели защищались против такого натиска, устроив над своими головами крышу из щитов и примкнув ее к стене так, что бросаемые орудия отскакивали от нее и безвредно падали на землю. После этого первого приступа галлы начали правильную осаду со всех сторон и окопали свой лагерь глубокими рвами, чтобы в случае нечаянного нападения неприятелей затруднить им доступ к себе.

105. Потом натащили они высоких срубленных сосен, чтобы построить осадную башню. Они положили на землю четыре балки, по тридцати футов длиной каждая, таким образом, что две из них лежали на расстоянии десяти футов одна от другой, а две другие на таком же расстоянии прикреплены были поперек первых. Заключенное таким образом пространство имело десять футов в длину и столько же в ширину, а вне его балки с обеих сторон выдавались также на десять футов. В тех местах, где балки соединялись одна с другой, поставили они посредством воротов четыре сваи, каждая в сорок футов вышины, которые, стоя отвесно и на равном расстоянии одна от другой, образовали высокий четырехугольник. В двух местах, именно вверху и в середине, через все четыре стороны положены были десятифутовые поперечные балки, которые должны были крепко связать между собой угловые сваи. От концов же балок, на которых эти сваи стояли, были проведены почти до верхних поперечин в косвенном положении четыре подпорки и прикреплены к сваям, чтобы через это вся постройка извне получила твердость и не шаталась. На поперечные балки, которые скрепляли башню в середине и вверху, положены были толстые доски и прикрыты плетеными оградами, чтобы воины, стоя на них, могли бросать сверху на неприятеля метательные копья и камни. Когда постройка эта была готова, они хотели подвезти ее к неприятельской стене, но, страшась стрелков, стали размышлять о способе, каким образом можно было бы приблизиться к неприятелю без потери. После долгого размышления действительно они изобрели превосходное средство подвезти башню к стене.

106. Именно, они врыли впереди башни четыре столба страшной толщины в твердую землю таким образом, что на десять футов они сидели в земле, а на восемь футов возвышались над землей. Потом эти столбы были связаны между собой в четырех местах, сколько возможно, крепкими поперечными перекладинами и, когда перекладины эти были укреплены, за них нужно было закинуть канаты. Концы этих канатов нужно было вести в сторону, противоположную неприятелям, верхние из них прикрепить к башне, а нижние, напротив того, соединить с упряжью волов. Эти нижние концы следовало пустить длиннее, чем верхние, верхние же на более близком пространстве привязать к машине так, чтобы башня стояла между неприятелями и волами. Этим способом сделано было то, что машина настолько приближалась к неприятелю, насколько тащили ее волы, удаляясь от них. Посредством такого изобретения башня, под которой подложили еще катки, чтоб ее легче было привести в движение, была подвинута вперед так, что никто при этом не претерпел вреда.

107. Хотя неприятели также построили подобное же сооружение, но оно не равнялось первому ни по величине, ни по крепости. Когда оба они были готовы, воины с той и с другой стороны вошли на них. С обеих сторон сражались с величайшей ревностью, но ни одной стороне никак не удавалось принудить противников уступить. Король, приблизившись к стене, был ранен одним пращником в верхнюю губу. Это раздражило его воинов и они сражались еще с большей горячностью. Так как неприятель, надеясь на свою башню и оружие, никак не хотел уступить, то король велел принести железные крюки. Они были привязаны на башню неприятелей таким образом, что крепко зацепились за ее поперечные балки. Потом веревки были брошены вниз, другие их подхватили и привели посредством их башню в наклонное положение, очень близкое к падению. Тогда

неприятели начали оставлять ее; одни с помощью перекладин скользили вниз, другие одним прыжком соскакивали на землю, многие, одолеваемые постыдным страхом, искали скрытых убежищ для спасения жизни. Увидев, что всем им угрожает опасность смерти, они униженно молили о пощаде и жизни. По приказанию победителей противники сложили оружие. Король тотчас же отдал приказание не делать неприятелям никакого вреда, но брать их в плен и невредимо доставлять ему. Таким образом они сделались пленниками и были представлены королю, не претерпев никакого вреда, за исключением ран, которые они получили в битве. Они пали перед королем на колени и умоляли о пощаде. Открыто возмутившись против величия короля, они опасались теперь за свою жизнь.

108. Одержав победу, король отдал взятых в плен бельгийских князей на сохранение своим, с приказанием возвратить их опять ему, когда будет нужно. Прочему войску он позволил уйти, сам же возвратился с армией в Лан и там распустил своих вассалов. Пока он жил, город Вердюн оставался в его владении. Тогда Лотарь начал составлять новые планы, каким образом, наступая далее, расширить границы своего государства, так как предприятие его имело в своем начале самый лучший успех, и его счастье, предавшее ему в руки владетелей страны, заставляло его желать воспользоваться благоприятной минутой. Однако Бог, правящий судьбами людей, дал бельгийцам спокойствие и положил предел царствованию Лотаря.

109. Когда в этом же году (986), после скучной стужи зимы настала кроткая весна, и по обычному ходу вещей воздух изменился, король Лотарь в Лане начал занемогать. На него напала болезнь, которую врачи называют коликой, и принудила его слечь в постель. На правой стороне, в нижней части желудка его мучила невыразимая боль. От пупа до селезенки и оттуда до левой стороны паха и до зада он чувствовал также сильные боли. Почки равным образом были поражены болезнью. К этому присоединилось беспрестанное побуждение к моче и кровавые истечения. Часто у него не хватало голоса, и время от времени тело его цепенело от лихорадочного холода. Явились сильный шум в желудке, беспрерывная тошнота, не удовлетворяемое побуждение к рвоте, раздутие живота и жар в кишках. По всему дому раздавались его страшные стоны. Повсюду слышны были стенания и вопли. Никто из присутствовавших не мог видеть этих страданий, не проливая слез. Так умер Лотарь, пережив Оттона (II) десятью годами, и отдал свой долг природе 37 лет, спустя после того, как он, после смерти отца, принял правление, на 48-м году с того времени, когда он от своего еще царствовавшего отца получил корону и скипетр, и на 68-м году своей жизни (2 марта 986 г.)[1].

110. Вскоре потом с большими издержками сделаны были приготовления к великолепному погребению королевского трупа. Изготовлены были носилки, украшенные знаками королевского достоинства: тело его было одето в шелковую одежду и покрыто пурпурным, вышитым золотом и усаженным дорогими каменьями саваном. Носилки поддерживали князья его государства. Впереди шли епископы с духовенством, несшим Евангелия и кресты. С ними, стеная, шли также те, которые несли его сияющую золотом и драгоценными каменьями корону, вместе с другими знаками королевского достоинства. Рыцари следовали также за трупом, по их обычаю выражая жестами свою печаль. К ним примыкала остальная толпа плачущего народа. Король погребен был, как распорядился сам прежде, в Реймсе в монастырской церкви св. Ремигия, возле места покоя его отца и матери. Этот монастырь от того города, в котором скончался король, отстоит на 240 стадий, и на всем этом огромном пространстве труп сопровождала большая и усердная толпа всего народа, выражая все знаки своей привязанности к умершему королю.

---

[1] Все эти числа неверны, потому что Лотарь родился в 941 г., пережил Оттона II только тремя годами и после смерти отца, Людовика Заморского, правил всего 32 года.

Книга четвертая

1. После погребения Лотаря герцог (Гуго Капет) и другие князья возвели на престол сына его Людовика (V, Ленивого, 896–897 гг.). Все присягнули ему и свято обещали верность и послушание, а те, которые окружали его, давали ему разные советы относительно того, как он должен поступать. Одни полагали, что он должен жить в своих дворцах и использовать в услужении князей, которые будут приходить к нему, чтобы не уничтожилось уважение к королевскому достоинству, если он, как бедняк, будет ездить туда и сюда и искать у других совета и помощи. Притом каждый, облеченный высоким королевским саном, должен обращать внимание на то, чтобы сила, на которую он должен будет после опереться, не заглохла в лености и бездействии. Как скоро случится что-нибудь подобное, власть придет в упадок, покроется презрением и погибнет. Другие, напротив того, утверждали, что король должен оставаться при герцоге, потому что ему, как молодому еще человеку, нужно образовать себя на примере благоразумия и деятельности столь великого государя. Собственная его польза также требует, чтобы он в продолжение некоторого времени сообразовался с волей сильного, потому что без него он не в состоянии будет вполне овладеть королевской властью; с помощью же герцога все государственные дела можно вести с силой и успехом. Король выслушал обе стороны и отложил свое решение; посоветовавшись с герцогом, он с той же минуты сделался предан и расположен к нему всей душой.

2. Вспоминая прежние события, Людовик стал жаловаться герцогу и некоторым князьям: «Отец мой на смертном одре завещал мне следовать в делах государства вашему совету и руководству, обращаться к вам, мои родственники и друзья, и ничего не предпринимать без вашего ведома. Если вы мне останетесь верны, то у меня не будет недостатка ни в богатстве, ни в военных силах, ни в других крепких опорах государства. Таково и мое полное убеждение. Так как я, со своей стороны, вознамерился не расходиться с вами, то потому прошу у вас теперь доброго совета: ибо в вас мой совет, мое решение, мое счастье. Архиепископ Реймсский Адальбер, величайший злодей на земле, презирая властью моего отца, во всех делах держал сторону Оттона, врага франков. При его содействии Оттон напал на нас со своим войском. Вследствие его лукавства, Оттон опустошил Галлию. Он дал неприятелю проводников, так что тот со своими людьми невредимо возвратился назад. Теперь, кажется, благоразумие и право требуют, чтобы он был наказан за столь великие преступления для того, чтобы тем унять этого виновника бедствий и устрашить других злонамеренных, чтобы они не решились на подобное дело».

3. Речь эта не произвела большого впечатления, потому что видно было: король, раздраженный против архиепископа внушениями недоброжелательных к нему людей, несправедливо так тяжко обвинял его. Однако они отчасти с ним согласились, но на остальное не дали своего согласия, хотя так, чтобы это не слишком оскорбило короля; герцог же, не давая полного согласия на это преступное предприятие, не отказал, однако, в послушании королю. Совершенно увлеченный своим раздражением, король повел теперь герцога вместе с войском против епископа. Он пошел против самого его города и хотел напасть на него; однако по совету князей решился послать прежде переговорщиков, чтобы спросить епископа, будет ли он сопротивляться королю или согласен в назначенное время оправдаться в обвинениях. В первом случае послы должны были ему объявить, что король немедленно осадит город и, как скоро возьмет его, уничтожит вместе со своим неприятелем. Если же он готов отвечать на обвинения, то король возьмет от него заложников и уведет их с собой.

4. Архиепископ отвечал на это: «Известно, что злые люди всегда клевещут на честных, потому я не удивляюсь случившемуся со мной. Гораздо более я удивлен тем, что знаменитые князья так легко позволили себя обмануть, и считают несомненным то, что не было исследовано судебным по-

рядком и на что нельзя иметь никаких доказательств. Если князья хотят исследовать дело, принятое ими на веру, то зачем требовать того с оружием и военной силой? Не должен ли я из этого заключить, что они имеют совсем другие намерения? Если речь идет о прошедших делах, то знайте, что я всегда желал добра королю. Я всегда был привержен к его роду. Выгоды князей, что совершенно справедливо, также всегда были мне близки к сердцу. Если же дело идет о настоящих обстоятельствах, то я готов повиноваться повелениям короля, дать заложников, которых он желает иметь, и не ищу никакого отлагательства, чтобы оправдаться в возведенных на меня обвинениях». Когда обе стороны договорились, архиепископ дал в заложники Рагенера, воина благородного рода и очень богатого, и многих других, пока не удовлетворил короля (987 г.).

5. Король с войском отступил и отправился в Сенлис (Senlis). Там, предаваясь удовлетворениям летней охоты, он однажды поскользнулся и упал, следствием чего была сильная боль в печени. Так как печень, по утверждению врачей, есть местопребывание крови, то ее потрясение имело последствием сильное кровотечение. Кровь лилась в большом количестве из носа и рта. В груди начались сильные боли, а во всем теле нестерпимый жар. Так умер он, отдав свой долг природе 22 мая (987 г.) и пережив своего отца только одним годом. Его смерть случилась именно в то самое время, когда архиепископ должен был явиться для ответа, а поэтому и находился уже там, чтобы оправдаться и дать удовлетворение королевскому величеству. Но вследствие этого несчастного события, то есть смерти короля, из судебного дела ничего не вышло; против архиепископа не выступило ни одного противника и не было произнесено приговора. Сам же архиепископ обнаружил большую скорбь по поводу смерти короля. Когда заботы о погребении королевского тела были окончены, оно, согласно с решением князей, было похоронено в Компьене, хотя он сам перед кончиной выразил желание быть погребенным возле своего отца. Это было сделано с намерением, чтобы большая часть князей, страшась далекой дороги, не удалилась и не разъехалась и чтобы тем не отсрочилось столь необходимое совещание о делах государства. Поэтому решено было, что князья прежде, чем отправятся домой, должны собраться на совет о благе государства.

6. Совещание это начал герцог (Гуго Капет) следующими словами: «Вы созваны сюда из различных стран по приказанию короля, чтобы исследовать обвинения, поднятые против архиепископа Адальбера, и вы с честной правдивостью, как я думаю, прибыли сюда. Но блаженной памяти король, от которого вышло обвинение, расстался с этой жизнью и оставил нам дальнейшее ведение судебного дела. Если есть еще кто-нибудь, кроме короля, кто отважится обвинять и иметь довольно смелости, чтобы быть противником и продолжать эту борьбу, тот пусть открыто выступит, изложит свое дело и без страха докажет свое обвинение. Если он будет говорить истину, то мы, не колеблясь, одобрим его слова. Но если он, как клеветник, станет выдумывать ложные обвинения, то пусть лучше молчит, чтобы не быть изобличенным в злом преступлении и не понести за то наказания».

Три раза громко сделан был вызов, чтобы выступил обвинитель, и три раза все присутствовавшие отказались от того.

7. Поэтому герцог стал опять говорить: «Так как не является обвинитель и вместе с тем уничтожается само обвинение, то архиепископ, как человек благородного рода и признанной высокой мудрости, должен получить первое место. Оставьте же совершенно против него подозрение и оказывайте ему все почести, как верховному епископу. Уважайте этого знаменитого человека и славьте его правдивость, его мудрость и благородное происхождение. Ибо какую кому пользу может принести питать подозрение, когда он перед публичным судом не мог доказать его ни одним словом?» Затем герцог, с согласия прочих князей, передал архиепископу почетное дело руководить совещанием о благе государства, потому что он был особенно опытен в божественных и человеческих делах и одарен был более всех других убеждающей силой красноречия.

8. Тогда архиепископ выступил с герцогом на середину собрания и сказал: «После того как наш благочестивый король переселился в царство бесплотных духов, а я, вследствие благосклонности герцога и прочих князей, оправдался в обвинениях, возведенных против меня, то я и займу свое место, чтобы дать совет о том, в чем теперь нуждается государство. Далека от меня мысль предложить что-нибудь, что не имело бы целью общественного блага. Я требую всеобщего совещания, потому что желаю способствовать благу всех. Так как я вижу, что здесь присутствуют не все князья, благоразумие и заботливость которых должны участвовать в делах государства, то мне кажется, что избрание короля должно быть отложено на некоторое время с тем, чтобы в определенный день собрались все, и каждый тогда мог высказать хорошо обдуманное мнение и тем способствовать общему благу. Поэтому вам, заседающим здесь на совете, я делаю предложение дать вместе со мной клятву герцогу и всенародно обещать ему ничего не искать и ничего не предпринимать относительно избрания короля до тех пор, пока мы опять здесь не соберемся и все вместе не посоветуемся об избрании государя. Очень важно, чтобы известное время употреблено было на размышление и чтобы каждый рассмотрел дело со всех сторон и старательно обдумал свое намерение». Предложение это одобрительно принято было всем собранием. Они дали герцогу клятву, назначили время возвращения и общего собрания и разошлись.

9. Между тем прибыл в Реймс Карл (Лотарингский), брат Лотаря и дядя Людовика, и обратился к архиепископу со следующими словами относительно престолонаследия: «Всему свету известно, достопочтенный отец, что по праву наследства я должен наследовать брату и племяннику. Хотя мой брат и отстранил меня от власти, однако природа не лишила меня того, что принадлежит человеку. Я родился на свет со всеми членами, которые должен иметь человек, желающий достигнуть какого-нибудь сана. В качествах, которых преимущественно ищут в соискателях престола, а именно, в благородстве происхождения и отважном мужестве, у меня также нет недостатка. Зачем же теперь, когда нет уже моего брата и умер племянник и когда после них не осталось детей, я изгнан из тех земель, которые, как никто не сомневается, принадлежали моим предкам. Мой отец оставил двух сыновей, моего брата и меня. Мой брат захватил власть над всем государством и не дал мне ничего. Я был подданный моего брата и служил ему не менее верно, чем другие. С того времени ближе всего моему сердцу было благополучие моего брата. Куда теперь я, несчастный, оставленный всеми, должен обратиться, когда пали все опоры моего дома? К кому, кроме вас, взывать мне, которому отказано во всякой почести? Кто, кроме вас, может помочь мне восстановить честь моих предков? О, если бы мне и моей судьбе сужден был честный конец! Ибо в этом унижении чем могу я быть, как только позорищем толпы? Будьте милосерды! Имейте сожаление ко мне, так несправедливо преследуемому судьбой!»

10. Когда Карл окончил свои жалобы, архиепископ, не колеблясь в своем решении, дал ему следующий ответ: «Ты издавна был предан людям клятвопреступным, церковным грабителям и другим злодеям и даже теперь не хочешь их оставить; как же ты можешь надеяться с такими помощниками достигнуть трона?» Карл возразил на это, что он не может оставить своих, а скорее должен стремиться приобрести новых друзей. Тогда архиепископ подумал в сердце своем: «Он и теперь, когда лишен всякого сана, задушевный друг всех дурных людей и никаким образом не хочет от них оторваться; какое же несчастье было бы для всех благомыслящих, если бы избрание князей возвело его на трон». Вследствие того он отвечал Карлу решительно, что без согласия князей он ничего не может сделать в этом деле, и Карл оставил его.

11. Обманутый в своих надеждах относительно трона, Карл, полный прискорбия, отправился назад в Бельгию. С другой стороны, давшие клятву галльские князья в назначенное время собрались в Сенлисе. Когда они сошлись на совещание, архиепископ по знаку герцога начал говорить следу-

ющим образом: «С тех пор как блаженной памяти король Людовик, не оставив детей, похищен был с земли, мы должны были самым старательным образом обдумывать, кого призвать на его место к правлению, чтобы государство, лишенное своего правителя, не пришло в упадок через небрежение. Вследствие того мы недавно считали сообразным отложить это дело, чтобы каждый имел возможность здесь, на общем совещании, высказать, что ему Бог пошлет на душу, и чтобы, когда все объявят свои мнения, из них можно было вывести результат всего совещания. Так как мы опять для этого собрались сюда, то нужно честно и осторожно предостеречь себя, чтобы ни ненависть не возмущала спокойного размышления, ни излишнее пристрастие не омрачило перед нами истины. Известно, что Карл имеет приверженцев, которые по происхождению считают его достойным трона. Но на подобные доводы мы возражаем, что трон не приобретается наследственным правом и что никто не может быть избран в короли, кого кроме благородства происхождения не просвещает также и мудрость души, кого правдивость не делает твердым и великодушие сильным. Мы читаем в летописях, как государи из знаменитых домов, вследствие неспособности, теряли свое достоинство, и им наследовали другие, отчасти из равно высокого, а отчасти из незначительного рода. Но какое достоинство может быть приписано Карлу, право которого не перешло к нему по прямой линии, и который изнежился в бездеятельности, который, наконец, мог так унизиться, что не стыдится служить чужеземному королю (то есть германскому)[1] и женился на женщине из рыцарского сословия, не равной ему по рождению? Как может великий герцог потерпеть, чтобы дочь собственного его вассала была королевой и владычествовала над ним? Как может поставить выше своего звания женщину, которой равные и даже лучшие по рождению преклоняют перед ним колени и руки свои кладут под его ноги? Обдумайте хорошо дело и вы увидите, что Карл более по своей собственной, нежели по чужой, вине унижен. Позаботьтесь о благе государства и предохраните его от несчастья. Если вы хотите погубить страну, тогда вы можете избрать Карла. Но если вы хотите ее осчастливить, то коронуйте знаменитого герцога Гуго. Берегитесь поэтому, чтобы склонность к Карлу не ввела кого-нибудь в заблуждение и чтобы нерасположение к герцогу не отвратило кого от общественного блага. Ибо если вы хотите доброго князя порицать, то какое вы имеете право одобрять дурного? Если же вы хотите хвалить дурного, то как можете вы в таком случае пренебрегать добрым? Но как гласит в подобных делах изречение Божества? Горе, говорит оно, тем, которые злое добрым, и доброе злым называют, которые из мрака свет, а из света мрак делают (Ис. V, 20).

Выбирайте поэтому вашим государем герцога, который уже так высоко поставлен своими делами, благородным родом и могуществом. В нем вы найдете верного защитника не только государства, но и благосостояния каждого отдельно. По великой доброте своего сердца он будет вашим отцом. Кто прибегал к нему когда-нибудь и не нашел у него помощи? Кто, кого оставили собственные родственники, не возвратил через него своих прав?»

12. Когда архиепископ подал таким образом свой голос и все его одобрили, герцог единогласно был возведен на трон. В Нойоне он был коронован архиепископом и другими епископами и 1 июня[1] сделался королем галлов, бретонцев, дагеров[2], аквитанцев, готов, испанцев и васков. Окруженный князьями своего государства, он, как то делают короли, отдавал приказания, издавал законы и с большим успехом устраивал все и заботился обо всем; так как ему все удавалось, то, чтобы быть достойным своего счастья, он старался как можно более быть благочестивым. Желая оставить после смерти своей признанного наследника государства, он

[1] Лотарингия принадлежала немецким королям, и потому Карл был их вассалом еще с 977 г.

[1] Вероятнее, 1 июля 987 г., потому что Людовик V умер 22 мая, и одной недели было бы недостаточно для описанного автором времени.

[2] Вероятно, данов, то есть нормандцев.

совещался о том с князьями, и посоветовавшись с ними, обратился, сначала через посредников, а потом в Орлеане лично, к архиепископу Реймсскому, с просьбой о возведении сына его Роберта в королевское достоинство. Архиепископ отвечал, что нельзя избирать двух королей в одном году. Тогда герцог тотчас же показал письмо, которое он получил от Борреля, герцога Испании, лежащей по эту сторону Пиренеев (то есть Южной Франции), в котором тот просил его о помощи против варваров (мавров). Боррель извещал, что неприятель почти уже совершенно завоевал часть Испании и что, если в течение десяти месяцев не придет из Галлии помощь, то вся страна должна будет подчиниться варварам. Поэтому Гуго желал, чтобы был выбран другой король для того, чтобы в случае, если один погибнет на войне, войско было обеспечено на счет другого предводителя. Кроме того, легко могло бы случиться, что если король падет и отечество останется без верховного главы, между князьями явится раздор; злые притеснят добрых и весь народ попадет в рабство.

13. Архиепископ, убедившись в справедливости таких доводов, согласился с желаниями короля. И так как тогда на праздник Рождества Господа нашего для торжества королевского коронования собраны были князья государства, то с согласия франков он торжественно облек в церкви св. Креста Роберта, сына Гуго, пурпуром, короновал его и поставил королем над всеми народами запада, от Мааса до Океана (1 января 988 г.). Роберт был человек чрезвычайной деятельности и столь великого ума, что не только отличался во всех искусствах военного дела, но считался также глубоко сведущим в божественных и церковных законах. Он ревностно занимался свободными искусствами[1], присутствовал в собраниях епископов и рассматривал и решал с ними церковные и судебные дела.

План первого Капетинга вмешаться в дела Южной Франции не осуществился, потому что во время самой коронации Роберта Карл Лотарингский, дядя последнего Каролинга, появился в пределах Франции с оружием в руках и начал войну с Гуго Капетом, которая продолжалась с лишком три года, от 988 до 991 г. Автор посвящает целых 24 главы, от 14 до 38-й, на описание первых успехов Карла Лотарингского и неудачных попыток Гуго Капета вытеснить соперника из Франции. Карл Лотарингский при помощи своих друзей и подкупа успел в начале 988 г. овладеть Ланом и захватить в плен архиепископа того города Адальбера. Гуго Капет зимой и весной подступал к Лану, но без всякого успеха должен был отступить; только Адальберу удалось бежать из заключения. Однако в начале 988 г. умер друг Капетингов архиепископ Реймсский, Адальбер. Искателем его места явился Арнульф, младший брат Людовика V Ленивого и, следовательно, племянник Карла Лотарингского. Успев обмануть Гуго Капета притворной ненавистью к дяде, он получил из его рук архиепископство Реймсское, дав королю клятву в верности, и в том же году тайно пригласил к себе Карла Лотарингского и выдал ему Реймс и Суассон. Таким образом, к концу 988 г., из-за измены Арнульфа, своего племянника, Карл владел тремя важными городами Франции и имел на своей стороне первостепенного архиепископа в государстве.

Тогда Гуго Капет решился собрать все свои силы для последней борьбы с соперником и сосредоточил против него армию в 6000 человек. Карл мог ему противопоставить всего четырехтысячное войско, но тем не менее выступил против неприятеля в открытом поле, имея в виду, на случай неудачи, скрыться за городскими стенами. В начале 989 г. Гуго Капет, опустошив предварительно все окрестности Лана, направился к стенам города.

38. Король Гуго, приблизившись к городу Лану, увидел войско своего противника, расположенное в боевом порядке. Поэтому он разделил свои силы на три отряда, чтобы собственная многочисленность не затрудняла его и чтобы можно было употребить в дело каждого человека. Передний отряд должен был начать нападение; второй назначался для помощи, если поколеблется первый, чтобы возобновить его силы. Третий же поставлен был для сбора добычи. Когда все таким образом было устроено, первый отряд с поднятыми знаменами под предводительством самого короля пошел на неприятеля. Оба других отряда оставались в назначенных им местах и ожидали, когда наступит их время.

39. Карл выступил против них с четырьмя тысячами человек, призывая всемогущего Бога, чтобы Он оказал защиту его не-

[1] Он был учеником знаменитого Герберта.

большому войску против превосходных сил неприятеля и показал, что не нужно полагаться на число сражающихся и не следует унывать с немногими. Арнульф (архиепископ Реймсский) сопровождал его и увещевал своих людей держаться мужественно, наступать в порядке сомкнутыми рядами и не сомневаться в победе, которую Бог им дарует. Если они, говорил он, мужественно выдержат нападение, то скоро одержат славную победу. Оба войска шли вперед, пока не стали лицом друг к другу и только тогда остановились в нерешимости. С обеих сторон были немаловажные опасения: Карл боялся, что силы его недостаточны; а короля мучила совесть за то, что он несправедливо поступил, отняв у Карла его наследственную корону и присвоив себе королевское достоинство. Таким образом, обе стороны остановились и не трогались с места. Наконец князья дали королю благоразумный совет переждать некоторое время и только тогда начать битву, когда неприятель станет отступать; если же никто на него не нападет, то и самому отступить. Но Карл решился на то же самое, и так как оба войска продолжали стоять, то оба вместе и отступили. Король повел свое войско домой, а Карл возвратился назад в Лан.

40. Между тем прибыл к королю некто Одо, которому хотелось получить во владение Дрё (Dreux) и притворился очень огорченным, что королю не представляется никакой надежды взять Лан, потому что осадные орудия не могли быть употреблены в дело, а войско не доверяет собственным силам, город же по своему неприступному положению не боится штурма. Король, приведенный в большое уныние, просил помощи Одо, обещал ему щедрую награду, если он соберет войско и овладеет городом, и в случае успеха дал слово исполнить всякое его желание. Тогда Одо объявил, что он немедленно нападет на Лан и возьмет его, если только получит от короля замок Дрё. Король, пылая жаждой победы, отдает ему по его просьбе то место и, веря обещаниям, уступает замок в торжественном собрании, а Одо, со своей стороны, обязывается в непродолжительном времени завоевать королю потерянный город. Затем Одо немедленно отправился в дарованный ему королем замок, приказал обитателям замка присягнуть себе в верности и поселил в нем множество других людей, на которых он мог вполне положиться. Впоследствии он действительно оказал королю важные услуги; но настоящее его обещание осталось без последствий, потому что Лан еще ранее предан был изменой, и непредвиденные обстоятельства дали делам другой оборот.

41. Именно Адальбер, епископ Лана, который был взят Карлом в плен, но убежал из темницы, употреблял с тех пор все свое остроумие, чтобы изобрести средство отомстить за себя, захватить Лан в свою власть и взять в плен Карла. С этой целью посылает он к Арнульфу искусных посредников и приказывает им предложить ему со своей стороны дружбу, верное послушание и помощь под тем предлогом, что он желает с ним, как со своим архиепископом, примириться; ему тяжело, продолжал он, думать, что его называют отступником и перебежчиком, потому что он, присягнув раз Карлу, оставил его; он желает, если возможно, очистить себя от этого упрека, хочет возвратиться к его высочеству и желает приобрести благословение Карла как своего государя. Поэтому пусть архиепископ назначит место, где он мог бы с ним встретиться. Арнульф, не предвидя обмана, принял лживых посредников, и как людей, принесших ему добрую весть, почтил их всеми знаками дружбы. В своей радости он назначил немедленно место для встречи и переговоров. Посланные в восторге, что обман им удался, уведомили обо всем своего господина. Тот, убедившись, что его ложь нашла себе хороший прием, заключил из того, что и для более смелой хитрости можно ожидать успеха. Встреча произошла на условленном месте. Оба приветствовали друг друга объятиями и поцелуями. Взаимные изъявления дружбы казались столь искренними, что никому не могло прийти в голову, что все это только одно притворство и обман.

42. Когда они наконец довольно наобнимались и нацеловались, Адальбер, исполненный коварства, стал говорить простосер-

дечному архиепископу: «Оба мы постигнуты одним и тем же несчастьем и одинаковым бедствием, поэтому мы должны поступать по общему плану и одной мысли. Недавно мы оба пали в немилость, вы – у короля, я – у Карла, и поэтому вы теперь приверженец Карла, а я приверженец короля. Карл имеет к вам, а король ко мне, самое полное доверие. Если вы теперь устроите мир между мной и Карлом, то взамен того и вас не минует милость короля. Это не трудно будет привести в исполнение. Поговорите с Карлом и замолвите перед ним за меня доброе слово. Было бы хорошо, если бы вы могли уверить его, что на будущее время я сохраню ему верность. Если же он станет по-прежнему сомневаться, то скажите ему, что он может получить от меня в этом клятвенное обещание. Возвратив мне епископский престол, пусть он прикажет принести кости святых, и я на них готов ему во всем поклясться. Если он удовольствуется этим и отдаст мне назад епископство, то вы можете рассчитывать на милость короля. Мой язык и моя рука могут или водворить мир, или укоренить раздор. Я переговорю с королем и объясню ему, какую он может получить из всего этого пользу не только для себя, но и своего потомства. Я расскажу ему, как Карл перехитрил вас, буду утверждать, что вы им обмануты, как человек простосердечный, и представлю ему в живых красках, как вы в том раскаиваетесь. Король имеет ко мне доверие и охотно всему поверит. Если мы оба исполним все это, то нам обоим будет хорошо, и, кроме того, явится и другая выгода. Как скоро вы примиритесь с королем, а я с Карлом, то мы можем быть полезны другим. Но сказанного довольно: пусть теперь дело докажет, правду ли я говорил». Они скрепили свои переговоры вторичными поцелуями и расстались.

43. Арнульф отправляется к Карлу и хвалит ему Адальбера, коварства которого он не мог постигнуть; говорит, что этот человек будет ему очень полезен и уверяет, что он сдержит свое слово. Так как он сам не имел никакого подозрения, то ему удалось уничтожить все подозрения и у дяди. Карл позволяет своему племяннику склонить себя, обещает сделать все и не отказывается под теми условиями возвратить епископство Адальберу. В то время, как у Карла искренно идут такие разговоры, Адальбер уславливается с королем, как взять город, а Карла вместе с Арнульфом захватить в плен. Он сообщает ему, с какой хитростью было им ведено дело, и возбуждает тем в Гуго большую радость и положительную надежду опять захватить Лан в свою власть. Вскоре потом Арнульф отправляет послов к Адальберу и уведомляет его, что Карл дарует ему всю свою милость, примет его в Лане самым почетным образом и тотчас же восстановит в его епископстве. Потому пусть Адальбер не медлит и приезжает как можно скорее, чтобы лично убедиться в обещанной ему милости.

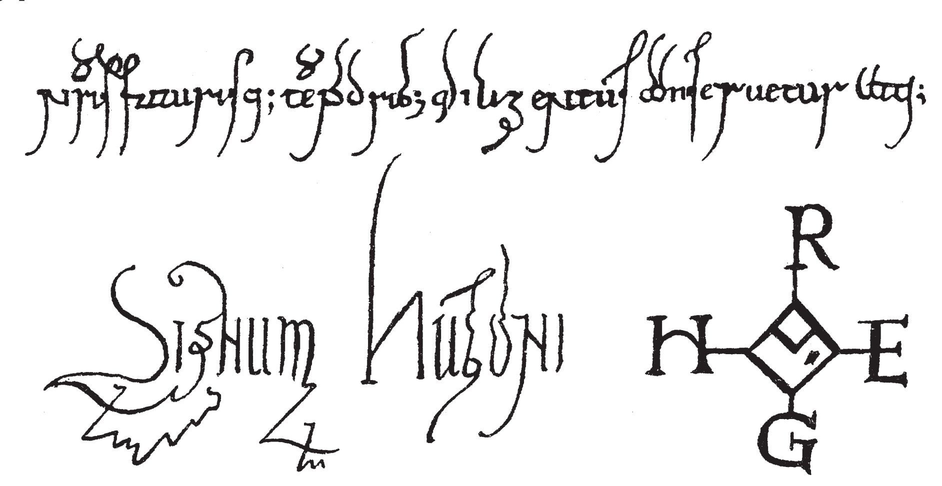
44. Адальбер по этому приглашению немедленно отправился на место, куда звали его Карл и Арнульф. Он был принят ими с большим радушием и нашел их в большой радости. О прошедших несогласиях упомянуто было слегка и в немногих словах. Зато тем более распространялись они о том, как тверда должна быть отныне между ними дружба. Часто возвращались к рассуждению о том, какая великая польза произойдет, если они будут сохранять верно дружбу, сколько будет славы, чести, силы и безопасности. Они говорили также и о том, что теперь в непродолжительном времени их партия приобретет силу, и враги совершенно погибнут. Ничто не может тому воспрепятствовать, если только Бог не воспротивится им. В случае достижения их цели государству еще раз удастся приобрести честь и славу и прийти в цветущее состояние. Переговорив таким образом, они подтвердили свои обязательства один другому клятвой и разошлись. Адальбер спешит к королю и рассказывает, что он сделал. Тот все одобрил и обещал, если Арнульф придет к нему, допустить его к себе, выслушать его оправдание и опять, по-прежнему, возвратить ему свою милость, если он оправдается в возведенных против него обвинениях. Адальбер уведомил о том архиепископа, уверил его, что король к нему благосклонен и милостиво расположен, что он охотно выслушает его оправдание и без

дальнейших околичностей возвратит ему свою милость. Потому пусть архиепископ поспешает и как можно скорее оправдается перед королем. Пусть он отправится к королю, чтобы происки злых людей не расстроили этого дела. Таким образом, оба они явились к Гуго.

45. Арнульф был допущен к королю, который и принял его, поцеловавшись с ним. Он хотел сказать что-то в свое оправдание, но король возразил, что ему достаточно того, что он отказывается от прежнего своего поступка и по крайней мере отныне будет сохранять к нему ненарушимую верность; что он, король, знает очень хорошо, как Карл напал на него, как архиепископ только вследствие величайшего принуждения должен был на некоторое время оставить партию короля и совершенно против воли держать сторону дяди. Но так как это прошлое и не может быть исправлено, то архиепископ должен, по крайней мере, старательно заботиться о том, чтобы доставить хоть какое-нибудь вознаграждение за потерю города. Если он не может опять получить города в свое владение, как он прежде им владел, то пусть он побудит, по крайней мере, Карла к тому, чтобы он признал свои завоевания владением, полученным от короля. Арнульф обещал сделать все это и многое другое, как скоро король возвратит ему свою милость и окажет ему при своем дворе архиепископские почести. Король дал свое согласие и повелел оказывать Арнульфу при дворе подобающее ему уважение. Вследствие того Арнульф в тот же самый день сидел за столом по правую сторону от короля, между тем как Адальбер поместился по левую сторону от королевы. После того архиепископ удалился и уведомил Карла, как король был к нему милостив. Он рассказал также, какие великие почести король ему оказывал и хвалился благосклонностью его к себе. С того времени он заботился о примирении своего дяди с королем и о восстановлении между ними хороших отношений.

46. При таких обстоятельствах Адальбер, оставив короля, прибыл к Карлу и был принят в Лане с большими почестями. Люди его, которые убежали из города, возвратились к нему. Они устроили опять его дом, как он прежде был, не питали никаких опасений и надеялись на скорый мир. Адальбер посещал духовных, которые прежде стояли под его управлением, утешал их, уверял в своем благоволении и увещевал не отрекаться от него. Когда он достаточно уговорился со своими, Карл потребовал от него ручательств в верности и в безопасности города. Он говорил ему следующим образом: «Господь Бог милосерд во всех делах своих, и даже тогда, когда он наказывает, высказывается его милосердие. Потому я охотно признаю, что по Его праведному суду я был прежде отвержен, а ныне опять принят в Его милость. Я верю, что овладел этим городом по Его праведному определению, и от его благости ожидаю всего остального. Я не сомневаюсь, что и вы, и этот город возвращены мне Богом. И так как вы возвращены мне Богом, то я хочу вас теперь навсегда привязать к себе. Вот – святыня; положите на нее вашу правую руку и клянитесь в верности против всякого. Никто не должен быть исключен, если вы хотите быть моим другом». Адальбер, полный уверенности достигнуть скоро цели своих желаний, обещает все, чего от него требуют. Он простирает свою правую руку на святыню и не страшится присягать, как того требуют от него. Тогда все противники ему вполне доверились. Никто против него не питал подозрений; он был призываем ко всем делам; расспрашивал об укреплении города и давал свои советы; осведомлялся о всем и принимал участие во всех совещаниях. Никто не распознал его, и истинные его намерения оставались скрытыми.

47. Хорошо ознакомившись с делами Карла и его партии и уверившись, что никто более не питает против него подозрений, он начал придумывать разные хитрости, чтобы опять захватить город, а Карла взять в плен и выдать королю. С этим намерением вступал он часто в разговоры с Карлом и показывал все более к нему преданности. Он предлагал, если это будет считаться нужным, новой клятвой еще теснее обязать себя и умел вести дело с такой хитрой осторожностью, что его предатель-



Фрагмент грамоты Гуго Капета от 988 г. *Справа* – монограмма с подписью короля

ство оставалось прикрытым самым непроницаемым покровом притворной верности. Однажды вечером (29 марта 991 г.) случилось, когда он весело сидел за столом, что Карл, некоторое время будучи погруженным в размышления, подал ему золотую чашу, накрошив в нее хлеба и налив вина, со следующими словами: «Сегодня вы, сообразно с предписаниями церкви, освящали пальмы и древесные ветви и давали святые благословения мирянам, а меня приобщили Святых Тайн; так как теперь наступает день страдания Господа и Спасителя нашего, Иисуса Христа, то я предлагаю вам эту достойную вашего сана, наполненную хлебом и вином чашу, не обращая внимания на клеветы наушников, которые уверяют, что вам не следует верить. Осушите эту чашу в знак того, что вы мне верны и останетесь верны вперед. Но если у вас нет намерения остаться верным, то воздержитесь от чаши, не идите по ужасным стопам Иуды предателя». Когда Адальбер возразил на это: «Дайте чашу, я осушу ее без страха!», Карл потребовал, чтобы он прибавил еще слова: «И останусь вам верен».– «И останусь вам верен,– сказал тот, поднося чашу,– а если не буду, то пусть погибну как Иуда». В продолжение стола он еще много говорил проклятий подобного рода против себя. Между тем наступила горькая ночь, которая должна была стать свидетельницей его предательства. Общество отправилось на покой; думали спать до ясного дня. Когда Карл и Арнульф заснули, Адальбер, замыслив измену, похитил их мечи и другое оружие и все это спрятал. Потом позвал привратника, который ничего не знал о его умысле, и приказал ему бежать к одному из своих и поспешно привести его туда, обещая, между тем, охранять двери дома. Когда привратник ушел, Адальбер, держа под платьем меч, стал посреди ворот. Вскоре потом собрались люди, которые были посвящены в тайну, и были им впущены. Карл и Арнульф покоились еще, погруженные в утренний сон, когда внезапно враги ворвались толпами. Они просыпаются, видят неприятеля и вскакивают с постелей; хотят схватиться за оружие, но не находят его и спрашивают, что значит нападение этих людей. Адальбер отвечает: «Недавно вы отняли у меня этот замок и принудили меня оставить его изгнанником, но теперь вы, в свою очередь, только другим образом, должны быть отсюда изгнаны. Я получил тогда свободу, вы же должны будете подпасть под чужое владычество». Карл сказал ему: «Неужели ты, о, епископ, не припоминаешь вчерашнего ужина? Неужели тебя не удерживает страх перед Божеством? Считаешь ли ты за ничто свои клятвы? За ничто, только что вчера еще

произнесенные проклятия?» С этими словами он бросился, как исступленный, на врага, но вооруженные люди окружили его, бросили на постель и завладели им. Точно так же был схвачен и Арнульф, и оба они были посажены в ту же самую башню. Двери ее заперли засовами, цепями и ключами и приставили к ней стражу. Жители города были испуганы и разбужены воплями женщин и стенаниями детей и прислуги, громко возносившимися к небу. Те, которые держали сторону Карла, тотчас же пустились бежать. Однако они ушли только с трудом, ибо Адальбер приказал запереть ворота города, чтобы захватить всех, кого считал своими врагами. Их искали, но никого не нашли. При этом они увели с собой также и двухлетнего сына Карла, носившего одно имя с отцом, и таким образом избавили его от неволи. Епископ посылает тогда со всей поспешностью к королю в Сенлис известить, что город, который он недавно потерял, опять завоеван. Карл с женой и детьми взят в плен и даже схвачен архиепископ, найденный между врагами; пусть король приходит с таким числом войска, какое у него есть налицо, не теряя времени на сбор его, но послав только по соседству ко всем, кому он доверяет, приказание следовать за ним сюда. Прежде всего пусть он сам поспешно идет, хотя бы даже и с немногими.

48. Король собирает второпях сколько у него было войска и немедленно идет в Лан. Достигнув города и принятый здесь с королевскими почестями, он осведомляется о благосостоянии верных ему, о способе и средствах, которыми был завоеван город и противник взят в плен, и узнает все. На следующий день собраны были граждане и от них потребовали, чтобы они присягнули королю. Видя себя захваченными и в чужой власти, они обещают послушание и дают королю присягу в верности. Позаботившись о безопасности города, король возвращается с пленными врагами в Сенлис. Здесь он созывает своих на совещание и спрашивает их мнения.

49. Некоторые полагали, что у Карла, как у человека важного и знатного, из королевского рода, следует взять в заложники всех сыновей и дочерей, а от него самого потребовать клятвы, которой бы он обязался королю никогда не делать притязаний на трон Франции и запретить то в духовном завещании и своим детям. Затем, полагали они, он должен быть выпущен на свободу. Напротив того, другие были того мнения, что человека такого знатного и столь древнего рода нельзя скоро выпускать на свободу; скорее король должен держать его под стражей до тех пор, пока будет видно, кто недоволен его заключением. Тогда можно будет увидеть, достаточно ли значительна по своему числу, важности и по своим предводителям его партия, чтобы на нее стоило смотреть, как на открытых противников короля франков, или же за Карла выступят только незначительные люди. Если о судьбе Карла будут сожалеть только немногие и притом незначительные люди, тогда, думали они, его нужно держать в заключении; но если поднимется много и значительных людей, тогда они советовали выпустить его на свободу под вышеприведенными условиями. Сообразно с этим Карл с женой своей Аделаидой, сыном Людовиком и двумя дочерьми, из коих одна называлась Гербергой, а другая Аделаидой, а также и со своим племянником Арнульфом, заключен был в темницу (30 марта 991 г.)[1].

Собственно заключением Карла Лотарингского и архиепископа Арнульфа автор завершает свою хронику, и все остальные главы IV книги заняты событиями, относившимися лично к нему самому или к его покровителю Герберту (папа Сильвестр II), который как приверженец новой династии и воспитатель молодого короля Роберта был назначен архиепископом Реймсским на место низверженного Арнульфа.

Historiarum libri IV. Книга III, 67–110; IV, с. 1–49.

---

[1] Автор в этом месте прерывает хронику (см. извлечение из ее четырех книг, выше), заканчивающуюся пленением Карла Лотарингского и архиепископа Арнульфа Гуго Капетом, и обращается к одному небольшому событию из собственной жизни, которое служит для нас единственной характеристикой писателя и вместе с тем описывает нравы той эпохи (см. след. статью).

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ МОНАХА РИКЕРА. 991 г. (в 998 г.)

Дней за четырнадцать перед взятием в плен Карла Лотарингского и архиепископа Реймсского Арнульфа (следовательно, 15 марта 991 г.; см. о том выше), когда я пребывал в Реймсе и ревностно занимался науками, изучая прилежно сочинения Гиппократа Косского (то есть медицинские), встретился мне однажды на улице верховой из Шартра. На мой вопрос, кто он такой, чей и откуда едет, он отвечал, что послан Герибрандом, священником в Шартре, и желал бы говорить с Рикером, монахом монастыря св. Ремигия. Как скоро я услышал это имя моего друга и свое собственное, я сказался верховому, обнял его и отвел в сторону. Тогда вынул он письмо. Это было приглашение прочесть со мной об афоризмах. Чрезвычайно обрадованный тем, я взял с собой одного малого и, приготовившись, вместе с верховым, как можно скорее поспешил отправиться в Шартр. При моем отъезде я получил от своего аббата какую-то клячу. И так я пустился в дорогу без денег, не имея платья для перемены, лишенный всего необходимого, и прибыл в Орбе – место, которое славилось своим радушным гостеприимством. Там господин аббат Д. утешил меня своей беседой и своей благотворительной помощью. После того я отправился на следующий день далее, чтобы добраться до Мо (Meaux). Но вместе со своими двумя спутниками я попал в густой лес, где с нами произошли разные невзгоды. Мы заблудились и дали крюку на шесть часов пути. Когда мы миновали Шато-Тьерри (Chateau-Thierry), моя кляча, выступавшая сначала как Буцефал, сделалась ленивее осла. День был уже на исходе; небо, казалось, готово было разрешиться дождем, а нам предстояло миль шесть до города, когда мой могучий Буцефал, истощенный усталостью, грохнулся под слугой и, как бы пораженный молнией, испустил дыхание. Наше затруднение и беспокойство могут представить те, с которыми хотя однажды случилось что-нибудь подобное и которые по опыту знают такое положение. Наш малый, еще никогда не делавший столь далекого и затруднительного путешествия и потерявший теперь своего коня, лежал совершенно истомленный; поклажу нельзя было тронуть с места, дождь лил ручьями; а совершенно покрытое облаками небо и заходившее солнце представляли нам в перспективе темную ночь, в которой не будет видно ни зги. Однако в таких затруднительных обстоятельствах меня не оставила Божественная помощь и даже внушила мне следующее намерение. Именно: я оставил прислужника с поклажей на месте, научил его, что он должен отвечать на вопросы мимо проходящих, уговорил его воздержаться от сна и поспешил в Мо, сопровождаемый одним только верховым из Шартра. Когда я вступил на мост, было едва достаточно светло, чтобы рассмотреть его. Но когда я вгляделся, мной овладели новые опасения, потому что мост во многих местах был очень испорчен и в нем видны были такие большие дыры, что жители города только по самым необходимым делам переходили его. Человек из Шартра, спутник осторожный, поискал кругом лодки, но, не найдя ни одной, должен был войти на опасный мост. С помощью небес он невредимо перевел лошадей. Где были дыры, там он в одном месте подкладывал под ноги лошадям свой щит, в другом – складывал доски, валявшиеся кругом, и таким образом, то сгибаясь, то распрямляясь, то идя вперед, то поспешно отступая, перешел он счастливо со мной и лошадьми на другой берег. Ночь совсем наступила и покрыла землю страшной темнотой, когда я вошел в монастырь св. Фаро, где монахи заняты еще были приготовлением напитка любви[1]. Они именно в этот день, по прочтении надлежащего монастырским келарем, устроили торжественный ужин и потому так поздно находились еще вместе и пили. Я принят был ими как брат, и их дружеская беседа, обильный стол подкрепили меня. Но спутника своего из Шартра я послал с лошадьми назад. Ему пришлось снова подвергнуться опасностям, которые только что он преодолел на мосту,

[1] Так называют вино, которое было разрешено монахам пить только по большим торжествам.

чтобы отыскать оставленного на дороге слугу. Так же ловко, как и в первый раз, перешел он мост и, немало проблудив, постоянно окликая, отыскал моего служителя только во время второй ночной стражи. Он взял его с собой и приехал в город. Но убоявшись опасного моста, коварство которого ему было известно по опыту, он остановился со слугой и лошадьми в одной хижине, где они, не принимая пищи в продолжение целого дня, хотя и нашли ночлег, но не нашли ничего поесть. В каких опасениях и какую бессонную я провел ночь, это будут в состоянии представить себе только те, у которых забота о своих хотя бы однажды отгоняла сон. Когда наконец наступил желанный день, оба они, рано, страшно проголодавшись, прибыли ко мне. Их накормили; лошадям также дали овса и соломы. Я оставил своего пешего слугу у аббата Августина и один с верховым поспешно отправился в Шартр[1]. Оттуда я послал лошадь назад и приказал привести моего малого из Мо. Когда же и тот прибыл, и всякая забота устранилась, я принялся со всей ревностью под руководством настолько же доброго, сколько и ученого господина Герибранда, за афоризмы Гиппократа. Но так как оттуда я узнал только признаки болезни, а одно познание признаков не удовлетворило моей жажды к знанию, то я просил его прочесть со мной также книгу «О соглашении Гиппократа Галиена и Сурана». Герибранд согласился также и на это, ибо был весьма сведущ в своем искусстве и обладал большими познаниями в фармацевтике, ботанике и хирургии[1].

Histor., libri IV Кн. IV, 50.

[1] Шартр лежит на юго-западе от Парижа, в двух часах езды по железной дороге.

[1] Конец IV книги и всей хроники, от 51 до 107-й главы, автор посвящает исключительно борьбе Герберта с Арнульфом за архиепископство Реймсское и останавливается на 998 г., потому что в это время Герберт, поручивший автору написать хронику, вынужден был отправиться к Оттону III, а при Арнульфе поручение его соперника не могло продолжаться, и автор скрыл свой труд, а может быть, и сам скрылся.

Эмиль Бонньшоз

АНГЛИЯ В X в. (в 1859 г.)

Альфред Великий[1] имел достойных себя преемников; прогрессивное движение, сообщенное этим замечательным правителем англосаксонской монархии, не остановилось с его смертью и не переставало увеличиваться в объеме и силе в продолжение первых трех четвертей X в.

Эдуард, его сын, прозванный Древним, отразил датчан, принял присягу на верность от шотландцев и бретонцев камбрийских и упрочил безопасность своего королевства, покрыв его границы рядом крепостей. Ему во всем помогала своими заботами и советами сестра его Этельфледа, женщина, обладавшая мужественным характером, и которую историки назвали дамой Мерсии, потому что она с мудрос-

[1] См. его биографию выше.

БОННЬШОЗ (EMILE DE BONNECHOSSE. род. в 1801 г.). Родился и воспитывался в Голландии, в семействе французских эмигрантов. С 1830 г. он был библиотекарем в Сен-Клу и Версали. Из его исторических сочинений более замечательна «История Англии» в 4 томах (Par. 1858–1859 гг.), которой предшествовал большой этюд под заглавием «Les quatres conquêtes de l’Angleterre jusqu’â la mort de Guillaume de Conquerant». 2 vol. Он был написан в опровержение «Истории завоевания Англии» Августина Тьерри и главной ее идеи о борьбе рас. «История Англии» Бонньшоза доведена до конца XVIII столетия.

тью правила долгое время делами этой страны.

Эдуард Древний царствовал 24 года (900–924) и оставил после себя наследником сына своего Ательстана, о котором можно сказать, что он принадлежал к числу тех немногих, которым счастье никогда не изменяло. Он одержал на полях брунамбургских славную победу над многочисленным неприятелем, соединившимся против него. Там, под знаменами морского короля Анлафа и шотландского Константина стояли норвежцы, датчане из Британии и островов, галлы гебридские и грампиенские горцы. Победа осталась за саксами, и они воспели ее в своих национальных поэмах, отрывки которых сохранились до наших дней. Пять морских королей, семь графов и бесчисленное множество воинов погибли от меча в этой ужасной битве.

Ательстан гордится в своих грамотах именно тем, что он покорил своей власти всех иноплеменников, населявших Британию, и действительно с той победы начинается полное существование монархии англосаксов: датские предводители в Нортумберландии и Эст-Англии, которые под тенью зависимости пользовались на деле всеми правами верховной власти, совершенно исчезли, и все страны, завоеванные вначале саксами и англами, были окончательно присоединены к королевству Вессекс.

Многие могущественные государи того времени искали дружбы с Ательстаном, и три сестры его, Эдита, Эдгива и Этильда, сделали блестящие партии. Первая вышла замуж за молодого Оттона (I), сына короля Германского Генриха Птицелова, прославившегося впоследствии под именем Оттона Великого; вторая, Эдгива, соединила свою судьбу со злополучным Карлом Простым, королем Французским; наконец, руку третьей, Этильды, искал и получил соперник этого короля, могущественный Гуго Великий, граф Парижский, потомство которого должно было отнять французский престол у потомков Карла Великого.

Многие короли находили себе убежище при дворе Ательстана. Один из них был его племянник, Людовик (IV, Заморский) Французский, сын сестры его Эдгивы и Карла Простого. Тринадцать лет спустя (936 г.) явилась депутация французских баронов, во главе которой стоял архиепископ г. Сана и которая была отправлена Гуго Великим, просить у Ательстана возвратить Франции потомка Карла Великого и звала молодого принца на престол его предков. Людовик, прозванный Заморским (Outre Mer), по причине своего долгого пребывания в стране англосаксов, вернулся во Францию, поддерживаемый влиянием и оружием своего дяди Ательстана, и обнаружил среди постоянных возмущений и войн храбрость, превосходившую его счастье.

Алэн Бретонский, внук Алэна Великого, также нашел у Ательстана убежище и покровительство. Этот молодой человек, изгнанный из приморской Бретани кровавым вторжением норманнов под предводительством Роллона, убежал в Британию, отечество своих предков, и впоследствии с помощью Ательстана добыл себе наследство и с честью продолжал править Бретанью.

Господствующей чертой характера Ательстана было истинно королевское великодушие: он не только принимал у себя и возвращал на престолы сирот или знаменитых изгнанников, но даже возводил на престолы многих из тех, которых низвергнул своим оружием. «Славнее,– говорил он,– делать королей, нежели самому им быть». Утверждают, что он возвратил Говелю княжество Валлийское, а Константину – королевство Шотландию. В этом случае он не всегда слушался советов благоразумия: так, он вручил управление Нортумберландией свирепому Эрику, которого сам же лишил норвежского престола, и не подумал о том, что его прежний враг, став во главе населения, весьма наклонного к восстанию, может быть, скорее вспомнит о своем первом падении, нежели о последней милости.

Ательстан, воспитание которого было весьма тщательно, имел хорошие сведения в литературе своего времени, управлял по законам, с искусством и мудростью. Будучи человеком просвещенным, мужественным, кротким и справедливым, он умел соединить с этими качествами еще одно, которое было в то время необходимой принадлежностью мудрого правителя: он оценил справедливо то значение, которое

должна была иметь церковь и вообще духовенство. Великодушный к знатным пастырям, он равно был милосерден к бедным: его распоряжения относительно бедных его владений истинно трогательны.

Ательстан умер в 940 г. после шестнадцати лет правления и был погребен с большим великолепием в монастыре Мальмесбюри. Ему наследовал его брат Эдмонд, прозванный Древним, который царствовал только шесть лет (940–946 гг.), со славой боролся с датчанами и умер среди своих побед. Он оставил после себя собрание законов, которое носит его имя и которое, по сравнению с законодательством его предшественников, обнаруживает цивилизацию уже более зрелую.

После Эдмонда осталось двое малолетних сыновей, Эдви и Эдгар; тот и другой были слишком молоды, чтобы управлять государством, а по обычаю англосаксов, в случае неспособности сыновей последнего короля, отдавать предпочтение брату, был избран Эдред (946–955 гг.), брат Эдмонда. Так как нортумберландцы подняли при нем новое восстание, то он сравнял их с прочими владениями англосаксов, разделил землю на графства, округи и кантоны и вверил управление ими своим чиновникам под начальством Осульфа, первого графа Нортумберландии.

Епископ Туркетул, канцлер Эдреда, поддерживал спокойствие в государстве в течение девяти лет его правления. Эдреду наследовал племянник его Эдви (955–959 гг.), сын Эдмонда, едва только достигший 16-летнего возраста.

В течение более столетия две стихии общественного порядка того времени, королевская власть и духовенство, у англосаксов постоянно прогрессировали. Церковь, рассматриваемая с точки зрения своего материального значения, находилась в периоде развития: в ней обнаруживались в Британии, как и во всей Европе, два весьма противоположных движения, и из которых одно, говоря справедливо, было только реакцией другому. Светское духовенство в X столетии почти везде забыло свои добродетели, составлявшие его славу в эпоху падения Западной Римской империи и до конца VIII в. Сам Рим, где недостойные папы следовали друг за другом на престоле св. Петра и Григория Великого, сделался средоточием беззакония и растления нравов. Императоры и чернь попеременно располагали папской короной. Соблазны, совершаемые перед лицом света, в недре самого католичества, были одной из причин ослабления нравов в церкви. Были и другие причины: духовенство сделалось чрезвычайно богатым, вследствие королевских даров; короли, давая им церкви, верили, что они дают самому Богу и искупляются таким образом от вечных мук. Когда церковь сделалась обширным поприщем для достижения влияния и богатств, толпа людей без призвания устремилась к ней, более всего прельщенная стяжаниями и легкостью существования. Пастыри забыли свои обеты самоотвержения и воздержания. Феодальная система, которая привязывала человека к его земле, к его ленному владению и обхватила своей обширной сетью континентальную Европу, начинала развиваться и в Англии. Духовенство вынуждено было, подобно прочим вассалам, подчиниться требованиям этой системы; по своим феодальным землям и бенефициям оно должно было нести военные повинности: это обстоятельство развило в нем новые привычки и нравы, существенно отличные от привычек и нравов жизни набожной и смиренной.

Строгая дисциплина, святой устав Августина, его сподвижников и их преемников в VII и VIII столетиях пострадали также от датских вторжений в течение IX в., и ослабление христианских нравов в светском духовенстве было в то время сопровождаемо потрясением и падением монастырских учреждений.

В середине X столетия при таком состоянии церковного общества появился человек, который задумал разобраться в этом двойном бедствии. Задача была большая, трудная и требовала характера далеко не обыкновенного закала: и такую-то задачу принял с успехом на себя Дунстан, которого церковь и причислила к лику святых. Превознесенный без всякой меры писателями католическими как лицо, одаренное сверхъестественными силами, и непризнанный протестантами, которые хотели видеть

в нем только честолюбивого лицемера, Дунстан соединял в себе двойной характер великого человека и святого. Он был человек плодотворного гения, с характером пылким и увлекающимся, чистых и строгих нравов, полный энтузиазма и одаренный, сверх того, твердой волей, какая была ему необходима для совершения великих дел.

Будучи другом и советником короля Эдреда, он отказался от епископского престола в Винчестере, и при смерти того государя оставался по-прежнему аббатом Гластонбюрийским; но всякое другое достоинство не дало бы ему большего влияния, каким он уже пользовался за свои познания, строгий образ жизни и свое благочестие. В это-то время он задумал преобразовать Англосаксонскую церковь, сделать духовенство более сильным, более независимым от светской власти и для достижения того преследовал три главные цели, а именно: он хотел принудить духовенство к воздержанию, ввести во всех монастырях устав святого Бенедикта и изгнать из кафедральных церквей всех женатых духовных, замещая их бенедиктинцами.

Король своей волей, своим примером мог бы способствовать успеху подобных реформ; но молодой Эдви, преемник Эдреда, из всех занимавших престол, был наименее способен содействовать такому предприятию. Человек корыстный и распущенных нравов, Эдви, если верить хроникам того времени, обременял народ налогами, грабил могущественных танов и отнимал у церквей богатые дары своих предшественников, с необузданностью предаваясь своим беспорядочным наклонностям.

Он заключил непозволительную связь и вступил в запрещенный брак с одной чрезвычайно красивой женщиной, которую звали Эльгивой, и отказался разойтись с ней. По легкомыслию ли или по необузданности своего характера, он не побоялся в самый день своего помазания оскорбить нравственное чувство присутствовавших, покинул свой трон и, сложив с себя корону, удалился в покои Эльгивы. Оскорбленные внезапным исчезновением короля, вельможи послали за ним двух прелатов, и одним из них был Дунстан. Он вошел к нему, вырвал его из рук Эльгивы и, возложив на короля корону, упрекал его в легкомыслии. Эдви, раздраженный, в свою очередь, приказал лишить Дунстана всего и изгнать из аббатства. Дунстан обратился в бегство, и в то самое время, когда он покидал берег, явились вооруженные, которым было приказано лишить его жизни. Так, он ушел от них и удалился во Фландрию, где нашел радушный прием; но Дунстан приобрел себе мстителя. Это был архиепископ Канторберийский Одо; он захватил Эльгиву, велел обжечь ей лицо раскаленным железом и изгнал из королевства. Часть подданных Эдви, в Мерсии и Нортумбрии, в то время восстала против него и тем самым, вероятно, воспрепятствовала королю защитить Эльгиву и отомстить за нее: Эдви затаил свою ненависть к архиепископу. Мятеж, однако, распространялся, и все усилия Эдви остановить его были напрасны. Инсургенты провозгласили своим королем Эдгара, его брата, имевшего от роду всего 23 года; таким образом, Англия разделилась между двумя братьями, и Темза разделяла их владения. Между тем Эльгива излечилась от своих ран и даже успела возвратить себе прежнюю красоту; она поспешила, к своему несчастью, явиться к королю во время его борьбы с противниками, и попалась в руки последних. По жестокому их приговору ей были перерезаны жилы под коленом, и несколько часов спустя она умерла в мучениях. Эдви пережил ее; один древний составитель хроники говорит, что он был убит, другие приписывают его смерть скорби; он правил всего 4 года.

Эдгар (959–975 гг.), его брат и преемник, имел редкое счастье поддерживать в течение шестнадцати лет, не обнажая меча, англосаксонскую монархию на высочайшей степени могущества и согласия, до которой когда-либо она достигала, и трудно сказать, что больше делало ему честь: блеск ли, украшавший его корону, или титул Миролюбивого, полученный им от своих современников, и который утвердило за ним потомство.

Воспитанный после смерти короля Эдмонда, его отца, родственником Ательстаном, графом Мерсии, он был, так сказать,

усыновлен народом этой страны: жители Мерсии принудили его брата признать его их государем, и когда, после смерти Эдви, Эдгар вступил на вессекский престол, мерсийцы и датчане, которые в предшествовавшей войне действовали заодно, смотрели на этого государя, как на человека, избранного ими, и оставались ему верными.

Таким образом, древние королевства англосаксов, нортумберландцев и мерсийцев в его царствование соединились мирно в одно целое.

Эдгар сделал много полезного для благоденствия своего государства: он покровительствовал торговле и иностранцам, которых коммерческие предприятия привлекали в Англию с берегов Саксонии, Дании и Фландрии; установил в своих владениях одинаковую монету и однообразную меру и вес; строго следил за правосудием и предохранял свою страну от чужеземного нашествия устройством многочисленного флота, который был им разделен на три эскадры, по трем сторонам Британии, и ежегодно сам объезжал остров на одной из таких эскадр. Наконец, он предотвратил восстания и внутренние междоусобия, оказывая уважение обычаям датчан и постоянную заботливость о их благосостоянии.

К числу полезных мер управления Эдгара нужно отнести также совершенное истребление волков, которые, будучи изгнаны из его земель, убежали в Валлис. Эдгар уничтожил их и там, заменив денежный налог, возложенный на валлийцев королем Ательстаном, ежегодной податью в триста волчьих голов. Таким образом, эти вредные животные исчезли в несколько лет на английской почве.

Самым замечательным событием правления этого государя была реформа духовенства, произведенная Дунстаном, который при Эдгаре безгранично пользовался его милостями. Почти в одно и то же время возведенный на два епископских престола, в Ворчестере и Лондоне, а позже и на метропольный престол в Канторбери, Дунстан, поддерживаемый епископами Освальдом и Этельсвальдом, мог наконец привести в исполнение свой великий план реформы. Он выкупил земли, конфискованные или проданные у множества монастырей, восстановил церковные здания, разрушенные или опустошенные; в несколько лет великие аббатства Гластонбюрийское, Аббингтонское, Элийское, Петерборгское и Малмесбюрийское снова сделались цветущими или вышли из своих развалин. Дунстан построил много новых монастырей и везде ввел бенедиктинский устав, повсюду подчиняя духовенство древней дисциплине, преследовал священников женатых или живших с наложницами, изгонял их и замещал монахами устава св. Бенедикта или священниками, принявшими этот устав. Трудное предприятие Дунстана было поддержано авторитетом римского двора и для своего успеха нуждалось не только во власти, какой пользовался архиепископ Канторберийский, но и в том влиянии, которое ему доставляла слава о его строгих добродетелях и силе творить чудеса. Король Эдгар принимал чрезвычайно деятельное участие в деле реформы Дунстана, без сомнения, слишком насильственной, но которую упадок духовного сословия и ослабление его нравов делали необходимой.

Признательные монахи отзывались с большими похвалами об Эдгаре, но они не могли совершенно умолчать о его недостатках, ибо он с высокими качествами соединял великие пороки. Его приключение с прекрасной Эльфридой прославлено романистами и поэтами. Эльфрида была дочь Адгара, графа Девонширского; слух о ее красоте дошел до короля, и он поручил одному из своих приближенных, Ательвальду, отправиться для удостоверения в том. Ательвальд увидел Эльфриду и был увлечен ее красотой. Страсть сделала его вероломным в отношении к королю; он отозвался неблагоприятно о красоте Эльфриды, а потом секретно просил ее руки и женился на ней. Король подозревал истину, но, скрывая свой гнев и желая сам быть судьей, изъявил желание посетить молодых. Испуганный Ательвальд объявил своей жене то, что он знал один, и заклинал ее исказить или скрыть, насколько возможно, свою поразительную красоту; но Эльфрида, оскорбленная потерей короны, не пренебрегла, напротив, ничем, чтобы явиться перед королем

во всем блеске своей красоты и успела его очаровать. Король сначала скрыл свой гнев, но, проезжая однажды лесом с Ательвальдом, он пронзил его дротиком и потом женился на его вдове.

Король Шотландии Кеннет получил от щедрот Эдгара провинцию Лотию, которая прежде составляла часть Нортумберландии. Она была бедна, непроизводительна и открыта частым нападениям; Эдгар, присоединяя ее к шотландской короне, именно постановил, чтобы жители ее сохранили свои законы, свои нравы и свои обычаи. Кеннет получил еще от Эдгара двенадцать ленов, расположенных в разных провинциях Англии, и по которым он дал ему присягу.

Гордый своим могуществом и своим величием, Эдгар присвоил себе титулы: «короля английского и соседних наций, монарха Альбиона и верховного властителя королей островов». Приводят относящуюся ко времени его пребывания в Честере замечательную черту его могущества или его гордости. На одной прогулке, предпринятой им по р. Ди из Честера в аббатство св. Иоанна, он занял место у руля и заставил восемь королей, своих вассалов, сесть за весла: прелаты и придворные следовали на своих барках, тогда как толпа на берегу наполняла воздух восклицаниями. «Мои преемники,– сказал, в свою очередь, Эдгар,– могут считать себя королями только тогда, когда будут повелевать столькими же государями».

Эдгар умер два года спустя после своего помазания, в 976 г. Он был два раза женат и оставил от Эльфледы, первой своей жены, сына Эдуарда, бывшего его преемником. Честолюбивая Эльфрида, вдова Ательвальда, принесла ему двух сыновей, из которых только один, Этельред, пережил своего отца и впоследствии царствовал к несчастью своему и своей страны.

Царствование Эдгара было если не самое блестящее, то, по крайней мере, самое счастливое в истории англосаксов. Эпоха, в которую это королевство, казалось, достигло высшего круга своего развития, соответствовало по времени эпохе падения Каролингов и великого унижения королевской власти на континенте.

Однако во многих отношениях величие и благоденствие англосакской монархии имели более внешности, нежели прочности. Все зависело от случайных причин и в особенности от редкого достоинства нескольких лиц, которые почти в течение столетия последовательно занимали трон. Этот блеск, чисто внешний, скрывал от глаз многочисленные зачатки распада, которые скоро обнаружились, и несколько лет управления личности слабой и неспособной достаточны были для того, чтобы отнять у монархии и нации часть выгод, приобретенных длинным рядом славных царствований. Начало наследственной передачи короны, следуя порядку первородства, не было признаваемо англосаксами, и уже в половине X в., в царствование Эдви, народ много потерял из основанного на предании доверия к поколению Одина и Цердика. Могущество религии, рассматриваемое с точки зрения духовной и в его действии на душу, было также сильно ослаблено.

Была, кроме того, постоянная опасность для этой монархии в различных элементах, из которых она составилась. Датчане не только населяли провинции на севере и востоке, они также были распространены в южных провинциях, оставаясь всегда готовыми составлять заговоры и воевать заодно с соплеменниками, приходившими из Дании и Норвегии; наконец, нация, во время продолжительного, вполне миролюбивого, царствования, потеряла значительную долю своей воинственной энергии.

Роковые следствия подобного состояния дел не замедлили обнаружиться, и общество сделалось добычей нравственных болезней, которые, сначала будучи незаметными, вдруг возросли с неимоверной быстротой. Все эти причины падения и разрушения, скрытые под блестящим царствованием Эдгара, вышли наружу в царствование его сыновей, Эдуарда Мученика (975–978 гг.), убитого вскоре по проискам своей мачехи, и Этельреда II (978–1004 гг.), при котором датский король Свен, отец Канута Великого, завоевал всю Англию.

Hist. d'Angleterre. I, 117–129.

Осберн

ЖИЗНЬ св. ДУНСТАНА В ПЕЩЕРЕ. 945 г. (в 1074 г.)

Епископ, посвятив несколько дней на беседу с Дунстаном, наставил его против козней дьявола, подкрепил его силы и дозволил ему возвратиться на родину[1]. Дома он поселился при церкви св. Девы и исполнял в точности все правила благочестия. Своими руками Дунстан устроил себе келью, нору или пещеру, что может быть правильнее следовало бы и иначе назвать; не знаю только, какое название могло бы ближе подходить к жилищу подобного рода, потому что его келья не столько походила на человеческое обиталище, сколько на могилу. Но так как я сам видел эту келью, то и постараюсь описать ее наружность по собственному моему наблюдению: длина этой кельи не превышала пяти футов, а шириной была не более двух с половиной. Вышина ее доходила до пояса, когда стоит человек в яме, и много что она достигала до груди; одним словом, как я сказал, эта келья более походила на могилу, нежели на человеческое жилище. Там он, когда ложился, имел видения, а когда стоял, то постоянно молился Богу. Дверь в келью была в то же время и стеной; для входящего это – дверь, а для вошедшего – стена. Впрочем, в таком маленьком жилище дверь могла быть не иначе как во всю стену. По середине двери находилось окошечко, через которое мерцал свет. Признаюсь, я, ничтожный грешник, видел святое место его жительства, рассматривал дела его рук, дотрагивался до них своими нечистыми руками, разглядывал, омывал слезами и, преклонив колени, поклонялся им. Я вспомнил тогда, как часто он внимал моим мольбам в тяжелые минуты жизни и всемилосердно помогал мне; а потому я не мог удержать слез, и, если бы возможно, не хотел бы оттуда уйти. Вот дом юноши, вот его ложе, но это был целый мир. С этими узкими стенами не могут сравниться обширные и широкие стены городов, потому что отныне в тех узких стенах молящие получают спасение, болящие – исцеление и освобождение от ярости злого духа.

Впрочем, дьявол не пощадил его убожества: сначала он преследовал Дунстана в богатых палатах, а потом старался изгнать его и из бедной хижины. Этот отец лжи, приняв на себя вид человеческий, под вечер явился к келье юноши и, просунув голову в окошко, облокотился. Видя, что Дунстан занят ручной работой, дьявол попросил у него занятий для себя. Святой, не заметив ухищрения сатаны и не видя ничего предосудительного в самой просьбе, выслушал его. Между тем дьявол завел соблазнительный разговор, упомянул несколько женских имен, заговорил о богатствах, потом переходил к религиозным вопросам и снова возвращался к тем предметам. Тогда подвижник Христа догадался и, положив в огонь железные щипцы, шепотом призвал имя Христа. Увидев, что концы щипцов зарделись, он захватил ими

[1] В Сомерсете, в Гластонбюри, где родился Дунстан в 924 г. (ум. в 968 г.).

ОСБЕРН (OSBERNUS. XI в.). Он был монах в Канторбери, жил во второй половине XI столетия и вместе со многими другими жизнеописаниями оставил биографию знаменитого архиепископа Канторберийского Дунстана, современника Одилона Клюнийского, Бруно Кёльнского и Адальбера Реймсского – все они сделали единовременную попытку преобразовать церковь и через нее весь мир и тем подготовили поприще для деятельности Григория VII Гильдебранда в последующем столетии. Биография св. Дунстана, написанная Осберном, служит свидетельством того глубокого впечатления, которое произвел Дунстан на современников и ближайшее потомство, а вместе с тем явившись на свет как раз в эпоху деятельности Григория VII, она показывает, какую связь имели идеи Дунстана с реформой Гильдебранда. «Жизнь св. Дунстана» издана в «Acta Sanctorum», IV, 359–384, под 19 мая, когда умер архиепископ, и у «Wharton Anglia sacra», II, с. 88–120.

рожу дьявола и, упершись ногами, потащил его в келью. Но дьявол удержался за стену, вырвался из рук и убежал с дикими завываниями: «О, что наделал мне этот лысый!»

Рано утром к Дунстану собралось немалое количество соседнего народа, и все расспрашивали, откуда происходил этот шум, напугавший их во время сна. «Это был рев дьявола,– отвечал он,– сатана не дает мне нигде жить и пытается теперь выгнать из кельи. Берегитесь его; если вы не могли перенести голоса раздраженного дьявола, то каким образом выдержите свидание с ним?» С того дня Дунстан оставался, так сказать, в оборонительном положении; он утомлял дьявола, в борьбе с ним, своими добродетелями, тело истощал голодом, а душу укреплял молитвами. Ему было известно, что, по слову Господню, дьявола можно осилить только одним: постом и молитвой. Так он приобрел целомудрие для тела и чистоту для сердца, и дьявол не мог более скрывать от него своих коварных замыслов.

Vita s. Dunstani, archiep. Cantuariensis.

Райнер Дози

НОРМАННЫ В ИСПАНИИ. 966–971 гг. (в 1860 г.)

Договор, заключенный в Сен-Клере (912 г.; см. о том выше) Карлом Простым с норманнами, упрочил за Роллоном и его сподвижниками владение приобретенной от Франции провинцией, и которая с того времени получила название Нормандии. Но мир французов с норманнами был непродолжителен, и во время войн, которые были ведены первыми герцогами, к ним являлись на помощь их соотечественники из Норвегии и Дании. Герцоги охотно пользовались ими, но не так было легко освободиться от них, когда они не были более необходимыми. Ричард I, внук Роллона, сделал, однако, такую попытку в 966 г. Ему пришла счастливая идея сбыть в Испанию своих докучливых союзников, и таким образом Нормандия направила на Апеннинский полуостров избыток своего варварства. В войне с Тибо, графом Шартрским, которого поддерживал король Франции Лотарь, Ричард I, прозванный Бесстрашным, просил помощи у короля Дании Гаральда Блатанда (Черный Зуб), который за двадцать лет перед тем принимал его под свое покровительство. Гаральд послал ему целую армию датских язычников. Поднявшись по течению Соны под предводительством Ричарда, эти грозные воины опустошили страну до того, что граф и король просили о мире. Ричард был вполне расположен принять предлагаемые ему мирные условия; но надобно было иметь согласие датчан, а те не хотели и слышать о какой-нибудь сделке. «Мы не хотим ни мира, ни перемирия,– кричали они все в один голос,– мы желаем подчинить всю Францию твоей власти. Если ты не согласен, мы возьмем ее для себя». Убеждения, просьбы, мольбы – все было напрасно: датчане настаивали на своем. Тогда посланные французами, как люди более находчивые, посоветовали герцогу призвать к себе каждого из предводителей датских поодиночке и попытаться склонить их подарками и обещаниями. Ричард исполнил это и, уговорив некоторых из них, склонил и остальных датчан к миру, но они поставили ему условием, чтобы он дал им много денег и указал страну, которую они могли бы завоевать. Герцог посоветовал им идти в Испанию и дал им проводников.

Отойдя от берегов Нормандии, датчане, по своему обычаю, разделились на несколько партий. Одна из таких партий напала на западные берега мусульманской Испании, и вот как рассказывает о том Ибн-Адгари, черпавший, без сомнения, свои сведения у современного составителя хроники Ариба, у которого он заимствует обыкновенно все сведения относительно *маджусов* (так мавры называли норманнов) времен калифа Гакама II.

«Первого реджеба 355 г. (23 июня 966 г.) Гакам II получил письмо из Касраби-

Даниса. Оно извещало о том, что флот маджусов показался в Западном море, близ вышеназванного места, что жители тех берегов сильно встревожены, зная, что маджусы и прежде имели обычай нападать на Испанию, и наконец, что флот их состоит из 28 кораблей». Судя по словам Титмара Мерзебургского, норманнский корабль принимал на себя около 80 человек; следовательно, в 966 г. на Испанию напало около 2240 человек. «Вскоре были получены и другие письма с известиями о маджусах; они начали грабить местами и дошли до Лиссабона. Мусульмане выступили против них и дали им битву, в которой многие наши погибли мученической смертью; но немало было убито и неверных. После выступил из Севильской гавани флот мусульманский и напал на маджусов на р. Сильве. Наши истребили много неприятельских кораблей, освободили пленных мусульман, избили великое число неверных, а других обратили в бегство. С того времени известия о вторжении маджусов приходили в Кордову с западного берега беспрерывно, пока Аллах не удалил их. В том же году Гакам дал приказание Ибн-Фотаису ввести флот в Гвадалквивир и построить там корабли по образцу маджусов (да погубит их Аллах!). Он рассчитывал, что они примут эти корабли за свои и приблизятся»...

О той же битве при Лиссабоне говорит и Дудо, первый составитель норманнской хроники (см. о нем выше). Он рассказывает, что поселяне были повсюду перерезаны, и наконец против норманнов выступила мусульманская армия; что эта армия была разбита, и что, когда норманны, три дня спустя, пришли на поле битвы грабить мертвых, они увидели, что некоторые части черных трупов были белы, как снег, между тем как другие сохраняли первобытный цвет. «Я желал бы знать,– прибавляет Дудо,– как диалектики объяснят это дело, так как они уверяют, что эфиопы имеют черную кожу, которая не изменяется никогда». В сагах Севера сарацины носят название *Blamenn*, то есть черных людей, ибо в Скандинавии считали всех сарацин неграми. Грабя мертвых на поле битвы, норманны весьма удивились, увидев, что, несмотря на смуглый цвет рук и лица, мавры имеют такую же белую кожу, как и они сами.

Таким образом, Дудо свидетельствует, что норманны одержали победу, и Ибн-Адгари намекает на то же; но ему тяжело было прямо сказать, что мусульмане были разбиты. Впрочем, позже норманны претерпели большие неудачи. Как они ни были мужественны, но им было трудно бороться с превосходным войском и флотом Гакама II. Галисия представляла им более надежды на успех. Отдельные их партии, по-видимому, прямо из Нормандии, напали на Галисию. Хроника Ирия рассказывает, по крайней мере, что Сизенанд, епископ С. Жака-ди-Кампостелла, просил у короля Санхо (ум. в 966 г.) позволение укрепить свою столицу для защиты против норманнов, нападавших тогда часто на Галисию. Его просьба была принята королем: он окружил Кампостеллу стенами, башнями и рвами.

К этой же эпохе, я полагаю, относится погибель целой норманнской эскадры близ Сан-Мартино-ди-Мондоньедо; ни один памятник не говорит о том, но устное предание сохранило нам это событие.

Небольшой город Сан-Мартино лежит на северном берегу Галисии, около Фаза, и ныне имеет около 1500 жителей; но от 866 до 1112 г. это было местом пребывания епископов Думио. Близ города расположена часовня *святого епископа*, куда ходят на поклонение моряки. Особое уважение к ней основано на древнем местном предании. По этому преданию, Гонзальво, епископ Сан-Мартино, стоял с духовенством и паствой на холме, где построена часовня, и с которого видно море на большом пространстве; когда норманны старались сделать высадку на берег, епископ молился об истреблении варваров, и все их корабли пошли на дно, за исключением одного, именно предводителя эскадры, который мог сообщить известие о катастрофе прочим. С того времени народ всегда считал Гонзальво святым, несмотря на все сопротивление духовенства, которое, наконец, утомленное распрей с мирянами, согласилось его канонизировать...

Но главный поход норманнов в Галисию относится только ко второму году правления Рамиро III, то есть к 968 г. Все отдель-

ные отряды соединились, и пираты имели до 100 судов, следовательно, до 8000 человек. Их вождь назывался Гундеред, летописцы испанские называют его королем, но под этим нужно понимать титул *морского короля* vikingue. Он произвел страшные опустошения, и правительство не могло сопротивляться, потому что находилось в феодальной анархии. Король Рамиро III был еще ребенком: за него управляла его тетка, монахиня Эльвира; но бароны не хотели повиноваться женщине и ребенку и провозгласили себя независимыми. Норманны воспользовались таким положением дел и целых полтора года не встречали себе отпора. Только в марте 970 г., когда они приблизились к Кампостелле, епископ Сизенанд вышел к ним навстречу. Но в битве при Форнеллах он был поражен насмерть стрелой, войско его обратилось в бегство, и, по всей вероятности, Кампостелла попала в руки пиратов. После этой победы норманны ограбили всю Галисию и, по свидетельству Дудо, сожгли до 18 городов.

В 971 г. пираты оставили Галисию, но не с тем, чтобы возвратиться домой, а чтобы напасть на мусульманскую Испанию. При своем отступлении они испытали большую неудачу. Сначала им пришлось иметь дело с Рудезиндом, родственником Сизенанда. Рудезинд, причисленный к лику святых и почитаемый в Испании под именем Сан-Розендо, был прежде епископом в Сан-Мартино. В 942 г. он сложил с себя свое достоинство и удалился в основанный им монастырь. После смерти Сизенанда правительство обратилось к нему; советники Эльвиры видели, что в столь затруднительных обстоятельствах Галисия имеет нужду не только в хорошем пастыре, но и в человеке, авторитет которого мог бы восстановить потрясенный порядок, и который сумел бы соединить все силы провинции для обращения их против скандинавов. Рудезинд, знаменитый и своим происхождением, и умом, и добродетелями, был необходим при том положении дел, и его просили на время принять на себя управление епархией Кампостеллы. Отшельник с сожалением оставил свою пустыню и, уступая просьбам молодого короля и грандов, взял на себя почетную и тяжелую обязанность. Король назвал его своим наместником в Галисии с полновластием принять все меры, какие ему будет угодно, для восстановления спокойствия и освобождения страны от пиратов. Епископу удалось собрать армию; поручая себя Богу, он повел ее против норманнов и повторял беспрестанно слова псалмопевца: «У них и кони, у них и колесницы, а мы, мы призовем имя Господне». Рудезинд вступил в битву и одержал победу.

Со своей стороны и правительство поставило целую армию. Граф Гонзальво-Санхец принял над ней начальство. Он напал на норманнов и одержал над ними блестящую победу; в числе убитых был и король Гундеред. Но испанские хроники, говоря, что в этой битве погибли все норманны до одного и что их корабли были сожжены до последнего, слишком уж преувеличили победу, потому что норманнов осталось еще достаточно для того, чтобы напасть на западные берега мусульманской Испании. «В начале месяца Рамадана 360 г. (конец июня 971 г.),– говорит тот же писатель Ибн-Адгари,– в Кордове получено было известие о том, что в море показались маджусы (да проклянет их Аллах!), и что они имеют намерение напасть на западные берега Андалузии. Гакам II приказал своему адмиралу поспешить в Альмерию и отвести оттуда флот в Севилью, где должны были соединиться все эскадры западного берега». Но затем арабский писатель не упоминает более о норманнах. Надобно полагать, что эти «ценители моря», испуганные приготовлениями калифа, возвратились на родину; и на этот раз прибрежные жители отделались одним страхом.

Если я говорил с такими подробностями об этих вторжениях норманнов, то меня должна извинить новизна самого предмета. Датский ученый Верлауф[1] написал об этом две-три хорошие страницы; но довольно сказать одно, что этот ученый, со-

---

[1] Верлауф помещал свои исследования о вторжениях норманнов в Испанию в «Annaler for Nordisk Oldkyndighed», 1836–1937, с. 18–61.

ставивший себе другими трудами весьма солидную репутацию, в настоящем вопросе не имел в своем распоряжении почти ни одного документа. Арабские источники были ему неизвестны, а что касается латинских, то он, не справившись даже, как кажется, с известным сборником «Espana sagrada», где их можно найти, говорит о них из вторых рук. Не имея перед собой этого драгоценного памятника, он не мог также воспользоваться превосходными исследованиями весьма ученого и правдолюбивого Флореца об этом периоде истории Кампостелльского епископства; а между тем, всякий, кто говорит о тех временах, должен предварительно хорошо изучить их, и именно потому, что из этих исследований прямо видно, с какой осторожностью нужно пользоваться «Историей Кампостелльской», «Хроникой Ирия» и «Жизнеописанием святого Рудезинда»; авторы этих произведений имели свои причины клеветать на епископов той эпохи.

Судя по словам Верлауфа, можно подумать, что вторжения норманнов в Испанию, о которых мы выше говорили, были единственными, о которых упоминают латинские хроники. Эти хроники, во всяком случае говорят и о многих других вторжениях, продолжавшихся и в XI в., и о которых древние историки севера сообщают нам весьма полезные известия.

Recherches sur l’hist. et la litterature de l’Espagne pendant le moyen âge. II. c. 300–315.

КОММЕНТАРИЙ. Нападение норманнов на Испанию до 1860 г. было исследуемо исключительно по латинским источникам и скандинавским сагам. Впервые наш академик Куник в 1845 г. («Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen», t. II, 285–320) в этом вопросе опирается на арабские свидетельства, но только двух писателей. Дози, наконец, восполнил этот пробел подробным исследованием показаний мусульманских писателей о самых отдаленных набегах скандинавских пиратов.

ВЕК ГРИГОРИЯ VII ГИЛЬДЕБРАНДА И НАЧАЛО БОРЬБЫ ПАП С ИМПЕРАТОРАМИ

(XI столетие)

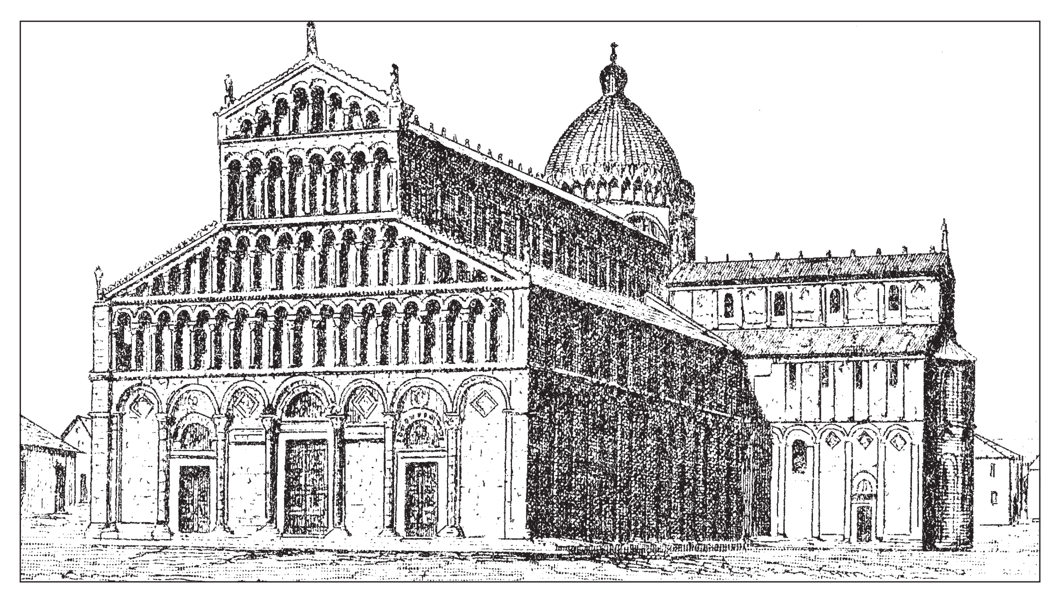
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЭПОХИ

От вступления на престол дома Капета во Франции в 987 г. и до начала Крестовых походов в 1096 г. прошло с небольшим еще сто лет, которые составляют третью и последнюю эпоху второго периода Средних веков.

Предшествовавшая ей эпоха Оттона Великого создала Священную Римскую империю, и первые преемники его, в особенности Оттон III, употребили все усилия, чтобы стереть с лица земли «саксонскую дикость», которая, между тем, была действительностью, и построить фантастическую всемирную монархию в подражание древней Римской империи, ограничиваясь при этом восстановлением придворных титулов и чинов ее канцелярии. Однако сама действительность, оставленная без внимания, находилась в ужасном положении и, не имея надежды на правительство, искала себе опоры вне его. То, чего не мог дать ей пышный двор, устроенный на Авентинской горе в Риме Оттоном III, она нашла в келье небольшого монастыря Клюни, заброшенного в лесах Бургундии. Там началась общественная реформа, цели которой были понятнее для массы, потому что они были направлены к защите слабого, утверждению закона и исправлению испорченных нравов, между тем как ученополитическая доктрина Оттонов была доступна одним лицам, подобным Герберту. Такой аббат, как Одилон Клюнийский, не имея никакой публичной власти, тем не менее правил в XI столетии умами в силу одной идеи, которой он был представителем. Наконец, во второй половине этого века, один из учеников клюнийской школы вступает на папский престол; это был Григорий VII Гильдебранд. Но и идеи клюнийской реформы, достигнув публичной власти в лице Григория VII, впали в то же преувеличение, как и доктрина Оттонов. Если Оттоны, полные презрения к действительности, искали своего идеала в прошедшем, то Григорий VII с неменьшим презрением к той же действительности, заимствовал свой идеал из недостижимого будущего и мечтал на земле устроить теократическую монархию, царство Божие, наместником которого был бы Папа. Для достижения того ему нужно было вступить в борьбу не только с историческим порядком вещей, но даже с самыми законными инстинктами человеческой природы; ему пришлось не только в одном месте свергать королей, как в Германии и Франции, в другом порабощать народы мечу завоевателя, как в Англии, в Южной Италии, но даже запретить брак тому, кто хотел бы быть слугой церкви. Хотя и на короткое время, но Григорий вышел победителем из борьбы, и таким образом, как в X столетии, Оттоны

создали Священную Римскую империю, так в XI в. явилась еще более обширная теократическая монархия Гильдебранда, потому что ее власти подчинялись не только Германия и Италия, но даже более или менее вся Франция, Англия и Испания.

ГЕРМАНИЯ И ИТАЛИЯ. После смерти Оттона III (1002 г.) снова открылся антагонизм Германии и Италии: каждая страна избрала себе своего короля, а Германия – даже нескольких; и только после продолжительной борьбы *Генрих II* (1002–1024 гг.), последняя отрасль Саксонской династии, был признан всеми и коронован в Риме императорской короной (1014 г.). Остальное время его правления было посвящено им на борьбу со славянами, в особенности же с Польшей, где его противником был Болеслав Храбрый, и на восстановление порядка в церкви и главном ее центре – в Риме. Ему удалось усмирить восстание герцогов славянских и поставить своего Папу Бенедикта VIII в Риме, но смерть помешала Генриху II привести в исполнение общую реформу церкви. Точно так же он не дожил до смерти последнего короля Бургундского Рудольфа III, который объявил его своим наследником. Со смертью *Генриха II* прекратился Саксонский дом, и чины германские избрали франконского герцога Конрада II (1024–1039 гг.), потомка по женской линии Оттона Великого. При Конраде II повторились те же события, но еще с большим успехом для империи: новая попытка Польши к восстанию окончилась ее разделением; Богемия признала снова ленную зависимость; ахенский декрет о наследственности ленов склонил на сторону короля низшее дворянство, поддержавшее его против князей; смерть короля Бургундского соединила его государство с Германией; только в Италии первое восстание городов против феодализма вовлекло Конрада в опасную войну, которую он кончил с большими усилиями; папы повиновались ему безусловно, тем более, что в то время был возведен на папский престол 12-летний мальчик Бенедикт IX (1033–1044 гг.). При сыне его, *Генрихе III Черном* (1039–1056 гг.), могущество империи достигло самого высшего развития: не только восточные славяне должны были окончательно подчиниться его власти, но и западные, благодаря деятельности Адальберта, архиепископа Бременского, вошли в состав Германской империи. В Италии Генриху III благоприятствовало положение римского престола, где беспорядки дошли до того, что в 1044 г. трое пап купили себе свое звание, и в том числе Григорий VI, советником которого был Гильдебранд. Генрих III низложил всех, и с того времени сам назначал пап из немецких епископов (Климент II, Дамаз II, Лев IX и Виктор II). Но Генрих III умер, оставив 5-летнего сына *Генриха IV* (1056–1106 гг.), и в малолетство его распалось все, приготовленное отцом; Ганно, архиепископ Кёльнский, отнял сына у матери его Агнесы, но нашел скоро себе соперника в друге Генриха III, Адальберте Бременском. Ганно был вождем феодальной партии, а Адальберт отстаивал народную монархию и историческую власть императора. Удаленный однажды от двора, он возвратился снова и указал Генриху IV на Саксонию, где феодализм был развит более, нежели где-нибудь, и положение населения было самое ужасное. Война Генриха с саксонскими князьями, которых поддержали и остальные, заставила побежденных искать помощи у Папы Григория VII Гильдебранда, а дома противопоставить ему антикоролей. Смирение Генриха (1077 г.) примирило его с Гильдебрандом, но новые успехи короля против князей вызвали вторичную борьбу с Папой: Рим был взят (1084 г.), Гильдебранд бежал к норманнскому герцогу Роберту Гвискару в Южную Италию, где и умер (1085 г.), а на место его был возведен Климент III. Но по удалении Генриха IV из Италии враги его избрали в Риме одного за другим: Виктора III (1086–1088 гг.) и Урбана II, а королем провозгласили сына императора, Конрада; в Германии восстал против отца второй сын, Генрих, свергнувший отца с престола и вступивший на его место (1105 г.). Год спустя после того Генрих IV умер в Люттихе (1106 г.); но к этому времени борьба пап с императорами утратила на время свое значение, потому что все общественное внимание было уже направлено к Крестовым походам.



Собор в Пизе. Построен Брускетто в 1063–1100 гг. в честь морских побед, одержанных пизанцами в Средиземном море

ИМПЕРАТОРЫ

Генрих II (1002–1024 гг.)
Конрад II (1024–1039 гг.)
Генрих III (1039–1056 гг.)
Генрих IV (1056–1106 гг.)

ПАПЫ

Сильвестр II (999–1003 гг.)
Иоанн XVII
и Иоанн XVIII (1003–1009 гг.)
Сергий IV (1009 гг.)
Бенедикт VIII (1012 гг.)
Иоанн XIX (1024 гг.)
Бенедикт IX (1033 гг.)
Григорий VI (1044 гг.)
Климент II (1046 гг.)
Дамаз II (1048 гг.)
Лев IX (1049 гг.)
Виктор II (1055 гг.)
Стефан IX и Бенедикт X (1058 гг.)
Николай II (1058 гг.)
Александр II (1061 гг.)
Григорий VII (1073 гг.)
Виктор III (1086 гг.)
Урбан II (1088–1099 гг.)

АНГЛИЯ в самом начале XI в. была завоевана датчанами и при короле Свене, его сыне Кануте Великом и его детях, Гаральде и Гардикануте, оставалась под их властью с 1002 до 1042 г. Внук Этельреда II, свергнутого Свеном, *Эдуард Исповедник* нашел себе убежище у своего родственника Вильгельма, герцога Нормандии. К нему-то и обратились англы, пользуясь слабостью детей Канута, и восстановили национальную династию. Эдуард Исповедник (1042–1066 гг.) поставил Англию на прежнюю дорогу, и его правление было самым спокойным и вместе последним временем для англосаксов. Он не оставил детей, и престолом после его смерти овладел Гарольд, сын Годвина, любимца Эдуарда. Но Вильгельм Нормандский, основываясь на родстве и обещании короля, сделать высадку в Англию и, разбив Гарольда в битве при Гастингсе (1066 г.), овладел всем государством. Все правление *Вильгельма I Завоевателя* (1066–1087 гг.) и его сына *Вильгельма II Рыжего* (1087–1100 гг.) прошло в борьбе с туземцами для окончательного утверждения власти Нормандской династии и в войнах с француз-

ским королем Филиппом I, который требовал от них вассальской присяги, как от герцогов Нормандии.

КОРОЛИ

Этельред II (ум. в 1016 г.)
Эдмунд (1017 г.)
Свен (1002–1017 гг.)
Канут В. (1017–1036 гг.)
Гаральд (1036–1040 гг.)
Гардиканут (1040–1042 гг.)
Эдуард Исповедник (1042–1066 гг.)
Гарольд (1066 г.)
Вильгельм I (1066–1087 гг.)
Вильгельм II (1087–1100 гг.)

ИСПАНИЯ. В XI столетии начинается падение господства мавров на Пиренейском полуострове, и главным героем этой борьбы христиан с мусульманами был *Родриго Сид*.

При преемниках Гакама II, Гакаме III (975–1009 гг.) и Гакаме IV (1009–1031 гг.) эмиры, низложив последнего (1031 гг.), разделили между собой Кордовский калифат на 9 самостоятельных владений: Гренаду, Мурсию, Сарагосу, Толедо, Бадайос, Майорку, Кордову, Севилью и Валенсию.

Между тем все христианские владения Испании соединились в руках двух братьев: *Санхо III Великого* (1000–1035 гг.), короля Наварры и Кастилии, и Фердинанда I, получившего по наследству Леон (1037 г.). При дворе *Фердинанда I* (1037–1065 гг.) и его сына *Альфонса VI* (1065–1109 гг.) жил Сид, при помощи которого они успели расширить значительно свои владения на счет распавшегося калифата. Но зависть Альфонса VI и призвание мусульманами из Африки своих соотечественников альморавидов (Божьих людей) остановили успехи христиан; предводитель последних Юсуф в начале XII столетия не только отразил Альфонса VI, но и соединил под своей властью все эмирства, на которые был подразделен калифат (1103 г.).

ФРАНЦИЯ в XI столетии при первых преемниках Гуго Капета, *Роберте* (996–1031 гг.), *Генрихе I* (1031–1060 гг.) и *Филиппе I* (1060–1108 гг.), почти не имеет истории, как целого государства; власть Капетингов ограничивается тем же небольшим родовым герцогством, которое принадлежало основателю династии; все остальные герцогства имеют каждое свою историю, потому внутреннее состояние Франции в XI столетии дошло до наибольшего расстройства, и нигде Крестовые походы не нашли столько свободных рук и охотников оставить родину, как во Франции; вследствие того же самого нигде Крестовые походы не оказали такой услуги монархии, и потому, начиная с XII в., королевская власть во Франции делает более успеха, нежели в какой-либо стране Западной Европы. «Божий мир», нанесший первый удар своеволию феодализма, во Франции был принят с величайшим энтузиазмом и явился первой попыткой к утверждению порядка со стороны самого общества, когда правительственная власть была еще слишком слаба, чтобы оказывать со своей стороны покровительство своим подданным. По уставу «Божьего мира» Западная Европа после 300 лет хаотической борьбы выговорила себе на первый раз неприкосновенность лица и имущества, по крайней мере, на несколько недель в году, если еще не было возможности пользоваться безопасностью в течение всего года.

Титмар

ГЕРМАНИЯ И ИТАЛИЯ В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА II СВЯТОГО. 1004–1014 гг. (в 1014 г.)

Содержание первых трех книг этой хроники и вся четвертая изложены выше. В главе 34 четвертой книги было обещано в следующей книге, то есть пятой, рассказать историю правления Генриха II, во время которого автор являлся епископом Мерзебургским. Последние четыре книги, потому, охватывают собой время Генриха II от вступления его на престол (1002 г.) до 1018 г., на котором заканчивается хроника. В пятой книге автор ограничивается первыми двумя годами правления Генриха II (1002–1004 гг.), наполненными борьбой его с претендентами, а именно, с Эккигардом Мейсенским, «украшением империи и грозой славян», и Гериманном, герцогом Алеманнии. Эккигард был вскоре убит из-за личной ненависти (1002 г.), а Гериманн признал Генриха II королем Германии. Всеми этими несогласиями воспользовался герцог Польский, Болеслав Храбрый, составивший план объединить всех западных славян в одну монархию и получить королевский титул от Папы. В 1003 г. он, во время смут в Богемии, присоединил к Польше эту страну; в Богемии, после смерти Болеслава II (999 г.) вступил на престол Болеслав III Рыжий; его жестокость заставила брата его Яромира бежать к Генриху II, а народ изгнал его самого и избрал герцогом сводного его брата Владивоя. Но Болеслав III бежал в Польшу и просил Болеслава Храброго о помощи; сначала герцог Польский восстановил Болеслава Рыжего, но, по жалобам его вельмож, свергнул и ослепил, присоединив Богемию к своим владениям. Притязания Болеслава на независимость и его союз с одним графом Баварии Генрихом, двоюродным братом автора, требовавшим от короля уступки ему герцогства Баварии, поставили Генриха II в затруднительное положение, но дела в Италии угрожали ему еще большей опасностью. Еще в 1002 г. в Италии провозгласил себя королем Гардуин, маркиз Иврейский (см. выше): родственник Генриха II Оттон Каринтийский был разбит Гардуином; но тем не менее противники Гардуина просили короля снова о помощи, и Генрих II решился в 1004 г. предпринять лично поход в Италию. Дела итальянские и польские составляют потому главное содержание шестой книги хроники, которая повествует о 14-летнем периоде, от 1004 до 1018 г., когда Генрих был уже коронован императорской короной.

Шестая книга

1. Когда исполнилась тысяча лет всеспасительному рождению Господа от непорочной Девы и наступила пятая неделя четвертого года нынешнего века (то есть 1004 г.), в феврале, который обыкновенно называется месяцем очищения, мир узрел свое прекрасное утро[1]; в это время Генрих (II), по милости Божией король, заботясь исправить ошибки своих предшественников[2] и заслужить вечное спасение и устроив все необходимое для исполнения своего намерения, отправился к месту своего обыкновенного жительства[3]; там он старался доставить телу своему отдых, а вместе освежить несколько и душу за долгое лишение ее духовной пищи. Туда созвал он всех князей империи и вручил епископство святой церкви Мерзебургской своему капеллану именем Вигберту; это поставление совершилось жезлом архиепископа Магдебургского Тагино; содействуя восстановлению этой церкви, Генрих снова возвратил все, несправедливо отнятое у нее его предшественниками, на что согласились также епископы Арнульф (Гальберштадтский), Эйдо (Мейсенский) и Гильдевард (Цейцский), между которыми была разделена епархия Мерзебургская, и что одобрил весь народ. После своего избрания Вигберт был возведен на епископскую кафедру с церковным торжеством, и в тот же самый день получил благословение от Тагино, своего архиепископа, и своих духовных братий Гиллерика и Виго (епископа Бранденбургского) и названных выше епископов.

2. Между тем, Болеслав (герцог Польский) побужденный свойственной ему яростью и увлекаемый графом Генрихом (Баварским), страшно притеснял баварцев и всех своих совассалов. Потому вследствие прежних угроз король напал на область

---

[1] Под этим прекрасным утром автор хроники, будущий епископ Мерзебургский (с 1009 г.), разумел не что иное, как восстановление епископства Мерзебургского в 1004 г., упраздненного еще Оттоном II, по проискам магдебургских архиепископов.

[2] То есть Оттона II.

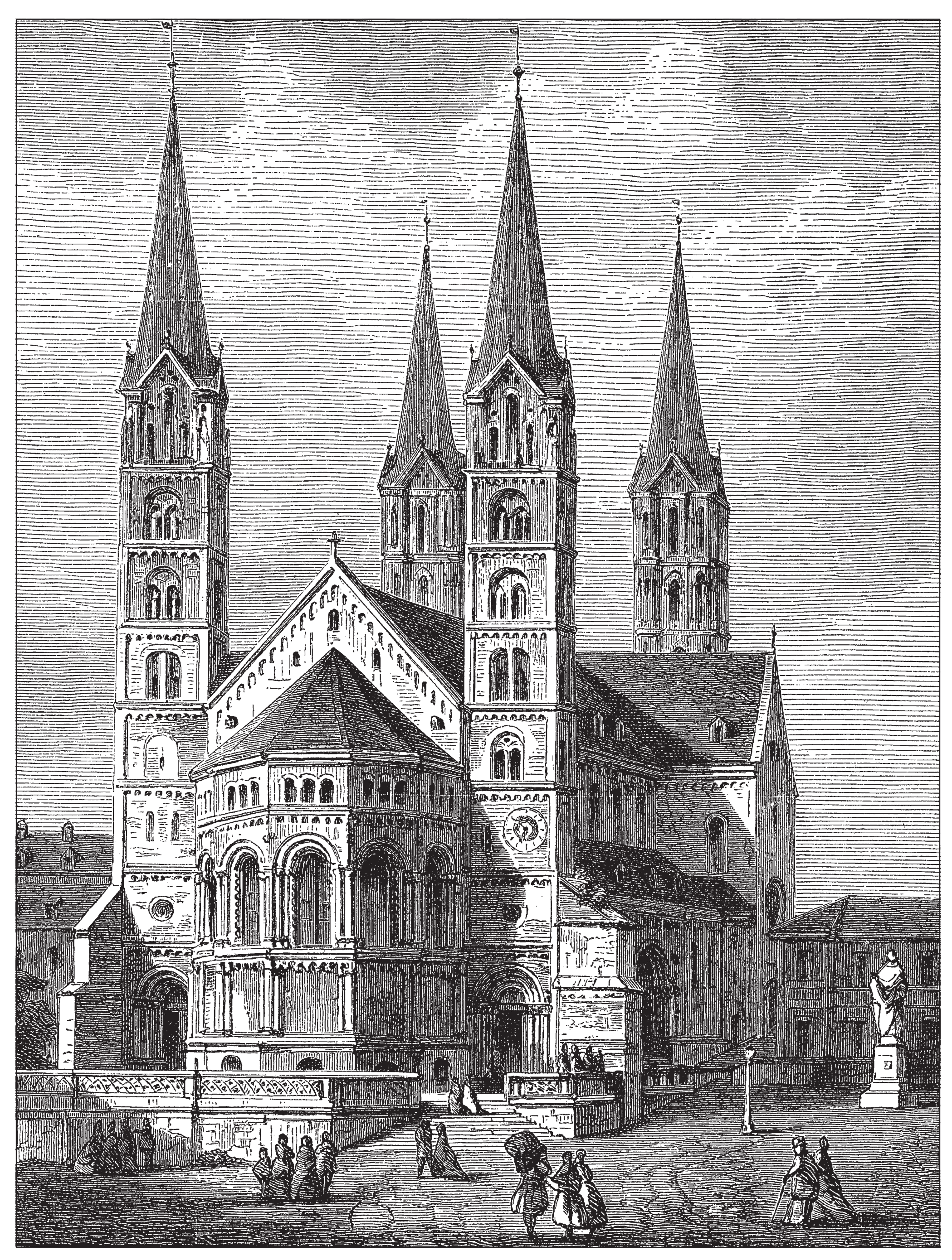
[3] То есть в Магдебург.

Символическое изображение коронации Генриха II

мильцинов, и если бы не сильный снег и последовавшая затем оттепель, то вся область была бы опустошена и обезлюдела. Возвращаясь с досадой оттуда, он усилил везде гарнизоны и тем оказал помощь маркграфу Гунцелину (Мейсенскому) и прочим защитникам отечества, а потом пошел в Мерзебург. Там к нему явились посланные от графа Генриха, и от них король узнал, что его брат Бруно убежал к королю Венгрии, чтобы оттуда просить о помиловании, и что Генрих чувствует глубокое раскаяние. Хотя неохотно, однако ж король выслушал настоятельную просьбу посланных и особенно любимого им Тагино и герцога Бернгарда (Саксонского); графу Генриху обещал помилование, но с тем условием, чтобы он снова возвратил ему и его приверженцам поместья с их населением, а сам в то же время сдался бы и оставался в заключении, пока будет угодно королю. Граф явился с полным выражением кающегося, признаваясь со слезами на глазах, что он заслуживает наказания. По приказанию короля он был отведен архиепископом в замок Иви-Канстен (Гибихенштейн), и там день и ночь тщательно стерегли его вооруженные люди. Между прочим, он совершил там доброе дело: однажды пропел весь псалтырь с 150 земными поклонами.

3. Король, не забывая, между тем, нарушения своих прав в Италии, созвал всех своих верных, и в предстоящий пост решился отправиться туда с войском. Из Мерзебурга он направился в Магдебург и молил там св. Маврикия о его заступничестве перед Богом и о счастливом походе. Потянувшись оттуда через владения турингские и остфранкские, прибыл он в Регенсбург. Там, созвав государственные чины, 21 марта вручил знамя, с одобрения всех присутствовавших, своему вассалу и шурину Генриху, и тем самым передал ему герцогство Баварию. Достигнув на пути Аугсбурга, он с полной честью был принят и угощен епископом Зигфридом. Там провел только две ночи, и королеве, с которой наконец совсем простился, дал дозволение отправиться в Саксонию, доверяя ее покровительству верного себе Тагино. Сам же потянулся с войском далее к местечку Тингу (Тингау). В том месте представился ему Бруно, его брат, сопровождаемый своими приверженцами из венгров, и был принят им милостиво. В Аугсбург, между прочим, прибыл и я по требованию архиепископа Тагино, с которым немедленно и возвратился. На пути мы зашли в Гернерод, где с достопочтенной аббатиссой Гатуи торжественно проводили неделю Ваий. В среду королева прибыла в Магдебург и праздновала там вечерю Господню и ближайший затем праздник Воскресения Христова (1004 г.).

4. С великими трудностями король, между тем, достиг города Тридента, где встретил праздник Ваий; войску, которое было истощено чрезвычайными усилиями, он дозволил отдохнуть несколько в день такого высокого торжества. Король Гардвиг (то есть Гардуин Иврейский), узнав о том и опасаясь прибытия Генриха (II), отправил вестников в горные проходы, а сам с собранными войсками расположился лагерем на долине Веронской и надеялся, что ближайшее будущее его счастье не уступит ничем прошедшему. Король Генрих, получив верные сведения о том, что те горные проходы едва ли и даже совершенно не могут быть завоеваны, взял поэтому другое направление и советовался со своими приближенными, будет ли возможность с помощью жителей Каринтии наперед занять самые отдаленные их ущелья. Хотя для многих такой план казался затруднительным, однако же он был выполнен с благоразумной осмотрительностью. Каринтийцы тотчас повиновались приказаниям короля и разделились на два отряда. Один из них, пеший, еще до рассвета занял горы, возвышающиеся над ущельями; другой же следовал за ним и утром от посланных вперед лазутчиков получил знак к нападению, который был дан с умыслом громко, чтобы скрытый позади неприятель услышал его. С полной уверенностью напасть с тыла, противники с оружием в руках бросились на каринтийцев. Но наши ударили на неприятеля с фланга и частью обратили его в бегство, частью принудили его кидаться с высот или низвергнуться в протекающую Бренту и таким образом искать смерти. Победоносные



Бамбергский собор, в котором погребен Генрих II

каринтийцы охраняли после того ущелья до прибытия короля. Узнав о том от послов, он оставил весь обоз и с великими трудностями потянулся через теснины, приказав следовать за ним лучшим из своих рыцарей по берегу вышеназванной реки среди роскошных нив и разбить лагерь, чтобы там, по возможности, отпраздновать вечерю Господню, освящение святого елея, страдания и воскресение Господа. Под страхом наказания изгнанием пфальцграф запретил всем тайно уходить оттуда; а тем, которые бы ему мужественно сохранили верность, была обещана награда в будущем. Во вторник король перешел через Бренту и снова приказал разбить палатки и отдохнуть войску, выслав соглядатаев, которые тщательно должны были осмотреть убежище Гардвига.

5. Лангобарды, обнаруживавшие до тех пор единодушие во зле, наконец, по святой воле всемогущего Бога впали в разногласие; оставив презренного похитителя трона, своим бегством они открыли дорогу в свою страну венчанному по милости Божией королю Генриху. Прежде всего приняла его Верона и радовалась о Господе, своем Боге, что пришел защитник отечества и прогнал виновника всякого зла. Затем поспешил навстречу ему, давно желанному, маркграф Тидольт, пользуясь тем, что пришло наконец время, когда ему можно было заявить перед королем свое доброе расположение, которое он прежде скрывал. С такой свитой король отправился в Бриксен, где был встречен архиепископом Равеннским, местным епископом Эпильбером и всем населением области. Достигнув на своем дальнейшем пути Пергама (ныне Бергамо), который некогда завоеван был королем Арнульфом, король принял архиепископа Миланского, заставив его с клятвой присягнуть на верность. Потом посетил он Папию (ныне Павию), где встретили его архиепископ и вельможи той страны, с необыкновенным торжеством отвели его в церковь и по единодушному выбору подняли и поставили на королевский трон (1004 г.).

6. Но в тот же день обнаружилось, как непостоянно изменчивое поприще этого мира и как оно всегда влечет к погибели. Среди всеобщих радостей внезапно начал свирепствовать враг мира – разногласие, которое, вследствие неумеренного употребления вина, по ничтожному поводу повело к нарушению верности и присяги. Граждане вооружились против своего новоизбранного короля и бросились на его дворец; преимущественно это были те, которым не нравилась в Генрихе его любовь к справедливости и которым приятно было слабое правление Гардвига. Услышав шум, Генрих приказал поспешно разведать, что это значит, и получил в ответ: какой-то неистовый простолюдин и исполненный ограниченных предрассудков поднял весь этот мятеж, а за ним, к собственному стыду и вреду, пошло и остальное население. Когда возмутители готовы были напасть, Гериберт, знаменитый архиепископ Кёльнский, попытался укротить их, спрашивал из окошка о причине восстания, но град камней и стрел заставил его удалиться. Дворец, подвергшийся нападению со стороны неприятеля, мужественно отстаивала малочисленная прислуга короля. Наши были раскиданы по разным отдаленным частям города, а силы врагов возрастали; но, наконец, и люди короля услышали страшный шум и все поспешили к нему; хотя они несколько отбили с яростью наступавшего неприятеля, но по случаю наступившей ночи не могли обороняться от тучи стрел и камней. Чтобы осветить себе местность, они зажгли здания города. Те же из наших, которые находились за городом, мужественно взобрались на стены, причем они встретили ничтожное сопротивление. В этой схватке смертельно был поражен лангобардами прекрасный юноша Гизильберт, брат королевы, что сильно увеличило скорбь и досаду его сподвижников. За него тотчас отомстил рыцарь Вульфрам: бросившись в среду неприятельской толпы, он поранил там одного с тылу, а сам возвратился невредим. Такой оборот дел изменил любезный всем покой мира в сторону бранной тревоги. Неприятели, доставшиеся нашим в руки, были представлены королю. Между тем внезапно обрушился дом, подожженный лангобардами, и который отстаивали наши, несмотря на всю потерю сил; но это обстоятельство только побудило их защищаться с тем большим

отчаянием, ибо они не могли более рассчитывать ни на какое убежище. Алеманны, между тем, вместе с франками и жителями Лотарингии, получив известие о бедствии своих, разбили стены, ворвались в Павию и стеснили граждан до того, что никто не осмеливался выйти из своего дома и запирался у себя. Чтобы повредить нашим, они бросали с кровель стрелы; но скоро дома были зажжены, что и погубило их. Тяжело описывать, как велико было бедствие, которое испытали при этом граждане различным образом. Победоносные воины короля, не находя более противников, занялись грабежом убитых. Генрих, пораженный этим зрелищем, приказал щадить переживших и, отправляясь назад на праздник св. Петра, милостиво даровал прощение на коленях умолявшему неприятелю. Все, которые до тех пор не явились, поспешили тогда к королю, получив известие о его победе, чтобы отвратить подобную участь или от себя, или от своих заложников, и обещали клятвенно верность, содействие и покорность.

7. Когда бедственное дело в Павии было окончено, король пошел в Понтеланго и принял присягу от остальных лангобардов; посовещавшись там со всеми и мудро устроив важнейшие дела, он отправился в Милан из любви к святейшему епископу Амвросию, но скоро снова возвратился в окрестности Понтеланго и, неожиданно уезжая оттуда, утешал собравшийся по этому случаю народ и сожалевший о его отъезде обещанием еще раз возвратиться назад. Ближайший праздник Пятидесятницы он торжествовал в местечке, именуемом Громмо. Отправившись оттуда далее, он принял тосканцев в число своих верных подданных. Но, спеша на родину, он возвратился оттуда в область алеманнов, чтобы там устроить и усилить правительство, тем более, что жители той страны, незадолго перед тем, потеряли своего герцога Гериманна и находились под управлением малолетнего его сына того же имени. Отправившись оттуда в Эльзас – в Страсбург – 24 июня он праздновал рождение Предтечи Христова. Накануне этого дня явил Бог ему чудо, которого не смею опустить, потому что оно для добрых может служить назиданием и устрашить злых. Внезапно обрушился дом, в котором король творил народу суд; никто при этом не потерпел вреда, за исключением священника, который непозволенным образом жил вместе с женой одного отлученного. Вследствие того, будучи виновнее всех там находившихся, он и поплатился жизнью за свое злодеяние: ему переломало все кости. Как приятно описание дел благочестивых! Как возвышают они наш дух! Как радуют они нас, когда мы их воспринимаем и слухом нашим и зрением. И однако же, по ожесточению своего сердца мы, несчастные, остаемся при своей лени; несмотря на известные наказания за зло, мы не отстаем от вкоренившихся в нас пороков и не находим никакого приятного побуждения стремиться к бесценным наградам праведных. Отправившись оттуда, король пошел в Майнц, где он, как жаждущий благодати, переступил порог церкви св. епископа Мартина и с благоговением праздновал там рождение апостолов (29 июня 1004 г.).

8. Пройдя далее на своем пути земли остфранков, король снова посетил Саксонию, которую он так часто называл цветущим садом рая по причине безопасности жизни в ней и по изобилию ее всеми мирскими благами. Там он выразил, наконец, давно скрываемый в его простом сердце гнев и приказал всем своим вассалам собираться к походу в половине августа, чтобы укротить высокомерного и свирепого Болеслава[1]. В назначенное время в Мерзебурге собралось войско и оттуда двинулось против неприятеля. Генрих распространил слух, будто идет в Польшу, и распорядился поэтому сосредоточить суда в Боруце (Бориц) и Низани, чтобы таким образом те из наших, расположение которых было подозрительно, не могли сообщить неприятелю, что он будет окружен. Но проливные дожди причинили необыкновенное замедление нашему войску

[1] То есть герцога Польского. Генрих II хотел возобновить прежнюю попытку поставить Болеслава Храброго в те же рамки, в каких находился его отец Мизеко, который, по словам нашего автора (V, 6), «не смел ни входить в шубе в тот дом, где находился маркграф (Бранденбургский), ни оставаться сидеть, если тот поднимался с места».

в переходе через реки, и потому король быстро повернул в Богемию, где менее всего можно было ожидать его. Но ярый лев (то есть Болеслав), с рыканием поражая себя хвостом, старался воспрепятствовать ему вступление, и в лесу, который называют Мириквидуи (ныне Эрцгебирге), занял одно возвышение стрелками так, что оно сделалось неприступно. Король, узнав о том, тайно выслал вперед отборных панцирных воинов; не обращая внимания на противодействие неприятеля, они бросились по крутой тропинке и легко проложили дорогу войску, следовавшему за ними. Около этого времени Болеслав, садясь за стол, услышал, что один из наших земляков, рейнбернский капеллан, спросил своего епископа, когда придет королевское войско; герцог заставил повторить ответ и при этом заметил: «Конечно, если бы они прыгали, по крайней мере, как лягушки, то могли бы быть уже здесь». Впрочем, это было справедливо; не одушевляй короля любовь к Богу и не овладей герцогом гордость и высокомерие, счастье победы не было бы так неожиданно нашим уделом. Делу короля помогло и то обстоятельство, что в его свите был изгнанный герцог Яромир (Богемский) и что войско богемцев радостно приняло его, когда он, по его желанию, прибыл в страну. По совету и настоянию богемцев, сам Яромир открыл королю доступ во владения и охотно передал ему замок, который по всей справедливости служил воротами Богемской земли. Король, замедленный несколько в своем походе поздно прибывшими баварцами, явился потом перед городом Заци (ныне Заац); его граждан, которые немедля отворили ему ворота и избили польский гарнизон, он признал своими друзьями. Увидев перед собой кровавое побоище, король, проникнутый состраданием, приказал всем оставшимся в живых собраться в церкви. В это время кто-то объявил за верное, что Болеслав был убит своими людьми. Радовались этому, о Господи, приверженцы короля, а преступные союзники лжегерцога, казалось, скорбели. Толкуя между собой, в коварстве своего сердца они тайно распространяли позорную ложь; когда король, говорили они, окончательно утвердится, то, как совершенно бессильные, они должны будут предаться ему и в наказание себе немало вытерпеть от него. Так тлел под пеплом огонь, и, хуже неразумных зверей, эти люди предпочли врага всех верных своему королю; они совсем упустили из виду то, что Бог Отец, взирая с высоты небес на земной мир, избавит наконец своего наместника на земле от их козней.

9. Герцог Яромир с лучшими воинами короля и с приверженными к нему туземцами был послан в Прагу, чтобы схватить или умертвить ту ядовитую змею. Но прежде того явились к королевскому врагу вестники и предупредили обо всем Болеслава, который нисколько не предчувствовал своей опасности. Вследствие того он тайно приготовился и, услышав в близлежащем городе Вышеграде звук колоколов, призывавших граждан к борьбе, в полночь удалился с первым отрядом войска и побежал на свою родину. Преследовавший его Зебислав, брат епископа и мученика Адельберта, пал на мосту, пораженный смертельно; неприятелям это принесло большую радость, нашим же – несказанную печаль. На другой день явился и Яромир; жителям города, которые просили его о законной защите и о прощении всего прошедшего, он клятвенно обещал то и другое, находясь еще у ворот города; затем, немедленно впущенный вовнутрь, он был с великими почестями возведен на трон при всеобщем ликовании; сбросив тогда свое обычное платье, он был украшен драгоценными одеждами. Потом ему было поднесено в дар все, что каждый воин успел отнять у бежавшего или убитого неприятеля. Обрадовавшись многочисленным подаркам, Яромир отправился в Вышеград и там, провозглашенный государем, объявил всем милость короля, но тем, которые были почти неотлучно при нем, за долгие труды обещал сверх того достойную награду. Тогда со всех сторон начало стекаться множество знатных и незнатных, чтобы присягнуть новому герцогу и дождаться прибытия славновенчанного короля. Когда он, наконец, явился, то был встречен епископом Пражским Тиддегом и герцогом Яромиром при величайшем торжестве народа и всего духовенства и отведен в церковь св. Георгия (1004 г.).

В последующих главах, 10–12-й, автор делает сначала отступление по поводу проповеди, которую сказал перед королем в Вышеграде Годескальк, епископ Фрейзингенский, упрашивая его простить графа Генриха; потом автор рассказывает, как король с Яромиром напали на польские владения и разорили г. Будиссин и как, наконец, видя утомление войска, Генрих II возвратился на зиму в Мерзебург для занятия внутренними делами; при этом он простил того графа Генриха и одарил новыми привилегиями епископов мерзебургских, уступив им сбор податей с купцов и евреев. В начале главы 13 автор записывает дошедшее до него известие о сгоревшей церкви в Падерборне, что наводит его на мысль рассказать о соборе Дортмундском, на котором Генрих II хотел принять меры к улучшению церковного быта.

13. Вскоре после пожара в Падерборне, в местечке Тротмунни (ныне Дортмунд) был созван великий собор (июль 1005 г.), на котором король жаловался собравшимся там епископам и другим членам на бедствия церкви и решился по всеобщем совещании предотвратить такое зло; с этой целью он издал нижеследующее превосходное постановление, которое должно было облегчить тяжкую ношу и его собственных грехов: «В 1005 году от воплощения Христова, в четвертый год правления государя Генриха II, 4 июля, в Тротмунни, было издано такое постановление славного короля и его супруги, королевы Кунигунды, равно как и архиепископов: Гериберта Кёльнского, Ливицо Бременского и третьего архиепископа Дагино Магдебургского; епископов: Ноткера Люттихского, Зуитгера Мюнстерского, Ансфрида Утрехтского, Тидриха Метцского, Титмара Оснабрюкского, Беренгария Верденского, Беренварда Гильдесгеймского, Бургарда Вормсского, Ретари Падерборнского, *Вигберта Мерзебургского*, Эккигарда Шлезвигского и Отинкера (Риппенского): после смерти кого-нибудь из названных каждый епископ, если не препятствует ему болезнь, в продолжение тридцати дней должен совершать мессу за усопшего и каждый священник в главной церкви того епископа должен делать подобное; священники приходских церквей обязаны прочитать три мессы, наконец, дьяконы и прочие духовные низшего чина десять раз должны отпеть псалтырь. Далее, король и королева в продолжение тридцати дней для спасения души будут раздавать тысячу пятьсот пфеннигов и кормить равное число бедных. Каждый епископ будет содержать триста бедных, вносить тридцать пфеннигов и возжигать тридцать восковых свечей. Герцог Бернгард будет кормить пятьсот бедных и вносить пятнадцать шиллингов. Накануне праздников св. Иоанна Крестителя и св. апостолов Петра и Павла, равно накануне праздника св. Лаврентия и всех святых мы определяем поститься одним хлебом, солью и водой; накануне вознесения Марии (то есть Успеньев день) и на все кануны прочих апостолов будем поститься, как в обычный пост; во все дни четырех постов – то же самое, за исключением пятницы перед Рождеством Христовым, когда должно ограничиваться хлебом, солью и водой».

14. После того король посетил страну фризов и принудил их отложить свои неприязненные планы, а вместе с тем примирился с сестрой королевы, Лиудгардой (графиней Голландской). В то же время в свою резиденцию[1] и во все графства империи он послал приказание под страхом опалы явиться для похода в Польшу и на совещание в Лицку (ныне Лейскау). В назначенное время, именно 15 августа (1005 г.), войско собралось в определенное место, а король, который праздновал в Магдебурге вознесение Матери Божией, в тот же день после обедни и пиршества в сопровождении королевы на судне переправился через Эльбу.

15. В тот же день архиепископ Магдебургский Тагино на основании некоторых жалоб лишил сана Ригдага, аббата в Иоаннисберге; его место занял Альфкер, настоятель монахов, которые служили Христу в Палити (ныне Польте); но утвержденный порядок церковного служения грустным образом был тем самым уничтожен, и аббатство обратилось в приорство; это обстоятельство дало почувствовать те бедствия, которые оно должно было повлечь за собой. О, если бы десница Всевышнего изменяла то, что вкрадывается само собой в течение времен! Таким образом, основание того

---

[1] То есть в Магдебург.

Генрих II и Кунигунда. XIII в. Статуи в рост человека. Портал государей в Георгиевском клиросе Бамбергского собора

святого учреждения, которое своим благочестием далеко превосходит современных людей и которое всеми силами устраивали наши предшественники и по своему крайнему разумению исправляли и проводили к совершенству, в наше время по побуждению нечестивых изменено не к добру, и – боюсь – не ко злу ли. О, если бы того не случилось ради нашей пользы! К сожалению, то справедливо, что те, которые по своей блистательной обстановке прославляются за свои внешние поступки и образ жизни, в действительности бывают часто не тем, чем они кажутся. И Писание учит: «Лицемерная праведность – не праведность, а двойное нечестие». Каждый приятный Господу плод добродетели заключается в добром сердце: но это доброе сердце даже и у истинно благочестивых под их великолепными одеждами и при соблюдении золотой середины в пище и питье остается сокрытым[1]. Но если отнять богатства у тех, которые уже по своему уставу должны соблюдать необыкновенное воздержание и ходить в грубых ризах, то кому его отдать? Отдадим все это подлежащим церквам; и польза будет отсюда двойная: во-первых, душам братии, которые терпят все лишения Господа ради, а потом имению и владениям церковным, которые приобретаются их добрыми делами... Что не будет крепко утверждено и поднято на высоту, то печальным образом падет и низвергнется. Пускай умалчивают об истине, которая есть сам Христос, пусть проповедники Его слова не открывают своих уст, но что выиграется через это? Труба Евангелия гласит: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы» (Мф., 10, 26). Удовлетворив своей воле, мы часто, стараясь затаить преступление, тем не менее испытываем несказанное страдание. Мы все смертные слабой природы, а знаем хорошо, что все весовое в силу своей тяжести стремится к земле. Позвольте нам обращаться к лучшим намерениям, не презирать добрых советов, и тогда все верующие получат награду за исполнение Божественных заповедей. Позвольте нам не казаться лучше своих предшественников, потому что мы все без различия, при кажущейся своей правоте, ошибаемся и далеко на них не похожи. Пусть никто не гневается, когда ему кто-нибудь укажет его недостаток, имени Божьего ради. Каждый пусть охотно принимает такое доказательство любви и носит в себе чистую истину для небесного вознаграждения. Общество верующих пусть на коленях молит Господа о милости и прощении, в чем мы все нуждаемся, как за дела вышеупомянутого рода, так и за другие проступки. Теперь после длинного отступления я опять возвращаюсь на путь начатого мной изложения (то есть войны с Польшей).

16. Устроив войско, король из Лейскау отправился далее, а королева немедленно возвратилась и в Саксонии нетерпеливо ожидала прибытия своего возлюбленного супруга. Наше войско счастливо достигло места, называемого Добрилуг (Добрый Луг), в области лузичей (Лаузиц). Туда поспешили с подкреплением герцог Генрих (Баварский) и Яромир (Богемский); они вдохновили наших радостью и дали надежду на больший успех, так как все были уверены в их мудрости и храбрости. Между тем наше войско, вследствие того, что проводники были подкуплены и старались укрыть неприятеля, проведенное по пустыням и местам болотным и перенеся большие трудности, завистливой злобой того человека было постоянно задерживаемо, и едва могло наносить вред неприятелю. Наконец, в своем походе наши достигли провинции Нице (Нейссе) и расположились лагерем на р. Шпрее. Там знаменитый рыцарь, граф Тидберн, узнал, что неприятель вознамерился с тыла произвесть на наших нападение, и потому решился, созвав и выбрав тайно лучших из своих всадников, хитростью поймать неприятеля, чтобы одному себе приобресть славу. Но неприятель, чтобы удобнее напасть на преследующих, убежал за кучи поваленного леса и, бросая оттуда, по своему обыкновению, стрелы, убил и ограбил неожиданным образом прежде всего графа Тидберна, потом Бернгарда,

[1] Не надобно забывать, что эта жалоба на архиепископа Магдебургского и вообще на высшее духовенство того времени была писана автором уже тогда, когда он был сам епископом.

Иси и Бенно, славных вассалов Арнульфа, епископа Гальберштадтского, со многими другими участниками экспедиции. Это случилось 6 сентября (1005 г.) и огорчило не только короля и его спутников, но даже и герцога Болеслава (Польского), как уверяют в том многие достоверные свидетели.

После этого лузичи соединились с нашими за день до их прихода на Одер. Они следовали за своими богами, которые им предшествовали. Хотя я чувствую отвращение при одном воспоминании об этих язычниках, однако ж, чтобы ты, любезный читатель, мог познакомиться с пустым суеверием и ничтожным богослужением этого народа, я хочу коротко рассказать тебе о том и объяснить, откуда некогда они пришли в эти страны.

17. В округе Ридирируне[1] лежит город, называемый Ридегост (Ретра) треугольной формы; он имеет трое ворот и со всех сторон окружен рощей, свято и тщательно охраняемою туземцами. Двое из этих ворот открыты каждому приходящему в город, но третьи самые малые, обращенные на восток, ведут к озеру и представляют страшное зрелище. Около этих ворот стояло не что иное, как искусно устроенное из дерева капище, кровля которого лежала на рогах различных зверей, служивших для них подпорой. Внешняя сторона этого здания была украшена различными изображениями богов и богинь, которые, насколько можно было рассмотреть, с удивительным искусством были вырезаны из дерева; внутри же стояли со своими именами на пьедестале истуканы богов, сделанные рукой человека, страшные на вид, потому что они были в полном вооружении, со шлемами и в латах. Замечательнейший из них называется Зуаразицы и преимущественно всеми язычниками почитается и уважается. Там же хранились их военные значки, которые выносятся оттуда только в случае необходимости, когда идут на войну, и несут их пешие воины; чтобы тщательно сберечь все это, туземцы поставляют для того особых жрецов, которые во время собрания народа для принесения идолам жертв и умилостивления их гнева сидят, тогда как все прочие стоят. Тайно бормоча между собой, с яростью роются они в земле, чтобы посредством выкинутого жребия узнать исход сомнительного дела. Кончив это, они покрывают жребий зеленым дерном и под двумя накрест воткнутыми в землю копьями с краткой молитвой проводят коня, которого все считают священным; потом снова ищут тот знак, по которому они заключают о деле, и посредством этого как бы божественного животного находят предвещания для будущего. Когда при обоих испытаниях последует одинаковый знак, тогда решаются начать дело; если же нет, то смущенные туземцы отказываются от предприятия. Обманываемые различными заблуждениями, они с давних времен убеждены, что когда им угрожает внутренняя жестокая и продолжительная война, тогда из вышеупомянутого моря выходит большой кабан с белыми блестящими клыками, из волн, и при страшном землетрясении забавляется перед глазами всех, рыская по болоту.

18. Сколько округов в этой области, столько там и храмов, и столько же почитается неверными отдельных божеств; но между ними выше названный город занимает первое место. Они заходят в него, отправляясь на войну, чтят его должными дарами, возвращаясь счастливо, и посредством жребия и коня, как то было описано, заботливо исследуют, какая жертва, как благоугодная богам, должна быть принесена жрецами. Самый великий гнев богов смягчается кровью людей и зверей.

Всеми этими племенами, которые в совокупности называются лутичами, не управляет ни один отдельный владетель. В общем совете рассуждают они о необходимости принятия различных мер и входят в согласия относительно общих предприятий. Если в собрании один из сочленов противится постановленным решениям, то его подвергают побоям; когда и вне собрания он говорит об открытом противодействии, то вследствие сожжения или опус-

[1] То есть племени редариев, которые жили в юго-восточной части нынешнего Мекленбург-Стрелица. Эта и следующая глава особенно интересны из-за обстоятельного описания древнего быта западных славян.

тошения невозвратимо теряет свой дом и двор или перед собравшимся народом уплачивает сумму денег, предписанную ему по его состоянию.

Хотя сами они вероломны и непостоянны, однако же от других требуют верности и постоянства. Мир заключают они, отрезая на голове несколько волос, смешивая их с травой и подавая правую руку. Но деньгами легко склонить их к нарушению мира.

Таким образом, эти воины, которые прежде были нашими рабами, а теперь за наше безбожие сделались свободны, пришли на помощь королю со своими ужасными спутниками (то есть идолами).

Мой читатель, беги общения с ними и с их богами; внимай и следуй Божественным заповедям, и если ты изучишь и носишь в памяти то исповедание, которое оставил св. епископ Афанасий, то поистине ты можешь доказать, что ничтожны все те вещи, о которых я только что упомянул.

19. Руководимые худыми и всякого рода проводниками как большие, так и малые отряды наши достигли Одера. Они разбили свои палатки на берегу р. Бобер, которая по-славянски называется *Побер*, а по-латыни *Castor*. Болеслав, укрепив ее берега и с сильным войском расположившись при Кросни (Кроссен), по возможности преграждал нашим переход. Но король, простояв в продолжение семи дней, уже приказал строить корабли и мост, как Бог, покровительствующий нашим, указал высланным вперед лазутчикам прекрасный переходный пункт. Тотчас по приказанию короля вброд отправились с рассветом шесть отрядов и перешли благополучно. Стража Болеслава, издали увидев то, принесла своему государю печальную и невероятную весть. Он отправил туда трех, и даже более, вестников, и, уверившись в факте, поспешно снялся с лагеря и убежал со своими, оставив на месте большой обоз. Король, выслушав со смиренным сердцем донесение о случившемся, с духовенством и со всей свитой вознес славословие Господу и невредимо перешел через реку. Выступившие вперед из лагеря настигли бы неприятеля и могли бы разбить его, если бы не ждали медленно тянувшихся лутичей. С радостью в душе следовали наши за войском Болеслава, но не могли догнать их, утекавших подобно оленям, и возвратились к своим.

20. Возвратившись оттуда и дойдя до аббатства Мецерицы (Мезериц), король решился с великим благоговением и торжественностью отпраздновать годовой праздник Фиваидского легиона (22 сентября). При этом он позаботился, чтобы его сподвижниками не было причинено никакого вреда ни тамошней соборной церкви, ни обителям монахов. Потом, опустошая окрестную страну, он преследовал далее неприятеля, так что тот не осмеливался ночевать ни в одном из своих городов, и по просьбе своих князей сделал стоянку не далее, как в двух милях от города Познани. Но королевское войско, разделившееся для того, чтобы собрать хлеба и удовлетворить необходимым потребностям, понесло большую потерю от засады неприятеля. Болеслав же, между тем, через одного верного посредника просил короля о милости, чего скоро и успел достигнуть. Архиепископ Магдебургский Тагино, по предложению Болеслава, отправился с другими поверенными короля в вышеназванный город и заключил с ними прочный мир, скрепленный клятвой и под условием известного вознаграждения. Радостно возвратились после того наши домой, так как они претерпели большие трудности при недостатке в пище и при продолжительности похода, сопряженного со всеми тревогами войны.

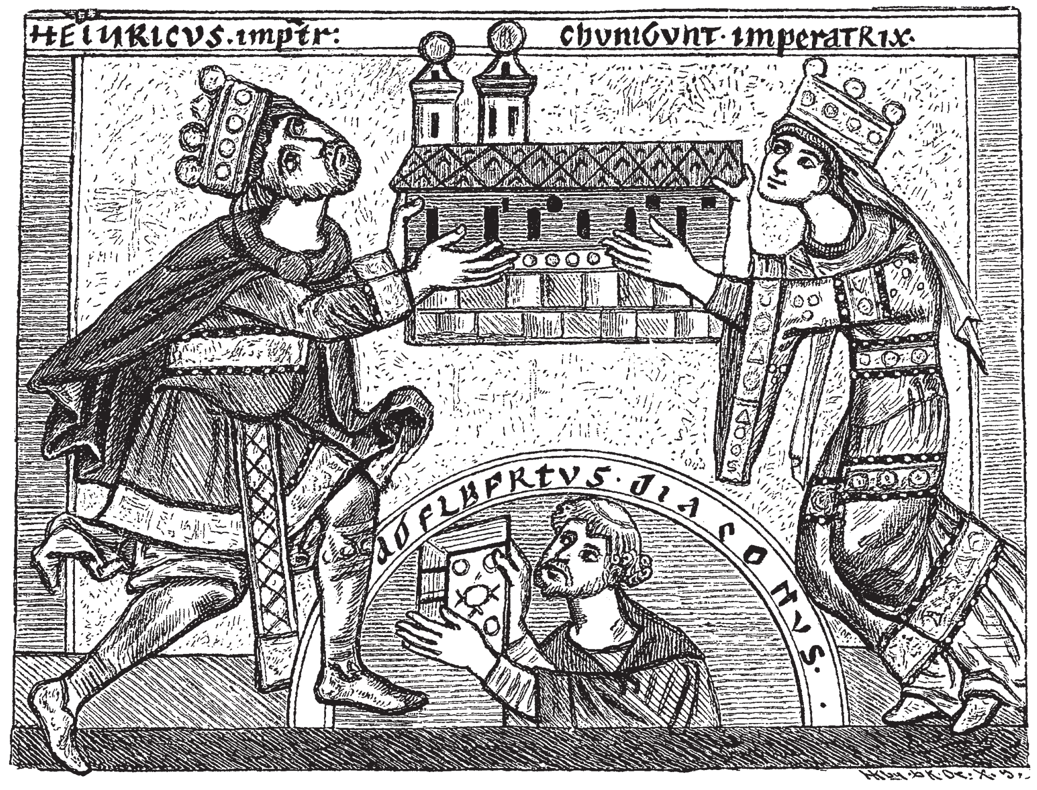
21. После этого дела король поспешил в нашу область, чтобы прочнее утвердить счастие желаемого порядка и безопасности, и занялся истреблением виновников всякого зла. Вследствие того он приказал повесить в Велереслеве (Валлерслебен) Брунцио, знаменитого вассала в Мерзебурге, и двух лучших мужей из славян, Бориса и Нецемуискла, с остальными их приверженцами. В частых собраниях вместе со славянами, в Вирибене (Вербен) на Эльбе, король рассуждал о нуждах своей империи и настаивал силой на своем, несмотря на то, согласны ли славяне или нет. Для защиты отечества он приказал снова восстановить

Арнабург, который перед этим был разрушен, и возвратить ему все то, что с давнего времени несправедливо было отнято от него. На церковном соборе, где король присутствовал лично, он запретил на основании канонических и апостольских правил, заключать противозаконные браки и продавать христиан язычникам, а тех, которые пренебрегли судом Божиим, приказал поражать духовным мечом.

В главах 22 и 23 автор коротко упомянул об и усмирении Генрихом II восставшего герцога Фландрского Балдуина, подробно поведал о том, как король решился привести в исполнение свою мысль об основании особого Бамбергского епископства и, несмотря на все интриги Вюрцбургского епископа, достиг этой цели в 1007 г. Но после торжеств по поводу открытия новой епископской кафедры пришло известие о новых происках Болеслава Храброго, к объяснению чего автор и обращается после сделанного им отступления.

24. Но редко солнце остается светлым на чистом небе без того, чтобы вскоре не подернули его мрачные облака. В то время, когда король праздновал Пасху в Регенсбурге, явились послы от лутичей из большого города Лиуильны и от герцога Яромира (Богемского) с известием, что Болеслав (Польский) замышляет дурное и старается обольстить их речами и деньгами. Послы говорили, что если Генрих будет продолжать жаловать его и оставит в покое, то они не ручаются за то, чтобы могли остаться его подданными. Король тщательно обсудил все со своими князьями, выслушал их различные мнения и, несмотря на их дурное расположение, успел склонить к тому, чтобы они согласились отправить к Болеславу его зятя маркграфа Гериманна (из Бауцена) и объявить ему о расторжении мирного договора. Болеслав, узнав еще прежде об этом посольстве от переметчиков, принял графа, сам пригласив его к себе, совсем нехорошо, и, выслушав его речь, распространился в оправдании себя, а в заключение воскликнул: «Один Христос, знающий все, знает как неохотно я делаю то, что принужден теперь сделать». После того он собрал свое войско, опустошил округ Морецины (Мортсани, Марзан) у Магдебурга и вражеским нападением нарушил союз, который он заключил было с гражданами его. Оттуда пошел он в город, называемый Цирвисты (Цербст), и увел с собой местных жителей, частью наведенным на них ужасом, частью льстивыми предложениями. Наши, узнав о том, с нерешительностью отправились туда и медленно следовали за врагом. Ими предводительствовал архиепископ Тагино (Магдебургский); хотя он и знал обо всем случившемся, однако ж не сделал надлежащих приготовлений. Я сам находился при нем в этом походе, и когда мы все пришли на место, называемое Ютрибок (ныне Ютербог), то остановились на том мнении, что было бы неблагоразумно преследовать неприятеля с такими малыми силами, и возвратились домой. Но Болеслав вновь овладел округами лутичей, Царою и Сельпулами, а вскоре враждующий тесть взял город Будишин (Бауцен), в котором оставил гарнизон маркграф Гериманн. Болеслав отправил переговорщиков и приказал им спросить в городе, желают ли жители сдаться ему, не делая дальнейшего труда ни себе, ни ему, и советовал им не рассчитывать на содействие со стороны своего владетеля. На семь дней заключено было перемирие. Затем Болеслав приготовился к штурму города; через посланных жители умоляли своего государя и князей империи о помощи, обещаясь оказывать противодействие неприятелю только в течение семи дней после перемирия. Маркграф Гериманн, прибыв в Магдебург, явился к приору Вальтеру и, через нарочного приказав также пригласить других князей, горько жаловался на их медлительность, а в то же время поручил ободрять и утешать свои войска в Бауцене. Перенося постоянные нападения Болеслава и мужественно сопротивляясь, они сдали наконец город герцогу, увидев, что граф не пришел освободить их; но они получили право свободного выезда для себя и всего, чем они владели, и с печальным сердцем потянулись восвояси.

25. После Пасхи 1008 г. скончался высокоуважаемый епископ Трирский Лю-



Генрих II и Кунигунда преподносят построенный ими храм. Миниатюра из рукописи XI в.

дольф; его преемником единодушно был провозглашен, более из боязни к королю, чем по религиозным побуждениям, его капеллан Этельбер, брат королевы, юноша, еще не достигший зрелого возраста. Узнав об этом, король, который еще не забыл недавнего безрассудного поставления епископом Метцским другого ее брата, не обратил внимания на усиленные просьбы своей возлюбленной супруги и других членов своей фамилии, желавших доставить молодому человеку епископский сан, передал его Мейнгарду, келейнику архиепископа Виллигиса, мужу благородного происхождения. Этим было возмущено сердце злых. Городской замок (Кенигсбург) был укреплен трирцами против короля. До сих пор спокойная страна обратилась в пепелище, и все, что совершили эти бесчувственные люди против кроткого короля, было воздано им в полной мере. Но что могут сделать эти злодеи здесь на земле, и там, в день суда? За несказанную их вину пречистая мать наша, церковь, так часто воздыхая об убийстве и похищении своих чад, проливает перед лицом мстительного Бога горькие слезы, текущие по ее ланитам! Возмущенный этой дерзостью, король поспешил в Трир с войском и приказал посвятить избранного им на епископскую кафедру, а Этельбера отлучить. Защищавших же замок он довел осадой до того, что они, ослабленные голодом и постоянными нападениями, должны были или погибнуть в его стенах, или против воли сдаться королю. Но чтобы не случилось последнего, герцог Баварский Генрих начал действовать с необыкновенной хитростью и выхлопотал им у короля свободный пропуск. Король, узнав потом, как все это было устроено, остался очень недовольным и впоследствии отомстил за эту проделку.

Сцены крестьянского быта. По миниатюрам из рукописи «Саксонское зерцало». Гейдельберг

Описав под 1008 г. приключение в Трире, автор дошел до знаменательного в своей жизни 1009 г., когда умер епископ Мерзебургский Вигберт, и он сам был возведен на его престол. Такое событие заставило автора забыть ход всемирной истории и сделать большое отступление по поводу своего избрания, главы 26–32 (см. этот эпизод ниже). В главах 33–39 автор отмечает под 1010 г. мелкие междоусобия князей империи; в главе 40 он в нескольких строчках говорит о 1011 г.: «Летом 10 августа 1011 г. за мои грехи сгорел монастырь Вальбек с 4 церквами, причем погибли все колокола и окрестные здания». В главах 40–53 он останавливается на одном 1012 г., описывая с мельчайшими подробностями смерть архиепископа Магдебургского Тагино и его преемника Вальтера, правившего несколько дней. Перемены на архиепископском престоле ободрили Болеслава, и он снова стал угрожать владениям Генриха II. В главе 54 автор рассказывает, как Болеслав согласился на возобновление мира и послал для предварительных переговоров в самом начале 1013 г. своего сына Мизеко и как милостиво он был принят королем, и описывает личного свидания Генриха II с Болеславом Храбрым.

55. В Великом посту (1013 г.) король Генрих прибыл в местечко в Верлу, где он долго прострадал коликой; во время этой болезни ему было многое открыто свыше посредством видений. Наконец вылечившись слезными мольбами – так как у него было не много времени, чтобы поспеть в Мерзебург, – он отпраздновал Пасху у своего друга Мейнверка, епископа Падерборнского, а Троицын день провел у нас. Вечером того же дня прибыл сюда и герцог Болеслав, получив в обеспечение заложников, оставленных им у себя, и был принят наилучшим образом. В самое воскресенье он, в вознаграждение за известные права, признал себя вассалом короля (miles efficitur) и, дав ему надлежащую присягу, последовал, как оруженосец (armiger), за королем, когда он отправился в церковь в королевских украшениях. В понедельник Болеслав старался расположить к себе короля и королеву большими подарками и взамен того получил от королевских щедрот еще большие многочисленнейшие дары и был пожалован давно ему желанными ленами[1]. Выставленных заложников он возвратил назад с честью. Потом Болеслав, подкрепленный нами, напал на Русь (Rusia), опустошил большую часть ее земель и приказал избить всех печенегов, когда между ними и его сподвижниками возникло несогласие, несмотря на то, что печенеги помогали ему.

56. В эти дни был низложен Бронгаг, аббат Фульдский. Его место занял на время Попо, аббат в Лорше, и это обстоятельство потрясло монастырь, потому что все монахи разошлись. В Линебурге, городе герцога Саксонского Бернгарда, в том же самом году произошло удивительное изменение и движение в воздухе и ужасная расселина в земле. Жители много дивились этому и уверяли, что прежде им не случалось видеть ничего подобного.

В этом же году (1013) король Генрих предпринял путешествие в западные страны государства и, отдав там приказание изготовиться к походу в Ломбардию[2], снова

[1] По Мерзебургскому миру Польша получила в лен от империи Лузацию (страну лузичей) и Бранденбургскую марку, взамен чего Магдебург был признан метрополией всей Польши.

[2] Причина вторичного похода Генриха в Италию заключалась в том, что его соперник Гардуин получил снова большой перевес, и в Риме были избраны двое пап: Бенедикт VIII и Григорий; первый бежал в Германию и просил о помощи императора.

возвратился к нам, в Мерзебург. Отправившись отсюда 12 сентября (1013 г.), он прибыл через Баварию и Швабию в местечко, называемое ....[1]. Туда же стекались со всех сторон войска, и всякий видел, что они шли весьма охотно на помощь королю. Из того места король, сопровождаемый королевой, без всяких препятствий прибыл в Рим. Для поддержания предприятия туда же был вытребован и Болеслав, но, по своему обычаю, он вероломно нарушил данное им обещание.

Кроме того, он еще прежде писал Папе, с сожалением высказывая, что ему нет возможности посылать условленную дань св. Петра вследствие тайных представлений короля. В то же время послал соглядатаев в Рим, приказав им узнавать, как думают о короле в Италии. С их помощью он старался всеми средствами, где только мог, сделать его ненавистным. Вот как велико было уважение к Богу этого лицемерного безбожника! Вот как воспользовался он ходатайством за него добрых людей! Вот какие опыты своей непоколебимой верности представлял этот благородный вассал! И вот насколько исполнял свою страшную клятву! Да будет тебе известно, мой читатель, что делал еще этот бессовестный человек при всех своих многочисленных и постыдных преступлениях; если ему или собственная совесть, или кто-нибудь другой указывал на его тяжкие прегрешения, то он требовал себе книги церковных канонов, чтобы найти возможность переделать свои злые дела на добрые, и затем на основании этих же книг домогался признания себя чистым и свободным от грехов. По своей же природе он был гораздо более склонен подвергаться опасности преступлений, нежели искать спасения в раскаянии.

57. Во всем подобен ему был, так сказать, товарищ его, Гардвиг, которому лангобарды несправедливо давали королевский титул. Прибытие великого короля и его громадного войска очень тревожили его, и потому он, не надеясь на свои силы, чтобы вредить королю, укрылся в укрепленном своем замке. Сидя там, он всякому жаловался, что король пришел в этот раз в Италию только для приобретения им самой высшей почести. В тревожном состоянии духа долго обдумывал он, как поступить в этом случае. Наконец, отправил к королю посольство, прося у него себе какого-нибудь графства и обещая за себя и своих сыновей беспрекословную уступку короны. Король не хотел согласиться на это и отказал ему, руководясь в этом случае советом своих приближенных, хотя сам чувствовал, как то впоследствии я покажу ясно, каким опасностям он подвергал через то всех своих сподвижников. Но прежде, нежели я примусь за это повествование, считаю обязанностью описать то, что пропущено и не разъяснено мной выше.

Автор, вспомнив случайно о некоторых частных событиях жизни, оставляет Генриха II и Гардуина в Италии и в следующих трех главах, 58–60-й, рассказывает, как еще в 1009 г. его школьный товарищ Бруно отправился миссионером в Пруссию и там принял мученический венец; как поссорился маркграф славянских земель Геро с Арнульфом, епископом Гальберштадтским за то, что последний схватил одного из его духовных, выехавшего в праздник на соколиную охоту, и как произошло между ними примирение; после того автор упоминает о жестоком характере нового герцога Богемского Отельриха, который выгнал еще прежде своего брата Яромира из его владений при помощи и с согласия Генриха II.

Перелистывая еще свою хронику, автор замечает, что в одном ее месте он упомянул о Папе Сильвестре II, но забыл сказать о нем подробнее; потому в главе 61 он обращается к Сильвестру и, таким образом, незаметно переходит к главному предмету своего рассказа, то есть к отношению Генриха II к папам, которое и привело его в Италию.

61. Несколько выше я говорил о Папе Бруно и назвал только по имени преемника его Сильвестра II, которого собственно называли Гербертом. Полагаю, что в этом месте прилично будет сказать о нем несколько больше[1]. Он родился в западных странах. С ранней юности обогатив себя учеными познаниями, он неправильным

[1] В оригинале пропущено название.

[1] Ср. вышесказанное о Герберте у монаха Рикера.

образом достиг, наконец, звания Реймсского архиепископа. Он умел отлично распознавать течение звезд, и ученостью превосходил всех своих современников. Будучи изгнан из отечества, Герберт явился ко двору императора Оттона III и проживал там долгое время. В Магдебурге он устроил солнечные часы и при поверке их делал наблюдения за Полярной звездой, служащей руководством для моряков, посредством зрительной трубы[1]. Возведенный по милости императора в папское достоинство после смерти Бруно, он восседал на папском престоле под именем Сильвестра до времен короля Генриха (ум. в 1003 г.). Ему наследовал Иоанн (XVIII) Фазан, который в продолжение Богом ему определенного времени (1003–1009 гг.) оставался на престоле. В его время Мерзебургская епархия была восстановлена и утверждена папской буллой. Преемником ему был Сергий (IV, 1009–1012 гг.) по фамилии *Букка-Порчи* (Свиное Рыло), а ему наследовал Бенедикт (VIII, 1012–1024 гг.). Оба они были превосходнейшими людьми и равно оба служили крепкой опорой нашей епархии. Оба нетерпеливо ожидали приезда короля в Рим, замедлявшегося от противодействия столь многих врагов. Хвала всемогущему Богу во всех Его делах, он успокоил и умиротворил Рим, после долговременных и тяжких испытаний, ниспослав ему таких пастырей, каковы нынешние! Папа Бенедикт при выборе получил первенство над Григорием; это побудило его посетить лично со всем папским великолепием короля Генриха, праздновавшего Рождество Христово в Палити (ныне Pölde), где он и принес публично жалобу на свое изгнание. Король принял его под свое покровительство и просил не делать до времени никаких дальнейших предприятий, обещая уладить дело как можно лучше, по обычаю римскому, тогда, когда прибудет в Рим. Желаемое время наступило, и, наконец, Папа Бенедикт, приобревший более всех своих предшественников могущества, принимал в феврале (1014 г.) с величайшими почестями короля Генриха и объявил его защитником св. Петра.

[1] Per *fistulam*. Каково было устройство этой трубы, неизвестно; если она и не имела еще существенной части наших телескопов, то во всяком случае была ее прототипом.

Принимаясь за описание вторичной коронации, считаю обязанностью сказать предварительно несколько слов в похвалу того, который дарил нас таким счастьем, как тому научает нас апостол язычников, Павел[1]. Король Генрих поистине заслуживает нашей похвалы, так как мы[2] благодатью и милостью вечного царя весьма многим обязаны ему. Он обогатил мерзебургскую нашу церковь многими самыми полезными вещами. А именно, доставил всю необходимую при общественном богослужении утварь. Из всех своих поместий в Турингии и Саксонии он дал нам в собственность по две семьи. Кроме того, подарил Евангелие, украшенное золотом и доской из слоновой кости, золотую с бриллиантами чашу, дискос и лжицу, два серебряных креста, чашу и большой сосуд для вина из того же металла, вместе с дискосом и лжицей. Наконец все то, что утрачено было моими предшественниками по должности, в отношении епископских имуществ, было возвращено и утверждено этим королем.

Под влиянием своего восторга автор заканчивает эту последнюю главу шестой книги стихами, в которых он прославляет заслуги Генриха II и говорит о всеобщей радости по поводу его возведения на императорский престол, а описанием церемонии по этому случаю он начинает седьмую книгу.

Седьмая книга

1. Когда по истечении 1000 лет от воплощения Господа нашего Иисуса Христа прошло 13 лет и наступила третья неделя второго месяца следующего года (то есть 14 февраля 1014 г.), в воскресенье, 14 февраля, в 13-й год своего правления Генрих, Божиею милостью преславный король, вступил

[1] При этом автор цитирует послание к Ефес. V, 1 и I к Фессал. V, 13.

[2] Автор употребляет это «мы» в самом прямом смысле, то есть мерзебургские монахи.

вместе с возлюбленной супругой Кунигундой в церковь св. Петра. Они шли, окруженные 12 сенаторами, из которых, по таинственному обычаю, шесть были без бороды, а у шестерых борода была отпущена. В дверях собора ожидал их Папа. Но прежде, нежели король был введен в святыню, Папа Бенедикт обратился к нему с вопросом: намерен ли он остаться защитником и покровителем Римской церкви и неизменно преданным ему, Папе и всем его преемникам? На что король отвечал со всем смирением и ревностью, и был затем вместе с супругой коронован и помазан. Прежнюю же свою корону он приказал повесить над алтарем князя апостолов. В тот же самый день Папа в Латеране дал блестящий пир.

Восемь дней спустя между римлянами и нашими произошло великое побоище на тибрском мосту, и с обеих сторон многие остались на месте; только ночь разлучила бойцов. Виновниками этой распри были три брата, Гуго, Гецил и Эцелин, которые впоследствии были схвачены и заключены; один из них бежал; другого отвели в Фульду, а третий уже давно содержится в замке Иванкастен (Гибихенштейн).

2. Император оставил в Риме своего брата Арнульфа, которого он еще прежде поставил епископом Равенны, и Папа снова благословил его. Противника же его, Этельберта, который уже давно утвердился там незаконным образом, он хотел сначала лишить достоинства, но по неотступным просьбам благочестивых людей дал ему другую церковь, именно в Ариции (Ареццо).

Папа на соборе в Равенне низложил двух духовных и в Риме столько же; они были поставлены архиепископом Львом без всяких обрядов. Бенедикт, угрожая отлучением, дошел до того, что определения св. отцов о назначении в духовные должности, которые, к сожалению, там, как и у нас, давно оставались в пренебрежении, снова были восстановлены и соблюдаемы. Канонические законы запрещают именно, чтобы дьякон был поставлен ранее 25 лет от роду, а священник и епископ ранее 30. А так как мы не соблюдали того, то, как жалкие нарушители законов, и подпали под отлучение.

3. Пасху Христову император праздновал в Павии (5 апреля 1014 г.) и успел при этом снискать себе любовь непостоянных лангобардов. Восстановив везде спокойствие, император возвратился из Италии. Обрадованный тем, Гардвиг немедленно напал на г. Верчелли, так что епископ тамошний, Лев, едва успел убежать. Гардвиг же овладел всем городом и начал злодействовать по-прежнему; впоследствии (1015 г.) Божеское всемогущество, как я расскажу о том ниже, довело его до того, что он униженно сознал свое преступление[1].

Автор мимоходом делает при этом же случае заметку об основании Генрихом епископства в Боббио, что он считает одним из трех величайших дел его правления, относя к первым двум возобновление Мерзебургского епископства и основание Бамбергского.

С величайшим счастьем и славой Генрих преодолел все трудности альпийского перехода и наконец увидел наши равнины, как они ему весело улыбались; а воздух и жители Италии не гармонируют с нашей природой. В области Рима и в Ломбардии, к сожалению, господствуют козни и коварство. Все, кто ни являлся туда, находили себе мало любви; за все, в чем чужеземец мог нуждаться, там приходилось платить и при этом еще опасаться обмана: многие умирали от яда.

Главы седьмой 4–53 книги и первые восемь глав неоконченной восьмой, последней, книги автор посвящает описанию четырех лет правления Генриха II, от апреля 1014 г., когда он возвратился из Италии, до апреля 1018 г., на котором останавливается хроника. В этих последних двух книгах автор, по-видимому, собирал одни материалы, предоставляя себе впоследствии, как он часто то делал, развить обстоятельнее свою тему; потому в седьмой и восьмой книгах мы находим скученными самые разнообразные факты, заметки о смерти различных епископов и аббатов, чудесные явления, и все это перемежается рассказами о новых попытках Болеслава возвратить самостоятельность, причем аккуратно отмечается, где Генрих отмечал Пасху, Рождество и другие праздники. Потому у автора с одинаковой краткостью записано, например, как 17 февраля 1018 г. совер-

---

[1] Он был схвачен и заключен в монастырь.

шилось какое-то чудо в Мальцине (ныне Eissdorf), и как в то же время Генрих II, вследствие бездетности своего родственника Рудольфа III, получил по духовному завещанию всю Бургундию и приготовил объединение этой страны с Германией (VIII, 5). Иногда автор выходит за тесные рамки своей епархии и вносит в свою летопись долетевшие до него слухи из чужих земель. Так в книге VII, гл. 26 и след., он говорит о завоевании Англии датским королем Свеном, под 1015 г.; ниже, в VII, гл. 52, он делает отступление по поводу сомнительных известий, дошедших до него, о великом князе Киевском Владимире и прерывает на время начатый им рассказ о различных чудесных явлениях. Для нас эта глава имеет особый интерес, так как относится к отечественной истории:

«Теперь я намерен идти в своем рассказе далее и осудить короля руссов Владимира за его несправедливый образ действий. Он взял себе жену из Греции по имени Елена, которая была обещана прежде Оттону III и коварно отнята у него; по ее убеждению Владимир принял христианскую веру, которую он, однако, не украсил добрыми делами, ибо был безмерно чувствен и кровожаден и причинил в особенности изнеженным грекам много вреда. У него было три сына, из которых одному (Святополку) он дал в жены дочь герцога Болеслава Польского, нашего гонителя. Поляки назначили в спутники ей Рейнберна, епископа Кольбергского. Рожденный в округе Гассегун и воспитанный хорошими наставниками, Рейнберн, как я полагаю, справедливо достиг архиепископского достоинства. А как велики были труды, понесенные им при отправлении своей должности, для описания того у меня не достанет ни знания, ни красноречия. Он истребил и сжег истуканы; очистил море от обитавших его демонов, бросив в него четыре камня, помазанные елеем, и налив святой воды; он привил к бесплодному дереву росток в честь Бога, а именно: он посадил святое слово среди дикого народа. Утомляя свое тело беспрерывным ночным бдением, постами и молчальничеством, он взирал сердцем в зерцало благочестия. Когда король Владимир услышал речи этого мужа, он приказал схватить его вместе со своим сыном, которого Болеслав возмутил против отца, и вместе с его женой и посадил в темнице каждого отдельно. Почтенный отец в заключение довершил то, чего он не мог выполнить перед глазами всего света; обливаясь потоками слез и принося жертву молитвы из уничиженного сердца, он примирился с Богом, и, освободившись из тесного заключения в теле, с радостью перешел к свободе вечной славы. Вышеупомянутый король носит имя *Владимир*, что значит в переводе «сила мира», но он носит такое имя несправедливо, ибо нельзя назвать миром того мира, в котором живут друг с другом безбожные люди, или которым наслаждаются вообще обитатели земли; этот последний мир всегда непрочен; только тот истинно радуется о мире, который, смиряя все порывы духа, делает себя достойным Царства Небесного при помощи всепобеждающего смирения. Тот епископ, наслаждаясь теперь небесным миром, смеется над угрозами того несправедливого короля и взирает в своем телесном и духовном целомудрии на того сластолюбца, как он страждет в огне мести и как о том свидетельствует наш наставник св. Павел: «Блудников и прелюбодеев будет судить Бог» (Евр. 13, 4). Едва Болеслав узнал о случившемся, как позаботился о мести. Между тем умер тот король в глубокой старости, оставив все свои владения двум сыновьям, а третий оставался в темнице. Позже ему удалось уйти, но без жены, к своему тестю. Владимир носил на чреслах перевязь... но не с той целью, для которой повелел то Иисус Христос, когда он говорил: «Да будут чресла ваши препоясаны» (Лука, 12, 35), а именно, чтобы стянуть вместилище нашего сластолюбия. Впрочем король, услышав от своих проповедников о «горящих светильниках» (Лука 12, 35), очистил себя от пятна прошедшего раздачей щедрой милостыни. Ибо в Писании сказано: «Подавайте милостыню, и все будет в вас чисто». После долгой жизни и продолжительного царствования он умер. Его похоронили в Китаве (Киев), большом городе в церкви св. мученика Папы Климента рядом с женой Еленой; и их саркофаги стоят в виду посредине церкви. Государство его было разделено между сыновьями. Но слово Христа подтверждается на всем, и потому я боюсь, что и на этот раз исполнится

изреченное устами вечной Истины: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет» (Лука, 11, 17). Но да помолится все христианство, чтобы Бог отвратил такой приговор от тех земель (то есть от Руси).– После такого отступления возвращусь к своему предмету».

Однако автор в главе 53 продолжает рассказывать еще о нескольких пожарах, о поездке Генриха во Франкфурт, о крушении венецианских кораблей с пряностями и в главе 54 подобными же известиями заключает седьмую книгу.

Восьмая книга

Тот же характер сохраняет и последняя, восьмая книга, которую автор писал за две недели до смерти (в середине ноября 1018 г.) и довел собственно до главы 8, в начале которой он упоминает об одном аббате Альфкере, прославившем себя тем, что за обедней всякий раз он плакал так, что делался весь мокрым; упомянув в предыдущих главах о подобных же подвигах других своих современников, автор обращается в заключение к самому себе.

О, горе мне, недостойному служителю Божию, который ни в чем не может сравняться с теми вышеупомянутыми братьями. Я много видел примеров добродетельной и благочестивой жизни, много о том читал, но ничего не принял к своему сердцу; я охотно подвергался искушениям, которым следовало противиться, и падал, потому что недостаточно сопротивлялся. Кому следовало быть полезным, я только вредил, и свое дурное дело скрывал, как какую-нибудь драгоценность. Ты, мой читатель, или ты, мой дорогой преемник, не обращай внимания на то, что будет тебе говорить о моей полезной деятельности благосклонная молитва изменчивой толпы, и так как я с каждым днем слабею, то поспеши ко мне на помощь своими неутомимыми мольбами и раздачей милостыни, и исторгни меня из пасти яростного волка, который меня грызет.

(Затем автор пишет длинную исповедь, наставление будущему преемнику, распоряжается относительно имущества, указывает на свой календарь, где им были записаны различные приобретения, и в заключение исчисляет дары, полученные Мерзебургской церковью от Генриха II.)

Но так как я не мог довольно сказать о благости короля Генриха, текущей подобно меду, то горю теперь ревностным желанием изложить в порядке всю его жизнь, как то я еще прежде предположил себе.

Этот год, которому я посвятил сию книгу (1018) есть 41-й год моей жизни или немного более; а в апреле, именно 27-го числа, начался десятый год моего возведения в епископы.

Эти строки автор писал незадолго до смерти (умер в декабре 1018 г.); ему не удалось исполнить свое намерение, о котором он выше сказал; между тем он в последние дни своей жизни продолжал еще заносить различные события 1018 г., что и составило последние главы восьмой книги (от 9 до 17-й). В предпоследней, главе 16, он записывает войну Болеслава с Ярославом Мудрым; в этой заметке, завершающей его хронику, обращает на себя внимание только одно описание Киева: «В большом городе Китаве (Киеве), столице того государства, находится более 400 церквей и 8 рынков. Жители же его, которых число трудно определить, состоят главным образом из беглых славян, которые туда устремляются со всех сторон, и в особенности из быстроногих данов (норманнов); они до сих пор счастливо отражают частые набеги печенегов и одерживают победы над многими врагами». В главе 17, и последней, автор выражает еще раз намерение говорить о Генрихе II, но на этом и остановила его смерть.

Chronici libri VIII. Кн. V–VII.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ТИТМАРА, ЕПИСКОПА МЕРЗЕБУРГСКОГО. 1002–1009 гг.[1] (в 1018 г.)

В это время (24 марта 1009 г.) мой предшественник по должности (Вигберт, епископ Мерзебургский), захваченный тяжкой болезнью, шел навстречу смерти, нетерпеливо ожидая конца своей жизни. Но прежде, нежели мы простимся с ним, я должен сказать, хотя коротко, несколько слов в его воспоминание. Он происходил из лучшей фамилии в Ост-Турингии, а воспитание получил в Магдебурге под руководством монаха Отрика. Архиепископ Магдебургский Гизилер взял этого превосходно обученного юношу на службу и долго держал его при себе, наградил особой пребендой и почтил его достоинством архипастыря. Но в конце Гизилер, побуждаемый неутомимым наушничеством злых людей, лишил Вигберта части пожалованного и удалил от себя, так что он оставил все, что имел, и сделался приверженцем Генриха (II) и был им весьма любим. Вигберт был очень красив и статен, имел приятный голос, хорошо говорил и рассуждал, был веселого нрава в кругу своих и, ко всему этому, щедр. А потому, Божией милостью, за свои добродетели он и достиг достоинства епископа Мерзебургского. Во время своего управления и Богом дарованной ему жизни он сделал следующие приобретения для своей церкви: Сидегезгузун, Вирибены, девять дворов в Дерлингуне, семь в Даливах и три в Нинстедах. Из своего же имущества он подарил церкви семь дворов и Красную Гору. Епископ Вигберт много надавал книгами и сосудами для богослужения. Лет десять он страдал вследствие отравы частыми головными болями, и в марте они достигли высшего предела. Если он бывал несправедлив со своими или гостями, то причина того заключалась в его телесных страданиях.

[1] Этот отрывок составляет часть шестой книги хроники нашего автора, от главы 26 до 82-й включительно (см. выше). Для объяснения этого отдельного и важнейшего события в жизни автора к предыдущему см. очерк его биографии, выше.

Вверенных ему прихожан он старался отклонить от заблуждений суеверия постоянной проповедью и поучением. Так, до основания истребил он рощу Зутибуру, которую обитатели почитали божественной и с давнего времени не рубили ее; на ее же месте создал церковь св. мученику Роману. Кроме того, им воздвигнуты были еще третья и четвертая церкви в Магдебурге и много других домов Божиих. Если непостоянная толпа и болтает о нем иное к его вреду, то, я уверен, что у богомыслящих такие толки не находили себе никакой веры. Никто не думает, обвиняя другого, что и он сам не без греха. Этот достопочтенный муж сидел на епископском престоле пять лет, шесть недель и пять дней; совершив несколько раз свою исповедь и обливаясь слезами, он получил отпущение грехов от посетивших его на смертном одре епископов, Виго Бранденбургского и Эрика Гавельбергского, и во вторник 24 марта (1009 г.) в Мерзебурге отошел к Господу из этой жизни, путем, как я надеюсь, блаженства. Он был положен на том месте, которое в видении было указано ему одним из избранников Христовых, бывшим постоянным его спутником и руководителем.

Преемником этого достойного мужа был я, который пишу о том; меня избрал благочестивый пастырь душ Тагино[1]. Празднуя еще Рождество Христово в Пёльде, король советовался с этим своим доверенным, какому доброму пастырю мог бы он поручить Мерзебургскую церковь в случае смерти епископа Вигберта. Архиепископ сказал: «Есть в моем монастыре брат, именем Титмар, которого вы сами хорошо знаете; этот муж, благоразумно исполняющий свое дело, я надеюсь, будет хорош, с помощью Божией, для этой должности». Тогда король воскликнул: «Если бы он принял это! А во мне он имел бы самого надежного споспешника во всем, в чем бы он ни нуждался». Ко мне тотчас был послан мой двоюродный брат Тидрих (епископ Мюнстерский) сооб-

[1] Архиепископ Магдебургский, в епархии которого лежал Мерзебург.

щить о том, именем архиепископа и короля, и по возможности убедить меня принять предложение. Я принял посланного в Магдебурге, где я находился в то время[1], и ответил следующим образом: «Пусть всемогущий Бог вознаградит моего возлюбленного отца и начальника, что он вспомнил меня добром. Но я считаю себя недостойным того, что он обо мне думает, и потому не смею принять предложения и изъявить свое согласие. Еще в руках Бога исторгнуть из пасти смерти епископа, который еще в живых. Совершенно отказаться от чести я боюсь, чтобы не утратить доброго расположения дорогого моего начальника, а кроме него мне нельзя рассчитывать ни на чью другую поддержку; с помощью же его могу получить не только это, но и гораздо более. Таким образом, после смерти епископа, если Бог сохранит мою жизнь, я выполню то, что угодно ему и поставленным от него властям». Получив во Франкфурте известие о смерти епископа, король приказал совершить подобающие торжественные поминки. Под влиянием известных лиц король отклонил от меня свои мысли и принял другое, лучшее решение. Он хотел отдать этот сан известному Этельгеру, заслуженному мужу. Но доверенный короля, архиепископ Тагино, узнав о том, ревностно противодействовал его плану и неусыпными настоятельными просьбами достиг того, что король согласился вызвать меня к себе через приора Гальберштадтского Гецо, который и явился ко мне в мое имение Ретмерслево (Ротмерслебен). В эту же ночь я имел видение, что над моим ложем висит епископский жезл, и слышал, как будто меня кто-то спрашивал: «Хочешь ли ты принять Мерзебургскую церковь?» Я отвечал: «Если то угодно Богу и архиепископу, который меня призывает на это, я согласен». Голос продолжал: «Берегись! Кто возбуждает нерасположение св. Лаврентия, тот на месте теряет рассудок». Я ответил: «Пусть сохранит меня защитник всех сынов человеческих, Иисус Христос, если я здесь или где-нибудь осмелюсь оскорбить величие всемогущего Бога, и за свою вину лишусь ходатайства святых». Пробудившись, я изумился, вскочил с ложа и в окошко увидел светлый день, и вот, смотрю, идет в мою келью вышеназванный приор Гецо и объявляет мне с предъявлением двух писем, что меня приглашают явиться в Аугсбург в воскресенье, на Святой неделе. Я пошел в Магдебург и, отправившись оттуда в неделю Ваий с дозволения приора и своих духовных собратий, во вторник после Христова Воскресенья (на третий день праздника) достиг места своего назначения, был милостиво принят архиепископом, хотя он гневался, что я так опоздал. На следующий день он пригласил меня к себе и по приказанию короля спрашивал, расположен ли я одарить церковь из своего имущества по мере своих сил? Я ответил: «Я пришел сюда по вашему приказанию, а не по собственному побуждению, и дать определенный ответ на этот вопрос я теперь не в силах и не желаю. Если по воле Божией и милости короля ваше расположение ко мне так же велико, каким оно было некогда, то ваша цель достигнута, и я охотно исполню все, что только могу сделать как в этом, так и в других отношениях, для спасения своей души и во исполнение вверенной мне обязанности». Архиепископ благосклонно выслушал мои слова, одобрил их, повел потом в капеллу епископа Бруно, где ожидал его король, и передал меня ему в руки, сам же стал приготовляться к совершению мессы. Когда король, по избранию присутствовавших, посредством жезла передал мне епископское достоинство, и я на коленях молил о благодати, начальник хора возгласил: «Приидите, благословеннии Отца моего». В большой церкви, между тем, раздался звон всех колоколов к обедни, и хотя это произошло случайно, а не по какому-либо приказанию или для чествования меня, король, однако же, счел это добрым предзнаменованием. Потом высокопочтенный епископ Бруно устроил великий пир, и в ближайшую субботу мы пришли в Нейбург. Там в воскресенье после Пасхи (24 апреля) я был помазан на епископство святым елеем, рукой вышеназванного архиепископа при содействии нашего собрата Гилливар-

---

[1] Титмар был до того времени приором в Вальбеке.

да (епископа Цейцского), в присутствии не менее четырех епископов и самого короля. Оттуда на корабле по Дунаю отправились мы в Регенсбург...

Потом по приказанию короля я поехал в свою епископию. Но сначала я посетил свое поместье, которое по-славянски называется Мальцин, а по-немецки Эгисдорф (Эйсдорф), и на следующий день по прибытии, вблизи р. Эльстера и города Итеры, беседовал с подданными моей церкви, чтобы доставить утешение и надежду присутствовавшим, а отсутствовавших привлечь. А именно, в то время большое число тамошних монастырских людей убежало, или по непостоянству своих нравов, или по слабости управления моих предков. Оттуда я отправился в Мерзебург, где меня встретило с честью духовенство, и Эрик, епископ Гавельбергский, возвел на престол. На следующий день, в воскресенье, я служил обедню за согрешивших, учил собравшихся христиан, жаждавших назидания, и Божеской властью отпустил грехи кающимся, хотя я и сам человек со слабостями. В понедельник (23 мая) начались дни молитвы, и я по приказанию моего архиепископа отправился в Магдебург, а в среду был принят своими духовными собратиями не по своим заслугам, а по их любвеобилию. Мы праздновали (26 мая) потом совокупно, по мере своих сил, таинственное вознесение Христа на небо.

Из Магдебурга я отправился в Валлибицы (Вальбек), где я пребывал до того времени 7 лет, три недели и три дня приором духовной братии, служившей Богу и св. Приснодеве Марии; но, к сожалению, это бремя я купил себе посредством симонии, правда, не за деньги, но за уступку поместья своему дяде. И в этом я тяжко виноват, хотя и надеюсь на милосердие Всевышнего судии, потому что я действовал так для защиты стада Господня и для сохранения того, что было основано моими родителям. А потому, мой читатель, заклинаю тебя, прими в соображение представляемые в моем рассказе обстоятельства при суждении моих поступков и слезными мольбами смягчи гневный лик моего будущего Судии. Мой дядя, Лотарь, сделав проступок в отношении своего государя и короля, заботливо думал о смытии с себя такого пятна. Вследствие того, на месте, называемом Лесной Ручей (Вальбек, от Waldbach), построил он монастырь в честь Богоматери и поставил там приором Виллигиса, а братии подарил на одежду и содержание десятую часть своего имущества. После смерти его жена его Матильда, при содействии своих обоих сыновей, старалась выполнить волю своего мужа, и когда умер Виллигис, назначила его преемником Регинберта, родом остфранка. После смерти моего отца и его матери, когда прошло много лет тому, Регинберт, по старанию моего дяди Лотаря, был возведен Оттоном III в епископы Альтенбурга (Ольденбурга).

В то время по соседству с нами жил духовный благородного происхождения по имени Тидрих, который, по убеждению вышеназванного графа Лотаря, купил себе то приорство за десять десятин земли. Тидрих оставался в этой должности столь же долго, и даже еще дольше Регинберта; между тем умерла моя мать, и я, как третий наследник, получил от своих братьев половину того поместья, которое дед посвятил тому монастырю. Вследствие того я несколько раз ходил к моему дяде, не дозволит ли он мне принять на себя звание приора, и если того нельзя сделать даром, то не возьмет ли он с меня умеренной цены. Но Лотарь, невзирая на свои родственные обязанности и любовь, после долгих и упорных переговоров, требовал от меня значительной жертвы. Не найдя поддержки в своих братьях, я с сожалением согласился на его требование и сделан был настоятелем той церкви, которой я был ленным владетелем в силу одного наследственного права, переданного мне отцом. Это случилось в год воплощения Господня 1002-й, 7 мая, когда мой предшественник на основании полюбовного размена дал на то свое согласие. В этой должности, как негодный работник, я служил более неправде, нежели правде, и никогда я не давал себе труда приготовить труды покаяния. Говоря так, я не хочу жаловаться на своих родственников, но я пламенно желаю, чтобы им было воздано за зло добром. После смерти жены моего брата он просил меня приготовить ей

место покоя в моей церкви. Зная, что там уже погребен почтенный Виллигис, сначала я воспротивился, но, наконец, уступил, оскорбив тем и право, и совесть; о, я несчастный, я согласился на то, чего не должно бы случиться! То, что считают святотатством даже язычники, я, христианин, сделал это: я приказал открыть могилу своего брата по должности и выбросить оттуда его кости, а серебряную чашу, найденную там, продать и полученное разделить между бедными; но впоследствии я нигде не мог ее найти. Конечно, болезнь, вскоре постигшая меня, указала мне достаточно, как тяжко я прегрешил перед Господом. Но превозмогши с Божией помощью болезнь, я отправился в Кёльн с благочестивою целью. Там, ночью, услышав необыкновенные звуки, я спросил, что это такое? Мне отвечал голос: «Я, Виллигис, блуждаю теперь, потому что твоей виной оставлен без пристанища». Я проснулся и страх овладел мной; до сегодня я дрожу, сознавая свое преступление, и никогда не перестану дрожать...

Так как мне казалось неудобным оставить свою церковь в Вальбеке без особенного настоятеля, то я и поставил, по совещании со всей монастырской братией, Виллигиса, своего брата, служителя того алтаря. Затем я возвратился в Мерзебург, где и встретил Троицын день, вместе с моим государем королем 5 июня 1009 г.

Chronici libri VIII. Кн. VI, 26–32.

Гельмольд

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА II. 1002–1024 гг. (в 1170 г.)

Предисловие автора

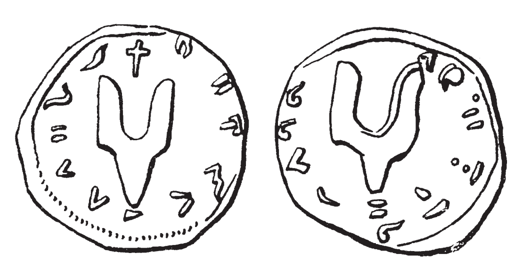
Достопочтенным владыкам и отцам, настоятелям св. Любекской церкви, посвящает *Гельмольд*, недостойный служитель церкви, что в Бозове, как добровольную дань должного повиновения.

Долго думал я, какой бы труд предпринять мне, чтобы отблагодарить матерь свою, св. Любекскую церковь, и почтить приношением за дарованную мне должность; но ничего лучшего не мог сделать, как описать в честь ее обращение славянского народа и изобразить, трудами каких государей и каких ревностных проповедников в странах этого народа первоначально была насажена христианская вера и потом снова восстановлена. К этому труду меня побуждает достойная подражания забота прежних писателей, из коих многие по особенной любви к литературным занятиям отказывались от всех тревог общественной жизни, чтобы в уеди-

---

ГЕЛЬМОЛЬД, СВЯЩЕННИК в БОЗОВЕ (HELMOLDUS, PRESBYTER BOSOVIENSIS, ум. в 1175 г.). Он жил и писал во второй половине XII в., самой важной эпохе в истории Севера Европы, когда было основано Любекское епископство, послужившее центром великого Ганзейского союза, и такой замечательный момент нашел для себя не менее замечательного историка. Гельмольд умел соединять достоверность с необыкновенной привлекательностью и оживленностью изложения и сверх того писал на превосходном латинском языке. Жизнь его нам мало известна. Из того, что его друг и наставник епископ Герольд был капелланом Генриха Льва и преподавателем наук в Браунгшвейгской школе, заключают, что и Гельмольд был родом из того же города. Когда Герольд сделался епископом Любекским, он отдал Гельмольду приход в Бозове на Плёнском озере в земле вагиров (Южная Голштиния).

Издания: *Leibnitz.* Script. rer. Brunsw. II, 537–751. Переводы: немецк. Laurent (Berl. 1852), в Geschichtsschr. d. d. Vortzeit. Lief. 19.– Критика: *Lappenberg.* Ueber Helmold und Arnold, помещ. в *Pertz.* Archiv, VI, с. 554–584.



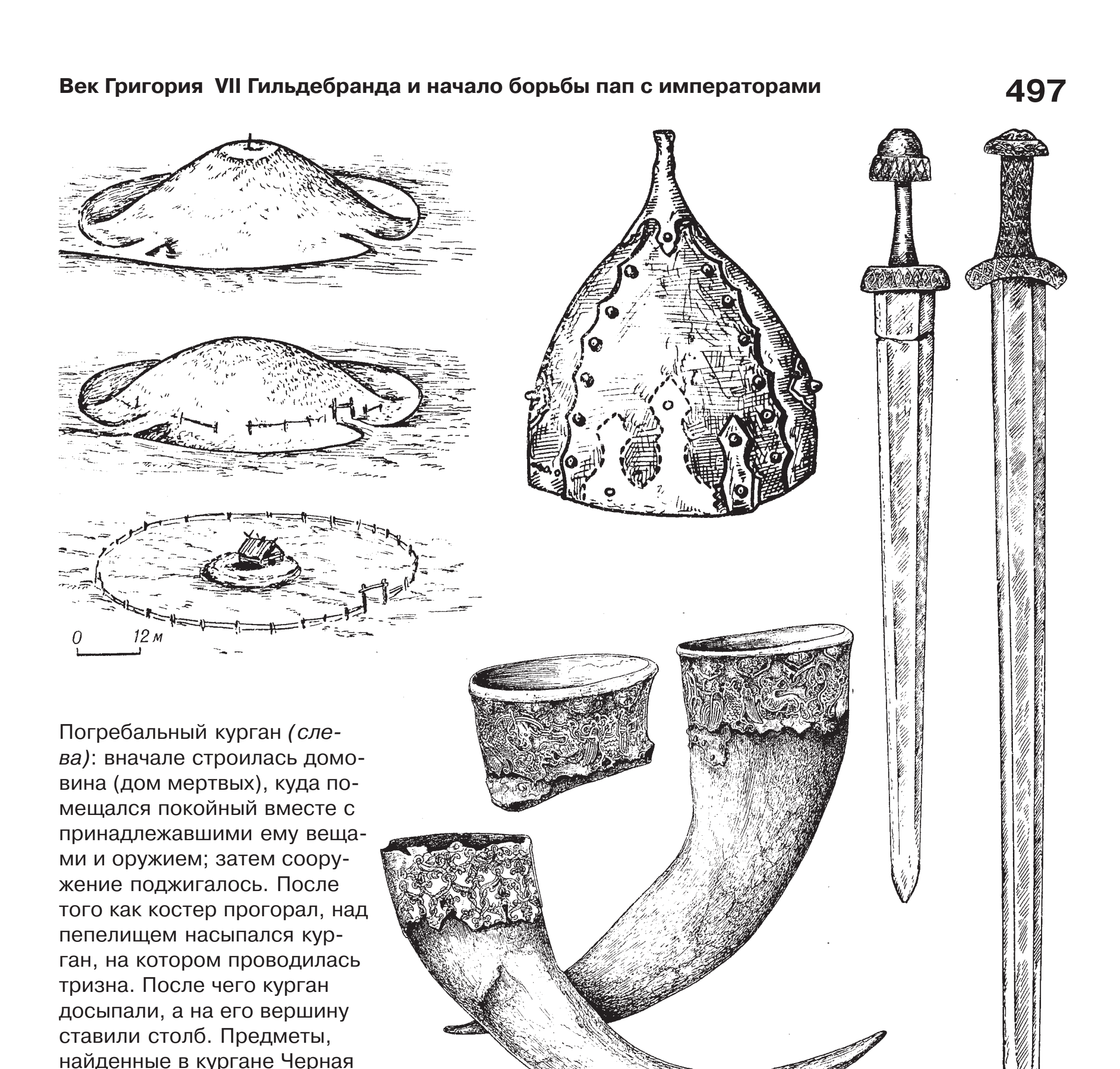
Печать Святослава Игоревича (962–972 гг.)

ненном созерцании найти путь к мудрости, которую они предпочитали блестящему злату и всем драгоценностям. Они направляли свой пытливый взор даже на неосязаемые дела Провидения и старались проникнуть в тайны сокровенные в них, и в этом отношении они предпринимали то, что превышало их силы. Другие же, не заходя так далеко в своих намерениях и целях, держались в пределах доступного им; но и они, несмотря на свою скромность, содействовали к увеличению сокровищницы писаний, заключающей в себе великие тайны. Они начали даже с истории сотворения мира, рассказывали многое о царях, пророках и об изменчивом ходе войн, и перед лицом всего мира платили постоянно дань похвалы добродетельной и пороки осыпали проклятием. Если бы среди мрака этого мира не блистал луч наук, то все покрылось бы ночью. Потому достойны порицания те беспечные современники, кои хотя и видели, что многое как прежде, так и теперь совершается по определению Божества, но, тем не менее, замкнули свои уста и предались скользкой суете мира сего. Я же на страницах этого труда считаю себя обязанным превознести похвалой тех, которые в различное время содействовали просвещению славян или оружием, или словом, проливая даже свою кровь; их заслуг нельзя пройти молчанием уже и потому, что по разрушении Ольденбургской церкви они при помощи Божией довели до такого верха славы знаменитый город Любек, что между всеми замечательнейшими городами славянскими он стал выше других как по богатству, так и по своей религиозности. Таким образом, опустив все прочее, я при помощи Божией решился верно описать все, что случилось в наше время и что я или слышал от старожилов, или сам видел, и, что естественно, описать позднейшие годы тем подробнее, чем большее число событий совершилось в наше время. К этому труду меня побуждала не моя смелость, но убеждение моего досточтенного наставника, епископа Герольда[1], прославившего Любекскую церковь и своими назиданиями, и своей братией.

Книга первая

1. Я думаю, что не излишне будет при начале этого труда в кратком историческом обзоре сказать о быте и нравах славян и о том, в каком глубоком заблуждении утопали они, чтобы из этого, судя по качеству болезни, тем легче заключить о силе божественного их врачевания. Славянские народы весьма многочисленны. Они живут по берегам Балтийского моря. Один рукав этого моря разливается от Западного океана к Востоку и называется *Балтическим*, потому что он наподобие *balteus*, то есть пояса, тянется длинной полосой через Скифские земли до Греции (то есть Руси). Это море называется также Варварским, или Скифским оттого, что омывает страны варварских народов. Около него живут многие народы: даны и шведы, называемые у нас норманнами, занимают северный берег и все прилежащие к нему острова, а южный населяют славянские народы, из коих первые от востока руцы (руссы), далее поляне (поляки), с которыми граничат к северу пруссы, к югу богемы и морганы (моравы), или каринты, соседние сорабам. Если же и Венгрию считать за часть славянской земли, как некоторые того хотят, на том основании, что она ни нравами, ни языком не отличается от нее, в таком случае область славянского языка так увеличится, что невозможно того и представить. Все эти народы, кроме пруссов, – христиане. Давно уже и Русь уверовала. У данов она называется Острогардом, потому что она, находясь на Востоке, изобилует всяким добром. Ее называют также

[1] Герольд был первым Любекским епископом и умер в 1163 г., вскоре после перенесения престола из Ольденберга в Любек



Погребальный курган *(слева)*: вначале строилась домовина (дом мертвых), куда помещался покойный вместе с принадлежавшими ему вещами и оружием; затем сооружение поджигалось. После того как костер прогорал, над пепелищем насыпался курган, на котором проводилась тризна. После чего курган досыпали, а на его вершину ставили столб. Предметы, найденные в кургане Черная Могила *(справа)*: шлем, рога тура и мечи (X в.)

Гунигардом, потому что там прежде жили гунны. Главный же город ее Киев (Chue). Но я не мог нигде узнать с точностью, какими проповедниками она обращена в христианскую веру; знаю одно, что в своих обрядах она, кажется, более подражает грекам, чем латинам, так как Русское море (то есть Черное) служит близким путем сообщения ее с Грецией.

Пруссы еще не просвещены верой, но одарены добрыми природными качествами; так, они весьма сострадательны к терпящим нужду, спешат навстречу погибающим на море и преследуемым пиратами. Золото и серебро они ценят мало и богаты одними неизвестными у нас мехами, запах которых влил смертоносный яд гордости в наше общество. Сами они считают эти меха не дороже всякой дряни, и тем, я думаю, произносят приговор над нами, которые домогаются куничьих мехов, как величайшего блаженства. Поэтому они и выменивают нам своих драгоценных куниц на простые полотняные одежды, называемые у нас фальдонами (faldones). Вообще много можно было бы сказать похвального о их нравах, если бы только они исповедывали христианскую веру, проповедников которой они жестоко преследуют: у них украсился мученическим венцом знаменитый епис-

Бой воинов Святослава с византийцами (миниатюра из рукописи Иоанна Скилицы)

коп Богемский Адальберт. Будучи в тесном сношении с нами во всем, они даже и теперь воспрещают нам доступ в священные дубравы и к источникам, думая, что они оскверняются посещением христиан. В пищу употребляют мясо вьючного скота, из молока и крови которого приготовляют одуряющий напиток. Глаза у них голубые, лицо красноватое, а волосы длинные. Неприступные в своих болотах, они не хотят признавать никаких господ над собой.

Венгры прежде были народом очень сильным и искусным в бою, опасным даже для самой Римской империи. Так, после поражения гуннов и данов венгры свирепствовали в третий раз и опустошили и разорили все пограничные области. Собрав многочисленное войско, они овладели всей Баварией, или Швабией, кроме того, опустошили пограничные Рейнские страны, а Саксонию прошли огнем и мечом до Британского океана. Каких усилий и какой потери стоило укрощение этого народа и подчинение его Божескому Закону для императоров и христианского воинства, о том многие знают и ясно говорится в истории. Каринты пограничны с баварцами. Они усердны к богослужению, и нет ни одного народа, который был бы более честен и более оказывал почтения священникам. Богемия имеет короля и людей воинственных, наполнена церквами, и народ ее богобоязнен. Она разделяется на два епископства: Прагское и Ольмюцское.

Польша – обширная славянская страна; граница ее, говорят, соприкасается с владениями руссов; разделяется же она на восемь епископств. Прежде она имела короля, а теперь управляется герцогами и подвластна императору так же, как и Богемия. Как у поляков, так и у богемцев одинаковый образ вооружения и способ ведения войны. Всякий раз, как их вызывают на войну другие народы, они храбро дерутся, но после того делаются жестоки своими убийствами и грабежом: не щадят ни церквей, ни монастырей, ни кладбищ. Впрочем, они не иначе соглашаются идти на войну с чужеземными народами, как договорившись предварительно о своем праве на разграбление сокровищ, которые охраняются в святых местах благочестием, как стеной. Вследствие такой жадности часто случается, что они и с лучшими своими друзьями обращаются как с врагом, отчего весьма редко призывают их на помощь во время войны. Этого и достаточно будет сказать о богемцах, поляках и прочих восточных славянах.

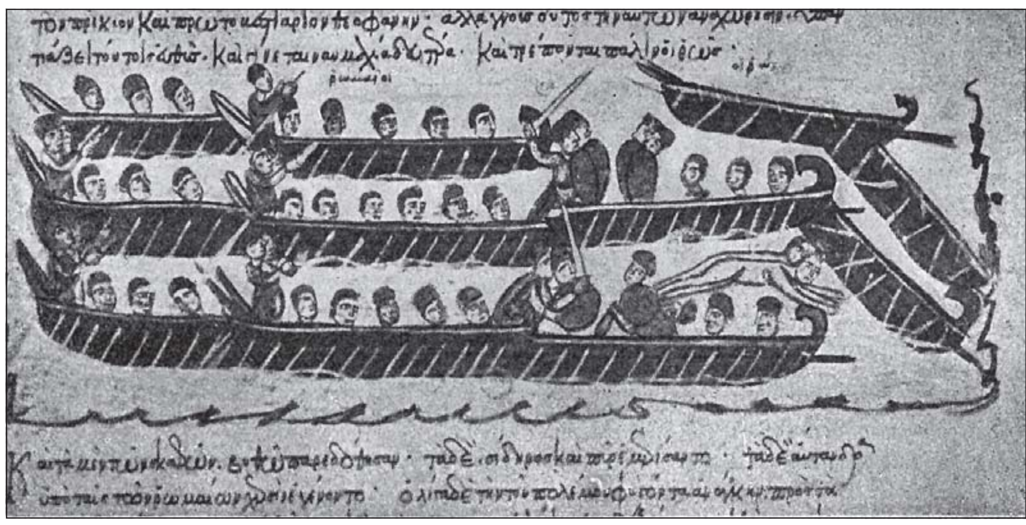
В следующих главах, от 2 до 15-й, автор излагает сначала вкратце географические сведения того времени о западных славянах, а потом рассказывает подробнее историю завоевания их и обращение в христианство, начиная от Карла Великого, при его преемниках, в течение IX и X столетий, до смерти Оттона III, 1002 г. Но эта часть хроники мало замечательна как простое сокращение труда Адама Бременского, жившего ближе к описываемому им времени (см. об Адаме Бременском и его сочинениях ниже).

Начиная с главы 16 автор описывает эпоху Генриха II и хотя продолжает пользоваться материалами Адама Бременского, но уже дополняет его другими источниками, а потому с этого места хроника приобретает больший интерес.

Сосредоточение Оттоном III всего внимания на Италию было причиной ослабления господства немцев в славянских землях, почему после смерти его славяне восстали и вместе отказались от христианства, которое в их представлении было тесно связано с идеей о немецком иге. На этом-то восстании славян, в начале XI в., и останавливается несколько долее наш автор.

16. В это время приходил к концу 1001 г., от воплощения Бога слова[1], когда император Оттон III, после того, как в третий раз он вошел в Рим победителем, преждевременно умер. Престол его наследовал Генрих (II) Благочестивый, прославившийся своим правосудием и святостью, тот самый, который основал Бамбергское епископство и заботился великой щедростью о церквах и богослужении. В десятый год его правления умер Саксонский герцог Бенно, муж знаменитый своим правосудием и ревностный защитник церквей. Преемником ему был сын его, Бернгард, уже не столь счастливый, как отец. С того времени, как он сделался герцогом, распри и возмущения в этой стране никогда не прекращались, потому что он осмелился восстать против императора Генриха и возмутил против

[1] Оттон III умер 24 января 1002 г.



Русские ладьи. По рисунку древнегреческих летописей

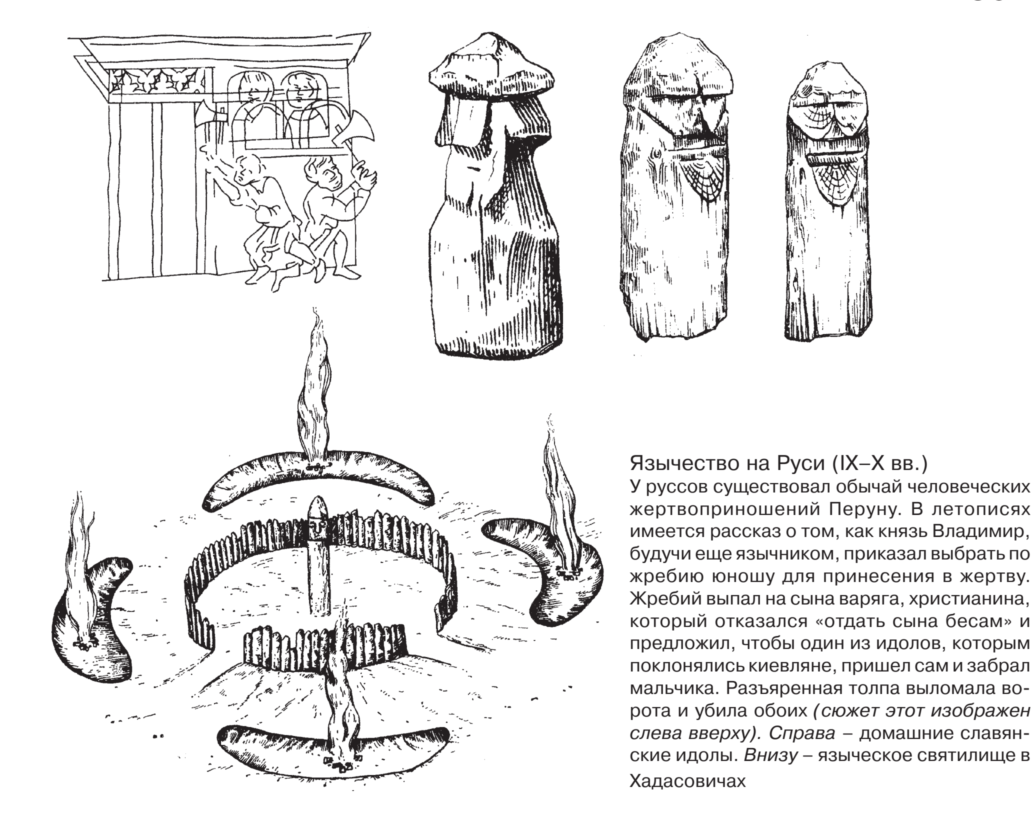
Воины Древнерусского государства

него всю Саксонию; потом вооружился против самого Христа, и все саксонские церкви, особенно те, которые во время упомянутого восстания не хотели подчиниться ему, привел в страх и смятение. Кроме того, этот же герцог совершенно забыл то доброе расположение к славянам, какое питали к ним его отец и предки: он так жестоко угнетал винулов по своему корыстолюбию, что принудил их принять язычество. Славянами в то время владели маркграф Теодорих и герцог Бернгард, один – восточной страной, а другой – западной; их неразумное правление привело к негативным последствиям. Тогда как прежние добрые императоры кротко обращались с грубыми языческими племенами, смягчая их суровые нравы и обращая на путь спасения, Теодорих и Бернгард угнетали их до того, что они увидели себя в необходимости свергнуть иго рабства и защищать свою свободу оружием. У винулов в то время были князьями *Мистивой* и *Мицдраге*[1]; под их-то руководством и вспыхнуло то восстание. А старое предание говорит, будто бы Мистивой просил руки племянницы Бернгарда, и последний обещал ему. Чтобы заслужить обещанное, Мистивой с тысячью всадников сопровождал Бернгарда в Италию, где герцог и почти все его войско погибло. По возвращении из похода Мистивой стал просить обещанной ему невесты; но маркграф Теодорих помешал этому делу и объявил, что кровная родственница герцога не может быть выдана за собаку! Выслушав это, Мистивой с негодованием удалился. Герцог, впрочем, изменил свое мнение и вслед за Мистивоем отправил послов объявить ему, чтобы он взял обещанную невесту; но Мистивой, говорят, дал ему следующий ответ: «Так как благородной родственнице великого герцога следует вступить в супружество с знаменитым мужем, то нельзя отдать ее за собаку. Нас довольно отблагодарили за оказанные услуги тем, что отнесли к собакам, а не к людям. Но когда собака сделается сильной, то она больно укусит». Затем он возвратился к славянам и прежде всего зашел в город Ретру, находящийся в области лутичей. Там перед собранием славян, живших на востоке, он объявил о нанесенном ему оскорблении и сказал, что на языке саксонцев славяне называются собаками. Славяне ему отвечали: «Ты и стоишь того за то, что покинул своих соотечественников и служил саксонцам, народу вероломному и корыстному. Поклянись же теперь перед нами, что ты бросишь их, и мы будем с тобой». Мистивой поклялся.

Когда герцог Бернгард, пользуясь случаем, поднял оружие против императора, славяне сочли такое время благоприятным для себя, собрали войско и опустошили всю Нордалбингию огнем и мечом; затем прошли по всей Славянской земле, сожгли все храмы и разрушили их до основания, а священников и других церковнослужителей умертвили, подвергнув их разным мучениям, и по эту сторону Эльбы не оставили даже следов христианства.

В Гамменбурге (ныне Гамбург), тогда и после того, было взято много духовных и мирян в плен, а еще более истреблено по

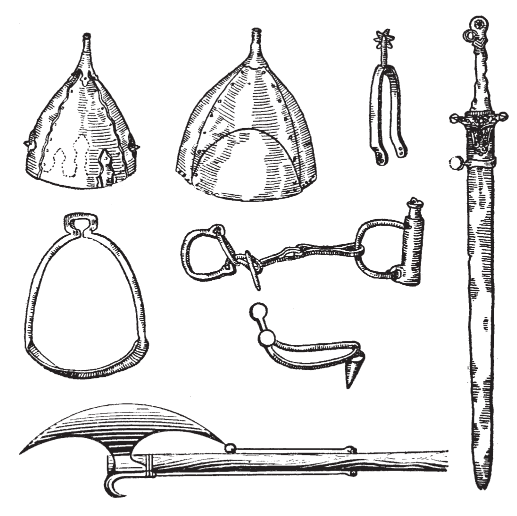
[1] То есть Местивой и Мечислав.



Язычество на Руси (IX–X вв.)
У руссов существовал обычай человеческих жертвоприношений Перуну. В летописях имеется рассказ о том, как князь Владимир, будучи еще язычником, приказал выбрать по жребию юношу для принесения в жертву. Жребий выпал на сына варяга, христианина, который отказался «отдать сына бесам» и предложил, чтобы один из идолов, которым поклонялись киевляне, пришел сам и забрал мальчика. Разъяренная толпа выломала ворота и убила обоих *(сюжет этот изображен слева вверху). Справа* – домашние славянские идолы. *Внизу* – языческое святилище в Хадасовичах

ненависти к христианству. Славянские старожилы, которые помнят все совершенное в ту пору варварами, рассказывают, что в городе Ольденбурге, населенном многими христианами, по избиении прочих, как скотов, шестьдесят священников были пощажены для большего над ними посмеяния; старшего между ними звали Оддаром. Ему, как и другим, крестообразно разрезали на голове кожу и оголили череп. Потом исповедников Господних, с завязанными на спину руками, волочили по всем славянским городам, пока они не умерли. Таким образом, доставив собой и ангелам, и людям зрелище, достойное удивления, они на дороге испустили свой победоносный дух. Подобных примеров рассказывают много по всем странам славян и нордалбингов, которые ныне, так как они не записаны, считаются баснями. Да, таковых мучеников в Славянской земле было много и после, так что едва ли можно записать их в одну книгу. Таким образом, все славяне, жившие между Эльбой и Одером, отреклись от тела Христова и церкви, с которой прежде были соединены. О, как непостижимо правосудие Божие в отношении людей! «Господь кого хочет милует и кого хочет ожесточает». Удивляясь его всемогуществу, мы видим, что иногда те, которые уже уверовали, снова впадают в язычество, а те, кото-

Печать Ярослава Мудрого



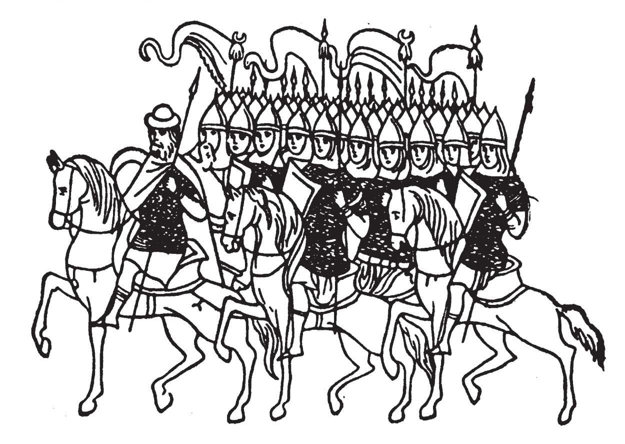
Вооружение воинов Киевской Руси (шлемы, шпоры, меч, секира, стремя, конские путы)

рые оставались последними, обращаются ко Христу[1]. Итак, Господь, праведный Судия, силен и долготерпелив. Как некогда Он истребил для испытания Израиля на его глазах семь хананских племен и оставил одних только чужеземцев, так и ныне ему угодно было ожесточить небольшую часть язычников, чтобы наказать нас за наше неверие. Это случилось в последние годы правления престарелого архиепископа Либенция (Гамбургского) и при герцоге Бернгарде, сыне Бенно, жестоко угнетавшем славян. Славянский же маркграф Теодорих, такой же корыстолюбивый и жестокий, как вышеупомянутый герцог, был лишен звания и всего наследства, сделался прихожанином в Магдебурге и кончил жизнь несчастной смертью, чего и был достоин. Славянский князь Мистивой раскаялся наконец и обратился в конце своей жизни к Господу, но за то, что он не хотел отречься от христианства, его изгнали из отечества; он убежал к бардам и там дожил до глубокой старости, оставаясь верным христианином.

В главе 17 автор делает отступление по поводу перемены в лицах епископов Бременских или Гамбургских и сокращает Адама Бременского. Но восстановление ими Ольденбургского епископства, только что разоренного славянами, назначением туда главой церкви славянских земель Бенно, дает автору повод снова обратиться к истории отношений немцев к славянам в правление того же Генриха II.

18. Бенно, человек весьма благочестивый, начал с величайшим рвением восстанавливать Ольденбургское епископство и исследовать, какие владения и доходы предоставлены были в его пользу, на основании грамот великого императора Оттона. Так как после уничтожения Ольденбургской епархии прежние постановления о приношениях князей в пользу церкви были забыты и все доходы отошли в пользу славян, то епископ лично жаловался герцогу Бернгарду, что вагиры, ободриты и другие славяне отказались платить должную ему дань. Вследствие того были призваны к объяснению по этому вопросу князья винулов. Когда их спросили, почему они отказались платить епископу десятину с полей, то они начали жаловаться на тяжесть податей вообще и объявили, что они лучше оставят землю, чем обременят себя большими налогами. Герцог, видя, что нельзя восстановить церковного права в той силе, в какой оно было при Оттоне Великом, успел, по крайней мере (и то с величайшим трудом), склонить славян на одно: чтобы по всей стране ободритов с каждого дома, богатого

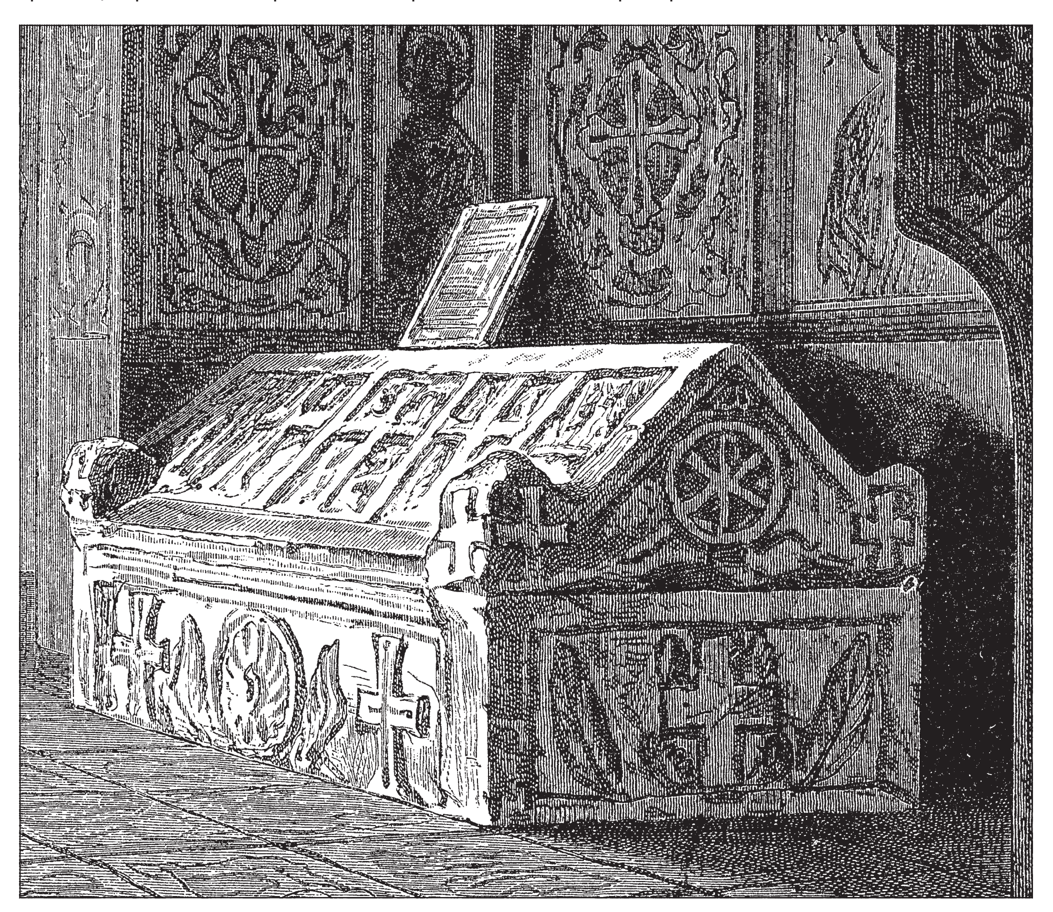
Дружина русского князя



[1] Автор обратился к богословским причинам, объясняющим восстание славян, как бы забыв настоящую причину, которую он указал сам же, говоря выше о притеснениях славян немцами.

и бедного, уплачивалось по два пфеннига как должное епископу. Кроме того, всем известные дворы в Бозове и Неценне и другие владения в земле вагиров постановлено было возвратить епископу с тем, чтобы снова их отстроить. Что же касается до поместьев, лежащих в отдаленных странах Славянской земли, и которые относились, по древним сказаниям, к Ольденбургскому епископству, например, Деришевы, Морицы, Кучины со своими угодьями, то епископ Бенно, как ни старался, никак не мог возвратить их от герцога. А когда благочестивому императору Генриху вздумалось сделать всеобщий сейм в Вербенах, что на Эльбе, с целью разведать о расположении славян, все князья винулов явились туда и в присутствии императора объявили, что они намерены ему повиноваться и жить мирно. При этом случае ольденбургский епископ предоставил императору свою старую жалобу об имениях своей церкви; когда славянских князей спросили о таких владениях, принадлежавших прежде той епархии, они признали, что упомянутые города с их предместьями действительно должны принадлежать церкви и епископу. После этого все ободриты, кучины, полабы, вагиры и другие славянские народы, жившие в пределах Ольденбургской церкви, обещали вносить всю дань, какую Оттон Великий постановил вместо десятины, как церковный доход. Впрочем, это обещание было притворное, потому что едва только император распустил собрание и занялся другими делами, славяне перестали и думать об

Гробница Ярослава в Софийском соборе в Киеве. Белый мрамор. Выполнена в византийском стиле



исполнении обещанного. Между тем столько же храбрый, сколько и своекорыстный саксонский герцог начал обременять славян такими налогами, что они должны были и совсем забыть о жертвах Богу и о приношениях в пользу духовенства. Тогда исповедник Христов Бенно, видя, что светские князья ему не только не помогают, но даже всеми мерами препятствуют, утомленный тщетными усилиями и не имея нигде спокойного места, отправился к Беренварду, епископу Гильдесгеймскому, рассказал ему о своем печальном положении и искал утешения в своем горе. Как муж благодетельный, тот пастырь принял радушно Бенно, предложил ему, утомленному, все дружеские услуги и из доходов своей церкви дал часть на содержание, пока не окажется ему возможность вступить снова в свою должность, возвратиться и найти безопасное убежище, где бы он мог оставаться спокойно. В то время вышеупомянутый епископ Беренвард в наследственных своих владениях построил со значительными издержками большой храм в честь св. архангела Михаила и при нем основал обширную обитель иноков для служения Богу. По окончании постройки храма на обряд его освящения собралось несметное множество народа; когда епископ Бенно освящал левый придел храма, то был так стеснен и сдавлен толпой, что спустя немного дней, так как болезнь его все увеличивалась, кончил свою жизнь (13 августа 1023 г.). Его с честью погребли в том же храме, в его северной капелле. Ему наследовал Мейнгер, рукоположенный Либенцием II[1], а Мейнгеру – Абелин, поставленный архиепископом Алебрандом[2].

В последних главах первой книги, от 19 до 94-й, автор описывает период от смерти Генриха II и вместе Бенно, епископа Ольденбургского, в 1024 г., до смерти первого Любекского епископа Герольда и назначения ему преемника, 1 февраля 1164 г. Но все XI столетие, до смерти Генриха IV в 1106 г., автор излагает коротко, вмещая все это пространство времени в 15 глав (от 19 до 33-й); хроника приобретает свое настоящее значение только с XII столетия, то есть с главы 34 и до 94-й: автор пишет эту часть или как свидетель и действующее лицо, по собственному наблюдению, или по показаниям очевидцев.

Вторая книга, состоящая из 14 глав, должна была служить продолжением начатого труда, но она останавливается на 1172 г. и посвящена в основном событиям епархии Рацебурга и Шверина и деятельности Генриха Льва Вельфа.

Chronicon Slavorum, I, 1, 16–18.

---

[1] Либенций был епископом Гамбургским от 1029 до 1032 г.

[2] Алебранд наследовал предыдущему и правил от 1035 до 1043 г.

Випон

ЖИЗНЬ КОНРАДА II, ИМПЕРАТОРА. 1024–1039 гг. (в 1048 г.)

Послание к королю Генриху (III), сыну императора Конрада (II)

Випон, Божией милостью, пресвитер и служитель королевских слуг, славнейшему императору и королю Генриху Третьему, мудрому как в мире, так и на войне, обладателю земного шара.

Я счел нужным, государь император, описать славную жизнь и знаменитые деяния отца твоего императора Конрада; ибо не следует, чтобы светильник скрывался под спудом, а солнечный луч прятался в облаках, так точно не следует, чтобы достопамятная добродетель покрывалась ржавчиной забвения. Впрочем, как бы ни были прекрасны и блистательны подвиги его, но перед необыкновенным блеском твоих доблестей они, повидимому, тускнеют. Но если Бог позволит, я, смиренный слуга твой, постараюсь изложить царственные деяния обоих вас, какие совершены при моей жизни, и покажу, в чем состоит между вами различие, а именно: каким образом один из вас нанес удар республике, или Римской империи, к ее же благу, а другой своей мудростью исцелил ту же республику. Если я в своем описании скажу или больше, или меньше, или иначе, чем было на самом деле, в этом случае обвинение дол-

Императорская печать Конрада II

жно пасть не на пишущего, а на рассказывавших; потому что, подвергаясь очень часто недугам, я не мог неопустительно бывать в капелле[1] государя моего, Конрада. Но то, что я сам видел или заимствовал от других, изложу перед вами, опираясь на истину, если вы пожелаете вкусить моих плодов. И так как некоторые достохвальные дела совершены тобою еще при жизни отца, то я решил поместить их между его деяниями; что же касается до того, что ты славно совершил уже по кончине отца, то об этом я намерен рассказать отдельно[2]. Если бы кто-нибудь из моих недоброжелателей заметил мне, что настоящий мой труд напрасен, когда уже другие писали о том же предмете, то (хотя я не видел ни одного сочинения об этом) отвечу: «Голос двух или трех свидетелей утверждает всякое свидетельство»[3]. Вот почему и учение Христово, заключенное в Евангелии, изложено не одним лишь, но четырьмя достоверными свидетелями. Я посвящаю тебе, верховный император, свой труд и раскрываю перед тобой деяния твоего отца с тем, чтобы всякий раз, как ты будешь предпринимать совершение какого-нибудь знаменитого подвига, наперед мог видеть, как в зеркале, отцовские добродетели; и да процветет в тебе роскошно то, что ты наследовал от родительского корня, и чем более ты превзошел всех своих предшественников в подвигах религиозных и мирских, тем дольше всех их, по милости Всемогущего Бога, удостоишься удержать свое царство и власть. Будь здоров!

---

[1] Под придворной капеллой того времени надо понимать не домашнюю церковь, но скорее то, что мы называем Собственной канцелярией. Наш автор и служил именно в такой канцелярии.

[2] Автор никогда не исполнил своего намерения.

[3] Второзак. 19, 15.

ВИПОН КАПЕЛЛАН (WIPO, CAPELLANUS – СЕКРЕТАРЬ, XI в.). Он писал в первой половине XI в. Випон был родом бургунд и получил отличное по тому времени классическое образование. После смерти Генриха II его преемник Конрад II взял Випона в свою капеллу (то есть канцелярию) и потому он был неотлучно при дворе императора. Он был в большой дружбе с сыном императора, Генрихом III, и ему посвящал многочисленные свои литературные произведения. В приведенном выше его сочинении попадаются часто ссылки на различные сочинения Випона, автора которых он называет «один из наших». Но все они потеряны за исключением трех: *Proverbia, Tetralogus* и *Vita Chuonradi imperatoris*. *Proverbia* есть собрание 100 пословиц с рифмованными изречениями мудрости, которые он поднес 11-летнему Генриху при его короновании в 1028 г. В этих поговорках конец стиха рифмуется со своей серединой; вот их образец:

Incipit *inventum*, referens proverbia *centum*.
Pax Heinrico, Dei amico.

Decet regem discere legem.
Audiat rex, quod praecipit lex.
Legem servare, hoc est regnare, и т. д.

Пролог

Чтобы не пройти немым молчанием славу христианской империи и увековечить имя тех, которые в этой жизни благоразумно управляли, передав потомкам, если те захотят подражать предкам, хороший образец для жизни – так как добрый пример укрепляет бодрость и силу, – я счел удобным и приличным отпечатлеть письменно легко ускользающие из памяти дела минувших дней. Притом, часто случается, что слава предков производить в потомках хоть изумление и совестливость, если они и не уподобляются им, несмотря на изучение их подвигов. Как добродетель облагораживает многих людей низкого происхождения, так порочность для многих и благородных служит к большему их унижению. Наконец, я считаю неприличным умалчивать о победах православных государей и в то же время провозглашать во всеуслышание о триумфах неверных тиранов. Было бы довольно неразумно писать и читать о деяниях какого-нибудь Тарквиния Гордого, Тулла и Анка, отца Энея, свирепого Рутула, оставляя в совершенном забвении наших Карлов и трех Оттонов, императора Генриха II, императора Конрада, отца славнейшего короля Генриха III и самого короля Генриха, торжествующего во имя Христа. Должно опасаться, чтобы наши новейшие писатели по своей леностн не потеряли значения в глазах Бога, ибо и Ветхий завет, в котором тщательно и обильно изложены деяния отцов, оставил нам образец и вместе указал на необходимость хранения в сокровищнице памяти вновь совершающихся дел.

Затем автор цитирует важнейшие факты библейской истории, ссылается на мнения языческих мудрецов и делает большое риторическое отступление о пользе истории, что в конце и резюмирует в нескольких словах:

Итак, писать историю своего времени можно, потому что того не воспрещает ни одна религия; это одобряется рассудком, и наконец такой труд приносит пользу отечеству и назидает потомство. Прошедшее становится, таким образом, присущим нам, а что произойдет в будущем – то останется неизвестным. В этих видах и я решился писать к общей пользе читателей, что доставит удовольствие и слушателям. Если в моих рассказах найдется что-нибудь доброе, читатель увидит, чему он должен подражать; что же касается меня лично, то я считаю этот труд выгодным и для себя, потому именно, что, предавшись занятиям, я буду в состоянии, если Бог подкрепит мои силы, удалить от своего тела, изнуренного многочисленными болезнями, столь враждебную душе праздность. Итак, вознамерившись говорить об общественных делах, я займусь преимущественно изложением деяний двух государей, то есть императора Конрада (II) и сына его, короля Генриха (III), которому почти все лучшие люди усвоили прозвание: «Путь Правды» (Lineam Justitiae). Деяния отца, которые случились в мое время и из которых одни я сам видел, а другие узнал через разговоры с разными лицами, я постараюсь изобразить живописными чертами для несведущих потомков. А славнейшие деяния сына, который, благодарение Богу, продолжает ныне царствовать, я не перестану записывать до тех пор, пока буду жив. Если же мне слу-

---

То есть «Начинается сборник, содержащий 100 пословиц – Мир Генриху, Божьему другу.– Королю следует изучать законы.– Пусть король внемлет, чему учит закон.– Блюсти закон значит царствовать» и т. д.

Tetralogus – род программы царствования, поднесенной тому же Генриху III в стихах; названо так по четырем действующим лицам: Поэт, Муза, Закон и Милосердие. Самое важное произведение Випона – «Жизнь Конрада II», как написанное очевидцем, за исключением немногого, слышанного им от епископа Лозаннского. Обещанное же им описание жизньи Генриха III или не дошло до нас, или, быть может, и не было начато автором.

Издания: *Pertz.* Monum. XI, 247–254. Переводы: Ж. Конрада II, перев. на нем. Buchholtz, Francf. a. M. 1819. Критика: *Pertz.* Wipo's Leben und Schriften, помещ. в Abhandlung. d. Berl. Acad. 1851.

чится расстаться с этой жизнью раньше короля и таким образом оставить труд неоконченным, то умоляю своего продолжателя не стыдиться на положенном мной фундаменте воздвигнуть свои стены, не пренебречь исправлением неровностей моего слога и не завидовать положенному мной началу, если он не желает, чтобы другие, в свою очередь, завидовали ему. Кто начал, тот дошел уже до середины, и потому, если кому-нибудь достанется мой труд уже начатый, он не должен оставаться неблагодарным к нему. Сказанное доселе составляет краткое предисловие: теперь я приступлю к деяниям Конрада, но наперед расскажу в немногих словах об избрании его, которое было весьма благополучно, а затем, чтобы придать своему повествованию больше вероятия, я считаю необходимым предварительно упомянуть об епископах и других князьях, составлявших в то время опору королевства.

1. В лето от воплощения Господа 1024-е, император Генрих II, устроив надлежащим образом дела государства, в то самое время, когда после продолжительного труда начинал уже пожинать зрелый плод мира, с неприкосновенной властью, в здравом уме был поражен телесным недугом, который до того усилился, что он окончил свою жизнь за три дня до июльских Ид (то есть 13 июля). Тело его привезли для погребения из Саксонии на место, называемое Бабенберг (Бамберг), где его благочестивым усердием и ревностью было основано епископство и украшено всеми церковными принадлежностями. На посвящение нового епископа он исходатайствовал согласие апостолического владыки Бенедикта; а чтобы обеспечить его положение, подтвердил торжественно своей властью его привилегии. После кончины императора государство, потеряв в нем отца, как будто опустело и на короткое время поколебалось. Добрым людям причинило то страх и заботу, а злые радовались, что империя была потрясена. Но, к счастью, Божественное Провидение вверило якорь церкви первосвятителям и правителям, каких только можно было желать в то время, чтобы привести отечество без треволнений в пристань спокойствия. Так как умерший император не оставил после себя сыновей, то каждый светский властитель, хотя бы он славился более силой, чем умом, старался сделаться первым или, по крайней мере, вторым после первого. Поэтому все почти королевство подверглось раздорам, так что во многих местах распространились бы убийства, пожары и грабительства, если бы их не успели потушить энергичные действия знаменитых мужей. Королева Кунигунда, вдова Гейнриха II, хотя и не обладала мужескими силами, однако, по совету своих братьев, Теодориха, епископа Метцского, и Гецило, герцога Баварии, по своим средствам поддерживала государство и направляла весь свой ум и заботы на восстановление империи.

При этом будет кстати здесь перечислить поименно первосвятителей и светских князей, имевших в то время силу в государстве, и избирать Quorum consiliis consuevit Francia reges[1].

Следует поименный список 12 архиепископов и епископов с добавлением к каждому эпитетов: «добрый», «деятельный», «благочестивый», «смиренный» и т. д.; только при имени епископа Аугсбургского Бруно сказано: «Рассудителен и здравоумен, если бы не запятнал себя ненавистью к брату» (то есть императору Генриху II). Далее, германские князья, о которых, по словам автора, он не знает ничего, кроме их имен; итальянских пропускает, потому что они не участвовали в избрании и подчинились позже; не говорит и о бургундских, потому что Бургундия была окончательно присоединена к империи только при Генрихе III; по той же причине, замечает автор, опущены им и князья Венгрии. Затем биограф приступает к делу и со следующей главы говорит о самом ходе избрания Конрада II.

На рубеже владений Майнца и Вормса находится местность удобная и выгодная по своей обширности и ровности для помещения огромного числа людей, а острова (на Рейне), лежащие в стороне, весьма полезны для обсуждения секретных дел; впрочем, о названии (Камба) и расположении этой местности я предоставляю говорить топографам, сам же возвращаюсь к начатому

---

[1] «Которых советом привыкла Франция королей» избирать. Автор цитирует стих какого-то древнего поэта, когда под Францией разумели вообще землю франков.

мной. Итак, когда собрались все примасы и, так сказать, силы и внутренности государства, они расположились лагерем по эту и по ту сторону Рейна. Так как эта река отделяет Галлию от Германии, то со стороны Германии собрались туда саксы со своими соседями славянами, франки восточные, норики и алеманны, со стороны же Галлии соединились франки, обитавшие на Рейне, рипуарии и лотаринги[1]. Дело шло о важном вопросе; избрание было сомнительно; находясь между страхом и надеждой, они успели, наконец, разведать обоюдные желания и вступили в продолжительное совещание друг с другом. А совещаться было нужно не о маловажном деле, так что если бы оно не переварилось предварительно в пламенной груди, то привело бы государственный организм к совершенному расстройству. Выражусь по этому случаю общеупотребительными поговорками[2]: «Нужно хорошо пережевывать пищу во рту, потому что проглоченная целиком причиняет вред»; или: «Лекарство нужно ставить перед глазами и тщательно заготовлять его». Таким образом, после долгих совещаний о том, кому следует быть королем, когда одного устранял от выбора возраст, или чрезмерно незрелый, или слишком преклонный, другой не был известен никакой доблестью, а некоторые успели уже обнаружить свою неспособность, – князья решили из многих выбрать немногих, и из числа последних остановились только на двух; по тщательном обсуждении своего строгого выбора, верховные владыки дошли до единства в мнениях. Было в то время два Куно[3]; один из них, как старший летами, назывался Куно Старший, а другой – Куно Младший; оба они происходили из знаменитейшего рода во Франции Тевтонской (то есть Франконии), родившись от двух братьев, из которых один был известен по именем Гецило, а другой Куно; эти же, в свою очередь, родились от Оттона, герцога франков, вместе с двумя другими – Бруно и Вильгельмом; первый из них сделался впоследствии Папой апостольского престола Римской церкви под именем Григория (V), Вильгельм же, поставленный епископом Страсбургской церкви, возвысил ее удивительным образом. Оба эти Куно, будучи, как я сказал, благороднейшими по мужской линии, не менее славились своим происхождением и по женской линии. Мать младшего Куно, Матильда, родилась от дочери бургундского короля Конрада; Аделаида же, мать Куно Старшего, происходила из знаменитой фамилии в Лотарингии и была сестрой графов Гергарда и Адальберта, которые, ведя постоянную борьбу с королями и герцогами, едва, наконец, примирились со свойственником своим, королем Конрадом; родители их, говорят, вели свое происхождение от древнего рода троянских царей, и при блаженном Ремигии Исповеднике (конец V в.) склонили свои выи под иго веры. Остальные чины (nobilitas) долго колебались в нерешительности, кому из этих двух Куно отдать предпочтение – старшему или младшему; и хотя в тайных помыслах и душевном желании все почти были расположены в пользу Куно Старшего, уважая в нем его мужество и справедливость, но в то же время, принимая в соображение могущество младшего и опасаясь, что честолюбие может привести к разрыву, каждый старался всеми мерами скрыть свое мнение. Наконец, Божественное Провидение устроило так, что они сами договорились друг с другом, как только было то возможно в таком щекотливом вопросе, что тот, кого превознесет большинство собрания, без сопротивления уступит другому.

Считаю достойным привести ту речь, в которой Куно Старший выказал свой ум и говорил так не потому, чтобы сам он не надеялся сделаться королем,– он думал, что Бог то внушит сердцу князей, – но ему было желательно укрепить дух своего родственника, чтобы он не смущался в последнюю минуту. Все это он выразил в следующей

---

[1] Автор употребляет отчасти древние названия, например: *норики,* вместо каринтийцы, *рипуарские франки*, вместо того, чтобы сказать: брабантцы жители Фландрии.

[2] Автор славился умением составлять рифмованные поговорки, proverbia; см. о том ниже.

[3] *Chuono, onis* – лат. форма имени Конрад. Оба эти Конрада были двоюродные братья. Их дед Оттон, герцог Каринтии, родился от Конрада, герцога Лотарингии, женатого на дочери Оттона Великого (см. о нем выше, у Росвиты).

превосходной речи: «Радость в счастье позволительна; она не нарушает солидности человека, напротив, она препятствует ему остаться неблагодарным за приобретенные блага; ибо как вредно малодушие в тяжелых обстоятельствах и как оно влечет за собой еще большее зло, так приличная радость в счастье приводит человека к большему добру; поэтому мало имеет цены тот плод приобретенного благополучия, который не питает нашу душу в ее стремлениях умеренным весельем. Я чувствую, что бодрость моего духа возросла от радости при одной мысли, что в таком многочисленном собрании выбор остановился на нас двух с тем, чтобы одного возвысить в королевское достоинство. Впрочем, мы не должны думать, что своей знатностью или богатством мы превосходим своих ближних; точно так же нам не следует гордиться перед ними, как будто мы своими речами или поступками совершили что-нибудь достойное выпадающей на нашу долю чести. Предки наши доказывали свою славу более делами, чем словами; в обыкновенной жизни каждому следует довольствоваться равным с другими. Но каковы бы ни были причины, по которым нам отдают преимущество перед прочими, за это мы должны благодарить виновника всего, Господа. Нам должно подумать о том, чтобы родственная и домашняя распря не сделала нас недостойными той чести, которую мы получили благодаря согласию посторонних, и вообще безрассудно было бы распорядиться чужой властью, как будто бы она была наша собственная. Во всяком избрании никто не должен произносить суждения о самом себе, а может судить лишь о другом. Если бы каждый позволял себе иметь о себе собственное мнение, то сколько бы у нас явилось, не говорю королей, а корольков? Не в нашей власти было из многих выбрать в это достоинство только двух. Желания, заботы, единодушие, словом, что только имели наилучшего в своей воле франки, лотаринги, саксы, норики, алеманны,– сосредоточилось около нас, как около ветвей одного корня, как потомков одной фамилии и как неразрывных родственников; никому из них и в голову не приходило, чтобы такие многочисленные связи могли быть порваны враждой.

То, что природа связала, должно быть связано вместе;
Что началося родством, то в дружбу она обращает.

Если мы воспрепятствуем друг другу в достижении предлагаемой чести, иначе говоря, если станем спорить друг с другом, то можно ожидать, что народ покинет нас и изберет себе какого-нибудь третьего; через это мы только лишимся высших почестей, но – что хуже для нас самой смерти – потеряем всю добрую славу и впадем в презрение, как будто мы, не желая уступить друг другу первенство (что я считаю совершенно неприличным для кровных), не имели нисколько доблести, чтобы удержать за собой верховную власть. Мы стоим уже вблизи величайшей почести, и теперь дело в том, захотим ли мы сами, чтобы она кому из нас двух досталась. А мне кажется, что если власть сосредоточится в одном из нас, то и другой некоторым образом сделается ее участником. Ибо, как от королей разливаются королевские почести и на их родственников, хотя эти последние сами и не короли, так и те, которые были призваны и предназначены к избранию в короли, хотя бы они и не достигли этого достоинства, все же не лишаются той чести, которая вытекает сама собой из их избрания в кандидаты, так как и для того, чтобы быть кандидатом, нельзя не иметь заслуг.

Кроме того, если через королей пользуются уважением и их родственники, если притом все желают, чтобы мы были согласны между собой, как все были согласны относительно нас, так что возвышение одного зависело от другого, то кто может быть счастливее нас: один будет царствовать, а другой скажет себе, что царствующий получил свою власть от меня одного? Будем же осмотрительны, чтобы нам не пришлось предпочесть своему чужого и неизвестного известному и чтобы сегодняшний день, столь радостный и счастливый для нас, по случаю нашего избрания, не обратился в день продолжительного несчастья, если мы дурно воспользуемся той благосклонностью, которой почтил нас народ. Возлюбленнейший из всех моих родственников! Чтобы, со своей стороны, не подать повода к чему-нибудь подобному, я намерен выска-

зать тебе прямо то, что я думаю относительно тебя. Как только я узнаю, что воля народная призывает тебя и тебя желает иметь своим господином и королем, то не только не буду стараться каким-нибудь злым умыслом устранить от тебя этого достоинства, но даже сам подам голос за тебя и притом тем с большей охотой перед другими, что рассчитываю на твою благодарность более других. Если же Бог обратит свое лицо на меня, то я не сомневаюсь в том, что ты заплатишь мне тем же».

На эти слова Куно Младший отвечал, что он совершенно согласен с этим мнением и даст клятву в верности государю, как любезному своему родственнику, если на его долю выпадет верховная власть. При этих словах Куно Старший, в виду многочисленных зрителей, наклонясь несколько к своему родственнику, поцеловал его; этот поцелуй показал, что они оба дают согласие в пользу друг друга. Видя подобный знак дружелюбия, князья воссели, толпы же народа стояли вокруг:

Радостно каждому было помыслить, что время настало
Высказать ясно пред всеми, что в сердце таилось до тех пор.

Когда народ обратился с просьбой к архиепископу Майнцскому, который первый должен был высказать свое мнение по поводу избрания, он от полноты сердца, громким голосом, объявил и избрал Конрада Старшего своим государем и королем, правителем и защитником отечества. Мнение это приняли без всякого прекословия все архиепископы и остальные духовные чины. Младший Куно, после короткого совещания с лотарингами, поспешно вернулся от них и с выражением особенного радушия выразил свое согласие на избрание старшего Куно государем и королем; король же, подозвав его к себе движением руки, посадил рядом с собой. Вслед за тем все области поодиночке стали повторять друг за другом то же самое; раздались крики народа; все заодно с властями изъявляли свое полное и единодушное согласие на избрание старшего Куно; настаивая на том, они, нимало не колеблясь, признавали его главой всех правящих, считая его мужем вполне достойным королевской власти и требуя, чтобы над ним совершен был, как можно скорее, обряд посвящения. Вышеупомянутая императрица Кунигунда радушно поднесла Куно королевские регалии, оставленные ей императором Генрихом, и, насколько она могла по своему полу, поощряла его к принятию правления. Я вполне убежден, что это избрание не обошлось без участия небесных сил, потому что Куно был выбран из числа лиц, имевших одинаковую с ним силу, из числа таких же герцогов и маркграфов, как и он, без всякой зависти и раздора, хотя он никому не уступал своим происхождением, мужеством и добродетелями, но, тем не менее, сравнительно с указанными выше лицами, в обществе он мало имел состояния и власти (parum beneficii et potestatis). Конечно, архиепископ Кёльнский и герцог Фридерик с некоторыми другими лотарингами, держа, как говорят, сторону младшего Куно, а более по внушению тайного врага мира – дьявола, разошлись недовольные избранием, но в скором времени и они начали заискивать милости у короля – кроме тех из них, которые умерли, – и с благодарностью принимали от него все, чем он их ни почтил. Архиепископ же Пилегрин, как бы желая загладить свою виновность перед королем, просил у него позволения венчать на царство королеву в Кёльнской церкви. О ней я скажу после, а теперь возвращусь к королю. Действительно, он был избран по соизволению Божию, и доказательством тому послужило все, что впоследствии он заслужил у людей. Был же он человеком великого смирения, предусмотрителен, правдив словом, крепок делом, без малейшей скупости, а щедростью превосходил всех королей; впрочем, подробнее его характер я опишу после. Считаю нужным заметить только одно, что, во всяком случае, не могло обойтись без того, чтобы он не был избран властителем, и притом величайшим из всех, так как в нем совмещались величайшие доблести. Если написано: «Смирение предшествует славе», то и он по правде стал впереди всех славных мира сего, и к нему благоволила царица добродетелей.

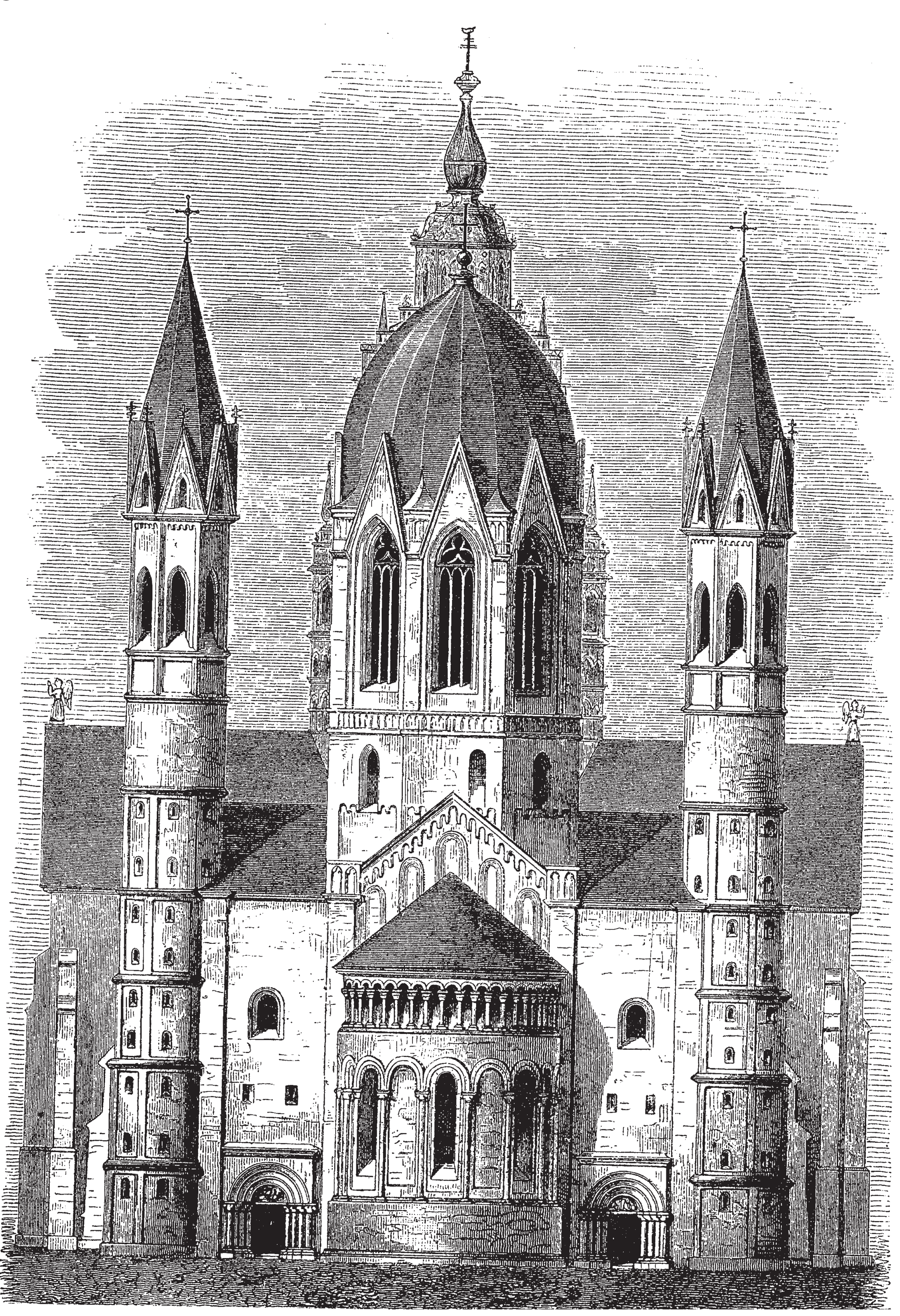
Поэтому было бы беззаконно, если бы кто-нибудь захотел бороться на земле с тем, кому всемогущий Бог предопределил повелевать всеми.

3. После того, как выбор был кончен, король отправился в Майнц, где должен был принять святое помазание и куда спешили все с величайшей быстротой. Все шли радуясь; клерики пели псалмы, пели и миряне, каждый по-своему; я и не слыхивал, чтобы Бог в один день и в одном месте получил столько похвалы себе от людей. Если бы ожил сам Карл Великий и явился со скипетром в руке, то и тогда бы народ не выразил бы большего восторга и не обрадовался бы столько возвращению того мужа, сколько он торжествовал прибытие нового короля. Наконец король в Майнце; прием его совершился с подобающей честью, а затем он изготовился с смирением к своему посвящению, нетерпеливо ожидаемому всеми.

К этой церемонии, в день Рождества Св. Марии (8 сентября 1024 г.), явились архиепископ Майнцский[1] и весь клир, и при святом помазании архиепископ произнес следующего рода речь: «Всякая власть этого преходящего мира происходит из одного чистейшего источника, но нередко случается, что ручьи, берущие свое начало из одного и того же места, в иное время бывают мутными, а в иное – чистыми, хотя главный их источник одинаково во все времена остается невозмутимым и светлым. Точно таким же образом, насколько человеку дозволено сравнивать творца и творение, мы можем сопоставить Бога, бессмертного царя и земных властителей. В Писании же сказано: "Всякая власть от Бога". Этот всемогущий царь царей, виновник и источник всякой славы, по своей милости, поставляя властителей над всякой страной, ущедряет их благодатью, смотря по тому, насколько природа их подходит к чистой и светлой природе Божества. Если же столь высокий сан выпадет на долю таких лиц, которые будут недостойно проходить свое звание и запятнают его высокомерием, ненавистью, плотскими удовольствиями, корыстью, вспыльчивостью, гневом и жестокостью, то как им, так и их подданным предстоит испить чашу неправды, если только они не очистят себя покаянием. Да вознесет молитву к Господу вся церковь святых, и да будет услышана молитва ее о том, чтобы государь наш Конрад сохранил, насколько то дано человеку, незапятнанным сан, который дарует ему Бог чистым нынешний день. Государь! К тебе и для тебя наша речь. Господь, избравший тебя королем своего народа, сам восхотел предварительно подвергнуть тебя испытанию и потом вручить тебе власть: Он удостоивает наказания всякого, кого приемлет; Ему бывает угодно сначала унизить того, кого Он положил возвысить. Так Бог унизил раба своего Авраама и, унизив, прославил. Так допустил он рабу своему Давиду, которого впоследствии сделал знаменитейшим царем в Израиле, претерпеть гнев царя Саула, его преследование, зависть; по допущению Божию, Давид должен был скрываться от Саула в пещере, спасаться бегством и оставить отечество. Счастлив тот человек, который перенесет испытание, потому что он будет увенчать. Не без причины Бог испытывал и тебя, соделав теперь плод испытания сладким. Он попустил тебя лишиться милости предшественника твоего императора Генриха и опять получить ее с тем, чтобы через то ты научился миловать тех, которые теряют твою милость, чтобы ты мог переносить обиды и сумел в настоящую минуту быть милостивым к виновным пред тобой; воля Божия восхотела оставить тебя несведущим в науке[1], чтобы ты, получив впоследствии небесное наставление, приобрел христианскую империю. Ты стал на высочайшую степень величия; ты – наместник Христов. А таковым лицом никто не может быть, как только тот, кто действительно подражает Ему: на этом царском троне ты мысли о вечной славе. Велико счастье царствовать в мире, но несравненно больше быть увенчанным на небесах. В то

[1] Арибон, родом из Каринтии, «муж благородного происхождения и большого ума,– говорит автор в своем списке духовных князей (гл. 1),– для королевских же советов полезный».

[1] Как следует из последующих слов биографа (гл. 6), Конрад II был просто безграмотен.



Вид Майнцского собора со стороны клироса

время, как Бог потребует от тебя во многом отчета, Он больше всего пожелает того, чтобы ты творил суд, правду и мир отечеству, всегда обращающему к тебе свои взоры, был защитником церкви и клира, заступником вдов и сирот; посредством этих и подобных тому благочестивых подвигов упрочится за тобой престол теперь и навсегда. А в эти минуты, государь, вся святая церковь вместе со мной просит у тебя милости за тех, которые некогда оказались виновными перед тобой и лишились твоего благоволения, оскорбив тебя. Между ними есть один человек благородного происхождения по имени Оттон. Как за него, так и за всех других мы просим твоей милости: будь к ним милосердным из любви к Господу, которого ради сегодня стал ты другим человеком и соделался причастником Божества; да отпустится и тебе равномерно за твои прегрешения».

Растроганный этой речью и подверженный к состраданию, король тяжело вздыхал и, чему с трудом можно верить, проливал слезы. После того, так как епископы и герцоги со всем народом настаивали на том же, он простил всех, кто чем-либо был виновен перед ним. Народ с благодарностью услышал о том, и все от радости проливали слезы, будучи тронуты объявленными милостями короля:

Было б железное сердце того, кто не тронулся б, видя,
Как великая власть не помнит великих проступков.

Конрад мог бы отомстить за все оскорбления в том случае, если бы он никогда не сделался королем, но приобретенное им могущество не оставляло места для мщения.

По окончании священнодействия и посвящения, совершенного самым торжественным образом, король вышел; и, как читаем о царе Сауле, он, превышая всех головой, как бы преобразованный невиданным до того образом, с веселым лицом, сопровождаемый священною свитой шел благородной поступью во внутренние покои. Оттуда с королевскою честью он отправился на обед, и первый день вступления на престол провел самым торжественным образом.

4. Не считаю нужным говорить о присяге, которую давали королю, потому что часто приходится слышать рассказы о том, как все епископы, герцоги и прочие князья, старшие и простые вассалы (milites primi, milites gregarii) и даже простые люди (inaenui), если имеют какое-нибудь значение, присягают вообще королям; об одном, впрочем, упомяну: все присягали этому королю с большей, чем кому-либо, искренностью и охотой. Так же точно нет нужды долго останавливаться на составе двора, кого король сделал майордомом (majorem domus), кого поставил главой постельничих, кого ловчим или кравчим, и т. д.; а скажу и об этом коротко: я не помню, и мне не случалось читать рассказов о составе двора кого-либо из его предшественников, который был бы лучше и более блестящ. В этом отношении много было сделано советами и умом аугсбургского епископа Бруно, Верингария, епископа Страсбургского, и Верингария вассала, которого король знал с давних пор, как человека, отличавшегося предусмотрительностью в советах и неустрашимостью на войне. Кроме указанных нами лиц славилась умом и советом его возлюбленная супруга Гизела. Отец ее был Гериманн, герцог Алеманнии, а мать Кербирга, дочь Конрада (III), короля Бургундии, которая происходила из фамилии Карла Великого. Оттого один из наших в своем сочинении, названном «Тетралог»[1] и впоследствии поднесенном королю Генриху III, когда он в Страсбурге праздновал день Рождества Христова, поместил, между прочим, следующие стихи[2]:

Если напишешь четвертую линию после десятой,
То и получишь Гизелы родство и великого Карла.

Но будучи столь славной по своему происхождению, своей весьма красивой наружности, она нисколько не была заносчива; воспитанная в страхе Божием, была она приветлива ко всякому, постоянно раздавала милостыню и старалась делать то втай-

---

[1] Этот «один из наших» был сам автор (см. ниже).
[2] Ст. 159 и 160.

не, помня слово евангельское – не творить добра пред человеками. Она была необыкновенно щедра (llberalis ingenii), искусна, любила добрую славу, но не похвалы, отличалась стыдливостью, терпеливо занималась женскими работами, презирая всякие пустые развлечения, а потому была охотница заниматься добрыми и полезными делами, обладала большими богатствами и умела вести себя с особенным достоинством. Зависть некоторых личностей, которые часто любят коптить все, что над ними, послужила на несколько дней препятствием к ее посвящению в королевы. Впрочем, справедливо ли или несправедливо испытала она ту ненависть – это вопрос; но мужественный характер в женщине одержал, наконец, верх, и она, получив посвящение, по согласию и желанию князей, сделалась необходимой спутницей короля. Сказав вкратце о королеве, обратимся теперь к прежнему предмету.

5. Приступая к более обширному описанию деяний преславного короля Конрада, считаем нужным прежде всего сказать о том, что он совершил в самый день своего посвящения; конечно, все это может показаться безделицей, но оно представляет удивительное внутреннее значение. Так как общественная история (historia publica) пишется для того, чтобы занимать читателя больше новостью предмета, чем фигуральными выражениями, то и я полагаю, что в этом случае гораздо лучше изложить в целости сами события, нежели пускаться в толкование таинственного их значения. Во время самой процессии при посвящении явились к королю трое, каждый с жалобами: один из них был крестьянин (colonus), принадлежавший Майнцской церкви, другой – сирота и еще какая-то вдова. Когда государь стал выслушивать причины их жалоб, то некоторые из князей напоминали ему, говоря, что это обстоятельство замедлит обряд его посвящения и помешает внимательно выслушать божественную службу; на это Конрад, как наместник Христов, по-христиански отвечал, обратив взоры свои на епископов: «Если мне вручается управление государством и если человек с характером обязан никогда не откладывать до другого раза то, что может легко сделать на месте, то и мне кажется более справедливым сделать самое дело, нежели идти выслушивать от кого-либо проповедь о том, что мне следует еще сделать. Я помню, как вы сами часто говаривали: *оправдываются не слушатели, но творцы закона*. Если же, как вы говорите, я должен поспешать к посвящению, то тем с большей заботливостью мне следует утверждать свои стопы в деле Божием, чем ближе я подхожу к возложению на себя тяжелого достоинства». Говоря так, он остановился на том месте, где в первый раз явились к нему несчастные, и, «став неподвижно, начал творить им суд и расправу».

Едва сделал он несколько шагов вперед, как подходит к нему какой-то человек с жалобой на то, что он совершенно безвинно изгнан из отечества; король, взяв его за руку, в виду всех, притянул даже к своему креслу и тут же поручил одному из своих князей тщательным образом исследовать причину его бедствия. Счастливо начало царствования того, кто больше спешил исполнять закон, чем короноваться...

6. Не считаю слишком необходимым рассказывать о всех путешествиях короля, а равно и о том, в какие места он каждогодно отправлялся на праздники Рождества Христова и Пасхи; скажу, по своем обыкновению, только о том, что случилось достопримечательного и особенно важного; если же я захотел бы говорить обо всем, то скорее обнаружился бы недостаток в моих силах, нежели в материале. Я прямо приступлю к тем замечательнейшим деяниям короля, которые представляют столько славы, что никто не пожалеет, если я умолчу о менее важных. В сопровождении своей свиты король Конрад отправился в область рипуариев и прибыл в Ахенский дворец, где находился престол древних королей, в особенности Карла Великого, и древняя столица всего государства. Восседая там, Конрад устроил во всем превосходный порядок; на народном собрании (publico placito) и на всеобщем соборе (generali concilio) он справедливо решил и церковные, и светские дела. Слава Конрада вытекала из его добродетелей; с каждым днем он делался твер-

же в деле поддержания мира и становился всеми любимее за свое добродушие и почтеннее за свое управление. Хотя он и был безграмотен, но умел благоразумно управлять духовенством, наружно показывая ему любезность и щедрость, а втайне подчиняя его приличной дисциплине. Светских же вассалов (milites) он склонил на свою сторону главным образом тем, что ни у кого не отнял древние бенефиции их предков (antiqua beneficia parentum)[1]. Кроме того, его вассалы не могли найти в целом мире никого, кто награждал бы их так часто дарами (donariis) и возбуждал бы тем к отважным предприятиям. Можно даже заподозрить рассказы о Конраде: так он был щедр, обходителен, тверд, неустрашим, приветлив ко всем добрым людям, строг к худым, благосклонен к гражданам, жесток к врагам, неутомим в делах; насколько он отличался неусыпной деятельностью во время своего замечательнейшего царствования, об этом можно судить потому, что весьма скоро никто уже не сомневался, что после времен Карла Великого едва ли кто занимал королевский престол столь достойным образом, как Конрад. Явилась даже пословица: «У Конрада седло со стременами Карла» (sella Chuonradi habet ascensoria Caroli). Намекая на эту пословицу, один из наших (то есть сам автор) в книжке, названной «Gallinarium», в четвертой сатире, вставил стих такого рода: «Конрад король сидит в стременах великого Карла».

Такими добрыми качествами имя государя, или слава, распространилось по окрестным государствам и перешло моря; добрые дела Конрада, истекавшие из неисчерпаемого источника, становились все более и более общеизвестными. Возвратясь из страны рипуариев, он отправился в Саксонию (1025 г.), где, по желанию саксонцев, подтвердил своей властью их жестокие законы. Потом потребовал дань от варваров, сопредельных с Саксонией (то есть славян), и, собрав должное в казну, переехал оттуда в Баварию и в Восточную Францию (Франконию) и прибыл в Алеманнию. На этом пути, заключая союзы и бдительно наблюдая за всем, он крепко сплотил свое государство.

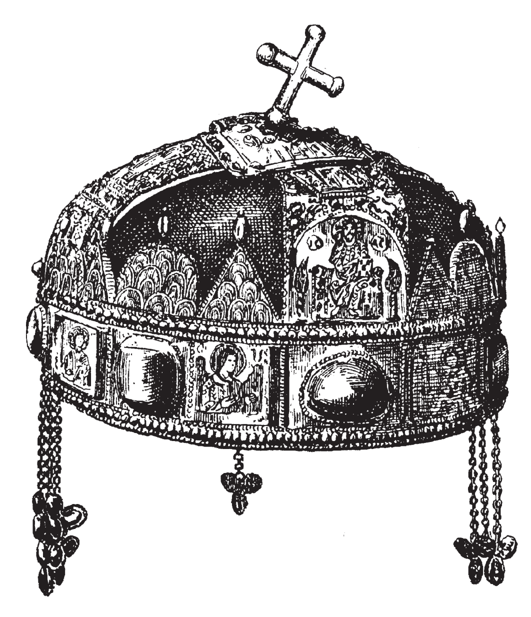
В последующих главах, от 7 до 28-й, автор делает краткий обзор важнейших событий правления Конрада II, между 1026 и 1032 г. В то время короля занимали итальянские дела, славянские и в особенности дело о наследстве бургундском, завещанном его предшественнику, Генриху II. В 1026 г. Конрад отправился в Италию и усмирил жителей Павии, которые ссылались на то, что короля, которому они присягали, нет более в живых. Конрад II отвечал им: «Если король умер, то королевство осталось»,– и заставил их подчиниться. На обратной дороге он принудил Рудольфа III, короля Бургундского, ссылавшегося на такие же доводы, признать его власть над собой. В Польше Болеслав Храбрый получил от Папы королевскую корону (1025 г.), но вскоре затем умер, и потому Конрад, отложив подчинение его преемника Мизеко II (Мечислава), вторично отправился в Италию и в 1027 г. короновался императорской короной. Но восстание в Германии его пасынка Эрнста Швабского вынудило Конрада возвратиться в Германию; Эрнст домогался для себя Бургундии. Борьба закончилась гибелью пасынка (1030 г.). Вскоре после того умер Рудольф III Бургундский (1032 г.), и, несмотря на договоры с ним, его племянник Одо, граф Шампани, овладел Бургундией. Это обстоятельство обратило на себя все внимание Конрада II, и автор останавливается на нем несколько долее, как на самом важном событии правления Конрада II.

29. В лето Господне 1032-е скончался в мире Рудольф (III) король Бургундский, дядя императрицы Гизелы[1]; граф его королевства (то есть Шампанский) и племянник Одо, родом франк, вторгся в его владения и захватил некоторые сильнейшие крепости или города, как силой, так и хитростью. Впрочем, он не осмеливался объявить себя королем, но не хотел и отказаться от престола. Рассказывали, как он часто говаривал, что никогда не желал бы быть королем,

---

[1] Это было одно из замечательнейших распоряжений императора Конрада II, которое утвердило наследственность ленов в Германии, как Кьерсийский капитулярий Карла II Лысого еще в IX в. сделал то же самое во Франции (см. о том выше). Текст закона Конрада помещен в Monum. Germ. Leg. II, с. 38 и 39.

[1] Гизела – дочь Герберги, родной сестры Рудольфа III; она была в первый раз замужем за Гериманном, герцогом Швабским, и имела от него сына Эрнста, а вторично – за императором Конрадом II.



Корона святого Стефана

но всегда предпочел бы оставаться советником короля. Таким образом, он завладел большей частью Бургундии, несмотря на то, что престол бургундский уже давно король Рудольф клятвенно отказал императору Конраду и сыну его королю Генриху[1]. Но пока действовал так в Бургундии граф (consul) Одо, император Конрад оставался с войском в земле Славянской. Чем он был занят там и как потом выгнал из Бургундии Одо, расскажу по порядку. Болеслав, герцог Польский (Bolanorum), умирая, оставил двух сыновей – Мизеко и Оттона. Мизеко, преследуя своего брата, изгнал его в Русь (Ruzzia). Оттон, прожив там несколько времени в самом жалком положении, стал искать милости императора Конрада, чтобы при его ходатайстве и помощи возвратиться в отечество. Император благосклонно принял эту просьбу и составил следующий план для действия: сам он с войсками своими нападет на Мизеко с одной стороны, а с другой – его брат, Оттон. Мизеко не выдержал такого нападения, убежал в Богемию к герцогу Удальрику, бывшему в то время в немилости императора. Удальрик – с целью умилостивить его – решился выдать ему Мизеко; но цезарь отказался от такой постыдной сделки, говоря, что он не желает покупать врага у врага. Так Оттон возвратился в отечество, и император сделал его герцогом (Польским). Но вскоре, за неосторожный образ действия, один из домашних тайно умертвил его. После этого Мизеко всеми силами старался угодить императрице Гизеле и вельможам – с целью снова приобрести благосклонность императора. Цезарь, по своему добродушию, простил его и, разделив Польшу (provincia Bolanorum) на три части, сделал Мизеко тетрархом; две же остальные части поручил двум другим. Так, с уменьшением власти уменьшилось и безрассудство Мизеко. После смерти Мизеко, сын его Газмер и до сего времени[1] верно служит императору.

30. В лето Господне 1033-е император Конрад со своим сыном, королем Генрихом, праздновал в городе Страсбурге день Рождества Христова. Оттуда, собрав войско, он явился в Бургундию, пройдя Солодар (Солотурн), и прибыл в Патернийский монастырь (Петерлинген). Там, в День очищения святой Марии (2 февраля), он был избран в короли Бургундии как высшими так и низшими членами, и в тот же самый день коронован. Затем он осадил некоторые крепости, захваченные Одо; впрочем необыкновенная суровость тогдашней зимы много помешала ему. Один из наших (то есть наш автор) написал сто стихов по поводу этих жестоких морозов и поднес их императору; в них рассказываются удивительные вещи; например, если ноги лошади продавливали землю, несколько растаявшую в течение дня – это было в лагере под крепостью Мурат (ныне Муртен), – то ночью они так примерзали к земле, что никаким образом, разве только с помощью топора и лома, можно было освободить их оттуда. А кто не мог и этого сделать, тот так и убивал своего примерзшего к земле коня, сдирал с него кожу

[1] Генрих III был коронован еще при жизни отца, в 1028 г.

[1] В 1050 г. он оказался непокорным, из чего следует, что автор писал до того времени.

выше колен, а остальное бросал, как есть, вмерзшим в землю. Люди тоже много страдали от этой стужи. И юноши, и старцы имели один вид, и днем и ночью украшаясь инеем; все были седы и бородаты, хотя там было много молодых и безбородых. Впрочем: «Это едва ли заставило цезаря снять ту осаду».

Оттуда император перенес лагерь к Турику (ныне Цюрих). Там многие из бургундцев, вдовствующая королева Бургундская, граф Губерт и другие, которые, по проискам Одо, не могли явиться к императору в Бургундию, поспешили к нему через Италию и возвратились, щедро одаренные за свою присягу на верность императору и его сыну, королю Генриху.

31. В том же году (1034) император с войском пошел на графа Одо в Галлию Франкскую, говоря: если Одо несправедливо овладел в Бургундии чужим, то теперь он должен по правосудию Божию потерять часть своего. Таким образом, в государстве короля франков, Генриха (I), но только в поместьях и бенефициях Одо, император произвел такие опустошения, что сам Одо по необходимости явился к нему просить пощады, обещая оставить Бургундию и удовлетворить его по требованию. Так возвратился император с честью для себя и с позором для Одо.

32. В лето Господне 1034-е император праздновал Святую Пасху в Баварии в городе Регенсбурге. Летом того же года, так как Одо не обращал внимания на прежние свое обещания и продолжал владеть несправедливо захваченной им частью Бургундии, император Конрад быстро вторгся в Бургундию с отважными тевтонцами и итальянцами. С одной стороны, тевтонцы, с другой – архиепископ Миланский Гериберт и прочие итальянцы под предводительством графа Гуперта из Бургундии сошлись у р. Роны. А император, подойдя к Женеве, подчинил себе князя этой страны, Герольда, архиепископа Лионского и многих других. На возвратном пути он осадил крепость Мурат, защищаемую храбрыми вассалами Одо, овладел ею и взял в плен ее защитников. Прочие приверженцы Одо, услышав о таком несчастье, бежали в страхе. Преследуя их, цезарь изгнал противников из государства и, наконец, взяв заложников у князей Бургундии, возвратился через Алзацию (Зарейнская Швабия) к императрице. Еще когда он шел в Бургундию, императрица провожала его до Базеля, а потом, вернувшись в Страсбург, ожидала там прибытия императора. В это время умерла в Вормсе, где и погребена, Матильда, дочь императора Конрада и императрицы Гизелы, девица необыкновенной красоты; она была обручена с Генрихом (I), королем франков.

33. В то время, как император занимался в Бургундии вышеупомянутыми делами, сын его, Генрих, король, хотя еще был в юношеских летах (17 лет от роду), не хуже отца распоряжался в Богемии и прочих землях славянских. Быстро покорил он и Удальрика, герцога Богемского, и других противников цезаря, число которых было очень велико, и, таким образом, встречая возвращающегося отца, он доставил народам сугубую радость. Потом, собрав войско из саксонцев, император пошел на так называемых лутичей, которые были когда-то полухристианами, а теперь, благодаря беззаконному своему отступничеству, окончательно стали язычниками, и замечательным образом прекратил непримиримую вражду их с саксонцами. Между саксонцами и язычниками в то время происходили постоянные раздоры и набеги друг на друга. Цезарь, прибыв на место, стал разузнавать, чья сторона первая нарушила мир, который сохранялся столь долгое время. Язычники говорили, что саксонцы первые были виноваты и что, если согласится цезарь, они готовы доказать то поединком. Саксонцы, со своей стороны, хотя и несправедливо, старались, однако, опровергнуть язычников и уверить императора в противном. Император, по совещанию со своими князьями, довольно неосмотрительно позволил решить дело поединком. Тотчас вышли два борца; тот и другой был выбран своими. Христианин, полагаясь только на веру, которая «без правых дел мертва», и не размыслив внимательно о том, что Бог, который есть Истина, все рассудит своим правым судом, что солнце его восходит одинаково над добрыми и злыми, а дождь ниспадает на праведных и неправедных, гордо

вышел на битву. Язычник же противопоставил ему смело сознание справедливости своего дела, за которое дрался. И вот христианин пал, сраженный язычником. После того язычники так ободрились и одушевились, что тотчас напали бы на христиан, если бы не было там императора. Император же построил крепость Вирбину (Бирбен) для защиты страны от их набегов. В ней он поместил гарнизон, клятвой и императорским приказом обязав князей Саксонии единодушно противиться язычникам, и затем возвратился во Францию (Франконию).

В следующем году (1035) язычники взяли эту крепость обманом и убили многих из наших, находившихся в ней. Это заставило императора снова отправиться с войском к р. Эльбе. Язычники препятствовали переправе, но император тайно перевел часть войска через другой брод. Обратив врагов в бегство и освободив берег, он вошел во внутренность страны и до такой степени смирил их страшными опустошениями и пожарами, за исключением мест, неудобных к завоеванию, что они с избытком заплатили императору Конраду дань, наложенную прежними императорами. Много трудов положил как прежде, так и в то время император Конрад на славянское племя. Один из наших (то есть наш автор) изложил в стихах перечень этих трудов и поднес императору. Там находится рассказ о том, как император, стоя по пояс в болоте, сражался сам и убеждал сражаться воинов, и как потом, победив язычников, он жестоко умерщвлял их за одно их гнусное суеверие. Рассказывают, что когда-то эти язычники злодейски издевались над деревянным изображением распятого Господа нашего Иисуса Христа: плевали на него, били по ланитам и, наконец, исторгли глаза и обрубили руки и ноги. Мстя за это, император порубил громаднейшее число пленных язычников, применяясь в казни к тому, как они рубили изображение Христово, и истреблял их смертью различного рода. В означенных стихах цезарь за это назван «мстителем за веру» и сравнен с римскими государями, Титом и Веспасианом, которые в отмщение за Господа, проданного иудеями за 30 денариев, положили за каждую монету по 30 иудеев. Возвратившись, император нашел в своем государстве некоторые беспорядки и силой своей власти уничтожил их. В этом же году Адальберт, герцог Каринтии, потеряв расположение императора, был лишен своего достоинства и отправлен в ссылку.

34. В это же время (1035 г.) в Италии произошло великое и неслыханное в новейшие времена волнение, вследствие клятвенных заговоров (conjurationes) *народа*[1] против князей. Все вальвассоры (valvasores: от *val*, городская стена, и *vassus*, вассал, то есть подданные горожане) и мелкие вассалы (gregarii milites) составили заговор против своих господ (dominos), все низшие против высших, не желая ничего от них терпеть против своих желаний, без отмщения. Они говорили: «Если их император не хочет прийти, то они сами добудут себе закон». Когда известили о том императора, он, говорят, сказал: «Если только Италия алчет закона, то “с Божией помощью, досыта я накормлю их законом”».

И приготовясь, в следующем году (1036) Конрад вступил в Италию с войском. Между тем князья Италии, зная, что не вполне созревший заговор может погубить заговорщиков, вступили в переговоры с младшими вассалами и старались наперед прекратить это новое зло убеждениями и увещаниями, а когда это не удалось, прибегли к силе; но народ (minores) одним натиском своей невероятной громады победил их в начале сражения. При этом погиб недостойно своего сана епископ города Асти, прочие же обратились в бегство и в смятении с прискорбием ждали прихода императора.

---

[1] До XI в., как мы могли заметить, все составители хроник употребляют слово *populus*, народ, в смысле одного феодального сословия, а что мы понимаем под этим словом, называют *plebs*. Нынешний раз автор под словом «народ» подразумевает массу городского населения, и, действительно, это был первый случай восстания итальянских городов против баронов, а потому автор и добавляет, что это было «modernis temporibus *inaudita* confusio», то есть *неслыханное* в новейшее время волнение. Таким образом, наш автор, сам того не сознавая, отметил под 1035 г. появление первых признаков средневековой коммуны, назвав ее *conjuratio*, клятва, что в Галлии называлось *communio*, приобщение; откуда и само название факта.

35. В лето Господне 1036-е король Генрих, сын императора, взял в супружество Кунегильду, дочь английского короля Канута (Canuto), и сделал ее королевой после торжественного бракосочетания. В том же году, как сказано, император Конрад со своим сыном, королем Генрихом, пошел с войском в Италию и в Вероне праздновал Рождество Христово в 1037 г. от воплощения Господня. Оттуда он отправился в Милан и был великолепно встречен архиепископом Герибертом в церкви св. Амвросия. В этот самый день, не знаю, по чьему наущению, народ миланский едва не произвел опасного восстания, требуя от императора ответа, желает ли он принять под свое покровительство их *заговор* (conjuratio, то есть коммуну). Вследствие того император предписал, чтобы все собрались на сейм (generale colloquium) в Павию. Когда это было исполнено, император, несмотря на все сопротивление, издал свой закон. Некто граф Гуго и многие другие итальянцы на этом же самом сейме (placitum) обвиняли архиепископа Миланского в различных оскорблениях. Император, призвав архиепископа, приказал ему удовлетворить всех недовольных. Но так как архиепископ не соглашался, то император понял, что именно по его наущению и произошел тот заговор в Италии, и, немедленно схватив его, удержал сначала при себе, а потом отдал под надзор Попо, патриарху Аквилейскому, и Куно, герцогу Каринтии. Они вели его за императором до города Плацентины (ныне Пьяченца). В одну ночь некто из друзей архиепископа подменил его собой, легши на его постель, и вдобавок спрятался, закрывшись одеялом, чтобы таким образом обмануть стражей. Архиепископ же достал у кого-то коня и убежал; в Милане очень обрадовались его возвращению, а он никогда не упускал случая вредить императору. Император же, разрушив все неприязненные ему крепости, уничтожил те беззаконные заговоры в Италии изданием справедливых законов. Св. Пасху праздновал он в Равенне. В том же году в Италии обвинены были перед императором три епископа: Верчельский, Кремонский и Плацентинский. Схватив их, император отправил виновных в ссылку. Без суда осуждать пастырей Христовых – это не понравилось многим. Говорили некоторые мне, что благочестивейший наш король Генрих, сын императора, глубоко уважая в нем отца, тайно осуждал предубеждения цезаря против архиепископа Миланского и тех трех епископов. И совершенно справедливо, потому что, с одной стороны, и звание пастыря не может быть почитаемо, если над его лицом произнесен судебный приговор, но с другой,– пастырям должно оказывать глубокое уважение до такого приговора. В том же году вышеупомянутый граф Одо из Франции делал нападения на области, принадлежавшие императору. Гоцело, герцог Лотарингский, и его сын Готфрид, граф Гергард и войско (militia) епископа города Метца, вступив с ним в битву, во время бегства убили Одо, и знамя его, принесенное цезарю в Италию, уверило его в смерти врага. В это же время император стеснил миланцев, и так как не мог взять города по его древним укреплениям и многочисленности жителей, то опустошил огнем и мечом его окрестности.

36. В то же время император осаждал близ Милана одну из крепостей св. Амвросия, называемую Курбит[1]. Там произошло нечто такое, что многие сочли за чудо. В св. Господню Пятидесятницу, перед 3 часом, вдруг из совершенно ясного неба стали вырываться такие ужасные молнии и с таким ужасным громом, что в крепости погибла значительная часть людей и лошадей. Некоторые от таких ужасов впали в умоисступление и только спустя несколько месяцев пришли в себя. А те, которые были вне крепости (пришедшие с императором), говорили, будто они ничего подобного не видали и не слыхали. В это время император отдал архиепископство Миланское Амвросию, тамошнему канонику; впрочем, этот подарок мало принес ему пользы. Миланские граждане разоряли все, чем владел Амвросий в их территории, и оказывали полный почет своему архиепископу Герибергу до самой его кончины, впрочем, сохраняя все уважение к королю Генриху, о чем, если то будет угодно Богу, я расскажу

[1] Corbetha, на запад от Милана.

после подробнее в истории его деяний. В то же время Папа вышел навстречу императору до Кремоны и, будучи принят им и отпущен с честью, возвратился в Рим. Распутив войско по областям, сам император ушел в прохладные горные места для отдохновения, потому что лето тогда было очень знойное.

37. В том же году (1037), собрав войско и перейдя По, император пришел в город Парму. Там он праздновал Рождество Христово перед началом 1038 г. от воплощения Господня. В самый день Рождества Господня произошла сильная распря между тевтонцами и гражданами Пармы; при этом был убит один добрый муж Конрад, повар императора, и другие. Войско, раздраженное этим, с огнем и мечом напало на граждан; после пожара император повелел разрушить большую часть стен, с тою целью, чтобы эти развалины внушили и другим городам убеждение, что их мятежи не останутся безнаказанными. Затем император, перейдя Апеннины, пришел в Апулию, а императрица прибыла для молитвы в Рим и оттуда возвратилась к императору. Дойдя до пределов своего государства, император установил законы и правду в Тройе Беневентинской, Капуе и других городах Апулии, одним словом своим прекратил раздоры между чужеземными норманнами и туземцами и, счастливо уничтожив все беспорядки, возникшие в государстве, возвратился в Равенну. Потом, устроив гарнизоны и укрепления против миланцев, которые еще продолжали мятежи, и распределив все дела, согласно своей воле, он вознамерился повидать отечество. В это время, вследствие чрезвычайного зноя, в войске открылась моровая язва, не щадившая ни возраста, ни лиц. 18 июля 1038 г. жертвой язвы пала еще во цвете лет королева Кунегильда, супруга короля Генриха. Она оставила только одну дочь, которую отец впоследствии обручил Христу, посвятив в аббатиссы. Гериманн, сын императрицы, герцог алеманнов, юноша с хорошими способностями, отважный на войне, умер, пораженный той же язвой, на руках искуснейших медиков, 28 июля; это была великая потеря для империи. В этом и в следующем месяце погибло от заразы очень много войска. Прекрасное нежное тело королевы, набальзамированное, отвезено, в сопровождении короля и императрицы, в Германию и погребено в Лимбургском склепе. Относительно герцога – было приказано отвезти его в алеманнский город Констанц; но по случаю страшного зноя его похоронили в Триденте.

38. В том же году умер Стефан, король Венгерский, оставив государство своему племяннику Петру. Император, возвратившись в Баварию, укреплял больное войско советом и медицинской помощью. Когда, таким образом, над всем государством простерся безоблачный мир, он пошел осенью того же года в Бургундию. Там он созвал на сейм всех князей государства, и Бургундию первую заставил отведать давно забытых и едва ли не уничтоженных законов. По прошествии трех дней сейма, в четвертый день, император по просьбе и с одобрения князей и всего народа передал управление Бургундией своему сыну, королю Генриху, и заставил снова присягнуть ему. Епископы с прочими князьями отвели его в церковь св. Стефана, которая была капеллой царя Солодура (откуда г. Солотурн), и славословили там Бога в божественных гимнах и кантах; а народ восклицал, говоря, что мир родит мир, если король с цезарем будут править. На возвратном пути император прошел через Базель, Восточную Францию (то есть Франконию), Саксонию и Фризию: «Мир везде утверждая и суд творя по закону».

39. В лето от воплощения Господня 1039-е, когда император Конрад увидел в своем сыне Генрихе опору королевства и твердую надежду империи и заметил, что все в государстве устраивается по его желанию, он праздновал священнейший день св. Пятидесятницы в Утрехте, городе Фризийском; но выходя к столу с сыном и императрицей, украшенный короной, он почувствовал небольшую боль. Однако ж, чтобы не омрачать радости такого дня, он скрыл свою болезнь. На следующий день, почувствовав сильный припадок, он велел императрице с сыном, королем, выйти из спальни к обеду; тогда он увидел, что приближается его конец. Будучи при жизни

всегда бодр, в теле тверд и распорядителен, он и при кончине обнаружил не меньшую веру. Призвав епископов, он попросил их принести тело и кровь Господню и св. крест с мощами святых. Очистив себя горькими слезами искреннего покаяния и усердной молитвой, приняв Св. Таин и получив отпущение грехов, он простился с императрицей и сыном, королем Генрихом, и перешел в вечную жизнь 4 июня, в понедельник, 7 индикта. Внутренности императора погребены в Утрехте, и король украсил место погребения дарами и поместьями. Само же тело императрица и сын ее, король, закрыто и сохранно доставили в Кёльн, провезли по всем монастырям этого города и по монастырям Майнца и Вормса, то есть по тем, которые находились в этих городах. Его сопровождал весь народ, вознося молитвы и раздавая милостыню за спасение его души. В 30-й день после кончины тело было погребено в городе Шпейере, которому оказывал свое расположение и сам император, и после его сын. Вот какую благодать Бог послал императору Конраду! Я не видал и не слыхал, чтобы над непогребенным еще телом какого-нибудь императора пролито было столько слез народных, вознеслось столько молитв и рассыпано столько благотворений. Я слыхал рассказы епископа Лозанского Генриха и прочих бургундов, провожавших тело от смертного одра до гробницы, что сын цезаря Генрих при всех входах в церкви и у места погребения поддерживал на своих плечах тело отца с глубоким благоговением и оказывал умершему не только сыновнее почтение, но и святой страх раба перед своим господином.

Вот все, что я мог вкратце написать о деяниях императора Конрада; и если что опустил, того, значит, я не слыхал. Если же о чем-нибудь сказано короче, чем того требовал размер событий, то, уверяю, при этом я имел в виду выгоды читателя.

Vita Chuonradi II inperatoris.

Лотсальд

ЖИЗНЬ св. ОДИЛОНА, АББАТА КЛЮНИ. 962–1049 гг. (в 1050 г.)

Пролог биографа

Высокопочтенному отцу Стефану, сообразно значению имени своего *увенчанному* (στεφανος, в перев. с греч. – венец) первосвятительским достоинством, нижайший раб из рабов Божиих, *Лотсальд*, монах только по имени, желает блаженства и в нынешней, и в будущей жизни.

Труды древних писателей были направлены к тому, чтобы произведениями письменности создать памятники в честь и на прославление своих предшественников; они думали тем обессмертить их, хотя и знали, что они смертны. После того с течением веков церковь, опираясь на эту точку зрения, начала описывать знаменитые деяния святых, с целью дать потомству примеры жизни, которым оно должно следовать, и научить его обращаться к тому,

---

МОНАХ ЛОТСАЛЬД (LOTSALDUS, SYLVINIACENSIS MONACHUS). Он жил и писал во второй половине XI в., вскоре после смерти своего наставника Одилона, жизнеописание которого он посвящает его племяннику Стефану, приору своего монастыря Сильвиниака (Sauvigny в Бурбоне).

Издания: Bollandi Acta Sanctorum. Par. 1963. I. 65–71 [1].

[1] Об этом издании болландистов см. выше. В 1863 г. предпринято второе издание колоссального сборника, начатого в XVII в. Болландом; в первых двух томах содержатся жизнеописания святых, дни которых отмечаются от 1 до 20 января.

от кого исходят всякая добродетель, разум, сила и мудрость.

С такой же целью и я, ничтожный по себе человек, воспитанник великого учителя Одилона и осыпанный его благодеяниями, вознамерился написать посмертное слово (epitaphium) о его кончине и добродетелях, как писал св. Иероним о Блезилле и Непоциане; пусть мой труд послужит цветами, которыми я усыплю его могилу, и распространит перед читателями благоухание его короткой и добродетельной жизни. Я хочу своим трудом выполнить душевный долг и доставить материал тем, которые пожелали бы сделать что-нибудь больше.

Свой труд предназначаю тебе, о святейший владыко, как племяннику его, который, знаю, через него достиг святительского сана; я отдаю на твой суд все, что я написал для прославления его, найдешь ли ты мой слог обработанным или грубым.

1. Отец Одилона был знатнейшим из вельмож (proceres) Оверни, отличался в военных делах, обладал огромным имуществом и богатствами, в совете доказал ум и не уступал никому из современников в чистоте нравов. За свое влияние и в знак уважения он назывался Беральд *Старший* (Major); доверие к нему было так безгранично, что в тех случаях, когда с трудом верили клятвам других, от него достаточно было одного простого слова. Была у него жена Гирберга, не уступавшая ему ни родом, ни нравами; после ее смерти все увидели, как она была воздержна, целомудренна и в какой степени повиновалась мужу. Действительно, оставив родину, родственников, детей, владения и богатство, она, как св. Павлина, последовала за Христом и приняла схиму в монастыре св. Иоанна в Августудуне (ныне Autun). О ее жизни, ласковом обращении со всеми и преславной кончине я слышал, как рассказывали со слезами немногие из переживших ее. У них были и другие сыновья, достигшие власти и не уступавшие никому в светском значении. К этому припомним и сестру аббатиссу Блисмоду, которая, сохранив девство в дневном и в ночном бдении, дожила до ста лет. Упомянув о всем этом вкратце, обращаю свое перо (stylum) к тому, на которого указывает нам и его высокий ум, и его знатное происхождение.

2. Блаженный Одилон, родившись среди знатной фамилии, еще в детстве был посвящен Христу, как новый Исаак или Самуил. Будучи ребенком, он обнаруживал наклонность к смирению, целомудрию, невинности и чистоте нравов и, насколько позволял его возраст, занимался делами милосердия. Одилон превосходил своих сверстников мудростью и характером, так что если не по времени, то по зрелости его уважали, как старца. Выйдя из отроческих лет и достигнув юношеского развития, он помышлял втайне удалиться в египетские пустыни и жить в Земле обетованной. О, благий Иисусе, как сладок Твой призыв, как высоко Твое вдохновение, когда Ты, едва коснувшись души, превращаешь жар вавилонской пещи в любовь к небесной отчизне... Пока Одилон помышлял о том, великий Майол (аббат Клюни), уже прославленный во всем мире, явился в пределы Оверни, и по Божественному определению к нему привели того, о ком мы говорим. Обратив внимание на его телесную красоту и знатность рода и провидя в нем внутренним оком нечто великое и божественное, Майол привязался к нему всем сердцем; огонь Божеской благодати возгорал между ними все с большей и с большей силой. Они вступили в дружескую беседу: младший сообщил старшему свои желания; старец, как мог, укрепил юношу в его стремлениях осуществить задуманное. По совершении этого старец возвратился домой, а юноша приготовился к исполнению своих предначертаний. Немного времени спустя новый ратник Божий, подобно тому, как Бенедикт оставил Рим, удалился из Оверни, не посмотрел на отцовское наследство, родных и братьев, и, как Авраам вышел из земли Халдейской, явился в Клюни, в свою Обетованную землю; там он принял монашескую одежду, сложив с себя одежды клерика...

3. Но недолго скрывался этот драгоценный камень, недолго оставался незамеченным могучий атлет. По истечении 4 лет св. Майол, понеся тяжкие труды во имя Христа, исшел из египетского мрака и, переплыв

житейское море, вступил в Иерусалим вечной жизни, с миром во Христе. Чувствуя приближение смерти, он избрал своим преемником Одилона и предоставил ему и Господу Богу своих овец. Приглашенный на такое место сверх всякого чаяния, он был поставлен в новом звании по всеобщему избранию и приговору, и, как новый Моисей, стал во главе Божьего народа...

4. Приняв на себя управление делами, он все более и более укреплялся примером святых и украшался всячески божественной мудростью. В нем было что-то особенное, что внушало подчиненным, чему они должны подражать и чего бояться. Еще прежде нас было сказано, что качество души можно познать из качеств тела. Если же это так, то скажем сначала о его наружности. Он был среднего роста; лицо преисполнено было и власти, и прелести; с кроткими весел и ласков, с гордыми и обидчиками невыносимо грозен. Его глаза блестели и внушали вместе страх и благоговение; они часто увлажнялись слезами, потому что он был весьма сострадателен... В нем ничего не было напыщенного и придуманного, но вся душа была во всем теле. Хотя мы вместе с блаженным Амвросием, и не принимаем телесную красоту за добродетель, но ей нельзя отказать в приятном впечатлении.

5. Обратимся теперь к описанию его нравов, которыми он был украшен по Божественной благодати. По принятому исчислению добродетелей святой муж обладал четырьмя самыми главными из них: разумом, правдолюбием, твердостью духа и воздержанием. Философы определяют разум как силу, стремящуюся к исследованию истины и жаждущую полноты познания. В этом отношении Одилон был замечателен именно тем, что ни днем, ни ночью не переставал трудиться над исследованием истины. В руках у него всегда божественные книги, речь одна – о Священном Писании, и назидание всякого – единственая забота... Я скажу об одном удивительном обстоятельстве, но тем не менее истинном. Часто во время пения псалмов в постели им овладевал сон, но пение его не прекращалось, так что, кто не знал, принимал его за бодрствующего. Пробудившись, он продолжал пение без всякого перерыва. Таким образом, Одилон мог сказать вместе с невестой в Песнях Песней: «Я сплю, но сердце мое бодрствует» (Песн. Песн. V, ст. 2). О его учености и красноречии, что не мешало ему быть верным православию, свидетельствуют его слова и многочисленные послания, дышащие мудростью, кротостью и благостью.

6. Правдолюбие, по определению философов, состоит в том, чтобы каждому воздавать свое, не присваивать чужого, не заботиться о собственной пользе и сохранять во всем беспристрастие. И всем этим он обладал в высшей степени; каждому воздавалась им должная честь, несмотря на возраст, лицо и состояние, и Одилон до того расположил к себе всех, что его считали милым ангелом. Властям христианским и королям, по апостольскому предписанию, он ни в чем не противоречил и снискал такую их дружбу, что, как новый Иосиф, был всеми любим и почитаем. Так, его любил Роберт, король франков (то есть Франции, сын Гуго Капета), Аделаида, мать Оттонов, Генрих, римский император (II, король Германии), Конрад (II) и Генрих (III), то есть отец и сын (Салического дома), оба цезари непобедимые; Одилон был почтен их дружбой, услугами и дарами так, как будто бы у них и у него было одно сердце и одна душа. То же должно сказать о Стефане, короле венгров, и о Санхо (III), короле народов Испании (Hespiridum populorum). Хотя эти последние и не видали его лично, но, по молве и его святости, сносились с ним через послов и переписку и склонили его в свою пользу пожертвованиями и богатыми дарами, поручая себя униженно его молитвам... Нельзя умолчать при этом об апостольских первосвятителях (то есть папах), Сильвестре, Бенедикте, Иоанне и Клименте, блаженной памяти; он заслужил такую их любовь, что считался как бы их братом. Кто и где в то время не желал иметь Одилона, подобно новому Соломону, другом, отцом и предстателем у Всевышнего? Италия торжествовала, когда в ней появлялся Одилон; особенно же любили его в Павии, которая его мольбами и ходатайством была спасена в эпоху императоров Генриха (II) и Конрада (II) от опустошения огнем и мечом...

7. То же самое должно сказать и в отношении низших Одилона: старших он почитал, как отцов, младших, как братьев, пожилых женщин, как матерей, молодых, как сестер, и всех считал выше себя. Всякий имел к нему доступ и мог спасительно беседовать с ним. Никого не отягощая, никому не мешая и не завидуя, Одилон не покушался на чужое и даже с удовольствием уступал свое... В последнем отношении он был до того расточителен, что многие безрассудные упрекали его. Но он на их возражения имел прекрасный ответ: «Я желаю лучше, чтобы меня снисходительно судили за мое снисхождение, нежели сурово осуждали за мою суровость»... Однажды, когда ему случилось отправляться в Париж к св. Дионисию (монастырь С.-Дени), он увидел двух мальчиков, павших от голода и мороза; они (странно сказать) валялись посреди дороги голые и без погребения. А в то время был сильный голод, угнетавший всю Галлию и Аквитанию (Гвиень). Пораженный ужасом, святой муж соскочил с лошади, снял с плеч шерстяную одежду, называемую в народе stamina, и своими руками прикрыл их наготу; потом похоронил, отслужил должную панихиду и затем продолжал путь. Если Мартин прославляется во всем мире за то, что отдал половину плаща бедному, то как не прославлять Одилона, когда он отдал целый плащ, и не одному живому, а двум мертвым?.. Не было такого несчастья, которому он не поспешил бы на помощь, такой бедности, которой бы не призрел, ни такой болезни, которая могла бы его оттолкнуть. В Клермонтской церкви Богородицы один клерик получил проказу и вследствие такой болезни удалился на берега Луары, где и жил по соседству с монастырем Вольта. Туда зашел наш служитель Божий и, узнав о больном, почувствовал к нему сострадание, он приказал братии доставлять ему все необходимое, а несчастный начал просить святого мужа, через посредство посланного, чтобы он допустил его к себе. Святой не отказал ему, припоминая пример Иисуса, который без зова хотел навестить раба центуриона. Придя к нему, Одилон не только не убоялся взойти к нему, но, к удивлению нашему, поцеловал его, обнял и долго беседовал с ним...

8. Одилон до самой своей смерти употреблял все старания к поддержанию братства своего монастыря. О, с какой радостью он озирал свое стадо, с каким торжеством стоял он, окруженный святым сонмом, бросая взгляды кругом на новые отпрыски и вспоминая при этом стих изречения Давида: «Сыны твои, как побеги оливы, вокруг твоего стола!» И чем более увеличивалось число братии, тем большую радость души выражал Одилон. Когда многие видели в подобном увеличении бремя для монастыря, он обыкновенно говаривал: «Не печальтесь, братия, о возрастании нашего стада: чьим внушением они собираются сюда, милосердием того будут и управляться. Господь собирает монахов из разных состояний, разных возрастов и принимает одних из среды детей, других из юношей, третьих из старцев. И, несмотря на то, он управляет и кормит их с одинаковой материнской заботливостью и отеческим попечением и составляет одно тело из многообразных частей и различных нравов». Где бы ни появлялся Одилон, куда бы он ни шел, везде следовала за ним братия толпами, так что его принимали не только вождем и князем, но *архангелом монахов*. Так называл его в своих речах и письмах друг его Фульберт[1], епископ Шартрский, знаменитый своей святостью и ученостью, со смертью которого погибло изучение философии во Франции и пала слава святительского достоинства.

9. Переходя теперь к твердости душевной и телесной Одилона, определим сначала значение этой добродетели, как то представляли себе древние писатели. Быть твердым душой – значит действовать безбоязненно и не страшиться ничего, кроме постыдного; переносить одинаково и счастье, и несчастье. Трудно описать всю силу этой добродетели в Одилоне, когда он отражал преследование врагов и переносил неудачи. Его терпение

---

[1] Фульберт, епископ Шартрский, принадлежит к числу замечательнейших ученых первой половины XI в. из школы Герберта (Папа Сильвестр II); его сочинения служат одним из главных источников для изучения нравов той эпохи.

было так велико, что он, подобно Давиду, оскорблявшим его воздавал благодеяниями и к ненавидящим его оказывал еще большее благоговение. Неприятности не убивали его, и счастье не возгоржало.

10. Умеренность, помещаемая в книге списка добродетелей, состоит, по своему определению, в уменье сохранять меру и порядок в словах и поступках. В отношении этого качества: Одилон превосходно владел собой, знал меру словам и действиям, держался порядка и был удивительно скромен. Он умерял ревность к посту, подобно вознице, как выразился блаженный Иероним, чтобы не истощить сил тела, и принимал все предлагаемое так, чтобы сохранять правила умеренности и вместе избежать фанатизма. Суровость своих нравов он смягчал улыбкой на лице. Строгий по обстоятельствам в исправлении порока, он легко прощал...

11. Но кроме этих внутренних добродетелей, он вменял в славу построение церквей, обновление их и приобретение всяких украшений. Доказательством тому служит его главное местопребывание, монастырь Клюни; кроме стен он переделал все заново и внутри, и вне, и всячески украсил. В последние годы своей жизни он отстроил новое здание с мраморными колоннами, которые с большим трудом были доставлены из отдаленных частей провинции и привезены по быстрым рекам, Дюрансу и Роне. Потому он в веселые минуты любил хвалиться тем, что нашел монастырь деревянным, а оставляет мраморным, по примеру цезаря Октавиана, который, по словам историков, оставил кирпичный Рим мраморным...

12. Тем, которые занимаются собиранием известий о чудесах и измеряют заслугу того или другого лица новостью чуда, следует заметить, что Божественная благодать заключается не в даре чудес, но в совершенствовании себя добродетелями. Ибо Бог требует от нас не чудес и не знамений, а утверждения в добрых делах. И Иуда вместе с прочими апостолами делает знамения, и осужденные в день суда скажут: «Господи, не твоим ли именем мы пророчествовали и не твоим ли именем творили чудеса?» Сам Господь сказал отходившим на проповедь: «Не радуйтесь тому, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лук., X, 20). Если же это справедливо, то было бы суетно ценить высоко то, чем после будут гордиться осужденные вместе с избранными. Впрочем, чтобы показать, что и наш Одилон не был лишен благодати, скажем немного из всего, что удостоил Господь Бог заявить до его смерти и после того для славы своего имени и для засвидетельствования перед людьми о заслугах своего святого.

13. Начнем с того, что случилось с ним еще в его детстве. Для большего же вероятия прибавлю, что я слышал все от тех, кому он сам рассказывал. Еще ребенком в доме отца, до поступления в школу, Одилон лишился употребления почти всех членов и не мог ни ходить, ни двигаться. Случилось однажды его семейству переменить место жительства, а ребенка понесли слуги под надзором няни. На дороге они расположились отдохнуть у церкви Богородицы и положили ребенка вместе с помочами перед дверями той церкви. Поблизости ее стоял дом, где можно было запастись съестным, и когда прислуга промедлила несколько там, ребенок, увидя себя оставленным, начал, по вдохновению свыше, пытаться приблизиться к дверям и войти в церковь Богородицы. Употребив все усилия, ползком он добрался до дверей, вошел в церковь, добрался до алтаря, достал руками его покров и, вытянувшись, пытался встать, но ему мешали перевязи. Наконец, с помощью свыше и заступничеством Богородицы, он встал на ноги и начал бегать вокруг алтаря. Дядьки, возвратившись к люльке, не нашли, к своему удивлению, ребенка и пустились его отыскивать; долго не находя, они случайно входят в церковь и видят, как он бегает по полу. Познав могущество Божие, они радостно обняли ребенка, отправились дальше и вручили родителям, к величайшему их счастью, сына целым и невредимым...

14. Теперь перейдем к тем чудесам, которые Одилон совершил Божией помощью в зрелом возрасте и в сане аббата. Но большую часть тех, которые помещены в начале, сам я не видел, но узнал из рассказов двух монахов, а именно: Петра из монастыря св. Майола, что близ Павии, и Сиронна, аббата

какого-то монастыря; они не мне рассказывали, а одному из нашей братии, Бозиону, человеку удивительной простоты ума и невинности сердца. Те два вышеупомянутых лица были весьма близки к Одилону, во многом знали все его сокровенное и разделяли его странствования и труды; а потому рассказы их заслуживают вероятия тем более, что известно, они передавали только то, что видели своими глазами, слышали своими ушами и руками осязали. Мы нарочно указываем на источник своих известий, чтобы наши завистники не объявили, что мы все выдумали из лести и угождения...

В рукописях следует большой пропуск; но у другого автора биографии Одилона, а именно у Петра Дамиана, кардинала Римской церкви (XI в.), это дополняется рассказом о чудесах, совершенных Одилоном, как то: о возвращении зрения слепому, о двукратном претворении воды в вино и т. д. В конце главы наш автор, как видно, начал переходить к рассказу о смерти Одилона.

О чем мы помышляем в душе, к чему медлим? Мы стараемся отдалить смерть и заботимся о продолжительности жизни, как будто боимся конца. Но неизменно то, что было сказано первому человеку: «Земля еси и в землю отъидешь». Все приходившие в мир после того погибали и подчинились закону смерти. Умерли и патриархи, и пророки, и апостолы, и цари, и императоры, и князья, большие и малые; кто родился, тот и умер. Исключены только Илия и Энох, но и они умрут ко временам антихриста. Умер и Сын Божий. Конечно, Он умер иначе, нежели мы; Он того пожелал, мы же к тому обязаны; такова была Его воля, а для нас смерть необходимость: конечно, и Он имел необходимость, потому что умер, вследствие убеждения, что если бы Он не умер...

В рукописях следует новый небольшой пропуск.

15. В последние пять лет своей жизни Одилон, блаженной памяти, начал испытывать сильные недуги. Чувствуя близость смерти, он отправился на поклонение к святым апостолам, в надежде умереть под их покровительством, как того всегда желал. Но жизнь человека не в его руках, и случилось иначе, нежели он думал. В Риме Одилон оставался 4 месяца, удерживаемый тяжкой болезнью. Там он сблизился с Папой Климентом, блаженной памяти, и получил его благословение... После того, сверх чаяния, он выздоровел и возвратился домой. Целый год в Клюни Одилон, насколько позволяли его силы, изнурял себя молитвой и постом, наставлял братию и предсказывал свою скорую смерть. Потом посетил все кельи и везде делал увещания жить по правилам. Даже посетил Сильвиниак (ныне Sauvigny en Bourbonnois), где скончался и был погребен его предшественник св. Майол. Вскоре после его прибытия туда наступили Святки (Adventus Dominicae Nativitatis), и он каждый день поучал народ; но внезапно ему возвратились прежние боли, и, о горе, все начали отчаиваться за его жизнь... Он поспешно принял тело Христово, исповедался со всем смирением, и затем, без всяких страданий, закрыв глаза, почил в мире. Умер же святой муж в ночь на праздник Обрезания Господа нашего Иисуса Христа (1 января), в первую стражу ночи, 87 лет от роду, в 56-й год своего поставления. В год же от воплощения Господня тысячу сорок девятый (1049).

Vita S. Odilonis, abbatis V Cluniacensis. У Bolland., Acta Sanet. I, 65–71 (изд. 1863 г.).

Козьма Пражский

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА III. 1039–1041 гг. (около 1125 г.)

В последние годы правления Конрада II, отца Генриха III, герцог Богемский Брячислав старался поставить свою страну во главе славянского мира и повторить ту же попытку, которую незадолго перед тем сделал Болеслав Храбрый в отношении Польши. Узнав о смерти Конрада II, Брячислав вторгся с большим войском в Польшу, опустошил ее и подчинил; мощи Адальберта из Гнезно были перенесены в Прагу; в Богемии распространилась кирилловская литургия вместо латинской; к Папе было отправлено посольство с просьбой отделить Богемию от Майнцской епархии и дать ее герцогам королевский титул. Так Брячислав одним ударом уничтожил весь труд германизирования Богемии, на который потратили столько сил предшественники Генриха III. Потому Генрих III должен был в первые годы своего правления сосредоточить все свое внимание на богемском вопросе и в 1039 г. принудил Брячислава смириться и дать заложников. Но восстание Венгрии против немцев дало ему возможность нарушить договор и вынудило Генриха III предпринять в 1040 г. вторичный поход в Богемию.

Молва, которая в мире цветет легче всякого зла, бухнет ложью, и, примешивая к безделице целую кучу, к истине ложь, растет на лету, доставила императору Генриху (III) известие, в сто раз больше, нежели было на деле, что богемцы вынесли из Польши массу золота и серебра. Вследствие того император начал искать предлога, чтобы отнять у них золото, о котором ему было донесено, приказал богемцам через своих сборщиков к определенному сроку выдать ему до последнего обола серебро, похищенное ими в Польше, грозя в противном случае войной. На это славяне отвечали: «Мы всегда точно исполняли ваши законы, и теперь считаем себя под властью короля Карла (Великого); наш народ не бунтовал никогда против его преемников, да и тебе пребыл верным во всех войнах и всегда пребудет таким, если только сам ты захочешь быть к нам правосудным. Пипин, сын короля Карла Великого, постановил такой закон, чтобы мы ежегодно платили его преемникам на императорском престоле 120 отборных быков и 500 марок. В нашей же марке мы считаем 200 монет. Это исполняется с нашей стороны из века в век, мы беспрекословно выплачиваем тебе ту дань и будем выплачивать твоим преемникам. А если когда-нибудь ты захотел бы положить на нас иго сверх обычного закона, то мы готовы лучше умереть, нежели нести ярмо». На это император отвечал: «Короли всегда имеют обычай прибавлять что-нибудь новое к прежнему закону. Никакой закон не устанавливался вдруг, но всегда ряд законов постепенно увеличивался последующими королями. Те, от которых зависят законы, сами не зависят от них[1], потому что у закона, как говорится, нос из воску (cereum habet nasum), а у короля железная и длинная рука, так что он может погнуть его, куда ему угодно. Король Пипин сделал то, чего хотел, а если вы не испол-

[1] Nam qui regunt leges, non reguntur legibus. Ср. эти слова Генриха III, как их приводит наш автор, с наставлениями Випона ему же в его юности, в форме пословиц, см. выше.

КОЗЬМА ПРАЖСКИЙ (COSMAS, PRAGENSIS ECCLESIAE DECANUS). Он был древнейшим национальным писателем западных славян, творившим в той среде, где он жил. Умер 21 октября 1125 г. См. о его жизни, сочинении и продолжателях до 1283 г., ниже. Лучшее издание его «Трех книг Богемской хроники» сделал профессор Берлинского университета Копке, у Пертца, в Monum. Germ. IX, 1–209 с.; Пельцель и Добровский в Script. rer. Bohem. I, 1–282 с.

ните моей воли, то я покажу вам, каковы у меня крашеные щиты и как я силен на войне». Разослав тотчас после того указы по всему государству, он собрал весьма сильное войско. Саксонцам же приказал идти в Богемию другой дорогой, которая лежит через Цирбию и ведет в ту страну лесом, мимо укрепления Глумека. В то время герцогом был Окард, которому вся Саксония повиновалась во всем, как королю. Был же он человек весьма умный, одаренный уменьем управлять государственными делами и от юности преданный воинским занятиям, но никогда не имел счастливых успехов на войне. Сам же цезарь расположился лагерем по той и другой стороне р. Резны. На следующий день, пройдя мимо укрепления Камбо (ныне Cham) и поставив свои орлы около леса (то есть Böhmerwald), который отделяет Баварию от Богемии, он узнал, что богемцы загородили дороги в лесу; приведенный в негодование, после некоторого молчания, покачав трижды головой, он воспламенился гневом, достойным цезаря, и произнес следующие слова: «Хотя бы они построили стены выше леса и вывели бы башню до облаков, но, как бывают напрасны тенета, раскидываемые на глазах птиц, так и их укрепления не могут иметь никакого значения для немцев. Если даже они поднимутся выше облаков или спрячутся между звездами, то и это не послужит в пользу погибшему и несчастному народу». Сказав это, он всем приказал вступить в лес, а сам, предшествуя другим, взошел на высокую гору, находившуюся в середине леса, и, воссев на походный стул (tripode), заметил окружавшим его князьям всего государства: «В этой долине скрывается презренное войско богемцев, как полевая мышь в своих норах». Но цезарь обманулся, ибо укрепления их были за другой горой. Тогда Генрих, называя каждого по имени и послав вперед сначала маркграфов, а потом всех знатных в полном оружии мужей, приказал им идти пешими в сражение, обнадеживая победой в следующих словах: «Вам не трудно,– говорил он,– сражаться: только покажитесь, и они сами побегут от страха, потому что им не выдержать вашего натиска. Идите, идите, мои соколы, на робких диких голубей, как свирепые львы, и поступайте по обычаю воинов, которые, когда нападают на овечий хлев, не считают овец и не начинают пожирать своей добычи, доколе не уничтожат всего стада». Немедленно, по приказанию короля, потянулись многочисленные воины, одетые в латы; князья спорят за первое место в сражении; острие мечей блестит, как прозрачный лед; солнечные лучи, отражаясь на их оружии, освещают ветви дерев и вершины гор. Но спустившись в долину, они не находят там никого, между тем со всех сторон им представляется густой лес и непроходимые места. Тогда, как обыкновенно бывает во всяком деле, задние напирают на передних и против их воли теснят к месту битвы, и следовавшие за князьями принуждают их подниматься на другую гору.

Между тем князья были так утомлены, что уже язык их прилипал к нёбу, силы совершенно изменяли, руки отказывались служить, из груди вылетали тяжелые вздохи; однако же остановиться нельзя было ни на шаг. Одни бросают свои латы на щиты, другие облокачиваются на деревья и ловят тщетно дуновение ветерка; иные же падают, как пни: это люди толстые и не привыкшие к походам. Приблизившись к укреплению, они подняли крик, а пар с их усталого тела поднимался над лесом, как облако. Видя это, богемцы недолго колебались и тотчас, заметив их утомление, смело выскочили из засады. Непобедимая сестра Фортуны, Беллона, придала им смелости. О, судьба, фортуна! Ты никогда не бываешь постоянно благосклонна, и на вертком колесе опускаешь вниз сильных земли. Подкованным копытом лошадей топчет она осчастливленных ею, раздавливает им животы, утопавшие в наслаждениях, и чресла, подпоясанные пурпуровыми шарфами, извлекает кишки и ломает голени. Стыдно рассказывать подробнее о внезапной смерти столь благородных мужей, и недостойно то летописи.

Chronicae Bogemorum libri, III.

Адам Бременский

ГАМБУРГСКАЯ ЕПАРХИЯ ПРИ ГЕНРИХЕ III И В МАЛОЛЕТСТВО ГЕНРИХА IV: АДАЛЬБЕРТ БРЕМЕНСКИЙ. 1043–1072 гг. (в 1075 г.)

Предисловие автора

Блаженному отцу и небесному избраннику, Гамбургскому архиепископу Лимару (преемнику Адальберта, с 1072 г.) посвящает *Адам*, ничтожнейший служитель св. Бременской церкви, свой малый дар беспредельной преданности.

Когда еще прежде (в 1068 г.) я был приобщен вашим предшественником, евангелическим пастырем (то есть Адальбертом Бременским) к числу его паствы, я ни о чем так не думал, как о том, чтобы не оставаться неблагодарным за оказанное мне благодеяние и милость. Из своего опыта и рассказов других я вскоре убедился, что первенство древней славы вашей церкви весьма умалилось, и что она нуждается в содействии многих строителей, а потому я давно уже размышлял, каким трудом можно было бы и мне подать помощь нашей метропольной церкви при истощении ее сил. Иное перечитывая, а иное выслушивая от рассказчиков, я узнал многое из деяний твоих предшественников, которые, и по своей важности и по крайнему положению нашей церкви, заслуживают быть предметом повествования. Память об этих деяниях угасла, и история тех архиепископов никем еще не написана, а потому иной подумает, что они не сделали ничего достопримечательного или не нашлось для них трудолюбивого историка. Убедившись же в необходимости такой истории, я решился сам написать ее в порядке бременских или гамбургских архиепископов; такое намерение не может противоречить ни моим обязанностям по службе, ни вашей воле: как сын этой церкви, я хочу вывести на свет жизнь св. отцов, которыми она возвысилась и распространилась между язычниками. Конечно, я должен тем более просить снисхождения к труду тяжелому и превышающему мои средства, что я не побоялся, почти не имея для себя предшественников, пойти ощупью впотьмах по незнакомой дороге, и предпочел переносить бремя дней и жар в винограднике Господа (то есть в монастыре), нежели оставаться праздным вне его стен... Я знаю, что у меня не будет недостатка в порицателях, как то издревле бывало со всеми, кто брался за что-нибудь новое; они скажут, что все, приведенное мной, выдумка и ложь, как тот «Сон Сципиона» у Туллия (Цицерона); пусть так, они могут даже сказать, если им угодно, что мой сон притом вышел из «ворот слоновой кости» Марона (Вергилия; см.: Энеида, ст. VI, 894 и след.). Но я и не имел в виду понравиться всем, и желал бы угодить одному тебе, мой отец, и твоей церкви; удовлетворить же завистников весьма трудно. Если же несправедливость их того требует, то я открою тебе, с каких полей я собирал цветы для своего венка (то есть какими пользовался источниками), чтобы меня нельзя

АДАМ БРЕМЕНСКИЙ (ADAMUS BREMENSIS, около 1040 – около 1075). Он был родом из Мейсена, и в 1068 г. явился ко двору гамбургского, или бременского, архиепископа Адальберта, накануне его вторичного возвышения. Более мы почти ничего не знаем о его жизни. Его сочинение «О деяниях святителей Гамбургской церкви» в 4 книгах свидетельствует о том, что он имел случай получить превосходное классическое образование и особенно был знаком с Саллюстием. Но текст его хроники, испещренный позднейшими и ему современными схолиями (заметками), представляет и до сих пор много трудностей для исторической критики.

Издание: лучшее у *Pertz.* Monum. VII, 280–389. Переводы: немецк. Laurent (Berl. 1850) в Geschichtsschr. d. d. Vorzeit. Lief. 7. Критика: *Assmussen.* De fontibus Adami Kiliae. 1834.

было обвинить в том, что я под видом истины вплетал и ложь. О том, что я писал, я заимствовал иное в рассеянных листах хроник, многое же из исторических сочинений и папских грамот, но более всего из рассказов опытных старожилов; и призываю истину в свидетели, что мной ничего не выдумано из головы, ничего не сказано без основания и все изложенное подкреплено такими верными свидетельствами, что если иной не поверит мне, то по крайней мере окажет доверие моим поручителям. Но пусть знают все, что я своим предприятием не делаю никаких притязаний на звание историка, и также мало боюсь, если кто назовет меня лжецом; я собрал материалы и предоставляю другому изобразить то лучше, что я мог хорошо выразить. Я начну со св. Виллегарда (VIII в.), когда франки покорили саксов и подчинили их служению Богу, а кончу твоим спасительным вступлением в должность (1072 г.), и молю при этом всемогущего Бога, чтобы Он, поставив тебя во главе народа, долго заблуждавшегося и стесненного, исправил твоими трудами в течение твоих дней то, что извратилось среди нас, и исправленное сохранил навеки; чтобы Евангелие при обращении язычников, начатом давно твоими предшественниками, пронеслось по всему Северу в возможно скором времени, и да ниспошлет нам то Иисус Христос, наш Господь, его же царствию не будет конца отныне и до века. Аминь!

Первая книга

Вся первая книга (65 глав) посвящена автором древнейшему периоду истории Гамбургской церкви, начиная от первого ее епископа Виллегарда, ученика св. Бонифация, которого престол утвердил в Бремене Карл Великий, 788 г., и до смерти епископа Унни, умершего в год вступления Оттона Великого на престол, 936 г. Сначала автор говорит вообще о древней Саксонии и ее завоевании Карлом Великим, об основании епископства Бременского, о деятельности его преемников по распространению христианства на севере среди данаов, из которых в IX столетии особенно прославились Анскарий (847–905 гг.), Адальгар (888–909 гг.) и Унни (918–936 гг.). Изложив их неутомимые труды в безвестном крае, автор в заключении обращается к другим епископам Западной Европы, не знавшим подобных трудов, и говорит: «Хорошо вам, прочим епископам! Вы восседаете там спокойно, и в ваших епископских обязанностях первое место занимают наслаждения кратковременной славой, корыстью, желудком и сном. Оглянитесь[1], прошу вас, назад на этого бедного, но почтенного и великого пастыря Христова, заключившего так славно свою жизнь и доказавшего потомству, что нельзя оправдывать свою леность трудностями времени и места, ибо он, подвергая себя опасности и на море, и на суше, ходил к диким народам Севера и с такой ревностью отправлял свои обязанности, что умер, передав свой дух Христу, на самых отдаленных оконечностях земли» (глава 65). Так автор говорит об епископе Унни, который ходил на проповедь в Швецию и умер там в Бирке, близ Упсалы.

Вторая книга

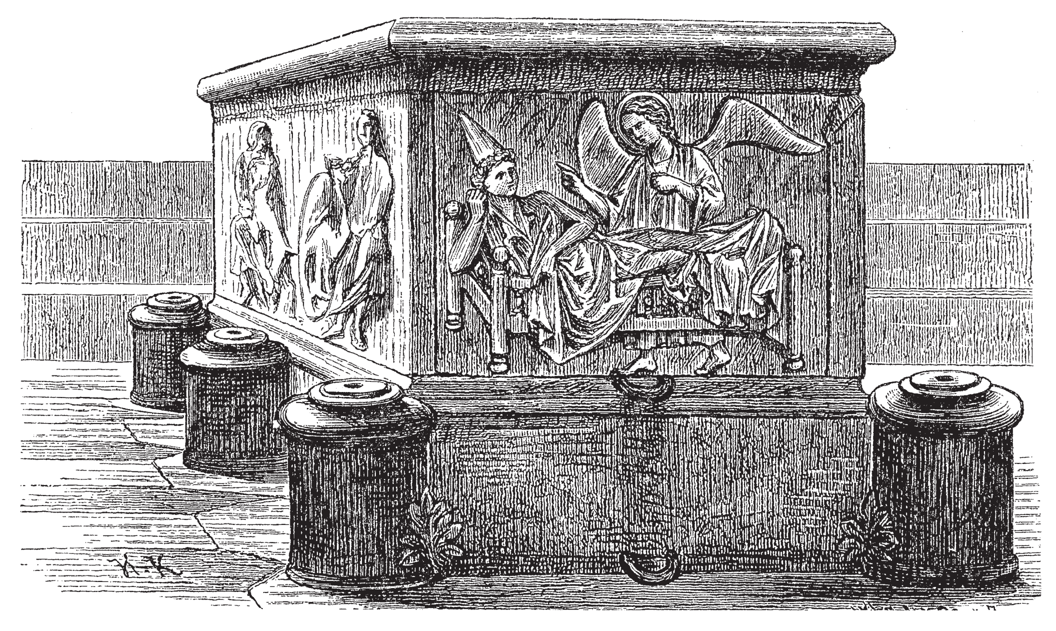
Теперь послушай, читатель, что гласит моя вторая книга.

Вторая книга посвящена истории Гамбургской епархии – от вступления на престол Адальдага (936 г.) и до вступления Адальберта, знаменитейшего из всех бременских епископов (1043 г.). В первых 14 главах автор говорит о тесных отношениях Адальдага с Оттоном Великим, при котором открылось новое поприще для деятельности гамбургских епископов, а именно обращение славян и подчинение их немцам, для прочности которого Оттон Великий открыл новое архиепископство в Магдебурге, 971 г., с пятью епископствами: Мерзебург, Цейц, Мейсен, Бранденбург, а шестое, Ольденбург, подчинил гамбургским епископам. Это последнее обстоятельство предоставило автору случай сделать весьма важное для нас отступление для описания земель славянских.

15. Так как теперь зашла речь об этих странах (то есть славянских), то, кажется, небесполезно будет при этом показать, какие именно народы по ту сторону Эльбы принадлежат к Гамбургскому диоцезу. С западной стороны этот диоцез омывается Британским (ныне Немецкое море) океаном, с юга р. Эльбой, с востока р. Пеной (ныне Pene), впадающей в Варварское море (Балтийское), а с севера р. Эгдор (ныне Эйдер), отделяющей датчан

---

[1] Этот укор весьма замечателен в устах автора, при жизни которого, как он сам говорит, описывая ниже нравы своего современника, епископа Адальберта, и бременские епископы с трудом могли бы оглянуться назад.


Гробница Папы Климента II в Бамбергском соборе

от саксонцев. Заэльбские же саксы состоят из трех народов: первые из них, *тедмарсгофы* (дитмарсы), живут у океана и главная их церковь в Мелиндорне (Мельдорф); вторые – *голзаты* (голштинцы), так названные по лесам (Holz), при которых они обитают. Через их землю протекает р. Стурия (Стёр), а главная церковь их в Сканафельде (Шонфельд). Третьи и замечательнейшие из них – *штурмары*, так названные по их склонности к частым возмущениям. Между ними, как метрополия, возвышает главу свою Гамбург (Hammaburg), прежде могущественный по воинам и оружию, богатый землей и плодами, теперь же (в 1075 г.) в наказание за свои грехи, превращенный в пустыню. Гамбургская метрополия хотя и перестала быть украшением города, но она еще сильна и в своем вдовстве, и утешается ревностной деятельностью чад своих, которые с каждым днем своей проповедью распространяют ее власть по далекому северу.

Мы нашли также и границу Саксонии, лежащей по ту сторону Эльбы, как она определена Карлом (Великим) и другими императорами, и в каком виде существует и до сих пор. Она простирается от восточного берега Эльбы до маленького ручейка, называемого славянами Месценрейца; от него граница идет через Дельвундерский лес до р. Дельвунды; дойдя до Горгенбищ (Горнбек) и Биленыспринга (Bilquelle), она поворачивает к Лиудвинштейну, Виспиркону (Везенберг) и Бирцнигу (Бизенниц). Оттуда же, идя на Горбинстенон до Травенского леса (Травенгорст) и вверх по нему вплоть до Булилункина (Блунк), потом до Агримессгофа, постепенно поднимается до так называемого Агримесвидильского брода (Штокзее), где Бургвидо бился на поединке со славянским воином и умертвил его. В память того там положен камень. От этого места граница идет на озеро Кользе (Плонерзее) и доходит на востоке до Свентифельдского поля (Борнгоф) вплоть до самой р. Свентины (Schwentine), по течению которой границы саксов достигают Скифского, или Восточного моря.

В следующей главе, 16-й, автор в подтверждение своих слов ссылается на жизнеописание Карла Великого у Эгингарда и переписывает оттуда главу 12, начиная от слов: «От западного океана протягивается» и т. д. (см. это место выше).

17. Вот что говорит Эгингард; но мы, так как о славянах упоминается часто, считаем неизлишним сделать исторический очерк славянских племен и их быта, тем более, что, как я покажу, в те времена (X в.) ревностью нашего архиепископа Адальдага почти уже все славяне были обращены в христианскую религию.

18. Земля славян, обширная область Германии, населена винулами, которых прежде называли вандалами. Если причислить к славянам ничем не отличающихся от них ни по наружности, ни по языку богемцев и живущих по ту сторону Одера полян (поляков), то их земля вдесятеро будет больше нашей Саксонии. Эта страна, сильная войском и оружием, изобилующая всякого рода произведениями, со всех сторон окружена горами, покрытыми лесом, и реками, образующими ее прочные, естественные границы. Широта ее простирается от юга к северу, то есть от Эльбы до Скифского моря. Длина же ее такова, что, начинаясь в нашей Гамбургской епархии и простираясь по неизмеримому пространству, она доходит до Бегуарии (Баварии), Венгрии и Греции. Славянские народы многочисленны. Между ними на востоке мы видим сперва пограничных с трансальбианцами *вагиров*, приморским городом Альдинбургом (Ольденбург). За ними следуют *ободриты*, нынешние ререги; их город Мекленбург. Далее за ними живут *полабинги*, город которых называется Рациспургом (Раценбург). Далее, *лингоны* и *варнабы*. Еще дальше сидят *хиццины* и *цирципаны*; р. Пена (Пене) отделяет их от *толозантов* и *ретеров*; у них город Димин (Деммин). Такова граница Гамбургского диоцеза. Есть и еще славянские племена, живущие между Эльбой и Одером, например, *гевельды*, обитающие при р. Габоле (Гавель), *доксаны, леубуццы, вилины, стодеране* и другие; *ретарии*, поместившиеся в середине между ними, самые сильные из них. Их город, известный всему свету, Ретра[1], служит центром идолослужения, где демонам – знаменитейший между коими Редигаст – построен огромный храм. Его изображение сделано из золота, а пьедестал из пурпура. Сам город имеет десять ворот, окружен глубоким озером, а через него перекинут деревянный мост, но по нем позволяется проходить только приносящим жертвы и желающим вопросить оракула; я полагаю, что само положение этого города указывает на то, что действительно погибшие души идолопоклонников «Девятикратно Стикс обтекая в себе заключает»[1].

Из Гамбурга до этого храма четыре дня пути[2].

19. За лутичами, известными еще под названием вильцы, мы встречаем р. Одер, самую богатую из славянских рек. На ее берегах, там, где она соединяется со Скифскими водами (Балтийское море), стоит знаменитый город Юмна (Иомсбург), любимое местопребывание варваров и греков, живущих вокруг нее[3]. Так как об этом городе рассказывают много великого и едва ли даже вероятного, то и я считаю нужным сказать о нем по крайней мере то, что заслуживает упоминания[4]. Действительно, это самый обширный из всех городов, существующих в Европе (то есть языческой). В нем живут славяне и другие нации, греки (руссы) и варвары. На равных правах с прочими жителями там позволяется жить и приезжим саксам; разумеется, во время всего пребывания в городе они не могут открыто исповедовать христианство, ибо все его жители еще ослеплены идолопоклонническим безбожием. Впрочем, во всем, что касается нравов и гостеприимства, не найдется ни одного народа почтительнее и услужливее жителей Юмны. Этот город, куда стекаются товары всех северных наций, владеет всевозможными удобствами и редкостями. Там есть и *вулканов горшок* (olla

---

[1] Близ нынешней деревни Прильвитц, в Ней-Стрелице.

[1] Энеида, VI, 439.

[2] Ср. об этом храме у Титмара, выше.

[3] Под *греками* автор здесь подразумевает русских купцов из Киева, потому что ниже он причисляет Киев к городам Греции.

[4] Критический разбор этого важного места в хронике Адама см. у Грановского (Волин, Иомсбург и Винета; помещ. в его Полн. собр. соч., I, с. 213 и след).

Vulcani), называемый туземцами греческим огнем, о котором упоминает Солинус. Нептун изображен в трех видах, соответственно трем водам, омывающим этот остров, зеленой, белой и мутной, от волнения и беспрерывных бурь.

От Юмны плывут вниз коротким переездом к городу Димину, лежащему при устье р. Пены, где живут руны (ругии), а оттуда в провинцию Земланд (Самогития), которой владеют пруссы.

Путешествие это делается следующим образом: от Гамбурга, или Эльбы, до Юмны едут сухим путем 7 дней; если же отправиться водой, то, чтобы прийти в Юмну, нужно сесть на корабль в Шлезвиге или Ольденбурге. Из Юмны, следуя далее, через 14 дней высаживаются на берег в Острогарде в Руции (России), где главный город Киве (Киев), соперник константинопольского скипетра, одно из великолепнейших украшений Греции (то есть Руси).

Одер, о котором шла речь выше, берет свое начало в глубине Моравского леса, в одном месте с нашей Эльбой; но потом они текут недолго вместе и скоро расходятся по различным направлениям. Одер, поворачивая к северу, течет по земле винулов до Юмны, где отделяет померанов от вильцев; а Эльба, направляясь к западу, в своем первоначальном течении омывает страну богемов и сорабов, в среднем – разделяет язычников от саксов, а в нижнем – ее волнистое русло отделяет Гамбургский приход от Бременского диоцеза, и наконец, она победительницей впадает в Британский океан.

20. Мы потому так много говорили о славянах и их стране, что, благодаря мужеству Оттона Великого, они уже все обращены в христианство. Теперь перейдем к тому, что случилось после смерти императора (после 973 г.), в остальное время правления нашего архиепископа Адальдага (то есть до 988 г.).

Далее и до конца этой книги автор ограничивается тесным кружком деятельности Адальдага и его преемников (Либенций I, 988–1013 гг.; Унван, 1013–1029 гг.; Либенций II, 1029–1032 гг.; Гериманн, 1032–1035 гг. и Безцелин, прозванный Алебрандом, 1035–1043 гг.) на приведение в порядок своей епархии, прерываемой борьбой со славянами и сношениями с Данией. Но результатом этой деятельности было утверждение власти гамбургских епископов почти по всему прибрежью Балтийского моря, так что к середине XI столетия Гамбург сделался столицей огромного теократического государства. В 1043 г. на престол епископов Гамбургских вступает Адальберт (1043–1072 гг.), один из самых блестящих людей XI в.; он задумал основать Северное папство и стать во главе Германии. Таким образом, благодаря его честолюбию, гамбургский епископ (или бременский) становится первым лицом в империи. Наш автор посвящает его деятельности свою третью книгу, самую главную, в отношении которой первые две могут быть рассматриваемы как введение к ней.

Третья книга

Третья книга повествует о деяниях Адальберта.

1. Архиепископ *Адальберт* занимал престол 29 лет (1043–1072 гг.). Пастырский жезл он получил от императора Генриха (III), сына Конрада (II), который от Цезаря Августа был девятидесятым императором, считая при этом и соправителей. Архиепископскую же мантию ему, как и прежде его преемникам, прислал Папа Бенедикт (IX), который, как то я нашел, в ряду римских святителей был, считая от апостолов, сто сорок седьмой. Его постановление происходило в Ахене в присутствии императора и князей; при этом находилось 12 епископов; и все они возложили на него руки. Впоследствии Адальберт часто ссылался на такой избыток благословения тем, которые его проклинали, и, смеясь, говорил, что он не может быть никем отлучен после того, как в начале своей должности успел получить торжественное благословение стольких пастырей церкви.

Но, мой достопочтенный архиепископ Лимар, хотя и трудно мне описать, как следует, деяния и характер этого мужа, однако я нахожу себя вынужденным к тому, так как мной обещано довести труд до дней твоего вступления в должность (то есть до 1072 г.). Пустившись раз по своему безрассудству и дерзости в это море, я считаю благоразумным снова поспешить к берегу; не вижу только, где бы мне, неопытному, спокойно пристать. До того все преисполнено подводных камней зависти, до того все мелководно, что если ты вздумаешь что-нибудь похвалить,

Герб графов Фландрских

тебя назовут льстецом, если же осудишь дурное, объявят злым человеком.

Этот замечательный человек может быть превознесен всевозможными похвалами, потому что он был благородного происхождения, красивой наружности, обладал большой мудростью, красноречием, воздержанностью и целомудрием; все эти преимущества он соединял в себе; но кроме того он имел и другие, приобретаемые нами извне, а именно: богатство и счастье, чем добывается слава и власть; и всем этим Адальберт обладал с избытком. В распространении христианства среди язычников – а это составляет главное призвание Гамбургской церкви, – он обнаружил такую деятельность, какой никто не показал до него. Относительно торжественности богослужения, уважения к апостольскому престолу, верности государству, забот о своей епархии не было ему подобного, кто в звании духовного пастыря действовал бы с большим рвением, и о, если бы он остался таким до конца! Высказав себя таким в начале своей деятельности, в последние годы жизни он отличался уже гораздо менее. Правда, такое ослабление в его деятельности произошло не от одной его непредусмотрительности и небрежности, но и от внушения злобы других. Но об этом будет сказано ниже. Так как мне трудно изложить все деяния этого мужа с надлежащей полнотой, обстоятельно и в порядке, то я желаю, коснувшись одних главных сторон его деяний, перейти с болезненным чувством к описанию тех бедствий, вследствие которых богатая Гамбургская и Бременская епархии пали от того, что Гамбург был ограблен язычниками, а Бремен разбит лжехристианами. Я начну свой рассказ с описания характера Адальберта, который объяснит нам все остальное.

2. Он был весьма знатного происхождения; в Гальберштадте дали ему первое его звание священника; ум его был проницателен и снабжен всякого рода способностями. В делах мирских и церковных Адальберт обладал большой мудростью, славился своей памятью, хранившей все, что он раз слышал или серьезно изучал, и необыкновенным даром красноречия в изложении однажды усвоенного. Далее, он был одинаково знаменит телесной красотой и считался другом целомудрия. Его щедрость была такова, что он с большой готовностью и радостью награждал богатыми дарами даже таких, которые о том не просили, но сам считал недостойным просить других о чем-нибудь, с затруднениями принимал подарки и чувствовал себя при этом униженным. Такой же характер носило на себе его смирение: он обнаруживал его только по отношению рабов Божиих, бедных и странников, и притом в такой степени, что, отправляясь ко сну, он часто мыл, став на колени, ноги у тридцати и более нищих; зато его смирение исчезало, когда приходилось иметь дело с сильными земли или лицами равного с ним достоинства. Против них он обнаруживал такую нетерпимость, что в глаза указывал одному его расточительность, другому – корыстолюбие, неверие, и никого не щадил, кто только казался ему достойным порицания. При таком редком соединении в *один* венец стольких добродетелей Адальберта можно было бы назвать счастливым, если бы туда не замешался *один* порок, ненавистность которого омрачала весь блеск славы, которой мог бы сиять архиепископ:

это, именно, – любовь к суете, доверенная служанка знатных людей. Она сделала этого мудрого в других отношениях мужа столь нелюбимым, что многие говорили: если он и сделал много хорошего, то только для приобретения земной славы. Но рассуждающие так должны остерегаться осуждать его безусловно, ибо им известно, что в сомнительных случаях не следует произносить решительного приговора, а помнить, что «тем же судом, которым судишь другого, осуждаешь себя» (Римл. 2, 1).

Нам, которые жили вместе с этим мужем и наблюдали за ним каждый день, известно, что как человек он делал иное для мирской славы, но многое совершено им по истинному страху Господню. Конечно, его щедрость превышала всякую меру, но я всегда находил, что она имела хорошие побуждения, а именно чтобы обогатить церковь, он располагал к ней иных своею щедростью, например королей и их ближайших советников; зато других, сколько-нибудь опасных для церкви, он преследовал всей ненавистью, например наших (саксонских) герцогов и некоторых епископов. Часто, мы слышали, говаривал он, что для блага церкви готов пожертвовать собой и своими родными: «Ибо,– объявлял он,– я никого не пощажу, ни себя, ни братьев, ни денег, ни саму церковь, только чтобы свергнуть иго с моего епископства и сделать его равным другим». Впрочем, лучше будет все это изложить по порядку, чтобы люди разумные могли понять, как достохвально многое совершено им, и притом без всякого легкомыслия, а скорее поневоле, что другим, непонимающим дела, кажется безрассудным и даже бессмысленным.

В последующих главах, от 3 до 26-й, автор описывает довольно сжато первые шесть лет правления Адальберта (1043–1049 гг.), когда он подготавливался к будущей своей знаменитой роли и укреплял внутри свою власть, стараясь расположить к себе императора Генриха III и пап. Руками императора он старался связать опасного для его видов герцога Саксонского Бернгарда, ходил с императором в походы против венгров, фризов, итальянцев, даже был избран в Папы, но отказался. Более всего в этот период деятельность Адальберта была посвящена Скандинавии и славянам, а потому и автор долго останавливается на сношениях с соседями, которые закончились подчинением Дании, Швеции, Норвегии и славян Гамбургскому епископству. Наконец, автор рассказывает, как Адальберт выстроил на одной стороне Гамбурга первую крепость и как на другой стороне (Alster) его соперник, Бернгард устроил подобное же, так что старый город принадлежал епископу, а новый – герцогу. Вместе с тем Адальберт особенно заботился о внешней обстановке богослужения, приготовляя тем обращение Гамбурга в Северный Рим. «Он,– говорит автор (глава 26),– так был предан внешнему блеску, что отправлял богослужение не по латинским обрядам, но опираясь на какие-то, не знаю, римские или греческие, обычаи... И многое другое делал он, что невежественным людям нашего времени казалось странным, между тем, как он ничего не устраивал помимо Писания и имел в виду богатствами и славой поставить свою церковь на первое место, лишь только ему удастся склонить на свою сторону короля и Папу. Их-то расположение он и старался приобресть всеми мерами». К описанию этих мер автор и переходит затем.

Рыцарь XI столетия

27. Около этого времени (1049 г.) король Генрих (III), употребив несметные государственные сокровища, основал в Саксонии Гослар, обратив его, как рассказывают, из маленькой мельницы, или охотничьего шалаша, в такой огромный город, каким теперь мы его видим. В нем для себя он построил дворец и во славу всемогущего Бога открыл два монастыря; управление же и высший надзор над одним из них поручил нашему архиепископу, так как он во всем был его неразлучным спутником и сотрудником. В то же время ему подана была надежда на приобретение или покупку графств, аббатств и поместьев, впоследствии действительно купленных нами, к великому несчастью для церкви, это были монастыри Лорш и Корби (Корвей), графства Бернгарда и Экибрехта, поместья Синциг (ныне Sinzig), Плисна, Гренинген, Диспарг (ныне Duisburg) и Лисмона. Приобретя эти владения уже в сомнительные минуты своего господства, наш первосвятитель возмечтал, как то прекрасно сказано о Ксерксе, «перейти море и переплыть землю», и думал, что он может сделать все, что ни захотел бы.

28. При этом он рассчитывал в особенности, на то обстоятельство, что Папа Лев (IX) по крайним делам церкви прибыл в Германию; и Адальберт был уверен, что Папа, по старой дружбе, не откажет ему ни в чем, чего каждый может достигнуть законным порядком.

В то время, в Майнце был созван знаменитый собор под председательством апостолического государя и короля Генриха, при содействии епископов – Бардо Майнцского, Эбергарда Трирского, Гериманна Кёльнского, Адальберта Гамбургского, Энгильгарда Магдебургского и прочих провинциальных церковных настоятелей. На этом соборе епископ Шпейерский Сибико был оправдан, подвергшись испытанию св. причастием (см. выше), а его обвиняли в обольщении замужней женщины. Далее, на том же соборе сделано было много постановлений, клонившихся к утверждению порядка церкви; главное же, там вместе с нечестивыми священническими браками навсегда было осуждено собственноручной подписью всех членов собора ересь симонии. Наш архиепископ, воротившись домой, разумеется, не стал молчать об этом. Касательно женщин он подтвердил определение, сделанное его знаменитым предшественником Алебрандом и еще прежде того Либенцием, по которому женщины должны были жить за чертой церкви и города, чтобы соседство обольстительниц с их вольными речами не оскорбляло целомудренного взгляда.

Этот собор был в 1051 г., то есть в седьмом году правления архиепископа. В это же время был посвящен самый большой алтарь в честь Божией Матери.

30. Об этом соборе я упомянул именно потому, что владыка Адальберт превзошел на нем своей мудростью и дарованиями почти всех славных мужей церкви. И Папа, и король, считали его за великого человека, так что в публичных делах никогда не обходились без его совета. Король же нуждался в нем даже и в военных вопросах, где духовное лицо вовсе не у места; ум Адальберта он не раз испытал в борьбе с врагами; искусный итальянский полководец Бонифаций (Тосканский), Готфрид (Лотаригский), Оттон (Баварский), Балдуин (Фландрский) и другие, производившие мятежи в империи и старавшиеся, казалось, утомить короля трудной борьбой, знали хорошо Адальберта и, даже покорившись королю, хвастались тем, что только один ум архиепископа мог победить их.

Что же касается варварских народов, венгров, датчан, славян или, по крайней мере, норманнов, то вообще нужно заметить, что император чаще побеждал их благоразумием, чем войной, следуя правилу, внушенному ему нашим архиепископом: «Кто лежит, ты щади, непокорного ж бей беспощадно»[1].

К довершению нашего счастья случилось еще одно обстоятельство: храбрый греческий император Мономах (Константин X, 1042–1054 гг.) и Генрих (I) Французский прислали нашему императору дары, а архиепископу нашему привет за его мудрость и преданность, в благодарность за счастливо оконченную по его совету войну; вследствие того и он в своем ответном послании

---

[1] Вергилий, Энеида, VI, 854.

Императорский дворец в Госларе. Построен Генрихом III (заложен, возможно, Генрихом II). Место рождения и любимая резиденция Генриха IV. Здесь неоднократно проводились рейхстаги

константинополитанам, между прочим, с особенной гордостью указывал на свое происхождение от греческих императоров, так как его родоначальниками были Феофания и храбрый Оттон, и говорил, что после того нисколько не удивительно, если он любит греков и старается подражать им в нравах и обычаях, а он именно это делал.

Подобное же письмо послал он к королю Французскому и другим.

32. Итак, наш глава, возгордясь своим успехом и вне, и видя, что Папа и король содействуют его планам, с горячей ревностью принялся трудиться над учреждением в Гамбурге патриархата. На этот план навело его то крайнее обстоятельство, что датский король, так как христианство у него распространилось до последних переделов земли, желал учредить архиепископство в своем королевстве. Это дело с разрешения апостольского престола и согласно с каноническими правилами почти уже состоялось; ожидали только решения нашего архиепископа. Он обещал дать свое согласие, если ему и его церкви прислана будет из Рима грамота на патриаршее достоинство. Этому патриархату вместе с провинциальными епископами нашей церкви в Дании и других странах он намеревался подчинить двенадцать епископств, которые хотел

образовать из разделения своей епархии: первый епископ должен был находиться в Палыме (Pahlen) на р. Эгдоре (р. Эйдер), второй в Гелиганштаде, третий в Рацебурге, четвертый в Ольденбурге, пятый в Мекленбурге, шестой в Штаде, седьмой в Лисмоне, восьмой в Вильдегаузене, девятый в Бремене, десятый в Вердене, одиннадцатый в Рамзоле, двенадцатый во Фрисландии. Подчинив себе без особенного труда Верденское епископство, он тем нередко хвалился.

33. Между тем, как это дело с обеих сторон тянулось, умер святейший Папа Лев (IX), и в том же самом году преставился и храбрый император Генрих (III)[1]. После их смерти не только церковь пришла в замешательство, но и само государство, казалось, стало на край погибели.

Все зло, какое испытало в то время Гамбургское архиепископство, произошло от того, что архипастырь наш весь предался придворным делам.

Управление государством по праву наследства перешло, к великому ущербу для всех, в руки женщины и дитяти[2]. Князья, отвергая с негодованием правление женщины и власть дитяти, сначала, чтобы не остаться под игом такого рабства, возвратили себе прежние вольности, а потом начали между собой спор, кто из них могущественнее, и наконец дерзнули поднять оружие против своего государя с намерением свергнуть его с престола. Все это легче было видеть глазами, чем теперь описать пером.

Наконец, когда волнение уступило место спокойствию, архиепископы Адальберт и Анно[3] были провозглашены консулами[4], и с того времени все зависело от них. Несмотря на благоразумие этих мужей и ревностную их деятельность в заботах о государстве, оказалось, что они пользовались не одинаковым влиянием. Потому видимое согласие обоих епископов продолжалось недолго, и хотя на словах они были миролюбивы, но сердца их бились смертельной ненавистью друг к другу. Справедливость, конечно, была на стороне бременского архиепископа, так как он обнаруживал больше мягкосердечия и объявил, что нужно до гроба хранить верность своему королю и государю; кёльнский же владыка, человек нрава жестокого, был даже обвинен в нарушении верности королю и участвовал во всех заговорах, составлявшихся в его время.

34. Поэтому корыстолюбивый Анно употребил все, что мог собрать дома и при дворе на украшение своей церкви, так что она, будучи уже прежде великой, не имела себе равной во всем королевстве. Он покровительствовал своим родственникам, друзьям и капелланам, замещал ими высшие, почетные места с тем, чтобы они в свою очередь устраивали своих друзей на низших местах. Из них известнейшие были: брат архиепископа Вецель, архиепископ Магдебургский, и их двоюродный брат Буркгард, епископ Гальберштадтский, также Куно, назначенный было в Трир епископом, но прежде поступления на эту кафедру завистью духовенства украшенный мученическим венцом. Равным образом Гильберт, епископ Минденский, и Вильгельм Утрехтский. Кроме того, в Италии патриарх Аквилейский, епископ Пармский и другие – всех не перечтешь; все они, возвысясь по милости и стараниям Анно, наперерыв старались заплатить своему благодетелю содействием в его предприятиях и расчетах. Впрочем, до нас дошло, что этот муж сделал несколько и хорошего как в светском, так и в духовном отношении.

35. А наш глава, увлекаемый мирской славой и почестями, считал недостойным себя покровительствовать своим, хотя и держал при себе целую толпу алчущих; ему казалось позорным, если король или кто-нибудь из вельмож оказывал благодеяние его приближенным, «которых, по его словам, он мог наградить так же хорошо, если не лучше». Поэтому очень немногие из его приближенных получали епископское дос-

---

[1] Лев IX умер собственно еще 19 апреля 1054 г., а Генрих III – 5 октября 1056 г.

[2] То есть малолетнего Генриха IV и матери его Агнесы.

[3] Анно, или Ганно, архиепископ Кёльнский, 1056–1075 гг.

[4] Со времени Оттона III утвердился обычай употреблять римские титулы; консул – правитель.

тоинство с его одобрения; зато, впрочем, многих из них, хорошо владевших языком и ловко успевших исполнять его поручения, он осыпал золотом. Таким образом, произошло то, что ради мирской славы он принимал к себе людей всякого сорта и всяких художеств, в особенности же лицемеров[1]. Густая толпа таких людей постоянно окружала его при дворе; он таскал ее с собою всюду, куда ни отправлялся, и уверял других, что она не только не тяготит его, но даже увеселяет (см. ниже, глава 37).

Между тем деньги, полученные им со своих подчиненных, от друзей и с тех, которые посещали двор или подвергались королевскому наказанию, эти деньги, и весьма значительные, расточал он на негодяев, шарлатанов, лекарей, комедиантов и других лиц подобного рода, неблагоразумно рассчитывая на любовь таких людей, чтобы понравиться при дворе, стать во главе своего управления и таким образом достичь целей, которые он преследовал для блага своей церкви. Сверх того, он делал своими вассалами всех мужей, прославившихся или отличившихся в Саксонии и других странах: одним из них отдавал то, что имел, другим обещал то, чего и не имел, и таким образом, к великому вреду для души и тела, покупал себе пустой звон суетной славы. Раз заразившись этим недугом, с течением времени и до самого конца нравы архиепископа делались все хуже и хуже.

[1] Вся хроника Адама Бременского изобилует, как и произведения древних классиков, замечаниями схолиастов, числом до 152, которые дополняли от себя то, что было у автора выражено коротко. Так, по поводу этого места, 78-я схолия замечает: «Между такими находился один пришелец, Павел, обращенный еврей, который, после своего странствования по Греции, не знаю, из любознательности или по любостяжанию, по возвращении своем пристал к нашему архиепископу, хвалясь, что он может сделать мудрецов в три года из людей, которые не знали бы даже читать, и из меди добыть красное золото. Без всякого труда он заставил архиепископа верить всему, что бы он ни говорил, и ко всей своей лжи присоединил то, что он вскоре позаботится о том, чтобы учредить в Гамбурге общественную золотую монету и пустить ее в ход вместо византийского денария».

36. В то самое время, когда Адальберт так возгордился почестями, оказываемыми ему при дворе, и сделался невыносимым бременем для своей бедной епархии, прибыл он в Бремен, по обыкновению, в сопровождении многочисленных вооруженных людей, чтобы обременить народ и землю новыми налогами. Тогда же построены были им и те замки, которые возбуждали в наших герцогах такое сильное негодование; но к устройству монастырей у него уже не было более прежней ревности. Удивителен был нрав этого человека: бездействие для него было невыносимо, и, несмотря на множество дел дома и вне, ожидавших его решения, он никогда не утомлялся. Поэтому наше епископство, и без того обедневшее вследствие его расточительности и безумных усилий приобресть расположение ненасытного двора, теперь постройкой замков и приорств было доведено до погибели. Он даже приказал развесть сады и виноградники на нашей дурной почве (то есть около Гамбурга) и, несмотря на бесполезность и невыполнимость этой причуды, усердно выплачивал огромные суммы исполнителям своих планов. Таким образом, высокий ум этого мужа боролся даже и с природой своего отечества и желал владеть всем, что где-либо видал замечательного. После долгого и тщательного размышления о причинах такой слабости я нашел, что иногда и столь мудрые люди от чрезмерной привязанности к мирской славе могут ослабеть в своем характере. Кичась во дни своего земного богатства и величия, он не знал меры в своем стремлении к высокомерию, а в несчастье, совершенно падая духом, без меры поддавался гневу и скорби. Таким образом, он переступал границы в обоих случаях как в добре, когда принимал участие в страданиях других, так и в зле, когда выходил из себя.

37. Доказательством тому служит то, что в гневном бешенстве он своими собственными руками бил некоторых до крови, например, так поступил он со своим приором и другими. Между тем в хорошем расположении духа, которое в этом случае лучше назвать страстью делать подарки, он был до того расточителен, что, считая фунт

Воин XI в. Реконструкция XIX в. из Музея артиллерии в Париже

серебра за один пфенниг, самым ничтожным людям бросал сотни фунтов серебра, а более знатным дарил и большие суммы. Потому, когда он был гневен, все бежали от него, как от льва, когда же опять успокаивался, его можно было гладить, как ягненка. Приближенные и даже посторонние особенно легко утишали его гнев лестными похвалами; тогда он становился другим человеком и начинал улыбаться своему льстецу. Я сам часто видел, как пользовались этой слабостью лицемеры, со всего света стекавшиеся в его покои, как словно в какую-нибудь помойную яму, и которые, по его мнению, необходимы князьям для внешнего блеска. Всякого, чем-нибудь известного при дворе или самому королю, он удостаивал своего общества, а прочих придворных отпускал с подарками. Таким образом он обольщал даже людей почтенных и занимавших высокие духовные должности; из честолюбивого стремления попасть в его круг, они делались постыдными льстецами. Между тем, как людей, неумевших или просто не хотевших льстить, на наших глазах выпроваживали из архиепископского дворца, как простых и глупых, желая, вероятно, тем самым сказать:

Беги от жизни придворной,
Если желаешь себя сохранить.

Или:

Тот зовется доносчиком, правду кто говорит нам.
(Ювен. I, 161).

Лжецы же у нас получили такой перевес, что и говорившим правду нельзя было верить, хотя бы они клялись. Вот какими людьми наполнен был епископский дом.

38. Кроме того, к ним каждый день приходили и другие льстецы, дармоеды, снотолкователи, разносчики новостей, и то, что они выдумывали и что, полагали, может понравиться нам, выдавали за откровение, сообщенное им ангелами. Так, они всенародно предсказывали, что *гамбургский патриарх* (как позволял называть себя наш архиепископ) скоро будет Папой, его соперники должны быть удалены от двора; что он один и долгое время будет управлять государством и достигнет такой глубокой старости, что останется более пятидесяти лет архиепископом, и, наконец, в правление этого мужа настанет для света золотой век. И все это, внушенное лицемерием и корыстью, Адальберт принимал за истину, за глас свыше, основываясь на том, что по Священному Писанию человек, на основании некоторых знамений, как то: сновидений, гаданий и ходивших в народе изречений или необыкновенных явлений природы, может предугадывать будущее. Вследствие того у него был обычай, отходя ко сну, забавлять-

ся сказками, пробудившись – снами, а при отъезде в путь – астрологией. Иногда он целый день спал, а ночь всю напролет просиживал или за игрой в кости, или за столом. Во время пира он приказывал предлагать гостям всего в избытке, а сам часто вставал из-за стола, ни к чему не прикоснувшись; он нарочно заранее наказывал людям, обязанностью которых было принимать и угощать гостей, не обращать на него никакого внимания. Гостеприимством он хвалился, как великой добродетелью, которая, не лишая нас Божеской награды, доставляет великую славу уже между людьми. За обедом он находил удовольствие не столько в пище и питье, сколько в остроумных речах, рассказах о королях и в метких изречениях философов. Когда же был один дома, а такие случаи, когда ему приходилось обедать без гостей и королевских посланных, были редки, то все время проводил в слушании сказок, снотолкований, но всегда с соблюдением благопристойности. Музыкантов допускал к себе редко, разве по нужде, для облегчения горести и забот. Пантомимов же, старающихся потешить толпу неприличными телодвижениями, никогда не принимал. Постоянно находились при нем только одни врачи; другие же, если не требовало какое-нибудь важное обстоятельство, чтобы к нему были допущены светские лица, с трудом получали на то позволение. Таким образом, двери его спальни, которые мы видели прежде открытыми всякому незнакомцу и чужестранцу, впоследствии окружены были такой сильной стражей, что послы с важными поручениями и люди, имевшие высокое положение в свете, поневоле должны были иногда целую неделю стоять за дверями.

39. Сверх того, Адальберт имел обычай за обедом подсмеиваться над лицами, занимавшими важные должности, издевался над их жадностью и глупостью, а многих из них попрекал низким происхождением. Всех вообще он поносил за неверность к королю, поднявшему их из ничтожества, и высказывал то, что только он один защищает короля из любви к государству, а не для своей пользы. Доказательством в его глазах служило то, что тогда как первые, как люди низкие, грабили чужое добро, он, как человек благородного происхождения, сыпал на все стороны свое. Такие оскорбительные выходки он делал против всех, не щадил никого, лишь бы поставить себя выше других. Одним словом, этот человек, не любя ничего, кроме мирской славы, так сильно испортился, что потерял даже и те добродетели, которые имел прежде. Вышеприведенные нами его поступки и многое другое в этом роде относятся именно к тому времени, когда суеверие, хвастовство, или, лучше сказать, беспечность, покрыли его к тому великим позором и возбудили к нему всеобщую ненависть, особенно со стороны знатных.

В главе 40 автор называет в числе таких врагов Адальберта на первом месте герцога Саксонского Бернгарда и его детей, которых он, несмотря на все вышесказанное, обвиняет и в доказательство правоты архиепископа приводит следующий случай:

41. Герцог, увлекаемый своей корыстью, пошел во Фрисландию, где ему не была выплачена установленная подать; ему сопутствовал и архиепископ с целью примирить отпавший фрисландский народ с его герцогом. Но когда алчный к мамоне герцог, получив сполна все, не хотел довольствоваться семьюстами марок серебра, этот дикий народ пришел в ярость и: «Меч обнаживши, в битву вступил, защищая свободу»[1].

Многие из наших были убиты тогда, другие разбежались, лагерь герцога и епископа был разграблен, и, таким образом, огромные суммы денег из церковных доходов погибли там безвозвратно. Однако ж, оказанная в опасности дружеская верность герцогу не принесла нам настолько пользы, чтобы он и его дети перестали преследовать церковь. Герцог, как бы предвидя, что будет после него, часто со вздохами говорил, что его сыновья самой судьбой предназначены к разорению Бременской церкви. Так, ему представилось во сне, будто вышедшие из его дома, сперва медведи и кабаны, потом олени и,

[1] Вергилий. Энеида, VIII, 648.

наконец, зайцы устремились к церкви; по этому поводу, он сказал: «Медведи и кабаны, вооруженные клыками, – наши храбрые предки; олени, украшенные только рогами,– это мы с братом; а зайцы – наши малохрабрые и даже трусливые дети; я боюсь,– прибавлял он,– что они станут нападать на церковь и этим навлекут на себя небесное мщение». Поэтому он увещевал их и заклинал страхом Божиим не делать нечестивых злоумышлений против церкви и ее пастырей, потому что оскорбление, нанесенное им, наносится самому Христу и влечет за собой неминуемую кару. Но они были глухи к подобным увещаниям. Мы сейчас увидим, как они были наказаны за свои грехи.

В главах 42–44 автор рассказывает, как после смерти Бернгарда его дети, Ордульф и Гериманн, ограбили Бременскую церковь и как оба были за то наказаны: Гериманна приговорили к ссылке, а Ордульф поплатился 50 поместьями в пользу Бремена. По этому поводу автор исчисляет и другие приобретения Адальберта, увеличившие богатство его епархии.

45. Наша церковь могла быть столь богатой, что нашему архиепископу нечего было завидовать архиепископам Майнцскому и Кёльнскому. Только епископ Вюрцбургский превышает его своим положением, потому что вместе с графскими обязанностями округа в его руках было и само герцогство. Нашему архиепископу сильно хотелось сравняться с ним, и он всячески старался приобрести для церкви все графские места своей епархии, с которыми связывалось право суда. Так, он добился у императора самой важной графской должности во Фрисландии, в Фивельгоэ, бывшем прежде за герцогом Готфридом, а теперь принадлежащем Экиберту. За нее платили тысячу марок серебра, из коих двести вносит Экиберт, признававший вместе с тем себя вассалом церкви. Архиепископ удерживал это графство десять лет, до времени своего изгнания. Вторая его графская должность была в графстве, принадлежавшем Уто и рассеянном по разным местам Бременской епархии, преимущественно же около Эльбы. За нее архиепископ платил Уто церковными имуществами столько, что плата эта равняется годичному доходу в тысячу фунтов серебра, между тем, как на такие церковные деньги можно было принести большую пользу; а нам все мало для мирской славы, и мы лучше желаем быть бедными, лишь бы иметь много подданных. Третье графство, по названию Эмизгое, находится во Фрисландии, неподалеку от нашей епархии. Право нашей церкви на него защищал против Бернгарда Годескальке (славянский князь) и был убит. За это графство наш архиепископ обязался платить королю тысячу фунтов серебра. Не имея такой суммы денег, он взял из церкви (о, горе!) кресты, алтари, венцы и другие украшения церковные, продал их и вырученными деньгами заплатил условленную сумму. Он хвастался в скором времени вдесятеро заплатить церкви за взятые вещи и из серебряной сделать ее золотой, как обещал и прежде при разграблении монастыря. О, какое святотатство! Два золотых креста с драгоценными камнями, главный жертвенник и чаша – оба из блестящего красного золота, осыпанные драгоценными камнями, были разломаны. Они стоили двадцать марок золота; их принесла в дар Бременской церкви вместе с другими подарками госпожа Эмма. Расплавливавший эти вещи золотых дел мастер рассказывал, что с великим прискорбием он должен был ломать эти кресты, и некоторым тайно открывал, что при каждом ударе молотка ему слышался жалобный плач младенца. Таким образом, сокровище Бременской церкви, с величайшими усилиями собранное от благочестивых пожертвований верующих прошлого и нынешнего времени, в одну несчастную минуту пропало за ничто. И от продажи этих вещей едва ли составилась и половина должной суммы. Мы слышали, что драгоценные камни, вынутые из священных крестов, были употреблены некоторыми людьми на подарки своим любовницам.

46. Признаюсь, мне страшно передать все, как было; рассказанное выше считалось только еще началом горя, а страшное мщение последовало позже. С того времени счастье начало нас покидать; все пошло против нас и церкви; на нашего епископа и его при-

верженцев стали смотреть как на еретиков. Впрочем, он не обращал никакого внимания на общее мнение, и между тем, как его собственные дела оставлялись без внимания, он весь страстно предался двору, упорно добиваясь себе славы; преимущественно он стремился к управлению государственными делами, потому что, как сам он рассказывал, для него невыносимо было видеть своего короля и государя связанным в руках его окружавших. Он уже достиг консульства, и, удалив соперников, один владел Капитолием, но зависть, всегда преследующая славу, не оставила и его в покое. Наш глава, решившись во время своего консульства восстановить золотой век, старался всеми силами искоренить в царстве Божием всякую неправду, уничтожить всех поднимавших руки против короля, всех злоумышленников и грабителей церкви. Но, как такие преступления сознавали за собой все епископы и вельможи, то они единодушно поклялись погубить его одного, а прочих избавить от опасности. Потому собравшись в Трибуре, где был и сам король, они изгнали нашего архиепископа от двора, как чародея и обольстителя. Так была «его рука на всех и руки всех на него» (1 Моис. 16, 12); борьба кончилась пролитием крови (январь 1066 г.).

В последних главах третьей книги, от 47 до 70-й, автор рассказывает, как все вооружились против Адальберта, как он бежал в Гослар и потом заключил мир с Магнусом, герцогом Саксонским, по условиям которого архиепископ удержал за собой одну треть своих владений. После отступления по поводу дел шведских и датских, автор возвращается к описанию печального положения Бремена и весьма коротко упоминает о том, что в 1069 г. Адальберту удалось снова получить консульство и прежнюю власть; затем в 10 последних главах подробно останавливается на исчислении различных предзнаменований, говоривших о близости смерти Адальберта, рассказывает, как он скончался в Госларе (1072 г.) и был погребен в Бремене. К третьей книге присоединено автором или кем-нибудь посторонним небольшое приложение с описанием миссионерской деятельности Адальберта.

Четвертая книга, последняя, из 42 глав, посвящена исключительно географическому описанию Скандинавии и островов отдаленного севера с показаниями, как и когда было распространено там христианство. Автор, начав с Дании, в конце описывает Исландию и Гренландию, на чем и завершается летопись.

Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum. Libri IV.

Ф. Лоран

СОСТОЯНИЕ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ В XI в. ХАРАКТЕР РЕФОРМЫ И БОРЬБЫ ГРИГОРИЯ VII СО СВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ (в 1860 г.)

Призвание церкви и ее господство основаны на власти духовной. Чтобы такое призвание было выполнено на деле, чтобы церковь имела действительную власть над умами, необходимо, чтобы она осуществила в себе ту идею, на которой покоится ее власть; необходимо, чтобы она жила духом и идеалом христианства; говоря современным языком, она должна оправдать свое господство высокой нравственностью и образованностью своих членов. В XI в. церковь стояла в прямой противоположности с таким идеалом; ее пятнали все пороки, заражавшие мир варваров того времени. Представители духовной власти, епископы, выбирались из феодальной аристократии, и потому церковь стояла на одном уровне

Ф. ЛОРАН (F. LAURENT). Этот историк был профессором в Гентском университете в Бельгии. Он составил себе известность обширным трудом, который называется «Histoire du droit des gens et de relations internationales» («История народных прав и международных отношений»). «La Papauté et l’empire», то есть «Папство и империя», откуда заимствовано нами извлечение, составляет шестой том того труда.

с варварским обществом; невежество шло рука об руку с развратом. Униженная, загрубелая, могла ли церковь называться духовной властью! Еще несколько шагов по этой же дороге, и образованию угрожала бы важная опасность. Чтобы убедиться в том, рассмотрим подробности церковного быта в XI в.; власть духовная представится нам в полном разложении. Картина того объяснит нам и задачу Григория VII. Он нашел церковь в развалинах и насильно возвратил ее к христианскому идеалу, обеспечив при этом власть пап; и нельзя не сознаваться, что, спасая церковь, он вместе с тем спасал и цивилизацию.

Со времени вторжения варваров и до XI в. церковь была в зависимости от государства. Это время было эпохой насилия; церковь нуждалась во внешней опоре и искала покровительства королей; но кто покровительствует, тот и властвует; духовная власть подчинилась государству: Карл Великий был и Папой, и императором. Распадение Каролингской монархии не принесло пользы церкви; среди анархии, предшествовавшей феодализму, она была жертвой сильного. В феодальную эпоху она испытала иерархическую зависимость, бывшую условием владения землей. Назначение епископов делалось королями в противность канонам, предоставлявшим свободу избрания клиру и мирянам. В одной хронике рассказывается, что Оттон Великий, когда пришло известие об епископской вакансии, видел сон, по которому ему следовало назначить епископом первого, кто ему утром попадется навстречу; император доверял более подобному способу назначения, нежели каноническому избранию, хотя, впрочем, встав, он пошел по направлению к аббатству, чтобы иметь более вероятности встретить духовное лицо (Титмар Мерзебургский, II, 17). Благочестивый Генрих II несколько раз уничтожал избрания, производимые капитулами, и назначал епископов по своему выбору. Генрих III возводил и низводил пап и распоряжался епископствами наравне с графствами. Во Франции и Англии осталась одна тень выборов, но жалобы церковных писателей доказывают, что и там, как в Германии, епископы достигали своих престолов неправильными путями. Зло было всеобщее, потому что корень его существовал везде: епископство рассматривалось, как феод, которым короли и сильные бароны считали себя вправе распоряжаться. Слияние духовных достоинств с мирскими видно всего более в странном обычае X в. давать епископства детям. Ребенок мог быть графом, почему же ему не быть епископом? В 926 г. Герберт, граф Вермондоа, назначил пятилетнего своего сына епископом Реймса; такое назначение было утверждено королем и Папой. Аттон Верчельский (писатель X в.) рассказывает нам странную процедуру поставления малолетних прелатов; ребенку предлагались вопросы, на которые ответ был им заучен предварительно, и он читал его, дрожа от страха не столько потерять епископство, сколько получить розги от своего наставника. Этот скандал достиг самого престола св. Петра: в X в. видели ребенка наместником Иисуса Христа! (см. выше).

В феодальную эпоху зависимость духовной власти была облечена даже в легальную форму. Епископы перед посвящением получали от короля *инвеституру* (облечение): король вручал им *жезл*, символ пастырской власти, и *кольцо*, знак внутренней связи пастыря со своим стадом. Епископы и аббаты были членами феодальной аристократии; они пользовались правами графов и несли потому их обязанности; и те, и другие были вассалами короля и должны были давать одинаковую присягу... Вот свидетельства современников, которые дадут нам понятие, к чему должен был привести такой порядок вещей во Франции, Италии, Германии и Англии.

Монах Глабер (XI в.) говорит так о церкви во Франции: «Наши короли, которым следовало бы избирать для служения св. религии лица, самые способные к такой должности, считают более достойными для управления душами тех, от которых они ожидают наибольших подарков... Сделавшись епископами, такие корыстные люди дают полную свободу своей жадности, стараются только об удовлетворении ее и поклоняются ей, как идолу» (Hist. II, 6)...

В Германии в малолетство Генриха IV церковь находилась в руках его опекунов. Честолюбие и жадность потеряли всякий стыд; продажа духовных должностей делалась с публичного торга... Если аббатство становилось вакантным, то ему назначали цену во дворце; потом являлись монахи и надбавляли цену друг перед другом: «Они сулили,– говорит летописец Ламберт (Annal. ad a. 1071, у Pertz, V, 189),– золотые горы; продавец не смел и думать о том, что ему предлагал иногда покупатель. Мир спрашивал с изумлением, откуда текут реки богатств, каким образом сокровищницы Креза попались в руки людей, которым закон не позволял считать даже одежды своей собственностью» (см. ниже). В летописях Ламберта изображено постыдное зрелище, которое представилось князьям и королю при избрании Фульдского аббата. Ученый анналист восклицает вместе с Цицероном: «О, времена, о, нравы!» Он повторяет слова Даниила: «О, отвращение, о, позор!»[1].

В Италии было еще хуже. Все церковные должности были продажны, как товар на рынке: не было ни одного места, незапятнанного симонией. Лев IX хотел удалить купивших свои должности; ему отвечали, что церкви останутся без пастырей. Но и сам св. престол был продажным. Бенедикт IX предлагал публично продать свое место тому, кто может заплатить; продавец посвятил сам покупателя и вышел из Латерана. Но получив деньги, Бенедикт воспользовался ими, чтобы удержаться в Риме. Между тем, враги его избрали третьего Папу. Тем не кончился еще скандал: никто не имел силы одержать верх над двумя противниками, и Бенедикт напал на счастливую мысль приступить к обоюдной сделке: к чему спорить об исключительном владении престолом, доходов с которого может хватить на всех троих? Так, в 1045 г. явилось три папы, вследствие той неслыханной сделки...

Беспредельность зла вызвала сильную реакцию. Императоры, верные своему призванию быть защитниками церкви, взяли на себя инициативу реформы. Генрих III привел в порядок избрание пап; но до вступления Григория VII симония продолжалась. Усилия Климента и Льва относились к частным случаям, но корень зла существовал: именно *феодальный характер епископства*. Нужны были сильные меры: Григорий VII попытался запретить королям раздавать инвеституру.

Зависимость церкви должна была развращать духовную власть в самой ее сущности. Епископы и аббаты шли за королем на поля битвы вместе с прочими баронами. В XI в. военная служба сделалась неоспоримой их обязанностью; сами папы призывали епископов в лагерь, как на собор. Прелаты бились и командовали полками; воинские подвиги делали их знаменитыми; быть хорошим воином значило то же, что быть хорошим пастырем: bonus miles et optimus pastor, говорит Титмар (V, 23) об одном духовном лице...

Епископы и аббаты не довольствовались отправлением феодальных обязанностей, но и сами объявляли войну, мстя за обиды, распространяя территорию и даже поддерживая свои духовные права. «Это не епископы,– восклицает один из современников,– а тираны, окруженные войском; с руками, запятнанными неприятельской кровью, они приступают к совершению таинств»...

Церковь призвана господствовать над светским обществом; но всякая власть должна быть оправдана нравственным и умственным превосходством своих органов. Но чем стояло выше духовенство XI в. над светским обществом? Оно, по выражению одного современника, отличалось от него только тем, что брило бороду. Архиепископ Вероны, собрав своих подчиненных, имел случай заметить, что присутствующие не знали Символа веры. Кардинал Дамиан (современник Григория VII) утверждает, что священники сами не понимают того, что читают, и едва могут разбирать писаное. Невежество встречалось часто и на епископском престоле. Епископ Бамберга был низложен Папой за симонию: молодой клерик подал низложенному псалтырь и сказал: «Если ты можешь понять эти строки, не

---

[1] Ср. это с картиной дворца бременских архиепископов того времени, выше.

говорю, объяснить их мистическое и аллегорическое значение, но только перевести слово в слово, то я буду считать тебя оправданным от взведенных на тебя преступлений и объявлю достойным епископского сана» (Ламберт. Annal. ad. a. 1075, у Pertz, V, 211). Епископ не мог воспользоваться таким способом оправдания.

Приверженцы слепые старины с сожалением говорят о веках невинного невежества; они полагают, что чистота нравов была уделом того блаженного времени, как будто бы истинная мораль может встретиться там, где разум блуждает во мраке. В XI в. невежество было крайнее, а разврат нравов доходил до того, что в наше время нельзя без оскорбления чувства стыдливости рассказывать о деяниях тех, которые должны были служить образцом чистой жизни, как избранники Господа... Но разврат нигде не был так отвратителен, как у самого подножия папского престола. Женщины делали папами своих любовников или детей, прижитых в распутстве. Лиутпранд представляет живую картину состояния папской власти в X в.[1]...

Но корень всего зла таился в рабстве церкви; надобно было оторвать ее от такого общества, каким оно было в XI в. В этом-то и состояла задача церковной реформы, предпринятой Григорием VII...

Никогда еще столь трудная и столь высокая задача не возлагалась на одного человека. В древности, когда церкви угрожала опасность со стороны арианства, св. Афанасию приходилось бороться с мнениями теологическими или философскими. Григорию предстояло вести войну с самыми необузданными страстями, соединенными с самым живым интересом. Для основания духовной власти следовало реформировать церковь и сделать ее независимой от государства. Первое предприятие ставило Папу в оппозицию с епископством и вообще с духовенством; второе – со светской властью. Один человек должен был выдержать борьбу с целым миром. Он не обманывал себя относительно громадности задачи и вот каким образом выражал свои взгляды на окружающий порядок вещей:

«Князья и сильные мира сего потеряли всякое уважение к церкви; они обращаются с ней, как с негодной рабой. Даже те, которые стоят при кормиле церковного управления, забыли Божеский закон, упустив из виду свои обязанности в отношении к Богу и вверенной им пастве. Что станется с народом, покинутым своими пастырями? Не будет узды, которая направила бы его на путь правды; даже те, которые должны служить ему примером, представят собой образчики распутства» (Epist. I, 42)... «Пробегая мыслью по странам Запада, от севера до юга, я с трудом могу найти епископа, который законно достиг своего звания, вел бы христианскую жизнь и управлял бы народом с любовью ко Христу. Я напрасно искал бы между королями одного, который предпочел бы воздавать честь Богу, а не самому себе, быть справедливым, вместо того, чтобы быть корыстным… Тем же, среди которых я живу, римлянам, ломбардам, норманнам, я говорю каждый день, что они хуже евреев и язычников» (Epist. II, 49)...

Григорий стремится привести людей к вечной жизни; будучи монахом до вступления на престол, он черпал в монашеской жизни идеал всякой другой жизни и говорил королям и вельможам: «Место нашего здешнего обитания не наше жилище; истинное наше жилище в будущей жизни, которую мы должны искать в Боге. Разве вы не видите каждый день, как жизнь смертных хрупка и эфемерна, как надежды людей тщетны и обманчивы... Подумайте, что, выйдя из этого мира, вы обратитесь в прах и тление; подумайте, что вам придется отдать строгий отчет в ваших делах и приготовьтесь к будущим опасностям. Употребите ваше оружие, ваши богатства, вашу власть на служение вечному царю. Управляйте так, чтобы ваша любовь к правде и истине сделалась приятной жертвой Всемогущему. Тогда он вас спасет из рук смерти, он заменит ваши временные почести вечной славой в царстве, где блаженство бесконечно, почесть без сожаления, достоинство несравненно» (Epist. IV, 28, ad Hispanos).

---

[1] Это место у Лиутпранда см. выше.

Сравните этот христианский спиритуализм с действительной жизнью XI в., представьте себе обязанности Папы, как главы церкви, и тогда убедитесь, что борьба Григория со своим временем была неизбежной. Чтобы бороться с железным веком, надобно самому быть железным, и Григорий был человек необыкновенной энергии и силы. Впрочем, и он был знаком с внутренними страданиями, несморя на всю свою твердость и крепость, за которую его друг Дамиан называет «святым сатаной» (Dam., Epist. I, 16). Едва вступив на престол св. Петра, Григорий восклицает: «Я выступил в море, и бури меня охватили... Страх и трепет овладевают душой, мрак потемняет мой ум». Еще до того времени он был душой папского престола и имел ясные идеи о церковной реформе; он видел необходимость отделение церкви от государства. Но кто не пришел бы в ужас накануне такой борьбы? Между тем действительность превзошла все опасения. Папа писал Одилону, аббату Клюни, своему первому другу: «Я часто просил Христа взять меня из этого мира или дозволить, чтобы моя жизнь была полезной нашей общей матери; между тем, Он не избавил меня от тревог, а жизнь моя не была полезна настолько, насколько я рассчитывал» (Epist. II, 49)...

Подобные внутренние муки великих людей Средних веков, в особенности же Григория, этого великого из великих, внушают чувство глубокого прискорбия. Тот Иисус Христос, каким представлял его Папа, не был словом Божиим; Папа сам не был его органом; духовная власть, как он хотел ее устроить и за которую боролся всю жизнь, не была Божеским учреждением... Но несмотря на все его заблуждения, в них преобладает сильное чувство, это именно сознание права и обязанности, твердая воля поставить людей на путь Божий, то есть путь правды и добра. Потому не будем отчаиваться, видя ошибки, затемнявшие лучшие умы прошедшего времени; они не препятствуют им остаться великими. Будем иметь перед собой идеал будущего и постараемся не уклониться от него сознательно: это единственное заблуждение, которого потомство не простит.

Печать Генриха I Французского (1031–1060 гг.)

Реформа церкви, предложенная Григорием VII, была встречена в обществе как гибельное нововведение, несмотря на то, что симония и конкубинатство духовенства были преследуемы издавна соборами, папами и королями. Духовенство чувствовало, что оно имеет во главе своей человека с железной волей, который не ограничится словами, угрозами и исполнит то, что предпишет. Декреты Григория имели большую важность: короли и бароны располагали аббатствами и епископствами; они их продавали и раздавали. Папа кладет предел постыдной торговле: одни клерики получат церковные места, и не по своим связям, богатству или влиянию, а по святости жизни. Нужно, чтобы они отказались даже от законных чувств семьянина: все их существование должно быть рядом самоотвержения. И с такими-то требованиями Папа обратился к варварскому духовенству, жившему в беспорядках и сплетенному с обществом мирян, от которого его хотят оторвать. Предприятие было неслыханное: легче было проповедовать ангельскую жизнь в аду. На самом деле, едва декрет был обнародован, как он вызвал страшное негодование. Вот, что говорит один из лучших средневековых историков, современник и приверженец Григория VII: «Все духовенство восстало против декрета, объявляя его

очевидной ересью, противной словам Спасителя и апостолов. Григорий, говорило духовенство, хочет принудить нас жить по подобию ангелов, но, противясь закону природы, он спускает с цепи всякую мерзость и распутство» (Ламберт, Annal. ad. a. 1074, у Pertz, V, 218)...

Епископ Пассауский, осмелившийся объявить декрет Григория VII, был бы разорван на куски, если бы его не спасли от ярости духовенства светские бароны. В Констанце сам епископ принял сторону конкубината... Еще хуже того было во Франции: весь собор восстал против Папы; епископы, аббаты, собравшиеся в Париже, объявили почти единогласно, что не следует повиноваться новому декрету, что он противен разуму, потому что противен природе. Один человек осмелился поддержать св. престол, это – Галтерий (Готье), аббат Понтоаза; но все поднялись против несчастного монаха, выгнали его из собора; волочили по городу, били, плевали, и он спас жизнь благодаря вмешательству светских лиц...

Одним словом вся церковь восстала против своего главы и отвергла реформу Григория. Каким образом мог бы Григорий восторжествовать над подобной оппозицией? Он обратился к совести мирян. Декреты, запрещавшие брак духовенству и осуждавшие симонию, запрещали верным слушать обедню, которую могли служить духовные, державшиеся конкубинатства и симонии: «Их благословение обратится в проклятие, их молитва – грех», как Бог сказал устами пророка: «Я прокляну ваши благословения». Григорий, следовательно, ожидал сопротивлений, и потому хотел заставить глухих к голосу долга уступить народному гласу. Такое обращение к мирянам против клера было делом неслыханным; оно вооружало их против помазанников Божиих и подчинило пастырей своему стаду. Но для церкви дело шло о том, быть или не быть: «Лучше,– говорил Григорий,– восстановить правду Божию новыми средствами, нежели погубить душу людей».

Григорий не ошибся, рассчитывая на народ против духовенства... Все христианство восстало против тех, которые, презирая св. престол, Богом продавали и покупали святыню, пятная ее своим развратом. Народ изгонял священников из церквей и преследовал их оскорблениями и побоями. Увлечения были неизбежны в эпоху варварства; многих увечили, многие погибали среди мучений. Епископы горько упрекали Григория за его обращение к страстям толпы, и надобно сознаться, что Папа подобным обращением вызвал на сцену силу, малоблагоприятную церкви, силу демократическую. Страсти, раз возбужденные, не остановятся перед чертой, которую захотел бы провести тот, который их возбудил. От презрения к духовенству до презрения ко всей церкви было не больше одного шага...

Потому новейшие протестантские историки, не принимая в соображение различия нашего времени от XI в., напрасно рукоплещут оппозиции, которую встретил декрет Григория о безбрачии духовенства. Положение вещей в ту эпоху было таково, что если бы Григорий претерпел неудачу, то это было бы ударом для всей церкви. Перенесемся в XI в. Феодализм начинает укореняться: все должности, обязанности, права делаются наследственными; все стремится к этому неудержимо и увлекает за собой целое общество, начиная от больших феодов до самых скромных должностей. Каким образом могла бы церковь не подчиниться закону, который определял все земные отношения в течение веков? Она спаслась от всеобщего потока именно законом безбрачия. До Григория уже случалось, что женатые священники передавали свое достоинство и приход своим детям... Что могло бы произойти, если бы брак был признан нормой для духовенства? Духовенство сделалось бы наследственным, епископства и приходы обратились бы в феодальные владения, явились бы священники, епископы, Папы, получившие свое звание по наследству. Чем сделалась бы церковь? Кастой!

Но говорить таким образом, не значит ли защищать безбрачие духовенства и утверждать его необходимость для всякой религии, для всякой церкви? Безбрачие было жизненной силой для духовной власти, которую хотел создать Григорий VII; но его идея духовной власти страдала уже

в своей сущности, ломая природу человека и разделяя то, что неразделимо, то есть душу и тело. Потому безбрачие могло иметь значение настолько, насколько имел значение принцип, из которого оно развилось; такая же духовная власть, какая нужна была Григорию для известной цели, могла быть только временным явлением; то же должно сказать и о безбрачии: оно могло быть необходимым для церкви только в такую эпоху, когда было необходимо разлучить клерика с окружающим его миром.

Если безбрачие отторгало духовенство от мирского общества, то для него оставалась еще одна связь – *инвеститура*, связь с государством. Обычай инвеституры восходит к первым временам утверждения франков в Галлии. До Григория Папы не протестовали против права королей *облекать* (investire) епископов и аббатов в известные права и привилегии, связанные с их должностями, как поземельных собственников. Григорий с удивительной смелостью хотел прервать эту связь: он запретил духовным принимать инвеституру из рук императора, королей или других светских лиц[1]. Но Папа не оспаривал обязанностей верности и службы, которые лежали на епископах как на поземельных собственниках: «Что же касается до службы и верности королю, то мы не намерены ей противиться и препятствовать» (Epist. V, 5). Почему же Григорий начал упорную и кровавую борьбу за инвеституру? На соборе 1078 г. он объявил, что инвеститура ведет церковь к погибели, что для спасения церкви он запрещает инвеституру... Инвеститура открывала двери симонии; она служила предлогом облечь ее в законную форму и отдавала церковь в светские руки... Вот почему Григорий напал на инвеституру. С его точки зрения, он требовал самого естественного дела: «Я не хочу ничего нового, и то, чего я домогаюсь, не моя выдумка» (Epist. V, 5). Но в действительности декрет Григория был целой революцией. А потому он и произвел ряд войн, раздиравших Германию и Испанию и вынудивших пап прибегнуть к сделке и уступкам.

Запрещение инвеституры направлялось на разрушение всякой феодальной связи, всякой зависимости между церковью и мирянами. Если декреты Григория оставляют сомнение относительно его намерений, то декреты его преемников ясно говорят о цели, преследуемой папизмом. Урбан II издавал декрет за декретом с запрещением духовным давать ленную присягу светским лицам и что-нибудь получать от них; он желал лишить государство всякого права на церковь. Но что такое было государство и церковь в XI в.? Церкви принадлежали три–четыре государства, само же государство было разбито на мелкие феоды, в которых отношения гражданина к государству заменились отношениями вассала к сузерену. Освободить церковь от подобных отношений – значило бы объявить церковь отдельным целым, без всякой связи с государством, но удерживающим за собой большую часть земли. На кого перешло бы то влияние, которое учреждалось до того времени инвеститурой? На Папу. Запретить инвеституру, значило сказать императору и королям: «Папа будет назначать епископов и аббатов без вашего вмешательства и, следовательно, распорядится вашей землей; назначенные им будут его вассалами, что не помешает им занимать первое место в аристократии, тяготеющей над вами. Епископы и аббаты будут пользоваться одинаковыми правами с графами и всеми привилегиями верховной власти, но они не будут зависеть от вас и дадут присягу в верности Папе». Не значило ли бы это передать всех королей и императоров в руки Папе? Могла ли светская власть согласиться на такое самоубийство...

Из ближайших преемников Григория VII нашелся один, который, будучи проникнут чистыми христианскими идеями самоотвер-

---

[1] Первый декрет был издан в 1075 г., но его текст не сохранился. На соборе 1078 г. он был возобновлен в следующих выражениях: «Так как дошло до нашего сведения, что, в противность постановлениям святых отцов, во многих местах светскими людьми производится инвеститура духовных, что производит большие беспорядки в церкви, оскорбляющие христианскую религию, то мы постановляем, чтобы никто из духовных не принимал инвеституры на епископство, аббатство или церковь из рук императора, короля или другого светского лица обоего пола» (Can., II).

Печать Филиппа I Французского (1060–1108 гг.)

жения, хотел, не обращая внимания на историческое положение дел, отказаться от временных богатств и возвратить их светской власти. Это был Пасхалий II (1099–1118 гг.). Он с грустью смотрел на епископство и аббатов, поглощенных мирскими заботами: «Служители Божии,– говорил он,– сделались служителями придворными; они получают от королей графства, герцогства, города, замки и все права верховной власти. Между тем Божественный Закон запрещает духовным вмешиваться в мирские дела, каноны не дозволяют им носить оружие и участвовать в произнесении судебных приговоров. Для епископов и аббатов наступает время возвратиться к своим церквам; пусть они сложат с себя гражданские должности и позаботятся о спасении людей, ибо им предстоит отдать отчет за души, вверенные их попечению» (Epist., 22 ad Heinricum V Imper.). Папа считал церковное имущество бременем: он готов был возвратить его императору, если тот согласится признать свободу церкви. Но Пасхалий остался один со своим мнением. Епископы не желали приобретать независимость такой ценой: они обвиняли Папу в святотатстве, так как он замышлял отдать императору подаренное церкви, что не могло иметь другого назначения, и заявили, что они пожертвуют скорее жизнью, нежели своими бенефициями. Напрасно Пасхалий напоминает им об евангельских началах, учении св. отцов; епископы оставались непоколебимыми; они пошли далее и обвинили Папу в ереси. Вследствие такой оппозиции трактат не состоялся.

Действительно, при тогдашнем порядке вещей идеи Пасхалия была великодушной утопией: церковь для управления обществом XI столетия нуждалась в действительной силе, а в Средние века сила была связана с поземельным владением; отказаться от влияния через землю – значило в то время отказаться от всякого влияния. Таким образом, церковь увидела себя в противоречии: она искала независимости, как условия своей святости и власти, с другой же стороны, получить независимость можно было, отказавшись от имущества и поставив себя тем в опасное положение, когда в обществе господствовала одна грубая сила. Личный и общий интересы согласовывались с предложением Пасхалия. Церковь не желала свободы под условием нищеты, и по тому времени была права; но, удержав за собой поземельную собственность, она должна была смягчить притязания Григория VII и удержать за собой землю не иначе, как под условием остаться в феодальной иерархии. Таков был смысл Вормского конкордата (1122 г.), которым приостановлена была борьба, начатая Гильдебрандом. Император по этому договору отказался от инвеституры кольцом и посохом, предоставив делать свободный выбор, хотя в своем присутствии; избранный получал от него скипетр в знак тех обязанностей, которые налагаются на него по феодальному праву.

Папа Каликст II, заключивший конкордат, воздал хвалу Богу, который в бесконечной своей благости смягчил сердце короля Генриха V; церковь торжествовала мир, дарованный христианству. Но истинные ревнители осуждали конкордат, и даже многие упорно отказывались от всякой ленной присяги в верности; они говорили, что такая присяга есть преступление, потому что она принуждала класть руки помазанников в руки, обагренные кровью. Эти ревнители были правы, не разделяя всеобщей радос-

ти, потому что Вормский конкордат был отступлением от системы Григория VII... Конкордат утверждал политическую зависимость духовенства; он предоставлял империи огромное влияние на судьбу церкви, и выборы, делаемые в присутствии императора, не могли быть еще свободными. Отчего же папизм согласился на такую сделку? Только потому, что Каликст должен был уступить силе обстоятельств. В духовной реформе Григорий нашел опору в мирянах; он переломил упорство епископов и духовенства, подняв на них массы. Но в вопросе об инвеституре задеты были интересы светского общества, и папство должно было уступить такой огромной оппозиции. Папы не могли бороться с общественным мнением, потому что на нем только и покоился их нравственный перевес...

Историки обыкновенно называют борьбу императора Генриха IV с Григорием VII Гильдебрандом войной за *инвеституру*, то есть за право назначения и утверждения лиц на духовные места, но, собственно говоря, инвеститура и симония (продажа духовных мест) послужили только поводом к окончательному разрыву между главой империи и главой церкви; существенная причина самой борьбы была несравненно важнее, потому что дело шло не больше и не меньше, как о том, быть или не быть светской власти. Деятельность Григория VII, в чем бы она ни обнаруживалась, была направлена к совершенному уничтожению *государственности*: короли и императоры, по его политической теории, были только вассалами папского престола. Светские государи не могли принять на себя такой роли, потому борьба Пап с императорами продолжалась долго и по окончании вопроса об инвеституре; конкордат Вормский (1122 г.), имевший целью умиротворить христианство, на деле был одним перемирием. Вражда папства и империи разжигалась силой обстоятельств; она приостановилась после Генриха IV, чтобы тем с большей силой возобновиться при императорах последующего Швабского дома (XII и XIII вв.). Гогенштауфены имели высокое понятие об императорском достоинстве. Генрих IV еще преданный католик; как католик, он преклонился перед Григорием VII; Фридрих II Гогенштауфен, при своей религиозной терпимости, выступил за пределы католичества и явился предвестником идей нового времени. Люди будущего всегда падают уже потому, что они превышают меру потребностей современного им общества. Папство торжествует при Григории VII; оно господствует при Иннокентии и преследует Гогенштауфенов, пока последняя их отрасль не сложила своей головы на эшафоте. Но торжество пап не могло быть прочно, потому что их победа была бы разрушением всякого государства, смертью национальных индивидуальностей. Дело Генриха IV и Гогенштауфенов было делом будущего, и если люди, защищавшие его, погибли, то само дело не могло погибнуть. Настанет день, когда государство приобретет свою независимость от церкви, даже пойдет далее: включит ее в свои пределы, сохранив, однако, все уважение к отдельным верованиям. Папство может исчезнуть, но государство сохранится; как преходящая форма, папство имеет временную задачу. Государство коренится в самой природе человека; оно вечно настолько, насколько его призвание будет совпадать с существованием человеческого рода.

Такой взгляд на вековую борьбу, разделявшую империю от папизма, дает нам возможность беспристрастно взглянуть на героев обоих враждебных станов. Страсти, взволновавшие тогдашнее общество, долго раздавались в истории. Гибелины (Гогенштауфены) и с ними все дорожившие гражданской свободой, говорят с ужасом о тирании Гильдебранда, честолюбии Иннокентия и узурпации пап. Гвельфы и с ними все верующие в католичество и папизм, как в отражение вечной истины, проклинают Генриха IV и Гогенштауфенов. Но эти обоюдные проклятия свидетельствуют о заблуждении партий: история не должна проклинать. Мы владеем безусловной истиной не больше, как и наши отцы; за что мы будем вменять им в преступление их ошибки, когда мы должны сами признаться, что принимаемое нами за истину заключает также в себе долю заблуждения? Папы имели причину защищать независимость церкви, по-

тому что зависимая церковь не могла бы выполнять своей высокой задачи. Но разве из этого одного следует, что противники ее независимости в XI в. должны быть осуждены на проклятие? Церковь в то время разумела под своей независимостью и свободой безусловную власть в делах духовных и беспредельное влияние на светские дела: независимость церкви обращалась в зависимость государства. Но государство, по своей сущности, должно быть свободно, потому что оно выражает собой национальную независимость. Таким образом, Гибелины, борясь с папизмом, боролись за священное дело, за свободу гражданской власти. Несчастный Генрих IV, скептический Фридрих II должны быть оба восстановлены в своей чести. Реактивные стремления и восторгание перед Средними веками много содействовали успехам папизма: Григорий и Иннокентий были слишком идеализированы. Мы отдаем им справедливость, но мы хотим остаться справедливы и к императорам, которые, помимо своих страстей и заблуждений, расчищали дорогу будущему. Справедливая оценка прошедшего не есть еще оправдание всего, что было совершено прошедшим; так может поступать фатализм. Объяснять прошедшее не значит еще его принимать. Мы не возводим заблуждения людей на степень закона; мы осуждаем пороки Генриха IV и гордыню Гогенштауфенов. Но мы не оправдываем и доктрин прошедшего; наше время – не Средние века; оно не может желать ни тирании пап, ни тирании светской власти. Деспотизм, в какой бы форме ни являлся, достоин осуждения уже потому, что он оскорбляет достоинство человека. Если он и приводит к добру, то такова воля Божья; если же Божеству угодно обращать и дурные страсти людей на пользу человечества, то это не препятствует нам бичевать дурные страсти. Слава добра принадлежит Богу; ответственность за зло тяготеет над человеком.

Григорий VII реформирует церковь, обязав духовенство к безбрачию; но он не довершил бы своего дела, если бы церковь осталась в зависимости от светской власти; потому Григорий нападает на симонию и инвеституру. Папа совершенно прав, и с первого раза не совсем понятно, почему император противится реформе, клонящейся к независимости церкви. Но вникнем в самую глубь идеи Григория. Какое он имел представление о духовной и светской власти? Каковы, по его понятиям, должны быть их взаимные отношения?

По теории Григория[1], светская власть опирается на демона, а Папа исходит от Сына Божия, совечного Отцу. Эта гордая доктрина вызвала негодование даже у такого писателя, как Боссюэт (XVII в.). «Общество человеческое,– говорит он,– подчинение, власть королей над подданными, установлены не гордыней, но разумом, не дьяволом, но Божеством». Чтобы объяснить себе источник презрения Григория VII к светской власти, достаточно представить то положение, в котором она находилась в XI в.: это была свирепая сила, одержимая самыми дурными страстями. Кто мог признать перст Божий в ежедневных насилиях, хищничестве, разврате и преступной роскоши? Ко всему этому, Григорий в своих суждениях опирался на принцип более глубокий; его суждения были логическим выводом христианского спиритуализма. Область светской власти составляет внешний мир, оружие, победы, земные блага; область же церкви относится к душе и Богу. Потому спиритуализм более терпит, нежели признает внешнюю жизнь; он бежит ее, как царства сатаны. Чем же могло представиться такому учению достоинство, вызывающее честолюбивые виды, почести, гордость, одним словом, все то, что христианство бичует под именем пороков? Не был ли Григорий последователен, когда он объявил демона источником светской власти? Христианский спиритуализм Григория VII обнаруживается особенно в сравнении, которое он проводит между королем и пастырем церкви: «Посмотрите на королей, когда они на одре смерти; чтобы уйти от ада, чтобы свергнуть с себя иго своих грехов в день Судный, они ищут и умоляют о помощи пастыря церкви. Покажите мне, не говорю духовное лицо, но мирянина, который

---

[1] См. его послания ниже.

просил бы короля о спасении своей души? Может ли сам император, посредством таинства крещения, исторгнуть младенца из власти демона? Есть ли на земле такой властитель, который своим словом претворил бы хлеб и вино в тело и кровь Господню? Могут ли они вязать и решить на земле и на небе? Все это доказывает превосходство и преимущество пастырского сана». Далее, он продолжает параллель между королями и церковными пастырями в их жизни. «Если мы,– пишет Григорий,– рассмотрим всю историю от начала мира и до наших дней, то не найдем ни одного короля, ни императора, который сравнился бы своим благочестием с бесчисленными святыми, презревшими мир. Не говоря об апостолах и мучениках, кто из них может сравниться со св. Антонием, св. Мартином, св. Бенедиктом? Где видели императора, который воскрешал бы мертвых, возвращал зрение слепым, исцелял бы прокаженных?.. Такое ничтожество сильных земли происходит от того, что Божьи люди пренебрегали пустой славой и предпочитали вечное спасение мирским делам, между тем как короли и императоры, увлеченные ложной славой, более любили земные наслаждения, нежели духовную радость» (Epist. VIII, 21).

Григорий, называя с упреком сильных земли детьми гордыни, сам страдает гордостью в своем сравнении королей с пастырями. Но опять в его гордости нет ничего личного; им руководит сознание божественности церкви. Еще св. Амвросий (De dignitate sacerdotali) сказал, что «...высота епископского звания не может быть сравнена ни с чем; мир преклоняется перед блеском светской власти, но, по сравнению с достоинством пастыря, оно то же, что олово перед золотом». Григорий был, следовательно, верен этой логике, когда писал Вильгельму Завоевателю, что Бог поставил две власти для управления всем миром: апостольскую и королевскую; Папа выразил классически их взаимные отношения: «Мир физический освещается двумя светилами, более значительными прочих, – солнцем и луной: в нравственном порядке вещей Папа изображает солнце, а король занимает место луны» (Epist. VII, 26). Позднейшие богословы приняли это сравнение весьма серьезно и пустились высчитывать размеры солнца и луны, чтобы вывести отсюда с точностью, во сколько Папа превышает светского государя. Один из них нашел, что Папа больше императора в 1744 раза, но Боден (Boden, известный французский публицист XVI в.), в насмешку над богословами, поправил вычисление и доказал, что, по Птолемею и арабским астрономам, Папа выше императора в 6645 раз и $^{7}/_{8}$...

Одним словом, доктрина Григория VII вела к уничтожению всякой светской власти. Отлучение и свержение Генриха было не самой большей узурпацией, которую только позволил себе Папа; в его письмах находятся образчики несравненно больших притязаний. Из них видно, что Григорий думал не об одном подчинении себе светской власти; он имел в виду быть государем всех государств Европы. Когда после смут, последовавших за свержением Генриха, князья германские повергли императорскую корону к стопам Григория, Папа воспользовался этим обстоятельством, чтобы наложить на главу империи такую присягу, которая не оставляла бы никакого сомнения об отношении двух властей. Король Германии дал Папе присягу, обещая ему верность *вассала*. Формула, заимствованная по этому случаю у феодального права, делала императора ч*еловеком* (homo) Папы. Итак, весь христианский мир сделался папским феодом.

Но Григорий не довольствовался одной неопределенной властью сюзерена; он искал прямой власти над всеми христианскими государствами. По его словам, «Карл Великий предложил всю Саксонию папам, с помощью которых он завоевал ее» (Epist. VIII, 23). На авторитет того же Карла ссылался он, когда заявлял требования дани от Франции; он писал туда своим легатам: «Надобно сказать всем французам и строго приказать, чтобы каждый дом платил св. Петру, по крайней мере, один денарий в год, если они признают его своим отцом и пастырем, на основании древнего обычая, установленного Карлом Великим». В Испании притязания Григория были еще обширнее: «Вам небезызвестно, что со времен

глубокой древности ваше королевство считается собственностью св. Петра; права св. Петра не утратились, и если Испания занята язычниками, то права пап не потеряли силы». Притязания Григория не были пустыми словами: он предписывает, чтобы христиане, отнимая земли у язычников, присягали в верности св. престолу. Он идет далее и объявляет, что для него лучше видеть Италию под игом неверных, нежели в руках христиан, которые отказались бы платить дань св. Петру (Epist. I, 7).

Англия была завоевана Вильгельмом Нормандским. Завоеватель, будучи настолько же хорошим политиком, как и храбрым воителем, искал нравственной поддержки в Риме. Папа был очень рад вмешаться в светские дела и разрешил герцогу Нормандии вступить в Англию для приведения этой страны в повиновение св. престолу. Король Англосакский и его приверженцы были отлучены от церкви; знамя Римской церкви и перстень были чем-то вроде инвеституры, которая ставила завоеванную страну в зависимость от пап. Григорий, еще как архидьякон, принял деятельное участие в переговорах по этому делу; сделавшись Папой, он требовал вассальной присяги от нового короля. В этом отказал ему гордый завоеватель, но тем не менее согласился платить дань, какую вносили англосакские короли.

Требовательность Григория объясняется духом самого времени. Папа считался наместником Христа; короли, препоручая свои государства св. Петру, думали, что они тем самым ставят себя под покровительство Бога. В Рим в то время прибыл сын Дмитрия, русского князя; он объявил Григорию свое желание получить княжество из его рук, как дар св. Петра, и предлагал дать ему присягу в верности. Папа согласился и надел на него корону именем Петра; он присоединил к этому, что глава апостолов не преминет покровительствовать ему своим заступничеством перед Богом и что он даст ему славу в этой жизни и вечное спасение за гробом (Epist. II, 74). Сохранилась присяга графов Прованса, которой они отдавались во власть Богу, св. апостолам Петру и Павлу и господину Папе. Григорий даже делал королей в знак своего светского могущества: на синоде в Далмации легаты Григория предоставили герцогу этой страны знамя, меч, скипетр и корону вместе с королевским титулом от имени св. престола. Дело шло о том, чтобы оторвать Далмацию от Константинополя и Греческой церкви...

Подобные притязания Григорий VII высказывал везде, где мог, и осуществлял их то силой, как завоеватель, то союзом с другими завоевателями: весь Запад должен был сделаться данником и вассалом св. престола. Притязания его были так огромны, что трудно понять, как даже и в XI столетии человек, обладавший высоким умом, мог мечтать о чем-нибудь подобном. Новейшие защитники Григория VII, как, например, немецкий ученый Фогт[1], говорят, что не надобно буквально понимать слов Григория, что великий Папа не думал быть монархом вселенной, но только искал независимости церкви. По нашему мнению, подчинение западных народов, которого требовал себе Григорий, не должно считать чем-нибудь оригинальным; в этом подчинении Папа искал не гарантий церковной независимости; это подчинение вытекало само собой из идей христианского спиритуализма об отношении светской власти к духовной, а потому и Григорий VII пришел к заключению о необходимости сделать Папу верховным сюзереном всех государей, то есть основать всемирную монархию в христианской форме...

Конечно, действительное влияние Григория далеко не соответствовало его безграничному честолюбию. Три государя властвовали в ту эпоху на Западе, короли Франции, Англии и Германии: все трое были против Папы. Григорий сам говорит, что никто из тогдашних королей не заходил так далеко в симонии, как Филипп I, король Франции. С самого вступления на престол Папа писал самые грозные письма епископам Галлии: «Или король откажется от симонии, или французы, пораженные мечом отлучения, откажут ему в повиновении, если не пред-

---

[1] *Voigt.* Hildebrand, als Papst Gregorius VII, und sein Zeitalter. Weimar. 1815.

почтут бросить христианскую веру». Папа требует от епископов, чтобы они осуждали короля; если же он не послушает, то и они должны прекратить повиноваться ему и запретить церковное богослужение во всей Франции: «Если же и после такого наказания король не исправится, то мы, с Божией помощью, будем стараться лишить его короны всеми мерами, какие только находятся в нашем распоряжении». Никогда еще Папа не обращался так дерзко с королем Франции, но Григорию пришлось ограничиться одними угрозами. Быть может, он боялся, что галликанское духовенство, малоблагосклонное к притязаниям Рима, откажется следовать за ним в случае борьбы с королем, или война с империей не позволила ему завязать новой борьбы, но вражда Григория VII с Филиппом осталась без дальнейших последствий.

Рим оказал нравственную помощь Вильгельму Завоевателю; обвиняют даже Григория, как соучастника тех насилий, которые позволили себе нормандцы в отношении англосакского духовенства. Но новый король Англии не был способен служить орудием пап. Он не отверг папского декрета о безбрачии духовенства, но удержал за собой инвеституру, несмотря на все соборные запрещения: «Я желаю,– говорил он,– держать в своей руке все пастырские жезлы Англии». Когда Папа, напоминая ему обещания, сделанные, быть может, перед вторжением, требовал вассальной присяги, Вильгельм отвечал ему: «Я посылаю вам сбор св. Петра, потому что так поступали и мои предшественники. Но дать присягу верности я не хочу и не могу, потому что не обещал, и не вижу, чтобы мои предшественники делали что-нибудь подобное в отношении ваших». Такой отказ должен был оскорбить Папу, но он скрыл свое неудовольствие. Король Англии пошел далее: он запретил епископам и архиепископам посещать Рим. Григорий горько жаловался на то своему легату: «Ни один государь, даже языческий, никогда не смел подумать о том, что сделал ныне Вильгельм. Легат должен ему сделать по этому поводу замечания, но *весьма осторожно*; Папа прощает королю его заблуждения, в воспоминание прежней дружбы; но если король не остановится, то тем привлечет на себя гнев св. Петра» (Epist. VII, 1)...

Очевидно, обстоятельства были сильнее Григория VII: несмотря на все его могущество, он должен был щадить королей Франции и Англии; если он решился напасть на Генриха IV, то только потому, что в Германии нашлись ему союзники, которые ожидали повода к восстанию против императора.

La papauté et l'empire, с. 64–100; 167–181.

СТАТУТ ОБ ИЗБРАНИИ ПАП НИКОЛАЯ II. 1059 г.

Во имя Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, в лето от воплощения его 1059-е, апреля, индикта 12. По прочтении святейшего Евангелия, под председательством достопочтеннейшего и блаженнейшего *Николая*, апостолического владыки, в патриаршем Латеранском соборе, именуемом Константиновским, в присутствии уважаемых архиепископов, епископов, аббатов и достопочтенных пресвитеров и дьяконов. Вышеупомянутый достопочтенный первосвятитель, постановляя правила, относительно избрания верховных пап, изрек: «Известно вашей святости, возлюбленные братия и соепископы, а равно и вам, младшие члены Христовы, небезызвестно, сколько потерпел после смерти, блаженной памяти, господина Стефана, предшественника нашего, этот апостольский престол, которому я служу, по милости Божией, и каким частым ударам и потрясениям он подвергался в последнее время со стороны торгашей симоновской ереси (simoniacae haeresis), вследствие чего столп Бога живого, казалось, уже почти поколебался, и мрежа верховного ловца, от поднявшихся бурь, принуждена была погрузиться в бездну крушения. Поэтому, если благоугодно вашему

братству, мы должны, при помощи Божией, благоразумно позаботиться о том, чтобы это зло, ожив – чего Боже избави, – не одержало верха. Таким образом, властью, полученной нами от наших предшественников и других святых отцов, определяем и постановляем, чтобы после смерти первосвятителя Римской вселенской церкви, сначала кардиналы приступали к соглашению относительно нового избрания, тщательно наперед обсудив дело, с соблюдением должной чести и уважения (salvo debito honore et reverentia) к возлюбленнейшему сыну нашему, Генриху (IV), нынешнему королю и будущему, по воле Божией, императору, на что уже через его посла, канцлера Ланго-бардии, мы дали согласие; также к его преемникам, которые получили бы этот сан от апостольского престола. Приняв предосторожность, чтобы недуг купли не вторгся каким-либо образом, благочестивые мужи с светлейшим сыном нашим королем Генрихом должны избрать, а остальные признать нового первосвятителя. Избрать же его должны из недра этой самой церкви, если найдется достойный; а если не найдется в ней, то из другой. Если же развращенность порочных и мятежных людей усилится до такой степени, что беспристрастный, искренний и согласный выбор в городе будет невозможен, то с согласия непобедимого короля могут избрать первосвятителя в таком месте, где то будет удобнее, и хотя бы налицо было мало избирателей. По окончании выбора, в случае военного времени (bellica tempestas), или злобного восстания, если избранный не может вступить (intronisari) на апостольский престол, то он, тем не менее, как истинный Папа, должен управлять св. Римской церковью и распоряжаться всеми ее средствами: мы знаем, что так поступил и блаженный Григорий, прежде своего посвящения. Если кто вступит на престол против этого нашего декрета, обнародованного по согласию собора, будучи избран вследствие восстания, интриг или хитрости и посвящен, то такой должен считаться не Папой, но сатаной, не апостольским мужем, но апостатом и, по отлучении от св. Римской церкви, божественной властью и вечной анафемой от св. апостолов Петра и Павла, вместе со своими помощниками, покровителями и приверженцами должен быть низвергнут, как антихрист, возмутитель и нарушитель всего христианства, и не только не может пользоваться никакой почестью, но должен быть немедленно лишен всякой церковной степени, какую бы он ни имел прежде. Всякий, вступившийся за него или оказавший ему, как первосвятителю, честь, или отважившийся защищать его, должен быть предан подобному же осуждению. Всякий, кто нарушит этот наш декрет и решится возмутить спокойствие Римской церкви, и покусится идти против этого нашего постановления, да осужден будет вечной анафемой и отвержением, и к нечестивым, которые не воскреснут на суде, да причтется; да испытает он на себе гнев всемогущего Бога Отца и Сына и Духа Св. и св. апостолов Петра и Павла, церковь которых он отважился возмутить, в сей жизни и в будущем веке; да будет жилище его пусто, и в шатре его да не обитает никто;

НИКОЛАЙ II, ПАПА. 1059–1061. Был родом из Бургундии и занимал место епископа Флоренции. После смерти Виктора II, последнего немецкого Папы, который умер вслед за своим покровителем, Генрихом III (1056 г.), в Риме ожила национальная партия и под влиянием монаха Гильдебранда избрала Стефана X (1057–1058 гг.), но Ломбардия не признала его и он вскоре умер от отравы. Римская знать избрала Бенедикта X, но Гильдебранд, склонив на свою сторону немецкий двор, утвердил на престоле Николая II, принудив его соперника отречься. Для предупреждения беспорядков при избрании пап и для устранения немецкого влияния, новый Папа и издал свой знаменитый декрет. Николаю II наследовал Александр II (1061–1073 гг.), после которого вступил на престол сам Григорий VII Гильдебранд.

Издание: *Pertz.* Monum. II, 2, 176–180, под заглавием: «Statutum Nicolai II papae de electione papae», a. 1059.

да будут сыновья его сироты и жена его вдовой; да поколеблется он до конца, и сыновья его да будут нищими и изгонятся из жилищ своих; ростовщик да возьмет все имущество его, и чужие люди да расхитят все труды его; вся вселенная да восстанет против него и все стихии да будут враждебны ему, и заслуги всех святых усопших да смутят его. Повинующихся же этому нашему декрету да хранит благодать всемогущего Бога; да благословит их власть блаженных князей апостолов Петра и Павла, и да разрешит от уз всякого греха. Аминь».

Из декретов Папы Николая II.
У *Pertz.* Monum. Leg. II, 2. 176–180.

Отберт

ЖИЗНЬ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА IV. 1056–1106 гг. (в 1106 г.)

1. «Кто даст главе моей воду и очам моим источник слез» (Иерем., 9, 1), чтобы оплакать не падение покоренного города, не плен какого-нибудь народа, не потерю моего достояния, но смерть Генриха (IV), великого императора, который был *моей надеждой и единственным утешением*, который – но зачем говорить только о себе – был гордостью Рима, украшением государства, светом мира! Что приятного может обещать мне жизнь в будущем? Проведу ли я один день, один час без слез? Могу ли я его вспомнить, мой возлюбленный[1], в своих беседах с тобой, не сетуя о нем? И теперь, когда я пишу эти строки под диктовку скорби своей, слезы катятся из глаз моих, орошают тетрадь мою и смывают то, что начертано рукой.

Но, может быть, ты будешь порицать порывы моей горести: может быть, ты пожелаешь, чтобы я прекратил свои вопли; ибо они могут поразить слух иных, которые радуются смерти императора. Твой совет хорош; я сознаюсь в том. Но я не могу скрыть своего горя, я не могу не обнаружить своей печали, хотя бы устремилась на меня вся ярость врагов, хотя бы они грозили разорвать меня на части. Скорбь не зна-

[1] Так автор обращается к неизвестному нам лицу, которому он посвятил свое сочинение.

ЕПИСКОП ОТБЕРТ (OTBERTUS EP. LEODIENSIS, то есть ЛЮТТИХСКИЙ). От 1091 г. и до своей смерти в 1119 г. был самым ревностным и непоколебимым приверженцем Генриха IV. Как следует из слов автора, он сам считал свое произведение весьма запрещенным и опасным для него в правление Генриха V, восставшего против отца, и потому просил своего друга, которому посвящался труд, скрыть его имя. Вследствие того имя автора осталось действительно неизвестным, и только в начале XVII столетия ученый того времени Гольдаст предположил, что автором «Истории жизни Генриха, императора» был его друг, епископ Люттихский, Отберт. Но Пертц полагал, что автор должен был жить в Майнце или его окрестностях. Кому бы ни принадлежал этот труд, во всяком случае, он остается одним из самых замечательных памятников исторической средневековой литературы; по свидетельству знатоков, язык его напоминает собой лучшую эпоху классической литературы; обзор правления Генриха IV сделан мастерски, ничего подобного в хрониках того временине существовало. Обращает на себя внимание нравственное значение писателя, имевшего гражданское мужество отстать от клерикальной партии и писать с похвалой о павшем величии в виду его торжествующих врагов.

Издания: *Pertz*. Monum. XII, 268–283. Переводы: немецк. Jaffè (Berl. 1858), в Geschichtsschr. d. d. Vorzeit. Lief. 37. Критика: *Wattenbach*. Deutschlands Geschichtsquel. 260 с.

ет страха, скорбь не рассуждает о том, что ее ждет месть.

Но не я один оплакиваю кончину императора; Рим плачет о нем, вся Римская империя опечалена, и, кроме завистливых врагов его власти и его жизни, скорбит всякий – и бедный, и богатый. И не личные отношения рождают мою печаль; любовь заставила меня стенать о всеобщем несчастье. Со смертью императора не стало на земле справедливости, отлетел мир, и место верности заняло вероломство. Умолк хор певцов, славословивших Всевышнего; оскудело богослужебное величие; голос счастья и ликования не слышен теперь в обиталищах праведных, потому что нет больше Генриха, который все это основал. Соборы лишились своего покровителя, монастыри своего отца; какое расположение питал к ним император, как много содействовал их славе, они узнали лишь тогда, когда больше не было с ними почившего. Особенно монастыри имеют все причины скорбеть, потому что вместе с императором погребен и их блеск.

Но, Майнц! Какого украшения ты лишился, когда отходил от мира сего этот зиждитель, столь необходимый тебе для восстановления разрушенного собора?![1]. Если б он довел до конца начатую им постройку, то, конечно, новый собор мог бы соперничать с тем славным собором Шпейерским, который построен от основания до вершины самим Генрихом, и по чудному величию и художественности исполнения более достоин удивления и славы, нежели все постройки прежних королей. Как роскошно украшен этот собор золотом, серебром, драгоценными каменьями и шелковыми ризами, едва ли это может вообразить тот, кто не имел счастья видеть его лично.

И вы, о, бедные люди, имеете основательное побуждение к своей печали; потому что только теперь вы в первый раз обеднели, когда вы лишились утешителя своей бедности! Он питал вас, мыл своими руками, покрывал вашу наготу. Не у ворот, но за его столом возлежал Лазарь, и питался не крупицами, а царскими яствами. За столом император не гнушался безобразием и зловонием гноеточивых, тогда как самые слуги морщились и зажимали себе нос. В опочивальне Генриха лежали слепые, хромые и всякого рода болящие; сам император разувал их, укладывал спать; ночью вставал и покрывал их, не опасаясь прикасаться и к таким, которые, по самому свойству болезни, марали свою постель. Когда Генрих путешествовал, бедные встречали его, сопровождали и следовали за ним, и хотя он поручал их попечению своих приближенных, но заботился и сам, как если бы они никому не были поручены.

В его поместьях также давалось вспоможение бедным; Генрих заботился знать о числе их и смерти каждого, как для того, чтобы помянуть покойного, так и для того, чтобы иметь уверенность в его замещении. Когда неурожайный год приносил голод, король давал содержание многим тысячам народа, в силу божественного предписания: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лука, XVI, 9).

Какую глубокую скорбь должны теперь ощущать бедствующие, вспоминая, как они пользовались некогда исчисленными мной благодеяниями и многими другими, сверх тех, которые названы нами; теперь же они не могут больше ими пользоваться! Кто предложит им свои любвеобильные заботы о них? Кто захочет знать, где лежит больной и какой пищи он требует? Кто посвятит себя так делам милосердия, как император Генрих? О, что это был за человек, как безгранично его благочестие и смиренномудрие! Он обладал светом, бедные обладали им; ему служил мир, а он – бедным.

Мы сказали прежде всего о сострадательности Генриха к бедным, которой он не мог укрыть от людей, не потому, чтобы это была самая достойная его черта, но потому, что это одно было доступно нашему наблюдению; а кто знает, чем он еще служил Богу? Также и о других, украшавших его достоинствах, мы скажем только немногое, потому что всего сказать не в состоянии. Но пусть не удивляется никто, если я, оплакивая смерть императора, вспоминаю

[1] Собор в Майнце сгорел еще в 1081 г.

и о веселых минутах его жизни: кто тоскует об отошедшем друге, тот невольно вспоминает всю его прошедшую жизнь, всякое его дело и поступок, чтобы еще более распалить свое горе. Я охотно пишу о нем и с наслаждением предаюсь весь своей скорби, оплакивая почившего, который при жизни был моей радостью.

Генрих являлся перед другими то императором, то простым воином, и в одном выражал все свое достоинство, в другом – смирение. Он был так проницателен и мудр, что когда князья недоумевали при каком-нибудь судебном случае или в рассуждении того или другого государственного дела, он тотчас распутывал узел и, как бы черпая из самого источника мудрости, объяснял, что справедливо и полезно. Генрих внимательно слушал чужие речи, но сам говорил мало и, только выждав мнения других, высказывал и свое. Когда он вперял свои взоры в чье-нибудь лицо, то проникал в сокровеннейшие движения его души и видел, как бы глазами рыси, у кого на сердце к нему любовь, у кого – ненависть. Замечательно еще то, что в толпе князей он видимо выдавался над всеми и казался выше, а в грозных чертах лица проглядывало какое-то достоинство, поражавшее взгляды присутствовавших, как молнией, между тем как дома, в своем близком кружке, он не отличался от других по виду и сиял кротостью.

Не только немецкие князья боялись Генриха, но и на государей Востока и Запада одно имя его производило такой трепет, что они посылали ему дань прежде, нежели он побеждал их. Даже король Греческий, желая скрыть свой страх, искал его дружбы; и из опасения, чтобы Генрих не сделался его врагом, предупреждал его подарками. Об этом свидетельствует золотой жертвенник Шпейерского собора, вызывавший удивление как по искусству работы, так и по массивности. Греческий король поднес этот дар, достойный и подносившего, и принимавшего, императору Генриху, услышав о необыкновенной любви и привязанности императора к Шпейерскому собору. Также значительно увеличивал сокровищницу Генриха король Африканский (то есть Египетский султан); могущество Генриха приводило его в ужас.

Император Генрих IV.
Миниатюра (начало XII в.)

Генрих угнетал только тех, которые угнетали бедных; хищникам давал достойное возмездие, а мятежников, сопротивлявшихся его власти, наказывал так, что последствия его царственного наказания испытываются и доселе их потомством. Жизнь и правление Генриха полезны были для будущего времени тем, что научили людей дорожить миром и не истощать государство войной.

На этом я и желал бы прервать речь, ибо теперь приходится коснуться раздоров, коварства, злодеяний, о которых писать правду опасно, а лгать преступно. С одной стороны, волк, с другой – собака (Гораций. Сат., II, 2, 64). Что же тут делать? Говорить мне или молчать? Рука начинает и колеблется, пишет и останавливается, чертит и вымарывает, и почти не знаю, чего хочу. Однако ж бесславно оставлять неоконченным начатое, нарисовать голову без туловища. Итак, буду продолжать, как начал, мужественно и бестрепетно. Мне известна твоя честность; и я уверен, что ты

никому не покажешь моего труда, а если случайно его найдут, то не выдашь имени автора.

2. Когда император Генрих, о котором идет теперь речь, наследовал (1056 г.), еще дитятей, своему преславному отцу, императору Генриху Третьему – а отец умер именно во время его первого детства, – государство находилось в том же состоянии, как оставил его прежний император: войны не нарушали мира, военные крики не возмущали спокойствия, разбой не свирепствовал и верность была непоколебима; правда имела силу и власть – право. Такому счастливому состоянию государства весьма много содействовала светлейшая императрица Агнеса, женщина мужественного характера, управлявшая кормилом государства совокупно с сыном.

Но детский возраст мало внушает страха, а с ослаблением страха всегда возрастает дерзость; потому юность короля увидела себя окруженной людьми преступных намерений. Каждый старался сравняться с более сильным или даже превзойти его; многие увеличивали свою силу злодеяниями, и справедливость, которая имеет так мало значения в правление дитяти, потеряла свой вес. Чтобы быть свободнее в своих действиях, прежде всего похитили ребенка у матери (1062 г.), которая устрашала их своим здравым умом и строгими нравами. Они поступали так под тем предлогом, что неприлично женщине управлять государством, хотя о многих королевах рассказывают, что они управляли государством с благоразумием, свойственным мужчине. Когда же юный король, отнятый у матери, попал для воспитания к князьям, тогда он должен был делать то, что ему указывали; он возвышал и свергал, кого они хотели, и справедливо можно сказать, что не столько они были его слугами, сколько он – их слугой. Совещаясь о делах государства, они имели в виду не государственные, но свои интересы, и во всех делах руководились своими выгодами. Но хуже всего было то, что они давали полную свободу его юношеским увлечениям, вместо того, чтобы хранить его, как за печатью. Таким средством они добывали себе то, чего искали.

Между тем Генрих развился до такой степени, что мог, наконец, различать честное от постыдного и полезное от вредного. Сделавшись самостоятельным, он осудил многое из своего прошлого и исправил то, что было возможно. Начал преследовать вражду, насилие, хищничество; ревностно стремился к водворению мира и справедливости, к восстановлению нарушенных законов, к обузданию распространившегося развращения. Упорных злодеев, которых нельзя было удержать одним законом, обращал он к порядку мерами строгости; но поступал в этом случае вполне законно и справедливо и в то же время милостиво.

Но враги его называли это несправедливостью и беззаконием, и недовольные теми пределами, какими их ограничивал закон, и той уздой, которую наложил на них король, готовые на всякое преступное дело, они составили план или уничтожить императора, или свергнуть его с престола, не рассуждая о том, что они обязаны верностью государю, миром – согражданам, справедливостью – государству.

3. Саксонцы – народ грубый, суровый, воинственный и дерзкий – тогда напали на императора (1073 г.), относя свое безумное дело к славным деяниям. Король сознавал свою погибель, которую ожидает малочисленность в борьбе с массами, считал свою жизнь выше славы, спасение выше безумной отваги и по необходимости бежал. Когда саксонцы потерпели неудачу в своем предприятии, то они вырыли (1074 г.) – какая бесчеловечность, какая низкая месть! – из земли тело сына короля (Генрих не был еще императором). Раздраженный этим двойным оскорблением, Генрих собрал войско против саксонцев, дал им сражение и победил (1075 г.). Но победил он войско, выставленное против него, а не упорство бунтовщиков. И хотя в сражении он их опрокинул, обратил в бегство и преследовал бегущих, хотя опустошил их владения, разрушил крепости и вообще располагал ими, как победитель, но саксонцы не хотели подчиниться...

Они видели, что возмущением можно только раздражить короля, но не победить, что восстание огорчит его, но не переломит, ибо войска его неодолимы. А потому, что-

бы поколебать власть Генриха, они стали выдумывать и приписывать ему злодеяния и постыдные поступки, какие только мог- гут изобрести ненависть и злоба. Все это было бы чрезвычайно тяжело мне писать, а тебе читать, если бы я решился повторить эти выдумки. Перемешав правду и ложь, они жаловались на Генриха римскому первосвятителю Григорию (VII): неприлично, говорили они, чтобы владел государством человек, более известный преступлениями, нежели именем, и которому притом не Рим вручил королевский венец; Рим, по их словам, должен возобновить свое право поставлять королей; Римский Папа, по совещанию с князьями, обязан позаботиться о короле, которого характер и жизнь соответствовали бы его высокому достоинству.

Обольщенный такой низкой лестью и вместе приняв на себя честь наименования королей, как то саксонцы коварно ему предлагали, Папа отлучил Генриха (22 февраля 1076 г.) и запретил епископам, равно как и другим князьям, всякое сношение с отлученным королем. Григорий обещал скоро прибыть в Германию и там посоветоваться о церковных делах, преимущественно же о правлении. Он пошел еще дальше: освободил всех от присяги, данной в верности Генриху, дабы тех, кого связывало такое обязательство, освободить в силу даруемого разрешения. Эта мера многим не понравилась, если только могут не нравиться папские распоряжения. Многие объявили, что так как это сделано в противность праву, то и останется без последствий. Но я не дерзаю повторять их доводы, чтобы не бросить на себя подозрения, будто и я вместе с ними опровергаю действия Папы.

Большая часть епископов, которые по любви или по страху держали сторону короля, начали опасаться за свои должности и отказали Генриху в поддержке. То же сделало большинство светских владетелей. Король увидел себя в стесненном положении и задумал втайне весьма ловкое дело. Нежданно и негаданно идет он навстречу Папе и через то достигает двух целей: во-первых, получает разрешение (27 января 1077 г.), во-вторых, личным своим участием расстраивает опасное соглашение Папы со своими противниками. Приписываемые ему проступки он оставляет почти без ответа, говоря, что он не имеет нужды защищаться против обвинения своих врагов, если б даже они и были основательны...

Автор заканчивает главу длинным и прозаическим обращением к князьям Германии, осмеивая их неудачную попытку против императора и затем в последующих двух главах, 4 и 5-й, рассказывает довольно коротко, как Генрих по возвращении из Италии, примирившись с Папой, должен был в течение трех лет (1077–1080 гг.) бороться с антикоролями, Рудольфом Швабским, Германном Люксембургским и Экбертом Мейсенским. Все трое пали в борьбе, и тогда германские князья, не надеясь более на свои силы, вторично обратились к Григорию VII с жалобой на императора (1080 г.).

6. Видя, что ни война, ни избрание других королей не помогло им, германские князья снова обратились к оружию клеветы. В числе многих преступлений они обвинили перед Папой короля в том, будто он умертвил тех христианнейших королей, которых они сами не без папского согласия избрали, между тем, как он сам был свергнут с престола за свои преступления; что Генрих достиг власти кровопролитием, и, опустошая все огнем, грабительством и мечом, домогался теперь утвердить свою неограниченную власть в церкви и государстве. На основании такого обвинения, как они его представили, Папа вторично предал короля проклятию (7 марта 1080 г.).

Впрочем, это проклятие не имело большого значения, так как все видели, что оно было внушено не разумом, но произволом, не любовью, а ненавистью. Между тем король, узнав, что Папа замышляет свергнуть его с престола, не соглашаясь ни на какую уступку, кроме отречения, принужден был перейти от покорности к сопротивлению, от смирения к высокомерию и вознамерился приготовить Папе то же самое, что Папа ему приготовлял.

Оставь, достославный король, заклинаю тебя, оставь твой замысел низвергнуть главу церкви с его высоты, не умножай своей вины несправедливым возмездием: терпеть несправедливость – блаженство, платить же несправедливостью – беззаконие.

Итак, король искал причин и повода к низложению Папы и скоро нашел их в том, что будто он домогался папского престола незаконно, потому что, еще будучи архидьяконом, при жизни Папы употреблял на то подкуп. Правда это или ложь, я не мог дознаться. Одни утверждают, что это – правда, другие называют выдумкой, и обе стороны в доказательство того ссылаются на Рим. По словам последних, Рим, владыка мира, никогда не потерпит подобных клятвопреступных беззаконий; а первые говорят, что Рим – раб корыстолюбия и за деньги охотно допустит всякое злодеяние. Со своей стороны, я оставляю этот вопрос неразрешенным, потому что не хочу ни опровергать, ни утверждать того, что неизвестно.

Король с войском двинулся в Рим (1081 г.), подавляя на своем пути всякое сопротивление. Он брал приступом города, смирял высокомерных и упорных и уничтожал партии. Но раздраженный Рим, вместо почетной встречи по его прибытии туда, взялся за оружие, как бы имея перед собой карфагенца Аннибала, перешедшего Альпы, и затворил ворота своему государю. Тогда король повел правильную осаду города, и так как ему заперли вход, то он загородил выход из Рима. В окрестности же посланы были отряды для разрушения замков и разорения селений; так он наказывал Рим извне, если город заперся внутри. Вне города была война, внутри страх. Повсюду виднелись осадные орудия: там пробивал стену таран, в другом месте воин старался по лестнице взобраться на нее. Осажденные, со своей стороны, бросали стрелы, камни, горящие бревна и огонь, иногда делали вылазку и вступали в рукопашный бой. С обеих сторон битва велась мужественно; одних воодушевляло их предприятие, других – опасность (май, 1081 г.).

Однажды в полдень (июнь, 1083 г.), когда обе стороны, утомленные битвой и жарой, предавались покою, наш воин, покрывшись щитом, приблизился для сбора стрел к стене. Увидав, что стена и бойни никем не заняты, что ни внутри, ни вблизи их нет никого, он при помощи своей отваги и телесной ловкости, карабкаясь на руках и ногах, взобрался на верх стены. Осмотревшись на все стороны и никого не видя, в то же время колеблясь между страхом и надеждой, различными телодвижениями старался он дать знать о том своим товарищам. Но те поздно заметили его знаки, и он принужден был кричать. На его крик, тотчас схватив оружие и лестницы, другие воины поспешили к нему и «быстрее, как говорится, слова» взлезли на стену, перебили, связали и разогнали защитников взятого ими города[1].

Король не хотел войти в город через открытые ворота, так как передние всегда замедляют ход задним, а задние теснят передних. В наказание за дерзость римлян он велел разрушить стену на такое расстояние, чтобы все его войско могло развернутым фронтом вступить через это отверстие (21 марта 1084 г.). Смерть и плач господствовали повсюду, и дрогнул Рим, когда пали его разрушенные высокие башни. Папа (Григорий VII) бежал; ввергнув всех в опасность, он и оставил всех в опасности. Наконец, Рим раскаялся в своей дерзости; если бы сделал он это прежде, при благоприятных обстоятельствах, то был бы почтен за то от короля подарками, теперь же сам должен был заплатить королю огромную сумму денег, чтобы он ни уничтожил его совершенно.

Когда мир был восстановлен, король объявил, зачем он пришел и в чем состоит его жалоба на Папу. Дело было многими засвидетельствовано. Затем по единогласному выбору он возвел на папский престол Климента (III) и при общем одобрении сам был посвящен им в императоры и назван патрицием. После того он еще несколько времени пробыл в Риме, с целью привести все в спокойное состояние.

В начале главы 7 автор делает большое отступление, рассказывая об одном покушении на жизнь императора в церкви, когда он пришел туда для молитвы; затем автор возвращается к своему главному предмету.

---

[1] При этом случае Генрих овладел только Леонианской частью города, а сам Рим, за Тибром, сдался только 21 марта 1084 г.

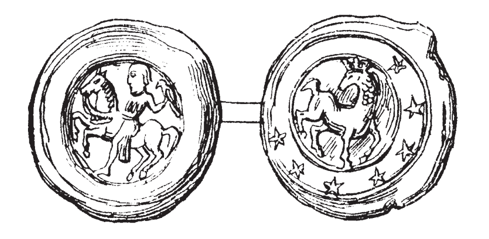
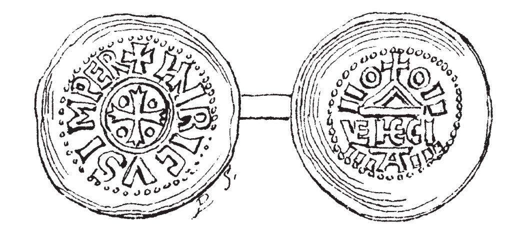
7. Наконец, когда римские дела были устроены и в городе поставлен гарнизон, чтобы Рим не колебался в своей верности, император, облеченный новым, высоким саном, возвратился в Германию. Но счастье непостоянно. Оставленный императором в Риме гарнизон подвергся болезни, причиной которой были и место, и время года: это было лето; ни один из его воинов не избег смерти. Рим, освободившись от ига, взялся за прежнее своеволие, еще раз возмутился против императора, выгнал Папу (Климента III) и избрал нового (Виктора III); прежний же Папа Григорий уже умер (25 мая 1085 г.).

Получив об этом известие, император вторично (1090 г.) двинулся с войском в Рим. Когда он прибыл в Италию, его встретили там, с одной стороны, римские послы с мирным предложением, а с другой стороны, к нему пришла весть о враждебных замыслах против него в Германии, вследствие чего он воротился назад, в Италии же оставил (1093 г.) сына своего, Конрада, уже провозглашенного наследником престола. Этот последний должен был освободить свое будущее государство, находившееся тогда в руках женщины, Матильды (Тосканской), владения которой простирались почти по всей Италии.

Но что остается делать врагам, когда дети восстают против своих собственных родителей? Или где искать верности, когда не сохраняют ее и те, кого мы родили? Теперь наступило время, когда прекратятся браки, и пусть никто не желает иметь себе наследника! Наследник твой сделался твоим врагом и не только выгонит тебя из дома, лишит имения, но и самой жизни! Сын императора, о котором мы сейчас сказали, что он оставлен был отцом в Италии и для чего был оставлен, прельстился Матильдой; но кого не прельстит и не лишит рассудка женская хитрость! Он вступил в союз с противниками своего отца, возложил на себя корону, присвоил власть, осквернил закон, ниспроверг порядок, пошел против природы, искал крови отца, так как без пролития отцовской крови ему нельзя было бы господствовать.

Когда быстрая молва донесла эту новость до императорских врагов, они возрадовались, рукоплескали его сыну, воспевали его поступок, а в особенности ту женщину, виновницу всего дела. Для возбуждения отваги в новом короле, чтобы подлить масла в огонь, они немедленно отправили к нему послов и клялись через них в неизменной и вечной преданности ему, несмотря на то, что уже давно поклялись друг другу не повиноваться ни отцу, ни сыну.

Конрад, сын Генриха IV

Монеты Генриха IV

Между тем король, как ни сильно огорчило его это известие, по наружности сохранял свое достоинство и не столько жаловался на свою судьбу, сколько жалел об участи сына. Не успев отклонить его от замысла, он старался собственно не о наказании за настоящее зло, а о предотвращении его на будущее время, и потому решился старшего сына лишить наследства, а на его место объявить своим преемником еще младенца, брата его, Генриха (V, 1097 г.). В многочисленном собрании князей император жаловался на своего сына, Конрада, обвиняя его в том, что он вошел в сношение с врагами империи и присвоил себе власть; что он имеет намерение лишить своего отца не только короны, но и самой жизни; что зло, причиненное ему, должно оскорблять всех: если же оно и никого из них не трогает, все же, в видах общего блага, на будущее время, нужно принять меры против всякого насилия; что было бы лучше, если бы они избрали в наследники престола его младшего сына, чего по закону лишился старший. Многие воспротивились этому, опираясь более на выдумки, чем на закон и истину. Но дорожившие общественным благом согласились с мыслью и желанием императора. Наконец, и все сошлись на том же мнении. Прежде всего приговором князей был осужден мятежник; затем, с общего, единодушного согласия император назначил своим наследником младшего сына и взял с него клятву в том, что он никогда не пойдет по пути своего брата, и при жизни отца, без его согласия, не протянет своей руки ни к власти, ни к отцовским владениям (1089 г.).

В то время говорили между собой и боялись, чтобы между братьями, ко вреду государства, не произошла ссора. Но Тот, Кто всем управляет, уничтожил это опасение смертью старшего брата (1101 г.) и дал возможность государству сохранить согласие. После того враги императора, потеряв столь многих руководителей восстания и не имея более никого на место их, под известными условиями покорились ему и, что всего лучше, заменили вражду миром и шум лагерной жизни – домашней тишиной.

8. Когда повсюду водворились мир и безопасность, император созвал ко двору (Майнц) князей (6 января 1103 г.), взял с них клятву в сохранении спокойствия в государстве и, чтобы противодействовать всякому насилию, определил большие наказания для нарушителей мира. Такой закон о мире был столько же полезен несчастным и добрым людям, сколько вреден негодяям и хищникам. Одним он доставлял кусок хлеба; другим – голод и нищету. Те, которые растратили свою собственность на военные предприятия, стараясь окружить себя значительным числом сподвижников и превзойти в этом отношении других, должны были, по лишении своего права на грабеж – с их позволения будь сказано – вступить в борьбу с нищетой, и их погребами овладели бедность и недостаток. Скакав прежде на вспененном коне, теперь принуждены были довольствоваться деревенской клячей. Кто недавно еще носил одежды не иначе как ярко-пурпурового цвета, теперь находил превосходным, если он имел какую-нибудь одежду, как ее окрасила природа. Золото радовалось, что его больше не топтали в грязь, потому что бедность заставила носить шпоры из железа. Одним словом, все, что дурные наклонности развили в тех людях суетного и излишнего, все это отняла у них учительница – нужда. Теперь корабельщик плыл мимо небольших местечек, живших

грабежом судов, совершенно спокойно, не опасаясь ничего со стороны голодных их обитателей. Все это изумительно и в то же время смешно!

Другие за зло платят злом, а император за прошлые оскорбления платил миром. Несмотря на то, вельможи со своими соучастниками, года два обуздываемые тем законом о мире, не могли доле переносить стеснения своей свободы и опять начали строить козни королю, распространяя о нем дурные слухи. Какое же преступление он сделал спрашиваю я вас? – Без сомнения, именно то, что он предотвращал всякое насилие и своевольство, водворял мир и правду, не позволял скитаться по дорогам и скрываться в лесу разбойникам; ему мстили за то, что, благодаря его усилиям, купец и корабельщик свободно и спокойно могут теперь продолжать свой путь, а разбойник, вследствие запрещения грабежа, должен умереть с голоду. Почему же, мне хочется знать, вы не желаете жить ничем, кроме грабежа? Истратьте на ваши поля то, что вы взяли с них для военных издержек; соразмерьте число своей рати со своими средствами; приобретите опять свои имения, которые вы безрассудно растратили на наем многочисленных воинов, и ваши житницы и подвалы наполнятся доверху; а когда у каждого будет довольно своего добра, вам не будет больше необходимости покушаться на чужую собственность. Не нужно тогда ни гнусной клеветы на императора, ни войн в государстве; тогда и плоти своей удовлетворите и, что всего важнее, спасете душу свою. Но напрасны мои убеждения: я предлагаю ослу играть на арфе!

9. Но с трудом и даже почти никогда не оставляются дурные привычки. Любя грабеж, вельможи искали повода к своей деятельности, помышляли о новом восстании и решились снова противопоставить императору соперника. Его же сын (Генрих V) казался им более других пригодным для такой роли. Чтобы подействовать на него с этой стороны, они взялись за первые средства к обольщению: брали его часто на охоту, приглашали на веселые пирушки, развлекали шутками и доводили его до всяких проделок, на которые юность так охотно поддается. По обычаю молодежи, они заключили, наконец, такую тесную дружбу между собой, что клятвой и рукобитием скрепляли свои тайные замыслы. Окружив его такими сетями, они признали его, наконец, созревшим для лести. Однажды, как бы случайно, удалось им свести разговор на его отца: удивительно, говорили они, как он может переносить такого строгого отца; он испытывает одно с рабом и ничем не отличается от последнего: отец же стар и слабо держит бразды правления; если же он хочет ждать своего наследства до смерти отца, то нет сомнения, что другие у него то отнимут; он может приобрести многих друзей, при всеобщей ненависти к его отцу; весь мир покорится ему, если он не будет медлить захватить в свои руки кормило правления, тем более, что и церковь и вельможи давно уже свергли его отлученного отца, данную же им неосмотрительно клятву он может выбросить из головы; скорее он поступить свято, если не придаст силы клятве, данной отлученному.

Отец не замечал ничего худого в сыне и даже радовался его дружбе со знатными, в надежде, что впоследствии они окажут ему тем более важную помощь, чем более будут связаны с ним любовью.

Говоря коротко, заметим, что сын императора, восприимчивый по своей юности и оглушенный страстью, поддался всем сердцем коварным внушениям. Он ждал минуты к восстанию против отца, когда оно было бы для него всего опаснее. Император пошел (12 декабря 1104 г.) с войском против саксонских мятежников, и уже послы их поспешили к нему навстречу для переговоров, как внезапно сын оставил его вместе со многими мятежниками – но, без сомнения те, которые увлекли его к вероломству, не преминут скоро и сами его оставить. Император послал за ним гонцов, звал его назад со слезами и мольбой и заклинал не повергать в печаль своего престарелого отца; просил еще более не оскорблять Бога, не подвергать себя осуждению людей и не подпадать приговору. Напоминал ему данную им присягу и говорил, что увлекшие его не друзья ему – но враги, не советники – но лжецы.

Генрих (V) не обратил внимания ни на что и объявил, что с ним он не желает иметь, как с отлученным, никакого дела. Так начал он домогаться своих интересов под предлогом защиты Божьего дела. Затем он проехал всю Баварию, Швабию и Саксонию; вступил в сношение с князьями, склонил их на свою сторону – а они, подобно всем людям, были охотники до всего нового, – и овладел королевской властью, как будто бы он уже похоронил своего отца (июль 1105 г.).

Конец этой главы 9 и последние главы (10–13-я) содержат подробное описание борьбы отца с сыном, от июля 1105 г. до 7 августа 1106 г., когда умер Генрих IV, накануне своего торжества над сыном; сначала, после неудачного сражения при Нюрнберге, Генрих IV бежал в Богемию, а оттуда на Рейн; сын предложил ему коварный мир и позвал его для примирения в Майнц, но на дороге объявил пленным и принудил отказаться от престола (31 декабря 1105 г.). Генрих IV удалился в Люттих, к епископу Отберту, нашему автору; но сын не оставил его и там в покое; однако епископ не впустил в город Генриха V, разбил его войско, и он бежал в Бонн, а оттуда в Вюрцбург. В начале июля 1106 г. Генрих V готов уже был отступить, как неожиданно пришло известие о смерти отца (7 августа 1106 г.). Оплакав смерть своего друга, автор заканчивает свое сочинение следующим образом:

При таком обороте дела, когда умерла надежда тех, которые предприняли войну против врагов королевского величия, храбрость и силы их пали, и они поступили так, как то было необходимо в таком печальном положении; а именно, каждый поспешил своей покорностью, дарами и всякими другими средствами снискать у нового короля помилование.

Итак, прими это описание деяний, кротости, судьбы и кончины императора Генриха (IV); как я не мог писать о том без слез, так без слез и ты не прочтешь моего труда.

Historia de vita Heinrici imp.
(1056–1106).

Бруно

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА IV ДО НАЧАЛА ЕГО ВОЙН С САКСОНЦАМИ. 1056–1073 гг. (в 1082 г.)

Предисловие автора

Возлюбленному и всегда сердечно уважаемому владыке Вернеру (Werinherus), достопочтенному епископу святой Мерзебургской церкви – *Бруно*, слуга его, и, может быть, слуга самый последний, приносит ему посильную дань своей преданности душой и телом!

Когда кто-нибудь, желая принести дар, избирает для того самое драгоценное из своего достояния, то долг справедливости требует, чтобы и тот, кому дар приносится, принял его с особенной благосклонностью. Так думал я, являясь перед вами, высокопочтенный отец, кому я всегда желал бы служить по мере сил своих и даже сверх сил, с приношением дара, который должен выразить внешним образом всю полноту моего усердия. Я осмотрел все углы своей сокровищницы и не нашел между своими богатствами ничего, что бы в такой мере соответствовало и вашему достоинству, и моему чувству уважения, как наука. Я считаю этот дар драгоценнейшим из всех возможных приношений; потому что нет ничего благороднее науки по происхождению, ничего возвышеннее – по пользе, ничего достойнее – по прочности. Золото и все то, что люди считают за драгоценнейшее, добывается из земли и не приносит никакой пользы душе, доставляя одну некоторую помощь бренному телу, даже служит иногда постыднейшим страстям. Оставляя же богатства без всякого употребления, нельзя иметь уверенности в сохранении их, потому что земные сокровища, поедаемые молью и пожираемые ржавчиной, никогда не бывают вечны. Но наука с помощью рассудка добывается из сокровеннейшей глубины

духа; она не обязана заботиться о пользе бренного тела; но зато ею образуется и обогащается ум того, кто передан ей; она не боится старости и смерти, потому что сильнее самого времени, и держит перед глазами читателя, как новое то, что увлекается круговоротом времени в пропасть забвения.

Я хочу кратко и правдиво описать войну короля Генриха (IV) с саксонцами, насколько я знаю ее от принимавших участие в ней. Эта война замечательна своими громадными размерами, а больше всего, милосердием Божественным, какое мы испытали на себе в продолжение этой войны. Это ясно увидит каждый, кто не погнушается прочитать предлагаемое мной повествование. Исполняя суд свой над нами, Господь претворил вино гнева в елей милосердия, дабы мы познали истину слов, которые сказал пророк: «Всегда смутитися души моей во гневе, милость твою помянеши» (Авв. 3, 2), и апостол: «Верен Бог, иже не оставит вас искуситися, паче еже можете» (I Кор. 10, 13).

Но прежде, нежели я начну повествование о войне, мне необходимо сказать несколько слов о детстве и юности Генриха, чтобы читатель, узнав об этой эпохе жизни императора, не удивлялся, что он в зрелом возрасте мог предпринять гражданскую войну. А чтобы кто-нибудь не надругался над моим трудом, я прикрываю его щитом вашего имени: пусть первая страница, которая им украсится, защитит от оскорбления все следующие за ней! И да найдет благоговейное приношение у вас, достопочтенный отец, благосклонный прием!

1. Когда император Генрих (III) мирно почил от здешней жизни (1056 г.), общим избранием германских князей на престол его государства вступил сын Генрих IV (1056–1106 гг.), которого он, к несчастью, оставил после себя в живых. Но Генрих был еще пятилетним ребенком и управлять, как то следует, государством не мог; почему князья сделали такое распоряжение, чтобы мать юного государя, почтенная императ-

---

КЛЕРИК БРУНО (BRUNO, CLERICUS MAGDEBURGENSIS). По происхождению саксонец, состоял в эпоху восстания Саксонии против Генриха IV при Магдебургском епископе Вернере, родном брате архиепископа Кёльнского, Анно. По одному своему родству и по главному положению среди национальной Саксонской церкви, Вернер, когда герцог Саксонский Магнус был схвачен королем, стал во главе восстания страны. В 1078 г. Вернер Магдебургский, разбитый войсками Генриха IV, едва спасся от ненависти поселян, стоявших на стороне короля, и вместе с нашим историком бежал к Вернеру, епископу Мерзебургскому. Там-то, в изгнании, Бруно и писал свою «Книгу о саксонской войне» с приложением очерка жизни Генриха IV, посвятив свой труд тому, у кого враги короля нашли себе убежище. Все это достаточно уже определяет отношение нашего автора к описываемому им предмету: на историю Бруно должно смотреть, как на голос известной части общества; из труда Бруно мы узнаем, что и как говорили о Генрихе IV в Саксонии, но не то, кем был на самом деле Генрих IV. Автор не мог, однако, совершенно скрыть истину; из его же рассказов о войне видно, что патриотизм саксонцев был только сословный; одна феодальная аристократия, выдававшая себя в Средние века за народ, восстала против короля, и потому угнетенное сельское сословие не сочувствовало этому восстанию. Так как Бруно писал по памяти, то его изложение исполнено анахронизмов, но главное значение его труда состоит в том, что автор имел счастливую мысль скопировать и поместить в свою историю все письма Генриха IV и Григория VII, какие ему попались под руку, из эпохи борьбы Папы с королем. Это последнее обстоятельство сделало особенно драгоценным труд Бруно (см. ниже, в ст. 57).– Издания: *Pertz.* Monum. V, 327–384. Переводы: нем. Wattenbach (Berl. 1853), в Geschichtsschr. d. d. Vorzeit. Lief. 21. Критика: *Smolka*. De Brunonis bello Saxonico. Wrat. 1856; ср. в превосходном сочинении об истории того времени *Stenzel*. Geschichte der fränkisch. Kaiser II, 55–67.

рица Агнеса, заботилась и о воспитании императора, и о делах империи. Генрих подрастал, но не преуспевал в мудрости ни перед людьми, ни перед Богом, и, кичась своим королевским достоинством, ни во что не ставил наставления своей матери. Тогда достопочтенный Анно, архиепископ Кёльнский, силой отнял Генриха у матери (1062 г.) и со всей заботливостью, как то следовало по отношению сына императора, занялся его воспитанием, причем, имея в виду не столько пользу короля, сколько выгоды империи. Анно знал слово Писания, что «царь ненаказанный погубит люди своя» (Иис. Сир. 10, 3). Небезызвестно ему также было и то, что многие люди низкого происхождения прославились великими добродетелями, тогда как люди происхождения высокого, но не получившие доброго образования и наставления, своими пороками возбуждали к себе всеобщее презрение.

Когда же король переступил возраст простодушного детства и достиг юности, которая имеет такой простор для всего дурного, и когда, таким образом, увидел себя на том пункте, где *самосская буква* расходится в две стороны, он, оставляя без внимания ее правую, но тесную и крутую линию, избрал для себя левую дорогу, но широкую и удобную[1]; он уклонился решительно от стези добродетели и вознамерился вполне и всецело отдаться своим страстям. Так как Анно сдерживал порочные наклонности Генриха, то император желал прежде всего освободиться от опеки своего учителя: а под его властью ему не все было дозволено, что нравилось. Генриху было ненавистно всякое попечительство над собой, так как он считал самого себя опекуном всего государства. Отделавшись от епископа, король начал жить самостоятельно, и тогда уже стало ясно, что он не намерен следовать путям истинной жизни. Если терние страстей опасно даже для тех, которые иссушают их частыми постами и искореняют из своего сердца усердной молитвой, то можно представить, как роскошно оно развивалось в душе Генриха, если ни он сам, пылавший огнем первой юности и насыщенный довольством царственных наслаждений, не принимал никаких мер для очищения нивы своего сердца, и никто другой не осмеливался взять в руки заступ для искоренения зла в короле, не терпевшем никакого назидания.

В то время архиепископом Бременским был Адальберт[1], человек гордый и надутый до такой степени, что никого не почитал равным себе ни по благородству происхождения, ни по святости жизни. Раз, совершая в присутствии короля торжественную обедню и взойдя, по обыкновению, на кафедру для проповедования слова Божия, Адальберт выразил свое сожаление о том, что добрые и благородные люди перевелись на этой земле, и что из всего старого дворянства (nobiles) остались только он да король – себя он поставил впереди, – и это Адальберт утверждал в присутствии двух родных своих братьев. «Хотя,– прибавил Адальберт,– я и не ношу имени своего брата, князя апостолов, Петра, однако ж имею одинаковую с ним власть или даже еще большую, так как я никогда, подобно Петру, не отрекался от Христа».

3. Однажды какая-то аббатисса его епархии (Гамбургской) оскорбила чем-то Адальберта, и за это должна была, в знак своего послушания, по его одному слову, в четырнадцать дней расстаться с этой жизнью. Адальберт знал, что она лежит больная, и потому в своей суетности рассчитывал, что его приказание может легко исполниться, и если только аббатисса умрет, то он будет всех уверять, что она умерла по его слову. Но через четырнадцать дней аббатисса, выздоровев, послала за чем-то вестника к епископу. Едва лишь Адальберт увидал посланного ею, как, исполненный радости, обратился к окружавшим его с такой речью: «Разве власть моя над этой женщиной – меньше, чем власть брата моего Петра (апостола) над Сапфирой? Смотрите! Эта несчастная умерла по моему повелению». Но

---

[1] Самосской буквой называлось греческое *ипсилон* Y, с которым самосец Пифагор сравнивал дорогу жизни: сначала общая дорога детства, а потом, направо тонкая и узкая линия добра, налево – широкий путь зла.

[1] См. о его жизни выше, у Адама Бременского.

когда посол приблизился, и Адальберт узнал, что аббатисса жива и здорова, то, пристыженный в своей гордости, он умолк.

4. Когда Адальберт жил при королевском дворе и ежедневно уставлял королевский стол самыми изысканными кушаньями, то однажды случилось, что все запасы были истощены, и стольник Адальберта не имел ничего столь вкусного, что бы можно было подать к королевскому столу. Денег также не было для покупки дорогих кушаний, потому что все было израсходовано. Епископ знал о том хорошо и спрятался в тот день так, что стольник не мог нигде его найти. Он долго искал своего господина и, наконец, все же нашел его в капелле, где укрывался Адальберт. Стольник стал стучать в дверь и просил, чтобы его впустили. Епископ, узнав его по голосу, бросился тотчас же на пол, как бы для молитвы. Стольник, однако ж, вошел и, увидев епископа распростертым, стал кашлять и харкать, чтобы обратить на себя его внимание. Но так как все было напрасно, то стольник сам, наконец, распростерся рядом с епископом, как бы желая помолиться с ним вместе, и стал шептать Адальберту на ухо: «Помолитесь-ка о том, чтобы вам было что сегодня поесть, потому что до сих пор у нас нет ничего, что бы можно было с честью поставить на ваш стол». При этих словах епископ вскочил, как бы внезапно пробужденный, и воскликнул: «Дурак! Что ты сделал? Ты дерзнул прервать мою беседу с моим Богом! Если б ты видел то, что допущено было увидеть брату Трансмунду, ты никогда бы не осмелился приближаться ко мне во время молитвы». Трансмунд же был тут, и так как он знал, чем можно понравиться епископу, то и объявил, что он давно уже замечает, что во время молитвы Адальберта с ним беседует ангел. Трансмунд был живописец, родом из Италии.

5. Когда Генрих, подобно невзнузданному коню, пустился во всю прыть по дороге разврата, Адальберт старался сделаться его доверенным соучастником. Он желал того не с той целью, чтобы назиданием исторгнуть из сердца короля терние беззакония и насадить в нем семена добродетели; но чтобы омочить ростки порока росой лести и малые зародыши правды заглушить горечью злого учения. Не являлся Адальберт к королю, когда он замышлял беззаконие, со словами Товии: «Сохраняй себя от всякого стыдного дела; благодари за все Господа; моли Его, чтоб Он руководил тебя, и чтобы ты следовал слову Его во всех своих начинаниях». Не являлся Адальберт к королю с мечом упрека, прикрытым завесой притчи пророка Нафана, чтобы сам король слезами смыл совершенное им преступление, и не поражал душевной язвы короля быстрым ударом, чтобы разом очистить совесть его от зловредного начала. Нет! Адальберт выдавал ему за апостольское учение такие злые внушения: «Делай все, что тебе угодно, и заботься об одном, чтобы умереть в православии». А Писание говорит: «Не следуй злым пожеланиям», и еще: «Не посевай семен неправды, дабы не пожать их седмерицею». Но Адальберт стоял на своем, как будто бы можно в один час изменить свою жизнь, и забывал сказанное: «К чему привык человек в детстве, того он не оставит и в старости» (Солом. 22, 6); и еще: «Запах, который вберет в себя новый сосуд, надолго сохранится в нем» (Горац. Письм. I, 2, 70). Это недостойное учение епископа укрепляло короля в его злых нравах; он кинулся в бездну наслаждений, подобно неразумному коню или лошаку; Генрих, повелитель многих народов, основал в собственном сердце престол злому вожделению, которое есть начало всех пороков.

6. В одно и то же время Генрих имел по две и по три наложницы. Но и этим он не довольствовался. Когда бы он ни услышал, что кто-нибудь имеет молодую и красивую дочь или жену, то, в случае неудачи обольщения, приказывал брать силой. Часто в сопровождении одного или двух товарищей ночной порой он отправлялся всюду, где надеялся увидеть кого-нибудь; иногда ему все удавалось, но в другое время жизнь его находилась в серьезной опасности со стороны родственников или мужей. Благородная и прекрасная супруга Генриха (Берта Савойская), которую он против своей воли взял за себя по совету князей, была так ему ненавистна, что он не мог охотно видеть ее после свадьбы, да и свадь-

бу едва праздновал. Генрих всячески старался развестись со своей женой, чтобы потом оправдывать свои беззаконные поступки некоторым видом законности, если б ему было отказано во вторичном браке[1].

7. Наконец, он велел одному из своих сверстников приобрест особенное расположение королевы и обещал ему великую награду, если он сумеет достигнуть такой цели. Генрих надеялся, что со стороны королевы не будет противодействия, потому что она, недавно еще вступив в брак, была совершенно брошена своим мужем. Но королева в женском теле имела мужественное сердце и тотчас поняла источник всей интриги. Потому сначала она старалась показать как бы неудовольствие, видя знаки особенного внимания приставленного к ней, но когда тот, сообразно желанию короля, упорно добивался своей цели, то королева обещала ему, по-видимому, свою благосклонность. Он доложил обо всем королю и сказал ему час, который был предназначен ему для свиданья. В условленное время король, вне себя от радости, идет вместе с ним в покои королевы, чтобы быть свидетелем ее преступления и потом или требовать формального развода, или же, что казалось ему лучше, убить свою жену. Лишь только его спутник стукнул в дверь, и королева быстро отворила ее, король, испугавшись, чтобы ему не остаться одному за дверьми, поспешно проскользнул вперед в комнату. Королева узнала его тотчас же и прихлопнула дверь так сильно, что товарищ короля остался за дверью. Потом призвав своих служанок, она приказала им бить Генриха палками и скамейками, которые для того нарочно были приготовлены заранее. «Подлый человек! – говорила королева. Откуда родилась в тебе дерзкая мысль оскорбить королеву, которая имеет такого сильного мужа?» Король кричал, что он именно и есть Генрих, муж ее, и хотел только навестить ее. Жена возражала на это, что тот не может быть мужем, кто воровским образом крадется к жене; что если б он действительно был Генрих, то пришел бы к ней совершенно открыто. Генрих был избит до полусмерти, а потом выгнан из спальни; королева же заперла дверь и легла спать. Генрих никому не смел рассказать о случившейся неприятности, но выдумал другую болезнь и пролежал целый месяц в постели. Королева не щадила ни его головы, ни остального тела; била его, как ни попало, но, однако, так, чтобы не нанести ему ни одной раны. Когда Генрих поправился, то, невзирая на полученный им жестокий урок, продолжал свою беззаконную жизнь.

В главах 8 и 9 автор приводит еще примеры распущенной юности Генриха и затем переходит к другим его порокам, занося в свою хронику все, что только мог собрать злейший враг короля.

10. Обыкновенно и случается так, что чем постыднее нарушение брака, тем гнуснейшими злодеяниями оно сопровождается. Генрих не одной Вирсавией пожертвовал своей страсти, а потому и не одного Урию погубил. Он совершил так много бесчеловечных убийств, что нужно сомневаться, было ли то сделано по бесстыдной страсти или вследствие неслыханной жестокости. Вообще он был страшно жесток; но еще жестче свирепствовал он по отношению к своим приближенным. Случалось, что человек, принимавший участие во всех его секретных подвигах, знавший всю его низость и все его злодеяния и оказывавший ему всемозможное содействие, внезапно подвергался смертной казни в то самое время, как он беззаботно подавал свой голос в пользу какого-нибудь нового убийства, задуманного королем. И за что Генрих наказывал смертью? За одно слово, сказанное против его воли, за одно безмолвное движение, выражавшее неудовольствие на предприятие короля. Потому, хотя Генрих имел и много советников, но никто не дерзал поднимать голос, противный его воле. Если же кто-нибудь по неведению давал королю неприятный ему совет, то и за эту бессознательную ошибку платился своей кровью. Никто из подвергавшихся казни не замечал гнева Генриха до самого момента казни.

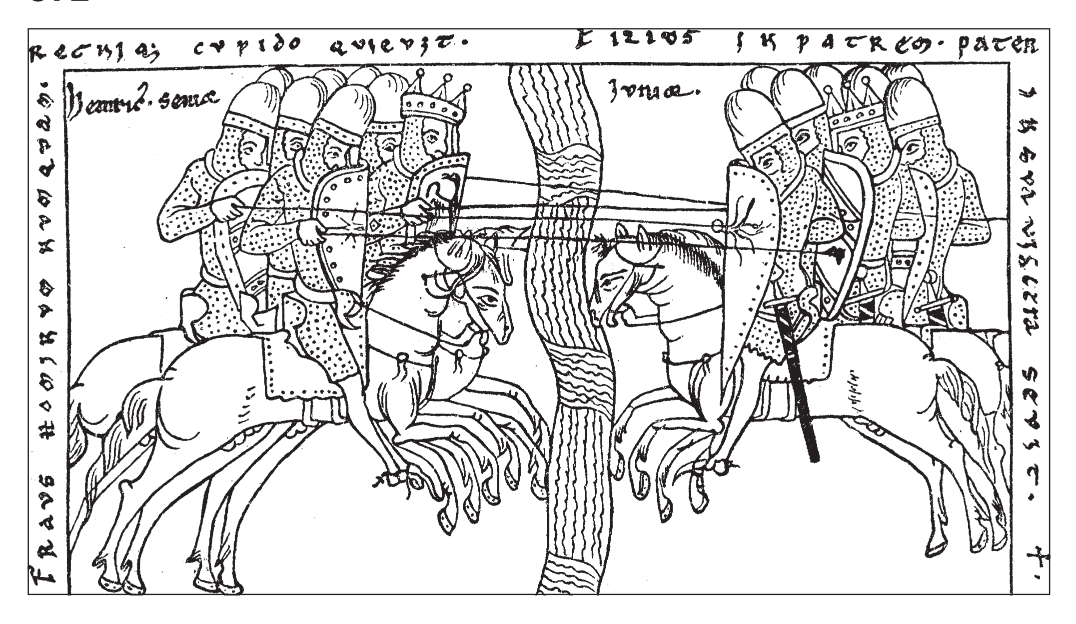
---

[1] Впоследствии Генрих примирился с ней и жил потом всегда хорошо.

11. Расскажу при этом историю одного из приближенных Генриха – Конрада. Это был юноша хорошего происхождения и хорошего образа жизни; на нем лежало только одно пятно участия в советах королевских. Однажды Конрад находился в Госларе, вполне уверенный, что пользуется полной благосклонностью короля. Король в это время жил в крепости Гарцбурге, куда, кроме товарищей Генриха и соучастников его замыслов, никто не мог явиться без зова. Вдруг Конрад получает от короля приглашение немедленно прибыть в Гарцбург в сопровождении не более, как одного оруженосца: Конрад, полагая, что он приглашается для какого-нибудь тайного совета, в котором, кроме него, никто не может участвовать, делает даже больше, нежели ему приказано: чтобы показать свою доверенность к Генриху, он сам делается своим оруженосцем и едет в Гарцбург без всякой свиты. Въезжая в лес, Конрад заметил засаду, но не думал, чтобы это было приготовлено против него; однако ж будучи совершенно один, он смутился перед толпой и поспешно направился к близлежащей церкви. Бургард, бургграф Мейсенский, презренный исполнитель порученного ему преступления, следовал за Конрадом в церковь и дал ему честное слово, что ничего неприятного с ним не случится, если он выйдет из церкви. Конрад, конечно, не поверил, но знал, что святость церкви не остановит злодеев; а потому вышел и отдался Бургарду. Злодеи загнали его в уединенное место и жестоко замучили до смерти, как им было то приказано. За что он должен был умереть, это не сказано ему было даже в последние минуты, да и до сих пор остается неизвестным в точности; был, впрочем, слух, что король мстил ему за его отношения к одной из своих наложниц. Чтобы отклонить от себя подозрение, король приказал всем своим друзьям преследовать злодеев, которым, между тем, велено было скрываться. Конрада же велел похоронить с почетом; сам присутствовал печальный на его похоронах и пролил немало слез: он был мастер притворяться. Но при всем том никто не хотел думать, чтобы убийство Конрада совершено было без повеления императора, как то и было на самом деле.

12. Рассказывают, что Генрих умертвил своими руками одного из своих товарищей, юношу весьма благородного происхождения, между тем, как, по-видимому, он с ним шутил. Тайно похоронив убитого, на другой день он раскаялся в своем поступке перед наставником своим Адальбертом, и епископ, не требуя никакого покаяния от него, немедленно дал ему разрешение. Но так как я не мог достаточно исследовать это происшествие, то и желал бы лучше считать его сомнительным, хотя о нем говорит весь свет.

13. Но я слыхал от одного из приближенных к Генриху, который пришел от двора к своему брату – а брат был епископ – и, желая похвалиться перед ним, рассказывал, что при дворе никто не пользуется такой благосклонностью короля, как он. Епископ, брат его, слушал все это с удовольствием и усердно увещевал его, чтобы он всячески старался поддержать расположение короля, доказывая ему, что такое расположение очень почетно для него и полезно для всего их родства; тогда пришедший возразил: «Я постарался бы об этом, если бы вместе с милостью земного царя я мог сохранить также милость царя небесного; но я знаю, что кто пользуется доверенностью и милостью нашего властителя, тот не получит жизни вечной». Когда этот благоразумный человек стал мало-помалу удаляться от двора, реже и реже посещать тайный совет короля, не покидая впрочем дворца совсем, тогда король, заметив в своем слуге такое охлаждение, не стал расспрашивать о причине того и не дал ничем заметить своего неудовольствия; не трогая своего меча, он хотел погубить своего слугу чужой рукой. Вследствие того Генрих послал его с каким-то поручением к королю руссов: не знаю, впрочем, не было ли это поручение одним предлогом. Тот охотно взялся за предложенное ему, с одной стороны, находя в том верное доказательство прежней милости короля, так как он продолжает доверять ему свои тайны, с другой – надеясь выслужить у короля своими трудами порядочный лен в случае успешного исхода дел. Наконец, не менее приятно было ему и само удаление от двора. Итак, он отправился, вовсе не предчувствуя той участи, какая была ему



Столкновение, которое чуть было не произошло между Генрихом IV и его сыном, будущим Генрихом V. Миниатюра из Йенской хроники Оттона Фрейзингенского, XII в.

изготовлена. После нескольких дней путешествия посольство остановилось ночевать в одной гостинице и устроило там богатую пирушку. Когда общество достаточно разгулялось, бывший с ними славянин, человек низкого состояния, обращается к присутствовавшим с такими словами: «Я имею при себе секрет: мне вручил грамоту епископ Эппо (Наумбургский) с тем, чтобы я передал ее тому государю, к которому вы отправляетесь в качестве послов». Посол просил показать ему то и увидал письмо, запечатанное королевской печатью. Не думая долго, он сломал печать и велел своему писцу объяснить ему содержание письма. Писец прочитал и перевел; содержание было следующее: «Знай, что ты ничем лучше не докажешь своей дружбы ко мне, как устроив все так, чтобы этот посол мой никогда не возвращался в мое государство. Мне все равно, какое бы средство ты избрал для того, вечное ли заключение в темнице или смерть». Но посол, бросив это письмо в огонь, весело продолжал свое путешествие, отлично исполнил поручение и возвратился домой сам богато одаренный и с царскими подарками для короля.

В главе 14 автор снова возвращается к одной скандалезной истории двора Генриха IV.

15. Ко всему этому злу Генрих присоединял еще одно качество, которое поддерживало его в старых грехах и давало повод ко множеству новых. Именно он поставлял епископов не по предписаниям церковного законодательства и повышал их не по мере заслуг; но чем кто больше давал денег и чем кто был снисходительнее к его порокам, тот почитался у Генриха более достойным епископства. Если таким образом кто-нибудь уже достиг епископского звания, а затем являлся другой искатель, который давал денег еще больше, и еще бессовестнее льстил страстям короля, то Генрих низлагал первого, как виновного в симонии, а на его место поставлял другого, как достойнейшего. Таким образом происходило то, что в то время во многих местах было по два епископа, из которых ни один не был достоин своего сана. Епископство Бамбергское столько же доходное, сколько и славное некогда ученостью своего клира, Генрих отдал или, лучше сказать, продал за неимоверную сумму одному ростовщику, который

гораздо лучше понимал относительную ценность различных монет, нежели текст какой-нибудь книги не говорю уже о понимании и истолковании текста: он с трудом мог разбирать его. Однажды за вечерней службой накануне Пасхи он следующим образом прочел в собрании своего просвещенного духовенства известные начальные слова библии: «Terra autem erat inanis et *vacca*»[1]. Поистине, сам епископ был не что иное, как двуногая корова, бессмысленная и чуждая всякого сознания. Впрочем, несмотря на то, что этот епископ не щадил ни своих, ни церковных денег для поддержания благосклонности короля, Генрих низложил его, а место отдал другому, который также мало был достоин своего поста по образованию и образу жизни, и еще постыднее потворствовал королю в его злых делах.

16. Между тем среди таких обстоятельств король уже достиг юношеского возраста. Когда бременский епископ Адальберт сделался могущественнейшим из его советников, Генрих, по его наставлению, начал отыскивать в пустынных местах высокие и от природы неприступные горы и на этих горах строить укрепления, которые могли бы служить прекрасною защитой и украшением государства, если бы были поставлены на более приличных местах. Первый и обширнейший из этих новопостроенных замков был назван Гарцбургом. Он был отлично укреплен снаружи и обнесен крепкой стеной, с башнями и прочными воротами. Внутри замка построен был роскошный королевский дворец. Там же соорудили великолепный монастырь, обладавший богатыми сокровищами. В этот монастырь Генрих собрал из всех стран многочисленное и знатное духовенство. Многие епископства со всеми своими учреждениями едва равнялись этому монастырю, а иные даже уступали ему. Всякое драгоценное церковное украшение, которое Генрих видел у какого-нибудь епископа, старался он добыть себе просьбой или силой, и потом отдавал в Гарцбургский монастырь. В других замках Генрих заботился не столько о красоте и роскоши, сколько о твердости. Благословенно, трижды благословенно было бы имя его, если б он устроил эти твердыни, чтобы противодействовать язычникам. Если б это было так, то, конечно, все язычники давно бы приняли св. крещение или, по крайней мере, платили бы на вечные времена дань христианским князьям. Но все эти постройки Генриха сначала казались нашим соотечественникам (то есть саксонцам) детской забавой; ибо никто не знал злых намерений короля. И так как они не видели в том никакой опасности для себя, то не только не препятствовали Генриху, когда то еще было возможно, но даже помогали ему работой и деньгами, ожидая, что он после докажет свое мужество в войне с чуждыми народами. Но когда по замкам были расставлены гарнизоны, которые начали делать набеги на окрестности, чтобы собирать жатву там, где не сеяли, принуждать к рабской работе свободных и оскорблять их жен и дочерей, тогда только они поняли, что значили эти замки, но не отважились ни на сопротивление, ни на защиту себя. Только те, которые сами страдали, жаловались втайне жителям отдаленных местностей, не испытавшим потому хищничества королевских гарнизонов. Но эти последние не думали помогать угнетенным, и таким образом усиливали тиранию, которая потом охватила и их. От поселян король перешел потом к рыцарскому сословию, и от похищения предметов сельской промышленности к похищению свободы. Так Генрих поступил, как с рабом, с Фридрихом, который занимал видное место между свободными людьми и даже в среде дворянства. Так же жестоко король преследовал Вильгельма, который был весьма богат деньгами, но слишком в умственном отношении скуден. Эти-то два поступка и вооружили всю Саксонию против Генриха. Впрочем, когда саксонцы начали открытую войну против короля, то Фридрих и Вильгельм забыли свои клятвы, оставили отечество и жалкими перебежками явились на стороне врагов. Но об этом я скажу ниже.

В последующих главах, от 17 до 22-й, автор рассказывает коротко тайные приготовления

[1] Вместо, *vacua*, пуста; а *vacca* – корова.

с обеих сторон к войне; Генрих изгоняет из Швабии ее герцога Оттона, который бежал к Магнусу, герцогу Саксонскому, но оба они были вывнуждены сдаться (1071 г.), и Генрих отправил их в темницу; в то же время он заключил союз с Данией, но нападение саксонцев на Люнебург принудило короля выпустить Магнуса и обещать саксонским князьям, в день Петра и Павла, 29 июня 1073 г., созвать сейм в Госларе для устройства дел[1].

23. Когда затем приблизился праздник князей апостолов, а именно, Петра и Павла (29 июня 1703 г.), король назначил всем саксонским князьям собраться в Госларе с тем, чтобы, если случилось что-нибудь достойное обсуждения в государственных делах, он мог решить по всеобщему совещанию с князьями. Все радостно поспешили туда в надежде, что бедствия, давно уже испытываемые Саксонией, получат свой конец. В самый день праздника, назначенный для совещания, на рассвете собрались у дворца епископы, герцоги, графы и князья и, сидя, напрасно ожидали, чтобы король или вышел к ним, или их позвал к себе. Но двери его покоев оставались запертыми: он играл в кости со своими сверстниками, нимало не заботясь, что столь знатные люди, как последние слуги, ждут у его дверей. Так прошел весь день, и никто не выходил к ним известить о случившемся. Когда же наступила ночь, один из придворных вышел к ним и с насмешкой спрашивал князей, как долго они думают еще ждать, потому что король другим выходом уже ушел из дворца и поспешил в замок. Тогда все они, испытав такое унижение со стороны короля, пришли в такое негодование, что если бы не остановил их маркграф (Лаузицкий) Деди, то они в ту же минуту, без всякого страха, отказались бы от присяги на верность. С этого дня и по той причине началась война; этот день был началом всех последовавших бедствий. В ту же ночь все князья, подкрепив себя пищей, вместе со своими советниками, пока другие спали, собрались в церкви и объявили, пролив предварительно слезы, что они предпочтут жесточайшую смерть, нежели останутся жить после такого бесчестия. Они определили день и место для собрания всего саксонского народа, где сообща посоветуются о восстановлении свободы, которую хотят у них, очевидно, похитить; после же того все возвратились домой с твердым намерением никогда более не являться по королевскому призыву на службу.

В последующих главах, от 24 и до 131-й, автор излагает ход военных действий до вторичного отправления Генриха в Италию с войском, 1081 г., против Григория VII, который еще в 1076 г. принял сторону саксонцев и обратил внутреннее муждоусобие Германии в борьбу папской власти с императорской. Автор останавливается на начале 1082 г., когда саксонцы, воспользовавшись удалением короля, вместе с прочими князьями провозгласили антикоролем Германа Люксембургского.

Liber de bello Saxonico. 1–23.

---

[1] Наш автор вообще страдает анахронизмами: Магнус был выпущен гораздо позже сейма в Госларе.

Пьер Ланфре

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ГРИГОРИЯ VII ГИЛЬДЕБРАНДА (в 1860 г.)

Учреждения, как и всякое другое дело рук человеческих, имеют свой идеал; но так как их развитие по самой сущности неравномерно и порывисто, то весьма часто они бывают принуждены молчать о нем и отлагать его достижение до более удобного времени. В весьма немногих случаях им предоставляется возможность открыто поставить свой идеал и громко высказать свои затаенные стремления; в такой только момент мы и можем изучать до основания дух, нравственное значение и влияние того или другого учреждения. Вся его сила и живучесть в скрытом состоянии сосредоточиваются, так сказать, в этот непродолжительный момент, и тогда только можно произнести о нем решительный приговор точно так же, как и индивидуумы могут быть справедливо оценены только по главной мысли, которая руководила ими. Учреждение папства имело два таких момента: один – при Григории VII, другой – при Иннокентии III. В последующее время своей истории папство было тем, чем оно *могло* быть; тогда оно явилось тем, чем *хотело* быть.

Гильдебранд, Папа, под столь известным именем Григория VII, представляет самое высокое и самое полное олицетворение теократического идеала в таком виде, о каком прежде только мечтали римские первосвященники. Если он не осуществил всех практических условий, то, по крайней мере, он первый формулировал и поддержал притязания пап во всей их силе и до последнего дня своей жизни. Его устами папство осмелилось, наконец, сказать всему миру, что оно понимало под неопределенным словом светской власти пап; оно сбросило с себя мелкое честолюбие, которое придавали ему по слухам и которое служило маской для его слабости; оно смело провозгласило себя законодателем человечества, одной законной верховной властью над народами. Положение, полное опасности и величия, которое, однако, дало самую лучшую страницу истории пап. Рассуждая о том, должно отказаться от всяких предвзятых мнений и суда партий. Можно порицать тираническую систему, которой Гильдебранд был ревностным приверженцем, и средства, часто не совсем честные, которыми он пользовался для достижения своих целей, но было бы несправедливо с нашей стороны не признать самопожертвования, мужества и гения, которые он проявлял с непоколебимой уверенностью в правоту своего дела. Долг всякого отдавать справедливость таким доблестным качествам везде, где они бы ни встретились; поступая так, мы платим дань уважения не лицу человека, а человеческой природе.

Если мы говорим, что Гильдебранд был искренен, то это не относится к отдельным его действиям и его политическим предприятиям, коварство которых часто очевидно, но к главному убеждению, которое служило для него вместе и целью, и извинением в его глазах. Жизнь его всецело была посвящена идее, а верное служение идее невольно поражает даже и тогда, когда сама идея ложна. Человек достигает истины только вследствие постепенного приближения к ней; и какого рода заслугу можно было бы приписать ему, если его самопожертвование не имело бы своего до-

---

ПЬЕР ЛАНФРЕ (PIERRE LANFREY. Род. в ШАМБЕРИ в 1828 г.). Он получил воспитание у иезуитов на родине, которую он должен был оставить, преследуемый своими наставниками, и закончил свое образование в Париже, в Fcole de droit. В 1857 г. он издал первый труд «L’église et les philosophes au XVIII siècle», отличающимся большой независимостью мнения. Не менее замечательна его «Политическая история пап», написанная им с целью объяснить исторически вопрос о светской власти римских пап, который «продолжает разрешаться людьми партий и дилетантами».

стоинства независимо от полноты истины его целей, которые он преследовал? У Гильдебранда было единство и бескорыстие высокого честолюбия. Еще в его юности можно было видеть исключительное преобладание принципа, который был для него второй религией, и он подчиняет ему неизменно свое собственное возвышение. Он ищет личного успеха, но не иначе как ради торжества принципа. Известно необыкновенное влияние, которое он оказывал на пап, бывших его непосредственными предшественниками и избрание которых зависело от его решения. Спрашивается, каким образом этот «поставщик пап» не мечтал сам сделаться Папой? Но более внимательное исследование сейчас откроет побуждения, по которым он столь мало искал этой чести. Прежде начала великой борьбы, которую он задумал, он хочет исподволь приготовить к ней средства; руками других он создает меры, которые, происходя от него, может быть, возбудили бы непреодолимое недоверие, и потому он предпочитает ставить на папский престол своих предвестников и слуг. Он внушает им и распространяет наперед все существенные принципы своей реформы. По его внушению папы поражают тяжелыми ударами епископский феодализм, стараются снять с духовной бенефиции зависимость ее от королей и сделать безбрачие основным законом церкви. Но более важной его заботой было освободить папский престол от влияния императорской власти, бывшей тогда во всей ее силе, – предприятие щекотливое, в котором его изворотливость и дипломатия несравненны. При каждом новом избрании он становится посредником между народом римским и императором, с целью показать свое уважение к последнему и вместе уравновесить то властью первого, облегчая как бы притом затруднительность избрания.

Таким образом, в 1059 г., Николаю II, своей креатуре Гильдебранд внушает декрет, составленный на соборе Латеранском (см. выше), который передает избрание пап коллегии кардиналов, оставляя народу только право согласия, и который упоминает о праве утверждения императора, как о простой почести (salvo honore et reverentia dilecti filii). При следующем избрании он признал за этим декретом безусловный авторитет, и император, не имея возможности или не осмеливаясь уничтожить его, принужден был признать его законом.

С этого времени он с удивительной предусмотрительностью приобретает различные связи, могущие поддержать его в минуты опасности. На юге он находит дружбу Роберта Гвискара и норманнов, давая их завоеваниям апостольское освящение, которое имело силу обращать насилие в право, похищение – в закон. На севере он располагает к себе Матильду, графиню Тосканскую, приставив к ней умного и преданного духовника; он пленил превосходством своего гения эту мужественную и страстную душу. Так подготовлял он трудолюбиво, медленно и терпеливо все те средства, которые позже будут для него опорой; а когда, наконец, старость и слабость Александра II возвестили, что его день кончины близок, он открывает враждебные действия тем, что издает неслыханное дотоле приказание молодому германскому королю Генриху IV явиться в Рим, чтобы дать там отчет в своем поведении и оправдаться от обвинения в симонии перед трибуналом верховного первосвященника – прелюдия, удивительно выбранная для того, чтобы приготовить умы к задуманному им предприятию.

Гильдебранд заставляет избрать себя коллегию кардиналов и народ римский, с которым совещались только тогда, когда предстояло сделать торжественную манифестацию. Он обошелся без голоса императора, недавно еще необходимого для утверждения избрания, но не чувствовал себя еще довольно сильным, чтобы посвятиться без его согласия, и приобрел его совершенным повиновением, несмотря на оппозицию германских епископов, которые ненавидели его, как врага епископской аристократии.

С первого года его первосвященничества открылась его цель: она выразилась в его словах и действиях. Григорий VII стремился к всемирной монархии и достигал того с полной уверенностью пастыря, готового действовать для доброго дела и оп-

равдывать свои действия целью. Такая фальшивость удивительна в такой высокой душе, и подобное тому не раз встречается в истории Средних веков. Спрашивается, какого рода насилием должны были подвергнуться эти души духовных не только для того, чтобы приобрести такое бесстрастие к клевете, но и для того, чтобы сохранить неизменную ясность ума среди стольких ужасов, оставаясь притом недоступными угрызениям совести, подобно жреческому ножу после заклания гекатомбы. Между Гильдебрандом и его преемниками есть, по крайней мере, то различие, что козни, которые он употребляет, не имеют в себе ничего кровавого и представляются только благочестивым обманом.

«Вы не знаете,– писал он испанским графам,– что с самых древних времен испанское государство составляет собственность святого Петра и что оно принадлежит папскому престолу, а никому другому, хотя бы даже находилось в руках язычников; ибо что однажды сделалось собственностью церкви, то не может никогда не принадлежать ей». Таким образом, он объявляет свое право на Испанию, о котором никто никогда не слыхал, и пускает в ход смелую гипотезу, рассчитывая на невежество, суеверие и хаотическое состояние, в которое была погружена Испания; он требует у графов, вместе с годовой данью, верховной власти над землями, которые они приобретут у врага.

Трудно было заставить поверить басне такого рода во Франции, где недавние споры Гинкмара и епископства против претензий папского престола оставили в умах идеи, довольно определенные относительно взаимных прав государства и церкви; а потому во Франции Григорий довольствуется духовными угрозами и всячески старается доказать королю, что они могут ниспровергнуть его точно так же, как и всякое восстание подданных: «Если король не отказывается от преступления симонии, то французы, пораженные анафемой, откажутся повиноваться ему». Но к королю Венгрии Папа обращается с прежней своей любимой темой:

«Вы могли знать от своих предшественников,– писал он к нему с полной уверенностью,– что ваше государство составляет собственность святой церкви Римской с тех пор, как король Стефан передал все права и всю власть над своей церковью св. Петру... Несмотря на то, мы узнали, что вы получили свои владения, как феод, от короля Генриха (IV). Если это так, то вы должны знать, каким образом вы можете заслужить нашу благосклонность и милость св. Петра. Вы не можете получить ни той, ни другой, и даже оставаться королем, не навлекая на себя первосвященнического негодования, если не исправите своей ошибки и не объявите, что владеете своим феодом не от королевского достоинства, но от достоинства апостольского».

Он предлагает новое государство Свену королю Датскому:

«Есть близ нас очень богатая провинция (то есть Южная Италия), которой владеют презренные еретики. Мы желали бы, чтобы один из ваших сыновей поселился в ней, чтобы быть ее князем и сделаться там защитником религии, если, впрочем, как обещал нам епископ вашей страны, вы согласитесь посылать его с отборными войсками и на служение апостольскому престолу».

Подобным образом он передает царство Дмитрию, русскому князю, под предлогом, что его просили о том, если он не найдет нескромною такую просьбу; а просителем был собственный сын Дмитрия: «Ваш сын, посетив могилу апостолов, прибыл к нам и объявил, что он желал бы получить ваше государство от нас, как дар св. Петра, дав клятву нам в верности; он уверил нас, что вы согласились бы на его просьбу. Так как она показалась нам справедливой, то мы и отдали ваши владения от имени святого Петра».

Он употребляет формы гораздо менее деликатные в следующем письме к Орзоку, герцогу Каглиарскому в Сардинии, владетелю малоопасному:

«Ты должен знать, что многие просят у нас твоей страны и обещают нам большие выгоды, если мы позволим им овладеть ею. Не только норманны, тосканцы, ломбарды, но даже и немцы настойчиво просят нас о том; мы не хотели, однако, решиться на то прежде, чем узнаем твое мнение через нашего посла.

Если ты захочешь оставаться преданным апостольскому престолу, то мы не только не дадим позволения нападать на тебя, но защитим даже духовным и светским оружием от всякого нападения»...

Трудно найти человека, который столько пользовался бы своим положением и своим словом против слабых. Но какое большое различие между всем, что мы видели, и тем ласкающим и отеческим тоном, с которым Григорий обращается к Вильгельму Завоевателю, когда просит у него клятвы в верности, и даже после того, когда тот отказал ему в ней! Наконец, он раздает в короткое время короны Польши, Венгрии и Германии, низлагает императора Никифора Ботаниата, заставляет платить дань Вратислава, короля Богемского, вручает верховную власть над Гаэтой графу Аверсы, чтобы приготовить себе защитника на случай возможного отпадения Роберта Гвискара. Так что уже в самом начале его правления не было в Европе государя, у которого он не похитил бы или не поколебал верховной власти. Только Генрих IV, молодой король Германский, для защиты себя выходит на сцену и защищает свое право.

Генрих, которого так прославила его борьба с Гильдебрандом и которого мы знаем только по пристрастным рассказам духовных историков, жил в эпоху, когда его соперник был избран Папой и когда он сам решился на опасную борьбу с вождями германского феодализма. Но зато его союзниками были все города Германии, и это обстоятельство лучше всего характеризует борьбу Генриха IV с князьями, весьма похожую на то время, когда позже (в XII в.) во Франции королевская власть подала свою руку коммунам. Хотя церковные хронографы сравнивали Генриха IV с Нероном, однако в целости его поведение и жизнь доказывают, что он стоял выше большей части государей того времени. Странная смесь мужества и слабости, законности и духа хитрости, стойкости и нерешимости, которые замечаются в нем, достаточно поясняется неопытностью его юности, самыми резкими крайностями, в которые он так рано был поставлен, и суеверием, которое поселяло разлад в его сердце. Против него-то Гильдебранд направил свои удары с некоторой страстностью, оправдываемой теми узами подчинения, которые так долго делали из папства императорский феод. Сверх того, Генрих для того врага королей был самой славной жертвой, какую он мог принести. Ему прежде всего нужно было метить в самые высокие личности. Унижая его, он унижал не одного короля, но и его королевство вместе с ним.

Политическая партия, к которой пристал на этот случай Гильдебранд в Германии, показывает ясно, как нужно смотреть на фантастическую картину современного нам неокатолицизма, которую этот хочет наложить на историю, когда изображает Григория VII демократом, вооруженным анафемой, чтобы освободить народы от феодального гнета. Это общее место не выдерживает серьезной критики. Если смотреть с точки зрения теории, то система, которой Григорий VII решился заменить волю королей, была еще в тысячу раз более тиранической; а с точки зрения фактов, мы чаще всего увидим, что гнет, который лежал на народах, еще более увеличился от идей Григория VII вместо того, чтобы сделаться легче.

Григорий VII не ввел новой политики на папском престоле, он придал только больше блеска политике своих предшественников и пап вообще, которые всегда действовали по очень странным убеждениям относительно демократических интересов. Они постоянно были заняты только тем, чтобы усилить свое собственное могущество, которое далеко не гармонировало с такими интересами, потому что оно исключало всякое свободное учреждение. Между тем, нужно признать, что элементами, из которых состояла древняя организация церкви, папы удовлетворяли некоторым образом духу равенства и другим демократическим стремлениям; но власть пап сама старалась уничтожить эти остатки почти забытых преданий. Облегчение народов было всего менее целью, которую они имели в виду. Они поддерживали поочередно народ против королей, королей против народов, сообразуясь с выгодами своего собственного положения; и Григорий действовал не иначе.

Если был чей-нибудь демократический интерес в борьбе, предоставившей Папе возможность вмешаться в дела германские, то неоспоримо это был интерес императора, соединенного со свободными городами против саксонского феодализма.

Утверждение, которое повторяют иногда: он был врагом императора, следовательно другом народа,– историческая нелепость. В этом случае, как и почти в продолжение всех Средних веков, такие слова нужно принимать в обратном смысле и говорить: друг короля – друг народа, потому что в то время императорский принцип далеко не был так стеснителен, как теократическая централизация, придуманная римскими первосвященниками. Григорий столь мало заботился о пользе народа, что везде, где совершался грабеж, он оправдывал похитителя, в надежде сделать из него опору. Неужели из ревности к защите угнетенных он подтверждает завоевание в Англии Вильгельма Завоевателя; в обеих Сицилиях – вторжение Роберта Гвискара, Гейзы в Венгрии, Рудольфа в Германии, Болеслава в Польше, Звонимира в Далмации? Нет; оказывается, что, утверждая законность их прав, он надеется, что эти владетели будут покорными вассалами папского престола; он заботится о политике, которая всегда составляла светское могущество пап; он подражает Захарию, утвердившему узурпацию Пипина, Адриану, венчавшему Карла Великого, Григорию VI, низложившему Людовика Благочестивого в пользу его сыновей.

Точно так же в своей борьбе с Генрихом IV Григорий занят только тем, чтобы усилить свою власть, и не имеет в виду народных интересов, точно так же, как и сам император, который опирается на них в интересе своего собственного честолюбия. Таким образом, они оба без малейшей добросовестности стараются найти в стане своего врага помощь той партии, с которой сражаются в своих собственных владениях. Папа, который в церковном управлении борется с неумолимой ненавистью против епископского феодализма, не затрудняется поддерживать в Германии тот же феодализм, а император, для которого была опасна аристократия герцогов и графов германских, ищет себе твердой опоры в аристократии церковной.

Из всего сказанного нами должно заключить, что спор за инвеституру, которая дала свое имя борьбе духовной власти со светской, при Григории VII, Генрихе IV и их преемниках, был только случаем и временной формой; при отсутствии подобного предлога, их вражда нашла бы тысячу других...

После кратковременного торжества для Гильдебранда наступил период бедствий. Но он перенес их с редким стоицизмом души, привыкшей к великим замыслам. Он оспаривал каждый шаг, вооружал против Генриха поочередно то норманнов и римлян, то графиню Матильду, неустрашимую воительницу, характер которой он возвысил своим геройством; искал для него врагов во Франции, Англии и даже между сарацинами. Все было бесполезно. Короли, большая часть которых были недовольны его повелительными требованиями, не отвечали на его зов. Сам Вильгельм, который отчасти был обязан ему быстрым успехом своего завоевания, отказал ему в своей помощи:

«Вспомни ты,– говорил ему Григорий,– вспомни ты, какой искренней любовью я любил тебя еще прежде получения первосвященнического достоинства, как деятельно заботился о твоих интересах и с каким усердием я употреблял все зависящие от меня средства, чтобы возвести тебя на трон! Сколько я перенес упреков со стороны своей братии, негодовавшей на меня за то, что я покровительствовал стольким убийствам! Но Бог свидетель, что я делал это с добрым намерением, полный надежды на его милость и доверия к твоим великим добродетелям». Гильдебранд верно изображается в этих словах: смесь макиавеллизма в средствах и искренности в цели есть черта всей его жизни. Но если по справедливости должно назвать его фанатиком, то нельзя не присоединить, что фанатизм его был фанатизмом великой души. Он никогда не имел бесчувственной холодности любимых героев теократии, и его нельзя упрекнуть ни в одной из тех кровавых жертв, которыми запятнали после него римскую багряницу.

В нем ничего не было посредственного; он почти всегда являлся милостивым и великодушным по отношению к своим личным врагам.

Читая его письма (см. ниже), нельзя не заметить той гуманности, которая ставила его выше своих современников; нельзя не заметить в них того достоинства красноречия, которое вытекает из самой души и не дается риторикой; в них не найдете ни одного из тех качеств, столь свойственных его современникам, которые с первого же раза обличают в авторе дикаря в маске ритора и напоминают, что перед вами стоят едва проклюнувшиеся существа, принадлежащие к миру, чуждому вас. Он принадлежит к славной семье умов всех веков и всех стран. Это превосходство, так резко выделявшее его из толпы современников, возмущало их и вместе пленяло; не имея возможности скрыть того, они обвиняли Гильдебранда в колдовстве и магии, как обвиняли в том Герберта (см. ниже). Даже сами друзья его находились с ним в близких отношениях, кажется, скорее вследствие ослепления его достоинством, чем по естественной склонности, и это чувство в них смешивалось с каким-то суеверным отвращением. Сам Петр Дамиан[1] боится Григория и между тем не может оторваться от него; он называет его своим *святым сатаной*, своим *вражеским другом* (hostilis amicus).

Отсутствие великих страстей всегда умеряет жестокость непреклонного сердца, в котором не без удивления встречаешь глубокую любовь к справедливости, смешанную с величайшей неправдой. Однако нельзя допустить, что среди страшного хаоса, этого основного характера Средних веков, принятая Григорием система казалась лучшей формой управления; но он принял единообразие за порядок, неподвижность – за равновесие, дисциплину – за гармонию и всеобщее угнетение – за мир. Нет нужды следить слишком далеко за политическим и общественным состоянием, которое было бы результатом успеха его деятельности. Магометанство, которое тогда было в апогее своего могущества, представляет в своем развитии все ступени, по которым проходят унитарные общества: сначала непреодолимое движение, потом быстрый упадок сил и, наконец, долгая дремота в рабстве.

Странное самообольщение! Ту самую человеческую природу, которую Гильдебранд не считал ни достойной, ни способной пользоваться властью, в пределах существовавшей в то время феодальной организации, он считал в то же время способной для того, чтобы в своем лице возложить на нее, и притом на личность одного человека, светскую и духовную власть над всей землей. Он воображал, что посвящение в Папы будет предохранительным средством, достаточным для того, чтобы гарантировать собой такого смертного, имеющего возможность делать ошибки и погрешности, в которых он укорял королей, как будто история его предшественников не опровергала подобных фантазий.

Умирая, он увидел свое дело полуразрушенным и мог сомневаться, чтобы папство восстало когда-нибудь от ужасных ударов, нанесенных ему его врагами; но он ни на минуту не усомнился в святости своего дела. При своей кончине остался таким же, каким он был в продолжение всей своей жизни: строгим, неукротимым, решительным. Побежденный, оставленный, преследуемый из города в город, увлекаемый, скорее, как пленник, чем союзник, толпой полуварварской орды, состоявшей из норманнов и сарацин, он смотрел на свое падение с гордостью великой души, пораженной незаслуженным несчастием,– обыкновенной наградой справедливого. «Я любил правду,– говорил он, умирая,– ненавидел неправду, и потому умираю в изгнании».

Hist. polit. des papes. 1860, c. 103–134.

---

[1] Кардинал-епископ Остии, друг Григория VII, 1072 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГЕНРИХА IV И ГРИГОРИЯ VII. 1076–1081 гг.

I. Послание Генриха IV к Римской церкви (от 24 января 1076 г.)

В 1075 г. усмиренные Генрихом IV саксонские князья и епископы жаловались Григорию VII на короля, и в то же время король отправил Папе жалобу на них. Григорий VII отвечал Генриху требованием обсудить дело на соборе, а в противном случае угрожал проклятием. Вследствие того Генрих IV созвал в январе 1076 г. сейм в Вормсе, объявил Папу низложенным и отправил римскому духовенству послание, приложив к тому официальное письмо от себя к Григорию VII Гильдебранду.

«*Генрих*, Божией милостью король, изъявляет духовенству и мирянам всей священной Римской церкви свою благосклонность и свой привет и желает им всякого добра!

Верность тогда только считается твердой и непоколебимой, когда она сохраняется и в присутствии и в отсутствии лица, которому ею обязаны, и не ослабляется ни отдаленностью, ни продолжительностью его отсутствия. Мы знаем, что вы всегда и питали к нам именно такую верность, и благодарим вас за то; но просим также, чтобы вы и на будущее время неуклонно пребывали в ней, и как то было до сих пор, наших друзей считали своими друзьями и наших неприятелей своими врагами. К последним мы причисляем монаха Гильдебранда и призываем вас подняться против него; потому что мы узнали в нем хищника и гонителя церкви, коварного врага Римской империи и нашей короны, как то ясно можно усмотреть из следующего письма, отправленного нами к Гильдебранду».

«Генрих, Божией милостью король, – к Гильдебранду. До сего времени я надеялся найти в тебе истинного отца и следовал твоим наставлениям всегда, невзирая на живое неудовольствие верных моих советников; но за все это я получил от тебя такое возмездие, какое можно только ожидать от ожесточенного врага моей жизни и моего государства. Сначала ты с безумной дерзостью похитил у меня всю честь, которая всегда мне подобала от апостольского престола; а потом пошел еще дальше и низкими ухищрениями пытался отнять у меня обладание Италией. Но недовольный и этим, ты не побоялся простереть руку свою на достопочтенных епископов, которые связаны с нами, как драгоценнейшие члены нашего тела; ты преследовал их, как говорят они сами, высокомернейшими притязаниями и жесточайшими обидами, вопреки божественному и человеческому праву. И так как я переносил все это с кротостью, ты принял кротость мою за слабость и дерзнул восстать против самого главы: я разумею последнее посольство, хорошо тебе известное. Говоря собственными твоими словами, ты решился или умереть, или лишить меня жизни и власти. Размышляя об этой неслыханной дерзости, я увидел, что ее следует отразить не словами, но делом, и вследствие того созвал всеобщий сейм (в Вормсе) князей по их просьбе. Все, что до сих пор из страха и уважения покрывалось молчанием, было тогда выставлено на вид; сами князья своим приговором, который ты узнаешь из их собственных писем, громогласно объявили, что ты никаким образом не можешь долее оставаться на апостольском престоле. С этим решением я соглашаюсь вполне; потому что оно справедливо и достохвально перед Богом и людьми. На основании того я лишаю тебя всех папских прав, которыми ты до сих пор несправедливо пользовался, и повелеваю тебе оставить престол города, которого патрицием я сделался (с 1061 г.), по милости Божией и по клятвенному согласию на то римлян».

Таково содержание нашего письма к монаху Гильдебранду. Мы сообщаем вам это письмо для того, чтобы наша воля встретила ваше сочувствие, а ваша любовь удовлетворила нас, или лучше – Бога и нас. Итак, любезные мои верные, восстаньте против Гильдебранда, и кто из вас первый по верности, тот пусть первым и бросит его! Но мы не заставляем вас пролить его кровь; ибо по низложении жизнь будет для него мучительнее смерти. Мы требуем только,

чтобы вы принудили Гильдебранда оставить престол, если он сам добровольно не сделает того, и приняли вместо него другого, кого мы изберем по общему совету всех епископов и по соглашению с вами, чтобы он своей доброй волей и усилиями исцелил раны, нанесенные церкви рукой Гильдебранда.

II. Послание Генриха IV к Гильдебранду (в 1076 г.)

Это письмо было отправлено в то же время и оттуда же, как и предыдущее, но, помимо римского духовенства, прямо в руки Григория VII.

Генрих, не насилиями, но премудрым соизволением Божиим король – Гильдебранду, больше не Папе, но лжемонаху!

Ты заслужил, к своему стыду, такое приветствие, потому что не щадил никакого состояния в церкви, но каждое позорил, вместо того, чтобы прославлять, проклинал, вместо того, чтобы благословлять. А чтобы из многого выбрать немногое и особенно важное, укажу на то, что ты не только безбожно коснулся прав помазанников Божиих, настоятелей св. церкви, архиепископов, епископов и священников, но ты попирал их самих ногами, как рабов, не ведущих воли господина. Попирая их, ты хотел заслужить похвалу народа. Ты возмечтал, что они ничего не знают и что один ты знаешь все. Но это значение ты прилагал не к созиданию, но к разрушению. Поистине, мы имеем право относить к тебе пророческие слова св. Григория, имя которого ты себе присвоил: «Обширность власти обыкновенно ведет главу к высокомерию; и если он видит, что он сильнее всех, то начинает думать, что он и умнее всех». Но мы все сносили терпеливо; ибо мы хотели поддержать честь апостольского престола. Ты же наше смирение принял за трусость и дерзнул восстать против королевской власти, которая нам дарована от Бога; ты осмелился угрожать мне лишением этой власти, как будто мы получили ее от тебя, как будто королевская и императорская корона в твоей руке, а не в Господней. Нет! Наша власть в руце Господа Иисуса Христа, который призвал нас к управлению, а тебя не призывал к священству. Я знаю, какими средствами ты возвышался: хитростью ты приобрел деньги, столь противные монашеским обетам, деньгами – любовь толпы и помощью толпы – средства к насилию. Силой оружия ты воссел на престоле мира и отогнал от него всякий мир; возбуждал подчиненных против старших и, будучи сам непризванным, поучал презирать призванных от Бога епископов, отрешал священников от их должностей и отдавал их в руки мирян с тем, чтобы они судили и отрешали тех людей, которые властью Господа, через расположение епископов были поставлены для их же назидания. Наконец, ты коснулся меня, хотя и недостойно, может быть, помазанного и венчанного на царство самим Богом. Ты забыл предание святых отцов, что цари могут быть судимы только Богом и не могут быть низлагаемы ни за какие преступления, если бы даже отступили от правой веры – и чего нас Боже избави. Св. отцы не присваивали себе права судить и низлагать даже Юлиана отступника: они предоставили его суду Божию. Сам истинный Папа, святой Петр восклицает: «Бога бойтеся, царя чтите». Ты не боишься Бога, и потому бесчестишь меня, Его помазанника. Святой Павел, не хотевший пощадить даже ангела, если бы он стал проповедовать иное, нежели он, не исключил тебя, если ты будешь проповедовать иначе. Он говорил: «Хотя бы и мы, или ангел с неба, стал благовествовать вам не то, что мы вам благовествовали, да будет анафема!» Итак, осужденный этим проклятием, равно как нашим приговором и осуждением всех епископов, сойди, оставь несправедливо присвоенный престол св. Петра! Да вступит на апостолический трон другой, который не будет скрывать насилия под маской благочестия, но преподаст чистое учение Петра. Я, Генрих, Божией милостью король, со всеми моими епископами приказываю тебе: «Сойди, сойди!»

Вследствие этого письма Генрих был объявлен на Латеранском соборе (22 февраля 1076 г.) сам свергнутым с престола и отлученным от церкви. В то же время Гильдебранд отправил послание епископам Германии следующего содержания:

III. Послание Гильдебранда к епископам Германии (от 22 февраля 1076 г.)

Григорий, раб рабов Божиих, посылает всем тем, которые причисляют себя к овцам, врученным Петру Иисусом Христом, свой привет и апостольское благословение!

Узнайте, любезные братия, новую и неслыханную до сих пор дерзость; послушайте гласа о безумном посягательстве и наглости еретиков, которые поносят имя Господа в имени Петра; уведайте гордыню, которая поднимает голову свою для нанесения позора и оскорбления св. апостольскому престолу; узнайте то, чего не слыхали и не видали ваши отцы, чего не терпела, как известно, церковь ни от язычников, ни от еретиков. Но если б когда-нибудь от основания церкви и распространения веры христианской и случился пример подобной дерзости, то все верные должны опечалиться и воздыхать о таком пренебрежении и оскорблении апостольского, и тем больше Божественного, авторитета. Итак, если веруете, что св. Петру вручены от Господа Иисуса Христа ключи Царства Небесного, и если вы питаете желание, при пособии св. апостола, найти доступ к радостям жизни вечной, то понятно, какую глубокую скорбь вы должны чувствовать по поводу оскорбления, нанесенного князю апостолов. Если вы здесь на земле, где среди опасностей и соблазнов испытывается ваша вера и ваши сердца, не будете участвовать в страданиях апостольских, то, без сомнения, также не будете достойны участвовать и в будущем утешении, не получите небесного венца и владычества, которые уготованы сынам вечного царства. Посему мы просим вас, любезные братия, взывать непрестанно к Божественному милосердию, да обратятся сердца нечестивых к покаянию, или да обратятся в ничто их дерзостные замыслы; пусть ведомо будет всему свету, как глупы и безрассудны те, которые хотят ниспровергнуть здание, основанное на Христе, и попереть права, дарованные Богом!

Святой Петр, князь апостолов! Молю тебя, преклони ухо твое и услышь меня, раба твоего, которого ты охранял с детства и даже до сего дня спасал от руки нечестивых, ненавидевших и ненавидящих меня, тебя ради! Ты мне свидетель и владычица моя Матерь Божия, святой Павел, твой брат, и все святые, что священная Римская церковь призвала меня для управления вопреки моему желанию и что я не силой вступил на кафедру св. Петра, и лучше желал бы странником скитаться на чужбине, нежели пещись о мирской славе и мирскими недостойными средствами присвоять себе римский престол. Потому я верую, что не ради моих заслуг, но по твоей милости, св. Петр, по твоему усмотрению и желанию, я обладал и обладаю Христианской церковью, которая поручена твоему особенному попечению; я верую, что по твоей милости мне дарована от Бога власть вязать и решить на небеси и на земле. Итак, основываясь на этой вере, для славы и защиты твоей церкви, во имя всемогущего Бога Отца, Сына и Св. Духа, по силе твоей власти, отказываю я королю Генриху, сыну императора Генриха, восставшему с неслыханной гордостью на твою церковь, отказываю в господстве над соединенным государством Германии и Италии и разрешаю всех христиан от присяги, которую они давали или будут давать Генриху, и запрещаю каждому служить ему как королю. Ибо справедливость требует, чтобы тот, кто бесчестит церковь твою, сам лишился твоей церкви, которой он, по-видимому, пользуется. А так как Генрих не хочет повиноваться и не возвращается к Богу, которого он оставил, но пребывает в общении с отлученными, творит многие преступления и презирает мои увещания, которые я делал ему для его исцеления; так как он сам удаляется от твоей церкви, поселяя в ней раскол, то я связываю его, от твоего имени, проклятием и связываю для того, дабы все народы знали и ведали, что ты – Петр и что на сем камне Сын Бога живого основал свою церковь, и врата адовы не одолеют ее.

IV. Письмо Гильдебранда ко всем сословиям Германии (в марте 1076 г.)

Григорий, раб рабов Божиих, всем епископам, герцогам и графам и всем другим верующим Германского государства, которые ратуют за веру Христову, посылает свой привет и апостольское благословение!

Мы слышали, что некоторые из вас сомневаются относительно отлучения, изреченного нами на короля, и желали бы знать, справедливо ли поступили мы и был ли наш приговор, сообразный с законом, зрело обдуман. Посему мы взяли на себя труд открыть и объяснить во всеобщее сведение, какие обстоятельства расположили нас к осуждению Генриха и как мы остались при этом вполне верными правде. Мы сделали это, впрочем, не для того, чтобы протрубить в народе о преступлениях короля, которые, к сожалению, слишком хорошо известны; но чтобы успокоить тех, которые думают, что мы необдуманно обратились к духовному мечу и действовали больше по страсти, нежели из страха Господня и ревности к правде. Когда мы носили еще сан дьякона, до нас доносился уже дурной и нелестный слух о деяниях короля; и тогда же мы, ради его королевского достоинства, равно как и из благоговения к его родителям, а также в надежде на его исправление часто увещевали его через письма и посланников, чтобы он оставил порочную жизнь и, не упуская из виду своего высокого происхождения и собственного достоинства, обратился к такому образу жизни, который приличен королю и, может быть, будущему императору. Мы, недостойные, заняли после того престол св. Петра, а король, между тем, зрел летами и преступлениями; тогда мы поняли, что при той власти и праве, которые нам дарованы, всемогущий Бог потребовал бы от нас еще более строгого отчета за поступки короля; а потому мы тем с большей ревностью увещевали его к исправлению всячески: упреками, просьбами, обличениями. И король часто посылал нам свой смиренный привет, писал нам послания, в которых оправдывался слабостью и увлечениями юности, и также коварством своих советников, управлявших двором, и обещал со дня на день следовать на будущее время нашим увещаниям, а на деле презирал их, учащая свои преступления. Между тем мы призывали некоторых из его приближенных людей, по совету и побуждению которых он позорил епископства и многие монастыри продажей, симонией, поставлением волков вместо пастырей; мы призывали этих людей к оправданию и требовали, чтобы они, пока есть время для покаяния, возвратили церковные имения, приобретенные их святотатственными руками посредством бесстыдного торга, тем священным местам, которым они принадлежали, и сами оплакали такую свою дерзость слезами покаяния. Когда же мы увидели, что они пренебрегли данным им сроком и упорно пребывали в своем обычном бесстыдстве, тогда мы отлучили их от тела церкви, как святотатцев, слуг и членов дьявола, и вместе просили короля, чтобы он их, как отлученных, изгнал из своего дома, своего совета и прекратил с ними всякое общение. Но так как король стеснен был тогда саксонским делом и замечал большое нерасположение к себе в государстве, то опять послал к нам жалобное и смиреннейшее письмо, в котором клялся, что он тяжело согрешил против всемогущего Бога и св. Петра, и присовокуплял свою просьбу, чтобы мы постарались своей апостольской заботой и своим апостольским авторитетом поправить то, что по его вине произошло в церкви противного каноническому праву и постановлениям св. отцов; наконец, он обещал нам во всем послушание, повиновение и готовность к содействию. То же потом подтвердил он нашим братиям и послам, Гумберту, епископу Пренесты, и Геральду, епископу Остии, когда они принимали от него покаяние: Генрих повторил свои обещания под священными сто́лами епископов. Спустя же некоторое время, когда король одержал победу над саксонцами, он отблагодарил Бога за победу тем, что снова нарушил данный им обет исправления: вопреки своим обещаниям, он принял опять отлученных в свое общение и свой круг и производил те же беспорядки в церкви. Тогда, объятые тяжкой

скорбью, ибо исчезла почти всякая надежда на исправление короля, презревшего благодать Царя небесного, мы тем не менее решили еще раз испытать его чувство, потому что мы лучше хотели, чтобы он испытал апостольскую кротость, нежели строгость наказания. Тогда мы послали ему письмо, в котором увещевали его, чтобы он подумал о своих обещаниях, чтобы он не воображал обмануть Бога. Мы писали ему, что гнев Божий тем тяжелее, чем долговременнее его терпение; мы объясняли ему, что нельзя лишить чести Бога, который сам дарует честь, что бессильны все попытки к презрению Бога и поношению его апостола, потому что Бог гордым противится и смиренным дает благодать. Кроме того, мы послали к королю трех благочестивых и совершенно преданных ему мужей, через которых мы тайно увещевали его принести покаяние в своих преступлениях, которые страшно вымолвить, но которые, к сожалению, слишком известны и слишком далеко известны, а потому не могут быть наказаны одним отлучением, но также и лишением всей королевской чести без всякой надежды на восстановление ее по божественному или человеческому праву. Наконец, мы объявили ему, что если он не удалит отлученных от своего общения, то мы не иначе можем поступить, как отлучить его самого, и тогда он, как отлученный, пусть остается в общении с отлученными, которые для него приятнее Христа. Конечно, если б он последовал нашим увещаниям и переменил образ жизни, даже если б он сделал это теперь, то, призываем Бога в свидетели, мы сердечно обрадовались бы его исцелению и его славе, и с совершенной любовью приняли бы его в недро св. церкви; потому что он, будучи поставлен главой народа и уполномочен на управление величайшим государством, должен быть защитником мира и правды для всего христианского мира. Но как мало давал Генрих значения нашим посланиям и посольствам, это показывают его дела. Негодуя на всякое обличение и наставление, он не только презрел голос, обличавший его в пороках и призывавший к покаянию, но еще более ожесточился во зле: он не успокоился до тех пор, покуда не поколебал в Христовой вере всех епископов Италии и многих в Германии, принудив их отказать в повиновении и св. Петру и апостольскому престолу, которому они подчинены и поручены самим Господом нашим Иисусом Христом.

Когда таким образом мы увидели, что злоба Генриха достигла высшей степени, мы положили: во-первых, за то, что он не хотел прекратить общения с людьми, отлученными от церкви за святотатство и симонию; дальше за то, что он, несколько раз обещав исправить свой образ жизни и поклявшись в том перед нашими послами, постоянно нарушает свои клятвы; наконец, за то, что он посягнул на единство церкви, которая есть тело Христово,– за все эти преступления положили мы предать его анафеме по духовному суду. Мы решились на то, чтобы, напрасно потратив кротость, обратить его с помощью Божией на путь истинный мерами строгости и чтобы, по крайней мере, быть свободными от упрека в нерадении и трусости, если, чего не дай Бог, Генрих не смягчится даже и суровым наказанием.

Если же кто-нибудь думает, что этот приговор противен правде и разуму, то, как неспособный понимать священных изречений церкви, пусть он вступит с нами в прение и терпеливо послушает, как говорит и чему учит Св. Писание, и что утверждает общее согласие св. отцов, и тогда такой успокоится. Мы не думаем, впрочем, чтобы кто-нибудь из верующих, зная церковные правила, мог до такой степени заблуждаться. Мы уверены, что всякий, если не дерзнет открыто исповедать, то, по крайней мере, сознает в сердце своем, что приговор наш над Генрихом сообразен со справедливостью. Если бы даже, чего Боже упаси, мы и произнесли свой приговор неосновательно, без достаточных причин, то и в таком случае, по правилам св. отцов, он должен сохранить все свое значение и может быть отменен только после смиренного прошения о разрешении. Но вы, возлюбленные, вы, не изменявшие правде Божией ради милости королевской, не оставлявшие Бога ради земного счастья, мужайтесь и утешайтесь сердцем, зная, что вы защищаете дело Того, Кто есть непобедимый царь и всесиль-

ный победитель, который будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его. От Него вы получите сугубую награду, если до конца верно и непоколебимо устоите в Истине. Потому мы просим непрестанно Господа, дабы Он укрепил силы ваши духом своим и дабы Он преклонил сердце короля к покаянию, чтобы он познал, наконец, что мы и вы поистине любим его искреннее тех, которые теперь следуют его неправдам и утверждают его в беззаконии. Если же Генрих, возбужденный Духом Божиим, захочет обратиться на путь истины, тогда, забыв все козни его против нас, мы с полной готовностью примем его в общение святых, как то посоветует нам и ваша любовь.

Результатом этого послания Гильдебранда ко всем сословиям Германии было то, что большинство князей и епископов отреклись от Генриха IV и в октябре того же года, на сейме в Трибуре, низложили его, пригласив Папу к весне будущего года в Аугсбург для устройства дел. Вследствие того Генрих решился предупредить князей и зимой 1076/77 года отправился в Италию и примирился с Папой в Каноссе (см. ниже, у Ламберта). Но по возвращении его в Германию враги Гильдебранда и друзья короля возобновили прежнюю борьбу: князья противопоставили Генриху IV антикороля Рудольфа Швабского и снова обратились к Григорию VII. В 1081 г., Гильдебранд писал новое послание к Герману, которое было циркулярно разослано и прочим епископам Германии.

V. Послание Гильдебранда к Герману, епископу Метца (от 15 марта 1081 г.)

Григорий, раб рабов Божиих, возлюбленному во Христе брату, епископу Метца, посылает свой привет и апостольское благословение!

Если ты, как мы слышали, выразил готовность испытать труды и опасности на защиту истины, то это без сомнения есть знак Господней благодати, неизреченная сила которой и чудодейственность обнаружилась именно в том, что она не допустила избранных своих погрязнуть до конца в заблуждении, вполне поколебаться и совершенно пасть; если эта благодать и соизволила подвергнуть вас целительному искушению, зато, после минуты малодушия, она укрепила вас больше прежнего[1]. Потому и мы решились поддержать твою любовь голосом увещания, чтобы ты тем с большей радостью спешил в передовые ряды воинств церкви Христовой, чем непоколебимее твое убеждение в том, что она всего ближе и драгоценнее всемогущему Богу; среди трусов один, оглушенный страхом, бежит, и за ним друг перед другом бегут остальные, а между храбрыми отвага одного возбуждает пламенное соревнование и прочих.

Если же желаешь, чтобы мы снабдили и подкрепили тебя письменным оружием против презренного пустословия тех мечтателей, которые объявляют, что апостольский престол не имеет права ни отлучить короля Генриха, гонителя христианской веры, опустошителя церквей и государства, виновника и участника ересей, ни разрешить кого бы то ни было от данной Генриху присяги, то нам, признаюсь, не представляется это даже необходимым, потому что мы находим на то многие и несомненные доказательства в Св. Писании. Мы думаем даже, что люди, бесстыдно сопротивляющиеся истине и свидетельствующие против нее, поступают таким образом не по неведению, но из жалкого отчаяния, как бы желая преисполнить меру своего развращения. И это нисколько не удивительно: так поступают все распутные, желая для защиты своего ничтожества опереться на людей одинакового с ними характера; и для них уже ничего не стоит навлечь на себя новое осуждение, осуждение за ложь. Но, не говоря о многих других свидетельствах, спрашиваем, кто не знает следующих слов Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, которые читаются в Евангелии: «Ты – Петр, и на этом камне я созижду мою церковь, и врата адовы не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; все, что свяжешь ты на земле, будет связано и на небе; и все, что разрешишь на земле, будет разрешено и на небе». Разве отсюда исключены короли? Разве и

---

[1] Говоря так, Григорий намекает на то, что этот епископ в прежнее время был против него и принял участие в его низложении.

короли не принадлежат к тем овцам, которых Господь поручил Петру? Кто может думать, что Генрих исключен из круга людей, подчиненных св. Петру и его власти вязать и решить, если только он не тот нечестивец, который свергнул с себя иго Христово, чтобы подвергнуться рабству дьявола, и который не хочет принадлежать к стаду Христову? И при всем том нет никакой пользы для него не подчиняться власти, дарованной Петру от Бога; потому что чем дольше он противится этой власти, тем более осуждение падает на него в день суда.

Это божественное установление, это твердое основание церковного чина, это преимущество, дарованное князю апостолов, святому Петру, отцы церкви с полным благоговением принимали и свято его хранили; на вселенских соборах и во всех своих посланиях и рассуждениях они называли св. Римскую церковь общей матерью всех церквей; далее – так как они принимали наставления Римской церкви для утверждения веры и поучения в Св. Писании, то чтили также и ее судейские приговоры, единодушно и как бы едиными устами и единым сердцем исповедуя, что все важнейшие события и значительнейшие дела, равно как и определения каждой церкви в отдельности, должны быть повергаемы на рассмотрение матери и главы всех церквей; одним словом, никто не мог и не смел считать себя свободным от юрисдикции Римской церкви; никто не дерзал ослушаться ее распоряжений или уничтожить их. Посему св. Папа Геласий в своем послании к императору Анастасию (493 г.) наставляет его, на основании слова Божия, как он должен рассуждать о преимуществе святого и апостольского престола. «Если,– пишет св. епископ,– верные обязаны преклоняться перед всяким без исключения пастырем, правоправящим божественную должность, то не должны ли они тем более подчиняться епископу, которого Господь поставил превыше всех пастырей и которого всегда почитала вселенская церковь? Отсюда ясно для твоего рассудка, что никогда и никто не может никаким образом сравняться в правах и преимуществах с тем, которого слово Христово поставило над всеми, которого превосходство всегда исповедовала и доныне смиренно признает св. церковь». Также и Папа Юлий (337–352 гг.) говорит в своем послании к восточным епископам о власти св. апостольского престола следующее: «Было бы достойно вас, любезные братия, говорить уважительно о св. апостольской церкви Римской, а не насмешливо; потому что так выразился о ней и сам Христос, говоря: «Ты – Петр, и на этом камне я созижду мою церковь, и врата адовы не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного». Итак, по особенному полномочию, церковь Римская может, когда пожелает, отверзать и замыкать небо, разве тот не может судить и на земле? Без сомнения! Или вы забыли, что говорит св. апостол Павел: «Разве не знаете, что мы ангелов судить будем, а тем более дела житейские» (I Коринф. 6, 3).

Подобно тому и св. Папа Григорий (ум. в 604 г.) постановил, что короли должны лишаться своего достоинства, если они дерзают оскорблять решения апостольского престола. Он именно пишет так сенатору: «Если какой-нибудь король, священник, судия или светский сановник, зная это наше постановление, дерзнет поступить противно ему, то да лишится он своей должности и своего сана, и да познает, что он не даст никакого удовлетворения и не оплачет своего греха в покаянии, то да не имеет он никакой части в всесвятом теле и крови Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и наконец да поразит его духовный суд достойным наказанием». Итак, если блаженный Григорий, самый кроткий из учителей церкви, осуждает королей, оскорбляющих его постановления, не только на низложение, но и на отлучение и осуждение на последнем суде, то кто дерзнет упрекнуть нас, что мы низложили и отлучили Генриха, не только оскорбившего апостольские постановления, но поправшего матерь-церковь своими ногами, как безбожнейший хищник и постыднейший опустошитель государства и церкви; кто, говорю, дерзнет осудить нас за это, кроме подобного ему? Послушаем, что говорит св. Петр в послании о поставлении Климента: «Кто будет в дружбе с теми, с кем не имеет общения Климент, тот враждует против церкви Хри-

стовой и, сохраняя видимое общение с нами, в душе расположен против нас; и этот скрытый враг опаснее для нас, нежели открытые противники. Ибо под видом дружбы он действует, как враг,– расстраивает и разрушает церковь». Итак, мой возлюбленный, внимай! Если св. Петр тяжким осуждением поражает тех, которые состоят в дружбе или сношениях с людьми, заслужившими гнев св. отца своими поступками, то не достоин ли тем более осуждения тот, кто отвратил от себя Папу своими действиями?

Но возвращаюсь к самому делу. Может ли достоинство, изобретенное светскими людьми, не ведущими Бога, может ли это достоинство не подчиняться другому достоинству, установленному по воле всемогущего Бога для славы Божией, и данному миру по божественному милосердию? Мы веруем, что Спаситель наш есть Бог и человек и в то же время высочайший первосвященник и глава всех священников, сидящий одесную Бога Отца и предстательствующий за нас. Мы знаем также, что он презрел царство мира сего, потому что сыны сего века надменны, и избрал крестное первосвятительство. Кто не знает, что короли и князья ведут свое начало и происхождение от тех, которые не знали ничего о Боге, но гордостью, хищничеством, коварством, убийством, короче, преступлениями всякого рода приобрели власть от князя века сего, именно – от дьявола, чтобы со слепой страстью и невыносимой неправдой господствовать над подобными себе? Если же эти короли и князья попирают ногами служителей Господа, то с кем их можно сравнить, как не с тем, кто есть глава всем сынам противления,– с дьяволом, искушавшим высочайшего первосвятителя, главу всех епископов, Сына Вышнего, говоря: «Я дам тебе все царства мира сего, если ты, падши, поклонишься мне».

Кто может сомневаться, что священники Христовы должны быть почитаемы отцами и учителями королей, князей и всех верующих? Итак, не есть ли это явный знак печального ослепления, если сын хочет подчинить отца, ученик учителя, если он стремится поставить в зависимость от своей власти того, который, как ему известно, имеет право вязать и решить его не только на земле, но и на небе? Это ясно признавал, как то видно из послания св. Григория к императору Маврикию, великий император, государь и обладатель почти всего света, Константин[1], когда он на св. соборе Никейском занял место позади всех епископов, не дерзнул вымолвить ни одного слова касательно их постановлений и даже называл их богами, понимая вполне, что они могут не подчиниться его решению, но что сам он зависит от их суда. Точно так же и вышеупомянутому императору Анастасию Папа Геласий писал следующее: «Двоякого рода, высокий император, есть верховная власть, которой вверено управление миром, именно: св. власть епископская и власть царская[2], но из них власть священническая важнее, потому что она, на суде Божием, должна будет отдать отчет и за царей мира». Далее св. Геласий прибавляет: «Ты видишь таким образом, что ты зависишь от суда этой власти, но сам отнюдь не можешь управлять ею по своей воле».

Итак, сообразно такому постановлению и следуя своим предшественникам, многие епископы отлучили от церкви королей и императоров. Если ты хочешь знать отдельные примеры, то скажу тебе, что, таким образом, блаженный Папа Иннокентий отлучил императора Аркадия за то, что последний дал свое согласие на удаление Иоанна Златоуста с его престола. Подобным же образом и другой римский епископ низложил короля франков не за какие-нибудь преступления, а просто потому, что он был недостоин своего звания, и на его место поставил Пипина, отца великого императора Карла, причем все франки разрешены были от присяги, данной прежнему королю. Вообще св. церковь поступает так часто, когда она снимает присягу с вассалов, и это же самое повторяется при низложении

---

[1] В существующем письме св. Григория ни слова о том не сказано (см. вообще разбор этого послания, у Лорана, выше).

[2] Страстность Григория VII заставила его забыть нелепую свою прежнюю теорию о происхождении светской власти, и он приводит, как бы в опровержение себя, слова Геласия.

епископов, признанных апостолической церковью недостойными своего сана. И блаженный Амвросий, который хотя и был святым епископом, но не имел власти над всей церковью, однако и он отлучил великого императора Феодосия за вину, которая не была даже слишком важной в глазах других епископов. Этот блаженный епископ поучает также в своих писаниях, что не столько олово уступает в драгоценности золоту, сколько царская власть – святительскому сану. В начале своего пастырского послания он говорит: «Епископская честь и высота, братия, превосходит всякое сравнение. Если ты поставишь рядом с епископством блеск королевской власти и диадему князей, то ты найдешь царскую власть еще более низкой, нежели олово по сравнению с блеском золота. Ибо вы видите, что короли и князья преклоняются лицом к ногам священников и целуют их руки в надежде молитвами их приобрести покровительство Всевышнего». И дальше: «Но вы должны знать, братия, что все это приведено нами с той целью, чтобы показать, что в сем мире нет ничего сильнее пастыря, ничего выше епископа».

«Ты должен также помнить, любезный брат, какая высокая власть дается заклинателю, когда он поставляется духовным вождем для изгнания злых духов. Эта власть гораздо выше всякой власти мирской. Все короли и князья земные, которые ведут безбожную жизнь и не обнаруживают в своих поступках страха Божия, подпадают,– увы! – власти злых духов и находятся у них в рабском подчинении. Не желая руководиться духом Божественной любви, каким руководятся благочестивые священники, чтобы направлять свою власть к славе Божией и спасению людей, князья принимают власть только для того, чтобы обнаружить невыносимое высокомерие и служить своим страстям. О них говорит блаженный Августин в первой книге (гл. 23) своего изложения христианской веры: «Кто стремится к обладанию себе подобными, своими ближними, того должно считать невыносимым гордецом». Но заклинателям, как мы сказали, дается от Бога власть над злыми духами; итак, не имеют ли они тем более власти над теми, которые сами рабы и члены злых духов? Если же заклинатели так далеко превосходят своей властью князей и королей, то что сказать о священниках? Вот оттого-то каждый христианский король, приближаясь к своему концу, слезно молит о помощи священника, чтобы избежать адской темницы, из тьмы достигнуть света и свободным от греховных уз явиться на суд Божий. Но какой – не говорю священник, какой даже мирянин когда-нибудь в смертный час для спасения души взывал к помощи земного короля? Какой король или император может своей властью исторгнуть христианина из-под власти дьявола посредством таинства крещения, поставить его между чадами Божиими и укрепить его духовные силы таинством миропомазания? Кто из них может совершить своим словом важнейшее из христианских таинств – пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Господа? Или кому из них дана власть вязать и решить на земле и на небе? Отсюда ясно видно, какие высокие преимущества заключает в себе власть священническая. Может ли кто-нибудь из светских князей сообщить благодать служителю св. церкви? А если того не может, то как же возможно для него низложить его за какую-нибудь вину? Для низложения духовных лиц была бы потребна власть еще большая, нежели для поставления. Епископы могут посвящать епископов, но низлагать и они не могут без полномочия апостольского престола. Итак, кто имеет хотя немного здравого смысла и хотя некоторые сведения, тот может не сомневаться в превосходстве священнического сана над королевским. Если же короли отвечают за свои грехи перед священниками, то кто имеет больше права судить их, как не Римский Папа? Короче сказать, каждый добрый христианин имеет гораздо больше права на королевский титул, нежели дурные князья. Потому что христианин ищет славы Божией и имеет над самим собой твердую власть; а те ищут не Божеской чести, а своей собственной: они враги самих себя и жестокие утеснители своих ближних. Тот есть член тела Христова, истинного царя, а они члены дьявола. Тот владычествует над самим собой, чтобы потом вечно цар-

ствовать с царем царей; а они со всей своей властью пойдут на вечное мучение вместе с князем тьмы, который есть царь над всеми сынами противления.

Итак, нисколько не удивительно, что недостойные епископы поддерживают безбожного короля; они любят и боятся его, потому что недостойным образом получили от него свое достоинство, и, посвящая за деньги всякого, продавали за ничтожную цену самого Бога. Как избранные состоят в тесной связи со своим главой, так соединяются и нечестивцы, особенно против благочестивых, с тем, который есть глава всякого зла. Впрочем, о них не столько нужно говорить, сколько вздыхать и слезно молить, чтобы всемогущий Бог исхитил их из сетей дьявольских и привел, наконец, к познанию истины.

Вот, что должно сказать о королях и императорах, которые, надмеваясь суетным тщеславием, забывают Бога. Но так как мы имеем обязанность обращаться со словом увещания, смотря по сану или достоинству каждого, то мы стараемся также вооружить и королей, императоров и всех государей оружием смирения, дабы они укрощали им воздымающиеся морские волны и стремительный поток высокомерия. Ибо мы знаем, что временная слава и светская власть особенно располагают к высокомерию; так что обладающие ею обыкновенно презирают смиренномудрие и гонятся за собственной славой, стремясь к власти над ближними. Потому-то королям и императорам особенно полезно, чтобы их сердце, всегда готовое кичиться великими делами и услаждаться собственной славой, знало дорогу к смирению и понимало, что именно того-то и должно им всегда более страшиться, что доставляет наслаждение. Таким образом, они могли бы уразуметь, как опасно и страшно королевское или императорское достоинство, и что очень немногие из облеченных этим достоинством обрели спасение и получили по милосердию Божию благодать; но и те из них не были так прославлены духом Божиим в церкви, как весьма многие из людей низкого состояния. От начала мира и до наших дней мы не найдем в достоверных писаниях даже и семи императоров или королей, которых бы жизнь была запечатлена таким благочестием и такой силой чудес, как жизнь многих других, отказавшихся от благ мира сего; хотя мы охотно верим, что большая часть из них обрела спасение у всемогущего Бога по Его милосердию. Я не буду сравнивать их с апостолами и мучениками; но спрошу, какой император или король сотворил такие чудеса, как св. Мартин, Антоний и Бенедикт? Какой император или король воскрешал мертвых, очищал прокаженных, возвращал зрение слепым? Взгляни на благочестивого императора Константина, Феодосия и Гонория, Карла и Людовика, этих почитателей правды, споспешников христианской веры и покровителей церкви; их превозносит и прославляет св. церковь, но не признает за ними особенной силы чудесных знамений. Много ли королей и императоров, которым, по определению св. церкви, посвящаются храмы и алтари, в честь которых отправляется церковная служба?

Потому короли и все государи тем более должны опасаться огня геенны, чем больше они здесь, на земле, к собственному наслаждению, имеют преимуществ перед своими ближними. «Сильные сильно и истязаны будут»,– говорит Св. Писание[1]. Чем больше людей подчинено им, тем больший они должны отдать Господу отчет. Если же для каждого богобоязненного человека составляет немаловажную задачу спасти одну свою душу, то как тяжела задача князей, обладающих тысячами душ? И далее, если св. церковь требует строгого покаяния за убиение одного человека, то как будет поступлено с теми, которые губят тысячи людей из честолюбивых видов; они, правда, говорят: «Виноваты!», но в душе радуются кровопролитию, произведенному для поддержания того, что они называют своей честью, и не принимают никаких мер для предотвращения подобного несчастья, отправляя своих ближних с совершенным спокойствием в геенну огненную. Если же они не приносят чистосердечного покаяния и удерживают за собой то, что приобретено

---

[1] Притчи Соломона, 6, 7.

или утверждено ценой крови, то и само покаяние их остается бесплодным в глазах Всеведущего. У них есть много действительных причин для страха; и потому-то им часто нужно приводить на память, что, как выше сказано, из бесчисленного множества царей земных только весьма немногие достигли святости, между тем, как в одном епископском преемстве, именно римском, около ста епископов отнесены к числу величайших святых. Какая может быть причина того, как не то, что короли и князья земные, по сказанному мной, услаждаются суетной славой и свои интересы предпочитают делам духовным; между тем как богобоязненные епископы презирают суетную славу и царство Божие предпочитают всему мирскому? Одни наказывают немедленно того, кто совершил что-нибудь против них, и равнодушно переносят преступление против Бога; другие прощают обиды, нанесенные им лично, и не щадят никого, кто оскорбил Бога. Одни мало занимаются духовными делами и преданы земным; другие думают только о небесном и презирают временное. Итак, должно увещевать всех христиан, желающих царствовать со Христом, чтобы они не добивались мирской власти, но помнили бы слова бл. Григория, святого Папы, который говорит в своем пастырском послании: «В таких обстоятельствах, к чему должно стремиться и чего должно избегать? Чтобы добродетельный только по принуждению брался за власть, а нечестивый, даже и по принуждению, не приближался к ней»[1]. Если же таким образом трепетали власти люди, избранные на престол апостольский, престол, который, по заслугам блаженного апостола Петра, очищает человеческую природу, если эти люди страшились и вступали на престол только по принуждению, то с каким трепетом должно приближаться к престолу королевскому, где даже добрые и смиренные люди становятся хуже, как это видно из примера Саула и Давида? Что касается до апостольского престола, то сказанное нами (то есть принуждение) мы изведали собственным опытом; другое же подтверждается декретами блаженного Папы Симмаха: «Св. Петр, – говорит он,– вместе с непогрешимостью даровал в наследство своим преемникам и свои заслуги». И несколько далее: «Кто может сомневаться в том, что тот должен быть святым мужем, кто носит такой высокий сан, когда ему вменяются заслуги и подвиги его предшественника, в случае недостатка собственных? Св. Петр или сам возвышает людей на такую высоту, или прославляет восшедших». О, если бы те, которых св. церковь по зрелом рассуждении призывает[1] к императорству или королевству, не для суетной славы, но для спасения многих людей, были послушны церкви, и всегда остерегались, чтобы не сбылось на них то, что говорит св. Григорий в упомянутом пастырском послании: «Падшему ангелу уподобляется человек, когда он думает, что слишком важно быть подобным человеку. Так, смиренномудрого Саула высота власти довела до высокомерной гордости. Ради своего смирения он был возвышен, а за гордость низвергнут», как свидетельствует сам Господь, говоря: «Не справедливо ли то, что когда ты был мал в своих глазах, ты был поставлен во главе колен Израиля» (I Цар. 15, 17). И несколько ниже: «Чудным образом он был велик у Бога, покуда казался мал самому себе, но, как скоро он сам почел себя за великого, умалился у Господа».

Также и то нужно тщательно сохранять в памяти, что говорит Господь в Евангелии: «Я не ищу своей славы», и «Кто хочет из вас быть большим, да будет всем слуга». О, если бы цари земные предпочитали славу Божию своей собственной славе! О, если бы они творили и сохраняли правду, защищая право каждого! О, если бы они не ходили на совет нечестивых, но всегда были послушны людям богобоязненным и следовали бы в сердце своем по их стопам? О, если бы они не пытались покорить и подчинить себе св. церковь, как рабыню! О, если бы они всегда знали и должным

[1] I, 9. Замечательно то, что эти слова св. Григорий сказал именно о епископах.

[1] Григорий VII вторично забывает свою прежнюю теорию о происхождении светской власти.

образом чтили пастырей церкви, как учителей и отцов, как наместников Божиих! Ибо если мы почитаем наших отцов и матерей по плоти, то не тем ли более должны почитать духовных? И если тот, кто проклинает плотского отца или матерь, достоин смерти, то чего заслуживает проклинающий духовного отца или духовную матерь? Руководимые плотской любовью, цари земные даже неспособны пожертвовать своим сыном для того стада, которое Христос приобрел кровью своей, несмотря на то, что могли бы найти другого, лучшего и способнейшего; потому-то, любя сына больше, нежели Бога, они причиняют святой церкви великий вред. Но ясно, что тот не любит Бога и ближних, как должно христианину, кто не стремится по мере сил удовлетворять высоким и настоятельным нуждам матери-церкви. А кто не имеет любви, тому не принесут никакой пользы никакие добрые дела. Итак, о, если бы цари земные проникнуты были смирением, если бы всегда питали в сердце своем любовь к Богу и ближним, и наконец, если бы они всегда рассчитывали на милосердие Того, Кто сказал: «Научитесь от Меня, Я кроток и смирен сердцем» (Мат. 11, 23). Последуя этому учению во всем смирении, они из этого раболепного и скоропреходящего царства перешли бы в царство истинной свободы и вечности. Аминь!

Тут кончается послание к Германну, епископу г. Метца; говоря вообще, нельзя не заметить, что в этом послании Григорий VII сбросил с себя совершенно маску «раба рабов Божиих», которой он обыкновенно любил прикрываться, и высказал свои замыслы во всей их наготе. Объявляя себя не карателем заблуждений Генриха IV, но врагом всего общественного порядка, и приписывая его изобретению нечистой силы, Гильдебранд своим посланием произнес жестокий приговор над самим собой и вполне оправдал Генриха IV, вступившего за права человечества, оклеветанные Папой.

Так как это послание предназначалось вместе и для циркуляра всем епископам, то к нему было приложено следующее прибавление:

«Увещеваем вас, наши братья и епископы, не трепещите по малодушию перед лицом князей и не бойтесь говорить им истину, чтобы не подвергнуться тому, чем угрожает св. Григорий: “Кто страшится исповедовать истину на земле перед людьми, того постигнет гнев самой Истины на небе”».

КОММЕНТАРИЙ. Вся эта переписка сохранилась, благодаря усердию магдебургского клерика Бруно, который, найдя эти послания в своей церкви, терпеливо вписал их в свою «Историю Саксонской войны» и занял ими 8 глав, от 66 до 74-й (см. о Бруно и его сочинениях выше).

Бенно

ХАРАКТЕРИСТИКА ГИЛЬДЕБРАНДА.
По показаниям его врагов (в 1098 г.)

В те дни (около 1080 г.) Папа готовил погибель императору (то есть Генриху IV) при помощи тайных изменников, но Бог сохранил короля. Как думали некоторые в то время и были убеждены, что Гильдебранд знал и сам устраивал эту погибель, потому что он на тех же днях, немного раньше измены, ложным образом пророчествовал о смерти короля. Такое пророчество сильно возмутило сердца многих. А после все услышали, как Гильдебранд собственными устами изрек себе осуждение на церковном соборе, когда провозгласил, что он не Папа и что его должно считать скорее изменником и лжецом, чем Папой, если император не умрет до ближайшего праздника св. Петра или не лишится своего сана, так что не будет в состоянии собрать около себя и шести воинов. А на деле, по Божественному определению, вышло то, что этот еретик (то есть Гильдебранд) такими словами осудил только самого себя. Ибо вот что говорил о подобных пророчествах апостол: «Господь изрек: пророк, который, заразившись высо-

комерием, захотел бы сказать именем моим то, чего я не повелел, или именем других богов, смертью да умрет. Чтобы ты ответил самому себе на вопрос: каким образом я могу отличить пророчество, которое не внушено Богом – вот тебе на то средство: что было предсказано пророком во имя Господне и не исполнилось, то не Господь внушил, но сам пророк выдумал по тщеславию души своей, и потому не бойся его».

По прошествии же того срока, который Гильдебранд определил в своем предсказании, ни король не умер, ни войско его не уменьшилось; тогда Гильдебранд, опасаясь попасться со своим пророчеством и осудить самого себя собственными устами, прибегнул к хитрой уловке, уверяя необразованную толпу, что его слова относились не к телу короля, а к его душе; спрашивается, каким же образом, в таком случае, умерла в тот срок душа короля и как она потеряла всех воинов, кроме шести? Такими словами он действительно обманул необразованную толпу. Но против пророков такого рода св. Григорий выразился так, говоря об Иезекииле: «Между истинными и ложными пророками то различие, что истинные пророки, если что-нибудь иногда говорят от себя, то с поспешностью оговаривают, а ложные пророки возвещают ложь и, будучи чуждыми Св. Духа, настаивают на своей лжи».

Гильдебранд без участия светских судей приговорил к смерти трех человек, не изобличенных и не сознавшихся, и приказал через повешение умертвить их подле церкви св. Петра, на месте, которое называется *Palatiolum*, без отсрочки, без рассуждений, вопреки законам, предписывающим казнить даже сознавшихся в вине не иначе, как по истечении тридцати дней. Такой закон существует даже у язычников, и они соблюдают его, как говорит св. Амвросий, и как то видно из истории страданий св. мучеников Марцелла и Марка.

Он же заключил в темницу Ценция[1], бывшего одним из его вассалов, сына префекта Стефана, и мучил в бочке, пробитой гвоздями, тысячью тысяч страданий. Освободившись, Ценций захватил после в плен самого Гильдебранда. Получив свободу, Папа всенародно простил всех виновников своего плена, но после вероломно наказал. Ценция, которому также было все прощено, он начал преследовать и умертвил девятерых из его людей, повесив перед дверьми церкви св. Петра. Папа определил сыну одной вдовы, участвовавшему при пленении его, и многим другим наказание и ссылку на один год. Когда исполнился этот срок, вдова, желая вполне умилостивить сердце Гильдебранда, положила на шею своего сына веревку и, приведя его таким образом к Папе, вместе с ним пала к его ногам, говоря: «Государь, Папа! От руки твоей хочу получить сына моего, который понес наказание, наложенное тобой, и ссылку в продолжение года». Гильдебранд, скрыв гнев в ту минуту ради присутствовавших, отдал ей сына, сказав со строгостью: «Иди, иди, жена, и оставь меня в мире». Между тем после, отправив своих телохранителей, он приказал схватить сына той вдовы и пред-

[1] Ценций был назначен от Генриха IV бургграфом Рима, и перед началом борьбы Папы с королем, 24 декабря 1075 г., схватил Григория VII в церкви и посадил в башню; но на следующее утро граждане освободили его.

БЕННО (BENNO, PRESBYTER-CARDINALIS. 1098 г.). Он был родом из Германии, и в эпоху борьбы Гильдебранда с королем получил звание кардинала от соперника изгнанного Григория VII, Климента III. Это обстоятельство вполне отразилось и на его сочинении «Жизнь и деяния Гильдебранда, или Григория VII Папы». Бенно сам дает читателю средство оценить его отношения к истине, и потому, хотя составленная им биография своего врага представляет много интересного, но ею должно пользоваться с большой разборчивостью.

Издания: до сих пор нет ни одного хорошего издания и потому приходится довольствоваться сборником начала XVII в., которое сделал *Goldast* в своей «Replicatio pro sacra caesarea majestate etc. cum Apologiis pro Henrico IV», Hannov, 1611 г.

писал судьям приговорить его к смерти; но они единодушно отвечали, что не могут осудить того, который прибегнул к папскому суду, уже раскаялся и претерпел в продолжение года ссылку, определенную самим Папой. Разгневанный судьями, этот знаменитый Гильдебранд повелел отрубить ногу у сына вдовы, которая напрасно думала, что для Гильдебранда много значит покаяние, законы и клятвы. Лишенный ноги, сын вдовы, спустя три дня, умер от увечья.

Много и другого подобного совершил Гильдебранд; против него вопиет кровь церкви, пролитая мечом, языком его и низким предательством; поэтому церковь весьма справедливо отступила от сообщения с ним, как и наши предки делали то во времена отступников Либерия и Анастасия.

Он же повелел праздновать память Либерия и таким предписанием утвердил ересь того, который достойно за свои дела умер осужденным.

Однажды, отправившись из Албано в Рим, он забыл взять с собой любимую свою книгу об искусстве чародеев, без которой он редко или почти никогда не выходил. Вспомнив о том на пути, при входе в ворота Латерана, он поспешно подозвал двух из своих приближенных, верных клевретов его злодеяний, и приказал им принести ту книгу как можно скорее и строго наказывал, чтобы они по дороге не отваживались глядеть в нее и не делали попыток удовлетворить тайному любопытству. Но чем более он запрещал, тем сильнее возбуждал в них желание проникнуть в секреты этой книги. Таким образом, когда на обратном пути они раскрыли эту книгу и по любопытству прочли правила дьявольского искусства, мгновенно явились перед ними ангелы сатаны, многочисленностью которых и страшным видом двое этих юношей были приведены в такой ужас, что почти обезумели и едва пришли в себя. Между тем, как они сами рассказывали, духи злобы настойчиво спрашивали их, говоря: «Для чего вы призывали нас? Что вам нужно? Мы немедленно исполним все, что вы хотите; в противном же случае мы бросимся на вас, если вы нас будете задерживать». На это один из юношей отвечал: «Тотчас же уничтожьте эти укрепления». Сказав это, он показал рукой на соседние высокие стены Рима, которые дух злобы и опрокинул в минуту. Юноши, творя крестное знамение, в страхе и трепете, едва дошли до Рима к своему господину.

Vita et gesta Hildebrandi, seu Gregorii VII papae. 1073–1085.

Мариан Скот

КАТОЛИКИ И ЕРЕТИКИ В ЭПОХУ БОРЬБЫ ГЕНРИХА IV С ГИЛЬДЕБРАНДОМ. 1070–1073 гг. (в 1086 г.)

Гильдебранд, он же и Григорий Папа, сидел на престоле 12 лет. Он на основании учения ап. Петра, св. Климента и канонов отцов церкви, именем Бога, Петра и Павла и своим собственным, по определению большинства епископов, не обращая внимания ни на что, запретил пресвитерам, дьяконам и всему духовенству иметь жен и вообще жить вместе с женщинами, исключая тех, которых допускает правило или собор Никейский. Далее, он постановил также, что, по приговору св. Петра, осуждается с Симоном не только покупающий, но и продающий какую бы то ни было церковную должность; епископскую, пресвитерскую, дьяконскую или другую, относящуюся к управлению или к церковному сбору; осуждается также и всякий участник этого преступления. Ибо Господь сказал: «Даром получили, даром и дайте». От имени этого собора были посланы к Генриху (IV), королю Римскому, в качестве папских легатов два епископа вместе с императрицей, матерью короля, и на Вселенском соборе в присутствии Генриха, по общему приговору всех епископов, объявили браки клериков и особенно пресвитеров расторгнутыми и

не хотели даже вместе с королем провести праздник Пасхи, в городе Бамберге, вкушать пищу и иметь общение с Германном, епископом того города, который купил себе свое звание. Многие клерики охотнее желали быть отлученными Папой, нежели разойтись с женами, но Папа, чтобы косвенно наказать их, в том же году соборным посланием предписал, чтобы ни один христианин не смел слушать обедню, отправляемую женатым пресвитером. В то же время, но не в том же году, произошел в Германии весьма важный и жестокий раздор между королем Генрихом и князьями Саксонии. Причина того, как говорят, была следующая: король Генрих хотел подчинить рабству всех саксонцев; но исполнить это было не так легко, как то ему казалось, почему он, на основании данного ему совета, решился сначала отнять власть и лишить достоинства одних князей, а потом подчинить и остальные сословия провинции своей власти. Для более удобного приведения в исполнение своего замысла он построил укрепление внутри самой земли саксонцев, на горе, которая называется Гартисберг, откуда получила свое наименование и сама крепость (Гарцберг). Окончив это и устроив по своей воле все государственные дела, он направил все свои усилия к достижению давно уже им задуманной цели: а именно: отнял Баварское герцогство у Оттона, потому что он был родом саксонец, и немедленно вручил его Вельфу, к большему оскорблению саксонцев. После того, стоя однажды на возвышенном месте своей крепости и обозревая со всех сторон красивую и упроченную за ним местность, Генрих, говорят, сказал: «Саксония превосходная страна, но что это за презренные рабы!» – так именно назвал он ее жителей. Услышав то, упомянутый герцог Оттон, в высшей степени оскорбленный выражением короля, и, переговорив с саксонскими князьями, возмутил всю страну, и справедливо.

Генрих не страшился осквернить грешниками, то есть еретиками единственную и возлюбленную невесту Господа, которую Он искупил ценой драгоценной своей крови, производя, по обычаю Симона, неправедный и противный католической вере торг церковными должностями, некупленными дарами Св. Духа. Видя и слыша такие и подобные им ужасные и неслыханные преступления короля Генриха, истинные католики, стоявшие в то время во главе церкви, воодушевились ревностью пророка Илии о Господе и доме Израиля, отправили в Рим к первосвятителю апостольского престола Александру (II) вестников донести, как об этом, так и о весьма многом другом, что совершалось и писалось в Германии под покровительством Генриха неистовыми симоническими еретиками, и с соболезнованием и скорбью жаловались как письменно, так и словесно. Горя той же ревностью по Богу, они собрались и взяли крепость Гарцбург, расхитив все, что находилось там. Говорят даже, что в один день они выкинули из укрепления больше тридцати женщин, которые все были поруганы и одежды их были разорваны до нижней части тела, чем

МОНАХ МАРИАН СКОТ (MARIANUS SCOTUS, MONACHUS. 1086 г.). Он был родом ирландец и переселился в Германию в эпоху борьбы Григория VII с Генрихом IV; известен своими астрономическими и математическими трудами, которые доставили ему возможность исправить запутанную хронологию прежних времен в его «Хронике от сотворения мира», которую он довел до 1082 г.; но кроме своего хронологического значения, этот труд может служить источником только для последних лет, когда автор писал о современных ему событиях, начиная с 70-х гг. XI в. Как видно из приведенного отрывка, Мариан был совершенно на стороне Папы, но по наивности средневековых летописцев высказал многое, что служит к оправданию врага пап, Генриха IV, а именно он весьма точно указал на состав лагеря, неприязненного королю.

Издания: *Pertz.* Monum. Germ. V, 481–562. Критика: *Stenzel.* Ueber Marianus Scotus, помещ. у *Pertz*. Archiv, V, с. 768.

саксонцы[1] были очень обижены: рассвирепев духом, они до основания разрушили крепость и все ее пристройки вместе с монастырем, из которого духовенство разбежалось, и вырыв из гроба кости королевского сына, разбросали их по распутиям. Между тем, вместо апостольского мужа Александра, к которому посылали вестников, на апостольский престол вступил Григорий VII Гильдебранд, по званию монах. Он, выслушав справедливые жалобы и вопли католиков против Генриха и великих его злодеяний, воспламенился Божеской ревностью и объявил поименованного короля лишенным всякого общения, особенно за симонию. Этот поступок был приятен католикам, но симонистам и клевретам короля чрезвычайно не нравился; они говорили никогда не слыхано, чтобы когда-нибудь короля лишали церковного общения. Таким образом, произошел величайший раздор в церкви Божией, потому что католики весьма усердно содействовали Папе, а еретики, то есть Генрих и его сообщники, совершенно отказали в повиновении его предписаниям. В числе первых находился князь и хранитель печати, возлюбленный Богом и людьми блаженный Ганно (или Анно), епископ Кёльнский (да будет благословенна память его), с уважаемыми правителями церквей, Зигфридом Майнцским, Вецелином Магдебургским (или Вернером), Рукерием Гальберштадтским и другими епископами и аббатами, монахами и клериками, а также князьями всей Саксонии, великим герцогом Оттоном, маркграфом Удо, графом Людовиком и другими бесчисленными высшими и низшими вассалами[1]. Услышав о их клятве в верности и ревности к правде и видя, что не только против них, но против его самого восстает безумие Генриха и приверженцев его, достопочтенный Папа Григорий, чтобы саксонцы не ослабли в несчастьях, которые они терпели от несправедливого и более сильного врага, напротив сделались тверже в доблестном постоянстве, поразил смелость, хвастливость и гордость еретиков, направленную на оскорбление и посмеяние святого апостольского престола, вместе с самим главой и защитником их; связав короля узами анафемы, он внушил католикам своими посланиями твердую решимость сопротивляться нечестивым еретикам.

Chronicon ab. O. C. 1082.

---

[1] Нигде, как в этом месте, автор, сам не сознавая того, не высказал так ясно, что восстание Саксонии было делом одной светской и духовной аристократии страны; на этот раз под саксонцами он подразумевает низший класс населения страны; между тем как выше это же самое выражение он употреблял для аристократии.

[1] *Nobiles*, quam *infimi militares* viri; в этих терминах автор определяет классификацию феодального сословия того времени, и эти-то две части и составляли то, что средневековые писатели обыкновенно называли populus, то есть народ.

Ламберт Герсфельдский

СВИДАНИЕ ГЕНРИХА IV С ГРИГОРИЕМ VII ГИЛЬДЕБРАНДОМ В ЗАМКЕ КАНОСС. 1077 г. (в 1080 г.)

Вся хроника подразделяется на два отдела, а по господствовавшей в то время исторической теории она изложена в порядке шести времен, из которых каждое состоит из известного числа поколений. Автор начинает свою хронику объяснением читателю составных частей истории человечества:

«Первое время, Адама до Ноя, продолжается 1656 лет и заключает в себе 10 поколений. Это время погибло в Потопе и остается в забвении, как бессловесный младенческий возраст.

Второе время, от Ноя до Авраама, обнимая равным образом 10 поколений, продолжалось 292 года; в ту пору произошло разделение языков; с возраста ребенка человек начинает говорить, после эпохи бессловесности, которая оттого и получила свое имя.

Третье время, от Авраама до Давида, 14 поколений и 942 года. Так как в юношеском возрасте человек получает способность деторождения, то потому Матфей начинает родословие с Авраама.

Четвертое время, от Давида до Вавилонского пленения, содержит, по Матфею, 14 поколений и 483 года. Тогда началась эпоха царей, потому что достоинство юноши предназначено для власти.

Пятое время продолжается до воплощения Господня, заключает одинаково 14 поколений, но обнимает собой 588 лет. В эту эпоху народ еврейский, как бы ослабленный отягчающей старостью, потрясается различными бедствиями.

Шестое время, в которое мы и теперь живем, не ограничено никаким числом поколений или годов и окончится по достижении надлежащего возраста, вместе с окончанием всего временного».

Первые пять времен до Р. Х. и шестое время до дней самого автора, а именно до середины XI столетия, когда умер Генрих III и вступил на престол Генрих IV, можно принять за первый отдел хроники, по ее особой форме. Автор в этом отделе приводит одни собственные имена сначала патриархов от Адама, потом судей, царей, императоров до самого начала VIII в. до Р. Х. с хронологическими указаниями, а с VIII в. и до 1056 г. с отметками некоторых событий.

ЛАМБЕРТ ГЕРСФЕЛЬДСКИЙ (LAMBERTUS HERSFELDENSIS. 1034–1038 – после 1080). Он родился в Гессене, был впоследствии там же монахом в монастыре Герсфельд; в 1058 г. он получил священство в Ашаффенбурге (почему он известен также под именем Ашаффенбургского); в том же году ходил на поклонение в Иерусалим; с 1060 г. Ламберт оставался при своем монастыре до самой смерти и следовательно, проживая в стране, которая была в ту эпоху саксонской войны театром военных действий, мог близко наблюдать все происходившее. К этому важному условию достоверности Ламберт присоединял и другие преимущества, которые его поставили на первое место в ряду бытописателей XI в.: он получил отличное образование на классической литературе, превосходно владел латинским языком, что было необходимо в эпоху исключительного господства латыни, обладал талантом изображать описываемое им с чрезвычайной живостью, наглядностью и в строгом порядке, но, что всего важнее, умел сохранить до известной степени беспристрастие в эпоху, когда писали такие лица, как Бенно. Хотя он и остается верным сыном Римской церкви, но это не мешает ему сознаваться, что порча духовенства происходила не от одного влияния светской власти на церковь, а и от внутренних причин; потому среди самого разгара страстей, когда враг Папы, Генрих IV, торжествовал в 1075 г. свою победу над саксами, Ламберт с величайшим беспристрастием приводит любопытную сцену избрания Фульдского аббата, которая, в противность утверждениям Гильдебранда, доказывает, что причина симонии лежала далеко не в Генрихе IV (см. след. статью). Анализ содержания «Хроники от С. М. до 1077 г.», см. выше в начале статьи.

Издания: *Pertz.* Mon. V, 134–236, и особое издание in usum scholarum: Hannov. 1843. Переводы: немец. Hesse (Berl. 1855) в Geschichts. d. d. Vorzeit. Lief. 24. Критика: *Ranke.* Zur Kritik fränk. deutsch. Reichsannal. (Einhard und Lambert). Berl. 1854 (Abhandl. d. Acad. d. Wissenschaft., p. 436–458).

С 1056 г. начинается второй отдел хроники, который один собственно и составляет настоящий исторический источник, как показания очевидца.

С первого года правления Генриха IV (1056 г.) автор начинает подробно следить за всеми событиями своего времени, описывать детство короля и эпоху регентства, его войну с саксами, вмешательство Гильдебранда, Вормский сейм, на котором Папа был низложен, отлучение Генриха от церкви (1075 г.), и таким образом доходит до 16 октября 1076 г., когда враждебные королю князья собрались в Трибуре; а на другой стороне Рейна, в Оппенгейме, расположились король и его приверженцы. После переговоров целого дня, когда на следующее утро обе стороны изготовились к бою, князья Швабии и Саксонии прислали к королю парламентеров с предложением ему удалиться в Шпейер, не пользуясь до окончания дела никакими прерогативами королевской власти, сдать немедленно Вормс его епископу и 2 февраля 1077 г., явиться на Вселенский собор в Аугсбург, куда был приглашен и Гильдебранд для решения распри между королем и князьями и для устройства дел государства и церкви. 17 октября 1076 г. король, приняв все эти условия, отправился в Шпейер, а вслед за ним возвратились по домам и князья Швабии и Саксонии. Описание последующих событий, от ноября 1076 г. до февраля 1077 г. составляет, несмотря на короткий временной период, значительную часть второго отдела хроники и вместе самую любопытную как по важности происшествий, так и по достоинству самого описания их.

Швабы и саксы с торжеством и радостью возвратились на родину (ноябрь 1076 г.), после того как жители Вормса покорились и с совершенным спокойствием передали свой город епископу: а затем немедленно послали к Папе послов с известием о случившемся и с настоятельной просьбой позаботиться об утишении такой сильной тревоги в Галлии (то есть в Германии) и посетить их в определенный день (2 февраля 1077 г., в Аугсбурге). Между тем король, вероятно, понимая, что спасение его заключается в снятии с него к концу года церковного отлучения, и считая невыгодным для себя ожидать прибытия Папы в Галлию, где придется передать свое дело на рассмотрение враждебному судье и своим беспощадным обвинителям, счел за лучшее в своем тогдашнем положении встретить Папу еще в Италии, смириться перед ним, и этим путем получить от него освобождение от церковной анафемы. Если бы это удалось ему, то и другие затруднения было бы легко победить; не боясь ничего со стороны церкви, он переговорит и посоветуется с князьями, а в случае неудачи, призовет к себе на помощь своих друзей. За несколько дней до Рождества Христова (1076 г.) он оставил Шпейер и отправился в путь со своей женой и маленьким сыном. Никто из свободных немцев не провожал его, кроме одного, не замечательного ни своим происхождением, ни своей властью. Когда он, не имея собственных средств к покрытию издержек такого дальнего путешествия, обратился с просьбой о вспоможении ко многим из тех, которых он некогда облагодетельствовал, нашлись очень немногие, которые в благодарность за его прежние благодеяния и из сострадания к превратности его судьбы до некоторой степени облегчили его нужду. В такую бедность повержен был он с высоты своей славы и могущества. Подобным же образом спешили в Италию и прочие отлученные, горя желанием как можно скорее освободиться от церковного отлучения; но они не осмеливались принять короля в свое общество, боясь князей и в особенности Папы Римского.

Зима в том году продолжалась так долго и была до того сурова, что, начиная с праздника св. Мартина (ноябрь) почти до начала апреля, по Рейну, покрытому льдом, можно было ходить, и во многих местах по Рейну виноградники совсем погибли, так как корни лоз вымерзали.

В 1077 г. восстал герцог Польский, издавна бывший данником немецких королей, и в старые годы его владения обращены были немецкой храбростью в провинцию. Теперь же, видя, что немецкие князья, занятые внутренними раздорами, не имеют времени воевать с чужеземными народами, он принял королевский сан и титул, надел корону и в день Рождества Христова был посвящен в короли пятнадцатью епископами. Известие о том сильно поразило тех из князей, которые дорожили достоинством и могуществом своего государства; они начали упрекать друг друга в том, что своим междоусобием дали время усилиться варварам, что в то время, как они неистово раздирали свои внутренности, герцог Богем-

ский уже в третий раз прошел по Германии с огнем и мечом, а теперь, к позору немецкого государства, герцог Польский, поправ права и законы предков, наглым образом присвоил себе королевское имя и королевскую корону.

На пути своем в Италию король Генрих праздновал день Рождества Христова в Бургундии, в местечке Бизенцуне (Безансон) в гостях у графа Вильгельма, родственника своей матери по женской линии, который пользовался в тех странах большой властью. Принимая в соображение его тогдашнее несчастье, он провел этот праздник довольно блистательно. Свернуть же с прямого пути в Италию и идти по Бургундии его заставило известие, что герцоги Рудольф, Вельф и Бертольд с целью отнять у него всякую возможность пройти в Италию по всем дорогам и проходам, ведущим туда и обыкновенно называемым клузами, поставили стражу. Из Безансона он отправился после нового года; в местечке Цинис (Мон-Сени) его встретила теща (Аделаида Савойская) со своим сыном Амедеем, имевшим в этой стране большое значение, обширные владения и громкую славу. Приняли его они с надлежащими почестями; но соглашались пропустить через свои владения не иначе, как за уступку им пяти епископств в Италии, смежных со своими владениями, в уплату за проводы. Приближенным короля казалось слишком жестоким такое требование. Но крайняя необходимость заставила его купить пропуск даже и таким единственно возможным соглашением; их не трогали ни родственные чувства, ни сострадание к его несчастному положению, и после долгих переговоров, большой траты времени и усилий ему едва-едва удалось склонить их на сделку, по которой он уступил им одну Бургундскую провинцию, изобиловавшую всякого рода добром, за свой проход через их владения. Итак, гнев Божий отвратил от него не только связанных с ним клятвой и его благодеяниями, но и друзей, даже ближайших родственников. Устранив одно препятствие, он встретил множество и других. Была чрезвычайно суровая зима, и обширные горы, через которые лежал ему путь, с вершинами, уходящими в облака, до того покрыты были снегом и льдом, что ни на лошади, ни пешком без опасности нельзя было спуститься с них по их скользким и совершенно отвесным крутизнам. Между тем день годовщины его отлучения был уже близок и не позволял ему мешкать в пути. Если бы к этому дню он не освободился от церковного отлучения, то князья, по общему приговору, объявили бы его дело проигранным, и он навсегда лишился бы королевского достоинства. Потому за хорошее вознаграждение он нанял несколько туземцев, хорошо знакомых со страной и живших на Альпах, в проводники по страшно крутым обрывам и снежным глыбам, чтобы помогать следовавшим за ними всеми зависевшими от них средствами и расчищать дорогу. С этими проводниками с трудом добрались они до горной вершины; но далее не было никакой возможности продолжать путь, потому что совершенно отвесный склон горы до того был покрыт льдом, что нельзя было и думать спуститься вниз. Мужчины должны были побеждать трудности своими собственными усилиями, и то ползком, то опираясь на плечи проводников, на каждом шагу скользя и скатываясь вниз, с опасностью жизни достигли, наконец, равнины; королеву же с женщинами, бывшими при ней в услужении, посадили на воловью шкуру и при помощи проводников спустили вниз. Из лошадей некоторых спустили также при помощи известных средств, других скатили, перевязав им ноги; не мало их при этом погибло, большая часть была изувечена, и очень немногие избежали опасности без повреждения.

Как только разнесся по Италии слух о прибытии короля и что он перешел крутые скалы и находится уже в пределах Италии, к нему со всех сторон наперерыв начали стекаться все итальянские графы и епископы. Везде принимали его с почестями, приличными его королевскому сану, и в течение нескольких дней около него составилось огромное войско. Давно, еще с самого дня вступления Генриха на престол, его ожидали там с нетерпением, потому что страна эта страдала от беспрестанных междоусобных войн, разбоев и всякого рода распрей. Князья

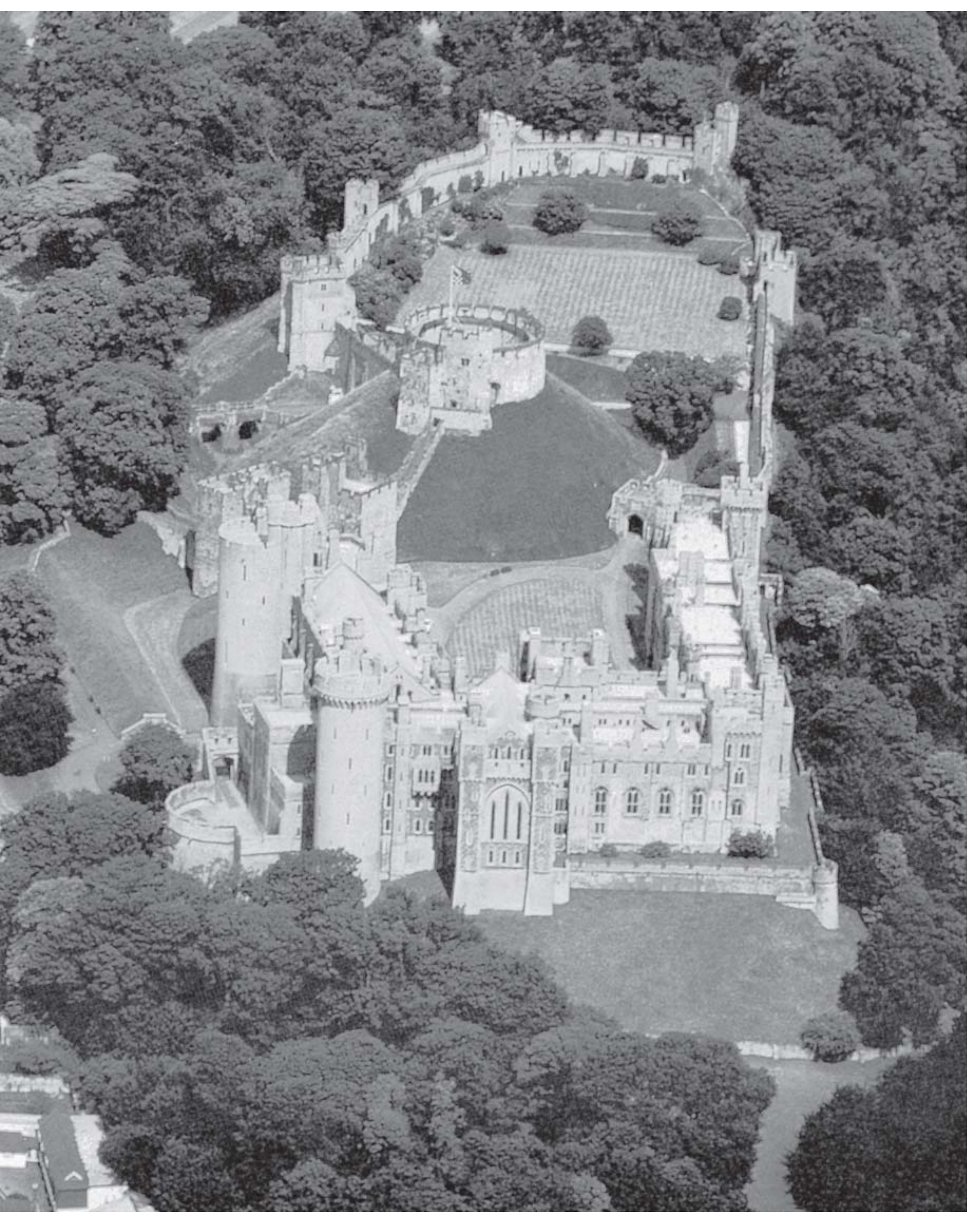
надеялись, что беспорядки, причиненные безбожными людьми, будут уничтожены силой королевской власти, а закон и права предков восстановлены. Сверх того, до них дошли слухи, что король спешит туда в гневе с целью свергнуть с престола Папу, и они обрадовались представлявшемуся случаю отомстить за свое бесчестье Папе, уже давно отлучившему их от общения церкви (январь 1077 г.).

Между тем, Папа, получив от немецких князей, собравшихся в Оппенгейме (Трибуре), послание, в котором те просили его приехать ко дню Сретения Божией Матери в Аугсбург для совещания по делу короля, оставил Рим в противность желаниям римских князей, сомневавшихся в исходе этого дела и отсоветовавших ему такое путешествие, и в сопровождении Матильды, вдовы герцога Гоцело Лотарингского, дочери маркграфа Бонифация и графини Беатрисы, спешил прибыть туда в назначенный день. Графиня Матильда и при жизни своего мужа, будучи разделена от него далеким расстоянием, еще прежде вела вдовью жизнь. Ей не хотелось оставить равнину и переехать со своим мужем в Лотарингию; а он, связанный делами своего герцогства, едва ли и один раз в три или четыре года посещал свою Итальянскую Марку. После его смерти она сделалась неразлучной спутницей римского епископа и уважала его с необыкновенной преданностью. Владея большей частью Италии и имея, в сравнении с другими князьями этой страны, в избытке все то, чем дорожат смертные, как высочайшим благом, она являлась всюду, где Папа нуждался в ее присутствии, и, как отцу своему или господину, оказывала ему самые важные услуги. Вследствие того, она не избежала подозрения в нецеломудренной любви, и приверженцы короля, преимущественно же духовные, которым Папа запретил вступать в непозволительные и противные каноническим постановлениям браки, повсюду распространяли слух, будто Папа день и ночь проводит с ней, и что потому самому, связанная с Папой предосудительной тайной любовью, она отказывается от вторичного брака. Но для всех благоразумных людей было ясно, как день, что это ложь. Ибо Папа так заботился о чистоте своей апостольской жизни, что никакая клевета не могла оставить пятна на его безукоризненном и высоком поведении, и было совершенно невозможно сделать что-нибудь неблагопристойное в таком многолюдном городе и при таком многочисленном дворе без того, чтобы то не было кем-нибудь замечено. Знамения и чудеса, во множестве совершавшиеся его молитвами в Папской области, его горячая любовь к Богу и церковным законам, достаточно защитили его от ядовитого нарекания злых языков. Теперь, когда Папа на пути в Галлию нечаянно узнал, что король уже в Италии, то по совету Матильды он удалился в крепкий замок Канузий (Каносса), желая оттуда вернее узнать о цели прибытия короля: за тем ли он пришел, чтобы просить прощения за свои проступки или чтобы с оружием в руках отомстить за позор своего церковного отлучения.

Дидрик, епископ Вердюнский, один из преданнейших королю мужей, во время своего приготовления сопутствовать королю в походе его в Италию был взят в плен графом Адальбертом из замка Калево, который отнял у него все, что он успел приготовить для далекого пути. После долгого заключения епископ согласился отдать ему в выкуп все, чего бы тот ни потребовал с него, и дал клятву, что не будет ему мстить за обиду ни духовным, ни мирским оружием. Равным образом, Роберт, епископ Бамбергский, был схвачен на пути в Италию в Баварии герцогом Вельфом Баварским, который отнял у него всю его собственность, епископские же одежды и другие церковные украшения, находившиеся в его дорожных узлах, в целости доставил Бамбергской церкви, а его самого со дня Рождества Христова до праздника св. ап. Варфоломея держал в неприступной крепости под сильной стражей, не соглашаясь выпустить его ни по просьбам, ни за подарки его друзей. Остальные епископы и миряне, вместе с королем отлученные Папой от церкви и вследствие того обстоятельства принужденные удалиться из его свиты, избежав стражи, поставленной в проходах, благополучно пришли в Италию, нашли Папу в Канузии и

униженно, босиком и во власяницах просили у него себе прощения за свое восстание и освобождения от проклятия. Папа объявил им, что искренно кающимся и оплакивающим свои грехи в милосердии нет отказа, но долговременное непослушание и глубоко въевшаяся греховная порча могут быть истреблены только огнем долговременного покаяния; и потому, если они действительно покаялись, то должны с готовностью вынести очистительный огнь церковного наказания, который он приложит для исцеления их язв, чтобы легкость прощения их тяжкой вины не сделала в их глазах маловажным или вовсе ничтожным их проступок против апостольского престола. Когда же они изъявили готовность перенести все, что он наложит на них, он приказал рассадить епископов по отдельным кельям, запретил им говорить друг с другом, позволил питаться только маленькой порцией пищи и питья, и то только по вечерам. На мирян же он наложил эпитимию, сообразную с возрастом каждого и силами. После такого испытания, продолжавшегося несколько дней, он, наконец, призвал их к себе, дал им кроткий выговор за прошлое, увещевал вперед не делать ничего подобного; потом, снял с них церковное отлучение и, отпуская, наказал им перед всеми избегать всяких сношений с королем Генрихом, пока он не принесет покаяния апостольскому престолу в нанесенных ему оскорблениях, и не помогать ему ни в его стремлениях к государственным переворотам, ни в нарушении церковного мира; однако ж Папа позволил всем им без исключения говорить с ним с целью побудить его к раскаянию и свести его с дурного пути, по которому он, по-видимому, шел уже нетвердо.

Между тем король Генрих пригласил к себе для совещания графиню Матильду и, надавав ей просьб и обещаний, послал ее, свою тещу с сыном, также маркграфа Аццо (гр. Эсте, отец Вельфа Баварского), аббата Клюнийского и других знатнейших итальянских князей, о которых король знал, что они имеют большое значение у Папы, с настоятельной просьбой освободить его от церковного отлучения и не доверять немецким князьям, которые взводят на него обвинения более по зависти, чем по внушению справедливости. Выслушав эту просьбу, Папа сказал, что рассматривать дело обвиненного в отсутствии обвинителей ни с чем несообразно и совершенно чуждо духу церковных законов; а если король уверен в своей невинности, то без всякого недоумения и боязни пусть лучше явится к назначенному дню в Аугсбург, где решились собраться все прочие князья; там по рассмотрении дела обеих сторон, без ненависти и лицеприятия, отделив правое от неправого, согласно церковным законам на данный случай, он произнесет свой беспристрастный приговор. На это посланные отвечали, что король дороже всего на свете ценит его мнение, и уверен, что Папа – неумолимый каратель неправды и неподкупный защитник правды; а так как скоро наступит год его отлучению, имперские же князья только того и желают, чтобы в случае, если он не будет освобожден от отлучения к этому сроку, объявить его, по имперским законам, недостойным королевского сана и впредь не принимать от него больше никаких оправданий; потому он покорнейше просит теперь же снять с него церковное проклятие, снова принять в благодатное общение с церковью, ради чего он готов нести всякую эпитимию, какую ни наложит на него Папа; потом, чтобы ни случилось, в назначенный Папой день и в известном месте он опровергнет все взводимые на него обвинения и по приговору Папы или вступит в управление королевством, если освободится от всех обвинений, или, если проиграет дело, кротко перенесет то. Долго противился этому Папа, опасаясь юношеского непостоянства короля и его легкости увлекаться всем, на что наводили его льстецы, но, наконец, побежденный твердостью переговорщиков и силой их доводов, Папа сказал: «Если он действительно раскаялся в своем поступке, то пусть передаст нам, в доказательство искренности своего раскаяния, корону и все другие знаки королевского сана и в наказание за свое преступление пусть объявит сам себя недостойным королевского имени и сана». Посланным это показалось слишком жестоко. Вследствие их просьбы смягчить приговор и своей



Замок Арундель. Построен в конце XI в.

справедливостью не ломать сокрушенной трости (Ис., 42, 3), Папа, наконец, позволил ему явиться к себе, и, если он принесет искреннее раскаяние, обещал простить ему проступок, который учинил он поношением апостольского престола и неисполнением его постановлений.

Король, по приказанию, явился (25 января 1077 г.). Так как замок был окружен тройной стеной, то короля приняли за второй стеной, а свита его осталась вне. Там, сняв все королевские украшения, без всякой пышности, с босыми ногами стоял он в ожидании приговора римского епископа, постясь с утра до вечера. Целых три дня провел он таким образом. На четвертый (28 января) он был допущен к Папе, и, после многих речей с одной и ответов с другой стороны с него снято было церковное отлучение под следующими условиями: в назначенный Папой день в известном месяце, в общем собрании всех князей он должен явиться и отвечать на приводимые против него обвинения, а Папе предоставить решение этого дела чтобы, или удержать за ним, по его приговору, королевство, если он освободится от всяких упреков, или, вследствие доказанных обвинений, сообразно церковным законам, без всякого прекословия с его стороны, объявить его недостойным королевских почестей; во всяком случае, удержит ли или потеряет он королевство, он никому не должен мстить за свое унижение; до того же дня, как дело его подвергнется законному исследованию, он не должен употреблять никаких украшений и знаков королевского достоинства, не предпринимать ничего в управлении государством по установленному порядку; наконец, не пользоваться ни королевским, ни общественным имуществом, исключая поземельных доходов, необходимых ему и его семейству; равным образом, все должны быть освобождены как от уз присяги, так и от обязанности сохранять ему верность. Роберта, епископа Бамбергского, Удальрика Косгеймского и других, по внушению коих он вверг в бедствие и себя и свое государство, он должен навсегда лишить своей доверенности. Если по опровержении всех обвинений он вновь утвердится в государстве, то должен подчиняться римскому епископу, повиноваться его внушениям и по возможности помогать ему в искоренении всего противного учению и постановлениям церкви, что могло укорениться в его королевстве по какому-либо дурному обычаю. Наконец, если он нарушит хоть один из этих пунктов, то состоявшееся разрешение от проклятия должно считать недействительным; от него не будет принято никаких оправданий, и имперские князья, освободившись от всех клятвенных обязательств ему, без дальнейшего исследования, могут тогда общим голосом избрать себе нового короля. Король с радостью принял эти условия, обещаясь под священнейшей клятвой все исполнить. Но его уверениям Папа не вполне верил; поэтому аббат Клюнийский, отказавшись дать клятву по своему монашескому обету, дал свое слово, в залог его верности, перед очами всевидящего Бога; равным образом епископ Цейцский, епископ Верчельский, маркграф Аццо и другие князья на костях святых, которые принесены были туда, клятвенно подтвердили, что Генрих сделает все, что обещал, и никакая превратность судьбы не заставит его отступить от своего слова.

Когда, таким образом, церковное покаяние было снято, Папа совершил литургию, и во время ее, по принесении бескровной жертвы, подозвал к алтарю короля и многих других присутствовавших, и, держа в своей руке тело Господне, произнес: «Уже давно я получил от тебя и твоих приверженцев письмо, в котором ты обвиняешь меня в том, что будто я достиг апостольского престола симонией и что еще прежде моего вступления в епископство мое тело запятнано было разными другими преступлениями, которые по каноническим правилам не допускали меня до посвящения. Я мог бы опровергнуть эти упреки единогласным показанием вполне достойных свидетелей, как из тех людей, которые с ранней юности знают мою жизнь, так и тех, которые были виновниками моего поступления в епископский сан; но чтобы не показать, что я более полагаюсь на человеческое, чем на Божеское свидетельство, для скорейшего и полнейшего устранения всякого соблазна,

пусть тело Господне, которое у меня в руках, будет камнем испытания моей невинности, пусть всемогущий Бог праведным судом своим или освободит меня от подозрения во взводимых на меня поступках, если я невинен, или здесь же поразит меня внезапной смертью, если я виновен». И много еще в этом смысле говорил он, как обыкновенно в торжественных случаях призывают Бога судьей и защитником своей невинности. Затем он взял и вкусил тело Господне. Народ, видя, что он вкушает таинство в полном спокойствии и безопасности, начал славить Бога и громко выражал Папе желание счастья в его невинности. Когда все стихло, Папа снова обратился к королю и сказал: «Теперь, сын мой, если тебе угодно, сделай и ты то же, что я сейчас сделал. Германские князья ежедневно осыпают нас жалобами на тебя, обвиняя тебя в столь тяжких проступках, по которым ты, по их мнению, навсегда должен быть удален не только от управления общественными делами, но и от общения церковного и светского. Они настоятельно просят назначить день и место для рассмотрения по каноническим правилам обвинений, которые они делают против тебя. Ты сам хорошо знаешь, что человеческий суд в большей части случаев погрешим и даже иногда при публичном судебном исследовании ложь принимается за истину по той причине, что судьи по своей любви к красивому изложению дела охотно принимают на веру раскрашенную ложь, оставляя без всякого внимания голую, без прикрас, истину. Искренно желая тебе добра, за то, что ты в своем несчастье смиренно искал себе защиты у апостольского престола, я прошу тебя поступить по моему примеру. Если ты уверен в моей невинности и если ты сознаешь, что твоя честь оскорблена злостными обвинениями врагов, то поспеши освободить и церковь Божию от соблазна, и самого себя от неизвестности исхода продолжительной распри, прими вот эту часть тела Господня для подтверждения своей невинности свидетельством Божиим и для заграждения уст твоим клеветникам; после того я буду ревностнейшим поборником твоего дела и твоей невинности, князья примирятся с тобой, ты снова получишь королевство, и буря гражданской войны, от которой так давно неспокойно твое государство, утихнет навсегда». Король начал колебаться, отговариваться и, в стороне от прочих, советоваться со своими приближенными, всячески стараясь отыскать предлог к избежанию необходимости испытания чашей. Возвратив себе присутствие духа, он начал извиняться перед Папой отсутствием князей, оказывавших ему неизменную преданность в несчастье; без их совета и особенно в отсутствии обвинителей испытание, которое он перенесет в доказательство своей невинности в присутствии только немногих свидетелей, не будет иметь никакого значения в глазах маловеров. Затем он усерднейше просил Папу передать это дело на публичное обсуждение княжеского собрания, где бы, рассмотрев наперед по церковным законам как жалобы, так и лица истцов, он мог опровергнуть обвинения под всеми теми условиями, которые всегда признавались имперскими князьями, как справедливые. Папа согласился на это без всякого затруднения. По окончании божественной литургии он пригласил короля на завтрак, потом, угостив его самым радушным образом, заботливо предупреждая при том все его желания, отпустил его в мире к своей свите, оставшейся вне замка. Из благой же предусмотрительности, чтобы король не осквернил только что восстановленное общение с церковью, он послал вперед епископа Эппо Цейцского с тем, чтобы тот заблаговременно снял отлучение со всех, составлявших свиту короля.

Когда епископ вышел и объяснил итальянцам цель своего посольства, на него поднялась целая буря гнева и неудовольствий. В ярости все неистовствовали и руками, и языком, осыпали апостольское посольство наглыми насмешками и самой гнусной бранью и проклятиями, какие только приводило им на память их бешенство: «Мы не обращаем, – говорили они, – ни малейшего внимания на разрешение Папы, так как его самого итальянские епископы давно уже предали проклятию за то, что он взошел на апостольский престол симонией, запятнал себя смертоубийством, прелюбодеянием и другими достойными смерти преступлени-

ями[1]; король же поступил не так, как то прилично его сану, и запятнал свою честь несмываемым пятном, потому что подчинился еретику, человеку, загрязненному всевозможными пороками; тот, кого они признавали защитником справедливости и блюстителем законов церковных, своим постыдным смирением унизил католическую веру и значение церкви; нанося Папе оскорбления, они старались отомстить за него, а он, стыдно даже сказать, оставил их и, заботясь только о своей безопасности, вступил в связь с их общим врагом». Такие речи итальянских князей, распространяемые ими повсюду в народе, возбуждали во всех сильное презрение к королю. Наконец, смуты зашли так далеко, что все соединились в одном желании – отца, сделавшегося недостойным королевской власти, свергнуть с престола, а сына, несмотря на его малолетство и еще незрелость для государственных занятий, провозгласить королем, и, явясь вместе с ним в Рим, выбрать нового Папу, чтобы его рукой помазать и нового короля в императоры, а все деяния свергнутого Папы объявить недействительными.

Получив известие об этом заговоре, король поспешил отправить бывших при нем князей с поручением употребить все усилия и средства к успокоению взволнованных умов и объяснить им, что он действовал, вынужденный крайней необходимостью для общего блага, и что потому они не должны ни оскорбляться, ни думать, что он чем-нибудь опозорил их; что, не освободившись от церковного отлучения, он ничего не мог бы добиться ни у германских князей, которые стараются лишить его короны разными кознями и клеветами, ни у Римского Папы, который на защиту святой церкви держит в руках своих духовное оружие; что теперь он разрушил все преграды, какие поставили на пути его враги, и всю свою заботливость и деятельность обратит на мщение за сделанную ему неправду. С трудом успели, наконец, не загасить, а несколько утишить вспыхнувший пожар. Большая часть князей в гневе оставили лагерь и без позволения возвратились на родину. Другие на время скрыли свое неудовольствие и хотя принимали возвратившегося короля миролюбиво, но при этом не оказывали ему должного почтения, не доставляли ему продовольствия в приличном его сану количестве. Повсюду жаловались на его легкомыслие и неспособность, ругали его за беспечность, с которой он совершенно обманул надежды Италии и ничего не сделал для облегчения ее страданий. Когда он ездил по Италии, по королевскому обычаю, с целью оказать справедливость притесненным и обиженным, его не принимали и не провожали, как прежних королей, с факелами и радостными восклицаниями, но заставляли за городом разбивать палатки и туда доставляли ему и его войску продовольствие, и то в незначительном количестве, скорее для удовлетворения необходимейших потребностей, чем для приличествующей королевскому столу роскоши, и то для того только, чтобы до времени не прибегать к совершенному разрыву. Повсюду ставили стражу, чтобы вооруженной рукой обуздать тех из королевского войска, которые надеялись кое-чем поживиться в полях и деревнях.

Король, испуганный таким настроением умов, поздно увидал, что, необдуманно доверившись неизвестному для него народу и удалившись от границ Германии, попал на нового врага. Теперь ему не оставалось другого выхода из такого опасного положения, как искать примирения с итальянцами и, если то удастся, снова расположить к себе их оскорбленные сердца. Но чтобы достичь того, ему оставалось одно единственное средство – опять разорвать связь с Папой и таким образом восстановить согласие тем же самым обстоятельством, из-за которого произошел раздор. Поэтому он опять призвал к себе Удальрика Косгеймского и прочих, удаленных из его свиты под строгим церковным отлучением, и, поставив их на прежнюю степень своей милости и доверия, возвратил им прежнее значение и преимущества в совете как по своим собственным, так и по общественным делам. Затем безотлагательно обвинил Папу в том, что он поддерживает бурю мятежа в государстве, объявил его виновником и зачинщиком всех

---

[1] Все эти народные обвинения собрал Бенно; см. выше.

волнений, какие перенесла в последнее время церковь Божия; вместе с этим он убеждал всех идти под его предводительством и знаменем мстить ему за столь великое зло. Потом, разорвав все условия и ограничения церковных законов, которыми Папа связал его, по своему апостольскому полномочию, ради его же спасения, как паутинную ткань, без страха Божия кинулся на все, что позволяли ему его страсти, порочность и необузданное своеволие. Все это тотчас рассеяло неудовольствие итальянских князей и потушило их ярость; их преданность к нему опять ожила, и они ежедневно в огромном количестве начали стекаться к нему и обещали ему полнейшую свою помощь и преданность во всем, что он ни прикажет им. Из немецких князей при нем тогда были: Лимар, архиепископ Бременский, Эппо, епископ Цейцский, Бенно, епископ Оснабрюкский, Бургард, епископ Лозанский, Бургард, епископ Базельский; из мирян: Удальрик, Эбергар, Бертольд и почти все те, которых в Оппенгейме апостольские послы под церковным проклятием удалили от общения с ним; возвратив себе церковное общение и узнав, что и он примирился с церковью, они все собрались к нему и с того времени были его неразлучными спутниками во всех его странствованиях.

Между тем (февраль 1077 г.) епископы Майнцский, Вюрцбургский и Метцский, герцоги Рудольф, Вельф и Бертольд собрались для совещания об общем благе и положили, чтобы саксонские князья и все, кому дорого общественное дело, явились 13 марта в Форгейм, чтобы решить там по общему согласию, что делать; это тем более было нужно, что в отсутствие короля господствовало всюду спокойствие, и время было самое благоприятное для совещаний и устройства дел. Равным образом они написали письмо к Папе, в котором говорилось, что если он, поддавшись хитрости короля, не прибыл по уговору в Аугсбург ко дню Сретения Божией Матери, то по крайней мере пусть постарается теперь явиться в известный день лично в Форгейм и там принять кормило апостольского правления для прекращения гражданского мятежа, который уже давно грозит опасностью государству. Папа был еще в Канузии и других близких к нему замках и намеревался не прежде возвратиться в Рим, как по совершении начатого путешествия, и, исполнив с Божьей помощью свое предприятие, возвратить мир церкви Божией. Он давно и многократно уже слышал, что король изменил свое намерение, таит в своем сердце вражду к нему и, пренебрегая условиями, под которыми он был освобожден от церковного проклятия, твердо решился противиться церковным законам вооруженной рукой. Получив же письмо от князей, он послал к королю одного из кардиналов-епископов и других, способных к тому лиц, объявить ему, что пришло время исполнить обещание; 13 марта соберутся в Форгейме германские имперские князья, чтобы, если угодно будет Богу, привести там в порядок государственные дела; по своему обещанию он должен явиться туда и ответить на обвинения, безвинно, по его словам, взнесенные на него клеветниками; между тем, он, Папа, как председатель, примет там на себя исследование и решение дела; этим, продолжал Папа, король много бы сделал для улучшения своего положения и спасения, как в очах Божиих, так и перед людьми; освободил бы церковь от соблазна, государство от междоусобия и себя самого от пятен позорной молвы; там по церковно-каноническому исследованию и решению дела, которое будет начато против него, он или удержит за собой королевство, или безвозвратно потеряет его. Король уклончиво отвечал на это послам: со дня вступления своего на престол он еще в первый раз пришел в Италию, отчего в ней во многих государственных делах произошла большая запутанность; не устранив того, он не может скоро оставить страны, тем более, что этим он нанес бы оскорбление итальянцам, которые с давнего времени и нетерпеливо ожидали его прибытия к ним; кроме того, день имперского сейма слишком уже близок, так что ко времени его ни на какой быстрой лошади не успеешь проехать такое обширное пространство, если даже и не встретится других препятствий. С этими словами он отпустил послов.

Тогда Папа, убедившись в непостоянстве короля и во всем, о чем до того вре-

мени знал только по слухам, немедля послал аббата Массилийского (Марсельского) Бернгарда, человека безукоризненного поведения и многих добродетелей во Христе, вместе с другим Бернгардом, кардиналом-дьяконом святой Римской церкви, к немецким князьям, имевшим намерение, как выше было сказано, собраться в Форгейме, передать все случившееся и сказать, что он всячески старался прибыть для совещания об общем благе по уговору в назначенный день и в известное место, но король Генрих занял стражей все проходы, через которые ему нужно ехать, так что нельзя без опасности ни пройти в Германию, ни воротиться оттуда; поэтому он советует пока позаботиться об устройстве своих собственных дел и о королевстве франков, которое уже давно страдает от ребяческого легкомыслия одного человека, а там, если угодно будет Богу, он, может быть, и сам явится к ним по устранении препятствий к пути, чтобы с общего согласия, на основании церковных законов решить все то, что касается общего блага, их чести и мира церкви (февраль 1077 г.).

А я, между тем, по примеру утомленного ленью поэта, чувствуя в конце своего труда усталость и подавленный тяжестью своего неизмеримого труда, считаю наконец себя достигшим цели в рассказе, который, по-видимому, растянулся очень далеко; быть может кому-нибудь другому будет угодно приложить свою руку к описанию остальной части этой истории, в таком случае он весьма удобно может начать свой труд избранием короля Рудольфа (Швабского, антикороля).

Annales ab O. C. 1077. Под 1076 и 1077 гг.

Ламберт Герсфельдский

СЦЕНА НАЗНАЧЕНИЯ В ДУХОВНУЮ ДОЛЖНОСТЬ ПРИ ГЕНРИХЕ IV. 1075 г. (в 1080 г.)

После победы над саксами Генрих IV собрал сейм в 1075 г. в Шпейере, а оттуда прибыл на зиму в Вормс, где и занялся государственными делами, в числе которых было несколько замещений духовных мест; потому король приказал 30 ноября того же года созвать князей на следующий день для выборов.

На следующий день (1 декабря 1075 г.), когда король вместе с князьями открыл заседание для избрания аббата Фульдского монастыря, поднялось страшное соперничество между аббатами и монахами, которые собрались туда из различных мест во множестве. Подобно тому, как бывает на торжественных игрищах, каждый из них всеми силами оспаривал добычу: один обещал золотые горы, другой намекал на щедрые раздачи ленов из имущества Фульды, третий обещал оказать большие услуги государству, но все в своих обещаниях превышали всякую меру. И – «о, времена, о, нравы!» (Гораций), «о, мерзость запустения!» (пр. Даниил) – в наши дни маммон всенародно воссел в храме Божьем и стал над Богом и божественной службой. Аббаты и монахи до того увлечены духом корысти, что под его влиянием не питают уважения к имени Христову и к своей собственной одежде и обетам; их не пугает свежий пример епископа Бамбергского (изгнанного недавно за симонию), которого за день перед тем не только лишили должности, но и отлучили от церкви, потому что он достиг епископства незаконным путем. Бесстыдство искателей внушило сильнейшее отвращение королю, как то и было справедливо; осаждаемый со всех сторон просьбами, он неожиданно, как бы вдохновленный свыше, поставил аббатом Фульды гервельдского монаха Розелина, прибывшего ко двору по делам своего монастыря и по поручению собственного аббата. Король вызвал его на середину собрания, когда тот нисколько не догадывался и чудом неожиданности был бесконечно поражен, вручил ему посох, подал за него голос и потом убедительно просил других, как монахов, так и вассалов, дать свое согласие на этот выбор.

Когда все присутствовавшие с радостью согласились, ему было повелено принять аббатство; он долго отговаривался своей неопытностью, плохим здоровьем, отсутствием своего аббата, но, наконец, хотя и с трудом, согласился принять звание по убеждению епископов. Подобное случилось незадолго перед смертью Удальрика, аббата Лорессона; монахи и вассалы собрались ко двору и избрали того, который еще как приор пользовался милостью короля и своей услужливостью подкупил его расположение, а потому все и были уверены в согласии. Но король внезапно избрал другого монаха того же монастыря, Адальберта, который пришел с остальной братией и ни о чем подобном не думал; ко всеобщему удивлению, Генрих передал ему посох, так что тот сам от неожиданности почти потерял рассудок.

Annales ab O. C. 1077. Под 1075 г.

Августин Тьерри

О ЗАВОЕВАНИИ АНГЛИИ НОРМАННАМИ. 1066 г. (в 1828 г.)

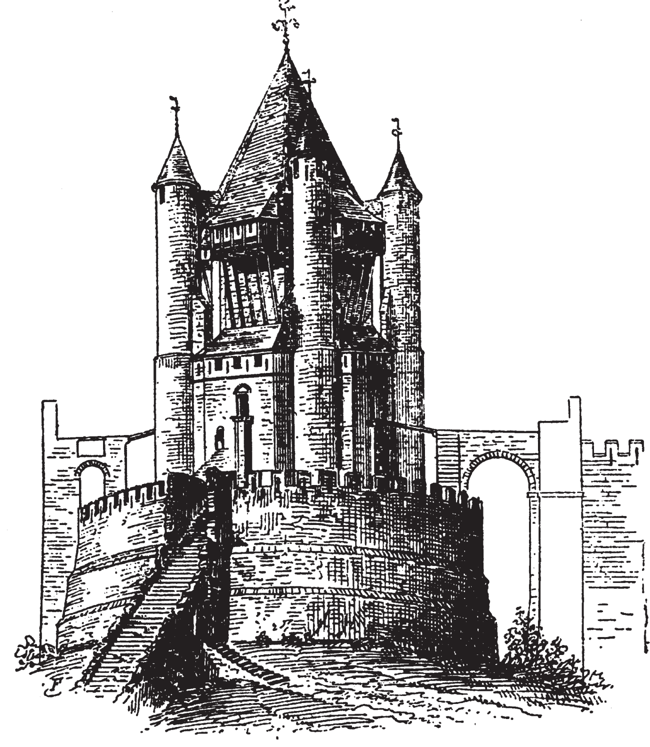
После свержения датского ига в 1045 г. в Англию возвратился представитель национальной династии Альфреда Великого, Эдуард Исповедник, укрывавшийся при дворе своего родственника Вильгельма Побочного, герцога Нормандии. Главным виновником его возвращения был любимец народный граф Годвин и его дети, Гарольд и Тости. Они стояли во главе национальной партии, между тем как с Эдуардом явилось много норманнов, с которыми король сблизился во время изгнания. Потому между Эдуардом и Годвином скоро произошло охлаждение: Годвин смотрел недоверчиво на новое административное иго норманнов, занимавших государственные должности, а норманны ненавидели королевского министра; дело дошло до междоусобия, и Годвин вынужден был дать королю заложников в обеспечение своей верности, а Эдуард препроводил их в Нормандию к Вильгельму. В 1053 г. умер Годвин и место его занял сын Гарольд, ставший во главе англосаксонских патриотов. Гарольд был сначала озабочен одним характером своего брата Тости, который возмущал даже соотечественников своей жестокостью; но Гарольд изгнал его во Фландрию и восстановил в стране совершенное спокойствие.

После изгнания Тости (1063 г.) внутренний мир в Англии продолжался уже два года без всяких смут. Нерасположение короля Эдуарда к сыновьям Годвина исчезло из-за отсутствия поводов к неудовольствиям и по привычке жить между ними. Гарольд, новый глава в этом семействе, любимом народом, воздавал королю искомые им уважение и повиновение. Некоторые из древних преданий говорят, что Эдуард любил его и обходился с ним как с родным сыном; по крайней мере, незаметно было, чтобы он сохранил к нему то робкое зложелательство, которое внушал ему к себе Годвин, а потому королю не было уже надобности задерживать, в видах обеспечения против сына, заложников, взятых им от отца. Эти заложники были вверены подозрительным Эдуардом надзору герцога Нормандии. Около десяти лет они жили вне своей родины, как бы в плену. К концу 1065 г. Гарольд, брат одного и дядя другого заложника, считая наступившее время благоприятным для исходатайствования им освобождения, просил у короля позволить ему ехать с ними, от его имени, и возвратить их из ссылки. При совершенном согласии на освобождение заложников Эдуард был, однако ж, очень озабочен намерением Гарольда лично отправиться в Нормандию. «Не запрещаю тебе,– сказал он ему,– но если ты поедешь, то поступишь против моего согласия, потому что, без сомнения, твое путешествие навлечет какое-нибудь несчастье на тебя и на нашу страну. Я знаю герцога Вильгельма и его коварный ум; он тебя ненавидит и ничего для тебя не сделает иначе, как за большие выгоды для себя. Единственное средство к возвращению от него заложников есть посылка за ними кого-нибудь другого, а не тебя».

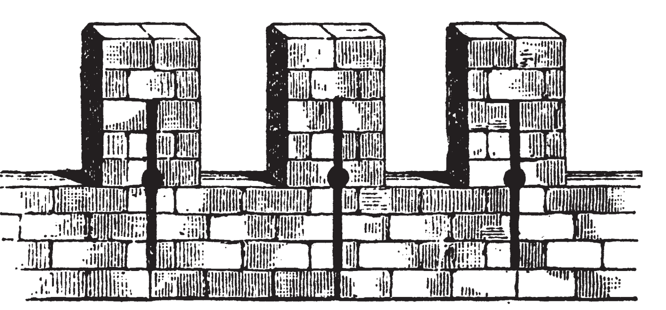
Отважный и доверчивый сакс не принял этого предостережения: он отправился в путь, как на прогулку, окруженный веселы-

ми спутниками, с соколом на руке и стаей собак перед собой. Он отплыл из одной пристани области Суссекской. Неблагоприятный ветер отбросил два его корабля к устьям р. Соммы на землю Гюи, графа Понтиё. В этой приморской стране, как и во многих других, существовал в древние века обычай, по которому всякий чужестранец, брошенный на берег бурей, не только не находил человеколюбивой помощи, но подвергался плену и требованию выкупа. Гарольд и его товарищи испытали на себе этот жестокий обычай: отняв все лучшее из их имущества, Гюи заключил путешественников в свою крепость Бельрам, ныне Борен, близ Монтрёля.

Желая избавиться от тоски долговременного заключения, сакс объявил себя посланным с извещением от короля Английского к герцогу Нормандии и просил Вильгельма высвободить его из плена, чтобы он мог явиться к нему по назначению. Вильгельм, не колеблясь, с угрозой потребовал от своего соседа освобождения пленника, даже не упоминая о выкупе. Граф Понтиё был глух к угрозам и уступил своих заключенных за большую сумму денег и хорошую землю по речке Оме. Гарольд прибыл в Руан, и, таким образом, в руках герцога Нормандии очутился сын величайшего врага норманнов, один из предводителей народного союза, изгнавшего из Англии друзей и родственников Вильгельма, его представителей в домогательстве на Английское королевство. Герцог Вильгельм принял саксонского предводителя с большим почетом и с видом искреннего дружелюбия; он сказал, что одной Гарольдовой просьбы достаточно для совершенного освобождения обоих заложников и что они могут отправиться с ним немедленно, но ему, как вежливому гостю, не следует так торопиться, а должно посвятить хотя несколько дней на то, чтобы полюбоваться городами и праздниками Нормандии. Гарольд разгуливал из города в город, из замка в замок и с молодыми своими спутниками принимал участие в военных играх. Герцог пожаловал их рыцарями, то есть членами высшего норманнского военного сословия. Богатые люди, посвящавшие себя оружию, вводились в это братство одним из заслуженных в нем товарищей и торжественно принимали от него меч, перевязь с серебряными бляхами и копье, украшенное значком. Саксонские воины получали от своего восприемника в рыцарство прекрасное оружие и весьма ценных лошадей. Потом Вильгельм предложил своим гостям для испытания данных им новых шпор сопутствовать ему в военной экспедиции против бретонских соседей. Со времени договора в Сен-Клере на Эпте (912 г.; см. выше), каждый из герцогов Нормандии пытался осуществить мнимое право господства над Бретанью, уступленное Ролле Карлом Простым. Отсюда постоянные войны и народная вражда между обеими странами, отделяемыми одна от другой маленькой речкой Коэноной.


Главная замковая башня, донжон

Гарольд и его товарищи, по тщеславию желавшие приобресть между норманнами славу людей храбрых, отличались в схватке с бретонцами на пользу своего госте-



Зубцы замковой стены

приимного хозяина, не думая о том, что придет время, когда и они сами и их отчизна поплатятся за эти подвиги. Сын Годвина, сильный и ловкий, спас многих норманнов, погибавших в сыпучих и подвижных песках при переправе через Коэнону. И он, и Вильгельм во все время войны имели один общий шатер и общий стол. На обратном пути они скакали друг возле друга, сокращая время дружескими разговорами, и Вильгельм однажды свел речь на воспоминания о своих юношеских связях с английским королем. «Когда Эдуард и я,– сказал он саксу,– жили, как два брата, под одной кровлей, он обещал мне, если когда-нибудь сделается королем Англии, назначит меня наследником своей короны. Гарольд, желал бы я, чтобы ты содействовал к исполнению этого обещания, и будь уверен, что если твоей помощью я получу королевство, то чего бы ты от меня ни попросил, все тебе дам». Гарольд, до крайности удивленный таким нежданным открытием, не мог отвечать иначе, как неопределенными выражениями одобрения, а Вильгельм продолжал: «Так как ты соглашаешься мне служить, то обяжись укрепить Дувр, вырой там колодезь для ключевой воды и сдай это укрепление моим людям. Доверь мне твою сестру: я выдам ее замуж за одного из моих баронов; а сам ты женись на моей дочери, Аделизе. Сверх того, оставь мне порукой в выполнении твоего обещания одного из двух просимых тобой заложников: он останется пока у меня, а я возвращу его тебе в Англии, когда приеду туда королем». При этих словах Гарольд почувствовал всю грозящую ему опасность, которой он невольно подверг и двух молодых своих родственников. Чтобы выйти из своего затруднительного положения, он голословно согласился на все требования норманна; итак, предводитель, два раза принимавшийся за оружие, чтобы изгнать чужестранцев из своей отчизны, обещал передать такому же чужестранцу главнейшую крепость той же отчизны. Полагая найти во лжи спасение и покой, он позволил себе нарушить впоследствии это постыдное обязательство. Вильгельм более не настаивал, но дал этот покой саксу ненадолго.

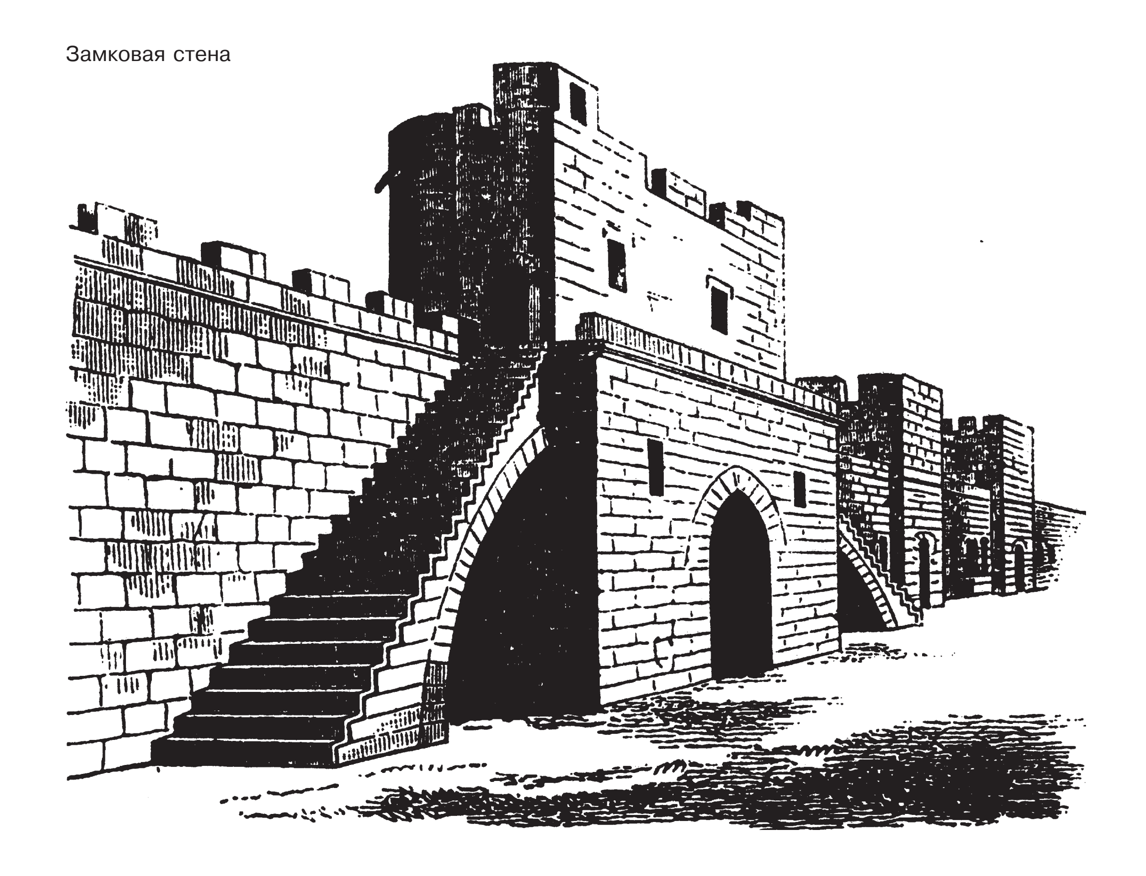
По прибытии в замок Байё герцог Вильгельм созвал свой двор и великий совет высоких баронов Нормандии. Старинные предания говорят, что накануне дня, назначенного для собрания, Вильгельм велел взять из городских и окрестных церквей все хранившиеся в них мощи. Части мощей и целые тела святых, вынутые из рак, были, по его приказанию, положены в просторное вместилище, вроде чана, накрыты богатейшей золотой парчой и поставлены в зале совета. Герцог сел на свой трон, имея на голове корону, а в руке обнаженный меч: его окружила норманнская знать, в числе которой был и сакс Гарольд. Принесли два небольших останка и положили их на золотую парчу, покрывавшую всю кадь, наполненную мощами. «Гарольд,– сказал тогда Вильгельм,– приглашаю тебя в кругу этого благородного собрания подтвердить клятвой данные тобой мне обещания, а именно: помочь мне получить в наследство после смерти короля Эдуарда королевство Англию, жениться на дочери моей Аделизе и прислать ко мне твою сестру для выдачи в замужество за одного из моих». Англосакс, опять застигнутый врасплох и не смея отречься от прежних своих слов, подошел к мощам, простер на них руку и поклялся выполнить, по силе и возможности, свои условия с герцогом, если только будет жив и Бог ему в том поможет. Все собрание повторило: «Помоги ему, Боже!» Вильгельм дал знак: подняли золотую парчу и открылись мощи святых, наполнявшие чан до самых его краев. Над ними-то произнес клятву сын Годвина, не подозревавший такой святыни под парчовым покровом. Заметили, что при виде открытых мощей Гарольд

затрепетал и изменился в лице, устрашенный произнесением священнейшей клятвы. Несколько времени спустя он уехал вместе со своим племянником, оставив, вопреки своему желанию, во власти норманнского герцога младшего своего брата, Ульфнота. Вильгельм проводил его до взморья, опять одарил его на расставанье, радуясь, что вырвал у англосакса, наиболее способного противодействовать норманнским замыслам, торжественное обещание, скрепленное страшнейшей клятвой, содействовать и служить норманну.

Когда Гарольд, прибыв в Англию, явился к королю Эдуарду и рассказал ему все происшедшее между ним и герцогом Нормандии, король задумался и потом сказал: «Не предупреждал ли я тебя, что знаю Вильгельма и что твое путешествие навлечет большие несчастья и на тебя и на наш народ? Дай Бог, чтобы несчастья случились не при моей жизни». Эти печальные слова как будто высказывают, что действительно, в дни молодости и неопытности, Эдуард безрассудно обещал иностранцу королевство, ему самому не принадлежащее. Неизвестно, поддержал ли он, по вступлении своем на престол, каким-либо намеком властолюбивые замыслы Вильгельма; но если и не было об этом речи, то постоянная дружба к норманну заменяла последнему положительные уверения и обнадеживала в добром расположении короля к его видам.

Какие бы ни были прежде тайные переговоры нормандского герцога с римским двором, но с этого времени они получают прочное основание и определенное направление. Клятва, произнесенная над мощами, как бы ни была нелепа, в случае нарушения требовала мщения церкви, и в подобных обстоятельствах, согласно понятиям века, церковь карала законно. По предчувствию ли бедствий, которыми угрожал Англии гнев духовной власти с алчностью норман-

Замковая стена



нов, или по неопределенным впечатлениям суеверного ужаса, английским народом овладело уныние. Ходили странные слухи; пугались и страшились, не имея действительных поводов к страху; разыскивали предсказания, будто бы сохранившиеся от святых прежних времен. Один пророчил такие бедствия, каких не испытывали саксы со времен своего отбытия с берегов Эльбы; другой предсказывал вторжение народа неведомого языка и рабство англов под властителями, идущими из-за моря. Все подобные слухи, которым прежде не верили, а также и вновь изобретаемые вести начали слушать жадно и ожидали совершения какого-то неизбежного несчастья.

Здоровье короля Эдуарда, слабого по природе и, кажется, начинавшего принимать большее участие в судьбах своего народа, начало после этих событий заметно упадать. Он не мог утаить от самого себя, что привязанность его к иностранцам была единственною причиною гибели, ожидающей Англию; он упал духом еще более, нежели народ. Чтобы заглушить свои печальные мысли, а может быть, и угрызения совести, он предался вполне подробнейшему выполнению церковных обрядов, ро́здал много вкладов по монастырям, и последний час застиг его среди такой праздной и скучной жизни. На смертном одре он беспрестанно предавался мрачным предчувствиям; его посещали страшные видения и в болезном бреду грозящие библейские сказания невольно и беспорядочно приходили ему на память: «Господь натянул свой лук,– говорит он,– Господь извлек свой меч и потрясает им как воитель; пламенем и железом разразится гнев Господень». Слова эти леденили ужасом приближенных, окружавших постель короля; а Стиганд, архиепископ Кентерберийский, не удержался и со смехом укорял людей, трепетавших от бреда больного старика.

Как ни был слаб умом старик Эдуард, ему, однако ж, достало духа объявить перед смертью знатнейшим лицам, советовавшимся с ним о выборе ему преемника, что, по его мнению, преимущественно перед всеми достоин царствовать Гарольд, сын Годвина. Назвав в этот час Гарольда, умирающий король стал выше своих прежних предупреждений и даже выше связей кровного родства: в Англии был в то время внук Эдмунда Железный Бок, рожденный в Венгрии, куда укрылся его отец во время датских гонений. Молодой этот человек по имени Эдгар не имел ни дарований, ни достаточной известности и едва говорил по-саксонски, потому что провел молодость в чужой стране. Подобный наследник не мог соперничать с Гарольдом, храбрым, богатым, разрушителем чужестранного владычества. Гарольд был человек, наиболее способный противостоять опасностям, откуда бы они ни угрожали стране. Если бы даже умиравший король не указал на него прочим вождям, то и в таком случае общий голос назвал бы его королем. Он был выбран на другой день после похорон Эдуарда и коронован архиепископом Стигандом, которого Римская церковь не признавала в этом сане. Внук пастуха Ульфнота, с самого вступления своего на престол, показал себя справедливым, мудрым, доступным, деятельным на пользу страны и, говорит древний историк, не щадившим себя ни в каких трудах ни на земле, ни на море.

Много ему предстояло забот и трудов, чтобы пересилить выказывавшееся с разных сторон всеобщее уныние. Явление кометы, видимой в Англии в течение целого месяца, произвело на умы чрезвычайное впечатление ужаса и удивления. Народ сходился на улицах и площадях городов и селений, чтобы рассматривать это чудо, в котором видели подтверждение общих предчувствий. Монах из Мальмесбюри, занимавшийся астрономией, сочинил род поэтического воззвания к новой комете, в котором между прочим сказано: «Наконец ты опять появилась, ты, которая заставишь плакать стольких матерей! Много лет не видал я твоего блеска; но теперь, предвещая разорение моей отчизны, ты мне кажешься более грозной».

Начало нового царствования обозначилось совершенным возвращением к народным обычаям, пренебреженным в предшествовавшее царствование. В хартиях короля Гарольда старинная саксонская подпись имени заменила норманнские привесные печати. Однако ж, при всех преобразовани-

ях, король не отрешил от должности и не удалил из Англии тех норманнов, которые были там оставлены, вопреки закону, по снисхождению к ним короля Эдуарда. Эти чужестранцы продолжали пользоваться всеми гражданскими правами; но мало благодарные за великодушие Гарольда, они пустились работать как внутри, так и вне Англии для норманнского герцога. Они послали к Вильгельму с известием о смерти Эдуарда и выборе в короли Годвинова сына.

Герцог Нормандии узнал эту новость в своем парке близ Руана. Он держал в руках лук и пробовал на нем новые стрелы, когда пришло к нему важное известие. Вдруг он задумался, отдал лук одному из приближенных и, переправясь через Сену, вошел в свой руанский дворец. Он начал ходить вдоль и поперек по большой зале, то садился, то вставал, переменил место и положение, и никак не мог успокоиться. Никто не смел к нему подойти: все стояли поодаль и посматривали в молчании. Тогда вошел один из военачальников, ближайший доверенный герцога. К нему обратились прочие, спрашивая о причине тревожного состояния, в котором они видели Вильгельма. «Ничего не знаю наверно,– отвечал он,– но скоро узнаем все». Потом, подойдя один к Вильгельму, он сказал: «Государь, к чему скрывать от нас известие? Какая от того вам польза? По всему городу ходит слух, что английский король умер, что Гарольд овладел престолом, солгав вам против своей присяги».– «Это правда,– отвечал герцог,– меня огорчают смерть Эдуарда и обида, нанесенная мне Гарольдом».– «Так что же, государь,– продолжал придворный,– не огорчайтесь делом, поправим: нет средств против смерти короля Эдуарда, так есть средство против Гарольдовой обиды. На вашей стороне право, у вас добрые рыцари: начинайте отважней. Дело, хорошо предпринятое, вполовину сделано»...

В это время к Гарольду, сыну Годвинову, спокойно правившему Англией, из южных областей прибыл посланник из Нормандии с такими словами: «Вильгельм, герцог норманнов, припоминает тебе клятву, которой ты ему поклялся своими устами и своей рукой, над истинными и святыми мощами».– «Правда,– отвечал саксонский король,– я поклялся так Вильгельму, но сделал это под влиянием насилия. Я обещал то, что мне не принадлежало и чего я никак не мог исполнить: королевская власть не есть моя собственность, и я не могу сложить ее с себя без согласия моей страны; точно так же, без согласия страны, не могу взять в супруги женщину иностранку. А что до моей сестры, требуемой герцогом в замужество за одного из своих баронов, то она в этом году умерла: хочет ли он, чтобы я послал ему ее тело?» Норманнский посланник возвратился с этим ответом, и Вильгельм через вторичного посла возразил укоризнами мягкими и умеренными, прося короля, если уже он не хочет выполнить всех клятвенных условий, то, по крайней мере, чтобы он выполнил хотя одно обещание и принял в супруги молодую девушку, на которой хотел жениться. Гарольд опять отвечал, что не сделает и того, а в доказательство вступил в брак с женщиной саксонской, сестрой Эдвина и Моркара. После этого были произнесены последние слова разрыва: Вильгельм поклялся, что в том же году придет требовать весь долг и будет преследовать клятвопреступника даже в тех местах, которые его враг признает самой верной и твердой опорой своим ногам.

Насколько было возможно распространение гласности в XI в., герцог Нормандии огласил то, что он называл чрезвычайной недобросовестностью сакса. Всеобщее влияние суеверия не дало возможности и беспристрастным свидетелям этого спора понять неукоризненность самостоятельных, патриотических действий Годвинова сына и его искреннее уважение к правам народа, выбравшего его в короли. Мнение большинства на материке было в пользу Вильгельма против Гарольда, то есть за человека, употребившего святыню как ловушку и обвинявшего в предательстве того, который не хотел поступить предательски. С принесением в Италию дьяконом из Лизиё известия о мнимом преступлении Гарольда и всего английского народа, переговоры, начатые еще прежде с Римской церковью Робертом Жюмьежским и монахом Ланфранком, продолжались с большей деятельностью. Герцог

Нормандии начал перед папским двором против своего соперника тяжбу за святотатство. Он просил, чтобы Англия была осуждена церковью и объявлена собственностью первого, кто ее займет, по одобрению Папы. Основанием его жалобы были три главных обвинения: умерщвление молодого Альфреда и норманнов, его спутников, изгнание архиепископа Роберта с кафедры кентерберийской и клятвопреступление короля Гарольда; сверх того, он признавал за собой неоспоримые права на королевство, как по родству с королем Эдуардом, так и по тем намерениям, которые, говорил герцог, покойный король заявлял перед смертью. Вильгельм разыгрывал лицо истца, ожидающего правосудия, с тем, чтобы суд выслушал и его противника. Но напрасно оповещали Гарольда о защите себя перед римским двором: он не согласился признать себя подсудимым этому двору и даже не отправил туда посла, считая унизительным подчинить иностранцам независимость своей короны и, по здравому смыслу, не доверяя беспристрастию судей, к которым обратился его неприятель.

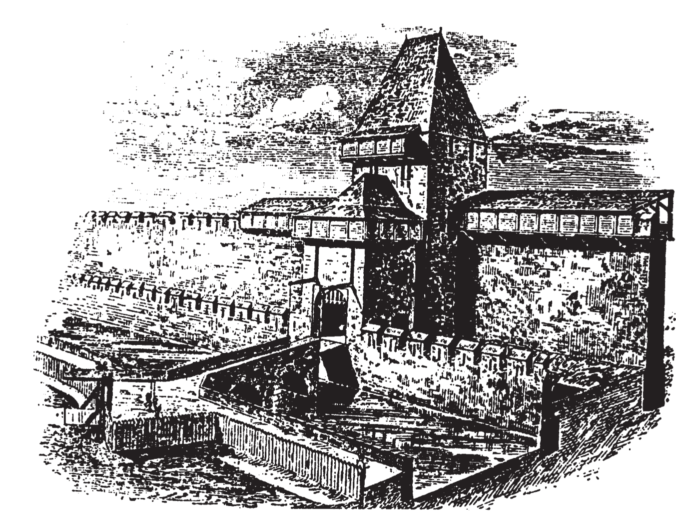
Консисторией святого Иоанна Латеранского управлял тогда человек, знаменитейший между всеми деятелями Средних веков: то был Гильдебранд, монах Клюнийский, возведенный Папой Николаем II в достоинство архидиакона римской церкви. Господствовав несколько лет именем этого Папы, Гильдебранд настолько усилился, что мог направить избрание, по своему усмотрению, преемника Николаю II на Александра II и поддержать нового Папу, когда он не был одобрен императорским двором. Все стремления этого человека, одаренного неутомимой деятельностью, обратились к изменению духовной власти римского престола на всемирную монархию над христианскими государствами. Это направление, начавшееся с IX в. подчинением многих городов Средней Италии папской власти, продолжалось и в двух последующих столетиях. Все города Кампании, непосредственным митрополитом которых был первосвященник Рима, перешли добровольно или по насилию под его правительственную власть, и, по странной случайности, в первой половине XI в. норманнские рыцари, покинувшие родную страну, водили под знаменем святого Петра римские ополчения на эти завоевания. В то же время другие норманны, из авантюристов и богомольцев, нанялись в службу к мелким владельцам Южной Италии; потом, как некогда саксы, нанимавшиеся у бриттов, они нарушили свои обязательства, захватили укрепленные места и утвердили свое владычество над страной. Эта новая сила, положившая конец если не притязаниям, то, по крайней мере, действительному владению Греческой империи над городами Апулии и Калабрии, приходилась как нельзя лучше к религиозной нетерпимости Рима и льстила папскому властолюбию надеждой легко приобрести влияние на воинов простодушных и полных уважения к апостольскому престолу. Действительно, многие из этих новых герцогов и графов постепенно признавали себя вассалами князя апостолов и пожелали получить хоругви от Римской церкви в знак инвеституры над землями, ими самими завоеванными. Таким образом, церковь пользовалась успехами норманнского оружия для распространения своего господства над Италией и привыкла видеть в норманнах людей, как бы предназначенных сражаться на ее службе или признавать себя ее вассалами в своих завоеваниях.

Таковы были странные отношения, созданные случайностью событий, когда поступили к римскому двору жалобы и просьбы герцога Нормандии. Захваченный своей мыслью, архидиакон Гильдебранд счел это время благоприятным, чтобы сделать с Англией то же самое, что удалось в Италии: он употребил все усилия, чтобы заменить духовные рассуждения о недостатке усердия к церкви в английском народе, о симонии епископов и клятвопреступлении короля, настоящими переговорами о завоевании целого государства, на общий страх и для общей выгоды. Несмотря на очевидность этих замыслов, чисто политических, тяжба Вильгельма против Гарольда была рассматриваема в заседании кардиналов, где и происходили рассуждения только о наследственном праве, о святости присяги и уважении, подобающем мощам. Многим из присутствовавших подобные поводы показались недоста-

точными для одобрения церковью вооруженного нападения на народ христианский; а как архидиакон настаивал, то поднялся ропот, и несоглашавшиеся сказали ему, что позорно дозволять и поощрять убийство; но он этим не смутился, и мнение его восторжествовало.

По силе приговора, произнесенного самим Папой, дозволено было герцогу Нормандии Вильгельму вступить в Англию, чтобы привести это королевство в послушание апостольскому престолу и восстановить там навечно сбор деньги святого Петра. Булла, отлучившая от церкви Гарольда и всех его сообщников, была вручена Вильгельмову посланнику, и к этой посылке добавили хоругвь Римской церкви и перстень с вложением в нем под дорогим алмазом волоса святого Петра. В этих добавлениях заключались знаки военной и духовной инвеституры; а благословенная хоругвь, освящавшая вторжение в Англию герцога Нормандии, была та самая, которую, в недавние годы, норманны Рауль и Гильом Монтрёльские, во имя церкви, водружали на замках Кампании.

До привоза буллы, хоругви и перстня Вильгельм собрал тайный совет из преданных себе людей для получения от них совета и помощи. В числе их были двое сводных его братьев – Эвд, епископ Байё, и Роберт, граф Мортенский; Гильом, сын Осберта, сенешаль Нормандии, то есть помощник герцога по гражданскому управлению, и некоторые другие из высших баронов. Все они подали голос за вторжение в Англию и обещали служить Вильгельму лично и имуществом, с готовностью продать или заложить свои наследия. «Но этого еще недостаточно,– прибавили они,– вам надо попросить помощи и совета вообще у обитателей этой страны. Справедливость требует, чтобы платящий на предприятие был призван и для соглашения об уплате». Тогда, говорят летописцы, Вильгельм велел созвать большое собрание людей из всех сословий Нормандии: военных, духовных, торговых и всех наиболее уважаемых и богатых. Он сообщил им о своем предприятии и просил их содействия; потом собрание удалилось, чтобы рассуждать на свободе, вне всякого влияния.



Внешние городские стены

В последовавшем затем совещании мнения до крайности разделялись: одни хотели, чтоб герцогу помогли кораблями, припасами и деньгами; другие отказывали во всякой помощи, говоря, что их долги и без того превышают средства уплаты. Рассуждения не обошлись спокойно: члены собрания сошли со своих мест, разделились на круги; говор и телодвижения становились очень шумны. Посреди этого беспорядка сенешаль Нормандии Гильом, сын Осберта, возвысил голос и сказал: «Зачем вы так спорите? Он ваш сеньор и нуждается в вас; ваше дело самим предложить ему помощь, а не ожидать его просьбы. Если вы его теперь выдадите, а он достигнет своей цели, то – оборони Боже – он вам это припомнит. Покажите же, что вы его любите, и порадейте ему».– «Нет сомнения,– кричали несоглашавшиеся,– что он наш сеньор; да разве не довольно с нас платить ему должную подать? Мы не обязаны помогать ему на заморские походы; он для своих войн обременяет нас податями. Не удайся ему новое предприятие, и наша страна совсем разорена». После долгих переговоров и разных возражений, решили, чтобы сын Осберта, знавший средства каждого, говорил герцогу от имени собрания с извинением в ограниченности пожертвований.

Норманны возвратились к герцогу, и сын Осберта говорил так: «Не думаю, чтобы

были на свете люди, усерднее этих людей. Вы знаете, как они всегда помогали вам своими пожертвованиями, как они несли на себе все наши службы; а вот теперь они хотят сделать еще более прежнего и предлагают служить вам за морем, как и здесь. Идите же вперед, государь, и не щадите никого. Кто доселе вам давал на двух добрых всадников, теперь будет давать на четверых» – «О-о, нет, нет! – вскричали разом пришедшие.– Мы не уполномочили вас на такой ответ; мы так не говорили, и этого не будет! Если мы понадобимся ему здесь, то станем служить, как следует; но мы не обязаны помогать ему завоевывать чужую страну. Впрочем, если мы теперь сослужим ему двойную службу, отправясь с ним за море, он обратит это себе в право и обычай на будущее время; он обременит этим обычаем наших детей. Этого не будет!!!» Опять начали собираться кружки по десять, двадцать, тридцать человек; опять многие шумели, и разошлись.

Герцог Вильгельм, удивленный и раздраженный как нельзя более, скрыл, однако ж, свой гнев и употребил хитрость, которая почти всегда удается лицам могущественным, желающим победить общественные сопротивления. Он призывал к себе отдельно каждого из тех самых людей, которых прежде собрал вдруг. Начав с лиц самых влиятельных и богатых, он просил их оказать ему помощь добровольно и безвозмездно, утверждая, что он вовсе не желает стеснять их впредь, ни злоупотреблять их щедростью против них же, а потому готов дать им письменное в том удостоверение, скрепленное его большой печатью. Никто не имел духа произнести отказа, стоя глаз на глаз с властелином страны. Между тем обещаемые ими пожертвования немедленно записывались в особый список. Примеру прежде позванных следовали и все остальные. Один подписался на корабли, другой на людей вооруженных, иные обязались идти лично; духовенство дало деньги, купцы – товары, земледельцы – съестные припасы.

Вскоре привезли из Рима освященную хоругвь и буллу, одобрявшую вторжение в Англию. При известии об этом усердие удвоилось. Каждый понес, что только мог. Матери посылали своих сыновей в войско для приобретения ими Царства Небесного. Вильгельм объявил свой призыв на войну и в соседних странах; он предлагал большое жалованье и разграбление Англии каждому крепкому человеку, решавшемуся служить ему копьем, мечом или арбалетом. Пришло множество всеми дорогами, отовсюду: и издали, с севера и юга. Пришли из Мэна и Анжу, из Пуату и Бретани, из Франции и Фландрии, из Аквитании и Бургундии, с Альп и с берегов Рейна. Все пришлецы по ремеслу, все блудные сыны Западной Европы шли без устали к герцогу; иные были рыцари и воинские начальники, другие простые пешеходы и воины, одни просили денежного жалованья, прочие только перевоза и добычи, какая им попадется. Многие хотели земли в Англии, замка, города; наконец, некоторые просили себе в замужество богатых саксонок. Обнаружились все похоти, все страсти человеческой алчности. Вильгельм не отказывал никому, говорит норманнская хроника, и по возможности удовольствовал каждого. Он дал заранее какому-то Реми епископство в Англии – за корабль и двадцать воинов.

Весной и летом во всех гаванях Нормандии всевозможные рабочие строили и снаряжали корабли; кузнецы и оружейники работали копья, мечи и кольчуги, а носильщики беспрестанно сновали взад и вперед, перетаскивая оружие из мастерских на корабли. Покуда производились с величайшей поспешностью все эти приготовления, Вильгельм отправился в Сен-Жермен к Филиппу, королю французов, и приветствовал его почтительной речью, какую не всегда соблюдали его предки в отношениях к королям французским: «Вы – мой сеньор,– говорил он,– если вам угодно будет мне пособить, а Бог дарует мне милость получить мое право на Англию, то обещаю поклониться вам ею, как бы получил ее от вас». Филипп собрал своих баронов на совет, без которого не мог решать никаких важных дел, и бароны высказали мнение, что никак не следует помогать Вильгельму в предпринимаемом им завоевании. «Вы знаете,– сказали они королю,– как мало подчиняются вам ныне норманны; будет еще хуже, когда они завладеют Англией. Сверх того, помощь Виль-

гельму дорого бы стоила нашей стране; а если предприятие его не удастся, то английский народ останется нашим врагом навсегда». Вильгельм с неудовольствием удалился от короля Филиппа и обратился с такой же просьбой к шурину своему, графу Фландрии; тот также отказал...

Несмотря на все это, сборным местом для кораблей и войска было назначено устье р. Дивы, впадающей в Океан, между Сеной и Орной. Целый месяц дули противные ветры и задерживали там норманнский флот. Потом южный ветер двинул корабли до устья Соммы к Сен-Валери. Там застигла их непогода, и надобно было простоять несколько дней. Корабли бросили якоря, а войска расположились на берегу, под непрестанными проливными дождями.

Во время этой остановки несколько судов, разбитые жестокой бурей, погибли со своими экипажами. Этот случай подал повод к сильному ропоту в войсках, утомленных долгой стоянкой. Целый день праздные воины проводили время под палатками в разговорах, рассуждая друг с другом об опасностях и трудностях предприятия. Еще не было сражений, говорили они, а уже погибло много людей; считали и преувеличивали число трупов, выброшенных морем на берег. Такие слухи уменьшали отважность пришлецов, вначале полных усердия; некоторые из них даже нарушили свои обязательства и удалились. Чтобы не дать усилиться такому расположению, вредному для предприятия, герцог Вильгельм велел тайно хоронить умерших и увеличил отпуск съестных припасов и крепких напитков. Но недостаток деятельности поддерживал уныние; ропот продолжался; воины говорили: «Безрассуден человек, желающий завладеть чужой землей. Богу противны такие замыслы, и Он нас вразумляет, не посылая нам благоприятного ветра».

Вильгельм, несмотря на свои душевные силы и всегдашнее присутствие духа, сам мучился беспокойством и с трудом подавлял собственные опасения. Часто являлся он в церковь местного покровителя, святого Валерия, долго оставался там на молитве, а выходя оттуда, посматривал на петуха, вертевшегося по направлению ветра на церковной колокольне. Если ветер казался с юга, лицо герцога прояснялось; но при повороте петуха на север или на запад, оно опять принимало печальное выражение. По искреннему ли чувству веры или для доставления какого-нибудь развлечения унывающим и малодушным, он велел торжественно поднять из церкви раку святого и крестным ходом пронес мощи по всему лагерю. Войско стало на молитву; начальники пожертвовали богатые вклады; каждый воин, до последнего, внес свою лепту; а в следующую ночь, как будто небесным чудом, подул благоприятный ветер и погода прояснилась. На рассвете 27 сентября (1066 г.) солнце, дотоле затемняемое тучами, явилось в полном блеске. Лагерь немедленно снялся, все работы по нагрузке исполнены были с большим одушевлением и не меньшей быстротой, так что за несколько часов до солнечного заката флот поднял якорь. Четыреста больших парусных кораблей и более тысячи перевозных судов поплыли в море при звуке труб и радостном крике шестидесятитысячного войска.

Корабль, на котором плыл герцог Вильгельм, шел впереди. На верху мачты у него развевалась хоругвь, присланная Папой; а на флаге виднелось изображение креста. На разноцветных парусах этого корабля было нарисовано по три льва, представлявших герб Нормандии; передняя часть корабля оканчивалась фигурой ребенка с натянутым луком в руках и стрелой, готовой к спуску. Наконец, большие фонари, поднятые на марсы, как необходимая предосторожность во время ночного плавания, служили для флота маяком, которого должны были держаться прочие суда. Этот корабль, наилучший ходок из всего флота, предшествовал другим кораблям, пока длился день. В ночь он далеко оставил их за собой. Наутро герцог послал одного из моряков на вершину большой мачты, посмотреть, идут ли другие корабли. «Ничего не вижу, кроме воды и неба»,– сказал матрос, и потому тотчас бросили якорь. Герцог казался веселым и, желая отстранить от своих спутников заботы и страх, велел подать обильный обед и крепкие, настоянные на пряностях вина. Матрос опять влез на мачту и сказал, что в этот раз видит четы-

ре корабля; в третий раз он закричал: «Вижу целый лес мачт и парусов»...

По несчастной случайности, английские суда, долго крейсировавшие вдоль этих берегов, вошли в гавань за съестными припасами. Войска Вильгельма, не встретив сопротивления, пристали у Певенси, близ Гастингса, 28 сентября 1066 г. Сначала высадились стрелки. Они носили короткую одежду, а волосы их были выбриты. Потом спустились всадники. На них надеты были кольчуги и железные блестящие шлемы почти конической формы; вооружены они были длинными, крепкими копьями и прямыми обоюдоострыми палашами. После них вышли рабочие войска, пионеры, плотники, кузнецы. Они выгрузили на берег по частям три деревянных замка, срубленных и изготовленных заранее. Герцог сошел на землю последний. Как только нога его коснулась берега, он споткнулся и упал вниз лицом. Поднялся говор; раздались голоса: «Храни нас Боже! Дурной знак». Но Вильгельм, вскочив, тотчас сказал: «Что с вами? Чему вы дивитесь? Я обнял эту землю моими руками, и, клянусь Божиим величием, сколько ее ни есть, она ваша». Это быстрое возражение мгновенно уничтожило впечатление дурного предзнаменования. Войско направилось к городу Гастингсу; вблизи этого места устроили лагерь и поставили два деревянных замка, в которые сложили припасы. Отряды, посланные во все окрестности, грабили и жгли дома. Англосаксы бежали из своих жилищ, прятали свое имущество и свой скот и толпами спешили укрываться по церквам и кладбищам в надежде спастись там от врагов, таких же христиан, как они. Но, в порыве за добычей, норманны не обращали внимания на святость мест и не уважали священных убежищ.

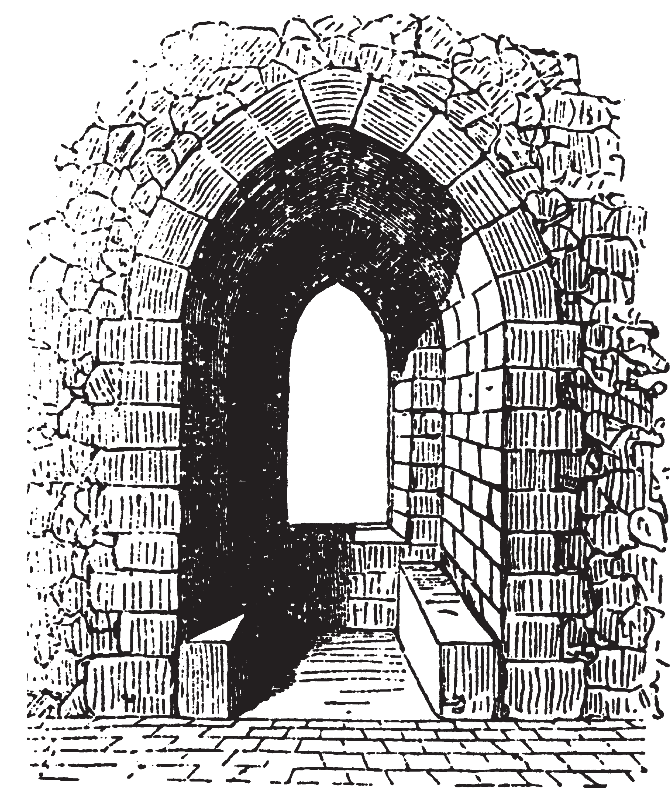
Гарольд находился в Йорке. Он был незадолго перед тем ранен и отдыхал от трудов, когда запыхавшийся гонец известил его, что Вильгельм Нормандский высадился и поставил свое знамя на земле англосаксов. Гарольд немедленно пустился к югу со своим победоносным войском и на походе объявлял и рассылал повеления всем правителям областей вооружить войска и вести их к Лондону. Западные ополчения пришли вскоре; северные, по дальности расстояния, опоздали. Однако ж можно было ожидать, что в непродолжительном времени все силы страны соберутся вокруг короля англичан. Один из тех норманнов, в пользу которых было допущено изъятие из закона о всеобщем их изгнании и которые теперь стали шпионами и тайными слугами завоевателя, предупредил герцога, чтобы он был наготове, потому что через четыре дня сын Годвина приведет с собой сто тысяч человек. Нетерпеливый Гарольд не выждал четырех дней: он не мог преодолеть желания поскорее вступить в бой с чужестранцами, особенно, когда узнал, что они во всех отношениях разоряют окрестную страну. Надежда защитить от бедствий хотя некоторых из своих соотечественников, может быть, желание попытать против норманнов непредвидимое и внезапное нападение побудили Гарольда спешить к Гастингсу с войском вчетверо слабейшим против сил герцога Нормандии.

Но стан Вильгельма зорко охранялся от нечаянного нападения, и передовые его караулы охватывали большое пространство. Конные отряды, отступая перед неприятелем, известили о приближении короля саксов, который, говорили они, мчится, как бешеный. Видя неудачу намерения внезапно ударить на неприятеля, сакс был вынужден умерить свою запальчивость; он остановился в семи милях от лагеря норманнов и, вдруг изменив план действий, для отражения нападений норманнов устроил окопы и стал их ожидать за рвами и полисадами. Шпионы, говорившие по-французски, были посланы в заморское войско для разведки силы и диспозиции неприятеля. По возвращении они рассказывали, что в лагере Вильгельма более священников, нежели у англов воинов. Они приняли за священников все те лица в норманнской армии, которые имели бритые бороды и коротко остриженные волосы, тогда как англосаксы, по своему обычаю, носили тогда длинные волосы и бороду. При таком рассказе Гарольд не мог удержаться от улыбки. «Те, которых вы видели в таком значительном числе,– сказал он,– не священники, а храбрые военные люди, готовые показать нам, чего они стоят». Многие из саксонских предводителей

советовали королю избегать сражения и отступить на Лондон, опустошив всю между лежащую страну, чтобы переморить голодом чужестранцев. «Чтобы я опустошил страну, которая мне доверена в охранение! Да это было бы предательство,– отвечал Гарольд,– и я скорее должен пытать счастья в бою с малым числом моих людей, с моей храбростью и моим правым делом».

Герцог Нормандии, по совершенно противоположному характеру, во всех обстоятельствах не пренебрегал никакими средствами и ставил выгоду выше личной своей гордости; поэтому он воспользовался неблагоприятным положением своего противника, чтобы возобновить свои требования. Монах по имени Дом Гуга Мегро явился к королю Саксонскому и от лица Вильгельма предложил ему выбрать и выполнить одно из трех следующих предложений: или отказаться от королевства в пользу нормандского герцога, или принять посредничество Папы и положиться на его решение, которому из двух быть королем, или, наконец, решить этот вопрос поединком. Гарольд отвечал строптиво: «Я не отрекусь от королевского титула, не хочу посредничества и Папы и не принимаю поединка». Несмотря на эти положительные отказы, Вильгельм опять послал своего норманнского монаха и дал ему наставление в следующих словах: «Ступай, скажи Гарольду, что если он будет верен своему прежнему договору со мной, то я оставлю ему все земли за рекой Гумбером, а брату его Гурту дам всю страну, бывшую в управлении Годвина; если же он станет упорствовать против моих предложений, то скажи ему перед его дружиной, что он лжец и клятвопреступник, что как он, так и все его сообщники отлучены от церкви приговором Папы, и булла об этом отлучении у меня в руках».

Дом Гуга Мегро произнес эти слова перед Гарольдом с некоторой торжественностью, и норманнская летопись упоминает, что при словах «отлучены от церкви» английские предводители переглянулись между собой, как бы при виде большого бедствия. Тогда один из них сказал: «Мы должны сражаться, как бы велика ни была предстоящая нам опасность: дело идет не о том только, чтобы подчиниться новому королю после смерти нашего короля; нет, дело идет совсем о другом. Герцог Нормандии отдал наши земли своим баронам, своим рыцарям, всем своим воинам, и большая часть из них уже поклялась ему в верности за эти земли. Все они захотят своих долей, если их герцог станет нашим королем; он сам должен будет отдать им наши имущества, наших жен, наших дочерей, потому что все им заранее обещано. Они пришли не для того только, чтобы разорить нас, но чтобы разорить также и наше потомство, чтобы отнять у нас землю наших предков; а что станется с нами, куда пойдем мы, когда у нас не будет более отечества?» Англосаксы положили единодушной клятвой не заключать ни мира, ни перемирия, ни договора с пришельцами, и умереть или выгнать норманнов.


Амбразура окна замка

На эти бесполезные переговоры был потрачен целый день. Спешный поход Гароль-

Ворота замка с внешней стороны

да на юг поставил другие отряды войск в невозможность поспеть в его лагерь. Эдвин и Моркар, оба правителя севера, были еще в Лондоне или на дороге к Лондону; к Гарольду присоединялись только волонтеры, поодиночке и малыми отрядами, поселяне и горожане, наскоро вооруженные, монахи, покидавшие монастыри и спешившие на зов отчизны. В числе этих последних прибыл Леофрерик, аббат большого Петерборугского монастыря, близ Эли, и аббат Гидский, из окрестностей Винчестера. Он привел двенадцать монахов из своего монастыря и двадцать воинов, вооруженных на его счет. Час сражения наступал. Двое младших братьев Гарольда, Гурт и Леофвин, заняли свои места при нем. Гурт хотел убедить старшего брата не участвовать в сражении, а отправиться в Лондон за новыми подкреплениями, пока его приверженцы будут отражать нападения норманнов. «Гарольд,– говорил молодой человек,– ты не можешь отречься от того, в чем по насилию или добровольно ты клялся герцогу Вильгельму над мощами святых; зачем же тебе идти в бой, имея на себе преступление клятвы? Для нас, не клявшихся ни в чем, война вполне законна, потому что мы защищаем свою родину. Оставь нас сражаться теперь одних. Если не устоим, ты нам поможешь; если умрем, ты за нас отомстишь». На эти братские советы Гарольд отвечал, что долг запрещает ему уклоняться от сражения, тогда как его соотечественники жертвуют жизнью. Уверенный в себе и в своем праве, он расположил войска к сражению.

На местности, которая с тех пор и доныне называется *Местом битвы*, ряды англосаксов занимали длинную гряду холмов, укрепленных палисадами и ивовыми плетнями. В ночь на 13 октября Вильгельм объявил норманнам, что на другой день будет сражение. Священники и монахи, прибывшие в большом числе вместе с завоевателями в надежде, как и те, на добычу, собрались на пение молебнов, а воины занялись приготовлением к бою своего оружия. Оставшееся им затем время они употребили на исповедь в своих грехах и причащались. В противоположном войске ночь прошла совсем в других занятиях: саксы шумно веселились и пели старинные народные песни, опорожняя, вокруг своих огней рога, полные пива и вина.

Поутру в норманнском лагере епископ Байёский, брат по матери герцогу Вильгельму, служил обедню и благословлял войска, вооруженный панцирем под своим епископским облачением; потом он сел на великолепного белого коня, взял начальнический жезл и распорядился построением кавалерии. Армия разделилась на три атакующие колонны: в первой были воины из графств Булони и Понтиё, а также большая часть авантюристов, пришедших воевать за плату; во второй были союзники британские, манские и пуатевинские; над третьей колонной, состоявшей из норманнского рыцарства, начальствовал лично сам Вильгельм. Впереди и по флангам этих боевых отрядов шла многочисленными рядами пехота, легковооруженная, с длинными деревянными луками и стальными арбалетами; одеты они были в кафтаны на толстой подкладке. Герцог ехал

на коне, приведенном ему из Испании богатым норманном, бывшим на богомолье у святого Иакова в Галисии. Он надел себе на шею наиболее уважаемые из тех мощей, над которыми клялся Гарольд; а освященное Папой знамя нес при нем молодой человек по имени Тустен ле Блан. Прежде, нежели войска тронулись, Вильгельм сказал им такую речь:

«Старайтесь хорошо сражаться и всех их бейте насмерть. Если победим, все будем богаты. Что добуду я, добудете вы; если завоюю я, завоюете вы; если я возьму землю, она будет ваша. Знайте, однако ж, что я пришел сюда не затем только, чтобы взять то, что мне следует, но и для того, чтобы отомстить за весь наш народ этим англосаксам за их вероломство, клятвопреступления и измены. Они умертвили датчан, мужчин и женщин, в ночь святого Брикия. Они замучили спутников моего родственника Альфреда и погубили его самого. Пойдем же и, с Божией помощью, накажем их за все сделанные ими злодеяния».

Вскоре войско стало в виду саксонского лагеря, на северо-запад от Гастингса. Сопровождавшие священники и монахи отделились и взошли на соседний холм, чтобы молиться и смотреть на сражение. Норманн Таллььефер выскакал впереди войскового строя и запел знаменитую по всей Галлии песню Карла Великого и Роланда. Распевая, он играл своим мечом, высоко его подбрасывал и ловил на лету правой рукой; норманны вторили его припевам или кричали: «Боже, помоги! Боже, помоги!»

По сближении войска на полет стрелы стрелки начали пускать стрелы, а арбалетчики – свои четырехгранки (quadrelli), но большая часть этого метательного оружия заседала в высокой ограде саксонских укреплений. Пехотинцы, вооруженные копьями, и кавалерия подошли к укреплениям и пытались ворваться в ворота. Англосаксы, все пешие вокруг своего знамени, водруженного в землю, составляли за своими палисадами сплошной и твердый строй; они встретили нападающих топорами, одним размахом рассекая копья и пробивая железные кольчуги. Норманны не успели ни разрушить палисадов, ни ворваться в укрепления и, утомленные бесполезным нападением, отступили к колонне Вильгельма. Герцог опять выдвинул своих стрелков и велел им, вместо прицельной стрельбы, стрелять навесно для того, чтобы их метательное оружие, перелетая через укрепления, поражало неприятелей сверху. Тогда многие англосаксы были ранены, и большей частью в лицо. Стрела пронзила Гарольду глаз; но он продолжал начальствовать и сражаться. Возобновилось нападение пеших и конных норманнов, при криках: «Божия Матерь, помоги! Боже, помоги!» Норманны были опять отбиты и, отступая с одних ворот, попали к крутому оврагу, прикрытому кустарниками и высокой травой: лошади их там оступались, они падали стремглав в овраг, и многие погибли. Мгновенный ужас распространился в заморском войске. Разнесся слух, что герцог убит: началось бегство. Вильгельм бросился на бегущих и грозно пересек им дорогу; он поражал беглецов своим копьем и, сняв шлем, кричал им: «Я здесь, смотрите на меня, я жив, и, Бог поможет, мы победим».

Всадники возвратились к укреплениям, но не могли ни отбить ворот, ни сделать пролома: тогда герцог прибег к хитрости, чтобы выманить англосаксов из их укреплений и расстроить их ряды: он велел тысячному отряду всадников произвести нападение и удариться в бегство. Видя это беспорядочное отступление, саксы потеряли хладнокровие: они бросились в погоню, повесив на шеи свои топоры. В некотором расстоянии другой отряд, нарочно подготовленный, присоединился к мнимым беглецам, которые тотчас повернули лошадей и со всех сторон встретили ударами копий и мечей нестройно бежавших англосаксов, которым тем труднее было обороняться, что они бились огромными топорами, подымая их обеими руками. В это время был сделан пролом в укреплении: туда ворвались всадники и пешие, и пошла рукопашная схватка. Под Вильгельмом убита лошадь; король Гарольд и оба его брата пали мертвыми к подножию своего знамени, которое было вырвано и заменено хоругвью, присланной из Рима. Остатки англосакского войска, без вождя и без знамени, продолжали борьбу до ночи, так что в темноте сражающиеся обоих войск узнавали друг друга по языку.

Тогда кончилось это отчаянное сопротивление. Товарищи Гарольда рассеялись и большей частью погибли на дорогах от ран и боевого изнурения. Норманнские всадники преследовали их неотступно и никому не давали пощады. Норманны провели ночь на месте битвы. Поутру, с рассветом дня, Вильгельм выстроил свои войска и велел сделать перекличку всем людям, переплывшим с ним море; выкликали по спискам, составленным перед отплытием из стоянки при Сен-Валери. Значительное их число лежало мертвыми и умирающими вместе с побежденными. Счастливцы, оставшиеся в живых, для первой добычи за победу обобрали убитых неприятелей. Перебирая трупы, они нашли между ними тринадцать в монашеских одеждах под воинским вооружением; это были аббат Гиды и двенадцать его монахов. Название их монастыря было внесено первым в черную книгу завоевателей.

Матери и жены воинов, пришедших из окрестностей сражаться и умереть при своем короле, собрались отыскивать и хоронить тела своих родных. Тело короля Гарольда оставалось довольно долго на месте битвы; никто не решался просить о выдаче этого трупа. Наконец Гита, вдова Годвина, превозмогая свою горесть, послала к Вильгельму просить дозволения отдать последнюю почесть ее сыну. Норманнские историки говорят, что она предлагала золота на вес его тела. Но герцог жестко отказал, говоря, что человек, солгавший против своей веры и закона, не стоит другой могилы, как в прибрежном песке. Потом, если верить старинным преданиям, он смягчился на просьбы монахов Вальтгамского аббатства, основанного и обогащенного Гарольдом. Два саксонских монаха, Осгод и Айльрик, посланные аббатом Вальтгамским, просили и получили дозволение похоронить в своей церкви останки их благодетеля. Они пошли к громаде обнаженных мертвых тел, тщательно рассматривали их одно за другим и не могли отличить того, которого искали: так был он обезображен. Не надеясь успеть в своих розысках, они обратились к женщине, которую любил Гарольд еще прежде, нежели был выбран королем, и просили ее принять участие в их печальном труде. Имя ее было Эдифь; ее прозвали Красавица Лебединая Шея. Она согласилась идти за монахами на розыск и нашла труп любимого человека.

Все эти события рассказаны летописцами англосаксонского племени с таким унынием и отчаянием, которые трудно передать. Они называют день этой битвы днем горьким, днем смерти, днем, обагренным кровью храбрых. «Англия, что скажу я о тебе,– восклицает историк Элийской церкви,– что расскажу я следующим поколениям? Что ты лишилась своего народного короля и подпала под власть иностранца, что твои дети бедственно погибли; что твои правители и советники побеждены, ограблены, умерщвлены». Долго спустя после этого бедственного сражения народное суеверие видело следы свежей крови на месте боя; кровавые пятна, говорили, показываются, лишь только дождь смочит землю, на высотах к северо-западу от Гастингса.

Немедленно после своей победы Вильгельм дал обет построить на этом месте монастырь во имя Святой Троицы и святого Мартина, покровителя галльских воинов. Исполнение этого обещания не замедлилось, и главный алтарь нового монастыря был воздвигнут на том самом месте, где стояло и было сокрушено знамя короля Гарольда. Окружность внешних стен была назначена по холму, который храбрейшие из англосаксов устлали своими телами, и вся окрестная местность, на которой происходили ужасы битвы, отдана в собственность этому аббатству, названному по-норманнски аббатством Битвы (Abbatia de Bello). Монахи из большого Мармутиёсского монастыря близ Тура прибыли и основались в новом монастыре для моленья по душам всех убитых в сражении.

Говорят, что когда началась закладка строения, архитекторы убедились в невозможности добыть воды на этом месте и пришли к Вильгельму с этим неприятным известием. «Работайте, работайте,– возразил весело завоеватель,– если Бог продлит мне веку, то у монахов Битвы будет больше вина, чем чистой воды в любом христианском монастыре».

Hist. d. l. conq. d. l’Angeleterre. I, 124–264.

Роберт Васэ

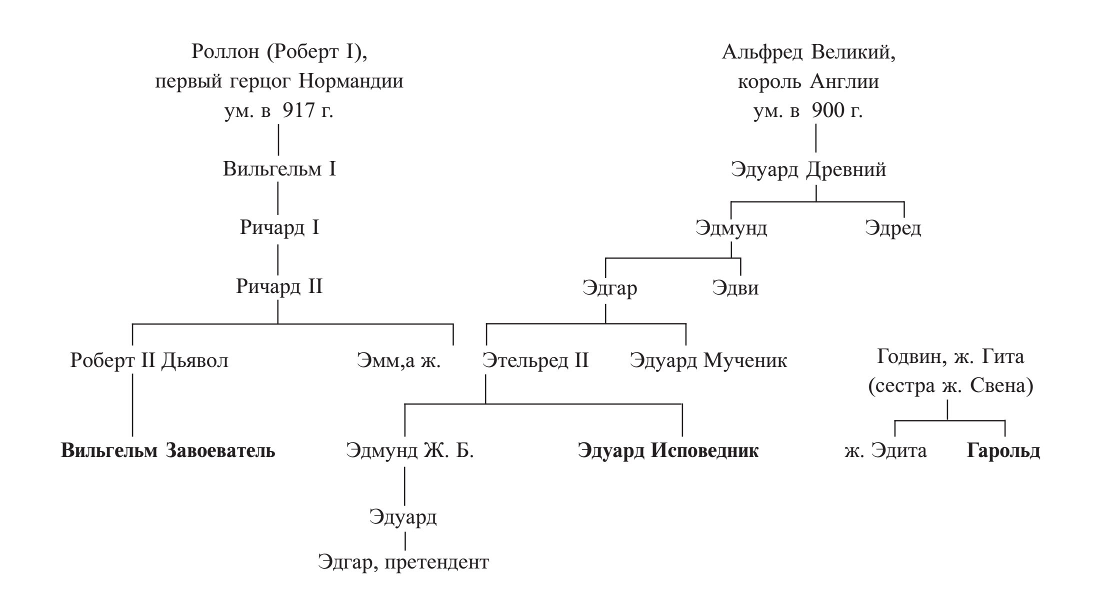
ГАРОЛЬД И ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ. 1066 г. (в 1160 г.)

Анализ содержания всей поэмы нашего автора и рассказы из предыдущего времени см. выше.

Король Эдуард (Исповедник, 1042–1066 гг.) жил счастливо и царствование его было продолжительно; но грустно ему было то, что он ни имел детей, ни близкого родственника[1], который бы мог наследовать его королевство и сохранить его. Он размышлял про себя, кто, в случае его смерти, наследует Англию. Думал он о том и часто говорил, что следует Вильгельму (Нормандскому), его родственнику, лучшему из всей фамилии, наследовать его страну. Роберт, отец герцога, воспитывал его, а сам Вильгельм оказал ему добрую услугу. Всем, что Эдуард имел хорошего в жизни, он обязан тому дому. Какое ни оказывал он расположение другим, но так сильно он не любил ни одного человека. Чтобы почтить таких добрых родных, заботами которых он был воспитан, и вследствие могущества Вильгельма, Эдуард желает сделать его наследником своего королевства. В его земле был сенешаль по имени Гарольд; он был благородный вассал; его мужество и доброта доставили ему в королевстве большую власть; это был человек самый сильный в стране. Он был могуществен своими вассалами и друзьями; Англия находилась на его попечении, как то и вменяется в обязанность сенешалю. По отцу он был англосакс, а по матери датчанин. Гита, его мать, была из Дании и считалась весьма знаменитой дамой: сестра ее была матерью короля Кнуда; мать же Гарольда была женой Годвина, дочь которого вышла за Эдуарда. Гарольд был любимцем своего короля, женатого на его сестре.

Когда умер отец Гарольда, он захотел поехать в Нормандию, чтобы освободить оттуда заложников, которых он очень жалел. Он прощается с королем Эдуардом, но король усиленно отговаривает его, запрещает и молит всем святым не ехать в Нормандию и не вступать в сношение с герцогом Вильгельмом, потому что Вильгельм, как человек весьма хитрый, может легко

[1] Эдуард Исповедник был сын изгнанного датчанами Этельреда II и Эммы, сестры Роберта, герцога Нормандии, следовательно, тетки Вильгельма Завоевателя. Вот таблица, объясняющая родство домов Вильгельма, Эдуарда Исповедника и Гарольда:



Ворота замка с внутренней стороны

запутать его в свои сети. Если же он желает возвратить тех заложников, то должен отправить других послов. Так я читал то в одной летописи; но другая летопись утвердительно говорит, что сам король отправил его к герцогу Вильгельму, своему двоюродному брату, для удостоверения его в том, что он получит королевство Англию, после его смерти.

Я не знаю этого обстоятельства; но в летописях мы находим и то, и другое известие. Во всяком случае, верно одно, что Гарольд отправился в путь, что бы там ни ждало его. Чему быть, того не миновать, и как ни старайся, но, что должно быть, то будет. Гарольд приказал приготовить два корабля, и из Бодгама[1] вышел в море. Не могу вам сказать, кто тут был виноват: тот ли, кто держал руль, или ветер сильно поворачивал, но я хорошо знаю, что дело шло худо; Гарольду пришлось идти на Понтьё (Pontheu), и он не мог ни повернуть назад, ни утаить свою личность. Рыбак той страны, бывавший в Англии и часто видевший Гарольда, заметил его и узнал тотчас по наружности и разговору. Он дал знать о том по секрету Гюи, графу Понтьё, говоря, что доставит ему большую добычу, если он последует за ним; пусть граф даст двадцать ливров, а ему будет случай приобрести сто, потому что он найдет такого пленника, который за выкуп даст ему сто и более ливров. Граф уверил рыбака, что исполнит его желание; и тот, рассчитывая на награду, указывает ему Гарольда. Они ведут пленника в Аббевиль. Гарольд через друзей извещает герцога Нормандского, как он попался в Понтьё, между тем как шел из Англии к нему, но не мог прямо взойти в порт. Он шел к герцогу послом, но сбился с дороги. Граф Понтьё схватил его и без причины посадил в темницу. Гарольд просит освободить его, если то возможно, и обещает сделать все, что герцог ни пожелает. Гюи же смотрел за пленником весьма зорко и отправил его в Борень (Beaurain, город на р. Canche), чтобы отвести дальше от герцога Вильгельма.

Герцог же думал: хорошо бы овладеть Гарольдом, тогда можно будет отлично устроить свое дело. Он обещал и предлагал графу так много, грозил и льстил ему до того, что Гюи выдал Гарольда герцогу в руки. И герцог подарил ему по течению р. Олнь (Eaulne) прекрасное поместье. Вильгельм несколько дней держал у себя Гарольда, как должно, в большой чести; водил его почетно по многим прекрасным турнирам, дарил ему лошадей и оружие и брал с собой в Бретань, когда ему пришлось сражаться с бретонцами. Все это время герцог обходился с ним так хорошо, что Гарольд обещал ему выдать Англию, когда умрет король Эдуард, и, если герцогу угодно, жениться на Адели, дочери его, и подтвердить все то клятвой. Вильгельм согласился на то. Для принятия клятвы герцог созвал парламент (то есть сейм вассалов). Обыкновенно рассказывают, что он в Байё, собрав этот совет, потребовал все мощи и соединил их

[1] Бодгам, деревня близ Чичестера, а в то время порт, весьма часто посещаемый.

в одно место, потом наполнил ими целый чан, приказал покрыть его шелковой материей, чтобы Гарольд ничего не знал и не видел; ему мощей не показали и не говорили о них. Сверху же поставили маленький ковчег с мощами, самый лучший и самый драгоценный, какой только могли найти: я слыхал, этот ковчег называли бычачьим глазом[1]. Когда Гарольд поднял руку вверх, рука задрожала, тело вздрогнуло, но потом он поклялся и обещал утвердительно, что возьмет за себя Адель, дочь герцога, уступит ему Англию и для исполнения того употребит всю свою власть, силу и уменье, если умрет Эдуард, а он сам переживет его; а в том да поможет ему Бог и эти мощи! Некоторые при этом воскликнули: «Пусть Бог дозволит ему исполнить клятву!» Когда Гарольд поцеловал ковчег и приподнялся, герцог подвел его к чану и поставил возле; тогда сняли то покрывало; герцог показывает Гарольду, на каких святых мощах он дал клятву. Гарольд пришел в ужас от тех мощей, которые ему показали.

Когда Гарольд приготовился к возвращению и прощался с герцогом Вильгельмом, последний просил его сохранить в тайне данное слово. Потом, при отъезде, поцеловал его в знак верности и дружбы, соединявшей их. Гарольд счастливо переплыл море и без препятствий прибыл в Англию.

Наступил и тот день, который никого не минует, когда кому нужно умереть; король Эдуард умер (1066 г.). Он хотел передать Вильгельму свое королевство; но Вильгельм находился слишком далеко, а Эдуард не может отложить своей кончины; он страдал такой болезнью, что должен был умереть; он был при смерти и уже ослабел. Гарольд же собрал своих родственников, пригласил друзей и других, вошел в комнату короля и с собой ввел только тех, которые были на его стороне. По наущению Гарольда один англосакс начал говорить так: «Государь, мы в большой скорби, потому что скоро должны лишиться тебя; это приводит нас в ужас, и мы боимся потерять рассудок. Нам невозможно ни продлить твою жизнь, ни переменить твою смерть на другую: каждый должен умереть за себя, один человек не может умереть за другого. Мы не можем спасти тебя от смерти, и ты не можешь ее избежать; прах должен обратиться в прах. Нам не остается после тебя никакого наследника, который поддержал бы нас. Ты уже стар; жил ты долго, но не имел детей, ни сына или дочери, ни другого преемника, который мог бы заменить тебя, который охранял бы и поддерживал нас, и сделался королем по наследству. По всей стране англы плачут и вопят, что не станет тебя, и все мы погибли; они не надеятся более на мир, и я полагаю, что они правы: потому что без короля нам мир невозможен, а короля мы можем иметь только от тебя. Отдай при жизни свое королевство тому, который утвердил бы мир и после тебя. Не допусти, Боже, и избавь нас иметь короля, который нам не дал бы мира. Худо то королевство и малого стоит оно, когда в нем нет ни правды, ни мира... Вот перед тобой лучшие люди из твоего королевства, лучшие из твоих друзей; они все пришли просить тебя, и ты, конечно, должен исполнить их просьбу. Мы с прискорбием видим, что ты так скоро оставляешь нас, и утешаемся только мыслью, что идешь к Богу. Сюда же все собрались сегодня просить тебя, чтобы Гарольд был королем нашей страны. Мы не можем лучшего тебе советовать, а ты не можешь лучше поступить». Едва произнесено было имя Гарольда, как во всеуслышание закричали англы, что он хорошо говорил и хорошо сказал, и король должен быть уверен в том: «Государь,– говорят они,– если ты не сделаешь того, мы в продолжение всей своей жизни не будем больше иметь мира». Тогда король сел на своей постели и повернулся к англам: «Господа,– сказал он,– что я отдал свое королевство после смерти своей герцогу Нормандскому, вы знаете то хорошо: но ни один из вас не утвердил того клятвой».– «Хотя это и сделано тобой, государь,– отвечал стоявший Гарольд,– но мне предоставь быть королем, и пусть твоя земля будет моей».– «Гарольд,– сказал король,– ты получишь

[1] Судя по словам поэта, этот ковчег имел форму наших овальных бонбоньерок. Герцог подлавливал своего гостя и хотел заставить его думать, что он дает клятву над небольшим количеством мощей.

желаемое, но хорошо знаю, что ты погибнешь; мне известен герцог, его бароны и великое число воинов, которых он может поставить: никто, кроме Бога, не будет в состоянии защитить тебя от него». Гарольд отвечал: что бы ни говорил король, он исполнит свое дело и не страшится ни норманна, ни кого другого. Тогда король повернулся и сказал (не знаю, от чистого ли сердца): «Теперь пусть англы сделают королем герцога или Гарольда, или кого-нибудь другого; я согласен на все».

Le roman de Rou et des ducs de Normandie.

Симеон Дургамский

О ПРИЧИНЕ ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ НОРМАННАМИ. 1066 г. (в 1130 г.)

Для того чтобы понять первоначальную причину, вследствие которой Вильгельм пошел на Англию войной, необходимо привести вкратце предшествовавшее тому. Когда произошел большой разрыв между королем Эдуардом и графом Годвином, граф был изгнан из Англии со всеми своими приверженцами. Хотя со временем он снискал милость короля, однако последний никаким образом не хотел согласиться на его возвращение в отечество, если тот не даст ему заложников. Вследствие того граф выдал заложниками Влнота (Ульфнота), своего сына, и Гака, своего внука от сына Свана, которые и были препровождены для надзора в Нормандию к графу Вильгельму, побочному (bastard) сыну Роберта, сына Ричарда и брата матери Эдуарда. Спустя несколько времени после смерти графа Годвина Гарольд, сын его, испросил у короля позволение отправиться в Нормандию, чтобы освободить брата и племянника, которые были там заложниками и по освобождении возвратить их в отечество. Ему король на это отвечал: «Пусть это сделается помимо меня; однако ж, чтобы не думали, будто я хочу препятствовать тебе, я позволяю, иди, куда угодно, и сделай все, что можешь; но я предчувствую, что ты стремишься ни к чему иному, как нанести вред всему английскому государству, а себе бесчестье. Я не думаю, чтобы такой умный граф, каким я знаю Вильгельма, захотел отпустить тебе их, не извлекая для себя из того великой пользы». Гарольд сел на корабль, который со всем, что было на нем, был выброшен сильной бурей в устье р. Понтьё (Pontivus), которая называется также Майя, и по местному обычаю владетель той страны объявил его своим пленником. Таким образом, Гарольд, попав в неволю, подкупил обещанием награды какого-то простолюдина и тайно отправил его к герцогу Нормандии, чтобы известить о случившемся с ним. Последний, услышав то, немедленно шлет послов к владетелю Понтьё с требованием как можно скорее освободить Гарольда со всеми его людьми, не нанося ему никакого бесчестья, если он желает сохранить прежнюю его дружбу; но тот не захотел отпустить Гарольда и получил от Вильгельма вторичное требование с угрозой, что в противном случае Вильгельм, герцог Нормандский, для освобождения пленника пойдет войной на Понтьё вместе со своими вассалами. Устрашенный такими угрозами, владетель Понтьё отпускает Гарольда с его свитой, а Вильгельм делает ему почетный прием, и, выслушав, с какой

СИМЕОН ДУРГАМСКИЙ (SIMEON DUNELMENSIS MONACHUS, ум. после 1130 г.). Жил, как видно из его прозвания, далеко от сцены действия (Дургам лежал в Англии, близ Ньюкстля) и писал лет 60 спустя после завоевания Англии, но он пользовался хорошими источниками для ближайшего к нему времени и подробнее остановился на 66-м г. XI в. Его «История о королях англов и данов» начинается с 616 г. и доходит до 1129 г.

Издания: Monum. Hist. Britann. I, 645 с. и след.

целью он прибыл, отвечает, что он сделает со своей стороны все, что от него зависит. Вильгельм продержал Гарольда несколько дней у себя и был к нему весьма внимателен и любезен, чтобы таким образом завлечь гостя в свои планы. Наконец, он открыл ему, что у него было на уме, говоря, что король Эдуард еще юношей жил в Нормандии и обещал ему клятвенно, если получит корону Англии, передать ее ему после себя по наследственному праву. К этому он прибавил: «Если ты торжественно пообещаешь мне помогать в этом деле и кроме того построишь для меня в Дувре (Dofra) крепость с колодцем, доставишь ко мне свою сестру во всякое время, когда мне будет угодно выдать ее замуж за одного из моих князей, и дашь слово жениться на моей дочери, в таком только случае ты получишь теперь же своего племянника, а после, когда я явлюсь в Англию для получения престола, и своего брата. Если я при твоей помощи успею там утвердиться, то обещаю, что ты будешь иметь все, чего бы разумно ни попросил от меня». Гарольд чувствовал всю свою опасность и не мог выйти из нее иначе, как согласившись во всем с волей Вильгельма, а потому он согласился. Вильгельм, принеся мощи святых, заставил Гарольда дать клятву над ними, что он исполнит все вышесказанное, на что они согласились. После того, получив племянника, Гарольд возвратился в отечество. Когда он рассказал королю обо всем, что с ним случилось и что он вытерпел, тогда король сказал: «Не говорил ли я тебе, что я знаю Вильгельма и что твое путешествие принесет весьма много бедствий для нашего государства? Я предчувствую, что оно навлечет на наш народ великие бедствия, и да не попустит Всевышний, чтобы они начались в мои дни». Спустя немного времени после того король Эдуард умер, и при этом сам перед смертью постановил, чтобы его преемником был Гарольд. Вильгельм объявил ему, что хотя он вероломно нарушил прочие условия, но если возьмет его дочь в супружество, то он не обратит на то внимания; в противном же случае угрожал с оружием в руках требовать обещанного ему королевского достоинства. А Гарольд ответил, что он требования его исполнить не желает, а угроз не боится. Вильгельм пришел в негодование; такая несправедливость Гарольда воодушевила его полной надеждой на месть. Таким образом, он, снарядив немалый флот из 900 судов, отправился в Англию. После жестокой битвы, во время которой пал Гарольд, победитель Вильгельм овладел государством.

Historia de regibus Anglorum et Danorum.

Вильгельм Поатье

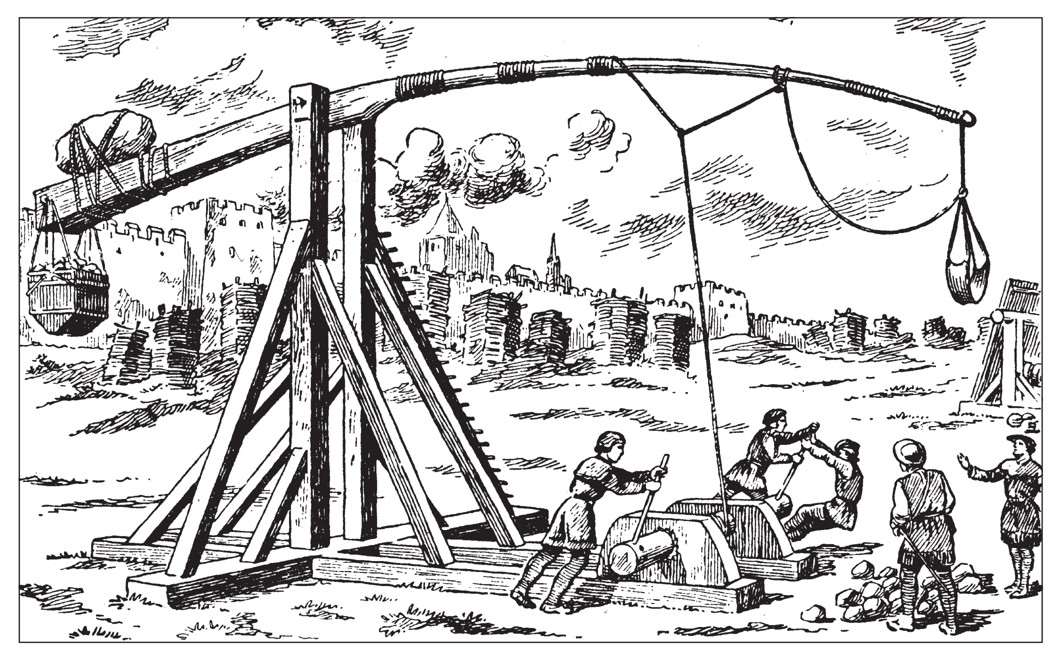
ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПОХОДУ И ОТПЛЫТИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА В АНГЛИЮ. 1066 г. (в 1090 г.)

Внезапно узнали у нас (в Нормандии) наверное, что Англия лишилась своего короля Эдуарда и что Гарольд овладел его короной. Прежде нежели народ, погруженный в печаль, решил вопрос о наследстве избранием, в тот самый день, когда погребали короля, этот жестокий англосакс, этот изменник, провозглашенный несколькими друзьями, овладел троном, и Стиганд (архиепископ Канторберийский), лишенный священного звания анафемой Папы[1], ложно помазал его, Вильгельм посоветовался со своими приближенными и решил отомстить оружием наза несенную ему обиду; несмотря на противоречие некоторых, считавших такое предприятие весьма трудным и превышающим силы Нормандии, он решился возвратить силой наследство, которого его лишили.

Было бы длинно говорить, каким образом устраивали и вооружали корабли, снабдили их съестными припасами и всем необ-

---

[1] Национальное духовенство в Англии и его глава Стиганд оказывали мало повиновения Риму, и потому папы всеми силами поддерживали норманнов против англосаксов, как в VI в. они поощряли англосаксов против непокорных бриттских епископов.



Фрондибола готовится перебросить в осажденный город свой «снаряд»

ходимым для войны и какое усердие выказали норманны, делая все эти приготовления. Вильгельм, со своей стороны, употребил все свои старания, чтобы обеспечить управление и безопасность Нормандии на время своего отсутствия. Его войско увеличилось большим числом рыцарей, привлеченных молвой о щедрости герцога и справедливости его дела. Он запретил грабеж и на свой счет содержал 50 000 воинов и рыцарей в продолжение целого месяца, когда он задержан был ветрами в устье р. Дивы; взял на свой счет все содержание армии и не дозволял ничего отнимать у жителей. Стада крестьян продолжали пастись в полях с такой безопасностью, как будто бы эти поля были священными; жатвы, пощаженные гордым презрением рыцарей, ожидали серпа жнецов. Слабый и безоружный человек свободно путешествовал, распевая, на своей лошади и без страха смотрел на вооруженные толпы.

Тогда на престоле св. Петра в Риме находился Папа Александр (II), вполне достойный и покорности, и послушания Католической церкви, потому что его советы всегда были справедливы и полезны. Герцог просил у Папы его покровительства; и когда он известил его о своих приготовлениях к походу, Папа дал ему знамя и благословение св. Петра, чтобы он напал на своего врага с полной уверенностью...

КАПЕЛЛАН ВИЛЬГЕЛЬМ ПОАТЬЕ (GUILELMUS PICTAVIENSIS, CAPELLANUS). Родом из Поатье, служил в капелле, то есть в канцелярии самого Вильгельма Завоевателя и принадлежал к числу образованнейших людей того времени: написанная им книга «Деяния Вильгельма II, герцога норманнов, первого короля англов» считается одним из лучших исторических произведений Средних веков. Понятно, что автор был ревностный приверженец Вильгельма Завоевателя.

Издания: *Duchesne.* Scr. histor. Norum., с. 178–213. Переводы: у Гизо, Collect. XXIX, с. 326–439.

Наконец, целый флот, собранный с такими стараниями, оставил устье р. Дивы и соседние гавани, где он так долго ожидал попутного ветра, и направился к Сан-Валери. Ни замедление, причиненное ветрами, ни крушения, ни дезертирство трусов, клявшихся ему в верности, не могли поколебать герцога; совершенно уверенный в успехе, он положился на Божественное покровительство и Ему воссылал свои обеты, свои молитвы и свои жертвы. Желая благоразумием победить бедствия, он скрыл, по возможности, смерть тех, которые погибли во время бурь, приказав тайно похоронить их, а нужды других облегчить, увеличивая раздачу съестных припасов. Он умел всегда своими речами ободрить отчаивавшихся и боязливых. Задерживаемый беспрестанно противными ветрами, Вильгельм умолял небо послать ему попутный ветер и приказал вынести из церкви тело блаженного Валерия, возлюбленного Богом. Все его войско присутствовало при этой религиозной церемонии. Наконец так долго ожидаемый ветер подул, и все голосом и движением руки возблагодарили небо и, ободряя друг друга, шумно и поспешно оставили землю и усердно приготовлялись начать свое опасное плавание. В этой толкотне один кричал своего вассала, другой – товарища, большая же часть, забыв вассалов, товарищей и все, что для них может быть необходимо, думали только как можно скорее отправиться, чтобы не остаться на берегу. Герцог, более других торопясь, ободряет и укоряет тех, которые наименее торопятся. Опасаясь, чтобы они не пристали прежде известного дня к берегу и в неприятельский или малоизвестный порт, Вильгельм через глашатая отдал распоряжение, чтобы корабли, когда они будут в открытом море, останавливались ночью и бросали якорь, пока не увидят знака на его мачте; тогда звук трубы даст сигнал к отъезду... Ночью после стоянки корабли подняли якорь. Корабль, на котором был герцог, с большой ревностью стремясь к победе, тотчас, вследствие своей быстроты, опередил остальной флот, отвечая скоростью хода нетерпению своего вождя. При появлении солнца гребец получил приказание посмотреть с вершины мачты, не идут ли прочие корабли; но он отвечал, что ничего не видно, кроме неба и моря. Герцог приказал тогда бросить якорь; а чтобы его люди не предались страху и печали, с бодростью и веселостью, как бы в зале своего дворца, сел за обильный стол, где не было недостатка в вине, и уверял, что скоро остальной флот, сопровождаемый рукой Божией, под покровительством которой он находится, присоединится к ним. Посмотрев в другой раз, гребец сказал, что видит четыре корабля; в третий же раз возвестил, что их идет такое множество, что бесчисленные и сближенные между собой мачты казались лесом. Пусть всякий сам догадается, в какую радость обратилась надежда герцога и как он от глубины сердца возблагодарил Бога за его благость. С помощью попутного ветра флот беспрепятственно вошел в порт Певенсей (близ Гастингса, 28 сентября 1066 г.).

Gesta Guilelmi II, ducis Normannorum, regis Anglorum, I.

Матвей Парижский

ВИЛЬГЕЛЬМ I, КОРОЛЬ АНГЛИИ. 1066–1087 гг. (в 1259 г.)

В начале своей хронографии, или описания времен минувших, я намерен прежде всего дать ответ тем завистливым порицателям, которые считают мой труд бесполезным; потом я объяснюсь и изложу кратко свои основания перед теми, которых благосклонность послужила для меня побудительной причиной к этому труду. Дурные люди говорят: «Какая надобность записывать жизнь и смерть людей, а также различные события, происходившие в мире? Зачем доводить до сведения потомства и упрочивать в его памяти столько удивительных событий?» Пусть же узнают они, что ответит им на это мудрец: «Природа вложила в душу каждого человека стремление познавать. Без познания, без воспоминания

обо всем случившемся до него человек доходит до тупости, составляющей удел бессловесных. Его существование походит на положение человека, заживо зарытого в землю. И если вы станете забывать и презирать тех, которые умерли в древние и давно минувшие времена, то кто вспомнит о вас самих? Память праведного не погибнет, имя праведного будет вечно возноситься к небу, сопровождаемое благословением всех; тогда как имя нечестивого сопутствуется проклятиями и укоризной». Жизнь, избегающая примера злых людей и направленная всецело по следам добрых – историю которых я преимущественно намерен изложить,– вот счастливый результат книг и верное изображение обязанностей человека. Этими побуждениями руководился законодатель Моисей, хотя у него были и другие, когда в ветхозаветных книгах прославил невинность Авеля, зависть Каина, ум Иакова, беспечность Исава, терпение Иова, коварство одиннадцати сыновей Израиля, доброту двенадцатого, то есть Иосифа, казнь пяти городов, покаяние ниневитян; и посредством письма он увековечил те лица и события в памяти потомства. Моисей хотел внушить стремление к подражанию добрым, а также объяснить опасность увеличения примером злых людей. Святые евангелисты и священные писатели, каковы: иудейский историк Иосиф, Киприан, епископ Карфагенский и мученик, Евсевий Кесарийский, Иероним, пресвитер Сульпиций, Север, Фортунат, Бэда преподобный и Проспер Аквитанский, описывая дела Божии и рассказывая события из языческой истории, очевидно, стремились к той же цели. Из новейших – Мариан Скот, монах Фульдский, Сигисберт, монах Гемблахский и многие другие глубокомысленные писатели были в то же время правдивыми летописцами. Что же касается до нас, то мы намерены начать свою хронику Англии рассказом о прибытии в нее Вильгельма, герцога Нормандского, когда тот, будучи оскорблен Гарольдом, вероломным королем англов, вызвал его на борьбу, а впоследствии свергнул с престола. Я расскажу читателям коротко, как произошло это событие.

Во время одной морской поездки Гарольд, еще юноша, но уже стремившийся к английской короне, весело пустился в открытое море, как противный ветер сбил его с пути, отбросив к берегам провинции Понтьё, тогда как он рассчитывал пристать к Фландрии. Граф Понтьё захватил его и выдал Вильгельму, герцогу Нормандскому. Гарольд стал утверждать, что он имел твердое намерение прибыть в Нормандию с той целью, чтобы сблизиться с герцогом ее и получить руку его дочери. Он обязался даже присягой, данной им на мощах многих святых, в назначенный срок выполнить с точ-

---

МАТВЕЙ ПАРИЖСКИЙ (MATTHAEUS PARIS, BENEDICTINUS MONACHUS ST. ALBANI. Начало XIII в. – 1259). Его происхождение неизвестно; само прозвание Парижский, по обычаю того времени, могло явиться вследствие того, что он получил воспитание в школах Парижа. В молодости своей автор делается известным прямо как монах С. Альбанса (на севере от Лондона, где было римское укрепление Верулам), монастыря, славившегося ученостью членов своей общины. «Великая история Англии, или Хроника от 1066 до 1259 г.» не есть труд исключительно Матвея Парижского, а носит только его фирму; вся первая его часть, от 1066 г. до 1240 г. была написана его предшественником Рогером из Вендовера (местечко в Нормандии), монахом того же монастыря, и только последние 20 лет принадлежат Матвею. Достоинство этого труда было оценено еще в Средние века, когда уже его называли «Золотой книгой». О подробностях жизни авторов и значении их «Великой истории Англии» см. выше.

Последнее лучшее издание было сделано в Лондоне Уатсом (Wats) в 1684 г. Переводы: англ. *Giles.* Roger of Wendower flowers of the history. Lond. 1849. 2 vol.; франц. Huillard-Bréholles. Par. 1840–1841. 9 vol. Исследование: Pauli в продолжении Лаппенберга истории Англии, III, 881; и герцог de Luynes в обширном предисловии к французскому переводу хроники.

ностью свое обещание. С ним обходились тем с большей почтительностью, чем неожиданнее был его приезд, так как до сих пор Вильгельм и Гарольд были в открытой вражде между собой. Сверх того, он дал клятву, что после смерти короля Эдуарда, уже старца и бездетного, передаст королевство Англию герцогу Нормандскому, имевшему на нее право. По истечении нескольких торжественно проведенных дней Гарольд, наделенный богатыми подарками, возвратился в Англию. Но видя себя в безопасности, он стал хвастаться тем, что ускользнул посредством ловкого обмана от ловушки своего врага. Между тем наступила пора, когда нужно было сдержать все свои обещания; но Гарольд не обратил на то внимания и ничего не сделал из того, что обещал. Тогда герцог отправил к нему торжественное посольство, требуя от него отчета в его поведении по отношению к нему; но высокомерный и лживый Гарольд торжественно отвергнул то, в чем прежде клятвенно уверял, грубо обошелся с послами, велел изувечить их лошадей, на которых они приехали,– и затем отпустил обратно. Итак, герцог имел справедливые основания принять этот поступок за вызов и призвал к отмщению за эту кровавую обиду короля Франции (Филиппа I), всех своих родных, друзей и соседей. Сокрушив наперед власть Гарольда, Вильгельм, с Божией помощью, скоро достиг завоевания всей Англии, как то видно будет из дальнейшего рассказа.

В 1066 г. от Рождества Христова, в пятую ферию[1] накануне Крещения Господа нашего, слава Англии король Эдуард Миролюбивый, сын короля Этельреда, после двадцатичетырехлетнего царствования, переменил временное царство на Царство Небесное. Тело скончавшегося святого короля на следующий день было предано земле близ Лондона в построенной им, по новому архитектурному плану, церкви, послужившей моделью для большей части тех церквей, на сооружение которых впоследствии потрачены были огромные суммы и которые возвысились до соперничества с нею. Со смертью Эдуарда пресеклась королевская линия в Англии. Начавшись Цердиком I, королем Весекса, она не прерывалась в продолжение 560 лет, если исключить из нее нескольких королей из Дании, которые были посланы Богом на народ англов за их грехи. После смерти благочестивейшего короля Эдуарда, закончившего собой королевский род в Англии, вельможи недоумевали, кого избрать государем и вождем. Одни склонялись на сторону Вильгельма, герцога Нормандского; другие требовали Гарольда, сына Годвина, были и такие, которые стояли за Эдгара, сына Эдуарда; потому что король Эдмунд Железный Бок, хотя и побочный, но королевской крови, был отцом Эдуарда, отца Эдгара (см. родословную табл., выше). Эдгару принадлежало право на английскую корону. Но Гарольд, как человек ловкий и хитрый, понял, что ему незачем мешкать, когда представляется хороший случай, и потому в день Богоявления, который был также днем похорон Эдуарда, он выманил у вельмож клятву на верность себе и, заняв трон, возложил на себя без церковного благословения корону: это служило довершением его несправедливости, и он навлек на себя гнев Папы Александра (II) и всех английских прелатов. Этот же самый Гарольд победил другого Гарольда, короля Норвежского, приходившего воевать с ним на 1000 кораблях и, упоенный победой, стал угнетать своих подданных. Скоро из короля он превратился в тирана и нимало не заботился о выполнении клятвы, данной герцогу Нормандскому. Смерть дочери Вильгельма, которая была помолвлена за него, еще более увеличила его опасность; он знал сверх того, что Вильгельм был занят войной с соседними герцогами, и потому рассчитывал, что за его угрозами никогда не последует дела. Что же касается до вынужденной у него клятвы, то, по его словам, она не имела ровно никакого значения; потому что невозможно же было, в самом деле, отдавать королевство другому, когда сам Эдуард был еще жив, равно как нельзя было, без согласия короля, завещать его в чью бы то ни было пользу. Впрочем, Вильгельм и Гарольд ду-

---

[1] Фериями назывались дни недели: первая ферия – воскресенье, вторая – понедельник и т. д. Следовательно, пятая ферия – четверг.

мали об этом неодинаково. В самом деле, лишь только Вильгельм узнал, что Гарольд увенчался диадемой, как немедленно отправил к нему посольство, с кротким упреком за то, что он пренебрегает своей клятвой; к этому он присоединил обещание, вместе с угрозой, явиться лично к Гарольду и потребовать у него удовлетворения. Гарольд отправил к герцогу свой ответ через его же послов: в нем заключался отказ. Возвратившись после неудачной попытки в отечество, послы явились к герцогу Вильгельму и донесли ему следующее: «Гарольд, король англов, доводит до вашего сведения, что, будучи заброшен помимо собственной воли на ваши берега, он действительно обручился в Нормандии с одной из ваших дочерей, а вам поклялся передать королевство Англию; но он уверен также в том, что никто не обязан соблюдать вынужденную у него силой присягу. Ибо, если следует считать ничтожным обещание и даже добровольное обязательство молодой девицы, которая, живя в отцовском доме, распорядится собой без согласия своих родителей, то не гораздо ли основательнее – так казалось, по крайней мере, Гарольду – считать пустой и недействительной присягу, данную им вследствие насилия и без ведома короля, под властью которого присягавший находился? Сверх того, он обвиняет себя в поспешности, которая была причиной того, что он, не дождавшись согласия народа, обещал вам наследство в государстве, которое не принадлежало ему. Наконец,– заключает он,– несправедливо было бы ему отказываться от власти, которая признана за ним единодушным голосом вельмож государства».

Вильгельм, герцог Нормандии, выслушав ответ послов, пришел в сильное негодование; но чтобы не делать ничего легкомысленно и не лишить законности своего дела, он отправил послов к Папе Александру, прося его утвердить своим апостольским авторитетом задуманное им завоевание. Папа, подвергнув исследованию права обоих претендентов, послал Вильгельму знамя, как предвестие победы. По получении этого Вильгельм собрал в Лилльбоне баронов и выспросил у каждого из них порознь мнение касательно настоящей экспедиции. Все они обязались действовать с усердием, надавали герцогу много обещаний и уговорились между собой, разойдясь теперь, вновь собраться с лошадьми и оружием в августе, около гавани св. Валерия, для того, чтобы выйти оттуда в открытое море. Хотя в назначенный срок они действительно прибыли туда, но принуждены были выждать там благоприятного ветра для переправы в Англию. Чтобы получить такой ветер, герцог приказал открыть и провести по лагерю тело св. Валерия. Вдруг ветер, так давно желаемый, раздул паруса; после завтрака все взошли на корабли и, быстро несомые ветром, пристали к Гастингсу. Выходя из своего судна, король споткнулся; но стоявший при нем вассал обратил это падение в счастливое предзнаменование. «Герцог! – воскликнул он.– Вы держали землю англов, и будете ее королем». После высадки Вильгельм, желая отвлечь свою армию от грабежа, сказал ей: «Пощадите то, что в скором времени будет принадлежать вам». В течение следующих пятнадцати дней герцог был так спокоен, как будто мысль о войне всего менее занимала его. Вся его заботливость ограничилась сооружением замка на месте самой высадки.

Гарольд возвращался с сражения с норвежцами в то время, когда до него дошла весть о прибытии Вильгельма. Он немедленно поспешил к Гастингсу в сопровождении весьма незначительного военного отряда, так как за исключением небольшой армии, набранной из наемных солдат и провинциальных новобранцев, у него было такое ничтожное число настоящих военных людей, что пришельцы могли без труда разбить его. Тогда Гарольд выслал вперед соглядатаев с поручением разведать о числе и силе неприятельского войска. Они были схвачены в лагере Вильгельма, но этот, предложив им обозреть свою армию, сделал им великолепное угощение и отослал их целыми и невредимыми к своему вождю. Когда они возвратились к Гарольду, он немедленно спросил их, что нового принесли они? Соглядатаи не могли вдоволь наговориться о благородной доверчивости Вильгельма, потом ста-

ли серьезно утверждать, что солдаты его армии похожи с виду на священников, так как у них были выбриты борода и усы. Гарольд улыбнулся, видя наивность рассказчиков. «Это не священники,– сказал он,– а храбрые и непобедимые в сражениях воины». На это брат его, Гурт, еще молодой, но уже обладавший мужеством и благоразумием, возразил ему следующее: «Если ты сам восхищаешься храбростью нормандцев, то не безрассудно ли тебе вступать в бой с ними, когда притом на твоей стороне нет ни силы военной, ни права? Ты не можешь отрицать того, что добровольно ли или по принуждению, но ты дал клятву Вильгельму: и так ты поступишь благоразумнее, если, при столь опасных обстоятельствах, не доведешь себя до бегства или смерти, с пятном клятвопреступника. Для нас же, не дававших ни в чем клятвы, война – дело совершенно законное, потому что мы защищаем свою страну. Итак, предоставь нам одним сражаться. Если мы отступим, подавленные неприятельской силой, ты будешь в состоянии поправить дело, а если нам придется умереть, ты отомстишь за нас». Но безрассудный Гарольд не внял этим речам. «Я бы опозорил всю свою прошедшую жизнь, – говорил он, – если бы обратил тыл перед каким бы то ни было врагом».

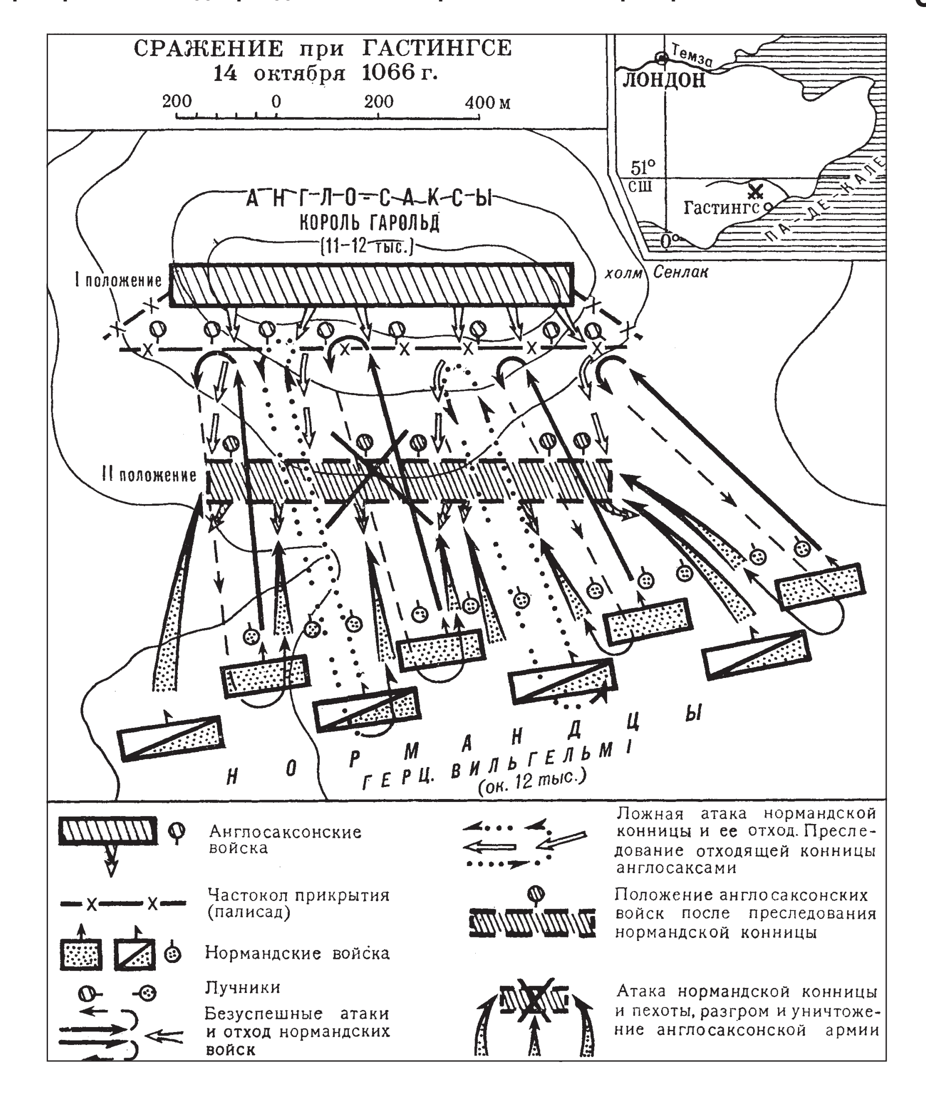
Когда братья вели между собой этот разговор, к ним явился монах, посланный Вильгельмом. Ему поручено было предложить на выбор Гарольду одно из следующих трех предложений: или, согласно с данной им клятвой, отказаться от своего достоинства в пользу Вильгельма, или владеть своим королевством в качестве вассала герцога, или, наконец, в присутствии обеих армий, решить дело поединком. У Гарольда насупились брови при таких речах посла Вильгельма, и он не мог удержаться, чтобы не ответить ему дерзко и с гневом отпустить назад; но Гарольд сказал только, что Бог рассудит между ним и Вильгельмом. На это монах заметил ему с твердостью, что, так как он упорствует в своем отрицании прав Вильгельма, то Вильгельм готов доказать их или посредством суда святого апостольского престола, или битвы, в случае, если ему то будет более угодно. Не взирая на все доводы монаха, Гарольд оставался при своем первом ответе. После этого нормандцы были одушевлены единственно стремлением к бою.

Напоследок с обеих сторон сделаны были все к тому приготовления. Англы провели целую ночь среди песен и попойки. Поутру – еще пьяные – они бестрепетно выступили навстречу неприятелю. Пешие, вооруженные своими обоюдоострыми топорами и сблизив щиты, они образовали непроницательную стену. При таком построении они могли бы хорошо защищаться в этот день, если бы нормандцы, предавшись, по своему обыкновению, притворному бегству, тем самым не разъединили ту плотную массу. Гарольд – также пеший – стоял вместе с братьями у своего знамени, чтобы при этой общей и равной для всех опасности никому не могла прийти в голову мысль о бегстве. Напротив, нормандцы посвятили всю ночь на исповедание своих грехов, а поутру укрепились принятием тела и крови Спасителя. Став твердо, они выжидали неприятельского нападения. Вильгельм вооружил свой передовой отряд, составленный из пехотинцев, луками и дротиками; всадники, расположенные двумя крыльями, шли за ними. Герцог с сияющим лицом громко возгласил, что Бог будет благоприятствовать его делу, как совершенно правому. Когда он потребовал свое вооружение, то прислуживавшие, второпях, надели ему кирасу задом наперед; поправив ее, он заметил с улыбкой: «Так своим мужеством вы обернете мое герцогство в королевство». Чтобы воспламенить сердца своих воинов, он запел песнь о Роланде, и вслед за тем при криках: «Боже, помоги!» – началась борьба. Бились с остервенением, потому что обе стороны одинаково не хотели уступить, а между тем день был уже на исходе. Вдруг показался Вильгельм и дал своим войскам сигнал к мнимому бегству. При виде того англы расстроили свои плотные ряды и быстро погнались за бежавшими в той уверенности, что без труда истребят их. Между тем нормандцы, оборотившись против неприятеля, напали на него и, в свою очередь, заставили бежать англов. Но те успели занять возвышение, и тогда как нор-

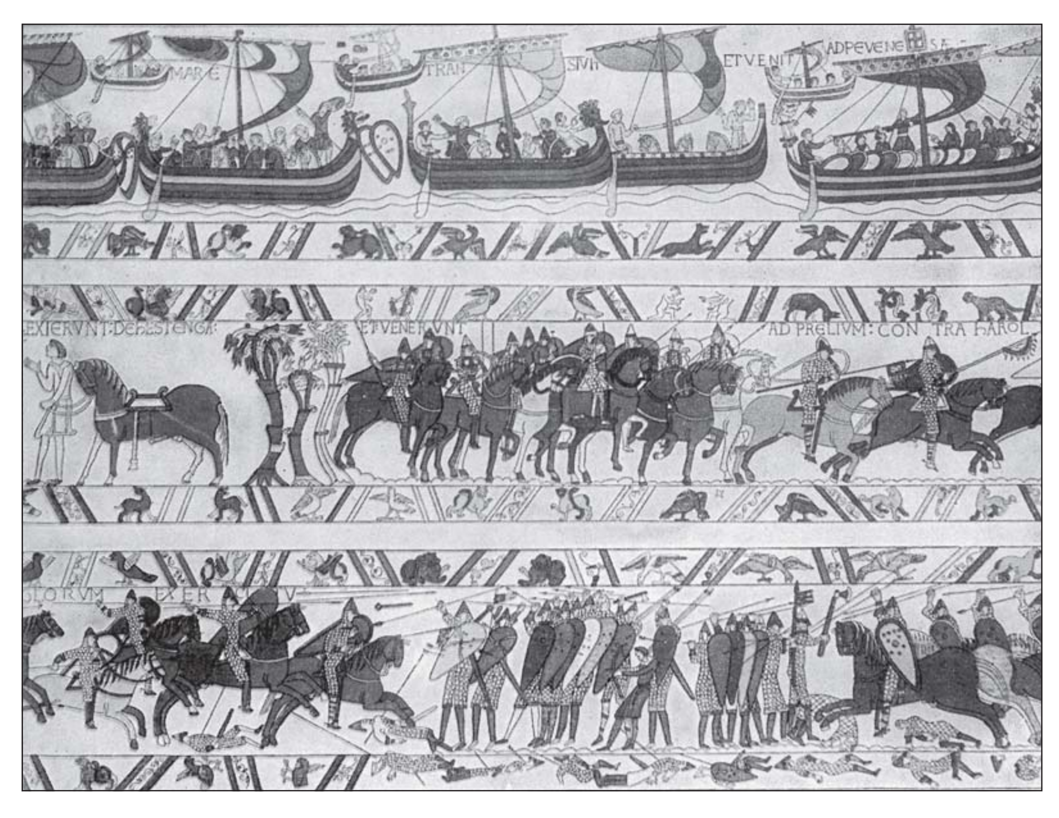
мандцы, утомленные жарой, упорно взбирались на него, англы опрокидывали их по скалистому отвесу, неутомимо пускали в них же стрелы, бросали в них каменьями и произвели ужасное опустошение. Окопы, весьма удобные для защиты, были захвачены англами, и при этом они перерезали столько норманнов, что яма, заваленная их трупами, была в уровень с краями. Впрочем, победа не склонялась решительно ни на ту, ни на другую сторону, до тех пор, пока у Гарольда не разлучилась душа с телом. Этот последний, мало того, что одушевлял свои войска: он отлично исполнял службу простого воина. Ни один неприятель не мог безнаказанно подойти к нему на близкое расстояние; того, который осмеливался на то, он убивал, не разбирая, был ли он пеший или конный. Что же касается Вильгельма, то он ободрял воинов своими речами, подбегал к первым рядам и пускался в самую свалку. В тот день, когда он – раздраженный и со стиснутыми зубами – носился по всему полю битвы, под ним убиты были одна за другой три лучшие лошади. Те, которые оберегали его, напрасно просили его умерить свой пыл, но его великодушное мужество было неутомимо; наконец Гарольд, раненный стрелой в голову, пал на поле сражения и тем доставил победу нормандцам. Когда он, распростертый, лежал на земле, один нормандец нанес ему мечом удар в бедро: за этот низкий поступок Вильгельм опозорил этого человека, исключив его из числа вассалов. Поражение англов продолжалось до самой ночи. При наступлении ее нормандцы, как мы уже сказали, могли считать себя победителями. Нет никакого сомнения, что во время этой битвы Вильгельму покровительствовал промысел Божий: это можно видеть из того уже, что, испытав в тот день столько опасностей, он не потерял ни одной капли крови. Достигнув такого счастливого конца, Вильгельм похоронил с честью своих убитых, предоставив и врагам полную свободу совершить тот же обряд над своими павшими. Когда мать Гарольда просила у Вильгельма тело своего сына, он отдал ей без выкупа, несмотря на то, что она предлагала ему весьма значительную сумму денег. Труп Гарольда похоронили в аббатстве Вальтам, которое он построил на собственный счет во славу св. Креста и поместил там каноников. День, который изменил всю поверхность Англии и в который пролилось так много крови, был предзнаменован появившейся в начале этого года большой кометой, кровавого цвета и с длинным хвостом. Роковое предвестие, как о нем выразился один писатель: «Тысяча шестьдесят шестого года земля англов почувствовала на себе огонь кометы».

Сражение произошло при Гастингсе в день св. Каликста, Папы, накануне октябрьских ид (14 октября).

В 1067 г. после Рождества Христова Вильгельм, герцог Нормандии, вступил в Лондон среди восторгов духовенства и народа, а также радостных криков приветствовавшей его толпы. В праздник Рождества нашего Спасителя архиепископ Йоркский Эльдред возложил на него корону. Он не хотел, чтобы коронование его совершил архиепископ Канторберийский Стиганд, потому что этот последний незаконно присвоил себе высокий сан. Затем он получил вассальную присягу и клятву на верность от баронов; наконец, взяв заложников, он мог считать себя уже упроченным на своем троне и грозным для всех тех, которые имели притязания на верховную власть. Овладев городами и замками и поставив в них своих правителей, Вильгельм, обремененный заложниками и несметными сокровищами, отплыл в Нормандию. Заложники и сокровища были заключены в крепости и отданы под бдительный надзор. Потом он снова возвратился в Англию с той целью, чтобы наградить своих нормандских сподвижников, содействовавших ему на полях Гастингса завоевать всю страну, и разделил между ними земли и владения, отнятые у англов, незначительная часть которых, оставшаяся еще в живых, была осуждена на вечное рабство. Этот дележ раздражил дворянство страны. Поэтому одни из числа его стали искать убежища у короля Шотландского Малькольма, а другие, заняв пустыни и леса и ведя там бродячую жизнь, не раз тревожили безопасность нормандцев. Братья, графы Эдвин и Моркар, оставили Англию; за ними последовали Мертер, Вель-



тер, дворяне, епископы, клерики и целая толпа других, перечисление которых поименно потребовало бы много времени. Все они пришли к королю Шотландии Малькольму и получили от него хороший прием. Законный наследник королевства Англии Эдгар, этелинг (то есть принц; см. выше родословную табл.), видя опустошение страны, сел на корабль вместе со своей матерью, Агатой, и двумя сестрами, Маргаритой и Христиной, с целью достигнуть Венгрии, где он родился и куда хотел возвратиться, но буря заставила его пристать к Шотландии. Эта неудача была причиной только того, что Маргарита вышла замуж за короля Малькольма. Примерная жизнь и святая кончина этой королевы подробно описаны в особо составленной о ней книге. Сестра ее Христина, почитаемая за свою религиозность, была обручена с небесным женихом. Королева Маргарита имела шесть сыновей и двух дочерей: трое из ее сыновей, именно Эдгар, Александр и Давид, сделались впоследствии королями по праву рождения. В их царствование Шотландия стала убежищем для всех тех, которых гнали из родной страны жестокости нормандцев; но не будем забегать вперед.



Завоевание Англии норманнами. Ковер из Байё XI в. Он был вышит принцессой Матильдой и ее фрейлинами в ознаменование покорения Англии Вильгельмом Завоевателем (1027–1087 гг.), за которого Матильда вышла замуж

Так кончилось владычество англов в нашем прекрасном отечестве. Было время, когда эти первые завоеватели показались в нашей стране со своими варварскими лицами и привычками, со своими военными нравами и языческим суеверием; объявляя при всяком случае войну, они покоряли противную сторону оружием и хитростью. Но лишь только они приняли христианство, как отложили в сторону военные занятия и стали предаваться исполнению обязанностей религии. Таким образом, короли оставили прежний образ жизни; одни из них в Риме, другие в Англии удостоились небесного венца и переменили временное царство на вечное. Они строили монастыри и церкви, завещали свои сокровища в пользу бедных и вообще предавались делам благотворительности; так что молва о их святой жизни прогремела по всему миру. Наш остров прославлен столькими мучениками, исповедниками, благочестивыми девственницами, что вы не встретите теперь селения, даже самого незначительного, в котором бы не произносилось знаменитое имя какого-нибудь нового святого. Впрочем, ко времени прибытия в Англию Вильгельма ревность к благотворительности охладела, век золотой сменился веком грязным, уважение к святыне притупилось, и тогда-то англы (подобно тому как в предшествовавшее время даны), будучи изгнаны нормандцами, испытали ту гибель, которую они навлекли на себя своими беззакониями. Ибо вельможи королевства, преданные обжорству и сластолюбию, не ходили поутру в церковь, как требовал того долг доброго христианина, но, заключившись в объятья своих жен,

сидели по домам, слушая только – и то рассеянно – мессы и заутрени, читаемые священником наскоро. Клерики, получавшие даже духовный сан, были до такой степени необразованны, что тот из них, который знал грамматику, служил предметом удивления для прочих. Все они, нимало не стыдясь, пили публично: это одно занимало их и днем, и ночью. Плотно поев, они принимались пить; а хорошо попив, они возбуждали свои, уже переполненные желудки к новой еде. Впрочем, я не намерен относить этих упреков ко всем без различия: я знаю, что народ имел немало богобоязненных людей во всяком звании и состоянии. В это самое время король Вильгельм осаждал город Оксфорд, оказавший ему сопротивление. Во время осады один из осажденных, став на стену, обнажил нижнюю часть своего тела и оскорбил слух норманнов неприличной насмешкой над ними (stans nudata ingune sonitu partis inferioris auras turbavit). Такое оскорбление пробудило сильнейшее негодование в Вильгельме, и он без труда овладел городом. Оттуда он пошел на Йорк и, совершенно разорив город, истребил его обитателей огнем и мечом. Успевшие спастись от этого несчастья бежали в Шотландию, к королю Малькольму, который охотно принимал к себе всех изгнанных англов, в уважение того, что Маргарита, его супруга, была сестрой Эдгара. Он дал им даже позволение опустошать посредством грабежа и огня пограничные владения Англии. Вильгельм собрал многочисленный отряд и направился с ними в северные графства, разоряя поля, города, селения, укрепленные места и предавая огню все растительное; так поступал он преимущественно в приморских провинциях под влиянием как гнева, так и слуха, будто король Датский Кнуд намеревается прийти туда: он имел в виду, чтобы этот разбойник не мог добыть себе на берегу моря никаких жизненных припасов. В то время король Малькольм признал над собой власть Вильгельма, объявив ему свою покорность. Наконец Вильгельм, завоевав города и замки и назначив им от своего имени правителей, прибыл в Нормандию в сопровождении заложников англов и бесчисленной добычи; но немного спустя опять возвратился в Англию и разделил владения и земли между своими соратниками, помогавшими ему в сражении при Гастингсе. Оставшаяся незначительная часть англов была обращена в вечное рабство. Тогда Эдгар, этелинг, сын Эдуарда и законный наследник трона, покинул Англию вместе с двумя братьями, Эдвином и Моркаром, и графами Нортумберландскими, Мертером и Вельтером. Было бы слишком долго перечислять по именам епископов, клериков и других всякого рода знатных людей, бежавших в те времена.

Далее автор рассказывает случаи беспрерывных восстаний англосакской расы против победителей, поддерживаемой Шотландией и Данией; делает отступления по поводу борьбы Генриха IV с Гильдебрандом; описывает меры Вильгельма к порабощению Англии и, таким образом, доходит до знаменитого в его правлении 1083 г., когда он нанес последний удар англосаксам и облек право завоевания в форму закона.

В то время (когда умерла жена Вильгельма, Матильда, то есть 1083 г.) король Вильгельм разослал по всей Англии судей и дал им предписание разведать, сколько акров (десятин) земли в каждом поместье (villa) может быть обрабатываемо в год одним плугом и сколько нужно скота для запашки одного гида (hyda – тягло). Они были обязаны сверх того, отобрать известия о годовом доходе городов, замков, селений, местечек, рек, болот, лесов и о числе вооруженных людей, находящихся в каждой местности. Эта опись[1] была отправлена на хранение в Вестминстер в королевскую казну, где она лежит и по настоящее время (то есть XIII в.). Наконец, Вильгельм потребовал со всего королевства без различия шесть серебряных солидов с каждого гида.

Следует новое отступление о низложении Гильдебранда.

В год Господень 1085-й, когда нормандцы довершили страшный приговор, произнесенный Богом над народом англов, труд-

[1] Хотя автор не называет памятника, но, очевидно, он говорит о «Doomsdaybook», книге суда; см. о ней ниже.

но было найти во всем королевстве хоть одного могущественного человека из англосакской расы; все распростерлось в страхе и впало в рабство; имя англосакса сделалось бранным, и королевство было осуждено на множество несправедливых налогов и покорилось бесчеловечным законам. Чем более знатнейшие из туземцев старались поддержать свое право, тем более тяготело над ними насилие. Так называемые судьи были первыми виновниками всякой неправды. Тот, кто осмеливался убить оленя или козу, лишался зрения; и никто не решался восстать против подобных законов, потому что этот грозный король (Вильгельм) любил дикого зверя, как отец любил своих детей. Наконец, по своему тираническому своеволию он предписал сравнять с землей местечки, где жили целые семейства, церкви, где молились, чтобы дать больше простора оленям и дичи. Предание говорит, что до 30 тысяч пахотной земли было обращено в леса для убежища диким зверям. Один Вильгельм построил более замков, чем все его предшественники. Нормандией он правил по наследству, завоевал Мэн; Бретань зависела от него; в Англии он господствовал один; Шотландия и Валлис подчинились ему; и мир общественный сохранялся так, что молодая девушка, имея при себе множество золота, могла спокойно проехать по всей Англии...

Вильгельм имел много детей от королевы Матильды: Роберта, Ричарда, Вильгельма и Генриха. Старший, Роберт, еще при жизни отца видя себя обманутым относительно Нормандии[1] и огорченный тем, ушел в Италию и женился на дочери маркграфа Бонифация, чтобы при помощи такого союзника объявить войну своему отцу. Но ошибившись в своем расчете, он вооружил против него Филиппа (I), короля Франции. Лишенный вследствие того благословения и отцовского наследства, он не мог ни вступить на престол Англии после смерти отца, ни удержать Нормандию. Благородный Ричард, юноша, подававший большие надежды, погиб нечаянно еще в цвете лет. Рассказывают, что несчастное приключение положило предел его дням, когда он охотился за оленем в новом лесу, и на том самом месте, где, как мы сказали, Вильгельм разрушил дома и церкви, чтобы сделать густую чащу и убежища диким зверям. Дочерей у Вильгельма было пять: Цецилия – аббатисса в Кане; Констанция – замужем за Алэном, графом Бретани; Адель – за Стефаном Блоа, она пошла в монахини после смерти мужа; четвертая была обручена с Гарольдом, бывшему королю Англии; пятая – невеста короля Галисии Альфонса; но имен последних я не мог узнать. В юности своей король Вильгельм до того пренебрегал целомудрием, что о нем говорили, как о человеке, который производил большое впечатление на женщин; но женившись, как о том свидетельствуют его же придворные, он не подавал ни малейшего повода к невыгодным слухам о себе. Он был кроток, мягок с подчинившимися, но неумолим в отношении мятежников. Каждый день слушал обедню, с точностью присутствовал на заутрене, вечерне и часах. Впрочем, этого и довольно сказать о его характере. В том году Папа Григорий (VII), называемый также Гильдебрандом, умер в Салерно (1085 г.). Он созвал около себя кардиналов и каялся во многих грехах по обязанности пастыря, а именно в том, что он, по внушению дьявола, навлек на человечество гнев и кару Божию[1]...

В то время (1086 г.) король англов, Вильгельм, находился в Нормандии, отложив на некоторое время войну, задуманную им против Франции. Рассказывают, что король Франции, Филипп (I), злоупотребляя терпением Вильгельма, сказал однажды в шутку: «Король Англии лежит в Руане (Вильгельм в то время был болен) и как женщина в родах[2] остается в постели; когда он пойдет в церковь для очищения (по обычаю рожениц), я провожу его с сотней тысяч свечей (то есть воинов)». Такие речи и другие шутки раздражили Вильгельма, и он, собрав сильную армию, в начале авгус-

[1] Вильгельм перед завоеванием Англии обязался королю Французскому в случае успеха отдать Нормандию старшему сыну, но не исполнил того.

[1] Это противоречит всему, что известно о смерти Григория VII; см. выше.

[2] Вильгельм был известен своей тучностью.

та (1087 г.), когда поспевают и жатвы на полях, и виноград, и плоды на деревьях, вражески напал на Францию. Все было разрушено и опустошено; ничто не могло укротить его бешенства; страшное опустошение было единственным удовлетворением, которое он получил за насмешки Филиппа. Наконец, он предал огню город Мант, сжег его и вместе с ним церковь св. Марии, где сгорели две монахини, которые во время разгрома города не подумали оставить свои кельи. Этот пожар развеселил короля: он сам поощрял воинов разносить пламя, но жар огня, к которому он приблизился, и перемена осенней температуры были причиной его болезни. Нездоровье увеличилось еще и оттого, что лошадь, перепрыгивая через широкий ров, ударила короля в живот. Это последнее обстоятельство до того увеличило болезнь, что Вильгельма отвезли в Руан, и так как слабость делалась с каждым днем опаснее, то он должен был слечь. Доктора, посоветовавшись, объявили, на основании урины, что смерть близка. Тогда Вильгельм, придя в память, отдал Нормандию своему сыну Роберту, а Англию – Вильгельму Рыжему; Генриху же завещал владения его матери и большую сумму денег. Все пленные были выпущены на свободу; из сокровищницы он приказал наделить церкви, и достаточная сумма была отпущена на восстановление церкви св. Марии, бывшей жертвой пламени. Наконец, приведя все в порядок, Вильгельм умер за восемь дней до сентябрьских ид (8 сентября), будучи королем Англии 22 года, герцогом Нормандии 52, на 57-м году жизни, в 1087 г. от Воплощения. На судне перевезли тело короля по Сене (и по морю) в Кан, где оно и было погребено в присутствии множества прелатов. Роберт, старший сын Вильгельма, в минуту смерти отца, вел с ним войну при помощи Франции; Вильгельм Рыжий, не дождавшись его кончины, отправился в Англию, полагая, что будет полезнее удалиться немедленно, нежели присутствовать при погребении отца. При Вильгельме оставался один из его сыновей, Генрих, и ему пришлось заплатить сто фунтов серебра, чтобы удовлетворить притязания одного вассала, который утверждал, что место, где погребли тело короля, принадлежало ему по наследственному праву.

Historia major Angliae,
seu Chronicon ab. a. 1066–1259.

Ингульф

РАСПРАВА НОРМАННОВ В АНГЛИИ. 1066–1087 гг. (в 1109 г.)

Многие англосаксонские князья несколько времени сопротивлялись новому королю, победоноснейшему Вильгельму, но будучи совершенно разбиты, подчинились наконец власти норманнов. Из них два брата, графы Эдвин и Моркарий, были коварно умерщвлены своими же; Рогер, граф Герфордский, был навеки заключен в темницу; Радульф, граф Суффолкский, бежал из своей земли, а граф Вальден смирился, женившись на его племяннице; Агельвин, епископ Дургамский, заключен в темницу в Абендонии; брат его и предшественник

АББАТ ИНГУЛЬФ (INGULFUS, ABBAS CROYLANDENSIS). Он был родом англосакс, но служил секретарем при Вильгельме Завоевателе и умер аббатом монастыря Кройланд (Crownland, вблизи Петерборуга, на северо-западе); он написал «Историю аббатства Кройланда», которая сама по себе вовсе не замечательна, но имеет много заметок относительно виденного автором в эпоху завоевания Англии. Личные отношения к Вильгельму перевешивали у него над чувством национальным, но, несмотря на то, из его слов можно заключить о характере самого господства норманнов в Англии.

Издания: Fell, Rer. angl. script. p. 1–107; перев. англ. Riley. Lond. 1849, в собрании Bohn’s antiq. library t. 29. Исследование: *Лаппенберг*. История Англии, т. I, с. LXII.

Этельрик подобным же образом был брошен в темницу близ Вестминстера; все остальные за свое упорство лишились прелатств или были сосланы за море в ссылку, или посажены в монастырские темницы, и наконец поневоле покорились новому королю. Я повествую о делах победоноснейшего короля только вообще, так как не имею достаточно сил, чтобы погодно следить за ним и описывать все его походы. Затем король разделил между своими норманнами английские графства и баронства, епископства, прелатства, а англосаксов почти всех лишил права достигать почетных мест и иметь владения. Одному только Гевардy удалось произвести успешное восстание. Услышав во Фландрии, что английское государство подчинилось чужеземцам и что его наследство после смерти отца его Леофрика отдано в дар какому-то нормандцу, а мать-вдова терпит много обид и великие бедствия, он был поражен достойной скорбью и поспешил в Англию со своей женой Турфридой; составив из родственников значительное войско, он поразил притеснителей матери мечом и прогнал их далеко от своего наследства. Тогда, видя себя вождем храбрейших мужей и, главное, значительного числа вассалов, он, чтобы получить законное препоясание по военному обычаю, выбрал несколько воинов из своей свиты, чтобы и они вместе с ним получили освящение, и пришел к дяде, аббату местечка Бранда, человеку весьма религиозному и, как слышал я от предшественника своего господина аббата Вулькетула и многих других, любившему подавать милостыню и украшенному всякими добродетелями. Исповедавшись в своих грехах и получив разрешение, он весьма настойчиво умолял аббата посвятить его в рыцари (legitimum militem fieri). У англосаксов было обыкновение, чтобы посвящаемый в военное звание накануне того с чувством сердечного сокрушения и раскаяния исповедовался во всех грехах перед епископом, или аббатом, или монахом, или каким-нибудь священником и проводил ночь в церкви с молитвой, сокрушением и благоговейными мыслями; в день же посвящения он приносил меч к алтарю и слушал божественную литургию. По прочтении Евангелия священник возлагал с благословением меч на шею воина; затем посвящаемый приобщался Святых Христовых Тайн и становился рыцарем. Норманны презирали этот обычай воинского посвящения и не признавали таких людей рыцарями, а считали их извращенными глупцами. И не один этот обычай, но и другие они старались уничтожить. Так, осуждая английское собрание документов, которое еще прежде времен короля Эдуарда было утверждено подписями с золотыми крестами и другими священными знаками присутствовавших верных, норманны называли их просто бумагой и определили, чтобы документы утверждались восковой печатью, приложенной каждым из 3 или 4 свидетелей. Но в первое время они отнимали многие поместья по одному словесному приказанию короля, без всякого указа, представляя только его меч или шлем, или рог, или чашу; а иногда предъявляли одни его шпоры, лук или даже только его стрелу. Но это было только в начале его правления: в следующие же годы такой способ завладения изменился. Норманны выказывали такое презрение к англосаксам, что лишали их мест, как бы ни были они достойны, между тем как чужеземцам всякой другой нации давали их с удовольствием. Они презирали самый язык англов до того, что законы и постановления английских королей писались на галльском языке (то есть французском), и даже в школах дети выслушивали уроки грамоты и грамматики не на английском, а на галльском языке; даже сам английский шрифт (modus scribendi) в хартиях и во всех книгах был изгнан и заменен галльским. Но довольно об этом.

Historiae abbatiae Croylandensis ab a. 626–1091.

Лаппенберг

О «ДУМСДЭЙБУКЕ» ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ. 1086 г. (в 1834 г.)

После усмирения восстания англосаксских баронов внутри и по прекращении внешних попыток со стороны Шотландии и Дании потревожить власть Вильгельма в новоприобретенной стране новый король увидел, что одни военные экзекуции не могут быть достаточны для упрочения его господства в Англии. Чужеземные наемники были распущены; вскоре за тем и Эдгар, этелинг (претендент) с несколькими сотнями воинов получил от него позволение оставить Нормандию и отправиться в Апулию. В том же году (1086) в Троицын день во время пребывания своего в Вестминстере Вильгельм торжественно пожаловал сыну своему Генриху рыцарское звание, и к 1 августа назначил общее государственное собрание в Саре. Это собрание по своим размерам, означенным в приглашении, походило на громадный военный смотр, на котором оказалось, что у Вильгельма в Англии содержится до 60 000 воинов. Он заставил своих сподвижников принести присягу на вассальную верность королю, что в военное время по необходимости отлагалось, и за то утвердил за ними их владения в Англии. При составлении того присяжного акта и при приведении его в выполнение в первый раз служила руководством известная книга «Думсдэйбук» (Domesday-book), или «Книга Судного дня», задуманная еще в предшествовавшие годы и оконченная в 1086 г. Под этим именем разумеется исключительно та перепись, которая была составлена в отдельных графствах королевскими чиновниками относительно всех имуществ, как полученных непосредственно от короля (tenentes in capite), и посредственно (undertenans), равно как и о землях свободных всельников, о доходах, до и после завоевания, о возможности улучшения доходов, о податях, о состоянии скотоводства, лесного, рыбного и горного промыслов, и преимущественно всего того, что казалось необходимым для точного кадастра и взимания доходов. Содержанием своим эта книга не обязана никаким прежним материалам, так как сказание о том, что подобный труд был составлен уже Альфредом, лишено доказательств, а именно опровергается самой «Думсдэйбук» Вильгельма, в которой не говорится ничего подобного, и, сколько нам известно, ни одно из тогдашних государств не представляло у себя никакого образца для составления такой работы.

При существовании до того времени немногих актов о королевских, частных и монастырских имуществах, и наследственных книг в городах и подобных росписей, которые пополнялись преданием и народной молвой, даже необходимо было завоевателю собрать достоверные и точные сведения о своем владении в чужой земле, что и побудило его к такому труду, значение которого было признано другими государствами только по прошествии многих столетий, при постепенном улучшении государственного хозяйства. Главная цель этой книги заключалась в обеспечении королевских доходов и охранении общественного благосостояния, так как конфискация англосаксонских владений, запустение целых графств, добровольное бегство англосаксонских землевладельцев, споры жадных норманнов с монастырями, неопределен-

---

ЛАППЕНБЕРГ (LAPPENBERG. Род. в Гамбурге в 1794 г.). Знаменитый немецкий археолог и историк, позже архивариус Гамбургского сената, получил свое воспитание в Англии и в 1816 г. приобрел степень доктора прав в Берлине. Из многочисленных его трудов особенную славу составили ему: «Urkundliche Geschichte des Ursprungs des deutschen Hansa». Hamb., 1830. 2 v. и «Geschichte von England». Hamb., 1834, в 2 томах, доведенных до завоевания Англии нормандцами. Этот труд был продолжен Paoli еще в трех томах, до конца XV столетия.

ность в самом праве наследства между норманнами, которых родственники жили в различных местах Британии, Франции и Италии, и другие обстоятельства, происшедшие от насильственной перемены владельцев, вследствие завоевания,– все это даже и в другое время должно было увеличить тогдашние неопределенные понятия о праве собственности. Роспись имуществ производилась важными лицами, которые, объезжая различные графства в назначенный для этой цели присутственный *день* (day), на месте снимали присяжные показания с шерифов, поземельных владельцев, священников и других уважаемых граждан, и записывали ответы их относительно вышеозначенных предметов. Результат этих заседаний в судебный день, как публичное свидетельство, получил навсегда значение показаний, сделанных перед лицом, уполномоченным властью, и потому, кажется, такая роспись земель и оброков получила название «Думсдэйбук»[1]. Эта книга хранилась вместе с другими сокровищами в Винчестере (откуда название «Rotulus Wintoniae», то есть Винчестерский сверток); иногда, однако ж, ее брали с собой во время путешествия короля и в должностные разъезды его судей. Многие из северных графств, как то: Нортумберланд (Nortumberland), Ланкашир (Lancashire), Кумберленд (Cumberland), Уэстморленд (Westmoreland) и Дургам (Durham), не упоминаются в ней, быть может, потому, что они были слишком сильно опустошены и не пришли еще в порядок; а южные части тех графств приписаны даже к Чеширу и Йоркширу (Cheshire и Iorkshire). Недостает также Лондона, Винчестера (Winchester) и других значительных городов, может быть, потому, что королевские комиссары не могли вступить в их стены с той целью, которая составляла задачу Судного дня, или, вероятнее, по моему мнению, потому, что необходимые о них сведения, насколько то нужно было королю, имелись уже в королевской канцелярии или казнохранилище. Многие указания сделаны пристрастно в пользу нормандских монастырей, другие могли быть пропущены из поспешности, по недостатку времени. В последующие за тем годы мы находим много начатых таких работ, хотя только для некоторых округов, но ни одна из них своим достоинством не превосходит знаменитую «Думсдэйбук» короля Вильгельма. Эта книга надолго останется неистощимым источником для уразумения англосаксонских и нормандских учреждений, в особенности права и доходов короля и его вассалов, городских постановлений, всевозможных статистических данных и бесчисленных заметок, неизвестных историку тех времен или же пропущенных им, как слишком известное и не имевшее в ту пору значения, но в высшей степени интересное для любознательного потомства. Более точное понимание этой книги останется навсегда основой всякого исторического исследования об Англии, в особенности же для ее средневековой истории. Это – картина, написанная большей частью цифрами; тем не менее она представляет не краткий очерк целого, но скорее обложку и толкование летописей и юридических актов. В ней, несмотря на пропуски и недостатки, живыми красками изображено политическое состояние Англии под конец царствования Вильгельма Завоевателя, и ярко просвечивают некоторые статистические и касающиеся государственного устройства данные, которые доставляют нам наглядные понятия о бедствиях Англии и положении ее завоевателей.

Во всех графствах находим мы многочисленные упоминания об имуществах, присвоенных себе норманнами, несмотря на спор, предъявленный королем или прежними норманнскими владетелями (clamores et invasiones). Если владение даже и не было оспариваемо, комиссарам нередко случалось замечать, что новый владелец не предъявил ни грамоты с печатью на присвоенный себе лен, ни законного документа на право владения от местных властей графства.

---

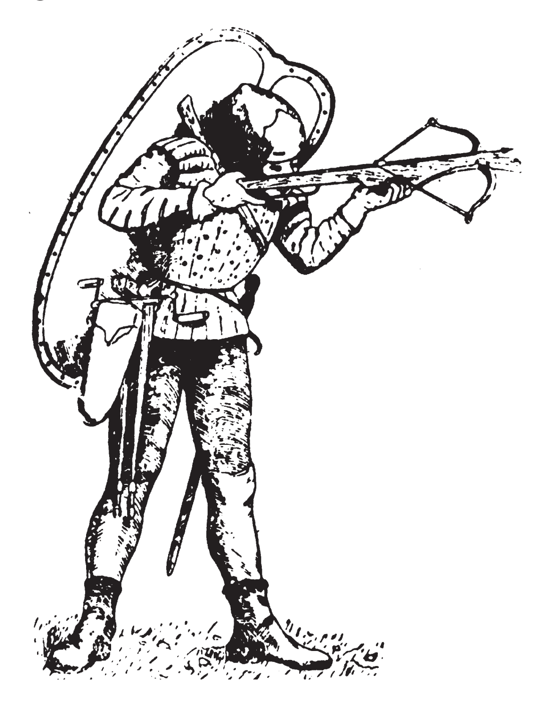
[1] «Domesdaybook» – книга Судного дня, собственно, Божьего; слово наполовину латинское (domini) и наполовину саксонское (day, нем. Tag; book, нем. Buch). В 1783 г., по приказанию Георга III она была напечатана в первый раз в 2 томах. Новейшее издание с каталогом и дополнениями издал Kelham в 1833 г.

Число свободных владельцев и непосредственных вассалов (tenentes in capite) короля с включением духовенства простиралось до 1400. Из них большая часть имела по одному поместью; другие же, а именно братья короля, владели большими имениями, рассеянными по всей Англии; поместья епископа Байё (Bayeux, во Франции) находились в 17, Роберта из Мортеня в 19 графствах и в Валлисе (Wales). Знаменоносец Эвд (Eudo) имел владения в 12 графствах; Гуго Авраншский, по прозванию Волк считал за собой значительные поместья в 21 графстве, помимо своего собственного графства Честера.

Второстепенных вассалов записалось в тогдашней Англии до 8000. Цифра в этом случае определена, однако ж, не точно, в особенности потому, что имя отца или прозвище встречается реже у англосаксов, чем у норманнов. Число остальных, упоминаемых в «Думсдэйбуке», владельцев или хозяев, за исключением рабов, счетом около 25 000, простиралось до 250 000. Пропущены в «Думсдэйбуке» монахи, крепостные гарнизоны, горожане; все они не записаны нормандскими комиссарами. Но к той цифре принадлежат 1000 священников и 8000 жителей отмеченных городов. Более 10 000 называются свободными людьми (liberi homines), более 2000 свободными, но под покровительством (commendati). Несмотря на то, как первых, так и вторых нельзя считать безусловно свободными поземельными собственниками, и название, данное им, служит только для того, чтобы определить их личные отношения к тем вассалам, во владении (dominium) которых состоят они сами или их поместья. Оба эти класса находятся почти исключительно в старой Восточной Англии или в графствах Norfolk и Suffolk; кроме того, до 300 в Essex и до 50 в Cheshire и Stafford,– явление, объяснимое единственно только густотой датского населения, сохранившегося в древнем королевстве Гутрума.

По правам своим к классу свободных людей ближе всех подходил класс так называемых *сокеманнов* (sokemannen). Они для наследственного укрепления за собой поместьев приносили вместе со своими 15-летними сыновьями, как совершеннолетними, присягу в верности и вассальной преданности (homagium), и вследствие того обязаны были военной службой, платою при передаче владений наследнику и другими известными по договору повинностями и податями. Неравноправность этого класса с классом вышеупомянутых свободных людей видна уже из того, что сокеманны находились даже в Суффолке и Норфолке; в последнем графстве их было до 4600 – цифра, составляющая пятую часть всего населения, упоминаемого под названием сокеманнов (23 072). Весьма важно, однако ж, то, что ни об одном свободном человеке не упоминается ни в соседнем графстве Линкольне, ни даже в Кенте, к которому они принадлежат по пословице, а в этих графствах находилась целая половина всех живущих в Англии сокеманнов. Более 1000 было их в Суффолке, столько же в Нортгемптоне, до 2000 в Лейстере, более 1500 в Ноттингеме; 520 в Эссексе и до 450 в опустевшем пространном Йоркшире; остальная часть сокеманнов в небольшом числе помещается в графствах, лежащих к северу от Ветлингской дороги (Wätlinga Strasse), исключая Чешир и Стаффордшир. К югу от большой военной дороги совсем не обозначено жительство сокеманнов.

В графствах Западной Англии находился класс людей под названием *колиберты* (coliberti); численность этого класса самая большая в графстве Вильтшир – до 260, а всего вместе до 858. Мы могли бы сказать, что эти колиберты были рассеяны по всем южным и западным графствам от Ветлингской дороги, если бы в прилежащих к ней графствах Суссексе, Суррее, Мидльсексе, Оксфорде, а так же и в прежде упомянутых графствах Чешир и Стаффордшир не находилось их также мало, как и сокеманнов. Кажется, однако ж, что название coliberti, которое ни разу не встречается в этих графствах до завоевания и не упоминается ни в одном достоверном документе англосаксонских монастырей, значит то же, что и сокеманны, и что оно дано сокеманнам нормандскими комиссарами, как слово, употребительное в их отечестве. Догадка эта вероятна



Стреляющий арбалетчик

тем более, что в источниках англосаксонских законов ни разу не упомянуты колиберты.

В юридических актах приводится иногда особый англосаксонский класс людей – Geburen или Bures. В «Думсдэйбуке» мы встречаем их только 62, живущих в шести графствах к югу от Ветлингской дороги, а именно в Букингеме, Оксфорде, Герфорде, Берксе, Ворчестере и Девоншире. Они не находятся вместе с сокеманнами ни в одном графстве, за исключением Букингемского, составляющего для них границу; считать же их заодно с сокеманнами и колибертами невозможно, потому что и те и другие встречаются вместе в графствах Беркс, Девон, Герсфорд и Ворчестер. Они принадлежат к классу крепостных, из которых большая и самая свободная часть называется крестьянами (villani). Последних записано до 110 000; большую часть насчитывают в Кенте, 6597 – цифра, превосходящая более чем наполовину все остальное население графства; в Линкольне 7723 крестьян на 25 305 населения, и в Девоне, где 8070 крестьян и 3294 раба, на 17 434 всех записанных жителей. Класс населения, известный под норманнским названием *vilains*, вероятно, относится к англосаксонским ceorlas: это были потомки древнего римско-британского населения. Нет никаких доказательств тому, что норманны изменили общественное положение этого класса, обремененного множеством податей и служебных обязанностей; напротив, даже прежнее их положение получило на самом деле новый стеснительный характер, вследствие строгости и неумолимости новых владельцев; между тем как при тогдашнем состоянии края, отягченного общественными поборами, постоями и многими другими разорениями, причиненными войной и восстаниями, заключалась живейшая потребность сбережения сельского рабочего сословия.

От сельских жителей отличен класс так называемых coscets, или cotsäten, в числе 1749, который соответствует немецким болотным жителям. Этот класс, равно как и предыдущий, поселялся более всего в Мерсии, за исключением 9 – в Шропшире. Они так же как и vilains не были свободными, однако ж служебные обязанности несли менее, нежели *гебуры*.

Класс *котариев*, больший числом, а именно, 5054, имеет, по нашему мнению, сходство с немецкими Käthner, но мы не знаем для них никакого англосаксонского названия. Они находятся во всех графствах, лежащих к югу от Ветлингской дороги, даже в тех, в которых вовсе не упоминается колибертов, так, например, 765 в Суссексе.

Как особенность Чешира, указывающую на завоевание его датчанами, находим мы в этом графстве небольшое число так называемых drenghs,– название, сходное по значению с оруженосцами и подобными должностями; оно давалось у датчан сыну, а впоследствии и прислуге. Они упоминаются иногда даже спустя несколько столетий.

Пропустим названия некоторых других классов населения, представляющих мало интереса как по своей малочисленности, так и по своим характерным чертам; нам останется упомянуть еще 82 609 *бордариев* (с включением bordarii pauperes), которые находятся во всех упомянутых в «Думсдэй-

буке» графствах в пропорции, довольно соразмерной с общим числом записанного в этой книге населения. Они образуют класс, поставляемый обыкновенно после крестьян и впереди рабов. Если название этого класса происходит от хижин с небольшими садами или огородами, служивших для них помещением, то оно получило бы одинаковый смысл с названием cotsäten и cotarii; но в «Думсдэйбуке» эти три класса различаются между собой. Название этого класса, как кажется, едва ли найдется в бесспорных англосаксонских документах, между тем как во Франции оно обыкновенно. Из этого мы можем заключить, что название это принесли к англосаксам норманны, так как его на родном англосаксонском языке нет, или же что класс этот составлен был из норманнов, которые на родине находились в таком же положении и жили в поместьях своих господ в их покоях, а первоначально и на их содержании (по-датски и англосаксонски – bord, по-английски – board). Этот взгляд подтверждается еще и тем, что невозможно указать, куда девались норманны низшего разряда, во множестве переселившиеся в Англию; между тем как число бордариев соответствовало тому числу 60 000 человек, завоевавших Англию, если исключить убитых и не считать прибывавших впоследствии новыми массами. В некоторых местностях мы находим число их в круглых цифрах,– обстоятельство, подтверждающее тот взгляд, что они поселились там недавно. Ясно и то, что с простым норманнским сословием и дворней низшего разряда не всегда спорили из-за своих владений англосаксонские ceorle, так как первые должны были постоянно носить оружие и не обязаны заниматься земледелием.

Сумма всего населения, записанного в «Думсдэйбук», доходит до 283 000, а с включением горожан, пропущенных в этой книге, до 300 000 глав семейств. То мнение, что некоторые податные лица могли быть пропущены с намерением, должно показаться крайне невероятным, если принять во внимание главную цель «Думсдэйбук» – интересы королевской казны. Изъятие церковных имуществ от всяких податей представляется только редким исключением. Напротив того, монахи упоминаются как бы случайно, и потому именно, что они обязаны были личной податью королю. Утверждают, что нередко не записывались и некоторые несвободные классы народа, так, например, вовсе не упомянуты пастухи в весьма многих графствах, в которых разводились свиньи. Мы знаем, однако, что пастухи избирались большей частью из рабов, и потому в тех графствах, в которых эта часть скотоводства не процветала особенно, мы должны искать их между бордариями, податными или рабами. Затем, если бы мы хотели составить сумму всех тогдашних жителей Англии, то 2 000 000 душ скорее слишком много, нежели слишком мало.

Арбалетчик натягивает лук арбалета

Лесные пространства в Англии были еще очень обширны; огромное количество земли было не обработано, и многие местности в последние годы или опустошены, или оставлены. Деревни того времени очень малы, почему впоследствии многие из них вместе считались за одну деревню. Более всего был опустошен Йоркшир, где из 411 человек всего населения осталось только

35 сельских жителей и 8 бордариев. Города имели немного домов и то весьма небольших; до завоевания только Йорк и Лондон насчитывали более 10 000 постоянных жителей, из которых в последнем было даже несколько более. Большое число городов сильно пострадало частью от грабежа и пожаров, частью от построек крепостей, при сооружении которых нередко разрушались дома с целью воспользоваться старыми каменными стенами. В Экзетере, несмотря на оказанную этому города пощаду, из 463 разрушено 50 домов; в Дорчестере из 172 наполовину; в богатом Норвиче, жители которого имели 43 церкви, из 1320 домов – также половина; в Линкольне из 1150 домов 166 пожертвовано на устройство крепости, 100 других лишились своих обитателей; в Кембридже разломано 27 домов для устройства новой крепости; в Честере из 487 домов разрушено 205; в Дерби из 243 пострадало не менее 103; в Стаффорде из 131 дома разрушено 38; в Йорке из 1800 исчезло 800. Но ни один город не пострадал так сильно, как Оксфорд, в котором с 243 домов взяты подати, а остальные 478 или разрушены, или разграблены. Только один город значительно расширился после завоевания, это – Дунвич, в котором 120 жителей времен короля Эдуарда Исповедника при Вильгельме размножились до 236,– явление, которое ближе всего можно объяснить упадком соседнего ему Норвича.

Общий итог королевских доходов в Англии, которым пользовался Эдуард Исповедник, доходил до 60 000 марок. Пожертвования на церкви и другие благотворительные дарения уменьшали этот доход почти наполовину. Сто лет после завоевания доходы составляли только пятую долю, 12 000 марок; относительное значение этой цифры мы поймем тогда, если примем в расчет, что современные доходы германского императора простирались тогда до 300 000 марок.

Geschichte von England. II, 142–154.

Райнер Дози

СИД КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО. 1045–1099 гг. (в 1860 г.)

Во многих отношениях трудно найти в истории что-нибудь менее сходное, как характер тех двух народов, которые в XI столетии оспаривали друг у друга развалины Кордовского калифата. Живые, умные и образованные, но изнеженные и скептические мавры жили только для удовольствий, тогда как северные испанцы, еще полуварвары, но храбрые и одушевленные пламенным фанатизмом, любили одну войну, и войну кровавую. Однако две эти нации, по-видимому, столь различные, в сущности имели много общего: та и другая были нравственно испорчены, вероломны и жестоки; если мавры вообще обнаруживали равнодушие в деле веры, если они охотнее обращались за советами к астрологам, нежели к своим мусульманским теологам, если они не стыдились поступать на службу к христианским князьям, то также было много и между кастильскими рыцарями таких, которые не слишком стеснялись жить со дня на день – vivre à augure, как тогда выражались, брать мусульман к себе на жалованье, сражаться против своей религии и отечества под знаменем какого-либо арабского князька, или грабить и жечь монастыри и церкви.

Если бы не случилось чего-нибудь непредвиденного, то мавры, как менее храбрые и менее воинственные, нежели их противники, с течением времени должны были бы пасть сами собой. Фердинанд I нанес им страшные удары. Он отнял у них Визе, Ламего и Коимбру, наложил подать на четырех их королей: Сарагоского, Толедского, Бадайоского и Севильского, и только смерть воспрепятствовала ему овладеть Валенсией. Но разделением королевства между пятью своими детьми он сам разрушил свое дело. Мавры свободно вздохнули: они предвидели, что на севере должна возгореться гражданская война, и не ошиблись.

Фердинанд I отдал старшему своему сыну, Санхо, Кастилию, Нажеру и Пампе-

луну, Альфонсу VI – Леон и Астурию, Гарсию – Галисию и часть Португалии, отнятую им у мавров; Уррака получила Замору и Эльвира – Торо. Санхо первый нарушил мир. В 1068 г. он напал на своего брата Альфонса VI и победил его в сражении при Алантаде; но победа, им одержанная, кажется, не была решительной, ибо Альфонс VI сохранил свои владения, и мир был восстановлен между братьями.

Три года спустя они снова взялись за оружие и, назначив день битвы, условились, что побежденный уступит свое королевство. Сражение произошло на границе обоих государств, близ деревни Гольпейары. Кастильцы потерпели поражение и вынуждены были отдать свой лагерь неприятелю; но Альфонс запретил своим воинам преследовать побежденных, ибо, согласно условиям сражения, он уже считал себя владетелем Кастилии. Родриго Диац де Бивар[1] сделал тщетными его надежды.

Этот Родриго, происходивший из древней кастильской фамилии (род его производили от Лаина Кальво, одного из двух судей, которым кастильцы поручили в царствование Фройлы (924 г.) покончить их распри миролюбивым образом), которого имя в первый раз встречается в грамоте Фердинанда I от 1064 г., успел уже отличиться в войне, которую Санхо Кастильский вел против Санхо Наваррского. Он победил тогда наваррского рыцаря на поединке, и этот поединок доставил ему имя Кампеадора (воителя). В это время он был знаменосцем у Санхо, то есть главным начальником его армии, ибо во всей Европе в ту эпоху два эти названия были синонимами.

Заметив, что неприятель не думает о преследовании, Родриго возбудил павший дух короля и сказал ему: «Смотри, как после победы, только что одержанной над нами, леонцы покоятся в наших же палатках, как будто им нечего опасаться: ударим на них на рассвете и мы одержим победу». Санхо одобрил это предложение и чуть свет бросился на леонцев, еще спавших. Большая часть из них была перерезана; некоторые, однако, спаслись бегством. В числе последних был Альфонс, который старался укрыться в Сент-Мари, соборной церкви города Карриона, но его насильно вытащили из этого святого места и отвели пленником в Бургос.

Итак, благодаря совету Родриго, Санхо сделался обладателем королевства Леона. Это, неоспоримо, был большой успех; но недостаточно одной хорошей цели, нужно, чтобы и средства были законны: совет же, данный Родриго его королю, был не что иное, как измена, нарушение условий, постановленных между двумя королями.

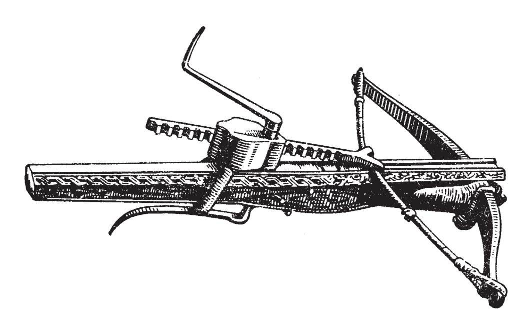
Уступая просьбам Урраки и графа Леонского Петра Анзуреца, Санхо позволил своему брату выйти из тюрьмы с условием, что он вступит в монашество. Альфонс согласился на это, но скоро бежал из монастыря и нашел себе убежище у толедского короля Мамуна.

Впоследствии Санхо обратил свое оружие сперва против своего брата Гарсии, у которого он отнял его владения, потом против двух своих сестер. Эльвира уступила ему Торо, но Уррака храбро защищалась в Заморе. Осада продолжалась уже некоторое время, как один отважный рыцарь из Заморы, Беллидо Долфос, выйдя из города, внезапно поразил своим копьем Санхо, который прогуливался по своему лагерю. Беллидо вернулся в город с той же быстротой, с какой сделал нападение. Родриго, во время осады показавший чудеса храбрости, видел убийство своего короля. Он немедленно бросился преследовать Беллидо и едва не поразил его у самых ворот Заморы; но Беллидо успел уйти. Убийство короля произвело замешательство в войске. Леонцы, насильно подчиненные господству короля Кастильского, поспешили разойтись по своим домам; кастильцы, напротив того, с твердостью оставались на своем посту; положив затем тело своего короля в саркофаге, они перенесли его с громким плачем в монастырь Онья, где и погребли со всеми королевскими почестями.

Исполнив эту печальную церемонию, знатнейшие кастильцы соединились в Бургосе для избрания нового короля. Им не хотелось отдавать корону Альфонсу, быв-

---

[1] Мавры называли его просто Сид, то есть господин, и это имя его перешло в историю.



Арбалет. Был впервые применен норманнами в битве при Гастингсе

шему королю Леонскому, ибо они сознавали, что в таком случае они потеряют перевес и вместо того, чтобы предписывать законы леонцам, сами должны будут получать от них; однако, так как некого было избрать на престол, пришлось им победить свое отвращение. Итак, они изъявили свою готовность признать Альфонса, но с условием, чтобы последний поклялся в том, что он не принимал никакого участия в убиении Санхо, а Родриго Диац взялся привести его к присяге. С тех пор Альфонс его возненавидел, но из осторожности скрывал свои чувства, ибо Родриго был слишком могуществен, чтобы не быть опасным. Желая привязать его к своему семейству и в то же время восстановить добрые отношения между кастильцами и леонцами, он даже предложил ему жениться на своей двоюродной сестре, Химене, дочери Диего, графа Овиедского, одного из первостепенных вельмож его прежних подданных (19 июля 1074 г.).

Спустя некоторое время Родриго получил от Альфонса назначение отправиться ко двору севильского короля Мотамида, чтобы истребовать подать, которую этот владетель должен был уплатить. Мотамид вел тогда войну с Абдаллахом Гренадским, и в минуту прибытия Родриго ему угрожало вторжение неприятелей: Абдаллах принял к себе на службу многих христианских рыцарей, между которыми находился Гарсия Ордонец, принц крови, носивший королевское знамя при Фердинанде I. Родриго велел сказать королю Гренадскому, чтобы он не осмеливался нападать на Мотамида, потому что тот был союзником Альфонса VI; но его просьбы и угрозы не были приняты и, предавая огню и мечу все, что встречалось на пути, гренадцы дошли до Кабры, где Родриго, сопровождаемый своими собственными рыцарями и севильской армией, решился дать им сражение. Он разбил их наголову, и множество христианских рыцарей, в числе которых находился и Гарсия Ордонец, попали в его руки. Отняв у них все, что они имели, через три дня он возвратил всем им свободу. Потом, получив от Мотамида подать и много подарков, которые он должен был доставить Альфонсу, Родриго вернулся в Кастилию; но тогда враги его, и главным образом Гарсия Ордонец, обвинили его, справедливо или нет, в присвоении себе части подарков, следовавших императору[1]. Альфонс, который не мог забыть ни измены Родриго,– измены, стоившей ему двух королевств,– ни унизительной присяги, которую он вынужден был дать по его настоянию, поверил этим обвинениям, и в 1081 г., когда Родриго сделал нападение на мавров, не испросив на то у него согласия, изгнал его из своих владений.

Начиная с этой эпохи, Родриго повел жизнь *кондотьера* и сражался со своей шайкой то под знаменами какого-либо маврского князя, то для своих личных целей.

Проведя несколько дней при дворе графа Барселонского, который, по-видимому, не хотел принимать его услуг, Родриго отправился в Сарагосу, где в то время правил Мактадир, из фамилии Бени-Гуд. Жизнь этого князя состояла из ряда набегов и сражений; между его врагами старший брат его Модгаффар, владетель Лериды, превосходивший его мужеством и образованием, был самый упорный и самый опасный. Желая покорить его, Мактадир сначала призвал к себе на помощь каталонцев и нормандцев, а потом, покинутый своими союзниками, передавшимися на сторону его противника, он прибегнул к вероломству. Условившись со своим братом на свидание, на которое должны были явиться только они вдвоем и

[1] Альфонс VI после восстановления на своем престоле принял титул императора.

без оружия, он предварительно приказал одному наваррскому рыцарю, служившему в его войске, во время их разговора убить его брата. Модгаффар был обязан своим спасением только кольчуге, которую он всегда носил на себе под платьем; со своей стороны, Мактадир наказал наваррца за его неловкость, приказав отрубить ему голову. После тридцатилетней войны Мактадиру, наконец, удалось одолеть своего брата, и в то время, когда Родриго прибыл в Сарагосу, Модгаффар был уже пленником в Руеде. Но, обеспечив себя с этой стороны, Мактадир должен был вести борьбу еще со многими врагами, и так как, по примеру своих предшественников, он отдавал предпочтение христианским воинам перед маврскими, то охотно принял Родриго и сопровождавших его рыцарей.

Немного спустя, в октябре 1081 г., Мактадир умер, разделив свои владения между двумя сыновьями: старший, Мутамин, получил Сарагосу, а его брат, хаджиб Мондир, – Дению, Тортозу и Лериду. Но такие разделы (Мактадиру следовало бы то лучше знать, чем кому-либо другому) всегда бывали неисчерпаемым источником смут и войн; таким образом, неудивительно, что два брата скоро поспорили между собой и Мондир соединился с Санхо-Рамирцем, королем Арагонским, и Беренгаром, графом Барселонским. Родриго сражался за Мутамина, который считал его самой надежной своей опорой. Неоднократно делал он набеги на землю неприятелей своего повелителя, и внушенный им страх был так велик, что в виду их войска он вступил в Монзон, хотя Санхо готов был поклясться, что Родриго никогда не осмелится на то. В другой войне между этими маврскими князьями Мондир и его союзники – Беренгар, граф Серданьский, брат графа Ургельского, владетели Виха, Ампурдана, Руссильона и Каркассоны – осадили старый замок Альменару (между Леридой и Тамарицем), который Родриго и Мутамин велели перестроить и укрепить; так как осажденные начинали чувствовать недостаток в воде, то Родриго, находившийся тогда в только что завоеванной им крепости Эскарпо, послал гонцов к Мутамину, чтобы известить его об отчаянном положении гарнизона. Мутамин явился сам в Тамариц, где имел с ним свидание. Он хотел, чтобы Родриго атаковал неприятеля и принудил его снять осаду; но кастилец советовал ему не начинать сражения, в котором храбрость должна будет уступить численному перевесу сил, и скорее уплатить дань союзникам. Мутамин согласился на это, но союзники, получив такое предложение, отвергли его. Тогда Родриго, приведенный в негодование их заносчивостью, решился напасть на них, невзирая на свои малые силы. Успех оправдал его смелый подвиг: он разбил неприятеля, овладел богатой добычей и взял в плен графа Барселонского. Мутамин заключил мир с этим князем и через пять дней после сражения возвратил ему свободу.

Вступление Родриго в Сарагосу было настоящим триумфом. Народ принял его с живыми выражениями радости и с почетом: со своей стороны Мутамин осыпал его почестями и подарками и был так к нему внимателен, что Родриго, по-видимому, пользовался верховной властью. Но несмотря на свое блестящее положение, он не мог забыть своего отечества, и в 1084 г. нашел средство вернуться на родину. В предыдущем году правитель Руеды восстал против Мутамина и признал своим верховным властителем своего пленника Модгаффара, брата Мактадира. Модгаффар обратился за помощью к Альфонсу VI, и этот послал ему в конце сентября отряд войска под начальством своего двоюродного брата Рамира, сына Гарсии Наваррского, и правителя Старой Кастилии, Гонзало Сальвадора, которого за его храбрость прозвали *Четвероруким*. Но так как Модгаффар немного спустя умер, то правитель Руеды, не желая сделаться подданным христианского государя, тайно примирился с Мутамином и пообещал ему завлечь Альфонса в западню. Ему едва не удалось привести в исполнение свой замысел. Лично явившись к императору, он говорил, что предаст в его руки Руеду, и просил его прибыть туда. Альфонс изъявил на то свое согласие; но не доверяя вполне мавру, он хотел, чтобы Гонзало Сальвадор и другие предводители прежде него вошли в город. Едва только прошли они ворота, как мавры

умертвили их, бросив в них град камней (9 июня 1084 г.).

Измена удалась, но только наполовину. Раздосадованный неудачей и взбешенный, вернулся король в свой лагерь. Туда явился к нему Родриго. Он хотел убедить его в том, что не принимал никакого участия в заговоре правителя Руеды, и попытаться в то же время снова снискать его доверие. Альфонс принял его с почтением и предложил ему сопровождать его в Кастилию. Родриго охотно согласился на это, но, заметив по дороге, что император все еще питал злобу к нему, немедленно покинул его и снова предложил свои услуги Мутамину. Этот князь, обрадовавшись его возвращению, тогда же дал ему приказ сделать нападение на Арагон. Родриго выполнил его поручение с чрезвычайной быстротой; для него было достаточно пяти дней, чтобы опустошить значительную часть страны на значительном расстоянии, и прежде чем успевали поднять тревогу, его шайки уже скрывались. Не довольствуясь этим успехом, он, кроме того, сделал вторжение во владения Мондира, напал на Мореллу и, ограбив всю окрестную страну, перестроил и укрепил Алкалу. Санхо Арагонский выступил тогда на помощь Мондиру и, став лагерем на берегах Эбро, потребовал от Родриго немедленного очищения земли своего союзника. Родриго ответил на это насмешкой: он предложил ему конвой на случай, если бы тот пожелал продолжать свое путешествие. Раздраженные этим ответом, Санхо и Мондир напали на него. Оба войска долго оспаривали друг у друга победу; но, наконец, союзники были вынуждены обратиться в бегство. Родриго преследовал их; одиннадцать дворян и две тысячи простых воинов попались в его руки, и когда с огромной добычей он возвращался в Сарагосу, к нему вышли навстречу Мутамин и его сыновья, сопровождаемые толпой мужчин и женщин, оглашавших воздух радостными кликами.

Немного спустя Мутамин умер (в 1085 г.). Сын его, Мостаин, наследовал ему, и Родриго поступил на службу к новому князю; но мы ничего не знаем о его военной деятельности в период от 1085 по 1088 г., кроме того, что он заключил с Мостаином договор, целью которого было покорение Валенсии. С этого времени начинается самая интересная часть его поприща; но чтобы понимать роль его в тот момент, нам нужно будет предварительно бросить беглый взгляд на историю Валенсии.

После раздробления калифата, внук знаменитого Альмансора[1], называвшийся Абдалазис, который носил прозвание своего деда, царствовал в королевстве Валенсии в течение 40 лет. Сын его, Абдальмелик-Модгаффар, наследовал ему в январе 1061 г.; но четыре года спустя ему изменил первый его министр, Абу Бекр ибн-Абдалазис[2], и он был лишен престола своим тестем, Мамуном Толедским, который заключил его в крепость Куенку.

Таким образом, Валенсия была присоединена к Толедскому королевству; но после смерти Мамуна, в 1075 г., она снова отделилась. Князю этому наследовал внук его Кадир; а так как последний был слишком слаб, чтобы держать своих вассалов в повиновении, то Абу Бекр ибн-Абдалазис, назначенный Мамуном для управления Валенсией, в награду за оказанную им помощь деду, поспешил объявить себя независимым и отдался под покровительство Альфонса VI, которому он обещал платить ежегодную дань. Но покровительство императора было ненадежно. Ввиду личных интересов Альфонс не стеснялся продавать своих клиентов и их владения. Ибн-Абдалазис испытал это на себе, ибо Альфонс в 1076 г. продал Валенсию Моктадиру Сарагосскому за сто тысяч червонцев и, чтобы вручить ее ему, выступил с войском в поход. Будучи не в состоянии защищаться, ибн-Абдалазис вышел один без войска навстречу монарху. Он умел быть настолько красноречивым, говорят арабские историки, что склонил Альфонса отступить от своего намерения и нарушить договор, заключенный им с Моктадиром; но все заставля-

---

[1] Альмансор был первым министром последних калифов, пользуясь их слабостью, неограниченно управлял всем калифатом. Он умер в 1000 г.

[2] *Ибн* значит сын; у арабов есть обычай называть часто по одному отчеству, как, например, ибн-Абдалазис, то есть Абдалазисов сын.

ет думать, что это красноречие состояло в звонкой монете, или, быть может, князю удалось убедить короля в том, что продать Валенсию все равно, что заколоть курицу, несущую золотые яйца.

Девять лет спустя Альфонс снова продал Валенсию, и на этот раз он ее продал Кадиру. Под предлогом помощи против его неприятелей, он мало-помалу лишил этого несчастного князя его золота и его крепостей, пока, наконец, Кадир, без средств и опасаясь ужасного действия отчаяния со стороны своих подданных, которых он угнетал налогами, предложил ему Толедо с условием, что Альфонс сделает снова его владетелем Валенсии. Альфонс принял предложение и 25 мая 1085 г. вступил в древнюю столицу королевства визиготов, между тем как Кадир оскорблял мусульман и подвергал себя насмешкам со стороны христиан, пытаясь узнать по астролябии час, благоприятный для своего отъезда. Когда, по его мнению, этот час наступил, он отправился в путь; но тщетны были его усилия проникнуть в замки: он нашел себе убежище только в Куенке, где начальствовал слепо ему преданный Бенин-Фарадж. Желая наперед испытать намерения ибн-Абдалазиса, он послал в Валенсию одного из членов фамилии Бенин-Фараджа. Посланный завел было там переговоры, но они ни к чему не привели. Справедливо встревоженный договором, который Кадир заключил с Альфонсом, ибн-Абдалазис искал и нашел себе могущественного союзника. Это был Мутамин Сарагосский, сыну которого, Мостаину, он предложил свою дочь. Мутамин, надеясь, что таким образом сын его со временем сделается владетелем Валенсии, поспешил принять такое предложение и, желая придать свадьбе своего сына чрезвычайный блеск, пригласил на свадебное пиршество всех особ, высоко стоявших в Арабской Испании, для которых в течение нескольких дней он устраивал великолепные праздники.

Немного спустя ибн-Абдалазис умер после десятилетнего царствования. Он оставил двух сыновей, которые еще при жизни отца были врагами и которые после его смерти оспаривали друг у друга правление. Каждый из них имел своих сторонников. Третья сторона желала отдать Валенсию королю Сарагосскому, четвертая – Кадиру.

Кадир, извещенный ибн-аль-Фараджем, который вернулся к нему, о том, что происходило в Валенсии, увидел благоприятную минуту для приведения своих планов в исполнение. Он собрал свое войско и, упросив Альфонса исполнить на деле свое обещание, получил от него отряд под начальством Альваро-Фанеза, родственника Родриго и одного из храбрейших воинов той эпохи.

Приближение кастильцев сразу усмирило раздоры в Валенсии. Не желая подвергать город грабежу этих страшных воителей, собрание знатнейших граждан поспешило низложить Отмана, сына ибн-Абдалазиса, который успел было захватить власть, и послало некоторых из своих членов, к которым присоединился правитель замка, Абу-Иза ибн-Лаббун, в Серра-де-Накера, где Кадир остановился лагерем, сообщить ему, что город будет считать за счастье иметь его своим верховным властителем. Сопровождаемый кастильцами, бывший король Толедский вступил наконец в Валенсию, где толпа приветствовала его восклицаниями; но энтузиазм этот далеко не был искренний: он был вызван ужасающим зрелищем всех этих рыцарей, закованных в железо, длинные мечи которых сверкали на солнце.

Жителям Валенсии приходилось позаботиться о содержании кастильских войск: они должны были стоить им ежедневно шестьсот золотых монет. Как ни старались они убедить Кадира в бесполезности его армии, на том основании, что они будут служить ему верно,– Кадир не был настолько доверчив, чтобы поддаться их обещаниям; зная, что его ненавидят, и что, кроме того, старые партии не отказались от своих надежд, он удержал кастильцев. Чтобы быть в состоянии платить им жалованье, он обложил город и все государство необыкновенным налогом под видом, что он нуждается в деньгах для покупки ячменя. Валенсийцы сильно роптали на такой налог, который падал без различия на богатых и бедных и который они коротко называли

Печать Вильгельма Завоевателя (1066–1087 гг.). Париж. Национальный архив

ячмень. «Дайте ячменя!» – говорили, встречаясь на улице. В мясной лавке была собака, которую приучили лаять, когда говорили ей: «Дайте ячменя!» – «Слава Богу,– восклицает один поэт,– мы имеем таких много в нашем городе, которые походят на эту собаку; когда им говорят: “Дайте ячменя!” – это столько же их раздражает, как и ее».

Несчастная война увеличила недоверие, в которое Кадир успел уже впасть. Между правителями крепостей один, ибн-Макур, правитель Ксативы, несмотря на полученное им формальное приказание, отказался лично явиться для принесения присяги новому королю; он ограничился тем, что послал от себя посла с письмами и подарками. Раздраженный его непослушанием, Кадир обратился к ибн-Лаббуну, которого назначил он первым министром, за советом, что следовало предпринять в таком случае. Ибн-Лаббун советовал ему не ссориться с ибн-Макуром и отослать Альваро-Фанеза и его армию. Но Кадир, не доверявший своему министру за то, что он был другом его предшественника, счел за лучшее последовать совету сыновей ибн-Абдалазиса и, собрав большую армию, направился против Ксативы. Без труда он овладел самой нижней частью города, но в течение четырех месяцев тщетно осаждал замок. Тогда весь его гнев обратился на сыновей ибн-Абдалазиса, и так как ячмень приносил недостаточно выгод, то он присудил одному из них содержать за свой счет кастильскую армию в течение целого месяца.

Между тем ибн-Макур, доведенный до крайности, послал сказать Мондиру, князю Дении, Лериды и Тортозы, что уступает ему Ксативу и все прочие замки, если он окажет ему пособие. Мондир принял предложение и, послав к ибн-Макуру своего предводителя аль-Эзара с подкреплением, собрал войско, взял к себе на жалованье каталонца Жиро д'Аламана, барона Сервельонского, и направился к Ксативе. При его приближении король Валенсии со всей поспешностью обратился в бегство, и Мондир овладел Ксативой. Ибн-Макур пошел на жительство в Дению, и Мондир всегда относился к нему с большим почтением.

Когда покрытый стыдом Кадир вступил в Валенсию, жители этого города и правители замков захотели сбросить с себя власть этого презренного деспота и отдаться Мондиру, палатки которого были уже совершенно близко от столицы. Но этот план не удался, ибо спустя немного времени Мондир возвратился в Тортозу, потому ли, что должен был идти защищать свои собственные владения, или потому, что не имел больше денег, чтобы платить барону Сервельонскому, своей главной опоре. Освободившись от своего врага, Кадир мог теперь снова начать свои бессовестные сборы. Он уже извлек насилием огромные суммы у сыновей ибн-Абдалазиса, у одного богатого еврея, их майордома, и у многих знатнейших граждан; так как никто с тех пор не считал себя безопасным относительно имущества или жизни, то валенсийцы толпами покидали отечество. И несмотря на эти действия ужаснейшего деспотизма, Кадир, понуждаемый Альваро-Фанезом к уплате остального его жалованья, находился однажды совсем без средств. Тогда он предложил кастильцам селиться в его королевстве, предоставляя им весьма обширные земли. Они согласились на это; но, заставляя рабов обрабатывать свои обширные поземельные владения, они продолжали обогащать себя набегами на окрестные страны. Шайки их пополнялись арабской чернью. Толпы рабов, людей порочных и опозоренных судом, вступали под их знамена, и скоро эти шайки приобрели печальную известность за свои неслыханные жестокости. Они убивали мужчин, оскорбляли женщин и часто продавали пленного мусульманина за хлеб, бутылку вина или фунт рыбы. Когда пленник не хотел или не мог уплатить выкупа,

они резали у него язык, выкалывали глаза или отдавали на растерзание псам.

Прибытие короля Марокского, Юсуфа ибн-Текуффина, Альморавида, которого андалузские князья призвали к себе на помощь, освободило наконец Валенсию от ее кровожадных гостей. Альфонс, принужденный вступить в сражение с тучами африканских варваров, отозвал к себе Альваро-Фанеза, и когда был разбит в знаменитом сражении при Саллаке, происшедшем в четверг 23 октября 1086 г., то не мог более вмешиваться в дела Валенсии. В то же самое время правители крепостей подоспели с восстанием против Кадира, и со своей стороны соседние князья старались свергнуть его с престола в свою пользу. Мондир первый решился сделать на него нападение. Получив обещание в помощи со стороны главных вельмож Валенсии, он собрал войско в 1088 г., нанял каталонцев и послал вперед одного из своих дядей, который должен был пройти через Дению и которому он назначил время для соединения с ним под стенами Валенсии. Дядя Мондира прибыл к Валенсии днем ранее условленного. Кадир его атаковал; но он отразил его и принудил возвратиться в город. Вскоре после того к нему присоединился сам Мондир, который в то время, когда получил известие об этой победе, находился на расстоянии одного дня пути. Кадир не знал, что делать; он хотел сдаться, но ибн-Тагир, бывший король Мурсии, живший в то время в Валенсии, отклонил его от этого намерения. Потому он обратился за помощью к Альфонсу и Мостаину Сарагосскому.

Но королю Сарагосскому сильно хотелось не столько помочь Кадиру, сколько ограбить его. Какой-то предводитель Валенсии, ибн-Каннун, в то самое время обещал ему устроить дело таким образом, что Валенсия ему будет сдана; кроме того, он уверял, что брат его, правитель Сегорбы, уступит ему эту крепость. Мостаин, постоянно обещая Кадиру прийти для его освобождения, в то же время тайно заключил с *Родриго Сидом* договор, по которому они обязались помогать друг другу в деле завоевания Валенсии, с условием, что вся добыча будет принадлежать Сиду, а сам город достанется Мостаину. У последнего было четыреста рыцарей, а у Сида – три тысячи (1088 г). Так началась знаменитая эпоха деятельности Сида.

Не желая ожидать их прибытия, Мондир объявил Кадиру, что он не только готов снять осаду, но что, кроме того, желает быть его другом и союзником – с условием, если он не сдаст города Мостаину. Король Валенсии, хотя очень хорошо понимал, что Мондир только ожидает другого более благоприятного случая, чтобы завладеть его княжеством, но тем не менее принял предложенное ему.

Когда Мондир вернулся в Тортозу, а Мостаин и Сид подошли к Валенсии, то Кадир вышел им навстречу и поблагодарил их за освобождение его от осады. Во всяком случае, надежды короля Сарагосского не осуществились. Он тщетно ожидал, что ему сдадут Сегорбу, как то было обещано ему ибн-Каннуном. Кроме того, он был обманут своим союзником Сидом. Последний позволил подкупить себя великолепными подарками, сделанными ему Кадиром помимо Мостаина, и когда этот напомнил ему его обещание, то Сид ответил, что для того, чтобы овладеть Валенсией, следовало бы прежде всего объявить войну Альфонсу, так как Кадир только вассал этого монарха. Он очень хорошо знал, что король Сарагосский не будет настолько неосторожен, чтобы вооружить против себя могущественного императора.

Обманутый в своих ожиданиях, Мостаин возвратился в Сарагосу. Он оставил в Валенсии одного из своих вождей с отрядом всадников под предлогом подать при случае помощь Кадиру, а на самом деле для того, чтобы самому всегда иметь помощников в Валенсии, в случае если бы опять представилась ему возможность овладеть этим городом. Потом, желая наказать ибн-Лаббуна, который обязался сдать ему Мурвьедро, но не сдержал своего обещания, он приказал Родриго осадить крепость Ксерику, которая принадлежала владетелю Мурвьедро и находилась на большой дороге между Сарагосой и Валенсией, в десяти лье (40 верстах) от последнего города и в двух лье (8 верстах) от Сегорбы. По нерадению правителя Ксерика не была снабжена оружи-

ем и жизненными припасами; но ибн-Лаббун объявил Мондиру, что если он придет на помощь, то признает себя его вассалом по этой крепости. Прельщенный этим предложением, Мондир вовремя явился на помощь и принудил Родриго снять осаду.

Тогда Сид, опасаясь, чтобы Мондир не успел в своих видах на Валенсию, тайно посоветовал Кадиру не сдавать города кому бы то ни было. В одно с этим время он объявил Мостаину, что поможет ему овладеть Валенсией, то же самое пообещал и Мондиру, наконец, послал сказать Альфонсу, что он признает себя его вассалом, что войны, которые он поддерживает, выгодны для Кастилии, потому что они ослабляли мавров и давали возможность содержать христианское войско за счет мусульман; он присовокупил, что надеется скоро доставить Альфонсу обладание всей страной. Альфонс поддался этим фальшивым уверениям и позволил Родриго удержать при себе свою армию.

Имея теперь руки свободными, Родриго воспользовался этим обстоятельством, чтобы сделать нашествие на окрестности; и когда его спрашивали, зачем он так действует, он отвечал, что делает это для того, чтобы иметь что есть. После он явился в Кастилию (1089 г.) для заключения условий с Альфонсом. Король очень хорошо принял его, подарил ему несколько замков и даровал грамоту, в которой объявлял, что все земли и все крепости, какие со временем будут отняты Родригом у мавров, будут принадлежать на правах собственности ему и его потомкам. Затем Родриго вернулся в Валенсию, сопровождаемый своей армией, которая состояла из семи тысяч человек. Его присутствие было там необходимо, ибо в то время, пока он еще находился в Кастилии, Мостаин, убедившись, что если ему придется рассчитывать на помощь Сида, то никогда не удастся овладеть Валенсией, заключил союз с Беренгаром Барселонским. Последний обложил в это время столицу Кадира; со своей стороны король Сарагосский построил два укрепления: одно в Лирии – городе, отданном ему в ленное владение королем Валенсии, когда он приходил к нему на помощь; другое в Цеболле; он намеревался построить третье – в замке близ Альбуферы, так чтобы никто не мог вступить в Валенсию, ни выйти из нее. Но когда Сид приблизился к Валенсии, Беренгар не осмелился его ждать и решился снять осаду. Прежде чем уйти, его воины позволили себе сделать разные дерзкие выходки и угрозы против Сида, который знал обо всем этом, но не хотел вступать с ними в сражение, потому что Беренгар был родственником Альфонса, его повелителя. Наконец Беренгар выступил на Реквену и возвратился в Барселону. Прибыв в Валенсию, Сид обещал Кадиру привести в его повиновение мятежные замки, охранять его от всех врагов, как мавров, так и христиан, самому утвердиться в Валенсии, сносить в этот город всю добычу, какую он получит, и продавать ее там. Со своей стороны Кадир обязался платить ему за то ежемесячную подать в десять тысяч денариев. Ибн-Лаббун Мурвьедрский купил также его покровительство.

Потом Сид сделал нашествие на землю Альпуента, где царствовал в это время Джанах-ад-дола Абдалах, и заставил правителей крепостей платить Кадиру постоянную подать. Но скоро после того он получил посольство от Альфонса. Этот государь владел в то время замком Аледо, недалеко от Лорки, а так как войско, составлявшее в нем гарнизон, делало по временам набеги на мусульманские земли, то король Марокский, сопровождаемый многими андалузскими князьями, осадил его в 1090 г. Тогда Альфонс написал Сиду приказание идти вместе с ним на помощь осажденным. Сид отвечал, что он готов, и просил короля известить его о времени своего выступления в поход. Затем он выступил из Реквены и прибыл в Ксативу, куда явился посланный короля сказать ему, что последний находится в Толедо с армией около восемнадцати тысяч человек. Альфонс велел также ему сказать, чтобы он ожидал его в Виллене, потому что он рассчитывал проходить через это место; но так как Сиду недоставало в Виллене жизненных припасов, то он отправился в Онтинанту, позаботившись во всяком случае оставить в Виллене и Чинчилле несколько войска, которое должно

было известить его о прибытии короля. Между тем Альфонс направился не по тому пути, на который указывал, а по другому; и когда Сид узнал, что король находится уже впереди, что очень опечалило его, то немедленно покинул Геллин, в котором он был тогда, и, оставив позади главную часть армии, с незначительным отрядом явился в Молину.

Альфонсу не пришлось вступить в сражение. При его приближении Юсуф и короли андалузские ушли в Лорну; но враги Родриго скоро обвинили его в измене королю: они утверждали, что он с намерением медлил прибыть, чтобы таким образом армия кастильская была изрублена в мелкие куски сарацинами. Альфонс поверил этим доносам: он отнял у Сида все земли и все замки, которые даровал ему в предыдущем году, конфисковал его родовые имения и заключил в тюрьму жену его и сыновей. Извещенный об этих мерах, Родриго послал одного из своих рыцарей для оправдания себя перед королем; он предложил доказать свою невинность лично через одного из своих на судебном поединке. Король отвергнул это предложение, но отослал к Родриго его жену и детей. Тогда последний представил королю четыре оправдания, каждое в различных выражениях. Король, однако, остался непреклонным.

Поссорившись снова с Альфонсом и не состоя более на службе у короля Сарагосского, Родриго был теперь предводителем войска, которое зависело только от него одного и которое существовало лишь за счет добычи. Отправившись из Эльши после праздника Р. Х. 1090 г., он подошел к крепости Полоп (в восьми лье на северовосток от Аликанте), где находилось подземелье, наполненное деньгами и дорогими материями. Желая овладеть этими богатствами, Родриго осадил замок и в короткое время принудил гарнизон сдаться. Потом, разорив все кругом, так что от Оригуелы до Ксативы не оставалось на месте ни одной каменной стены, он направился к Тортозе, овладел Мираветом (к северу от Тортозы) и там остановился. Мондир, находясь в затруднительном положении, пообещал большие суммы Беренгару, графу Барселонскому, если он придет к нему на помощь и освободит его от Сида. Граф не заставил много себя просить, ибо он сгорал нетерпением отомстить Сиду, овладевшему доходами, которые он некогда получал от королевства Валенсии. Он собрал большую армию и, остановившись лагерем у Каламохи, в провинции Альбаррасин, отправился с несколькими товарищами к Мостаину Сарагосскому, который тогда находился в Дароке и у которого он хотел просить помощи. Мостаин дал ему денег и вместе с ним отправился к Альфонсу просить последнего поддержать их в войне, которую они предпринимали против Сида. Но они совершили это путешествие даром, и граф Барселонский вернулся в Каламоху, не получив от императора ни одного воина. Не больше получил он и от Мостаина. Этот король не осмелился отказать графу в деньгах, которых тот просил у него, но слишком старался сохранить мир со всеми соседними князьями и военачальниками, и в то самое время, когда Беренгар приготовился атаковать Сида, он тайно известил последнего о приготовлениях его врага. Сид, который тогда стоял лагерем в долине, окруженной высокими горами, и вход в которую был чрезвычайно узкий, ответил ему, что благодарит его за предупреждение, но что он не страшится своего противника и ожидает его. Впрочем, письмо, в котором он говорил это, было наполнено ругательствами против Беренгара, и в довершение всего Сид просил Мостаина показать его графу. Мостаин так и сделал,– тогда-то Беренгар, задетый за живое, написал Сиду, что отомстит ему за оскорбления. «Ты вообразил,– писал он ему,– что я и мои сотоварищи не больше как женщины: если Бог поможет, то мы тебе скоро покажем, до какой степени ты ошибаешься... Мы знаем, что вороны, ястребы, орлы, одним словом, почти все птицы у тебя боги, и что ты больше полагаешься на гадания по этим животным, чем на помощь Всемогущего; мы же, напротив, мы верим, что есть только один Бог и что этот Бог отомстит тебе за нас, предав тебя в наши руки. Завтра при первых солнечных лучах

ты увидишь нас у себя, и если ты тогда же покинешь свои горы, чтобы прийти помериться с нами силами на равнине, – мы будем считать тебя за Родриго, прозванного Воителем; но если ты не придешь, мы будем считать тебя за низкого изменника. Мы не покинем тебя до тех пор, пока будем иметь тебя в наших руках, живого или мертвого. С тобой мы поступим так, как ты намереваешься поступить с нами, забияка (albarraz)! Бог отомстит за свои церкви, которые ты осквернил и разрушил».

Выслушав чтение этого письма, Родриго тотчас же отвечал: «Да, Беренгар,– писал он,– я оскорбил тебя, но вот тому причины: когда ты был с Мостаином в Калатайоде, ты его уверял, что я, страшась тебя, не осмеливаюсь сделать нападение на его владения. Некоторые из твоих вассалов, подобные Раймонду Баранскому, утверждали то же самое перед королем Альфонсом в присутствии кастильских рыцарей. Сам ты, наконец, сказал королю Альфонсу при Мостаине, что ты непременно изгнал бы меня из страны гаджиба (Мондира), но что я не осмелился ожидать тебя и что, кроме того, ты не хотел сражаться с вассалом короля. Вот за что я поносил тебя! Итак, теперь ты не имеешь больше предлога не нападать на меня; напротив, тебе обещана гаджибом огромная сумма, и ты со своей стороны обязался перед ним изгнать меня из его владений. Держи же свое слово! Выходи, если ты смеешь, сразиться со мной. Я нахожусь на равнине самой обширной, какая только есть в этой стране, и лишь только завижу тебя, расплачусь с тобой по обыкновению».

Раздраженные до крайности и взбешенные, Беренгар и его каталонцы поклялись отомстить за себя. Пользуясь темнотой ночи, они заняли, не будучи замечены, горы, окружавшие лагерь Родриго, и чуть свет внезапно устремились на неприятелей. Нападение было так неожиданно, что воины Сида едва имели время вооружиться. Предводитель их, дрожавший от негодования и бешенства, не теряя ни минуты, построил их в боевой порядок; затем, поведя их в дело, устремился на первые ряды неприятелей и опрокинул их; но в жаркой схватке он довольно опасно ранил себя, упав с лошади. Воины его тем не менее продолжали храбро сражаться и, одержав победу, ограбили неприятельский лагерь, взяли, кроме того, в плен графа Барселонского и около пяти тысяч его сподвижников, в числе которых находился Жиро д'Аламан.

Беренгар велел проводить себя в палатку Родриго и просил у него прощения. Сид сначала поступил с ним сурово, не позволяя ему садиться возле себя в палатке, и приказал своим людям держать его под караулом за чертой лагеря; но снабдил его, равно как и других пленников, достаточным количеством жизненных припасов. Спустя некоторое время он согласился на выкуп, предложенный ему Беренгаром и Жиро д'Аламаном, который состоял в восьмидесяти тысячах золотых марок. Прочие пленники также получили свободу, обещая дать за себя выкупы, и, вернувшись домой, собрали денег сколько могли; но, не имея их в достаточном количестве, предложили в заложники своих сыновей и родственников. Тронутый их несчастьем, Родриго имел благородство отказаться от их выкупа.

Да будет позволено нам оставить здесь на минуту исторические документы и позаимствовать из героической поэмы одно место, интересное своей драматической формой и выразительной простотой. Автор, рассказав о том, как граф Барселонский, которого он называет Раймондом, попал в плен, продолжает следующим образом:

«Идет большая стряпня у Мон-Сида[1] дон Родриго. Только граф дон Раймонд не обращает на это внимания; ему приносят кушанья, ставят их перед ним: он не хочет их есть, он отталкивает все блюда. "Я не съем ни одного куска хлеба за все блага, какими владеет целая Испания! Я скорее истощаю телом и испущу дух, потому что такие разбойники победили меня в сражении!" Мон-Сид Рюи-Диаз, послушайте, что на это ему говорит: "Кушай, граф, этот хлеб и пей это вино; если ты исполнишь мое требование, то перестанешь быть пленником; если же нет, ты не увидишь в свою жизнь христианской земли". Граф дон Раймонд

[1] Mon-Cid, то есть mon seigneur, monsieur.

ему отвечает: “Кушай ты сам, дон Родриго, и помышляй о своих удовольствиях; но что касается меня, то позволь мне умереть, ибо я вовсе не хочу есть”. До третьего дня они не могут поколебать его решимости, и пока они делят свою богатую добычу, не могут заставить его съесть куска хлеба. Мон-Сид говорит: “Скушай что-нибудь, граф, ибо если не будешь есть, не увидишь христиан; но если ты станешь есть и сделаешь мне угодное, я возвращу свободу тебе и двум твоим рыцарям”. Услышав это, граф повеселел: “Сид, если ты исполнишь то, что сказал, я буду удивляться тебе всю мою жизнь”.– “Итак, кушай же, граф, а когда пообедаешь, я отпущу тебя и двух других. Но из того, чего ты лишился, и что я приобрел на поле битвы, знай, ты не получишь даже фальшивого денария. Я не отдам тебе ничего из того, что ты потерял, ибо оно мне нужно для тех моих вассалов, которые при мне находятся в бедности; ничего из того я тебе не дам. Беря от тебя и от других, мы должны им платить; мы будем вести такую жизнь, пока это будет угодно вечному Отцу, потому что я человек, навлекший на себя гнев своего короля и изгнанный из своего отечества”. Граф весел: он спрашивает воды, чтобы умыть себе руки; ему ее подносят, тотчас ее подают. С двумя рыцарями, которых Сид ему дал, граф садится кушать. Боже! С каким удовольствием он это делает! Против него сидит тот, который родился в счастливую минуту. “Если ты не будешь хорошо есть, граф, так, чтобы я мог удовольствоваться, мы останемся вместе, мы не покинем друг друга”. Тогда граф говорит: “Охотно и от чистого сердца!” Торопливо обедает он со своими двумя рыцарями; Мон-Сид, который смотрит на него, доволен, потому что граф дон Раймонд так проворно работает руками. “Если ты позволишь, Мон-Сид, то мы готовы отправиться в дорогу. Прикажи нам подать лошадей наших, и мы тотчас же поедем. С тех пор как я граф, я не обедал с таким аппетитом. Я никогда не забуду хорошего обеда, какой сейчас имел”. Им подают трех прекрасно оседланных породистых коней, хорошую одежду, шубы и плащи. Граф дон Раймонд едет посреди двух своих рыцарей; до границы лагеря их сопровождает кастилец. “Вы поезжайте, граф, совершенно свободно. Я вам остаюсь признательным за то, что вы меня оставляете. Когда вы пожелаете отомстить и будете искать меня, то найдете меня. Но если вы не пойдете меня искать, если вы оставите меня в покое, то между мной и вами не будет ничего общего”.– “Будьте веселы, Мон-Сид, и здоровы; я уплатил вам за весь этот год; идти же вас искать мне даже и в голову не придет”. Граф пришпорил лошадь и отправился в путь; уезжая, он оборачивал голову и смотрел назад, опасаясь, чтобы Мон-Сид не отменил своего решения, и чего последний не сделал бы ни за какие блага в мире; вероломство было ему чуждо».

Монета Вильгельма Завоевателя (1066–1087 гг.)

Благородство, которое доказал Родриго, глубоко тронуло графа Барселонского, так что спустя несколько времени он объявил ему, что желает быть его другом и союзником. Родриго, который сохранял еще вражду, отверг сначала это предложение; но когда полководцы его представили ему, что граф, у которого похищено все, что только стоило взять, ничего не значил как враг, но как союзник мог еще быть полезным, Родриго уступил наконец их советам и согла-

сился заключить договор со своим старым противником. Беренгар после того прибыл в лагерь Родриго и, подписав договор, отдал часть своих владений под покровительство своего союзника, что значило сделаться его данником.

Княжество Тортоза последовало его примеру. При известии о проделке своего союзника Мондир умер от огорчения, оставив малолетнего сына, опеку над которым поручил бени-бетирам. Последние поняли, что они нуждались в покровительстве Сида, и купили его за пятьдесят тысяч денариев годовой подати. Благодаря страху, какой внушало его оружие, Сид в ту эпоху пользовался очень значительным доходом, ибо кроме сумм, которые ему выплачивали Беренгар и бени-бетиры, он получал ежегодно 120 000 денариев от князя Валенсии, 10 000 от владетеля Альбаррасина, столько же от владетеля Альпуенты, 6000 от владетеля Мурвьедро, столько же от владетеля Сегорбы, 4000 от владетеля Ксерики и 3000 от владетеля Альменары. Лириа, принадлежавшая королю Сарагосскому, которая должна была платить 2000 денариев, не вносила тогда этой подати. Потому Сид осадил этот город в 1092 г., как вдруг получил от своих друзей и от кастильской королевы письма, в которых они говорили, что он снова легко может войти в милость Альфонса, если только примет участие в походе, который этот последний приготовлял против Альморавидов. Родриго, хотя Лириа была близка к сдаче, счел, однако, должным последовать совету, который ему давали, и, выступив в поход, присоединился к императору в Мартозе, на запад от Жаены. Альфонс, который вышел к нему навстречу, принял его с большим почтением; но с наступлением ночи, когда он расположил свой лагерь на горах, рассердился, увидев, что Родриго раскинул свой стан более впереди, на равнине. Поступая таким образом, Родриго имел в виду совершенно уважительную причину: он хотел защитить императора от нападения и первый натиск неприятеля принять на себя; но вместо того, чтобы смотреть с этой точки зрения, император хотел видеть в этом новое доказательство его надменности. «Смотрите,– говорил он своим придворным,– какое поношение делает нам Родриго! Когда он присоединился к нам, то говорил, что устал от долгого похода, а теперь он не уступает нам первенства и ставит свои палатки впереди наших». Как надобно было ожидать, придворные вполне согласились с ним.

Исход кампаний не был такого рода, чтобы привести Альфонса в лучшее расположение духа. В сражении, которое началось между Жаеной и Гренадой, сначала войска его имели большой успех; но позже они потерпели полное поражение, и сам Альфонс едва избежал неприятельского меча.

При таком настроении Альфонс, естественно, обвинил Родриго в тяжелом уроне, который он понес, и в своем гневе не ограничился одним словесным поношением: он хотел еще задержать его. Родриго, однако, ушел; пользуясь темнотой ночи, он со всевозможной поспешностью вернулся в Валенсию, но не привел с собой всех своих воинов: многие из них покинули его, чтобы поступить на службу к императору.

Не будучи в состоянии овладеть личностью Родриго, Альфонс решился наказать его другим способом. Он вознамерился отнять у него Валенсию. Этот город действительно находился во владении Сида и ему платил подать; а когда распространился слух, что существовавший только по имени король, Кадир, и который в то время был серьезно болен, скончался, Валенсия смотрела на Сида как на своего государя. Атаковать и взять Валенсию – это значило бы отнять у Сида самое лучшее его владение, это значило бы нанести ему рану в самое чувствительное место его самолюбия. Альфонс очень хорошо понял это и, заключив союз с пизанцами и генуэзцами, которые ему прислали четыреста судов, он воспользовался отсутствием Сида, занятого в то время поддержкой короля Сарагосского против короля Арагонского, и осадил Валенсию с сухого пути и с моря, объявив правителям замков провинции, что они должны уплачивать ему подать, в пять раз большую той, которую они платили Сиду.

Столько же удивленный, сколько и раздраженный, Родриго сначала сделал почтительные представления; но видя потом, что император не обращает внимания, он при-

бегнул к другому средству. Выступив из Сарагосы со своим войском, он, подобно грому, разразился над графствами Нажерой и Калагоррой и, предавая огню и мечу все, что встречалось ему на пути, взял приступом Альберит, Логроно и Альфаро. В то время, когда он еще находился в последней крепости, послы графа Гарсии-Ордонеца, правителя провинции, пришли объявить ему от имени своего господина, чтобы он оставался там только семь дней, по истечении которых граф явится дать ему сражение. Так как Гарсия, второе лицо в государстве по своему знатному происхождению, по своим связям с королевской фамилией, по своему богатству и высоким заслугам, был непримиримым врагом Сида, то последний сгорал нетерпением наказать его. Потому он велел отвечать ему, что ждет его. Прибыв в Альберит, Гарсия, который успел раздумать, внезапно возвратился назад. Сид оставался в Альфаро до истечения срока, назначенного неприятелем; а потом, видя, что он не приходит, вернулся в Сарагосу, не ожидая прибытия Альфонса, который снял осаду Валенсии, чтобы идти защищать свои собственные владения (1092 г.).

Таким образом, попытка Альфонса имела весьма дурной успех. Вместо того, чтобы радоваться взятию Валенсии, ему пришлось оплакивать опустошение одной из своих собственных провинций. А это опустошение было полное: Сид, когда принимался грабить и жечь, то не делал дела вполовину. Логроно, например, был разрушен совершенно до основания, и три года прошли, прежде чем император мог подумать о восстановлении этого города.

Последние годы жизни Сида по удалении Альфонса VI, от 1092 до 1099 г., прошли в беспрерывной борьбе его с Альморавидами, покушавшимися овладеть Валенсией, и с внутренними восстаниями его собственных подданных. Но Сид восторжествовал над всеми врагами и после смерти Кадира сделался настоящим королем Валенсии.

Но незадолго до смерти Сида, последовавшей в июле 1099 г. армия его была разбита Альморавидами. Его вдова, Химена, два года защищала город от мусульман, но в 1101 г. должна была, по совету Альфонса VI, удалиться; выходя из города, христиане сожгли Валенсию до основания, увезя с собой останки Сида, которые и были погребены его женой около Бургоса. В 1104 г. умерла и Химена.

Recherches sur l'hist. et la liter. de l'Espagne,
pendant de moyen âge. II, 109–152 с.

КОММЕНТАРИЙ. Превосходный анализ исследований Дози о Сиде был написан Т. Н. Грановским в статье «Испанский эпос» (Полн. собр. соч., II, с. 210 и след.). В конце своего анализа автор говорит: «Нет никакого сомнения, что из современных ученых никто не может сделать издание полной истории средневековой Испании с таким успехом, как Дози. Да будет нам позволено выразить еще одно желание. Русская литература крайне бедна переводами произведений средневековой поэзии. Поэма о Сиде принадлежит к числу первоклассных памятников этой поэзии и способна возбудить участие всякого образованного читателя. Простотой формы, значительностью содержания она несравненно выше рыцарских романов XI и XII столетий, написанных в остальной Европе: это чисто эпическое произведение. Неужели никто из наших молодых поэтов и ученых не возьмет на себя труда одарить нас переводом замечательного памятника, из которого лучше, чем из многотомных рассуждений, можно понять жизнь Пиренейского полуострова, в один из самых любопытных периодов его истории?»

Древнейшая поэма о Сиде была написана на латинском языке в XII в. (см.: Du Maril. *Poésies populaires latines du Moyen âge. Par. 1847); а национальная «El poeta del Cid u Cronica rimada del Cid» возникла к XIII в. Лучшее издание последней с превосходным введением сделал немецкий ученый* Huber *(1844, Marburg).*

В представленном нами извлечении Дози в первый раз изображает Сида лицом историческим, которое не имеет ничего общего с поэтическим Сидом, безукоризненным героем, как его изобразило XIII столетие. Трудно даже сказать, какой Испании принадлежал Сид более – мусульманской или христианской, и чьей крови он пролил больше – кастильцев или мавров? Сид поэтический принадлежит по своему времени последнему периоду Средних веков и потому см. о нем ниже.

Жюль Мишле

КАПЕТИНГИ ВО ФРАНЦИИ. В XI в. (в 1834 г.)

Первый момент осознания Франции как самостоятельной национальности в ряду прочих европейских народов относится к X столетию, когда Капетинги утвердились окончательно на королевском престоле. Но политическое единство страны сначала и выражалось только одним этим фактом. На деле каждая провинция имела свою историю, так сказать, свой голос, и сама рассказывала свою судьбу. Этот громадный хор наивных и варварских сказаний, подобно церковному пению в мрачной кафедральной церкви в Рождественскую ночь, был сначала дик и раздирателен для исторического слуха. В нем слышались странные, безобразные звуки, едва напоминающие собой человеческий голос, так что, читая историю того времени, не знаешь, празднуется ли то Рождество Спасителя, или это – средневековый праздник глупости, процессия осла. Фантастический оркестр, которому нет ничего подобного, и на котором можно было услышать всякий гимн, и *Dies irae и Alleluia!*

В Средние века было всеобщим верованием, что мир должен окончиться вместе с 1000-м годом от воплощения Богочеловека. Еще до христианства этруски точно так же определяли свой конец десятью веками, и предсказание их исполнилось над ними. Западное христианство легко усвоило себе эти верования. Средневековый мир не имел внешней правильности классического общества, и очень трудно было подметить в нем внутреннюю и глубокую гармонию. Этот мир видел только хаос в себе; он жаждал порядка и ожидал найти его только за гробом. В те времена чудес и легенд, когда все казалось в странном свете, как бы сквозь мутное стекло, люди могли сомневаться в том, чтобы эта видимая действительность была чем-то другим, а не сновидением. Самая обыкновенная жизнь была преисполнена чудесного. Войско Оттона видело солнце в омрачении и желтым, как шафран. Король Роберт (сын Гуго Капета), отлученный от церкви за вступление в брак с родственницей, при разрешении королевы от бремени принял в свои руки чудовище. Дьявол не старался более скрываться; в Риме видели, как он торжественно явился перед волшебником Папой (Сильвестром II). Среди стольких явлений, видений, чудных голосов, между чудесами Божиими и прельщениями дьявола – кто мог сказать, что завтра земля не обратится в прах при звуке последней трубы? По тогдашним понятиям, легко могло случиться, что то, что мы называем жизнью, на деле есть смерть, и мир, погибнув, как известный святой в легенде, *только начнет тогда жить и перестанет умирать*: Et tunc vivere incipit, morique desiit.

Таким образом, печальный конец мира был вместе и надеждой, и ужасом Средних веков. Всмотритесь в старинные статуи кафедральных соборов X и XI вв.: сухощавые, немые, с застывшей на лице гримасой, с видом страдальческим, как жизнь, и безобразные, как смерть. Посмотрите, как они умоляют, всплеснув руками, об этом желанном и страшном моменте, об этой второй смерти воскресения, которая выведет их из неизреченной печали, возвратит из ничтожества к бытию, от могилы к Богу.

Это верное изображение того несчастного мира, сидевшего без надежды на стольких развалинах. Древняя Римская империя пала; империя Карла Великого также исчезла; христианство, по всеобщему убеждению, должно было здесь на земле облегчить наши несчастья, а они продолжались. Бедствия за бедствием, развалины на развалинах! Необходим был переворот, и его ожидали. Пленный ждал в мрачной башне замка, в гробовой *in pace*; раб ждал на своей ниве, под тенью ненавистной ему башни; монах ждал среди своих монастырских воздержаний, уединенных тревог сердца, посреди искушений и падений, угрызений совести и чудных видений, служа жалкой игрушкой дьявола, который жестоко шутил над ним и, вечером стаскивая с него покрывало, с хохотом говорил ему на ухо: «Ты осужден!»

Все желали выйти во чтобы то ни стало из мучительного положения. Для них было

лучше сразу предаться в руки Божии и навсегда успокоиться – хотя бы то пришлось на огненном одре. Мысль о той минуте, когда раздастся в ушах феодального тирана звук трубы архангела, не могла иметь своего очарования; тогда из глубины подземелья башни, из монастыря, в нивы понесется страшный хохот среди всеобщего плача.

Эта ужасающая надежда на последний суд возрастала вместе с бедствиями, которые предшествовали 1000 г. и непосредственно следовали за ним. Казалось, что порядок времен года извратился, что стихии стали следовать новым законам. Страшная чума опустошила Аквитанию; тело больных, как бы обожженное, кусками отделялось от костей и гнило. Несчастные покрывали собой дороги, ведущие к местам поклонения, и осаждали церкви, в особенности св. Мартина в Лиможе; они задыхались у дверей и тут же ложились кучами. Зловоние, которое окружало церковь, не отталкивало их. Большая часть епископов с юга направлялась в то место и приносила мощи из своих церквей. Толпа умножалась, а с ней и зараза; несчастные умирали на мощах святых...

Но при всеобщем ужасе большинство если и находило себе какое-нибудь успокоение, то только под кровом церкви. Кучами несли и клали на алтарь дары от земли, домов и работ. Все акты того времени носят на себе отпечаток одного и того же верования: «Вечер мира приближается,– говорят они,– каждый день навлекает новые бедствия; я, граф, или барон, отдал потому в такую-то церковь для спасения своей души»... Или еще: «Рассуждая, что рабство противно христианской свободе, я освобождаю такого-то, моего раба по плоти, его, детей его и наследников».

Но весьма часто и это не успокаивало их. Они спешили бросить меч, перевязь, все военные доспехи сего мира, искали убежища в среде монахов и под их одеянием и просили себе небольшого угла в их келье, где бы можно было укрыться. Монахам ничего другого не оставалось, как только препятствовать герцогам и королям поступать в их сословие. Вильгельм I, нормандский герцог, все бы оставил, только чтобы удалиться в Жюмьеж, но аббат не согласился на то. Вильгельму удалось одно: похитить клобук и рясу; он унес их с собой, спрятал в небольшой ящик и ключ от него носил всегда на поясе.

Гуго I, герцог Бургундский, а прежде него германский император Генрих II, также сильно желали сделаться монахами. Гуго не был допущен к тому Папой. Генрих, вступая однажды в церковь аббатства св. Ванна в Вердюне, воскликнул с псалмопевцем: «Вот тот покой, который я избрал, и жилище мое от века до века». Один монах, услышав такие слова, известил о том аббата. Последний призвал императора в капитул монахов и спросил его, какие он имеет намерения. «Я желаю, Божьей милостью,– ответил он со слезами,– отказаться от мирской одежды, облечься в схиму и служить одному Богу вместе с вашей братией».– «А пообещаете ли вы,– возразил аббат,– следуя нашему уставу и примеру Иисуса Христа, быть в послушании даже до смерти?».– «Согласен»,– ответил император. «Ну, хорошо, я считаю вас монахом; с этого дня принимаю на себя попечение о вашей душе и все, что я прикажу, желаю, чтобы вы исполнили то со страхом Божиим. Итак, я повелеваю вам возвратиться к управлению империей, которую Бог вам вверил, и заботиться со страхом и трепетом о спасении всего королевства». Император, связанный обетом, должен был против воли повиноваться. Впрочем, он с давних пор в душе был монах, всегда жил со своей женой как брат, и церковь чтит его под именем Генриха Святого.

Таким же святым, хотя и неканонизированным, может считаться наш Роберт, король Франции, сын Гуго Капета. «Роберт,– говорит составитель Сен-Бертинской хроники,– был весьма благочестив, умен и начитан, довольно хороший философ и превосходный музыкант. Он сочинил гимн Святому Духу: *Adsit nobis gratia*; песни*: Judaea et Hierusalem, Concede nobis quae sumus* и *Cornelius centurio*, которые он, переложив на музыку и ноты, послал на алтарь святого Петра в Риме, равно как антифон *Eripe*, и многие другие превосходные произведения. У него была жена Констанция,

Печать Вильгельма II Английского (1087–1100 гг.)

которая однажды попросила его сочинить что-либо в память ее; и он написал гимн: *O, constantia martyrum*, первое слово которого было именем его жены. Сам король ходил в церковь, в Сен-Дени, в королевском облачении и украшенный короной, чтобы управлять хором во время утрени, вечерни и обедни, пел вместе с монахами и соперничал с ними голосом. Так, когда он осаждал какой-то замок в день св. Ипполита, особенно им почитаемого, он оставил лагерь и отправился в Сен-Дени управлять хором за обедней; в то время, когда он набожно пел с монахами: *Agnus Dei, dona nobis pacem*, стены замка внезапно пали, и войско короля овладело им, что Роберт всегда приписывал заслугам св. Ипполита». Биограф Роберта Гельгальд рассказывает нам еще одну черту из жизни короля: «Однажды, вернувшись с молитвы, на которой Роберт, по обыкновению, проливал потоки слез, он нашел свое копье оправленным его тщеславной супругой в серебряные украшения. Рассматривая это копье, он в то же время оглядывался, не увидит ли кого на дворе, кто мог нуждаться в деньгах, и заметив одного нищего в рубище, попросил у него какого-нибудь инструмента, чтобы снять серебро. Нищий не понимал, что он хотел сделать; но служитель Божий велел ему отыскать что-нибудь поскорей. Между тем Роберт предался молитве, а вскоре и посланный вернулся, неся инструмент. Король и нищий оба запираются вместе и отдирают серебро с копья. Потом король своими святыми руками складывает его в суму нищего, советуя ему остерегаться, чтобы королева не увидала его. Когда явилась королева, она была поражена при виде ободранного копья: Роберт же в шутку поклялся именем Господа, что он не знает, как это случилось.

Он имел сильнейшее отвращение ко лжи. Так, для оправдания как тех, от которых он принимал присягу, так и самого себя, он приказал сделать кристальную раку, всю позолоченную, в которую, однако, он не положил никаких мощей: над этой ракой он заставлял клясться своих вельмож, которые вовсе не знали о его благочестивом обмане. Точно так же он заставлял клясться простой народ над ракой, в которую он положил яйцо. О, с какой точностью относятся к этому человеку слова пророка: «Водворится в кровь Всевышнего тот, кто говорит правду, по влечению своего сердца, тот, чей язык не знает и лжи, и кто никогда не сделал зла своему ближнему».

Благотворительность Роберта распространялась на всех грешников без различия. «Когда он ужинал в Этампе,– говорит тот же биограф,– в замке, который Констанция только что построила для него, он приказал отворить двери для всех нищих. Один из них поместился у ног короля, который кормил его под столом. Но нищий, не забывая себя, отрезал у него ножом золотое украшение в шесть унций, которое свешивалось с его колен, и проворно убежал. Когда все встали из-за стола, королева увидела своего государя ограбленным и в негодовании позволила себе обратиться к святому в сильных выражениях: «Какой враг Бога, добрый государь, обесчестил ваше золотое платье?!» – «Никто,– ответил он,– не обесчестил меня; без сомнения, тот кусок нужнее был тому, кто его взял, чем мне, и пусть отрезанное послужит ему с помощью Божьей в пользу». Когда другой раз один вор отрезал у него половину бахромы от его мантии, Роберт обернулся и только сказал: «Иди, иди и довольствуйся тем, что взял; остальное может понадобиться кому-нибудь другому». Вор ушел совершенно смущенный. Такое же снисхождение он оказы-

вал тем, которые похищали священные вещи. Однажды, молясь в своей капелле, он увидел церковника по имени Оггера, который воровски подошел к алтарю, положил на пол восковую свечу, а подсвечник унес под своим платьем. Клерики решительно не знали, кто бы мог заметить это воровство, и спросили у короля; но он уверил, что ничего не видел. Слух об этом дошел до королевы Констанции; в своем гневе она клянется памятью своего отца, что прикажет выколоть глаза у блюстителей, если они не возвратят того, что похищено из сокровища ее святого и праведного. Лишь только узнал о том король, это живое вместилище благочестия, он позвал к себе вора и сказал ему: «Друг Оггер, уходи отсюда, пока не съела тебя моя непостоянная Констанция. Того, что ты имеешь, достаточно будет тебе, чтобы достигнуть места рождения твоего. Да будет Господь с тобой!» Он даже дал ему денег на дорогу и, когда считал вора уже в безопасности, весело сказал приближенным: "Зачем вам так беспокоиться о подсвечнике? Господь отдал его своему нищему"».

Таково было кроткое и невинное настроение души первого короля Капетинга. Я говорю первого, потому что его отец, Гуго Капет, не доверял своему праву и никогда не носил короны; он ограничивался только тем, что имел на голове каппу (cappa, головной убор)[1], подобно аббату св. Мартину Турскому. При сыне его, добром Роберте, прошла страшная эпоха 1000 г., и казалось, что Божественный гнев был обезоружен этим простосердечным человеком, в котором как бы воплотился Божий мир. Человечество ободрилось и надеялось еще просуществовать немного; оно увидело, подобно Эзекии, что Богу угодно было продлить его дни. Оно пробудилось от своей агонии, снова принялось за жизнь, начало трудиться и строить – прежде всего храмы Божии. «Около трех лет, после 1000 года,– говорит Глабер,– почти во всей вселенной, особенно в Италии и Галлии, базилики церквей возобновлялись, хотя большая часть их была еще довольно хороша и не нуждалась в переделке. А между тем христианские народы, казалось, соперничали в том, кто воздвигнет более великолепные соборы. Говорили, что мир встрепенулся и стряхнул с себя свою старость, чтобы облечься в белые одежды церквей»...

С таким религиозным настроением общества вполне гармонировала личность первых Капетингов; но они были дороги для массы и по своему простонародному происхождению. Капеты были в глазах своих современников плебеями саксонского происхождения. Предок их, Роберт Сильный (Robert le Fort) защитил страну от норманнов; Одо беспрестанно сражался с германскими императорами, которые поддерживали последних Каролингов; но преемники Одо до самого Людовика VI Толстого в XII столетии не имеют ничего воинственного. Правда, хроники не пропускают никогда случая заметить при вступлении на престол каждого из первых Капетингов, что они отличались воинственностью, но на деле эти короли поддерживали себя при помощи нормандцев и епископов, в особенности реймсских. Вероятно, епископы платили, а нормандцы сражались за них. Будучи в дружбе с духовенством, которому они должны были своим величием, Капетинги, без сомнения, по совету епископов, старались примкнуть к прошлому и посредством отдаленных связей с греческим миром соперничать с Каролингами древностью. Гуго Капет просил для своего сына руки константинопольской принцессы. Его внук Генрих I женился на дочери русского великого князя (Ярослава Мудрого), происходившей по женской линии от византийских императоров Македонского дома. А этот дом имел притязание восходить до Александра Великого и Филиппа, а через них и до Геркулеса. Король Франции назвал своего сына Филиппом, и это имя удерживалось до нашего времени между Капетами. Такие генеалогии еще более льстили романическому воображению Средних веков, которое по-своему объясняло действительное род-

---

[1] *Cappa*, фр. Chapet, шапка, колпак, род клобука, давшего название всей фамилии, как и у нас кн. Иоанн назывался Калитой. Но во французских хрониках иногда прозвище Капет было бранным. Карл Простой также назывался Капетом.

ство европейских народов с индогерманскими расами, производя франков от троян, саксонцев от македонян, воинов Александра Великого.

Возвышение этой династии было, таким образом, делом духовенства, которому Гуго Капет возвратил его многочисленные аббатства, также делом и герцога Нормандии, Ричарда Бесстрашного. Последний, с которым так дурно обращался в его детстве Людовик Заморский, неоднократно обманутый и его сыном Лотарем, имел основательные причины ненавидеть Каролингов. Гуго Капет был его воспитанником и его шурином...

Внук Гуго Капета, Генрих I, и его сын Филипп I в течение всего XI столетия оставались бездейственными и бессильными зрителями великих событий, которые в ту эпоху потрясали Европу. Они не принимали участия ни в нормандских походах в Неаполь и Англию, ни в европейском крестовом походе в Иерусалим, ни в борьбе пап с императорами; они спокойно позволили императору Генриху III установить свое верховное господство в Европе и отказались помочь графам Фландрии, Голландии, Брабанта и Лотарингии в великой войне Нидерланд против империи. Французское королевство было пока не что иное как надежда, один титул, одно право. Феодальная Франция, поглощенная в самой себе, до начала XII в., представляет одни стремления от центра. На это время историку не остается ничего, как оставить этот бессильный центр в стороне и следить за колоссальной борьбой империи и папства, за походами нормандцев в Сицилию и Англию под знаменами церкви и наконец отправиться вместе с Францией в Св. землю. Тогда только можно будет снова заговорить о Капетингах и увидеть, как церковь избрала их своим орудием на место малопокорных нормандцев, как она составила их судьбу и возвысила до того, что была вынуждена сама склониться перед ними.

Hist. de France. Par. 1835, т. II, с. 131–159.

Радульф Глабер

ПЕРВЫЕ ЕРЕТИКИ ВО ФРАНЦИИ (в 1047 г.)

В 1017 г. в городе Орлеане появилась грубая и неистовая ересь, которая, оставаясь долгое время потаенной и, сея гибель, успела поймать многих сетями своего ослепления. Рассказывают, что эта безумная ересь была начата в Галлии какой-то женщиной, явившейся из Италии и преисполненной дьявола, с помощью которого она увлекала всех, кого угодно, не только глупых и бессмысленных людей, но даже и таких, которые, по-видимому, были ученейшими из духовенства. Появившись в городе Орлеане и оставаясь там некоторое время, она заразила многих ядом своего нечестия. Принявшие в себя зачатки ее учения старались распространить их всеми мерами. Такими ересиархами того развращенного учения сделались двое – о ужас, о горе! – из духовных лиц города, самые славные и родом, и своей ученостью, а именно, Гериберт и Лизой. Они, пока их учение распространялось втайне, снискали приверженцев между людьми, близкими к королю, и придворной знати. Им легче было увлечь подобного рода людей, потому что умы их были менее проникнуты любовью к истинной вере. Они попытались посеять свое пагубное учение не только в вышесказанном городе, но даже и в соседних местах; так они вознамерились сделать участником своего безумия одного здравомыслящего священника в Руане и отправили к нему людей, которые изложили бы перед ним всю тайну их превратного толка. Они говорили, что в непродолжительном времени их учение будет принято всем народом. Выслушав все это, священник поспешил к христианнейшему графу того города, Ричарду, и изложил ему дело по порядку, как слышал. В свою очередь граф отправил немедленно вестника к королю, извещая его о готовящейся погибели овец в самом стаде

Христа. Разведав о том, король, а именно Роберт (сын Гуго Капета), как муж ученейший и христианнейший, весьма опечалился, опасаясь погибели и отечества, и душ человеческих; отправившись немедленно в Орлеан, куда были созваны епископы, аббаты, монахи и некоторые светские, он начал тщательно исследовать, кто были виновниками такого превратного учения, и кто, обманутый ими, разделяет его. По испытании каждого из духовных, как кто понимает и верит в то, что католическая вера неизменно блюдет и проповедует по апостольскому учению, оказалось, что только те двое, Лизой и Гериберт, не отрицая своего образа мыслей, открыто выразили то, что до того времени было ими скрываемо. А за ними и многие признались их единомышленниками, подтверждая, что они ни в каком случае не отделяться от них. Узнав это, король и епископы, пораженные печалью, допрашивали тех двух секретно, как людей, до тех пор весьма уважаемых за чистоту своих нравов; а один из них, Лизой, живший в монастыре св. Креста, был чрезвычайно любим всей братией; другой же, Гериберт по прозванию Девственник, заведовал школой при церкви св. Петра. На вопрос, от кого или откуда они заимствовали свое лжеучение, они отвечали: «Мы уже давно принадлежим этой секте, о которой вы узнали только что теперь; но мы ожидаем, что и вы, и все другие, какого бы закона или ордена кто ни был, присоединитесь к ней, и до сих пор верим в то». После того они изложили сущность своей ереси, далеко превосходящей все древние своей нелепостью. Их разглагольствование тем труднее передать в приличной речи, что оно во всем противоречило истине. Так, они отрицали троичность и единичность Божества. Далее, они утверждали, что земля и небо, как мы их видим, существовали всегда без того, чтобы быть кем-нибудь сотворенными. Так лаяли эти бессмысленнейшие из всех еретиков, подобно псам, и только в одном походили на последователей эпикурейской ереси: они также полагали, что не будет никакого возмездия тем, которые предаются наслаждениям страстей. Все убеждения христиан о благонравии и правде, о вечном вознаграждении за труд земной, они не признали. Между тем, когда они бесстыдно утверждали такие и многие другие безумства, в числе верных поборников правды не нашлось таких, которые, заботясь об истине и спасении, могли бы хорошо отвечать на их слепое заблуждение.

Потому я решился сам, несмотря на свое скудоумие, ответить хотя в нескольких словах на их лжеучение. Прежде всего мне нужно обратить внимание на те слова апостола, которые он произнес в своем предвидении будущего: «Ереси нужны,– гово-

---

МОНАХ РАДУЛЬФ ГЛАБЕР (RADULPHUS MONACHUS,GLABER – ЛЫСЫЙ; по-франц. RAOUL. Ум. в 1050 г.). Он был родом из Бургундии и жил в эпоху правления Роберта I и Генриха I. В молодости известный своей легкомысленной жизнью, он был отдан дядей в монастырь, но там его преследовали за те же нравы, так что он, будучи пять раз изгоняем, наконец утвердился в Клюни. Раскаявшись в прежнем образе жизни, он предался литературным занятиям, плодом которых и были «Пять книг истории своего времени». Его самостоятельный труд охватывает собой только эпоху от Гуго Капета (987 г.) до 1047 г. и замечателен прежде всего по новой попытке изобразить всемирную историю в четырех периодах только на том основании, что на свете существуют четыре стихии, четыре главные добродетели и четыре Евангелия. Вообще его хронику нельзя сравнивать с подобными произведениями того времени, но она полна драгоценных вставок, где автор касается современных ему нравов. Кроме приведенных нами выше извлечений, особенно замечательна третья книга, заключающая в себе сатиру на двор короля Роберта.

Издания: *Duchesne.* Scr. hist. Franc. IV, 1–58, и у *Bouquet.* Rec. VIII, 238. Переводы: *Guizot*. Coll. VI, 169–355. Критика: La Curne de St. Palaye. Memoire concernant la vie et les ouvrages de Glaber, помещенные в «Mem. de l’Acad. des inscript», VIII, 549.

рил он,– чтобы испытать тех, которые пребывают в вере». Вот из чего главным образом видно их безумие и отсутствие в них всяких познаний и ума, когда они утверждают, что Бог не есть творец всего существующего. Всякий понимает, что каждая вещь, какой бы она ни была тяжести или величины, но если существует что-нибудь другое еще большее, то она должна происходить от того, что превосходит величиной все остальное. И это справедливо одинаково и для вещей телесных, и для предметов бестелесных, потому что и телесное и бестелесное, подвергаясь переменам по закону случайности, движения, развития, одинаково отличается от неизменяющего виновника всякого существования, а потому нужно происходить от него и иметь конец, как только что придет в спокойное состояние. А так как один Творец по своей сущности неизменяем, по своей сущности благ и вместе справедлив, и Он один мог в своем всемогуществе устроить разнообразность природы и распределить все в порядке, то кроме Него существующее нигде не может найти своего первоначального спокойствия и возвращается туда, где возымело свое начало. Известно также и то, что во вселенной у Творца ничего не погибло, кроме того, что дерзновенно преступило начертанные Им пределы природы. А потому всякая вещь тем лучше и истиннее, чем тверже и прочнее она состоит в порядке, предназначенном для собственной ее природы. По тому же самому все то, что неизменно повинуется предписаниям Творца, будет постоянно Ему служить. Если же что-нибудь, уклоняясь от его воли, приходит к падению, то оно тем служит уроком для всего остального. Между всеми тварями род человеческий занимает середину, а именно: человек выше всех прочих животных и ниже небесных духов. Занимая середину между высшими и низшими существами, человек делается подобным тем или другим, смотря по тому, к кому он более склоняется. Вследствие того же человек становится тем выше и лучше животных, чем более подражает качествам небесных духов.

Одному человеку дано достигать блаженства сравнительно перед прочими животными, но зато, если он его не заслужит, ему предназначено сделаться более жалким, чем последнее животное. Благость всемогущего Творца, предвидя от начала времен, что при таком условии своего существования человек очень часто может ниспадать до глубины, назначила время от времени совершать чудеса для искупления падшего человечества. Доказательством тому служит каждая книга Св. Писания, каждая его страница... Но всего более то явствует из особенного милосердия всемогущего Отца, с которым Он ниспослал добровольно на землю Сына, единого с Ним по величию и божественности, то есть Иисуса Христа; вместе с Отцом, служа началом всякой жизни, истины и блага, Он предоставил себя на спасение всем верующим. Своим истинным учением и чудесами Он доказал, что Он и его Отец и их Дух составляют в трех отдельных лицах одно Божество, одной вечности и могущества, одной воли и действия, одной благости и одной сущности. Им, через Него и в Нем все существует; всегда полный и неизменный, Он был прежде, нежели началось время. Все Им преисполнено и в Нем будет иметь свой конец... Этот же самый Творец послал в мир для преобразования человечества Сына, одно из лиц своего Божества; но Его не оценили и не захотели верить и любить так, чтобы в Нем найти для себя спасение; даже многие, под влиянием греха, тем более восстали против Истины, чем более думали Его знать. К разряду последних, без сомнения, относятся все ереси и различные секты на земном шаре. И лучше было бы им не существовать, если только они, обратившись, не исповедуют Иисуса. Ум, полный любви и веры, повинуется Ему и тем более совершенствуется, чем ближе становится к Тому, кто есть начало и конец всякого добра. К числу таких принадлежат все святые, память о которых украшает собой все века. Им дано жить и пребывать вечно с Творцом вселенной и блаженствовать от лицезрения Его. Мы же полагаем, что это немногое сказанное нами служит достаточным ответом на возражения тех еретиков.

Когда были употреблены все усилия, чтобы отвратить их ум от вероломства и

наставить их в истинах вселенской веры, а они противились всеми мерами, тогда им было объявлено: если они не обратятся к истинной вере, то по приказанию короля и определению всего народа будут сожжены на костре. Но еретики в своем безумии не только не убоялись того, но еще хвастались, что выйдут из огня невредимы и надсмехались над убеждавшими их. Король и с ним все другие, видя, что их нельзя образумить, приказал невдалеке от города развести большой огонь в надежде, что страх переломит их упорство. Когда их повели туда, они в одурении кричали, что сами желают того, и торопили свою стражу. Огню было предано 13 человек; когда их начало палить, они стали кричать с костра, что их обманул дьявол, что они ложно не признавали Творца вселенной, и теперь за свое нечестие подвержены временным и вечным мукам. Многие из близко стоявших, услыхав их слова и побуждаемые человеколюбием, вознамерились спасти их, хотя полуживых, но было поздно: пламя мести обратило их в пепел. После того, где бы ни отыскивались последователи этого учения, они везде подвергались той же казни. А вследствие того католическая вера, искоренив безумие безумных, во всех странах приобрела новый блеск.

Historiarum sui temporis libri V.

Радульф Глабер

ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЕДСТВИЯ В XI в. (в 1047 г.)

В 1027 г. землю начал опустошать голод, и род человеческий был угрожаем близким разрушением. Погода сделалась до того худа, что невозможно было найти минуты ни для посева, ни для уборки хлеба, вследствие залития полей водой. Казалось, что все стихии обрушились и вступили в борьбу друг с другом, а между тем, собственно, они повиновались Божьей каре, наказывавшей людей за их злобу. Вся земля была залита непрерывными дождями до того, что в течение трех лет нельзя было иметь пяди земли, удобной для посева. Зерновая мера на самых плодородных землях не давала более сам-шёст. Этот мстительный бич начался на востоке, опустошил Грецию, потом Италию, распространился по всей Галлии и, наконец, постиг Англию. Его удары обрушились на всех без различия. Сильные земли, люди средние и бедняки равно испытывали голод, и чело у всех покрывалось бледностью; насилия и жестокости баронов смолкли перед всеобщим голодом. Если кто-нибудь хотел продать съестное, то мог спросить самую высокую цену и получил бы все без малейшего затруднения. Почти везде мера зернового хлеба продавалась по 60 золотых солидов; иногда шестую часть меры покупали за 15 солидов. Когда переели весь скот и птиц и когда этот запас истощился, голод сделался чувствительнее, и для укрощения его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще для избавления от смерти выкапывали из земли древесные коренья, собирали травы по берегам ручьев; но все было тщетно, ибо один Бог может быть убежищем против Божьего гнева. Но – о, ужас! – поверят ли тому, свирепство голода породило примеры жестокости, столь редкой в истории, и люди ели мясо людей. Путник, подвергшись нападению на дороге, падал под ударами

Печать Генриха I Английского (1100–1135 гг.)

убийц, они разрывали его члены на части, жарили их и пожирали. Другие, убегая из своей страны, чтобы вместе с тем убежать и от голода, были принимаемы в дома, и хозяева душили их ночью, чтобы после съесть. Некоторые показывали детям яйцо или фрукт, заманивали их в сторону и пожирали. Во многих местах отрывались трупы для подобной же ужасной цели. Наконец это безумие, эта ярость дошли до того, что существование животного было безопаснее, нежели человека, потому что, повидимому, есть мясо людей начало обращаться в обычай. Один злодей в г. Турнюс (на р. Соне, близ Макона) осмелился выставить на рынке для продажи вареное человеческое мясо, как то обыкновенно делалось с мясом животных. Его схватили, и он не отпирался; суд приказал связать его и сжечь; но нашелся другой, который в ту же ночь украл это самое мясо, выставленное тем на продажу и зарытое в землю; он пожрал его, но и был точно так же сожжен.

Близ Макона, в лесу Шатене стоит уединенная церковь, посвященная св. Иоанну. Какой-то негодяй построил близ нее хижину, где он резал всех, которые искали у него убежища на ночь. Случилось однажды, что к нему зашел путник со своей женой; но, заглянув в угол хижины, он заметил там головы мужчин, женщин и детей. Смущенный и побледневший, он хотел уйти, но кровожадный хозяин воспротивился и силой хотел удержать его; страх смерти придал ему силы, и кончилось тем, что путник спасся вместе с женой и поспешно отправился в город. Дано было знать о всем графу Оттону и другим жителям города; в ту же минуту послали большое число людей, чтобы проверить показания путника; они поспешили на место и нашли там того зверя в своем логовище, а в хижине его было 48 голов зарезанных и пожранных им жертв. Злодея привели в город и сожгли; я сам присутствовал при его казни.

В это время придумали в той провинции одно новое средство для питания, о котором, я полагаю, прежде никогда не думали. Многие начали мешать последние остатки муки и отрубей с белой землей, похожей на глину, и делали из такой смеси хлеб для утоления голода. Эта пища служила им последней надеждой на спасения от смерти, но успех не соответствовал их желаниям. Лица их делались бледными, кожа натягивалась и пухла, голос слабел и напоминал собой жалобный крик издыхающих птиц. Умирающих было так много, что не успевали их погребать, и волки, привлекаемые запахом трупов, начали нападать на людей. Так как нельзя было иметь для каждого покойника отдельной могилы, по их большому числу, то люди богобоязненные открывали свои запасные ямы, в которые складывалась солонина, и клали туда по 500 трупов, а иногда и больше, если яма была значительного размера. Там валялись трупы, перемешанные друг с другом, полунагие, часто без всякого савана. Нередко полевые ямы заменяли кладбища.

Случалось, что несчастные, узнав, что другие провинции в лучшем положении, оставляли свою страну, но они погибали по дороге. Этот ужасный голод свирепствовал в течение 3 лет в наказание за грехи людей. В пользу бедных жертвовали церковные украшения и богатства, имевшие такое назначение; но мщение небес не удовлетворилось тем, и сокровищницы церквей были недостаточны, чтобы помочь всем бедным. Часто случалось, что те несчастные, измученные голодом, находили для себя пищу, но они, вслед за тем, пухли и мгновенно умирали.

Historiarum sui temporis libri V.

Эрне Семишон

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОЖЬЕГО МИРА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ (в 1857 г.)

Право *частной войны* в Западной Европе было освящено древними обычаями германцев. Тацит свидетельствует о том положительно, говоря: «Наследовать дружбу и вражду своих отцов и ближних составляет нашу обязанность». Это понятие не исчезло и при первых двух династиях, Меровингской и Каролингской, от V до X в.; доказательства тому можно найти везде, начиная с Григория Турского. Но если король был могуществен и тверд, он укрощал на время эту варварскую вражду, вредившую и его власти, и благосостоянию народов. Пока Карл Великий пытался восстановить порядок введением римской администрации, частные войны затихли; § 32 капитулярия от 802 г. запретил их окончательно; но система правления Карла, опиравшаяся на гений и волю одного человека, обрушилась быстро, и уже при первых его преемниках частные войны не только появляются снова, но обращаются в право и становятся принадлежностью верховной власти каждого феодала. Бomaноар, писатель XIII в., свидетельствует, что даже в его время, несмотря на постоянные усилия церкви и королей, право частной войны признается. Он даже посвящает целую главу, а именно 59-ю, на изложение такого права, и дает ей следующее заглавие: «Как можно вести войну на основании обычая, и как то следует, и как можно пользоваться правом войны». Это право войны принадлежало всем членам высшего сословия; ни горожане, ни сельское сословие не имели такого права. Первоначально оно было беспредельно и зависело от произвола сюзерена; но во времена Бомaноара его ограничили усилия королей и духовенства, и им можно было пользоваться только в случае кровной обиды. Даже всякие споры за владение и по наследству также продолжали разрешаться путем войны, и примеры того между значительными вассалами встречаются до самых времен Людовика IX Святого. А если и в XIII в., при Людовике IX Святом, после того, как Людовик Толстый и Филипп Август поставили высоко монархию, частные войны не оспаривались самими юристами, заботившимися об одном упорядочении их, то можно себе представить, до чего доходили анархия и злоупотребления права частных войн при последних Каролингах и в начале господства третьей династии Капетов. Война одной провинции с другой, города с городом, замка с замком, деревни с деревней и разбои на дорогах должны были разрушить в самом корне всякую торговлю, промышленность, всякую надежду на успех. Часто мы не знаем, можно ли верить рассказам о том историков-очевидцев. Даже принимая в соображение возможность преувеличивать, мы все же получим такую печальную картину общественного состояния в X в. и в начале XI в., что готовы скорее сомневаться в подлинности показаний, нежели доверять им. Рауль Глабер[1], например, приводит в ужас своим рассказом о том, что ежедневно совершалось на его глазах.

Но в ту эпоху центральная власть оставалась без всякой силы: король не имел даже права судить вне собственных поместий, и если это право иногда признавалось за ним, то у него не было силы привести в исполнение своего приговора. Таким образом, всякий феодальный барон, если он считал себя оскорбленным, не имел другого судьи, кроме Бога и своего меча; и действительно, при отсутствии публичной власти, доста-

[1] См. подробности о том у самого Глабера, выше.

ЭРНЕ СЕМИШОН (ERN. SEMICHON). Ученый юрист и историк, составивший себе известность своим трудом «La Paix et la Trève de Dieu». Автор исследовал в первый раз так всесторонне вопрос о *Божьем мире* и показал ясно тесную его связь с происхождением коммун XII и XIII вв., для которых *Божий мир* послужил началом и первообразом.

точно сильной, чтобы творить суд и расправу, казалось вполне позволительным силу отражать силой и наказывать хищников и убийц. Но какое благоденствие могло родиться среди такой анархии! При первых королях третьей династии беспорядки дошли до крайних пределов. Полтора века, от конца X до половины XII, в течение долгого правления Роберта, Генриха I и Филиппа I, короли не имели никакого влияния вне своих поместий и не могли противодействовать бичу частных войн. Одна церковь пыталась положить им предел. Но как она могла достигнуть такой цели?

В истории того времени совершилось великое явление, на которое не довольно обращают внимание; наши историки, даже самые новые, посвящают ему едва несколько страниц, а между тем это явление служило единственным отпором тому злу, которое ужасным образом бичевало тогдашнее общество. Оно называлось *Божий мир* и *Божий договор* (Pax Dei и Treuga Dei[1]; la paix et la trève de Dieu). Это учреждение научило народы соединяться вместе для сопротивления угнетениям, для покровительства торговле, имуществу, промыслам, для охраны прав и обычных постановлений, и потому в нем надобно искать первоначальный источник того поразительного благосостояния, которого, например, достигла Франция во времена Филиппа Августа и Людовика IX, и тех чудес, которым мы изумляемся в XIII в., именно потому, что недостаточно понимаем их причину.

Церковь одна в X в. сознавала глубину общественных бедствий и желала облегчить их, но не имея возможности обратиться к королям, она сначала искала опоры в самой себе и действовала путем проповедей и соборов, а потом прибегла к более решительным мерам, именно сделала воззвание к самому народу, вызвала в нем вооруженную ассоциацию, чтобы наблюдать за исполнением законов, и ввиду бессилия публичной власти поддерживала сама общественную тишину и спокойствие. Большая часть историков хотят видеть начало Божьего мира в 1031 или даже в 1041 г.; но надобно возвратиться к X в., и именно к 988 г., чтобы встретить первые к нему попытки. Церковь начала с покровительства самой себе и вооружилась анафемой. Так как разбои и грабежи церквей происходили особенно часто в Пуату, то в 989 г. в монастыре Шарру (Charroux)[1] созван был собор, на котором в первый раз были преданы анафеме хищники церковного имущества и все те, которые нападут на безоружных клериков:

«Дано сие с утверждения власти наших предшественников, во имя Господа и Иисуса Христа нашего Спасителя, в июльские календы, мною, Гомбодом, архиепископом Второй Аквитании, совокупно с епископами провинции, прибывшими ко мне в Шарру, и в присутствии клериков, монахов и *христиан обоего пола*». Так начиналось соборное постановление; особенно замечателен второй его канон: «Анафема тому, кто грабит имущество бедных: если кто завладеет овцой, быком, ослом, коровой, козлом, поросенком земледельца или другого бедного, без всякой вины с его стороны, и если не вознаградит за убыток, то да будет проклят».

Это дело, начатое церковью, постоянно находилось под ее контролем. В 990 г. созван был новый собор в Нарбонне, разразившийся против баронов, которые грабили церковное имущество и не давали пощады никому. Но все эти первые попытки сопротивления варварству и неограниченному произволу феодалов имели сомнительный успех и привели к ничтожному результату; но когда народы поражены были болезнями и голодом, религия получила больше влияния, и голос церкви заставил себя уважать. Уже в конце X в. начинают встречаться документы более значительные и говорящие ясно о цели, которую себе поставила церковь, и о энергичных мерах, к которым она решилась прибегнуть...

[1] *Treuga, Trevia, Treva* – от древ. саксон. *Trewa*, откуда новейшее *treu*, верный. В Средние века давали им такое определение: *Treuga*, securitas praestita rebus et personis, discordia nondum finita. *Pax* vero est finis discordiae, vel plena discordiarum sedatio. Потому *treuga* означает собственно *перемирие*.

[1] В Пуату.

Но, во всяком случае, до начала XI в. церковь ограничивалась тем, что проповедовала евангельский мир вообще на земле для всех и каждого, как идеал, к которому должно стремиться человечество. С того же времени, не опуская из виду своей прежней высокой цели, она решилась на первый раз избрать себе цель более практическую и более удободостижимую, а именно: она, предоставляя последующим векам установить *мир* (pax), взяла на себя дать, по крайней мере, немедленное *перемирие* во имя Бога, получившее особое название *Treuga Dei*. Вот в чем состоит различие между первым и вторым: церкви, клерики, монахи, монахини, кладбища, монастыри, дети, странники, женщины, земледельцы и их орудия пользовались, по соборным постановлениям, вечным *миром*; но *treuga* было нечто другое: церковь не могла запретить частную войну безусловно для феодалов, потому что она составляла в то время необходимость и вместе их право, но она старалась, по крайней мере, ограничить продолжительность этих войн известным сроком. Церковь, облекаясь в роль законодателя хаотического общества, оставалась верной положительному и практическому духу врача, который щадит своего больного.

Кнуд Великий, король Дании и Англии. С миниатюры из англосаксонской рукописи XI в.

Первое постановление, известное под названием «Treuga Dei», было сделано на синоде в епархии Эльна, около Тюлюжа, в области Руссильон, 16 мая 1027 г. Так как древние постановления о мире были забыты, то было определено, чтобы на всем пространстве графства Руссильона никто не смел нападать на своего неприятеля, начиная от девятого часа (то есть 3 часов пополудни) субботы до первого часа (то есть 6 часов утра) понедельника, для оказания подобающей чести воскресенью; чтобы никто никаким образом не нападал на монаха, безоружного клерика, человека, идущего в церковь или возвращающегося, или сопровождающего женщин; чтобы никто не нападал на церкви, ни на дома в их окрестности на 30 шагов; нарушители будут поражены проклятьем. Ивон, епископ Шартрский, живший в конце этого века, объясняет нам, как составлялся подобный мир и каков был характер этого союза или братства мира: «Божий мир устанавливался не общим законом, но был отдельным договором для каждого города, утвержденным со стороны епископа и церкви; приговоры о нарушении мира должны быть различны, смотря по условиям и определениям, которые установила церковь с согласия своих прихожан». Таким образом, народ, все прихожане, под покровительством церкви, соглашаются на закон и клянутся сами исполнять его и принудить других к тому же. Иногда подобный договор делался письменно и носил на себе подписи; но очень часто ограничивались словесным согласием...

Из подобных договоров самый обстоятельный и важный был тот, который заключили в Лиможе 15 ноября 1031 г., под председательством архиепископа Иордана. На соборе рассуждали о различных предметах: нужно ли, например, относить св. Марциала к числу апостолов? По разрешении этого недоумения и по осуждении ереси эбио-

нитов, предметом совещаний были меры к охране церквей, поддержанию мира и прекращению частных войн. Когда заседание окончилось, все отправились в церковь, и после чтения Евангелия архиепископ Иордан стал на верхнюю ступень алтаря, повернулся к народу и сказал ему проповедь на текст: «Сын человеческий пришел взыскать и спасти погибших». Приводя в пример Закхея, возвратившего взятое вчетверо, он пригласил всех, захвативших церковное имущество и угнетавших бедный народ, последовать тому святому примеру, и заключил так:

«Друзья мои, для ниспослания вам мира собрались сюда пастыри соседних церквей, наши братья епископы; они хотят помочь мне спасти вас и даровать спокойствие, по примеру Господа нашего Иисуса Христа, который пришел взыскать и спасти погибших. Вместе с ними я напоминаю вам одно, и прошу вас на будущее время не остаться глухими к нашему призыву; пусть никто не извиняется тем, что он не участвовал в этом собрании, и чтобы завтра или в течение трех дней все князья и сеньоры народов провинции Лиможа соединились около нас в один мир, и да не отлучится никто от нашего единения, если не получит на то от нас разрешения.

Да не дерзнет никто, мстя за свою обиду, вредить кому-нибудь из участвующих на этом соборе; пусть его имущество и дом остаются неприкосновенными, пока он заседает с нами или возвращается домой, и в течение 7 дней по возвращении. Никакое возмущение не должно происходить в городе или вне его, и никто не должен заниматься грабежом; запрещено вступать в войну, как то делается обыкновенно, и даже по поводу, признаваемому законным; нельзя налагать податей несправедливо; и всякий должен искать здесь мира, если только Господь захочет нам его дать, потому что наше собрание есть собрание Божеское для установления мира и утешения святой церкви Божьей.

Кто соблюдает все это, мы даем ему как сыну мира, то есть Бога, во имя Господа нашего Иисуса Христа и его апостолов, отпущение грехов и благословение вечное... Те же, напротив, которые не примут мира и которые вместо Бога следуют за дьяволом, подвергнутся осуждению, как то будет провозглашено. Наш же мир останется при нас, как сказал Господь в Евангелии: “Если он сын мира, то ваш мир возляжет на нем; если же нет, он возвратится к вам”».

Тогда по приказанию епископов дьякон, читавший Евангелие, громогласно провозгласил перед народом следующее проклятье:

«Властью Бога, всемогущего Отца, Сына и Св. Духа, Богоматери Девы Марии, св. Петра, отца апостолов, блаженного Марциала и других апостолов и всех святых: мы, епископы, соединенные именем Бога (следуют имена 10 епископов), отлучаем рыцарей этого Лиможского епископства, которые не захотели или не захотят обещать правды и мира их епископу, как он того требовал. Прокляты они и их соучастники во зле, проклято их оружие, проклято их вооружение; да пребудут они вместе с Каином братоубийцей, Иудой изменником, Дафаном и Авироном, ниспавшим заживо в ад, и как эти светочи погаснут в ваших глазах, так да погаснет их радость перед лицом св. ангелов, если только перед смертью они не явятся к своему епископу для удовлетворения правосудия и не принесут покаяния».

В этот самый момент все епископы и священники, державшие в своих руках зажженные свечи, опрокинули их и бросили на землю. Народ предавался великой радости и громкими криками повторял: «Да угасит Бог так радость тех, которые не примут ни мира, ни правды». Хотя церковь давала этому народу, раздавленному под тяжестью бедствий и страданий, одни такие короткие минуты восторга и слабую надежду мира и правосудия, но благодеяние было велико. Великолепная обстановка богослужения, мрачная церемония живо поражали воображение и оставляли глубокие следы. В толпе из уст в уста переходили ужасающие рассказы; епископ Кагора рассказал сам, как недавно после собора в Бурже (за две недели перед Лиможским) отлученный барон в его диоцезе был убит. Несмотря на просьбы его друзей, епископ отказал телу в христианском погребении, чтобы внушить страх другим на будущее время; но его по-

хоронили друзья близ церкви св. Петра, без дозволения духовенства. Утром нашли труп вдалеке от кладбища голый и лицом к земле, а платье осталось в могиле. Люди его снова похоронили и завалили землей и камнями. На следующий день они увидели снова труп выброшенным далеко, а могила осталась нетронутой. Пять раз повторялось это чудо, и наконец страх принудил похоронить убитого вне кладбища. К этому прибавлено было, что бароны, пораженные страхом, не осмеливались более нарушать мира.

За этим рассказом епископа Кагорского выступил аббат Одельрик:

«Надобно позаботиться, мои дорогие друзья, об уврачевании тех зол, которые нас окружают отовсюду. Если бароны Лиможа не вступят в *мир*, определенный нами, как мы должны тогда действовать? Наложите в таком случае отлучение на всю землю Лиможа и отказывайте в погребении каждому, и клерику, и бедному, и страннику, и ребенку. Обедня пусть служится втайне; только одно крещение позволить; в третьем часу дня (9 часов утра) пусть колокола звонят во всех церквах, и всякий, распростершись, должен молиться повсюду о восстановлении мира и облегчении наших бедствий. Умирающим дозволить напутствие, но крест и украшения должны быть покрыты в знак траура... Браки не должны праздноваться; никто не смеет касаться мяса, и на всех налагается воздержание, как в посту; все должны отпустить волосы и бороду»...

Собор одобрил предложение аббата и осудил тех епископов, которые по своей слабости не хотели привести в исполнение определений собора... Но не нужно думать, что глубокая вера того времени совершенно обеспечивала власть церкви: те духовные наказания, анафема и отлучение были часто бессильны против нарушителей мира. Потому ассоциации, составленные для поддержания мира, поняли необходимость для себя сложиться более прочно и искать иных опор, кроме проповеди и клятв. Сами бароны поступали тогда на жалованье к союзам такого мира, чтобы приводить в исполнение определения собора, а для вознаграждения их были наложены подати, собираемые епископами и феодальными сеньорами под названием *pagiagium,* или paxiagium (от *pax*, мир)...

Эти мировые учреждения быстро распространялись даже и вне пределов Франции. Так, Кнуд, король Англии, в первой половине XI в., обнародовал свои определения «о мире Божеском, королевском и церковном»... Но при всем том до половины XI в. те постановления мира, как они ни были важны, по-видимому, не достигали вполне целей, которые предполагались их составителями. Тем не менее они дали первый толчок и призвали население к деятельности: мир, спокойствие и тишина в городе и деревне сделались потребностью народов. Впрочем, так действуют во все эпохи зарождающиеся идеи нового порядка вещей. Сначала они увлекают за собой одни лучшие умы, потом мало-помалу проникают в массы и наконец претворяются в факт и становятся законом общественной жизни. Так это и случилось в половине XI в., когда новое учреждение проникло в самые массы населения, и Божий мир сделался предметом не местных собраний граждан и провинциальных епископов, но вселенских соборов, и охватил собой весь западный христианский мир. Таков был *Божий мир*, провозглашенный на Клермонском соборе в 1096 г., накануне отбытия пилигримов в первый Крестовый поход (см. ниже).

La Paix et la Trève de Dieu, etc. Par. 1857, с. 1–48.

ПЕРВЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЖЬЕГО МИРА В XI СТОЛЕТИИ

Декрет о Божьем мире Тулузского[1] собора. 1041 г.

§ 1. Этот мир был установлен епископами, аббатами, графами, виконтами и другими благородными лицами, боящимися Бога, в нашем епископстве с тем, чтобы на будущее время, начиная с сего дня, никто не дерзал вторгаться силой в церковь, ни в ее ограду, пользующуюся одинаковыми привилегиями, ни на кладбище, ни в здания, которые построены или построятся около церквей на расстоянии 30 церковных шагов.

§ 2. Мы не относим сюда церквей, которые укреплены или укрепятся, наподобие замков, ни те церкви, в которые грабители и воры сложат добычу своего хищничества или воспользуются ими для своего убежища; впрочем, мы повелеваем, чтобы и такие церкви оставались в охранности, пока не будет подана жалоба епископу или капитулу. Когда же епископ или капитул потребует к себе грабителей и они не явятся на его суд, в таком случае, по определению епископа и капитула, грабители и все их имущество лишаются права церковного убежища. Тот, кто вторгнется в церковь или место, окружающее ее на 30 шагов, и причинит кому-нибудь зло, за исключением вышеупомянутых грабителей, заплатит пеню за святотатство и вдвое истцу.

§ 3. Определено также, чтобы никто не дерзал нападать на невооруженных клериков, монахов и монахинь, причинять им зло, грабить общины каноников, монахов и монахинь, церковные земли, находящиеся под покровительством церкви, и клериков, не имеющих при себе оружия: если кто-нибудь преступит запрещение, то заплатит двойную пеню.

[1] *Tuluges*, город в графстве Руссильон в 3 милях от Перпиньяна. На Тулузском соборе в первый раз положения Божьего мира были развиты подробнее и послужили образцом для последующих соборов.

§ 4. Епископы издали также повеление, запрещающее отнимать кобылиц и жеребят моложе 6 месяцев, быков, коров, ослов, баранов, овец, коз, козлов и их малолетних.

§ 5. Никто не смеет сжигать или разрушать жилища крестьян или клериков, их голубятни и сушильни. Никто не смеет умерщвлять, бить, увечить крестьянина, раба и его жену, ни брать их и уводить, если они не сделали преступления, но и в этом случае они должны быть представляемы на суд, к чему прежде всего должны их пригласить добровольно. Одежда крестьянина не может быть отнимаема; никто не смеет сжигать их плуги, лопаты и оливковые рощи.

§ 6. Было постановлено, чтобы никто не овладевал чужими вещами для удержания их в залоге или другого какого-нибудь дела. Кто же нарушит мир и в течение двух недель не заплатит двойной пени тому, кому нанес вред, внесет по истечении того срока двойную пеню, которая будет принадлежать епископу и графу, заведующему правосудием.

§ 7. Епископы наистрожайше постановили, чтобы Божий мир, к которому обязаны все христиане, соблюдался от заката солнца четвертого дня, то есть среды, до восхода солнца второго дня, то есть понедельника. Такой же мир предписан от первого дня *адвента* (adventus, l'Avent, последние дни перед Новым годом) до восьмого дня после Богоявления, когда празднуется день св. Гилария. То же самое от понедельника, предшествующего Великому посту, до первого понедельника после св. недели, в канун и праздник Обретения и Воздвижения Креста, в кануны и три праздника св. Марии, в кануны и праздники всех апостолов, в канун и праздник св. Лаврентия; туда же были отнесены кануны и праздники св. Павла Нарбоннского, св. Иоанна Крестителя, святых апостолов, св. Михаила архангела, кануны и праздники всех святых, также дни «Четырех времен года»[1]. К этому они присоединили предшествующие ночи от заката солнца и ночи последующие до солнечного восхода. Если кто-нибудь во

[1] В Католической церкви les Quatre-Temps называются те четыре дня, в которые назначено поститься в каждое из четырех времен года.

время, назначенное для Божьего мира, причинит кому-нибудь зло, то платит двойную пеню и подвергнется суду «холодной воды» (per judicium aquae frigidae)[1]. Если во время Божьего мира кто-нибудь убьет человека, то определено с согласия всех христиан, что за намеренное убийство он будет изгнан на всю жизнь; если убийство случайно, то на время, определенное епископами и капитулом. Если кто-нибудь в период мира сделает или заставит сделать засаду, чтобы овладеть человеком или его замком, то он заплатит пеню епископу или капитулу, как будто бы он совершил замысел.

Они запретили также, чтобы во время мира, то есть адвента и Великого поста, никто не строил замка или другого укрепления, если только он не начал их за две недели до эпохи мира. Они повелели, чтобы разбирательства и тяжбы по делу мира происходили во всякое время перед епископом и капитулом, также и по делу охраны церквей, о чем было сказано выше. А те, против которых епископ и капитул произнесли приговоры для приведения их к миру, также поручители и залогодатели, если они обнаружат чувство злобы на епископа или капитул, будут отлучены епископом и капитулом вместе со своими укрывателями и единомышленниками, как нарушители мира Господня, и они сами, равно как и их имущества, исключались из Божьего мира.

Послание о Божьем мире св. Ивона. 1041 г.

Ивон, милостью Божьей служитель церкви в Шартре, всем верным своего диоцеза привет!

[1]Осужденные на испытание холодной водой выслушивали сначала обедню в присутствии друзей и родных. Во время причастия священник убеждал их не приступать к Таинству, если они чувствуют себя виноватыми или знают виноватых. По причащении им давали пить освященную воду, затем раздевали и после приложения к Евангелию и кресту кропили св. водой; наконец, связав правую руку с левой ногой, бросали в реку или в пруд в присутствии всего народа. Того, кто шел прямо на дно, что естественнее, считали невинным; если же кто выплывал, то говорили, что его не принимает вода, и объявляли виновным.

О мире

Знайте, мои дражайшие братья, если вы верите в достижение небесного Иерусалима, что для достижения такого дара верховного владыки вы должны хранить мир, удаляя от вас далеко бич раздора. Христос, вступая в мир, открыл ему учение мира, при песнопении ангелов: «Слава в вышних Богу и на земле мир, к человекам благоволение!» Христос, готовый оставить мир и возвратиться на небо, советовал тоже ученикам, говоря им: «Я даю вам мой мир, я оставляю вам мой мир». Апостол повелевает сохранять его: «Сохраните со всеми святость и мир, без чего никто не узрит Бога». Пришествие Христа имело целью не только примирить небо с землей, но и установить мир на земле, чтобы люди сделались единым телом во Христе в единении веры. Как может быть полезно сошествие Христа для того, кто остается вне мира? Вы сами исповедали мир, когда, став перед лицом Господа, виновника и друга всякого мира, отказались у купели крещения от дьявола, виновника и друга всякого раздора, и от всех его дел. Итак, братия, если вы не хотите нарушить своих обязательств, то вы должны сохранять мир, так как вы клялись перед Царем небесным, и Он раздаст вам за то вечной наградой. Знайте, братия, что нет раздоров в Царстве Небесном. Эти раздоры пришли к нам от виновника зла; христианское государство должно сохранять вечный мир, удалять всякую злую мысль, воздерживаться от всякого дурного поступка. Посмотрите, как вы далеки от такого совершенства, проводя дни, назначенные для спасения и добрых дел, в том, чтобы наносить и совершать дела, достойные осуждения.

Скажите, братия, если кто-нибудь из вас употреблял бы свою жизнь на то, чтобы увечить свое тело железом, огнем и подвергать всяким мучениям, а потом прекратил бы такие жестокости на четыре дня, то как вы думаете, не связали бы его друзья и, как умопомешанного, не отвели ли бы к врачу? Не должно ли еще более связывать святыми правилами религии того, кто является убийцей своей души? Но всякий возраст склонен к злу, и извращенность людей заставляет их

предпочитать злодеев друзьям мира, а потому, подобно сумасшедшим, они обращаются против врачей. Вследствие такой причины мы хотим снизойти к вашей слабости, рассчитывая на лучшее поведение с вашей стороны, когда вы будете более способны к спасению; мы закрываем глаза на ваше нечестие, и в этом потоке несправедливостей, не имея возможности исцелить вас совершенно, мы предпочитаем видеть вас лучше изнуренными и израненными, нежели полумертвыми.

Мы умоляем и просим вас, властью Господа нашего Иисуса Христа, кого мы считаемся представителями, хотя и недостойными, мы повелеваем вам подумать о своем спасении и сохранить мир, по крайней мере, в течение четырех дней, когда наш Господь и Спаситель учредил Таинство нашего искупления, и пусть ваши сердца, ваши руки и ваш язык воздержатся от всякого оскорбления друзей и даже врагов.

Кто повинуется предписаниям христианской религии, тот знает, что в пятый день (четверг) Господь Иисус совершил последнюю вечерю со своими учениками, что на этой вечери он дал им свое тело и кровь в знак примирения и исцеления нас от зол, и повелел совершать такую вечерь в память о нем. Вечерь кончилась; он омыл ученикам ноги в знак покаяния и отпущения грехов; этим обрядом он показал, что сердца людей, даже преданных религии, замараны пылью мира сего, и что нет смертного, который не нуждался бы в покаянии и снисходительности других. В конце того же дня, выданный своим учеником, он был предан в руки евреев; но и при этом он обнаружил столько кротости, что нисколько не сопротивлялся и исцелил ухо служителю первосвященника. Точно так же в конце пятого дня, окончив свою земную жизнь, Он преславно вознесся на небо в виду своих учеников. Он молит за нас перед Отцом, чтобы смиренное стадо последовало за славой своего Божественного Пастыря. Что хотел сказать всеми этими деяниями наш Учитель? В чем Он не подал нам примера мирной жизни? Потому надобно в этот день, когда предложено было такое исцеление христианам, чтобы никто не ранил себя, нанося рану брату, чтобы никто не осудил себя на вечную смерть, лишая жизни брата, и чтобы Иисус не погиб в его сердце.

В шестой день (пятница) первый Адам был сотворен из праха земли, и второй Адам, придя искупить род человеческий, воплотился в утробе Девы. В этот же день произошли страсти Христа, и падший человек кровью Иисуса воспринял на себя образ Божий. В такой день, когда на землю был ниспослан мир, всякий человек обязан заботиться о мире, чтобы не впасть в руки смерти, которую принес злой дух.

В седьмой день (суббота) Бог опочил от дел своих; тем самым Св. Дух поучает нас, что мы должны воздерживаться от всякого дурного поступка и ожидать того дня, когда нужно избегать тяжелых работ. А любить Бога и воспевать ему хвалу не может быть названо тяжелой работой. В знак того же покоя в этот день тело Иисуса опочило в гробнице, а дух его, поправ ад, одержал победу над древним врагом. Христианин, искупленный кровью Христа, не будь неблагодарным к Иисусу, твоему благотворителю! В этот день спасения не призывай ада, похищая имущество ближнего и преследуя Того, Кто не только не похищал чужого, но и своим пожертвовал за тебя.

В восьмой день и вместе первый (воскресенье), несомненно для всякого христианина, Бог воскрес и своим воскресением прообразил наше воскрешение, когда избранным будет дан вечный мир, и плоть не будет бороться с духом, ни дух с плотью.

Вследствие этих причин и других, которые я не могу привести по краткости своего послания, наши отцы определили, чтобы мир сохранялся особенно в эти дни, и нарушителей приговорили к тяжким наказаниям, смотря по качествам лица и тяжести проступка. Следуя по их стопам, мы повелеваем, прося, и просим, повелевая, чтобы вы сохранили мир, учреждения которого мы послали вам письменно, и сохранение его обещайте нам с клятвой над святыми мощами. Это будет спасительно для ваших земных благ и для приобретения благ небесных. Повинующимся мир и благодать именем Бога; тем же, которые не послушаются нами постановленного, анафема, *marathanata*!

Будьте здравы!

III. Послание о Божьем мире св. Одилона. 1042 г.

Всем архиепископам, епископам, священникам и клерикам, обитающим в Италии.

Милость и Божий мир, и Отец всемогущий, который есть, был и будет, да пребудут с вами!

Мы вас просим, мы молим вас, которые боитесь Бога, искупившего человека своей кровью, позаботьтесь о спасении души и тела, последуйте примеру Божию и сохраните мир среди вас, чтобы тем заслужить мир вечный. Мы посылаем вам Божий мир, полученный нами свыше милосердием Божиим, которого мы держимся крепко и который был постановлен следующим порядком: от середы вечера, между всеми христианами, друзьями и врагами, близкими и дальними, мир должен царствовать до восхода солнца в понедельник, и в течение этих четырех дней и ночей должна господствовать полная безопасность; каждый может предаться своим делам без малейшего страха врагов под покровом того Божьего мира; и все, которые соблюдут его, будут отпущены Богом, Отцом всемогущим, Иисусом Христом, его Сыном, Св. Духом, св. Девой и хором дев, св. Михаилом и хором ангелов, св. Петром, князем апостолов, вместе со всеми святыми и всеми верными, ныне и присно и во веки веков. Те же, которые признали Божий мир и намеренно нарушили его, будут осуждены Богом, Отцом всемогущим, Сыном Иисусом Христом, Св. Духом и всеми святыми; да будут они прокляты навеки, осуждены, как Дафан и Авирон, как Иуда, предавший Господа, повергнуты в глубину тартара, как Фараон среди моря, если не принесут покаяния по постановлению. Если кто-нибудь в те дни, которые назначены для Божьего мира, совершит человекоубийство, то да будет изгнан из своего отечества и отправится в Иерусалим, где подвергнется продолжительной ссылке. Если кто-нибудь нарушит мир другим каким образом, то по приговору светских законов пусть заплатит простую пеню, а по святым законам двойную; ибо мы полагали у себя, что нарушение подобного обета влечет за собой двойное наказание и мирской властью, и властью церковной. Мы думаем, что наши определения внушены нам свыше, потому что ничего не было доброго на земле, когда Бог открыл своему народу это целительное средство. Мы обещали Богу и мы ему посвятили четыре дня: пятый день недели в честь Вознесения; шестой в честь страстей; субботу в честь погребения и воскресный для празднования св. Воскресения; в этот день запрещаются полевые работы и нападения на неприятеля. По власти, ниспосланной нам Богом и дарованной через апостолов, мы благословляем и разрешаем всех тех, которые возлюбят Божий мир; тех же, которые ему противятся, отлучаем, проклинаем и извергаем из недр церкви. Те, которые накажут нарушителей закона и Божьего мира, не будут обвинены, но получат благословение, как друзья Божеского дела. Если вещь, похищенная во время тех дней, когда дозволена война, будет перевозиться в дни, назначенные для Божьего мира, то нельзя пользоваться этим обстоятельством для насильственного возвращения ее. Сверх того, мы просим вас, братья, чтобы вы торжествовали Божий мир во имя св. Троицы, когда бы ни был он учрежден; чтобы вы изгнали из страны всяких грабителей и предали их проклятию и отлучению во имя вышеупомянутых святых; чтобы вы принесли Богу десятину и первые плоды своих работ; чтобы вы дали часть вашего имущества церквам для спасения душ живущих и умерших, и дабы Бог избавил вас от печалей в здешней жизни и по смерти ввел в Царство Небесное к Господу, который живет и правит во вся веки вместе с Богом Отцом и Св. Духом.

Декрет о Божьем мире Клермонского собора. 1096 г.[1]

§ 1. Сначала было постановлено, чтобы Божий мир соблюдался от заката солнца, в среду, до восхода, в понедельник, и кто в этот промежуток времени овладеет имуще-

[1] На этом же соборе был определен первый Крестовый поход.

ством или полонит человека, или сделает что-нибудь подобное, тот должен все возвратить. Если кто сделает набег днем в среду и не успеет вернуться в свое убежище до заката солнца, тот возвратит все унесенное им.

§ 2. Всякий, кто в те дни ударит, ранит или полонит женщину или мужчину, будет считаться нарушителем мира, исключая случаев законной защиты. Если такое лицо, будучи призвано епископом или его служителями, явится в течение 7 дней, то оно заплатит только за убыток; если же не явится в течение 7 дней, то будет отлучено, и затем заплатит по приговору епископского суда за убыток, а епископу внесет пени 100 солидов.

§ 3. Тот, кто во время Божьего мира убьет человека, будет изгнан на семь лет из своей страны, если он не удовлетворит родственников убитого в такой степени, чтобы они сами пришли просить епископа за него; но и после того он заплатит пеню в 30 фунтов, которая будет разделена между епископом и графом, в судебном округе которого было совершено убийство.

§ 4. Если купцы придут в какое-нибудь безопасное место и останутся там, то пусть они ждут дней Божьего мира. Если кто-нибудь захватит их силой или их имущество, то такой будет считаться нарушителем Божьего мира.

§ 5. Церкви и кладбища находятся вполне под покровительством Божьего мира; если кто-нибудь в их ограде построит новое укрепление и не сроет его по требованию епископа, то он нарушит Божий мир, и тот, кто разрушит такое укрепление, поступит не худо.

§ 6. Быки, ослы, коровы, рабочие лошади, бараны и их малолетки – на всех их постоянно распространяется мир; сельские старосты вместе с их домами, собиратели десятины, скот и люди вместе с жилищем и со всем в нем находящимся, принадлежат в целости миру. Кто их захватит, убьет, сожжет, разрушит дома, унесет и предаст огню вещи, в них находящиеся, тот нарушит Божий мир.

§ 7. Каноники, клерики, монахи, священники, женщины с их провожатыми и странники пользуются миром во все дни.

§ 8. Божий мир продолжается беспрерывно от того воскресенья, когда поется *Aspiciens a longe* (то есть первое воскресенье перед адвентом) и до восьмого дня после Богоявления, и от первого дня поста до восьмого дня Пятидесятницы. Если кто-нибудь из баронов графства совершит дурной поступок против кого бы то ни было, и обиженный, не нападая на обидчика с оружием, обратится к архиепископу, и если обвиненный, получив охранный лист, пожелает явиться ко двору архиепископа, то граф по приговору архиепископа примет удовлетворение; в противном случае граф будет преследовать со своим войском обидчика и тем не нарушит мира; когда же он возвратится, все обязаны снова сохранять мир по отношению друг к другу.

§ 9. Божий мир обязывает графа и всех прочих (то есть членов союза Божьего мира) преследовать барона, нарушившего мир, в случае, если архиепископ известит о таком нарушении.

§ 10. Тем же миром постановлено, чтобы все бароны и чиновники графов два раза в год, а именно в начале поста и в восьмой день Пятидесятницы, должны запираться в своих замках и жить там безвыходно три дня...

§ 11. Если купцы пройдут по земле, не заплатив дорожного сбора, и если они могут присягнуть, что поступили так, не зная обычая, то заплатят 60 солидов, и более ничего от них требовать нельзя.

§ 12. В отношении замков и укреплений определено, чтобы всякое такое убежище, из которого выйдет нарушитель мира, обязывалось заплатить пеню за нарушенный мир. Если какой-нибудь тиран или другой злодей, не смея нарушить мира из своего замка, перейдет в другое убежище и оттуда нарушит мир, то он не может быть принят в своем замке прежде, нежели удовлетворит правосудие и исполнит постановление Божьего мира. Ныне учреждаемый Божий мир будет продолжаться до Пятидесятницы и после того в течение трех лет.

§ 21. Никто из светских не должен делать покушения на чужое наследство. Если же он поступит так, то ни один священник не может дать ему отпущения.

§ 23. Никто из христиан не должен есть мяса от начала поста до Пасхи.

§ 26. Воздержание от пищи в Страстную субботу продолжается до вечера.

§ 27. Весенний пост назначается в первую неделю Великого поста, а летний спустя неделю Пятидесятницы.

§ 29. Если кто-нибудь, преследуемый неприятелем, будет искать убежища у креста[1], то он получает свободу, как если бы он находился в церкви.

§ 30. Если кто-нибудь нанес оскорбление церкви и искал убежища у креста, то такой предается суду, с условием сохранить ему жизнь и не подвергать увечью.

§ 31. Анафема тем, которые в случае смерти клерика овладеют его имуществом.

§ 32. Если кто-нибудь схватит епископа и посадит его в темницу, то он предается вечному бесчестию и на будущее время лишается права носить оружие.

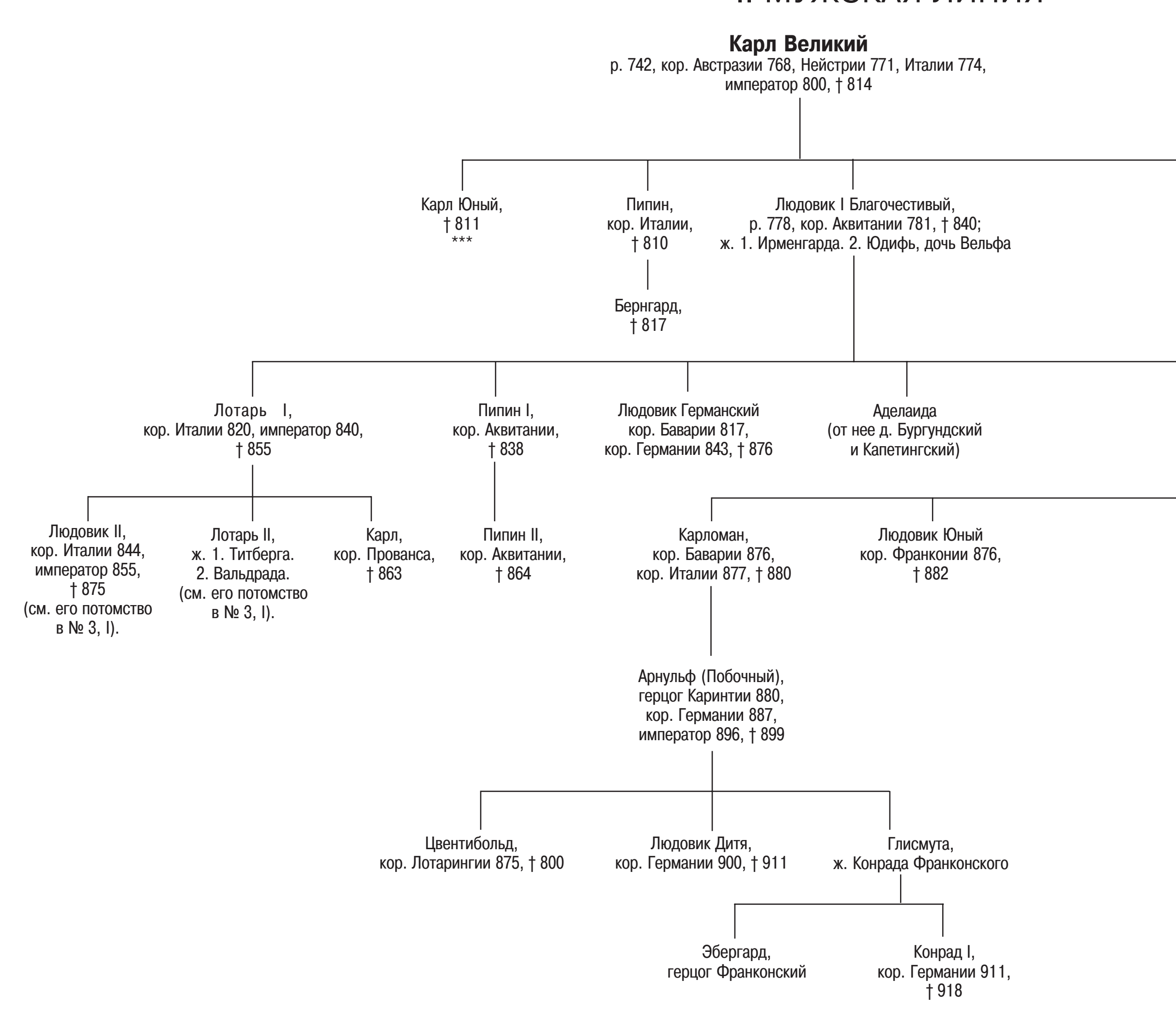
И все воскликнули: «Да будет так!»

Dom Martene, Thesaur. anecdot. novus Par. 1717. IV, 121–124.

[1] Этот параграф способствовал появлению обычая в католических землях ставить кресты по проезжим дорогам как можно чаще.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА КОРОЛЕЙ (поколения

I. МУЖСКАЯ ЛИНИЯ



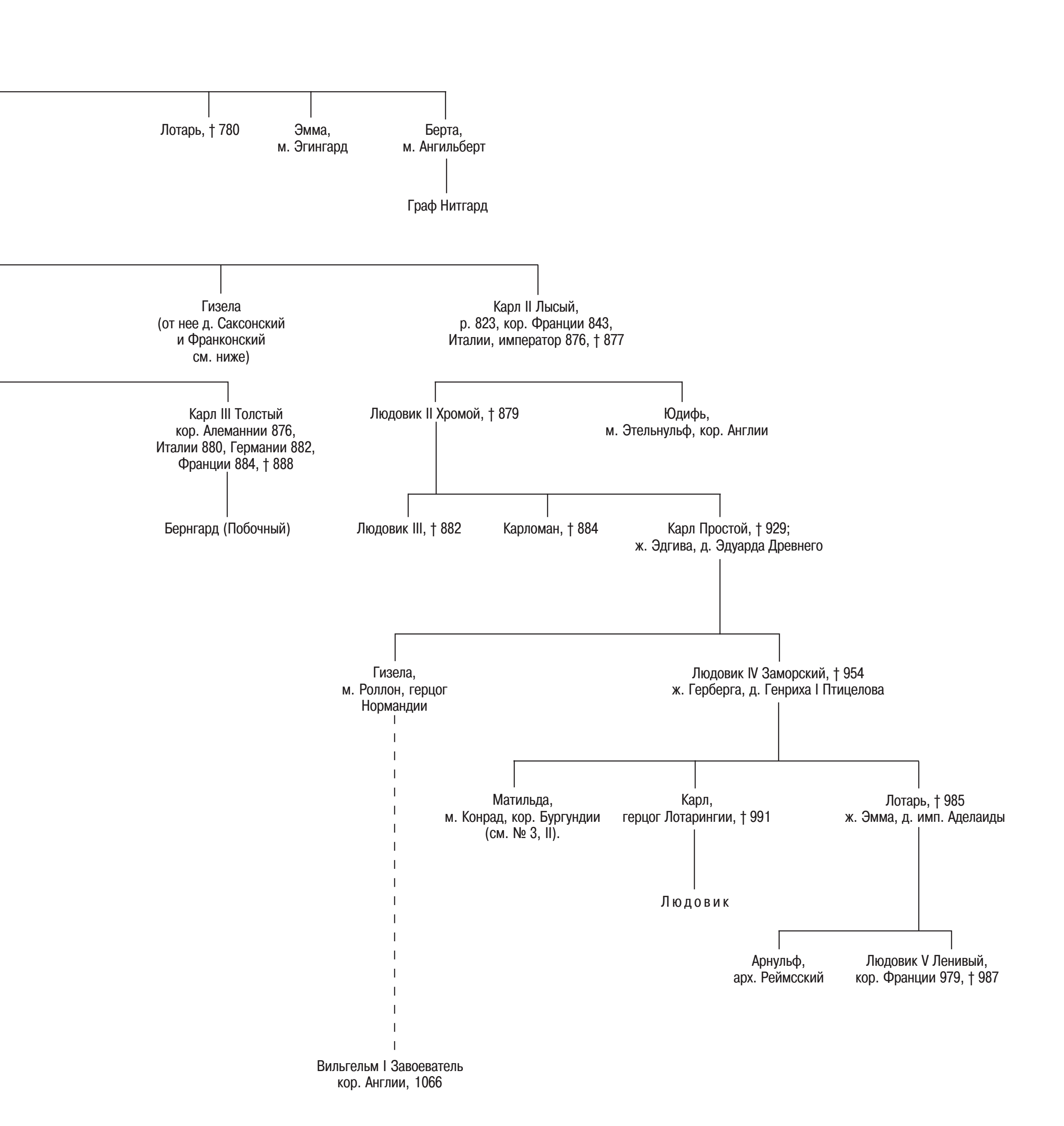
Условные сокращения:
кор. – король;
ж. – жена;
м. – муж;
р. – родился;
† – умер;
арх. – архиепископ;
д. – дом;
абб. – аббатство

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ IX–XI вв.)

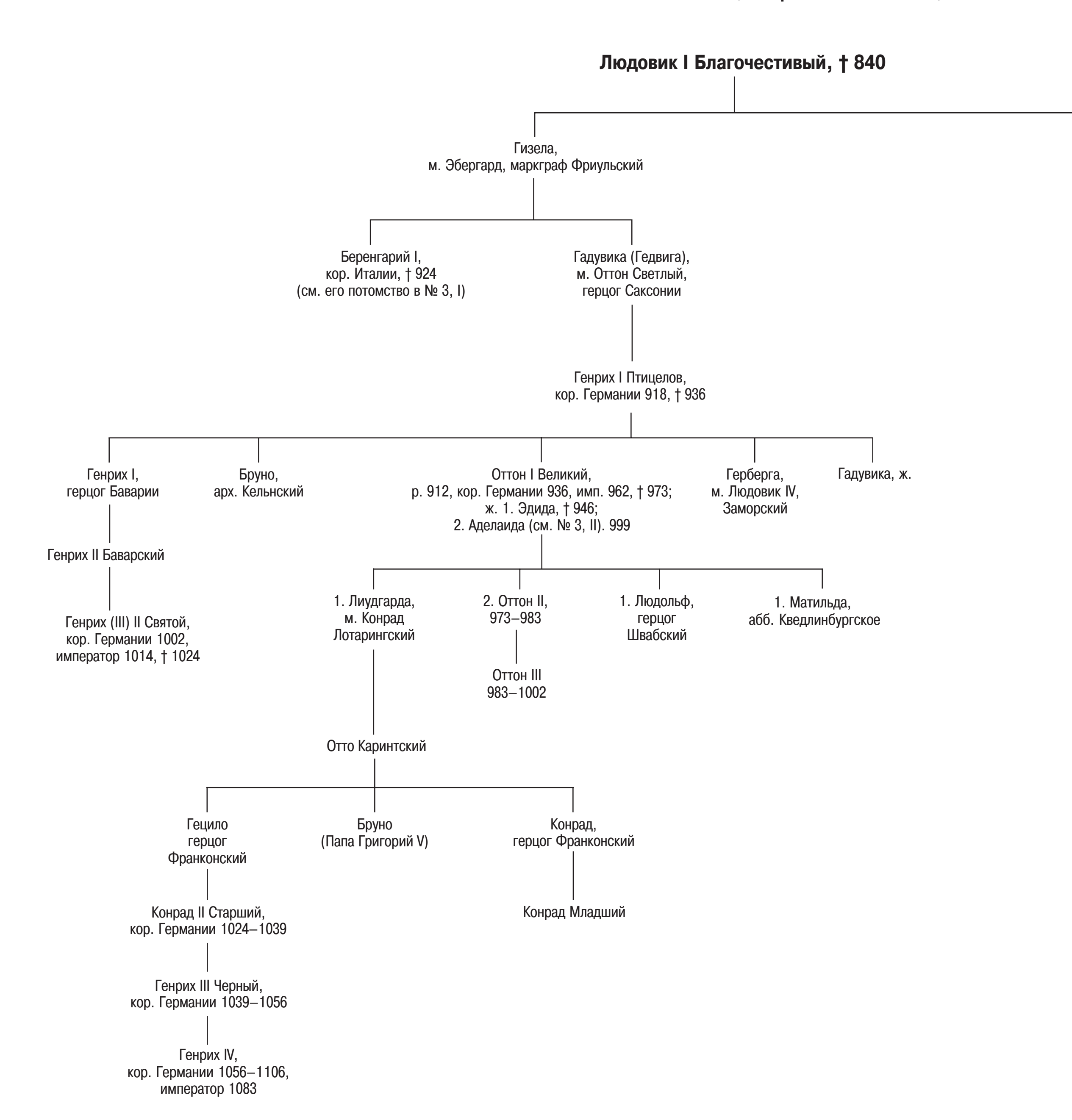
КАРОЛИНГОВ



РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА КОРОЛЕЙ (поколения

II. ЖЕНСКАЯ ЛИНИЯ

Саксонский, Франконский,

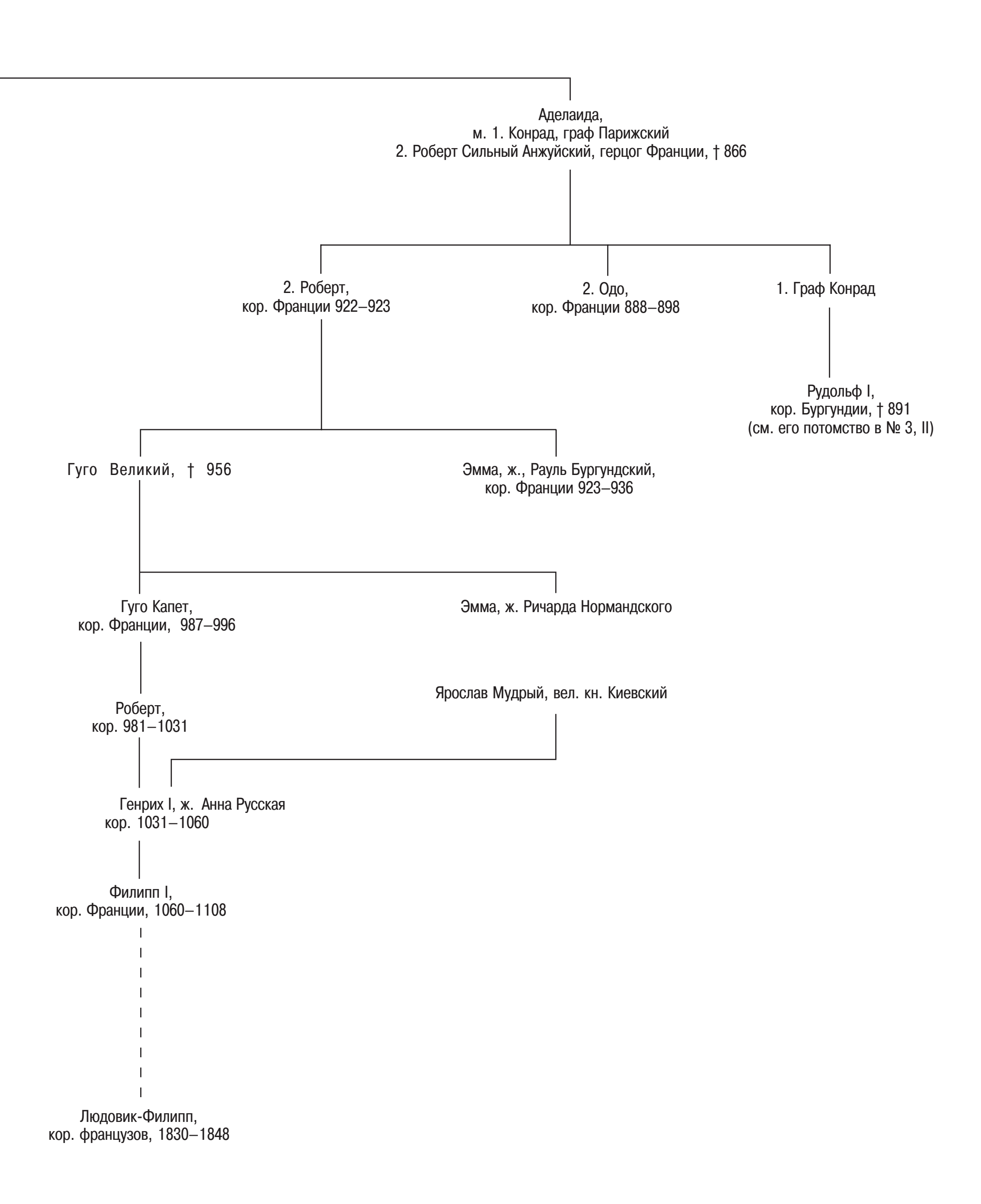


ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ IX–XI вв.)

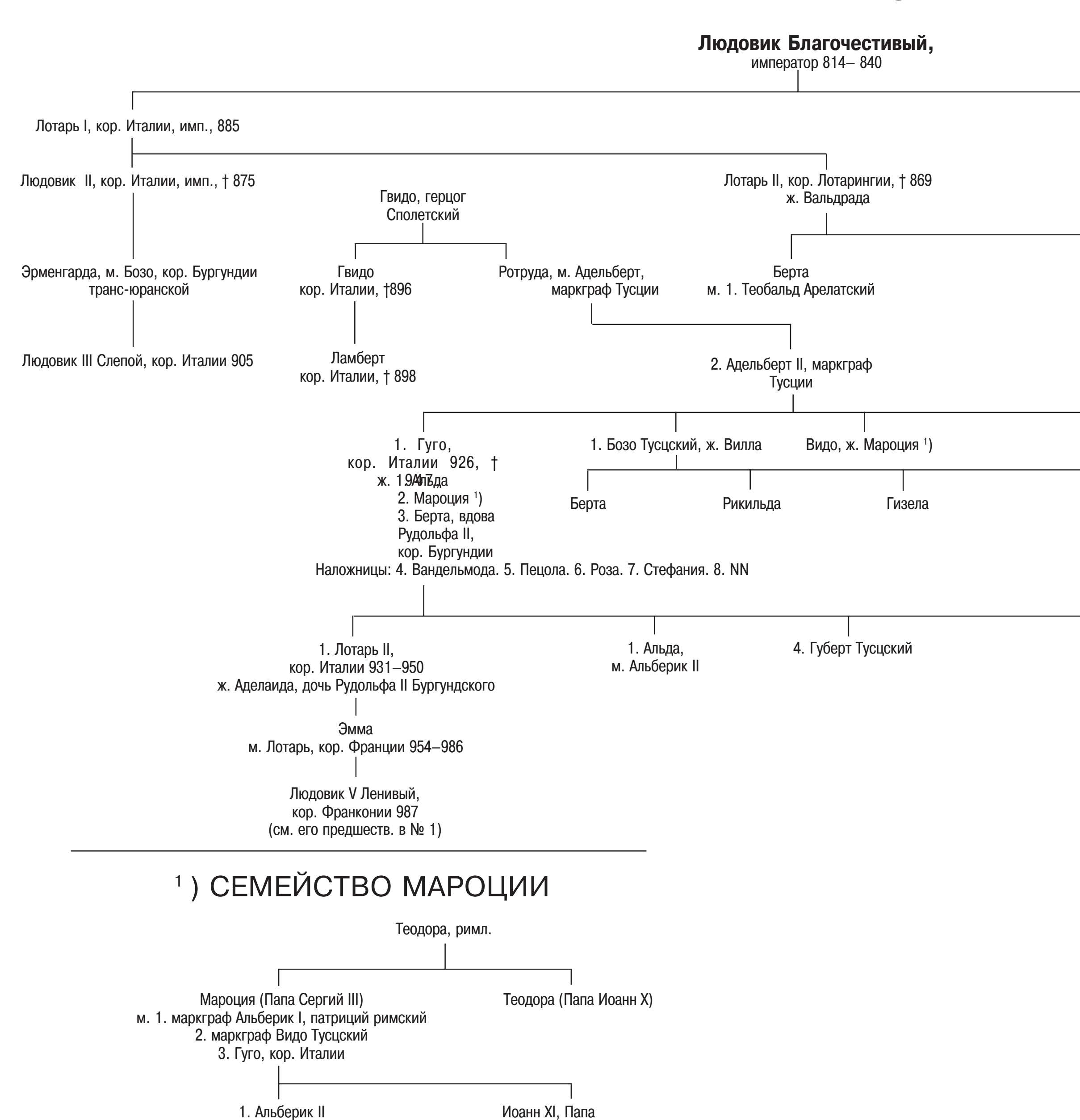
КАРОЛИНГОВ

№ 2

Капетингский и Бургундский дома



РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА КОРОЛЕЙ



NB. Родословная составлена по Лиутпранду.

ИТАЛИИ И ОБЕИХ БУРГУНДИЙ

КАРОЛИНГИ

№ 3

Гизела
м. Эбергард Фриульский

Гуго

Гизела

Анскарий, маркграф Иврейский

Беренгарий I,
кор. Италии 888,
император 916,
† 924

Гадувика, м. Оттон Светлый,
герцог Саксонский

Генрих I Птицелов,
кор. Германии
(см. его потомство в № 2)

Ламберт

Эрменгарда, жена 1. Адельберт, маркграф Иврейский, ж. 2. Гизела

Вилла, ж. 2. Беренгарий II,
кор. Италии 950–961, † 966

1. Анскарий,
маркграф Сполетский,
† 941

Адальберт,
кор. Италии 950–961

Константин VII Порфирородный

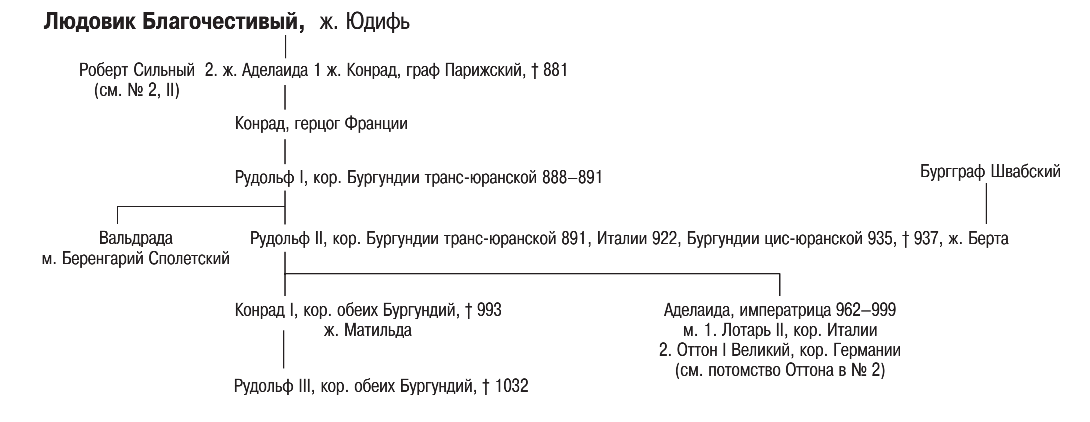
5. Бозо, епископ
Плаценцский

7. Теобальд, дьякон
Миланский

8. Берта, м. Роман II, император Византии

Анна, м. Владимир, вел. кн. Киевский

II. БУРГУНДСКИЕ КАРОЛИНГИ



Содержание

ISBN 5-89173-120-7